(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ II-й, выпускъ I-й, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Большая 4-ка.

Это новая тетрадь великолѣпнаго изданія, которымъ Его Императорское Высочество даритъ занимающихся нашею *полурусскою* исторіею двухъ истекшихъ вѣковъ. Ходъ событій ведется преимущественно отдѣльными лицами, и передъ нами теперь въ живыхъ изображеніяхъ цѣлый рядъ людей, которые, прямо или косвенно, творили исторію. За сходство портретовъ съ подлинниками, по крайней мѣрѣ во время, когда портреты писаны, ручаются имена художниковъ: это Левицкій, Боровиковскій, Лампи, Анжелика Кауфманъ и др. (не говоримъ уже объ изяществѣ отпечатанія).

Нынѣшній выпускъ открывается портретами Екатерины Великой, ея супруга и первой невѣстки. Снята заграничная клевета относительно кончины Петра III-го, лишившагося престола за измѣну Россіи; но про воцареніе Екатерины все еще говорится какъ о заговорѣ Орловыхъ, тогда какъ оно было единственно - возможнымъ тогда (въ виду объявленной войны противъ Даніи) общенароднымъ избраніемъ. За 18 лѣтъ жизни съ пріѣзда въ Россію, Екатерина успѣла снискать сочувствіе и сердоболіе къ злосчастной ея участи, и надо помнить, что въ ту пору у большинства народа съ царскимъ домомъ и правительствомъ было много больше общенія нежели позднѣе: ихъ соединяло единство основныхъ понятій и родного быта. Къ Екатеринѣ склоняло и отсутствіе связей съ чужими краями: у нея былъ тамъ только не имѣвшій значенія юноша-братъ, числившійся въ Австрійской службѣ. Глядя же на портретъ Петра Третьяго, вспоминаешь вѣрное замѣчаніе Шлецера, что, если бы онъ зналъ исторію Лже-Дмитрія, то не ѣздилъ бы по Воскресеньямъ служить обѣдню въ Ораніенбаумъ.—При портретѣ великой княгини Наталіи сказано, что Екатерина познакомила сына своего съ письмами графа Андрея Разумовскаго. Не вѣрнѣе ли, что тутъ дѣйствовалъ принцъ Генрихъ Прусскій, обращавшійся за тѣмъ и къ духовнику покойницы, архимандриту Платону? При его содѣйствіи, брату его королю удалось дать Россіи вторую Штетинскую уроженку, долголѣтними стараніями которой упразднилось многое, задуманное и заведенное первою, имѣвшею право сказать про себя, что она никогда не была змѣею вскормленною за пазухою.

Въ очеркахъ жизни графа Бобринскаго пропущено о томъ, что Екатерина, несчастливая и съ этимъ своимъ сыномъ, отправила его путешествовать сначала по Россіи и уже потомъ за границу, а также, что „Старый Иродъ“, по словамъ Екатерины, вмѣшивался въ ея отношенія и къ графу Бобринскому, который имени Сицкаго не носилъ, а только предполагалось дать ему это угасшее княжеское имя. П. Я. Дашковъ нѣкогда говорилъ намъ, что у него имѣется много

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1906.

II.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Ты, лучшихъ будущихъ временъ
Глаголъ, и жизнь, и упованье...

Тютчевъ.

1906.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1906.

ИЗЪ СТАРЫХЪ РУКОПИСЕЙ.

Помѣщая здѣсь четыре историческихъ документа, извлеченные мною изъ рукописи XVIII вѣка, считаю необходимымъ сдѣлать небольшое объясненіе по поводу посланія Ростовскаго епископа Аѳанасія къ членамъ Ярославскаго Магистрата.

Епископъ Аѳанасій Вольховскій, переведенный въ Ростовъ изъ Твери въ 1763 году на мѣсто знаменитаго митрополита Арсенія Мацѣевича, нашелъ свою паству въ самомъ „озлобленномъ противъ духовныхъ властей состояніи". Это озлобленіе особенно сказывалось въ Ярославлѣ, и не безпричинно. Въ Ярославскихъ магистратскихъ журналахъ, которыми пользовался для своей статьи („Ярославль при Елисаветѣ Петровнѣ") Л. Н. Трефолевъ [1]), занесены многіе случаи расправъ Ростовскаго митрополита Арсенія съ купцами и посадскими и притомъ по дѣламъ исключительно гражданскимъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣлами духовными. Арсеній приказывалъ Магистрату „нещадно" сѣчь обывателей, а пристава Духовной Консисторіи ловили неугодныхъ митрополиту и, избивъ жестоко плетьми, сажали въ монастырскія тюрьмы; что же касается до преслѣдованія раскольниковъ, то объ этомъ нечего и говорить: хватая всюду, гдѣ попало, этихъ „нечестивыхъ еретиковъ, въ звѣрскомъ и брюхорадостномъ и плотоугодномъ состояніи пребывающихъ", Арсеній являлся для нихъ Торквемадою и если не жегъ на кострахъ, то истязалъ и гноилъ въ тюрьмахъ и консисторскихъ казематахъ безъ всякаго снисхожденія. Даже первый ратманъ Ярославскаго Магистрата Кирилла Овсяниковъ, по подозрѣнію въ принадлежности къ расколу, въ 1756 г. былъ вызванъ митрополитомъ „для духовнаго исправленія". Когда Арсеній въ 1757 году распорядился сломать одну часовню, гдѣ находилась чудотворная икона, то Ярославцы возмутились, и потребовалась вооруженная сила „для удержанія народа отъ буйства, вызваннаго распоряженіемъ Ростовскаго митрополита" [2]).

---

[1]) Древняя и Новая Россія, 1877, № 3—4.

[2]) Къ наказанію, которому подвергся Арсеній Мацѣевичъ, присудили его представители тогдашняго духовенства. *Нынѣшнее* судитъ о немъ пристрастно. Покойные В. Г. Румянцевъ, В. М. Ундольскій, К. И. Невоструевъ знали и не скрывали, что Арсеній затѣвалъ забастовку богослуженій и что объ этомъ имѣется въ Государственномъ Архивѣ

Въ 1763 году Арсеній былъ удаленъ и томился въ Ревельскомъ казематѣ, но вражда между духовными властями и гражданами, повидимому, продолжалась; не менѣе того ссорились Ярославцы и между собою, производили судьбища и распри. Раскольники судились съ православными; дворянство съ чиновничествомъ и купцами. Суда были завалены челобитными и кляузными дѣлами. Явился особый родъ ябедниковъ, и подъячіе этого рода были страшною язвой для всего городского населенія. Словомъ, не было житья отъ сутяжничества, сопровождаемаго насиліями и даже смертоубійствомъ.

Преосвященный Аѳанасій, отмѣченный Екатериною, какъ просвѣщенный и миролюбивый архіерей, избралъ иной путь: воздѣйствовать на свою паству примирительнымъ посланіемъ, и, кажется, имѣлъ въ этомъ отношеніи извѣстный успѣхъ. Въ посланіи Аѳанасія отражаются личность епископа и то общество, въ средѣ котораго ему приходилось обращаться.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1 Марта 1906.

I.

Посланіе Ростовскаго епископа Аѳанасія въ Ярославскій Магистратъ.

Ярославскаго магистрата господамъ присутствующимъ и всему честному гражданству миръ и благословеніе.

Съ крайнимъ прискорбіемъ и горестію души давно уже слышу, что городъ Ярославль раздѣлился самъ на себя, и вкоренилися непримиримая, всѣянная несумнѣнно отъ плевелосѣятеля Евангельскаго, между гражданами вражда и раздоръ, которые часъ отъ часу еще умножаются. Я сіе за знакъ слѣдующаго гнѣва Божія почитаю: понеже бо нѣсть Богъ нестроенія, но мира; то коль пріятно Ему, особенно въ обществѣ христіанскомъ, согласіе и единодушіе, толь противно, мерзко и несносно несогласіе и вражда. И какъ за первое страны, городы и приватные домы всякими благами Богъ благословитъ: такъ за другое

цѣлое дѣло. Почитатели Мацѣевича оправдываютъ его примѣромъ преподобнаго Сергія Радонежскаго; но грѣшно сравнивать угодника Божія съ изобрѣтателемъ особаго рода плетокъ для истязаній причта и монастырскихъ крестьянъ. Въ Кашинѣ и до сихъ поръ сохранилась память о томъ, каково жилось подъ управленіемъ монаховъ; Екатеринѣ же по воцареніи пришлось посылать воинскія команды для водворенія порядка и обузданія архіерейской тираніи. Имѣнія завѣщевались на поминъ души (у Сербовъ *задушбины*) и на добрыя дѣла. Старшіе представители церкви злоупотребили этими имѣніями, и церковь въ общенародномъ смыслѣ отъ этого страдала; по сему вполнѣ справедливо было обратить эти имѣнія на нужды *всей* церкви. П. Б.

мститъ и страшнымъ образомъ наказуетъ. Въ прежнія времена (какъ слышно) городъ Ярославль примѣромъ и образомъ былъ союзнаго и добропорядочнаго общества; а нынѣ, къ великому своему стыду и несчастію, сдѣлался не только окольнымъ городомъ, но всему государству печальнымъ раздоровъ и вражды позорищемъ. О чемъ многія и весьма знатныя персоны, да и вси обще по любви христіанской сожалѣютъ, такъ и по справедливости негодуютъ на васъ. Подумайте, господа граждане, коль горько сіе мнѣ, несчастливому пастырю, которому души ваши поручены. Я по долгу моему во всѣхъ и временныхъ злоключеніяхъ вашихъ искренне пріемлю участіе, соболѣзную о безславіи и поруганіи вашемъ, о истощеніи неразсуднымъ образомъ имѣній на всегдашнія тяжбы, о крайнемъ отъ сего происходящемъ препятствіи въ промыслахъ и домостроительствѣ вашемъ, о взаимныхъ и почти сосѣдственныхъ другъ на друга нападательствахъ, отъ которыхъ нѣкоторые, уклоняяся и оставя домъ свой, въ Москвѣ жить принуждены. Скорблю сердцемъ моимъ о худомъ семъ для дѣтей и потомковъ вашихъ примѣрѣ, и что вы чрезъ сіе какъ бы наслѣдственную для предбудущихъ временъ имъ между собою оставляете ненависть и вражду; а отъ сихъ-то безпорядковъ и толь худыхъ обращеній и послѣднее со временемъ всему городу послѣдовать можетъ раззореніе. Но сіе все коль ни чувствительно мнѣ, однако, поелику до временнаго вашего благополучія касается, не столько еще безпокоитъ меня, коль страшный происходящій отъ сего вѣчныхъ благъ и душъ вашихъ уронъ. Извѣстно вамъ, что пишетъ святый Іоаннъ Богословъ въ 1-мъ своемъ посланіи: всякъ, рече, ненавидяй брата своего—человѣкоубійца есть. И вѣсте, яко всякъ человѣкоубійца неимать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа. Чего ради и Христосъ Спаситель нашъ самый даръ, принесенный уже ко олтарю Своему, оставляти велитъ, и первѣе итти примиритися съ братомъ своимъ. Евангелиста Матѳея въ гл. 5: аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой. Съ чего удобно заключить можете, что и молитвы, и приношенія, и милостыни, и протчія какія бы онѣ были добродѣтели ваши, ради взаимнаго несогласія и раздоровъ безполезны и Богу непріятны есть. Но болѣе всего страшитъ меня, когда разсуждаю: какимъ сердцемъ, питая въ немъ непримиримую къ ближнимъ своимъ вражду, приступать дерзаете къ страшной оной безкровной жертвѣ, то есть святѣйшей Евхаристіи, и не обращается ли оная вамъ въ судъ и во осужденіе? Да и какимъ лицемъ и совѣстію въ самой молитвѣ Господней произносите: и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должни-

комъ нашимъ. Помяните Евангельскую оную притчу должника тмою талантъ, и убоитеся, да нѣкогда сіе самою вещію на васъ сбудется. Я о примиреніи и единодушіи вашемъ, яко толь нужномъ къ временному и вѣчному блаженству, всегда благость Божію молю и молить не престану. Но, можетъ быть, бѣдныя молитвы мои безплодными дѣлаетъ ожесточеніе ваше, чего ради пастырски совѣтую, дружески прошу, по любви христіанской увѣщеваю и самымъ страшнымъ именемъ Божіимъ запрещаю и обязую васъ: не предавайте себя въ порадованіе супостату душъ вашихъ, не заключайте себѣ, для маловременныхъ притязаній, входа въ вѣчное блаженство, не раздражайте Бога любви и мира враждою и несогласіемъ своимъ. Положите конецъ раздорамъ; предайте, буде кто у кого какія имѣетъ обиды, вѣчному забвенію, подражая Тому, Который на крестѣ и за самихъ распинателей своихъ молился. Я о семъ и усугубляю прошеніе мое и ожидать имѣю пріятнаго отъ васъ о примиреніи вашемъ отвѣта. Буде же, паче чаянія, сіе увѣщаніе и прошеніе мое въ ожесточенныхъ какихъ сердцахъ своего не сыщетъ мѣста, то я принужденъ буду за послѣднее приняться средствіе и употребить съ жалостію сердца моего на преслушными и во враждѣ своей закоснѣлыми данной мнѣ отъ Великаго Архіерея, прошедшаго небеса Христа Спасителя нашего, пастырской власти. Но отъ сей крайности да предохранитъ и удержитъ меня и васъ преблагій Богъ, Котораго безконечному милосердію и препоручаю васъ. При отданіи всѣмъ благословенія и поклона моего пребываю и пребуду. 9 Августа 1765 года. Санктпетербургъ. На подлинномъ подписано тако: всѣмъ вамъ вѣчныхъ и временныхъ благъ, а наипаче мира и единодушія искренній желатель, слуга, молитвенникъ и пастырь вашъ смиренный Аѳанасій епископъ Ростовскій и Ярославскій. (Списано 1783 году Марта 27 дня).

II.

Письмо къ митрополиту Московскому Платону Симоновскаго архимандрита Амвросія Андреевскаго *).

Высокопреосвященнѣйшій владыко, Московскій архіепископъ.

Успенскаго собора ключарь Иванъ Макаровъ объявилъ мнѣ запискою вашего высокопреосвященства приказаніе слѣдующее: что онъ,

*) Арх. Амвросій Андреевскій былъ переведенъ въ 1772 г. изъ Спасо-Пыскорскаго монастыря за это письмо и за постоянныя ссоры съ братомъ Платона Успенскаго собора протоіереемъ Александромъ Левшинымъ; 4 Марта 1783 г. Амвросій переведенъ въ Иверскій Валдайскій монастырь.

Макаровъ, сего 782 года Октября 21 дня призванъ былъ Святѣйшаго Синода въ Контору въ собраніе, гдѣ ему приказано отъ вашего высокопреосвященства объявить мнѣ, чтобъ я архимандритъ кланялся высокопреосвященству вашему въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже. Получа сіе приказаніе, осмѣливаюсь доложить вашему высокопреосвященству, что оно меня привело въ немалое удивленіе. Первое потому, что самъ Богъ положилъ заповѣдь сію: «Господу Богу Твоему поклонишися». А того, чтобъ низко или пониже кланяться не предписалъ. Почему обыкновенно разными образами кланяются Ему, яко не на внѣшнее тѣла движеніе, но на сердце смиренное взирающему. Второе, высочайшая по немъ власть, всемилостивѣйшая наша Государыня, также качества поклоновъ требовать не благоволитъ, что всѣмъ вѣдомо и видимо. А хотя извѣстная въ свѣтѣ особа противнымъ тому образомъ поступаетъ, то она тѣмъ самымъ недостойна, чтобъ мнѣ во образецъ ее приводить. Сверхъ того, мнѣ довольно извѣстно, сколько она какъ другими преосвященными, такъ и вами за то самое ненавидима. Чего для не соблаговолитъ ли ваше высокопреосвященство, примѣромъ Бога и помазанницы Его, непринужденнымъ, но добровольнымъ поклоненіемъ довольны быть, или хотя для отвращенія впредъ упрека оное извѣстно опредѣлить; ибо я поклонамъ опредѣленнымъ, какіе бываютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ то рукоположеніи, не сумнѣваюсь: не объ нихъ здѣсь говорить. Третье, болѣе уже двадцати лѣтъ будучи я архимандритомъ, съ разными архіереями и членами Святѣйшаго Синода служилъ и служу, но никто изъ нихъ меня неполитичнымъ и не низкимъ поклоненіемъ не упрекалъ. Почему я не знаю: по какому праву долженъ я на старость учиться, чтобъ въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже кланяться высокопреосвященству вашему, нежели другимъ архіереямъ. Напослѣдокъ осмѣливаюсь заключить, что ваше высокопреосвященство излишняго отъ меня требовать изволите. И я сіе излишество не иначе почитаю какъ за часть притѣсненій, которыя и кромѣ того мнѣ чувствительны. Я, о всемъ вышеписанномъ чистосердечно изъясняясь, съ надеждою пріятія во уваженіе мои изъясненія къ лутчей перемѣнѣ вашего ко мнѣ духа, съ истиннымъ моимъ почитаніемъ всегда пребуду вашего высокопреосвященства всепокорный слуга Ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандритъ Амвросій.

III.

Письмо Архангельскаго протоіерея Петра Алексѣева къ Гавріилу Петрову архіепископу Новгородскому и Петербургскому *)

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой!

Прошлаго 1770 года Ноября 12 дня осмѣливался я ваше преосвященство утруждать диссертаціею моею, учиненною на вашу проповѣдь, которую такъ какъ я особымъ моимъ письмомъ о изображенномъ моемъ состояніи просвѣщенія и вразумленія души моей можетъ быть и заблуждающейся въ ея предразсужденіяхъ отъ васъ просилъ.

Къ сему меня, преосвященнѣйшій владыко, тогда подвигло разбойническое убійство несчастнаго священника церкви Владимірскія Пресвятыя Богородицы.

Близъ года я архипастырскимъ вашимъ наставленіемъ неудостоенъ.

Нынѣ же, извѣстясь о ужасномъ приключеніи въ старинномъ царскопрестольномъ городѣ Москвѣ, не разбойническими уже руками, но руками возмутившагося отъ суевѣрія народа, не ночнымъ временемъ, но среди бѣла дни и не въ домѣ его на него нападшими, но ахъ! увы! въ храмѣ, посвященномъ живущему на небесѣхъ въ нерукотворенныхъ зданіяхъ, принесшаго Христа Спасителя нашего безкровную жертву, собратаника вашего, пречестнѣйшаго, разумнѣйшаго, вселюбезнѣйшаго душъ нашихъ пастыря, блаженнаго и преблаженнаго въ Бозѣ усопшаго и мученическій вѣнецъ достойно воспріимшаго архіепископа Амвросія Московскаго варварскими и безчеловѣчными руками отъ просвѣщеннаго Россійскаго народа, яко первосвященника Захарію убіеннаго между церковью и олтаремъ.

Ахъ! умолкни языкъ мой о семъ учиненномъ злодѣяніи въ стыдъ и въ вѣчное наше посрамленіе содѣланное, да еще когда, и въ какіе дни? Во дни царствованія премудрыя Екатерины, во дни, преисполненныя милости и щедротъ.

Но что я говорю? Мятется во мнѣ умъ, содрогаетъ плоть моя и душа моя, сія предрагоизящная искра божества въ изумленіе о неожи-

*) Петръ Алексѣевъ, протоіерей Московскаго Архангельскаго собора, извѣстный лексикографъ † 1801.

даемомъ семъ событіи приходитъ, какъ говоритъ то, что я дѣйствительно есмь и что ни чему не подвержено, ни боязни, ни страху, ниже каковой опасности, однимъ словомъ: та частица дара духа святаго, какъ бы мнѣ мала отъ Бога дана ни была, но сама въ себѣ ни почему нераздѣляема, слѣдовательно цѣла пребываемая, убить народу своего первосвященника, своего архипастыря, надежнѣйшаго врача душъ своихъ, молитвенника и заступителя своего, во дни преисполненные ужаса, во дни гнѣва, явленнаго намъ отъ самого Господа Саваоѳа. Оцѣпѣневаетъ моя плоть, смыслъ мой тупѣетъ, духъ мой сносить сего не можетъ.

О блаженный и треблаженный архипастырь!

Довлѣла тебѣ славная мученическая и завидная кончина; того самъ Богъ хотѣлъ, да и тожъ вѣщалъ Давидъ царь и пророкъ и мужъ по сердцу Господню говорилъ: «Милости хоцу, а не жертвы». Вотъ тебѣ милость, оказанная отъ паствы твоея! Вотъ тебѣ награжденіе отъ нихъ! И вотъ оказанное тебѣ отъ народа молившемуся за нихъ усердно у престола Бога живаго за сохраненіе ихъ здравія, мученическое и смертное мздовоздаяніе! По сему точному положенію не достойны ли и убійцы твои помилованія, а о семъ кратко ниже сего просмотримъ.

1-е. Архіерея убить? Что за мудрость, говоритъ народъ: онъ такой же человѣкъ.

2-е. Изъ церкви его вытащить? Да гдѣ жъ его сыскать, вѣдь не на кабакѣ.

3-е. И по совершеніи Святая Святыхъ? Ему же толь лутче: ибо онъ и такъ таинъ святыхъ предъ самымъ своимъ убіеніемъ пріобщался.

4-е. И во всемъ его понтификальномъ или первосвященническомъ облаченіи? Да тѣмъ легче: ибо по смерти его, естьли-бъ оная случилась естественная и на постели его, такъ бы вѣдь облачать его долженствовало жъ.

5-е. Да за что? Не исправляй народъ и не выводи его изъ заблужденія; онъ съ нимъ родился, воспитанъ и до смерти въ немъ хочетъ предостаться: не охраняй его и отъ опасности, онъ и тому не вѣритъ. Такъ просвѣщенной нашъ народъ за благо судилъ.

6-е. Кто народу далъ власть предержащей власти противиться? Самъ взялъ сію власть.

7-е. Да не боится ли онъ суда Божія и монаршей казни? До Бога-де высоко, а до государя далеко. А хотя-де до нихъ и дойдетъ, такъ они-де милосерды: «И будите милосерды, яко Отецъ вашъ небесный милосердъ есть».

Страшись, архіерей Божій, еще не умерщвленный отъ просвѣщеннаго Россійскаго народа: ибо онъ, яко необузданный конь, мчится по стреминамъ своихъ страстей и рыкаетъ яко левъ, готовъ на ловитву потому, что вѣдь народъ не одного сего несчастнаго Московскаго архіерея (теперь я говорю, какъ малодушной плотоносецъ) убить хотѣлъ, но и всѣхъ предпоставленныхъ надъ нимъ отъ Бога и предержащей власти чиноначальниковъ и градоначальниковъ Московскихъ, да и тѣлесныхъ врачей. Положимъ, что онъ и тѣлесныхъ врачей отвергалъ помощь; но предержащей власти не могъ ничѣмъ противитися; а противляйся власти противится самому Богу, ибо нѣсть власть яже не отъ Бога. И тако Бога и царя законоотступники, святотати, церковномятежники, бунтовщики и Христоубійцы недостойны ли суть помилованія? Всечестный владыко, разсуди самъ.

Боже коль праведенъ гнѣвъ Твой, на насъ движимый, и коль множество неправдъ нашихъ, какъ предъ Тобою, такъ и предъ отцемъ нашимъ и отечествомъ!

Остается мнѣ теперь ваше преосвященство спросить: достойны ль сіи злодѣи, т. е. хотя одни начальники возмущенія, помилованія? Или паче лишенія жизни? Я конечно сего мнѣнія послѣдняго. Милость пристойно оказывать заслуживающимъ ее, а казнь прилична злодѣямъ, убивающимъ съ умысломъ и для корысти ближняго своего.

Естьли-бъ предвѣчный и безконечный Зиждитель всея вселенныя благоизволилъ намѣстникомъ Своимъ на земли, т. е. царямъ, даровать при введеніи ихъ на престолы одно только предъ нами излишнее чувство, т. е. духъ испытанія или свѣдѣнія всѣхъ своихъ подданныхъ сердецъ, то-бъ чаю всѣ народы были блаженны, потому что государи испытывая сами наши сердца и помышленія, не имѣли-бъ нужды на другихъ своихъ подданныхъ полагаться въ избраніи людей честныхъ прямо и преданныхъ и добрыхъ. Но гдѣ-жъ бы тогда дѣвались льстецы? Они одни и были бы изгнаны отъ лицъ державныхъ. Правосудіе бъ тогда не стенало подъ игомъ порабощенія, и не диво-бъ тогда было видѣть подъ сѣнію, такъ какъ подъ дубомъ Мавринійскимъ въ образѣ Святой Троицы трехъ ангеловъ, у насъ многихъ угощаемыхъ. Но не судило такъ Божество всемогущее, а опредѣлило солнцу сіять на бла-

тія и злыя, а разборъ между добрыхъ и злыхъ предоставило осторожному и рачительному попеченію слабыхъ плотоносцовъ.

Коль счастливы бы мы были, если бъ возмогли изобрѣсть способъ скрыть изъ времени нашего сіе поносное и позорное намъ происшествіе отъ потомковъ нашихъ, по сему единому имѣть могущимъ право насъ приключить не въ число просвѣщеннаго, но паче варварскаго суевѣрнаго и необузданнаго народа. Я оканчиваю сіе съ испрошеніемъ вашего архипастырскаго благословенія и молитвъ, съ моей же стороны со объясненіемъ моего искренняго желанія: да просвѣтитъ всевышній мысли ваши и подаваемые въ новосочиняемыхъ законахъ совѣты таковымъ образомъ, чтобъ оные Ему и волѣ Его были угодны и отечеству нашему полезны, предохраняя жизнь и имущество наше отъ варварскихъ и мучительныхъ рукъ. Ибо изъ сего злосчастнаго и варварскаго со всѣмъ тѣмъ фуріознаго нашего примѣчанія ясно видно, сколь подлаго народа вольность цѣлому отечеству въ совершенную пагубу обратить можетъ, а поздно уже будетъ зараженныхъ исцѣлять, естьли о врачеваніи заразы прежде не помысля, сами еще въ нѣдра наша вкоренять. Сіе письмо писано къ Гавріилу епископу Архангельскимъ протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ.

IV.

Сколокъ старинной записи свадебной, отъ крѣпостныхъ дѣлъ даванной.

Се азъ города Гдова старыхъ колымажныхъ дѣлъ колымажникъ Савастьянъ Севрюковъ принялъ я, Савастьяшка, вышеписаннаго города Гдова къ себѣ вобья *), а надѣлу ему треть живота вобью; добръ будетъ вобья, то половину вобью, а ежели Богъ по душу пошлетъ, то и все ему, вобью; а ежели я, Савастьяшка, противъ сего попячусь: и мнѣ, попятчику, будетъ стыдно, и ему, вобью, самому меня попятить, и взять на мнѣ за попяченье что̀ указано будетъ, и на то колода людей. 7090 (1582 году) въ томъ Савастьяшка Севрюковъ руку приложилъ.

---

*) Во̀бій—старинное названіе зятя, принимаемаго тестемъ или тещей въ домъ; въ противномъ же случаѣ зять „вобьемъ“ не назывался.

ЗАПИСКИ РОСТОВЦА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ОДИНЦОВА.

Въ этихъ запискахъ Н. В. Одинцовъ безхитростно описываетъ свое путешествіе и свой плѣнъ въ 1864—1865 годахъ.

О причинахъ плѣненія Русскихъ купцовъ извѣстный Пештскій профессоръ Германъ Вамбери въ своей Исторіи Бухары говоритъ: „Когда въ 1864 г. въ Русскія руки попалъ городъ Туркестанъ, мѣсто упокоенія знаменитаго отшельника Хаджи-Ахмета-Есеви, то эта первая страшная вѣсть навела ужасъ на Среднеазіатцевъ; но у нихъ были раздоры, и среди нихъ не было единства. Русскіе безъ особаго сопротивленія двинулись черезъ Сараимъ на Ташкентъ и взяли во владѣніе эти сѣверныя ворота центральной Азіи. Въ то самое время Бухарскій эмиръ послалъ къ командующему генералу Черняеву дерзкое письмо, въ которомъ онъ потребовалъ очищенія завоеванной земли, грозя въ противномъ случаѣ поднять противъ Русскихъ всѣхъ правовѣрныхъ Турана и для большей важности задержать имущество временно пребывавшихъ въ Бухарѣ Русскихъ купцовъ. Отвѣтъ изъ Русской главной квартиры былъ не менѣе учтивый, и когда Русскіе взяли подобное возмездіе съ Бухарцевъ въ Оренбургѣ, т. е. задержали Бухарскихъ купцовъ, тогда эмиръ отправилъ хаджу Неджмэддина съ дружескимъ посольствомъ въ Петербургъ и съ жалобой царю на притязанія его генераловъ. Расчетъ эмира былъ выиграть время этой уловкою и подавить возстаніе въ Шегри-Себзѣ, но Русское правительство этотъ разъ его перехитрило. Посолъ эмира былъ задержанъ на пути и заключенъ въ фортъ Казала. Такъ какъ повелитель Бухары въ отвѣтъ на освобожденіе Бухарскихъ купцовъ все еще держалъ подъ арестомъ Русскихъ подданныхъ, то генералъ Черняевъ послалъ полковника Струве въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ въ Бухару, чтобы мирно по возможности уладить дѣло. Но эмиръ заарестовалъ посланныхъ, и послѣдствіемъ было паденіе Бухары“.

Записки Одинцова являются до сихъ поръ единственнымъ письменнымъ памятникомъ положенія и быта Русскихъ плѣнниковъ-купцовъ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ Бухарой до ея пораженія. Рукопись была мнѣ вручена самимъ Одинцовымъ, теперь уже умершимъ, съ просьбой исправить орѳографическія погрѣшности и слогъ, что мной исполнено безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. Купцы Ключаревы, въ теченіе не одного десятка лѣтъ вид-

ные люди въ Оренбургѣ, всѣ померли, и самое ихъ дѣло прекратилось, равно какъ и старѣйшіе торговые домà Весниныхъ, Дюковыхъ, Путоловыхъ и др., гремѣвшіе до взятія Ташкента во всей Средней Азіи.

Завоеваніе Ташкента, Хивы и подчиненіе Бухары вызвало другіе пріемы Азіатской торговли; появились новые, болѣе настойчивые предприниматели, а побѣжденные Сарты оказались тоже предпріимчивѣе своихъ побѣдителей, захвативъ въ свои руки Азіатскіе рынки съ перекупными товарами Московскихъ фабрикъ.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій 1906 Марта 7.

*

Поѣздка въ Бухару въ 1863 г. подвернулась мнѣ какъ-то неожиданно; ибо я уроженецъ города Ростова Ярославской губерніи. Я служилъ по торговой части въ приказчикахъ у г. Т...ва около 20 лѣтъ, имѣлъ жену и четырехъ дочерей, получалъ жалованье умѣренное, котораго однако доставало мнѣ на содержаніе моей семьи, пока дѣти были невелики. У меня былъ тесть, г. К., человѣкъ богатый. Онъ тоже былъ уроженецъ г. Ростова, но по своимъ торговымъ дѣламъ съ Средней Азіей приписался въ г. Оренбургѣ. Я разсчитывалъ, при содѣйствіи моего тестя, устроить свою жизнь лучше, и онъ мнѣ съ своей стороны сулилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ улучшить мое положеніе; но, какъ послѣ я узналъ, мой тесть, г. К. не только родному, но и постороннему готовъ былъ сдѣлать добро, если отъ этого ему придетъ 10 копѣекъ на рубль пользы. Вотъ на этомъ основаніи мнѣ и представился случай взять порученіе купить въ Бухарѣ на 60 тысячъ рублей неразмотанныхъ шелковичныхъ коконовъ для Московскаго торговца шелками г-на В-на. Такъ какъ мой тесть постороннему лицу сомнѣвался довѣрить такія деньги, или хотѣлъ милость оказать мнѣ и этимъ улучшить мой бытъ, то и сдѣлалъ мнѣ предложеніе ѣхать въ Бухару для покупки коконовъ, а жалованья назначилъ почти вдвое противъ того, чтò я получалъ у г. Т...ва.

Конечно, я не скоро бы рѣшился на эту поѣздку, если бы совершенно не зналъ Азіи; но такъ какъ я сызмала жилъ въ Оренбургѣ въ мальчикахъ тоже по торговой части, то навыкъ порядочно Татарскому языку, на которомъ можно объясняться въ Средней Азіи. Предложеніе мнѣ было сдѣлано на Нижегородской ярмаркѣ моимъ шуриномъ А. С. К, который ко мнѣ нѣсколько благоволилъ. Я принялъ это предложеніе съ радостію, ни съ кѣмъ даже не посовѣтовавшись. Шуринъ обѣщалъ увѣдомить меня письмомъ, когда я долженъ буду выѣхать изъ Ростова

въ Оренбургъ. По пріѣздѣ своемъ въ Ростовъ, я передалъ рѣшеніе о своей поѣздкѣ въ Бухару женѣ, которая меня не одобрила. Недолго я ждалъ въ Ростовѣ письма̀: какъ помнится мнѣ, я получилъ его въ концѣ Сентября мѣсяца. По этому случаю я объяснился съ старымъ своимъ хозяиномъ и поблагодарилъ его за хлѣбъ—за соль. Мой хозяинъ, г. Т. . . . въ, не вполнѣ одобрилъ мое рѣшеніе, совѣтовалъ мнѣ остаться въ Ростовѣ и прибавлялъ жалованья; но я былъ непреклоненъ, рѣшивъ, хотя и опаснымъ путемъ, пробить себѣ дорогу къ лучшему. Письмо изъ Оренбурга не замедлило, и я получилъ приказаніе ѣхать туда. Я разсчитался съ старымъ своимъ хозяиномъ (который подарилъ мнѣ лучшаго сукна на сюртукъ), помолился Богу, отслужилъ молебенъ Владимирской Божіей Матери и Ростовскимъ чудотворцамъ, простился съ своей семьей, горько поплакалъ, особенно разставаясь съ своею восьмилѣтнею дочерью, которая плакала болѣе всѣхъ и твердила: «Папаша, мнѣ васъ очень жаль». Бѣдная, она чувствовала, что со мной болѣе не увидится: безъ меня она утонула или, проще сказать, ее утопили. Послѣ горькой разлуки я отправился одинъ на парѣ перекладныхъ, на перемѣнныхъ, по Нижегородскому тракту. До Нижняго доро̀га мнѣ была хорошо извѣстна: двадцать ярмарокъ ѣздилъ я въ Нижній. Въ Нижнемъ на станціи, гдѣ я мѣнялъ лошадей, на дворъ въѣхало около шести троекъ. На каждой тройкѣ сидѣло по два сѣдока, а напереди по два жандарма; на ногахъ сѣдоковъ погремливали цѣпи. Почти всѣ они были ксендзы; только одинъ, какъ сейчасъ смотрю, невысокаго росту, худощавый, даже нѣсколько прихрамывавшій, былъ въ штатскомъ платьѣ; особа, вѣроятно, какая-нибудь важная; когда онъ сходилъ съ приступокъ, то ксендзы его поддерживали. Съ нимъ въ однихъ саняхъ сидѣла женщина лѣтъ около 35, красивая собою; на ней былъ атласный салопъ на лисьемъ мѣху съ собольимъ воротникомъ, а изъ-подъ салопа виднѣлось шелковое платье.

Лошади мнѣ были готовы, и я благополучно отправился по тракту въ Симбирскъ. На половинѣ станціи догоняетъ меня тоже сѣдокъ на парѣ перекладныхъ и предлагаетъ соединиться съ нимъ, потому что и онъ тоже ѣдетъ по Оренбургской дорогѣ въ Бузулукскій уѣздъ, не доѣзжая до Оренбурга 250 верстъ. Я съ удовольствіемъ согласился, потому что вдвоемъ будетъ много веселѣе. Мой спутникъ былъ небогатый помѣщикъ; по Оренбургской дорогѣ въ Самару у него была небольшая деревушка, домовъ въ 10-ть, и онъ содержалъ станцію. Съ женою онъ почему-то разошелся. Ему было около 60-ти лѣтъ; ѣздилъ онъ въ Петербургъ снимать съ глазъ катаракты; но мнѣ показалось, что съ какими глазами ѣхалъ въ Петербургъ, съ такими же и возвра-

щался, какъ еще не хуже. Передъ послѣдней станціей передъ Симбирскомъ я съ нимъ разстался, въ виду того, что я торопился ѣхать въ Оренбургъ поскорѣе, какъ мнѣ приказано въ письмѣ, а спутникъ мой желалъ ѣхать съ отдыхомъ, чтобы на станціяхъ порядочно поспать.

Въ Симбирскѣ я встрѣтилъ вмѣсто домовъ почти что по всѣмъ улицамъ заборы, а за ними виднѣлись однѣ трубы послѣ обгорѣлыхъ домовъ, въ народѣ уныніе; въ трактиръ пришелъ, половые точно хворые; это было вскорѣ послѣ большого Симбирскаго пожара. Попивши чаю и пообѣдавъ на скорую руку, я немедленно отправился дальше одинъ на перекладныхъ. Путь лежалъ на Самару по самому горному мѣсту; но дорога была ровная; лошадей перемѣнялъ на половину въ Мордовскихъ деревняхъ; наконецъ приблизились къ Волгѣ, къ которой спустились въ ущелье Жигулевскихъ горъ. Сверху было какъ-то незамѣтно, что мы ѣхали по горамъ, но когда спустились на Волгу, намъ представился очаровательный видъ Жигулевскихъ горъ. Это уже послѣдняя станція по дорогѣ въ Самару, и мы вплоть до нея ѣхали по берегу Волги.

Въ Самарѣ я пробылъ очень недолго, но дòлгомъ поставилъ себѣ пообѣдать и поѣсть стерляжьей ухи и разварной стерляди, потому что почти по всей Волгѣ не встрѣтишь стерляди дешевле, какъ въ Самарѣ. Здѣсь мнѣ не предстояло никакого дѣла, и я, не теряя времени, отправился въ Оренбургъ. На пути изъ Самары до самаго Оренбурга замѣчательнаго почти ничего нѣтъ, развѣ двухверстныя деревушки въ два посада съ маленькими домиками и дворами, обнесенными вмѣсто заборовъ плетнями, да переѣздъ черезъ Общій Сыртъ или Уральскія горы, которыя отстоятъ отъ Оренбурга верстъ на тридцать.

Наконецъ я и въ Оренбургѣ. Отыскать домъ моего батюшки-тестя не представляло никакого затрудненія: названіе улицы я зналъ, а домъ указали. Подъѣзжаю къ дому, увидали меня изъ окна, и вся семья, тесть, теща, шуринъ съ супругой и двѣ барышни-свояченицы встрѣтили меня съ радушіемъ. А я какъ былъ радъ, позабылъ даже свою семью и 1500-верстную ѣзду на перекладныхъ. На другой день родные тестя пришли, а другіе пріѣхали привѣтствовать пріѣзжаго. У тестя въ Оренбургѣ, гдѣ онъ выдалъ свою дочь, была родня съ хорошими средствами.

Цѣлую недѣлю я бражничалъ, меня возили по роднымъ и знакомымъ; но всему бываетъ конецъ: начали подумывать и о Бухарѣ, стали готовить и товаръ для Бухары. Товары готовились такіе, которые поскорѣе бы можно продать, а именно: сахаръ-леденецъ,

сахаръ-большія и мелкія головы; изъ мануфактурнаго товару тикъ, ситецъ Саксонскій, были ситцы и получше, Баранова, Людвига Битепажа и Циндели, сѣмя канцелярское и стеариновыя свѣчи. Весь этотъ товаръ сначала обертывался въ красную юфть, а сверху обшивался въ кошмы. Когда упаковка товаровъ приходила къ концу, тесть мой вздумалъ сдѣлать обѣдъ для знатныхъ Бухарцевъ. Обѣдъ былъ вполнѣ Бухарскій: подавалось все то, что̀ они кушаютъ у себя въ домѣ; распорядителемъ этого обѣда былъ Бухарецъ, другъ и пріятель моего тестя. Абдулабай. Но такъ какъ Бухарцы по мусульманскому закону водки не пьютъ, а особенно въ компаніи пить ни за что не будутъ: то шуринъ мой, зная ихъ хорошо, вызывалъ изъ-за стола то того, то другого, какъ будто бы по секрету что̀ сказать, и угощалъ ихъ виномъ и водкой, и всѣ они къ концу обѣда сдѣлались веселѣе и разговорчивѣе.

Потомъ уже стали думать объ отправкѣ товаровъ въ Казалинскъ. Нашли извощиковъ Киргизъ и отправили на верблюдахъ. Это первый транспортъ. Товару было на 35 тысячъ серебромъ. Второй транспортъ долженъ отправиться вмѣстѣ съ нами въ повозкахъ на санномъ ходу: этотъ товаръ заключался въ серебряной Николаевской монетѣ, въ цѣлковыхъ, полтинникахъ и четвертакахъ; его тоже было на 35 тысячъ рублей. Всего товару и монеты было на 70 тысячъ; изъ нихъ на покупку шелковыхъ коконовъ 60 тысячъ, а на послѣднія 10 тысячъ велѣно было купить хлопку и непремѣнно выслать его къ Нижегородской ярмаркѣ. На все, что̀ нужно было сдѣлать мнѣ въ Бухарѣ, дана инструкція, которой я и руководствовался.

Послѣднее дѣло въ Оренбургѣ сдѣлано: мой батюшка-тесть представилъ меня Оренбургскому генералъ-губернатору Крыжановскому и просилъ его превосходительство, чтобы въ степяхъ отъ Русскихъ властей въ крайности мнѣ была оказана защита. Генералъ-губернаторъ отправилъ со мной письмо и посылку (серебряный чайный сервизъ) Бухарскому токсабѣ или министру завѣдующему военной и гражданскими частями, и письмо Казалинскому коменданту. Когда заручились всѣмъ, что̀ нужно было для меня въ дорогѣ на Русской границѣ и въ Бухарѣ, насъ стали уже готовить и къ отъѣзду: приготовили двѣ повозки, уклали на нихъ денегъ серебряною монетою тридцать пять тысячъ рублей и снабдили насъ вдоволь кое-какими съѣстными припасами, не забыли положить и водочки. Я простился съ своими родными, и мы вчетверомъ отправились въ Казалинскъ; четвертый съ нами былъ Хивинецъ, хорошій пріятель батюшки-тестя.

Путь нашъ лежалъ на Орскую крѣпость, но такъ какъ мы ѣхали зимой, то замѣчательнаго ничего не встрѣтилось, кромѣ какъ Губерлинскія горы. Въ Орской крѣпости мы были недолго. Хотя Орскъ и зовутъ крѣпостью, но крѣпости никакой нѣтъ. Народъ въ ней живетъ половина Русскихъ и половина Татаръ, такъ что Русскія женщины, а равно и дѣти, говорятъ по-татарски, какъ сами Татары; наоборотъ и Татары хорошо говорятъ по-русски. Теперь большой наплывъ въ Орскъ Русскихъ крестьянъ.

Изъ Орска мы выѣхали уже въ степь. Въ степи ничего не увидишь кромѣ неба и земли; изрѣдка встрѣтится станція, къ которой мы подъѣдемъ перемѣнить лошадей; даже и ауловъ Киргизскихъ нѣтъ близъ дороги.

Но вотъ мы подъѣзжаемъ къ Уральскому укрѣпленію, которое отстоитъ отъ Орска верстъ на 350. Небольшая крѣпость стоитъ на горѣ; мѣсто это прежде называлось Иргизъ; здѣсь въ прежнее время укрѣплялись хищныя орды Киргизцевъ. Мимо этой крѣпости течетъ рѣка, которая называется Иргизъ; говорятъ, она очень длинная, но не широка; вода въ ней соленая. Жители Уральскаго укрѣпленія на кушанья и на чай употребляютъ воду изъ Иргиза, и чай пьютъ здѣсь соленый, а прѣсную воду, кому угодно, надо брать за 12 или 15 верстъ изъ какого-то озерка. Жителей здѣсь очень мало, но живутъ всѣ исправно. Степи этого городка изобильны лучшимъ скотомъ и кормомъ.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи мы были также недолго: перемѣнили лошадей да и отправились въ Казалу, до которой отъ укрѣпленія считаютъ около 400 верстъ. Всѣ эти 400 верстъ мы ѣхали степью: Киргизскихъ ауловъ на пути почти нѣтъ. Для отдыха останавливались на станціяхъ, которыя устроены изъ необожженнаго кирпича и вымазаны глиной, а въ нѣкоторыхъ станціяхъ поставлены Киргизскія кибитки. На протяженіи всѣхъ 400 верстъ нѣтъ ни одной рѣчки. Киргизы и скотъ ихній продовольствуются колодезной водой. Когда стали приближаться къ заливу Аральскаго моря, нужно было переѣхать Кара-Кумъ, т. е. черные пески. На этотъ путь вмѣсто лошадей запрягли верблюдовъ, станціи на двѣ; наконецъ проѣхали Аральскій заливъ и пріѣхали въ Казалу.

Теперь Казала переименована въ Казалинскъ, а когда мы пріѣхали въ концѣ 1863 года, она еще сохраняла свое названіе Казала. Въ ней, на берегу Сыръ-Дарьи, устроена крѣпость, обнесенная рвомъ, въ который въ случаѣ надобности изъ Сыръ-Дарьи напускается вода. Кро-

мѣ крѣпости устроены двѣ слободки: казачья и солдатская. Казаки за какіе-то безпорядки были сосланы сюда въ Казалу; такъ какъ они хорошіе рыболовы, то и здѣсь въ устьѣ Сыръ-Дарьи и на взморьѣ устроили рыбную ловлю. Рыбы здѣсь изобиліе, изъ красной все почти одинъ шипъ, а прочая рыба, какъ-то сазанъ, судакъ, щука и т. д. ни по чемъ. Въ солдатской слободкѣ живутъ женатые солдаты, а также немало и пріѣзжающихъ торговцевъ; нѣкоторые выстроили и свои домы. У одного изъ этихъ торговцевъ мы и остановились. Въ Казалѣ пришлось намъ пожить довольно.

Первымъ долгомъ я отправился къ коменданту, которому вручилъ письмо отъ генералъ-губернатора. Комендантъ пригласилъ меня къ обѣду, и я принялъ его приглашеніе. Комендантъ Казалы, какъ я узналъ послѣ, былъ Полякъ; но, не смотря на это, его хвалили всѣ торговцы, всѣмъ былъ къ нему свободный доступъ, и онъ въ случаѣ надобности оказывалъ помощь всякому, а въ степи на дальнее разстояніе онъ зналъ все, что̀ дѣлается. Однихъ торговцевъ, отправлявшихся въ Бухару, онъ снабдилъ и ружьями, какъ узналъ, что въ степи бродятъ шайки разбойниковъ.

Теперь остались у меня двѣ заботы: одна—товаръ, отправленный изъ Оренбурга, не пришелъ; а вторая—нужно подыскать извозчиковъ Киргизъ до Бухары.

Наконецъ дождались и товару, наняли до Бухары и извозчиковъ, и еще наняли себѣ для разныхъ услугъ въ степи молодого Киргиза, Хивинца же оставили въ Казалѣ: онъ долженъ былъ изъ Казалы отправиться въ Хиву другой дорогой. Купилъ я двѣ лошади: одну для себя, а другую для Татарина, моего ментора; подручному молодцу и нанятому Киргизу мѣста устроены были на верблюдахъ. Помолясь Богу, оставили матушку-Россію и отправились въ Среднюю Азію уже вмѣстѣ съ товаромъ и серебряной монетой, которой было навьючено четыре верблюда. Провизіи заготовлено было довольно, даже не забыли взять ведерце спирту для употребленія когда съ горя, а когда и съ радости. И тронулись, помолясь Богу, въ неизвѣстную мнѣ путь-дороженьку. По этому пути нѣтъ ни станцій, ни мазанокъ, ни кибитокъ, даже не встрѣчалось видѣть и Киргизскихъ ауловъ, только по сторонамъ часто виднѣлись мазанки, въ родѣ часовенъ, сдѣланныя изъ глины: это могилы богатыхъ Киргизовъ. Въ нѣкоторыхъ мазанкахъ внутри стѣны расписаны: тутъ изображены верблюды, лошади, бараны и прочій скотъ, вѣроятно, что̀ имѣлъ покойникъ. Останавливались мы тамъ, гдѣ при-

ставали прежде насъ проходящіе караваны. Когда подъѣдемъ къ мѣсту стоянки, Киргизы-извозчики въ нѣсколько минутъ сложатъ съ верблюдовъ товаръ и поставятъ его въ козлы, а верблюдовъ пустятъ гулять, гдѣ для нихъ изобильно корму. Трава, которую любятъ верблюды, колючая, иголки на ней длинныя, но мягче шиповника, листъ довольно крупный. Потомъ извозчики-Киргизы разгребутъ снѣгъ и быстро поставятъ желумейки, какъ для насъ, такъ и для себя; послѣ этого всѣ начнемъ готовить для себя кушанья, поставимъ козелки, привѣсимъ котелокъ для кушанья и чайникъ для чаю; вмѣсто дровъ Киргизы наберутъ кизяку, а вмѣсто воды снѣгу.

Такимъ образомъ мы добрались до Джана-Дарьѝ. Эта рѣка мѣстами заросла, а мѣстами богата водой. Тутъ Киргизы, извозчики наши, остановились на отдыхъ и поправить верблюдовъ. Около этой рѣки довольно корму, который скотина достаетъ изъ-подъ снѣгу; довольно здѣсь и лѣсу. Дерево, которое растетъ здѣсь, называется саксаулъ. Оно ростомъ въ среднюю яблоню, листу на немъ нѣтъ, топоръ рубить его не можетъ, а если пнешь ногой это дерево, то изломится; въ водѣ оно тонетъ, но горитъ на столько жарко, что въ огнѣ къ углю притронуться все равно, какъ къ раскаленному желѣзу; а уголь, на что вы ни положите, конечно, кромѣ воды, не погаснетъ и весь истлѣетъ, останется одна зола. На молодомъ саксаулѣ зелень какъ на молоденькой елкѣ. Въ этомъ лѣсу водится много фазановъ. Этимъ лѣсомъ и камышомъ въ Казалинскѣ и прочихъ фортахъ отапливаютъ домà; его продаютъ пудами.

Отъ этого мѣста намъ предстояло ѣхать 180 верстъ безводнымъ мѣстомъ, но такъ какъ мы ѣхали зимой, то въ водѣ нужды не имѣли, пользуясь снѣгомъ.

Простояли мы около Джанъ-Дарьѝ цѣлыя сутки. Я сталъ говорить извозчикамъ, что пора ѣхать, а они ни съ мѣста; говорятъ: «у насъ верблюды не везутъ». Проходятъ другія и третьи сутки, а Киргизы и ухомъ не ведутъ: говорятъ: «поспѣемъ». Чтó вы будете дѣлать, кому жаловаться на нихъ? Русское правительство осталось за 200 верстъ, а здѣсь насъ Русскихъ только двое да одинъ татаринъ; другихъ карвановъ не встрѣчалось, да опять у насъ на 4-хъ верблюдахъ нагружено серебряной монетой, вѣдь это деньги, товаръ соблазнительный. Признаюсь, я струсилъ: кто знаетъ, чтò у Киргизовъ на умѣ. Я сталъ опять просить извозчиковъ, чтобы они ѣхали, что верблюды уже отдохнули, но не тутъ-то было: они одно говорятъ: «поспѣемъ». Я обратился къ своему ментору-Татарину, чтó намъ дѣлать, а онъ еще

хуже меня растерялся: «Не знаю», говоритъ. Онъ, вѣроятно, отъ того растерялся, что его одинъ извозчикъ прибилъ ведромъ по головѣ и по чему попало, насилу я ихъ рознялъ, только не помню, за что онъ его билъ. Вотъ этотъ-то извозчикъ-Киргизъ, который билъ Татарина, вызвался везти свой товаръ, который у него былъ навьюченъ, только съ тѣмъ, чтобы во всю дорогу до Бухары харчи были наши. Я съ удовольствіемъ согласился, а главное что́ на его верблюдахъ было навьючено серебро, да и верблюды у него были лучше прочихъ. Товаръ я рѣшился оставить на волю извозчиковъ, иначе дѣлать было нечего, и мы тронулись въ путь безъ товару съ одною серебряною монетою по безводному мѣсту, но вотъ бѣда: дороги никто не знаетъ. Татаринъ, который ѣздилъ въ Бухару три раза, дороги не знаетъ; Киргизъ-извозчикъ говоритъ: «я первый разъ», тоже дороги не знаетъ, а про меня съ Владиміромъ и говорить нечего. Къ нашему счастью, въ этомъ безводномъ мѣстѣ сбиться съ пути некуда: дорога песчаная около 5 саженъ въ ширину, а по обѣ стороны дороги песчаныя горы, на которыя всѣ идущіе караваны и въѣзжаютъ для отдыха: около $^1/_4$ версты нужно подняться въ гору, а потомъ опуститься внизъ въ котловину. Въ этихъ котловинахъ по сту верблюдовъ съ товарами и больше уставляются. и съ дороги ихъ не видать. И такъ на сотни верстъ простираются эти песчаныя горы, и все также надо въѣзжать изъ котловины въ котловину.

Со мной случилась въ этихъ горахъ маленькая непріятность. Дулъ очень сильный вѣтеръ, и у меня снесло съ головы башлыкъ. Я воротился его поднять, слѣзъ съ лошади, поднялъ и не торопясь надѣлъ его; смотрю по дорогѣ впередъ—караванъ нашъ не видать—я въѣзжаю на гору, въ одной котловинѣ смотрю—каравана нѣтъ, я въ другую котловину—тоже каравана нѣтъ; я въ третью—тоже нѣтъ; признаюсь вамъ, я порядочно струсилъ. такъ что потерялъ въ этихъ горахъ и дорогу и не могъ на нее выбраться. Къ моему счастію, я увидалъ гуляющаго безъ товару и сѣдока верблюда. Я обрадовался верблюду и поѣхалъ прямо на него; лишь только подъѣхалъ къ нему, смотрю внизу въ котловинѣ весь нашъ караванъ. вьюки сложены, жилумейки поставлены, и уже кипятится вода какъ для чаю, такъ и для кушанья. Я очень обрадовался и далъ себѣ слово въ этихъ горахъ не отставать отъ каравана.

Это была первая наша станція въ горахъ, и мы остановились на ночлегъ. Поутру рано насъ разбудили Киргизы-извозчики, которые пригнали гуляющихъ верблюдовъ и лошадей; верблюдовъ навьючили, а

лошадей осѣдлали, осталась ненавьюченой только одна наша желумейка, въ которой мы спали. Надо сказать, что въ этихъ горахъ въ зимнее время бываетъ хорошій кормъ; много Киргизовъ изъ степей приходятъ со своими стадами въ эти горы; скотъ вообще, а бараны особенно, хорошо поправляются. Въ горахъ и на горахъ корму довольно, а питье— снѣгъ; когда же снѣгъ станетъ таять, тогда бѣги изъ этихъ горъ: безъ воды смерть и человѣку, и скоту. Послѣ этой станціи мы отправились дальше. Киргизы-извозчики скоро нашли дорогу. Отъѣхавши по дорогѣ нѣсколько верстъ, мы замѣтили свѣжій верблюжій слѣдъ по лѣвую сторону ея, и наши извозчики направили верблюдовъ по этому слѣду. Проѣхали еще нѣсколько верстъ; слѣдъ этотъ повелъ насъ въ горы. Мы съ своимъ караванчикомъ по нему отправились и въ горы; лишь только въѣхали на первую гору, какъ увидали въ котловинѣ два Бухарскіе каравана. Мы этой встрѣчѣ очень обрадовались, съѣхали съ горы и недалеко отъ Бухарскаго каравана и наши возчики начали развьючивать своихъ верблюдовъ, а я съ своимъ Татариномъ пошелъ познакомиться съ хозяевами этого, также небольшого, каравана. Этотъ караванъ принадлежалъ двумъ Бухарцамъ, хозяева котораго тутъ при караванѣ были сами. Они приняли насъ радушно и даже угостили пловомъ (лучшее Бухарское кушанье); еще болѣе мы обрадовались, узнавъ, что Бухарцы съ караваномъ тоже ѣдутъ въ Бухару: вмѣстѣ съ ними мы могли спокойнѣе продолжать свой путь.

Переночевавши въ одной котловинѣ съ Бухарцами, поутру рано отправились тремя кошами три хозяина. Когда мы достигли половины пути безводнаго мѣста, намъ представилось между песками удивительное зрѣлище: версты на двѣ или на три по пути и около версты въ ширину такое гладкое и ровное мѣсто, что никакое шоссе не можетъ сравняться съ тѣмъ, что̀ создала сама природа. Я подумалъ, если бы на этомъ мѣстѣ устроить бѣга̀, то лучшаго нельзя нигдѣ и найти. Это мѣсто Киргизы и Бухарцы называютъ «Кызылъ-Такы́ръ», т. е. красная гладь; оно замѣчательно ровное и гладкое и все усыпано меленькими камешками, которые на солнцѣ великолѣпно блестятъ. Вотъ на этомъ-то мѣстѣ Киргизы и пожелали вырыть колодезь; колодезь вырыли и воду достали, только она никуда не годилась: ни человѣку, ни скоту пить нельзя; такъ его и зарыли. Выйдя изъ песковъ и безводнаго мѣста, мы прикочевали къ горѣ, называемой Бухарцами Буканъ-Таву. Буканъ какой-то былъ значительный Киргизъ, а «тау» — гора. Здѣсь можно отдохнуть, вода прѣсная, лучшая по всей дорогѣ, колодцевъ много; здѣсь въ лѣтнее время отправляющіеся въ Россію караваны поятъ верблюдовъ и заготовляютъ воду на 180 верстъ безводнаго пути какъ для

людей, такъ и для лошадей; гора эта, говорятъ, въ окружности около 100 верстъ.

Отселѣ въ Бухару три пути: первый путь—объѣздъ по лѣвую сторону, второй путь—объѣздъ по правую сторону, третій—взойти во внутрь горы; подняться на нее и идти каравану уже по горамъ: Бухарцы избрали послѣдній путь—по горамъ.

Когда мы въѣхали въ горы, насъ объялъ какой-то страхъ, конечно, кромѣ Бухарцевъ и Киргизъ. Внутри горы въ родѣ крѣпости: кругомъ стоятъ высокія обнаженныя мраморныя горы мелкаго слоя; по землѣ валяются разной величины отпавшіе отъ горы камни, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ горъ готовы оторваться цѣлыя глыбы. На правой сторонѣ при въѣздѣ въ эту самородную крѣпость галерея сажени въ три шириной и около трехъ верстъ длиной; по обѣ стороны такія же высокія обнаженныя мраморныя горы; здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырыты колодцы и вода довольно пріятная. По этой галереѣ мы и отправились въ горы. Проѣхавши галерею, мы въ упоръ подъѣхали къ выходу на гору и съ трудомъ съ своими верблюдами взобрались на нее. Верхи горъ заросли дикой травой. Здѣсь замѣчательнаго ничего не встрѣтилось почти до самой Бухары, которая отстоитъ отъ входа въ эти горы верстъ на 350; только на половинѣ этого пути мы ѣхали еще песками верстъ 30-ть, которые Азіатцы зовутъ «яманъ-кумъ», т. е. нехорошіе пески. По этимъ пескамъ при большомъ вѣтрѣ ѣхать трудно, и можно сбиться съ дороги; но за то здѣсь растетъ дерево, называемое, какъ я выше писалъ, саксаулъ, которое Киргизцы употребляютъ на уголь.

Наконецъ мы въ преддверіи Бухары. Смотрю: нашъ караванъ остановился; ѣду впередъ, стоитъ большая Киргизская кибитка: Бухарцы, наши спутники, раздѣваются и даже снимаютъ свои шаровары. Спрашиваю: «Что̀ это такое дѣлается съ вами?»—«Здѣсь», говорятъ, «застава и предварительная таможня». Спрашиваю: для чего ихъ раздѣвали. «Насъ», говорятъ, «обыскивали, не веземъ ли мы при себѣ золота или какихъ цѣнныхъ вещей». Спрашиваю: «И насъ будутъ обыскивать?» но они сказали, что Русскихъ, которые пріѣзжаютъ въ Бухару, не обыскиваютъ. Все-таки меня потребовали въ кибитку, разспросили, съ какимъ товаромъ ѣду и подъ чьей фирмой. Я все разсказалъ безъ утайки и упомянулъ, что въ числѣ товара есть посылка отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора господину токсабѣ, а также есть и письмо. Этимъ я нѣсколько возвысилъ себя, и таможенные Бухарцы стали обходиться съ нами поласковѣй. Осмотрѣвши весь нашъ

караванъ, предварительная таможня послала съ нами нѣсколько человѣкъ Бухарцевъ и Киргизовъ сопровождать насъ до самой столицы Бухары.

Не помню, въ концѣ Января или въ началѣ Февраля 1864 года мы приближались къ Бухарѣ; только снѣгу уже не было, и всѣ дороги были залиты водой, а по сторонамъ вездѣ виднѣлись обрѣзанныя тутовыя деревья, на которыхъ уже показывалась свѣжая зелень. Мы ѣхали до перваго селенія, гдѣ намъ нужно было ночевать, почти что все водой. Къ вечеру мы въѣхали въ селеніе, и насъ помѣстили на одинъ дворъ; тутъ намъ принесли фруктовъ, Бухарскихъ лепешекъ, для чаю согрѣли самоваръ, а лошадямъ дали нѣсколько споповъ сѣна; и за все это мы щедро расплатились Русскимъ серебромъ. Дали намъ мѣсто для спанья, а о товарѣ сказали, чтобы мы не безпокоились: все будетъ сохранно. Поутру насъ разбудили Бухарцы, наши провожатые. Когда мы встали, почти вся деревня сошлась смотрѣть на Русскихъ, усѣлись по сторонамъ на корточкахъ и глядѣли на насъ, какъ на нѣкоторое чудо. Отсюда мы уже отправились въ Бухарскую столицу Бухару; ѣхали также большею частью водой. Вотъ вдали показалась Бухара или вѣрнѣе одни минареты, откуда азанчи крикомъ своимъ созываютъ правовѣрныхъ Мусульманъ на молитву, а кромѣ минаретовъ за стѣной, которою окружена Бухара, съ поля не видать ничего.

Наконецъ мы у воротъ древней Бухарской столицы. У воротъ вмѣсто часовыхъ дежурятъ Киргизы, есть и Бухарцы. Въѣзжаемъ въ столицу и ѣдемъ по какимъ-то узенькимъ переулкамъ, по обѣ стороны которыхъ заборы, вымазанные глиной, а въ заборахъ вездѣ подѣланы ворота. Я спрашиваю: «Гдѣ же до̀ма, я не вижу». Мнѣ отвѣчаютъ: «Когда въѣдешь въ ворота, то за заборомъ увидишь и домъ этого хозяина, которому принадлежатъ ворота». Этими узкими улицами мы проѣхали много базаро̀въ. На каждомъ базарѣ можно купить все, что̀ требуется Бухарцу для дома. Встрѣтилось немало огромныхъ прудовъ, обложенныхъ кругомъ дикимъ камнемъ съ уступами; изъ этихъ прудовъ жители всей столицы пользуются водой. Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ самой серединѣ столицы. Провожатые насъ спрашиваютъ, въ какой караванъ-сарай мы хотимъ ѣхать. Я говорю: «Который получше, туда насъ и ведите». Бухарцы же наши отправились въ караванъ-сарай, въ которомъ торгуютъ постоянно, а намъ рекомендовали караванъ-сарай не изъ важныхъ; названіе его я забылъ, но помню, что̀ въ стѣнѣ этого сарая схороненъ какой-то святой, и въ отверстіи стѣны всегда горитъ огонь. Мы въѣхали въ этотъ караванъ-сарай, и насъ

помѣстили въ огромную лавку въ родѣ сарая. Когда товаръ былъ сложенъ, таможенные чиновники просили меня, чтобы я съ ними явился къ токсабѣ-министру. Я взялъ съ собой переводчика своего Татарина, захвативъ посылку и письмо отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора. Токсаба жилъ во дворцѣ эмира. Дворецъ эмира, если смотрѣть на него снаружи, представляетъ земляную гору, въ которую ведетъ широкая деревянная лѣстница; когда поднимешься кверху, тамъ устроены ходы въ разные апартаменты. Насъ повели въ тѣ, гдѣ жилъ токсаба. Комната, въ которую насъ ввели, была устлана коврами, въ ней сидѣло нѣсколько Бухарцевъ на корточкахъ; вѣроятно, чиновники и чиновники немаленькіе.

На мнѣ была каракулевая шапка, Татарскій казинетовый бешметъ на ватѣ, который былъ заправленъ въ широчайшіе шаровары, тоже казинетовые и на ватѣ; въ такомъ костюмѣ явился я предъ очи господина токсабы. Его въ комнатѣ не было; мы немного дожидались. Является и господинъ токсаба въ парчевомъ халатѣ и въ бѣлой чалмѣ, шитой по краямъ золотомъ; наружность его привлекательная и голосъ тихій и пріятный. Я съ нимъ раскланялся: снялъ каракулевую шапку, поклонился и опять надѣлъ ее; такъ дѣлать училъ меня мой подручный Татаринъ. Мнѣ подали табуретку: Бухарцы знаютъ, что Русскіе на корточкахъ сидѣть не умѣютъ. Посылку и письмо у меня отобрали до прихода токсабы. Первымъ долгомъ токсаба спросилъ меня: «Здоровъ ли вашъ Государь?» Я черезъ переводчика-Татарина отвѣтилъ: «Благодаря Бога, Государь нашъ живъ и здоровъ со всей августѣйшей семьей». Онъ мнѣ отвѣтилъ: «А еакши, еакши», т. е. а хорошо, хорошо. Потомъ спросилъ, здоровъ ли генералъ-губернаторъ. Я отвѣтилъ: «Благодаря Бога, здоровъ, вамъ кланяется и прислалъ вамъ посылку и письмо». Онъ отвѣчалъ: «Благодарю, благодарю». Потомъ передъ нами на полу на коврахъ разостлали салфетку изъ шелковой Бухарской матеріи, уставили тарелками съ разными Бухарскими фруктами и просили насъ, чтобы мы кушали. Чай подавали намъ до половины чашки и клали сахаръ. Я пилъ и ѣлъ не стѣсняясь, но Татаринъ мой ни къ чему не прикасался. Токсаба спросилъ его, отчего онъ не ѣстъ и не пьетъ чаю. Мой Татаринъ отвѣчалъ: «Ураза тутамонъ», т. е. постъ держу. Признаюсь, я едва удержался, чтобы не засмѣяться: Татаринъ нашъ и не думалъ поститься. Въ безводныхъ пескахъ захватилъ ихъ постъ, по ихнему «ураза», который продолжается мѣсяцъ; дорогой Бухарцы постились, а мой товарищъ Татаринъ и не думалъ о постѣ и токсабу обманулъ. Токсаба похвалилъ Татарина. Нѣсколько разъ я накрывалъ чашку, а мнѣ все-таки наливали еще и подкладывали лепешекъ на

салѣ, по-ихнему «чуреки». Наконецъ, насъ отпустили, а фрукты, которые были наставлены, г. токсаба приказалъ намъ взять себѣ. Товарищъ мой Татаринъ снялъ свой кушакъ изъ какой-то матеріи въ $\frac{1}{4}$ арш. ширины, разостлалъ его и всѣ фрукты съ тарелокъ сложилъ въ него (болѣе мѣсяца лакомились мы этими фруктами). На прощаніи г. токсаба обѣщалъ самъ придти на «закетъ», т. е. на ревизію товаровъ, когда они придутъ.

Недѣли черезъ двѣ пришелъ мой товаръ. На другой день явились ко мнѣ Бухарцы, таможенные чиновники, и объяснили мнѣ, что во столько-то часовъ обѣщалъ быть самъ г. токсаба. Чиновники сказали: «Мы вамъ все приготовимъ и сколько будетъ стоить угощеніе, получимъ съ васъ деньги». Конечно, такого господина какъ г. токсаба въ Россіи угостить не дешево бы стоило, а мнѣ и со всѣми чиновниками обошлось не болѣе пяти рублей.

Въ назначенное время явился токсаба въ парчевомъ халатѣ, въ вышитой золотомъ чалмѣ и вышитыхъ золотомъ сапогахъ. Я также раскланялся съ нимъ. Онъ сѣлъ на коврѣ на приготовленное Бухарцами мѣсто и попросилъ меня показать мои товары. Онъ внимательно, какъ главный начальникъ таможни, пересмотрѣлъ всѣ товары и сдѣлалъ у меня покупку нѣкоторыхъ мануфактурныхъ товаровъ на 2000 танnокъ (танка въ то время стоила 25 коп.)

На другой день послѣ посѣщенія г. токсабы явились ко мнѣ таможенные чиновники за полученіемъ пошлины съ Русской серебряной монеты и за 35 тыс. рублей получили 1750 руб., что̀ составляетъ съ 20 рублей 1 рубль; также берутъ и за товаръ, но такая пошлина только съ Русскихъ или вообще съ христіанъ, съ Русскихъ же Татаръ, Бухарцевъ и вообще со всѣхъ Мусульманъ пошлина половинная: они платятъ съ 40 рублей 1 рубль.

Послѣ посѣщенія моей лавки г. токсабой ко мнѣ явились двое Русскихъ: одинъ рыжеватый, небольшого росту, уже пожилой человѣкъ, а другой—черноватый, много моложе, маленькаго росту, живой, развязный и веселый. Они рекомендовались мнѣ, что тоже пріѣхали въ Бухару недавно и получили уже весь товаръ на сумму 210 тысячъ рублей: хозяинъ ихній Оренбургскій солдатъ, Титъ Онуфричъ Онуфріевъ, рыжеватый мужчина это главный приказчикъ г. Онуфріева, всего ихъ пріѣхало пятеро и ожидаютъ шестого.

Я очень обрадовался имъ: во-первыхъ увидѣть Русскихъ людей въ Бухарѣ, это рѣдкость, а во-вторыхъ они люди опытные, давно тор-

гуютъ съ Азіатцами; рыжеватый мужчина уже третій разъ посѣщаетъ Бухару, его зовутъ Николай Николаевичъ Шмелевъ, а другого Левъ Никандрычъ Шкилинъ. Съ ними я ожилъ: по крайней мѣрѣ нашлись люди, съ которыми можно поговорить о Россіи и обо всемъ Русскомъ. Мы часто посѣщали другъ друга, и намъ было весело. Товаръ свой я получилъ во-время; у многихъ торговцевъ сорта, которые я привезъ, подобрались, и я свой товаръ распродавалъ ходко, только на серебряную монету не было почину.

Я началъ уже подумывать о покупкѣ хлопка для батюшки-тестя на 10 тысячъ рублей, какъ вдругъ получаю отъ него изъ Оренбурга письмо. Онъ пишетъ, чтобы хлопокъ въ Оренбургъ не покупать дороже какъ на 10 рублей, а между тѣмъ Русскіе Татары покупаютъ на 12 руб. и дороже въ Оренбургъ. Я оставался въ бездѣйствіи. Послѣ перваго письма недѣли черезъ три получаю еще письмо; тесть пишетъ, что цѣны на хлопокъ падаютъ и дороже какъ на 6 рублей въ Оренбургъ не покупать. О паденіи цѣнъ на хлопокъ письмо получилъ не одинъ я; получили также и всѣ торгующіе Татары и Бухарцы, но все таки начали покупать на 8 руб. 50 коп. Между тѣмъ время приближается къ отправкѣ хлопка, а у меня не куплено и фунта. Приходитъ ко мнѣ сарайманъ, содержатель караванъ-сарая или подворья. «Николай», говоритъ, «что же ты не покупаешь хлопка?» Я говорю ему, что мнѣ пишутъ купить на 6 руб. въ Оренбургъ, а покупаютъ на 8 руб. 50 коп. Бухарецъ мнѣ сказалъ: «Ты цѣну не уставишь; покупай, какъ покупаютъ люди, а у меня лежитъ 200 пудовъ хлопку каракульскаго самаго лучшаго, вчера только что сложилъ одинъ пріятель, и цѣна ему такая-то, вотъ тебѣ и образцы хлопка», и показалъ мнѣ хлопокъ. Смотрю, хлопокъ хорошъ, а цѣна въ Оренбургъ придетъ не дешевле какъ на 8 руб. 50 коп., а не на 6 руб. Что дѣлать! Вдругъ мнѣ пришла благая мысль: я могу оправдать себя передъ батюшкой-тестемъ, сказавши, что купилъ хлопокъ по полученіи перваго письма, въ которомъ онъ писалъ покупать не дороже 10 рублей. Я тутъ же купилъ у Бухарца 200 пудовъ хлопку на 8 руб. 50 коп. и быстро началъ покупать еще; накупилъ около 700 пудовъ хлопку и еще коекакого Бухарскаго товару и не мѣшкавши отправилъ его (только этотъ товаръ и успѣлъ придти въ Оренбургъ до нашего ареста, о чемъ рѣчь впереди).

Наконецъ стало приближаться время для покупки коконовъ, за которыми я и посланъ изъ Россіи въ Бухару. По этому случаю надо было поторопиться распродать всѣ товары, которые я привезъ въ Бу-

хару, а особенно серебряную монету 84 пробы, на которую у меня не было и почина. Я пустилъ въ ходъ многихъ маклеровъ, и они доставили мнѣ немало покупателей. Съ сокрушеннымъ сердцемъ промѣнялъ я свою Николаевскую серебряную монету на дурныя Бухарскія тàнки; въ то время тàнки въ Бухарѣ стоили 25 копеекъ себр., а Бухарская тàнка не болѣе нашего пятіалтыннаго; вотъ на эти-то тàнки и велась торговля въ Бухарѣ отъ рублевой до стотысячной и болѣе, кромѣ нихъ никакихъ денегъ не было. Поневолѣ купишь какого-нибудь Бухарскаго товара для Россіи и по цѣнамъ, какія существуютъ, а тàнковъ въ Россію не повезешь: здѣсь ихъ ни по чемъ не возмутъ, кромѣ какъ серебряники на вѣсъ купятъ, да и въ этихъ плохихъ деньгахъ оказывается много фальшивыхъ, такъ что въ 2000 тàнкахъ попадаетъ до 60 штукъ негодныхъ. Но мы, по примѣру другихъ торговцевъ, какъ получимъ съ кого-нибудь какую цифру тàнковъ, посылаемъ къ мѣняламъ, которыхъ въ Бухарѣ множество; мѣняла переберетъ всѣ деньги, которыя я получилъ, фальшивыя выберетъ, и мы посылаемъ ихъ обратно тому лицу, отъ котораго получили, и онъ безъ всякаго спора мѣняетъ. Такъ дѣлали со всякимъ, отъ котораго получали деньги, а мѣняламъ за труды давали самую ничтожную плату.

Наконецъ товаръ распроданъ почти весь, и денегъ осталась небольшая часть. Наступаетъ Май мѣсяцъ; надо подумывать о товарѣ, за которымъ я пріѣхалъ, о шелковичныхъ коконахъ. Этотъ товаръ продается въ Бухарѣ въ Маѣ мѣсяцѣ въ теченіе 15 дней на всѣхъ базарахъ: какъ у насъ въ Россіи по селамъ бываютъ базары, такъ и въ Бухарѣ. Шелковичные коконы начинаютъ покупать съ трехъ часовъ утра до 7 час. и дальше. Если Бухарецъ привезъ двѣ корзинки на своемъ ишакѣ, т.-е. ослѣ, онъ продаетъ чириками (чирикъ 5 фунтовъ); если у него товару пудъ, онъ вдругъ не вѣситъ, а вѣситъ по чирику, т.-е. по 5 фунтовъ; вмѣсто гири вывѣшенъ камень. Вѣситъ вѣсовщикъ, который и покупаетъ хотя бы для меня, хозяина, а я только смотрю и расплачиваюсь. Можетъ быть, теперь, когда наплывъ Русскихъ въ Бухару большой, вѣшаютъ и гирями. По указанію моего квартирнаго хозяина, я нанялъ четырехъ Бухарцевъ для покупки сырыхъ коконовъ на четырехъ базарахъ, а въ столицѣ Бухарѣ у меня покупалъ свой подручный молодецъ. Изъ всѣхъ базаровъ я получалъ коконы къ 12 часамъ пополудни, только изъ Бухары-столицы часомъ позже. Коконы я получалъ отъ каждаго Бухарца съ вѣсу, только не чириками (5 фун.), а гирями 2-хъ пудовыми и мельче; 100 чириковъ, т.-е. 500 фунтовъ, вѣшали въ одинъ или два раза; а не дорого ли покупали наемные Бухарцы, я соображался съ покупкою своего молодца. Послѣ пріемки всѣ

коконы разсыпаются по усыпанному пескомъ двору, такъ чтобы ни одинъ коконъ не лежалъ на другомъ; для этого у меня нанято было около 20 человѣкъ Татаръ. Въ Бухарѣ во всѣхъ торговыхъ караванъ-сараяхъ упаковкою товаровъ занимаются преимущественно Татары; всѣ они бѣглые изъ Россіи, нѣкоторые изъ Сибири, а большая часть бѣжавшіе отъ солдатства. Вотъ эти-то Татары и у меня занимались сушкою коконовъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ Русскій, бѣжавшій изъ Сибири и принявшій Магометанскую вѣру, какъ передавали мнѣ его товарищи; но онъ называлъ себя природнымъ Татариномъ. Съ своей стороны и я признавалъ его Русскимъ, потому что онъ уже очень хорошо ставилъ у меня на таяхъ литеры по-русски. Впрочемъ, эти господа, бѣглые изъ Сибири, можетъ быть, и каторжники, живутъ въ Бухарѣ смирно, такъ какъ тамъ и за воровство отрѣзываютъ головы; можетъ быть, въ настоящее время подъ вліяніемъ Русскихъ властей такая казнь за воровство оставлена. Пока мы приготовлялись покупать коконы, мнѣ нужно было отправить послѣдній хлопокъ, который былъ уже купленъ для Нижегородской ярмарки, собственно для батюшки-тестя. Хлопку было около 400 пудовъ, но ему пришлось прокатиться 800 верстъ совершенно даромъ: во время нашего ареста его воротили за 400 верстъ, а между тѣмъ деньги за провозъ до Бухары были отданы Киргизамъ-возчикамъ впередъ (Киргизы-возчики всегда деньги получаютъ впередъ). Вотъ на таяхъ этого самаго хлопка и писалъ литеры вышеозначенный рабочій христіанинъ, бѣжавшій изъ Сибири и принявшій Магометанскую вѣру. Тамъ найдутся и другіе. Ко мнѣ приходилъ еще одинъ, тоже принявшій Магометанскую вѣру, и желалъ со мной познакомиться. Этотъ прямо называлъ себя Русскимъ политическимъ преступникомъ, бѣжавшимъ изъ Сибири; въ Бухарѣ онъ занимался лѣченіемъ и былъ странствующимъ докторомъ, но я отклонилъ знакомство съ нимъ и попросилъ его ко мнѣ не являться, не смотря на то, что мнѣ былъ нуженъ хорошій докторъ. Когда я отправлялъ первый хлопокъ въ первыхъ числахъ Апрѣля, я въ сорочкѣ писалъ на таяхъ литеры, и незамѣтно для меня мнѣ солнцемъ обожгло обѣ руки отъ ладони почти до локтя; у меня сдѣлался мучительный зудъ, такъ что не было возможности терпѣть, а лѣкаря-Бухарца въ мѣстечкѣ Пермязъ найти трудно.

Правда, мой квартирный хозяинъ указалъ мнѣ одного доктора-Жида, который ѣздилъ по базарамъ торговать мелочнымъ товаромъ, а также занимался и лѣченіемъ, какъ въ Россіи знахари; впрочемъ, я былъ радъ и такому доктору. День уже клонился къ вечеру, когда хозяинъ представилъ мнѣ сказаннаго доктора. Я показалъ ему свою болѣзнь. Онъ велѣлъ мнѣ взять курительнаго желтаго Бухарскаго табаку листами

означенную имъ порцію и сейчасъ же при немъ положить его въ холодную воду. Хозяинъ принесъ мнѣ полоскательную чашку, и въ нее самъ Еврей положилъ порцію табаку. Ночь спалась мнѣ плохо: зудъ замучилъ, только передъ утромъ немного заснулъ. Когда проснулся, я первымъ долгомъ спросилъ о лѣкарѣ и лѣкарствѣ. Явился и лѣкарь съ чашкой настояннаго табаку, вода отъ табаку сдѣлалась много чернѣе чаю, какой мы пьемъ. Я спрашиваю Еврея, чтó мнѣ теперь дѣлать. «Надо пить», говоритъ онъ. Я спрашиваю: «Во сколько разъ?»—«Да хоть въ три утра», отвѣчаетъ Еврей; «а если сразу, еще лучше». И я благословясь, чтобы скорѣе унялась моя боль, сразу выпилъ всю чашку. Отъ этого лѣкарства такъ меня ошеломило, что я минутъ десять пролежалъ на полу. Вставши съ полу, я расплатился за лѣкарства и лѣченье съ Евреемъ, въ надеждѣ на скорое выздоровленіе. Дни проходятъ, а зудъ не унимается; хотя я и думалъ, что отъ этого лѣкарства толку не будетъ, но зудъ мой заставлялъ меня всему вѣрить. Послѣ этого въ одну ночь мнѣ страшно хотѣлось спать, такъ какъ я уже не спалъ нѣсколько ночей, но зудъ не давалъ уснуть. Я почерпнулъ холодной воды и полилъ ей на обѣ руки, рукамъ стало лучше, я еще разъ облилъ, и уснулъ такъ хорошо, какъ давно не спалъ; и холодной водой я вылѣчилъ руки совсѣмъ, и по сіе время, если гдѣ зудитъ тѣло, лѣчу водой. Я называю Еврея «Жидъ», а Бухарцы ихъ называютъ «Жудъ». Они живутъ въ Бухарѣ въ стѣснительномъ положеніи. Ни одинъ Еврей или Жидъ не можетъ по городу Бухарѣ проѣхать верхомъ на лошади; онъ долженъ городомъ вести ее въ поводу, а выйдя за городъ, можетъ ѣхать куда угодно. Верхней одежды Жудъ не можетъ надѣть никакой кромѣ бумажнаго халата, какъ богатый, такъ и бѣдный; на головѣ чернаго коленкора или другой черной гладкой бумажной матеріи шапка съ узенькимъ мерлушковымъ околышемъ. Бухарцы—любители водки, покупаютъ ее потихоньку у Евреевъ, не смотря на то, что Евреямъ строго воспрещено продавать водку Мусульманамъ, а самимъ Евреямъ дѣлать и пить водку не воспрещено.

Но вотъ уже наступило 15-е число Мая. Въ этотъ день мнѣ подвезли шелковичныхъ коконовъ съ четырехъ базаровъ, да изъ столицы, Бухары. 20 человѣкъ рабочихъ стали раскладывать ихъ по двору. Въ два часа пополудни коконы стали шевелиться, потому что солнце стало жечь червяка внутри кокона. Къ вечеру всѣ коконы собрали въ груды и покрыли кошмами или войлоками, чтобы червяки въ коконахъ совсѣмъ умерли. На другой день изъ грудъ перетаскали коконы на крыши дома, гдѣ они должны сушиться до 30 дней, чтобы въ червякѣ не оставалось ни капли крови; но если шелкъ разматывается на мѣстѣ

сушки, тогда сушатъ недолго, потому что коконы въ прессъ не пойдутъ. Такимъ образомъ покупка коконовъ и сушка ихъ продолжалась 45 дней.

Черезъ мѣсяцъ послѣ начала покупки коконовъ начали паковать прессомъ, внизу мѣшки изъ бязи, а сверху кошма или войлокъ; вся работа съ покупкой, сушкой и упаковкой продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Товарища своего Татарина-ментора я, по инструкціи батюшки-тестя, послалъ для покупки коконовъ на 10 тысячъ въ Хиву. Деньги въ Хиву, по той же инструкціи, я перевелъ на одного знакомаго тестю Хивинца, подъ присмотромъ котораго и покупалъ Татаринъ коконы въ Хивѣ и, благодаря этой поѣздкѣ въ Хиву, Татаринъ избѣжалъ ареста.

Наконецъ товаръ весь перепаковали и литеры поставили. Извозчиковъ нанялъ до Казалинска. Пора и въ Оренбургъ отправляться.

Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ на ишакѣ 2-й № Онуфріева, прикащикъ-Шкилинъ; квартира ихняя отъ моей была за версту. Услыхавъ, что я совсѣмъ готовъ къ отъѣзду, онъ пріѣхалъ со мной проститься и сталъ звать къ себѣ. Я на прощанье купилъ водочки (бутылку за 1 р.) у того самаго Жида, который лѣчилъ меня отъ зуды, и отправился со Шкилинымъ: я—пѣшкомъ, а онъ на ишакѣ. Мнѣ было весело, что я отправляюсь въ Россію. На половинѣ дороги насъ нагоняетъ мой квартирный хозяинъ; онъ отвелъ меня отъ моего товарища и говоритъ мнѣ: «Николай, сію минуту пріѣхалъ изъ Оренбурга чапаръ (т.-е. курьеръ), онъ поилъ у меня передъ дворомъ лошадей». Надо замѣтить, что по степи на большое разстояніе, а особенно безводными песками, и одинъ всегда ѣдетъ на двухъ лошадяхъ: одна для провизіи и воды, а другая подъ собой. «Чапаръ», говоритъ мой хозяинъ, «посланъ изъ Оренбурга однимъ Бухарскимъ купцомъ тайнымъ образомъ, чтобы передать Бухарскому правительству, что Бухарцы, начиная съ Ташкента, во всѣхъ фортахъ, гдѣ находятся Русскія войска, и въ Оренбургѣ, задержаны. Смотри, Николай, не было бы худо и вамъ». Я ему отвѣчалъ: «Мы не виноваты, что въ Россіи задержали вашихъ Бухарцевъ. Ну, что̀ будетъ, а мы теперь пойдемъ да водочки попьемъ».

У Шкилина или Онуфріевыхъ я пробылъ почти до вечера; попили немного да и поѣли мало, потому что въ Бухарѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ страшная жара, и ни на какое кушанье нѣтъ апетита, только и пьешь одинъ чай, отъ него дѣлается какъ-то легче. О чапарѣ говорили мало,

точно до насъ это и не касается. День въ Бухарѣ жарокъ, за то ночь довольно прохладна, и какъ-то хорошо спится. Придя изъ гостей, я легъ спать и скоро заснулъ. Поутру меня разбудилъ страшный сонъ. Мнѣ грезилось, будто я зашелъ въ какой-то огромный старый деревянный сарай; вдругъ крыша и стѣны его стали рушиться точно отъ землетрясенія. Я упалъ на колѣни, закрылъ лицо руками и думалъ, что-то со мной будетъ? Когда я отнялъ руки, то увидѣлъ, что крыша уже очистилась и надо мной синѣло ясное небо. Съ этимъ я проснулся и вижу,—у моей кровати стоятъ три Бухарца: одинъ квартирный хозяинъ, а двое мнѣ незнакомыхъ. Хозяинъ началъ мнѣ говорить, что эти два Бухарца присланы ко мнѣ отъ токсабы съ письмомъ; «вотъ они тебѣ прочитаютъ». Одинъ Бухарецъ началъ читать письмо: «Кара Николаю, т.-е. Николаю Черному, отъ токсабы хатъ (письмо). Я слышалъ, что ты сбираешься ѣхать въ Россію, и прислалъ за тобой двухъ Бухарцевъ, съ которыми ты и пріѣзжай въ шаръ, т.-е. городъ-Бухару Такъ какъ ты по пріѣздѣ въ Бухару привезъ мнѣ подарокъ отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора, то и я съ тобой хочу послать тоже подарокъ генералъ-губернатору». Я спросилъ Бухарцевъ: «Когда же мнѣ нужно ѣхать?»—«Сейчасъ поѣдемъ съ нами».

«Какъ же», говорю я, «нужно хоть чаю напиться»; но они отвѣчали, что надо ѣхать сейчасъ: такъ приказано. Я, ничего не подозрѣвая, приказалъ осѣдлать лошадь, которая и была скоро готова. «Надобно», говорятъ Бухарцы: «вамъ взять и своего служащаго».—«Къ чему это?» закричалъ я. Мой квартирный хозяинъ пошепталъ что-то Бухарцамъ, и они моего молодца не потревожили.

Наконецъ мы выѣхали изъ моей квартиры. Проѣхавши около 20-ти сажень, Бухарцы поворотили налѣво въ Пермязъ, гдѣ я былъ вчера въ гостяхъ, а дорога въ столицу-Бухару осталась вправо. Я спросилъ Бухарцевъ, почему они ѣдутъ не по той дорогѣ. Они отвѣчали, что имъ надо заѣхать еще въ одно мѣсто.

Они прямо по знакомому мнѣ пути подъѣхали къ тому дому, гдѣ жилъ Шкилинъ и прочіе. Молодцы еще спали; ихъ было четыре человѣка, а двое уѣхали въ столицу-Бухару. Бухарцы безъ церемоніи стали ихъ будить и настоятельно приказывали сбираться и ѣхать съ ними. Тутъ-то я и всѣ мы догадались, что весь этотъ переполохъ сдѣлалъ чапаръ. Съ квартиры Шкилина насъ выѣхало пять Русскихъ и два Бухарца; но чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ больше присоединялось къ намъ Бухарцевъ, такъ что когда мы стали подъѣзжать къ Бухарской столицѣ, насъ уже окружала военная стража съ ружьями и саб-

лями. Въѣзжаемъ въ Бухару, множество народу смотрѣло на насъ съ крышъ и разсуждали про себя о томъ, что̀ теперь сдѣлаютъ съ Русскими. Наконецъ насъ доставили во дворъ эмира, гдѣ у него находятся лошади. Когда мы въѣхали во дворъ, насъ попросили слѣзть съ лошадей, которыхъ отобрали со всей сбруей, а намъ приказали слѣдовать за собой и привели въ этомъ же дворѣ къ одному дому. Въ этомъ домѣ было двѣ комнаты: одна большая, въ которую со двора вели двѣ двери, другая маленькая, со двора въ нее дверей нѣтъ, а входъ изъ большой комнаты. Въ комнатахъ кромѣ стѣнъ и старой кошмы на полу ничего нѣтъ. Въ этихъ-то хоромахъ насъ и помѣстили и приказали быть тутъ; для услугъ намъ дали Персіянина. Мы сейчасъ же распорядились послать Персіянина купить чаю, сахару, лепешекъ и разныхъ фруктовъ, которыхъ тамъ очень много. Да, вмѣсто посылки къ генералъ-губернатору, о которой писалъ въ письмѣ токсаба, насъ посадили въ какую-то ловушку. Мы разсуждали между собой, что̀ съ нами еще будутъ дѣлать.

Приближается ночь, а намъ положить въ головы и постлать подъ себя нечего, кромѣ одежды, въ которой мы пріѣхали. На ночь двери нашей ловушки снаружи заперли и приставили часовыхъ. Первую ночь мы кое-какъ проспали, хотя спать было и неудобно. На другой день поутру къ намъ привезли трехъ компаніоновъ: двухъ приказчиковъ Онуфріевыхъ и моего подручнаго молодца Владимира Кайдалова. Они намъ привезли спальныя и чайныя принадлежности. Сидѣть такъ и ждать, что̀ будетъ съ нами дальше, намъ показалось скучно, и мы рѣшили играть въ карты.

Къ счастію, нашлась колода картъ; правда, знаки на картахъ едва были видны, но одинъ изъ насъ начертилъ ихъ карандашомъ. Игру избрали мы «въ носки»: кто сколько проиграетъ, расплачивается носомъ, получая, сколько слѣдуетъ ударовъ по носу тремя картами. Эта игра насъ развеселила, и мы много смѣялись. На третій день пришли каменщики и начали закладывать одну дверь у нашей ловушки; мы подумали: не хотятъ ли насъ уморить голодной смертью? Ну, что̀ будетъ, воля Божія! Впрочемъ, въ компаніи какъ-то весело. Дверь нашей ловушки до половины была уже заложена; но, должно быть, Бухарцы одумались, что дѣлаютъ что-то неладное: чрезъ нѣсколько дней пришли тѣже каменщики, разобрали закладку, убрали кирпичъ и оставили дверь свободной по старому.

Мы стали попристальнѣе разсматривать нашу комнату. Стѣны были вымазаны глиной. На одной стѣнѣ мы замѣтили 7 строчекъ черточекъ,

каждая строка имѣла 30 или 31 черточку, и мы узнали отъ Персіянина, который былъ къ намъ приставленъ для покупки провизіи, что годъ тому назадъ въ этой самой ловушкѣ были заключены три Итальянца, которые пріѣзжали сюда купить шелковичныхъ сѣмянъ, но ихъ почему-то сочли за шпіоновъ (Бухарцы въ каждомъ Европейцѣ подозрѣваютъ шпіона). Семь строкъ черточекъ на стѣнѣ означаютъ, что они сидѣли подъ арестомъ около 7 мѣсяцевъ; потомъ уже ихъ и отпустили, увѣрившись, что они не шпіоны.

Однажды приходитъ къ намъ Персіянинъ веселый. Мы спрашиваемъ его, почему онъ веселъ. «Мы всѣ веселы», говоритъ онъ: «чапаръ пришелъ, привезъ извѣстіе, что вода идетъ изъ Самарканда, и завтра будутъ наполняться всѣ либегаузы», т. е. пруды, со ступенями изъ дикаго камня до самаго дна. Эти-то пруды и наполняютъ водой, посланной изъ Самарканда; на протяженіи 280 верстъ отъ Самарканда до Бухары вода эта поитъ все посѣянное и посаженное на пути; этой же водой питаются и жители Бухары. Кто пьетъ эту воду некипяченою, у того образуются въ тѣлѣ рышты или волосатики, почти въ спичку толщиной, аршинъ и болѣе длиной. Насъ Русскихъ было восемь человѣкъ и одинъ я избавился отъ рышты, потому что во все время моего пребыванія въ столицѣ не пилъ холодной воды изъ прудовъ, а пилъ всегда горячій или простывшій чай. У одного изъ нашихъ вытащили 30 штукъ рыштовъ; если бы онъ, или кто другой, имѣющій рышты, пріѣхалъ въ Россію, то бы сгнилъ, но въ Бухарѣ на эту болѣзнь есть много свѣдущихъ знахарей; въ наше время найти на тѣлѣ и вытащить знахарь бралъ по тàнкѣ (25 коп. сер.) за каждую рышту.

Мы хотя не мѣтили на стѣнѣ дней, сколько прожили, но по нашему счету мы находились въ этой ловушкѣ 16 дней. На 17-й день пришелъ къ намъ Бухарецъ, вѣроятно, чиновникъ, приказалъ намъ взять свои вещи и слѣдовать за нимъ, объявивъ, что мы переводимся въ такой-то караванъ-сарай. Мы весьма обрадовались этой перемѣнѣ. Пройдя дворъ, у самыхъ воротъ, мы нашли осѣдланныхъ нашихъ лошадей. Мы поблагодарили Персіянина, который покупалъ намъ провизію, и дали ему нѣсколько тàнковъ за его честность; потомъ сѣли на своихъ лошадей. Нѣкоторые Бухарцы закричали на насъ: «тушъ, тушъ», т. е. слѣзьте съ лошади; по ихнему, такъ какъ мы арестанты, должны городомъ лошадь вести въ поводу, какъ Евреи, но мы на ихній крикъ не обратили вниманія. Чиновникъ доставилъ насъ въ назначенный караванъ-сарай и сдалъ насъ подъ охрану сараймана, хозяина караванъ-сарая.

Лошадямъ нашимъ дали мѣсто, а намъ отвели помѣщеніе во второмъ этажѣ. Мнѣ дана маленькая хажура, сажени три въ квадратѣ,

такъ какъ насъ двое, а Онуфріевымъ молодцамъ вдвое болѣе помѣщеніе, потому что ихъ шесть человѣкъ. Хажура, какъ и наша первая ловушка, была выштукатуренная или вымазанная глиной внутри и снаружи, двери рѣшетчатыя, вмѣсто стеколъ заклеены масляной бумагой, только бумагу эту нерѣдко прорываютъ кошки. Если у кого на ночь остается что-нибудь съѣстное, то кошка уже непремѣнно побываетъ, прорветъ въ дверяхъ бумагу и похититъ все, что́ у васъ есть съѣдобнаго. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются торговцы-Бухарцы, между ними есть значительные капиталисты, а вверху съ нами въ такихъ же хажурахъ помѣщались Бухарскіе скорняки. Когда насъ арестовали, въ тотъ же день отъ Бухарскаго правительства посланъ былъ чапаръ къ эмиру съ докладомъ объ арестѣ Русскихъ и о томъ, куда насъ помѣстили. Эмиръ былъ въ это время въ Самаркандѣ, второй столицѣ Бухары; вотъ эмиръ и распорядился, чтобы насъ перевели въ караванъ-сарай. Намъ позволяли свободно гулять только по двору, а за ворота выходить мы не могли (въ воротахъ всегда находилась стража). Но мы и этому помѣщенію были очень рады: мы все-таки могли изрѣдка разговаривать съ торгующими Бухарцами. Много разговаривать съ нами они остерегались, а Евреи даже совсѣмъ перестали ходить въ этотъ караванъ-сарай. Евреямъ и въ Бухарѣ мало вѣрятъ. Боже сохрани, если бы какой-нибудь Еврей вздумалъ посѣтить Русскихъ, хотя бы и по торговому дѣлу, ему бы не сдобровать ножа. Если намъ что-нибудь требовалось или было нужно что-нибудь купить изъ провизіи, намъ приказано было обращаться къ служащимъ при караванъ-сараѣ, которыхъ находилось при немъ около десяти человѣкъ; но воспрещено было носить къ намъ провизію и прочіе товары вольнымъ торговцамъ; а позволено только Бухарцамъ, у которыхъ мы и покупали что̀ намъ требовалось. Большей частью мы питались курицами, употребляя ихъ въ пловъ; готовить пловъ мой подручный Кайдаловъ былъ великій мастеръ; курицы же здѣсь крупныя-кохинхинки и не дороги.

Вскорѣ послѣ нашего переселенія изъ ловушки въ караванъ-сарай приходитъ ко мнѣ Бухарецъ, квартирный хозяинъ, у котораго въ домѣ остались купленные мною и упакованные коконы, и предлагаетъ продать ихъ, такъ какъ нашлись на нихъ покупатели и даютъ настоящую цѣну. Какъ же я продамъ коконы, когда посланъ въ Бухару для покупки ихъ! Бухарецъ объяснилъ мнѣ, что если коконы въ такой упаковкѣ пролежатъ зиму, то отъ нихъ останется одна пыль. «Въ такомъ случаѣ», спрашиваю я, «что́ нужно сдѣлать, чтобы сохранить коконы?»—«Если», говоритъ Бухарецъ: «продать ты не хочешь, то для сохраненія отъ снѣгу, дождя и моли нужно обшить таи въ лошадиныя

или коровьи шкуры, и товаръ будетъ сохраненъ». Я просилъ его, чтобы онъ распорядился купить кожъ и ими обшить, какъ знаетъ, таи, и этой обшивкой сохранены были коконы.

Между тѣмъ время идетъ, намъ становится и скучно, и грустно; страшная жара, пыль и неизвѣстность, что̀ съ нами будетъ, все это насъ тревожило, только во снѣ и забываешься: иногда грезится, будто въ Ростовѣ находишься или въ Оренбургѣ съ родными; а какъ проснешься, такъ мурашки и поползутъ по сердцу—арестантъ въ Бухарѣ! Отъ жары сверху одѣтъ кожей и постлана кожа. Поутру встанешь, помолишься Богу и, соединясь съ Онуфріевскими молодцами, примешься за чай, и станетъ какъ будто повеселѣе.

Одинъ изъ Онуфріевскихъ молодцовъ, а именно Шкилинъ № 2-й, сдѣлалъ какъ-то намъ предложеніе. «Чѣмъ намъ», говоритъ: «скучать, давайте составимте компанію дѣлать изъ винограда водку, съ водочкой-то намъ все будетъ повеселѣе». Но мы всѣ отклонили его предложеніе, говоря, что и безъ этой затѣи Бухарцы смотрятъ на насъ непріязненно. «Ну, такъ чортъ съ вами», сказалъ онъ: «я буду дѣлать водку одинъ и пить буду одинъ, а вамъ дамъ только понюхать». Шкилинъ сдержалъ свое слово, началъ дѣлать самъ препараты для гонки водки: надѣлалъ изъ жести трубочекъ, и самъ спаялъ, только холодникъ у него никакъ не задавался. Тогда онъ вырѣзалъ изъ картона форму холодника и склеилъ такъ, что трубочки входили въ холодникъ, и отдалъ эту модель служащему Бухарцу, чтобы онъ сходилъ къ хорошему слесарю и заказалъ такую штуку изъ жести, говоря, что она нужна ему для лѣкарства. Виноградъ онъ сквашивалъ въ боченкѣ въ $^1/_4$ ведра, сквашенный виноградъ кипятилъ въ мѣдномъ чайникѣ, у котораго крышку замазывалъ, а сверху крышки провернулъ дырочку для трубочки: вотъ и весь препаратъ. Этимъ рукодѣльемъ онъ занимался ночью, чтобы изъ Бухарцевъ никто не видалъ, и своимъ искусствомъ достигъ, что у него изъ винограда водка доходила до 40 градусовъ. И слово свое онъ держалъ: даже главному своему приказчику, когда мы обѣдаемъ, дастъ только понюхать водочки, а выпьетъ самъ. Мы всѣ съ завистью смотрѣли, какъ Шкилинъ попиваетъ. Впрочемъ, и для насъ онъ былъ снисходителенъ: если кто изъ насъ былъ именинникъ, то на этотъ день заранѣе просилъ изготовить бутылки три водки, съ платою по 1 рублю за бутылку. Впрочемъ такая скупость въ водкѣ со стороны Шкилина не отъ него зависѣла, а отъ $^1/_4$ ведернаго боченка: будь боченокъ ведерный, мы всѣ бы попивали водочку самую дешовую, но такой боченокъ въ Бухарѣ найти трудно.

Отъ скуки мы занимались тѣмъ, кто что умѣлъ дѣлать: нѣкоторые шили себѣ изъ Бухарской матеріи платья, нѣкоторые стегали одѣяла, а Шкилинъ придумалъ для развлеченія надѣлать скрипокъ и сдѣлалъ три скрипки съ помощью одного перочиннаго ножа, изъ бараньихъ кишекъ надѣлалъ струнъ, а изъ конскихъ волосъ смычковъ. Матеріалу купить было можно; только, къ несчастью, ни одного изъ насъ не было музыканта, который могъ бы играть на скрипкѣ. Мы любовались также на муравьевъ, которые здѣсь на галереѣ въ кирпичномъ полу устроили себѣ гнѣздо. Здѣшніе муравьи много крупнѣе нашихъ лѣсныхъ и у нихъ кверху торчатъ красненькіе хвостики. Муравьи нерѣдко посѣщали мой мѣшокъ съ ячменемъ, который у меня имѣлся для лошади: на мѣшкѣ была небольшая дырочка, изъ которой, когда я бралъ ячмень, понемногу сыпалось. Муравьи послѣ каждаго раза, когда я бралъ ячмень для лошади, приползали партіей къ мѣшку, и каждый муравей уносилъ по зерну въ свое жилище; иногда штукъ до 30 и болѣе приползутъ, каждый тащитъ зерно и карапаномъ идутъ другъ за дружкой. Меня это интересовало, и я не зашивалъ дырочку на мѣшкѣ.

Между тѣмъ стали появляться и Бухарцы, хозяева изъ Оренбурга, и посѣщали Онуфріевыхъ приказчиковъ, какъ Оренбургскихъ знакомыхъ. Тѣ спрашиваютъ: «Какъ же васъ отпустили, а мы томимся здѣсь?»—«И насъ», говорятъ Бухарцы, «не отпускали; но мы, у кого слѣдуетъ, просили, чтобы они уволили нѣсколько человѣкъ нашихъ служащихъ для передачи нашимъ семействамъ, что мы задержаны въ Оренбургѣ; но только вмѣсто служащихъ отправились сами хозяева, а служащіе вмѣсто хозяевъ остались въ Оренбургѣ». Къ чему-то избраны были у торгующихъ съ Бухарцами изъ купцовъ три попечителя, а именно: Дюковъ, Быковскій и Ключаревъ. Равно и товары изъ Оренбурга чрезъ Хиву отправляли Бухарцы свободно; лучшій товаръ весь былъ вывезенъ, оставался только дешевый; а нашъ товаръ, который мы отправили изъ Бухары, за 400 верстъ воротили. Бухарцы строго исполняли приказаніе высшаго начальства. Наши довѣрители мало безпокоились о своихъ служащихъ, а у нихъ болѣло сердце только о товарѣ и убыткѣ; если и убьютъ котораго изъ насъ, то они скажутъ только: «Царство небесное, жалко бѣдныхъ». Такъ и случилось съ однимъ моимъ землякомъ, Ростовскаго уѣзда, Борисоглѣбской слободы, Михаиломъ Ивановичемъ Чудиновымъ. Когда мы отправляли вороченный Бухарцами товаръ, то впередъ послали Киргиза съ письмами, чтобъ увѣдомить своихъ довѣрителей, что такого-то мѣсяца и числа отправленъ товаръ и въ такое-то время онъ долженъ быть въ Орен-

бургѣ. Время это пришло, а товара нѣтъ. Они ждутъ недѣлю, двѣ и мѣсяцъ, а товара все нѣтъ. Довѣрители наши, Онуфріевъ солдатъ и С. Я. Ключаревъ наняли вышеупомянутаго Чудинова разыскать товаръ, снабдивъ его на случай деньгами. Чудинову хорошо была извѣстна вся За-сыръ-Дарьинская степь, и онъ отправился съ проводникомъ Киргизцемъ. Разыскать товаръ Чудиновъ, конечно, не могъ, потому что онъ находился въ Бухарѣ, а голову свою потерялъ въ степи: ему ее отрубили, и неизвѣстно кто; виновника такъ и не нашли, да никому, кажется, не было надобности и хлопотать. Какое семейство осталось у Чудинова, мнѣ неизвѣстно: но знаю, что у него была дочь—невѣста. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я находился уже въ Ростовѣ, сыну Ключарева А. С. (такъ какъ самъ Ключаревъ лежалъ въ параличѣ) вздумалось наградить дочь Чудинова 200 рублями. И онъ, А. С. Ключаревъ, писалъ мнѣ, чтобы я увѣдомилъ его, когда она будетъ выходить замужъ, и ей написалъ, чтобы тоже увѣдомила. Но вотъ судьба: отецъ, самъ Ключаревъ, умеръ и сынъ умеръ, а дочь Чудинова замужъ не вышла. Наконецъ Богъ далъ ей жениха. Она обратилась съ письмомъ къ сыну А. С., которому послала и отцовское письмо для удостовѣренія, но вмѣсто денегъ получила обѣщаніе уже отъ внука, что онъ постарается выслать деньги и не допуститъ отца своего лежать въ могилѣ въ долгу. Но вотъ и внукъ, молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, умираетъ, и оба съ отцомъ почили въ долгу. Вотъ какая награда за отрубленную голову своего служащаго, и это отъ сотенъ тысячъ! Я отступилъ нѣсколько отъ главнаго предмета своего разсказа, но это тоже прикосновенно къ моему воспоминанію о Бухарѣ.

Между тѣмъ дѣло нашего освобожденія впередъ не подвигается. Мы спрашиваемъ Бухарцевъ, которые пріѣхали изъ Оренбурга: «Вотъ васъ отпустили, а насъ для чего держатъ?»—«Мы», говоритъ, «освободились подъ видомъ малаекъ, т. е. служащихъ». «Такъ когда же насъ освободятъ, есть ли какой слухъ?» — «Худой блядоръ», т. е. Богъ знаетъ.

Немало приходило Бухарцевъ (которые мало видали Русскихъ) по крышамъ посмотрѣть на насъ, какъ на дикихъ звѣрей. Въ Бухарѣ по крышамъ ходитъ даже сторожевая полиція, и собакъ, кто имѣетъ, держатъ на крышахъ; по крышамъ можно пройти всю столицу.

Однажды приходитъ ко мнѣ квартирный хозяинъ, у котораго хранился мой товаръ, и говоритъ, что Киргизецъ несъ мнѣ какое-то письмо, но его здѣсь въ воротахъ арестовали. Я сказалъ ему, что никакого письма мнѣ не подавали; да и письмо, быть можетъ, было не

мнѣ. Прошло около трехъ недѣль; тоже въ воротахъ стража задержала Киргизца съ письмомъ ко мнѣ же, какъ передатчика Русскихъ писемъ. Но часа черезъ два приходитъ ко мнѣ Киргизецъ съ Бухарцемъ и подаютъ мнѣ письмо отъ довѣрителя моего С. А. Ключарева. Бухарецъ спрашиваетъ меня: «Это письмо вамъ?» Я сказалъ, что мнѣ. «Получите его», и оба удалились. И что же выяснилось? Три недѣли тому назадъ былъ задержанъ съ письмомъ ко мнѣ этотъ же самый Киргизъ, который эти три недѣли находился подъ арестомъ, а письмо мое было послано въ Самаркандъ за 280 верстъ съ курьеромъ къ самому эмиру. Эмиръ, прочитавъ мое письмо черезъ переводчиковъ, ничего въ немъ не нашелъ кромѣ торговыхъ дѣлъ и приказалъ отдать его, кому оно адресовано. Вотъ сколько хлопотъ Бухарскимъ властямъ надѣлало это ничтожное письмо.

Въ другой разъ я получилъ письмо, которое послано было изъ Оренбурга съ Афганцемъ; тотъ сдѣлалъ много аккуратнѣе Киргизца. Афганцы торгуютъ въ Бухарѣ Англійскими товарами, и входъ имъ никуда не воспрещенъ. Афганецъ былъ мнѣ вовсе незнакомъ, но, вѣроятно, разспросилъ тѣхъ же Бухарцевъ, торгующихъ въ караванъ-сараѣ, котораго изъ насъ какъ зовутъ. Мы жили во второмъ этажѣ, но мнѣ понадобилось сойти внизъ дать лошади корму и напоить ее. На половинѣ лѣстницы встрѣтился со мною Афганецъ и, не говоря ни слова, положилъ мнѣ письмо въ руку, а самъ прошелъ на верхъ. Въ этомъ письмѣ было письмо и изъ Ростова, а получить вѣсточку отъ своей семьи мнѣ было всего дороже.

Но вотъ разнесся слухъ, что эмиръ возвратился изъ Самарканда и готовится къ войнѣ съ Русскими. Вскорѣ этотъ слухъ подтвердился на дѣлѣ: въ нашъ караванъ-сарай стали являться новыя лица; то Туркмены, вооруженные саблями, то Бухарцы въ шелковыхъ халатахъ, вооруженные кривыми саблями и черными щитами съ мѣдными украшеніями. Мы только посматриваемъ и разсуждаемъ между собой, что если начнется война, то съ нами будетъ какая-нибудь перемѣна, а о свободѣ нечего и думать. Даже нашихъ лошадей хотѣли взять для арміи, а мою лошадь, большую гнѣдую, назначили подъ артиллерію, но эмиръ запретилъ брать лошадей у Русскихъ.

Однажды, изъ числа служащихъ десяти человѣкъ въ караванъ-сараѣ, пришелъ къ намъ на верхъ молодой парень съ ружьемъ, у котораго курокъ съ фитилемъ, и къ ружью привязана рогатка. Когда Бухарцы стрѣляютъ, то ружье кладутъ на рогатку. Вѣроятно, этого служащаго назначили въ милицію. Онъ у насъ на галереѣ разставилъ

свою рогатку, положилъ ружье и началъ цѣлиться. Я спросилъ его: «Стрѣлять учишься что ли?» Но онъ мнѣ отвѣтилъ, что давно умѣетъ. Я ему и говорю: «Съ этимъ ружьемъ и твоимъ умѣньемъ трудно тебѣ будетъ справиться съ нашими солдатами».—«О, говоритъ онъ, ты не знаешь, что̀ я съ ними сдѣлаю; не хочешь ли и ты побороться со мною?» Хотя онъ былъ моложе меня и почти на голову выше, но мнѣ, какъ Русскому человѣку, было стыдно и позорно отказаться отъ борьбы съ Бухарцемъ, и я принялъ его вызовъ. Когда мы схватились бороться, Бухарцы, торгующіе внизу въ лавкахъ, выступили на средину караванъ-сарая смотрѣть на насъ. Я нѣсколько спеціалистъ въ борьбѣ и борюсь черезъ бедро. Бухарецъ, схватившись со мной, такъ и пляшетъ около меня; но я улучилъ время, когда онъ отъ своей горячности утомился; сразу хватилъ его черезъ бедро, и Бухарецъ лежалъ уже на полу галереи. Когда онъ сошелъ внизъ, Бухарцы стали надъ нимъ смѣяться, что такой парень не могъ побороть тощаго Русскаго; но онъ сказалъ, что я пьянъ, а у пьянаго силы больше.

Такая же исторія случилась съ Онуфріевскимъ рабочимъ, когда онъ сушилъ хлопокъ въ Пермязи, гдѣ у насъ находились товары, за 35 верстъ отъ Бухары. Одинъ Бухарецъ, извѣстный среди своихъ за лучшаго наѣздника и борца, привязался къ рабочему Степану: поборемся, да поборемся. Степанъ отказывался, что не хочетъ бороться, но Бухарскій богатырь не отвязывался, и Степанъ вынужденъ былъ схватиться. Оно былъ простой мужикъ, выше средняго роста, широкоплечій, около 40 лѣтъ, бороться не умѣлъ, но имѣлъ хорошую силу, благодаря которой и одолѣлъ Бухарца. Этому Бухарцу было стыдно, что среди своихъ онъ слылъ богатыремъ, а Русскій его одолѣлъ.

Итакъ, Русскіе арестанты какъ бы положили начало побѣдѣ Русскихъ надъ Бухарцами. Но вотъ дошелъ до насъ слухъ отъ Бухарскихъ торговцевъ, что Бухарскія войска выступаютъ сражаться съ Русскими, а вслѣдъ за ними выѣдетъ и самъ эмиръ. Прежде чѣмъ начать войну, эмиръ разсудилъ послать пословъ къ г. Черняеву въ Ташкентъ и захватить одного изъ насъ Русскихъ; назначили присоединить къ посламъ сары-Николая, т. е. Рыжаго Николая, главнаго приказчика Онуфріева, хотя тотъ и отказывался, что у него еще не кончены торговыя дѣла, и указывалъ на меня, что я, Николай Черный, продажу и покупку закончилъ. Но Бухарцы на это ему сказали, что Николаю Черному они не вѣрятъ, а какъ ты давно намъ знакомъ, тебя и назначаемъ ѣхать съ послами. Меня Бухарцы считали за шпіона. Они хорошо знали, что моему батюшкѣ-тестю Ключареву было порученіе

отъ генералъ-губернатора Василія Алексѣевича Перовскаго разузнать кое-что въ пути о Ташкентѣ, когда онъ отправлялся торговать приказчикомъ Баранова и Зубова. Ключаревъ исполнилъ порученіе Перовскаго очень удачно и за это награжденъ золотою медалью. Бухарцы все это знали очень хорошо, а я, къ несчастію, зять Ключарева, и въ Бухарѣ слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ.

Послѣ отправились и взяли съ собой сары-Николая. Вскорѣ за послами отправился въ армію и самъ эмиръ. По пути онъ заѣхалъ на поклоненіе на могилу святого Богоуддина, котораго почитаютъ всѣ Бухарцы, и каждую Среду множество народа ѣздитъ на поклоненіе этому святому. Бухарцы сказывали, что эмиръ ложился на могилу святого, прося, чтобы онъ даровалъ побѣду надъ Русскими.

Недолго пробыли послы въ Ташкентѣ. Съ ними возвратился и нашъ сары-Николай. Г. Черняевъ предлагалъ ему, если онъ желаетъ, остаться въ Ташкентѣ; но какъ у сары-Николая въ Бухарѣ на рукахъ хозяйскаго товару было болѣе чѣмъ на 150 тысячъ, то онъ остаться не согласился.

Послы должны были упросить г. Черняева уступить Ташкентъ Бухарцамъ безъ боя; въ противномъ случаѣ Бухарцы обѣщали воевать. Г. Черняевъ отдать безъ боя завоеванный имъ Ташкентъ не согласился. Онъ разспрашивалъ сары-Николая, много ли у Бухарцевъ арміи, такъ какъ послы ѣхали черезъ свою армію; но сары-Николай не могъ опредѣлить количество войска. Тогда г. Черняевъ спросилъ: «По крайней мѣрѣ, какое пространство занимаетъ Бухарская армія?» На это сары-Николай правильно сказалъ, на сколько верстъ по пути къ Ташкенту стоитъ Бухарская армія. «Да», сказалъ г. Черняевъ, «ихъ пожалуй, будетъ около 50 тысячъ». Русской арміи было не болѣе 2500 человѣкъ, въ томъ числѣ около 500 человѣкъ Киргизъ-джигитовъ; но г. Черняевъ положился на Бога, храбрость и неустрашимость Русскихъ воиновъ, и война началась.

Тотъ же самый сары-Николай, возвратившійся съ послами, разспрашивалъ знакомыхъ Бухарцевъ, которыхъ у него было много, какъ дерутся Бухарцы съ Русскими; но они отвѣчали какъ-то уклончиво. Я и сказалъ своимъ товарищамъ: «Развѣ Бухарцы скажутъ, если Русскіе ихъ бьютъ? А вы смотрите, вонъ сидитъ кружокъ торговцевъ по срединѣ караванъ-сарая и распиваютъ изъ одной чашечки зеленый чай. Смотрите на ихнія лица, какъ они невесело разсуждаютъ, вѣроятно, о войнѣ; значитъ, наша маленькая армія по-маленьку ихъ поколачиваетъ. Если бы они Русскихъ били, тогда лица ихнія были бы веселыя и на насъ, на гяуровъ, стали бы смотрѣть съ злорадствомъ, стали бы подумывать, что сдѣлать съ нами; но какъ наши Русскіе бьютъ ихъ, они и здѣсь

смирнѣе». Но Боже сохрани, если бы Бухарцы побѣждали Русскихъ: тогда намъ не было бы никакой пощады. И то намъ прожужжали уши Бухарскіе мальчишки, бѣгавшіе по узкой улицѣ, своимъ крикомъ: «Когда будутъ рѣзать Русскихъ?» Хотя это говорили и ребята, но намъ слышать было весьма непріятно.

Но вотъ намъ вышло отъ высшаго начальства разрѣшеніе, что мы можемъ уѣзжать изъ города на короткое время въ уѣздъ. Боже мой, какъ мы обрадовались, какъ хотѣлось подышать вольнымъ воздухомъ и увидѣть зелень, которой столько мѣсяцевъ не видѣли! Но и тутъ для меня явилась преграда. Всѣ Онуфріевскіе приказчики отправились къ своему товару, посмотрѣть, въ какомъ положеніи онъ находится. И я также собирался побывать къ своему товару (тѣмъ болѣе, что товаръ у меня цѣнный—шелковичные коконы) и взглянуть, какъ онъ упакованъ въ лошадиныя и коровьи шкуры. Но вотъ бѣда: всѣ Русскіе могутъ отлучаться изъ караванъ-сарая, а мнѣ одному не дозволено. Такое распоряженіе Бухарскихъ властей меня чувствительно поразило: не столько я безпокоился о себѣ, сколько мнѣ нужно было посмотрѣть свой товаръ. Ко мнѣ пріѣхалъ Бухарецъ, мой квартирный хозяинъ; я и спрашиваю его, почему мнѣ не дозволяютъ выѣхать посмотрѣть свой товаръ. На это онъ мнѣ сказалъ: «Тебѣ, Николай, Бухарское правительство не совсѣмъ довѣряетъ и слѣдитъ за тобой больше всѣхъ; впрочемъ, я попрошу, кого слѣдуетъ, чтобъ тебѣ дозволили съѣздить посмотрѣть товаръ свой». Онъ исполнилъ свое обѣщаніе, и мнѣ было дозволено съѣздить посмотрѣть свой товаръ, въ какомъ положеніи онъ находится.

Я отправился вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. Осмотрѣвъ товаръ, я нашелъ его исправнымъ, такъ какъ квартирный хозяинъ о немъ заботился. Я попилъ у своего хозяина чайку, пообѣдалъ по-бухарски поѣлъ плову и отправился одинъ въ Бухарскую столицу.

Не успѣлъ я отъѣхать одной версты, какъ подъѣхалъ ко мнѣ Бухарецъ, молодой человѣкъ, верхомъ на лошади. «А, здравствуй, Николай. Куда ѣдешь?» спрашиваетъ. Я откровенно сказалъ ему, что былъ тутъ-то и ѣду въ городъ. «Ну, говоритъ онъ, такъ поѣдемъ вмѣстѣ; намъ будетъ веселѣе». Я былъ очень радъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. Не сдѣлали мы и пяти верстъ, какъ со стороны выѣхали два Онуфріевскихъ приказчика. Они тоже осматривали свои товары и также отправлялись въ городъ, но только имъ надо было еще заѣхать, по приглашенію, къ одному пріятелю Бухарцу въ гости. Они пригласили и меня съ собой. Я былъ радъ ихнему приглашенію, главное съ ними веселѣе было ѣхать. Домъ Бухарца былъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Глядимъ, и Бухарецъ, который сопровождалъ меня, ѣдетъ за нами.

Онуфріевскіе приказчики спрашиваютъ его, куда онъ ѣдетъ. «Туда, отвѣчаетъ Бухарецъ, куда ѣдете вы». Такъ съ нами и пріѣхалъ въ гости къ Бухарцу и вмѣстѣ съ нами угощался, а послѣ угощенія вмѣстѣ съ нами ѣхалъ всю дорогу до самаго караванъ-сарая, гдѣ мы содержались.

Въ воротахъ онъ что-то поговорилъ со старшимъ, показалъ на меня и уѣхалъ, не въѣзжая въ караванъ-сарай. Бухарецъ этотъ посланъ былъ слѣдить за однимъ мной: меня прямо считали шпіономъ. Вотъ каково было мое положеніе въ Бухарѣ!

Но Бухарцы и Бухарское правительство, считая меня за шпіона, съ одной стороны были правы: тесть и довѣритель мой Ключаревъ, когда былъ приказчикомъ у г. Зубова, былъ посланъ въ Ташкентъ по торговымъ дѣламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему секретно было поручено отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора развѣдать мѣстность крѣпости, воду и все, что̀ онъ найдетъ замѣчательнымъ. Онъ и исполнилъ, что̀ могъ. Ташкенцы и Бухарцы узнали объ этомъ, но уже тогда, когда онъ возвратился въ Оренбургъ. Вотъ по этому случаю Бухарцы такъ строго и слѣдили за мной; при томъ же со мной былъ посланъ серебряный чайный сервизъ и письмо господину токсабѣ, министру Бухарскому, отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора; послѣднее обстоятельство еще болѣе убѣждало Бухарцевъ, что я шпіонъ.

Наступила и весна, Мартъ мѣсяцъ 1865 года. Вездѣ показалась зелень, только въ нашемъ караванъ-сараѣ, да и во всей столицѣ, не увидишь ея. У Бухарцевъ наступилъ новый годъ (9 числа Марта). Они его празднуютъ: въ этотъ день бываетъ борьба, скачки, изъ дворца бросаютъ народу маленькія головки сахару, и Бухарцы человѣкъ по шесть и больше кружатся съ головкой сахару; какъ ужъ они дѣлить ее будутъ или одному кому достанется, мнѣ неизвѣстно. У насъ же Русскихъ православныхъ наступилъ Великій постъ, который мы рѣшились не кушать скоромнаго и готовить кушанье изъ плодовъ и фруктовъ, какіе найдутся; поваромъ у насъ былъ г. Шкилинъ. Намъ было очень пріятно видѣть, что въ это время Бухарцы по всѣмъ базарамъ продавали красныя яйца; это напоминало намъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, котораго мы ожидали съ нетерпѣніемъ. Вотъ насталъ и этотъ давно ожидаемый день. Все, что̀ было можно приготовить для великаго праздника, мы приготовили и рѣшили, какъ будетъ двѣнадцать часовъ, засвѣтить предъ иконами, которыя у насъ были, деревянное масло въ чайныхъ стаканахъ вмѣсто лампадокъ и пропѣть всѣ пасхальныя пѣсни по скольку разъ слѣдуетъ: святцы у меня были. Мы ожидали съ восторгомъ Святой ночи. Къ двѣнадцати часамъ засвѣтили лампадки, и всѣ 8 человѣкъ начали пѣть «Христосъ воскресе», «Во-

скресенія день» и такъ далѣе, по уставу, по скольку разъ слѣдуетъ пѣть каждый стихъ. Не пропѣли и четверти заутрени, какъ въ дверяхъ нашей комнаты показался сарайманъ и повелительно закричалъ намъ: «не кричать». Я вышелъ къ нему на галерею и объяснилъ, что у насъ наступилъ большой праздникъ, и мы поемъ священныя пѣсни. Но онъ опять повторилъ: «Не кричать, я вамъ приказываю». Я еще разъ объяснилъ ему, что у насъ большой праздникъ, и намъ слѣдуетъ пѣть, но онъ повторялъ свое.

Тогда мной овладѣла какая-то смѣлость, и я, забывъ, что я арестантъ въ Бухарѣ, спросилъ сараймана, есть ли у него записка отъ токсабы. Сарайманъ отвѣтилъ, что записки онъ не имѣетъ. Послѣ этого я возвысилъ голосъ и говорю: «Какъ же ты, не имѣя приказанія отъ токсабы, запрещаешь намъ молиться Богу? Хочешь ли я сброшу тебя внизъ черезъ эти перила», и я подступилъ къ нему очень близко. Сарайманъ, повидимому, порядочно струсилъ, протянулъ ко мнѣ руки со словами: «О, Николай, Николай», и задомъ началъ пятиться къ сходной лѣстницѣ. Послѣ этой сцены мы, не торопясь, допѣли заутреню, и сарайманъ насъ болѣе не безпокоилъ.

Послѣ этой нашей небольшой ссоры сарайманъ ко мнѣ не показывался до нашего освобожденія, но къ моимъ товарищамъ приходилъ нерѣдко и говорилъ имъ, что если Русскихъ будутъ рѣзать, то Николая Чернаго, т. е. меня, онъ зарѣжетъ собственными руками.

Въ половинѣ Апрѣля 1865 года на нашемъ подворьѣ, гдѣ мы были заключены, торгующіе Бухарцы стали что-то перешептываться, и въ караванъ-сараѣ начали показываться новыя личности, даже изъ числа военныхъ.

Однажды приходятъ ко мнѣ Онуфріевскіе приказчики и говорятъ, что принесли хорошую новость, которую и обѣщали разсказать за обѣдомъ; тутъ и Шкилинъ, водочный мастеръ, обѣщалъ поднести по стаканчику.

Когда собрались обѣдать, Шмелевъ, тотъ самый который ѣздилъ въ Ташкентъ къ генералу Черняеву съ Бухарскими послами, разсказалъ все. Вчера приходилъ къ намъ одинъ Бухарецъ, молодой человѣкъ, который хорошо намъ знакомъ, потому что мы съ нимъ и его отцемъ давно торгуемъ въ Оренбургѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Бухарской арміи и былъ въ лагерѣ, гдѣ находился самъ эмиръ. «Мы безпечно стояли въ лагерѣ» разсказывалъ Бухарецъ, и думали, какъ бы намъ разбить Русскихъ, какъ вдругъ слышимъ, во всемъ лагерѣ поднялась тревога, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ наши Бухарцы и кричатъ: «Урусъ, Урусъ» (т.-е. Русскіе, Русскіе). Во всемъ станѣ сдѣлалась такая паника, что каждый думалъ спастись бѣгствомъ, а особенно тѣ, у кото-

рыхъ были хорошія лошади. Самъ эмиръ бѣжалъ первый безъ чалмы и калошъ. «И я тоже, говорилъ молодой Бухарецъ про себя, не отсталъ отъ прочихъ, только успѣлъ кое-какъ осѣдлать лошадь и бѣжалъ съ другими, даже не захватилъ и деньги, которыхъ у меня осталось въ пользу Русскихъ 16 тысячъ танковъ. Весь лагерь и весь обозъ достался Русскимъ; одного серебра для содержанія арміи было 40 телѣгъ. И самъ эмиръ скоро прибудетъ сюда въ столицу-Бухару. Вѣроятно, прибавилъ Бухарецъ, и съ вами будетъ перемѣна къ лучшему».

Нашъ караванъ-сарай, или подворье, стали посѣщать новыя личности, возвратившіяся изъ своей побѣдоносной арміи. Съ нами стали обращаться благосклоннѣе. Но вотъ прошелъ слухъ, что скоро будетъ въѣзжать въ столицу-Бухару самъ эмиръ. Слухъ этотъ скоро оправдался: къ намъ пришелъ одинъ Бухарскій чиновникъ и приказалъ готовиться къ встрѣчѣ эмира, который прибудетъ завтра утромъ. Мы приняли это извѣстіе съ удовольствіемъ. На слѣдующее утро мы всѣ восемь человѣкъ отправились за городъ; Бухарцы также съѣзжались и сходились со всѣхъ сторонъ, кто на лошадяхъ, кто пѣшкомъ, и выстроились по пути, гдѣ будетъ проѣзжать эмиръ. И намъ дали мѣстечко встать, чтобы онъ насъ замѣтилъ. Вотъ вдали показался небольшой отрядъ, сопровождающій эмира. Бухарцы, приложа руки къ сердцу, кланялись эмиру, а онъ имъ отвѣчалъ глаженьемъ бороды. Когда онъ поравнялся съ нами, мы всѣ скинули каракулевыя шапки и поклонились, и въ отвѣтъ намъ онъ также погладилъ свою бороду.

Спустя немного времени послѣ пріѣзда эмира, а именно 6-го Іюня 1865 года, пришелъ къ намъ чиновникъ, посланный отъ токсабы, и приказалъ намъ двоимъ—Николаю Рыжему, который ѣздилъ въ Ташкентъ, и Николаю Черному, т.-е. мнѣ, явиться сейчасъ же къ токсабѣ. И мы вдвоемъ съ этимъ же чиновникомъ отправились во дворецъ къ токсабѣ. Чиновникъ доставилъ насъ лично къ нему въ его комнату. Токсаба принялъ насъ очень ласково, раскланялся съ нами; товарищъ мой сталъ передъ нимъ на колѣни, и я невольно послѣдовалъ его примѣру. Токсаба объявилъ намъ: «Эмиръ приказалъ объявить вамъ, что онъ даетъ свободу всѣмъ торговцамъ, какъ Русскимъ, такъ и Татарамъ; теперь вы можете отправиться на свою родину и можете торговать здѣсь свободно».

Раскланявшись съ токсабой, мы отправились съ радостной вѣстью къ своимъ товарищамъ; и вмигъ вся Бухара узнала, что Русскимъ дана свобода. Болѣе значительные Бухарскіе торговцы были рады нашему освобожденію, а сарайманъ, который хотѣлъ меня зарѣзать, пригласилъ насъ въ гости и показалъ своихъ женъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

1833.

Moscou, le 8 Juillet 1833.

J'ai eu une matinée très fatigante, ma chère Olga; mais il faut que je cause avec vous, que je vous embrasse, vous bénisse et vous remercie pour votre bonne lettre du 5. C'est affreux que ces incendies, c'est partout la même histoire. L'autre jour nous regardons de la fenêtre de votre soeur l'orage, tout d'un coup batz! et nous voyons un incendie éclater, mais c'était à une verste passé la barrière; depuis Верещагинъ m'a dit que c'était un village qui avait brûlé [2]).—Je vous écrirai à la hâte à bàton rompu. Le grand-duc est arrivé hier à 9 heures du soir en bonne santé et en 47 heures. Je l'ai manqué ce matin; car, quand je suis venu chez lui à 9 heures, son aide-de-camp de service m'a dit (m-r Дишка je vous prie d'écouter cela): вел. князь одѣлся въ форму и изволилъ поѣхать явиться къ военному генер.-губернатору, впрочемъ сегодня не приказалъ никого принимать. C'était si drôle pour moi d'aller présenter à madame la gr.-duchesse une lettre de son mari, tandis qu'il est arrivé lui-même déjà hier. Voilà une lettre bien intéressante par exemple, mais c'est que S. A. I. a dévancé deux postes. Les grâces de 1-er Juillet [3]) sont: Essen et Lévachoff comtes, la p-sse Repnine, la p-sse Bariatinsky, la b-ne Rosen d-lles d'hônneur, Mouravieff de Constantinopol aide-de-camp général de S. M. I. Le comte Schérémèteff et Démidoff de garde aides-de-camp de l'Empereur. Voilà tout. Hélas! point de portrait pour m-me la comtesse vice-chancelière!!! Князь Серг. Мих. Голицынъ пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ прямо на Мельницу [4]) къ себѣ, и первое

---

[1]) См. I-ю книгу „Русскаго Архива" 1906 г., стр. 351.

[2]) Московскіе пожары того времени были дѣломъ Поляковъ, дѣйствовавшихъ по такъ называемому Польскому Катихизису.

[3]) День рожденія императрицы Александры Өеодоровны.

[4]) Т. е. въ Кузминкѣ.

лицо, которое тамъ увидѣлъ, это была великая княгиня, qui y était allee se promener. Закревскій сегодня уѣхалъ. Dans le Midi il n'y a pas de recolte cette année. L'Empereur, pour prévenir la famine, a ordonné de donner à Repnine et au comte Michel Woronzoff un million. Je suis si fatigué, que je fais continuer à Катинька sous la dictée. Demain maman et votre soeur se présentent. Il me semble qu'au reste il n'y a rien de nouveau, si non que cette année l'Europe sera sans poivre, потому что въ Петербургѣ умеръ славный Перецъ.

Переводъ.

Москва, 8-е Іюля 1833.

Сегодняшнее утро было для меня очень утомительно; но нужно мнѣ поговорить съ тобой, дорогая Ольга, поцѣловать тебя, благословить и поблагодарить за милое письмо отъ 5-го числа. Ужасная вещь эти пожары, вездѣ таже исторія. На дняхъ мы смотримъ у твоей сестры, изъ окна, на грозу, вдругъ бацъ! и мы видимъ вспыхнувшій пожаръ, но это было въ верстѣ за заставой; позднѣе Верещагинъ сказалъ мнѣ, что сгорѣла деревня. Буду писать тебѣ на спѣхъ, урывками. Великій князь изволилъ пріѣхать вчера въ 9 часовъ вечера въ добромъ здравіи и черезъ 47 часовъ. Я не засталъ его сегодня утромъ, такъ какъ, когда пріѣхалъ къ нему въ 9 часовъ утра, его дежурный адъютантъ сказалъ мнѣ (Дишка, прошу тебя это выслушать): вел. князь одѣлся въ форму и изволилъ поѣхать явиться къ военному генер.-губернатору, впрочемъ сегодня не приказалъ никого принимать. Мнѣ такъ смѣшно поднести вел. княгинѣ письмо отъ ея мужа, когда онъ самъ пріѣхалъ уже вчера. Это письмо должно быть очень интересно; но дѣло въ томъ, что его высочество опередилъ двѣ почты. Высочайшія милости 1-го Іюля: Эссенъ и Левашовъ пожалованы графами, княжна Репнина, княжна Барятинская, баронесса Розенъ — фрейлинами, Муравьевъ Константинопольскій генералъ-адъютантомъ Е. И. В.—Графъ Шереметевъ и Демидовъ изъ гвардіи въ адъютанты Государя. Вотъ и все. Увы! нѣтъ портрета для графини вице-канцлерши!!! Князь Сер. Мих. Голицынъ пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ прямо на Мельницу къ себѣ, и первое лицо, которое тамъ увидѣлъ, это была великая княгиня, поѣхавшая туда кататься. Закревскій сегодня уѣхалъ. На Югѣ въ этомъ году неурожай. Государь, дабы предупредить голодъ, приказалъ выдать Репнину и графу Михаилу Воронцову милліонъ. Я такъ усталъ, что заставляю Катиньку продолжать подъ диктовку. Завтра мама и твоя сестра будутъ представляться. Кромѣ этого, кажется, ничего новаго нѣтъ, развѣ только то, что въ этомъ году Европа будетъ безъ перца, потому что въ Петербургѣ умеръ славный Перецъ.

Троица, 8 h. du soir.

La fameuse *Проказница* nous a apporté une просфора pour nous et une autre pour vous, que voici, ma chère Olga. Je n'ai pas besoin de dire que Шеметово vaut mieux que Moscou et vous seul mieux que

les 300 m. habitants qu'il y a dans la cité aux clochers d'or. Мнѣ было у тебя какъ въ раю; благодарю княгиню, милаго Дишку и тебя за угощеніе. J'espère que nous ne serons pas longtemps sans nous voir, car quoi de plus doux que de voir une famille unie, réunie. Катя a une mine longue comme le prince Léon [1]). Je vous embrasse et bénis. 1000 choses à la société.

Переводъ.

Троица, 8 ч. вечера.

Знаменитая „Проказница" принесла одну просфору намъ, а другую вотъ для васъ, дорогая моя Ольга. Мнѣ нечего говорить о томъ, что Шеметово лучше Москвы и ты одна лучше 300 тысячъ жителей златоглаваго города. Мнѣ было у тебя какъ въ раю; благодарю княгиню, милаго Дишку и тебя за угощеніе. Надѣюсь, что мы не долго будемъ въ разлукѣ, такъ какъ что̀ можетъ быть пріятнѣе лицезрѣнія семьи въ сборѣ? У Кати видъ кислый, какъ у князя Льва. Цѣлую и благословляю тебя. Тысячу привѣтствій всей компаніи.

Москва, 15 Juillet 1833.

Depuis l'arrivée de l. alt. j'ai dû recevoir et causer assez longtemps avec le g-l Geissmar et le g-l gouverneur de la Sibérie, m-r Lavinsky, un homme bien agréable et plein d'esprit. Voyons ce que j'ai de nouveau à vous dire? Pas grand chose. J'ai été dire adieu à la p-sse Tatiana, qui part aujourd'hui pour Gorodno [2]); elle a la triste commission d'annoncer avec son mari la mort du pauvre Apraxine à la p-sse Woldemar. M-me Apraxine reste ici. La fille de la p-sse T., mariée à Nicolas Dolgorouky, est heureusement accouchée d'un fils à Царское Село [3]). J'ai eu du c. Benkendorf une lettre fort agréable, car il m'annonce que l'Empereur a été peiné de la mort de Wolkoff et que S. M. était très disposé à s'occuper de l'avenir de la veuve et des enfants. Je donnerai cette bonne nouvelle à Соѳ. Алекс. [4]) et prierai de hâter le bonheur du pauvre Brianchaninoff, qui n'en peut plus de voir son mariage retardé avec ma filleule. Dites à la bonne princesse [5]), que hier, chez le p-ce Kotchoubey, j'ai vu le chauve, mais sublime, Michelot; le p-ce m'a dit qu'il avait reçu une lettre de son fils Basile d'Odessa, où il est arrivé avec

---

[1]) Не князь ли это Радзивилъ, супруга котораго была изъ семьи, дружной съ Булгаковыми?

[2]) Говорится про княгиню Татьяну Васильевну Голицыну, которая уѣзжала къ своей свекрови въ Каширскую деревню ея. Скончавшійся Владимиръ Степановичъ Апраксинъ женатъ былъ на ея золовкѣ, княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной, которая потомъ поступила оберъгофмейстериной къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

[3]) Это нынѣ здравствующій многопочтенный князь Дмитрій Николаевичъ.

[4]) Супруга Московскаго жандармскаго генерала, урожденная Корсакова.

[5]) Т. е. княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой, урожденной графинѣ Васильевой. Это владѣвшая Шеметовымъ свекровь дочери А. Я. Булгакова.

Alexis Orloff, qui retourne à Pétersbourg après sa quarantaine. Donc nos trouppes reviennent. Le sultan a institué un ordre exprès pour les Russes avec une inscription: à mes libérateurs. Voilà une décoration qu'il sera agréable et flatteur de porter. Je ne sais rien de la pauvre Skariatine; on lui a administré les saintes huiles, et elle était sans espérance. J'ai été hier soir chez la gr.-duchesse pour lui remettre une lettre de l'Impératrice, mais S. A. I. était avec les enfants et le gr.-duc à Pétrofskoyé *). Ce soir je suis engagé à un nops et festin chez Bachilloff, на новоселье, monseigneur y sera aussi.

Переводъ.

Москва, 15 Іюля 1833.

Со времени пріѣзда ихъ высочествъ мнѣ пришлось принимать и довольно долго бесѣдовать съ генераломъ Гейсмаромъ и Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Лавинскимъ, человѣкомъ пріятнымъ и очень умнымъ. Что же у меня новаго вамъ разсказать? Не много. Ѣздилъ проститься съ княгиней Татьяной, которая сегодня уѣзжаетъ въ Гродню; ей и ея мужу дано печальное порученіе сообщить княгинѣ Вольдемаръ о смерти бѣднаго Апраксина. Апраксина остается здѣсь. Дочь княгини Татьяны, которая замужемъ за Николаемъ Долгорукимъ, благополучно родила сына въ Царскомъ Селѣ. Я получилъ очень пріятное письмо отъ гр. Бенкендорфа; онъ сообщаетъ, что Государь былъ очень огорченъ смертью Волкова и что Е. В. весьма расположенъ заняться судьбой вдовы и дѣтей. Я сообщу эту добрую вѣсть Соф. Алекс. и попрошу ускорить счастье бѣднаго Брянчанинова, у котораго мочи ужъ нѣтъ откладывать свадьбу съ моей крестницей. Скажи княгинѣ, что вчера, у кн. Кочубея, я видѣлъ лысаго, но величественнаго Мишело (Michelot); князь говорилъ, что получилъ письмо отъ сына Василія изъ Одессы, куда онъ пріѣхалъ съ Алексѣемъ Орловымъ, который вернется въ Петербургъ послѣ своего карантина. И такъ наши войска возвращаются. Султанъ учредилъ особенный орденъ для Русскихъ съ надписью: моимъ освободителямъ. Вотъ знакъ отличія, который будетъ пріятно и лестно носить. Ничего не знаю о бѣдной Скарятиной; ее соборовали, она была безнадежна. Я былъ вчера у вел. княгини, чтобы передать ей письмо отъ Императрицы, но ея выс-ство съ дѣтьми и вел. княземъ была въ Петровскомъ. Сегодня вечеромъ я приглашенъ на пиръ и новоселье къ Башилову, в. кн. также тамъ будетъ.

Moscou, le (!11!) Juillet 1833.

A chaque instant entrent chez moi tantôt un экспедиторъ, tantôt un de nos employés avec la même phrase: имѣю в. п. честь поздравить съ дорогою имянинницею! Vous pouvez donc vous imaginer, ma chère enfant, si le chef, le directeur des postes, ne souffre pas de passer un jour comme celui-ci loin de sa chère Olga! J'avais ce projet dès mon séjour à Шеметово; mais il m'est impossible de le réaliser, et je suis

---

*) Это нынѣшняя Башиловка, въ Петровскомъ паркѣ.

bien fâché de ne pas m'être tenu à mon idée de vous envoyer hier une estafette. Natalie [1]) m'assurait qu'elle avait une occasion; or, je suis à faire la découverte de cette occasion; si c'est un paysan à pied, ma lettre vous parviendra après demain. Maman est allé à Simonoff avec Катя et Паша; je ne peux donc pas tirer la chose au clair. Поздравляю тебя, мой ангелъ; будь здорова, и да продолжится счастье твое и всеобщая къ тебѣ любовь, а мое благословеніе всегда будетъ надъ тобою.

Новости наши вовсе не хороши. Во-первыхъ умеръ въ Курскѣ отъ холеры В. Ст. Апраксинъ; въ жары пилъ все со льдомъ, на ночь наѣлся холодной ботвиньи съ рыбою, пилъ только воду со льдомъ. Ночью послали за губернаторомъ Демидовымъ и за докторомъ; этотъ, найдя Апраксина весьма испуганнымъ, хотѣлъ прежде всего пустить кровь, но онъ не дался; піявки однѣ воспаленія остановить не могли, и онъ умеръ въ 6 часовъ времени. Vous pouvez vous imaginer quel coup ce sera pour la mère, la femme, mais surtout la vieille p-sse Woldemar, qui avait une adoration pour ce petit-fils. J'ai dîné dimanche avec la pauvre m-me Apraxine chez le gr.-duc, j'étais à côté d'elle, et combien de fois, en la regardant, ne me suis je pas dit: pauvre femme, tu ne sais pas quel malheur t'attend? Elle part demain pour Городня, le p-ce Dimitri y va aussi. Voilà une bien horrible catastrophe!—Hier on a communié la pauvre Skariatine-Ozéroff, qui est sans espérance. A Nicolaeff est mort le fameux brave Kasarsky, aide-de-camp de l'Empereur, celui qui se défendit avec un brick de marine contre trois vaisseaux Turcs; тамъ не нашелъ смерти, а умеръ теперь. Une mort moins illustre, c'est celle de la femme du sourd; ce que Евсей [2]) regrette le plus, c'est de ne pas pouvoir se remarier une quatrième fois.

Здѣсь все по старому. Le Gr.-duc m'a reçu on ne peut pas mieux, le lendemain de son arrivée S. A. I. m'a engagé de dîner avec lui; nous n'étions que neuf, comme qui dirait en famille: LL. AA. II., m-me Apraxine, les deux demoiselles d'honneur, le colonel Filosofoff, Bachiloff et moi. C'était fort gai. Le gr.-duc examina avec moi en détail le paravent qu'il trouve charmant. Il m'a remercié d'y avoir placé la Caradori; elle a était reçue à bras ouverts à Berlin par le roi et y a fait dans neuf concerts 40 m. roubles. Знай нашихъ! Après le dîner monseigneur me prit avec Bachiloff dans son cabinet, сѣлъ, сталъ курить и болтать о всякой всячинѣ. Е. в. очень хвалилъ Катю; меня это порадовало чрезвычайно. Спрашивалъ о тебѣ; я сказалъ, что ты будешь сюда представляться ея выс., продержалъ до 7 часовъ у себя.—Въ городѣ ничего

---

[1]) Супруга А. Я. Булгакова.

[2]) Престарѣлый, вѣрный слуга.

новаго; вчера былъ пожаръ на Тверской, сгорѣла крыша и верхній этажъ дома Голицына, бывшій Прозоровскаго, il y avait une terrible puenteur à cause de l'apothicairerie qui est dans la maison.—Il me semble, chère amie, que vous viendrez ici avant ce Dimanche-ci; si non, ce sera déjà l'autre semaine, en attendant continuez votre cure et faites vous belle. Il faut que Дишка vienne avec vous, les hommes se présentent aussi à la Gr.-duchesse les Dimanches avant les dames, et nous irons avec lui ensemble chez le gr.-duc.—Les nouvelles du Midi sont horribles pour le blé. l'Empereur a ordonné à Repnine de partir tout de suite pour Poltava et lui a assigné на первый случай un demi-million pour prévenir la famine. Nous avons eu hier à dîner les Kotchoubey, et Alexandre a beaucoup parlé de vous; il désire extrêmement vous voir. Пишу тебѣ очень второпяхъ, дѣла множество. Прощай, моя любезнѣйшая и милѣющая и добрѣющая и надѣюсь *хорошѣющая* Ольгинка.

Переводъ.

Москва, 11 Іюля (!!) 1833.

Каждую минуту ко мнѣ входятъ то экспедиторъ, то кто-нибудь изъ нашихъ чиновниковъ съ одной и тою же фразой: имѣю в. п. честь поздравить съ дорогою именинницею! Такъ. что ты можешь себѣ представить, дорогое дитя мое, насколько мучительно начальнику, директору почтъ, проводить такой день вдали отъ его дорогой Ольги. У меня было такое предположеніе со времени моего пребыванія въ Шеметовѣ, но невозможно его осуществить, и мнѣ очень досадно, что я не остановился на мысли отправить къ тебѣ вчера эстафету. Natalie увѣряла, что у нея есть оказія; но я разузнаю, что это за оказія; если то пѣшій мужикъ, мое письмо дойдетъ къ тебѣ послѣ завтра. Мама отправилась въ Симоновъ съ Катей и Пашей, такъ что я не могу выяснить дѣла. Поздравляю тебя, мой ангелъ, будь здорова, и да продолжится счастье твое и всеобщая къ тебѣ любовь, а мое благословеніе всегда будетъ надъ тобою.

Новости наши вовсе не хороши. Во-первыхъ умеръ въ Курскѣ отъ холеры В. Ст. Апраксинъ, въ жары пилъ все со льдомъ, на ночь наѣлся холодной ботвиньи съ рыбою, пилъ только воду со льдомъ. Ночью послали за губернаторомъ Демидовымъ и за докторомъ; этотъ, найдя Апраксина весьма испуганнымъ, хотѣлъ прежде всего пустить кровь, но онъ не дался; піявки однѣ воспаленія остановить не могли, и онъ умеръ въ 6 часовъ времени. Можешь себѣ представить, какой ударъ будетъ для матери, жены и особенно для старой княгини Woldemar, у которой было обожаніе къ этому внуку. Въ Воскресенье я обѣдалъ съ бѣдной Апраксиной у в. князя; я сидѣлъ возлѣ нея, и сколько разъ, глядя на нее, я говорилъ про себя: бѣдная женщина, ты не вѣдаешь, какое горе тебя ожидаетъ? Завтра она уѣзжаетъ въ Городню, князь Дмитрій тоже ѣдетъ туда. Вотъ ужасная катастрофа! Вчера причастили бѣдную Скарятину-Озерову, она безнадежна. Въ Николаевѣ умеръ знаменитый храбрецъ Казарскій, адъютантъ Государя, защищавшійся на морскомъ бригѣ противъ трехъ Турецкихъ судовъ; тамъ не нашелъ смерти, а умеръ теперь.

Здѣсь все по старому. В. к. принялъ меня какъ нельзя лучше. На другой день своего пріѣзда его высочество позвалъ меня отобѣдать съ нимъ, такъ сказать по семейному. Насъ было всего девять человѣкъ: ихъ высочества, Апраксина, двѣ фрейлины, полковникъ Философовъ, Башиловъ и я; было очень весело. Велик. князь со мной подробно осмотрѣлъ ширмы, которыя находитъ прелестными. Онъ благодарилъ меня за то, что я помѣстилъ туда Карадори; въ Берлинѣ она была принята съ распростертыми объятіями королемъ и за 9 концертовъ выручила 40 т. рублей. Знай нашихъ! Послѣ обѣда его высочество повелъ насъ съ Башиловымъ въ свой кабинетъ, сѣлъ... Было ужасное зловоніе отъ аптечной лавки находившейся въ домѣ. Мнѣ думается, дорогой другъ, что ты пріѣдешь сюда раньше этого Воскресенія; если же нѣтъ, то уже на будущей недѣлѣ, а пока продолжай свое леченіе и хорошѣй. Слѣдуетъ Дишкѣ пріѣхать съ тобой; мущины тоже представляются вел. княгинѣ по Воскресеньямъ раньше, чѣмъдамы, и мы съ нимъ вмѣстѣ пройдемъ къ вел. князю. Извѣстія съ Юга ужасны относительно хлѣба. Государь приказалъ Репнину тотчасъ ѣхать въ Полтаву и ассигновалъ ему на первый случай полъмилліона для предупрежденія голода. Вчера у насъ были къ обѣду Кочубеи: Александръ много говорилъ о тебѣ и крайне желаетъ тебя видѣть.

Moscou, le 29 Juillet 1833.

Après quelque hésitation hier, en recevant l'annonce de Wassilchikoff, j'ai fini par envoyer le papier chez vous par estafètte. Si Дишка se décide à arriver tout de suite, il fera bien; car s'il ne le dit pas luimême, il me fournira l'occasion de dire à monseigneur qu'il est arrivé en courier exprès rien que pour avoir le bonheur de lui faire sa cour et repartir ensuite. Cet empressement lui fera sûrement plaisir et réparera Pétersbourg où Дишка ne l'a pas vu. Croyez moi, rien n'échappe à S. A. I. Entre nous soit dit, il a bien remarqué le maintien et la mise des deux Pachkoff N. et S [1]), et hier à table il les appelait m-rs de la petite France. Plus il est bon, et plus il faut être sur ses gardes. L'arrivée de Дишка me fera grand plaisir; mais s'il ne vient pas, j'imaginerai quelque bonne raison. Rien de nouveau dans le monde. On écrit seulement que la pauvre Bariatinsky [2]), mariée à Davidoff, dépérit et qu'on l'envoit à l'étranger. Le gr.-duc parle beaucoup de notre soirée, il a dit à m-me Bachmakoff que c'était la plus agréable qu'il avait passé ici. Ces singes de Charlotte ont imaginé de le fêter aussi et l'ont engagé avant-hier à un thé. Elles ont demandé, чѣмъ занимали Е. В. у Булгаковыхъ? Башиловъ сказалъ: всякой всячиной.—Чѣмъ подчивали?—Да было всего много: чай, мороженое, напитки, фрукты; но Е. В. не кушалъ ничего, кромѣ чаю, потому что пьетъ воды.—Да что

[1]) Надежда Сергѣевна (сестра Дишки) и Сергѣй Ивановичъ Пашковы.
[2]) Ольга Ивановна, сестра будущаго фельдмаршала.

же онъ дѣлалъ? — Слушалъ пѣніе милыхъ сестрицъ.—И у насъ будетъ Бартенева, обѣщалась пѣть все, что̀ знаетъ.—Что̀ еще дѣлали?—Рѣзвились, смѣялись... Смотри же, Башиловъ, будь веселъ, смѣши великаго князя какъ можно.—Да я ему надоѣлъ, я думаю, и е. в. не мною занимался, а милою семьею Б-хъ, былъ хорошаго расположенія самъ, сѣлъ на диванъ, да разсказывалъ свою Польскую кампанію, взятіе Варшавы, а мы всѣ сидѣли вокругъ да слушали. Sur cela la Charlotte N. dit à s. a.: Monseigneur, ayez la bonté de vous asseoir sur le divan et de nous raconter la prise de Varsovie et la campagne de Pologne... elle est franche celle-là, débute en blanc avec sa proposition; aussi le gr.-duc répondit: Est-ce que vous souffrez d'insomnie? Est-ce que vous voulez que je vous endorme?—Votre cousine, Catherine O *). a manqué d'être noyée par l'adroit Basile, son papa. Онъ вздумалъ ее покатать на плоту безъ перилъ, на коемъ платье моютъ у нихъ въ деревнѣ; на серединѣ пруда она поскользнулась, упала въ воду, ее мокрую принесли домой; хорошо, что люди подоспѣли. Зовутъ внизъ. Прощайте, мои милые.

Переводъ.

Вчера, послѣ нѣкотораго колебанія, получивъ повѣстку отъ Васильчикова, я наконецъ послалъ къ вамъ бумагу съ эстафетою. Коль скоро Дишка рѣшится пріѣхать немедленно, онъ поступитъ хорошо; такъ какъ, если онъ не заявитъ самъ, онъ доставитъ мнѣ случай сказать великому князю, что онъ пріѣхалъ курьеромъ нарочно и только для того, чтобы имѣть счастіе ему поклониться и затѣмъ отправиться назадъ. Эта поспѣшность конечно будетъ ему пріятна и возмѣститъ то, что въ Петербургѣ Дишка его не видалъ. Повѣрь мнѣ, отъ его имп. высочества ничего не ускользаетъ. Сказать между нами, онъ хорошо замѣтилъ посадку и одежду двухъ Пашковыхъ, и вчера за обѣдомъ называлъ ихъ господами малой Франціи. Чѣмъ онъ добрѣе, тѣмъ надо быть осторожнѣе. Я буду очень радъ пріѣзду Дишки; но если онъ не пріѣдетъ, я придумаю какой нибудь благовидный предлогъ.—Нѣтъ ничего новаго на свѣтѣ; пишутъ только, что бѣдная Барятинская, замужемъ за Давыдовымъ, изнемогаетъ, и ее посылаютъ за границу. Великій князь говоритъ много про нашъ вечеръ; онъ сказалъ Башмаковой, что это самый пріятный, имъ проведенный здѣсь. Эти Шарлоты обезьяны вздумали также угостить его и позавчера пригласили его на чай. Они спрашивали... Тогда Шарлота N. сказала в. кн. „Ваше высочество, сдѣлайте милость, садитесь на диванъ и разскажите намъ о взятіи Варшавы и о Польской кампаніи. Она смѣла, эта госпожа; идетъ прямо съ своимъ предложеніемъ; но великій князь отвѣчаетъ: Развѣ страдаете вы отъ безсонницы? Развѣ хочется вамъ, чтобъ я васъ усыплялъ... Твоя кузина Катерина О. чуть было не утонула, благодаря ловкости ея родителя.

*) Обрѣзкова.

Moscou, le 2 Août 1833.

Дишка à la vérité n'a pas vu le grand-duc. J'avais voulu vous écrire par lui; но эта живая грамота такая лѣнивая, что тебѣ не сообщилъ подробно, какъ все было. Я пользуюсь отъѣздомъ къ Троицѣ Имберховъ, чтобы тебѣ все это описать. Не знали мы что дѣлать: ждать ли другое представленіе, ѣхать ли въ Шеметово? J'ai engagé Дишка à rester à dîner avec nous, dans l'espoir que la poste de Pétersbourg arriverait pour la porter moi-même à monseigneur et apprendre de quelque manière et comment faire! En effet la poste est arrivée pendant que nous dînions, j'ai ramené Дишка chez lui, et dans sa voiture de louage je suis allé chez le gr.-duc *). On m'annonce, j'entre dans son cabinet. —Bonjour, mon cher!. Экую ты мнѣ кучу привезъ, ну чтò у васъ дѣлается?—Да мой зять въ горѣ.—Чтò такое? (et s. a. avait l'air inquiet).—Да зять мой Д. нарочно пріѣхалъ изъ деревни, чтобы имѣть счастіе вамъ представиться; ему велѣно явиться въ первомъ часу; онъ пріѣхалъ въ четверть перваго, а васъ уже не нашелъ.—Да, мнѣ надобно было тотчасъ ѣхать со двора. Да онъ съ тобою здѣсь? (указывая на залу глазами).—Онъ не смѣлъ пріѣхать безъ особеннаго дозволенія в. в.—Привези его, когда хочешь, ужо, завтра или послѣ завтра. Садись, возьми сигару, кури, а я покуда прочитаю бумаги, чтò ты мнѣ привезъ.

Cette opération dura 3/4 d'heure, et monseigneur me répétait de temps en temps: excusez moi, mon cher. La lecture finie, s. a. me demanda: Здорова ли княгиня О. А., чтò она дѣлаетъ?—Здорова, в. в.; писала мнѣ съ мужемъ, и письмо большею частію вами наполнено.—Лжешь, Б-въ.—Не лгу, в. в., говоритъ много о милостяхъ вашихъ къ намъ ко всѣмъ.—Лжешь, Б-въ. — Не смѣю вамъ солгать, къ счастію, что и письмо ея со мною...—Подай мнѣ письмо.—Я подалъ твое письмо, которое по какому-то видно счастливому предчувствію твоему было написано, какъ будто нарочно на показъ. Вел. кн. взялъ письмо; прочтя первыя пять словъ, остановился, ты писала довольно связно. Позвольте я вамъ прочту, et j'ai lu tout le paragraphe sur le voyage de Дишка, sur les bontés de s. a. i. etc. On voyait que le gr.-duc était fort content de tout cela, car il ajouta: je serai enchanté de voir D., quand il voudra; потомъ, подумавъ, прибавилъ: au reste, je suppose qu'il est plus impatient de voir sa femme que moi; je le dispense donc, qu'il

*) Великій князь Михаилъ Павловичъ съ семействомъ жилъ тогда въ Москвѣ на Остоженкѣ, въ домѣ купленномъ у графа Головкина (гдѣ нынѣ Лицей Цесаревича Николая). Рядомъ, въ домѣ, нынѣ женской гимназіи Фишеръ, помѣщалось заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, которыми его высочество лѣчился.

regarde la présentation comme faite, mais qu'avant d'embrasser la princesse Olga il me mette à ses pieds.

Дишка mourait de peur que quelque ordre du gr.-duc ne le fasse rester quelques jours ici, les chevaux étaient déjà à la calèche; en cinq minutes il était déjà parti.

Переводъ.

Дишка такъ и не видалъ Великаго Князя. Хотѣлъ я разсказать тебѣ черезъ него... Я приглашалъ Дишку остаться обѣдать съ нами, въ надеждѣ, что придетъ Петербургская почта, я повезу ее самъ къ его высочеству и узнаю. какъ все устроить. Въ самомъ дѣлѣ, пока мы обѣдали, почта пришла, я отвезъ Дишку домой и въ его наемной каретѣ от правился къ великому князю. Обо мнѣ докладываютъ. Вхожу къ нему въ кабинетъ. Здравствуй любезный.... и на лицѣ у него показалось смущеніе... Это занятіе продолжалось ³/₄ часа, и Его Высочество мнѣ повторилъ не разъ: извини меня, мой любезный. Кончивъ чтеніе, онъ спросилъ меня.... и я прочелъ всю страницу о путешествіи Дишки, о милостяхъ Его Имп. Высоч. и пр. Видно было, что в. кн. очень всѣмъ этимъ доволенъ; потому что онъ прибавилъ: я буду очень радъ увидѣть Дишку, когда онъ захочетъ... впрочемъ, полагаю, что онъ нетерпѣливѣе увидать свою жену, нежели меня, и увольняю его, пусть онъ считаетъ, что представленіе уже состоялось, но прежде чѣмъ поцѣловать княгиню Ольгу, пусть передастъ ей мой низкій поклонъ. Дишка страсть какъ боялся, что по какому нибудь распоряженію великаго князя ему придется оставаться здѣсь нѣсколько дней; коляска стояла уже запряженная, и черезъ пять минутъ онъ уѣхалъ.

Moscou, le 10 Août 1833.

Combien vous nous avez manqué, chère Olga. J'avais prévu que vous ne pourriez pas venir et faire par ce chemin et cette pluie un voyage de 80 verstes pour *danser* aussitôt arrivée. Je me suis querellé assez avec maman; il fallait ne pas tant se dépêcher, faire les choses mieux, engager 60 personnes de plus et m-me la gr.-duchesse *). Enfin c'était fait.

La fête a superbement réussi, la salle était magnifique, tout le monde gai, et les deux d-lles d'honneur de la gr.-duchesse n'ont pas cessé de danser. Monseigneur a deux fois valsé avec votre soeur; elle était charmante, mais vous manquiez essentiellement, et tout le monde répétait votre nom. Pourquoi Дишка n'est pas venu au moins? Mais ce n'est pas un reproche que je lui adresse. Le gr.-duc disait: Ольга Алек. est dans les économies. Il m'a parlé de vous à plusieurs reprises, entre autre: поѣхалъ бы вѣрно къ Троицѣ на rendez-vous, да уже вре-

*) Великая княгиня Елена Павловна пользовалась также въ Москвѣ искусственными минеральными водами.

мени нѣтъ, я ѣду черезъ пять дней: но жена будетъ у Троицы 15. Votre homme attend depuis hier ma lettre, j'ai consience de le retenir et lui donne ces quatre lignes. Samedi par la poste je vous décrirai tout en détail. Все было славно, удалось какъ нельзя лучше. Е. в. уѣхалъ въ три часа, не ужинавши. Киндякова звала его въ Суботу на прощальный thé! Пашка *) était délicieux en petit postillon, la Хомутова a fait de jolis vers que nous devions (hélas) chanter avec vous. Vous avez ici la liste de notre monde d'hier. Je vous embrasse bien tendrement, presque à la hâte. Adieu, chère измѣнщица, adieu à Samedi.

Переводъ.

Москва, 10 Августа 1833.

Какъ намъ тебя не доставало, дорогая Ольга! Я предвидѣлъ, что ты не сможешь пріѣхать и сдѣлать по такой дорогѣ и подъ такимъ дождемъ 80 верстъ для того, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ танцовать. Я порядочно таки ссорился съ маменькой: не слѣдовало такъ торопиться, а устроить все получше, пригласить еще человѣкъ 60 и вел. княгиню. Словомъ, дѣло сдѣлано. Праздникъ удался превосходно, залъ былъ великолѣпенъ, всѣ были веселы, и обѣ фрейлины княгини не переставая танцовали. В. князь два раза танцовалъ съ твоей сестрой; она была прелестна, но тебя крайне недоставало, и всѣ повторяли твое имя. Отчего, по крайней мѣрѣ, Дишка не пріѣхалъ? Но я не дѣлаю ему упрека. В. князь говорилъ: Ольга Алек. экономничаетъ. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ о тебѣ, между прочимъ: поѣхалъ бы вѣрно къ Троицѣ на свиданіе, да уже времени нѣтъ, я ѣду черезъ пять дней; но жена будетъ у Троицы 15-го. Твой человѣкъ ждетъ мое письмо со вчерашняго дня. Мнѣ совѣстно его задерживать, поэтому отдаю ему эти четыре строки. Въ субботу по почтѣ опишу тебѣ все подробно. Пашка былъ восхитителенъ почтальономъ, Хомутова сочинила хорошо стихи, которые мы должны были (увы) пѣть съ тобою. Вотъ тебѣ списокъ нашихъ вчерашнихъ гостей. Нѣжно цѣлую тебя наспѣхъ. Прощай, дорогая измѣнщица, прощай до Субботы.

*

Насилу ноги таскаю; такъ я усталъ, мой милый другъ. Одни приготовленія меня замучили, и тутъ надобно было еще и танцовать, а я отвыкъ, давно не прыгалъ: но за то праздникъ удался совершенно. Только Ольги видимо не доставало. Всѣ, начиная съ его высочества, о томъ сожалѣли; теперь я еще болѣе сожалѣю, что баликъ не былъ отложенъ дня на три: Ольга успѣла бы пріѣхать, мы бы позвали лишнихъ 50 человѣкъ (было и мѣсто и чѣмъ потчевать, всего премного осталось), и можетъ быть и ея высочество великая княгиня удостоила бы насъ своимъ присутствіемъ. Когда я сказалъ его высочеству, что одного не доставало для нашего совершеннаго счастія—присутствія великой княгини,—зачѣмъ же ты не позвалъ?—Мы не смѣли, в. в.—Что

*) Младшій сынъ А. Я. Булгакова.

за слово, не смѣли! Почему?—Во первыхъ, великая княгиня не совсѣмъ здорова...—Она не стала бы прыгать, какъ мы, и долго бы не могла остаться, но вѣрно бы пріѣхала. Это было слышно, и дамы стали меня мучить повторить вечеръ. Но я вѣрно не сдѣлаю сего: ничего такъ не боюсь, какъ докучливости. Ну, сударыня, домъ былъ славно убранъ, чисто, во всѣхъ комнатахъ лампы, на кои всѣ любовались, и зала была освѣщена свѣчами; могло бы быть еще свѣтлѣе, но и такъ слишкомъ 80 свѣчъ горѣло. Никто дому не узналъ. Ты помнишь столовую; чтобы закрыть дверь, мы сдѣлали гору изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, кои точно обращали удивленіе всѣхъ по множеству лимоновъ и померанцевъ, кои были искусно привязаны проволокою; въ этой простой зелени шарлатанъ нашъ Ванюшка [1]) навязалъ всякихъ розановъ и другихъ цвѣтовъ; это богатство и разнообразіе изумляло всѣхъ, а я увѣрилъ, что мнѣ надавали пропасть горшковъ изъ *Горенковъ* [2]). Наверху этой горы поставленъ былъ портретъ Императора въ золотой рамѣ съ короною, окруженный большимъ натуральнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Большія окна овальной залы были безъ гардинъ; мы вотъ какъ ихъ устроили: украсили гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ (*тутъ слѣдуетъ рисунокъ*). Это М. (Михаилъ) играло большую роль и сдѣлало большой эффектъ. Катя развернулась, пустилась на каламбуры: танцуя съ его высочествомъ, который смотрѣлъ на шифры свои, она ему сказала: s'il était permis de tutoyer un gr.-duc, on dirait: tout t'aime ici!—Quoi, quoi? dit-il.—Tout M. ici.—M-lle, je voudrais que cela fût vrai.—Лѣстница была вся въ цвѣтахъ также. Пашка былъ опять на своемъ посту, и великій князь замѣтилъ, что онъ не забылъ его замѣчанія и чести ему не отдалъ. Всѣ гости были уже тутъ. В. к. пріѣхалъ въ половинѣ 10-го и тотчасъ началъ обходить всѣхъ дамъ, поговорилъ съ И. И. Дмитріевымъ и кн. С. П. Гагаринымъ, потомъ пройти изволилъ въ Турецкую, гдѣ сидѣли, какъ въ гаремѣ, всѣ мамзели и молодцы. Наташа подошла спросить, позволитъ ли начать танцы? Je suis ici pour faire ce qu'on m'ordonne. Veuillez, monseigneur, donner l'exemple. Начались Польскіе, кои долго продолжались, ибо его в. ни одну почти даму не хотѣлъ оставить, не сдѣлавъ ей чести съ нимъ танцовать; потомъ начались танцы, кои продолжались непрерывно до ужина, т.-е. до трехъ часовъ утра. Въ это время изволилъ его высочество уѣхать, повторяя, что онъ провелъ вечеръ весьма пріятный, и благодарилъ насъ очень. Два раза вальсировалъ съ Катенькой и вообще былъ очень веселъ, свободно и милостиво разговаривалъ съ особами, ближе къ нему стоящими, не разбирая чиновъ. Чуть не

[1]) Мы еще знали этого Ивана Васильевича, дожившаго до преклонныхъ лѣтъ и научаннаго въ домѣ у А. Я. Булгакова разнымъ шуткамъ.

[2]) Подмосковная, близъ Рязанской дороги, гдѣ еще были тогда знаменитыя теплицы.

забылъ тебѣ сказать, что во время котильона отворились двери, и одѣтый въ почтальоны Пашка промаршировалъ къ вел. князю, остановился передъ нимъ, вытянулся: Здравія желаю, в. и. в., повернулъ большую суму, висящую какъ слѣдуетъ на правомъ боку, вынулъ изъ нея два пакета и, подавая ихъ, сказалъ: два пакета получены по эстафетѣ. В. кн. засмѣялся; сказалъ: ай да почтальонъ; ты, мнѣ кажется, служилъ прежде въ казакахъ. Взялъ, распечаталъ письма. Въ одномъ пакетѣ были стихи, кои могли быть пѣты въ честь в. кн., начинались que le roi vive, но за неприбытіемъ твоимъ прилагаю ихъ при семъ; а въ другомъ было Пашки благодареніе именемъ жены и всѣхъ насъ, за то, что осчастливить изволилъ своимъ присутствіемъ нашу вечеринку. В. кн. все это положилъ въ карманъ и ласкалъ очень Пашку; при семъ опять мнѣ повторилъ, когда же повеземъ его къ Манделини? Ужинъ былъ славный и на 90 человѣкъ, а было менѣе половины. Мы пили за здоровье его высочества; послѣ ужина начались фарсы. Сперва присутствіе дорогого гостя удерживало всѣхъ, никто не садился даже въ котильонѣ, а тутъ уже пошла республика; молодежь имѣла Шампанскаго, сколько душѣ угодно. Вотъ, кажется, главное тебѣ насказалъ, мой милый другъ. Fatigué comme je l'étais et n'ayant pas le temps de vous faire une description détaillée, j'ai prié maman de tirer copie de la lettre que j'écrivai à mon frère. Tout s'est très bien passé, ma chère Olga, mais vous nous avez manqué essentiellement. En remettant, comme je l'avais désiré, le bal pour quelques jours, la chose, avec 200 roubles de plus, aurait pû avoir un air de fête avec 50 personnes de plus, et la gr.-duchesse nous eût honoré de sa personne aussi, c'est ce que monseigneur m'a fait sentir.

Son altesse part Mardi dans la nuit. J'ai été chez lui hier très longtemps le matin. Il venait de se raser, la gr.-duchesse arrive aussi en demi-toilette, et nous avons longtemps causé à nous trois, il a beaucoup été question de vous. Quand j'ai parlé de la maladie de Дяшка, il dit: est-ce qu'il s'avise d'avoir le *choléra*? — Non, mon seigneur, mais c'est un glouton qui est sans pitié pour son pauvre estomac, il se nourrit de truffes... O! dit le gr.-duc, j'espère que votre beau-fils n'a pas besoin du secours des truffes, il faut laisser cela à Ив. Алек. Нарышкинъ; а самъ такъ и смѣется. On parle beaucoup de notre fête en ville. Шаликовъ prépare une description pour la gazette de Moscou; j'irai le voir, car je tremble qu'il n'y dise trop de fâdaises. Ce soir il y a, dit-on, thé chez les Kindiakoff, mais à coup sûr cela finira par les danses; on dit même que la scène de R. le Diable sera répétée. J'y mène deux Anglais, officiers des hussards, fiers, originaux; je vois

d'ici qu'ils amuseront beaucoup le gr.-duc, qui m'a dit d'avance de les lui présenter là-bas.

Je m'imaginais qu'il fallait une bonne raison pour vous empêcher de venir ici. J'espère que le cher Дишка est bien tout-à-fait. Je ne sais si votre soeur vous parle de toutes les farces et des coups de poings distribués par Abreskoff, qui était impayable ce soir. Le gr.-duc est resté jusqu'a trois heures et en partant il me dit: je vous prie de croire que je serais resté jusqu'à la fin, mais je suis fatigué de l'exercice du matin et demain j'en ai un autre, je dois me lever de bonne heure. J'ai donné à Katia à copier les couplets que nous devions chanter sur l'air que le roi vive, mais votre absence a fait manquer cela, et puis j'ai donné à m-lle Хомутовъ des bouts rimés très difficiles, les mots se rapportaient à monseigneur, et elle a très bien rempli les rimes, et cela en peu de temps. Le gr.-duc a beaucoup ri des derniers vers, en effet que dire de *vermichelle*? elle a fait là un calembourg pour la clôture en disant: je me rends vermichelle—vers Michel.

Вотъ кто были гости: Его высочество, Философовъ, Шарнгорстъ, Урусовъ (адъютанты е. в.), Грессеръ и жена его, Лунины, Риччи, Маевскіе, Киндяковы, всѣ Пашковы, Полтавцевы, Бартеневы, la tante O., Basile et Catherine, Хомутовы, Толстая, Чичерина, гр. Гудовичъ (а дамы въ деревнѣ), Dourassoff, Bachiloff, Ив. Ив. Дмитріевъ, кн. Сергѣй Ив. Гагаринъ, кн. Сер. Мих. Голицынъ. Le p-ce Dmitri (en deuil), le gouverneur (au lit) le vice-gouverneur, le commandant, Malinofsky, Ив. Вас. Чертковъ. Ив. Ал. Нарышкинъ et sa fille, Волынскій (въ деревнѣ), Sakavnine idem, Zagoskine, Olsoufieff Basile, Сер. Вас. Шереметевъ, Кобылинскій, Лазаревъ, Faste, Любезнѣйшій, Путята, Kindiakoff, Narichkine, flaneur, Mestchersky, Hahn, Arsénieff, Tolstoy, Pachkoff Michel, Norof, Talisine, кн. Львовъ уланъ, Woldemar Galitzin, Nicolas Pachkoff, l'homme du monde, Schalikoff, Дм. Мих. Львовъ, la Treskine, Tatischeff et tous les expéditeurs de la poste. Кажется, всѣ. Новаго ничего не слышно ни въ Петербургѣ, ни здѣсь. Demain il y a le concert de Reinhard. La gr.-duchesse y sera. On assemble du beau-monde pour cela, et la p-sse Tatiana m'a gratifié de 20 billets. Les voulez vous?

Переводъ.

Она ему сказала: если бы было дозволено говорить вел. князю на ты, можно было бы сказать: все любитъ тебя здѣсь!—Что, что? сказалъ онъ.—Все М. здѣсь.—Я желалъ бы чтобъ это была правда.

— „Я здѣсь, чтобы исполнять то, что мнѣ прикажутъ".

Ваше высочество. извольте подать примѣръ.

Будучи до того утомленнымъ и не имѣя времени сдѣлать тебѣ подробнаго описанія, я просилъ маменьку переписать письмо, написанное мною къ моему брату. Все обошлось прекрасно, дорогая моя Ольга; но тебя намъ существенно не доставало.

Отложивъ, какъ мнѣ того хотѣлось, балъ на нѣсколько дней, вечеръ, при лишнихъ 200 рубляхъ, могъ бы имѣть видъ торжества; было бы еще человѣкъ 50 и вел. княгиня тоже сдѣлала бы намъ честь своимъ присутствіемъ, это-то и далъ мнѣ понять вел. князь

Его высочество уѣзжаетъ во Вторникъ, въ ночь. Я былъ у него очень долго вчера утромъ, онъ только что выбрился; входитъ также в. княгиня въ простомъ платьѣ, и мы втроемъ долго бесѣдовали, много говорилось о тебѣ. Когда я заговорилъ о болѣзни Дишки, в. к. сказалъ: не вздумалъ ли онъ схватить холеру?—Нѣтъ, в. в-ство; но онъ обжора, безжалостный къ своему желудку, онъ питается трюфелями... О! сказалъ в. князь, я надѣюсь, что вашъ зять не нуждается въ питаніи трюфелями, нужно предоставить это Ив. Алек. Нарышкину; а самъ такъ и смѣется. Въ городѣ много говорятъ о нашемъ торжествѣ. Шаликовъ готовитъ описаніе для Московской газеты; поѣду къ нему, а то боюсь, что онъ наговоритъ тамъ вздору. Сегодня вечеромъ, говорятъ, чай у Киндяковыхъ, но, навѣрно, это кончится танцами; говорятъ даже, что сцена изъ Р. Дьявола будетъ повторена. Я везу туда двухъ Англичанъ, гусарскихъ офицеровъ, гордыхъ, чудаковъ; отсюда вижу, что они очень забавятъ в. князя, который заранѣе приказалъ мнѣ представить ихъ тамъ ему.

Я воображаю себѣ, что должна была быть важная причина, чтобы помѣшать тебѣ пріѣхать сюда. Надѣюсь, что дорогому Дишкѣ совсѣмъ хорошо. Не знаю, пишетъ ли тебѣ твоя сестра про всѣ проказы и штуки Обрѣзкова, который былъ уморителенъ въ этотъ вечеръ. В. князь оставался до трехъ часовъ и, уѣзжая, сказалъ мнѣ: прошу васъ вѣрить, что я бы остался до конца, но усталъ отъ смотра сегодня утромъ, а завтра у меня опять смотръ, нужно рано встать. Я далъ Катѣ переписать куплеты, которые мы должны были пѣть на мотивъ да здравствуетъ король, но за твоимъ отсутствіемъ это не состоялось, а затѣмъ я задалъ Хомутовой очень трудныя риѳмы, которыя относились къ в. князю, и она очень хорошо и быстро подобрала къ нимъ слова. В. князь много смѣялся надъ послѣднимъ стихомъ; дѣйствительно, что́ сказать о вермишели? она на это сдѣлала для окончанія каламбуръ, сказавъ: я иду вермишелью къ Мишелю.

Завтра концертъ Рейнгардта. В. княгиня будетъ тамъ, поэтому собираютъ высшее общество и княгиня Татіана наградила меня 20-ю билетами. Хотите ихъ взять?

Moscou, le 19 Août 1833.

C'est avec plaisir que j'ai reçu votre lettre du 15, ma chère et charmante Olga, car elle m'a tranquillisé sur le compte de Дишка complétement. Je vais vous répondre par ordre. Il ne faut plus revenir sur-

notre soirée grand-ducale; nous n'avons pas été les seuls à regretter votre absence, mais le roi de la fête lui-même et toutes les personnes, qui y ont assistées, tous répétaient: жаль, что нѣтъ Долгорукихъ! Rassurez-vous sur maman. Elle ne vous en veut pas du tout ni pour la soirée, ni pour autre chose. Vous êtes trop sage et carressante pour mériter jamais un reproche de vos parents, mais il est arrivé à votre mère ce qui lui arrive toujours, c'est à dire qu'elle vous écrit une lettre, l'égare, la cherche trois jours et la retrouve quand la poste ou l'occasion n'existent plus. C'était le cas cette fois-ci. Ce n'est qu'hier qu'elle a retrouvé sa lettre pour vous et pour la princesse; c'est Démidoff qui s'en est chargé, or il se trouve que Démidoff ne part que demain et qu'il ne va pas directement chez vous.—Hélas, oui, Monseigneur est parti. Каково! Parti Dimanche; Lundi à 10 heures du soir il était à Pétersbourg. J'ai été avec s. a. i. jusqu'au dernier moment; je vous assure que plusieurs fois je sortais exprès par délicatesse, car nous n'étions que trois, l. alt. ii. et les petites gr.-duchesses, pas même Bachiloff. Un mari et femme veulent être seuls dans ces moments; je m'en allais, mais monseigneur me fesait appeller, il me fit écrire une lettre à mon frère et me dit: ну пойду другое платье надѣвать, а ты садись здѣсь на мое мѣсто и напиши письмо къ сыну. Quand il revint, il prit ma lettre, la mit dans sa poche de côté, en me disant: Ты куда?—Да домой, в. в.; куда я теперь гожусь, мнѣ право грустно по васъ будетъ долго.—Нѣтъ, сослужи мнѣ службу.—Чтò угодно?—Поѣзжай въ Петровское и извини меня передъ Киндяковой, что не могу къ ней быть сегодня на зовъ. Мнѣ всякая минута дорога, ты самъ знаешь, et sur cela il m'embrassa plusieurs fois, et ses dernières paroles furent: dites à m-me B. que je suis fâché de partir sans lui avoir dit adieu, ainsi qu'à m-lle Catherine; *mettez moi aux pieds de la p-sse Dolgorouky* и смотри же, пиши ко мнѣ (c'est ce que j'ai fait le surlendemain de son départ, ayant eu de lui parler de Костя, qui, dit-on, ne passera pas à la première classe, malgré sa bonne conduite, все проклятая математика). Vous pouvez vous maginer le remue-ménage chez les Kindiakoff où tout était préparé pour le festin. Бездна народа передъ домомъ, полиція. Не будетъ великій князь, сейчасъ ѣдетъ въ Петербургъ!! Voilà que cette foule qui se jette sur la route pour le voir passer, voilà dans le salon mille conjectures, pourquoi est il parti? Voilà les questions indiscrettes, et m-me Barténeff qui a manqué me faire crever de rire en me disant: Vous savez comme je suis discrète; de grâce, dites moi en secret, pourquoi est-il parti, je ne dirai à personne.

Au sujet du 26, ma chère amie, voilà ce qu'il y a. Maman est partie

hier pour Gorbowo, elle voulait de là passer directement à Smerdino; mais je lui ai dit de venir absolument ici, car s'il fait un temps comme à présent, je ne suis nullement décidé à me morfondre avec mon monde à une campagne à 60 verstes. Je vous engage donc, ma chère amie, à venir à Moscou le 24, c'est aussi l'époque de retour de maman, et ici nous déciderons que faire? Et la chose me semble décidée, c'est que nous fêterons ici la fête de maman et l'anniversaire du 24 de notre union avec votre mère. Arrivez donc le 24. По крайней мѣрѣ побудемъ вмѣстѣ нѣсколько дней и наглядимся другъ на друга. Quel plaisir ce serait pour moi d'être le 30 à Шеметово! Et je trouve que c'est Mercredi: день для меня легкій. Je suis charmé que les pastilles sont de votre goût et surtout de vous en avoir envoyé, malgré que vous deviez en recevoir des Pachkoff. Voici encore une lettre de maman; envoyée en son temps, elle vous eût complétement rassurée, mais elle a aussi traîné dans son cabinet, et je l'ai découvert par hazard en cherchant une clef pour maman. Je suis bien impatient de voir ce капышонокъ de Сашка courir et puis mon petit favori, le prince héréditaire. Embrassez les pour moi.

Какъ я радъ, что дали мнѣ такъ долго къ тебѣ писать, всталъ ранѣе нарочно, теперь девять часовъ. и меня пошли уже торопить. Ужо стану продолжать. J'ai envoyé pour le 15 à ma soeur et Constantin B. trois *monstres d'ananas* que j'ai payés 150 rbles; я знаю, что она любитъ объѣдаться ими, братъ всякому изъ дѣтей далъ тащить по одному, и насилу Машка справилась. Il me dit qu'elle a été très sensible. Je m'imagine que ce n'est pas à l'attention, mais au goût et au volume de la friandise. Votre soeur est furieuse que vous ne lui répondiez pas. Ah! lui ai-je dit, такъ знай же, какъ это пріятно изъ опыта: ты цѣлый вѣкъ никому не пишешь. J'envoye à la très bonne, très calme et très bien aimée maman tout ce qui m'est resté de petites gravures. Ne sachant pas comment reconnaître toutes les bontés du gr.-duc, j'ai offert à sa petite Катер. Мих. le 16, jour de sa naissance, une petite cassette que j'ai collé toute de figures dans ce genre, mais rien que de sujets à sa portée, des jeux d'enfants, des scènes d'enfants etc. Cela a très bien réussi, le cadeau était élégant tout-à-fait avec une belle inscription au milieu et dedans des bonbons choisis à surprise etc. La gr.-duchesse m'a beaucoup remercié en ajoutant: «C'est si joli, qu'on pourrait l'ôter à la petite! Je m'étonne comment vous trouvez le temps de faire tout cela et j'admire le goût avec lequel tout cela est fait». Si je viens chez vous le 30 Août, Дишка et moi nous rendrons la бунтовщица tout-à-fait folle, а между тѣмъ, посылаю тебѣ четыре колоды картъ, козыряйте и ловите у Польши и Хлопицкаго, т. е. червоннаго валета, хотя бы онъ былъ самъ восемь, т. е. самъ

шость, а то я много захотѣлъ. Basile A. a fait réellement des scènes à notre bal, donnant des ordres à droite et à gauche et se mêlant de ce qui ne le regarde pas; il a fait lier les mains derrière le dos à ce pauvre étudiant. Si vous le désirez, vous pouvez envoyer à votre frère la lettre, mais il est au fait de tout et a eu les mêmes détails, car mon frère lui a fait lire ma lettre qui est l'original de la copie que maman a fait pour vous. Костя me fait de la peine, nous parlerons de tout cela en détail ici. Je l'ai prèché слегка, car je sens la nécessité d'empêcher qu'il ne se livre au désespoir, il faut ranimer son courage abattu. Ce qui me réjouit, c'est que sa conduite n'y est pour rien, on en est très content, et c'est pour moi l'essentiel, mais l'étude.... Il a malheureusement 20 ans passés, à cet âge on monte aux assauts, il est cruel pour lui de ne se rendre digne des épaulettes que quand d'autres méritent déjà des décorations générales! Mais enfin que faire? Il parait qu'il s'est un peu trop vanté (языкъ нашъ врагъ) des protections qu'il a et qui le pousseront sans qu'il ait besoin de s'appliquer. Вотъ его и наказали тѣмъ, что въ первый классъ не переведутъ. Dieu veuille que ce ne soit qu'une simple menace. J'ai écrit au gr.-duc à coeur ouvert comme à un père et à un bienfaiteur. lui exposant tout, mais ne demandant rien si non que de faire redoubler de sévérité envers Костя, mais d'empêcher le découragement et le déséspoir du jeune homme. Voyons maintenant les nouvelles, car j'ai heureusement du temps de trop et je ne veux le mieux employer que de bavarder avec vous, mes chèrs amis. Le départ du gr.-duc, c'est à dire son motif, n'est plus un secret à présent. Toute-fois je vous prie une fois pour toutes, ce que je vous dis, de le garder pour vous trois et même quand vous communiquerez à d'autres des nouvelles qui regardent la famille impériale, vous ajouterez: намъ пишутъ то и то, а папенька не говоритъ о томъ ничего. Samedi, le 12, je suis chargé de remettre à monseigneur une lettre autographe de l'Empereur; cette lettre, dont il eut la bonté de me communiquer le contenu *по секрету*, parlait du départ de s. m. le 15 pour l'étranger; donc, s. a. i. n'avait pas un moment à perdre. Il partit en effet et arriva à temps à Pétersbourg, 6 heures après l'absence de l'Empereur qui a dû s'embarquer le 15 au soir. S. M. est accompagné de Benkendorff, Al. Orloff, du p-ce Pierre (qui reviendra tout de suite pour accompagner ici l'Impératrice), Adlerberg, Souvoroff; Nesselrode et Fiquelmont sont partis avant par terre. L'absence de l'Empereur sera de six semaines. Que le ciel veille sur lui et, qu'aidé de ses deux alliés, François et Frédéric, il oppose une digue à cette maudite propagande révolutionnaire, qui menace de tout bouleverser. Notre belle Souveraine sera ici vers le 8 d'Octobre et votre soeur

en est toute rayonnante. Voilà, chère amie, les nouvelles de là-bas; celles d'ici se réduisent à la mort d'un m-r Забѣлинъ et du jeune Alexeieff, le mauvais sujet, братъ того, у коего Камынина по усу текла, а въ ротъ не попала; il est mort du choléra, dit-on, je pense que c'est tout bonnement de la boisson. Je plains la pauvre mère, car pendant qu'un fils meurt, l'autre a disparu depuis deux semaines sans qu'on sache ce qu'il est devenu. Вчера были мы съ Катею у Пашковыхъ, сидѣлъ я долго у Сержа, вотъ письмо à Над. Сер. Il est bien défiguré, m-r Serge: il a sur le nez une immense croute blanche et le front rempli de boutons. Je m'étonne que sa femme l'embrasse et que lui le souffre. Довольно тамъ скучно, il n'y a de disponible pour la causette que la Хомутовъ, m-lle Alexandrine et l'homme du monde, всѣ прочіе по угламъ, en parties quarrées. Ну прощай, моя милая, посылаю тебѣ ящикъ съ любимыми твоими Отоманскими полумѣсячными, рогообразными кренделями, кушай на здоровье. Сейчасъ является Савенко; возвращается въ Петербургъ и горюетъ, что оба раза тебя не видѣлъ.

Переводъ.

Москва, 19 Августа 1833.

Съ радостью получилъ твое письмо отъ 15-го, дорогая и милая моя Ольга, потому что оно совершенно успокоило меня на счетъ Дишки. Буду тебѣ отвѣчать по пунктамъ. Не слѣдуетъ больше возвращаться къ нашему великокняжескому вечеру; мы не одни сожалѣли о твоемъ отсутствіи, самъ царь праздника и всѣ присутствовавшіе повторяли: жаль, что нѣтъ Долгорукихъ! Успокойся относительно маменьки. Она на тебя не сердится ни за вечеръ, ни за что другое; ты слишкомъ разумна и ласкова, чтобы когда нибудь заслужить упрекъ отъ родителей своихъ, но съ твоей маменькой случилось что всегда съ ней случается, т. е. она пишетъ тебѣ письмо, теряетъ его, ищетъ три дня и находитъ, когда почты или оказіи уже нѣтъ. Тоже было и на сей разъ. Только вчера она нашла письма къ тебѣ и къ княгинѣ; Демидовъ взялся ихъ доставить, но оказывается, что онъ уѣзжаетъ только завтра и что ѣдетъ не прямо къ вамъ.—Увы, да: в. князь уѣхалъ. Каково! уѣхалъ въ Воскресенье, а въ Понедѣльникъ въ 10 часовъ вечера онъ былъ въ Петербургѣ. Я былъ съ его высочествомъ до послѣдней минуты; увѣряю тебя, что нѣсколько разъ я уходилъ изъ деликатности, такъ какъ мы были только втроемъ, ихъ в-ства и маленькія вел. княжны, даже Башилова не было; въ такія минуты мужъ съ женою хотятъ быть одни; я уходилъ, но в. к. посылалъ за мной. Онъ заставилъ меня написать письмо къ брату моему и сказалъ: ну пойду другое платье надѣвать, а ты садись здѣсь на мое мѣсто и напиши письмо къ сыну. Вернувшись, онъ взялъ мое письмо, положилъ его въ боковой карманъ, говоря мнѣ: ты куда? — Да домой, в. в.;—куда я теперь гожусь, мнѣ право грустно по васъ будетъ долго.—Нѣтъ, сослужи мнѣ службу.—Что угодно?—Поѣзжай въ Петровское и извини меня передъ Киндяковой, что не могу къ ней быть сегодня

на зовъ. Мнѣ всякая минута дорога, ты самъ знаешь, и затѣмъ онъ поцѣловалъ меня нѣсколько разъ и послѣднія слова его были: скажи m-me Б., что мнѣ жаль, что уѣзжаю не простившись съ нею и съ Екат. Алекс., повергни меня къ ногамъ княгини Долгорукой и смотри же, пиши ко мнѣ. (Это я и сдѣлалъ черезъ день по его отъѣздѣ, т. к. мнѣ нужно было поговорить съ нимъ о Костѣ, который, говорятъ, не перейдетъ въ первый классъ несмотря на хорошее поведеніе; все проклятая математика). Можешь себѣ представить переполохъ у Киндяковыхъ, гдѣ все было готово для празднества. Бездна народа передъ домомъ, полиція. Не будетъ великій князь, сейчасъ ѣдетъ въ Петербургъ!! И вотъ эта толпа бросается на дорогу чтобы увидѣть, когда онъ проѣдетъ, и вотъ въ гостиной тысяча предположеній, почему онъ уѣхалъ? Тутъ нескромные вопросы, а Бартенева заставила меня чуть не лопнуть отъ смѣха: вы знаете, какъ я умѣю молчать, скажите мнѣ по секрету, отчего онъ уѣхалъ; я никому не скажу.

Относительно 26-го, дорогой мой другъ, вотъ что. Маменька уѣхала вчера въ Горбово, она хотѣла оттуда проѣхать прямо въ Смердино: но я сказалъ ей непремѣнно пріѣхать сюда, такъ какъ если будетъ такая погода какъ теперь, я нисколько не намѣренъ со своими людьми простужаться въ деревнѣ за 60 верстъ. И такъ, предлагаю тебѣ, дорогой мой другъ, пріѣхать въ Москву 24-го, это также срокъ возвращенія маменьки, и здѣсь мы рѣшимъ что̀ дѣлать? И мнѣ кажется дѣломъ рѣшеннымъ, что мы здѣсь отпразднуемъ именины маменьки и 24-го годовщину нашего союза съ твоей матерью. Пріѣзжай же 24-го. По крайней мѣрѣ побудемъ вмѣстѣ нѣсколько дней и наглядимся другъ на друга Какимъ удовольствіемъ было бы для меня провести 30-е въ Шеметовѣ! И я вижу, что это будетъ въ Среду: день для меня легкій. Я очень радъ, что лепешки по твоему вкусу и особенно тому, что послалъ ихъ тебѣ, не смотря на то, что ты должна была получить ихъ отъ Пашковыхъ. Вотъ еще письмо отъ маменьки; отправленное своевременно, оно бы тебя окончательно успокоило, но и оно валялось въ ея кабинетѣ, и я случайно нашелъ его, ища ключъ для маменьки.

Я очень нетерпѣливъ увидать копышонка Сашку и моего любимца князя-наслѣдника. Поцѣлуй ихъ за меня.

Я послалъ къ 15-му сестрѣ и Константину Б. три чудовищныхъ ананаса, за которые заплатилъ 150 рублей; онъ пишетъ мнѣ, что она была очень къ этому чувствительна. Я думаю, что не ко вниманію, а ко вкусу и размѣрамъ лакомства.

Твоя сестра въ ярости за то, что ты ей не отвѣчаешь. А, сказалъ я ей: такъ знай же, какъ это пріятно изъ опыта; ты цѣлый вѣкъ никому не пишешь. Посылаю добрѣйшей, тишайшей и любимѣйшей маменькѣ все, что̀ у меня осталось отъ маленькихъ картинокъ.

Не зная, какъ отблагодарить великаго князя за всѣ его милости, я поднесъ его маленькой Екатеринѣ Михаиловнѣ, 16-го, въ день ея рожденія, маленькую шкатулочку, которую всю оклеилъ фигурами, въ такомъ же родѣ, но все только такого содержанія, какое доступно ея пониманію: дѣтскія игры, сцены изъ дѣтской жизни и т. д. Это очень хорошо удалось, подарокъ вышелъ совсѣмъ изящный, съ красивой надписью въ срединѣ, а вну-

три конфекты на выборъ съ сюрпризами и т. д. Вел. княгиня очень меня благодарила, прибавивъ: „Это такъ красиво, что впору отнять у ребенка. Удивляюсь какъ вы находите время все это дѣлать и восхищаюсь вкусомъ, съ какимъ все это сдѣлано". Если я пріѣду къ вамъ 30-го Августа, мы съ Дишкой совсѣмъ съ ума сведемъ бунтовщицу. Василій А. дѣйствительно дѣлалъ сцены на нашемъ балу, отдавая направо и налѣво приказанія и, вмѣшиваясь въ то, что̀ его не касается; онъ велѣлъ связать руки за спину этому бѣдному студенту. Если хочешь, можешь послать это письмо своему брату, но онъ знаетъ обо всемъ и въ тѣхъ же подробностяхъ, такъ какъ мой братъ далъ ему прочесть мое письмо, которое и есть оригиналъ копіи, сдѣланной маменькой для тебя. Мнѣ Костю жаль, обо всемъ этомъ подробно поговоримъ здѣсь. Я прочелъ ему внушеніе слегка, такъ какъ чувствую необходимость не дать ему впасть въ отчаяніе; нужно воскресить въ немъ упавшій духъ. Что̀ меня радуетъ, это то, что поведеніе его тутъ не причемъ, имъ очень довольны, а для меня это главное, по ученіе.... Къ несчастію ему уже 20 лѣтъ минуло, въ этомъ возрастѣ идутъ на приступы для него жестоко добиваться только эполетъ въ то время, когда другіе заслуживаютъ уже общіе ордена! Но, что же дѣлать? Кажется онъ слишкомъ много хвастался (языкъ нашъ врагъ) протекціями, которыя онъ имѣетъ и которыя будутъ двигать его впередъ безъ того, чтобы ему нужно было прилагать стараніе. Вотъ его и наказали тѣмъ, что въ первый классъ не переведутъ. Дай Богъ, чтобы это была простая лишь угроза. Я написалъ вел. князю откровенно, какъ отцу и благодѣтелю, выставивъ ему все, но не прося ни о чемъ, кромѣ развѣ, чтобы велѣлъ удвоить строгость къ Костѣ, но противодѣйствовать упадку духа и отчаянію молодого человѣка.

Посмотримъ теперь какія новости. Къ счастью, я имѣю лишнее время и не могу его лучше употребить, какъ поболтавъ съ вами, дорогіе друзья мои. Отъѣздъ в. князя, т. е. причина его, теперь уже не секретъ. Тѣмъ не менѣе прошу васъ разъ навсегда все, что̀ я вамъ говорю, держать для васъ троихъ и даже, когда будете сообщать другимъ новости, касающіяся Императорской фамиліи, прибавляйте: намъ пишутъ то и то, а папенька не говоритъ о томъ ничего.

Въ Субботу, 12-го, мнѣ поручено передать в. князю собственноручное письмо Государя; письмо это, содержаніе котораго онъ былъ добръ сообщить мнѣ по секрету, извѣщало объ отъѣздѣ его величества 15-го числа за границу; такимъ образомъ его высочеству нельзя было терять ни минуты. онъ, въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ и прибылъ во время въ Петербургъ 6 часовъ спустя, по отъѣздѣ Государя, который долженъ былъ пуститься въ море 15-го, вечеромъ. Его величество сопровождаютъ Бенкендорфъ, Ал. Орловъ, князь Петръ (который тотчасъ же вернется, чтобы сопровождать сюда Императрицу), Адлербергъ. Суворовъ, Нессельроде и Фикельмонтъ уѣхали раньше сушею. Отсутствіе Государя продлится 6 недѣль. Да хранитъ его небо, и пусть онъ, съ помощью своихъ двухъ союзниковъ, Франца и Фридриха, противопоставитъ оплотъ этой проклятой революціонной пропагандѣ, грозящей все перевернуть.

Наша прелестная государыня будетъ здѣсь къ 8-му Октября и твоя сестра отъ этого совсѣмъ сіяетъ. Вотъ, милый другъ, извѣстія оттуда; здѣшнія же ограничиваются смертью нѣкоего Забѣлина и молодого Алексѣева, негодяя. брата того, у коего Камынина по усу текла, а въ ротъ не попала; онъ умеръ, говорятъ. отъ холеры, я же думаю, что попросту отъ пьянства. Мнѣ жаль бѣдную мать: въ то время какъ одинъ сынъ умираетъ, другой двѣ недѣли какъ исчезъ и неизвѣстно что съ нимъ сталось. Вчера были мы съ Катею у Пашковыхъ, сидѣлъ я долго у Сержа, вотъ письмо къ Над. Сер.; Сержъ очень таки обезображенъ, на носу у него огромная бѣлая кора, а лобъ покрытъ прыщами. Удивляюсь тому, что жена его цѣлуетъ и что онъ это допускаетъ. Довольно тамъ скучно, для болтовни можно пользоваться лишь Хомутовой, m-lle Alexandrine и великосвѣтскимъ человѣкомъ, всѣ прочіе по угламъ по двѣ пары. Ну, прощай, моя милая; посылаю тебѣ ящикъ съ любимыми твоими Отоманскими полумѣсячными, рогообразными кренделями, кушай на здоровье. Сейчасъ является Савенко; возвращается въ Петербургъ и горюетъ что оба раза тебя не видѣлъ.

Moscou, le 2 Septembre 1833.

Comme elle a était courte cette journée agréable, que j'ai passe à Schémétovo, ma chère et bien aimée Olga. Je désire que ce beau temps que nous avons, se prolonge; mais s'il venait à changer, je ne serai pas du tout fâché, car cela vous ramenera plus tôt en ville. Je vous ai barbouillé quelques lignes de Троица, où j'ai trouvé maman avec une suite nombreuse. Nous avons fait le voyage très heureusement. J'ai trouvé Galitzine mieux, mais elle garde encore la maison, et je ne crois pas qu'elle sorte avant la fête de Lise Pachkoff, qui est le 5. Sa mère engage tout le monde à venir passer la soirée chez elle. J'arrive dans le moment de Petrovskoé, c'était assez maussade, le même monde et le même parti. Il n'y a qu'une occupation, une imitation de chez-vous: on découpe des figures pour les coller. А у меня новое знакомство: hier arrive tout d'un coup chez moi le colonel des carabiniers Gérebtzoff. Je m'attendais quand il m'eût dit: j'ai une grâce à vous demander, qu'il s'agissait d'une lettre ou d'un открытый листъ; pas, du tout: il me prie de venir dîner chez lui, совѣстно было отказать, поѣхалъ туда съ Новосильцевымъ. Un dîné exquis et de tout en abondance et la musique la plus parfaite pour le choix et l'exécution pendant et après le repas. Nous étions peu de monde: Bachiloff, Novossilzoff, Gresser, Werstofsky, Bobrinsky, Teploff et l'auteur etc. C'était fort gai, et j'y serais resté tard sans un postillion qui vint m'annoncer l'arrivée de la poste de Pétersbourg. Je mis une poire dans ma poche; le хозяинъ, voyant cela, me demanda, c'est sûrement pour m-lle B. et sur mon oui, il fit mettre dans ma calèche toute une provision de ce qu'il y avait de mieux sur la table. Comme j'aurai demain beaucoup à faire, je vous écris à pré-

sent avant d'aller me coucher. Rien de nouveau en ville si non la mort de m-me Bibikoff qu'une fièvre bilieuse a emportée en cinq jours: mais en ville on dit que c'est le choléra, car c'est plus tragique et surtout plus alarmant.

Какова ты, моя милая? Мы долго не увидимся. за то Дишка скоро къ намъ явится. Embrassez le pour moi en attendant, et quand il arrivera, ce sera à moi à le faire pour vous. Mille choses à l'excellente maman; m-me Nadine était charmante ce soir et répetait, comme toujours, après chaque compliment que je lui fesais: да полноте, Алек. Яковл.! accompagné d'une tappe sur la main. M-r Serge va mieux. Je vous quitte, ma chère, car j'ai un long travail à faire, mes seigneurs de la poste veulent tous des croix ou des grades, et comme ils sont une centaine, je ne puis les satisfaire tous, j'en fais un extrait, une quintessence, un choix, et c'est difficile à arranger. Adieu, ma chère amie. Demain, avant d'expédier ma lettre, j'ajouterai что̀ случится. Avez vous connu Мак. Ник. Поповъ? Il est mort à l'hôpital Schérémétef, misérable et fou.—Bobrinsky est très fâché de n'avoir pas pu venir le 30, mais il dit qu'il viendra sans faute vous faire une visite à Schémétovo. Le temps est superbe, nons nous sommes promenés avec votre soeur à pieds pendant une heure, elle va de mieux en mieux. Voilà une lettre d'elle. La p-sse Bariatinsky: да, да, я была, а вы были-ли? la mère du nez de polichinelle vient de mourir, comme de raison de choléra, car depuis quelque temps on ne permet à personne de mourir autrement que de choléra. То-то княгиня Ел. Вас *). струсить! Adieu, ma chère, la poste de Pétersbourg arrive dans le moment. J'ai de mon frère une lettre du 30, rien de nouveau la-bàs aussi. Прощай, моя милюшка, обнимаю тебя и мужа сто разъ. Будь милость Божія надъ тобою. Я велѣлъ выписать что̀ сказано въ Петербургскихъ газетахъ о нашемъ угощеніи Вел. Князю. Прочти это княгинѣ. А я для тебя выписалъ экземпляръ танцевъ императорскихъ, Аничковскихъ, вотъ они. Vous aurez de quoi vous amuser à déchiffrer. 4 Sept. P. S. J'avais tout-à-fait oublié que nos jours sont changés et que ce n'est plus Samedi, mais Lundi et Jeudi (ура! deux fois par semaine) que nous pouvons et devons écrire à Троица; cela me donne, ma chère, la possibilité d'ajouter ce petit P. S. L'article, touchant notre petite fête, vient de paraître aussi dans l'Invalide. Hier soir j'ai été chez les Pachkoff, mais seul, car votre soeur se ménage encore et sortira demain pour la fête de Lise P. Il y avait à Pétrovsky deux nouvelles figures, un m-r Ниротморцевъ, qui a l'air d'un outchitel français, il a chanté des duos avec Nikolas P.; il a une belle voix

*) Княгиня Хованская мачиха супруги А. Я. Булгакова.

de basse, mais qu'il ne manie pas bien et il prononce l'italien comme m-r Lavroff, Banticheff et compagnie. L'autre est un aide-de-camp, m-r Gédéonoff, arrivant du Caucase et ne parlant en drôle de francais que de lui-même et de Swistounoff—moi et S., S. et moi: tel est son refrain. Rien de nouveau si non la nouvelle que l'Empereur est arrivé le 24 heureusement à Scheveut, lieu du rendez-vous avec le roi de Prusse.

Переводъ.

Москва, 2-е Сентября 1833.

Какъ коротокъ былъ пріятный день, проведенный мною въ Шеметовѣ, дорогая и любимая моя Ольга. Хотѣлось бы, чтобы прекрасная погода, которая у насъ, продолжилась; въ случаѣ же если бъ она перемѣнилась, вовсе не буду жалѣть, такъ какъ изъ за этого вы раньше вернетесь въ городъ. Я намаракалъ вамъ нѣсколько строчекъ изъ Троицы, гдѣ засталъ маму съ многочисленной свитой. Мы съѣздили очень удачно. Я нашелъ Голицыну лучше, но она еще не выходитъ изъ дому, и я не думаю, чтобы она вышла раньше дня именинъ Лизы Пашковой, т. е. раньше 5-го числа. Мать ея приглашаетъ всѣхъ провести этотъ вечеръ у нея. Сейчасъ я пріѣхалъ изъ Петровскаго, было довольно скучно, все тоже общество и тѣже условія. Единственное занятіе, перенятое отъ васъ: вырѣзаютъ фигуры, чтобы ихъ наклеивать. А у меня новое знакомство: вдругъ вчера ко мнѣ пріѣзжаетъ стрѣлковый полковникъ Жеребцовъ. Когда онъ сказалъ: у меня къ вамъ просьба, я ожидалъ, что дѣло касается письма или открытаго листа; вовсе нѣтъ: онъ проситъ меня къ себѣ обѣдать; совѣстно было отказать, поѣхалъ туда съ Новосильцевымъ. Обѣдъ отмѣнный и всего въ изобиліи, музыка превосходная въ смыслѣ выбора и исполненія во время и послѣ обѣда. Насъ было мало: Башиловъ, Новосильцевъ, Грессеръ, Верстовскій, Бобринскій, Тепловъ и авторъ и проч. Было очень весело, и я бы остался тамъ дольше, если бы не почтальонъ, пришедшій объявить мнѣ о прибытіи почты изъ Петербурга. Я положилъ себѣ въ карманъ грушу; хозяинъ, увидѣвъ это, спросилъ: это, вѣроятно, для m-lle B.? и на мое да, онъ велѣлъ положить мнѣ въ коляску цѣлый запасъ всего, что было на столѣ лучшаго. Такъ какъ завтра у меня будетъ много дѣла, пишу вамъ теперь, прежде чѣмъ идти спать. Въ городѣ ничего новаго, кромѣ развѣ смерти Бибиковой, которую желчная лихорадка похитила въ 5 дней; а въ городѣ говорятъ, что это холера, такъ какъ это болѣе трагично и, главное, болѣе тревожно.

Какова ты моя милая? Мы долго не увидимся, за то Дишка скоро къ намъ явится. А пока поцѣлуй его за меня, а когда онъ пріѣдетъ, придется мнѣ это дѣлать за тебя. Передай тысячу привѣтовъ прелестной maman; m-me Nadine была очаровательна сегодня вечеромъ и, какъ всегда, послѣ каждаго комплимента, сдѣланнаго мною, повторяла: да полноте Алек. Яковл.! сопровождая это шлепкомъ по рукѣ. Сергѣю теперь лучше. Покидаю тебя, дорогая моя, такъ какъ у меня большая работа: мои господа почтовые чиновники всѣ желаютъ орденовъ или чиновъ и такъ какъ ихъ сотня, я не могу удовлетворить ихъ всѣхъ и дѣлаю выписку, квинтэссенцію, выборъ, а это устроить трудно. Про-

щай, дорогой мой другъ. Завтра, прежде чѣмъ отправить письмо, я прибавлю, что̀ случится. Знавала ли ты Мак. Ник. Попова? Онъ умеръ въ Шереметевской больницѣ бѣднякомъ и сумасшедшимъ. Бобринскій очень сожалѣетъ, что не могъ быть 30-го, но говоритъ, что непремѣнно посѣтитъ васъ въ Шеметовѣ. Погода чудесная, мы съ твоей сестрой гуляли пѣшкомъ въ продолженіе часа, ей все лучше. Вотъ тебѣ письмо отъ нея. Княгиня Барятинская: да, да, я была, а вы были ли? мать шутовского носа только что умерла, разумѣется, отъ холеры, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ никому не разрѣшаютъ умереть иначе, какъ отъ холеры. То-то княгиня Ел. Вас. струситъ! Прощай, моя дорогая, сію минуту прибываетъ Петербургская почта. Отъ брата имѣю письмо отъ 30-го, ничего новаго нѣтъ и тамъ.

Будетъ вамъ чѣмъ позабавиться. разбирая. 4-е Сент. P. S. Совсѣмъ было, забылъ, что наши дни измѣнены и что ужъ больше не въ Субботу, а въ Понедѣльникъ и Четвергъ (ура! два раза въ недѣлю) мы можемъ и должны писать къ Троицѣ; это, мой другъ, даетъ мнѣ возможность прибавить этотъ маленькій P. S. Статья, касающаяся нашего маленькаго праздника, появилась также въ Инвалидѣ. Вчера вечеромъ я былъ у Пашковыхъ, но одинъ, такъ какъ сестра твоя еще бережется и выѣдетъ завтра на именины Лизы Пашковой. Въ Петровскомъ было два новыхъ лица, господинъ Широтморцевъ, имѣющій видъ Французскаго учителя, онъ пѣлъ дуэты съ Ник. П.; у него красивый басъ, но онъ плохо имъ владѣетъ и произноситъ по итальянски, какъ господа Лавровъ, Бантышевъ и компанія. Другой, адъютантъ Гедеоновъ, пріѣхавшій съ Кавказа и говорящій забавнымъ Французскимъ языкомъ только о себѣ и о Свистуновѣ, я и С., С. и я, таковъ его припѣвъ. Ничего новаго кромѣ извѣстія о томъ, что Государь 24-го числа счастливо прибылъ въ Шёвё, мѣсто его свиданія съ королемъ Прусскимъ.

Письмо изъ Москвы.

(Выписка изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, № 201).

Государь великій князь Михаилъ Павловичъ 9 числа сего Августа изволилъ осчастливить присутствіемъ своимъ маленькую вечеринку, данную Московскимъ почтъ-директоромъ своимъ друзьямъ. Одно лицо августѣйшаго сего гостя преобразило оную въ торжественный радостный праздникъ. Его императорское высочество изволилъ прибыть въ половинѣ десятаго часа. Обойдя всѣ комнаты и удостоя ласковымъ привѣтствіемъ всѣхъ бывшихъ тутъ знакомыхъ своихъ, онъ изволилъ открыть съ хозяйкою балъ Польскимъ и удостоилъ тою же честью почти всѣхъ дамъ. Когда начались вальсы, то великій князь принималъ также нѣсколько разъ участіе въ оныхъ. Не однѣ знатныя особы обращали на себя вниманіе его императорскаго высочества. Онъ съ обыкновенною своею ласкою и благосклонностью удостоивалъ разговора всѣхъ возлѣ него стоявшихъ, не разбирая чиновъ и лѣтъ. Всѣ были въ восхищеніи, всѣ съ душевнымъ удовольствіемъ смотрѣли на здоровый, бодрый его видъ, зная, что за нѣсколько токмо дней предъ симъ, его высочествомъ оконченъ былъ курсъ Московскихъ искусственныхъ водъ; всѣ взоры

были безпрестанно обращены съ сердечною радостію на дорогого гостя, который самъ казался доволенъ, видя себя окруженнаго людьми душевно ему преданными. Его императорское высочество изволилъ пробыть въ Почтамтѣ почти до трехъ часовъ по полуночи. День сей останется вѣчно въ памяти всѣхъ почтамтскихъ чиновниковъ. Таковой чести не было еще никогда удостоено мѣсто ихъ служенія. Они бы желали, чтобы посредствомъ писемъ, всѣ концы Имперіи извѣстились, что они въ теченіе пяти часовъ могли наслаждаться лицезрѣніемъ августѣйшаго брата Русскаго царя. Всѣ, бывшіе на вечерѣ семъ, относятся съ похвалою о радушномъ гостепріимствѣ хозяевъ. Въ залѣ, въ которой танцовали, была сдѣлана изъ цвѣтовъ гора, на вершинѣ коей находился портретъ Государя Императора, окруженный зеленою, лавровою гирляндою; на окнахъ же, вмѣсто драпировки, придѣланы были большіе вензеля имени государя великаго князя изъ дубовыхъ листьевъ.

Moscou, le 13 Septembre 1833.

Nous nous portons tous bien, et j'ai un peu moins de besogne depuis le départ de m-me la gr.-duchesse. J'ai eu le bonheur de la faire monter en calèche, et s. a. i. m'a comblé de ses bontés et de remerciments que je suis bien loin de mériter. La veille de son départ il y a eu un dîné d'adieux chez elle; c'étaient les personnes qu'elle affectionne le plus, et j'étais bien flatté d'en être. Il y avait le prince Dimitri, le p-ce Serge, M. Galitzine, le p-ce Gagarine aveugle et sa femme, le commendant, le g-l des cadets, Bachiloff comme de raison, P. I. Oséroff, Wichniakoff, m-lle Чичеринъ et moi. La gr.-duchesse a fait cadeau d'une très belle sévigné (de prix) à la Barténeff. Cela à fait des jaloux, par-ci par-là, ce qui est tout-à-fait injuste et bête. Les Pachkoff sont déjà en ville, et hier nous y avons passé la soirée avec Catherine, c'est toujours le même ordre de chose, le même musicien, c'est à dire la Barténeff au clavecin, les mêmes parties de whist, la même клюквенная вода, la même vinaigrette etc. Serge P. a très joliment arrangé ses appartements et surtout le cabinet de la charmante N. J'ai été l'autre soir à Lublino à une soirée donnée par le comte Potemkine à qui, je ne sais. Une société de l'autre monde, mais abandonnée en tout et libérté illimitée, au point que pendant le spectacle on offrait des cigares aux convives. On dit qu'il court après une actrice, qui a dansé là aussi. On a donné Недоросль; dans les deux pièces Zakrefsky (mais pas le c-te Арс. Андр.) a excellé, il y avait des couplets pour le p-ce P. etc. C'était drôle au possible de voir Potemkin en Кутейкинъ, et en Тарасъ Скотининъ devinez qui... enfin, sans vous tourmenter, c'était Демидовъ débitant son rôle avec le plus grand sérieux et se donnant des tapes sur son gros ventre postiche; потомъ какой-то балетъ, гдѣ всѣ актрисы танцовали. Я уѣхалъ тотчасъ послѣ пьесъ, т. е. послѣ фейерверка; готовился славный ужинъ; видно, денежки завелись у Потемкина.

Переводъ.

Москва, 13 Сентября 1833.

Мы всѣ здоровы, и у меня, со времени отъѣзда вел. княгини, дѣла стало немного меньше. Я имѣлъ счастье усаживать ее въ коляску при чемъ ея в-ство осыпала меня милостями и благодарностями, которыхъ я далеко не заслуживаю. Накапунѣ ея отъѣзда былъ у нея прощальный обѣдъ; были тѣ особы, къ которымъ она наиболѣе благосклонна, и я былъ очень польщенъ находиться въ числѣ ихъ. Были князь Дмитрій, князь Сергѣй Мих. Голицынъ, князь Гагаринъ слѣпой съ женою, комендантъ, начальникъ кадетовъ, Башиловъ разумѣется, П. И. Озеровъ, Вишняковъ, m-elle Чичерина и я. Великая княгиня подарила Бартеньевой очень красивый севинье (цѣнный). Это вызвало тамъ и сямъ зависть, совершенно несправедливую и нелѣпую. Пашковы уже въ городѣ, и вчера мы съ Катей провели у нихъ вечеръ; все тотъ же порядокъ вещей, тотъ же музыкантъ, то есть Бартенева за клавесиномъ, тѣже партіи въ вистъ, таже клюквенная вода, тотъ же винегретъ и т. д. Сергѣй П. очень мило устроилъ свою квартиру, особенно кабинетъ прелестной Н. Какъ то я былъ въ Люблинѣ на вечерѣ, данномъ Потемкинымъ, кому не знаю. Было общество съ того свѣта, но полная непринужденность и свобода безграничная до того, что во время спектакля гостямъ предлагали сигары. Говорятъ, онъ волочится за актрисой, которая тоже тамъ танцовала. Давали Недоросля; въ обѣихъ піесахъ Закревскій (но не графъ Арс. Андр.) отличался, были куплеты на князя П. и т. д. До невозможности смѣшно было видѣть Потемкина Кутейкинымъ, а Тарасомъ Скотининымъ догадайтесь кого... ну, чтобы васъ не мучить, Демидова, который исполнялъ свою роль съ самымъ серьезнымъ видомъ, похлопывая свой большой накладной животъ. потомъ...

Moscou, le 18 Septembre 1833.

Merci, grand merci, très grand merci, grandissime merci, ma chère et excellente Olga, pour vos deux lettres du 13 et 15, que j'ai reçu presque à la fois, la 1-ère par la bonne maman et l'autre par la poste. Je suis vraiment peiné de n'avoir que le temps de vous dire quelques mots à la hâte, la poste de Pétersbourg étant arrivée de très bonne heure, et nous sommes près de l'heure du dîné. Nous nous portons bien tous, hier nous avons gigoté chez les Paschkoff, après soupé c'était une émulation sanglante pour la valse, moi je fis avec la charmante имянинница 3 tours, sur cela чай, вода. Мишка Tolstoy en fit 5 avec la Solovoy, ensuite Bobrinsky 5 avec m-lle Alexandrine, puis Nicolas Paschkoff avec sa belle Lise ne put aller à 5. Je fit ensuite 8 avec une Solovoy cadette *), qui valse comme un ange, finalement Bobrinsky était tellement en train, qu'il s'empara de Маша Бартенева et *fit 15 tours* de valse; il aurait été plus loin, mais la dame chancelait et manqua tomber. C'était comme un vertige, et la vieille m-me Paschkoff riait aux éclats en répétant:

---

*) Ольгою Ѳедоровной, позднѣе супругою А. И. Кошелева.

ахъ! мои голубчики, веселитесь, танцуйте! ну еще кругъ! ну еще одинъ! Je ne pourrai pas répondre en détail à vos lettres, je le ferai par maman, qui part après minuit. Elle a la cruauté de ne pas dîner avec nous aujourd'hui; il y aura le Башмаковъ, Хомутовъ, Над. Сер., Bobrinsky, etc. Я увѣренъ, что Бартенева явится со всею своею дворнею.

Переводъ.

Москва, 18 Сентября 1833.

Спасибо, большое спасибо, очень большое спасибо, огромнѣйшее спасибо тебѣ, моя дорогая и прелестная Ольга, за два твоихъ письма отъ 13-го и 15-го, которыя я получилъ почти одновременно, первое черезъ милую маму, а второе по почтѣ. Право, я очень огорченъ, что имѣю время только сказать тебѣ нѣсколько словъ наскоро, такъ какъ Петербургская почта прибыла очень рано и близокъ часъ обѣда. Мы всѣ здоровы, вчера мы отплясывали у Пашковыхъ, послѣ ужина было ожесточенное соревнованіе въ вальсѣ, я сдѣлалъ съ прелестной именинницей 3 круга, послѣ этого чай, воды. Мишка Толстой сдѣлалъ 5 круговъ съ Соловой, затѣмъ Бобринскій 5 съ m-elle Александринъ, потомъ Николай Пашковъ съ своей прекрасной Лизой не могъ дойти до 5-ти круговъ. Затѣмъ я сдѣлалъ 8 круговъ съ младшей Соловой, которая вальсируетъ какъ ангелъ, въ концѣ концовъ Бобринскій такъ разошелся, что подхватилъ Машу Бартеневу и сдѣлалъ 15 круговъ вальса; онъ бы и больше сдѣлалъ, но дама зашаталась и чуть чуть не упала. Это было головокружительно, а старуха Пашкова хохотала, повторяя: ахъ мои голубчики, веселитесь, танцуйте! Ну, еще кругъ! Ну еще одинъ! Не смогу подробно отвѣтить на твои письма, сдѣлаю это черезъ маму, которая уѣзжаетъ послѣ двѣнадцати часовъ ночи. Она имѣетъ жестокость не отобѣдать съ нами сегодня; будутъ Башмаковъ, Хомутовъ. Над. Сер., Бобринская и проч.

Москва, 21 Сентября 1833.

Nous ne savons rien de l'arrivée de l'Empereur, hier pas de lettres, celle d'aujourd'hui, du 18, m'apprendra, je suppose, quelque chose de positif. Nous savons seulement que notre Empereur a ensorcelé les majestés Autrichiennes, mari et femme. L'empereur Français a décoré de ses ordres toute la suite de notre Empereur, qui, à son tour, a donné le St. André à Fiquelmont. On est d'accord sur tout, et le mauvais génie de l'Europe occidentale aura mauvais jeu avec les anges gardiens de l'union, qui viennent de se réunir à Münchengratz. La grande-duchesse est arrivée jeudi très bien. Урукинъ, que j'ai envoyé pour l'accompagner, a eu un grand merci de mon frère. Le gr.-duc Michel est parti de Pavlovsk à cheval avec Чичеринъ à la rencontre de sa femme, il a fait 11 verstes et a trouvé s. a. i. près de Ижора. Voilà qui est galant, et voilà comme moi je ferai, quand ma bonne Olga quittera Шеметово pour

venir à Moscou. J'espère que cela ne tardera pas, car encore un peu, et Alexandre aura tué tout le gibier des environs, à moins qu'il ne veuille exterminer jusqu'aux poules, aux rats et même aux puces de la maison.

Mon frère me dit que l'Empereur est arrivé le 16 le soir à Царское Село en parfaite santé, il est accompagné de Benkendorf seul. On ne sait rien encore des projets ultérieurs de S. M. I. Orloff et Benkendorf ont eu le St. Etienne, Menchikoff le St. Léopold, Adlerberg la Couronne de fer, Souvorof le G-d Léopold. L'Empereur a aussi décoré Fiquelmont de St. André.

Переводъ.

Москва, 21 Сентября 1833.

Мы ничего не знаемъ о пріѣздѣ Государя, вчера не было писемъ, сегодняшнее отъ 18-го числа, надѣюсь, увѣдомитъ меня о чемъ нибудь положительномъ. Знаемъ только, что нашъ Государь очаровалъ ихъ Австрійскія величества, и мужа и жену. Императоръ Французскій пожаловалъ своими орденами всю свиту нашего Государя, который, въ свою очередь, пожаловалъ Фикельмону орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Согласіе во всемъ, и злому генію Западной Европы трудно будетъ справиться съ ангелами хранителями союза, которые теперь собрались въ Мюнхенграцѣ. Великая княгиня доѣхала въ Четвергъ очень хорошо. Урукинъ, котораго я посылалъ ее сопровождать, получилъ большую благодарность отъ моего брата. Великій князь Михаилъ выѣхалъ изъ Павловска верхомъ съ Чичеринымъ на встрѣчу своей супругѣ; онъ сдѣлалъ 11 верстъ и встрѣтилъ ея в. около Ижоры. Вотъ это галантно, вотъ такъ и я сдѣлаю, когда моя милая Ольга покинетъ Шеметово, чтобы пріѣхать въ Москву; я надѣюсь, это будетъ скоро, такъ какъ еще немного и Дишкой будетъ убита вся окрестная дичь, если только онъ не захочетъ уничтожить всего, включительно до куръ, крысъ и даже блохъ въ домѣ.

Братъ сообщаетъ, что Государь пріѣхалъ въ Царское Село 16-го вечеромъ, въ полномъ здравіи, его сопровождаетъ одинъ только Бенкендорфъ. Ничего еще не знаютъ о дальнѣйшихъ планахъ его величества. Орловъ и Бенкендорфъ получили орденъ св. Стефана, Меньшиковъ св. Леопольда, Адлербергъ желѣзную корону, Суворовъ Леопольда. Государь тоже пожаловалъ Фикельмону орденъ св. Андрея.

Moscou, le 25 Septembre 1833.

Cette neige, dont la terre est couverte depuis deux jours, n'est pas peut-être romanesque ni poétique, mais je la regarde avec plaisir, quand je pense qu'elle vous fera peut-être rentrer plus tôt en ville, à moins qu'elle ne serve à mieux donner à Дишка les traces des lièvres qu'il traite comme les républicains traitent les Carlistes. Право пора въ Бѣлокаменную, которая отъ снѣгу сдѣлалась еще бѣлокаменнѣе.

У насъ все по старому, маменька все въ Горбовѣ возится и не говоритъ еще о возвращеніи своемъ. Сестрицу твою изъ одной крайности бросило въ другую: такъ теперь распѣлась, что у нея горло заболѣло. C'est Tolstoy *) qui l'a électrisée, il a un talent éminent et a composé de très belles choses que Катя chante très bien; il trouve la voix de votre soeur superbe, regrette que vous ne soyez pas ici pour composer quelque chose pour vos deux voix. Si vous avez de jolis vers Russes ou Français, envoyez les nous, il fera sur cela de la musique. C'est dommage qu'il part pour Witebsk, car il avait mis la musique en train.

Philosofoff, l'aide de-camp du gr.-duc Michel, épouse une d-lle Stolipine qu'on dit charmante et grande musicienne. П. Львов. Давыдовъ se marie et dit qu'il doit le faire. Невѣста какая-то молодая Лихонина, и Давыдовъ говоритъ: она доказала мнѣ свою привязанность, ибо пять лѣтъ въ меня влюблена; passe encore pour cette привязанность, mais j'aime beaucoup le *влюблена*.

On parle beaucoup d'un duel à Pétersbourg entre deux officiers de dragons de la garde, entre un m-r Zalesky et l'autre, j'ai oublié le nom, qui est Allemand: cet autre a été tué. Une chose particulière c'est qu'ils se sont battus sans témoins, ce qui rend la faute plus grande encore. Vous verrez dans la Пчела des détails curieux sur le voyage de l'Empereur, son refus de revenir à Lublin, la députation de Varsovie et son refus d'aller à Varsovie avant que les Polonais ne se soyent rendus dignes de cet honneur. C'est très bien.

L'Empereur est tout-à-fait charmant. L'Impératrice fut très étonnée de le voir le 16 à Zarskoé Sélo, tandis que le 14 S. M. était à Lublin à la parade. Elle s'écria donc: tu a été comme le vent! Au contraire, comme une tortue, répondit l'Empereur, quand je songe à l'impatience que j'avais de t'embrasser. Faut-il s'étonner qu'elle l'adore! Car enfin ce ne sont pas de simples phrases, et il y a là les faits, les actions, la conduite pour justifier les paroles.

Le gr.-duc a fait venir Костя dans son cabinet, l'a gardé 3/4 d'heure et lui a fait la remontrance la plus tendre, enfin il l'a prêché comme un père, et Костя est sorti de chez s. a. i. les larmes aux yeux.

Переводъ.

Москва, 25 Сентября 1833.

Снѣгъ, которымъ земля покрыта два дня, быть можетъ, не романиченъ, не поэтиченъ; но я смотрю на него съ удовольствіемъ, когда думаю, что, можетъ быть, онъ за-

*) Извѣстный позднѣе Ѳеофилъ Матвѣевичъ, внукъ князя Кутузова.

ставить васъ раньше вернуться въ городъ, если только не поможетъ Дишкѣ лучше отыскивать слѣды зайцевъ, съ коими онъ обращается какъ республиканцы съ Карлистами.

Это Толстой ее наэлектризовалъ; у него замѣчательный талантъ, и онъ сочинилъ очень хорошія вещи, которыя Катя прекрасно поетъ; онъ находитъ, что у твоей сестры великолѣпный голосъ, жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, чтобы ему сочинить что нибудь для вашихъ двухъ голосовъ. Если у тебя есть хорошіе стихи, Русскіе или Французскіе, пришли ихъ намъ, онъ на нихъ напишетъ музыку. Жаль, что онъ уѣзжаетъ въ Витебскъ, такъ какъ онъ пустилъ музыку въ ходъ.

Философовъ, адъютантъ вел. кн. Михаила, женится на Столыпиной, которая, говорятъ, прелестна и большая музыкантша. П. Львов. Давыдовъ женится и, говоритъ, что долженъ это сдѣлать.

Куда ни шло еще эта „привязанность", но мнѣ очень нравится это „влюблена".

Много говорятъ о дуэли между двумя драгунскими гвардейскими офицерами, Залѣскимъ, а фамилію другого я забылъ, онъ Нѣмецъ, и онъ-то и былъ убитъ. Странность этой дуэли въ томъ, что они дрались безъ свидѣтелей, что еще усугубляетъ вину. Ты увидишь въ „Пчелѣ" любопытныя подробности о поѣздкѣ Государя, его отказъ вернуться въ Люблинъ, депутація изъ Варшавы и его отказъ поѣхать въ Варшаву прежде, чѣмъ Поляки станутъ достойны этой чести. Это очень хорошо.

Государь положительно прелестенъ. Императрица была очень удивлена видѣть его 16-го числа въ Царскомъ Селѣ, тогда какъ 14-го его вел. изволилъ быть въ Люблинѣ на парадѣ. Она даже вскрикнула: ты точно вѣтеръ! Наоборотъ, точно черепаха, отвѣтилъ Государь, когда подумаю, какое у меня было нетерпѣніе поцѣловать тебя. Нужно ли удивляться тому, что она его обожаетъ; потому что вѣдь это не простыя фразы; тутъ факты, дѣйствія, поведеніе въ подтвержденіе словъ.

Вел. князь позвалъ Костю въ кабинетъ, продержалъ его 3/4 часа и сдѣлалъ ему самое нѣжное внушеніе; однимъ словомъ, онъ выговаривалъ ему по отечески, и Костя вышелъ отъ его высочества со слезами на глазахъ.

Москва, 28 Сентября 1833.

Votre soeur a un mal de joue qui prive la société de son illustre présence, cependant hier je l'ai promenée dans notre nouvelle calèche qui a très bien réussi: elle est jolie et commode. C'était tellement ennuyeux hier soir chez les Paschkoff, que je me suis mis à faire la cour aux dames de treffles et de caro avec la vieille Авд. Ник. et une fois le whist fini, je me suis retiré et j'ai trouvé chez votre soeur la Barténeff qui était venu charmer les ennuis de la malade. Il y a eu si peu de monde chez les Paschkoff, qu'on n'a même pas gigoté. J'ai reçu une

fort drôle de lettre de Wiazemsky. J'en parlai à Горчаковъ et la lui remis pour la lire, il y avait là un P. S. que je ne voulais pas qu'on sût. G. voit venir à lui Norof: вѣрно письмо отъ Вяземскаго? Дай мнѣ послѣ прочесть. Какое имѣю я право? Письмо это писано къ А. Я. Да онъ всегда даетъ мнѣ читать. Такъ пусть же дастъ вамъ самъ. G. m'apporte la lettre au moment où je dansais une française avec Над. Серг., Noroff veut se jetter et prendre sans mot dire. Moi je mets la lettre dans ma poche. Laissez-moi lire la lettre, dit-il. Après, lui répondis-je sèchement. Il ne voulut pas me comprendre apparément. car, la danse finie, il vient me demander la lettre. Lui refuser c'eût été une avanie; je lui dis: je vous prie de ne pas raconter le contenu. Cela ne l'empêcha pas de venir ensuite dire à Ек. П. devant moi: мы что-то знаемъ съ Ал. Яковл.; Вяземскій что-то пишетъ. Norof, depuis la fameuse soirée du départ de la princesse d'ici, est devenu très génant pour les autres et très à son aise pour lui-même. A présent il compte les heures de votre retour! Voici cette lettre de W. que vous me renverrez après l'avoir lue. Я ему отвѣчаю. что Бартенева не брюхата. а брюхаста. Vous connaissez ma définition de la Хомутова, что она счастлива, когда въ *Чаду* или *Раю* (отъ Чадаева и Раевскаго), она намедни у Киндяковыхъ какъ-то поскользнулась и упала: voilà, dit sur le champ le p-ce Woldemar G., ce qui s'appelle entre deux chaises le cul par terre, car il n'y a eu ce soir ni Raefsky ni Tchadaef. Dès que j'aurai répondu à Костя, je vous enverrai en original sa lettre, qui m'a vivement touché et intéressé. Le gr.-duc. est en vérité un ange, je vois avec plaisir que votre frère sait vivement apprécier tout cela; il me dit: теперь для меня школа сдѣлалась *раемъ* послѣ того, что̀ говорилъ мнѣ его высочество. Трубка погасла, глаза слипаются, пора спать. письмо это начинаю съ вечера, а завтра допишу.

J'ai reçu, ma chère amie, votre lettre du 26. Je vous prie de ne pas déprécier les enfants de votre plume. Rien ne vous prouve autant combien votre correspondance m'est agréable que l'exactitude et les soins que je mets à l'entretenir. Quoique je ne suis pas Madame Sévigné ni vous madame Grignan, cela ne nous empêche pas de nous aimer bien tendrement et absents. et *présents*, car l'histoire des temps dit que ces dames réunies étaient toujours à se chamaillier.

Il n'est pas encore question du retour de votre maman; le nombre de bouteilles de vin et de сайки, qu'elle demande, me fait supposer qu'elle fera bien des archines de drap avant de venir ici. Vous avez les mêmes pressentiments que votre soeur, qui croit, que la cour ne viendra plus ici. Mon frère me dit que oui, mais que l'époque est incertaine.

Les Scherbatoff soutiennent que non, parce que (belle raison!) la noce d'Annette ne se fait plus ici, mais à Pétersbourg. Natalie disait: nous nous dépêchons de partir, car on se prépare pour la noce de ma soeur, je ne sais pourquoi. Et cependant la chose est assez simple; on craint probablement que le promis n'attrape de nouveaux quelque maladie. On ne les laisse pas partir d'ici à cause de leurs dettes, et la p-sse mère ayant dit à un marchand, какъ можешь ты останавливать, свадьба должна быть скоро и во дворцѣ! le marchand répondit avec sang-froid: да вѣдь вѣнчать будуть не ваше сіятельство, а дочь вашу.

Переводъ.

Москва, 28 Сентября 1833.

У твоей сестры болитъ щека, и это лишаетъ общество ея блестящаго присутствія, тѣмъ не менѣе вчера я каталъ ее въ нашей новой коляскѣ, которая очень удалась, красива и удобна. Было такъ скучно вчера вечеромъ у Пашковыхъ, что я принялся ухаживать за трефовыми и бубновыми дамами со старухой Авд. Ник. и какъ только кончился вистъ, уѣхалъ и засталъ у твоей сестры Бартеневу, пріѣхавшую разогнать скуку больной. У Пашковыхъ было такъ мало народу, что даже не плясали. Я получилъ презабавное письмо отъ Вяземскаго. Говоря о немъ Горчакову, я отдалъ письмо ему для прочтенія; былъ тамъ P. S. о которомъ я не желалъ, чтобы знали. Горчаковъ видитъ, что Норовъ идетъ къ нему. Г. приноситъ мнѣ письмо въ ту минуту, какъ я танцовалъ Французскую съ Над. Серг. Норовъ хочетъ броситься и схватить письмо, не говоря ни слова, а я кладу его къ себѣ въ карманъ. Дайте, говоритъ, мнѣ прочесть письмо. Послѣ, отвѣтилъ я ему сухо. Онъ, видимо, не желалъ меня понять, потому что, какъ только окончился танецъ, онъ явился просить у меня письмо. Отказать была бы ему обида; я ему говорю: прошу васъ не разсказывать содержанія. Это не помѣшало ему придти потомъ къ Ек. П. и сказать при мнѣ: мы что-то знаемъ съ Ал. Яковл.: Вяземскій что-то пишетъ. Со времени знаменитаго вечера въ день отъѣзда княгини отсюда онъ сдѣлался очень стѣснителенъ для другихъ и очень удобенъ для самого себя. Теперь онъ считаетъ часы до вашего возвращенія. Вотъ то письмо Вяземскаго, которое по прочтеніи пришли ко мнѣ.

Ты знаешь мое опредѣленіе Хомутовой, что она счастлива когда въ Чаду или Раю (отъ Чадаева и Раевскаго); она намедни у Киндяковыхъ какъ-то поскользнулась и упала вотъ, тотчасъ говоритъ князь Владиміръ Г., что̀ называется изъ двухъ намѣреній не успѣть ни въ одномъ, такъ какъ сегодня вечеромъ не было ни Раевскаго, ни Чадаева. Какъ только я отвѣчу Костѣ, пришлю тебѣ въ оригиналѣ его письмо, которое меня глубоко тронуло и заняло. Вел. князь въ самомъ дѣлѣ ангелъ; я съ удовольствіемъ вижу, что твой братъ умѣетъ все это глубоко цѣнить: онъ говоритъ мнѣ....

Я получилъ, милый мой другъ, твое письмо отъ 26-го. Прошу тебя не унижать произведеній твоего пера. Ничто такъ не доказываетъ тебѣ, насколько мнѣ пріятна твоя переписка, какъ точность и заботы, которыя я прилагаю для поддержанія ея; хоть я не г-жа Севинье, а ты не г-жа Гриньянъ, это не мѣшаетъ намъ нѣжно любить другъ друга;

какъ въ отсутствіи, такъ и при личномъ свиданіи; вѣдь исторія времени говоритъ, что эти дамы, сойдясь, всегда ссорились.

О возвращеніи твоей мамы нѣтъ еще и рѣчи. Количество бутылокъ вина и саекъ, которыя она выписываетъ, заставляетъ меня предполагать, что много пройдетъ времени пока она пріѣдетъ сюда. У тебя тѣже предчувствія, какъ у твоей сестры, которая думаетъ, что дворъ сюда больше не пріѣдетъ. Братъ пишетъ, что дворъ пріѣдетъ, но что неизвѣстно, когда; Щербатовы утверждаютъ, что нѣтъ, потому что (хороша причина!) свадьба Анны будетъ не здѣсь, а въ Петербургѣ. Наташа говорила: мы спѣшимъ уѣхать, не знаю почему, такъ какъ готовятся къ свадьбѣ моей сестры. А между тѣмъ дѣло довольно просто: вѣроятно боятся, какъ бы женихъ снова не схватилъ какой нибудь болѣзни. Ихъ не пускаютъ уѣхать отсюда изъ за долговъ, а когда княгиня-мать сказала одному купцу: какъ можешь ты останавливать, свадьба должна быть скоро и во дворцѣ! купецъ хладнокровно отвѣтилъ: да вѣдь вѣнчать будутъ не ваше сіятельство, а дочь вашу.

Moscou, le 2 Octobre 1833.

Je vous envoye la brochure de ma façon, c'est à dire ma petite brochure biographique sur Wolkoff. Je vends cela en faveur des pauvres, le prix aux librairies est de 2 r. 50 c.; mais vous, Дишка et la p-sse m'enverrez, j'espère, chacun par 5 r. pour son exemplaire. Очень хорошо расходятся, ибо это не Мухановъ: Волкова вся Москва любила и уважала. Сегодня много собирается у меня обѣдать, а именно: la belle des belles ou plutôt la jolie des jolies m-me Dichka-Paschkoff, née p-sse Calme, m-me des Souliers (Башмакова), les Бартишки, la Хомутова, Swistounoff, Gortchakoff, Любезнѣйшій, Démidoff, te, te, te...*), Novosilzoff sauf les imprévus.

Переводъ.

Москва, 2 Октября 1833.

Посылаю тебѣ брошюру своего издѣлія, то-есть мою маленькую біографическую брошюру о Волковѣ. Я продаю это въ пользу бѣдныхъ, цѣна для книжныхъ лавокъ 2 р. 50 к.; но я надѣюсь, что ты, Дишка и княгиня, пришлете мнѣ каждый по 5 р. за экземпляръ.

Прекрасная изъ прекрасныхъ или скорѣй, красивая изъ красивыхъ Дишка-Пашкова, рожденная княжна Кальмъ, Свистуновъ, Горчаковъ, Любезнѣйшій, Демидовъ, те, те, те... Новосильцевъ, кромѣ непредвидѣнныхъ.

---

*) Не относится ли къ кому нибудь изъ лицъ въ четверостишіяхъ тогда ходившихъ, въ родѣ:

Черноокая Россети,
Въ самовластной красотѣ,
Всѣ сердца плѣняетъ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ?

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛЕОНИДА АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО [1]).

1857.

(Ректоромъ Московской Духовной Семинаріи).

Марта 25 дня. Заѣзжалъ къ протоіерею Никитской, на Басманной, церкви П. П. Платонову. Онъ потчевалъ чаемъ и вспоминалъ о временахъ митрополита Платона. Онъ былъ утвержденъ въ *Платоникахъ* митрополитомъ, и приготовлены были имъ и товарищами рѣчи для произнесенія при представленіи, но митрополитъ по болѣзни не принялъ. Въ тѣ времена не обходилось въ семинаріяхъ почти никакого празднества безъ театральныхъ пьесъ; играли *Смерть Роллы* или иное что изъ Коцебу и под.[2]). Играли и при митрополитѣ на Корбухѣ[3]). Тогда мѣсяцъ Май весь проходилъ въ рекреаціяхъ, иногда на цѣлую недѣлю, и всѣ отъ старшихъ и до младшихъ гуляли по своему каждый. Случилось, что Платонъ былъ извѣщенъ; пріѣхалъ. Дверь у ректора заперта, достучались, отворили, ректоръ былъ уже *очень хорошъ*. Платонъ намылилъ ему голову, пошелъ искать инспектора. Тотъ успѣлъ бѣжать и спрятался въ дровахъ. Митрополитъ нашелъ его и тамъ, хотѣлъ зайти къ третьему монаху, но, проходя мимо оконъ его келіи, замѣтилъ, что онъ сидитъ и, подперши голову руками, читаетъ Виргилія, и потому прошелъ мимо и послѣ говорилъ, что въ семинаріи одного только и видѣлъ трезваго и занимающагося дѣломъ. Между тѣмъ этотъ *трезвый* былъ пьянѣе другихъ: когда узналъ о прибытіи митрополита для розысковъ, то обрѣлъ въ себѣ силы доползти до стола, не далѣе, развернулъ книгу и, употребя усиліе, сѣлъ и кое-какъ просидѣлъ, пока прошла гроза.

---

[1]) См. І-ю книгу „Русскаго Архива" сего года выпускъ 4-й. Извлеченія изъ Записокъ преосвященнаго Леонида, появляющихся въ превосходномъ духовномъ журналѣ „Душеполезномъ Чтеніи", помѣщены у насъ на основаніи Цензурнаго Устава, дозволяющаго перепечатку до одного листа въ одинъ разъ, что много лѣтъ сряду производится и съ „Русскимъ Архивомъ" въ Московскихъ и Петербургскихъ повременныхъ изданіяхъ. П. Б.

[2]) Изъ Записокъ Порошина видно, что самъ Платонъ, архимандритомъ бывалъ въ придворномъ театрѣ. П. Б.

[3]) Т. е. у Троицы Сергія. П. Б.

Преосвященный Іосифъ Литовскій привлекъ бывшихъ уніатскихъ іереевъ къ одеждѣ Греческой, объявивъ, что позволитъ носить рясу и бороду только тѣмъ, кто подастъ прошеніе и окажется достойнымъ.

Я слышалъ на дняхъ, что назначеніе преосвященнаго Филоѳея въ Тверь воздвигло сильную ненависть на оберъ-прокурора, такъ какъ оберъ-священнику желалось сюда преосвященнаго Ѳеодотія, который уже и писалъ прощаніе къ паствѣ Симбирской. Преосвященный Филоѳей уже собрался на дняхъ выѣхать въ Петербургъ. Дворянство Костромское, которому вначалѣ казался онъ угрюмымъ, нелюдимымъ, прислало ему въ Тверь складень съ изображеніемъ всѣхъ святыхъ Костромскихъ; онъ серебряный и вѣситъ, какъ говорила вчера у матушки графиня Толстая, фунтовъ 6 или 7 серебра. Отмѣнный выборъ присутствующихъ на нынѣшній годъ іерарховъ: Аѳанасій Казанскій, Инокентій Алеутскій и Филоѳей.

Мая 3 дня. Князь Воронцовъ [1]) вчера привезъ манифестъ и рескрипты нашему владыкѣ и генералъ-губернатору [2]). Объ немъ владыка отозвался: «Онъ похожъ на своего родителя, такой легкій и пріятный въ обращеніи». «Я въ странномъ положеніи. Въ день Преполовенія я занемогъ и потому не былъ въ служеніи. Въ Брестскомъ корпусѣ или въ Межевомъ я прислонился къ деревяной спинкѣ креселъ; затаилась простуда, которая черезъ недѣлю обнаружилась жестокою болью, боль распространилась отъ спины на голову, сдѣлался насморкъ, и горло осипло. Между тѣмъ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ съ рескриптомъ ко мнѣ отъ Государя. Я послалъ преосвященнаго викарія къ Закревскому спросить, не отложить ли празднованіе до Суботы: можетъ, мы оба поправимся (онъ тоже нездоровъ), а я и манифеста не получилъ. Онъ говоритъ, что нельзя отложить, потому что генералъ-адъютантъ долженъ вернуться въ Петербургъ съ донесеніемъ въ Воскресенье (оказалось, что генералъ-адъютантъ въ Воскресенье отсюда поѣхалъ), а манифестъ прислалъ свой, съ тѣмъ, чтобы послѣ возвратить. Между тѣмъ я манифестъ при указѣ получилъ изъ Сѵнода, и откладывать нельзя. Я не могъ даже утромъ рѣшить, буду ли служить, и служилъ чрезъ силу. Хотѣлъ было и поученіе говорить; но отчасти разболѣлась въ концу обѣдни голова, отчасти не хотѣлъ, чтобы пропалъ твой трудъ. Послѣ этого другое затрудненіе для меня: въ рескриптѣ сказано, что они, будучи

---

[1]) Свѣтлѣйшій князь Семенъ Михайловичъ. Московскіе старообрядцы въ его проѣзды черезъ Москву выражали ему особенное уваженіе. П. Б.

въ Лаврѣ, дали обѣтъ назвать, если родится сынъ, Сергіемъ, и желаютъ, чтобъ я помолился у гроба преподобнаго Сергія. Мнѣ слѣдовало бы ѣхать въ Лавру, но не было силъ. Теперь я чувствую себя получше; но дорога при этой погодѣ можетъ разстроить. Завтра однакожъ надобно ѣхать. Ветхи мы стали!»

— Высокопреосвященнѣйшій владыко! Я слышалъ отъ доктора Рахманова, что и лѣкарствъ вамъ не нужно было бы, и здоровье ваше было бы въ исправности, если бы вы немного облегчали себя отъ дѣлъ и пользовались ежедневно прогулкою въ экипажѣ.

— Я знаю, что это было бы полезно. Мнѣ служеніе приноситъ пользу между прочимъ и потому, что я въ движеніи, и кровь принимаетъ правильное обращеніе.

— Не скрою, преосвященнѣйшій владыко: мы ропщемъ на васъ за то, что вы не даете себѣ отдыха.

— Да возможно ли это? Едва успѣваю управляться съ епархіальными дѣлами, а кромѣ нихъ присылаютъ много изъ Сѵнода, которыя въ десять разъ труднѣе. Вотъ и теперь, сказать между нами, самое трудное и щекотливое дѣло. Члены Сѵнода говорили между собою о необходимости новаго перевода Новаго Завѣта на Русскій языкъ. Съ этою мыслію они въ прошломъ году пріѣхали въ Москву и сообщали ее мнѣ, а въ Сѵнодѣ преосвященный Иннокентій Херсонскій сдѣлалъ объ этомъ дѣлѣ предложеніе. Всѣ единодушно согласились, а было засѣданіе столь полное, что такое едва когда бывало: подъ Регламентомъ Духовнымъ подписалось 11 человѣкъ; изъ нихъ только четыре архіерея, а нынче было восемь архіереевъ и два протопресвитера. Мнѣ поручено составить проектъ опредѣленія, въ которомъ изложить бы побудившія причины и коснуться исторіи этого дѣла. Я и это сдѣлалъ, но засѣданія Сѵнода въ Москвѣ уже прекратились, и мнѣніе мое пошло въ Петербургъ. Между тѣмъ графъ Александръ Петровичъ *) досталъ мнѣніе объ этомъ Кіевскаго митрополита и показалъ Государю, который велѣлъ ввести его въ Сѵнодъ, но прежде показать мнѣ. Мнѣ и прислали, и сердятся, что я долго не отвѣчаю. А легко ли мнѣ? Иное дѣло, если бы мнѣніе предварительно было мнѣ показано, то и уладилось бы все домашнимъ образомъ, какъ всегда бывало; а теперь, во-первыхъ, долженъ я разсмотрѣть мнѣніе, писанное на десяти листахъ, и обстоятельно обсудить его. Кіевскій митрополитъ прежде былъ одинаковаго со мною мнѣнія, даже когда хотѣли было сдѣлать непо-

---

*) Толстой, тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода. П. Б.

движнымъ переводъ Славянскій, то я съ нимъ входилъ по этому предмету въ сношеніе, и онъ въ легкихъ замѣчаніяхъ далъ мнѣ предостереженіе, за которое я благодаренъ ему. Я имѣю отъ него три письма, въ которыхъ онъ одобряетъ дѣло перевода. Теперь онъ говоритъ иное. Я поставленъ въ необходимость или отступиться отъ своего мнѣнія, или опровергнуть мнѣніе преосвященнаго Кіевскаго, и наше разногласіе внесено будетъ въ Сvнодъ. Такое разногласіе къ іерархіи соблазнительно для народа. Объ этомъ узнàютъ. Затѣмъ, если мое мнѣніе, въ которомъ выраженъ голосъ Сvнода, будетъ уважено, то митрополиту Кіевскому будетъ непріятность; а если его мнѣніе предпочтено будетъ общему голосу Сvнода, то поставлено будетъ вверхъ дномъ соборное управленіе Церковію. Притомъ мнѣ не хотѣлось бы ссориться съ Кіевскимъ митрополитомъ. Я всегда уважалъ его. Въ нѣкоторыхъ частныхъ мнѣніяхъ мы не сходились, но вообще всегда были въ добромъ согласіи; въ послѣднее время пребыванія нашего въ Петербургѣ насъ старались разъединить и удивлялись, что не могутъ. Митрополитъ Серафимъ точно выставлялъ его противникомъ перевода, но, кажется, безъ его вѣдома. Когда пріѣхалъ я въ Сvнодъ въ 1827 году, преосвященный Серафимъ сказалъ мнѣ: если вы будете предлагать переводъ Св. Писанія, я и преосвященный Филаретъ выйдемъ изъ Сvнода. Я отвѣчалъ: переводъ Св. Писанія я почитаю полезнымъ, но не дойду до такого безразсудства, чтобы лишать Церковь вашей службы. Митрополитъ Серафимъ участвовалъ въ дѣлѣ перевода; въ его комнатахъ были нѣкоторыя засѣданія комитета, а потомъ, по разнымъ наущеніямъ и чтобы былъ предлогъ свергнуть князя Голицына, онъ перемѣнилъ мнѣніе. Почему преосвященный Кіевскій такъ разсуждалъ, не знаю». Я сказалъ: вѣроятно, если бы онъ былъ здѣсь, разсуждалъ бы иначе.

Въ это время доложили о приходѣ эконома (вѣроятно относительно распоряженій объ отъѣздѣ въ Лавру), и я принялъ благословеніе и удалился.

1857 года Сентября 15 дня. Истекшая недѣля прошла довольно правильно по внѣшнему порядку. «Пріучите меня вставать въ пять часовъ», сказалъ я своимъ келейнымъ слугамъ, и ровно въ пять часовъ отворяется дверь моей кельи будильникомъ, котораго приближеніе я слышу уже самопробужденный. Свѣтъ внесенной имъ свѣчи озаряетъ прежде всего костяное распятіе, стоящее посреди комнаты на письменномъ столѣ; оно напоминаетъ мнѣ Спасителево слово: всякій день бери свой крестъ и послѣдуй Мнѣ. Монахъ избавленъ отъ туалета свѣтскихъ

людей: сапоги на ногѣ, полукафтанъ, поясъ усменъ о чреслѣхъ, и готовъ на цѣлый день. Полтора часа употребляются на предварительныя дневныя работы. Въ половинѣ седьмого раздается ударъ тонкій и звонкій нашего колокола. *«Архангельскій гласъ вопіемъ Ти. Чистая: радуйся Благодатная, Господь съ Тобою»*, вотъ слова, которыя, по наставленію старцевъ, привыкли уста мои посылать въ отвѣтъ на призывъ колокольный. Часъ съ небольшимъ употребляемъ мы ежедневно на служеніе ранней обѣдни. Въ короткіе дни случается и по возвращеніи изъ церкви сидѣть при свѣчахъ, пока пью свой стаканъ чаю пополамъ съ молокомъ, или лимонаду. Съ девятаго до третьяго все время отдано дѣловому письму и дѣловымъ разговорамъ, и хоть дѣла далеко не оканчиваются къ этому времени, но, повинуясь звонку, который сзываетъ учениковъ къ обѣду, и я бросаю дѣла и также звонкомъ даю знать слугамъ, что пора и мнѣ за трапезу. Хотя надо бы заниматься и послѣ обѣда, но горькій опытъ заставляетъ предостерегать себя отъ утомленія, и потому послѣобѣденное время отдаю чтенію, лежа на диванѣ, осмотру семинаріи въ разныхъ отношеніяхъ, выѣздамъ къ знакомымъ, а въ настоящіе дни посѣщеніямъ больной матушки. Около десяти часовъ я дома и въ постели, немного читаю и гашу свѣчу. Сквозь стору брезжитъ свѣтъ отъ фонаря, и на ея полѣ смутно обозначается крестъ, что на письменномъ столѣ. *«О пречестный и животворящій кресте Господень, помогай ми!»* невольно восклицаетъ обремененная грѣхами душа въ страхѣ отъ сна временнаго перейти въ неготовности къ успенію, можетъ быть, на долгіе вѣки.

Сентября 16 дня. А. Н. Муравьевъ въ восхищеніи отъ Угрѣши и ея игумена: онъ слушалъ тамъ литургію въ день Воздвиженія. Онъ говоритъ, что, по словамъ его брата М. Н., расколъ умножается, что негдѣ лба перекрестить, церквей нѣтъ; деревянныхъ строить не дозволяютъ, о каменныхъ только ведется переписка. Слышно, что епископы Полтавскій и Екатеринославскій просятъ себѣ покоя. Министръ иностранныхъ дѣлъ просилъ, чтобы въ миссію въ Іерусалимъ назначенъ былъ Порфирій, отказали; Кириллъ,—отказали. Теперь онъ помимо Сѵнода проситъ Государя о назначеніи Кирилла: министръ иностранныхъ дѣлъ начинаетъ ставить архіереевъ.

Сентября 17 дня. Послѣ доклада владыка спросилъ меня: «въ которомъ году окончилъ ты академическій курсъ?»

— Въ 1842 году.

— «А инспекторъ?»

— Въ 1844, отвѣтилъ я, привыкнувъ къ тому, что меня сопоставляютъ съ инспекторомъ Академіи.

— Владыка пристально на меня посмотрѣлъ. Я понялъ и поправился, сказавъ: въ 1850 году.

— «А сунодальный ризничій?»

— Въ 1850 же.

Стало быть, думаю я, вопросъ о ректорствѣ въ Виѳанскую семинарію еще не рѣшенъ, а вопросомъ обо мнѣ владыка маскировалъ вопросы о двухъ другихъ учителяхъ.

Сентября 18 дня. Вчера вечеромъ прибылъ ко мнѣ изъ Оптиной пустыни о. іеромонахъ Ювеналій, назначенный въ миссію въ Іерусалимъ.

Сентября 19 дня. Часу въ 11-мъ мы завтракали съ о. Ювеналіемъ и спутникомъ его, когда пріѣхалъ о. Савва съ подворья Троицкаго. Онъ разсказалъ мнѣ по секрету, что владыка дѣлалъ ему предложеніе взять мѣсто ректора Виѳанской семинаріи и много его уговаривалъ, представляя то, что̀ въ послѣднее время и мы между собою говорили, что архіереемъ изъ ризничихъ не сдѣлаютъ, а спустя время да махнутъ во Владимиръ или Кострому, такъ и знаешь! Владыка выразилъ эту мысль изящно и говорилъ много съ великою откровенностью. О. Ювеналій отправился въ Петербургъ на утреннемъ поѣздѣ. Онъ представлялся владыкѣ. Когда онъ сказалъ владыкѣ о назначеніи о. Кирилла въ начальники миссіи, то владыка вопросительно замѣтилъ: «такъ это уже рѣшено?» Мнѣ кажется, смыслъ этого замѣчанія такой: Вотъ времена! членъ Сунода и кто же—митрополитъ Московскій Филаретъ—получаетъ свѣдѣнія о дѣлахъ церковныхъ отъ монаха Оптиной пустыни. Владыка еще сказалъ: «Время опущено; во время первой войны я просилъ передать Государю, чтобы истребовали у Султана ключи; мнѣ обѣщали, но дѣло не сдѣлалось. Хорошо, если Богъ поможетъ сохранить что̀ есть».

Октября 4 дня. Было нареченіе о. Евгенія, а 6 посвященіе въ Успенскомъ соборѣ. Посвященіе совершено преосвященными: Филаретомъ митрополитомъ Московскимъ, Евгеніемъ, бывшимъ Ярославскимъ, Алексіемъ Тульскимъ, Никаноромъ Ѳиваидскимъ. Особенно замѣчательна рѣчь владыки предъ врученіемъ жезла, и сама по себѣ, и по декламаціи. Эту декламацію можно назвать образцовою для православныхъ церковныхъ ораторовъ: царская средина между холодностью Лютеранъ и жаромъ Католиковъ Римскихъ. Движенія смѣлыя, но совершенно спокойныя и необыкновенно граціозныя, полныя величія, кротости, простоты.

Онъ говорилъ съ амвона, у подножія котораго остановился ставленникъ; онъ говорилъ опираясь на посохъ и нѣсколько наклонясь надъ нимъ. Сребристо-сиреневый цвѣтъ мантіи бросалъ особенный отливъ на исхудалое прозрачное лицо великаго старца. Я налюбовался имъ. Обѣдъ былъ великолѣпнѣйшій для новаго архіерея [1]). Обѣдали, кромѣ хозяина, четыре архіерея, всѣ архимандриты, игумены, члены Консисторіи, оберъ-прокуроръ, генералъ-адъютантъ Шиповъ, генералы Ѳеодаевъ, Берингъ, попечитель Учебнаго Округа, т. е. Ковалевскій, Сушковъ, Новиковъ, Муравьевъ и еще нѣсколько со звѣздами и безъ нихъ. Въ залѣ пѣвчіе исполняли превосходно разныя пьесы духовнаго содержанія.

Всѣ эти господа были со мною весьма любезны. Весь столъ проговорилъ я съ Сушковымъ и Новиковымъ, а передъ столомъ подсѣлъ ко мнѣ Евг. П. Ковалевскій и изъявилъ желаніе быть у меня наединѣ вечеромъ. Оберъ-прокурора я предупредилъ, чтобы не ѣздилъ въ Понедѣльникъ, ибо намъ должно ѣхать къ новому архіерею [2]).

Новому архіерею владыка послѣ нареченія прислалъ въ подарокъ полное архіерейское облаченіе. Былъ у насъ въ семинаріи оберъ-прокуроръ, исправилъ дурное впечатлѣніе, произведенное здѣсь его предмѣстникомъ.

Октября 17 дня. По обѣщанію я пріѣхалъ въ 10 часовъ утра на подворье, чтобы проводить А. Н. на станцію желѣзной дороги. Онъ вчера обѣдалъ и провелъ вечеръ у владыки, а сегодня слушалъ у него обѣдню и бесѣдовалъ на прощаньѣ. На вопросъ владыки: не нужно ли доставить его на станцію, онъ сказалъ, что за нимъ заѣдетъ ректоръ семинаріи. Владыка, узнавъ, что я уже на подворьѣ (а я былъ у эконома), потребовалъ меня. Когда я вошелъ, владыка уже вышелъ въ экзаменную вслѣдъ за Андреемъ Николаевичемъ. Лицо его было серьезно. Благословляя меня, онъ сказалъ: «проводите Андрея Николаевича». Такимъ образомъ я сталъ называть себя приставомъ А. Н. На станціи желѣзной дороги нашло человѣкъ до 14 съѣхавшихся проводить его. Изъ духовныхъ мы съ игуменомъ Старо-Іерусалимскаго подворья, сенаторъ Мясоѣдовъ съ женою, генералъ Рейхель, полковникъ Враскій, жандармскій полковникъ съ женою, и нечаянно братъ мой. А. Н. представилъ мнѣ Мясоѣдовыхъ. Я имъ разсказалъ, что А. Н. въ ватной

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ у митрополита Филарета бывала роскошная трапеза съ тонкими винами, но самъ онъ не садился, а обходя столъ, угощалъ приглашенныхъ. П. Я. Чадаевъ называлъ его княземъ церкви. Въ его дѣйствіяхъ проявлялось своеобразное изящество, каковымъ большинство нашего духовенства рѣдко отличается. Не было въ немъ вовсе того, что̀ прозывается кутейничествомъ. П. Б.

[2]) Письма къ нему Филарета см. во второй книгѣ „Русскаго Архива“ 1893 г. П. Б.

шинели и холодныхъ калошахъ. Мясоѣдова отвѣчала: «онъ съ кого-нибудь стянетъ» *), и тотчасъ же озабочено сказала: «а гдѣ же Рейхель? онъ взялся доставить ему наши пирожки». Мужъ ея сказалъ: «Всѣ мы любимъ его и слушаемся его, а за что? За то, что онъ счастливъ».

Муравьевъ говорилъ, что печаленъ взглядъ владыки на будущее и передалъ его слова: «Когда смотрю я на малолѣтнихъ дѣтей, не могу оставаться равнодушнымъ отъ мысли о томъ, что должны будутъ они бѣдные вытерпѣть въ свою пору», и при этихъ словахъ заплакалъ, говоритъ Андрей Николаевичъ.

Октября 19 дня. Былъ у преосвященнаго викарія, встрѣтился тамъ съ Д. В. Разумовскимъ и познакомилъ преосвященнаго съ задушевной мыслію этого образованнаго священника объ устроеніи въ Москвѣ библіотеки для духовенства и просилъ взять это предпріятіе подъ свое покровительство. Преосвященный, одобривъ эту мысль, сказалъ, что у него давно возникъ вопросъ о томъ, почему бы не издать собранія воскресныхъ и другого рода проповѣдей изъ проповѣдей Московскаго духовенства.

Октября 23 дня. Я сидѣлъ за столомъ у родныхъ, когда обычная повѣстка «съ полученіемъ сего» заставила выскочить изъ-за стола и бѣжать на подворье. У владыки были посѣтители. Въ ожиданіи череды, уговаривалъ домочадцевъ владыки, чтобы каждый по своей части записывалъ, что слышитъ отъ владыки. Тутъ я видѣлъ его нитяныя перчатки, шапочки, бѣлую бархатную камилавку. «Сдѣлана была къ коронаціи, а теперь уже другая, и уже спрашивалъ: что ты не хочешь сшить мнѣ камилавку? Клобуки моемъ, ленты выворачиваемъ, мѣняемъ при каждомъ пятнышкѣ». Мих. Дм. сорокъ три года при Московскихъ архипастыряхъ.

Владыка позвалъ меня въ гостиную и принялъ, переходя черезъ нее изъ кабинета въ долгую, къ секретарю тюремнаго комитета. «Приближается время, въ которое, можетъ быть, захотите нарядить меня на служеніе въ семинарскую церковь; но на слѣдующей недѣлѣ, мнѣ кажется, нельзя будетъ: звали въ Саввинъ монастырь освящать церковь; на прошлой недѣлѣ былъ боленъ преосвященный, на нынѣшней я нездоровъ; но, можетъ быть, въ слѣдующее воскресенье уѣду изъ Москвы;

---

*) Подобно княгинѣ Дашковой, А. Н. Муравьевъ умѣлъ выпрашивать и получать себѣ со всѣхъ сторонъ и цѣнные, и мелочные подарки, но не удалось ему продать Г. А. Черткову изданіе писемъ къ нему митрополита Филарета. П. Б.

а тамъ не знаю, чтò будетъ: то если вы уволите меня, я буду очень радъ, а если не уволите, то какъ же быть?»

— Нѣтъ, не уволимъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, сказалъ я, кланяясь земно, а нельзя ли упредить?

— Какъ же упредить?

— Завтра.

— Ну, пожалуй, я завтра отслужу.

— Нижайше благодаримъ, высокопреосвященнѣйшій владыко; но проповѣдь не будетъ еще готова.

— Чтò это они? Одна проповѣдь въ году: не могутъ приготовить. Ну безъ проповѣди!

— Мы очень счастливы изъявленнымъ вами желаніемъ, сказалъ я, тронутый вниманіемъ владыки.

Благодаря добрымъ помощникамъ, успѣли распорядиться всѣмъ. О. инспекторъ занялся подробностями богослужебными, староста наслалъ въ церковь множество работниковъ, которые за ночь оправили церковь, братъ распоряжался приглашеніемъ гостей; о. экономъ—столомъ гостей и учениковъ. Все было въ порядкѣ, какъ будто продолжительныя сдѣланы были приготовленія. Владыка былъ въ бѣломъ облаченіи, поднесенномъ ему при освященіи церкви у Алексія митрополита въ Рогожской, и въ свѣтло-зеленой легкой митрѣ, поднесенной баронессой Розенъ при освященіи церкви въ Даниловскомъ монастырѣ. Заниматься со владыкою въ гостиной и слушать его было кому: С. П. Шиповъ, М. Я. Рюминъ, С. А. Масловъ, графъ В. Толстой съ семействомъ, графъ Н. Е. Комаровскій, А. Ивановъ, С. М. и М. М. Сухотины, Арсеньевъ, присланный попечителемъ Шеръ и проч., Ек. А. Кологривова, графиня А. Е. Толстая, графиня Е. Н. Толстая, Е. Ѳ. Полевая, Галаганъ, староста, мой братъ и сестры. Изъ духовныхъ внѣшнихъ — о. архимандритъ Савва, о. протоіерей Хитровъ Якутскій, смотритель Заиконоспасскаго училища, казначей монастыря. Закуска на 50 и болѣе человѣкъ, и обѣдъ человѣкъ на 20 были очень удовлетворительны, закуска даже отличная. Отслушавъ вечерню (отданіе праздника Св. Николая), мы съ о. инспекторомъ отправились ко владыкѣ. «Семинарія, сказалъ я, приноситъ вашему высокопреосвященству нижайшее благодареніе за неожиданно устроенный праздникъ».

— Слава Богу, было въ порядкѣ. Не было душно, народу было меньше, и дверь можно было чаще затворять. Кто читалъ часы?

— Ученикъ средняго отдѣленія Воздвиженскій.

— А молитвы послѣ пріобщенія?

— Онъ же.

— Молитвы онъ читалъ хорошо, а часы слишкомъ поспѣшно, особенно трисвятое: не успѣешь крестнаго знаменія сдѣлать. Онъ не понимаетъ, что читаетъ слово Божіе. Да діаконъ *вашъ* рычитъ, нагло и несносно. На сугубой ектеніи я послалъ сказать ему, чтобы образумился. У него голосъ хорошъ, но не умѣетъ управлять имъ. Если онъ не исправится, я пошлю его къ Архангельскому діакону учиться. Прочее все было хорошо.

— Вы изволили мнѣ замѣтить о звѣздицѣ.

— Это тоже его несмотрѣніе: надобно только выправить ножки, и не будетъ колебаться. Звѣздица хороша, а это отъ лѣности.

Владыка нашъ печальникъ вселенскій. Преосвященный Камчатскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, помѣщенъ на бывшемъ Угличскомъ (?) подворьѣ, но ему негдѣ, не съ кѣмъ, не въ чемъ служить. Дали наконецъ двухъ іеромонаховъ, но облаченія не дали, а самому мантію такую дали, что когда надѣлъ онъ ее въ день нареченія о. Игнатія, то покраснѣлъ отъ стыда. Объ этомъ онъ писалъ къ своему протоіерею каѳедральнаго Якутскаго собора Хитрову, который здѣсь въ Богоявленскомъ монастырѣ занимается изданіемъ Новаго Завѣта на Якутскомъ языкѣ. Протоіерей показалъ письмо владыкѣ. Владыка тотчасъ послалъ преосвященному Инокентію ризницу и хорошую мантію.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ БОГОЛѢПОВЪ [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ описанію попечительской дѣятельности Николая Павловича Боголѣпова, я постараюсь охарактеризовать его какъ частнаго человѣка: только знакомство со всѣми сторонами жизни описываемаго лица даетъ о немъ полное представленіе.

Изъ автобіографіи [2]) Николая Павловича извѣстно, въ какой обстановкѣ и при какихъ условіяхъ онъ росъ и развивался. Прибавлю къ даннымъ уже свѣдѣніямъ собственныя впечатлѣнія и нѣкоторыя подробности, слышанныя мною отъ сестеръ его отца и отъ другихъ его родственниковъ. Какъ извѣстно, съ ранняго дѣтства Боголѣповъ воспитывался въ строгости. Строгимъ былъ не только отецъ и учитель, но и мать, относившаяся къ своимъ дѣтямъ благоразумно. Дѣтей у нея было много; однимъ изъ старшихъ были Николай Павловичъ, съ раннихъ лѣтъ кроткій, вдумчивый, сдержанный. Воспитательные пріемы еще болѣе развили въ мальчикѣ эти врожденныя свойства. Родители требовали отъ дѣтей строгаго исполненія ихъ обязанностей, т. е. безусловнаго повиновенія, правдивости и самопомощи. Ихъ заставляли работать, одѣваться и содержать свою одежду въ чистотѣ и порядкѣ безъ посторонней помощи; за то имъ давали много свободы. То и другое развивало въ нихъ большую самостоятельность. Отъ старшаго требовали еще хорошаго примѣра и уступчивости младшимъ братьямъ и сестрамъ. Кроткій по природѣ мальчикъ повиновался и привыкалъ съ дѣтства забывать себя для другихъ, но налагаемыя на него обязанности дѣлали его серьезнѣе и сосредоточеннѣе. Шалилъ онъ, по словамъ его брата, рѣдко, и, не смотря на строгость учителя Митрофанова, дома учился лѣниво. Можетъ быть, его слабое здоровье было тому причиной: съ рожденія Николай Павловичъ былъ худъ и малокровенъ и потому продолжительная, напряженная работа утомляла его. Мать его

---

[1]) См. I-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года.

[2]) Автобіографія Н. П. Боголѣпова помѣщена въ Мартовскомъ выпускѣ 1906 г. „Русскаго Архива“.

Эмилія Карловна разсказывала, какъ болѣло у нея сердце, когда сыновья ея въ нѣжный дѣтскій возрастъ должны были тщательно готовить большое количество уроковъ, заданныхъ Митрофановымъ.

Когда въ 1857 году Николай Павловичъ, одиннадцати лѣтъ, былъ отданъ въ гимназію, мать сильно горевала о предстоящей разлукѣ съ любимымъ сыномъ, всегда любящимъ и внимательнымъ къ ней. Отдаленность гимназіи и суровыя условія школьной жизни того времени дѣлали эту разлуку еще болѣе горькой. При скудности средствъ Боголѣповыхъ дальнѣйшее домашнее обученіе мальчика становилось невозможнымъ. Дѣтское сердце будущаго гимназиста также болѣло и тосковало; но примѣръ отца, его строгость и боязнь разогорчить мать вызывали въ ребенкѣ мужество и самообладаніе. Отецъ не счелъ даже нужнымъ ободрять или утѣшать маленькаго сына: онъ всегда внушалъ ему, что надо смиряться передъ необходимостью и для достиженія благихъ цѣлей безропотно исполнять свой долгъ. Эти слова глубоко запали въ сердце мальчика тѣмъ болѣе, что слышанное подтверждалось наглядными примѣромъ отца. Послѣдній, по отзывамъ его знакомыхъ и родственниковъ былъ человѣкомъ съ сильной волей, съ высокой, чистой душой и отзывчивымъ сердцемъ, не смотря на нѣкоторую суровость во внѣшнихъ пріемахъ. Неудивительно поэтому, что прирожденная мальчику сила воли крѣпла и росла. Но на ряду съ развитой волей въ немъ была нѣжная, впечатлительная душа. Въ своей автобіографіи Боголѣповъ пишетъ, что только благоразумная суровость отцовскаго режима помогла ему перенести безъ отчаянія первое время пансіонской жизни. Значитъ, мальчикъ такъ сильно страдалъ нравственно, что былъ близокъ къ отчаянію. Такая чувствительность вполнѣ понятна при тогдашней крайне-суровой, скажу даже, жестокой гимназической педагогіи. То было время, когда провинившихся воспитанниковъ не только надолго сажали въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, но и сѣкли по Суботамъ. Дома, по выходѣ изъ гимназіи, Николай Павловичъ вспоминалъ, какое ужасное впечатлѣніе произвелъ на него и его маленькихъ товарищей одинъ возмутительный случай, происшедшій тогда въ стѣнахъ гимназіи. Въ одну изъ Суботъ былъ засѣченъ до смерти одинъ слабый и хилый мальчикъ. Можно себѣ представить, какой ужасъ долженъ былъ овладѣть дѣтской душой и воображеніемъ при извѣстіи о смерти ихъ высѣченнаго товарища. Но не говоря уже о такихъ возмутительныхъ проявленіяхъ гимназической жизни, сама казарменная холодная обстановка ея, какъ мы видѣли, тяжело отзывалась на мальчикѣ, съ тоской вспоминавшемъ привѣтливый Серпуховской домъ и дорогихъ любящихъ лицъ. Притомъ маленькіе товарищи его, какъ водится, больно дрались,

а онъ дома былъ пріученъ уступать; къ тому же силы его при поступленіи въ гимназію были невелики; взамѣнъ ея надо было набираться смѣлости и ловкости. Но, помня наставленія отца и желая утѣшить горевавшую въ разлукѣ мать, маленькій Боголѣповъ не палъ духомъ, побѣдилъ свою лѣнь, подтянулся, сосредоточился и уже спустя два мѣсяца по вступленіи въ гимназію былъ посаженъ въ классѣ вторымъ ученикомъ. Затѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ лучше шло его ученіе. На сколько успѣхи мальчика были блестящи и поведеніе безукоризненно, можно видѣть изъ того, что при поступленіи Леонида Боголѣпова въ гимназію педагогическое начальство радостно привѣтствовало его, какъ брата ученика, слывущаго красой гимназіи. Съ каждымъ годомъ онъ крѣпъ физически и нравственно и, по собственному выраженію, сталъ переходить изъ положенія обижаемаго въ положеніе обороняющагося.

Занятія его шли такъ успѣшно, что уже съ третьяго класса у него оставалось довольно времени, чтобы давать уроки отсталымъ ученикамъ, которые желали имѣть репетитора въ стѣнахъ гимназіи. Въ первые годы своего учительства тринадцатилѣтній мальчикъ получалъ тридцать копѣекъ въ мѣсяцъ. На заработанныя деньги онъ покупалъ гостинцы своей сестрѣ Аннѣ, учившейся въ Елисаветинскомъ институтѣ. Гостинцы относились сестрѣ въ праздничные дни. Эта сестра его была, какъ и онъ, любимицей матери. Нѣжная, кроткая и несмѣлая, она еще болѣе брата страдала среди чужихъ въ холодной институтской обстановкѣ.

Отзывчивое сердце мужественнаго маленькаго покровителя забывало свою собственную тоску по дому, чтобы развлечь и утѣшить сестру. Въ послѣдующихъ классахъ плата за уроки увеличилась, и мальчику стало хватать денегъ на подарки матери и на каникулярныя поѣздки домой. Въ Серпуховъ и назадъ въ гимназію онъ въ дѣтскіе годы ѣздилъ одинъ. Эти поѣздки доставляли ему неописанную радость. Съ раннихъ лѣтъ Николай Павловичъ любилъ природу. Само путешествіе на почтовыхъ, въ саняхъ или въ телѣжкѣ, долгія остановки на постоялыхъ дворахъ, а иногда и приключенія имѣли особенную прелесть для гимназиста, тяготившагося стѣсненіями пансіонской жизни. Даже въ поздніе годы Боголѣповъ съ наслажденіемъ вспоминалъ объ этихъ поѣздкахъ. Въ деревняхъ и на постоялыхъ дворахъ, гдѣ кормили лошадей, онъ помогалъ ямщику запрягать ихъ, вступалъ въ разговоръ съ мужиками и знакомился такимъ образомъ съ Русскимъ народомъ и Русскимъ народнымъ языкомъ.

Интересно описываетъ Леонидъ Павловичъ *) свое свиданіе съ старшимъ братомъ, когда онъ самъ еще учился дома. Къ чувству удовольствія примѣшивалось любопытство: ему хотѣлось знать, какъ дерутся мальчики въ гимназіи, много ли силъ набрался братъ. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, Леонидъ въ первый же день возвращенія брата бросился на него съ кулаками, но тотчасъ же получилъ отъ послѣдняго такой ударъ, что отлетѣлъ съ расквашеннымъ носомъ на другой конецъ комнаты. Хотя эта энергическая расправа и вызвала у нападавшаго въ первую минуту слезы, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушила ему необыкновенное уваженіе къ силѣ брата. До сихъ поръ онъ относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ его тихой сдержанности, считая его чуть ли не дѣвочкой, во всякомъ случаѣ не сильнымъ мужчиной. Дѣйствительно въ этомъ слабомъ мальчикѣ совершилась крупная перемѣна. Оставаясь попрежнему нѣжнымъ и заботливымъ по отношенію къ матери и сестрамъ, онъ научился въ суровой школѣ жизни давать отпоръ нападающимъ и внушать къ себѣ уваженіе. Такой мужественности не соотвѣтствовали однако его внѣшній видъ и здоровье. По словамъ того же Леонида Павловича братъ его Николай въ первые годы своего ученія въ гимназіи не только былъ крайне блѣденъ и худъ, но иногда харкалъ кровью. Случалось ему въ каникулярное время бѣгая и рѣзвясь въ саду съ братьями и сестрами, внезапно остановиться, закашляться и выплевывать обильную кровь.

Мальчики Боголѣповы, Николай и Леонидъ, предавались всѣмъ удовольствіямъ, которыя доставляютъ природа, воля и просторъ; такъ лѣтомъ они бѣгали на рѣку удить рыбу или отправлялись надолго въ лѣсъ за грибами и ягодами. Зимою удовольствія были другого рода. Начитавшись въ гимназіи Гоголя, они очень увлекались имъ. Запомнивъ многія мѣста изъ его произведеній наизусть (Мертвыя души, Ревизоръ, Вечера на хуторѣ близъ Диканьки), они представляли передъ младшими сестрами и братьями разныя Гоголевскія сцены; только не они сами выступали дѣйствующими лицами, а бумажныя куклы, которыхъ мальчики водили на ниточкахъ и за которыхъ говорили. Для этого ими былъ склеенъ картонный театръ. Дѣйствовавшія фигуры раскрашивались Николаемъ Павловичемъ, отличавшимся съ дѣтства хорошими способностями къ рисованію. Какъ видно, всѣ увеселенія дѣтей Боголѣповыхъ изобрѣтались и придумывались ими самими. Родители не заботились объ ихъ удовольствіяхъ; при скудости средствъ это было бы невозможно, они только не стѣсняли ихъ свободы ни

*) Братъ Николая Павловича.

излишнимъ страхомъ за ихъ безопасность, ни условными правилами приличія.

Сами родители любили общество. Благодаря гостепріимству хозяевъ гости съѣзжались къ нимъ охотно. Самымъ частымъ развлеченіемъ этихъ вечеровъ была музыка. Мать Николая Павловича была музыкальна и недурно играла. Она развила въ дѣтяхъ интересъ и любовь къ музыкѣ. На Боголѣповскихъ вечеринкахъ часто игралъ искусный пьянистъ Мантейфель, близкій знакомый извѣстнаго Николая Рубинштейна, забавный юмористъ, прекрасно переводившій темы стихами. Такимъ образомъ Николай Павловичъ имѣлъ возможность уже въ дѣтствѣ слушать хорошую музыку и рано научился любить и понимать ее. Другихъ болѣе серьезныхъ интересовъ кромѣ музыки общество, собиравшееся у Боголѣповыхъ, не знало. Общественные и культурные вопросы не занимали его. Хотя въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія Русское общество уже значительно бродило, но провинціальная жизнь въ Серпуховѣ въ то время замыкалась въ кругѣ личныхъ отношеній весьма однообразнаго характера. Умственное развитіе Николай Павловичъ могъ получить только въ гимназіи. Тамъ кромѣ ученія онъ могъ пользоваться книгами гимназической библіотеки, правда, неособенно богатой. Дома же кромѣ журнала «Современника» и газеты «День» другого чтенія не имѣлось. Николай Павловичъ много читалъ въ гимназіи въ свободное время большею частью историческія книги и произведенія Русской словесности. Въ старшихъ классахъ Боголѣповъ также хорошо учился, какъ и въ младшихъ. Дисциплина и казенщина попрежнему сжимали ему сердце, но онъ еще успѣшнѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ, владѣлъ собой. Лучшими его годами въ гимназіи были два послѣднихъ, благодаря хорошему къ нему отношенію вновь поступившаго директора Малиновскаго, человѣка добраго и умнаго. Послѣдній оцѣнилъ хорошія способности и порядочность молодого Боголѣпова. Свое расположеніе къ нему Малиновскій выражалъ тѣмъ, что приглашалъ его въ свой семейный кругъ. Вотъ какъ Малиновскій отзывался о Николаѣ Павловичѣ десять лѣтъ спустя по его выходѣ изъ гимназіи. Въ письмѣ къ Сергѣю Михайловичу Соловьеву [1]) отъ 25-го Ноября 1874-го года, Малиновскій пишетъ: «Самымъ дорогимъ изъ дорогихъ воспоминаній является памятованіе о свѣтлыхъ личностяхъ вышедшихъ изъ гимназіи подобно г.г. Боголѣпову, Соловьеву, [2]) Писемскому и др.»

[1]) Письмо Малиновскаго къ С. М. Соловьеву помѣщено въ журналѣ „Недѣля“ за 1900 годъ Ноябрь. Статья Величко „Христіанинъ. Твореніе Владиміра Соловьева“.

[2]) Владиміръ Соловьевъ философъ, сынъ историка.

Въ концѣ своего гимназическаго ученія Боголѣповъ потерялъ отца, и на плечи семнадцатилѣтняго юноши обрушились всѣ заботы человѣка, обремененнаго семьей. Отнынѣ онъ долженъ былъ работать на себя, на мать и на трехъ сестеръ и брата. Онъ поступилъ въ университетъ съ энергической рѣшимостью поддержать свою осиротѣвшую семью. Какъ мы видѣли изъ его автобіографіи, это ему удалось. Его добрый покровитель и другъ Малиновскій рекомендовалъ ему уроки въ нѣсколькихъ домахъ, между прочимъ и въ нашей семьѣ. Въ ней онъ съ перваго года знакомства сталъ общимъ любимцемъ. Николай Павловичъ вызывалъ нашу симпатію своимъ спокойнымъ достоинствомъ и привѣтливой вѣжливостью безъ суетливой угодливости. Складъ ума его былъ серьезный и объективно-трезвый. Но эта серьезность не мѣшала ему при случаѣ въ симпатичномъ ему обществѣ всей душой отдаваться веселому настроенію; при чемъ онъ самъ вносилъ много оживленія своимъ умѣніемъ шутить и дразнить. Привыкнувъ съ дѣтства къ лишеніямъ бѣдности, вынесши суровыя условія пансіонской гимназической педагогіи, молодой Боголѣповъ ничего отъ жизни не требовалъ и разсчитывалъ только на свои силы. Въ юности, когда заработокъ его былъ скуденъ, онъ еще болѣе чѣмъ въ послѣдующіе годы былъ непритязателенъ и скроменъ въ своихъ привычкахъ и вкусахъ. Насъ всегда удивляло, какъ, не смотря на большое количество занятій, онъ всегда успѣвалъ аккуратно убрать свою комнату и самъ чистить и зашивать свое бѣлье и платье. Даже въ нашемъ домѣ полномъ прислугъ онъ не любилъ ихъ утруждать и обходился безъ нихъ. Комфортъ и красота обстановки казались ему совершенно лишними. Онъ рѣшительно протестовалъ противъ всякой роскоши, считая ее вредною для нравственнаго усовершенствованія человѣка. Когда по выходѣ его изъ университета онъ сталъ зарабатывать больше денегъ, и родственники уговаривали его купить выигрышный билетъ внутренняго займа, онъ рѣшительно отказался отъ этого, потому что не хотѣлъ пріобрѣтать деньги иначе, какъ путемъ труда.

Въ студенческіе годы Николай Павловичъ проводилъ лѣто у насъ, но не для отдыха; занятій у него было много. Онъ долженъ былъ репетировать съ моимъ братомъ, гимназистомъ старшихъ классовъ, учить моихъ маленькихъ двоюродныхъ братьевъ и давать мнѣ уроки Русской словесности. Кромѣ того молодой человѣкъ читалъ много; въ то время онъ очень увлекался Исторіей Цивилизаціи Бокля, а всего больше зачитывался книгами юридическаго содержанія. Въ свободное отъ занятій время все наше молодое общество собиралось для веселыхъ бесѣдъ и для развлеченій самаго скромнаго характера. Иногда на самодѣльной

сценѣ мы разыгрывали пьесы Островскаго, при чемъ однимъ изъ лучшихъ актеровъ оказался Николай Павловичъ. Въ жизнерадостной атмосферѣ, среди людей симпатично къ нему относящихся, Николай Павловичъ преображался. Его обычная серьезность пропадала: онъ становился однимъ изъ первыхъ затѣйниковъ забавныхъ шутокъ. Такъ онъ придумалъ издавать съ братомъ журналъ, конечно рукописный. Иллюстраціи принадлежали его перу. Всѣ молодые члены нашей семьи, нѣкоторые знакомые и самъ Николай Павловичъ были изображены въ этомъ журналѣ въ комичномъ видѣ. Когда вечеромъ прочитывался вышедшій днемъ номеръ, помню, не мы одни хохотали, но даже мои старики, отецъ и мать».

Но то было лѣтомъ. Зимою университетская жизнь Боголѣпова протекала, какъ и гимназическая, въ неустанномъ трудѣ, съ тою только разницею, что теперь его занятія, какъ и сама жизнь, стали самостоятельными. Слушаніе въ университетѣ лекцій, даваніе многочисленныхъ уроковъ и чтеніе наполняли весь его день. На развлеченія или какія-нибудь удовольствія у него не доставало ни времени, ни средствъ. Читалъ онъ въ эти годы очень много, всего болѣе книги юридическаго содержанія, а также и сочиненія по вопросамъ соціальнымъ и по логикѣ. Чтеніе Бокля и другихъ позитивистовъ сдѣлало его на время послѣдователемъ ихъ ученія. Прочитаннымъ любилъ онъ дѣлиться съ братомъ своимъ Леонидомъ, доканчивавшимъ курсъ гимназіи; ему онъ носилъ прочитанныя книги. Другіе повѣренные его думъ и сомнѣній были братъ мой Никита и студентъ однокурсникъ Тихай, съ которымъ онъ сошелся въ университетскіе годы. Къ сожалѣнію, друзья и товарищи Боголѣпова того времени сошли въ могилу, и мнѣ не у кого узнать названія читанныхъ ими книгъ и предметы ихъ постоянныхъ бесѣдъ. Но, несмотря на оживленную работу и на увлекавшіе его и подчасъ мучившіе научные вопросы, думы о близкихъ не покидали его. Молодой человѣкъ заботился не только о насущныхъ потребностяхъ послѣднихъ, но зорко слѣдилъ за ученіемъ и развитіемъ младшихъ сестеръ и брата. Въ письмахъ къ нимъ онъ указывалъ имъ, по какимъ учебникамъ учиться и какія книги читать. Когда же наступило время для нихъ поступить въ учебныя заведенія, онъ перевелъ всю семью въ Москву, при чемъ жизнь большой семьи въ городѣ вызвала больше прежняго расходовъ и слѣдовательно требовала отъ него больше прежняго труда; но житейскія невзгоды встрѣчались имъ мужественно. Я знала Николая Павловича съ его восемнадцати лѣтъ и никогда не видѣла, чтобы онъ падалъ духомъ. Сила его характера и спокойная разсудительность вмѣстѣ съ чарующей простотой и искренностію еще въ молодости неотра-

зимо дѣйствовали на окружавшихъ его родныхъ и знакомыхъ. Ему было едва девятнадцать лѣтъ, когда одна знакомая ему барыня, госпожа Смирнова, вдова и мать трехъ избалованныхъ мальчиковъ, подъ впечатлѣніемъ мужества и уравновѣшенности Николая Павловича, назначила его въ своемъ завѣщаніи опекуномъ своихъ дѣтей. Даже въ старикахъ онъ вызывалъ довѣріе: напримѣръ, мой отецъ, любившій подолгу бесѣдовать съ нимъ, всегда со вниманіемъ выслушивалъ его неторопливыя замѣчанія. Нѣкоторые его знакомые пожилыхъ лѣтъ приходили къ нему за совѣтомъ. Мать Николая Павловича не разъ говорила мнѣ, что со смерти мужа своего она имѣла въ старшемъ сынѣ лучшаго совѣтника и покровителя. Молодыхъ еще болѣе привлекали его нравственная мощь и сердечная участливость. Не говоря ужъ о его братьяхъ и сестрахъ, которые во всѣхъ начинаніяхъ и недоразумѣніяхъ обращались къ нему за совѣтомъ и на которыхъ онъ имѣлъ большое вліяніе, тоже самое можно сказать про всѣхъ насъ, молодыхъ его друзей въ семьѣ Ливеновъ. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни мы спѣшили сообщить ему наши огорченія или недоразумѣнія. Даже въ случаѣ споровъ и вздорныхъ вспышекъ между нами—сестрами онъ не разъ являлся умиротворителемъ. Обыкновенно молодежь не любитъ слушать совѣтовъ и еще меньше терпитъ умниковъ между сверстниками, но Николай Павловичъ не имѣлъ ни тѣни самоувѣренности и самомнѣнія и никогда не напрашивался на роль ментора. Выказывая сердечную участливость въ иныхъ случаяхъ, онъ однако при вздорныхъ вспышкахъ дѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ своими мѣткими и шутливыми замѣчаніями, а иногда и насмѣшками. Помню, какъ однажды онъ предложилъ двумъ моимъ сестрамъ разобрать ихъ ссору и при этомъ очень комично разыгралъ роль судьи и насмѣшилъ всѣхъ разбирательствомъ этой ссоры.

Усиленные труды въ студенческіе годы расшатали здоровье Николая Павловича, и послѣ выпускныхъ экзаменовъ онъ долженъ былъ обратиться къ доктору, который сказалъ, что истощеніе главная причина его нездоровья. Но увеличившіеся расходы отъ переѣзда всей семьи Николая Павловича въ Москву требовали болѣе напряженной работы. Лѣтомъ онъ долженъ былъ опять ѣхать на урокъ, который на этотъ разъ, какъ нарочно, оказался очень утомителенъ. Тѣмъ не менѣе по возвращеніи въ Москву онъ энергично принялся искать себѣ службу. Скрѣпя сердце, поступилъ онъ въ канцелярію уголовнаго департамента Московскаго Сената. По собственному признанію Николая Павловича канцелярская атмосфера была ему крайне несимпатична. Къ тому же его возмущали вздорныя выходки нѣкоторыхъ сенаторовъ, въ особенно-

сти одного изъ нихъ, барона X., который часто, не разобравъ дѣла, безъ причины неистово кричалъ на молодыхъ чиновниковъ канцеляріи и при этомъ бѣшено топалъ на нихъ ногами и говорилъ имъ большія дерзости. По словамъ моего отца, Боголѣповъ никогда не подвергался такого рода оскорбленію, благодаря точному и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, а также умѣнію держать себя съ спокойнымъ достоинствомъ, внушающимъ уваженіе даже самодурамъ.

Къ несчастію, съ самаго начала осени 1868 г. на молодого человѣка обрушилась новая бѣда, которая, конечно, способствовала еще болѣе разстройству его здоровья: всѣ члены его семьи поочередно стали заболѣвать тифомъ. Онъ остался одинъ здоровымъ и принужденъ былъ безъ всякой помощи исполнять обязанности сидѣлки при пяти больныхъ. Единственная ихъ прислуга первая заболѣла тифомъ. Удивительно, какъ этотъ молодой и слабый физически юноша, утомленный предшествующей мозговой работой, вынесъ такое непосильное напряженіе. Денегъ было мало, между тѣмъ ежедневно требовались доктора и лѣкарства; квартира была убогая—отовсюду дуло; стѣны и оконныя рамы были ветхи, дровъ требовалось много, чтобы согрѣть комнаты, гдѣ лежали больные, а денегъ съ прекращеніемъ уроковъ стало меньше прежняго. Ночь и день Николай Павловичъ переходилъ отъ одного больного къ другому, подавая лѣкарство, уговаривая жалующихся и даже вступая въ борьбу съ буйными. Ненавидя долги, онъ принужденъ былъ заложить свою гимназическую золотую медаль и серебро матери. Гордость мѣшала ему обратиться къ намъ за помощью. Онъ даже не далъ намъ знать о случившемся съ нимъ несчастіи; мы узнали объ этомъ совершенно случайно: братъ мой Никита, соскучившись по Николаѣ Павловичѣ, пошелъ навѣстить его.

По выздоровленіи семьи Боголѣповъ бросилъ службу въ Сенатѣ. Въ это время профессора М. Н. Капустинъ и Николаевскій предложили ему остаться при университетѣ. Это предложеніе было принято съ радостію молодымъ человѣкомъ, и онъ принялся готовиться къ магистерскому экзамену.

Съ оставленіемъ при университетѣ Николаю Павловичу жилось легче. Матерьяльно онъ и его семья были обезпечены. Кромѣ денегъ, получаемыхъ изъ университета, онъ получалъ еще вознагражденіе изъ военнаго училища. Нравственно также Николаю Павловичу жилось теплѣе и веселѣе среди собравшейся въ Москвѣ семьи. Хотя всѣ ея члены съ утра расходились по своимъ занятіямъ, но, за то, вся семья

была въ сборѣ къ обѣду. Молодое общество, наработавшись въ продолженіе многихъ часовъ, возвращалось домой съ такимъ здоровымъ апетитомъ и съ такимъ запасомъ жизнерадостности, что не замѣчало однообразія незатѣйливыхъ блюдъ.

Теперь Николай Павловичъ могъ разрѣшить себѣ свое любимое развлеченіе—концерты. Съ раннихъ лѣтъ музыка была для него высшимъ наслажденіемъ; слушая ее, онъ забывалъ все окружающее и весь уходилъ въ звуки. Разговоры и нарушеніе тишины во время музыкальныхъ исполненій казались ему святотатствомъ и приводили въ негодованіе. Благодаря музыкальности матери и его собственной и рано пробужденному вкусу къ музыкѣ, въ немъ легко развилось тонкое пониманіе лучшихъ произведеній музыкальныхъ классиковъ, изъ которыхъ Бетховенъ былъ его любимцемъ. Величавая простота, мощь и красота его музыки наиболѣе подходили къ характеру Николая Павловича.

Другимъ любимымъ развлеченіемъ Боголѣпова было посѣщеніе друзей. По природѣ очень общительный, онъ любилъ по вечерамъ, послѣ напряженныхъ занятій, ходить въ гости или принимать ихъ у себя. Разъ или два въ недѣлю у него собирались его товарищи по университету. Изъ нихъ самыми частыми посѣтителями были Астафьевъ, мистикъ, увлекавшійся философіей, С. А. Муромцевъ, оставленный также по каѳедрѣ Римскаго права (по догмѣ, а Николай Павловичъ по исторіи), Петровскій, готовившійся къ каѳедрѣ Русскаго права, и мой братъ, кандидатъ на судебную должность. Это маленькое общество просиживало долгіе часы въ оживленныхъ преніяхъ и бесѣдахъ, постоянными темами которыхъ были не только вопросы юридическіе, но, главнымъ образомъ политическіе, философскіе и религіозные, при чемъ ясно выступали позитивизмъ Боголѣпова и мистицизмъ Астафьева. Что касается ихъ политическихъ взглядовъ, они почти всѣ были въ то время конституціоналистами.

По окончаніи магистерскихъ экзаменовъ работа Боголѣпова въ продолженіе трехъ лѣтъ была очень напряженная. Въ это время онъ читалъ два курса студентамъ и писалъ свою магистерскую диссертацію. Усиленная работа, однако, не столько утомляла его, какъ сердечное горе, измучившее его въ эти годы.

Бывая часто въ нашемъ домѣ, Боголѣповъ подружился со всей нашей семьей. Когда же изъ подростка я превратилась въ молодую дѣвушку, его дружескія чувства ко мнѣ перешли въ любовь. Семейныя обстоятельства и мой колеблющійся характеръ долго препятствовали

нашему браку. Постоянная смѣна надеждъ и сомнѣній измучила Николая Павловича, и потому онъ обрадовался, когда въ 1876-мъ году былъ командированъ за границу. Онъ надѣялся, что новыя впечатлѣнія немного разсѣютъ его горе и смягчатъ его нравственную боль. Но первое время новыя впечатлѣнія и интересы мало ему помогли. Пережитыя мученія сильно отразились на ходѣ его занятій. Гнетущая тоска мѣшала ему подчасъ заниматься. Въ запискахъ, которыя онъ велъ за границей, ясно выразилось это тяжелое настроеніе. «Несомнѣнно треволненія прошлогоднія, пишетъ онъ, имѣли большое вліяніе на мое состояніе духа и, слѣдовательно, на здоровье. Голова моя безпрестанно переходитъ отъ чрезвычайнаго изобилія мыслей къ крайней разсѣянности. Это очень мѣшаетъ мнѣ работать». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «Опять этотъ весенній воздухъ и запахъ цвѣтовъ всколыхали всю мою душу! Такая тоска! Такое чувство одиночества!» Сила воли однако и тутъ пришла ему на помощь. Нѣсколько далѣе изъ тѣхъ же записокъ видно, что путемъ борьбы съ собою онъ достигъ болѣе спокойнаго настроенія духа, хотя его тихая грусть и производитъ впечатлѣніе еще болѣе тяжелое, чѣмъ предшествующая тоска. «Иногда мнѣ кажется, что я могу даже довольно свѣтло взглянуть на жизнь; иногда же вдругъ опять заноетъ. Но я безъ особеннаго труда не даю тоскѣ дойти до высшихъ предѣловъ. Мнѣ кажется, что я похожъ на человѣка, который послѣ того какъ онъ провелъ много дней около умиравшаго въ жестокихъ страданіяхъ близкаго человѣка, теперь, похоронивши его, возвращается съ кладбища, въ теплый солнечный день, въ опустѣлый домъ, гдѣ еще живы воспоминанія о тяжеломъ прошломъ, но гдѣ уже все подметено, прибрано и тихо, мертвенно-тихо, но все таки, если не лучше, то какъ-то спокойнѣе: не слышно раздирающихъ стоновъ; ничего не слышно, правда, потому что человѣка совсѣмъ не стало. Мнѣ кажется, что я похоронилъ себя, свои идеалы, свое здоровье, свои надежды жить полною жизнью. Теперь, какъ бы оставшись одинъ послѣ своихъ похоронъ въ опустѣломъ домѣ, я задумываюсь надъ тѣмъ, что̀ мнѣ изъ себя сдѣлать; нельзя ли какъ нибудь заключить сдѣлку съ жизнью—предложить ей меньшія требованія». Въ такомъ тяжеломъ состояніи духа трудно было работать умственно. Къ счастью, интересы къ изучаемымъ наукамъ и къ другимъ предметамъ стали мало по малу отвлекать его отъ гнетущихъ думъ и сердечной боли. Какъ мы видѣли изъ автобіографіи Николая Павловича, курсы, которые онъ слушалъ въ университескихъ городахъ Германіи, по своей элементарности имѣли для него мало интереса. Больше пользы принесли ему библіотеки этихъ городовъ. Въ нихъ онъ черпалъ матерьялы для своей докторской диссерта-

ціи и для своего курса, который готовилъ къ чтенію студентамъ по возвращеніи на родину.

Кромѣ юридическихъ сочиненій Боголѣповъ читалъ много по исторіи культуры Римлянъ и другихъ народовъ. Съ большимъ также интересомъ углублялся онъ въ сочиненія Стюарта Милля и Спенсера. Онъ занимался и философіей, въ особенности Канта, Фихтэ и Конта, но безъ увлеченія. Заинтересовавшись первоначально философіей, онъ затѣмъ охладѣлъ къ ней, считая ея умствованія безплодными и доводы недоказательными. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ по поводу изученія Канта и Фихтэ онъ пишетъ: «Занятія философіей мнѣ стали претить: мнѣ кажется, что я только напрасно терзаю свой мозгъ и въ концѣ концовъ все таки приду къ отрицательному заключенію».

Исключительно-умственная созерцательная жизнь не привлекала его; наука интересовала его въ своемъ примѣненіи къ жизни. «Я думаю, пишетъ онъ своему брату, что твоя дѣятельность будетъ только тогда плодотворна, когда ты будешь непрестанно поддерживать связь съ окружающей жизнію, слѣдовательно сталкиваться со всѣми неудобствами и безпокойствами практической жизни. Кто изолируетъ себя отъ окружающей дѣйствительности, тотъ рискуетъ произвести плодъ мертворожденный; потому что, какъ ни говори, а въ концѣ концовъ наука только тогда жива и вдохновенна, когда она имѣетъ въ виду практическіе результаты». Таже жажда активной пользы и дѣятельности между людьми еще ярче сказалась въ слѣдующихъ строкахъ упомянутыхъ записокъ, написанныхъ въ минуту большой грусти по поводу его разбитыхъ надеждъ: «Нѣтъ, я прогоню свое отчаяніе, прогоню его въ самую глубь души и буду интересоваться всѣмъ, что волнуетъ людей: я буду самъ дѣятельно участвовать въ жизни».

Просиживая долгіе часы за научной работой, онъ тѣмъ не менѣе находитъ время присматриваться къ нравамъ, обычаямъ и общественнымъ порядкамъ Нѣмцевъ, при чемъ сравненіе ихъ съ Русскою жизнію и Русскими порядками вызываетъ въ немъ глубокую скорбь. Въ особенности огорчаетъ его въ Русскихъ отсутствіе воли, характера и усидчивости въ трудѣ. Скорбью о родинѣ и желаніемъ придти ей на помощь проникнуты многія его письма къ братьямъ и друзьямъ. В. А. Гольцеву Боголѣповъ пишетъ о своей рѣшимости употребить всѣ свои силы на воспитаніе воли въ Русскомъ обществѣ. Горячо также принималъ онъ къ сердцу ходъ нашей освободительной войны на Балканскомъ полуостровѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нею. По-

раженія, претерпѣваемыя Русскими въ началѣ этой войны, сильно огорчали его, а антипатріотическія заявленія нѣкоторыхъ его товарищей за границей раздражали и приводили къ крупнымъ разговорамъ съ ними. Прочитавъ въ газетахъ о недостаткѣ перевязочнаго матерьяла въ нашихъ санитарныхъ отрядахъ, онъ пишетъ своей матери, чтобы она задержала часть получаемыхъ имъ отъ министерства денегъ и отправила бы эти деньги въ Красный Крестъ на перевязочный матерьялъ. Это было поистинѣ лепта вдовицы, потому что самъ Боголѣповъ очень нуждался въ деньгахъ, въ особенности за границей, и постоянно отказывалъ себѣ не только въ удовольствіяхъ и удобствахъ, но и подчасъ въ нужномъ, наприм. въ сытномъ столѣ. Послѣдній въ Германіи и въ особенности во Франціи часто не удовлетворялъ его юношескому апетиту. Въ письмахъ къ матери онъ нерѣдко жаловался на скудный завтракъ и обѣдъ въ Нѣмецкихъ молочныхъ и ресторанахъ. Точно также онъ стѣснялъ себя въ пищѣ и въ хорошемъ помѣщеніи, для того, чтобы имѣть возможность помогать семьѣ. По прежнему, слѣдя съ зоркимъ вниманіемъ за судьбою и интересами послѣдней, онъ при первой необходимости приходилъ на помощь каждому ея члену, не только совѣтомъ и утѣшеніемъ, но и деньгами. За границей, какъ и въ Россіи, единственными его развлеченіями были концерты, театры и картинныя галлереи. Изъ Геттингена Николай Павловичъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Дрезденъ, чтобы осмотрѣть знаменитую картинную галлерею. Посѣтивъ ее, онъ пишетъ своей матери, что Мадонна Рафаэля съ перваго взгляда, какъ и на большинство людей, не произвела на него впечатлѣнія, но, что вглядѣвшись въ нее внимательно и продолжительно, онъ не могъ болѣе оторваться отъ нея, при чемъ чудное, мирное настроеніе навѣянное ею, благотворно подѣйствовало на его душу.

Конецъ своей командировки онъ провелъ въ Парижѣ, слушая лекціи въ École des droits и Collège de France. И здѣсь лекціи имѣли для него только педагогическій интересъ. Bibliothèque Nationale, какъ и Нѣмецкія библіотеки представляли для него больше интереса. Послѣдній годъ своего пребыванія заграницей Николай Павловичъ значительно меньше жаловался на угнетавшую его при выѣздѣ изъ Россіи тоску. Сила воли въ борьбѣ съ сердечнымъ горемъ, увлекавшія его научныя занятія и новыя впечатлѣнія много этому способствовали. Парижъ оживленіемъ своихъ улицъ, веселостью національнаго характера, разнообразіемъ концертовъ и театровъ, еще болѣе развлекъ его. Но роскошная столица Франціи, несмотря на свое оживленіе, на изобиліе красивыхъ зданій и интересныхъ памятниковъ, не была симпатична Николаю Павловичу. Онъ пишетъ своей матери, что Парижъ производитъ на

него непріятное впечатлѣніе чрезмѣрнымъ богатствомъ зажиточныхъ классовъ и бьющею на эффектъ роскошью, купленою цѣною страданій и нищеты многихъ несчастныхъ. Еще болѣе тяжелое чувство, чувство отвращенія вызывали въ немъ легкіе нравы, выставляющіеся на показъ на бульварахъ Парижа. Изъ того же письма къ матери видно, что онъ убѣгалъ отъ нихъ въ болѣе тихій Люксембургскій садъ. «Здѣсь, пишетъ Николай Павловичъ, гуляютъ матери съ дѣтьми и нянькамн. Это порядочныя, чистыя женщины, и надо правду сказать, онѣ очень привлекательны по наружности».

Изъ Парижа Боголѣповъ намѣревался отправиться въ Виши на предписанное ему врачами лѣченіе, но по недостатку денегъ долженъ былъ отказаться отъ этой поѣздки. Въ Италію онъ также не попалъ, несмотря на страстное желаніе тамъ побывать: ему также не достало на это средствъ. Въ одномъ письмѣ къ матери изъ Франціи Николай Павловичъ пишетъ, что его мучаютъ близость Италіи и соблазнъ съѣздить туда, а въ другихъ письмѣ говоритъ, что по недостатку денегъ отказался отъ поѣздки въ Римъ.

Вернувшись въ Россію, онъ съ радостнымъ увлеченіемъ, и какъ бы утомившись долгой работой вдали отъ родины, отдается жизни, полной разнообразныхъ развлеченій. «Мы ведемъ совершенно бурную жизнь», пишетъ онъ своей матери, уѣхавшей на время въ Польшу. Но эта «бурная жизнь» состояла только въ частыхъ посѣщеніяхъ концертовъ, театровъ и профессорскихъ вечеринокъ. На одной изъ нихъ, а затѣмъ въ одномъ концертѣ Николай Павловичъ послѣ двухлѣтней разлуки встрѣтился со мною. При свиданіи наше чувство взаимной любви сказалось съ прежней силой. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ наша свадьба была рѣшена и состоялась 11-го Апрѣля 1879-го года. Счастіе нашей взаимной любви въ первые годы послѣ свадьбы было также безоблачно, какъ и въ послѣдующіе. Когда послѣ вѣнчанія я подошла къ моей свекрови, она сказала мнѣ: «Вы отняли у меня мой солнечный лучъ».

Такимъ же лучомъ вошелъ онъ въ мою жизнь: свѣтилъ онъ своимъ высокимъ примѣромъ, грѣлъ своей неизмѣнной, преданной любовью. Не преувеличивая, я могу сказать, что съ каждымъ годомъ нашей супружеской жизни моя любовь и уваженіе къ мужу росли, а это случается рѣдко. Всего чаще самыя пламенныя чувства влюбленныхъ людей при большей близости теряютъ силу, а иногда даже совсѣмъ исчезаютъ.

Нашъ образъ жизни въ первые годы послѣ брака былъ очень скромный. Единственной статьей дохода было университетское жалованье въ 1200 р., изъ котораго двѣсти рублей онъ отдавалъ своей матери. Чтобы доставить себѣ какое-либо удовольствіе, въ видѣ посѣщенія концертовъ, надо было экономить на ежедневныхъ тратахъ; но долговъ не дѣлалось, несмотря на то, что въ концѣ перваго года у насъ родился сынъ. Николай Павловичъ не допускалъ тратъ выше средствъ. Еще будучи женихомъ, онъ рисовалъ мнѣ картину той скромной жизни, въ которую онъ меня поведетъ и притомъ просилъ никогда не дѣлать долговъ, какъ бы тяжелы ни показались мнѣ нѣкоторыя неудобства и лишенія. Въ этомъ отношеніи онъ служилъ самъ лучшимъ примѣромъ, потому что готовъ былъ всегда во всемъ отказывать себѣ, чтобы доставить мнѣ и дѣтямъ какое-нибудь удобство или удовольствіе. Стоило иногда большихъ трудовъ уговорить его купить что-нибудь лично себѣ, даже нужное. И не для насъ однихъ былъ онъ готовъ забывать себя, но и для своей матери и для близкихъ родныхъ. Съ большой участливостью приходилъ онъ также на помощь бѣднымъ; такъ до своей смерти Николай Павловичъ содержалъ одну старушку изъ крестьянъ и помогалъ одной вдовѣ съ большой семьей, изъ того же сословія. Впослѣдствіи, когда его жалованье стало увеличиваться, ему представилась возможность оказывать болѣе щедрую помощь: всякое народное бѣдствіе встрѣчало горячій откликъ въ его сердцѣ, и въ такихъ случаяхъ Николай Павловичъ, не жалѣя, удѣлялъ изъ своего жалованья посильную помощь голодавшимъ крестьянамъ и пострадавшимъ отъ эпидеміи. Но отзывчивый на всякую чужую бѣду, Николай Павловичъ наотрѣзъ отказывался помогать людямъ, бѣдствовавшимъ вслѣдствіе растраты своего имущества, или неумѣвшимъ справляться со своими средствами. Точно также возставалъ онъ противъ слишкомъ обильной раздачи стипендій студентамъ и частаго устройства вечеринокъ и концертовъ въ ихъ пользу. Постоянная надежда на общественную благотворительность по его мнѣнію поощряла лѣнь молодежи и отучала ее жить собственными трудами. Боголѣповъ считалъ цѣлесообразнѣе заботиться о пріисканіи работы студентамъ въ видѣ уроковъ или переводовъ и охотно самъ имъ доставлялъ ихъ. Николая Павловича часто обвиняли въ томъ, что онъ былъ слишкомъ строгъ и требователенъ къ другимъ, въ особенности къ молодежи, но онъ былъ еще строже къ себѣ. Мы видѣли, какъ въ юные годы при скудости средствъ онъ пробивалъ себѣ дорогу и еще поддерживалъ большую семью. И не только въ юности, всю свою жизнь Боголѣповъ неутомимо трудился и при этомъ велъ самый скромный образъ жизни.

Послѣ женитьбы, какъ и до нея, его единственными развлеченіями были концерты и профессорскія вечеринки. Разъ въ недѣлю попрежнему у него собирались его товарищи, единомыслящіе профессора и ученики. Большею частью предметомъ оживленныхъ разговоровъ на этихъ собраніяхъ были вопросы научные и университетскіе. Роскоши, какъ и въ молодые годы, онъ гнушался и не любилъ погони за красивой внѣшностью. Въ особенности мужъ считалъ ее вредной для дѣтей, которыхъ, по его мнѣнію, надо воспитывать въ простотѣ; такъ, онъ всегда возставалъ противъ богатыхъ подарковъ нашимъ дѣтямъ и требовалъ чтобы одежда ихъ была недорогою и непритязательною. Даже родственниковъ и знакомыхъ Николай Павловичъ просилъ не дарить имъ дорого стоющихъ игрушекъ и нарядовъ. Онъ былъ рѣдкимъ отцемъ и отличался врожденнымъ педагогическимъ тактомъ, соединяя въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ твердость и доброту. Требуя отъ дѣтей безпрекословнаго послушанія, Николай Павловичъ умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ завлекательно съ ними играть, что они въ играхъ съ нимъ забывали его годы и видѣли къ немъ только забавнаго товарища. Мужъ не любилъ наказаній, но считалъ ихъ необходимыми, въ особенности въ данномъ возрастѣ, когда дѣти еще не страдаютъ отъ чувства униженія и стыда. Всѣхъ дѣтей у насъ было четверо. Одинъ умеръ одной недѣли, двое жили только до семи и шести лѣтъ. Черезъ годъ послѣ ихъ смерти у насъ родилась дочка Маруся. Къ этой дочкѣ Николай Павловичъ привязался еще горячѣе, чѣмъ къ первымъ дѣтямъ, но онъ не позволялъ себѣ ее баловать. Два раза изъ-за непослушанія дѣвочки мужъ прибѣгалъ къ суровому наказанію. Интересно, что послѣ него плакала не одна дѣвочка, но и скрывшійся въ свою комнату отецъ. Эти слезы были послѣдствіемъ слишкомъ большого напряженія воли въ борьбѣ съ сердцемъ, переполненномъ нѣжности къ наказанному ребенку. Несмотря однако на нѣкоторую строгость Николая Павловича, дѣти горячо любили его, въ особенности послѣдняя дочь Маруся. Да и нельзя было не любить такого отца. Лѣтомъ въ каникулярное время и зимою въ рѣдкіе часы отдыха, когда дѣти были умны, мужъ разсказывалъ имъ сказки и повѣсти своего собственнаго сочиненія или же бѣгалъ съ ними взапуски и игралъ въ дикіе звѣри, при чемъ приводилъ дѣтей въ восторгъ своимъ рычаньемъ и огромными прыжками.

Отзывчивымъ и участливымъ былъ онъ не къ однимъ дѣтямъ и бѣднякамъ. Николай Павловичъ былъ всегда готовъ придти на помощь каждому, который дѣйствительно нуждался въ его совѣтѣ или въ его услугѣ. Только пустые разговоры, обманъ или лесть были ему противны, и въ такихъ случаяхъ онъ принималъ суровый видъ и казался недо-

ступнымъ. Сентиментальности или изнѣживающей мягкости онъ также не терпѣлъ. Когда являлись къ нему маменьки, требовавшія отъ него необыкновенной снисходительности для своихъ плохо учившихся сыновей, онъ принималъ суровый видъ и неохотно слушалъ ихъ сѣтованія на строгія требованія профессоровъ и учителей. Точно также возмутительныя выходки студентовъ и недобросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ не только учащихся и учащихъ, но и всякаго общественнаго дѣятеля возмущали его до глубины души и вызывали его рѣзкія сужденія. Въ такихъ случаяхъ его обычное спокойствіе уступало мѣсто нескрываемому негодованію. Примѣромъ отзывчивости Николая Павловича могутъ служить слѣдующія извлеченія изъ ненапечатанныхъ воспоминаній *) А. Д. Алфёрова, написанныхъ къ 40-му дню по смерти Боголѣпова. Алфёровъ учился на юридическомъ факультетѣ и слѣдовательно былъ ученикомъ Николая Павловича. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ скоро убѣдился, что у него нѣтъ склонности къ юридическимъ наукамъ и сдалъ экзаменъ при историко-филологическомъ факультетѣ. «Разъ, пишетъ Алфёровъ, когда я сидѣлъ въ своей болѣе чѣмъ скромной комнатѣ, швейцаръ мнѣ доложилъ, что меня спрашиваетъ какой-то г. Боголѣповъ и въ то время, когда я еще не могъ себѣ отдать отчета, кто бы это могъ быть, въ мою комнату вошелъ Николай Павловичъ и, очень скромно извиняясь за безпокойство, сказалъ, что помнитъ меня, какъ студента, слышалъ о моей перемѣнѣ дороги и хотѣлъ повидаться со мной, чтобы переговорить объ этой перемѣнѣ, которая казалась ему серьезнымъ шагомъ въ жизни». Затѣмъ далѣе Алф. пишетъ: «Вспоминаю слѣдующій эпизодъ передъ моимъ экзаменомъ по Римскому праву. Экзаменъ намъ предстоялъ въ началѣ Ѳоминой недѣли. Я и мой товарищъ Д. К. готовились къ нему, живя за городомъ. Вчитываясь въ литографированные листы нашего курса, мы тамъ неожиданно наткнулись на такія противорѣчія, которыхъ помирить никакъ не могли. Не очень отличая, что̀ здѣсь было виною издателя, что̀ виною профессора, и что̀ нашей собственной виной, мы не мало не медля, рѣшили ѣхать къ Боголѣпову и заявить ему о встрѣтившихся намъ несообразностяхъ въ его курсѣ. Заложивъ деревенскую таратайку и въ случайныхъ деревенскихъ костюмахъ, мы поѣхали въ Москву и часовъ въ 7 вечера позвонились у крыльца Николая П—ча со свертками лекцій въ рукахъ. Николай Павловичъ насъ встрѣтилъ такими словами: «Видите ли, моя жена очень больна, и мнѣ трудно удѣ-

*) Эти воспоминанія не были вполнѣ напечатаны; выдержки изъ нихъ тогдашнія газеты, исключая „Московскихъ Вѣдомостей", отказывались напечатать.

лить вамъ много времени». Видя его озабоченнымъ, мы готовы были сейчасъ же уѣхать, но онъ съ обычной простотой удержалъ насъ, сказавъ, что наше дѣло онъ считаетъ также серьезнымъ. При этомъ Боголѣповъ далъ намъ необходимыя указанія, разъяснивъ наши недоразумѣнія, которыя оказались послѣдствіемъ обычныхъ ошибокъ издателя. Послѣ этого мы ожидали, что профессоръ, убѣдившись въ запоздалости нашей работы, будетъ къ намъ особенно требователенъ. Ничуть не бывало. Онъ попрежнему былъ простъ и серьезенъ, и наши экзамены сошли вполнѣ благополучно».—Интересны также воспоминанія А. о Николаѣ Павловичѣ, какъ о профессорѣ и экзаменаторѣ. «Вступая въ университетскія аудиторіи», пишетъ онъ, «я уже слышалъ, что есть среди профессоровъ нѣкто Боголѣповъ, который безжалостно рѣжетъ студентовъ на экзаменѣ и не безъ интереса, пожалуй не безъ тревоги, всматривался на первой лекціи въ нѣсколько блѣдное лицо высокаго и худого человѣка, который спокойно, серьезно и очень понятно излагалъ свой предметъ. Никакихъ фразъ, никакой погони за внѣшнимъ блескомъ въ его лекціяхъ никогда не было; но забота о ясности и послѣдовательности изложенія, эта добросовѣстная педагогическая обработка всегда въ нихъ чувствовалась. Я увидалъ его скоро руководителемъ нашихъ практическихъ занятій, которымъ онъ придавалъ большое значеніе; я убѣдился въ томъ, какъ его искренній собственный интересъ къ этому дѣлу будилъ и интересъ слушателей. Помню его умѣніе спокойно руководить преніями».—О Николаѣ Павловичѣ, какъ объ экзаменаторѣ А. говоритъ слѣдующее: «Весь тонъ экзаменовъ былъ всегда ровенъ, простъ и дѣловитъ. Сохраняя полное уваженіе къ личности студента, Боголѣповъ ставилъ неудовлетворительныя отмѣтки только дѣйствительно не знавшимъ курса».

Такая готовность Николая Павловича входить въ интересы своихъ слушателей, а также и его тщательные педагогическіе пріемы должны были отнимать у него много времени, но это его никогда не пугало: онъ работалъ скоро и много и любилъ работу. Послѣ женитьбы дѣятельность его отличалась тою же неутомимою энергіей, какъ и до нея. Читая въ 1880 году два курса, онъ писалъ свою докторскую диссертацію и къ тому же занялъ предлагаемое ему мѣсто инспектора въ Ермоло-Маріинскомъ женскомъ институтѣ. Должность эта была безвозмездна, но симпатична Николаю Павловичу, потому что воспитаніе юношества всегда горячо интересовало его. Учебная часть въ институтѣ до этого времени была въ большомъ упадкѣ. Боголѣповъ дѣятельно занялся преобразованіемъ ея: онъ улучшилъ учительскій персоналъ, обсуждалъ на конференціяхъ методы преподаванія. Воспитан-

ницы очень любили Николая Павловича за его участливое отношеніе къ нимъ, хотя онъ требовалъ отъ нихъ строгаго исполненія ихъ обязанностей. Доказательствомъ того, какую любовь онъ въ нихъ вызвалъ, могутъ служить слѣдующія слова, взятыя изъ письма начальницы института А. А. Лівенцевой по уходѣ его изъ училища: «Дѣвочки сами пришли сегодня просить меня позволить имъ вамъ писать, и я была этому очень рада. Не знаю какъ, но вы умѣли всегда сильно привязывать къ себѣ нашихъ дѣтей». Въ годовомъ отчетѣ института, вышедшемъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея института (уже по смерти мужа), мы находимъ еще лучшій о немъ отзывъ: «Дѣятельность Николая Павловича не ограничивалась только стараніемъ упорядочить самое преподаваніе въ училищѣ; онъ заботился также объ упроченіи положенія преподавателей Маріинскаго училища. Его усиліями въ 80-хъ годахъ было нѣсколько поднято вознагражденіе по нѣкоторымъ важнымъ предметамъ. Его цѣнныя личныя качества: спокойствіе, разсудительность, педагогическій тактъ, твердость и товарищеское отношеніе къ своимъ сотрудникамъ внушали каждому изъ нихъ спокойную увѣренность въ работѣ. Полное довѣріе къ преподавателю и естественно вытекающая отсюда свобода преподаванія давали полную возможность каждому вносить въ преподаваніе нѣчто свое оригинальное и отдаваться своему дѣлу съ любовью. Дѣло преподаванія, говорилъ Боголѣповъ, дѣло живое: обставлять его различными мелочными правилами по своему усмотрѣнію и вкусу, значитъ губить его. Всеобщія любовь и уваженіе къ нравственной личности инспектора въ извѣстной мѣрѣ объединяли и скрѣпляли даже разнородные элементы, принимавшіе участіе въ воспитательномъ дѣлѣ училища». А. Д. Алфёровъ, преподававшій въ институтѣ во время инспекторства Боголѣпова, также лестно отзывается о немъ: «У насъ преподавателей были съ Николаемъ Павловичемъ самыя лучшія отношенія: онъ былъ для насъ старшимъ товарищемъ и самымъ сердечнымъ образомъ относился къ учебному дѣлу и интересамъ воспитанницъ. Его уходъ въ попечители былъ большою печалью для насъ. Помня его интересъ къ нашему общему дѣлу, Педагогическій Совѣтъ на свои средства устроилъ тамъ коллекцію учебныхъ пособій имени Николая Павловича, чтобы память о немъ не изгладилась въ учрежденіи, которое онъ любилъ. Онъ доказалъ это по своему обыкновенію не словомъ, а дѣломъ: уже будучи раненъ, находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, когда люди едва ли склонны заботиться о другихъ, онъ вспомнилъ о 50-лѣтнемъ юбилеѣ Маріинскаго училища и поручилъ написать намъ, что онъ, пользуясь торжественнымъ днемъ въ жизни училища, обратился съ ходатайствомъ въ вѣ-

домство Императрицы Марiи о дарованiи пенсiи нашему преподавательскому персоналу».

Таковъ былъ Николай Павловичъ съ сослуживцами, да и не только съ ними: его отношенiя къ людямъ были всегда просты и естественны; какую бы должность онъ ни занималъ, въ немъ никогда не было замѣтно ни тѣни высокомѣрiя. Какъ сказано было выше, суровымъ онъ могъ казаться только людямъ, требовавшимъ отъ него излишней снисходительности или нарушенiя справедливости. Всѣ знавшiе его профессоромъ и затѣмъ свидѣвшiеся съ нимъ, когда онъ сталъ попечителемъ Учебнаго Округа, всегда удивлялись полному отсутствiю перемѣны въ немъ. Братъ и сестры мои, знавшiе его въ еще болѣе раннiе годы, находили, что, не смотря на постепенныя повышенiя, онъ нисколько не мѣнялся въ своемъ обращенiи съ людьми всѣхъ сословiй. А. Д. Алфёровъ говоритъ почти тоже самое въ своихъ воспоминанiяхъ о Николаѣ Павловичѣ. «Присматриваясь къ его обращенiю съ людьми, я много разъ замѣчалъ необыкновенную ровность въ его отношенiяхъ къ нимъ: естественность чувства, слова и поступка, это его коренныя черты. Я помню такую сцену, когда онъ былъ попечителемъ. Разъ, у него въ гостяхъ я сталъ въ присутствiи многихъ знакомыхъ возражать по поводу одного изданнаго имъ циркуляра. Нашъ споръ сталъ принимать острый характеръ, въ гостиной возникло неловкое молчанiе, и я замѣтилъ, что Николай Павловичъ, хотя и сдерживается, но очень волнуется. Споръ начиналъ все болѣе обостряться; мы расходились и когда я уже начиналъ чувствовать, что между нами какъ будто зараждается ожесточенiе, Боголѣповъ очень дружески сказалъ мнѣ: «Я могу не раздѣлять вашихъ взглядовъ, но не могу ихъ не уважать». Это было сказано такъ привѣтливо, что мое ожесточенiе исчезло: я видѣлъ передъ собой убѣжденнаго человѣка. Послѣ этого спора Николай Павловичъ продолжалъ дружески относиться ко мнѣ. Много разъ приходилось намъ спорить съ нимъ по разнымъ вопросамъ, и всегда выносилось впечатлѣнiе честнаго, крѣпкаго убѣжденiя, и, хотя теперь послѣ его кончины трудно судить и боишься ошибиться, но, какъ будто, даже и тогда что-то трагическое казалось въ его спокойномъ и мужественномъ изложенiи своихъ взглядовъ: чувствовалось, что этотъ человѣкъ не измѣнитъ, не продастъ и не отступитъ отъ своихъ взглядовъ».

При склонности Николая Павловича къ пессимизму это мужество служило ему большимъ подспорьемъ. При всякомъ начинанiи и во всякомъ дѣлѣ онъ всегда видѣлъ прежде всего его дурныя стороны, но

никогда не падалъ духомъ и находилъ необходимымъ бороться до послѣдней возможности за то, что онъ считалъ справедливымъ. Въ этомъ человѣкѣ, казавшимся многимъ суровымъ и недоступнымъ, жила, какъ и въ дѣтствѣ, нѣжная, впечатлительная душа. Доказательствомъ этого можетъ служить его нѣжность къ матери, женѣ и дѣтямъ, его участливость ко всѣмъ нуждающимся въ нравственной и матеріальной помощи и его любовь къ родинѣ, заставлявшая его забывать себя въ самоотверженной борьбѣ для ея пользы. Только необыкновенная сила воли помогала ему оставаться спокойнымъ въ минуты тревогъ, волненія и горя, которыя такъ часто встрѣчались въ его жизни. Потерявъ 17-ти лѣтъ горячо любимаго отца, онъ, забывъ себя, пришелъ на помощь своей семьѣ. Когда мы лишились въ короткое время трехъ дѣтей, мужъ страшно горевалъ, но въ моемъ присутствіи казался всегда спокойнымъ и находилъ силу утѣшать и поддерживать меня и съ необыкновенною твердостью продолжать исполнять свои ректорскія и профессорскія обязанности. Какое глубокое горе ему причинила смерть нашихъ дѣтей, видно изъ одного мѣста его записокъ отъ 1888-го года, написаннаго на другой день рожденія нашей послѣдней дочки. «Вчера у насъ родилась дочь. Ее назвали Маріей. Это былъ для меня особенный день: я, какъ будто начиналъ новый періодъ своей жизни. Смерть нашихъ первыхъ дѣтей провела рѣзкую грань между прошлымъ годомъ и предшествующими годами. Весь 1887 годъ мы съ Катей не жили, а только страдали нравственно. 3-го Февраля снова у насъ ребенокъ и снова, какъ будто надежда видѣть подлѣ себя молодое поколѣніе. Въ день рожденія Маши, когда пришелъ священникъ и сталъ читать молитвы тихимъ голосомъ среди тишины въ домѣ, меня охватило совсѣмъ новое чувство, котораго я не испытывалъ очень давно: мнѣ такъ хотѣлось вѣрить, что я могу надѣяться на Бога и хотѣлось сказать себѣ, что Онъ все сдѣлаетъ, какъ нужно, а потому нечего тревожиться. Если бъ я могъ съ прежнею дѣтскою вѣрою предаться волѣ Божіей, какое бремя тоски по умершимъ дѣтямъ и страха за здоровье Кати свалилось бы съ моей души. Но я не могъ молиться. Можетъ быть, это начало вѣры». И это было начало, или скорѣе возрожденіе вѣры. Когда, нѣсколько времени спустя, я захворала, я не разъ видѣла его горячо молящимся. Затѣмъ, въ минуты тяжелой борьбы среди его общественной дѣятельности, онъ не разъ просилъ меня прочесть ему ту или другую главу изъ Евангелія и, казалось, черпалъ силу и утѣшеніе въ божественномъ ученіи Спасителя. Понемногу онъ сталъ ходить въ церковь и тамъ такъ сосредоточенно молился и вслушивался въ церковное чтеніе и пѣнье, какъ рѣдко это дѣлаютъ люди, никогда не сомнѣвавшіеся. Съ помощью воз-

родившейся вѣры его мужество возросло до степени геройства, которое дало ему силу безъ страха и упрека работать на пользу родины въ трагическіе годы его министерства.

При характеристикѣ министерской и попечительской дѣятельностей Николая Павловича я коснусь еще нѣкоторыхъ личныхъ его свойствъ, которыя дадутъ о немъ болѣе полное представленіе.

Екатерина Боголѣпова.

ОТЗЫВЪ ФРИДРИХА ВТОРАГО ПРО ЕКАТЕРИНУ ВЕЛИКУЮ.

Il fallait à la Russie une impératrice comme celle, que vous étes heureux de pouvoir admirer de près, pour mettre le comble à ce vaste édifice. Elle embrasse tout dans la sphère de son activité, aucune partie de gouvernement ne lui échappe, élle entre jusque dans la police. Elle fait honte à bien des souverains engourdis sur leur thrône, qui n'ont pas les primières notions des grandes choses qu'elle exécute. Quatre ministres en France ne font pas autant de besogne que cette femme qu'il faut compter au rang des grand'hommes.

(Politische Correspondenz Friedrich des Grossen 30 Bd. Berlin. 1905).

Переводъ.

Россіи, для довершенія устройства ея огромнаго зданія, нужна была такая императрица, какъ та, которой вы имѣете счастіе дивиться вблизи. Она все включаетъ въ кругъ своей дѣятельности, ни одна часть управленія не ускользаетъ отъ нея, она вникаетъ даже въ полицію. Она служитъ укоромъ для многихъ монарховъ, закоченѣвшихъ на своихъ тронахъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о великихъ дѣлахъ, какія она приводитъ въ исполненіе. Во Франціи четыре министра не работаютъ столько, сколько эта женщина, которую слѣдуетъ зачислить въ ряды великихъ людей.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ПРО ГРАФА П. Б. ШЕРЕМЕТЕВА.

Въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества (т. 23, стр. 348) находится странное описаніе пребыванія въ Москвѣ въ 1784 году императрицы Екатерины, сдѣланное сю самою, въ письмѣ къ Гримму. Она говоритъ:

„De plus, on a remarqué que le maréchal de la noblesse du gouvernement, le seigneur le plus riche du pays, est tombé malade tout-à-coup, quoiqu'il eût un air de santé, ce que les plus politiques attribuent à son indécision et à une envie de temporiser, pour voir le parti qu'il embrassera" *).

Здѣсь рѣчь идетъ несомнѣнно о графѣ П. Б. Шереметевѣ, только что избранномъ губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства. Но что же это такое? Шутка, пародія или дѣйствительно въ Москвѣ тогда были безпорядки? Екатерина говоритъ, что этому дѣлу виноваты два неудачныхъ ея указа. Надо полагать, что все это дѣйствительно обращено въ шутку.

---

[1]) Писано въ Петербургѣ 12 Декабря 1770 г. къ принцу Генриху Прусскому и конечно для того, чтобы Екатерина прочла. П. Б.

[2]) Кромѣ того замѣтили, что губернскій предводитель дворянства, человѣкъ самый богатый въ Россіи, внезапно заболѣлъ, хотя съ виду онъ былъ здоровъ. Главные политики приписываютъ эти его нерѣшимости или желанію выждать, какой стороны ему держаться.

РУССКОЕ МАСОНСТВО И ЕГО ОБРЯДЫ.

Ложа Сѣверной Звѣзды въ Вологдѣ.

Въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки хранится сборникъ документовъ разнообразнаго масонскаго содержанія (F. III. 72). Въ немъ, между прочимъ, помѣщены два акта, относящіеся къ учрежденію масонской ложи. Одинъ актъ озаглавленъ: Обрядъ инсталаціи новой Іоанновской ложи, подъ управленіемъ Великой Провинціальной ложи учреждающейся, другой—Описаніе убранства ученической ложи. Оба акта писаны, повидимому, писарской рукой, но снабжены подлинными подписями перваго великаго намѣстнаго мастера Великой Провинціальной ложи Сергѣя Ланского [1]) и великаго казначея этой ложи Апухтина. Къ тексту приложенъ планъ расположенія ученической ложи. Обрядъ учрежденія Іоанновскихъ ложъ былъ одинаковъ для всѣхъ ложъ, но въ текстѣ актовъ прописаны наименованіе ложи и мѣсто ея учрежденія—Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ [2]). Слѣдовательно, акты подлежали отправленію въ Вологду, въ качествѣ руководства, при учрежденіи тамъ масонской ложи Сѣверной Звѣзды.

По разысканію Пыпина (Рум. Муз., № 90), братья ложи Сѣверной Звѣзды 19 Октября 1817 г. благодарили ложу Астреи за присылку имъ въ руководство Code des Lois и просили дальнѣйшаго руководства. Однако въ спискахъ ложъ союза Астреи не числилась ложа Сѣверной Звѣзды. Наоборотъ, въ томъ же 1817 г. и въ 1818 г., ложа Сѣверной Звѣзды была за-

---

[1]) Сергѣя Степановича, въ царствованіе Александра Втораго—министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ прожилъ большое состояніе на масонство. Это былъ одинъ изъ крупныхъ *датусовъ*. Партизанъ Д. В. Давыдовъ, когда ему предлагали вступить въ масонство, сказалъ, что быть *датусомъ* не имѣетъ онъ средствъ, а *биратусомъ* не желаетъ. А. И. Кошелевъ писалъ, что назначеніе С. С. Ланскаго министромъ огорчило его больше, чѣмъ оставленіе Севастополя („Русскій Архивъ" 1886, I, 356). П. Б.

[2]) Одинъ изъ главныхъ масоновъ былаго времени былъ Поздѣевъ, Вологодскій помѣщикъ, у котораго въ царствованіе Павла бунтовали его крѣпостные. П. Б.

писана въ союзѣ Великой Провинціальной ложи. По указанію того же Пыпина, дѣло объ основаніи ложи Сѣверной Звѣзды началось въ Великой Провинціальной ложѣ 26 Февраля 1817 г. (Рум. Муз., № 11). Слѣдовательно, печатаемые ниже документы относятся къ 1817 г. Изъ приведенной же справки слѣдуетъ, что при возникновеніи этой ложи братья колебались, къ какому союзу масонскихъ ложъ имъ присоединиться, къ Астреѣ или къ Великой Провинціальной ложѣ; предпочтеніе въ концѣ концовъ было отдано сей послѣдней.

Въ далекой Вологдѣ ложа не оправдала масонскихъ ожиданій, и 29 Октября 1820 г. послѣдовало ея закрытіе, по случаю непроизводства въ ней работъ со времени ея учрежденія (Рум. Муз. № 18 и 21).

Тира Соколовская.

Расположеніе Іоанновской □.

1. Жертвенникъ.
2. Кресла для в. м.
3. Кресла для провинц. в. м. и его нам. мастера
4. для нам. мастера □
5. Столбы около ковра.
6. Столъ и кресл. для секрет.
7. Тожъ для казначея.
8. Кресла для ритора
9. для обрядоначальника
10. Мѣста для обоихъ милостынесобирателей.
11. Три столба около ковра.
12. Мѣсто для ковра
13. Кресла для 1-го надзирателя
14. Тожъ для 2-го надзирателя.

I.

Обрядъ инсталаціи новой Іоанновской □, подъ управленіемъ Великой Провинціальной □ учреждающейся.

1) Въ назначенный день для инсталаціи новоучреждающейся □, по приготовленіи оной, согласно съ приложеннымъ при семъ описаніемъ, долженствующій ею управлять великій мастеръ, чиновники [1]), офицеры [2]) и члены

[1]) Чиновниками у масоновъ именуются: мастера □, намѣстные мастера, 1-й и 2-й надзиратели.

[2]) Офицерами именуются: секретарь, риторъ, обрядоначальникъ, 1-й и 2-й стуарты. (Законы для совершенной и справедливой ложи Св. Іоанна § 1-й, гл. I, Рум. Муз. № 29).

оной собираются въ особой комнатѣ, въ которой пріуготовляются для нареченныхъ чиновниковъ кресла, и мѣста располагаются такимъ образомъ: вел. мастеръ въ серединѣ, предъ нимъ маленькій столъ, покрытый сукномъ, на коемъ одна зажженная свѣча, конституція, акты, законы и списокъ членовъ. Мѣсто нареченнаго намѣстнаго мастера рядомъ съ нимъ, но нѣсколько позади; назначенные же братья-надзиратели имѣютъ свои мѣста по обѣимъ сторонамъ стола. Всѣ прочіе братья стоятъ по обѣимъ сторонамъ комнаты.

2) Когда все будетъ приготовлено, то великій мастеръ, чрезъ назначеннаго обрядоначальника, приглашаетъ всѣхъ братьевъ облечься въ одежду и повелѣваетъ ему принести украшенія великаго мастера, намѣстнаго мастера, чиновниковъ и офицеровъ.

3) Всѣ занимаютъ принадлежащія имъ мѣста.

4) По принесеніи обрядоначальникомъ на подушкѣ украшеній чиновниковъ и офицеровъ, великій мастеръ надѣваетъ на себя свой знакъ и вручаетъ намѣстному мастеру, обоимъ надзирателямъ и обрядоначальнику ихъ знаки, приглашая ихъ надѣть оные. Прочія украшенія остаются на подушкѣ.

5) Послѣ сего великій мастеръ повелѣваетъ обрядоначальнику принести молотки, три новыя незажженныя свѣчи и три пары бѣлыхъ перчатокъ.

6) По принесеніи сего на подушкѣ, великій мастеръ оставляетъ у себя одинъ молотокъ и одну свѣчу, а также одну пару перчатокъ надѣваетъ самъ, а другія двѣ, равно какъ и два молотка и двѣ свѣчи, отдаетъ брр. *)-надзирателямъ; конституцію вручаетъ онъ намѣстному мастеру, акты и списокъ членовъ назначенному секретарю, законы же назначенному ритору; а оставшіяся ненадѣтыми украшенія нареченному казначею, что̀ и полагаютъ они на подушки.

7) По исполненіи сего великій мастеръ возжигаетъ свою свѣчу и, оставляя оную у себя въ рукахъ, начинаетъ шествіе во храмъ слѣдующимъ образомъ.

Шествіе.

1-й. Великій мастеръ съ зажженною свѣчею и молоткомъ.

2-й. Намѣстный мастеръ со шпагою вверхъ и съ конституціею.

3-й. Надзиратели съ незажженными свѣчами и молотками.

4-й. Секретарь со спискомъ членовъ и актами и риторъ съ законами.

---

*) Брр.—сокращеніе слова братья.

5-й. Казначей съ украшеніями.

6-й. Обрядоначальникъ со шпагою вверхъ.

7-й. Оба стуарта [1]).

8-й. Всѣ прочіе братья по два въ рядъ.

Шествіе сопровождается музыкою и пѣніемъ: о братство дружбой и проч.[2]).

---

[1]) Стюарты—лакеи?. П. Б.

[2]) Въ подлинномъ „обрядѣ инсталаціи“ указана лишь первая строчка. Я полагаю не лишнимъ привести эту пѣснь всю, заимствуя ее изъ тѣхъ масонскихъ печатныхъ листковъ, которые раздавались для пѣнія присутствовавшимъ членамъ ложи.

Хоръ.

О братство, дружбой сопряженно,
Будь въ вѣки славно и блаженно
И въ радостномъ восторгѣ пой,
Что ты вкушаешь вѣкъ златой!

*

Въ тебѣ святая добродѣтель
Свой вѣчный созидаетъ храмъ
Она помощникъ и свидѣтель
Масонскимъ тройственнымъ дѣламъ!

Хоръ.

О братство и пр.

*

Сей славный храмъ да подкрѣпляютъ
Премудрость, сила, красота,
А твердость стѣнъ сихъ составляютъ
Любовь, невинность, простота!

Хоръ.

О братство и пр.

*

Пусть міръ развратный утѣшаютъ
Порода, пышность и чины:
Масонско сердце украшаютъ
Лишь добродѣтели одни!

Хоръ.

О братство и пр.

8-е) Великій мастеръ, чиновники и всѣ учредители, войдя во храмъ, обходятъ кругъ отъ Запада черезъ Югъ, Востокъ и Сѣверъ къ Западу, откуда великій мастеръ одинъ проходитъ по срединѣ прямо къ алтарю и становится на свое мѣсто, держа зажженную свѣчу въ рукахъ. Послѣ сего намѣстный мастеръ становится по лѣвую его сторону, держа конституцію на подушкѣ; надзиратели также становятся на свои мѣста, офицеры же стоятъ въ срединѣ ⎕, по обѣ стороны того мѣста, гдѣ долженъ быть положенъ коверъ. Прочіе братья находятся на своихъ мѣстахъ; мастера—на Югѣ, товарищи на Югѣ и на Сѣверѣ, а ученики на Сѣверѣ.

9-е) Коль скоро всѣ займутъ мѣста, то музыка окончится, и великій мастеръ, сойдя со своего мѣста, беретъ со стола особо на сей только разъ подлѣ алтаря постановленный подсвѣчникъ и, поставя его на алтарѣ, влагаетъ въ оный зажженную свою свѣчу. Надзиратели также берутъ со стола подсвѣчники и, поставляя на алтарь, влагаютъ въ нихъ свои свѣчи. Намѣстный мастеръ подаетъ конституцію, которая также кладется на алтарь. Секретарь подаетъ акты и списокъ, которые кладутся на алтарь. Риторъ подаетъ законы, которые кладутся на алтарь.

Вражда, раздоръ и неустройство,
Коварству и страстямъ служить—
Людей непросвѣщенныхъ свойство,
А наше—въ сладкомъ мірѣ жить!

Хоръ.

О братство и пр.

Пѣснь эта была чрезвычайно распространена и пѣлась при торжествѣ инсталаціи и праздновaніи Іоаннова дня. Она пѣлась не вся за-разъ, а отдѣльными куплетами, какъ это видно изъ приводимаго мною здѣсь Французскаго варіанта этой пѣсни.

Cantique d'installation
En allant au trône,
Choeur.

O chaîne sainte et mystérieuse,
Sois pour toujours unie, heureuse.
Chantes et répètes avec transport
Que tu jouis de l'âge d'or! (bis).

Dans ton sein la vertu s'applique
A bâtir son temple divin.

10-е) Намѣстный мастеръ и офицеры, подавъ великому мастеру всѣ сіи вещи, подходятъ къ особо подлѣ алтаря поставленному столу и, взявъ лежащіе на ономъ, великій мастеръ—прямоугольникъ, секретарь.

Du triple ouvrage maçonique
Elle est la base et le soutien.

O chaîne etc.

Les soutiens de son temple immense
Sont sagesse, force et beauté.
Il est fondé sur l'innocence,
L'amour et la simplicité.

Pendant le premier voyage.

O chaîne etc.

Que le choeur du maçon s'élève
A la source de tout bonheur!
Que ce nouveau temple s'achève
A la gloire du Créateur!

O chaîne etc.

Pendant le second voyage.

O chaîne etc.

Que la triple et sainte lumière
Du haut de son trône éthère
Nous illumine, et qu'elle éclaire
Ce maître en ce jour consacré.

O chaîne etc.

Pendant le troisième voyage.

O chaîne etc.

Suivez la route lumineuse
Donn secret du céleste amour,
Qui par sa force mysterieuse
Vous mène au bienheureux séjour.

O chaîne etc.

— Библію, риторъ—циркуль, а казначей—мечъ и, положивъ ихъ на подушки, становятся на прежнія мѣста.

Когда все устроится, то

Открытіе.

11-е) *Великій мастеръ*: — Братъ-первый надзиратель, который часъ? (по отвѣтѣ)[1].

В. м.: Какая первоначальная должность истиннаго свободнаго каменщика, а особливо брата - второго надзирателя, до инсталаціи новой □? (по отвѣтѣ[2]).

В. м.: Почтенный братъ, исполните вашу должность.

Поется пѣснь: Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь и пр.[3]).

---

[1]) Въ приводимомъ „обрядѣ" отсутствуютъ отвѣтныя слова, но изъ другихъ масонскихъ ритуаловъ они общеизвѣстны. Для полноты эти отвѣты я привожу въ примѣчаніяхъ. Первый надзиратель отвѣчаетъ: двѣнадцать часовъ.

[2]) Отвѣтъ: осмотрѣть, порядочно ли закрыта ложа.

[3]) Здѣсь опять приведена первая строчка. Вотъ полный текстъ этой пѣсни, заимствуемый мною изъ сборника пѣсенъ 1817 г., т. е. современнаго приводимому документу.

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь.
Которы ближняго тѣснятъ,
Во храмахъ нашихъ не являйтесь,
Которы правды не хранятъ.
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда, } (bis)
Тому затворенъ входъ сюда.

***

Во двери крѣпко затворены,
Премудрые вступаютъ къ намъ,
Единой честью провожденны,
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.
Когда же изъ храма всѣ пойдутъ, } (bis)
Съ собою скромность понесутъ.

***

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины:
Они устроятъ вамъ препятства,
Имъ двери къ намъ затворены.
Здѣсь то едино веселятъ, } (bis)
Что̀ добродѣтель намъ сулитъ.

В. М. Братъ-обрядоначальникъ, внесите коверъ, по которому вновь учреждаемая □ должна производить свои работы.

В. М. Братъ-обрядоначальникъ, возжгите симъ огнемъ тотъ свѣтъ, который отнынѣ долженъ освѣщать каменьщическія работы вновь учреждаемой □

В. М. Братья-нареченные стуарты, откройте коверъ.

В. М. ΛΛ—Λ

В. М. Братъ 1-й надзиратель, который теперь часъ? (отвѣтъ) [1]).

В. М. Гдѣ мѣсто великаго мастера? (отвѣтъ) [2]).

В. М. Для чего? (отвѣтъ) [3]).

В. М. Гдѣ мѣсто братьевъ-надзирателей (отвѣтъ) [4]).

В. М, Для чего? (отвѣтъ) [5]).

В. М. Когда то такъ, то объявите братьямъ, что силою власти, данной мнѣ Великою Провинціальною □ на Востокѣ С.-Петербурга, и сана мною отправляемаго, приступаю я открыть на Востокѣ *Вологды* новую □ Святаго Іоанна подъ названіемъ *Сѣверной Звѣзды.*

В. М. Братья, помогите мнѣ открыть новую св. Іоанна □ (знакъ два раза)

(снимаютъ шляпы).

В. М. Высокопочтенный намѣстный мастеръ, гдѣ прямоугольникъ, подвижная драгоцѣнность □, служащая къ образованію?

(Намѣстный мастеръ подаетъ).

В. М. Почтенный братъ-секретарь, гдѣ великій свѣтъ, и самый величайшій между всѣми свѣтами?

(подается Библія).

В. М. Почт. бр. риторъ [6]), гдѣ циркуль добродѣтели, употребляемый при изслѣдованіи всѣхъ работъ свободнаго каменщика?

(подается циркуль)

---

[1]) Отвѣтъ: полдень.

[2]) Отвѣтъ: мѣсто великаго мастера на Востокѣ.

[3]) Отвѣтъ: потому что, подобно какъ солнце дневное теченіе свое на Востокѣ открываетъ, такъ и великій мастеръ долженъ быть на Востокѣ, чтобы □ освѣщать, ею управлять и братьевъ вольныхъ каменьщиковъ по работамъ распредѣлять.

[4]) На Западѣ.

[5]) Дабы повиноваться великому мастеру.

[6]) Почтенный братъ-риторъ.

В. М. (зажигаетъ двѣ свѣчи на алтарѣ). Почт. бр. казначей, гдѣ обоюдоострый мечъ великаго мастера?

(подается мечъ)

В. М. (обнаживъ мечъ, по воздуху дѣлаетъ крестъ, обращаясь на Востокъ, на Западъ, Сѣверъ и Югъ и произнося сіи слова.

На Востокъ.

Да украшается сія новая ☐ Св. Іоанна Крестителя.

На Западъ.

Чистотою ученія и вѣрностью къ ордену.

На Сѣверъ.

Твердостью неразрывнаго союза.

На Югъ.

Нравственными и общественными добродѣтелями братій (кладетъ мечъ и Библію)

(надѣваютъ шляпы)

В. М. стучитъ трижды.

В. М. Бр. 1-й надзиратель, объявите братьямъ, что новая ☐ Св. Іоанна открыта.

В. М. Какой есть знакъ ☐?

(знакъ однажды).

В. М. Бр. 1-й надзиратель, который наконецъ теперь часъ?

(доносится).

В. М. (ударяетъ молоткомъ трижды). Да прострется благословеніе Всевышняго Архитектора на сію новую Св. Іоанна Крестителя ☐ подъ названіемъ Сѣверной Звѣзды, да благословляетъ Онъ собранія братьевъ, сію ☐ составляющихъ, да работы наши всегда въ согласіи и братолюбіи начинаются, въ порядкѣ продолжаются и счастливо оканчиваются. Аминь.

В. М. Любезнѣйшіе братья, совершенная и справедливая ☐ Св. Іоанна Крестителя подъ названіемъ Сѣверной Звѣзды теперь совсѣмъ открыта и учреждена на Востокѣ Вологды, подъ управленіемъ Великой Провинціальной ☐ на Востокѣ С.-Петербурга. Приглашаю васъ чрезъ три раза ознаменовать искренность нашей радости.

(Троекратное рукоплесканіе).

(Остаются стоя).

В. М. Бр. секретарь, прочтите грамоту, пожалованную отъ Великой Провинц. □ вновь учрежденной □ (отдаетъ ему конституцію. Секретарь читаетъ и паки отдаетъ).

В. М. (ударяетъ трижды). Почт. бр. учредители, подтвердите торжественнымъ произнесеніемъ *да* желаніе ваше, чтобы я поставленъ былъ мастеромъ □.

(произносится).

В. М. Довѣренность и любовь ваша во мнѣ, почтенные и любезные братья, участвовавшіе со мною въ учрежденіи новой сей □, облекаетъ меня саномъ великаго мастера. Я чувствую всю важность сего званія, и коль великая награда ожидаетъ того, который отправляетъ оное согласно съ законами высокаго ордена. А также извѣстны мнѣ отвѣтственность, многотрудныя заботы и трудности, неразлучныя съ сею священною должностью. Въ удостовѣреніе того, что ни первенстволюбіе, ниже иныя какіе-либо порочные виды не были побудительною причиною моего согласія принять должность, въ которую вы меня избрали, я готовъ произнесть за себя и за всѣхъ моихъ братій установленную присягу. (В. М. сходитъ съ своего мѣста, становится правымъ колѣномъ на подушку, а правую руку кладетъ на Св. Писаніе. Всѣ брр. держатъ надъ головою его обнаженныя шпаги). В. М.: 1). Я обѣщаюсь за себя и за всѣхъ братій, участвовавшихъ со мною въ учрежденіи новой сей □, употребить все мое стараніе къ тому, чтобы она украшалась чистотою ученія, правильностью работъ и согласіемъ членовъ; 2) я обѣщаюсь сохранять вѣрность братскому союзу Великой Провинціальной □ и непоколебимо споспѣшествовать прочности и благоденствію онаго; 3) я обѣщаюсь наконецъ повиноваться учрежденіямъ и обыкновеніямъ, коимъ мастера □ союза Великой Провинціальной □ всегда обязаны должность великаго мастера □ исправлять съ неутомимымъ усердіемъ, посвящая всѣ мои силы и способности къ пользѣ ввѣряемыхъ моему руководству и надзиранію братій.

(Братья отнимаютъ шпаги, а великій мастеръ встаетъ, становится на свое мѣсто, потомъ подзываетъ къ себѣ по очереди и по старшинству нареченныхъ чиновниковъ, говоря сперва.

В. М. Нареченный намѣстнымъ мастеромъ высокопочтенный братъ NN! Приближьтесь къ алтарю и дайте присягу.

(Сей становится на колѣни, а В. М. говоритъ).

В. М. Обѣщаетеся ли исполнять вашу должность съ усердіемъ и вѣрностію и споспѣшествовать благоденствію и процвѣтанію □? (по отвѣтѣ подзываетъ его къ себѣ, надѣваетъ знакъ, цѣлуетъ и приглашаетъ братій его поздравить) (рукоплесканіе).

Потомъ такимъ же образомъ поступаетъ съ надзирателями, коихъ поздравляетъ. Такимъ же образомъ и прочихъ офицеровъ. Когда сіе окон-

чится, то начинается пѣснь, и онъ съ ними дѣлаетъ путешествіе около □ слѣдующимъ порядкомъ:

1. Обрядоначальникъ съ обнаженнымъ мечемъ.
2. Стуарты.
3. Казначей съ спискомъ.
4. Риторъ съ законами.
5. Секретарь съ актами.
6. Надзиратели со свѣчами.
7. Намѣстный мастеръ съ конституціей.
8. Великій мастеръ со свѣчою.

Идутъ чрезъ Востокъ, Югъ, Западъ и Сѣверъ къ алтарю, гдѣ ставятся свѣчи, и всѣ чиновники и офицеры составляютъ около жертвенника цѣпь В. М. говоритъ молитву.

Молитва.

Высочайшій Строитель вселенныя! Къ Тебѣ взываютъ свободные каменщики, посвятившіе себя на служеніе Тебѣ, чрезъ сооруженіе въ сердцахъ своихъ храма добродѣтели и чрезъ исканіе истинныя премудрости. Молимъ Тебя! благослови нашъ, во имя Твое существующій союзъ, всякія противъ его прочности злые умыслы уничтожь! Истреби изъ сердецъ нашихъ все то что̀ препятствовать можетъ довѣренности, миру и согласію между нами. Крѣпи связь нашу, озари ее свѣтомъ любви Твоея, да возможетъ союзъ нашъ процвѣтать и благоденствовать. Аминь.

(Чиновники и офицеры становятся на свои мѣста).

В. М. Именемъ членовъ новой □ благодаритъ Великую Провинціальную □ за оказанную милость трикратнымъ рукоплесканіемъ

(всѣ садятся).

Начинаются работы пріема или поученія, послѣ чего закрытіе □ обыкновеннымъ порядкомъ.

II.

Описаніе убранства ученической □ *).

1) Комната для производства работъ должна быть довольно просторная и, буде мѣсто позволяетъ, то расположена на Востокъ и выкрашена голубою краскою.

*) Знакъ □ обозначаетъ ложу; знакъ □□ ложи; знакъ ⊢ удары молоткомъ; великій мастеръ обыкновенно ударяетъ два раза подрядъ и третій немного погодя, что̀ и изображается такимъ образомъ ⊢⊢ ⊢.

2) Предъ нею должна быть комната, гдѣ братьямъ собираться.

3) Въ нѣкоторомъ отдаленіи находится пріуготовительная храмина, на подобіе погреба, обитая чернымъ; въ ней долженъ стоять столъ съ чернымъ сукномъ, на немъ мертвая голова и въ ней зажженная лампада, такъ чтобы она свѣтила черезъ отверстіе глазъ и носа. Предъ лампадою Св. Писаніе, раскрытое на 1-й гл. Евангелія Св. Іоанна. У стола стоятъ два табурета, нѣсколько поодаль раскрытый гробъ съ костями.

4) Комната, для работъ назначенная, устроена слѣдующимъ образомъ.

а) На восточной сторонѣ, аршина на полтора отъ стѣны, на возвышенномъ мѣстѣ становятся кресла для великаго мастера, обитыя голубымъ; предъ оными жертвенникъ, одежда на немъ изъ голубой матеріи съ золотымъ галуномъ, на немъ три вызолоченные подсвѣчника, одинъ стоитъ по лѣвую сторону в. м., а два противъ него, на жертвенникѣ подушка такой же матеріи съ галуномъ, на ней лежатъ Библія въ голубомъ переплетѣ, по приложенному рисунку, циркуль и наугольникъ. На западной сторонѣ жертвенника по срединѣ нашитъ циркуль съ наугольникомъ. Подъ онымъ лежитъ голубая подушка, а на ней нашитъ золотой наугольникъ.

б) У западныхъ угловъ жертвенника стоятъ два столпа голубые, на нихъ лежатъ подушки голубыя же съ золотомъ, на нихъ обыкновенно кладутся, на южномъ: акты, законы и печать ⊡, на сѣверномъ въ день пріема ученическая одежда.

в) По лѣвую сторону жертвенника ставится треугольный столъ для казначея, по правую же таковый же треугольный столъ для секретаря. Возлѣ сего риторъ, а подлѣ казначея обрядоначальникъ сидитъ.

г) По лѣвую сторону великаго мастера стоятъ кресла для намѣстнаго мастера.

д) Между ковромъ и жертвенникомъ виситъ пламенѣющая шестіугольная звѣзда съ литерою G.

е) Около мѣста, гдѣ лежитъ коверъ, становятся три столба трехъ орденовъ архитектуры, въ томъ же расположеніи, какъ и три свѣчи на жертвенникѣ. По лѣвую сторону восточной стороны Іоническаго, предъ первымъ надзирателемъ Дорическаго, а предъ вторымъ надзирателемъ Коринѳическаго.

ж) У восточной стороны ковра сидятъ два стуарта съ жезлами, голубою краскою выкрашенными.

з) На Западѣ сидятъ два надзирателя, такъ что первый къ Югу, а второй къ Сѣверу.

и) На Югѣ и Сѣверѣ становятся стулья или скамьи для братьевъ.

г) У дверей храма долженъ сидѣть стражъ съ обнаженною шпагою.

(Сообщила Тира Соколовская).

ДАРОВАНІЕ ПРАВЪ ГВАРДІИ РОТѢ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКА.

Приказъ генерала отъ кавалеріи Воинова по Гвардейскому корпусу, 15 Апрѣля 1826 г., № 55.

Всѣ чины 1-й гренадерской роты Черниговскаго пѣхотнаго полка, по всемилостивѣйшему вниманію къ ихъ вѣрности и отличному усердію, какъ извѣстно, высочайше повелѣно перевести въ полки лейбъ-гвардіи. Нынѣ Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ переименовать сію роту въ настоящемъ ея составѣ во 2-ю гренадерскую роту л. гв. Московскаго полка. Объявляя по ввѣренному мнѣ корпусу о семъ высочайшемъ повелѣніи для надлежащаго исполненія, я предписываю: при объявленіи оной ротѣ сего новаго знака высочайшаго благоволенія внушить всѣмъ чинамъ оной, что святѣйшая ихъ обязанность состоять будетъ въ томъ, чтобы примѣрною службою стараться заслужить оказанное имъ всемилостивѣйшее вниманіе.

(*Сообщено М. К. Соколовскимъ*)

ПИСЬМО Л. С. ПУШКИНА КЪ С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

Недавно получилъ отъ тебя письмо (т. е. полтора года тому назадъ) и спѣшу отвѣчать тебѣ...... Нѣтъ, милый Соболевскій, шутки не у мѣста; я виноватъ какъ собака, но со всѣмъ тѣмъ сердечно люблю тебя. Впрочемъ я думаю, что между нами не должны существовать глупыя извиненія, и для того о моей лѣности болѣе ни слова.

Что̀ твоя жизнь Московская путна-ли или распутна? Что̀ Муза твоя.....? [2]) Словомъ, каково проводишь время, умно или глупо? На все это я не прошу письменныхъ отвѣтовъ: я надѣюсь скоро лично тебя увидать на дняхъ, т. е., черезъ мѣсяцъ или два, я пріѣду въ Москву бѣлокаменную или, лучше, обгорѣлую. Есть ли у тебя подъ рукой кто

---

[1]) Братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, былъ товарищемъ С. А. Соболевскому по Петербургскому Пансіону при Педагогическомъ Институтѣ (гдѣ учился въ одно время съ ними и М. И. Глинка). Отсюда сближеніе Соболевскаго и съ Александромъ Сергѣевичемъ. П. Б.

[2]) С. А. Соболевскій (1804—1870) смолоду писалъ стихи, и любопытно, что первыя произведенія его Музы (читанныя нами въ рукописи, по его кончинѣ) задумчиво-нѣжныя, совсѣмъ не похожія на тѣ, которыми онъ позднѣе прославился. П. Б.

нибудь изъ *нашихъ*? Что̀ до меня, то я и друзей и непріятелей въ лицо забылъ; иногда, но очень рѣдко видаю Глѣбова и Петровскаго, и то à la promenade de la Perspective. Вообще живу отдаленъ отъ людей и отъ свѣта. Немного теряю въ нихъ: пріятнѣе сидѣть дома иногда съ книжкой, иногда съ перомъ и съ двумя или тремя пріятелями. Никогда я не знаю, что̀ дѣлаю или что̀ намѣренъ дѣлать; н. п., сегодня я хотѣлъ тебѣ писать стихами, а пишу прескверной прозой, въ прескверномъ расположеніи духа, прескверным перомъ и по .... ной бумагѣ... A propos до скверности), что̀ дѣлаетъ мой дядя? Видишь ли ты его иногда и все ли онъ, слава Богу, попрежнему глупъ (que cela reste entre nous; je le respecte au fond de l'âme)? И такъ, милый, я надѣюсь тебя увидать въ теченіе этого мѣсяца. Salut et amitié. Adieu, sans rancune. Левъ Пушкинъ.

1823. Февраля чортъ знаетъ котораго.

P. S. Поклонись отъ меня самой милой изъ твоихъ знакомыхъ....

Надпись: Его благородію Сергѣю Александровичу Соболевскому. Въ Москвѣ на Малой Дмитровкѣ, къ домѣ Соймонова.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ.

I.

Графу Сергію Семеновичу Уварову, при открытіи памятника Жуковскому въ селѣ Порѣчьѣ.

Благодаренія и чувства
Къ тебѣ полна душа моя,
Науки Русской и искусства
Хранитель, вождь и судія!

Рукою дружбы благородной
Тому ты памятникъ воздвигъ,
Кто вѣченъ въ памяти народной,
Какъ вѣченъ громкій нашъ языкъ,

Кто молодое поколѣнье
Вскормилъ духовнымъ молокомъ
На неизмѣнное служенье
Предъ славнымъ Русскимъ алтаремъ,

Кто сѣмя истины посѣялъ
Въ своей душевной полнотѣ
И въ нашемъ сердцѣ возлелѣялъ
Любовь къ высокой красотѣ....

Окрѣпло слово въ немъ родное,
Свое упрочивъ бытіе;
Въ немъ все великое чужое
Народу Русскому—свое!

Село Истопники.
1853 года, Августа 16 дня.

Посылая (изъ села Истопниковъ, Рязанскаго уѣзда) эти стихи С. П. Шевыреву, Щербина просилъ его (письмо находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ) прочесть ихъ на праздникѣ открытія памятника и писалъ: „Я воспитанъ на Жуковскомъ, обязанъ ему своимъ нравственнымъ развитіемъ и поэтическимъ направленіемъ способностей".

II.

На тупоумія магистра
Въ Россіи всякій кандидатъ:—
Кретины въ должности министра.
Кретины въ крѣпости сидятъ.

5 Апрѣля 1863.

III.

Совѣтъ.

Чтобъ огромные оклады
Получать на службѣ царской,
Чтобы снискивать награды,
Въ чинъ пробиться генеральскій,
Я скажу совѣтъ вамъ дивный,
И къ нему прошу я вѣры:—
Въ нашей Руси прогрессивной,
Други, будьте Робеспьеры!

Старая Руса.
Іюль 1866.

Извлечено Н. О. Лернеромъ изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

ИСТОРІЯ ДИМИТРІЯ ЦАРЯ МОСКОВСКАГО И МАРИНЫ МНИШЕКЪ, ДОЧЕРИ СЕНДОМІРСКАГО ВОЕВОДЫ.

Лѣтъ пять тому назадъ, мнѣ случайно привелось видѣть рукописный уставъ XV—XVI вѣка, принадлежавшій Ростовскому Борисоглѣбскому монастырю, чтò на Устьѣ. На послѣднемъ листѣ этой рукописи находится запись: „Лѣта 7116.... м-ца.... Латинскій попъ Николай усланъ въ пустынь Спасскую“ [1]).

Чтобы точнѣе провѣрить свѣдѣнія, сообщаемыя Костомаровымъ о патерѣ Николаѣ Де-Мелло [2]), жившемъ въ ссылкѣ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, я въ 1901 году обращался съ запросомъ къ г-ну Павлу Пирлингу. Онъ подробно отвѣчалъ на мое письмо [3]). „Патеръ Николай de Mello“, писалъ онъ, „былъ родовитый Португалецъ, поступившій въ 1548 г., юношей, въ монахи Августинскаго ордена. Будучи миссіонеромъ на Филиппинскихъ островахъ, онъ еще въ 1599 году, съ однимъ изъ своихъ учениковъ-Японцемъ, отправился черезъ Персію и Россію въ Римъ, на свою родину. Въ Персіи онъ явился къ шаху Аббасу II, который передалъ ему письма къ папѣ и къ Испанскому королю. Путь былъ очевидно не безъ затрудненій, ибо о. Николай только въ началѣ XVII вѣка добрался до Москвы. Въ древней Русской столицѣ ему однако не посчастливилось. Остановившись въ домѣ доктора-Итальянца Павла Читадини, о. Николай, по доносу Англичанъ, что онъ окрестилъ въ католическую вѣру новорожденнаго ребенка, былъ взятъ въ тюрьму, при чемъ при обыскѣ у него отобраны и письма Персидскаго шаха. Изъ Московской тюрьмы о. Николай вмѣстѣ съ Японцемъ, по приказанію Бориса Годунова, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ. При воцареніи Димитрія (самозванца) о. Николай хотя и получилъ полную свободу, но пока онъ ѣхалъ въ Москву Димитрія убили, и новый царь Василій Шуйскій велѣлъ услать его въ Борисоглѣбскій Ростовскій монастырь. По словамъ иностранныхъ писателей о. Николаю жилось въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ плохо; его и Японца склоняли къ переходу въ православіе и даже обѣщали архіерейство, но о. Николай отказался. Тогда его стали всячески притѣснять,

---

[1]) Спасская пустынь находилась въ 12 верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря.

[2]) Hist. Russiae mon., II, 193.

[3]) Смотри „Русск. Старину“ 1902. Май, стр. 303.

разлучивъ съ ученикомъ-Японцемъ, котораго потомъ и умертвили 30 Ноября 1611 года. Несмотря однако на всѣ строгости заключенія, о. Николай имѣлъ сношенія съ сосланными въ Ростовъ и Ярославль Поляками и даже черезъ одного изъ нихъ, Андрея Стадницкаго, велъ переписку съ жившимъ тогда въ Ярославлѣ ссыльнымъ Юріемъ Мнишкомъ. Въ этихъ письмахъ о. Николай, жалуясь на свою горькую участь, просилъ принять мѣры къ его освобожденію, присовокупляя, что ему часто приходится голодать по два и по три дня.

Освобожденный въ 1612 году изъ монастыря, благодаря какимъ-то ходатайствамъ Марины и Заруцкаго, онъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ Астрахань. Впослѣдствіи, на Медвѣжемъ островѣ, на пути изъ Астрахани на Яикъ, о. Николай былъ схваченъ вмѣстѣ съ Мариною; ему снова предлагали перейти въ православіе, но онъ положительно отказался; тогда „замучивъ немилосердно“, но еще живого, его сожгли на кострѣ. Имя патера Николая Де-Мелло, какъ мученика, занесено въ Португальскую агіологію [1])“.

Это сообщеніе Павла Пирлинга еще болѣе усилило мое любопытство. Занимаясь болѣе 25 лѣтъ исторіей Ростовскаго края, я надѣялся найти въ письмахъ о. Николая къ Стадницкому и Мнишку новыя подробности и свѣдѣнія о Ростовѣ и Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Зная, что часть архива Мнишекъ находится въ Краковскомъ Музеѣ Чарторижскаго, я предпринялъ поѣздку въ Краковъ и, съ рекомендательными письмами Павла Пирлинга, обратился къ завѣдывающему Музеемъ доктору Соколовскому съ просьбою указать на письма Стадницкаго. Докторъ Соколовскій не только любезно изъявилъ свою готовность содѣйствовать лично, но и рекомендовалъ мнѣ одного соотечественника, хорошо знакомаго съ музейскими рукописями. Писемъ Де-Мелло пока не нашлось, но для меня была списана часть дневника Мартына Стадницкаго [2]), вошедшаго въ музейскую рукопись № 1369 съ слѣдующимъ заглавіемъ: Historya Dimitra Zara Moskiewskiego y Marini Mniszkowney woiewodzanki Sendomirskiey, Carowoy Moskiewskiey, wielce ciekawa, przez I. K. D. R. K. przepisana r. P. 1774.

Такимъ образомъ главная цѣль моей поѣздки не была достигнута; но, просматривая полученную мною рукопись, я считаю свой трудъ вознагражденнымъ. Дневникъ Мартына Стадницкаго подробно изображаетъ одну изъ наиболѣе темныхъ эпохъ Русской исторіи. Правда, онъ писанъ патріотомъ-Полякомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ тогдашнихъ событіяхъ, слѣдовательно лицомъ небезпристрастнымъ; но, предлагая просвѣщенному вни-

---

[1]) У Костомарова въ „Вѣстникѣ Европы“ (1866 г. кн. III, стр. 97) дѣло изложено нѣсколько иначе. По его словамъ о. Николай, по ходатайству сына Индійскаго раджи, пріѣхавшаго съ нимъ въ Россію и оставшагося въ Москвѣ, былъ освобожденъ Шуйскимъ изъ заточенія и возвращенъ въ Москву, но тамъ вскорѣ умеръ и погребенъ, а бывшій его спутникъ выѣхалъ въ Польшу. Однако въ Актахъ Историческихъ (т. III, стр. 33) значится, что Маринку съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго *да чернеца Миколая* на Яикѣ на Медвѣжьемъ островѣ поймали и привели ихъ въ Астрахань 6 Іюля (1614 г.).

[2]) Дневникъ Мартына Стадницкаго въ Русскомъ переводѣ напечатанъ не былъ.

манію любителей Русской исторіи эти записки, я руковожусь древнимъ правиломъ „audiatur et altera pars“. Только этимъ путемъ можетъ быть возстановлена историческая правда во всей полнотѣ. Хотя большинство описываемыхъ событій и указано въ исторической печати, но здѣсь находится немало такихъ подробностей, которыя или были оглашены вкратцѣ или совсѣмъ неизвѣстны, напримѣръ, перечень подарковъ сыну Сендомірскаго воеводы, дневникъ послѣдовательнаго путешествія Мнишка въ Москву съ Мариною и Аѳанасіемъ Власьевымъ и т. д., а главное, самый дневникъ Мартына Стадницкаго, дворецкаго царицы Марины, переписанный съ рукописи подлинной и неизвѣстной въ исторической печати.

Переводъ съ этой Польской рукописи, сдѣланный при сотрудничествѣ г-жи Яворской, помѣщаю здѣсь полностію, надѣясь, что Дневникъ Стадницкаго будетъ нелишнимъ для всесторонняго освѣщенія вопроса о таинственной личности Димитрія царя Московскаго.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1906, Января 10.

Исторія Димитрія царя Московскаго и Марины Мнишекъ, дочери Сендомірскаго воеводы, царицы Московской.

Часть I.

По случаю бракосочетанія дочери Сендомірскаго воеводы съ Московскимъ царемъ, Поляки до того снискали расположеніе всей Московской монархіи, что сама Москва потребовала Польскаго королевича Владислава и избрала его въ цари. Объ этомъ исторія повѣствуетъ слѣдующее. Иванъ Васильевичъ, царь Московскій, необыкновенно жестокій тиранъ, умеръ 28 Марта 1584 года самою жалкою смертью: его внутренности сгнили, а тѣло съ невыносимымъ зловоніемъ отдѣлилось отъ костей. До сихъ поръ еще Москва не можетъ безъ ужаса и отвращенія вспомнить о его жестокостяхъ и прозвала его царемъ Иваномъ Грознымъ. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Ѳедора и Димитрія, а Ивана, старшаго своего сына, онъ убилъ, ударивъ палкою по головѣ. Поэтому послѣ смерти отца на престолъ вступилъ Ѳеодоръ. Не отличаясь властнымъ характеромъ и господскими замашками, а скорѣе женственный по природѣ, онъ велъ самый скромный образъ жизни и не управлялъ государствомъ. Ѳеодоръ больше ходилъ по монастырямъ и бесѣдовалъ съ чернецами: ему приличнѣе было бы заниматься книгой или прялкой, нежели быть скиптроносцемъ.

Не будучи въ состояніи управлять государствомъ, онъ взялъ себѣ въ помощь Бориса Годунова, на родной сестрѣ котораго былъ женатъ. Этого Бориса, человѣка хитраго, ловкаго, обманщика и сущаго измѣн-

ника всему царскому дому, онъ сдѣлалъ первымъ министромъ, канцлеромъ и правителемъ государства. Борисъ Годуновъ управлялъ царскимъ дворомъ по своему личному усмотрѣнію, распоряжался какъ полный хозяинъ въ государствѣ и посылалъ приказы по войскамъ. Всѣ Московскія сословія настолько повиновались его грамотамъ и указамъ, что царь Ѳеодоръ только назывался именемъ царя; Борисъ же подъ видомъ перваго министра правилъ какъ намѣстникъ, и въ сущности былъ самодержцемъ онъ, а не царь Ѳеодоръ. Видя, что у царя Ѳеодора не предвидится иного наслѣдника, кромѣ Димитрія, младшаго царскаго брата, Борисъ сталъ помышлять о томъ, чтобы стереть съ лица земли Димитрія, а потомъ и царя, и самому овладѣть Московскимъ престоломъ, что̀ и случилось. Димитрій остался послѣ отца своего, Ивана Васильевича 9 лѣтнимъ сиротой. Онъ получилъ отъ брата своего Ѳеодора, въ то время царя Московскаго, Угличское княжество въ удѣлъ; Борисъ же, задумавъ погубить молодого Димитрія, подговорилъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ убить его.

При царевичѣ Димитріи находился врачъ-Итальянецъ, который, узнавъ объ измѣнѣ, постарался воспрепятствовать коварнымъ замысламъ Бориса: онъ взялъ въ комнаты къ царевичу другого, похожаго на него мальчика, которому приказалъ постоянно находиться съ царевичемъ, даже спать на одной съ нимъ кровати; и какъ только мальчикъ этотъ засыпа̀лъ, врачъ переносилъ царевича Димитрія на другую кровать и въ другую комнату, никому не говоря объ этомъ. Такъ поступалъ онъ долгое время. Когда же измѣнники, подосланные Борисомъ, должны были исполнить свое предпріятіе, они ворвались въ комнату, гдѣ по ихъ мнѣнію спалъ царевичъ, и убили того мальчика вмѣсто царевича Димитрія, а трупъ унесли. Въ Угличѣ поднялось смятеніе по поводу убіенія царевича, и сейчасъ же послали въ погоню за измѣнниками, при чемъ нѣкоторыхъ убили, а трупъ у нихъ отняли. Врачъ-Итальянецъ послѣ этого случая убѣдился въ могуществѣ Бориса. Видя, что царевичу Димитрію не избѣжать измѣннической смерти и не надѣясь на защиту отъ царя, отъ взялъ Димитрія, ушелъ съ нимъ къ Ледовитому морю и воспитывалъ его тамъ какъ своего слугу до самой своей смерти. Видя же приближеніе смерти, врачъ этотъ посовѣтовалъ Димитрію, никому не говоря о своемъ происхожденіи, сдѣлаться чернецомъ до времени достиженія болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Димитрій поступилъ согласно совѣту врача-Итальянца и сталъ жить по монастырямъ; Борисъ же, желая скрыть убійство Димитрія, умертвилъ подосланныхъ убійцъ, а царя обманулъ, сказавъ, что царевичъ Димитрій умеръ въ сильномъ припадкѣ падучей болѣзни, самъ наткнувшись на ножъ. Когда же царь Ѳеодоръ пожелалъ привезти останки Димитрія, что-

бы по-царски погребсти ихъ, Борисъ воспрепятствовалъ этому намѣренію царя, увѣряя, что въ Угличскомъ княжествѣ появилась заразная болѣзнь. Такъ его тамъ же и схоронили. Вскорѣ Борисъ отравилъ и самого царя и овладѣлъ всѣмъ государствомъ.

Когда царевичъ Димитрій, живя чернецомъ въ одномъ изъ сѣверныхъ монастырей, достигъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, отъ отправился въ другой монастырь, ближе къ столицѣ, потомъ въ третій, еще поближе; наконецъ пришелъ въ самую столицу и сталъ даже бывать въ комнатахъ у Бориса. Но, опасаясь за свою жизнь въ томъ случаѣ, если его узнàютъ, онъ отправился въ сторону, къ Польшѣ. Скитаясь возлѣ Кіева, онъ присталъ гдѣ-то къ какому-то шляхтичу Гойскому; долгое время училъ у него дѣтей, затѣмъ пошелъ въ Брагинъ, мѣстечко, принадлежавшее князю Адаму Вишневецкому, гдѣ потомъ и открылъ себя впервыя гуменному (такъ зовутъ старшаго надъ чернецами), а гуменный разсказалъ о немъ князю Адаму.

Итакъ, въ то время, когда Борисъ Годуновъ полагалъ, что можетъ спокойно владѣть захваченнымъ Московскимъ государствомъ и вполнѣ наслаждается счастьемъ, не опасаясь никакой власти, которая могла бы свергнуть его съ престола, вдругъ встаетъ изъ могилы погребенный Димитрій, кровью котораго Борисъ обагрилъ свою порфиру, чтобы властвовать.

Но этотъ Димитрій (оказался поддѣльный) обманщикъ и плутъ, не тотъ, отцомъ котораго былъ царь Иванъ Васильевичъ. Онъ смѣло выдавалъ себя за царевича, такъ какъ въ обманѣ ему помогала красота, величавость, сходство лица съ убіеннымъ царевичемъ и, кромѣ того нѣкоторые знаки на тѣлѣ, подобно, какъ у царевича, рѣшительность въ рѣчахъ, важность въ походкѣ и княжеское достоинство въ движеніяхъ. Вотъ этотъ-то Димитрій, благодаря такой княжеской внѣшности, выдавалъ себя передъ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ за царевича и преемника наслѣдственнаго отцова и братнина престола, своевольно захваченнаго Борисомъ; самъ же онъ спасся отъ смерти, благодаря заботамъ и попеченію своего врача. Онъ подтверждалъ также подлинность своего рожденія, обнажая руку, на которой было изображеніе Московскаго орла, и показывалъ алмазный крестъ, надѣтый на него при крещеніи (Москва же утверждала, что изображеніе орла на тѣлѣ Димитрія служило доказательствомъ перенесеннаго имъ наказанія батогами и кнутомъ).

Вслѣдствіе столь очевидныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ, князь Адамъ призналъ въ его лицѣ истиннаго царевича Димитрія и наслѣдника Московскаго государства. Облачивъ Димитрія въ княжескія одежды, онъ отправилъ его къ князю Константину Вишневецкому, а

князь Конст. Вишневецкій привезъ его къ Юрію Мнишку, Сендомірскому воеводѣ; воевода же въ 1604 г. представилъ Димитрія королю Сигизмунду III, который ему оказалъ царскій пріемъ. Онъ въ свою очередь присвоилъ себѣ царскіе обычаи и важность для достиженія Московскаго престола.

Чтобы привести въ исполненіе свои замыслы, Димитрій заключаетъ договоръ съ Сендомірскимъ воеводой (обладавшимъ значительными средствами), обязуясь взять его дочь себѣ въ супруги и соправительницы Московской державы, если воевода совѣтами, деньгами, оружіемъ и людьми поможетъ ему вступить на наслѣдственный престолъ. Воевода принялъ эти предложенія Димитрія и далъ ему шесть тысячъ воиновъ. Воеводѣ пришли на помощь и его родственники, выставивъ отряды новобранцевъ на подмогу и къ услугамъ Димитрія, какъ наслѣдника Московскаго престола.

Димитрій внезапно врывается съ Польскими войсками въ предѣлы Московскаго государства, объявляетъ Московскимъ думнымъ боярамъ, что онъ избавился отъ смерти, благодаря особой милости Всемогущаго Провидѣнія и до сихъ поръ для безопасности скрывался; освѣдомляетъ все государство о томъ, что Димитрій, истинный наслѣдникъ престола и Московской монархіи, живъ, что онъ идетъ съ войскомъ избавить и освободить свой народъ отъ тираніи притѣснителя и наглаго самозванца, убійцы царской семьи—Бориса Годунова: итакъ, пусть вѣрный народъ приметъ своего наслѣдника, пусть сплотится и прильнетъ къ милостивому царю и дружно поможетъ погубить тирана государства, убійцу царской семьи, самозванца Бориса.

Когда распространилась такая молва о Димитріи, Москва повѣрила. Пограничные города и крѣпости сдавались Димитрію, отчасти изъ боязни, отчасти по доброй волѣ. Россія собирались по частямъ бить челомъ своему новому царю. Уже и въ столицѣ тайныя сборища людей признавали Димитрія истиннымъ царемъ.

Царь Борисъ, встревоженный столь внезапнымъ мятежемъ, тотчасъ же высылаетъ своего родного брата, Ивана Годунова, съ войскомъ въ 60,000 противъ возставшаго изъ мертвыхъ Димитрія, даетъ ему въ совѣтники Василія Мстиславскаго и Ивана Шуйскаго, думныхъ бояръ. Идетъ князь Иванъ на врага, встрѣчается съ Димитріемъ. Противники сталкиваются; нѣсколько тысячъ Поляковъ даютъ храбрый отпоръ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ Москвичей. Тысяча копьеносцевъ или гусаръ атакуетъ непріятеля, оставляя большіе пробѣлы во вражьихъ войскахъ и гнетъ ихъ, при чемъ Польская пѣхота неустанно помогаетъ огнемъ выстрѣловъ. Легкая конница приходитъ въ помощь саблями, устилая трупами Русскія поля. Согнавъ непріятеля съ позиціи

и вознесши побѣдоносныя знамена и знаки, они идутъ дальше, къ столицѣ.

Когда военное счастье улыбнулось Димитрію, Русскій народъ воздалъ хвалу неисповѣдимымъ путямъ Господа, и 16 Іюня 1605 г. Димитрій признанъ Московскимъ царемъ.

Къ тому же смерть Царя Бориса облегчила Димитрію вступленіе на престолъ: ибо, узнавъ о пораженіи своего войска, о побѣдѣ Димитрія надъ нимъ и о признаніи Москвою Димитрія наслѣдникомъ престола, Борисъ впалъ въ сильную задумчивость и на третій день скончался въ припадкѣ падучей. Но иные утверждаютъ, что онъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему приверженцами Димитрія. Послѣ смерти Бориса войско и весь обозъ перешли на сторону Димитрія.

Петрило Басманъ, думный дьякъ и великій воинъ, съ пятью полками направился къ Димитрію. А когда Димитрій подошелъ къ столицѣ, изъ города навстрѣчу ему вышли именитѣйшіе князья: Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и присягнули ему, какъ вѣрные подданные; тоже сдѣлало и Московское войско. Выразивъ свои вѣрноподданническія чувства, они привѣтствовали Димитрія какъ великаго князя и царя Московскаго и торжественно ввели его въ городъ. Когда же князья Шуйскіе тайно составили заговоръ противъ Димитрія, то чернь Московская, стоя за Димитрія, отдала во власть царя Димитрія скованныхъ князей Шуйскихъ, которыхъ царь помиловалъ, благодаря ходатайству Польскихъ вельможъ. Друзей же и родственниковъ покойнаго царя Бориса чернь вырѣзала и убила; женѣ Бориса разбили затылокъ, сына его и брата убили. Печальный конецъ семьи Бориса долженъ служить примѣромъ того, что государство, измѣннически захваченное у наслѣдниковъ, недолго можетъ утѣшать измѣнниковъ.

Дневникъ Мартына Стадницкаго о посольствѣ отъ Димитрія, царя Московскаго, ищущаго благосклонности дѣвицы Мнишекъ, дочери Сендомірскаго воеводы.

Содержащій также вѣнчаніе, церемоніи, подарки и свадебное торжество. Все путешествіе изъ Польши въ столицу. Въ самой столицѣ торжественное прибытіе молодой царицы. Вѣнчальные обряды и церковныя службы. Свадебныя празднества, угощенія, пріемы. Въ заключеніе—мятежъ, смятеніе въ Москвѣ и убіеніе Димитрія, царя Московскаго. Записанный тѣми лицами, которыя были свидѣтелями всѣхъ этихъ происшествій, находясь въ то время въ столицѣ, заимствованный и переписанный съ подлинной рукописи *Мартына Стадницкаго*.

*

Благосклонная фортуна уже возвела Димитрія на высочайшую ступень Московской монархіи! Вотъ онъ уже, подкрѣпленный Польскимъ, Литовскимъ, Московскимъ и казачьимъ имуществомъ, приступаетъ къ коронаціи, которой не хочетъ совершить безъ своей матери. Онъ послалъ за нею. Когда она приближалась къ столицѣ, царь Димитрій выѣхалъ ей навстрѣчу и на разстояніи полумили пути шелъ пѣшкомъ со всей свитой; и во дворецъ онъ сопровождалъ ее также пѣшкомъ, опираясь на стремя и на карету. Хотя царица отлично знала, что ея сына убили, она все же признала ложнаго Димитрія сыномъ, отчасти изъ страха, отчасти ради большихъ почестей, оказываемыхъ ей царемъ Димитріемъ.

Коронованный 31 Іюля 1605, царь Димитрій исполняетъ обѣщаніе, данное Сендомірскому воеводѣ, и шлетъ къ нему посла.

Уже будучи полнымъ властелиномъ и монархомъ, Димитрій захотѣлъ отблагодарить Сендомірскаго воеводу и сдержать данное ему слово: сочетаться св. бракомъ съ его дочерью Мариной. По этому поводу великій посолъ Аѳанасій Власьевъ прибылъ въ Краковъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ конныхъ, 9-го Ноября 1605 г. Ему навстрѣчу выѣхали королевскій дворъ и многіе другіе. Воевода принялъ его въ свой домъ; посолъ же Аѳанасій вручилъ воеводѣ подарки, присланные царемъ Димитріемъ.

Подарки отъ царя воеводѣ.

1. Полушубокъ изъ черной лисицы съ воротникомъ и сошникъ.
2. Золотую чашу, украшенную жемчугомъ и дорогими камнями.
3. Золотую булаву, украшенную драгоцѣнными камнями.
4. Чубараго коня съ сѣдломъ, чепракомъ и сбрую, усѣянную по золоту драгоцѣнными камнями.
5. Золотыя возжи.
6. Цѣпь на палецъ.
7. Часы съ золотой цѣпью.
8. Два ножа: одинъ, украшенный алмазами, а другой - янычаръ, разными камнями.
9. Нѣсколько Персидскихъ ковровъ съ золотомъ.
10. Лучшихъ соболей, шесть сороковъ и соболя живого.
11. Трехъ кречетовъ съ золотыми колокольчиками.
12. Въ придачу пятьсотъ тысячъ Московскихъ рублей, въ награду за понесенные убытки для сохраненія престола за царемъ.

14 Ноября. Посолъ, на открытомъ пріемѣ у короля, засвидѣтельствовалъ послѣднему дружбу своего государя, который желаетъ постояннаго обоюднаго согласія и обѣщаетъ отражать нашествія враговъ обѣихъ державъ. Затѣмъ онъ вручилъ письмо отъ царя. Послѣ отвѣта посольства, посолъ и его сынъ вручили подарки королю.

1. Двѣнадцать сороковъ соболей. Черныхъ лисицъ восемь сороковъ.

2. Перстень съ алмазомъ.

3. Лукъ съ золотымъ колчаномъ и со стрѣлами.

4. Ногайскій конь подъ сѣдломъ, другой подъ Персидской попоной, третій подъ бархатной.

Послѣ врученія подарковъ Аѳанасія отвели въ приготовленное помѣщеніе.

15 Ноября. Воевода великолѣпно угощалъ всѣхъ Москвичей, кромѣ посла, который въ этотъ день былъ боленъ.

18 Ноября. Посолъ снова былъ во дворцѣ и при чтеніи писемъ открылъ главную цѣль своего пріѣзда, состоящую въ томъ, чтобы склонить короля, воеводу и его дочь къ согласію на немедленное вѣнчаніе съ царемъ Марины и на пріѣздъ ея къ царю въ столицу. Согласіе на это онъ получилъ.

19 Ноября. Дочь воеводы привезли въ Краковъ. Бракосочетаніе царя Димитрія съ дѣвицей Мариной Мнишекъ, дочерью Сендомірскаго воеводы, въ присутствіи короля Сигизмунда, черезъ посредничество царскаго уполномоченнаго въ Краковѣ, состоялось 22 Ноября 1605 г.

Кардиналъ Мацѣевскій, епископъ Краковскій, пріѣхалъ съ нунціемъ въ домъ пана Фирлея и нашелъ тамъ прекрасно и нарядно убранный алтарь. Московскій посолъ въ сопровожденіи двухсотъ копьеносцевъ и въ богатой одеждѣ подъѣхалъ къ дому Ментополини, а король съ королевичемъ Владиславомъ и съ Анной, королевной Шведской (родной своей сестрой) подъѣхалъ къ дому Сендомірскаго воеводы. Стѣны въ этихъ домахъ были пробиты для сообщенія бóльшаго простора. Король вошелъ въ покои, предназначенные для вѣнчанія. Посолъ, тоже войдя въ тотъ покой, гдѣ былъ алтарь, билъ челомъ королю. Король сидѣлъ и шапки не снималъ. Кардиналъ въ епископскомъ облаченіи и въ сопровожденіи духовенства вошелъ въ вѣнчальный покой. Московскій посолъ подошелъ и облобызалъ руку короля; его примѣру послѣдовала и его свита. Королевичъ Владиславъ передъ каждымъ снималъ шапку. Тутъ воеводы Ленчицкій и Смоленскій привели въ вѣнчальный покой молодую въ богатомъ нарядѣ и вѣнцѣ, отъ котораго по косамъ спускались жемчужины и драгоцѣнные камни. Сейчасъ же къ ней подошла королевна Шведская со своими придворными дамами. Передъ

вѣнчаніемъ посолъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что прибылъ сюда для этого вѣнчальнаго акта.

Великій канцлеръ Литовскій прекрасно отвѣчалъ послу: сперва онъ восхвалялъ царя, величая его соотвѣтствующими титулами, прославлялъ благодарность царя въ отношеніи къ Сендомірскому воеводѣ, хвалилъ молодую за знатность происхожденія, за воспитаніе, за таланты, за добродѣтели, присущія дочери великаго короннаго сенатора и истинной Польской дамѣ, одаренной отъ природы умомъ и красотой. Желая выразить похвалу Польскому народу, онъ присовокупилъ, что монархамъ не впервыя приходится сочетаться бракомъ съ Польскими дамами: вѣдь Московскій царь Василій былъ женатъ на Польской шляхтянкѣ Глинской, Августъ Первый, король Польскій, женился на Польской дамѣ, дочери Радзивила; «да и эта Польская дама, которую ты видишь передъ собой, пане посолъ, достойна королевскаго ложа». Затѣмъ онъ поздравилъ царя по случаю его дружбы съ королемъ и Польшей, а также по поводу вступленія его въ родство со знатными Польскими фамиліями.

По окончаніи рѣчи подошли два царскихъ прислужника и разостлали шелковый коверъ, на который встали молодая и посолъ. Кардиналъ запѣлъ Veni Creator. Капелла пѣла и играла. Король преклонилъ колѣни, за нимъ всѣ остальные. По окончаніи Veni Creator кардиналъ обратился къ Московскому послу и сказалъ: Согласно обряду Римско-католической церкви, повторяй за мной, посолъ: «Я, Димитрій, царь и т. д.». Посолъ произносилъ хорошо и клялся въ вѣрности молодой отъ имени царя. Молодая клялась въ вѣрности царю. Когда дѣло коснулось перстней, посолъ вынулъ изъ шкатулки большой перстень съ алмазомъ, величиною съ вишню, заостреннымъ къ верху, большой цѣнности. Онъ передалъ перстень кардиналу, а тотъ надѣлъ его на палецъ молодой, по просьбѣ посла. Когда кардиналъ хотѣлъ связать епитрахилью руки, посолъ взялъ бѣлый платочекъ у супруги Смоленскаго воеводы и обернулъ имъ руку, чтобы не касаться обнаженной дѣвичьей руки. Принявъ же перстень отъ молодой, онъ не надѣлъ его на палецъ, а спряталъ въ ларчикъ. По окончаніи вѣнчальнаго обряда капеланъ кардинала взялъ шелковый коверъ, но посолъ выкупилъ его за сто червонцевъ. Во время вѣнчанія король стоялъ по правую руку отъ кардинала.

Царицу повели въ столовую; за ней послѣдовали королевна Шведская и посолъ. Они встали подъ балдахиномъ. Король сѣлъ посреди на престолъ, царица по правую руку, а королевна Шведская по лѣвую.

Подарки отъ царя молодой были слѣдующіе:

1. Икона Пресв. Троицы, писанная по-русски на золотой бляхѣ и украшенная дорогими камнями.

2. Драгоцѣнный камень Нептунусъ, оцѣненный въ 60.000.

3. Золотое съ рубинами перо, на которомъ висѣли три очень большія и очень цѣнныя жемчужины.

4. Чаша изъ чистаго золота, украшенная рубинами и алмазами, вмѣсто бокала. Золотой ящикъ, съ жемчужнымъ ожерельемъ.

5. Пеликанъ изъ чистаго золота, у него на груди большой рубинъ.

6. Ларецъ изъ чернаго дерева, довольно большой, края позолочены, украшены дорогими камнями, на верху по угламъ серебряные трубачи трубятъ въ трубы, серебряный барабанщикъ бьетъ въ барабанъ; среди этихъ лицъ слонъ, на слонѣ башня, на башнѣ золотые часы. Серебряные предметы выдѣлялись на черномъ деревѣ, напр. трубачи, барабанщикъ, башня, слонъ; трубачи и барабанщикъ играли, когда часы били.

7. Богиня Діана на золотомъ оленѣ; послѣдній вышиною съ локоть съ кораловыми рогами, украшенными многими и различными драгоцѣнными камнями.

8. Павлинъ изъ чистаго золота съ роскошнымъ хвостомъ, украшеннымъ финифтью натуральнаго павлиньяго цвѣта, наслажденіе для глазъ.

9. Золотой корабль, стоимостью въ 100.000.

10. Нѣсколько жемчужинъ, величиною въ мушкатный орѣшекъ; еще нѣсколько жемчужныхъ нитей, все вѣсомъ въ 4018 лотовъ.

11. Четыре сорока лучшихъ соболей.

12. Тканой парчи и головныхъ уборовъ 18 штукъ. Наконецъ, четыре нитки восточнаго жемчуга, бѣлаго, какъ молоко, величиною съ горошину, круглаго, словно точенаго; одна нить была такъ велика, что тяжело было поднять ее.

Подарки принимала супруга Беязкаго воеводы. Благодарилъ каштелянъ Матогоскій. Подношенія происходили передъ обѣдомъ. За обѣденнымъ столомъ по правую руку посадили царицу; когда она садилась, король привсталъ и снялъ шапку. По лѣвую—возлѣ короля, сѣла королевна Шведская. Король былъ посреди. Возлѣ царицы сѣлъ королевичъ Владиславъ, возлѣ королевны Шведской—кардиналъ, возлѣ королевича—папскій нунцій, возлѣ кардинала—Московскій посолъ, и возлѣ нунція—Сендомирскій воевода. Его супруга отсутствовала по болѣзни. Королю подали воду съ тазомъ и лейкой; пока король умывался, всѣ встали; потомъ подавали воду царицѣ и королевнѣ, которыя умывались сидя. Королевичу, кардиналу и нунцію также подали другую лейку съ широкимъ полотенцемъ; и подали послу, но онъ не хотѣлъ умываться.

Кушанья на столъ подавали придворные короля и Сендомирскаго воеводы. Передъ королемъ, царицей и королевной поставили золотыя тарелки и положили серебряные ножи. У королевскаго стола находились два кравчихъ; одинъ королевскій, а другой, воеводы. Московскій посолъ не хотѣлъ садиться за тотъ столъ, гдѣ сидѣла царица, считая себя недостойнымъ и опасаясь царскаго гнѣва; Сендомирскій воевода съ трудомъ уговорилъ его.

Король, обратившись къ царицѣ, поднялъ кубокъ, всталъ, снялъ шапку и провозгласилъ здравіе царя и царицы. Королевна также отправила своего виночерпія къ царицѣ, говоря, что она пьетъ за здравіе царя и царицы. Пока виночерпій говорилъ, царица сидѣла; когда же онъ умолкъ, царица и королевна встали и низко поклонились другъ дружкѣ, но царица—ниже. Затѣмъ царица обратилась къ послу и провозгласила здравіе царя. Посолъ всталъ и пилъ изъ другого кубка за здравіе царя, считая себя недостойнымъ пить изъ кубка царицы. Затѣмъ посолъ передалъ кубокъ кардиналу-королевичу, королевичъ-нунцію, а нунцій-Сендомірскому воеводѣ. Все это время не прекращалась пальба изъ орудій.

Въ томъ же покоѣ, гдѣ сидѣлъ король, стоялъ справа, пониже, еще одинъ столъ для епископовъ—Куявскаго, Пшемыскаго и Холмскаго, для великаго канцлера Литовскаго и прочихъ сенаторовъ. Слѣва былъ столъ, за которымъ сидѣлъ сынъ Московскаго посла, 24 Московскихъ боярина и дьяка, королевскіе служащіе и придворные. Въ смежномъ покоѣ помѣщались королевскія и царскія придворныя дамы, коронный надворный распорядитель, генералы, кавалеры и офицеры. У того стола, гдѣ сидѣлъ сынъ посла и московскіе бояре, виночерпіемъ былъ Боболо, Варецкій староста.

Во время десерта посолъ вручилъ королю въ подарокъ шесть золотыхъ бокаловъ; царицѣ—шитый золотомъ коверъ и сорокъ соболей; королевнѣ—золотой розливальникъ и кубокъ; королевичу—четыре небольшихъ золотыхъ кубка.

По окончаніи стола король всталъ, распорядители очистили ему мѣсто, и онъ пошелъ съ царицей танцовать. При его особѣ состояли: Литовскій канцлеръ и Литовскій маршалъ, Сендомірскій и Ленчицкій воеводы, каштелянъ Гнѣздинъ и надворный распорядитель. Когда король кончилъ танцовать, его смѣнилъ королевичъ. При немъ состояли: Сендомірскій воевода и сенаторы. Затѣмъ танцовали дамы и кавалеры, а царица и королевна сѣли на свои мѣста.

Сендомірскій воевода, подойдя къ королю, сказалъ своей дочери: «Марина, поклонись его королевскому величеству въ ноги и благодари за благодѣянія».

Когда царица кланялась королю въ ноги, онъ снялъ шапку, поднялъ царицу, поздравилъ ее по случаю столь именитаго брака и чести, выпавшей на ея долю; совѣтовалъ ей склонять Богомъ даннаго супруга къ любви и дружбѣ съ сосѣдкой-Польшей для счастья ея родины: если предшествующіе цари соблюдали сосѣдскую дружбу съ Польскимъ королевствомъ, то такую связь теперь слѣдуетъ еще ревнивѣе оберегать въ силу родства. Король убѣждалъ ее не забывать родины, гдѣ она воспиталась, и гдѣ живутъ ея родители, братья, сестры и родственники; совѣтовалъ ей склонять мужа къ проявленію благодарности за благодѣянія и помощь, полученную имъ отъ Польши и отъ ея отца для отвоеванія родного наслѣдія; наконецъ, совѣтовалъ жить въ страхѣ Божьемъ и въ почитаніи отца съ матерью. Она и отецъ ея поклонились королю въ ноги и заплакали. И посолъ Московскій слушалъ эту бесѣду. Король снялъ шапку, простился съ ними и уѣхалъ во дворецъ. Было уже за полночь.

Королевы Польской здѣсь не было, вслѣдствіе вдовства короля. Царица, поклонившись королевнѣ Шведской и королевичу Владиславу, въ сопровожденіи двухъ сенаторовъ ушла въ покои къ своей матери. Московскаго посла Сендомірскій воевода повелъ къ каретѣ, а друзья воеводы отвезли его домой.

Послу очень понравилась такая учтивость, но его свита была недовольна, потому что проказники отрѣзали у нихъ отъ поясовъ дорогіе ножи и унесли шапки, или кучмы, изъ мѣха черныхъ лисицъ и шитыя жемчугомъ скуфеи, пользуясь тѣмъ, что тѣ напились до-пьяна и еще во время стола неряшливо хватали пищу руками прямо изъ блюдъ. Когда же они жаловались на такое воровство, посолъ Аѳанасій велѣлъ имъ молчать. Такимъ образомъ пиръ окончился спокойно, и на другой день гонецъ Липницкій, узнавъ о результатахъ переговоровъ, поспѣшилъ съ извѣстіями къ Царю.

24-го Ноября посолъ Аѳанасій посѣтилъ дочь воеводы, какъ свою царицу и повелительницу. Въ тотъ же день посолъ передалъ слѣдующія подарки сыну Сендомірскаго воеводы, Саноцкому старостѣ:

1. Саблю и наручи въ золотой оправѣ съ дорогими камнями.
2. Золотую чашу, украшенную дорогими камнями.
3. Сорокъ пять соболей.
4. Черныхъ лисицъ три сорока.
5. Кречета съ золотымъ колокольчикомъ,

Посолъ вручилъ также супругѣ Сендомірскаго воеводы и супругѣ хорунжаго, Царицыной бабушкѣ, соболей и жемчугъ.

3-го Декабря царица выѣхала изъ Кракова въ Промникъ. Ее сопровождали отецъ, мать и посолъ со всѣми находившимися здѣсь Москви-

чами и многими другими лицами при большомъ стеченіи народа. Послѣ проводовъ посолъ и воевода возвратились въ Краковъ на свадьбу короля. Въ тотъ же день къ послу прибылъ его гонецъ съ подарками отъ царя, которые посолъ и вручилъ 12-го Декабря.

Это были канокъ съ драгоцѣннымъ камнемъ и часы.

Воевода съ своей стороны вручилъ также королю свои подарки; четыре бокала изъ чистаго золота и часы, полученные имъ въ подарокъ отъ царя.

18-го Декабря посолъ уѣхалъ изъ Кракова, а воевода съ супругой и царицей остались въ Промникѣ.

3-го Января 1606 г. царь прислалъ въ Краковъ воеводѣ 300.000 рублей, а Саноцкому старостѣ 50.000 руб. Деньги привезли Янъ Бучинскій и Михайло Головановъ, Москвичъ. Съ ними царь прислалъ также подарки королевнѣ по случаю ея бракосочетанія.

1. Драгоцѣнный камень, на которомъ съ одной стороны имя Іисусъ, съ другой Марія; буквы алмазныя по золоту; алмазовъ 96.
2. Золотая цѣпь, въ ней 136 алмазовъ.
3. Четки изъ жемчужинъ, величиною каждая съ большую горошину.
4. Алмазные маншели, перевитые жемчугомъ.
5. Золотой ларецъ съ жемчугомъ.
6. Три слитка золота вѣсомъ 2.000.
7. Два подноса изъ чистаго золота, блюдъ 12.
8. Гіацинтовая солонка въ золотѣ.
9. Гіацинтовый бокалъ въ золотой оправѣ съ крышкой.
10. Тазъ съ золотымъ возливальникомъ, съ украшеніями.
11. Перстень съ тремя алмазами.

14-го Января въ Краковъ пріѣхалъ Московскій гонецъ Иванъ Безобразовъ въ сопровожденіи десяти всадниковъ и привезъ письма королю и воеводѣ. 27-го Января онъ былъ отправленъ домой и выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ воеводой. А днемъ раньше царица выѣхала изъ Промника въ Самборъ.

1-го Февраля. Липницкій, встрѣтивъ въ Дембовчѣ воеводу, вручилъ ему письма отъ царя, въ которыхъ царь просилъ его поспѣшить съ пріѣздомъ; поэтому воевода, не мѣшкая и проводя лишь мясопустъ въ Санокѣ и Вольсаничѣ, 11-го Февраля прибылъ съ царицей и всѣмъ дворомъ въ Самборъ. Туда часто пробѣгали москвичи-гонцы: Дембинскій, Склинскій, Гурскій, съ которыми царь посылалъ письма, сѣтуя на промедленіе пріѣзда. Наконецъ, прибылъ изъ Москвы и самъ посолъ Аѳанасій.

22-го Февраля, онъ въ сопровожденіи пятисотъ конныхъ, съ боль-

шимъ воплемъ обратился къ царицѣ и къ воеводѣ, сѣтуя на промедленіе ихъ пріѣзда.

2-го Марта 1606 г. отбыли въ Москву воевода съ царицей, съ Аѳанасіемъ, посломъ Московскимъ и съ нѣкоторыми друзьями; остальные только по пути присоединились къ царицѣ: дорога стояла очень плохая.

Послѣдовательность путешествія въ Москву.

Изъ Самбора въ Люблинъ 30 миль.

1.	Ночлегъ	въ Купновичахъ	2 Мар.
2.	„	въ Мосцискахъ	3 „
3.	„	въ Любачевѣ	4 „
4.	„	въ Луковой	5 „
5.	„	въ Щебжешинѣ	6 „
6.	„	въ Скщоновѣ	7 „
7.	„	въ Люблинѣ	8 „

Путники остались въ Люблинѣ до 14 Марта, туда же снова прискакалъ Склинскій съ письмами отъ царя. Поэтому они того же 14-го Марта выѣхали далѣе.

Изъ Люблина въ Брестъ 20 миль.

1.	Ночлегъ	въ Лечной	14 Мар.
2.	„	въ Островѣ	15 „
3.	„	въ Парчевѣ	16 „
4.	„	въ Росошѣ	17 „
5.	„	въ Брестѣ	18 „
6.	„	тамъ же	19 Мар. Воскресенье.

Изъ Бреста въ Слонимъ 27 миль.

1.	Ночлегъ	въ Каменцѣ	20 Мар.
2.	„	въ Серешовѣ	21 „
3.	„	въ Новодворьѣ	22 „
4.	„	въ Ружаной	23 „
5.	„	въ Слонимѣ	24 „
6.	„	тамъ же	25 „
7.	„	тамъ же	26 Марта праздновали Свѣтлое Христово Воскресенье.

Былъ устроенъ подобающій пріемъ великимъ Литовскимъ канцлеромъ.

Изъ Слонима въ Минскъ 35 миль.

1.	Ночлегъ	въ Мольчади	27 Мар.
2.	„	въ Кирени	28

Отсюда отправили къ царю Дембицкаго. Сюда же пріѣхалъ Казановскій.

3. Ночлегъ подъ Миромъ, переправа черезъ рѣку Гуту		29	„
4. Ночлегъ въ Несвѣжѣ		30	„
5. „	тамъ же	31	„

Торжественный пріемъ Виленскаго воеводы.

6. „	въ Николаевщинѣ	1	Апр.
7. „	въ Копдановѣ	2	„
8. „	въ Минскѣ	3	„
9. „	тамъ же	4	„
10. „	тамъ же	5	„

Тамъ же въ Минскѣ получены деньги, 35.000, которыя царь прислалъ на пропитаніе. Туда же прибылъ Склинскій съ письмами, въ которыхъ царь извинялся передъ воеводой въ томъ, что въ предыдущихъ письмахъ упрекалъ его за промедленіе относительно пріѣзда въ Москву.

Изъ Минска въ Оршу 38 миль.

1. Ночлегъ	въ Смоловичахъ	6	Апр.
2. „	въ Борисовѣ	7	„
3. „	въ Начѣ	8	„
4. „	въ Бобрѣ	9	„
5. „	въ Толочинѣ	10	„
6. „	въ Кохановѣ	11	„

Пріемъ былъ оказанъ Литовскимъ канцлеромъ.

7. „	въ Оршѣ	12	Апр.
8.	тамъ же	13	„

Переправа черезъ Днѣпръ 13 Апрѣля. Переправа задержалась, потому что рѣка снесла всѣ мосты. Пришлось ждать до 16-го Апр.

Изъ Орши въ Баевъ 8 миль.

1. Ночлегъ	въ Святошицахъ	16	Апр.
2. „	въ Баевѣ	17	„

Прибыло нѣсколько Москвичей съ письмами. Изъ Баева къ Московской границѣ ровно миля. 18-го Апрѣля мы переѣхали черезъ границу: тамъ есть рѣка, черезъ нее мостъ. Никого не встрѣтили, кромѣ четырехъ Москвичей, степенныхъ людей, которые вручили Аѳанасію письма и привѣтствовали царицу и воеводу.

Списокъ лицъ, переѣхавшихъ черезъ границу:

Воевода 1. Его свиты съ солдатами и слугами 445, кон. 411.

Царица 1. Ея свиты лицъ 251, кон. 257.

Такъ записано для того, чтобы знать, сколько и кому дозволено имѣть челяди и коней; но при этихъ двухъ свитахъ могло сверхъ того состоять еще до двухсотъ людей и лошадей.

Красноставскій староста (Мнишекъ, братъ воеводы) № Людей его свиты № 107, кон. 115.

Князь Вишневецкій (зять воеводы) № Людей его свиты № 215, кон. 255.

Саноцкій староста (Мнишекъ, сынъ воеводы) № 1. Людей его свиты съ солдатами № 415, кон. 411.

Луковскій староста (Мнишекъ, сынъ Красноставскаго старосты) № 1. Людей его свиты № 87, кон. 96.

Тарло, Пшемыскій хорунжій съ супругой № 2. Людей его свиты № 71, кон. 69.

Мартынъ Стадницкій № 1. Людей его свиты № 26, кон. 26.

(Тарлы и Стадницкіе близкіе родственники воеводы). Андрей Стадницкій № 1. Людей его свиты № 36, кон. 33.

Юрій Стадницкій № 1. Людей его свиты № 21, кон. 21.

Самуилъ Баль № 1. Людей его свиты № 29, кон. 30.

Павелъ Тарло, сынъ Сохачевскаго старосты, съ нимъ людей № 11, кон. 10.

Немоевскій, коронный подстольничій самъ 16, кон. 13. Ксендзъ секретарь короля самъ 17, кон. 17. Вольскій самъ 21, кон. 19. Броніовскій самъ 9, кон. 9. Помаскій самъ 12, кон. 12. Корытко самъ 11, кон. 10. Любомірскій самъ 13, кон. 13. Ясіоновскій, который былъ приставомъ у посла Аѳанасія со своей свитой № 9, кон. 13. Петръ Доморацкій № 10, кон. 15. Монаховъ 5, съ челядью 15, кон. 16.

Супруга Сохачевскаго старосты Тарла со свитой 51, кон. 40.

Казановскій со свитой № 20, кон. 19. Г-жа Гебуртъ со свитой 26, кон. 17. Армянъ и купцовъ при Сендомірскомъ воеводѣ, кромѣ тѣхъ, которые ѣхали на свой счетъ, № 12, кон. 16.

Всѣхъ по этому списку людей 1969, лошадей 1961.

Но было вѣроятно еще 300 людей и столько же лошадей.

Первыми перешли черезъ границу свиты, значущіяся въ спискѣ послѣдними, за ними воевода и, наконецъ, царица. Гусары и пѣхота шли каждый возлѣ своего господина. Пароконныя коляски были отправлены впередъ, чтобы не мѣшать другимъ. Черезъ каждый потокъ были переброшены крѣпкіе мосты до самой столицы, но въ этотъ день по пути до Смоленска много колясокъ увязло въ грязи, вслѣдствіе слишкомъ плохой дороги. Отъ границы до Смоленска 15 миль. Первый ночлегъ въ Красномъ 18-го Апрѣля. Когда мы проѣзжали, то изъ каждаго села попы выносили хлѣбъ и соль въ знакъ присяги. Въ Красномъ селѣ состоялась первая большая остановка: ударила непогода, и сильно пришлось страдать отъ тѣсноты. Было всего нѣсколько избъ, а для царицы выстроили новую. Провожатые размѣстились въ сосѣднихъ деревняхъ, инымъ пришлось сидѣть въ шалашахъ, въ грязи по щиколки.

20-го Апрѣля ночлегъ въ Дубнѣ, гдѣ также не было удобныхъ помѣщеній, кромѣ нѣсколькихъ заново построенныхъ свѣтлицъ для царицы и немногихъ избъ. Размѣстились въ шалашахъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Здѣсь мы застали около тысячи человѣкъ Москвичей, которые находились тутъ уже 20 недѣль, ожидая пріѣзда царицы. Съ ними были князь Василій Михайловичъ и Михайло Александровичъ Нагой, царскій дядя. Какъ только царица вышла изъ коляски, оба они со свитой въ нѣсколько десятковъ человѣкъ привѣтствовали ее и низко били челомъ и вручили воеводѣ письма отъ царя.

Сюда же были высланы 54 бѣлыхъ какъ снѣгъ лошади и трое саней для царицы. Первыя, царицыны сани съ окнами, внутри обиты соболями, на лошадяхъ бархатныя шоры. Въ эти сани были запряжены 12 бѣлыхъ лошадей, во вторыя сани 10 лошадей, а въ третьи, для придворныхъ дамъ, 8 лошадей. Остальныя лошади шли въ поводу. Русскіе уже давали отдѣльные оброки для царицыной свиты, и кухня у нея была своя. У воеводы и его друзей была отдѣльная кухня.

Третій ночлегъ въ Смоленскѣ 21 Апрѣля. Изъ Смоленска выѣхало много Москвичей навстрѣчу царицѣ, и «міру» очень много, нѣсколько тысячъ («міромъ» зовутъ простой народъ), которые били челомъ царицѣ и подносили соболей; чернецы выносили образа и хлѣбы. Царица пріѣхала въ замокъ; онъ очень помѣстителенъ, кругомъ стоятъ стрѣльцы. Тамъ царица обѣдала, а воевода и его друзья были приглашены къ князю Масальскому. Послѣ обѣда они скоро разъѣхались по домамъ. Два раза насъ тамъ потревожили пожаромъ: первый разъ загорѣлась кухня царицы, а второй разъ мой слуга зажегъ у меня нѣсколько фунтовъ пороха и спалилъ себѣ глаза и лицо *).

Въ Воскресенье 23 Апрѣля мы еще оставались тамъ: воевода слегка занемогъ. Когда играла музыка, Москвичи были очень изумлены и, проталкиваясь къ ней, ломали даже скамьи.

Изъ Смоленска въ Вязьму 28 миль.

Первый ночлегъ въ Пневѣ 24 Апр.; тамъ намъ отпускали по полторы бочки овса и по возу сѣна на десять лошадей.

Второй ночлегъ въ Дыпкахъ 25 Апр.; въ двухъ миляхъ предъ этой деревней переправа черезъ Днѣпръ. Когда люди толкались у парома, утонуло нѣсколько человѣкъ, съ которыми переполненный паромъ погрузился въ воду. Въ ротѣ же Саноцкаго старосты одинъ товарищъ отрѣзалъ другому палецъ, проталкиваясь къ парому. Отъ переправы расчищали дорогу по бору; 28 мостовъ было до ночлега. Туда же при-

*) Вѣроятно въ предзнаменованіе своего будущаго несчастія, ибо онъ погибъ въ Москвѣ.

бѣжалъ съ письмами отъ царя Москвичъ Гаврило Щохъ; въ письмахъ царь выражалъ радость по поводу благополучнаго въѣзда воеводы и своей супруги въ свое царство, ожидая ихъ съ ликованіемъ.

Третій ночлегъ въ Дорогобужѣ 26-го Апрѣля.

Четвертый ночлегъ въ Кольпицѣ 28 Апрѣля по плохому пути: однихъ мостовъ было 45.

Въ этотъ день прибѣжалъ отъ царя съ письмами Горскій, а вслѣдъ за нимъ Аѳанасій посолъ. Въ этихъ письмахъ царь просилъ воеводу пріѣхать въ столицу ранѣе царицы, взявъ съ собой нѣсколькихъ друзей и по крайней мѣрѣ сто конныхъ: царю необходимо переговорить съ нимъ устно о свадьбѣ и другихъ церемоніяхъ. Тамъ же въ Кольпицѣ посолъ Аѳанасій вручилъ царицѣ подарки: алмазную корону и алмазную перевязку на шляпу, застежки, крупнаго восточнаго жемчуга 4 нити, худшаго качества жемчуга нѣсколько десятковъ нитей, золотые часы на барашкѣ, другіе такіе же на верблюдѣ.

29 Апрѣля. Въ этотъ день была Русская Пасха, но Москвичи не хотѣли отдохнуть, спѣша въ столицу. Они выпустили тамъ немало плѣнныхъ; многимъ были пожалованы чины, и всѣ награждены платками по ихъ обычаю.

Изъ Вязьмы въ Русскую столицу 36 миль. Воевода разъѣхался съ царицей.

Первый ночлегъ царицы въ Заозерьѣ 30 Апр., а воеводы съ княземъ Вишневецкимъ и Саноцкимъ старостой—въ мѣстечкѣ Царевѣ. Второй ночлегъ царицы въ Доброй 1-го Мая, а воеводы въ городѣ Можайскѣ. Третій ночлегъ царицы въ томъ же Можайскѣ 2-го Мая, а воеводы въ селѣ Віяземахъ, уже только въ шести миляхъ отъ столицы. Это было владѣніе покойнаго Бориса. Тамъ большой дворъ; туда прислали свѣжихъ лошадей для воеводы и показывали царское стадо.

Четвертый ночлегъ Царицы въ томъ же Можайскѣ 3-го Мая, а воеводы—подъ селомъ Моначиномъ, въ царскихъ палатахъ, которыхъ выстроили для этого 12. Туда же для воеводы прислана была особая карета съ шестеркой лошадей.

Ночлегъ царицы въ Дровачевѣ, а воеводы—въ столицѣ.

Въ день Вознесенія Господня выслалъ царь четверку верховыхъ лошадей: одну для воеводы съ драгоцѣннымъ позолоченнымъ сѣдломъ, а остальныхъ—для его друзей. На этихъ лошадей они и сѣли за четверть мили отъ города. Съ ними выѣхалъ на богато убранномъ по гусарски конѣ Басмановъ, важнѣйшіе бояре и около полуторы тысячи Москвичей, которые сопровождали воеводу. Черезъ рѣку Москву былъ переброшенъ особенный мостъ безъ свай, висящій на однихъ канатахъ, за которымъ передъ первыми воротами стояли двумя рядами безчислен-

ные богато одѣтые конные. Воевода проѣхалъ среди нихъ, за нимъ ѣхалъ съ Польской ротой Доморацкій, а самъ царь ѣхалъ инкогнито среди Московскихъ ротъ. Переодѣтый неузнаваемо, онъ наблюдалъ за церемоніаломъ.

Воевода въѣхалъ во дворецъ, и его отвели въ покои. Тамъ сейчасъ же стали разносить яства изъ царской кухни, очень дорогія, на золотыхъ блюдахъ; больше всего было печеній, но невкусныхъ вслѣдствіе недосолу. Питей подавалось много, мушкательнаго вина вдоволь. Когда обѣдъ кончился, царь прислалъ своего родственника, князя Ѳедоровича Хворостина—навѣстить ихъ и порадоваться ихъ благополучному прибытію. Однако въ этотъ день воевода не привѣтствовалъ царя. Въ тотъ же день царь ѣздилъ въ монастырь (что онъ всегда дѣлалъ), къ своей матери. Этотъ монастырь находится возлѣ дворца у воротъ. Верхняя и нижняя одежда у царя была бѣлая бархатная, конь саврасый, убранный золотомъ и дорогими разноцвѣтными камнями; вокругъ него нѣсколько сотъ алебардщиковъ и очень много конныхъ Москвичей.

Шестой ночлегъ Царицы въ Вяземахъ былъ 5-го Мая.

Въ этотъ день воеводу повели во дворецъ среди толпы стрѣльцовъ, которыхъ выстроили рядами по лѣстницѣ и до самаго входа въ большой пріемный покой, гдѣ было множество думныхъ бояръ, одѣтыхъ въ дорогое платье. Изъ пріемнаго покоя мы вошли въ другой большой покой, гдѣ царь Димитрій сидѣлъ на престолѣ. Его одежда была усыпана жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, высокая корона украшена алмазами и самыми рѣдкими камнями. Въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ. Престолъ изъ чистаго золота вышиною въ четыре локтя, покрытъ четырьмя на крестъ положенными щитами. Надъ этими щитами куполъ съ орломъ изъ чистаго золота. Отъ щитовъ спускались надъ пилястрами двѣ кисти престола, изъ жемчуга и дорогихъ камней, среди которыхъ былъ камень топазъ, больше Волошскаго орѣха. Пилястры же подъ кистями были таковы: серебряные львы, величиною каждый съ волка, лежа, держали въ лапахъ два золотыхъ подсвѣчника; серебряные же грифоны, стоя на львахъ и касаясь кистей, поддерживали перекрытіе престола и ведущія къ нему шесть покрытыхъ парчею ступеней. Возлѣ царя стояло по двое вельможъ съ желѣзными алебардами на золотыхъ топорищахъ. Верхняя и нижняя одежда у нихъ была зеленая бархатная, подшитая и отороченная горностаями, сапоги бѣлые, станъ опоясанъ цѣпью. По лѣвую руку стоялъ Шуйскій въ парчевомъ платьѣ, подшитомъ соболями, держа обнаженный мечъ. По правую руку сидѣлъ патріархъ, передъ которымъ на золотомъ подносѣ держали крестъ. За нимъ сидѣли епископы и Духовный Совѣтъ, а за тѣмъ

думные бояре, т. е. сенаторы и думные дьяки, тоже, что у насъ каштеляны. Воевода сознался впослѣдствіи, что, ставъ передъ царемъ, онъ такъ былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ, драгоцѣнными камнями въ коронѣ, на одеждѣ и на скипетрѣ царя и его престоломъ, что отъ блеска не могъ глядѣть на царское лицо. Поцѣловавъ царскую руку, онъ обратился къ нему съ рѣчью.

Въ ней онъ поздравлялъ его съ царскимъ достоинствомъ, ибо не по розамъ пришлось ему идти къ престолу, не безпечно, нѣжась и роскошествуя, благодаря попеченію Гефестіоновъ, а сквозь терніи, шипы и крапиву. Ужъ не Гефестіонъ, а само Всевышнее, небомъ и всѣмъ міромъ повелѣвающее, Провидѣніе Божіе защитило его отъ мстительнаго врага и тирана Бориса. Всемогущій Господь явилъ надъ нимъ свое милосердіе, какъ надъ отроками въ Вавилонской печи, какъ надъ Даніиломъ среди львовъ, какъ надъ Іосифомъ, вице-королемъ и великимъ Египетскимъ старостой, брошеннымъ въ колодезь; какъ надъ Мардохеемъ противъ мстительнаго Амана и пр. Показалъ силу своей длани Господь Саваоѳъ, тронувъ сердца Поляковъ, которые тебя, уничижительно скитавшагося въ чужой странѣ, возвели на наслѣдственный престолъ. Показалъ силу своей длани Тотъ, чьей столицей небо, а земля подножіемъ, когда Virtute Divina Польское оружіе стало на столько страшно тирану, что, не будучи въ силахъ дать отпоръ и сломать горсть Польскихъ солдатъ, встревоженные Польскимъ мужествомъ приверженцы Бориса, сто семьдесятъ тысячъ Борисова войска, били челомъ тебѣ, наслѣдному Монарху. Почтилъ тебя Тотъ, передъ кѣмъ двѣнадцать старцевъ слагаютъ свои вѣнцы, почтилъ тебя, какъ Давида, презрѣннаго безбожнымъ Сауломъ; уложилъ Саулъ тысячу, а Давидъ десять тысячъ. Тотъ, Кто возносится на крыльяхъ вѣтровъ, далъ мощь и мужество тебѣ, монархъ, противъ тирана, какъ безстрашному Іудѣ Маккавею. Пусть видитъ созвѣздіе семи, что не одна лишь воинственная Троя производитъ на свѣтъ Гекторовъ: живыя подобія Марса родятся и въ Польшѣ, отважные Камиллы, Аннибалы, Фабіи. Доказательствомъ этого служатъ побѣдоносныя пальмы, доставшіяся тебѣ въ удѣлъ, и неувядаемые лавры, которыми Польскій Ахатъ увѣнчалъ твое чело. Носи же долгіе годы этотъ скипетръ сѣверной державы, непобѣдимый монархъ, царствуй съ потомствомъ своимъ и въ грядущіе вѣка. Пусть твой сѣверный орелъ обращается къ Востоку, очищая его отъ бусурманскаго полумѣсяца и, подобно тому, какъ душа Іонаѳана прильнула къ душѣ Давида, такъ и ты, непобѣдимый сѣверный монархъ, стань единственнымъ Іонаѳаномъ моей отчизны Польши.

Послѣ окончанія рѣчи стоявшій у престола великій посолъ Аѳанасій сказалъ: «Панъ воевода гораздъ говорить». Подойдя же къ нему, онъ сказалъ: «Пане воевода, все буде гораздъ, моя братъ, твоя братъ. Пожалуй ступать босковать руки его царскаго величества».

Пока воевода говорилъ, царь такъ былъ растроганъ, что плакалъ, какъ бобръ, вытирая глаза платкомъ. Воевода, поцѣловавъ царскую руку, сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ царя. На другой скамьѣ сѣли

его друзья, послѣ чего мы по порядку шли цѣловать царскую руку. Когда кончили, царь подозвалъ воеводу къ престолу и пригласилъ его къ обѣду; друзей же его пригласилъ черезъ Басмана.

Тогда царь всталъ съ престола. Его повели подъ руки въ церковь. Передъ нимъ несли золотую державу и крестъ. Онъ остановился въ боковыхъ дверяхъ церкви и изъ сѣней слушалъ молебенъ. Въ церковь принесли царю другую корону полегче. Послѣ службы царь сѣлъ съ воеводой въ карету и бесѣдовалъ съ нимъ нѣкоторое время. Потомъ царь пошелъ съ воеводой въ деревянные, но роскошно отдѣланные, покои: двери, наличники и оконныя рамы были изъ чернаго дерева, дверныя петли и засовы у оконъ и дверей были золотистые, шкапы, столы изъ чернаго дерева, печи зеленыя, до половины обнесенныя серебряными рѣшетками.

Пробывъ тамъ около часу, они пошли въ столовую, передъ которой въ большой комнатѣ стояло очень много серебряной и золотой посуды, и среди ней было семь серебряныхъ бочекъ, въ родѣ сельдяныхъ, стянутыхъ золотистыми обручами. Столовая посуда была вся золотая, очень много серебряныхъ возливальниковъ и чановъ.

Столовая была обита богатой Персидской тканью, обшивки у оконъ и дверей парчевыя. Престолъ въ видѣ чернаго бархатнаго навѣса, украшеннаго по швамъ широкими золотыми галунами; столъ подъ навѣсомъ серебряный, золоченый, вмѣсто ногъ четыре серебряныхъ орла поддерживаютъ столъ, покрытый шелковой, шитой золотомъ, скатертью. У этого стола сидѣлъ только самъ царь. По лѣвую руку другой столъ, за которымъ сидѣли воевода, князь Вишневецкій, Саноцкій староста и прочіе друзья. За третій же столъ посадили насъ, придворныхъ, въ перемежку съ Москвичами, которые потчевали насъ. Тарелокъ намъ не поставили, было ихъ на столѣ всего четыре, и то царь сказалъ, что этимъ нарушенъ обычай. Сидѣли съ нами и Московскіе сенаторы, которыхъ тамъ зовутъ думными боярами. Для умыванія рукъ стоялъ большой серебряный дельфинъ, изъ ноздрей котораго струилась вода въ три раковины: перламутровую, золотую и серебряную.

Въ столовой, гдѣ обѣдалъ царь, стоялъ высокій до потолка буфетный шкапъ изъ чистаго золота. Тамъ были львы, драконы, единорожцы, олени, грифоны, ящерицы, лошади и иныя животныя, большіе бокалы все изъ чистаго золота. По ту сторону буфета стоялъ большой серебряный чанъ, въ немъ золотая Діана съ нимфами, Актеонъ, превращенный въ оленя и держащій лукъ и стрѣлы, на немъ охотничій рожокъ. Все изъ золота, кромѣ подлинныхъ оленьихъ роговъ. Миланскія и другія охотничьи собаки, въ числѣ десяти, серебряныя.

Приносили затѣмъ яства, разныя рыбы, ибо была Пятница. Поря-

докъ былъ такой: сперва ставили блюда съ одинаковыми яствами на разстояніи локтя другъ отъ друга; когда эти убрали, точно также поставили другія яства. Хлѣба не подали, но когда всѣ усѣлись, то отъ царя каждому поднесли большой кусокъ бѣлаго хлѣба, изъ котораго мы и подѣлали себѣ тарелки. Такъ продолжался обѣдъ нѣсколько часовъ. Подавали очень много различныхъ дорогихъ печеній, все на золотыхъ подносахъ.

Что касается здравицъ, то царь сперва провозгласилъ здравіе воеводы изъ большой золотой чаши, украшенной алмазами и жемчугомъ; онъ велѣлъ налить ее до краевъ и выпилъ. Потомъ передали воеводѣ и его друзьямъ, а за тѣми и намъ всѣмъ подносили царское пожалованіе: большую чашу вина, вмѣщавшую больше трехъ четвертей. Разносили всевозможные меды и хмѣльное пиво, что̀ кому нравилось. Подавали всего въ изобиліи, и все на золотѣ, и питія, и яства. Слугъ отъ царскаго стола отправляли по просту, безъ поклоновъ. Стольники не снимали шапокъ, только наклоняли головы.

Около половины обѣда, воевода, ослабѣвъ, ушелъ въ царскій дворецъ; съ нимъ отпустили всего двоихъ слугъ.

Около половины обѣда пришли люди, числомъ 20, съ луками—Лапланцы. Земля этихъ Лапланцевъ расположена по направленію къ Индіи, у Ледовитаго моря. Ѣздятъ они на оленяхъ. Дань царю долженъ приносить всякій, кто можетъ поднять топоръ. Дань: десять соболей въ годъ. Когда мы тамъ были, они какъ разъ привезли дань царю. Ѣдятъ они сырьемъ мясо и рыбу; вѣры у нихъ нѣтъ никакой,—почитаютъ только солнце, мѣсяцъ, дерево, медвѣдя, что̀ кому захочется. Изъ Москвы къ нимъ цѣлый годъ нѣтъ ѣзды. Домовъ у нихъ нѣтъ; поживъ нѣсколько недѣль въ одной пущѣ, они переходятъ черезъ нѣсколько десятковъ миль въ другую. Звѣря бьютъ изъ лука.

Послѣ обѣда не было никакого дессерта; принесли только блюдо съ оливками, которыя царь раздавалъ стольничимъ собственноручно въ благодарность за ихъ услуги.

Затѣмъ царь удалился въ другіе покои; воевода и его друзья разъѣхались по домамъ.

Седьмой ночлегъ царицы въ Вязёмѣ 6-го Мая. Бучинскій снова привезъ подарки: восемь богатыхъ кониковъ и восемь штукъ парчи.

Пока мы были въ Вязёмѣ, я тоже пошелъ въ церковь и попалъ на проповѣдь, въ которой попъ прославлялъ Св. Николая.

Давъ ему всѣ небесные титулы, попъ свою рѣчь заключилъ такъ:

„Что, коли бы Богъ стары змерлъ,
Микула Богомъ бы былъ.

Стоя дьякъ поодаль, сказалъ: Леда*) што попъ гвары,

Бо николи умпрать
Богъ не може стары.

А попъ:

Леда што—дьякъ бреше за порогомъ:
Не зимре̇ Богъ, не буде Микула Богомъ".

Воевода, пообѣдавъ у себя, поѣхалъ въ царскіе покои. Царь былъ веселъ. Онъ велѣлъ подавать мушкательныя вина и множество другихъ питей. Въ залѣ передъ первымъ покоемъ былъ буфетъ, уставленный отъ пола и до потолка золотомъ и серебромъ, но не тѣмъ золотомъ и серебромъ, что̀ въ столовой, а другимъ. Тутъ были боги: золотой Юпитеръ, сидящій на серебряномъ орлѣ, серебряный Сатурнъ, Марсъ, Меркурій, золотой Нептунъ на серебряныхъ китахъ, Венера, Юнона, золотая Паллада, Вулканъ съ Циклопами изъ серебра; золотой Аполлонъ съ серебряными музами, Кентавръ, Геркулесъ, Вакхъ, золотые Сатиры. Всѣ эти лица держали въ рукахъ мѣхи съ виномъ, чаши, бокалы, кружки, возливальники, кубки, разныя раковины для питья, поднимая нѣкоторые на вышину локтя. Первый покой послѣ залы былъ обитъ золотыми ткаными покровами, второй покой парчей, третій, въ которомъ сидитъ царь, очень драгоцѣнной золотой Персидской тканью. Навѣсъ, т. е. престолъ, зеленый, бархатный, часто переплетенный золотыми галунами. Играла капелла Саноцкаго старосты, музыкантовъ было 40. Москвичи очень дивились музыкѣ. Самъ царь нѣсколько разъ переодѣвался: то по-гусарски, то по-русски, то по-польски—въ парчевой жупанъ, красную бархатную епанчу, расшитую жемчугомъ и узорами, красное платье и сафьяные башмаки. Онъ былъ очень доволенъ музыкой и велѣлъ дать всѣмъ музыкантамъ въ этотъ день двѣ тысячи. Князь Константинъ Вишневецкій съ Саноцкимъ старостой танцовали передъ царемъ, послѣ чего разъѣхались по домамъ.

8-го Мая ночлегъ царицы въ Вяземахъ, а въ столицѣ въ этотъ день вельможи веселились у царя. На другой день царь съ воеводой ѣздилъ охотиться. Тамъ между инымъ звѣремъ выпустили и медвѣдей, на которыхъ никто не хотѣлъ идти, боясь ихъ злобы и разъяренности. Самъ царь пошелъ и сразу такъ удачно бросилъ въ одного рогатиной, что сломалъ топорище, поваливъ медвѣдя; потомъ саблей разсѣкъ ему голову. Москвичи громко ликовали. Тамъ же всѣ ѣли въ палаткахъ, гдѣ царица, выѣхавъ изъ Вязёмъ, ночевала 10-го и 11-го Мая. Всѣ приготовлялись встрѣчать ее въ столицѣ.

*) Нехорошо.

12 Мая 1606 г. Всѣ друзья воеводы и всѣ Польскія свиты стройно и парадно выѣхали на встрѣчу царицѣ. Выѣхалъ и царь инкогнито, переодѣтый по-венгерски, всего лишь съ десятью конными. Затѣмъ, вернувшись, онъ выстроилъ своихъ людей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были выѣхать: стрѣльцовъ, гусаровъ и алебардщиковъ, которыхъ было около тысячи верхами. Онъ поставилъ всѣхъ на надлежащія мѣста, двумя рядами.

Посолъ короля Сигизмунда, каштелянъ Малогоскій, опередилъ царицу на часъ.

Выѣхали нарядные и блестящіе воеводы, князья, думные бояре и весь царскій домъ навстрѣчу царицѣ. Подъѣхавъ къ палаткамъ, она вышла изъ коляски и вошла въ палатки, гдѣ ее привѣтствовали и приносили ей поздравленія. Отъ имени царя была произнесена рѣчь, въ которой онъ выражалъ радость по поводу ея благополучнаго прибытія и приглашалъ ее въ городъ; потомъ ей подарили отъ имени царя карету, обитую серебряными бляхами, на которыхъ были изображены царскіе гербы. Эта карета была запряжена 36 чубарыми конями. Когда царица сѣла въ карету, двинулись алебардщики, стрѣльцы, гусары, Польскія роты, пѣхота воеводы и его друзей. Впереди шли вельможи, передъ каретой—Москвичи.

Когда царица въѣхала за третью стѣну въ городъ, затрубили въ трубы и ударили въ литавры, которыхъ было великое множество передъ дворцомъ для встрѣчи торжественнаго въѣзда. Шумъ и грохотъ продолжался долго, до нестерпимости. Пріѣхавъ во дворецъ, царица застала тамъ и привѣтствовала царя и его мать.

13-го Мая назначена въ обычномъ дворцѣ при Московскомъ Сенатѣ публичная аудіенція для привѣтствованія царя. Мартынъ Стадницкій въ качествѣ маршала царицы произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

«Друзья, вся свита и придворныя дамы привѣтствуютъ моими устами ваше царское величество съ вѣнчанной супругой и поздравляютъ в. ц. в. съ отвоеваніемъ наслѣдственнаго престола. Хотя Господу Богу угодно было посылать в. ц. в. испытанія, Онъ все же прославилъ васъ передъ всѣмъ міромъ, посадивъ на престолъ язычеству на страхъ. Великому Господу Богу угодно было породнить в. ц. в. съ Польскимъ народомъ, почти одинаковымъ по языку и нравамъ, равнымъ по силѣ и великодушію и искони славнымъ въ военномъ дѣлѣ; а также—со славнымъ Польскимъ сенаторомъ. Его ли препоручать в. ц. в., когда по волѣ Божьей в. ц. в. пришлось лично узнать его домъ, свиту, дѣятельность и доблести. Вы послѣдовали разумнымъ совѣтамъ этого великаго мужа, породнились даже съ тѣмъ, кто пользуется особой милостью короля и самъ тоже состоитъ въ родствѣ съ именитѣйшими вельможами. Поэтому можно смѣло надѣяться на благополучіе, если Господь Богъ чудесно вызвалъ привязанность в. ц. в. къ

Польскому народу, съ которымъ еще предки в. ц. в. состояли въ родствѣ. Пусть же Господь Богъ возвеличитъ престолъ и могущество в. ц. в., и дастъ вамъ въ глубокой старости дождаться въ столицѣ вашихъ предковъ многочисленнаго потомства».

Затѣмъ привели пословъ короля. Когда они входили во дворецъ, на встрѣчу имъ вышелъ бояринъ Григорій Ивановичъ окольничій. Приведя ихъ въ пріемный покой, онъ представилъ ихъ царю, говоря:

«Августѣйшему и могущественнѣйшему самодержцу, великому государю Димитрію Ивановичу, Божьей милостью царю и князю всея Руси и государствъ, Московской монархіи подчиненныхъ государю царю властелину, его величества великаго государя Сигизмунда III, короля Польскаго и вел. кн. Литовскаго послы: Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій в. а. ц. в. бьютъ челомъ».

Послѣ поклона королевскій посолъ Малогоскій сказалъ:

«Августѣйшій и великій государь Сигизмундъ III, король Польскій, вел. кн. Литовскій, Русскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Полѣскій, Лифляндскій, Эстонскій и т. д., наслѣдный король Шведскій, Готскій, Вандальскій, князь Финляндскій и т. д. изволилъ насъ отправить, своихъ пословъ, меня, Николая Олесницкаго, каштеляна Малогоскаго и Александра Корвина Гонсевскаго, Виленскаго старосту, чтобы мы отъ имени е. к. в. милостиваго государя нашего августѣйшему Божьей милостью государю, великому князю, тебѣ, Димитрію Ивановичу, всея Руси, Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Ростовскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и другихъ и т. д. передали братскій поклонъ, освѣдомились о здравіи в. ц. в., поздравили съ благополучнымъ воцареніемъ и заявили в. ц. в. о готовности е. к. в. къ братской любви».

Затѣмъ онъ вручилъ думному дьяку Аѳанасію Ивановичу письмо, которое тотъ взялъ, принесъ царю и шепотомъ прочелъ ему титулъ. Такъ какъ въ письмѣ царь не былъ названъ императоромъ, то онъ объяснилъ Аѳанасію, какъ отвѣтить на это.

Подойдя къ посламъ, Аѳанасій сказалъ:

«Николай и Александръ, послы къ августѣйшему и непобѣдимому самодержцу и т. д. отъ августѣйшаго Сигизмунда, короля Польскаго и вел. кн. Литовскаго. Вы вручили письмо, въ которомъ нѣтъ императорскаго титула, поэтому берите это письмо и несите его обратно своему государю».

Малогоскій, принявъ письмо обратно, сказалъ:

«Мы беремъ это письмо е. в. милостиваго государя нашего обратно. Ни одинъ еще христіанскій монархъ не оскорблялъ такъ е. в. короля и Рѣчь Посполитую, какъ в. ц. в. Ибо е. в. король, обнаруживъ еще раньше свою доброжелательность къ в. ц. в. въ собственномъ государствѣ и теперь хотѣлъ засвидѣтельствовать в. ц. в. оную черезъ насъ, пословъ. Мы съ истинной радостью ѣхали сюда. Едва

лишь успѣли мы отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ, какъ намъ велѣли идти сюда. Съ великой радостью шли мы лицезрѣть в. ц. в. Теперь же видимъ, насколько обманулись въ своихъ надеждахъ, ибо в. ц. в. изволили пренебречь этимъ письмомъ е. к. в., не желая его даже распечатать. Вопреки всякой справедливости в. ц. в. повелѣваете сокращать главнѣйшіе королевскіе титулы, извѣстные давнымъ давно всѣмъ монархамъ, чтó должно оскорблять не только е. в. милостиваго короля нашего и насъ, пословъ е. в. милостиваго короля нашего, но и тѣхъ, которые находятся передъ лицомъ в. ц. в., и всю Рѣчь Посполитую».

Самъ царь отвѣчаетъ.

«Непривычно монарху, сидя на престолѣ, переговариваться съ послами, но насъ къ этому вынуждаетъ лишеніе насъ королемъ Польскимъ титула. Мы заявляли королю Польскому черезъ своихъ пословъ и черезъ Виленскаго старосту, который недавно былъ здѣсь въ качествѣ посла отъ короля Польскаго и теперь находится здѣсь же съ посломъ, что мы не только князь, не только государь, не только царь— мы императоръ нашихъ обширныхъ владѣній. Мы это заявляли. Мы употребляемъ этотъ титулъ не только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, ибо ни Ассирійскій, ни Мидійскій монархи, ни Римскіе кесари не могли съ бóльшимъ правомъ, чѣмъ мы, пользоваться этимъ титуломъ. Ибо мы не только князь или государь, и не только князьями или государями, но Божьей милостью и королями повелѣваемъ, которые намъ служатъ. Никого равнаго намъ по могуществу нѣтъ въ этихъ сѣверныхъ краяхъ, и всѣ императоры величаютъ насъ этимъ императорскимъ титуломъ; одинъ лишь Польскій король не признаетъ его за нами».

Отвѣтъ посла.

В. ц. в. изволили сказать, что непривычно монарху, сидя на престолѣ, переговариваться съ послами; это правда. Но непривычно и послу безъ инструкцій разъяснять дѣло. Однако в. ц. в. меня къ этому вынуждаете. Хотя я не такъ способенъ, чтобы отвѣчать на это в. ц. в., безъ подготовки, но такъ какъ я Полякъ и сынъ вольнаго народа, то и привыкъ свободно говорить. Вспомните в. ц. в. или посмотрите въ канцеляріи, или даже спросите у этихъ своихъ старыхъ думныхъ бояръ, какими титулами величали себя предки в. ц. в. Не только Польскіе короли не признавали за собой того императорскаго титула, который вы хотите незаконно присвоить себѣ, но даже и предки в. ц. в. не присвоивали себѣ никакого императорскаго титула и сами величали себя тѣмъ титуломъ, какимъ е. к. в. величаетъ в. ц. в. въ своемъ письмѣ и какимъ съ давнихъ поръ величаетъ царей. Е. к. в., почувствовавъ привязанность къ в. ц. в., обнаружилъ готовность и оказалъ великую помощь для отвоеванія родины в. ц. в. и, продолжая выражать свою искреннюю дружбу, доказывать ее не только словами, съ чѣмъ вы, в. ц. в. сами согласны. Но теперь легко можетъ увидѣть всякій, чѣмъ в. ц. в. за все это отвѣчаетъ е. в. королю. Забывъ о томъ, что в. ц. в. чудесно съ помощью Бога, е. к. в. и нашего народа (ибо братья мои—Поляки кровь свою проливали за в. ц. в.), посажены на этотъ престолъ (*онъ указалъ рукой*), вмѣсто дружбы платите

большой непріязнію, пренебрегаете дружбой е. к. в. и тѣмъ изволите подавать поводъ къ великому кровопролитію. Мы сильно огорчены этой обидой, нанесенной в. в. нашему милостивому королю, и призываемъ въ свидѣтели самого Бога и этихъ думныхъ бояръ, что не е. к. в., а в. ц. в. подаете сильный поводъ къ расторженію дружбы съ е. к. в. нашимъ государемъ и съ Рѣчью Посполитой. Мы готовы возвратиться съ этимъ къ е. в. нашему королю».

Царь отвѣчаетъ послу.

«Мы знаемъ, какими титулами величали себя наши предки и доказали бы вамъ это по документамъ, но здѣсь не мѣсто. Когда же мы велимъ этимъ думнымъ боярамъ поговорить съ вами, то они покажутъ вамъ, какими титулами наши предки величали себя. А теперь, такъ какъ король Польскій не признаетъ за нами титула, то этимъ онъ оскорбляетъ не только насъ, но и самого Бога и все христіанство. Мы объявили Польскому королю, что въ лицѣ нашемъ у него есть сосѣдъ, есть братъ и такой другъ, какого еще не было у Польши. Теперь же король Польскій опаснѣе для насъ какого бы то ни было отдаленнаго языческаго монарха».

Посолъ отвѣчаетъ на это:

«Не желалъ бы я, чтобы изъ за титуловъ лилась христіанская кровь. В. ц. в. не изволите обижаться, но по обычаю монархи ведутъ переговоры о важныхъ дѣлахъ черезъ своихъ пословъ. Виленскій староста, который еще до этого былъ посланъ къ в. ц. в. отъ е. к. в. могъ донести или не донести е. в. королю объ этомъ распоряженіи в. ц. в. Но в. ц. в. собирались прислать своихъ пословъ на сеймъ, такъ какъ это дѣло касается сейма. В. ц. в. небызвѣстно то, что е. в., король правитъ свободной Рѣчью Посполитой, гдѣ онъ безъ всеобщаго соглашенія не можетъ ничего прибавить или убавить въ существующихъ правахъ».

Царскій отвѣтъ.

«Знаю, что сеймъ конченъ и что нѣкоторые изъ вашихъ совѣтуютъ Польскому королю не признавать за нами императорскаго титула. Но еще будетъ время много поспорить съ вами на этотъ счетъ. Пане Олесницкій! Я спрашиваю васъ, если бъ вы получили отъ кого нибудь письмо, на которомъ не былъ бы обозначенъ вашъ шляхетскій титулъ, приняли ли бы вы это письмо, или нѣтъ? Я, будучи въ государствѣ е. в. короля Польскаго и зная, что вы всегда и вездѣ были къ намъ благожелательны, желаю почтить васъ въ нашемъ государствѣ не какъ посла, а какъ нашего друга. Подойдите къ рукѣ нашей, но не какъ посолъ».

И, протянувъ руку, онъ хотѣлъ его привѣтствовать.

На это Малогоскій отвѣтилъ:

«Августѣйшій и всемилостивѣйшій государь, я благодаренъ за милость, которою в. ц. в. изволите жаловать мою особу, но не могу принять ее, ибо в. ц. в. не хотите, чтобы я принялъ ее, какъ посолъ».

Тогда царь отвѣтилъ: «Итакъ, какъ посолъ».

Тогда царя привѣтствовалъ посолъ и староста Велижскій—Гонсѣвскій. Послѣ этого дьякъ взялъ королевское письмо отъ Польскаго посла и медленно прочелъ его, но, получивъ распоряженіе отъ царя, сказалъ посламъ: «Хотя такое письмо безъ Императорскаго титула не слѣдовало бы принимать, но въ виду наступленія акта бракосочетанія е. ц. в. — на каковой актъ король, государь вашъ послалъ васъ къ е. ц. в. — по этой то причинѣ е. ц. в., отложивъ на время вопросъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему отсутствіемъ титула, принимаетъ это письмо отъ короля, вашего государя, черезъ васъ, пословъ. Вы же, когда вернетесь къ королю, государю вашему, скажите, чтобы онъ не посылалъ сюда писемъ съ неполнымъ императорскимъ титуломъ. Его вел. императоръ именно вамъ, посламъ, велѣлъ сказать, что впредь ни отъ вашего короля, ни отъ другого не приметъ какихъ бы то ни было писемъ безъ полнаго императорскаго титула. Теперь же, если вамъ отъ Сигизмунда, короля Польскаго, поручено передать что либо, то исполните свое посольство къ е. и. в.».

Послѣ него говорилъ Велижскій староста Гонсѣвскій.

Когда они исполнили посольство, имъ велѣли сѣсть. Затѣмъ Аѳанасій по приказанію царя подошелъ къ посламъ и сказалъ: «Николай и Александръ, посланные къ августѣйшему и непобѣдимому самодержцу и великому государю Димитрію Ивановичу Божьей милостью императору и великому князю всея Руси и многихъ другихъ Московскихъ государствъ, подчиненныхъ той же монархіи, отъ августѣйшаго и великаго государя Сигизмунда III, короля Польскаго. Мы говорили о томъ, что августѣйшій Сигизмундъ, король Польскій, разрѣшилъ пану Юрію Мнишку, Сендомірскому воеводѣ, отвезти его дочь къ августѣйшему самодержцу. Е. и. в. съ Божьей милостью благополучно прибыла сюда и съ благодарностью принимаетъ отъ короля, вашего государя, императорскій престолъ; васъ же своей императорской милостью жаловать будетъ. Что же касается того, что ты, Александръ, говорилъ отъ имени августѣйшаго Сигизмунда, короля Польскаго, который приказалъ вамъ, своимъ посламъ, поговорить съ думными боярами о добрыхъ отношеніяхъ Московской монархіи и короля Польскаго, то е. и. в. охотно даетъ на это свое согласіе и приказываетъ своимъ думнымъ боярамъ поговорить съ вами объ этихъ дѣлахъ».

Послы сѣли; Аѳанасію же они сказали: «Обычай всегда былъ таковъ, что Московскіе государи всегда освѣдомлялись о здравіи е. в. короля».

Царь, услыхавъ это, освѣдомился о здравіи е. в. короля: Какъ поживаетъ е. в. вашъ король? Посолъ Малогоскій сказалъ: «Мы выѣхали изъ Варшавы, оставивъ е. в. короля государя нашего въ добромъ здравіи и благополучно правящаго. Но в. ц. в. слѣдовало встать, освѣдомляясь о здравіи е. в. короля».

Царь сказалъ: «Пане Малогоскій, по обычаю мы встаемъ, уже узнавъ о добромъ здравіи».

И, привставъ немного на престолѣ, царь сказалъ: «Мы радуемся доброму здравію друга нашего, короля».

Тутъ стали подносить подарки, списокъ которыхъ былъ сперва прочитанъ царю Григоріемъ Ивановичемъ Микулинымъ.

Панъ Малогоскій: 1. Коня Турецкаго. 2. Коня Неаполитанскаго. 3. Золотую цѣпь панцырной работы. 4. 13 кубковъ. 5. 2 позолоченыя кружки. 6. Миланскую собаку.

Дано на водку конюхамъ хозяина этой собаки два сорока соболей и сто червонцевъ.

Панъ Гонсѣвскій: Турскаго коня.

Послѣ врученія подарковъ думный бояринъ Аѳанасій сказалъ:

«Е. и. в. жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ».

Послѣ этого пословъ отвели въ посольское помѣщеніе, а ихъ друзья были на царскомъ обѣдѣ.

Въ тотъ же день царица бесѣдовала съ царемъ по поводу ѣды, ибо ей не нравились яства, которыя подавались во дворцѣ. Тотчасъ же съ большой поспѣшностью послали за кухмистеромъ и Польскими поварами, которые тамъ же, получая все необходимое, готовили для нея; имъ отданы были всѣ ключи отъ кладовыхъ и погребовъ.

14-го Мая, въ Воскресенье, свадьба по нѣкоторымъ причинамъ не состоялась; но царь торжественно угощалъ всѣхъ во дворцѣ.

15-го Мая царь подарилъ царицѣ шкатулку съ драгоцѣнностями, которыя стоили до 500.000. Онъ велѣлъ ей раздавать ихъ по собственному усмотрѣнію. Воеводѣ онъ далъ 100.000 злот., подарилъ также сани, обитыя бархатомъ и серебряными бляхами, бѣлаго коня въ саняхъ, кантаръ въ серебряной оправѣ съ цаплей, султаномъ и шитымъ жемчугомъ колпакомъ. Сани внутри обиты пестрымъ бархатомъ, попона красная съ жемчужными наугольниками; въ саняхъ полость и одѣяло, подшитыя соболями, у хомута 40 соболей.

Изъ подаренной шкатулки царица много раздала друзьямъ и придворнымъ дамамъ.

Въ тотъ же день въ 2 часа ночи царица выѣхала со всей своей свитой, сѣвши въ подаренную ей карету. Она выѣхала ночью для того, чтобы не было толкотни. Передъ каретой шли пѣшкомъ боярскіе сыны и галебардщики.

18 Мая 1606 г. совершалось коронованіе царицы. Передъ выходомъ изъ дворца царь и царица цѣловали крестъ и корону; ихъ окропили святой водой, затѣмъ они пошли въ церковь. По пути разостлали парчу на красномъ суккнѣ, впереди несли большую драгоцѣнную корону, а передъ нею шли двое владыкъ съ кадильницами. За короной несли золотой тазъ и иныя церковныя принадлежности. На встрѣчу этой ко-

ронѣ вышелъ изъ церкви патріархъ съ епископами и, помолившись немного вмѣстѣ съ епископами, унесъ ее въ церковь. Затѣмъ черезъ полчаса всѣ направились въ церковь. Впереди шли 150 придворныхъ въ парчевыхъ одеждахъ. За ними шли друзья воеводы; далѣе четверо вельможъ съ бердышами на золотыхъ топорищахъ, пятый съ мечемъ. Наконецъ шелъ царь въ коронѣ и драгоцѣнномъ платьѣ, украшенномъ семоцвѣтными камнями. По правую руку его велъ посолъ Малогоскій, а по лѣвую князь Мстиславскій. За нимъ шла царица, одѣтая по московски въ драгоцѣнное платье, украшенное жемчугомъ и камнями по вишневому бархату. Ее велъ по правую руку отецъ, воевода, а по лѣвую княгиня Мстиславская. За нею шли друзья воеводы и шесть женъ Московскихъ сенаторовъ. Воевода былъ нездоровъ и вскорѣ вышелъ изъ церкви. Молебенъ служили по ихъ обряду. Послѣ молебна было оглашеніе вѣнчанія и обмѣнъ колецъ; затѣмъ совершили коронованіе и мvропомазаніе по Греческому обряду. Послѣ коронованія сенаторы и всѣ думные бояре, которые были на этомъ торжествѣ и въ городѣ Москвѣ, присягали, но измѣннически. Послѣ присяги они цѣловали руку. А патріархъ поцѣловалъ корону надо лбомъ. Эти церемоніи длились нѣсколько часовъ. Въ этотъ день, кромѣ коронаціи не было ничего.

На другой день, 19 Мая въ Пятницу, былъ общій пиръ во дворцѣ для всѣхъ Поляковъ, какъ придворныхъ, такъ и офицеровъ Польскаго войска. Сперва, чуть разсвѣло, стали поочередно ударять въ литавры и трубить въ трубы до самаго полудня. Шли къ обѣду воевода и его друзья; но воевода, проводивъ въ столовую царя съ царицей, возвратился къ себѣ на квартиру, потому, что Польскій посолъ не былъ на этомъ обѣдѣ: ему не разрѣшили сидѣть за царскимъ столомъ, о чемъ воевода усиленно просилъ царя, видя въ этомъ способъ отблагодарить Польскаго короля за то, что тотъ почтилъ Русскаго посла, посадивъ его на свадебномъ пиру за свой столъ. Воевода, не получивъ этого разрѣшенія, и самъ не сѣлъ за столъ.

На этомъ пиру не происходило ничего необыкновеннаго; только царь, переодѣвшись по гусарски, сидѣлъ на престолѣ, а царица сидѣла возлѣ него на другомъ такомъ же престолѣ. Возлѣ царя по правую руку стояли вельможи съ бердышами и съ мечомъ. По сторонамъ сидѣли поодаль Московскіе сенаторы, за однимъ столомъ съ ними друзья воеводы; далѣе, придворные Польскихъ вельможъ, полковники, ротмистры, хорунжіе и другіе чины Польскихъ войскъ. Золотой и серебряной посуды больше всего поставлено было возлѣ столба, который находился посреди; столы были длиною по три сажени каждый; яства и питія разносились въ изобиліи. Послѣ обѣда вельможи веселились въ царскихъ

покояхъ, пили, танцовали, слушали музыку; но зловѣщимъ было это пятничное веселье. Послѣ обѣда воевода былъ въ покояхъ у царя по поводу Польскаго посла, но вскорѣ возвратился домой.

Въ Субботу, 20 Мая, снова заиграла непріятная трубная музыка. Передъ обѣдомъ патріархъ съ духовенствомъ вручалъ царицѣ подарки: рысей, соболей, черныхъ лисицъ, парчу, кубки. Передъ обѣдомъ воевода былъ у царя, объяснялъ ему, какъ обиженъ и оскорбленъ доброжелательный король пренебреженіемъ, оказаннымъ его послу, просилъ его одуматься и посадить посла за царскій столъ. Царь согласился, но нескоро. Сегодня однако этого нельзя было сдѣлать, а только на слѣдующій день, почему воевода и не сидѣлъ за столомъ, а обѣдалъ вмѣстѣ съ посломъ въ своей квартирѣ. Въ этотъ день тоже не было никакихъ затѣйливыхъ блюдъ, ни церемоній, ни музыки. Польскіе воины: ротмистры, воины изъ дворянъ и офицеры Польской пѣхоты были приглашены къ столу; царь пилъ здравицу всего Польскаго воинства. Царица была въ этотъ день въ Польскомъ платьѣ, а царь въ Московскомъ.

21-го Мая въ Воскресенье, посолъ вручилъ подарки отъ е. в. короля, всего 33 необыкновенныхъ предмета. Здѣсь были кубки художественной работы, была и драгоцѣнная цѣпь. Въ тотъ же день посолъ и воевода были приглашены къ царскому столу со всей ихъ свитой. Посла угощали. Царь съ царицей были въ Польскихъ платьяхъ, въ коронахъ на головахъ; Поляки же прислуживали у стола. Царь провозгласилъ здравицу за Польскаго короля. Пила и царица.

Послѣ обѣда Польскіе вельможи танцовали. Царь передѣлся по гусарски. Одинъ разъ онъ протанцовалъ съ царицей, а другой разъ съ воеводой. Всѣ вельможи соблюдали въ танцахъ такія церемоніи: когда имъ приходилось принимать участіе въ танцахъ царя, они сперва цѣловали у него руку, потомъ проходили другъ за другомъ по порядку, снявъ шапки. Воевода и Польскій посолъ шли передъ царемъ. Когда танцовали одни Польскіе вельможи, всѣ снимали шапки, кромѣ Польскаго посла, который дѣлалъ это только проходя мимо царя. Когда же воевода танцовалъ съ царицей, своей дочерью, то Польскіе вельможи шли впереди, а посолъ съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ шли непосредственно передъ царицей. Въ танцахъ царицы принимала участіе и княжна Кошерская. Наливали много всякихъ питей. Москвичей въ этотъ день не было, кромѣ Аѳанасія и Масальскаго, двухъ бояръ. Пирующіе разошлись по домамъ лишь къ солнечному закату.

24 Мая царица угощала всѣхъ Московскихъ вельможъ въ своемъ покоѣ.

Уже въ эту ночь Москвичи толпились по улицамъ, почему солдаты стояли на готовѣ, вооружившись, какъ для битвы. Думали, что

народъ бунтуетъ противъ Поляковъ; но Польскій солдатъ былъ такъ отваженъ, что могъ бы и самъ отразить толпу. Царя предупреждали, чтобы онъ остерегался измѣны, о которой говорили открыто; но царь чувствовалъ себя настолько счастливымъ, что запрещалъ говорить объ этомъ и даже велѣлъ наказывать тѣхъ, которые остерегали его. По этому иные, хотя и знали, но отъ страха молчали. 25 Мая, въ день праздника Тѣла Христова, немного стихло; но мятежники, подъ предлогомъ сохраненія безопасности, оклеветали одного Поляка, говоря, что онъ изнасиловалъ проѣзжавшую боярышню, въ чемъ была подана на другой день царю жалоба. Разслѣдованіе дѣла ничего не обнаружило; они же, негодные, поступали такъ, чтобы обманывать царя и заглаживать слѣды бунта и заговора. Въ туже ночь пойманы шесть шпіоновъ, пришедшихъ во дворецъ выслѣживать; изъ нихъ троихъ убили, а трехъ замучили.

26 Мая въ Пятницу къ воеводѣ пришли солдаты, говоря, что имъ грозитъ явная опасность. Воевода тотчасъ же пошелъ доложить объ этомъ царю; но царь посмѣялся надъ нимъ, удивляясь трусости Поляковъ; однако велѣлъ Басманову засадить ночью по всѣмъ улицамъ стрѣлецкую стражу для охраны Поляковъ, такъ какъ Москвичи начали уже сильно бунтовать. Въ эту ночь народъ, въ количествѣ 18 тысячъ, собрался на разстояніи мили отъ столицы. Мятежъ, о которомъ царь былъ извѣщенъ, растетъ; онъ же думаетъ, что эти толпы собираются идти въ Крымъ, куда ежедневно высылались войска. Измѣнники-Москвичи впускаютъ эти войска черезъ разные ворота въ городъ, говоря, что они пришли для служенія царю. Овладѣвъ всѣми воротами, измѣнники никого не выпускаютъ и не впускаютъ даже во дворецъ, особенно ночью. Воистину, кого Господь Богъ захочетъ наказать, того Онъ сперва лишаетъ разума; ибо наши, хотя уже видѣли большую опасность, но не собрались вмѣстѣ для обороны, даже не посовѣтовались, а жили безпечно, какъ дома, и ночью сладко спали.

Коварное счастье свергаетъ съ престола Димитрія, лишаетъ его царскаго вѣнца, отнимаетъ у него скипетръ, богатства, даже жизнь, и издѣвается надъ своимъ любимцемъ. До сихъ поръ вымыселъ Димитрія о его происхожденіи успѣшно помогалъ ему во всемъ до самаго вступленія его на Московскій престолъ. Но онъ не съумѣлъ беречь и уважать свое счастье, разсчитывая на Московскіе успѣхи; поэтому оно внезапно отвернулось отъ него и перенесло его на лоно Московскаго мятежа.

Причины погибели Димитрія были слѣдующія. Онъ выбралъ себѣ въ жены не Москвичку, а Польку; Польскіе нравы и обычаи предпочиталъ Московскимъ; чрезмѣрно расточалъ Московскую казну, раздавая

ее чаще всего Полякамъ; женѣ и Польскому королю, подарилъ предметы великой драгоцѣнности, которые услалъ за границу; раздавалъ помѣстія и должности Полякамъ, запросто бесѣдовалъ съ ними, дозволялъ имъ свободно и фамильярно бесѣдовать съ собой. Все это и удивляло, и оскорбляло Москвичей, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые только тирановъ считаютъ своими господами, привыкнувъ страшиться ихъ, а не любить. Кромѣ того Димитрій ѣлъ телятину, не каждую недѣлю ходилъ въ баню, не билъ передъ образами обычныхъ Московскихъ поклоновъ и водилъ съ собой въ церковь собакъ. Мятежъ больше всего поддерживало подозрѣніе, что этотъ Димитрій—ложный, вымышленный. Москвичамъ сильно надоѣло распутство Поляковъ, которые стали обращаться съ ними, какъ со своими подданными, нападали на нихъ, ссорились съ ними, оскорбляли, били, напившись до пьяна, насиловали замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Зачинщикомъ этого бунта, мятежа и неповиновенія Димитрію былъ Василій Шуйскій, тотъ самый, котораго Димитрій по просьбѣ Поляковъ помиловалъ въ послѣднюю минуту, когда онъ уже стоялъ колѣнопреклоненный подъ топоромъ палача. Онъ и въ самомъ началѣ не хотѣлъ признать Димитрія истиннымъ наслѣдникомъ престола. Вотъ этотъ-то Василій Шуйскій задумалъ погубить Димитрія, чтобы самому овладѣть царствомъ, не воображая, что и ему предстоитъ быть постыдно свергнутымъ съ престола, попасть въ неволю къ Полякамъ и умереть въ Польской темницѣ.

27-го Мая царскіе покои гремятъ отъ разнообразной музыки. Московскій Гименей пляшетъ съ Польской Венерой, которой помогаетъ Вакхъ; полные кубки переходятъ изъ рукъ въ руки между Польскими кавалерами, гулкія трубы трубятъ здравицы, звонкимъ эхомъ раздаются волторны, даже орудія провозглашаютъ здравицы. Всѣ опьянѣли: кто отъ Фалернскаго вина, а кто отъ любви. Одни пошли отдыхать и безпечно спятъ; другіе, возвратившись домой, бесѣдуютъ, превознося царя и суля для себя въ будущемъ еще болѣе драгоцѣнныя, несчетныя милости отъ царскихъ щедротъ, съ которыми они и вернутся въ Польшу. У каждаго гоститъ Гименей, о Марсѣ не думаетъ никто. Вдругъ ударили—но не въ литавры, а во всѣ колокола. Отовсюду стекается несмѣтное количество вооруженныхъ людей во дворецъ, которымъ они безъ труда овладѣваютъ. Алебардщики разсѣяны. Затѣмъ самъ Шуйскій врывается съ вооруженными людьми во дворецъ. Димитрій, испуганный набатомъ, криками, смятеніемъ и звономъ оружія, окруженный со всѣхъ сторонъ, въ отчаяніи ищетъ какого-нибудь убѣжища, чтобы спасти жизнь; но нельзя ему нигдѣ укрыться: непріятель не даетъ ему времени, гоняясь за нимъ изъ покоя въ покой. Тогда онъ прыгаетъ въ окно и, падая внизъ, причиняетъ себѣ пораненіе. Враги убиваютъ

его и на веревкѣ, затянутой вокругъ шеи по грязи тащатъ на рынокъ, на глаза черни. Тутъ они его постыдно обнажили, плевали на него, отрѣзали носъ и уши, испачкали трупъ въ зловонныхъ клоакахъ, привязали къ хвосту лошади и всячески издѣвались надъ нимъ. Наконецъ, оставивъ его въ теченіе двухъ дней на рынкѣ, они говорили Полякамъ, что приведенный ими царь лежитъ въ пышномъ убранствѣ. Они обливали его голову помоями и вонючей жидкостью, а на третій день, привязавъ къ шесту, сожгли. Такова была кончина гордаго Димитрія, пренебрегшаго предостереженіями доброжелательныхъ къ нему Поляковъ.

Во время смятенія царица не успѣла одѣться, такъ какъ дѣло происходило на зарѣ. Всѣ придворныя дамы были еще безъ головныхъ уборовъ: со сна онѣ не успѣли позаботиться о костюмѣ. Услыша возню во дворцѣ, царица выбѣжала и желала узнать, въ чемъ дѣло; когда же узнала, что царя убили, она вернулась на верхъ. Когда она шла по лѣстницѣ, ее толкнули, но никто не узналъ. Еслибъ узнали, то вѣроятно убили бы. Она вошла въ помѣщеніе, гдѣ собрались и печально сидѣли придворныя дамы.

При царицѣ состоялъ камердинеромъ Янъ Осмольскій. Когда мятежники стали приближаться сюда, онъ выскочилъ, загородилъ имъ путь, сталъ рубить направо и налѣво и долго защищался, потому что они не могли справиться съ нимъ въ тѣсномъ углу. Удивительно, что онъ одинъ, безъ всякой помощи, защищенный только стѣной и двумя боковыми колонами, изранилъ пятьдесятъ Москвичей и двадцать убилъ. Изнеможенный наконецъ, онъ лишился сознанія; тогда Москвичи изрубили его и нагнали собакъ, которыя тутъ же сожрали его трупъ. Затѣмъ они ранили выстрѣломъ старую придворную даму, Хмѣлевскую, отъ чего она черезъ нѣсколько дней умерла. Но въ эту минуту подоспѣли бояре, которые перевели царицу со всѣми женщинами въ другой покой съ увѣреніями, что имъ не грозитъ никакой опасности. Но у царицы отобрали всѣ драгоцѣнности, деньги, богатства и лучшія украшенія, подаренныя ей мужемъ, а также и ея собственныя, привезенныя изъ Польши, отобрали не только драгоцѣнныя ткани, парчу, но и всѣ платья, всѣ женскія наряды, оставивъ ее и придворныхъ дамъ въ однихъ исподницахъ и накидкахъ. Чернь они разогнали и поставили стражу. Слава Богу, что оставили женщинъ въ живыхъ.

Воевода, еще ничего ни зная о царѣ, но видя бунтъ, сталъ опасаться за свою жизнь. Остальныхъ во дворцѣ уже нельзя было спасти, такъ какъ ворота были заперты. Мы съ воеводой крѣпко забили окна и двери, ибо насъ было немного. 60 человѣкъ пѣхоты, которые ночью стояли на стражѣ по приказанію воеводы, разошлись по домамъ, а

остальные 60 не торопились придти. Но всѣ мои люди, которыхъ было около 300, видя опасность, двинулись къ дому воеводы, чтобы защищать его; ихъ однако не пропустили, такъ какъ всѣ улицы были загорожены палисадами и частоколами; они только выстроились подъ знаменемъ. Всѣ улицы были заняты вооруженными людьми, которые не дерзали однако напасть на отрядъ воеводы, выстроенный въ боевомъ порядкѣ. Итакъ, воевода остался только со слугами и мелкой челядью. Но мы готовы были защищаться до послѣдней возможности, боясь, чтобы и съ нами не поступили какъ, съ другими на нашихъ глазахъ. Орудія были уже направлены прямо къ намъ въ окна, иныя были выстроены у стѣнъ; но наши стѣны были каменныя, сводчатыя и очень крѣпкія: взять насъ приступомъ было бы трудно; можно было бы только уморить голодомъ. Они уже кидали въ насъ камнями, а стрѣльцы врывались черезъ извѣстный намъ проломъ стѣны; но бояре, подъѣхавъ къ воротамъ, крикнули, чтобы воевода выслалъ кого-нибудь изъ старшихъ для переговоровъ съ ними. Мы не довѣряли имъ, поэтому они дали намъ въ заложники одного боярина, начальника 500 стрѣльцовъ. Воевода послалъ тогда своего старшаго слугу Станислава Поголинскаго; не рѣшаясь открыть ворота, мы помогли ему перелѣзть черезъ ограду. Увидя, что онъ вооруженъ, они убѣдились, что вооруженныхъ у насъ довольно. Когда онъ пришелъ къ думнымъ боярамъ, одинъ изъ нихъ, по имени Татищевъ, состоявшій въ числѣ самыхъ опасныхъ измѣнниковъ, обратился къ нему съ рѣчью, объясняя, что «Всемогущій Богъ хранитъ Своимъ Провидѣніемъ всякія государства и правитъ ими по Своей волѣ. Поэтому все, что́ здѣсь случилось, случилось по Божьей волѣ, и измѣнникъ, несправедливо овладѣвшій нашимъ государствомъ, не происходя изъ царскаго поколѣнія, недолго тѣшился обладаніемъ его: сегодня насталъ конецъ его жизни и царствованія. Твоему господину слѣдовало бы тоже поплатиться жизнью вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ онъ былъ его опекуномъ. Онъ первый привелъ его въ нашу землю, онъ причиной всѣхъ бывшихъ несчастій и золъ, онъ ввелъ смятеніе въ спокойную страну. Пусть же онъ благодаритъ Бога за то, что остался цѣлъ сегодня и пусть впредъ не ожидаетъ никакой опасности ни для себя, ни для дочери, которую мы обезопасили со всей ея свитой. Иди и передай это своему господину».

Тогда только мы убѣдились, что царь убитъ. Нами овладѣла великая скорбь; но съ другой стороны мы радовались, что насъ обезпечили миромъ.

Едва мы успокоились немного, какъ опять ударили въ колокола: оказалось, что всѣми силами осаждали князя Вишневецкаго. Не зная, въ чемъ дѣло, онъ хотѣлъ уже скакать верхомъ со всѣми своими слугами и челядью во дворецъ или въ поле; когда же его увѣдомили объ

убіеніи царя, онъ рѣшилъ, что ѣхать не зачѣмъ, велѣлъ всѣмъ спѣшиться и собирался защищаться дома. Но его обезпечили миромъ и дали приставовъ; чернь же, жаждая добычи, напала на нихъ. Тогда князь собралъ своихъ и бросился на осаждающихъ. Москвичи, не будучи въ состояніи одолѣть его, подкатили орудія и стали стрѣлять въ домъ. Поляки продолжали защищаться. Воины князя Вишневецкаго убили до 300 Москвичей; имъ еще помогъ пушкарь, который плохо направилъ дуло (не въ стѣну, а въ осаждающихъ, отъ чего погибло множество людей). Самъ князь не хуже другихъ пронизывалъ враговъ пулями.

Шуйскій, видя, какъ гибли Москвичи, крикнулъ князю, чтобы тотъ остановился; онъ вынулъ крестъ и цѣловалъ его, обѣщая ему миръ. Князь повѣрилъ ему и впустилъ его къ себѣ. Шуйскій, войдя во дворецъ, громко заплакалъ, при видѣ убитыми столькихъ Москвичей. Опасаясь, чтобы князь не подвергся новому нападенію черни, онъ взялъ его съ собою въ другое помѣщеніе, куда велѣлъ переправить важнѣйшихъ его слугъ, лошадей и всѣ вещи. Во время этого нападенія у князя было убито 17 человѣкъ солдатъ и одинъ слуга.

Къ Красноставскому старостѣ тоже стали уже подбираться и осаждали его, подкапываясь подъ заборы; онъ защищался со своими. Прибѣжали бояре, которые и уняли Москвичей.

Уже до этого многихъ изъ нашихъ побили на Никитской улицѣ, гдѣ стояла свита царицы. Туда направили большинство силъ, ибо на этой одной улицѣ находилось нѣсколько сотъ Поляковъ; но численность ихъ не помогла имъ спасти себя. Нѣкоторые спали еще, когда уже всѣ дома были окружены, поэтому каждый защищался съ челядью изъ своею квартиры. Нѣкоторые, находясь по сосѣдству, перебирались къ кому нибудь одному и защищались сообща; иные дрались на улицѣ; когда порохъ вышелъ у нихъ весь, они выскочили на улицу съ саблями и чеканами. Во время этого приступа погибло очень много Москвичей, ибо наши защищались мужественно и настойчиво. Изъ Поляковъ погибли только тѣ, которыхъ Москвичи взяли на вѣру и, отнявъ у нихъ оружіе, убили; тамъ же, гдѣ нашихъ было нѣсколько или нѣсколько десятковъ человѣкъ въ защищенномъ мѣстѣ, Москвичи ничего не могли сдѣлать и отказывались отъ осады. Тамъ погибли: Андрей Комаровскій, который долго и храбро защищался саблей, Самуилъ Стшижевскій, Яковъ Городецкій, слуга воеводы, Станиславъ Лагевскій, Янъ Забавскій, Войцѣхъ Пѣшхлинскій, Станиславъ Сумовскій, Яковъ Солецкій, Пшецлавскій, Глинскій, Крушинскій, Марцинковскій, Готардъ Ганчикъ, Куновскій, Міяковскій, Витовскій, Галлеръ, Боболо. Изъ слугъ убитаго царя погибли: Склинскій, Липницкій, Борша, Чар-

новицкій, Ивановскій, Храпковскій, Вонсовичъ, Петчицкій, Гарабурда, Головня. Надъ ними бунтовщики проявили большую жестокость: когда нѣкоторые изъ нихъ, повѣривъ клятвамъ заговорщиковъ, сдавались, то послѣдніе грабили ихъ, раненыхъ убивали, невѣроятно тиранили, глумились надъ трупами, распарывали ихъ, кололи, четвертовали, срѣзывали жиръ, бросали въ лужи, въ навозъ, въ воду. На этой улицѣ они награбили много добычи, такъ какъ тамъ жили многіе богатые и нарядно одѣвавшіеся Поляки. Царскаго слугу Склинскаго они распяли на столѣ, обрѣзали ему руки и ноги, распороли животъ и вбили на колъ.

Осаждавшіе князя бросились на домъ Сигизмунда Тарла, Пшеминскаго хорунжаго. Онъ не могъ дать имъ отпора; поэтому они скоро овладѣли домомъ, подстрѣлили даже его супругу, убили нѣсколько человѣкъ изъ челяди и разграбили все добро. Тарло съ супругой остались въ однѣхъ рубахахъ. Тоже случилось съ госпожею Гербуртъ и съ Любомірскимъ. Оттуда они стали осаждать находящагося по сосѣдству королевскаго секретаря, ксендза Помаскаго. Онъ какъ разъ служилъ обѣдню и едва успѣлъ произнести: Ite missa est, какъ была взломана послѣдняя дверь. Онъ былъ еще въ облаченіи; его раздѣли и тамъ же предъ алтаремъ убили. Брата его и челядь тоже перебили, а вещи разграбили. Тамъ находился и ксендзъ Александръ Шендецкій, Бобовскій каноникъ; ему удалось спастись нагимъ, благодаря Нѣмецкому говору, такъ какъ его сочли за Нѣмца. Но если бъ они знали, что это ксендзъ, то непремѣнно убили бы его. На Саноцкаго старосту не нападали, такъ какъ знали, что у него 100 конныхъ драгунъ и 200 пѣхотинцевъ. Сюда же сбѣжались: Немоевскій, королевскій подстольничій, Корытко и Вольскій. Видя, что тутъ много вооруженныхъ людей, бунтовщики отошли. Только одинъ негодяй пустилъ пулю надъ головой старосты и едва не попалъ въ него.

Луковскій староста, замѣтя утромъ волненіе, пошелъ къ королевскому послу, куда собралось и много другихъ. Посолъ велѣлъ всѣхъ пускать къ себѣ; да и послѣ мятежа они еще долго оставались у него: посольскій домъ не тревожили. На Стадницкихъ бунтовщики бросились было, но тамъ имъ ничего не удалось сдѣлать, потому что тѣ храбро защищались. Павелъ Тарло, сынъ Сохачевскаго старосты, и Самуилъ Баль долго защищались въ одномъ домѣ. Москвичи, будучи не въ состояніи одолѣть ихъ безъ потерь, обѣщали имъ миръ. Баль повѣрилъ имъ, вышелъ и отдалъ оружіе; но они, измѣнники, изрубили и его, и его слугъ. Видя это, Тарло не вышелъ и остался невредимъ. Обманувъ также Петра Доморацкаго, они и его убили, выведя за ворота. Яковъ Броневскій, проснувшись на разсвѣтѣ, не могъ больше уснуть. Какъ только разсвѣло, онъ одѣлся и, замѣтя тревогу, сѣлъ на коня, взялъ

съ собой трехъ всадниковъ и невредимо пріѣхалъ къ воеводѣ. Убитъ былъ также Краковскій купецъ Целярій, у котораго расхищены всѣ драгоцѣнности и товары. Баптиста, другого Краковскаго купца, они бросили, думая, что онъ уже мертвъ, но ему Господь вернулъ здоровье. Онъ остался нагимъ и лишился крупной суммы золота. Немало побили и другихъ купцовъ, забравъ у нихъ много золота, серебра и другихъ товаровъ; больше всего пропало драгоцѣнностей, которыя царь взялъ у нихъ, но за которыя не заплатилъ.

Всѣхъ Поляковъ, согласно спискамъ, погибло до 500, а Москвичей 1800 съ лишнимъ.

За наши прегрѣшенія Господь Богъ лишилъ насъ разума; поэтому-то намъ и не пришло въ голову во̀ время защитить себя, хотя мы и замѣчали, что происходитъ что-то неладное. Если бъ мы собрались всѣ вмѣстѣ и стали на смежныхъ позиціяхъ, бунтовщики не дерзнули бы напасть на насъ и, во всякомъ случаѣ, не одолѣли бы насъ.

Въ тотъ же день Татищевъ и Голицынъ, два именитѣйшихъ сенатора и главные, послѣ Шуйскихъ, руководители заговора, пришли къ воеводѣ, чтобы навѣстить и успокоить его. Воевода былъ также въ этотъ день во дворцѣ у царицы, съ тремя всадниками, воспользовавшись разрѣшеніемъ бояръ. Ему съ трудомъ удалось пробраться живымъ, ибо чернь все еще стояла у дворца и какъ только воевода вошелъ туда, всѣ толпой бросились за нимъ; но бояре велѣли затворить ворота. Воевода засталъ всю свиту и придворныхъ дамъ царицы безъ одеждъ и опечаленный вернулся домой среди толпы, которая смотрѣла на него, какъ на какое-то диво.

Новый царь Василій Шуйскій.

29 Мая 1606 года выбрали другого царя, князя Василія Шуйскаго. При его избраніи было очень мало бояръ и черни. Избравъ, они представили его міру. Царь сейчасъ же прислалъ сказать воеводѣ, чтобы тотъ ни о чемъ не безпокоился, увѣряя его, что «все буде гораздо». Царицѣ прислали во дворецъ все, въ чемъ она нуждалась. Такъ какъ она не могла ѣсть тамошнихъ яствъ, то посылали въ кухню къ воеводѣ, гдѣ варили кушанье для царицы и потомъ приносили во дворецъ. Солдатъ воеводы вывели изъ столицы и повели къ границѣ, оставивъ при воеводѣ 230 человѣкъ.

2-го Іюня. Отнявъ у царицы все, что̀ она получила отъ царя и что̀ привезла съ собой, ее отослали вечеромъ вмѣстѣ со всѣми женщинами въ помѣщеніе, которое занималъ воевода. На другой день ей прислали нѣкоторыя вещи, совершенно пустыя шкатулки и ящики и немного платья; а драгоцѣнности, наряды, деньги, жемчугъ и другія украшенія, лошадей и коляски задержали.

9-го Іюня послали за воеводой во дворецъ. Когда онъ, всего съ девятью другими предсталъ передъ думными боярами, то между ними начались препирательства и долгіе споры. Бояре обвиняли воеводу во всѣхъ убійствахъ, кровопролитіи и мятежахъ, возникшихъ послѣ приведенія имъ Димитрія (котораго они звали Разстригой и измѣнникомъ) въ Москву. Они говорили: «Богъ чудесно спасъ тебя, воевода, отъ позорной смерти; благодари Его за это, ибо и съ тобой должно было случиться то, что̀ случилось съ Разстригой».

Коронованіе новаго царя совершилось 11 Іюня довольно жалкимъ образомъ, потому что простонародія было много, а бояръ всего нѣсколько человѣкъ.

23 Іюня 1606 г. Когда думные бояре въ обширныхъ рѣчахъ слагали всю вину за нарушеніе общаго мира въ государствахъ и за кровопролитный Московскій мятежъ на короля, Рѣчь Посполитую и на Сендомірскаго воеводу, Мологоскій отвѣчалъ имъ:

«И до насъ, въ государствѣ е. в. милостиваго короля нашего, дошла вѣсть о томъ, что послѣ великаго государя вашего, Ивана Васильевича, остался ребенкомъ Димитрій, которому былъ данъ въ удѣлъ Угличъ. Ходилъ также слухъ о томъ, что Борисъ велѣлъ его убить. Человѣкъ, котораго вы называете ложнымъ Димитріемъ, появившись въ государствѣ е. в. нашего короля, приводилъ много доводовъ и показывалъ знаки на тѣлѣ, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ. Онъ говорилъ что Господь Богъ чудесно избавилъ его отъ тирана Бориса, который искусно и въ свою пользу умертвилъ великаго государя Ѳедора Ивановича, обманулъ и уничтожилъ многіе изъ вашихъ знатныхъ родовъ, а васъ, думные бояре, и многихъ знатныхъ людей такъ притѣснялъ, что вамъ негдѣ было искать помощи и совѣта. Въ проискахъ и злодѣйствахъ Бориса нельзя было сомнѣваться; ибо мы слыхали о нихъ не только отъ этого убитаго человѣка, но и отъ многихъ другихъ изъ вашего народа. Однако я скажу, что этому убитому человѣку не только е. в. король государь нашъ, но и придворные е. к. в. не вѣрили, и онъ долго подвергался насмѣшкамъ. Потомъ представители вашего народа, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, примкнули къ нему, единодушно утверждая, что онъ истинный царевичъ, Димитрій Ивановичъ. Когда они явились съ нимъ къ е. в. королю, то е. в. не соглашался съ ними, но съ другой стороны вспомнилъ о необъяснимыхъ Божьихъ чудесахъ и о примѣрахъ исторіи, по которой извѣстны неудачные случаи покушенія злодѣевъ на жизнь царскихъ дѣтей для отнятія у нихъ престола. Хотя е. в. зналъ о тираніи Бориса, но, будучи набожнымъ христіанскимъ монархомъ, строго соблюдалъ договоры, заключенные съ вашимъ великимъ государемъ и поэтому не счелъ возможнымъ объявлять вамъ войну изъ за Димитрія. Онъ поручилъ все дѣло Божьей волѣ, искренно вѣря, что истинный наслѣдникъ съ Божьей помощью легко овладѣетъ престоломъ предковъ. Ни своихъ гетмановъ, ни войска онъ къ вамъ не слалъ. Человѣка этого считали у насъ не царевичемъ, а нищимъ, и подавали ему даже милостыню по

христіанскому обычаю. Иные, какъ напримѣръ Сендомірскій воевода, человѣкъ искренній и добродѣтельный, вѣрили, что этотъ человѣкъ— истинный царевичъ. Онъ согласился на просьбы его и примкнувшихъ къ нему Москвичей и далъ имъ небольшой отрядъ воиновъ, чтобы итти къ Московской границѣ. И онъ, и тѣ Москвичи, чтò къ нему примкнули, увѣряли, что Москва приметъ его съ хлѣбомъ-солью и покорится ему со всѣми крѣпостями, какъ своему наслѣдному государю; если-жъ этого не будетъ, тогда Сендомирскій воевода вернется отъ границы назадъ, чтобы не нарушить заключеннаго договора.

«Дѣйствительно, не доходя до Московской гриницы, еще во владѣніяхъ е. в. короля, подданные встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, какъ онъ предсказалъ. Ему добровольно сдались Моравскъ и Черниговъ, чтò еще болѣе убѣдило людей въ истинности его происхожденія. Еслибъ тѣ Москвичи, которые считали этого человѣка своимъ царевичемъ, прислали сенаторамъ короны письмо за подписью бояръ и здѣшняго духовенства, то ни е. в. король, ни сенаторы не стали бы вмѣшиваться ни въ дѣла Бориса, ни въ дѣла того убитаго человѣка, а только глядѣли бы издали, ожидая справедливаго суда Божьяго».

«Когда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ Москвичи сопротивлялись, а Борисъ писалъ къ е. в. королю, называя этого человѣка такъ же, какъ и вы, Гришкою Отрепьевымъ, а не Димитріемъ, и напоминая е. в. королю о заключенныхъ съ нимъ договорахъ: то нашъ государь послалъ строжайшія грамоты Сендомірскому воеводѣ и тѣмъ войскамъ, которыя были подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, приказывая имъ прекратить всякія сношенія съ этимъ Отрепьевымъ и тотчасъ же возвратиться назадъ изъ Московскихъ предѣловъ. Дѣйствительно, воевода и его Польскія войска тотчасъ же вернулись оттуда въ Польшу; а такъ называемый Отрепьевъ остался тамъ съ вашими Донскими казаками, съ частью Запорожцевъ и съ другими отрядами вашего Московскаго народа, которые избрали его своимъ государемъ. Послѣ отъѣзда Сендомірскаго воеводы въ Польшу, многія крѣпости, отступивъ отъ Бориса, признали Отрепьева своимъ истиннымъ царемъ».

«Когда же Борисъ скончался, и вы остались безъ государя, никого не избирая, е. в. король подумалъ, что, не завися ни отъ Бориса, ни отъ Отрепьева, вы пошлете ему увѣдомленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ; но вы вмѣсто увѣдомленія собираете все ваше лучшее Московское войско, которое было подъ Кромами, князей, воеводъ, доблестное воинство, и всѣ вы добровольно кланяетесь Отрепьеву, признавая его своимъ наслѣднымъ государемъ и приводите его сюда въ столицу. И хотя Димитрій (котораго вы называете Гришкою Отрепьевымъ) находился еще далеко, вы, думные бояре, сажаете подъ стражу жену и сына Бориса, а именитѣйшіе изъ васъ, какъ то: князь Мстиславскій, князья Шуйскіе, кн. Голицынъ и другіе думные бояре и дьяки ѣдете встрѣчать его на разстояніи цѣлыхъ 30 миль отъ вашей столицы Москвы, провозглашаете его своимъ государемъ, приносите ему присягу и, приведя сюда въ столицу, коронуете. Затѣмъ вы разрѣшили своему послу, думному боярину Аѳанасію, котораго Борисъ посылалъ и къ е. в. королю, и къ христіанскому императору и къ другимъ госуда-

рямъ—пріѣхать къ е. в. королю. Онъ представилъ актъ, скрѣпленный Московской государственной печатью, благодарилъ за хлѣбъ-соль и за благосклонность, оказанную царю въ государствѣ е. в. короля, и заявилъ о его желаніи быть въ вѣчной дружбѣ съ е. в. королемъ. Затѣмъ онъ просилъ е. в. короля, чтобы онъ разрѣшилъ Сендомірскому воеводѣ отдать свою дочь Димитрію въ жены. Е. в. король, желая сохранить вѣчный миръ съ Московской монархіей, съ радостью далъ на это свое разрѣшеніе. Отъ имени вашего государя Димитрія бояринъ Аѳанасій повѣнчался съ дочерью Сендомірскаго воеводы. И до этого, и послѣ, всѣ гонцы, посылаемые къ е. в. королю и къ воеводѣ, утверждали, что царь—истинный Димитрій. Затѣмъ воевода привезъ сюда свою дочь, а е. в. король отправилъ насъ, своихъ пословъ, на свадьбу для скрѣпленія нашей общей дружбы мирными переговорами. Знатные Московскіе сенаторы, кн. Василій Масальскій и думный бояринъ Нагой съ великимъ Московскимъ посломъ встрѣтили воеводу и его дочь на границѣ и привели ихъ сюда въ столицу. Вы, думные бояре, еще за городомъ привѣтствовали ее, какъ свою государыню, и присягнули ей. Потомъ она была всенародно коронована вашимъ патріархомъ и владыками при соблюденіи вашихъ Русскихъ церемоній. Насъ, пословъ, встрѣтилъ подъ Смоленскомъ вашъ полкъ съ приставами, для сопровожденія сюда до самой столицы. Мы собирались съ вами на совѣщанія, и никто изъ васъ не выражалъ сомнѣнія на счетъ подлинности Димитрія. Хотя нѣкоторые люди изъ вашего народа сомнѣвались въ томъ, что онъ истинный Димитрій, но вы, Москвичи, сами разсѣяли всѣ сомнѣнія, торжественно объявивъ сосѣднимъ государствамъ, что онъ вашъ истинный государь и наслѣдникъ. Убивъ же его, вы теперь свидѣтельствуете противъ себя, обвиняя е. в. короля нашего и Рѣчь Посполитую въ томъ, въ чемъ сами виноваты. Мы не коримъ васъ за его смерть, такъ какъ у насъ нѣтъ причинъ сожалѣть о немъ: вы сами были свидѣтелями того, какъ онъ обращался съ нами, несправедливо требовалъ императорскаго титула, не велѣлъ принимать писемъ отъ е. в. короля и сталъ не въ мѣру спѣсивъ. Мы очень удивлены и опечалены тѣмъ, что вы посягнули на жизнь знатныхъ Поляковъ и нашихъ воиновъ, которые не подали никакого повода къ несогласіямъ съ вами изъ за него. Вы же многихъ нашихъ убили, совершили великое кровопролитіе, расхитивъ наши деньги и имущество. Убивъ Гришку Отрепьева, вы должны были удовлетвориться, а насъ оставить въ покоѣ, такъ какъ мы васъ не трогали. Вмѣсто того, чтобы утѣшить насъ, вы стараетесь еще больше растравить нашу скорбь. Вся вина лежитъ на васъ, потому что договоръ ни въ чемъ не нарушенъ съ нашей стороны».

«Мы надѣялись, что все происшедшее вы примите, какъ кару за свои грѣхи и Божье предостереженіе, испросите прощенія сперва у е. в. короля нашего, потомъ у воеводы, вернете его дочери все то, что̀ вы у нея похитили и тотчасъ же выведете подъ своимъ конвоемъ изъ Москвы всѣхъ Поляковъ и насъ пословъ со всѣмъ нашимъ имуществомъ. А мы, возвратясь къ е. в. королю нашему, строго будемъ блюсти неприкосновенность договоровъ и вѣчный миръ съ вами. Если же вы не отошлете насъ со всѣмъ имуществомъ въ Польшу

и не извинитесь передъ е. в. королемъ нашимъ, то нельзя ничего ждать хорошаго отъ взаимныхъ отношеній между нашими народами».

Бояре были сильно поражены этой свободной, дерзновенной рѣчью пословъ, которые, не будучи посланы къ теперешнему правительству, а къ бывшему растригѣ Гришкѣ Отрепьеву, осмѣливались бросить такой упрекъ Московскому Сенату и открыто обвинять его. Сильно озлобились бояре за рѣчь посла и его несокрушимые доводы, подтверждающіе ихъ виновность.

Посламъ такъ отвѣчалъ думный бояринъ Татищевъ: «Почто вы тутъ до Москвы пришли, нашли на нашъ край.... и стучала на волка.... коза, а волкъ съѣлъ-то ее и схватилъ другую. Ахъ, кавалеры, ахъ, кто васъ не знаетъ, пускай станутъ, если вашъ Марсъ въ трубы заиграетъ, какъ..... *) къ лисѣ, въ свою сторону, такъ всѣ удираете къ другимъ подъ охрану».

Когда же послы хотѣли требовать удовлетворенія за такой мужицкій отвѣтъ, они не дали имъ говорить и воскликнули:

«Слушай, ты, полякъ, не дури! Говори, не говори, что̀ хочешь говори, намъ то все буде лихо. Ступай дальше, не говори, молчи. Коли дураки, такъ что̀ будетъ, что̀ не будетъ, быть вамъ у насъ въ посрамленіи, гораздъ молодецъ Москаль. Полякъ, не бурчи: колы не будешь уходить, побьемъ».

Претерпѣвъ такое оскорбленіе, послы вышли. Ихъ потомъ долго держали арестованными подъ стражей, и они пробыли въ Россіи почти два года.

23 Іюня царь отправилъ своего посла къ е. в. королю, съ которымъ позволилъ каждому изъ нашихъ отправить гонцовъ съ письмами, что̀ они и сдѣлали.

25 Іюня собралось нѣсколько десятковъ тысячъ народу передъ воротами дворцоваго двора, на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ царь обыкновенно являлся народу. Міръ собрался съ оружіемъ, съ камнями; но мы не знали, зачѣмъ. До насъ дошли слухи о томъ, что нѣкоторые бояре, озлобленные на королевскихъ пословъ, безъ вѣдома царя и другихъ бояръ, взбунтовали чернь, сказавъ, что царь велѣлъ побить остальныхъ Поляковъ. Царь выѣхалъ къ нимъ и, выслушавъ причину ихъ сборища велѣлъ имъ разойтись, а бунтовщиковъ наказать. Но мы сильно встревожились и нѣсколько ночей почти не смыкали глазъ.

1-го Іюля до насъ дошли слухи о томъ, что Димитрій живъ и избѣгъ опасности; но мы этимъ слухамъ не вѣрили.

8-го Іюля перевели воеводу съ царицей и со всей челядью изъ Борисова дворца за другую стѣну, въ домъ Аѳанасія, который за свое посольство въ Польшу былъ сосланъ въ Сибирь.

*) Не разобрано.

15-го Іюля Саноцкаго старосту первый разъ пустили къ воеводѣ. Въ слѣдующіе дни бояре вели тайные переговоры съ міромъ, выѣзжая въ поле. Они желали погубить насъ, но міръ не позволялъ; а потому въ эти дни мы тревожились.

1-го Августа во дворцѣ поднялось смятеніе изъ за подброшенныхъ писемъ, которыя были подписаны именемъ Димитрія. Ихъ не хотѣли читать всенародно, но, считая подложными, испытывали почерки всѣхъ дьяковъ, при чемъ оказалось, что ни одинъ изъ нихъ не писалъ такимъ почеркомъ. Въ виду же того, что народъ льнулъ къ Димитрію, поклявшись ему въ вѣрности и повиновеніи, правительство сильно встревожилось и стало поспѣшно собирать войска. Но мы никакъ не могли повѣрить тому, что Димитрій живъ.

20-го Августа приказано было воеводѣ, царицѣ, Красноставскому старостѣ, сыну его, Луковскому старостѣ и Саноцкому старостѣ приготовляться въ путь, въ крѣпость Ярославль, расположенную еще дальше Москвы, на разстояніи 42 миль отъ нея. Остальныхъ вельможъ, какъ-то князя Вишневецкаго, Тарлова, Стадницкихъ и другихъ, отправили съ женами (ибо онѣ ѣхали на свадьбу, а не на войну), въ другія крѣпости.

Мы выѣхали изъ столицы 26 Августа. Всѣхъ насъ было 375 человѣкъ вмѣстѣ со свитой придворныхъ дамъ царицы. Къ намъ приставили 300 Московскихъ стрѣльцовъ. Въ эту ночь сгорѣлъ въ столицѣ домъ Бориса, гдѣ стоялъ воевода, и Монастырскій дворъ, такъ что и церковь оказалась поврежденной.

4-го Сентября. Мы остановились на Ярославскомъ предмѣстьи. Намъ отвели четыре двора на предмѣстьѣ за валомъ. Три изъ нихъ были вмѣстѣ, а четвертый поодаль. Въ одномъ изъ нихъ поселился воевода со слугами; въ другомъ, смежномъ, царица съ придворными дамами, въ третьемъ—старосты Саноцкій и Луковскій, а въ отдаленномъ—Красноставскій. Остальныхъ помѣстили по близости.

Городъ Ярославль представляетъ довольно большое поселеніе, но онъ неказистъ; каменныхъ построекъ нѣтъ, кромѣ монастыря, окруженнаго каменной же оградой. Полуразрушенный замокъ обнесенъ заборомъ; онъ расположенъ на курганѣ въ междурѣчьи Которосли и Волги. Городъ тянется отъ берега къ берегу и, начиная съ предмѣстья, онъ окруженъ валомъ вышиною въ двѣ копны. Мы стояли за этимъ валомъ.

Прибыли въ Ярославль письма царя Шуйскаго, въ которыхъ онъ велитъ не вѣрить тому, что Димитрій живъ, потому что онъ еще мальчикомъ былъ убитъ въ Угличѣ, по приказанію Бориса, и останки его

перенесены въ Москву; тотъ же, котораго убили въ Москвѣ назывался Гришкой Отрепьевымъ, Разстригой. Теперь появился другой такой измѣнникъ, который опустошаетъ ихъ земли съ шайкой подобныхъ себѣ разбойниковъ, захватывая нѣкоторые укрѣпленные города силой, а другіе обманомъ и называя себя Димитріемъ. «Поэтому, если онъ и къ вамъ станетъ писать, не вѣрьте ему, сдержите данную мнѣ присягу и молите Господа Бога о томъ, чтобы мнѣ удалось погубить этого измѣнника».

Такія письма читались всенародно.

Вскорѣ бояре и войска Шуйскаго возвратились, проигравъ сраженіе, въ которомъ у нихъ, по ихъ же словамъ, погибло до семи тысячъ человѣкъ. Это сраженіе происходило на разстояніи восьми миль отъ столицы Москвы, послѣ чего войско Димитрія быстро подступило къ Москвѣ. Мы хорошо знали одно: что войско Шуйскаго всегда въ проигрышѣ и постыдно разбито. Мы не знали только, кто билъ; что Димитрій—мы не могли повѣрить этому; нѣкоторые называли Петраска.

Пристава приказывали намъ именемъ царскимъ отдать свое оружіе; мы же отвѣтили, что не отдадимъ его, развѣ только вмѣстѣ съ жизнью; поэтому они часто пугали насъ вымышленными опасностями.

Прибылъ отъ царя, или неизвѣстно отъ кого, бояринъ, который увѣрялъ, что его послали для отобранія у насъ оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ всему міру собраться на валахъ, чтобы насъ устрашить, а самъ съ приставами пріѣхалъ къ воеводѣ и царскимъ именемъ требовалъ выдачи оружія. Вельможи отвѣтили: «Мы скажемъ тоже, что и раньше говорили, наше вооруженіе достанется вамъ только съ нашей жизнью». Вмѣсто того, чтобы насъ напугать, они сами испугались, ибо наши, увидя нѣсколько тысячъ народа на валу, тотчасъ же схватились за оружіе. Приставы велѣли стрѣльцамъ закрыть наши ворота; когда тѣ подошли къ воротамъ, одинъ изъ нашихъ разогналъ ихъ винтовкой. Затѣмъ насъ увѣрили въ томъ, что не будутъ больше тревожить, велѣли черни разойтись, и сами отъѣхали прочь. Обо всемъ этомъ они доложили царю, и бояринъ уѣхалъ.

Прибѣжалъ изъ столицы гонецъ, объявляя царскую милость воеводѣ: царь не будетъ отбирать оружія отъ Поляковъ; пусть только оно хранится у одного воеводы, который будетъ отвѣчать за всѣхъ, если кто-нибудь изъ Поляковъ провинится или перейдетъ на сторону измѣнника Димитрія.

Два легкоконныхъ воина изъ знатныхъ дворянъ ушли изъ города пѣшкомъ. Приставы, узнавъ объ этомъ на другой день, подняли большой переполохъ, подозрѣвая, что воевода выслалъ ихъ съ письмами въ Польшу. Воевода доказалъ, что онъ ничего не зналъ объ этомъ.

Впослѣдствіи приставы и сами убѣдились въ этомъ. Тогда они стали требовать выдача воина, жившаго въ одномъ домѣ съ двумя ушедшими. Товарищи взяли его къ себѣ и не хотѣли выдавать: а Русскіе, вооружившись, собрались и послали сказать Польскимъ воинамъ, что закидаютъ ихъ кольями, если не выдадутъ измѣнника. Тѣ отвѣчали, что не выдадутъ, развѣ только ихъ вытащатъ мертвыхъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда утихло, воинъ этотъ пошелъ было вечеромъ къ Саноцкому старостѣ. Стража, завидя его, подняла крикъ; на него напало нѣсколько сотъ человѣкъ спереди и сзади: онъ довольно долго избѣгалъ ихъ въ переулкахъ, стращая оружіемъ, и наконецъ попалъ на дорогу, ведущую къ нему въ домъ. Дойдя до воротъ, онъ разогналъ стрѣлецкую стражу. Его товарищи, услыша шумъ и узнавъ воина, впустили его, а нападавшіе больше не гнались за нимъ.

Когда Димитрій Шуйскій, братъ царя, сталъ осаждать войско противника, то къ послѣднему пришли на помощь ближнія подкрѣпленія, зайдя въ тылъ Шуйскому. Противникъ вышелъ тогда на него изъ Калуги, разбилъ его войско и преслѣдовалъ его на разстояніи нѣсколькихъ миль. Самъ Шуйскій едва успѣлъ спастись; на полѣ битвы осталось 14.000 его воиновъ. Въ Москвѣ воцарилась скорбь и тревога великая, усилившаяся тѣмъ, что ихъ опять побили и разгромили подъ Серпуховымъ.

Случилось однажды, что, по недостатку дровъ, наши послали слугъ вытаскивать колья изъ заборовъ. Русскіе, завидя ихъ, собрали нѣсколько десятковъ человѣкъ и хотѣли ихъ бить. Нашимъ пришлось защищаться и они втроемъ разогнали мужиковъ, причинивъ нѣкоторымъ изъ нихъ пораненія. Но все это улеглось, и воеводу никто не безпокоилъ. Когда пришло извѣстіе о томъ, что войско царя Шуйскаго снова разбито, кузнецъ Красноставскаго старосты, подвыпивъ, побѣжалъ съ стрѣльцами царя Шуйскаго и сказалъ имъ: «Если царь Димитрій вернется на престолъ еще при насъ, то мы вашего царя Шуйскаго воткнемъ на колъ и бояръ вмѣстѣ съ нимъ, а васъ четвертовать будемъ». Приставы, узнавъ объ этомъ, требовали выдачи кузнеца. Красноставскій староста старался его оправдать; но они не удовлетворились этимъ, говоря, что *«не приходится нашему царю въ своей землѣ удовлетворяться оправданіями»*. Однако кузнеца имъ не выдали. Карла Дунайскаго схватили за то, что онъ привезъ въ Москву письма отъ Димитрія, которыя и подбросилъ. Его поймали, и на допросѣ онъ утверждалъ, что Димитрій живъ и что онъ видѣлъ его собственными глазами десять недѣль тому назадъ. Хотя онъ подтвердилъ это присягой, но намъ не вѣрилось.

ИЗЪ ДОМОВАГО АРХИВА ГРАФА П. Б. ШЕРЕМЕТЕВА.

I.

Государю сіятельнѣйшему графу Петру Борисовичу и государынѣ сіятельнѣйшей графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ.

Доношу вашему сіятельству, что портретъ Ея Императорскаго Величества въ Сенатѣ, писанный мною прошедшаго Августа тридесятаго дня окончалъ и сего Сентября перваго дня Ея Императорскому Величеству, чрезъ князь Петра Никитича Трубецкого былъ представленъ при самомъ выходѣ въ походъ [1]), и оной портретъ Ея Императорское Величество изволила апробовать, что работа и идея хороша, также и въ лицѣ сходство есть, а болѣе нижняя часть лица похожа, въ которой я могъ болѣе примѣтить. При ономъ его сіятельство князь Петръ Никитичъ доложилъ Ея Императорскому Величеству, что я наизустъ оной писалъ съ примѣчанія въ выходахъ, потому что оригиналовъ сходныхъ нѣтъ, и Ея Величество изволила сказать: для чего-де мнѣ не сказали; мнѣ бы самой надобно было сидѣть. И на оное его сіятельство доложилъ, что объ ономъ не хотѣли утруждать Ея Величество. Потомъ Ея Императорское Величество изволила указать оной портретъ въ Москву взять, и всевысочайшею своею монаршею милостію изволила удостоить меня, чтобъ въ бытность въ Москвѣ съ самой Ея Императорскаго Величества писать, и оной въ чемъ надобно будетъ могъ поправить. И при оной оказіи къ рукѣ Ея Императорскаго Величества пожалованъ былъ я всенижайшій. И оной портретъ отъ Сенатской Конторы съ нарочнымъ курьеромъ сего Сентября седмаго дня въ Москву отправленъ и съ князь Петромъ Никитичемъ оной будетъ. А мнѣ по договору моему за работу на деньги указъ данъ въ Штатсъ-Контору. И я князь Петромъ Никитичемъ [2]) весьма доволенъ, также и экзекуторомъ въ неоставленіи меня въ такомъ случаѣ, безъ вашего сіятельства во отсутствіи. Ваше сіятельство премилосердыхъ государей за дозволеніе, падъ у ногъ вашихъ, съ рабολѣпностію моею всенижайше благодарствую. В. с.-ва всенижайшій Иванъ Аргуновъ [3]).

1762 Сентября 9-го.

II.

Доношу, государь, ваше сіятельство; въ С.-Петербургскихъ домѣхъ обстоитъ все благополучно. Ея Величество Государыня Императрица вчерашняго дня изволила выѣхать пополудни въ третьемъ часу и въ Царскомъ Селѣ изволитъ пробыть двои сутки; въ праздникъ Алексан-

---

[1]) Въ старину *походомъ* назывался всякій выходъ государя. П. Б.

[2]) Князь Петръ Никитичъ Трубецкой, двоюродный братъ графини Варвары Алексѣевны Шереметевой.

[3]) Даровитая семья Аргуновыхъ, изъ крестьянъ князей Черкаскихъ. Семенъ Аргуновъ былъ довѣреннымъ лицомъ и управителемъ у княгини Марьи Юрьевны Черкаской, Иванъ Аргуновъ—художникъ-портретистъ. У него сыновья: Николай Аргуновъ также художникъ-портретистъ и жанристъ и другой братъ Ѳедоръ архитекторъ.

дра Невскаго Государыня соизволила отъ Казанской въ церемоніи итить до монастыря пѣшая, и кавалеры были, государь, всѣ въ епанчахъ. Работы, государь, остановились на Приморскомъ дворѣ [1]) и въ здѣшнемъ домѣ за великими дождями. При семъ, государь, посылаются газеты Нѣмецкія. В. с. нижайшій, государь, рабъ Василій Замятнинъ.

С.-Петербургъ. Сентября 2 дня 1762 году.

III.

..... Танцовальной мастеръ Гранже великія интриги подѣлалъ въ покояхъ, гдѣ онъ жилъ. Убрался къ отъѣзду въ Москву на другой дворъ, а въ тѣ покои вмѣсто себя пустилъ незнаемо какихъ три женщины. Правда хотя оныя и весьма хорошенькія мамошки или кокетки, хотя о нихъ я и сожалѣлъ, однако выгналъ какъ нечестивыхъ и покои выкурилъ и ихъ нечистой духъ. И первое было мнѣ сказалъ онъ Гранжей, что будто его жена остается тутъ жить, а я ему чрезъ переводчика на то отвѣтствовалъ, что у него жены нѣтъ, онъ холостъ у насъ жилъ; то послѣ уже сказалъ: я-де воленъ кого хочу, того пущу въ тѣ покои. И я ему велѣлъ сказать: онъ такой власти въ домѣ вашего сіятельства не имѣетъ, кого хочетъ безъ себя пустить. И оной Гранжей пришедъ разругалъ меня, но я по его чужестранству ему то уступилъ и не бранился съ нимъ, и онъ мнѣ сказалъ, якобы ему князь Андрей Николаевичъ [2]) приказалъ, что хотя онъ въ Москву и поѣдетъ, токмо въ тѣ покои хочетъ онъ отъ себя пустить безденежно, но я, на то не взирая, согналъ ихъ, и онъ пришедши въ тѣхъ покояхъ видя то, что по его желанію не сдѣлалось, мамошки его выгнаны, такъ безсовѣстно сдѣлалъ, что всеё подмазку въ покояхъ тѣхъ обилъ и во многихъ мѣстахъ карнизы подмазанные штукомъ отломалъ, выдирая свои пристройки на смѣхъ; и стеколъ въ окончинахъ много перебилъ каналья. Послалъ я подъячего домоваго ему сказать, что для чего онъ такія обиды дому дѣлаетъ; онъ на посланнаго замахивался обухомъ, хотѣлъ его бить и хотѣлъ замки отъ дверей снять, однако я не далъ; и ему злобно показалось, для чего его мамзелекъ какетокъ не допустилъ тутъ жить, и я, не зная, какія онѣ пущены у него были, во всѣ ночи скачка да пляска и крикъ у нихъ былъ, и онъ обѣщался вашему сіятельству за оное на меня жаловатся. Подлинна Русская пословица: хозяинъ вынеси образа, пусти черта жить. Такъ то онъ жилъ, насильно его выгналъ, другимъ жильцамъ подлѣ него покою не было отъ его тутъ житья. Всепокорнѣйшій слуга Андрей Зиновьевъ.

Сентября 12 дня 1762 г. С.-Петербургъ.

IV.

Изъ письма Василія Якимовича Замятнина, отъ 18 Ноября 1762 г.

Доношу, государь, вашему сіятельству, что у насъ въ Петербургѣ разбои и грабежи превеликие, и всѣ здѣсь находятся въ страхѣ.

---

[1]) Нынѣ Горный корпусъ.

[2]) Щербатовъ.

писемъ Екатерины къ графу Бобринскому, кромѣ тѣхъ, что напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 г.

Жизнеописанія къ портретамъ писаны неровно, очевидно лицами разными, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались свѣдѣніями, дослѣ недоступными Русскимъ изслѣдователямъ. Одни изъ жизнеописаній служатъ образцами дѣльной сжатости изложенія при сохраненіи всего существеннаго; въ другихъ встрѣчаемъ непровѣренные анекдоты. Гетманша Разумовская названа то Анною, то Екатериною. (Сохранилось преданіе, что сынъ ея графъ Левъ Кириловичъ—произведеніе Шведа Венкштерна). Не указано политическое значеніе гетмана, замыслы котораго еще при Елисаветѣ умѣрялъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ (см. „Архивъ Князя Воронцова“). Московскій домъ его брата, супруга Елисаветы Петровны, былъ не тамъ, гдѣ нынѣ четвертая гимназія. Составитель жизнеописанія графа Завадовскаго (ум. не въ 1810 г., а въ 1812 г.) мало знакомъ съ томомъ его писемъ къ его другу графу С. Р. Воронцову. Не указаны его вѣскія заслуги Русскому просвѣщенію. О Безбородкѣ не приведенъ вѣрный отзывъ Карамзина въ письмѣ къ Дмитріеву: (онъ не любилъ Россію) а также и то, что у него въ канцеляріи сочинена была и приписана Георгію Конискому Исторія Малороссіи, не одинъ десятокъ лѣтъ смущавшая многихъ: цѣлый рядъ лицъ поплатился за увлеченіе этою мнимою исторіею. Князь А. И. Чернышевъ долженъ вызвать новыя біографическія разысканія. Любопытно бы доискаться, не былъ ли онъ при Наполеонѣ и на островѣ Эльбѣ. При портретѣ генерала Ренни не сказано о томъ, что ему и подчиненнымъ его нашимъ солдатамъ обязано сохраненіемъ знаменитое производство Шампанскихъ винъ въ погребахъ Моэта.

Къ числу рѣдкихъ портретовъ и жизнеописаній принадлежатъ: Кавказскаго главнокомандующаго Ртищева, князя Ипсиланти, Рожерсона. Въ бумагахъ сего послѣдняго могло сохраниться много для насъ любопытнаго, такъ какъ онъ былъ въ добрыхъ сношеніяхъ съ главнѣйшими Русскими современниками своими и въ перепискѣ наприм. съ графомъ С. Р. Воронцовымъ. Происходя изъ государства, гдѣ не любятъ лѣчиться и не охотно допускаютъ врачей въ близость, Рожерсонъ снискалъ себѣ благопріятелей въ Россіи и, по его слѣду, немало было врачей-Англичанъ при Русскомъ дворѣ въ теченіи чуть ли не цѣлаго вѣка.

Любопытны женскіе портреты, эти племянницы великолѣпнаго князя Тавриды, изъ которыхъ княжна Голицына походитъ лицомъ на своего дядю; эта княгиня Куракина (Н. И. Панинъ, дядя супруга ея, сохранилъ свое положеніе въ царствованіе Петра III-го, благодаря ей), позднѣе Дивова и почти уже въ наши дни—жены Декабристовъ, Нарышкина, Якушкина, Фонвизина-Пущина, омрачившая свое поприще во второмъ супружествѣ. П. Б.

ПОДПИСКА

на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Перемѣняя адресъ на новый, надо высылать прежній. За перемѣну адреса городскаго на городской и иногороднаго на иногородный—30; при перемѣнѣ же городскаго на иногородный—90 к. (по цѣнамъ Почтамта).

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р;. годы 1898—1905 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ, отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

6.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ МУЗЕЯ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

Т. I. Составилъ А. Бѣлецкій. Изданіе Общества Ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Вильна. 1906. 4° XIII, LXXXIX (состояніе Сѣв.-западнаго края въ управленіе В. И. Назимова) и 233 стр. въ два столбца (указатель обѣщанъ во 2-мъ томѣ). Изданіе предположено въ 10 томахъ; въ настоящемъ напечатано 285 документовъ. Музей основанъ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ, Виленскимъ генералъ-губернаторомъ В Н. Троцкимъ, и открытъ 17 Апрѣля 1901 года. Любопытно, что за вышедшее нынѣ изданіе документовъ Музея обязаны мы преемнику В. Н. Троцкаго, князю П. Д. Святополку-Мирскому. Этотъ первый томъ есть памятникъ политическихъ ошибокъ, совершенныхъ съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра II-го. П. Б.

КНЯГИНЯ ЛОВИЧЪ.

(Въ приложеніи къ № „Новому Времени" отъ 3 Мая 1906 года)

Прекрасно составленная біографія съ портретомъ. Значеніе женскихъ вліяній въ общественной и государственной жизни недостаточно оцѣнено, между тѣмъ какъ при внимательномъ изученіи очень часто оправдывается пословица cherchez la femme (ищите женщину). Къ нашей исторіи она примѣнима въ особенности въ теченіе уже слишкомъ двухсотъ лѣтъ, а зоркій разслѣдователь находитъ ей подтвержденіе и въ Руси до-Петровской. Побѣдители обыкновенно дѣйствуютъ на побѣжденныхъ черезъ женщинъ. Княгиня Чарторижская обольстила нашего князя Репнина и произвела князя Адама, который сдѣлалъ столько зла Россіи. Основательница новой династіи, Екатерина, разочаровавшись въ обѣихъ своихъ невѣсткахъ, должна была позаботиться о томъ, чтобы супруги внуковъ ея, подобно ей, усвоивались Русскому народу. Забота великой Государыни увѣнчалась успѣхомъ: Елисавета Алексѣевна отлично знала по-русски, и ее воспѣлъ Пушкинъ. Анна Ѳеодоровна (1781—1860), не долго остававшаяся въ Россіи, до конца дней своихъ сохраняла приверженность къ ней. (Она переписывалась съ Русскими людьми, и въ числѣ ихъ съ княземъ П. А. Вяземскимъ).

Въ жизни обоихъ старшихъ сыновей Павла Петровича имѣли преобладающее значеніе двѣ красавицы-Польки („Ляшки-коханки" по Мицкевичу). Одна, Марія Антоновна Нарышкина (Четвертинская) стоила Россіи дороже, нежели всѣ любимцы Екатерины Великой (люди Русскіе). Вліяніе на его брата княгини Ловичъ было благотворно для него лично; но ея біографіи писаны иностранцами и Поляками. Можетъ быть, въ отношеніи политическомъ найдутся иныя показанія людей Русскихъ. Обыкновенно винятъ Константина Павловича за его разъѣздъ съ Анною Ѳеодоровной. Братъ ея, Бельгійскій король Леопольдъ, много лѣтъ находившійся въ Русской службѣ, свидѣтельствуетъ въ своихъ Запискахъ, что великій князь былъ человѣкъ добрый и просвѣщенный, съ которымъ сестра его готова была ужиться, но что державная свекровь, одержимая страстью властвовать (fureur de régner, по выраженію графа Растопчина) сосо-

ИСТОРІЯ ДИМИТРІЯ ЦАРЯ МОСКОВСКАГО И МАРИНЫ МНИШЕКЪ, ДОЧЕРИ СЕНДОМІРСКАГО ВОЕВОДЫ.

Дневникъ Мартына Стадницкаго.

Часть II *).

Уже почти два года сидѣли мы подъ стражей въ Россіи, какъ наконецъ дождались радостнаго извѣстія объ освобожденіи и получили разрѣшеніе вернуться на родину. Случилось это благодаря усиліямъ е. в. короля, который выслалъ къ царю пословъ, требуя нашего освобожденія. Мы получили отъ этихъ королевскихъ пословъ письмо, высланное изъ столицы, въ которомъ насъ освѣдомляли объ окончаніи переговоровъ. Вотъ это письмо:

«Вельможные и уважаемые братья!

Послѣ долгихъ переговоровъ съ думными боярами мы заключили между е. в. королемъ и Московскимъ государемъ миръ на четыре года безъ одного мѣсяца. При установленіи этого мира самымъ важнымъ условіемъ было то, чтобы освободить васъ и всѣхъ воиновъ е. в. короля, находящихся здѣсь въ плѣну. Государемъ уже изданы распоряженія, чтобы освободить всѣхъ Поляковъ изъ крѣпостей, гдѣ они находились подъ стражею, и дать имъ возможность уѣхать на родину. На счетъ вознагражденія васъ за разграбленное имущество—Богъ свидѣтелемъ тѣхъ усилій, которыя мы употребляли долгое время въ вашу пользу. Но дѣло въ томъ, что грабителями они считаютъ не себя, а насъ, и послѣ долгихъ споровъ пришлось отложить это дѣло до рѣшенія комиссіи, составленной изъ представителей обѣихъ сторонъ. Надо было больше позаботиться о жизни и освобожденіи вашемъ, нежели объ имуществѣ, такъ какъ того и другого вмѣстѣ нельзя добиться. Препоручаемъ васъ Божію Провидѣнію, умоляя Его о томъ, чтобы поскорѣе свидѣться съ вами на родинѣ. Дано въ столицѣ Москвѣ, 1-го Августа 1608 г.».

Приставы пріѣхали къ намъ, объявляя, что великій государь освободилъ насъ, разрѣшилъ вернуться въ Польшу и жалуетъ насъ 200 рублями, которые наши старшины должны раздать по усмотрѣнію между отдѣльными лицами, по 15 р. каждому. Лошадей нашихъ тоже обѣщали

*) См. выше, стр. 128.

намъ возвратить. Готовиться въ путь намъ приказали немедленно, раздавая по мѣрѣ надобности подводы. Радость нашу описать невозможно; можно только догадаться о ней, вообразивъ, какъ радуется узникъ, выйдя изъ темницы. Пришла вѣсть, что наши братья уже освобождены изъ крѣпостей и отправились въ путь.

Мы выѣхали изъ Россіи въ Польшу 3-го Октября.

Послы е. в. Польскаго короля Конецпольскій, Огинскій и князь Острогскій говорили царю Шуйскому:

«Почему королевскій посолъ, Сендомірскій воевода и другіе знатные люди, находившіеся при немъ въ большомъ количествѣ, такъ долго были содержимы въ тюрьмѣ безъ всякой уважительной причины? Вѣдь они пріѣхали не грабить землю, а привезли бывшему царю супругу, руки которой онъ просилъ у е. в. короля. Они же сами встрѣтили коронныхъ пословъ, изъявляли желаніе подтвердить дружбу и вести переговоры относительно вѣчнаго мира». На это царь и думные бояре отвѣтили, что и посолъ, и воевода, и всѣ королевскіе люди пріѣхали не къ истинному царю, а къ Разстригѣ, на погибель Русскаго государства. Поэтому съ нимъ иначе нельзя было поступить, какъ только убить его. Польскій посолъ доказывалъ имъ, что «онъ былъ ихъ истиннымъ государемъ, потому что они сами признали его; ихъ войско подъ Кромами перешло къ нему, всѣ присягнули ему и короновали его. Но все то, что́ случилось, послужитъ лишь къ вѣчному позору Русскаго народа по всему свѣту. Если же теперь царь не велитъ выпустить людей моего государя, то онъ вручаетъ ему эту саблю». И, положивъ на голой саблѣ письмо, онъ сказалъ: «Мой государь объявляетъ тебѣ справедливую войну».

Однако на другой день царь угощалъ пословъ и воеводу, устроивъ торжественный пиръ. Послѣ долгихъ переговоръ былъ наконецъ заключенъ миръ на нѣсколько лѣтъ. Видны были движущіеся огненные столбы на небѣ.

Такъ какъ царю Шуйскому не везло, и онъ все хотѣлъ уйти въ монастырь, то его уговорили жениться. И онъ женился на дочери Ростовскаго князя, Петра Буйносова, но не на долго: царь женился, пожилъ одинъ годъ съ женой, а на другой годъ отдалъ ее въ монастырь.

Димитрій Шуйскій, родной братъ царя, погубивъ болѣе 100.000 войска и не надѣясь на успѣхъ, вернулся изъ подъ Алексина. Онъ упрекалъ царя въ томъ, что тотъ веселился и устраивалъ свадьбу въ то время, когда проливалась кровь. Онъ говорилъ царю: «Твоей власти скоро конецъ настанетъ, ибо тебѣ не на что разсчитывать; позаботься поэтому и о насъ, и о себѣ. Придется кланяться тому, кому по праву принадлежитъ власть».

Послѣ ухода Димитрія Шуйскаго изъ подъ Алексина, всѣ остав-

шіяся тамъ его войска поддались царю Димитрію, отдавъ оружіе и обѣщавъ миръ. Посолъ Димитрія Адамъ, полковникъ, самъ-шостъ пріѣхалъ въ столицу съ письмами къ Шуйскому и къ міру. Его приняли радушно, и онъ обѣщалъ царское помилованіе въ томъ случаѣ если добровольно признаютъ его царемъ. Патріархъ громко читалъ эти письма при царѣ передъ міромъ. Міръ спрашивалъ мнѣніе царя, а царь—мнѣніе міра. Царь рѣшилъ, что выбирать не приходится, когда дѣло касается жизни. «Видно, Богу такъ угодно, я уступаю ему и отнесу ему мечъ на своей головѣ». А міръ крикнулъ: «И мы тоже, *да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ, всея Руси великій государь*! Но мы просимъ, чтобы онъ помиловалъ насъ и не позволилъ солдатамъ грабить насъ. Пусть царь Димитрій пришлетъ принять присягу». Съ этимъ они и отправили посла.

Хотя царь Шуйскій и міръ хотѣли добровольно сдаться, но этого не случилось. Когда царь Димитрій послалъ своихъ бояръ, онъ отправилъ вмѣстѣ съ ними небольшое войско съ Голицинымъ и Иваномъ Нагимъ во главѣ. Тогда Димитрій Шуйскій, братъ царя, съ отцомъ жены царя, убѣдили міръ не довѣрять самозванцу и встрѣтить его съ оружіемъ. «А такъ какъ мой братъ не способенъ царствовать, то обѣщайте мнѣ: когда я васъ защищу и успокою государство, вы признаете меня своимъ царемъ». Они обѣщали ему это, а онъ роздалъ цѣнные подарки боярамъ. Сейчасъ же онъ вышелъ съ отцомъ царской жены во главѣ ополченія и, встрѣтившись съ войскомъ Димитрія, проигралъ сраженіе, ибо разгромленное войско Шуйскаго было разбито, самъ Димитрій былъ раненъ, но спасся бѣгствомъ; отца жены царской взяли въ плѣнъ и содрали съ него кожу. Изъ подъ Смоленска прибыли на помощь царю Димитрію Поляки Стадницкіе съ войскомъ въ 12000; они ворвались въ Москву и, взявъ въ плѣнъ многихъ бояръ, отослали ихъ къ царю Димитрію.

Въ это время Донскіе и Запорожскіе казаки взяли также Ростовъ. Съ ними было 200 Москвичей, а всѣхъ казаковъ 800. Всѣ они служили царю Димитрію. Въ Ростовѣ было нѣсколько бояръ и 2000 войска царя Шуйскаго. Напавъ ночью на соборъ, они захватили митрополита и воеводу, тамъ же убили поповъ и множество черни, забрали въ плѣнъ многихъ женщинъ, царскую казну, золото, серебро, жемчугъ. Среди награбленныхъ предметовъ была статуя, отлитая изъ золота, которую зовутъ ракою Леонтія Чудотворца и которая вѣсила пудъ и двадцать фунтовъ, также серебряная гробница, очень много золота и серебра на образахъ. Все это они похитили.

Въ столицѣ Москвѣ великое смятеніе, люди другъ съ другомъ де-

рутся: одни хотятъ Шуйскаго, другіе не стоятъ ни за того, ни за другаго, а все изъ-за того, что войска Димитрія берутъ окрестныя крѣпости. Царь Шуйскій послалъ Луковскаго старосту Мнишка къ царю Димитрію, чтобы узнать, онъ ли это; но Димитрій не выпустилъ его назадъ.

Царица Марина, отецъ ея воевода, королевскіе послы, князь Вишневецкій, Московскій гетманъ Ружицкій и остальные Польскіе вельможи не ѣдутъ въ Польшу, а остаются въ лагерѣ Димитрія.

Только что обагренный свѣжей кровью Московскій престолъ занимаетъ искусный зачинщикъ этой кровавой трагедіи, Василій Шуйскій. Изъ колоды палача выросла его порфира. Но страшная гроза надвинулась на него. Въ самомъ началѣ у него сталъ оспаривать престолъ Петрашекъ, увѣряя, что онъ принадлежитъ къ линіи Московскихъ царей. О Боже, сколько пролито человѣческой крови, которая не только оросила Россію, но ею покрыты Русскія поля, какъ глубокимъ озеромъ! 300.000 народу полегло съ той и съ другой стороны въ этой брани. Что же послѣ случилось? Петрашекъ, требуя царской короны и надѣясь на нее, попалъ,—но не на престолъ, а на висѣлицу, на которой и погибъ отъ руки палача. Но тутъ еще не конецъ: надъ Московской монархіей и несчастнымъ Василіемъ Шуйскимъ поднимается еще болѣе страшная Немезида, предвѣщающая кровавую гибель. Изъ свѣжаго и не остывшаго еще костра (на которомъ, думали, сгорѣлъ Димитрій) онъ встаетъ живымъ. Подобно Арабскимъ фениксамъ, смертный прахъ произвелъ безсмертныхъ Димитріевъ для Московской монархіи. Итакъ, расходится слухъ, что Димитрій избѣгъ преслѣдованія Шуйскаго, спасаясь въ подземельяхъ. Его никѣмъ не видѣнное лицо, незнакомое міру, долго обманывало Москвичей; иныхъ же привела къ Димитрію тиранія Шуйскаго. Человѣкъ этотъ былъ ложный Димитрій и разстрига; его звали, по словамъ Москвичей, Григоріемъ Шаховскимъ. Пользуясь смятеніемъ, онъ вывелъ изъ конюшни нѣсколькихъ царскихъ лошадей и бѣжалъ къ Польской границѣ. Поляки узнали, что Димитрій остался живъ и бѣжалъ. Они пылали гнѣвомъ за своихъ убитыхъ въ Москвѣ братьевъ, жаждали войны и мщенія вышли изъ границъ Польши на встрѣчу Димитрію, собравъ отмѣннѣйшіе полки и конвойные отряды. На помощь Димитрію вышелъ съ войскомъ и Литовскій гетманъ, Янъ Сапѣга. Русскіе тоже все чаще и гуще собирались около Димитрія. Такимъ образомъ ложный Димитрій собралъ большое войско, и счастье военное улыбалось ему, о чемъ уже выше было сказано.

Когда по окончаніи переговоровъ Польскіе вельможи собрались ѣхать въ Польшу, царица Марина, не будучи въ состояніи вынести своего позорнаго сверженія съ престола Шуйскимъ, задумала рискнуть

собственной жизнью, чтобы отмстить измѣннику и овладѣть престоломъ Московской монархіи. Она тайно выслала своего вѣрнаго придворнаго Запорскаго съ письмомъ къ Димитрію, увѣдомляя его о томъ, что она, въ качествѣ его законной жены, собирается пріѣхать къ нему; пусть только онъ немедленно вышлетъ проводника, знающаго окольные пути, а за нимъ пусть идетъ конвойный отрядъ тѣми же окольными путями, по которымъ поведетъ проводникъ. Она совѣтовала Димитрію также выѣхать на встрѣчу къ ея отцу, воеводѣ и посламъ, выѣзжавшимъ изъ Москвы торною дорогой, и пригласить всѣхъ Польскихъ вельможъ въ лагерь.

Дѣйствительно, Польскіе вельможи, воевода, князь Вишневецкій, Красноставскій и Саноцкій старосты выѣхали со свитами изъ Москвы. Конныхъ воиновъ было 250. Въ Переяславлѣ они встрѣтились съ Польскими войсками, которыя послѣ обоюдныхъ привѣтствій пригласили ихъ съ собой въ лагерь Димитрія, чтобы потомъ отмстить за свою обиду. Снабдивъ ихъ свѣжими Татарскими лошадьми и знаменами на копьяхъ, всѣ они дружно направлялись къ лагерю.

Гонецъ, высланный царицею къ Димитрію, привезъ ему письмо, по прочтеніи котораго царь былъ преисполненъ радости, ибо столь неожиданное извѣстіе явилось для него какъ нельзя болѣе желаннымъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ еще больше энергіи къ выполненію задуманнаго предпріятія—овладѣнію Московской монархіей; ибо съ прибытіемъ царицы Марины вѣсъ его въ глазахъ людей поднимется, и всѣ признàютъ въ немъ истиннаго Димитрія.

Димитрій, призвавъ гетмана Ружицкаго, показываетъ ему письмо царицы, доказывая очевидность того, что онъ ихъ не обманывалъ, такъ какъ царица признаётъ себя его женой, а его своимъ мужемъ. Ружицкій отвѣчаетъ: «Лучшаго доказательства не надо; я съ войскомъ своимъ жизнь свою положу въ отмщеніи обиды в. ц. в. Когда пріѣдетъ царица, она укрѣпитъ силу в. ц. в.; одна ея особа равняется стотысячному войску, ибо Русскій народъ станетъ на сторонѣ в. ц. в.»

Царь тотчасъ же высылаетъ проводника, хорошо знающаго окольныя дороги и съ нимъ возвращаетъ гонца, давъ ему за принесенное письмо сто червонцевъ. Кромѣ того онъ послалъ съ проводникомъ три тысячи конвойныхъ гусаръ. Самъ гетманъ Ружицкій отправился съ конвоемъ и остановился въ лѣсахъ, черезъ которыя должна была проѣзжать царица.

Димитрій выслалъ также отрядъ войска на встрѣчу Польскимъ вельможамъ: шесть полковъ Русскихъ и шесть тысячъ Поляковъ во главѣ съ Яномъ Сапѣгой, Усвятинскимъ старостой.

Гонецъ вручаетъ царицѣ Димитріево посланіе. Послѣ этого царица,

уже приготовленная къ путешествію, высылаетъ коляску впередъ, а сама подъ вечеръ садится въ карету и, прибывъ на постоялый дворъ, переодѣвается гусаромъ, привѣшиваетъ съ боку саблю и сайдакъ и, сѣвъ на коня съ рогатиной въ рукахъ, спѣшитъ ночью вмѣстѣ съ гонцомъ и проводникомъ въ лагерь Димитрія. Подъѣхавъ къ войску, она застаетъ конвой и привѣтствуетъ гетмана. О, какъ обрадовались гетманъ и его гусары, увидя Польскую амазонку, свою государыню! Какъ удивились они ея энергіи, мужеству и храбрости! Гетманъ велѣлъ своимъ направиться къ царскому лагерю, выславъ впередъ гонца съ извѣщеніемъ о прибытіи царицы.

Посланный еще передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ лагерь. Тотчасъ жи самъ царь въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ всадниковъ выѣхалъ навстрѣчу царицѣ. На разсвѣтѣ они встрѣтились, и царица, сойдя съ лошади, побѣжала на встрѣчу царю съ распростертыми объятіями. Царь сдѣлалъ тоже самое и съ великой радостью повелъ царицу въ лагерь; онъ велѣлъ стрѣлять изъ орудій, стоящихъ возлѣ палатокъ, чтобы войско знало о пріѣздѣ царицы, велѣлъ также ударять въ литавры и трубить въ трубы. Когда же загремѣли лагерныя орудія, Русское войско, узнавъ о причинѣ пальбы, отвѣтило на нее изъ орудій своей артиллеріи.

И Сендомірскій воевода выѣхалъ также на другой день съ королевскими послами, съ княземъ Вишневецкимъ, Красноставскимъ и Саноцкимъ старостами, Тарлами, Любомірскими и другими; но онъ не зналъ, что̀ его ждетъ по пути. Черезъ нѣсколько миль, изъ лѣсовъ— спереди, сзади, сбоку — Польскіе вельможи внезапно окружены войсками Димитрія, которыя привѣтствуютъ ихъ въ лицѣ Сапѣги, приглашая всѣхъ въ лагерь къ царю Димитрію, гдѣ уже находится царица. Послы, воевода и всѣ вельможи должны были согласиться на это. Когда они въѣхали въ лагерь, для привѣтствія королевскихъ пословъ данъ былъ залпъ изъ орудій, которому отвѣтили и Русскія орудія. Великая радость, торжество и ликованіе въ Димитріевомъ войскѣ, а въ столицѣ у Шуйскаго великое отчаяніе, скорбь и нужда.

Воевода, познакомившись съ самозванцемъ, сразу увидѣлъ, что это не его зять, но промолчалъ объ этомъ. Увидѣла и царица, что это не ея мужъ, но жила съ нимъ не вѣнчанная. Жажда власти и мести была у нея сильнѣе стыда и честности. Такимъ образомъ, жена, отецъ, послы, Польскіе вельможи, воины и придворные пристали къ ложному Димитрію (руководимые лишь чувствомъ вражды къ измѣнникамъ Шуйскимъ и боярамъ). Царство, власть, великолѣпіе, казавшіяся утерянными, вернулись полностью къ ложному Димитрію. Мистификація!

Король Сигизмундъ идетъ съ войскомъ въ Москву въ 1609 г.

Жестокій Марсъ губительно поколебалъ основы Сѣверной монархіи для того, чтобы созвѣздіе семи склонилось подъ Польское владычество и чтобы Русскій народъ не господствовалъ на Сѣверѣ. Марсъ, благоволя къ Польскому народу, приглашалъ короля Сигизмунда на Московскій престолъ, предлагая ему скипетръ и корону въ награду за военные труды.

1609 годъ годъ былъ въ исходѣ, когда король, въ Августѣ мѣсяцѣ, лично выѣхалъ подъ Смоленскъ, который и осаждалъ почти два года. Смоленскъ, большой и обширный городъ, былъ обнесенъ двойной стѣной и валомъ, снабженъ провіантомъ и многочисленнымъ гарнизономъ. Это была сильная и безопасная крѣпость. Самый городъ, расположенный на берегу Днѣпра, заключалъ 8.000 домовъ. Такъ какъ Русскимъ было бы трудно отстоять его, они сами сожгли его, перевезя цѣнности въ крѣпость по ту сторону Днѣпра и, выйдя изъ города, тоже заперлись въ крѣпости. Она была опоясана стѣнами съ 38 башнями и свободно могла вмѣстить городскихъ жителей, числомъ 200.000, среди которыхъ способныхъ къ бою воиновъ оказалось до 40.000, не считая почти столь же многочисленнаго гарнизона. Комендантомъ у нихъ былъ Михаилъ-Борисъ Шеинъ, Смоленскій воевода. Вотъ этотъ-то Шеинъ, способствовавшій торжеству Сигизмундову, и былъ взятъ въ плѣнъ.

Причины къ войнѣ съ Россіей слѣдующія. Если бъ король не пошелъ съ войскомъ на Россію, то она, раздвоенная, обратилась бы съ отчаянія либо къ Турецкому, либо къ Татарскому покровительству. Язычники стали бы тогда такъ сильны, что всему христіанству пришлось бы страшиться ихъ, если бъ они овладѣли Московской монархіей, простирающейся отъ границъ Польши до Персіи; а если бъ Москва не подпала владычеству язычниковъ, то, вѣроятно, ею овладѣлъ бы Карлъ Зудерманландскій король Шведскій, который давно уже выжидаетъ удобнаго случая овладѣть Московскимъ престоломъ, какъ овладѣлъ Шведскимъ, отнявъ его у своего племянника, Сигизмунда. Вотъ тогда онъ сталъ бы пробираться и въ Польшу, чтобы и ее завоевать, измышляя разные поводы къ войнѣ, набѣги и наѣзды. Король долженъ былъ спасти честь своего дѣда, во время правленія котораго Смоленскъ отпалъ отъ Польши; поэтому ему было надо постоять за свое, а также отмстить за плѣненіе въ теченіе двухъ лѣтъ Краковскихъ пословъ.

(Войско Димитрія, встревоженное прибытіемъ королевскаго войска, составляетъ заговоръ).

Неожиданное прибытіе короля въ Россію испугало, всполошило войско царя Димитрія. Гетманъ, главнокомандующіе, полковники и ротмистры возмутились этимъ пріѣздомъ короля. Неужели онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы остановить ихъ кровавый и успѣшный бѣгъ къ славѣ?

Неужели они цѣлыхъ два года воевали для того, чтобы онъ отнялъ у нихъ жалованье, выслуженное кровавымъ трудомъ, и лишилъ возможности зарабатывать и впредъ? Они проливаютъ кровь, а король пожинаетъ лавры, которыми будетъ кичиться. Если они отступятъ отъ Димитрія, то кто же заплатитъ имъ за труды? Димитрій выдѣлилъ войску Сѣверщину со Смоленскомъ (лучшую и плодороднѣйшую землю во всей Россіи) въ награду за труды. Доходы съ этой земли были большой поддержкой для войска, а теперь король овладѣлъ ею! Итакъ, одинъ трудился, а другой будетъ пользоваться плодами его трудовъ. Вожди были опечалены тѣмъ, что король хотѣлъ помѣшать вступленію Димитрія на престолъ. Димитрій же обѣщалъ выдать каждому изъ старшинъ по 100.000 червонцевъ, если они отвоюютъ ему престолъ. Тогда войско поклялось, что не отступитъ отъ Димитрія. Итакъ, въ Россіи были три партіи: царя Шуйскаго, Димитрія и Польши.

Старшины отправили тогда пословъ отъ войска къ королю, чтобы объяснить ему причины, по которымъ они не могутъ отступить отъ Димитрія, и просить е. к. в., чтобы онъ не мѣшалъ имъ стяжать дальнѣйшую славу. Когда они приближались къ лагерю Струся, одна изъ ротъ, находящихся подъ начальствомъ гетмана, желая ихъ почтить, выѣхала имъ навстрѣчу и торжественно сопровождала въ королевскій лагерь.

Явившись передъ королемъ и отдавъ ему должную дань уваженія, старый главнокомандующій, посолъ Мархоцкій, сказалъ: (Суровая рѣчь обращенная къ королю). «Пріѣздъ короля не согласуется съ договоромъ, заключеннымъ на Варшавскомъ сеймѣ съ послами Димитрія. Если погибнутъ кровавыя заслуги его войска, и кто-нибудь другой будетъ пожинать плоды этихъ заслугъ, тогда войско это не будетъ считать государя государемъ, братьевъ братьями, отчизну отчизной».

Посолъ хотѣлъ продолжать, но его перебилъ коронный вице-канцлеръ, Феликсъ Крескій, сказавъ: «Что это за безстыдная и неразумная рѣчь? Неужели ваши братья велѣли вамъ произносить столь рѣзкія и непочтительныя для е. в. слова? Неужели они дали вамъ столь суровыя и спѣсивыя инструкціи?»

Нисколько не смущенный этимъ, посолъ смѣло продолжалъ: «Мы ни на волосокъ не отступили отъ данной намъ инструкціи». Тогда вице-канцлеръ потребовалъ, чтобы они показали инструкцію своего посольства. Послы тотчасъ же вручили вице-канцлеру два параграфа, одинъ за подписью Романа Ружицкаго, гетмана Русскихъ войскъ, другой—Александра Зборовскаго, союзнаго маршала. Оба были снабжены подписями. Вручивъ ихъ, они отошли.

Высокомѣрныя требованія пословъ были для всѣхъ такъ непріят-

ны, что имъ ужъ не оказывали никакого почтенія. Въ королевскомъ лагерѣ осмѣивали войско Димитрія, говоря, что ихъ Димитрій живетъ вымыслами поэтовъ; называли Эзопами тѣхъ, которые создаютъ воскресшаго Димитрія послѣ убитаго и сожженнаго. У пословъ спрашивали также, вѣнчалась ли Марина, жена перваго Димитрія, съ теперешнимъ. Послы отвѣчали: «Зачѣмъ вѣнчаться второй разъ, когда она въ Краковѣ въ присутствіи короля принесла клятву въ супружеской вѣрности никому иному, какъ только этому?» Итакъ Марина не вѣнчалась съ этимъ вымышленнымъ Димитріемъ, они легли на одно ложе и обсуждали свои дѣла. Добродѣтель совсѣмъ не входитъ въ расчетъ, когда преобладаетъ жажда власти.

Дерзкая и на все рѣшившаяся женщина не отказалась отъ своихъ высокомѣрныхъ требованій даже въ виду такой великой неудачи. Послѣ сверженія съ престола она глядѣла такъ же величественно и важно, какъ и во время обладанія скипетромъ и короной. Она получила письма отъ своего родственника, Пшемыскаго каштеляна Стадницкаго, который извѣщалъ ее о походѣ короля съ войскомъ на Россію. Но царскихъ титуловъ въ письмѣ онъ не употребилъ, называя ее, какъ свою родственницу, ея первыми Польскими титулами: ясне вельможной и т. д.

Она отвѣтила, что обращеніе каштеляна къ ней, какъ къ родственницѣ, пріятно ей; она надѣется, что Богъ разгромитъ ея измѣнниковъ, и что она снова обрѣтетъ престолъ; самъ король желаетъ этого для нея, въ этомъ она не сомнѣвается. О походѣ короля на Россію она умолчала, досадуя за это на него. Чувствуя себя оскорбленной опущеніемъ царскаго титула, она заполнила всю первую страницу письмà своими неизмѣримыми титулами и подписала: «Императрица Марина». Подъ подписью она написала собственноручно слѣдующія слова: «Кого Богъ осѣняетъ, тотъ не можетъ лишиться свѣта. Солнце не перестаетъ быть яснымъ отъ того, что его закрываетъ темная туча; и я, хотя свергнута съ престола измѣнниками и клятвопреступниками, но все же остаюсь царицей».

На третій день призвали пословъ, которымъ вице-канцлеръ сказалъ: «Е. в. король съ удовольствіемъ принялъ внѣшніе знаки покорности, оказанные ему войскомъ; но и король, и сенатъ, и всѣ не могутъ понять, какъ осмѣлилось войско оскорбить такой инструкціей е. в., дѣйствуя въ разрѣзъ съ вѣрноподданической присягой престолу? Пусть же знаютъ, что е. к. в. ихъ государь и король. Стяжаніе славы и похвалъ съ нарушеніемъ правъ и оскорбленіемъ престола не есть дѣйствіе свободнаго шляхтича: это хитрость, это преступленіе своевольнаго человѣка». Затѣмъ ихъ призвали для лобызанія королевской руки. Послѣ аудіенціи они были приглашены къ обѣду у вице-канцле-

ра; на другой же день, пообѣдавъ у короннаго гетмана Жулкевскаго, они выѣхали обратно.

Вскорѣ и король отправилъ своихъ пословъ, знатныхъ лицъ: Станислава, Стадницкаго, Пшемыскаго каштеляна; князя Христофора Збараскаго Януша Тышкевича, писаря Литовскаго; Станислава Домарацкаго, Брацлавскаго старосту; Мартына Казановскаго, главнокомандующаго, и Яна Добку. Они получили такую инструкцію: стараться изо всѣхъ силъ удержать Московскій престолъ за королемъ, а Димитрія погубить; убѣдить войска, что король не хочетъ заграждать имъ путь къ славѣ и возможность пользоваться плодами своихъ кровавыхъ трудовъ. Онъ хочетъ только, чтобы Польскій народъ овладѣлъ Россіей; труды же войскà онъ пòстарается наградить достойнымъ образомъ. Если они говорятъ, что держатъ сторону Димитрія въ надеждѣ на тѣ награды, которыя онъ имъ обѣщалъ; то онъ не вознаградитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ Московскимъ престоломъ. Вѣдь они и отъ короля могутъ ждать такой же милости, чтò и отъ Димитрія, и отъ короля гораздо скорѣе (такъ какъ онъ обязанъ имъ помогать), нежели отъ посторонняго человѣка, который легко можетъ не сдержать даннаго слова. Съ того дня, какъ они перейдутъ на службу короля, имъ будетъ положено жалованіе. Однако пусть они придерживаются стороны Димитрія до тѣхъ поръ, пока гетманъ не подойдетъ съ королевскимъ войскомъ къ столицѣ: ибо Русскіе, увидя, что Поляки покинули Димитрія, перейдутъ къ царю Шуйскому, чѣмъ сильно затруднятъ задачу короля и свою собственную. Русскихъ надо склонять и плѣнять большими обѣщаніями щедрыхъ королевскихъ милостей; главнымъ же образомъ убѣдить ихъ въ томъ, что король сохранитъ ихъ правà, Греческую вѣру, обряды, праздники св. Русскихъ угодниковъ, монастыри, церкви, доходы которыхъ будутъ увеличены, при чемъ всѣмъ будутъ даны новыя права и привилегіи. Король клятвенно обѣщаетъ это.

Получивъ такую инструкцію, послы отправились къ Димитріеву войску и прибыли туда 17 Декабря 1609 г. Они стройно и торжественно въѣхали въ лагерь. Собственныхъ конныхъ гусаръ у нихъ было 100, а пѣхоты 280—все люди отборные. Навстрѣчу къ нимъ выѣхалъ союзный маршалъ Александръ Зборовскій съ 200 конными, а также гетманъ Ружицкій. Они привѣтствовали ихъ. Встрѣтили ихъ также послы Димитрія, привѣтствуя королевскихъ пословъ отъ имени царя и говоря, что ихъ пріѣздъ въ лагерь очень пріятенъ великому государю Димитрію, который освѣдомляется о здравіи е. в. к.

Каштелянъ Пшемыскій отвѣтилъ, что они съ благодарностью принимаютъ привѣтъ отъ великаго государя, что е. в. король здоровъ и въ свою очередь желаетъ великому государю Димитрію всякаго

благополучія. При въѣздѣ пословъ въ лагерь Димитрій и Марина смотрѣли изъ оконъ до тѣхъ поръ, пока они не вошли въ палатки. Тамъ ихъ угощалъ гетманъ Ружицкій; они пили здравицы короля изъ полныхъ кубковъ при пушечной пальбѣ.

На другой день въ 10 ч. утра королевскихъ пословъ съ величайшимъ почетомъ вывели изъ лагеря на равнину, гдѣ въ полномъ парадѣ стояли войска со старшинами. Пословъ пригласили сѣсть. Тогда каштелянъ Пшемыскій, какъ старшій въ посольствѣ, объяснилъ причины прибытія короля, предлагалъ войску королевскія милости и заявилъ о всемъ томъ, что̀ заключалось въ инструкціи. Старый главнокомандующій Витковскій отвѣтилъ отъ имени войска, что оно благодаритъ е. в. к. за прибытіе къ нему столь именитыхъ особъ послами и обѣщаетъ посвятить все на службу родинѣ и королю. Затѣмъ онъ весьма почтительно просилъ пословъ показать войску рукопись инструкціи. Этимъ посольство и окончилось.

Королевскіе послы уговаривали и склоняли Русскихъ самыми осторожными, мягкими и искусными способами къ тому, чтобы они перешли на сторону короля. Они пригласили къ себѣ однихъ только Русскихъ съ ихъ представителемъ, Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, и перечисляли имъ милости короля, который желаетъ успокоить ихъ государство и родину, желаетъ освободить ихъ отъ тирановъ, овладѣвшихъ ими послѣ кончины наслѣдниковъ, погубить ложныхъ претендентовъ на престолъ и вернуть имъ спокойствіе, свободу и прежнее счастливое время. А такъ какъ Россія больше всего привязана къ своей Греческой вѣрѣ, то послы увѣряли ихъ, что король и впредъ сохранитъ у нихъ эту вѣру, поддерживая богослуженіе въ церквахъ, увеличивая доходы монастырей и т. д., въ чемъ готовъ поклясться имъ.

Русскіе съ удовольствіемъ слушали рѣчи пословъ и плакали отъ радости, вспоминая прежнія спокойныя времена, цѣловали королевское письмо, на которомъ Греческими буквами было начертано имя короля, благодарили короля за обѣщанія и желали ему удачъ. Они хотѣли ѣхать къ царю Шуйскому или по крайней мѣрѣ послать ему письма съ оправданіемъ своего вторженія въ Россію; но онъ не принялъ ни писемъ, ни пословъ, а послѣднимъ даже пригрозилъ смертью.

Димитрій, узнавъ, что войско на сторонѣ короля, а его бранитъ, тайно бѣжалъ изъ лагеря въ Калугу, ожидая тамъ своей дальнѣйшей судьбы. Марина же стала вводить разногласіе въ войскѣ.

Послы получили отъ войска такой отвѣтъ: они готовы посвятить имущество и жизнь на служеніе всѣми силами е. в. королю и родинѣ.

Царица Марина тоже написала королю письмо, исполненное притязаній на подчиненіе себѣ Московской монархіи. 15-го Янв. 1610 г.

«Превратная судьба отняла у меня все, оставивъ лишь справедливое право и претендентство на престолъ Московской монархіи. Обращаю высокое вниманіе в. к. в. на мое посвященіе на царство и признаніе за мною наслѣдственнаго права на престолъ, подтвержденныя двойной присягою Московскихъ сословій. Я убѣждена, что в. к. в. своимъ высокимъ разумомъ и по доброй совѣсти согласитесь со мной, а мнѣ и моей семьѣ, жертвующей своей кровью и несущей большія издержки на это дѣло, придете на помощь своей королевской милостью». Говоря о подчиненіи себѣ монархіи, она такъ возмнила о себѣ, что равняла себя мысленно съ королемъ, собственноручно подписалась: «*Императрица Марина*».

Когда же королевскій посолъ пріѣхалъ къ Маринѣ, донося, что король предлагаетъ ей Саноцкую землю и доходы съ королевской экономіи съ тѣмъ, чтобы она отказалась отъ притязаній на Московскій престолъ, Марина отвѣтила, что охотно уступила бы королю Варшаву, если бы онъ уступилъ ей Краковъ.

Королевскіе послы вернулись съ радостнымъ извѣстіемъ отъ Димитріева войска въ королевскій лагерь; но радость была омрачена внезапной смертью старшаго посла Пшемыскаго каштеляна Станислава Стадницкаго. На третій день по возвращеніи въ королевскій лагерь онъ слегъ въ постель отъ сильной горячки и скончался. Весь королевскій лагерь скорбѣлъ о немъ.

Марина поняла, что нельзя ждать ничего хорошаго, если Польскій орелъ соединится съ двуглавымъ Московскимъ орломъ и взлетитъ на престолъ. И вотъ эта дерзновенная женщина старается подняться на Московскій престолъ съ помощью гербовыхъ эмблемъ своего рода. Она разжигаетъ бунты противъ короля и сильно волнуетъ войско, подстрекая его отступить отъ него. «Королевскіе послы», говоритъ она, «хитростью склонили къ себѣ войско, говоря, что король дастъ ему денегъ. Вотъ онъ взялъ себѣ Сѣверщину, съ которой войско должно было получать опредѣленные доходы, а послы вмѣсто денегъ платятъ войску обѣщаніями. Обѣщанной же суммы король ему не высылаетъ». Потомъ она вкрадчивыми и льстивыми словами восхваляла мужество, твердость и вѣрность солдатъ, а также ихъ частыя побѣды, возбуждающія удивленіе. То опять она умоляла ихъ сжалиться надъ ея судьбой, просила войско не отступать отъ нея и помочь ей овладѣть престоломъ, каковую заслугу она всецѣло припишетъ ихъ доблести, мужеству и дѣятельности. Она напомнила имъ о сокровищахъ Москвы, которыя торжественно обѣщала раздать между ними. Ея ласковыя слова и обѣщанія брали штурмомъ солдатскія сердца. Заманчивыя обѣщанія и мягкое восхваленіе женщиною воинской доблести, ея трогательная скорбь о мужѣ, котораго королевскіе послы прогнали изъ лагеря, ея просьбы,

ея мольбы именемъ Бога, чести и славы, пріобрѣтенной ихъ героическимъ мужествомъ, чтобы они сжалились надъ ней и не покидали ея, звучали словно мягкіе зефиры въ ушахъ солдатъ. Кромѣ того, настойчивая женщина употребляла всевозможныя усилія, являлась на солдатскія сходки, проводила время въ разговорахъ съ ротами, объѣзжала форпосты, предлагая щедрую плату, награды и подарки. Надѣвъ мужское платье, она распутно проводила ночи со старшинами въ палаткахъ, забывъ стыдъ и добродѣтель, и заставляла воинскія сердца не отступать отъ Димитрія. При этомъ Марина раздала между военными 100.000 р., извиняясь, что по недостатку не можетъ дать больше, и добилась своего; ибо слитокъ золота, хотя и небольшой, воодушевилъ сердца.

Такимъ образомъ женскіе зефиры тотчасъ же превратились въ рѣзкіе аквилоны, производящіе бурное замѣшательство. Лагерь былъ настроенъ противъ короля за то, что онъ не сдержалъ обѣщанія, не посылаетъ суммъ для войскъ, поэтому и войска отказались стать на сторонѣ короля. Они ругали и проклинали пословъ за то, что тѣ обманули ихъ. Но когда они узнали, что царь Димитрій бѣжалъ, о, какое смятеніе, шумъ, крикъ, скрежетъ, лязгъ оружія поднялись! Они яростной толпою, подобно безумнымъ, бросаются къ гетману Ружицкому и съ крикомъ обвиняютъ его въ бѣгствѣ Димитрія изъ лагеря, такъ какъ онъ не исполнилъ своихъ обязанностей главнокомандующаго и гетмана.

Только къ вечеру волненіе нѣсколько улеглось, когда мужественный Бучинскій осмѣлился упрекнуть солдатъ, сказавши, что зачинщики подобныхъ бунтовъ не принадлежатъ къ списку своихъ предшественниковъ, имена которыхъ блещутъ происхожденіемъ, доблестью, мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла. Они принадлежатъ къ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ ни чести, ни вѣры, ни сапоговъ, ни подковъ: такіе пригодны лишь къ работѣ шиломъ и сапожнымъ ножемъ, или къ службѣ въ трактирахъ наполнять кружки и кувшины, но не къ военному дѣлу въ лагерѣ. Такіе солдаты, которые дерзаютъ подняться на командира, называются солдатами только по имени.

Чтобы произвести еще большее смятеніе въ войскѣ и сильнѣе привязать его къ себѣ, Марина собственноручно написала письмо, которое оставила въ своей палаткѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ ея отъѣзда оно было громко прочитано войску. Сама же, переодѣвшись гусаромъ и взявъ сайдакъ и саблю, садится верхомъ и тайно покидаетъ въ полночь лагерь, направляясь, въ сопровожденіи двухъ всадниковъ, къ мужу въ Калугу. Стиль письма этой дамы достоинъ удивленія; онъ свидѣтельствуетъ о ея мужественной энергіи, колкомъ остроуміи и необыкновенномъ умѣ, не свойственнымъ ея молодымъ годамъ и полу.

Письмо царицы Марины къ войску.

«Согласно инстинкту природы, безсловесныя животныя и неразумный скотъ привыкли уклоняться отъ болѣзненныхъ ударовъ, и нигдѣ не найти столь безпечнаго звѣря, который не страшился бы и не избѣгалъ бы несчастныхъ случаевъ. Какъ же послѣ этого не заботиться о спасенiи своей жизни человѣку, котораго Богъ возвысилъ по благородству надо всѣми животными, одарилъ его умомъ, словно частицей Своей божественности, предоставивъ всѣ заботы и охрану человѣка себѣ? Воистину Божiе Провидѣнiе особенно охраняетъ и осѣняетъ ежедневно монарховъ и князей; это доказываетъ опытность, которою Господь Богъ одаряетъ государей, а также высокое преимущество правителей обладанiе ими частицей небесной мудрости. Вдохновенiе внушаетъ лучшiя и самыя безопасныя средства, предостерегаетъ о будущихъ случайностяхъ, совѣтуетъ осторожность и предупредительность. Этому то всемогущему вдохновенiю приписываю я всѣ полученныя благодѣянiя. Поручивъ Божьему покровительству себя, свои обиды и права, я надѣюсь также, что Онъ освободитъ меня отъ всѣхъ тѣхъ поношенiй, которыми злые языки терзаютъ мое имя.

Не хочу быть жестокой къ самой себѣ и оставить на произволъ сомнительной судьбы того, о чемъ каждый дѣятельный человѣкъ долженъ заботиться, и не хочу быть болѣе жалкой, чѣмъ животныя. Мною руководитъ не только боязливый женскiй генiй: разсудокъ велитъ мнѣ заботиться о своемъ дѣлѣ и защищаться отъ поношенiй тѣхъ людей, которымъ поручена охрана моей жизни, имени, славы и чести. Эти люди предводители войскъ. Мое сердце, погруженное въ скорбь и глубокую печаль, едва можетъ снести посягательства на мою честь, опороченiе имени и оскорбленiя сана.

Начались съ королевскими послами какiе-то переговоры, конференцiи и сдѣлки для того, чтобы меня унизить и покинуть. На засѣданiяхъ и пирахъ, среди пьянаго веселья, каждый бокалъ сопровождался насмѣшками и клеветами по моему адресу отъ тѣхъ, защитѣ которыхъ я поручила жизнь, честь и неприкосновенность царскаго престола. Судорожно вздрагивала душа, находясь въ безпрестанной тревогѣ, ибо не только мой санъ былъ во мнѣ оскорбленъ: мнѣ грозили съ помощью тайнаго заговора взять меня подъ арестъ и отправить, какъ плѣнницу, къ королю. Я не могла вынести той мысли, чтобы попасть въ руки тѣхъ, которые жаждутъ погубить меня. Точно такъ же Богъ не допуститъ и того, чтобы кто-либо воспользовался моей особой и моими правами на престолъ, какъ предметомъ торговли, чтобы прiобрѣсти отъ этого пользу себѣ и купить королевскiя милости, унижая мой столь высокiй санъ и измѣннически предавая меня въ руки короля, *который не имѣетъ никакихъ правъ ни на мою особу, ни на эту принадлежащую мнѣ монархiю.* Господь отмститъ за меня и накажетъ измѣнниковъ за клятвопреступничество, мнѣ же благiй Богъ станетъ защитникомъ и опекуномъ; Ему поручаю я свою скорбь, испытанiя и обиду, оставшись одна, безъ отца, безъ матери, безъ родныхъ,

безъ друзей, покинутая всѣми. Вынужденная опасностью, ѣду къ мужу, которому клялась въ супружеской вѣрности въ Краковѣ, въ присутствіи короля. Я хочу посовѣтоваться насчетъ возстановленія своего добраго имени и, въ виду заговоровъ и замѣшательства, хочу отдохнуть у себя въ своемъ зàмкѣ и буду молить Праведнаго и Всевышняго Судію объ удостовѣреніи моей невиновности.

Снова призываю въ свидѣтели Бога въ томъ, что, сохраняя за собою неприкосновенное имя, царскій санъ и полныя права на престолъ,—такъ какъ я, государыня сѣверныхъ странъ, Русская царица и Польская шляхтянка,—такъ же точно не хочу и не буду признавать надъ собой ни королевской, ни какой бы то ни было другой власти, и изо всѣхъ силъ буду заботиться о благѣ и о награжденіи тѣхъ воинскихъ чиновъ, которые, любя доблесть и славу, не забываютъ данной мнѣ клятвы и сдержатъ ее. Я уѣзжаю. Императрица Марина».

По прочтеніи письма въ войскѣ поднялся страшный мятежъ, буря негодованія и крики: «Гетманъ Ружицкій—измѣнникъ!» Охваченные гнѣвомъ воины бросились къ палаткамъ Ружицкаго съ обнаженными саблями и криками: «Ружицкій! Такъ это ты продаешь нашу государыню Польскому королю! Пьянствуя съ королевскими послами, ты клеветалъ на нее? Гдѣ же твоя клятва? Пьянствуя съ послами, ты прогналъ изъ лагеря царя и царицу? Подъ чьимъ же именемъ будемъ мы теперь воевать? Кто будетъ вознаграждать насъ за наши заслуги? Мы тебя считаемъ измѣнникомъ, а не вождемъ. Верни намъ изгнанныхъ изъ лагеря государей, измѣнникъ! Гдѣ царь, гдѣ царица? Если ты хочешь выдать войско на рѣзню, то самъ попадешь на нее!»...—

Гетманъ Ружицкій, пользуясь значеніемъ своего званія, думалъ оправдываться; но они, не слушая его, дали залпъ и убили бы, безъ сомнѣнія, еслибъ стража у его палатки не удержала рвавшихся туда солдатъ; въ это время Ружицкому удалось бѣжать изъ палатки.

Раньше другихъ ушли Донскіе казаки, въ числѣ 20.000, во главѣ со своимъ гетманомъ Заруцкимъ, вѣрнымъ до самой смерти приверженцемъ Марины. Пренебрегши распоряженіями Ружицкаго, въ боевомъ порядкѣ съ развѣвающимися знаменами, они, въ полдень, на глазахъ у всего войска вышли изъ лагеря и дружно направились къ Калугѣ, къ Димитрію и къ Маринѣ.

Нептунъ своимъ могучимъ трезубцемъ не могъ бы усмирить волненія, поднявшагося тогда въ войскѣ: ни одинъ полководецъ не пользуется довѣріемъ; приказанія не исполняются, стража не стоитъ на посту; нѣтъ того, на которомъ они могли бы излить свою месть за оскорбленіе царя и царицы. Впавъ въ ярость, войска подожгли лагерь. Затѣмъ, забравъ изъ Осипова орудія, они пошли къ своему Димитрію.

Ружицкій донесъ королю о замѣшательствѣ въ войскѣ, требуя,

чтобы онъ отправилъ часть своего войска подъ Москву и выслалъ деньги на подкупъ Димитріева войска.

Однако лучшіе вожди Димитріева войска перешли на сторону короля. Гусарскій полкъ Александра Зборовскаго, полкъ Андрея Млоцкаго. весь полкъ Ружицкаго (самъ онъ умеръ въ Волочкѣ отъ болотной лихорадки), полки Копуцинскаго, Ланцкронскаго, Вильколоскаго, Мархоцкаго и конные отряды въ полномъ составѣ перешли къ королю. Но Янъ Сапѣга, сынъ Литовскаго канцлера, перешелъ на сторону Димитрія.

Счастье все еще улыбается Димитрію. Подкрѣпленный вспомогательными Польскими полками, онъ двинулся съ войскомъ на Шуйскаго. къ столицѣ.

Подойдя къ городу, Димитрій расположился лагеремъ и приготовился осаждать столицу, въ которой пребывалъ царь Василій Шуйскій.

Къ Востоку расположились Донскіе казаки со своимъ гетманомъ Заруцкимъ; Касимовскій же станъ съ Татарами расположился на берегахъ рѣки Москвы. У противоположнаго входа въ лагерь расположилась легкая конница. Тыльная часть лагеря охранялась Русскими и Поляками. Такое устройство лагеря уподобляло его городу: въ немъ были улицы, площади, рынки и лавки. Онъ былъ окруженъ толстыми большими стѣнами и палисадами изъ остроконечныхъ кольевъ кромѣ того неширокими, но глубокими рвами. Сапѣга же осаждалъ монастырь Св. Троицы, чтобы отрѣзать отсюда помощь Москвѣ. Димитрій стоялъ лагеремъ подъ столицей до тѣхъ поръ, пока не подошелъ съ войскомъ коронный гетманъ Жулкевскій.

Часть III.

Великій коронный гетманъ, Станиславъ Жулкевскій, завоевалъ Московскую монархію, взялъ въ плѣнъ царя Шуйскаго, обезпечилъ престолъ за королевичемъ Владиславомъ, принявъ отъ думныхъ бояръ присягу на его имя. Царь Димитрій погибъ, а съ нимъ и Марина.

Король, узнавъ, что войско на сторонѣ Димитрія, и что послѣдній осаждаетъ Шуйскаго, отдаетъ приказъ великому коронному гетману Станиславу Жулкевскому, въ то время Кіевскому воеводѣ, идти съ войскомъ на Москву.

Гетманъ немедленно пошелъ на Москву съ войскомъ, противъ котораго князь Димитрій Шуйскій вышелъ съ 80.000, среди которыхъ было 40.000 вспомогательныхъ Шведскихъ, Французскихъ и Шотландскихъ воиновъ, и еще столько же Русскихъ подъ начальствомъ князей: Голицына, Куракина, Мезецкаго и Урвиша.

Шпіоны увѣрили гетмана, что въ прошлую ночь непріятель находился на разстояніи всего 8.000 шаговъ отъ Царева. Созвавъ вождей и военныхъ старшинъ, онъ спросилъ у нихъ, слѣдуетъ ли ждать наступленія непріятеля, или же пойти къ нему навстрѣчу и предупредить его? Они рѣшили идти къ нему навстрѣчу. Гетманъ, не высказавшись ни за тотъ, ни за другой проектъ, вышелъ изъ собранія, какъ бы въ раздумьи; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ ждать непріятеля, а идти и предупредить его. Такъ какъ въ его войскѣ были Русскіе, то онъ таилъ свое мнѣніе и намѣреніе: не ждать врага. Таилъ онъ его потому, чтобы какой-нибудь измѣнникъ не могъ предостеречь непріятеля. Въ это время пріѣхалъ къ гетману Александръ Зборовскій съ 2.500 конныхъ гусаръ. Самъ гетманъ выѣхалъ къ нему, съ радостью привѣтствуя и съ благодарностью принимая его желаніе общими силами двинуться на непріятеля. Онъ обѣщалъ ему королевскія милости и награду за военные труды. Оставивъ въ сторонѣ пѣхоту, онъ вечеромъ разослалъ вождямъ, полковникамъ и ротмистрамъ собственноручные приказы относительно того порядка, который они должны будутъ соблюдать въ походѣ. За одну ночь, которая въ Іюлѣ весьма непродолжительна, онъ отправилъ къ Клушину 5.000 гусаръ. Пройдя четыре мили, онъ передъ разсвѣтомъ подступилъ къ непріятелю. Съ нимъ были Станиславъ Конецпольскій, кор. кравчій, его зять, ставшій послѣ него вел. кор. гетманомъ и Краковскимъ каштеляномъ; Александръ Балабанъ, его племянникъ, князь Порыцкій, Николай Струсь, Гербургъ, Малинскій, Хвалибогъ и другіе доблестные воины.

Князь Димитрій подъ Клушиномъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, имѣя въ виду небольшое число Поляковъ. Поэтому непріятель, не поставивъ никакихъ карауловъ, сладко спалъ. Самоувѣренность его была настолько велика, что по его мнѣнію гет. Жулкевскій, узнавъ о большой численности Московскихъ и вспомогательныхъ войскъ, долженъ отступить назадъ. А Понтусъ де-ла-Гарди, фельдмаршалъ иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ, изъ чувства великаго самомнѣнія, поддерживалъ славу Димитрія лестными словами и надеждой на его побѣду. Присутствуя вечеромъ на пиру у князя Димитрія, онъ смѣялся надъ гетманомъ Жулкевскимъ и разсказывалъ, что, будучи взятъ Жулкевскимъ въ плѣнъ подъ Вольмаромъ, онъ получилъ отъ него въ подарокъ полушубокъ изъ черныхъ лисицъ; а онъ, когда захватитъ Жулкевскаго, подаритъ ему въ награду за лисій полушубокъ—соболій.

Но вопреки ожиданіямъ непріятеля Жулкевскій оказался мужественнымъ вождемъ и разбудилъ бы раньше спящихъ Москвичей, еслибъ его не задержали плохія дороги, мелкія болота и трясины, въ которыхъ увязли два орудія: пока ихъ вытаскивали, время прошло.

По пути между заборами находились двѣ деревни. Если бы Московская пѣхота овладѣла ими, то Жулкевскому ничего не удалось бы сдѣлать. Поэтому дальновидный вождь велѣлъ зажечь эти деревни. Итакъ, алое зарево зажженныхъ деревень разбудило непріятеля; и тотъ, который пренебрегалъ малочисленнымъ Польскимъ войскомъ, убѣдился, что мужественный и дѣльный вождь Польскій, Жулкевскій, стоитъ надъ головой у врага.

Правымъ крыломъ командовалъ Александръ Зборовскій, а лѣвымъ Николай Струсь; фланги закрывали полки Казановскаго и войскà воеводы Поморскаго. Гетманскій полкъ Ксеніи былъ отданъ подъ начальство Порыцкому, а остальные отряды оставлены на подмогу.

Непріятель также приготовился къ сраженію, выбравъ себѣ очень выгодную позицію, защищенную озерами, заборами и лѣсами. Лѣвое крыло занимала Московская кавалерія, правое фельдм. Понтусъ де-ла-Гарди. Инфантерія расположилась подъ лѣсомъ за плетнями, чтобы придти въ помощь кавалеріи.

Воодушевивъ сердца солдатъ краткой рѣчью, гетманъ велѣлъ трубить къ атакѣ. Полки, получившіе приказаніе выступать, быстро двинулись на Русскихъ противниковъ и силою своего напора выбили ихъ изъ позиціи.

Но съ другой стороны Полякамъ трудно было справиться съ Русской пѣхотою, защищенной перегородками и заборами, къ которымъ никакъ нельзя было подступить для атаки. Поэтому пѣхота произвела значительныя опустошенія среди Польскихъ солдатъ, успѣвъ три раза зарядить ружья и дать три залпа. Однако Поляки и подъ градомъ оловянныхъ пуль не лишились мужества. Жаждая славы, презирая смерть и не обращая вниманія на частые выстрѣлы, они настойчиво, усиленнымъ натискомъ конскихъ силъ, ломали и опрокидывали преграды и, очистивъ себѣ путь, бросались съ копьями на пѣхоту; иные рубили саблями. Тутъ подоспѣли двѣ увязшія по пути въ грязи пушки, которыя помогли одолѣть непріятеля. Гусары, произведя копьями широкіе проходы среди непріятельской пѣхоты, произвели замѣшательство въ рядахъ войскъ: не будучи въ состояніи выдержать яростнаго напора Польскихъ солдатъ, инфантерія повернула тылъ и отступила въ лѣсъ.

Но не теперь еще конецъ битвы, не здѣсь побѣда: иностранные вспомогательные полки соединились и возобновили бой. Хотя Поляки и въ этой битвѣ храбро сражались, но въ тѣсномъ мѣстѣ трудно было дѣйствовать копьями. Бой продолжался четыре часа, при чемъ военное счастье склонялось попеременно то на ту, то на другую сторону; наконецъ, роты гетмана, Конецпольскаго и Балабана, атаковавъ непріятеля сбоку, положили начало побѣдѣ: онѣ не дали непріятелю времени

оправиться и построиться вновь, ударили съ большой силой и рубили такъ, что образовались цѣлые курганы непріятельскихъ труповъ. Войско въ 80.000 человѣкъ было снесено, разсѣяно, и лагерь взятъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ много могутъ сдѣлать конное войско и доблесть вымуштрованнаго военнаго солдата. Въ этомъ случаѣ битва происходила въ неудобномъ тѣсномъ мѣстѣ, огороженномъ перекладинами, и побѣда досталась лишь послѣ долгой упорной, кровопролитной борьбы. Многіе, лишившись коней и смѣшавшись съ конными, должны были сражаться пѣшими, рискуя попасть подъ лошадиныя копыта: такъ князь Порыцкій, лишившись двухъ коней, долженъ былъ спѣшившись сражаться съ коннымъ непріятелемъ. Ротмистръ Гербуртъ тоже пѣшкомъ рубился съ непріятелемъ: окруживъ себя почти на вышину своего роста трупами, онъ спасся только благодаря тому, что конюхъ подвелъ ему коня, на котораго онъ сѣлъ, взобравшись на кучу труповъ. Наиболѣе стойкими оказались роты гетмана, Конецпольскаго и Балабана. Гетманъ больше всего призывалъ царскія милости на Николая Струся, Балабана, Конецпольскаго, въ то время кор. кравчаго, князя Порыцкаго, Гербурта и Щедринскаго.

Разбитый на голову непріятель бѣжалъ. Понтусъ де-ла-Гарди, фельдмаршалъ вспомогательныхъ войскъ, и Эдвардъ Горнъ, Шведскій генералъ, въ самомъ началѣ битвы укрылись въ лѣсу, оказавшись жалкими трусами. Князь Димитрій бѣжалъ изо всѣхъ силъ и его не догнали. Онъ былъ бы схваченъ, если бъ не употребилъ хитрости, приказавъ разложить и развѣсить въ лагерѣ добычу—платье, серебро, мебель, собольи мѣха, как въ лавкѣ. Этимъ онъ задержалъ погоню, возбудивъ желаніе воспользоваться готовой добычей. Конь его палъ, и ему пришлось пѣшкомъ дойти до Можайска, куда онъ принесъ голову, увѣнчанную не побѣдными лаврами, а обыкновенной злополучной крапивой.

Изъ вспомогательныхъ войскъ было уведено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Взявъ съ нихъ клятву въ томъ, что они не будутъ воевать противъ короля, ихъ отпустили на волю и позволили идти, куда угодно. Князь Куракинъ палъ въ битвѣ, Урвишъ взятъ въ плѣнъ. Русскихъ погибло 15.000, вспомогательныхъ 2.000, а Поляковъ 107. Между ними погибъ доблестный ротмистръ Станиславъ Ланцкоронскій. Ранено 120 Поляковъ, а лошадей убито и ранено великое множество.

Русскіе, осажденные въ Смоленскѣ, конечно узнали о торжествѣ королевскихъ войскъ. Въ лагерѣ были выставлены доказательства побѣды, захваченныя знамена, особое бѣлое знамя съ чернымъ двуглавымъ орломъ, карета и булава Димитрія Шуйскаго. Пушечная и ру-

жейная стрѣльба, веселые звуки трубъ и литавръ разглашали побѣду надъ Димитріемъ. Однако все это не поколебало упрямаго Смоленскаго коменданта, Михаила Шеина, и онъ не сдался королю.

Карлъ Зудерманъ, Шведскій король и дядя короля Сигизмунда, силою лишившій своею племянника принадлежавшаго ему королевства, получивъ тяжелую и печальную вѣсть о потерѣ войска, пришелъ въ бѣшенство, рвалъ бороду, страшно богохульствовалъ, бранилъ короля, грозилъ мщеніемъ, потомъ впалъ въ безуміе (этому недугу онъ былъ всегда подверженъ) и не щадилъ своихъ же Шведовъ. По примѣру Августа Цезаря, восклицавшаго: «Квинтилій Варъ, возврати мнѣ потерянные полки!» онъ съ тѣмъ же воплемъ обращался къ своему Сенату.

Воздавъ благодареніе Господу Богу за побѣду, гетманъ отправился съ войскомъ въ столицу. Ему сдались города: Осиповъ, Ржевъ, Зубцовъ, Можайскъ и другіе; а Русскіе выбѣгали къ нему навстрѣчу, заранѣе моля побѣдителя о пощадѣ.

Жулкевскій, который умѣлъ не только побѣждать, но и пользоваться побѣдой, постарался прежде всего отбить войско отъ Димитрія и присоединить его къ своему. Онъ направился къ лагерю Димитрія и, расположивъ войско въ боевомъ порядкѣ, неожиданно появился у его лагеря.

Тогда, пригласивъ Сапѣгу и главнокомандующихъ на конференцію, онъ сталъ ихъ ожидать. Дѣйствительно, изъ лагеря Димитрія вышли для переговоровъ Сапѣга и главнокомандующіе. Жулкевскій сталъ объяснять имъ, что для нихъ гораздо почетнѣе служить королю, ихъ собственному государю, который гораздо добросовѣстнѣе ложнаго Димитрія, что король исполнитъ все то, что̀ обѣщалъ имъ Димитрій, что они могутъ быть увѣрены въ полученіи почестей и наградъ за труды, а также милостей отъ короля ихъ государя. Онъ, Жулкевскій, разбилъ съ помощью Всевышняго большое непріятельское войско и теперь надѣется также разбить Димитрія, противъ котораго съ нимъ соединились и Русскіе, признавшіе главенство короля.

Вождь и главнокомандующіе согласились на это; согласилось и Димитріево войско, перейдя на сторону короля, подъ начальство гетмана Жулкевскаго.

Когда Москвичи узнали, что гетманъ Жулкевскій одержалъ побѣду, то думные бояре, чернь и даже ихъ патріахъ Гермогенъ рѣшили положить конецъ кровопролитію и выбрали царемъ и государемъ Польскаго королевича Владислава. Они возстали противъ царя Шуйскаго, заявляя ему, что Господь не хочетъ, чтобы онъ царствовалъ на Московскомъ престолѣ, которымъ овладѣлъ силою, съ величайшимъ кровопро-

литіемъ и на погибель народа, что во все время его царствованія они ничего хорошаго не видѣли, а потому они больше не считають его своимъ государемъ. Дѣйствительно, они отняли у него корону и скипетръ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, съ помощью нѣсколькихъ сильныхъ людей, постригли его въ монахи, облекли въ монашеское платье и заперли въ монастырь.

Городъ пришелъ въ великій ужасъ, когда за стѣнами появился гетманъ Жулкевскій, вмѣстѣ съ войскомъ Димитрія Растриги. Передъ нимъ открыли ворота, ввели побѣдителя въ городъ, били ему челомъ; гетманъ въѣхалъ во дворецъ, гдѣ патріархъ Гермогенъ, сидя на царскомъ престолѣ, и всѣ думные бояре избрали 15-ти-лѣтняго королевича Владислава своимъ царемъ и государемъ. Гетманъ принялъ отъ нихъ присягу на имя Владислава; они вручили ему корону, скипетръ, ключи отъ казны и печати; къ тому же они отдали во власть гетмана Жулкевскаго бывшаго царя, нынѣ свергнутаго съ престола, Василія Шуйскаго; отдали также въ плѣнъ его двухъ братьевъ, Димитрія и Ивана Шуйскихъ. Черни бросали монеты, на которыхъ съ одной стороны былъ изображенъ королевичъ Владиславъ, а съ другой сдѣлана надпись: «Владиславъ, королевичъ Польскій, императоръ Россійскій, великій князь, государь Московскій, Калмыцкій, Казанскій, Сибирскій, Астраханскій, Черемисскій, владѣтель земель до Каспійскаго и Сѣвернаго морей».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ мужественно Польское Димитріево войско сражалось съ царемъ Борисомъ и съ Василіемъ Шуйскимъ, какъ много побѣдъ оно выиграло надъ послѣднимъ, не только ослабивъ его силы, но и уничтоживъ ихъ окончательно. Въ теченіе двухъ лѣтъ оно осаждало столицу, изнуряя ее огнемъ, голодомъ и нападеніями, воевало съ самаго появленія Димитрія въ Москвѣ и сопротивлялось Московскому могуществу. Наконецъ, дождавшись прибытія гетмана Жулкевскаго, оно овладѣло всей Московской монархіей въ пользу Польскаго королевича и разнесло славу Польскаго народа до самыхъ границъ Персіи. Мужеству, храбрости и доблести Польскаго солдата будутъ удивляться грядущіе вѣка.

Итакъ, великій воинъ, доблестный вождь, старшій гетманъ Польскаго войска, славный Жулкевскій, Московскій намѣстникъ царя Владислава, оставивъ 6.000 Польскаго гарнизона въ столицѣ и сдавъ общее командованіе надъ этой частью войска Александру Гонсѣвскому, въ сопровожденіи доброжелательныхъ къ нему Марса и Беллоны, выступилъ изъ Москвы и направился въ лагерь короля, подъ Смоленскъ, который уже былъ взятъ послѣ сильнаго штурма. Оттуда онъ отправился въ Варшаву, ведя съ собой къ царю Владиславу свергнутаго

царя Василія Шуйскаго и братьевъ его князей Ивана и Димитрія Шуйскихъ. Во время генеральнаго сейма въ Варшавѣ Жулкевскій, всенародно поздравивъ короля съ побѣдой, а Владислава со вступленіемъ на Сѣверный престолъ, передалъ этихъ плѣнныхъ королю и Владиславу, приказывая бить имъ челомъ.

*

Ложный Димитрій находился съ Мариной въ одномъ монастырѣ, на разстояніи трехъ миль отъ лагеря. Узнавъ, что его войско перешло подъ начальство гетмана Жулкевскаго, и что вскорѣ и его самого хотятъ взять приступомъ, онъ ускакалъ съ Мариной къ Персидской границѣ, въ Калугу, злополучный для него городъ. Казачій гетманъ Заруцкій тоже пошелъ за Димитріемъ въ Калугу, взявъ съ собой часть своего войска. Часть Татаръ также примкнула къ Димитрію и къ Маринѣ.

Хотя король и хвалилъ Жулкевскаго за его мужество, дѣльность и доблесть, но упрекалъ его за то, что онъ, не доложивъ королю, согласился на избраніе Владислава, на имя котораго и принялъ присягу. Король желалъ, чтобы царемъ избрали его, а не сына, и чтобы послѣдній только послѣ его смерти получилъ престолъ и скипетръ. Изъ-за этого неудовольстія онъ и не отпустилъ сына Владислава въ Москву, хотя Россія два года упрашивала короля-отца отдать ей царя ея. Видя пренебреженіе короля, Россія отвѣчала ему тѣмъ же и возстала, о чемъ будетъ сказано ниже.

Всякому понятно, какъ заблуждался король, предъявляя такія требованія къ чужому народу, на владѣніе которымъ у него не было правъ. Этимъ онъ снова раздражилъ жестокую и едва улегшуюся злобу Русскихъ и разбередилъ зажившія было раны. Завидуя сыну, препятствуя добровольному избранію его и неволя народъ, онъ только разочаровался и понесъ потерю.

*

Уже второй годъ кончался съ тѣхъ поръ, какъ король началъ осаждать Смоленскъ, но безъ успѣха. Ему надоѣла такая потеря времени, и онъ захотѣлъ испытать счастья, приложивъ всѣ крайнія силы къ атакѣ. Поэтому еще до разсвѣта первымъ пошелъ со своими на приступъ Каменецкій каштелянъ, Яковъ Потоцкій, назначенный главнокомандующимъ вмѣсто гетмана Жулкевскаго. Схвативъ лѣстницу и смѣшавшись съ простыми солдатами, онъ съ ихъ же помощью влѣзъ на стѣну; за нимъ бойко послѣдовали солдаты. Русскіе, встревоженные неожиданнымъ и быстрымъ появленіемъ непріятеля на стѣнахъ, подняли тревогу, ударили въ набатъ, призывая гарнизонъ и народъ. Съ про-

тивоположной стороны пѣхота Поморскаго воеводы взобралась на стѣны. Противники сцѣпились, и произошла жестокая битва на стѣнахъ, которыя были шириной въ 12 локтей. Чтобы нашихъ не согнали со стѣнъ, и чтобы ихъ больше могло взобраться туда, изъ лагеря шла непрерывная стрѣльба по непріятелю. Нѣкоторые притащили орудія и стрѣляли изъ нихъ въ стѣны и въ крѣпость.

Хотя наши овладѣли стѣнами Смоленска, но нельзя было еще надѣяться на взятіе крѣпости. Прыгать съ высокой стѣны въ городъ было опасно, кромѣ того внизу наблюдали за нами Русскіе. Вся надежда на взятіе города зависѣла отъ умѣнья и искусства военныхъ пріемовъ маршала Христофора Дорогостайскаго и Варѳоломея Новодворскаго, Мальтійскаго кавалера, которые хотѣли воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что все вниманіе непріятеля было направлено въ одно мѣсто, гдѣ съ нимъ дрались наши. Пользуясь этимъ, Новодворскій выбралъ самое удобное мѣсто, близъ Кирилловскихъ воротъ, гдѣ вытекалъ изъ-за желѣзной рѣшетки каналъ, отводившій нечистоты изъ города въ сосѣдній Днѣпръ; каналъ этотъ проходилъ подъ стѣной Смоленской крѣпости. Новодворскій заложилъ въ этомъ мѣстѣ въ стѣну мѣдную петарду и, презрѣвъ опасность, собственноручно зажегъ ее. Вскорѣ петарда разорвалась съ такой страшной силой, что разрушила стѣну на 30 локтей въ длину и на 12 локтей въ ширину; черезъ эту брешь былъ открытъ доступъ въ крѣпость. Первыми вошли въ городъ Дорогостайскій и Новодворскій съ пѣхотой; за ними послѣдовали остальные полки. Трубы, литавры и барабаны возвѣстили всѣмъ, что крѣпость уже взята. Испуганный непріятель еще болѣе удивился, видя столь большую пробоину въ широкой стѣнѣ, къ тому же въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не опасался ни минъ, ни подкоповъ, считая его вполнѣ безопаснымъ. А въ крѣпости хозяйничаютъ конные и пѣшіе солдаты, рубятъ, рѣжутъ, убиваютъ всѣхъ, кто имъ попадется, молодыхъ, старыхъ, дѣвушекъ, женщинъ и дѣтей, безъ разбора, безъ пощады. Весь городъ наполненъ трупами.

Тѣ, которые могли, спасались въ высокой, обширной церкви; но здѣсь имъ пришлось еще хуже, потому что загорѣлась колокольня, подожженая либо самими же Русскими, либо петардой Новодворскаго. Пожаръ усилился отъ взрыва пороха, сложеннаго на колокольнѣ, и уничтожилъ семь башень.

Еще сильнѣе вспыхнулъ пожаръ надъ Царскими воротами. Онъ начался въ домахъ и, какъ оказалось, произошелъ отъ поджога, устроеннаго самими же Русскими, которые хотѣли погубить вмѣстѣ съ собой и Польскихъ солдатъ, грабившихъ крѣпость. Горѣли дома. Маршалъ Дорогостайскій старался потушить пламя, чтобы спасти иму-

щество, богатства, серебро, золото и иныя драгоцѣнности; но ни приказанія, ни просьбы, ни обѣщанія не могли остановить разъяренныхъ солдатъ, которые толпами грабили дома и убивали людей. Мало того: когда пламя охватило церковь, оно проникло и въ подземные погреба и усыпальницы, находившіяся вблизи церкви, въ которыхъ взорвало 1500 боченковъ, содержавшихъ по шефелю пороха каждый. Послѣдовалъ ужасный, неописуемый грохотъ. Казалось, что земля разступилась, и небо собирается упасть, какъ будто соединились вмѣстѣ землетрясеніе, громы и молніи. Пламя охватило величественный каменный каѳедральный соборъ, гдѣ искало пріюта множество мужчинъ и женщинъ и гдѣ хранилось золото, серебро, деньги, драгоцѣнности и богатые товары. Все это сгорѣло; уцѣлѣло только то, что успѣли захватить Польскіе солдаты. Гибли враги отъ огня, отъ меча; Польскіе солдаты еще прибавляли огня въ огонь. Одни сгорѣли, другіе задохлись отъ вредныхъ газовъ, иные были взорваны на воздухъ порохомъ или раздавлены обломками стѣнъ и обрушавшимися балками. Прискорбно было смотрѣть, когда Русскіе отъ великой ярости и отчаянія бросали въ огонь золото, серебро, соболья и другіе мѣха, товары и богатства. вслѣдъ за которыми и сами прыгали въ огонь.

Такимъ образомъ черезъ четыре часа была взята эта славная, богатая, сильная крѣпость, обильно снабженная припасами и страшная врагамъ. Она лишилась всѣхъ украшеній и всего своего великолѣпія, разрушенная пламенемъ и наполненная развалинами, ямами, трупами и могилами, къ стыду Русскихъ. У алтаря былъ схваченъ въ богатомъ облаченіи Смоленскій архіепископъ Сергій. Съ него содрали облаченіе, ранили въ голову и сильно окровянили. Съ нимъ взяли Петрыло Ивановича Горчакова, воеводу, чиномъ ниже коменданта Шеина.

Одного лишь не доставало: Михаила Шеина, Смоленскаго Гектора. Но толпа бѣгущухъ женщинъ выдала, что онъ живъ и скрывается съ нѣкоторыми другими въ одной запертой башнѣ, откуда надѣется бѣжать. Тотчасъ же Польскіе солдаты направились туда; но Шеинъ защищался, боясь жестокости Поляковъ и мщенія за то, что онъ истязалъ ихъ собратьевъ. Онъ потребовалъ къ себѣ кого-нибудь изъ вождей и заявилъ, что если таковый не явится, то онъ готовъ защищаться и готовъ лучше погибнуть, нежели отдать себя на растерзаніе Польскимъ солдатамъ. Прибѣжалъ каштелянъ Каменецкій, которому онъ немедленно сдался съ женой и сыномъ.

Крѣпость была взята въ день св. Антонія, благодаря заступничеству котораго она вновь досталась своему прежнему государю, пробывъ сто лѣтъ въ рукахъ Русскихъ. Польскихъ солдатъ погибло при этомъ весьма немного, всего 15 человѣкъ во время битвы на стѣнахъ

и столько же въ домахъ во время грабежа. Погибъ также одинъ мужественный и славный ротмистръ, Станиславъ Горецкій.

Солдаты нашли подъ обломками стѣнъ живыхъ мужчину и женщину, пролежавшихъ тамъ безъ пищи 16 дней; вынесенные на свѣжій воздухъ, они тотчасъ же скончались.

Король, поручивъ взятую крѣпость каштеляну Потоцкому, черезъ нѣсколько дней послѣ взятія ея направился въ Вильно.

Перемѣна мирныхъ соглашеній въ Москвѣ послѣ отъѣзда въ Польшу вел. кор. гетм. Жулкевскаго.

Снова подулъ рѣзкій, сильный, бурный Аквилонъ вѣроломныхъ сѣверныхъ измѣнниковъ; снова всколыхнулъ онъ лицемѣрную и ненадежную Московскую монархію, Русскія сердца не смягчились даже предлагаемыми отъ теплыхъ фавоніевъ царскими милостями Владислава, ни за что не хотѣли выразить повиновенія, къ которому обязали себя присягой, не растаяли и не отказались отъ упорнаго мятежа, даже чувствуя горячее прикосновеніе огненнаго Марса.

Сперва наблюдались небольшія вспышки этого Московскаго мятежа; ихъ можно было легко задавить, какъ змѣю въ травѣ. Но всевышній приговоръ небесъ былъ иной.

Всевышнему Подателю счастья показалось, что поколѣніе Сигизмунда слишкомъ разрослось, также, какъ и слава Польскаго народа. Обладаніе Московской монархіей на много усилило бы его могущество и дало бы возможность отвоевать королевство Шведское. Наконецъ, король захотѣлъ бы овладѣть также королевствами Даніей и Норвегіей. Эти три королевства, Шведское, Датское и Норвежское, были соединены подъ одною властью во время правленія королевы Маргариты Шведской въ 1380 г. Королю Сигизмунду легко было бы сдѣлать тоже самое, если бъ онъ распоряжался по волѣ Небесъ и если бъ удержался на Московскомъ престолѣ. Небеса лишь показали ему призракъ такого счастья, не давъ этому призраку возможности осуществиться, т. е. не допустили соединенія Московской, Польской, Шведской и другихъ монархій подъ его скипетромъ. По мнѣнію Небесъ королевскій домъ былъ бы черезчуръ щедро одаренъ, если бъ все это досталось ему въ удѣлъ.

Вся вина утраты Московскаго государства падаетъ на самого короля; ибо думные бояре, патріархъ съ митрополитами, владыками и архимандритами, со всѣмъ духовенствомъ, Русскимъ народомъ и всѣми Московскими чинами избрали 15-ти лѣтняго королевича Владислава своимъ государемъ и царемъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Жулкевскій

немедленно привезъ его въ Москву для коронованія. Упрашиваемый Московскими чинами, гетманъ Жулкевскій согласился на это условіе и поклялся имъ, что немедленно привезетъ въ столицу царя Владислава. Когда же гетманъ сталъ осаждать просьбами короля, чтобы тотъ отпустилъ съ нимъ королевича въ Русскую столицу, король отговаривался юными годами послѣдняго, еще не позволяющими ему править государствомъ, и посылалъ Жулкевскаго въ столицу, чтобы онъ получилъ присягу на имя короля-отца, какъ царя. Гетманъ же, который торжественно и съ великими почестями выѣхалъ изъ Москвы, не хотѣлъ вопреки своей клятвѣ показаться въ Москвѣ безъ Владислава. Онъ предупреждалъ короля о замѣшательствѣ въ Москвѣ, но самъ не поѣхалъ въ Москву, а подалъ въ отставку и съ небольшимъ войскомъ пошелъ къ Турецкой границѣ охранять Польшу.

И не одинъ только гетманъ упрашивалъ короля. Не дождавшись Владислава въ Москвѣ, Московскіе чины отправили въ Польшу послами шесть князей и думныхъ бояръ къ королю съ просьбой отпустить съ ними въ Москву царя Владислава. Король воспротивился этому и сказалъ имъ тоже, что́ и гетману. Такимъ образомъ, зависть отца и честолюбіе короля, желавшаго владѣть двумя скипетрами, были причиной потери права на Московскую монархію. Тогда зачинщикъ мятежа, патріархъ Гермогенъ, и князь Голицынъ стали уговаривать народъ, чтобы онъ отказался отъ Владислава: ибо если онъ будетъ править, то ихъ Греческая вѣра падетъ и будетъ введена Римская. Они совѣтовали Москвичамъ выбрать на престолъ соотечественника и корили чужеземца. Этими и другими подобными доводами они склонили чернь къ тому, что она пренебрегла Владиславомъ, стала нападать на Польскихъ солдатъ, находившихся въ столицѣ при гарнизонѣ, вызывать ихъ на ссоры и, наконецъ, осмѣлилась говорить имъ, что не признаётъ Владислава своимъ государемъ.

А Прокопій Ляпуновъ самъ вызвался быть вождемъ мятежниковъ. Къ нему сбѣгались бунтовщики, съ которыми онъ собирался брать приступомъ столицу и выгнать оттуда Польскій гарнизонъ. Ляпуновъ говорилъ народу: «Такъ какъ король нарушилъ клятву Жулкевскаго, то и они уволены отъ присяги». Жарницкій, казачій гетманъ, тоже присталъ къ Ляпунову, по какимъ причинамъ и на какихъ условіяхъ, смотри ниже.

Димитрій, ложный царь, называвшійся Григоріемъ Шаховскимъ, убитъ.

Долго душилъ волкъ стадо, но пришло время, что и волка убили. Дѣло было такъ. Черезъ три мѣсяца послѣ окончанія переговоровъ

между Жулкевскимъ и Московскими чинами, бѣглецъ, ложный Димитрій, называвшійся прежде Григоріемъ Шаховскимъ, бездѣльничалъ въ Калугѣ. При немъ находилось весьма немного знатныхъ Москвичей. Онъ больше всего надѣялся на казачьи и Татарскіе отряды и грозилъ Полякамъ мщеніемъ. Онъ не отчаевался въ своемъ успѣхѣ, говоря, что пока будетъ живъ, пока у него будутъ войска, не уступитъ своихъ притязаній на престолъ. Однажды его Татары напали на Польскую роту ротмистра Чаплинскаго, разбили ее и привели въ Калугу нѣсколько плѣнныхъ Поляковъ, которыхъ подарили своему царю. Димитрій такъ радовался этой побѣдѣ, какъ будто завоевалъ уже Москву. Онъ устроилъ пиръ, на которомъ ѣлъ, пилъ, угощалъ и веселился. Послѣ пира онъ поѣхалъ за городъ въ сопровожденіи Татарскаго вождя Петрыло Вжозово и 300 Татаръ. Остановившись на прекрасной и обширной равнинѣ, покрытой въ то время снѣгомъ, онъ чрезмѣрно развеселился, послалъ нѣсколько саней за водкой и медомъ, призывалъ именитѣйшихъ Татаръ къ веселью, угощалъ ихъ, пилъ за ихъ здоровье, наполняя собственноручно большіе кубки. Все поле оглашалось криками пьяныхъ Татаръ. Когда же веселье достигло крайнихъ предѣловъ или вѣрнѣе перешло въ дебошъ, когда Русскіе осушали за здравіе Димитрія и Татаръ кубки, наполненные до краевъ, когда всѣ опьянѣли отъ водки и меда, Петрыло Вжозово, Татарскій вождь, видя, что настала удобная минута, привелъ въ исполненіе намѣреніе, относительно котораго условился заранѣе со своими Татарами: въ то время, какъ Димитрій подавалъ ему кубокъ съ напиткомъ, онъ вонзилъ ему ножъ подъ сердце... Тогда всѣ Татары схватили сабли и вырѣзали Московскую шляхту. Ложнаго же Димитрія разсѣкъ на части самъ Петрыло и, содравъ съ него одежду, поскакалъ къ столицѣ.

Причина убіенія Димитрія была та, что онъ незадолго передъ тѣмъ велѣлъ наказать ударами невиновнаго Петрыло Вжозово и держалъ его въ заключеніи, изъ котораго только что выпустилъ, а хана Касимовскаго велѣлъ убить, подозрѣвая его въ измѣнѣ. Поэтому Татары сговорились отмстить Димитрію за такой позоръ и обиду и рѣшили убить его. Узнавъ объ убіеніи Димитрія, Марина въ ужасѣ выбѣгаетъ изъ замка въ городъ, оглашаетъ его криками, воплями и рыданіями; растрепавъ волосы, она обнажаетъ грудь, собираясь пронзить себя, потомъ въ яростномъ озлобленіи велитъ подать себѣ коня, садится верхомъ и призываетъ Донскихъ казаковъ къ избіенію Татаръ. Вырѣзавъ ихъ нѣсколько сотенъ, она все же не оживила своего мужа.

Такъ окончилъ жизнь тотъ, который присвоилъ себѣ семью, состояніе и государство перваго убитаго Димитрія, который выдавалъ себя за Димитрія и обманывалъ Московскіе чины, будучи неизвѣстнаго

происхожденія. Русскіе пристали къ нему, спасаясь отъ тираніи Шуйскаго, а Поляки—для отмщенія Шуйскому и его приверженцамъ за убіеніе Димитрія и оскорбленіе ихъ единоплеменниковъ. Они скрывали крючкотворство и обманъ убитаго ложнаго Димитрія, чтобы захватить Московскія богатства и присоединить къ Польшѣ Московскую монархію. Всего вѣроятнѣе, что этотъ убитый обманщикъ былъ Еврей по происхожденію, такъ какъ среди его вещей въ ящикѣ нашли Еврейскій Талмудъ, множество другихъ Еврейскихъ книгъ, писемъ и бумагъ, написанныхъ по-еврейски.

Онъ отличался тѣмъ, что глумился надъ угодниками Божьими, богохульничалъ, былъ совсѣмъ не воспитанъ, грубъ, жестокъ, хитеръ. Это былъ разнузданный развратникъ, нечестивецъ, бездѣльникъ, пьяница, погрязшій въ преступленіяхъ, негодный для того, чтобы даже въ комедіи разыгрывать ложнаго царя, ибо въ немъ не было ничего царскаго: ни достоинства, ни внѣшности, ни малѣйшей доблести. Поддерживали же его только вспомогательныя Польскія и Русскія силы.

Послѣ убіенія ложнаго Димитрія Ляпуновъ призывалъ къ себѣ казачьяго гетмана, чтобы онъ со своими казаками помогъ ему выгнать изъ Москвы Поляковъ, обѣщая за это посадить на Московскій престолъ оставшагося сына Димитрія и Марины. По этой причинѣ Заруцкій присталъ къ Ляпунову: какъ вѣрный до смерти любовникъ Марины, онъ хотѣлъ ей помочь. Князь Трубецкой тоже стягивалъ со всѣхъ сторонъ Русскихъ солдатъ, чтобы увеличить войско Ляпунова. Столичная чернь съ своей стороны стала надѣяться на Ляпунова: узнавъ, что онъ собралъ войско, она стала смѣлѣе сговариваться, чтобы погубить Поляковъ.

Когда Александръ Гонсѣвскій, мужественный и умѣлый воинъ и комендантъ Польскаго гарнизона въ столицѣ, получилъ достовѣрныя извѣстія о бунтѣ и измѣнѣ народа, онъ тотчасъ же созвалъ думныхъ бояръ, дьяковъ и самого патріарха для переговоровъ и сказалъ имъ:

«Что это? Почему они такъ коварно поступаютъ и нарушаютъ клятву? Уже стали извѣстны ихъ заговоры и измѣнническія совѣщанія на погибель Польскаго воинства. Пусть же знаютъ, что имъ придется омыть задуманное ими позорное предпріятіе кровью многихъ тысячъ ихъ же соотечественниковъ и патриціевъ. Пусть бояре усмирятъ бунтовщиковъ, пусть заставятъ мятежниковъ отказаться отъ ихъ безчестныхъ замысловъ. Если же мятежники будутъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, то да будетъ имъ извѣстно, что я и вожди мои твердо рѣшили стоять за короля и за царя Владислава, вашего государя, до послѣдней возможности сопротивляться вамъ, драться съ вами за обиду, нанесенную королю, моему государю и царю Владиславу, вашему государю, до тѣхъ поръ драться, пока достанетъ силъ у меня и у под-

властныхъ мнѣ солдатъ. Мы предпочитаемъ славную смерть, какъ и подобаетъ мужественнымъ солдатамъ, а вамъ не сдадимся. Но прежде чѣмъ положить насъ мертвыми на полѣ битвы, вы заплатите за нашу смерть и кровопролитіе своей жизнью. И не ручьями потечетъ ваша кровь: кровавый потопъ изъ нея учинимъ, въ которомъ и вы погибнете. Мечъ и пламя будутъ бушевать въ вашемъ городѣ, и съ военной безпощадностью будутъ тиранить васъ Польскіе солдаты».

Послѣ этихъ словъ Гонсѣвскій обратился къ патріарху:

«Ты же, злобный измѣнникъ Гермогенъ, первый зачинщикъ и создатель мятежа, слушай! Если ты не перестанешь возмущать страну вашего государя, царя Владислава, и если не успокоишь бунта, то не избѣжать тебѣ кары, ожидающей всякаго зачинщика. Тебя не спасетъ твой высокій санъ, на него не обратятъ вниманія; ибо ты осквернилъ патріаршество безчестной измѣной и клятвопреступничествомъ».

Когда патріархъ оправдывался, говоря, что ничего не знаетъ ни объ измѣнѣ, ни о мятежѣ, Гонсѣвскій показалъ ему письма, писанныя его рукой, въ которыхъ онъ совѣтовалъ не признавать Владислава царемъ и выгнать Поляковъ. Онъ велѣлъ взять смущеннаго патріарха подъ стражу, которая постоянно находилась бы при немъ, наблюдая за его малѣйшими движеніями и дѣйствіями.

Послѣ угрозъ Гонсѣвскаго Москвичи смирились и лживо увѣряли въ своей вѣрности и повиновеніи Владиславу. Когда же они узнали, что Ляпуновъ идетъ съ большимъ войскомъ къ столицѣ, то стали искать поводовъ къ ссорѣ съ Польскимъ гарнизономъ. Въ столицу сходились изъ деревень и мѣстечекъ люди, подъ предлогомъ исканія защиты, тайно принося съ собой оружіе; приходили и солдаты Ляпунова, тайно переодѣвшись въ городское платье; ихъ никто не узнавалъ, такъ какъ они смѣшивались съ городской чернью. Въ городѣ многіе могли жить скрыто, такъ какъ Москва очень велика: въ ней числится до 180.000 домовъ, не считая церквей и монастырей.

При Московскомъ населеніи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, шеститысячный Польскій гарнизонъ, состоящій подъ начальствомъ Александра Гонсѣвскаго, казался лишь снопомъ передъ большимъ скирдомъ. Но предусмотрительный, осторожный и мужественный Гонсѣвскій умѣлъ со своей небольшой горстью солдатъ устоять противъ страшнаго напора непріятеля. Гарнизонъ также не страшился столь превосходящаго его численностью врага: небольшой по числу, онъ былъ хорошо обученъ, опытенъ въ битвахъ, презиралъ смерть и дивно воевалъ. Комендантъ Гонсѣвскій занялъ со своими солдатами два замка: Кремль-городъ и Китай-городъ; онъ укрѣпилъ ихъ какъ можно лучше и снабдилъ орудіями для защиты отъ внезапной атаки мятежниковъ.

Уже войско Ляпунова было незамѣтно введено въ городъ; оно

смѣшалось съ чернью, сообщая ему больше смѣлости къ мятежу. Москвичи стали задираться съ Поляками и ругать ихъ; улицы были загорожены цѣпями; чернь вскочила на лошадей и атаковала гарнизонъ. Бывшіе наготовѣ вожди, Казановскій и Зборовскій, сдѣлали тоже, ударили на непріятеля и уложили на мѣстѣ 6.000 человѣкъ. Но это сраженіе мало или почти совсѣмъ не способствовало успокоенію: Русскіе не устрашились, а напротивъ того, возгорѣлись еще большею яростью и поклялись сами погибнуть, лишь бы погубить Поляковъ.

Но мужественный вождь Гонсѣвскій, несмотря на неизмѣримое превосходство непріятеля, поклявшагося уничтожить Польскій гарнизонъ, собирается одолѣть его Геркулесовой десницей. Онъ хватается за отчаянное средство: велитъ въ шести мѣстахъ Бѣлгорода (обширной части города, названной такъ отъ бѣлыхъ стѣнъ) приготовить запасы горючаго матеріала, состоящаго изъ сѣры, смолы и пороха, и зажечь ихъ. Тотчасъ же надъ городомъ взвился ужасный пожаръ, охватившій всѣ дома, церкви и монастыри. Благодаря обилію деревянныхъ построекъ, ни одна изъ нихъ не уцѣлѣла. Жалко и больно было смотрѣть, какъ одни горѣли въ домахъ, другіе, желая тушить пожаръ, задыхались отъ дыма. Гонсѣвскій еще усилилъ гибель и смерть врага, направивъ дула орудій въ бѣгущую толпу. Подъ безпрерывную стрѣльбу изъ нихъ, Польскіе солдаты стали умерщвлять народъ мечемъ и выстрѣлами изъ винтовокъ. Они разсѣкали, рубили, кололи всѣхъ безъ различія пола и возраста. На башняхъ и въ склепахъ были также зажжены склады пороха: несчастная Москва освѣтилась словно фейерверкомъ, и поднялся такой грохотъ, котораго не могли запомнить старѣйшіе изъ солдатъ. Страшный дымъ превратилъ ясный день въ темную ночь, и этотъ столичный городъ воистину уподобился Троѣ. Слезы, крики жертвъ, возгласы убивавшихъ солдатъ, безпрестанный бой изъ орудій приводили всѣхъ въ отчаяніе. Многіе проклинали патріарха, Ляпунова, Голицына, умоляли о пощадѣ, но, какъ измѣнники, не удостоились ея. Поляки затыкали уши, отворачивали взоры отъ умоляющихъ и никого не щадили. Тогда погибло болѣе 150.000 народу; погибъ Голицынъ, совѣтникъ патріарха, погибъ и самъ патріархъ, котораго выволокли наружу, убили и разрубили на части. Поляковъ погибло одиннадцать, кромѣ тѣхъ, которые пошли грабить въ домахъ. Гонсѣвскій запретилъ имъ рваться къ добычѣ, такъ какъ послѣ побѣды вся она должна была достаться имъ.

Гонсѣвскій, уничтоживъ непріятеля и освободивъ городъ отъ бунтовщиковъ, со всѣхъ сторонъ обезпечилъ себя. Онъ разставилъ часть войска по пунктамъ въ городѣ для отпора непріятелю, если онъ ворвется снова. Въ случаѣ же сильной атаки они должны были искать

спасенія въ замкѣ, гдѣ находились остальные воины. Гонсѣвскій велѣлъ сжечь предмѣстья города, которыя могли служить непріятелю для защиты.

Послѣ столь славной побѣды Польскому войску досталась неоцѣнимая добыча.

Почти невѣроятныя сокровища находились въ царскомъ дворцѣ, въ подворьи убитаго патріарха, въ монастыряхъ и церквахъ, и притомъ въ такомъ изобиліи, что пѣхота, которой уже надоѣлъ и опротивѣлъ жемчугъ, набивала самыми крупными жемчужинами мушкеты и стрѣляла ими въ воздухъ. Алмазы, драгоцѣнные камни, рога единороговъ, украшенные алмазами и жемчугомъ, и иныя драгоцѣнности, золото, серебро были распредѣлены между вождями и воинами. То, чтó должны были получить Поляки, состоявшіе на службѣ у ложнаго Димитрія, получили они же, но какъ слуги королевскіе.

Въ то время, когда королевскій дворъ и волнующійся сеймъ радуются извѣстіямъ о побѣдахъ, Россія, освободившись отъ удилъ, сбросила сѣвшую къ ней на спину торжествующую Польшу. Я изложу вкратцѣ, какъ это было. Народъ, потрясенный внутренними усобицами, несогласіями и притѣсненіями чужеземныхъ властелиновъ и уже завоеванный Поляками, снова освободился и вернулся къ прежнему состоянію. Все это случилось благодаря всесильнымъ Небесамъ: они, пресытивъ взоры зрѣлищами, происходившими въ столь могущественной монархіи, велѣли сойти со сцены Польшѣ, которая, подобно актеру, исполняла въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на Московскомъ театрѣ роль тріумфатора.

Непріятель пренебрегъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему Гонсѣвскимъ. Все гуще собираясь возлѣ Ляпунова, онъ сталъ атаковать замки Кремль-городъ и Китай-городъ, находящіеся во власти Поляковъ. Эти наѣзды происходили въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Жулкевскаго. Польскіе солдаты давали отпоръ непріятелю и дѣлали вылазки изъ крѣпостей.

Въ это время Гонсѣвскій сталъ подумывать о томъ, какъ бы погубить врага, и придумалъ хитрость, благодаря которой погибъ Ляпуновъ. Онъ зналъ, что Донскіе казаки со своимъ гетманомъ Заруцкимъ помогали Ляпунову и находились у него въ лагерѣ. И вотъ Гонсѣвскій написалъ письмо, какъ будто посланное отъ Ляпунова къ Москвичамъ и скрѣпленное его печатью, въ которомъ онъ, Ляпуновъ, издаетъ приказъ, чтобы Москвичи въ условленный моментъ вырѣзали казаковъ, такъ какъ послѣдніе—измѣнники. Это ложное письмо онъ вручилъ знакомому съ тайною посланцу, чтобы тотъ какъ будто нечаянно попалъ съ нимъ къ казакамъ. Такъ и случилось. Посланный попалъ въ руки казаковъ, на допросѣ разсказалъ въ чемъ дѣло и отдалъ имъ письмо

къ Москвичамъ. По прочтеніи его, казаки подняли ужасное смятеніе, побѣжали къ палаткѣ Ляпунова, упрекали его за тайный замыселъ и показывали письмо. Онъ увѣрялъ ихъ, что не писалъ письма, не думалъ даже объ этомъ, что это измѣнническая хитрость враговъ-Поляковъ, и страшно клялся въ своей невиновности; но казаки не повѣрили ему и на мѣстѣ убили. Удалась хитрость Гонсѣвскому: онъ погубилъ Прокопія Ляпунова. Послѣдній отличался не только величественной осанкой, серьезнымъ выраженіемъ лица, молодостью, умомъ, но и знаніемъ военнаго дѣла, осторожностью, предусмотрительностью и мужествомъ. Когда онъ говорилъ царю Василію Шуйскому въ глаза, что его правленіе не приноситъ ничего хорошаго, что онъ овладѣлъ престоломъ благодаря бунтамъ, убійствамъ и интригамъ, что ему надо отказаться отъ вѣнца и уступить престолъ другому, болѣе счастливому правителю, царь, воспылавъ гнѣвомъ, схватилъ ножъ, чтобы пронзить его. Ляпуновъ, поднявъ руки на него, воскликнулъ: «Стой, Шуйскій, не замахивайся, ибо ты погибнешь отъ этихъ рукъ». Если бъ царь не отбросилъ ножа, то Ляпуновъ убилъ бы его. Тотчасъ же съ согласія черни Ляпуновъ былъ тогда заключенъ въ монастырь. На его мѣсто мятежники выбрали себѣ вождемъ думнаго боярина Трубецкого, военнаго мужа.

Гонсѣвскій давалъ отпоръ сильному непріятелю, громя его спереди въ то время, какъ Сапѣга громилъ его съ поля. Онъ навѣрно разбилъ бы мятежниковъ, если бъ не произошли раздоры среди Польскихъ вождей.

Пришелъ въ столицу съ войскомъ Карлъ Ходкевичъ, полевой Литовскій гетманъ, котораго ненавидѣли солдаты Гонсѣвскаго и Сапѣги, благодаря наговорамъ Якова Потоцкаго, Брацлавскаго воеводы и Смоленскаго старосты. Этотъ Потоцкій подсылалъ нарочныхъ въ столицу къ Польскому гарнизону, стараясь очернить Ходкевича въ глазахъ солдатъ, изъ за того, что король вручилъ главное командованіе Московскимъ гарнизономъ не ему, а Ходкевичу. Это разъ. Во-вторыхъ, тотъ же Брацлавскій воевода на собственныя средства командировалъ Николая Струся, Хмѣльницкаго старосту, съ многочисленной инфантеріей и гусарами къ столицѣ. Струсь, подойдя къ городу, потребовалъ сдачи ему командованія надъ гарнизономъ и удаленія Гонсѣвскаго изъ Кремля-города и Китая-города. Все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы окончательная побѣда надъ непріятелемъ досталась не Гонсѣвскому, который (какъ о немъ говорили) пробилъ первый непріятельскій ледъ, и не Литовскому гетману Ходкевичу, который, совершая частые набѣги на непріятеля и подкрѣпляя Гонсѣвскаго подвозомъ провіанта осажденному гарнизону, готовилъ себѣ побѣдные лавры, а Брацлавскому

воеводѣ, который командировалъ на свои средства полки подъ начальствомъ своего зятя, Николая Струся. Вотъ онъ-то и добивался, чтобы усмиреніе мятежниковъ и приведеніе Россіи къ признанію Владислава царемъ было приписано ему. Гонсѣвскій, какъ дальновидный и осторожный вождь, безъ препреканій сдалъ командованіе гарнизономъ заявившему на это свои права̀ Струсю. Онъ уступилъ командованіе надъ гарнизономъ и втайнѣ радовался, что, славно выдержавъ и подавивъ напоръ непріятельскихъ силъ Геркулесовыми трудами, а затѣмъ получивъ увольненіе послѣ такихъ побѣдъ, онъ не рискуетъ быть опозореннымъ будущими неудачами въ Москвѣ. Онъ предугадывалъ, что вольности солдатъ, интриги среди вождей и стремленіе ихъ овладѣть командованіемъ лишатъ Владислава Московской монархіи, опозорятъ войско и дадутъ врагамъ возможность встать на ноги.

Послѣ ухода Гонсѣвскаго начались ежедневныя несогласія среди солдатъ: одни хвалили Ходкевича, другіе Струся, третьи Гонсѣвскаго. Когда непріятельское войско направилось къ Москвѣ, чтобы атаковать Кремль-городъ и Китай-городъ, Ходкевичъ сразился съ нимъ, освободивъ отъ осады Кремль, отогналъ осаждающихъ и послалъ съ Невяровскимъ 400 повозокъ провіанта для осажденныхъ. Въ то время, какъ Польскіе солдаты отдыхали послѣ битвы, Москвичи собрались ротами въ засадѣ, захватили провіантъ, овладѣли дорогою служащей для подвоза, поставивъ тамъ многочисленную охрану, комендантъ Струсь бездѣятельно смотрѣлъ на это и не отразилъ врага, надѣясь на свои силы и не желая помочь Ходкевичу, подъ начальствомъ котораго служилъ Невяровскій. Отсюда и произошла окончательная неудача, жестокое пораженіе, позоръ и безнадежная утрата Московской монархіи.

Злополучная зависть, интриги и несогласія заставили такъ внезапно повернуть колесо Фортуны назадъ, что достигшія высшей степени вѣроятія надежды на обладаніе Московскимъ престоломъ рушились и провалились въ пропасть.

Однако Ходкевичъ не полѣнился и собралъ въ другихъ мѣстахъ провіантъ для Польскаго гарнизона, находившагося въ Кремлѣ-городѣ, подвозя его другимъ путемъ. Москвичи, замѣтивъ это, тотчасъ же заняли мѣсто на рѣкѣ, протекавшей подъ Кремлемъ-городомъ, по которой провозились продукты, расположили сильную охрану и батарею по ея берегамъ и отрѣзали доступъ въ за̀мокъ глубокими прокопами. Послѣдній былъ тѣсно окруженъ, такъ какъ входъ и выходъ изъ него сдѣлались невозможными. Къ осадѣ приступили 100.000 Русскихъ.

Ходкевичъ возвращается съ нѣсколькими сотнями возовъ провіанта, но съ удивленіемъ замѣчаетъ большую перемѣну: онъ видитъ, что на берегахъ рѣки стоитъ инфантерія, по дорогѣ выстроены орудія,

доступъ къ за̀мку вездѣ отрѣзанъ, а стотысячное непріятельское войско, защищенное батареями и окопами, несравненно превосходитъ Польскія силы. Искренно пожалѣвъ о томъ, что завистничество вождей погубило осажденныхъ и привело къ утратѣ Московской монархіи, онъ отступилъ назадъ и пошелъ къ Смоленску.

Голодъ уже начиналъ мучить осажденныхъ Поляковъ и былъ на столько силенъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ люди ѣли собакъ, кошекъ, крысъ, мышей, свѣжіе трупы, и даже—страшно сказать—другъ друга убивали и ѣли. Наконецъ, осажденные Поляки вынесли все то, что̀ только вынесъ осажденный Сагунтъ, что̀ вынесъ Гаарлемъ отъ Испаніи. Поляки съ отчаянія хотѣли сдѣлать вылазку, но враги клятвенно обѣщали имъ, что если они сдадутся, то выйдутъ живыми на волю съ оружіемъ и имуществомъ. Коварные Русскіе нарушили клятву: они заключили Струся и вождей подъ тяжелый арестъ въ темницу; иные погибли отъ меча и всякихъ жестокостей, а иныхъ сослали въ Сибирь.

Русскіе, освободившись отъ неволи и вырвавъ свою родину изъ Польскихъ рукъ, нарушаютъ клятву, данную королевичу Владиславу: они дерзновенно выбираютъ себѣ царемъ Михаила Ѳеодоровича, сына Ростовскаго митрополита, которому охотно несутъ присягу въ вѣрности и повиновеніи.

Первой заботою новаго монарха было убіеніе Марины, приверженцемъ которой былъ гетманъ Заруцкій, ея самый преданный и вѣрный другъ. Онъ-то со своими Донскими казаками поддерживалъ притязанія Марины на престолъ. Но многіе казаки были вырѣзаны, иные подкуплены золотомъ, а остальные разсѣяны. Тогда Марина переѣхала со своимъ сыномъ изъ Калуги въ Астрахань, очень обширную провинцію, а оттуда хотѣла бѣжать въ Персію. Для поимки Марины былъ командированъ изъ станицы Иванъ Одоевъ, который немедленно и съ величайшей поспѣшностью исполнилъ ввѣренныя ему порученія. Онъ нагналъ спасавшуюся Марину на морскомъ кораблѣ и привезъ ее вмѣстѣ съ сыномъ и съ Заруцкимъ въ станицу. Тамъ, по приказанію царя Михаила Ѳеодоровича, ей отсѣкли голову, сына повѣсили, а Заруцкаго посадили на колъ.

Неужели ты, злая Фортуна, только для этого вывела изъ отчизны въ чужую страну, съ родительскаго лона, на поля Беллоны, изъ сенаторскаго кресла, на Московскій престолъ Польскую даму, несчастную Марину? Неужели ты прельстила блескомъ золота Польскую Нимфу для того, чтобы покрыть ее копотью позора? Неужели ты украсила ей шею драгоцѣннѣйшимъ лилейно-бѣлымъ жемчугомъ, чтобы потомъ туже шею отдать на поруганіе подъ руку палача? Изъ монархини ты превратила ее въ невольницу и обезчещенную! Ты уснащала ей власть, посыпа̀ла

сахаромъ отраву—притязанія на престолъ для того, чтобы твоя любимица поплатилась горькой и позорной смертью за богатства, почести, царскіе титулы, пышность и побѣды. Сохраняй же впредъ для себя эти дары и предложенія, измѣнница! Пусть принимаетъ ихъ отъ тебя тотъ, кто ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, кто также слѣпъ, какъ и ты. Тотъ же, кто осѣненъ свѣтомъ разума, пусть оттолкнетъ ногой твои предложенія и дары, какъ обманчивые силки. Ты уже потеряла свой кредитъ въ глазахъ міра. Да будетъ это для всѣхъ предостереженіемъ! Ахъ, коварная! Слѣдовало бы развязать твои завязанные глаза и поломать тебѣ ноги, чтобы ты остепенилась, чтобы ты сидѣла и не переносила своихъ даровъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного къ другому!!

Семья Марины извѣстна была своимъ стариннымъ происхожденіемъ, знатностью и высокими достоинствами не столько въ Польшѣ, сколько въ Чехіи. Ея дѣдъ, страшась разгнѣваннаго нашего императора Фердинанда I, покинулъ Чехію и обширныя владѣнія рода Мнишковъ, Кончицы, переѣхалъ во время правленія короля Польскаго Сигизмунда I въ Польшу въ 1508 г. и получилъ отъ короля самыя почетныя должности, женился на дочери вел. кор. гетмана, Николая Камецкаго, Подольскаго воеводы. Съ нею онъ прижилъ много дѣтей, между прочимъ и Юрія, Сендомірскаго воеводу. У послѣдняго отъ его первой жены, урожденной Тарло, родилась Марина. Слѣдовательно, отецъ Марины и послужилъ началомъ, поводомъ и факеломъ, отъ котораго произошелъ великій пожаръ Московской войны. Наконецъ, Марина, выданная замужъ за одного Димитрія, послѣ его смерти пристала къ другому человѣку (какъ было изложено выше), незнакомцу, грубому развратнику. Презрѣвъ стыдъ и добродѣтель, она употребляла всѣ и допустимыя и предосудительныя средства, чтобы добиться власти: одѣвалась въ случаѣ надобности въ мужское платье, садилась верхомъ, ѣздила по лагерю, входила въ палатки, проводила тамъ время въ веселыхъ бесѣдахъ, подкупала военныхъ подарками, обѣщаніями, лестью; женскимъ кокетствомъ и ласками плѣняла военныхъ, суля имъ побѣду и богатую добычу. Она отлично умѣла приспособляться ко вкусамъ войска и этимъ снискала себѣ его привязанность. Наконецъ, изъ-за жажды власти она пренебрегла благополучіемъ родины и отвергла предложенныя ей королемъ экономіи Самборскую и Гродзинскую, взамѣнъ которыхъ ей было предложено отказаться отъ ея намѣреній, препятствовавшихъ замысламъ короля. Отвергнувъ этотъ даръ, она еще велѣла передать королю слѣдующія спѣсивыя слова: «*Если онъ уступитъ ей Краковъ, то ея мужъ подаритъ королю Варшаву*».

Такая непомѣрная жажда власти привела ее къ позору и къ смерти, въ которой она понесла заслуженную кару.

Такъ какъ и Заруцкій прославился во время Московскихъ войнъ. то скажу нѣсколько словъ и объ этомъ вѣрномъ спутникѣ Марины.

Онъ родился въ Тарнополѣ. Во время наѣзда Татары поймали его на Руси и повели за собой въ Тавриду. Затѣмъ онъ бѣжалъ къ Донскимъ казакамъ и воевалъ такъ хорошо и удачно, что Марсъ сдѣлалъ изъ него военнаго мужа и наградилъ казачьей булавой. Онъ присталъ со своимъ войскомъ къ Димитрію, который очень полюбилъ его за храбрость, суровость, выносливость въ трудахъ и бодрствованіи, находчивость въ опасностяхъ и пренебреженіе къ смерти. Покинувъ Димитрія, онъ служилъ королю подъ начальствомъ Жулкевскаго, участвовалъ въ славной битвѣ подъ Клушиномъ, удачно громилъ врага и весьма отличился въ этой битвѣ, становясь вездѣ подъ огонь и выстрѣлы и храбро сражаясь. Потомъ, обиженный Жулкевскимъ, онъ пошелъ съ казаками къ Маринѣ и, какъ храбрый солдатъ, отдалъ за нее жизнь на колу.

*

Приложеніе о Россіи очень интересное.

Когда Западная и Сѣверная Русь и всѣ княжества, которыя заключаются въ Польскомъ королевствѣ, въ вел. кн. Литовскомъ, а также въ Россіи (случайно) были подчинены старшему Кіевскому князю, жалкій и незначительный въ то время Московскій край тоже находился въ зависимости отъ Кіевскихъ князей.

Великій князь Литовскій Гедиминъ лишилъ Кіевскаго монарха Святослава Кіевской монархіи. Бѣглецъ жилъ сперва въ Брянскѣ, а потомъ во Владимирѣ, считая ихъ обширнѣйшими владѣніями, такъ какъ находился тутъ въ безопасности. Оттуда его наслѣдники перенесли столицу въ Москву. Москвой называется столичный городъ, какъ и все государство. Все свое достояніе и богатство князья пріобрѣли черезъ родство и браки, а различные удѣлы, полученные въ приданное за женами, присоединили къ Москвѣ. Однако они подпали подъ тяжелое Татарское иго, какъ только освободились отъ Литовскаго. Они настолько подчинились Татарамъ, что навстрѣчу Татарскимъ посламъ, ѣхавшимъ верхомъ, цари выходили пѣшкомъ; а когда Татарскіе послы, по обыкновенію сидя верхомъ, пили конское молоко, капли котораго стекали на конскую гриву, эти Московскіе цари облизывали ихъ своими губами съ конской гривы. Они стояли даже съ непокрытой головой передъ сидящими Татарскими послами, выслушивая ханскія грамоты и приказы. Только Иванъ Васильевичъ III, царь Московскій, свергъ Татарскую неволю и вернулъ свободу своему народу въ 1500 году. Послѣ

него внукъ его Иванъ Васильевичъ IV отнялъ у Татаръ и завоевалъ Казань, Сибирь, Плешковъ, Новгородъ, Рязань и Астраханское государство, а также граничащія съ Персіей королевства до самаго Каспійскаго моря. Къ нимъ же онъ присоединилъ и Лифляндію до самаго Балтійскаго моря. Но столь страшное Московское государство ни отъ какого народа не потерпѣло такого удара, какъ отъ Польскаго. При Польскомъ королѣ Стефанѣ Москва утратила всю Лифляндію и вернула ее Польшѣ. При Польскомъ королѣ Сигизмундѣ III она была завоевана имъ и приняла подданство въ 1610 г. При Польскомъ королѣ Владиславѣ IV Русскіе стали осаждать Смоленскъ, находившійся въ Польскихъ рукахъ, но были отбиты съ такимъ страшнымъ урономъ, что Владиславъ, осадивъ ихъ лагерь подъ Смоленскомъ, уничтожилъ 17.000 войска, убивая мечомъ, огнемъ и голодомъ, и отнялъ весь лагерь съ орудіями, знаменами, имуществомъ и со всею добычею, въ 1632 г. Свои притязанія на Московскій престолъ онъ согласился оставить взамѣнъ полученія слѣдующихъ Московскихъ областей и городовъ: Смоленскъ, Бѣлая, Дорогобужъ, Славяносербскъ, Трубецкъ, Новгородъ-Сѣверскъ съ уѣздами до рѣки Десны, Монастырищъ, Муромскъ, Стародубъ, Почоповъ, Поповая Гора, Невель, Ледичъ, Красне и Попоръ съ зàмками, орудіями, со всѣми боевыми припасами. По смерти Владислава, Янъ Казимиръ, братъ его, утратилъ все; кромѣ того, Русскіе овладѣли также Вильной, разграбивъ со страшной жестокостью всю Литву въ 1654 г.

Михаилъ Ѳедоровичъ, избранный мятежниками въ 1613 г., въ царствованіи котораго Владиславъ уничтожилъ 17.000 Русскихъ и отнялъ вышеупомянутыя области, умеръ 12 Іюля 1645 г. 49 лѣтъ отъ роду.

Московская монархія по обширности равняется Польскому, Нѣмецкому государствамъ и Французскому королевству. Всѣ эти государства вмѣстѣ могли бы помѣститься въ Московской монархіи. Области управляются воеводами; царь—законодатель, т. е. господинъ войны, мира, жизни и смерти. Онъ не созываетъ ни Рѣчи Посполитой, ни шляхты, ни областей на совѣтъ и мнѣній ихъ не выслушиваетъ; достаточно бываетъ, когда онъ издастъ универсалъ, т. е. царскій приказъ. Правда, есть мѣсто въ столицѣ, называемое Лобнымъ, гдѣ царь, собираясь начать большую и опасную войну, созываетъ народъ, совѣтуется съ нимъ и испрашиваетъ разрѣшенія на эту войну; но не для того, чтобы почтить этимъ народъ или считаться съ его мнѣніемъ, а для того, чтобы сложить всю вину на него въ случаѣ неудачи. Итакъ, царь, а не народъ, въ угоду себѣ и для спасенія своей чести, пользуется этимъ правомъ.

У нихъ настолько суровы обязанности подданства и соблюденіе верховенства царя, что Русскіе говорятъ «Одинъ Богъ на небѣ, дру-

гой царь на землѣ». Когда царь собирается на войну, то выходитъ указъ, чтобы каждый землевладѣлецъ выставилъ десятаго человѣка со своихъ помѣстій. Войскомъ командуютъ Англійскіе, Нѣмецкіе, Шотландскіе и Шведскіе офицеры. Удивительно, что въ столь обширной странѣ такъ быстро собираются полки. Неправда, будто ихъ обширныя области, какъ напр., Сибирь, пустуютъ. Объ этомъ ниже.

Ordo Senatorius.

Первый чинъ сенаторовъ—30 думныхъ бояръ.

Второй чинъ. Окольничіе.

Третій чинъ. Думные дворяне. Ихъ шесть.

Четвертый. Думные дьяки, старшіе секретари и канцлеры.

Казначей—подскарбій.

Оружейничій артиллеріи—царскій генералъ.

Дворецкій, т. е. вел. Моск. маршалокъ.

Государственный конюшій, т. е. Supremus Minister Московскихъ чиновъ. Царь содержитъ въ столицѣ городской гарнизонъ въ 16.000.

Царскій дворъ состоитъ изъ подкоморіевъ, которые называются ключниками, стольниковъ—это хлѣбники или ситники. Подчашіе называются скатертными, походовыми, степенными. Ловчіе называются сокольниками. Придворные, т. е. слуги царскіе, называются жильцами. Шамбеляны называются стряпчими.

Роскошь и великолѣпіе Московскія.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Цесарскій посолъ пріѣзжалъ въ столицу. Его принимали слѣдующимъ образомъ. Сперва выѣхалъ полкъ отборной конницы. Потомъ Артамонъ Сергѣевичъ, думный бояринъ, сенаторъ Московскій, въ шитомъ жемчугомъ платьѣ и въ собольей шубѣ; онъ велъ 200 конныхъ царскихъ чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ. на убранныхъ нарядно коняхъ. Они называются конюхами. Первый рядъ былъ въ пурпурныхъ платьяхъ и въ желтыхъ шапкахъ; второй—въ желтыхъ платьяхъ и въ пурпурныхъ шапкахъ; третій—въ голубыхъ платьяхъ и зеленыхъ шапкахъ; четвертый въ зеленыхъ платьяхъ и голубыхъ шапкахъ.

Поодаль отъ нихъ слѣдовала свита вельможъ въ богатыхъ одеждахъ. Ихъ было 500. На каждомъ изъ нихъ было золотое или серебряное платье; сѣдло было расшито золотомъ и жемчугомъ. Колокольчиковъ и золотыхъ цѣпей было навѣшано по ихъ модѣ такое множество, что отъ бряцанія, гудѣнія и звона они не слышали что̀ говорили другъ другу. Посолъ же сидѣлъ въ царской каретѣ, запряженной шестеркой.

Когда при въѣздѣ полилъ дождь, нарядные всадники, жалѣя шапки больше, чѣмъ свои головы, поснимали ихъ и попрятали подъ себя на сѣдла. Дождь лилъ имъ прямо на голову, такъ какъ у нихъ не было ни попонъ, ни плащей. Оказалось, что нарядная ихъ одежда—барская и политичная, но обычаи Московскіе—secundum.

Fortuna non mutat genus.

Московская сокровищница.

Сокровищницу Московскихъ царей такъ описываетъ Гваньинъ по Павлу Польчовскому. Въ 1609 году мы видѣли своими глазами громадныя кучи золота и серебра, серебряныя бочки, наполненныя золотомъ, видѣли 12 апостоловъ, вышиною въ три локтя, отлитыхъ изъ золота, образа, короны, скипетры, престолы изъ чистаго золота. Царь Димитрій устроилъ пиръ для Сендомірскаго воеводы, во время котораго весь столъ былъ заставленъ золотой посудой. Въ тоже время онъ устроилъ пиръ и для королевскихъ пословъ на 150 блюдахъ изъ чистаго золота; кромѣ блюдъ и вся остальная посуда была золотая. Однажды былъ устроенъ пиръ для царицы Марины, во время котораго было подано 600 золотыхъ блюдъ съ явствами. Посолъ Максимиліана Герберштейнъ пишетъ, что кромѣ большихъ сокровищъ онъ видѣлъ также Московскую корону, столь драгоцѣнную и богатую, что съ нею не можетъ сравниться ни Испанская, ни Французская, ни Венгерская, ни даже Императорская короны. Безопасность свою царь вручилъ пѣхотѣ; для защиты отъ мятежей и бунтовъ черни онъ содержитъ 20 полковъ тѣлохранителей. Царь Алексѣй Михайловичъ, по примѣру Китайцевъ, обвелъ границы свои по сосѣдству съ Татарами валомъ и прокопами на 200 миль для защиты отъ ихъ наѣздовъ.

Московское правосудіе.

Когда гетманъ выиграетъ сраженіе, то не гетманъ торжествуетъ, не гетмана хвалятъ, а царю приписываютъ одержанную побѣду, хотя бы онъ въ то время сидѣлъ въ теплой комнатѣ, попивая медъ и водку. А когда Московское войско проиграетъ битву и уступитъ непріятелю, то не говорятъ, что царь проигралъ или что войско плохо сражалось: говорятъ, что вождь проигралъ, и вождя караютъ. Такъ, Михаилъ Щохъ, побѣжденный Владиславомъ IV, королемъ Польскимъ, вернувшись въ Москву, долженъ былъ отдать свою голову подъ топоръ палача. Князь Барятинскій за то, что не поспѣшилъ на помощь Щоху, былъ наказанъ кнутомъ. Нащохъ и Шереметъ за то, что сдались Выховскому воеводѣ *), были сосланы въ Сибирь, откуда вернулись черезъ

*) Впослѣдствіи—Кіевскій, а до этого совѣтникъ Хмѣльницкаго.

20 лѣтъ, за то, что, не имѣя пороху, не стрѣляли въ непріятеля, а вѣдь царь не отпустилъ того количества пороха, котораго требовали Нащохъ и Шереметъ.

Чрезмѣрная строгость къ простонародію въ Москвѣ до того сурова, что, когда господинъ бьетъ слугу, послѣдній не смѣетъ заслонить голову рукой. Однако этому народу нравится такое рабское подчиненіе ихъ государю.

Чеснокъ, лукъ они считаютъ лакомствомъ; свѣжая рыба не нравится имъ, а вонючая и несоленая—наслажденіе для Москвичей. Они необыкновенно любятъ, ходя по огороду, срывать и ѣсть сырые огурцы и овощи; да впрочемъ, это единственная ихъ пища; подкрѣпляющее питье ихъ—водка, да еще простая, воняющая ямой. Когда они усиленно просили посла Гальсацкаго отвѣдать юлипокъ (это Московское питье), онъ отвѣтилъ, что, если бы всыпать въ водку немного сѣры, то получится поистинѣ дьявольскій напитокъ.

Правосудіе примѣняется тамъ такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ—къ людямъ и животнымъ безъ разбора. Колоколъ, лошадь и собаку думные бояре присудили къ наказанію кнутами и къ ссылкѣ въ Сибирь. Колоколъ за то, что глухо звонилъ, хотя его нѣсколько разъ переливали; лошадь за то, что она сбросила Англійскаго посла; а собаку какого-то попа за то, что она порвала платье лежащаго на землѣ посла. Смотри у Венцлавскаго, въ книгѣ, озаглавленной: «Victor et Victus Vicentius, Corvinus», Гонсѣвскій, стр. 171, глава 100.

Когда бѣдному должнику нечѣмъ заплатить долгъ, то берутъ его дѣтей, которыхъ таксируютъ по лѣтамъ: на годъ за сына полагается 10 рублей. Если сыну 10 лѣтъ, то 100 рублей; если сынъ старше, то и сумма больше. Кредиторъ, вычтя свой долгъ, прибавляетъ остальное къ лѣтамъ, и сынъ остается у него невольникомъ. За дочь же на годъ полагается 8 рублей, и съ нею поступаютъ также, какъ и съ сыномъ.

Измѣна и клятвопреступленіе считаются у Русскихъ добродѣтелью и достоинствомъ. Ни въ какомъ другомъ углу міра нѣтъ людей, столь способныхъ къ измѣнѣ, надувательству, крючкотворству, клятвопреступничеству, какъ Русскіе. Орудіемъ такого ремесла является у нихъ лесть, которою они расчищаютъ себѣ путь къ измѣнѣ. Въ гóрѣ они трусы, а въ счастьи—тираны. Поэтому они болѣе способны защищать крѣпости, нежели сражаться въ полѣ.

У Московскихъ царей существуетъ обычай оказывать заслуженнымъ своимъ любимцамъ больше вниманія, нежели остальнымъ. Поэтому, когда царь хорошо поѣстъ и набьетъ желудокъ такъ, что онъ

уже не можетъ удерживать пищи, тогда онъ велитъ принести себѣ большую чашу и кладетъ себѣ въ ротъ всевозможныя яства: сладкія, кислыя, соленыя, молоко, капусту кислую, лукъ, чеснокъ, рѣдиску, студень съ горчицей, улитки, анчоусы съ хрѣномъ и иныя Русскія яства, которыя желудокъ не можетъ удержать и которыя должны выйти обратно, если даже закупорить ротъ. Какъ только онъ возметъ что-нибудь въ ротъ и начнетъ жевать, то все возвращается обратно въ подставленную чашу. Такимъ же образомъ, набравъ въ ротъ поочередно всевозможные ликеры, водку, медъ, вишневку, малиновку, вино и т. д., онъ немедленно выплевываетъ ихъ въ чашу и подаетъ эту похлебку своему любимцу—не обыкновенному, а весьма заслуженному, который долженъ тотчасъ же съѣсть ее за царское здоровіе и съ апетитомъ выпить соусъ или подливку.

При обвиненіи въ преступленіи наказаніе таково: сперва наказываютъ кнутомъ истца; если же онъ упорствуетъ въ своемъ обвиненіи, наказываютъ кнутомъ обвиняемаго; и если послѣдній выдержитъ троекратное наказаніе кнутомъ, не сознаваясь въ преступленіи (что̀ часто бываетъ съ людьми, привыкшими къ такимъ наказаніямъ), то обвинителя снова подвергаютъ жестокому наказанію кнутомъ; но и это не помогаетъ. Ужъ лучше по-московски не обвинять и не доносить, если такъ благодарятъ за предостереженіе.

Въ былые годы распространилась мѣдная монета, которую тайно чеканили въ погребахъ, въ лѣсахъ, въ скрытыхъ мѣстахъ. Было установлено и примѣнено наказаніе, чтобы фальшивымъ монетчикамъ вливать въ глотку растопленное олово. Думаешь ли ты, читатель, что такая пытка устрашила фальшивыхъ монетчиковъ? Совсѣмъ наоборотъ.

День и ночь наказываютъ кнутами виновныхъ; я назвалъ бы это жестокостью, если бы бояре не жаловались мнѣ на свой народъ, говоря, что иначе съ нимъ не поладишь. Въ Москвѣ, куда ни пойдешь, вездѣ видишь обнаженныя спины, которыя бьютъ кнутами; при церквахъ—поповъ, въ канцеляріяхъ, на рынкѣ, въ домахъ и на площадяхъ бьютъ народъ на особо устроенныхъ козлахъ изо всѣхъ силъ, цѣлый день: до того много разныхъ негодяевъ. Кнута они больше боятся, потому что онъ переплетенъ желѣзными проволоками. Сибири же они боятся больше всего, потому что тамъ приходится вѣчно работать, и нѣтъ надежды на возвращеніе. Но при всемъ этомъ преступленія все увеличиваются, такъ какъ запретный плодъ всегда кажется вкуснѣе. Въ этомъ грубомъ народѣ нѣтъ ни добродѣтели, ни любви, ни уваженія, ни честности. Московскій народъ больше всего склоненъ къ пьянству и къ обжорству, подобно Грекамъ и восточнымъ народамъ. Іовіусъ называетъ эти народы пьяницами.

Всѣ рѣшительно пороки и преступленія, перешедшіе въ обычаи, можно встрѣтить въ Москвѣ.

Хотя Московскій народъ признаётъ себя рабски подданнымъ своему государю, но онъ только хвастаетъ своей вѣрностью и повиновеніемъ ему; на самомъ же дѣлѣ онъ только льститъ ему и лицемѣритъ. Ихъ рабское своеволіе такъ склонно къ частымъ бунтамъ и мятежамъ, что наказаніе кнутомъ не является средствомъ къ успокоенію. Знаменитое Гольсацкое посольство свидѣтельствуетъ о томъ, что Московскій народъ въ неволѣ, въ горѣ, въ несчастіи скроменъ, добръ и послушенъ, но въ хорошемъ положеніи и на свободѣ хуже его нѣтъ.

Страшный мятежъ въ Москвѣ.

Въ тысяча шестьсотъ сорокъ седьмомъ году царь Алексѣй Михайловичъ, по совѣту перваго своего министра Бориса Морозова, сочетался бракомъ не съ боярскою сенаторскою дочерью, а съ дочерью обыкновеннаго шляхтича, Ильи Милославскаго, Московскаго землевладѣльца. Вскорѣ и самъ Борисъ женился на младшей дочери этого Милославскаго, который, благодаря родству съ царемъ, изъ шляхтича превратился въ сенатора, изъ частнаго домосѣда въ губернатора обширной провинціи, изъ бѣдняка въ казначея. Онъ переселился въ царскій дворецъ и, живя тамъ, выстроилъ для себя княжескій дворецъ; пригласилъ къ себѣ въ придворные своихъ родственниковъ, бѣдняковъ, нуждающихся, алчныхъ грабителей, терзателей, запятнанныхъ многими преступленіями: Гатусева, Хуянова, Чистова, Тыканога, Траханіотова и Дзюравила, получившихъ мѣстà въ самыхъ доходныхъ царскихъ экономіяхъ, всѣ доходы съ которыхъ они присваивали себѣ, обманывая простой народъ монетой, подкупая солдатъ деньгами, и въ довершеніе всего увеличили цѣну на соль. Весь народъ написалъ было прошеніе царю, но вельможи воспрещали доступъ къ царю даже тогда, когда онъ выходилъ изъ церкви. Однако, когда царь возвращался однажды изъ Срѣтенскаго монастыря, огромная толпа черни, опьяненная гнѣвомъ и водкой, преградила ему путь и насильно заставила его принять прошеніе. Царскаго коня схватили за поводья, остановили посреди дороги и заставили царя выслушать обвиненія противъ Гатуся въ тираніи. Вся толпа, единодушно и скрежеща зубами, требовала мести за жестокости Гатуся. Царь привѣтливыми и ласковыми словами усмирилъ, но не искоренилъ ненависть къ Гатусю. Когда нѣкоторые бояре снова проливали кровь народа, наказывая плетьми и давя его лошадиными копытами, пожаръ мятежа снова возгорѣлся съ страшной силой. Народъ, придя въ ярость, отъ словъ перешелъ къ дѣлу, къ оружію, и бросалъ кам-

нями въ бояръ, которые бѣжали во дворецъ и тамъ заперлись, спасаясь отъ грома бранныхъ словъ и отчаяннаго натиска черни. Ихъ сопровождали гнѣвные крики и рыданія черни, жалующейся на притѣсненія Гатуся и требующей выдачи его. Ненависть, поднявшаяся въ серцахъ Московской черни, не улеглась даже отъ степенныхъ и милостивыхъ рѣчей царя Алексѣя Михайловича: отъ воды пламя еще пуще разгоралось, ласковыя слова монарха усилили озлобленіе въ сердцахъ, и на устахъ возникли новыя угрозы по адресу Московскихъ вельможъ. Дворъ Морозова былъ снесенъ, все его имущество, богатства, и картины расхищены. Во время грабежа народу досталось такое обиліе драгоцѣнностей, что кучму, наполненную доверху жемчугомъ, продавали за 30 рублей, а пару соболей за полтинникъ. Шелки и дорогія ткани люди распредѣляли между собой.

Тоже случилось и со дворами другихъ бояръ, на которыхъ негодовалъ народъ. Великій Московскій канцлеръ, выданный прислугой, былъ найденъ среди сложенныхъ тушей сала и убитъ. Разъяренная чернь бушуетъ вездѣ, поджигаетъ дòма и обращаетъ въ пепелъ весь Бѣлый городъ. Большія бочки съ водкой были разбиты и преданы огню, и никто не воспротивился этому. Никто не думалъ даже о спасеніи собственной жизни; мятежъ, бунтъ и смятеніе не прекращались.

Тогда изъ дворца вышелъ князь Никита Романовъ, дядя монарха. Онъ пользовался хорошей славой и любовью народа, поэтому его выслали для усмиренія бунта. Увидя его, народъ съ большимъ уваженіемъ выслушалъ его. Онъ сказалъ имъ, что царь особенно старается угодить черни, и если она немного стихнетъ, то онъ немедленно покараетъ преступниковъ и исполнитъ просьбу народа. Послѣ этихъ словъ народъ воскликнулъ: «Да здравствуютъ великій царь и Никита на долгіе годы! Пусть намъ выдадутъ виновныхъ, управителей казенныхъ доходовъ, грабителей и виновниковъ этого бунта и всего дурного!» Чтобы избѣгнуть еще бòльшаго смятенія князь Никита согласился на это и поклялся имъ, что во дворцѣ нѣтъ ни одного изъ виновныхъ, кромѣ Гатуся. Его тотчасъ же вывели изъ дворца и выдали имъ. Но, не доведя еще до мѣста казни, передъ глазами народа, его такъ били палками, что убили, потомъ несчастнаго Гатуся волочили по грязи и бросили въ огонь. Петра Тыканога нашли въ 12 миляхъ въ монастырѣ; 8-го Іюля его привели въ Москву и посадили на колъ. Мятежники требовали съ непримиримой яростью Морозова, который бѣжалъ изъ Москвы.

Тогда самъ царь вышелъ на Лобное мѣсто и благодарилъ народъ, какъ общій отецъ и народа и отчизны. Народъ крикнулъ: «Да здравствуетъ великій царь долгіе годы!» Когда утихло; царь милостиво, ласково и со слезами просилъ у черни прощенія за Морозова, который

воспиталъ его, выростилъ. Онъ уважалъ Морозова, какъ своего отца, и обѣщалъ вознаградить народъ за всѣ содѣянныя имъ обиды. Народъ разбился кучками и, посовѣтовавшись, громко воскликнулъ: «Да хранитъ Господь Богъ ваше царское величество въ добромъ здравіи! Да будетъ по твоему на счетъ Морозова!» Поблагодаривъ, царь вернулся во дворецъ. Устроенъ былъ пиръ для черни отъ патріарха и отъ Милославскаго.

Второй мятежъ 4-го Августа 1662 г. былъ подавленъ строгостью. Царь замѣтилъ, что искры, тлѣющія въ теплѣ, должны разразиться великимъ пламенемъ. Поэтому онъ подъ предлогомъ охоты выѣхалъ на разстояніе трехъ миль въ Коломенское, взявъ съ собой 7 тысячъ пѣхоты. Тамъ онъ веселился съ боярами. Но вдругъ въ Москвѣ 18,000 бунтовщиковъ хватились за оружіе. Изъ нихъ 10.000 остались въ городѣ, чтобы быть на-готовѣ въ случаѣ надобности; но, побросавъ оружіе, они стали грабить боярскіе дворы, а 8.000 бунтовщиковъ пошли безъ оружія въ Коломенское, высокомѣрно требуя выдачи бояръ. Когда царь вышелъ къ народу, одинъ человѣкъ, дерзко схвативъ его за руку, требовалъ выдачи Милославскаго, Хитрова, Воротынскаго. Царь спросилъ, по какой причинѣ народъ требуетъ выдачи ихъ? Они отвѣтили, что, благодаря совѣтамъ и дѣламъ этихъ бояръ, до сихъ поръ нѣтъ мира съ Поляками, что вмѣсто серебряной монеты стала все чаще ходить мѣдная и т. д. Царь въ сердцахъ отвернулся; тогда Поляки и Литовцы напали на мятежниковъ спереди, а пѣхота съ бердышами сзади. Убито было 1000 человѣкъ. Остальные едва спаслись, прыгнувъ въ рѣку. Когда въ городѣ распространился слухъ о пораженіи бунтовщиковъ, 10.000 оставшихся покаялись, молили о помилованіи и выдали зачинщиковъ бунта, въ числѣ 200 человѣкъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ посажали на колъ, иныхъ утопили, сослали въ Сибирь, били плетьми, выжигали клейма на лбу; безчестили, отрѣзая носъ, уши.

Обширность Москвы.

Столица всей Москвы называется Москвой, т. е. также, какъ и вся монархія. Она дѣлится на 4 части, т. е. Кремль-городъ—это дворецъ и крѣпость, окруженные тройной стѣной и валомъ съ прокопами. Въ той же крѣпости находится жилище, предназначенное для царя и для патріарха. Тамъ же находится очень много дворовъ думныхъ бояръ, дьяковъ и думныхъ дворянъ. Кромѣ того есть 50 церквей.

Вторая часть города, Китай-городъ, окружена стѣной. Тамъ находятся разныя купеческія пристройки, лавки, ремесленныя заведенія, дома бояръ и шляхты, церкви и монастыри.

Третья часть, Бѣлый городъ, обширностью превосходитъ оба города и Кремль, и Китай: въ немъ могли бы помѣститься оба эти города. Бѣлгородъ окруженъ бѣлой стѣной, отъ чего и получилъ свое названіе.

На стѣнахъ кругомъ башни.

Четвертая часть Москвы называется Земляной городъ, окружающій собою Кремль-городъ, Китай-городъ и Бѣлгородъ. Тамъ находится гарнизонъ царской инфантеріи въ 24000 человѣкъ.

Желѣзныя крыши церквей, колоколенъ, куполовъ большихъ и малыхъ и даже башенъ, которыя побольше, покрыты чистымъ листовымъ золотомъ, или покрашены золотой краской (какъ-то лучшія большія церкви: Соборная т. е. Каѳедральная, Благовѣщенская—Anuntiationis, Иванъ Великій—turms S. Johannis); остальныя же покрыты жестью. Издали видъ ихъ весьма великолѣпенъ.

Тамъ насчитываютъ 1.000 церквей; на каждой пять главъ и по пяти колоколовъ въ одной большой колокольнѣ. Издали зрѣлище великолѣпное. Знаменитое Гальсацкое посольство говоритъ, что: «*Издали Москва по великолѣпію кажется Іерусалимомъ, но въѣхавъ видишь Виѳлеемъ*». Слово «Виѳлеемъ» значитъ здѣсь убогое мѣстечко. Дѣйствительно, въ Москвѣ множество жалкихъ, презрѣнныхъ и грязныхъ домовъ. Городъ Москва имѣетъ семь миль въ окружности.

За городомъ есть много царскихъ, боярскихъ дворцовъ, а также—имѣній великаго государя, въ полѣ, въ удивительно красивомъ мѣстоположеніи, какъ-то Воробьевы горы, Коломенское, Семеновскій монастырь; нѣкоторые монастыри опоясаны стѣнами и башнями въ родѣ крѣпостей, какъ-то: Дѣвичій, Спасовъ, Алексѣевъ. Есть также деревни, лежащія возлѣ города: Панская слобода, Польская колонія, тоже Кукуй и Нѣмецкая слобода.

Сибирь, царство изгнанія.

Невольниковъ, пойманныхъ на войнѣ, а также Московскихъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть—высылаютъ въ очень далекія страны, въ Казань, въ Астрахань и въ Сибирь, потому что оттуда сосланные не могутъ бѣжать вслѣдствіе непроходимыхъ лѣсовъ и обширныхъ пустынь. Въ Сибири лежатъ также большія болота, озера, трясины и невысыхающая грязь. Во-вторыхъ, здѣсь не надо держать стражи для присмотра за ссыльными: они живутъ и умираютъ тамъ одни. Въ третьихъ, они безъ ущерба для Московской казны строятъ тамъ дома, обрабатываютъ землю, ловятъ рыбу, торгуютъ. Если бы невольники эти сидѣли подъ арестомъ, то они бездѣльничали бы, а

казна должна была бы содержать ихъ. Четвертая и самая главная причина и польза изгнанія преступниковъ состоитъ въ томъ, что неизмѣримыя пустыни населятся и застроятся городами, гдѣ изгнанники съ отчаянія принимаютъ Московскую вѣру и крещеніе по новому Московскому обряду, не думая впослѣдствіи вернуться къ родному. Очень рѣдко и только для оказанія почета убиваютъ преступниковъ; даже самыхъ опасныхъ высылаютъ въ Сибирь строить города, замки, варить соль и т. д. Поэтому каждый годъ весной увозятъ въ Сибирь 2—3 тысячи преступниковъ. Такія колоніи ссыльныхъ настолько заселили пустынную Сибирь, что по населенности она превосходитъ другія Московскія провинціи. Астрахань, нѣкогда жалкое мѣстопребываніе Татаръ, теперь соперничаетъ со столицей Москвой по великолѣпію, обширности, населенности, богатству и удобству. Въ 1660 году тысячу Поляковъ-невольниковъ сослали на изгнаніе въ Сибирь.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

1834.

Moscou, le 22 Janvier 1834.

Vous êtes à peine partis, mes chers amis, et je sens déjà cruelement votre absense. Ma peine durera tant que vous ne serez pas arrivés à Pétersbourg, car alors je me dirai au moins: ils ne sont pas avec moi, mais ils sont avec mon frère, et c'est exactement la même chose et pour vous, et pour lui, et pour moi, tandis qu'à présent personne n'est content. On ne parle que de votre départ. Il y a eu un grand dîné aujourd'hui (Dimanche) chez les Rostopchine: Nadine et son mari, Olga et le sien, enfants de Galitzine Serge, Alexis, Woldemar et Alexandre, Swinine, les deux Poutiàta, leur soeur [2]), Wassilieff, Pouchkine, Olga Pachkoff, qui était ma voisine à table (et cette Olga n'était pas mon Olga à moi!). Elle proposa la première votre santé, qui fut portée par tout le monde. Après ils se mirent à jouer. Pour changer, Wold. G. dévalisa Serge P., qui lui remit tout ce qu'il gagna aux autres et 600 rbles des siens [3]). Je me suis sauvé vite pour aller chercher Catherine pour le concert de la Carl, mais je l'ai trouvée les yeux rouges, un mal à la gorge, et elle resta à la maison (я думаю, простудилась, ходила въ этотъ холодъ къ обѣднѣ пѣшкомъ). Quand je vins chez la maman, elle fut fâchée de devoir aller au concert, car elle n'y allait que pour votre soeur; elle s'y rendit cependant avec m-lle Dériabine, m-lle Aimée, Démidoff et moi. La Carl a été bien reçue et applaudie. Il y avait 600 personnes. Je vous embrasse pour vos deux lettres de Черная Грязь и Подсолнечная. Vous n'allez pas vite, mais bien; la p-sse est calme, mais pensiorosa

---

[1]) См. выше, стр. 47.

[2]) Путятъ было трое: Николай, Иванъ и Дмитрій. Сестра ихъ, скончавшаяся дѣвицей—достойнѣйшая Анна Васильевна. П. Б.

[3]) Бѣдный Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, извѣстный библіографъ, проигравшій въ теченіе долгой жизни большія богатства отца своего и дѣда, Коломенскаго торговца Хлѣбникова. П. Б.

est préoccupée. Je vous annonce une noce: la p-sse Tschetwertinsky *) est fiancée ce matin avec le p-ce Alexis Troubetzkoy, frère du petit p-ce Nicolas et tout aussi petit que lui.

Переводъ.

Москва, 22-е Января 1834.

Вы только что уѣхали, дорогіе друзья мои, а я уже жестоко чувствую ваше отсутствіе. Моя печаль будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы не пріѣдете въ Петербургъ, потому что тогда я, по крайней мѣрѣ, скажу себѣ: они не со мной, но съ моимъ братомъ, а это рѣшительно тоже самое и для васъ, и для него, и для меня, тогда какъ теперь никто не доволенъ. Только и говорятъ о вашемъ отъѣздѣ. Сегодня (Воскресенье) былъ большой обѣдъ у Ростопчиныхъ: были Nadine съ мужемъ, Ольга со своимъ, дѣти Сергѣя Голицына, Алексѣй, Владиміръ и Александръ, Свининъ, оба Путяты, ихъ сестра, Васильевъ, Пушкинъ, Ольга Пашкова, которая была моей сосѣдкой за столомъ (но эта Ольга была не моя Ольга!) Она первая предложила тостъ за твое здоровье, который былъ принятъ всѣми. Потомъ сѣли играть для перемѣны. Влад. Г. обыгралъ Сергѣя П., который отдалъ ему все, что̀ выигралъ съ другихъ и еще 600 р. своихъ.

Я скоро ушелъ, чтобы заѣхать за Катей и повезти ее въ концертъ г-жи Карль, но засталъ ее съ красными глазами и болью въ горлѣ, такъ что она осталась дома; . . . Когда я пришелъ къ маменькѣ, она разсердилась, что нужно было ей ѣхать въ концертъ, такъ какъ собиралась туда только ради твоей сестры; тѣмъ не менѣе она отправилась съ m-elle Дерябиной, m-elle Aimée, Демидовымъ и мною. M-elle Карль была хорошо принята, и ей много аплодировали. Было 600 человѣкъ. Цѣлую тебя за твои два письма, изъ Черной Грязи и Подсолнечной. Вы ѣдете не скоро, но хорошо; княгиня покойна, но задумчива и озабочена. Объявляю тебѣ свадьбу: княжна Четвертинская помолвлена сегодня утромъ съ княземъ Алексѣемъ Трубецкимъ, братомъ маленькаго князя Николая и такимъ же маленькимъ какъ онъ.

Moscou, le 28 Janvier 1834.

Жучка, собака большая, съ медвѣдя, караулившая домъ нашъ еще до Французовъ, околѣла, и точно отъ старости. Она съ годъ уже была слѣпа, но все еще лаяла, узнавала меня всегда, я полагаю, что по кашлю, ибо, какъ ни пріѣду домой, всегда меня бывало встрѣтитъ и ласкается. Великій творю грѣхъ (признаюсь въ томъ), но объ иномъ человѣкѣ менѣе пожалѣю, нежели о собакѣ сей. Отецъ Жучки (также Жучка) служилъ долго батюшкѣ, и теперь имѣется потомка сего фамильнаго пса и также Жучка. Ольга вѣрно пожалѣетъ о Жучкѣ, которую очень любила. Не разъ собака эта умная приходила одна изъ Москвы въ Смердино. Кстати уже. Ты помнишь орла нашего? Вооб-

*) Здравствующая донынѣ, достопочтенная княгиня Надежда Борисовна Трубецкая, такъ много потрудившаяся въ дѣлѣ общественной благотворительности. П. Б.

рази, что онъ изъ большой клѣтки своей далъ тягу, сперва сѣлъ на крышу конюшни, потомъ полетѣлъ на почтовый бульваръ, сѣлъ на дерево; множество собралось людей смотрѣть на него, кто говоритъ страусъ, кто журавль Американскій; бѣжавшій изъ кабинета Лемана; сбѣжались почтальоны его ловить. Онъ поднялся, хотѣлъ, видно, подняться на крестъ Меншиковой башни, но отяжелѣлъ отъ корма, потерялъ привычку летать и возвратился домой прямо въ клѣтку опять. On dit que c'était magnifique à voir que son vol, comme un nuage dans les airs. On assure qu'il ne s'en ira plus, mais je ne me soucis pas d'en faire l'expérience.

Переводъ.

Москва, 28-е Января 1834.

Говорятъ, его полетъ представлялъ великолѣпное зрѣлище, словно облако въ воздушномъ пространствѣ. Увѣряютъ, что больше онъ ужъ не улетитъ, но я и не желаю дѣлать такой опытъ.

Moscou, le 5 Février 1834.

Nébolsine *) a envoyé chez moi le commandant, voilà le maître de police Miller qui sort de chez moi, un instant avant l'économe de l'Assemblée est venu demander, будетъ ли завтра посолъ Турецкій къ намъ въ собраніе? Старшины просятъ в. п., чтобы вы завтра дежурили не въ очередь etc. (dans les sociétés c'est la même chose). Cela nous vaudra demain une assemblée brillante. Hier chez les Paschkoff il n'a été question que des Turcs, et avec toute cette bagarre j'ai dû encore sortir ce matin, le p-ce Hilkof ayant eu à me parler. Enfin je suis à vous pour une petite demi-heure. J'ai reçu, ma chère amie, vos deux petites lettres du 1 et du 1 Févr. Nous avons ri avec maman et même avec les deux mamans, de votre exclamation et de vos plaintes d'avoir déjà dépensé 700 roubles pour votre toilette. Ахъ ты скупердяйка! aurais je, dit si vous étiez ici; а ты прогнѣвалась бы по обыкновенію и сказала бы: да, я думаю, папенька, ce n'est pas tout encore, je ne fais que commencer. On parlait de cela hier, et Над. Серг. disait: Oh! Je suis sûre qu'Olga avec 700 r. fera plus que d'autres avec 2000; elle fera tout faire à la maison par ses femmes de chambre, et m-me Kvostof ajouta: Да что тутъ дивиться? Ек. Петр. Пашковой траурное ея платье стоило 700 р. Траурное! Je vous prie de remarquer, qu'y a-t-il de plus simple qu'un deuil! Quand vous verrez ma passion, Paschkof-Bara-

*) Тогдашній Московскій губернаторъ.

nof [1]), présentez lui mon hommage; elle est charmante, j'aime tant cette physionomie ouverte, cette grâce quand elle valse. Je n'oublierai pas que c'est elle qui la première me procura le bonheur de valser avec l'Impératrice, qui eut la bonté de me dire: elle avait raison de dire que vous valsez très bien. J'eus depuis bien des fois le bonheur de valser avec S. M. I. La maman Calme [2]) est dans l'enchantement que vous faites l'éloge de Lise Hitrof et répète: je savais déjà, je savais qu'elles se plairaient mutuellement déjà; quand on est à Pétersbourg, il faut déjà être très bien avec m-me L. Hitrof [3]). Or, Lise H. lui écrit aussi et lui parle de vous avec grand éloge; elle parle d'un m-r qui est dans l'enthousiasme de votre personne, qui ne dort pas les nuits etc. Maman ne pouvait pas déchiffrer le nom, car vous connaissez l'écriture de la belle dame. Qui est cela? me demande maman. Mais c'est Skariatine [4]), c'est frais! Какъ я это не догадалась!

Переводъ.

Москва, 5-е Февраля 1833.

Небольсинъ прислалъ ко мнѣ коменданта; а вотъ полиціймейстеръ Миллеръ выходитъ отъ меня; за минуту передъ этимъ экономъ Собранія приходилъ спрашивать, будетъ ли завтра посолъ Турецкій къ намъ въ Собраніе? Старшины просятъ в. п., чтобы вы завтра дежурили не въ очередь и т. д. въ (обществахъ тоже самое). Благодаря этому, у насъ будетъ завтра блестящее собраніе. Вчера у Пашковыхъ только и было рѣчи что о Туркахъ, и при всей этой сумятицѣ, мнѣ пришлось еще выѣхать сегодня утромъ, такъ какъ князю Хилкову нужно было говорить со мной. Наконецъ я принадлежу тебѣ на короткіе полчаса. Я получилъ, дорогой мой другъ, твои два маленькія письма отъ 1-го и 2-го Февраля. Мы смѣялись съ маменькой, и даже съ двумя маменьками, надъ твоимъ восклицаніемъ и жалобами, что уже истратила 700 руб. на свои туалеты. Ахъ ты скупердяйка! сказалъ бы я, еслибы ты была здѣсь, а ты прогнѣвалась бы по обыкновенію и сказала бы: да, я думаю, папенька, это еще не все, я только еще начинаю. Вчера говорили объ этомъ, а Над. Серг. сказала: о, я увѣрена, что Ольга на 700 руб. сдѣлаетъ больше, чѣмъ другія на 2000, она все заставитъ своихъ горничныхъ сдѣлать дома, а Хвостова прибавила: да что тутъ дивиться? Ек. Петр. Пашковой траурное ея платье стоило 700 руб. Траурное! Замѣтьте, что можетъ быть проще траура! Когда увидишь мою пассію Пашкову-Баранову, передай ей мое почтеніе; она прелестна, я такъ люблю это открытое лицо, эту грацію, когда она вальсируетъ. Я не забуду, что она первая доставила мнѣ счастье вальсировать съ Императрицей, которая благосклонно сказала мнѣ: она была

---

[1]) Марья Трофимовна, одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, племянница графа В. Θ. Адлерберга.

[2]) Т. е. княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая.

[3]) Знаменитая дочь князя Кутузова, Елисавета Михайловна, другъ Пушкина и митрополита Филарета.

[4]) Александръ Яковлевичъ?

права̀, говоря, что вы очень хорошо вальсируете. Съ тѣхъ поръ я много разъ имѣлъ счастье вальсировать съ Е. И. В. Маменька Calme въ восторгѣ отъ того, что ты хвалишь Лизу Хитрово и повторяетъ: я ужъ знала, я ужъ знала, что онѣ другъ другу понравятся; разъ находишься въ Петербургѣ, ужъ нужно быть въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Л. Хитрово. А Лиза Х. тоже ей пишетъ и говоритъ о тебѣ съ большой похвалой; она говоритъ о господинѣ, который въ восхищеніи отъ твоей особы, который ночи не спитъ и т. д. Маменька не могла разобрать фамилію, такъ какъ тебѣ извѣстенъ почеркъ этой госпожи. Кто это? спрашиваетъ меня маменька. Да вѣдь это Скарятинъ, это недавній! Какъ я это не догадалась!

Москва, 7 Февраля 1834.

L'assemblée d'hier a été brillante, il y avait au bal près de 2000 personnes, et les choeurs étaient aussi tapissés de monde; l'avidité de voir il Turco était si grande que plus de 200 personnes et des dames s'étaient campées dans l'antichambre sans en bouger pour le voir passer dès le moment de son arrivée. Apparement on s'attendait à un turban, une pelisse de renard noir, des pantouffles jaunes avec le bec en l'air, des poignards en diamants, une barbe vénérable et (peut être... qui sait?) une pipe dans la bouche, avec de belles esclaves à ses côtés. Pas du tout! On vit tout bonnement un militaire Russe en surtout, à moustaches, sans barbe, épaulettes de général, enfin tout de même, sauf le bonnet sur la tête qui les déparent beaucoup. Il dansa deux polonaises, l'une avec m-me Мухановъ, la dame d'honneur, et l'autre avec кн. Екат. Павл. [1]), admira la salle, se promena, regarda danser, soupa même ayant à sa droite Nébolsine et à sa gauche votre papa, but du vin, fut très gai. Une foule de monde assaillit la table pour voir s'il mangeait avec les mains et s'il mettait comme nous tous les morceaux dans la bouche. Deux dames masquées s'approchèrent du seigneur Achmet-Pacha, firent la coquette et l'assurèrent qu'elles l'avaient connu à Constantinopol et y avaient été chez lui; il se mit à rire et répondit qu'il s'en rappelait très bien, qu'il les avait tout de suite reconnues et qu'il n'était venu à Moscou que pour leur rendre la visite. Каковъ! Сего мало: взялъ на столѣ двѣ лучшія конфекты и подарилъ имъ, повторяя: le souvenir! le souvenir, prenez! L'ambassadeur avait sa belle boîte en diamants avec le portrait de notre Empereur, que tout le monde demandait à voir. Пришла вѣчная Бартенева. Ахъ! montrez moi la boîte. Мало, что сама посмотрѣла: je m'en vais la montrer à m-lle Кашкинъ. Halte, ma belle dame; табакерка пропадетъ, а тамъ я буду отвѣчать, слуга покорный.

Je ne vis Над. Серг. [2]) qu'à la fin du bal, car j'étais toujours aux

---

[1]) Урусовой, сестрою дипломата Татищева.

[2]) Супруга Сергѣя Ивановича Пашкова, сестра Дишки.

trousses de mon Turco. Jugez qu'elle a dû aller accompagnée de Путята, car l'aimable Serge depuis le dîner n'a pas pu s'arracher aux délices des cartes chez Alexandre G. Aussi maman Calme l'a joliment tancé. Déja ces jeunes gens ne méritent pas des femmes qui les aiment. Aucune attention! Ils aiment mieux une dame de pique ou de treffle que leur propre femme, il ne faut pas s'étonner alors qu'elles s'attachent à d'autres dont elles préfèrent la société. Mais, maman, il manque 4 jours à mon deuil.—4 jours c'est comme rien, personne ne tient de régistrer votre deuil, et alors pourquoi est-ce que votre femme va; ne la laissez pas aller non plus.—Mais non, il faut qu'elle aille: elle a promis à m-lle Deriabine.—C'est à dire il faut que votre femme se sacrifie pour m-lle Deriabine, tandis que vous, vous ne voulez rien faire pour elle! Sûrement Дишка n'aurait jamais laissé aller sa femme grosse de 5 mois dans une presse comme cela; ou il l'aurait accompagnée lui-même ou il ne l'aurait pas forcée d'y aller.—Mais elle a deux cavaliers.—Comme si deux courriers de cet âge-là pouvaient remplacer un mari? Non, m-r Serge, il n'y a pas là à parler de votre deuil dont vous vous moquez bien; c'est le jeu, le jeu, ces maudites cartes sans les quelles vous ne pouvez pas vivre!» Такъ его гоняла, что не зналъ, куда дѣваться и по обыкновенію началъ пахать свой затылокъ.

Переводъ.

Москва, 7 Февраля 1834.

Вчерашнее собраніе было блестящее, на балу было около 2000 человѣкъ, и хоры тоже были полны народу; жажда увидать Турка была такъ велика, что болѣе 200 человѣкъ, и дамы тоже, расположились въ прихожей, не двигаясь оттуда, чтобы увидѣть его проходящимъ въ моментъ его пріѣзда. Очевидно, ожидали увидѣть чалму, шубу изъ черной лисицы, желтыя туфли съ поднятыми носками, кинжалы съ бриліантами, почтенную бороду и (можетъ быть... кто знаетъ?) трубку во рту и прелестныхъ рабынь вокругъ него. Ничуть! Увидали попросту Русскаго военнаго въ сюртукѣ, въ усахъ безъ бороды, въ генеральскихъ эполетахъ, однимъ словомъ все тоже, кромѣ фески на головѣ, которая ихъ очень безобразитъ. Онъ протанцовалъ два польскихъ, одинъ съ Мухановой, фрейлиной, а другой съ кн. Екат. Павл., любовался залою, прохаживался, смотрѣлъ какъ танцуютъ, ужиналъ даже, имѣя по правую руку Небольсина, а по лѣвую твоего папеньку, пилъ вино, былъ очень веселъ. Толпа народу осаждала столъ, чтобы посмотрѣть, ѣстъ ли онъ руками и кладетъ ли, какъ мы, всѣ куски въ ротъ. Двѣ дамы въ маскахъ подошли къ Ахмеду-пашѣ, кокетничали съ нимъ и увѣряли его, что знали его въ Константинополѣ и были тамъ у него; онъ началъ смѣяться и отвѣтилъ, что очень хорошо помнитъ ихъ, что тотчасъ ихъ узналъ и что въ Москву пріѣхалъ только для того, чтобы отдать имъ визитъ. Каковъ! Сего мало: взялъ на столѣ двѣ лучшія конфекты и подарилъ имъ, повторяя: на память! возьмите на память! У посла была его прекрасная бриліантовая табакерка съ портретомъ Государя, которую всѣ просили посмотрѣть. При-

шла вѣчная Бартенева. Ахъ! покажите мнѣ коробку. Мало, что сама посмотрѣла: я пойду покажу ее m-elle Кашкиной. Стой, красавица; табакерка пропадетъ, а тамъ я буду отвѣчать, слуга покорный.

Я увидѣлъ Над. Серг. только въ концѣ бала, такъ какъ все время ходилъ по пятамъ за своимъ Туркомъ. Посуди, ей пришлось ходить въ сопровожденіи Путяты, такъ какъ милѣйшій Сержъ съ послѣ-обѣда не могъ оторваться отъ наслажденія картежной игры у Александра Голицына. Ну, и допекала же его маменька Calme. Ужъ эти молодые люди не заслуживаютъ любящихъ женъ; никакого вниманія! Они предпочитаютъ даму пикъ или трефъ своей собственной женѣ; тогда нечего удивляться тому, что онѣ привязываются къ другимъ, предпочитая ихъ общество.—Но, маменька, мнѣ осталось еще 4 дня до конца траура.—4 дня все равно, что ничего никто не записываетъ твоего траура, и почему, въ такомъ случаѣ, твоя жена выѣзжаетъ; тогда не пускай и ее.—Нѣтъ же, ей нужно быть: она обѣщала m-elle Дерябиной. Т.-е. нужно, чтобы твоя жена приносила себя въ жертву для m-elle Дерябиной, тогда какъ ты не хочешь ничего сдѣлать для нея? Навѣрное, Дишка никогда бы не пустилъ свою жену на 5 мѣсяцѣ беременности въ такую давку; онъ либо сопровождалъ бы ее самъ, либо не заставлялъ ее ѣхать.—Но у нея два кавалера.— Какъ будто два гонца такого возраста могутъ замѣнить мужа? Нѣтъ, сударь, нечего тутъ говоритъ о траурѣ, надъ которымъ ты смѣешься; это все игра, игра, эти проклятыя карты, безъ которыхъ ты не можешь жить.

Moscou, le 8 Février 1834.

Ah, voilà qui est bien! Le cigare à la bouche, la robe de chambre sur le dos et la plume en main, je suis tout à ma chère et bonne Olga. Je viens de quitter le bal de la princesse Caramelle-Gourko, qui est très beau et brillant. J'y ai laissé le seigneur Achmet-Pacha et une autre personne dont je vous parlerai plus bas, pour rentrer et vous écrire à mon aise avant de me coucher: car demain dès le matin on commencera à me turlupiner, comme cela arrive toujours. O, la bonne, excellente lettre que vous nous écrivez! Я даже радъ, что ты писала хуже обыкновеннаго, потому что долѣе продолжалось чтеніе твоего письма. J'ai commencé à la lire tout seul, ensuite j'ai envoyé chercher votre mère. Voilà, dis-je, une lettre de notre курноска, asseyez vous et lisez, et je vous écouterai. Je fis comme si tout cela était du nouveau pour moi; quand votre mère s'arrêtait aux passages qui m'avaient aussi arrêté, je me permettai de me fâcher et j'ajoutai: какая ты безтолковая, дай сюда! et je disai tout de suite le mot ou la phrase, et votre mère admirait mon intelligence extraordinirie. Ensuite nous appellâmes Chaterine, et ce fut une troisième lecture, l'une plus agréable que l'autre. Chaterine vous déchiffre le mieux. Elle répétait souvent: ah! maman c'est absolument comme alors: présentée au bal même, il y avait aussi l'Obolensky, l'Empereur regarda à travers la porte etc. Ah mon Dieu, qu'ils étaint bons, gracieux pour vous et l'Empereur et l'Impératrice! Comme chacune de leur parole nous ont intéresé et touchée, et vous êtes une grande

милюшка d'avoir si bien détaillé tout. Voilà une chose dont votre chère soeur n'aurait jamais été capable, par exemple. J'ai oublié de vous dire que maman Calme arrive bientôt après la lecture de Catherine. Je la fis prier de passer dans mon cabinet, nous en fîmes adroitement décamper Divoff qui s'était établi chez moi pour lire les *feuilles publiques*, и пошло четвертое чтеніе. Je cachetais ma poste, et les deux mamans lisaient près de la fenêtre. Cela allait très lentement, et je m'apperçus qu'elles allaient si doucement, parce qu'elles étaient toutes les deux trop attendries. Какъ она мила, s'écria la p-sse, что такъ пишетъ подробно! Какъ она время находитъ, бѣдняжка? За то, répondis-je, и я ужо уѣду съ балу поранѣе и напишу Ольгѣ цѣлую тетрадь. Ахъ что, такое, m-r B., dit la princesse toute effrayée, ахъ m-r B., что̀ это вы хотите дѣлать?— Vous croyez qu'elle avait pitié de mes yeux. Pas du tout.—Гдѣ ей *бѣдной* читать все это? Мы не дадимъ ей порядочно отдохнуть, elle doit courir, faire ses robes, aller chez son oncle; voyez donc, elle a trois bals en vue; когда же она поспѣетъ, гдѣ же ей читать? *Déjà* nos lettres, nos lettres, m-r B., ne peuvent pas l'intéresser autant que les siennes nous intéressent etc. etc. J'ai trouvé tant de naïveté, de franchise et surtout

l'Empereur. Ce passage de votre lettre a rendu très heureuse l'excellente maman Calme, qui, je ne sais pourquoi, d'après son habitude de se créer des peurs, s'était imaginée que c'était comme une défaveur que lui n'avait pas été déjà présenté ou invité au bal. Je lui ai expliqué qu'il y a des généraux cordonnés qui attendent souvent des dix jours avant de voir S. M.

Что̀ вашъ Kia-King въ сравненіи съ нашею Разслабою? Au reste vous l'avez donc vu. Je vous répète, ma chère, que quand il s'agira d'una longa relazione, écrivez toujours à papa et aux mamans à la fois dans une seule lettre, nous l'exigeons tous de vous absolument; ensuite s'il y a quelque chose de particulier à dire à un de nous trois (ce qui ne peut arriver que rarement), alors prenez un petit chiffon de papier à part.—Пашка est tout fier de votre souvenir, il a été dire à Weitbrecht et à sa bonne, à Claudine: а мнѣ сестрица написала *особенный поклонъ* въ папенькиномъ письмѣ. Voilà la réponse finie à votre lettre. Ну-съ, теперь что̀ бы вамъ сказать? Да, на балѣ была давича Камынина. Mon Dieu, comme elle a maigri! C'est comme si la Wadkofsky avait engraissé. Elle a enlaidi beaucoup. Je ne l'ai pas vue depuis son mariage, je l'ai approchée un moment. Le commencement fut très froid, cérémonieux, petit à petit la conversation l'anima, elle me remercia pour les soins que j'avais donnés à sa mère et à ses soeurs pours leur affaires; j'ai dit c'est *vous*, et pas moi qu'elles doivent remercier.—Vous ne dansez plus? Si fait, madame, mais pas ce soir; je vais me retirer.—Неужели у васъ и теперь дѣла?—Именно, и очень пріятныя: писать къ дочери.—Да вы это завтра можете сдѣлать.—Нѣтъ, я здѣсь побылъ, увидѣлъ васъ, будетъ съ меня, хорошенькаго понемножку, не хочу духъ смущать; прощайте, желаю вамъ веселиться, et je me suis retiré.

Переводъ.

Москва, 8 Февраля 1834.

А, вотъ это хорошо! Съ сигарой во рту, халатомъ на спинѣ и перомъ въ рукѣ, я всецѣло принадлежу своей дорогой и милой Ольгѣ. Я только что уѣхалъ съ очень красиваго и блестящаго бала у Карамель-Гурко; я оставилъ тамъ Ахмета-Пашу и еще одну особу, о которой буду говорить ниже, чтобы вернувшись писать къ тебѣ въ свое удовольствіе, пока не лягу спать, такъ какъ завтра съ утра начнутъ меня тормошить, какъ это всегда бываетъ. О, какое доброе, прелестное письмо ты написала! Я началъ его читать одинъ, потомъ послалъ за маменькой. Вотъ, говорю, письмо отъ нашей курноски, садись и читай, а я послушаю. Я сдѣлалъ видъ будто все это было для меня вновь, когда твоя маменька останавливалась на мѣстахъ, гдѣ и я долженъ былъ останавливаться, я позволялъ себѣ сердиться и прибавлялъ: какая ты безтолковая, дай сюда! и говорилъ тотчасъ слово или фразу, а твоя мать удивлялась моей необычайной смѣтливости. Затѣмъ мы позвали Катю, и было третье чтеніе, одно пріятнѣе другого. Катя лучше всѣхъ разбираетъ твой почеркъ. Она часто повторяла:

ахъ, маменька, это совершенно такъ же какъ тогда: представлена на самомъ балу, былъ также Оболенскій, Государь смотрѣлъ въ дверь и т. д. Ахъ, Боже мой, какъ они были добры, милостивы къ тебѣ и Государь и Императрица! Какъ каждое ихъ слово было для насъ интересно и тронуло насъ, и ты большая милушка, что такъ подробно все описала. Вотъ на что́ твоя сестра, напримѣръ, никогда не была бы способна. Забылъ сказать тебѣ, что вскорѣ послѣ чтенія Кати пріѣзжаетъ маменька Calme. Я велѣлъ просить ее пройти въ мой кабинетъ, мы ловко выпроводили оттуда Дивова, который расположился у меня читать газеты, и пошло четвертое чтеніе. Я запечатывалъ свою почту, а обѣ маменьки читали у окна; это шло медленно, и я замѣтилъ, что онѣ подвигались такъ тихо потому что обѣ были слишкомъ растроганы. Какъ она мила, вскрикнула княгиня, что такъ пишетъ подробно! Какъ она время находитъ, бѣдняжка? За то, отвѣтилъ я, и я ужо уѣду съ балу поранѣе и напишу Ольгѣ цѣлую тетрадь. Ахъ что такое, сказала испуганная княгиня, ахъ что́ это вы хотите дѣлать? Ты думаешь, ей было жаль моихъ глазъ? Вовсе нѣтъ.—Гдѣ ей *бѣдной* читать все это? Мы не дадимъ ей порядочно отдохнуть, ей нужно бѣгать, дѣлать себѣ платья, ѣздить къ своему дядѣ; посмотрите, вѣдь у нея три бала въ виду, когда же она поспѣетъ, гдѣ же ей читать? *Ужъ* наши письма не могутъ ее такъ интересовать, какъ насъ ея письма интересуютъ и т. д. и т. д. Я увидалъ въ этихъ словахъ столько наивности, искренности и особенно *любви* къ тебѣ, что, будучи далекъ отъ того чтобы сердиться, я бы расцѣловалъ прелестную княгиню. Дивовъ спрашивалъ меня правда ли, что былъ великолѣпный балъ у вице-канцлера? Не былъ, а будетъ. Знаете вы, сударь, этотъ почеркъ? Да вѣдь это почеркъ Нессельроде. Ну, такъ читайте, сударь, и вы увидите въ чемъ дѣло. Имя это останется тебѣ навсегда, и ты будешь Розовымъ Домино даже въ 80 лѣтъ. Когда представится удобный случай, повергни насъ всѣхъ къ ногамъ нашихъ двухъ властелиновъ; ты знаешь какъ мы ихъ любимъ и будешь знать что̀ сказать. Всѣ твои отвѣты были такъ благоразумны, такъ естественны и такъ умны, что излишне давать тебѣ наставленія. Хорошо ты была одѣта въ первый свой выѣздъ? Говорили ли тебѣ это? То есть большинство, и не въ видѣ комплимента, а какъ правду; потому что, въ сущности, нѣтъ большой заслуги въ умѣніи выбрать себѣ корсетницу и своего продавца модныхъ вещей. Не забудь мнѣ назвать своихъ кавалеровъ въ танцахъ, это интересный вопросъ. Вел. князю ты скажешь: папенька писалъ бы чаще в. и. в-ству, но по правдѣ ему совѣстно злоупотреблять вашими глазами, и потомъ вы слишкомъ аккуратны въ отвѣтахъ, а онъ боится быть неделикатнымъ; это, увѣряю васъ, чистѣйшая правда. Очень хорошо, что ты упомянула Государю о Дишкѣ. Это мѣсто въ твоемъ письмѣ доставило счастье прелестной маменькѣ Calme, которая, не знаю почему, по своей привычкѣ создавать себѣ страхи, вообразила, будто было какъ бы немилостью то, что онъ не былъ еще представленъ или приглашенъ на балъ. Я ей объяснилъ, что генералы въ лентахъ часто ждутъ по десяти дней прежде чѣмъ увидятъ Государя.

Впрочемъ, ты вѣдь его видѣла. Повторяю дорогая моя, когда будетъ у тебя длинное повѣствованіе, пиши всегда папенькѣ и маменькамъ сообща въ одномъ письмѣ, мы всѣ требуемъ этого отъ тебя непремѣнно; затѣмъ, если нужно что-нибудь сказать отдѣльно кому-нибудь изъ насъ троихъ (что̀ можетъ случиться рѣдко), тогда возьми отдѣльно маленькій клочекъ бумаги.—Пашка очень гордъ, твоей памятью о немъ, онъ сказалъ Вейтбрехту и своей нянѣ Клодинѣ: а мнѣ сестрица написала *особенный поклонъ* въ папенькиномъ письмѣ. Вотъ и конченъ отвѣтъ на твое письмо. Боже мой какъ она похудѣла! это какъ если бы Вадковская пополнѣла. Она очень подурнѣла. Я не видѣлъ ее

со времени ея свадьбы, подходилъ къ ней на короткое время. Начало было очень холодно, церемонно, мало по малу разговоръ ее оживилъ, она благодарила за мои старанія въ дѣлахъ ея матери и сестеръ; я ей сказалъ: это *тебя*, а не меня, онѣ должны благодарить. —Вы больше не танцуете?—Нѣтъ, танцую, но только не сегодня; я сейчасъ уѣду. И я удалился.

Moscou, le 10 Février 1834.

J'espère que l'indisposion de l'Impératrice est déjà passée, а то все не то: point de belles journées sans *soleil!* Maman était hier toute rayonnante de la visite de l'ambassadeur Turc. Le bal de Nébolsine était superbe et très animé; mais votre soeur a écrasé toutes ces dames: elle était vraiment belle en *diadème de diamants* sur la tête et toute en blanc. Dès qu'elle est entrée, Achmed-Pacha est allé à sa rencontre et l'a engagé pour une polonaise. Свита его танцовала до упаду и въ отчаяніи, что оставляетъ Москву.

Переводъ.

Москва, 10-е Февраля 1834.

Я надѣюсь, что нездоровье Императрицы уже прошло, а то все не то: нѣтъ хорошихъ дней безъ *солнца!* Вчера маменька была сіяющая отъ посѣщенія Турецкаго посла. Балъ у Небольсиныхъ былъ великолѣпный и очень оживленный; но твоя сестра сокрушила тамъ всѣхъ дамъ: она была дѣйствительно хороша съ брилліантовой діадемой на головѣ и вся въ бѣломъ. Какъ только она вошла, Ахмедъ-паша пошелъ ей навстрѣчу и пригласилъ ее на польскій.

Москва, 11 Февраля 1834.

Nous avons été avec Catherine aux Allemands. On a donné assez mal la Dame-Blanche, mais c'est une si jolie musique, et le théâtre n'était rempli que de connaissances dans toutes les loges: Sophie Bobrinsky, la belle veuve Ouchakoff [1]), les Barténeff, la p-sse Wiasemsky, Nébolsine, la Kiréef, m-me Рахмановъ K. A, m-me Kisseleff la sublime [2]), le commendant etc. etc. De là nous sommes allés chez vous, et maman ne savait où donner de la tête; car il lui est venue une foule, (видно, сговорились): la Kwastoff, m-lle Alexandrine, Nadine, m-lles Хомутовъ et Bachmétieff, le prince Grégoire avec ses deux fils, Norof, Démidoff, Weitbrecht, la Dériabine, Dodo [3]). Какъ Бартеневы не про-

---

[1]) Это знаменитая своей любезностью Полька, Марія Антоновна, вдова директора Перваго Кадетскаго въ Москвѣ корпуса.

[2]) Воспѣтая Пушкинымъ Елисавета Николаевна, супруга Сергѣя Дмитріевича Киселева.

[3]) Т. е. графиня Евдокія Петровна Растопчина.

нюхали! Tout cela resta à souper, et moi je suis décampé pour vous écrire un peu et puis dormir et ratrapper le someil d'hier. Les Pachkoff ramèneront votre soeur. Мар. Ив. m'est tombé sur le corps: Que vous écrit Olga?—Да гдѣ же вамъ все пересказать?—Ну хоть что нибудь да скажите.—Ну пишетъ, что Петербургъ все на томъ же мѣстѣ.—Полноте блажить, скажите что нибудь.—Ну что вамъ сказать? Наши веселятся, множество приглашеній имѣютъ, Царь и Царица обласкали, ангажирована заранѣе на три мазурки etc. Ужасное любопытство! La Kindiakoff Cath., en me voyant au bal de Nébolsine, me dit tout de suite: ma soeur m'écrit que votre fille Olga a été en rose au bal de la cour. Voilà, dis-je, une grande nouvelle. A propos, chez Nébolsine il y avait aussi Jean P., qui lui tourna le dos en la voyant, mais elle ne se tint pas pour bâttue, l'accosta, lui demanda de sa santé.—Je me porte à merveille.—Je vous assure que je ne suis pas coupable, pourquoi m'en voulez-vous?—Moi, m-lle, nullement, le sentiment que je vous porte est autre chose, c'est de l'indifférence parfaite ou, pour trancher le mot, du *mépris*; je vous connais à fond maintenant, et il lui tourna le dos. Tout cela fut dit si peu en secrêt que votre soeur l'a entendu. Il y avait peu de jolies mises et de robes fraîches; votre soeur était la plus belle.

Si je dois rassembler tout ce qu'on dira de vous de flatteur, j'aurais une archive dans le genre de celles de Moscou. Wiasemsky m'écrit, me parle aussi de vos succès и говоритъ, что ты спѣсива стала, не хотѣла быть у нихъ на балѣ; видно, нельзя тебѣ было. Bachiloff m'a racconté que le gr.-duc lui avait une fois dit: хотѣлось бы мнѣ ѣхать къ княгинѣ Ольгѣ.—За чѣмъ же дѣло стало: въ сани, да и поѣдемте.—Да я съ мужемъ ея не такъ знакомъ.—Да это будто большое дѣло, я васъ тотчасъ отрекомендую, и онъ премилый, dit Bachiloff.—Неловко, répondit monseigneur. Такъ и осталось.

Переводъ.

Москва, 11-е Февраля 1834.

Мы были съ Катей у Нѣмцевъ. Давали довольно плохо Бѣлую Даму, но музыка хорошая и театръ былъ полонъ знакомыхъ во всѣхъ ложахъ: Соня Бобринская, красивая вдова Ушакова, Бартеневы, княгиня Вяземская, Небольсинъ, Кирѣева, К. А. Рахманова, величественная Киселева, комендантъ и т. д. и т. д. Оттуда мы поѣхали къ вамъ, и маменька очутилась въ отчаянномъ положеніи, такъ какъ къ ней наѣхала пропасть народу, видно сговорились: Хвостова, m-elle Александринъ, Nadine, m-ellès Хомутова и Бахметева, князь Григорій съ двумя сыновьями, Норовъ, Демидовъ, Вейтбрехтъ, Дерябина, Додо. Какъ Бартеневы не пронюхали! Все это осталось ужинать; я удралъ, чтобы написать къ тебѣ немного, а потомъ лечь спать

и наверстать вчерашній сонъ. Пашковы привезутъ твою сестру. Мар. Ив. пристала ко мнѣ: что вамъ пишетъ Ольга? Кат. Киндякова, увидавъ меня на балу у Небольсиныхъ, тотчасъ сказала мнѣ: сестра пишетъ, что ваша дочь Ольга была на придворномъ балу въ розовомъ платьѣ. Вотъ, сказалъ я, великая новость. Кстати, у Небольсиныхъ былъ также Иванъ П., который повернулъ спину при встрѣчѣ съ ней; но она не поддалась, подошла къ нему, спросила объ его здоровьѣ.—Я чувствую себя прекрасно.—Увѣряю васъ, что я не виновата, отчего вы на меня сердитесь?—Я, сударыня, нисколько; мое чувство къ вамъ иное, это полное равнодушіе или, сказать прямо, *презрѣніе*; я васъ теперь знаю въ совершенствѣ, и онъ повернулъ ей спину. Все это было сказано настолько не секретно, что твоя сестра слышала. Было мало красивыхъ нарядовъ и свѣжихъ платьевъ; твоя сестра была самая красивая. Если бы я долженъ былъ собирать все, что объ васъ скажутъ лестнаго, у меня былъ бы архивъ въ родѣ Московскаго. Вяземскій мнѣ пишетъ и тоже говоритъ о твоихъ успѣхахъ. Башиловъ разсказывалъ мнѣ, что вел. князь сказалъ ему разъ: хотѣлось бы мнѣ поѣхать къ княгинѣ Ольгѣ. За чѣмъ же дѣло стало: въ сани, да и поѣдемте.—Да я съ мужемъ ея не такъ знакомъ.—Да это будто большое дѣло, я васъ тотчасъ отрекомендую, и онъ премилый, сказалъ Башиловъ. — Неловко, отвѣтилъ вел. князь. Такъ и осталось.

Moscou, le 13 Février 1834.

Послѣ обѣда пошли въ кабинетъ курить и читать журналы полученные. N. N. fit la lecture des lettres que l'ambassadeur écrivit de Serpouchoff à moi et à votre soeur. Онъ прислалъ Катѣ флакончикъ розоваго масла, такой крѣпкій, что хотя и не раскупоренъ, но кабинетъ мой имъ пропахъ. Les deux frères Galitzine, Xis et Xandre, cherchent à faire entendre raison à André Rostopchine, qui s'est brouillé avec Brocker et qui sans refléchir envoit Метакса chez... *) все отъ него принять. Tout le monde, hors le spirituel André, comprend qu'il est perdu sans Brocker. Il s'est fâché, parce que celui-ci lui a fait des remontrances sur ses dépenses etc. C'est cependant pour son bien qu'il le fait.

Переводъ.

Москва, 13-е Февраля 1834.

Н. Н. прочелъ письма, которыя посолъ написалъ изъ Серпухова мнѣ и твоей сестрѣ. Оба брата Голицыны, Xis и Xandre, стараются вразумить Андрея Ростопчина, который поссорился съ Брокеромъ и необдуманно посылаетъ Метакса къ.... все отъ него принять. Всѣ, кромѣ умнаго Андрея, понимаютъ, что онъ пропадетъ безъ Брокера. Онъ разсердился за то, что тотъ сдѣлалъ ему предостереженіе относительно его тратъ и т. д. Между тѣмъ, онъ дѣлаетъ это для его же пользы.

Moscou, le 14 Février 1834.

On donne de nouveau le Freichütz au grand théâtre avec de nouvelles décorations, ужасные страхи, des squelettes qui dansent dans les

*) Слово не разобрано.

airs etc., il y a un qui est tout petit, qui commence à grandir, à s'étendre devenant toujours plus effrayant, à la fin ce monstre, vomissant des flammes, occupe presque toute la scène. Публика, особенно раёкъ, очень аплодировала, а послѣ стали вызывать машиниста Брауна, поднялся шумъ, что онъ долго не выходитъ, а Браунъ забрался на кровлю прибирать скелетъ и сову. Башиловъ сидѣлъ въ ложѣ Загоскина внутри: слыша шумъ ужасный, онъ высунулся изъ ложи посмотрѣть что̀ такое? Публика, думая, что это Браунъ, начала хлопать и кричать браво, браво! Башилова замѣтили, и всѣ стали смѣяться и еще пуще кричать браво, браво! Ceci est pour vous et le gr.-duc.

Переводъ.

Москва, 14-е Февраля 1834.

Опять дають Фрейшютца въ Большомъ театрѣ съ новыми декораціями, ужасные страхи, скелеты танцующіе въ воздухѣ и т. д. изъ нихъ есть одинъ, очень маленькій, который начинаетъ расти, расширяться, становясь все страшнѣе, и наконецъ, это чудовище, изрыгающее пламя, занимаетъ всю сцену. Это для тебя и для в. князя.

Moscou, le 21 Février 1834.

Вяземскій мнѣ пишетъ смѣшное по обыкновенію письмо и передѣлалъ Вольтеровы извѣстные стихи такъ:

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez moi l'âge des amours;
Au *crépuscule* de mes jours
Joignez y, s'il se peut, l'Aurore.

Онъ бредитъ Ororoю *); вообще здѣсь слухъ, что она имѣетъ большіе успѣхи въ Петербургѣ. Je dis à Wiasemsky que je suis enchanté qu'elle plaise à tout le monde, mais que je désire qu'elle plaise beaucoup, extrêmement, à un seul surtout et que nous dansions à sa noce. Catherine est dans de grandes agitations, нашиваетъ брилліанты на свой костюмъ, хлопочетъ къ Пятницѣ, всѣ дѣлаютъ большія пріуготовленія. Je crains seulement que Catherine ne soit trop belle, c'est à dire trop parée. Je viens de recevoir une записка: la donna est arrivée seule, le mari est resté à Koursk, надобно начать опять дежурства.—Ты помнишь Павла Ив. Петрова, который входитъ всегда ко мнѣ съ почтами; онъ упалъ и перешибъ себѣ кость на ляжкѣ, il souffre horriblement, поскользнулся и упалъ на улицѣ, подняли его безъ чувствъ; а въ ночь умеръ у меня экспедиторъ Одинцовъ.

*) Т. е. Авророю Карловною Шернваль.

Переводъ.

Москва, 21-е Февраля 1834.

Если хотите, чтобъ я еще любилъ, верните мнѣ возрастъ любовной страсти; къ *сумеркамъ* дней моихъ присовокупите, если это возможно, Утреннюю Зарю. Я говорю Вяземскому, что восхищенъ тѣмъ, что она всѣмъ нравится, но что желаю, чтобы она нравилась очень, чрезмѣрно, одному лицу особенно и чтобы мы плясали на ея свадьбѣ. Катя въ большомъ волненіи, боюсь только, чтобъ Катя не была слишкомъ красива, то есть слишкомъ нарядна. Только что получилъ записку: барыня пріѣхала одна, мужъ остался въ Курскѣ, надобно начать опять дежурства. Онъ страшно страдаетъ.

Moscou, le 23 Février 1834.

La poste a extrêmement tardé, on est venu me dire au théâtre qu'elle était arrivée. Je suis rentré, ma chère amie, et après avoir lu la lettre de mon frère et celle de la p-sse Olga D. je suis allé porter à la maman Calme celle qui était pour elle et qui renfermait la description du bal Alexandroff et qui nous a fait bien du plaisir. La maman riait et repétait d'après l'habitude que vous lui connaissez: Какова же наша Ольга? Вы страшны! Вы мнѣ страшны, я васъ боюсь... Вы страшны! Elle ne se lassait pas de répéter cette phrase. Умница ты, что спросила тотчасъ о здоровьѣ Императрицы и слава Богу, что ей лучше и что слышала ты это сама изъ устъ Государя. Пойдутъ разсказы теперь; я давича уже слышалъ отъ Каблукова, что Александровы сдѣлали большія глупости, что не звали, напримѣръ, гр. Нат. Строгонову, кн. Софью Радзивилъ, ни Эссена, ни министровъ. Maman C. est enchantée que Дишка s'est présenté à la Gr.-duchesse; mais àprésent elle se tourmente pour savoir s'il s'est présenté à Monseigneur! Тебя, видно, всѣ балуютъ, вотъ и ужины завелись у брата. J'attends, ma chère amie, la gravure en question, т. е. военныхъ. Vous, qui êtes exacte, je vous prie de rappeler à mon frère et au vôtre mon crachat de St. Anne qu'ils ont dû commander depuis très longtemps et qui doit être prêt. Il y a des fracs que je ne peux pas mettre à cause de cela.

Переводъ.

Москва, 23-е Февраля 1834.

Почта чрезмѣрно опоздала, пришли въ театръ мнѣ сказать, что она прибыла. Я вернулся домой, дорогой мой другъ, и прочитавъ письмо отъ моего брата и отъ княгини Ольги Д., поѣхалъ отвезти маменькѣ Calme письмо къ ней, въ которомъ было описаніе Александровскаго бала, доставившее намъ большое удовольствіе. Маменька смѣялась и по привычкѣ, которая тебѣ извѣстна, повторяла: Она безъ устали повторяла эту фразу. Ма-

менька С. въ восторгѣ, что Дишка представлялся Вел. Княгинѣ, но теперь она томится узнать представлялся ли онъ Великому Князю! Жду, дорогой другъ, гравюру, о которой идетъ рѣчь, т. е. военныхъ. Ты, такая аккуратная, пожалуйста, напомни моему брату и своему о моей орденской лентѣ св. Анны, которую они очень давно должны были заказать и которая должна быть готова. Нѣкоторыхъ фраковъ я не могу изъ за этого надѣть.

Moscou, le 24 Février 1834.

Не извольте-ка чваниться вашимъ Александровскимъ баломъ: и у насъ былъ вчера маскарадъ славный у Щербатовыхъ. Votre soeur a éclipsé tout le monde, et il faut dire vrai, elle était belle, magnifique. Quand elle entra, ce fut une rumeur générale, et je n'avais pas le temps de recueillir tous les compliments qu'on me faisait de tous les côtés. Nous avons été avant nous montrer à maman, qui a fait une exclamation en la voyant; elle a fait d'avance ouvrir toutes les portes et allumer les lampes pour la mieux voir. Le bal était brillant, une infinité de jolies mises, et je vous prie de croire qu'après Catherine la mieux, selon moi, était Alexandrine Pachkoff, une espèce de costume Espagnol, mais superbe. Comme votre soeur dormira jusqu'à demain et vous écrira donc demain tous les détails, je vous nommerai à la hâte les plus jolis masques: m-me Kiréeff et sa soeur-superbes: une espèce de costume Polonais ou Juif, la petite Scherbatoff, Olga Pachkoff, la petite Lvoff (femme d'André le beau), toutes très bien en paysannes de différents pays, Dodo en amazone, un casque d'or à plumes, une cuirasse de lys d'or, un carquois de flèches (c'était bien, mais il aurait fallu une taille de Minerve), Marie Barténeff en châte merveilleuse, c'est à dire en femme-châtte etc. etc. Votre soeur avait son cavalier Dmitry W., avec lequel elle a dansé une contredanse et la mazurque. Beaucoup de personnes m'ont demandé de vos nouvelles, да гдѣ всѣхъ упомнить? Ah! J'oubliai Nathalie Ouroussoff, qui était très bien; elle avait son costume de la mascarade impériale, mais avec beaucoup de changements. Ici on raconte de drôles d'anecdotes sur le bal des Alexandroff, comme si elle avait dit à vous et à Wiasemsky en vous engageant: я васъ зову оттого, что вы очень умны и Московскіе; mais la plus belle fable (car comment nommer cela autrement?) c'est que tout le monde a remarqué que père et mère à ce bal gardaient le silence, la maman ne se démenait pas, et le papa se contentait de remplir toutes ses poches de bonbons. On ajoute qu'Annette avait mis cette condition en les invitant et que de plus s'ils promettaient de ne pas ouvrir la bouche de toute la soirée, elle promettait de son côté de leur faire cadeau de 5000 roubles. Чего не выдумаютъ!

J'ai aujourd'hui une journée fatigante: je dois aller à l'institut de

S-te Catherine où il y a l'examen des jeunes demoiselles. M-me Pevzoff nous a envoyé des cartes d'invitation, le p-ce Серг. Мих. est venu avant-hier lui-même chez nous. Je dois dîner chez Brocker, et votre maman y vient aussi, le soir je dois aller à la lotterie des Киндяковъ et puis achever ma soirée chez Bachiloff. Je vous envoye par curiosité sa carte d'invitation, c'est par trop farce aussi. Comment *imprimer* une chose pareille, un sénateur! Il a cependant 50 ans bien passés. Montrez cela à mon frère et puis renvoyez moi, car une invitation pareille doit être conservée, et on se donne ces billets comme des cadeaux précieux.

Переводъ.

Москва, 24-е Февраля 1834.

Твоя сестра всѣхъ затмила, и нужно правду сказать, она была прекрасна, великолѣпно. Когда она вошла, произошло общее волненіе, и я не успѣвалъ запоминать всѣхъ похвалъ, заявлявшихся со всѣхъ сторонъ. Сначала мы поѣхали показаться маменькѣ, которая вскрикнула, увидавъ ее; она заранѣе велѣла открыть всѣ двери и зажечь лампы, чтобы лучше ее разглядѣть. Балъ былъ блестящій, безконечное число красивыхъ нарядовъ, и прошу вѣрить, что послѣ Кати, по моему, лучше всѣхъ была Александрина Пашкова, нѣчто вродѣ Испанскаго костюма, но превосходнаго. Такъ какъ твоя сестра будетъ спать до завтра и, значитъ, завтра опишетъ тебѣ всѣ подробности, я наскоро назову тебѣ самыя красивыя маски: Кирѣева и ея сестра— превосходны, что-то вродѣ Польскаго или Еврейскаго костюма, маленькая Щербатова, Ольга Пашкова, маленькая Львова (жена красиваго Андрея), всѣ очень хороши, крестьянками разныхъ странъ, Додо амазонкой: золотая каска съ перьями, панцырь изъ золотыхъ лилій, колчанъ со стрѣлами; это было хорошо, но нужна бы талія Минервы; Marie Бартенева чудесной кошечкой, т. есть женщиной-кошкой и т. д. и т. д. У Кати былъ кавалеромъ Дмитрій В., съ которымъ она танцовала кадриль и мазурку. Многіе спрашивали меня о тебѣ. Ахъ, забылъ: Nathalie Урусова была очень хороша, на ней былъ костюмъ отъ царскаго маскарада, но съ очень большими измѣненіями. Здѣсь разсказываютъ забавные анекдоты по поводу бала у Александровыхъ, будто, приглашая тебя и Вяземскаго, она сказала вамъ: я васъ зову оттого, что вы очень умны и Московскіе; но лучшая басня (потому что какъ иначе это назвать?), что всѣ замѣтили, что отецъ и мать на этомъ балѣ хранили молчаніе, мамаша не бѣсновалась, а папаша довольствовался тѣмъ, что набивалъ себѣ всѣ карманы конфектами. Прибавляютъ, что Annette поставила это въ условіе, приглашая ихъ и что кромѣ того, если они обѣщаютъ не раскрывать рта за весь вечеръ, она, со своей стороны, обѣщаетъ подарить имъ 5000 рублей. Чего не выдумаютъ!

Сегодня у меня утомительный день: я долженъ ѣхать въ Екатерининскій институтъ, гдѣ экзаменъ молодыхъ дѣвицъ. Пѣвцова прислала намъ пригласительные билеты, князь Серг. Мих. третьяго дня самъ пріѣзжалъ къ намъ. Я долженъ обѣдать у Брокера, и твоя маменька ѣдетъ тоже туда, вечеромъ я долженъ ѣхать на лотерею у Киндяковыхъ, а затѣмъ докончить свой вечеръ у Башилова. Посылаю тебѣ для любопытства его пригласительный билетъ, это тоже ужъ слишкомъ забавно. Какъ можно *печатать* такую вещь, вѣдь сенаторъ! Ему, однако, уже за 50 лѣтъ. Покажи это моему брату, а потомъ пришли опять мнѣ, потому что такое приглашеніе

должно быть сохранено; подобные билеты даютъ другъ другу какъ драгоцѣнные подарки.

Moscou, le 27 Février 1834.

Вчера прiѣзжаю я къ Киндяковымъ, гдѣ разыгрывали лотерею для бѣдныхъ. Въ одно время со мною входитъ баба завернутая въ платкѣ, человѣкъ ведетъ ее подъ руки, на ней большiе мужскiе сапоги; ты подумаешь, что это баба пришедшая съ Москвы-рѣки, гдѣ мыла платье? Ничего не бывало: это просто Ф. И. Бартенева. Mon Dieu, est-ce vous? Que veut dire cette mascarade?—Je m'en vais tout de suite faire une toilette en haut.—Mais d'où venez-vous?—De la maison!—De la maison? Y pensez-vous? Да что за неволя?—Ахъ! m-r B., страшно ѣздить въ каретѣ: какая-то барыня утонула въ ухабѣ, говорятъ; то боюсь смертельно, на саняхъ еще страшнѣе, такъ я рѣшилась пѣшкомъ прiйти. Какова! N'allez pas croire que je vous raconte là une fable pour vous amuser, c'est positif, et elle m'a déclaré qu'elle irait ce soir je ne sais à quel bal de la même manière. Pauline est plus raisonable: la pauvre enfant ne sort pas du tout, elle sent seule et pour toute la famille sa position et le malheur qui les accable. Que Dieu bénisse votre projet, mon petit ange! Souvent tout dépend de celui qui porte la parole, et une maladresse gâte quelquefois la meilleure des causes. Votre projet est excellent, et je suis sûr que: ou vous ne parlerez pas du tout, ou vous aurez un plein succès. Que Dieu vous guide dans vos bonnes intentions, car certes le gr.-duc ne se refusera pas à faire du bien; le voeu de l'Empereur est aussi connu, et il s'agit d'une Moscovite.

J'ai été l'autre jour très longtemps chez la c-sse Émilie *). Nous avons causé longtemps de vous, elle vous aime beaucoup et m'a bien serré la main pour les détails que je lui ai donnés sur vous, détails que j'ai caché à tout le monde, elle exceptée; elle a dévoré tout cela, car j'avais pris votre lettre avec moi, celle où vous nous racontez les conversations avec les augustes maîtres. У нея были гости, но я всѣхъ выждалъ, чтобы быть наединѣ. Elle est faible, pauvre femme, et souvent essoufflée, quand elle parle trop. Il faudra absolument qu'elle fasse un voyage dans l'étranger après ses couches. Le temps affreux et surtout les chemins dans la ville (témoin l'anecdote de m-me Barténeff) ne lui permettent ni de prendre l'air, ni de faire de l'exercice, deux choses si nécessaires dans son état. Elle vous remercie beaucoup pour vos soins donnés à l'Aurore.

---

*) Графиня Эмилiя Карловна Мусина-Пушкина, сестра Авроры красавица и добродѣтельная женщина.

Вчера была бездна народу у Киндяковыхъ, j'y suis allé avec Catherine. J'ai vu la fameuse Pomme. En me voyant elle me parla de vous tout de suite, cela est naturel et en règle, mais avant tout il fut question de chiffons, car elle débuta par ces mots: ваша Ольга щеголяетъ, elle a payé un seul chapeau 275 roubles, cependant elle m'a dit qu'elle n'avait dépensé encore que 1500 roubles; mais il est vrai que les comptes de la Sichler et autres n'étaient pas encore payés, elle est très fêtée à Petersbourg, s'amuse beaucoup, mais désire retourner à Moscou etc. On tira la lotterie, la Ricci est désesperée que son magnifique ouvrage en laque chinois a été gagné par m-me Barténeff, mon pupitre noir chinois a été gagné par m-lle Bode, она въ восхищеніи, и я также радъ, что ей досталось. Я выигралъ подносикъ хорошенькій работы Вейтбрехта, mais c'est maman Calme qui a gagné une superbe cassette d'un beau bois gris avec de très jolis bouquets collés dessus. Je lui ai porté cela tout de suite et je l'ai trouvée jouant à Cayenne avec papa de Firce, Norof et Люб. Ант.. Я уѣхалъ отъ Киндяковыхъ, а всѣ тамъ остались. Маменька въ большихъ хлопотахъ съ своимъ déjeuner dansant; seulement je lui ai observé que c'est après demain matin, qu'il y a donc une journée et demie de temps, qu'avec ses beaux projets elle n'avait engagé encore que m-me Хвостовъ et les Rastopchine et qu'avec les chemins que nous avons, si elle va elle-même, comme elle l'a annoncé, elle finira ces visites au mois de Mars de l'année prochaine. Я не мѣшаюсь ни во что, а только ворчу и браню d'après ma louable habitude.

Переводъ.

Москва, 27 Февраля 1834.

Боже мой, это вы? Что означаетъ этотъ маскарадъ?—Я сейчасъ пойду переодѣнусь наверху.—Да вы откуда?—Изъ дому.—Изъ дому? Вообразите! Не думай, что я тебѣ разсказываю сказку, чтобы тебя посмѣшить, это подлинно такъ было, и она объявила мнѣ, что вечеромъ отправится на какой-то балъ такимъ же образомъ. Полина болѣе благоразумна-бѣдняжка совсѣмъ не выходитъ, она одна чувствуетъ, и за всю семью, положеніе и несчастіе, которое ихъ удручаетъ. Да благословитъ Господь твой планъ, мой ангелокъ! Часто все зависитъ отъ того, ктò держитъ рѣчь, и неловкость портитъ иногда самое лучшее дѣло. Твой планъ прекрасенъ, и я увѣренъ, что: или ты совсѣмъ не будешь говорить, или будешь имѣть полный успѣхъ. Да направитъ тебя Господь въ твоихъ добрыхъ намѣреніяхъ, потому что вел. князь, конечно, не откажется исполнить доброе дѣло; воля Государя тоже извѣстна, и дѣло касается Москвички.

Я былъ на дняхъ очень долго у графини Эмиліи; мы долго говорили о тебѣ, она тебя очень любитъ и крѣпко жала мнѣ руку за подробности, которыя я сообщилъ ей о тебѣ, подробности, которыя я скрылъ отъ всѣхъ кромѣ нея; она съ жадностью слушала все это, такъ какъ я бралъ съ собой

твое письмо, то, въ которомъ ты передаешь свои разговоры съ августѣйшими повелителями. Она слаба, бѣдная женщина, и часто задыхается когда слишкомъ много говоритъ. Непремѣнно надо будетъ ей съѣздить за границу послѣ родовъ. Ужасная погода и особенно дороги въ городѣ (о чемъ свидѣтельствуетъ анекдотъ Бартеневой) не позволяютъ ей ни выходить на воздухъ, ни дѣлать движенiе, двѣ вещи столь необходимыя въ ея положенiи. Она тебя очень благодаритъ за заботы объ Аврорѣ.

Я поѣхалъ туда съ Катей. Видѣлъ знаменитую Поммъ. Увидавъ меня, она тотчасъ заговорила о тебѣ; это естественно и въ порядкѣ вещей, но прежде всего была рѣчь о тряпкахъ, такъ какъ она начала со словъ: Наша Ольга щеголяетъ, она заплатила за одну шляпу 275 рублей, между тѣмъ она сказала мнѣ, что истратила пока только 1500 рублей; правда, что счета Сихлеръ и другихъ еще не были уплачены; ее чествуютъ въ Петербургѣ, она очень веселится, но хочется ей вернуться въ Москву и т. д. Начали разыгрывать лотерею, Ритче въ отчаянiи, что ея великолѣпная работа изъ Китайскаго лака было выиграна Бартеневой, мой черный Китайскiй пюпитръ выиграла m-elle Боде; вотъ маменька Calme выиграла восхитительную шкатулочку изъ красиваго сѣраго дерева съ очень красивыми наклеенными сверху букетами. Я тотчасъ повезъ ей это и засталъ ее играющею въ Cayenne съ папашей Фирсомъ, Норовымъ и Люб. Ант. Маменька въ большихъ хлопотахъ со своимъ déjeuner dansant; только я ей замѣтилъ, что это будетъ послѣ завтра утромъ и что, значитъ, полтора дня времени осталось, что со своими прекрасными планами она пока пригласила только Хвостову и Ростопчиныхъ и что по дорогамъ, какiя у насъ, если она поѣдетъ сама, какъ она объявила, то окончитъ свои визиты въ Мартѣ будущаго года. Я не вмѣшиваюсь ни во что, а только ворчу и браню по своей похвальной привычкѣ.

Moscou, le 28 Février 1834.

Вотъ и фестень! Голова кругомъ идетъ; таскаютъ, ходятъ, стучатъ, денегъ просятъ, безпрестанные доклады, бѣжалъ бы изъ дому. Maman a absolument voulu de ce déjeuné dansant, et moi je déteste les danses du jour. Elle prétend que cela fait grand plaisir à notre nouvelle née de demain, qui sans cela dansera Vendredi et Samedi. Ce qui me peine surtout c'est que vous n'êtes pas ici. Je voulais mieux donner un petit bal à Pâques, mais laissons là les préparatifs: j'aime mieux vous parler du 1 de Mars, quand il sera déjà passé. La poste a retardé, je l'ai reçu au moment d'aller à l'assemblée hier, j'ai vite envoyé à maman Calme, que je savais être chez Над. Серг., votre lettre pour elle, et qu'elle a eu la bonté de me renvoyer sur-le-champ pour la lire, car il n'y avait pas de lettre pour moi. Il paraît que les plaisirs vont grand train, vous vous amusez, tout le monde le fera autant, il y a une si belle raison pour cela: le rétablissement de l'Impératrice, dont la santé paraît tout-à-fait remise àprésent. Je désire que vous ayez avant votre départ plus d'une fois le bonheur de voir L. L. M. M. D'où vient que S. M. ne vous demande rien de sa petite filleule*) et que vous même n'en parlez jamais

*) Александра Александровна Львова.

à l'Empereur. Glissez en un petit mot dans l'occasion. Собраніе было вчера прекрасное, 1200 человѣкъ. Я завербовалъ все, что̀ было лучшихъ кавалеровъ; это тѣ, которыхъ отъ васъ за негодностью отправляютъ сюда въ Москву. Votre caisse est arrivée à point nommé hier, et maman demain sera parée de votre bonnet et de vos cheveux. Il est très simple et élégant. J'ai porté la caisse moi-même à maman, elle a été très contente et demandait continuellement: что̀ моя косынка? Je vous prie de croire que m-me Barténeff est allée hier en costume de voyage, c'est à dire *en прачка à pieds* chez m-me Kindiakoff, que là elle a fait une toilette et puis da capo à pied à l'assemblée; mais c'est à deux pas: elle a peur d'être tuée dans les rues à cause des chemins et des avalanches. Mon frère vous racontera ce qui est arrivé à Narichkine, l'oncle de la p-sse Yousoupoff, Ник. Дм.

Переводъ.

Москва, 28-е Февраля 1834.

Маменька непремѣнно хотѣла этого завтрака съ танцами, а я ненавижу танцы днемъ. Она увѣряетъ, что это доставляетъ большое удовольствіе нашей завтрашней новорожденной, которая безъ того будетъ танцовать въ Пятницу и въ Субботу. Что̀ меня особенно огорчаетъ, это то, что тебя здѣсь нѣтъ. Я бы охотнѣе устроилъ маленькій балъ на Пасху, но оставимъ эти приготовленія: я предпочитаю говорить съ тобой о 1-мъ Мартѣ, когда этотъ день уже пройдетъ. Такъ какъ почта опоздала, я получилъ ее въ ту минуту, какъ собирался вчера въ собраніе; поскорѣй послалъ маменькѣ Calme, которая, я зналъ, была у Над. Серг., твое письмо къ ней, которое она была добра вернуть мнѣ тотчасъ для прочтенія, такъ какъ для меня письма не было. Повидимому удовольствія идутъ полнымъ ходомъ, ты веселишься, и всѣ станутъ дѣлать тоже, на это есть такая важная причина: выздоровленіе Императрицы, здоровье которой, кажется, теперь совсѣмъ поправилось. Желаю, чтобъ ты до своего отъѣзда имѣла больше одного раза счастье видѣть ихъ величества. Что значитъ, что Е. В. ничего не спрашиваетъ тебя о своей маленькой крестницѣ и что ты сама никогда о ней не говоришь Государю. Замолви о ней словечко при случаѣ. Твоя посылка пришла въ назначенный часъ вчера, и маменька завтра нарядится въ твой чепчикъ и твои волосы. Онъ очень простъ и изященъ. Я самъ отнесъ маменькѣ посылку, она была очень довольна и безпрестанно спрашивала: что̀ моя косынка? Прошу тебя вѣрить, что Бартенева пришла вчера въ дорожномъ костюмѣ, то-есть *прачкою, пѣшкомъ*, къ Киндяковой, что тамъ она переодѣлась, а потомъ снова пѣшкомъ въ собраніе; но это въ двухъ шагахъ, она боится быть убитой на улицѣ вслѣдствіе плохой дороги и снѣжныхъ глыбъ. Мой братъ тебѣ разскажетъ что̀ случилось съ Нарышкинымъ, дядей княгини Юсуповой, Ник. Дм.

Moscou, le 1 Mars 1834.

La tête me tourne du remue-ménage qu'il y a dans notre maison, ma chère et bonne Olga: бѣгаютъ, хлопочатъ. Le tapissier,

décorateur, impressario Ванюшка court comme un fou et commande comme un directeur des postes; il n'y a dans tout cela de calme que la nouvelle née qui, comme toutes les nouvelles nées, *dort*. L'idée de maman était de faire une petite drogue de déjeuner et des danses, mais en ville on le prend au sérieux, et il y a de grands préparatifs, grand frais de toilette. C'est bien arrangé en fleurs, surtout la chambre du billard, où Ванюшка a arrangé avec beaucoup de goût un buffet sur le billard en forme de décoration; il y a là fruits, закуски, rafraîchissements, thé etc. etc. J'espère que cela sera animé. Il y aura des prétentions, je suis sûr, mais comment inviter toute la ville! Nous respirons: depuis qu'il gèle on peut sortir sans se casser le cou, et la Barténeff cessera ses courses à pieds.

Переводъ.

Москва, 1 Марта 1834.

У меня голова кругомъ идетъ отъ происходящей въ домѣ суматохи, дорогая и милая Ольга: бѣгаютъ, хлопочутъ. Обойщикъ, декораторъ, импресаріо Ванюшка бѣгаетъ какъ сумасшедшій и командуетъ, точно директоръ почтъ; изо всѣхъ спокойна одна лишь новорожденная, которая, какъ всѣ новорожденные, спитъ. У маменьки была мысль устроить пустячный завтракъ и танцы, а въ городѣ приняли это въ серьёзъ: идутъ большія приготовленія и крупныя издержки на туалеты. Домъ хорошо убранъ цвѣтами, особенно билліардная, гдѣ Ванюшка съ большимъ вкусомъ устроилъ буфетъ на самомъ билліардѣ, въ видѣ украшенія; тамъ фрукты, закуски, прохладительные напитки, чай и т. д. и т. д. Надѣюсь, что будетъ оживлено. Я увѣренъ, что будутъ претензіи, но какъ пригласить весь городъ! Мы вздохнули: съ тѣхъ поръ какъ подмерзло, можно выходить не ломая себѣ шеи, и Бартенева прекратитъ свои странствованія пѣшкомъ.

Moscou, le 2 Mars 1834.

Je vous ai quitté hier si brusquement, ma chère enfant, que si je ne me trompe, je n'ai même pas eu le temps d'achever ma phrase. Je serai plus poli cette fois-ci: je me lève une heure plus tôt et je commence ma journée par vous. C'est bien, mais par quoi commencerai-je ma lettre? J'ai tant de choses à vous dire. Commencons toujours par le plus intéressant, par votre délicieuse lettre du 26 et qui nous a tous comblé d'une si grande joie. Je m'étais levé de mauvaise humeur, car je ne voulai pas de ce déjeuner; je me disai: on ne peut plus empêcher la chose, faisons pour le 1-er de Mars bonne mine au mauvais jeu. Le matin mes expéditeurs arrivent avec leurs rapports du mois écoulé; tout était bien, en ordre, les coffres de l'Empereur bien garnis etc. Voilà qui est bien. Votre soeur *) arrive de la messe avec de belles couleurs,

*) Старшая дочь А. Я. Булгакова, Екатерина Александровна, (на которой вскорѣ потомъ женился воспитанникъ Д. П. Татищева Саломирскій) превосходила красотою сестру свою. У нея краснѣли уши отъ застѣнчивости, и князь Вяземскій прозвалъ ее *ушко*.

j'embrasse la nouvelle née. Je me rappelle de ce jour incomparable, du bonheur, quand je devins la première fois père, comme les cris de Катя qui vint au monde déjà belle, blanche et rose (et pas rouge, comme tous les enfants) me touchèrent, comme je pleurais en me cachant de honte derrière un paravant. J'avais préparé 100 rbles pour Катя, un beau billet tout neuf rouge et bleu. Mon travail de tous les jours fini, je reste chez moi dans le cabinet. Voilà les gros paquêts de Pétersbourg qui m'arrivent avec Evréinoff, le pauvre vieux Petroff étant dans l'état de la c-sse Pauline Koutaysof. Давайте, давайте! L'ouvrage fini, je renvoye le monde et je décachète le paquet de mon frère, je lis sa lettre qui m'a tant, tant fait de plaisir, et il ajoute: что же касается до подробностей, то Ольга ихъ сама тебѣ описываетъ. J'ai voulu tout fuir pour vous lire à mon aise, à tête reposée. Il était tard: à chaque instant la cloche frappait et annonçait l'arrivée de quelqu'un. Je me suis barricadé dans mon cabinet et je me mets à lire. Vous avez écrit cette fois-ci comme un chat, et je vous en sais gré, car je déchiffrais entement, et la lecture n'allait pas très vite, le plaisir se prolongeait d'avantage.

Combien je vous suis reconnaissant, ma chère enfant, pour votre exactitude: vous n'avez omis aucun détail si ce n'est comment était votre robe. Je vous ai suivi des yeux partout à ce charmant bal de la salle du concert. Tout a été à merveille, et votre heureuse étoile vous accompagne partout, le soleil lui-même ne dédaigne pas de répandre sur elle son éclat, ses rayons lumineux. Je n'ai que des éloges à vous donner, et nous avons décidé dans notre comité composé de papa et de deux mamans (cela fait plus d'un siècle et demi d'expérience) que vous étiez une petite perfection, qu'on ne pouvait pas attendre de vos 18 ans tant de tact, de prudence et de sagesse. Parler aux souverains et à des souverains comme le nôtre, c'est une science à part et dans laquelle les gens d'esprit se perdraient, et nous en avons bien des exemples. On est aimable d'une seule manière pour la miltitude, mais pour le souverain c'est une chose à part tout-à-fait. Il y a tant d'écueils à éviter: la familiarité, la bassesse, la médisance, la pruderie, l'impertinance, les sollicitations etc. Combien sont grandes les bontés de l'Empereur pour toute notre famille et combien je me réjouie que cette *brebis égarée*, votre tante Marie, soit rentrée à ce qu'il paraît tout-à-fait dans la bonne voie: elle ne fronde plus, va au château, y conduira Соня. Mais quel honneur, quelle faveur que cette invitation à ce bal d'enfants? Qui ne se ferait pas *enfant* pour en être? И тебя съ Дишкою позвали не въ примѣръ никому. Nous avons beaucoup ri des souliers larges de Дишка. Ayant lu à la hâte votre

lettre, comme cela arrive toujours, je brûlais d'impatience de communiquer ma joie à un être vivant et également cher à nous deux. Votre maman était trop occupée à faire les honneurs, je pris donc la maman Calme à l'écart, et nous lîmes votre lettre. Над. Серг. s'approcha: чтò это, секреты? Ахъ, Наденька, lui dit maman, vous voyez déjà que nous avons quitté la société pour lire plus à notre aise; il y a donc du secret pour les autres, allez, allez! A vous je dirai après ce que vous devez savoir, c'est une lettre d'Olga, une lettre très intéressante, très agréable. Бартенева пришла, мы ее тоже прогнали, и уже никто насъ не безпокоилъ. Maman Calme est dans le ravissement à sa manière calme, sans explosion, mais votre maman celle-là laisse éclater sa joie et ne peut s'empêcher de dire par-ci par-là: Olga nous donne des détails du bal du 25 à la cour, mais j'ai appris à mes filles à ne jamais se jetter en avant; Olga, n'ayant pas eu de place à souper, s'en alla dans une autre chambre chercher un petit coin - qu'est ce qui arriva? C'est que l'Empereur vint y souper aussi, et Olga était donc assise à souper entre l'Empereur et le gr.-duc Michel. Une chose qui m'a réjouie beaucoup, c'est que l'Empereur a demandé des nouvelles de sa filleule et vous a nommé sa кумушка, je vous en avais écrit il y a quelques jours. La maman Calme a été dans le ravissement, car plus d'une fois dans nos conversations nous faisions l'observation que l'Empereur ne vous parlait pas de sa filleule, et il faut savoir comme maman Calme aime, adore cette petite: elle ne jure que par elle et relève continuellement sa beauté, son intelligence, sa bonté etc. У насъ все споры: я за своего бурлака все стою, а она за Шушку. Que la p-sse Zéneide ne vous fasse pas oublier votre Émilie! Non jamais! Car le princesse Z. ne vaut pas la pantoufle de cette charmante c-sse Pouchkine. Quelle douceur, quel esprit, quelle amabilité; je ne trouve pas même belle l'autre. Ce prompt rétablissement de l'Impératrice nous comble de joie. Votre maman à vous aime votre style si peu soigné et si naif; vous écrivez assez correctement le français, et alors nous n'avons pas pû nous empêcher de rire de cette phrase dont vous vous êtes servi; vous dîtes: ma position à soupé était assez embarrassante entre les deux *Auguste et Ange-frères*. C'est très joli, si c'est un fait exprès, car il fallait dire auguste et angélique frères. Vous ne direz pas de deux soeurs (que je ne veux pas nommer): ces méchantes et diablesses soeurs, mais méchantes et diaboliques soeurs; mais je répète que votre tournure de phrase est plus originale, plus pittoresque.

Quelle fête ce sera pour nous que votre retour, et que de choses nous aurons à nous dire et à nous raconter! Vous avez dit à l'Empereur que je vous écrivais *tous les jours* des volumes. C'est très vrai, mais

j'aime à croire que S. M., qui est si bonne et aimable avec vous, pensera que c'est une preuve que je vous aime beaucoup et pas que je néglige mon devoir. On peut suffire à tout! Voyez l'Empereur avec ce poids immense qui pèse sur lui (ce n'est pas la Russie seule, mais l'Europe entière, l'univers), et il a le temps de causer avec notre Курноска. Franchement parlant, le calembourg de monseigneur *распутная* n'est pas grand chose; je lui en ai entendu faire de plus beau. Expliquez nous une chose: comment est-ce que vous avez refusé l'engagement pour la mazurque du p-ce Würtemberg! Est-ce poli? Est-ce reçu! C'est un p-ce de sang, allié à notre famille impériale, car je pense que c'est du frère de la gr.-duchesse qu'il s'agit; car si ce sont les fils de la feue bosse комуникаціонная, c'est différent, on les regarde comme des officiers aux gardes.

La fête a très bien réussi. Il y avait des tables couvertes dans le salon blanc, la chambre turque, la chambre de maman et celle où nous dînons toujours. On commença par la [1] , les fleurs, le dîner fut très bon et bien servi, sans confusion et très vite; après il y eu 4 tables de jeu, а молодежь пошла танцовать. Послѣ Французскихъ кадрилей вдругъ открылась дверь въ билліардную, на коемъ была сдѣлана съ большимъ вкусомъ пирамида, наполненная фруктами, конфектами, края были убраны салфетками, и на нихъ гирлянды цвѣтовъ, по бокамъ карафины съ лимонадомъ, аршадомъ etc., чай съ другой стороны, dans le genre des buffets du p-ce Dimitry [2]), quand il y avait l'Empereur; c'était charmant, et tout le monde répétait la même exclamation en y entrant. Mais ce qui n'était pas charmant c'est que les hommes, qui entrèrent les premiers, donnèrent assaut, et tout fut bientôt mangé. Mangé, ce ne serait rien, mais emporté по карманамъ; m-me Barténeff arriva avec une feuille de papier et ne se géna pas. Le bal était très animé et dura jusqu'à 11 heures du soir. J'étais bien monté par votre lettre, j'ai dansé le potpourri que je convertis en grossvater, et je le fis durer une heure et demie avec maintes farces; ma danseuse était Sophie Bobrinsky.

Переводъ.

Москва, 2-е Марта 1834.

Вчера я такъ внезапно покинулъ тебя, дорогое дитя мое, что, если не ошибаюсь, не успѣлъ даже докончить фразы. На этотъ разъ буду болѣе учтивъ, всталъ чàсомъ раньше и начинаю день тобою. Хорошо, но съ чего

---

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Т. е. у генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владимировича Голицына.

мнѣ начать письмо? Мнѣ такъ много нужно тебѣ сказать; начнемъ все же съ самаго интереснаго, съ твоего прелестнаго письма отъ 26-го числа, столь обрадовавшаго насъ всѣхъ. Я всталъ въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ былъ противъ этого завтрака, но сказалъ себѣ: теперь ужъ нельзя ничего измѣнить, такъ скрою же искусно свою досаду ради 1-го Марта. Утромъ являются мои экспедиторы со своими донесеніями за истекшій мѣсяцъ; все было хорошо, въ порядкѣ, казна Государева хорошо набита и т. д. Вотъ это хорошо. Приходитъ отъ обѣдни твоя сестрица съ раскраснѣвшимся лицомъ, я цѣлую новорожденную. Вспоминаю тотъ несравненный день счастья, когда я впервыя сдѣлался отцомъ, какъ крики Кати, которая родилась уже красивою, бѣлою и розовой (не красной, какъ всѣ дѣти) меня растрогали, какъ я плакалъ, спрятавшись отъ стыда за ширму. Я приготовилъ 100 рублей для Кати, красивую, совсѣмъ новую, радужную бумажку. Окончивъ свою ежедневную работу, остаюсь у себя въ кабинетѣ; но вотъ появляются огромные Петербургскіе пакеты вмѣстѣ съ Евреиновымъ, такъ какъ бѣдный Петровъ находится въ такомъ же положеніи какъ княгиня Полина Кутайсова. Давайте, давайте! Окончивъ работу, я отпускаю людей и распечатываю пакетъ отъ брата, читаю его письмо, доставившее мнѣ ужъ такое удовольствіе; онъ прибавляетъ: что же касается до подробностей, то Ольга ихъ сама тебѣ опысываетъ. Я хотѣлъ отъ всего бѣжать, чтобы спокойно читать тебя сколько душѣ угодно. Было поздно: каждую минуту звонокъ возвѣщалъ о чьемъ нибудь пріѣздѣ. Я заперся у себя въ кабинетѣ и принялся читать. Въ этотъ разъ ты нацарапала какъ кошка, и я за это тебѣ благодаренъ, потому что разбиралъ съ трудомъ, и чтеніе шло не очень скоро, а удовольствіе продолжалось долѣе. Какъ я тебѣ благодаренъ, дорогое дитя мое, за твою обстоятельность, ты не пропустила ни одной подробности кромѣ развѣ той, каково было твое платье. Я всюду слѣдилъ глазами за тобой на этомъ прелестномъ балу въ концертномъ залѣ. Все было чудесно, и твоя счастливая звѣзда слѣдуетъ за тобой повсюду, даже само солнце не гнушается проливать на нее свое сіяніе, обдавать ее своими лучами. Могу только хвалить тебя, и мы рѣшили въ нашемъ комитетѣ, состоящемъ изъ папеньки и двухъ маменекъ (это составляетъ болѣе полутора вѣка опытности), что ты маленькое совершенство и что нельзя было ожидать отъ твоихъ 18 лѣтъ столько такта, осторожности и благоразумія. Говорить съ монархами, да еще съ такими какъ нашъ Государь, это особенная наука, въ которой умные люди растерялись бы, чему мы имѣемъ примѣры. Съ толпою одна любезность, а съ Государемъ совсѣмъ особенное дѣло. Столько опасностей нужно умѣть избѣжать: фамильярности, низости, злословія, ложной стыдливости, дерзости, ходатайствъ и т. д. Какъ велики милости Государя ко всей нашей семьѣ и какъ я радуюсь тому, что эта заблудшая овца, твоя тетка Marie, снова, повидимому, вступила на вѣрный путь: она больше не дуется, бываетъ во дворцѣ, повезетъ туда Соню. Какая же честь, какая милость приглашеніе на этотъ дѣтскій балъ? Кто не сдѣлался бы *ребенкомъ*, чтобы быть въ числѣ ихъ. Мы много смѣялись широкимъ башмакамъ Дишки. Наскоро прочитавъ твое письмо, какъ это всегда бываетъ, я сгоралъ нетерпѣніемъ сообщить свою радость живому и одинаково для насъ обоихъ дорогому существу. Твоя маменька была слишкомъ занята пріемомъ гостей, такъ я взялъ маменьку Calme въ сторону, и мы прочли твое письмо. Подошла Над. Серг.: Что̀ это, секретъ? Ахъ, Наденька сказала ей маменька, ты же видишь, что мы покинули общество чтобы удобнѣе прочитать; значитъ есть секретъ для другихъ, полно, полно! Тебѣ я потомъ скажу то̀, что̀ ты должна знать; это письмо отъ Ольги, очень интересное и пріятное письмо. Маменька Calme восхищается по своему, спокойно, безъ вспышекъ,

а вотъ твоя маменька обнаруживаетъ свою радость и не можетъ удержаться чтобы не сказать то здѣсь то тамъ: Ольга прислала намъ подробности о придворномъ балѣ 25-го числа; я учила своихъ дочерей никогда не бросаться впередъ; Ольга, не имѣя мѣста за ужиномъ, пошла въ другую комнату поискать мѣстечко, что же случилось? то, что и Государь тоже пришелъ туда ужинать, такъ что Ольга за ужиномъ сидѣла между Государемъ и вел. кн. Михаиломъ. Что̀ меня очень обрадовало, это то̀, что Государь спросилъ про свою крестницу и назвалъ тебя своей *кумушкой*, я писалъ тебѣ объ этомъ на дняхъ. Маменька Calme была въ восторгѣ, такъ какъ неоднократно мы въ своихъ разговорахъ замѣчали, что Государь не говоритъ съ тобой о своей крестницѣ, а надо, знать ка̀къ маменька Calme любитъ и обожаетъ эту дѣвочку; она только ею и клянется и безпрестанно выставляетъ на видъ ея красоту, умъ, доброту и т. д. Какъ бы княгиня Зинаида не заставила тебя забыть твою Эмилію! Нѣтъ, никогда, такъ какъ княгиня Зинаида не стоитъ и туфли этой прелестной графини Пушкиной. Какая кротость, какой умъ, какая любезность! Я не нахожу, чтобы та была даже красива. Такое быстрое выздоровленіе Императрицы преисполняетъ насъ радости. Твоей маменькѣ нравится твой необработанный и наивный слогъ; ты пишешь по-французски довольно правильно, и потому мы не могли не разсмѣяться этой фразѣ, которую ты употребила; ты говоришь: мое положеніе за ужиномъ было довольно затруднительно между обоими *Августѣйшимъ* и *Ангеломъ-братьями*. Это очень мило, если сказано намѣренно, потому что слѣдовало бы сказать августѣйшимъ и ангельскимъ братьями. Ты не скажешь о двухъ сестрахъ (которыхъ я не хочу называть): эти злыя чертовки эти сестры, но злыя и чертовскія сестры; но повторяю, что твой оборотъ фразы оригинальнѣе, выразительнѣе. Какимъ праздниковъ будетъ для насъ ваше возвращеніе и сколько намъ будетъ сказать и разсказать другъ другу! Ты сказала Государю, что я пишу тебѣ *ежедневно* цѣлыя тетради. Это совершенно вѣрно; но я надѣюсь, что Е. В., столь милостивый и любезный съ тобою, найдетъ, что это есть доказательство моей большой къ тебѣ любви, а не небрежности къ моимъ обязанностямъ. Можно все успѣвать дѣлать. Посмотри на Государя: при столь тяжеломъ бремени, которое лежитъ на немъ (и это не только Россія, а вся Европа, весь міръ), онъ находитъ время бесѣдовать съ нашей Курноской. Говоря откровенно, каламбуръ его высочества *распутная* пустяки; я слышалъ, какъ онъ говорилъ еще получше. Объясни намъ одно: какъ это ты отказалась отъ приглашенія принца Виртембергскаго на мазурку! Развѣ это вѣжливо? Развѣ это принято? Вѣдь онъ принцъ крови, свойственникъ нашей царской фамиліи; думаю, что рѣчь идетъ о братѣ великой княгини, такъ какъ, если это сыновья покойной комуникаціонной горбули, то дѣло другое: на нихъ смотрятъ какъ на гвардейскихъ офицеровъ.

Праздникъ очень удался. Были накрыты столы въ бѣлой гостинной, въ Турецкой, въ маменькиной комнатѣ и въ той, гдѣ мы всегда обѣдаемъ. Начали съ . . . цвѣты, обѣдъ былъ превкусный и хорошо поданъ, безъ замѣшательства и очень скоро; затѣмъ было 4 карточныхъ стола, а молодежь пошла танцовать. . . . . чай съ другой стороны, въ родѣ буфетовъ у князя Дмитрія при посѣщеніи Государя; это было великолѣпно, и всѣ повторяли тоже восклицаніе входя туда. Но что̀ было не великолѣпно, это то̀, что мужчины вошли первые, сдѣлали приступъ, и все быстро было съѣдено. Если бы съѣдено, еще бы ничего, а то унесено по карманамъ. Бартенева явилась съ листомъ бумаги и не стѣснялась. Балъ былъ очень оживленъ и длился до 11 ч. вечера. Я былъ хорошо настроенъ твоимъ письмомъ, танцовалъ попури, который превратилъ въ гросфатеръ и провелъ его полтора часа съ разными шутками; моей дамой была Софья Бобринская.

Moscou, le 6 Mars 1834.

Je ne pourrai jamais vous exprimer le plaisir que nous avons éprouvé en lisant votre lettre d'hier, ma chère Olga, et nous sommes toujours à nous étonner que d'une chose: c'est, comment vous trouvez le temps de nous écrire si longuement. Malgré les fréquents reproches que maman Calme me fait de ne pas tout de suite décacheté vos lettres à son adresse pour les lire, je ne veux pas lui ôter ce plaisir; je suis donc vite allé lui porter votre longa e distinta relazione de la mascarade de Jeudi. Какіе вы смѣшные, да зачѣмъ вы не распечатываете? et sur cela nous nous mettons à lire. Vous pouvez vous imaginer le plaisir qu'elle a éprouvé en lisant tous ces détails si agréables, si flatteurs. Qnand elle vint au passage où Alexandre dit à l'Empereur que vous étiez à la maison et même déjà couchée, la p-sse s'écria: ахъ ей Богу, какой это Дишка, ну какъ этакъ солгать; ну какъ бы Государь разсердился! Какая, ей Богу, это шутишка, dit elle de vous, quand elle vint aux reproches que vous fesiez à Дишка devant l'Empereur d'avoir une jeune et jolie femme et de la laisser à la maison seule pour venir à la mascarade faire la cour aux dames; mais c'est que vraiment c'était une idée folle, originale qui nous a tous fait rire, même l'imposante Catherine. Надобно признаться, что ты большая проказница. Nous ne sommes pas d'avis par exemple que vous donniez le domino rose à monseigneur; но это долга еще пѣсня, puisque le domino est ici. Tout ce que vous avez dit était fort à propos, et nous nous réjouissons de voir Дишка si bien sur les tablettes de l'Empereur; quand ce ne serait que pour cela seul, le voyage de Pétersbourg a été une excellente chose, puisque cela a rapproché Дишка de S. M., tout cela lui sera très utile pour l'avenir et sous plus d'un rapport. L'Empereur connaîtra bien votre ménage àprésent, et sa joie de vous savoir si heureux l'un par l'autre prouve l'intérêt véritable qu'il vous porte. Une suite de cela est l'invitation pour le bal du Dimanche à la quelle vous ne vous attendiez guère et qui est très flatteuse pour vous. Княгиня говорила вчера у Пашковыхъ: будетъ балъ маленькій въ Аничковѣ, но Ольгѣ и Дишкѣ тутъ не слѣдъ быть, et maintenant elle dira qu'on vous y a engagé. Que dira m-r Serge de tout cela? Peut-être dira-t-il: да что за важность!

Ce soir j'ai été chez les Kindiakoff, on jouait au quinze, aux пятачки, un coup s'engage entre moi et m-me Lise P., je propose encore 5 pièces aux 5 engagées, voilà que m-r Nicolas me dit: et m-me P. fait votre reste. Sur cela je lui réponds: m-r, ce n'est pas avec vous que je joue, mais avec m-me P., elle a une langue.—Nicolas, dit l'autre, laissez moi jouer, car autrement je n'apprendrai jamais le jeu. Quant à la

péruque, elle se tut et ne se mêla plus du jeu. J'ai vu là m-me Timacheff, il y avait le Barténeff et le Iermoloff. Votre soeur et Alexandrine P. ont attaqué Jean Poutiata chez les Pachkoff Dimanche; il prônait sa belle Catiche, la mettait audessus du genre humain. M-lle A. le persiffla: et que direz vous quand cette belle, qui deux fois s'est moqué de vous, appartiendra à un autre? Jean P., prenant une attitude d'Otello, s'écria: je le *poignarderai*. Ah! vous voulez, lui dit Катя, prendre le chemin de la Sibérie? Et qu'est ce que cela me fait? répondit le héros. Умора! Надобно было видѣть, что̀ было на нашемъ déjeuner dansant: всѣ шептались.

Переводъ.

Москва, 6-е Марта 1834.

Не сумѣю выразить тебѣ того удовольствія, которое мы испытали читая твое вчерашнее письмо, дорогая моя Ольга, и мы только одному удивляемся: ка̀къ находишь ты время такъ много писать къ намъ. Несмотря на частые упреки, которые мнѣ дѣлаетъ маменька Calme за то, что я тотчасъ не распечатываю и не читаю твоихъ писемъ на ея имя, не хочу лишать ее этого удовольствія; поэтому я поскорѣй поѣхалъ отдать ей твое длинное и ясное донесеніе о бывшемъ въ Четвергъ маскарадѣ. Какіе вы смѣшные, да зачѣмъ вы не распечатываете? а затѣмъ мы принимаемся читать. Ты можешь себѣ вообразить испытанное ею удовольствіе при чтеніи всѣхъ этихъ пріятныхъ и лестныхъ подробностей? Дойдя до мѣста гдѣ Александръ сказалъ Государю, что ты дома и даже уже лежишь, княгиня вскрикнула: ахъ, ей Богу, какой это Дишка, ну какъ этакъ солгать, ну какъ бы Государь разсердился! Какая, ей Богу, это шутишка, сказала она про тебя, когда дошла до упрековъ, которые ты дѣлала Дишкѣ при Государѣ за то, что, имѣя молодую и красивую жену, онъ оставилъ ее дома одну, чтобы самому явиться на маскарадъ и ухаживать за дамами; но, правда это была сумасшедшая, оригинальная мысль, заставившая насъ всѣхъ смѣяться, даже степенную Катю. Надобно признаться, что ты большая проказница. Мы, напримѣръ, не раздѣляемъ твоего намѣренія отдать розовое домино вел. князю; но это долга̀ еще пѣсня, такъ какъ домино находится здѣсь. Все, что̀ ты говорила, было очень кстати, и мы радуемся, что Дишка такъ хорошо принятъ Государемъ; ради этого одного поѣздка въ Петербургъ была прекраснымъ дѣломъ, потому что это приблизило Дишку къ Е. В., все это будетъ для него во многихъ отношеніяхъ полезно въ будущемъ. Теперь Государю хорошо будетъ извѣстно ваше семейное согласіе, а что онъ радъ вашему взаимному счастью—доказываетъ то истинное участіе, какое онъ принимаетъ въ васъ. Слѣдствіемъ этого и было приглашеніе на балъ въ Воскресенье, котораго вы совсѣмъ не ожидали и которое весьма для васъ лестно. Княгиня говорила вчера у Пашковыхъ: будетъ балъ маленькій въ Аничковѣ, но Ольгѣ и Дишкѣ тутъ не слѣдъ быть. а теперь она будетъ говорить, что васъ туда пригласили. Что скажетъ Сержъ на все это? Можетъ быть, онъ скажетъ: да что за важность! Сегодня вечеромъ я былъ у Киндяковыхъ, играли въ пятнадцать, въ пятачки; завязалось дѣло между мной и Лизой П., я предлагаю еще 5 монетъ къ заложеннымъ, и вдругъ Николай говоритъ мнѣ: а m-me П. кладетъ на карту всѣ имѣющіяся при васъ деньги; на это я ему отвѣчаю: мило-

стивый государь, я играю не съ вами, а съ m-me П.; у нея есть языкъ. — Николай, говоритъ та, не мѣшай мнѣ играть, а то иначе я никогда не узнаю игры. Что касается парика, онъ замолчалъ и больше не вмѣшивался въ игру. Видѣлъ я тамъ Тимашеву, были Бартеневъ и Ермоловъ. Твоя сестра и Александра П. атаковали Ивана Путяту у Пашковыхъ, въ Воскресенье; онъ превозносилъ свою Катюшу выше человѣческаго рода. Александринъ острила надъ нимъ; а что вы скажете, если эта красавица, два раза посмѣявшаяся надъ вами, будетъ принадлежать другому? Иванъ П., принявъ позу Отелло, вскрикнулъ: я *заколю* его. А, такъ вы хотите, говоритъ Катя, прогуляться въ Сибирь? Что мнѣ за дѣло до этого? отвѣтилъ герой. Умора! Надобно было видѣть, что было на нашемъ déjeuner dansant: всѣ шептались.

*

Moscou, le 7 Mars 1834.

Le comte André part un de ces jours pour la campagne et amène avec lui Dodo, qui est au désespoir. Вотъ тебѣ и mariage brillant, et justement c'est ce qui manque: car diamants, brillants, tout cela est engagé, et figurez vous que cet André, si vain, si orgueilleux, est assez bête pour dire partout qu'il n'a pas de quoi vivre et doit aller s'ensevelir à la campagne. Додо только что не плачетъ: que ferai-je à la campagne? Je périrai d'ennuie avec mon mari qui ne fera que dormir et fumer; elle a été jusqu'à dire: ah! j'aurais été plus heureuse *exilée à* Penza. Каково! Вотъ тебѣ и богатства несмѣтныя. Laissez le se débarrasser de la tutelle, et vous verez comme il vous arrangera ce bien.

Hier Pachkoff Serge me disait: et bien, Olga fait la pluie et le beau temps! Et la neige aussi et les ухабы, ajoutais-je.—Voilà Alexis G. qui se met à rire, et m-r Serge un peu déconcerté ajouta: non, sans plaisanter, elle est dans les grandeurs comme personne.—То ли еще будетъ, répondis-je, какія тутъ шутки. Olga sera faite dame d'honneur à Pâques. Cette dernière plaisanterie le mit à bas tout-à-fait, car s'il prend intérêt à vous, l'intérêt se manifeste et s'exprime tout-à-fait d'une autre manière, et c'est de cette manière que me demandent toujours de vos nouvelles, je ne parle pas d'Emilie P., mais tant d'autres: la c-sse Goudowitcz, la p-sse Wiasemsky, Nicolas, la p-sse Wolkonsky, la vielle Pachkoff, m-me Nébolsine etc. J'aime encore quand m-r Serge dit: А. Я. все секретничаетъ, не говоритъ, что О. А. пишетъ! Quel bonheur pour nous de raconter partout ce qui vous arrive.

Переводъ.

Москва, 7 Марта 1834.

Графъ Андрей уѣзжаетъ на дняхъ въ деревню и увозитъ съ собой Додо, которая въ отчаяніи. Вотъ тебѣ и блестящая свадьба, и именно этого недостаетъ, такъ какъ бриллiанты, алмазы, все это заложено, и представь себѣ,

что этотъ Андрей, такой ничтожный и спѣсивый, настолько глупъ, что всюду говоритъ, что ему не на что жить и что онъ долженъ уѣхать, зарыться въ деревню. Додо только что не плачетъ: что̀ я буду дѣлать въ деревнѣ? Я умру отъ скуки съ моимъ мужемъ, который только и будетъ дѣлать, что спать да курить; она до того дошла, что сказала: ахъ, я была бы болѣе счастлива *сосланная* въ Пензу. Каково! Вотъ тебѣ и богатства несмѣтныя. Дайте ему отдѣлаться отъ опеки, и вы увидите какъ онъ вамъ устроитъ это имѣніе.

Вчера Сергѣй Пашковъ сказалъ мнѣ: ну, что же, Ольга распоряжается и вёдромъ и дождемъ. И даже снѣгомъ и ухабами, прибавилъ я. Вдругъ Алексѣй Г. сталъ смѣяться, а Сергѣй, немного смутившись, прибавилъ: нѣтъ, кромѣ шутокъ, она такъ возвеличена какъ никто. То ли еще будетъ, отвѣтилъ я. какія тутъ шутки. Ольга будетъ на Пасхѣ пожалована въ фрейлины. Эта послѣдняя шутка совсѣмъ его уничтожила, потому что если онъ принимаетъ въ тебѣ участіе, то участіе выражается совсѣмъ инымъ образомъ, а такимъ именно образомъ меня всегда спрашиваютъ о тебѣ, ужъ не говорю объ Эмиліи П., но такъ многіе другіе, графиня Гудовачъ, княгиня Вяземская, Николай, к-ня Волконская, старуха Пашкова, Небольсина и т. д. Мнѣ нравится. когда Сергѣй еще говоритъ: А. Я. все секретничаетъ, не говоритъ что̀ О. А. пишетъ! Какое для насъ счастье разсказывать вездѣ о томъ что̀ съ тобой происходитъ.

Moscou, le 9 Mars 1834.

Nous sommes vivement touchés des bontés de l'Empereur et de l'Impératrice et nous bénissons tous les jours cette bonne idée que vous avez eue d'aller à Pétersbourg; mais croyez que je bénirai encore plus le jour de votre retour à Moscou. Tout ce que vous dîtes de Катя, je ne le comprends pas; mais ce que je comprends, c'est l'intérêt que notre angélique Empereur daigne prendre à votre soeur? Dieu est l'arbitre de tout, tout est entre Ses mains et si je Lui demande quelque chose pour Катя, c'est qu'un jour elle puisse être aussi hereuse que vous l'êtes par votre mari.

Переводъ.

Москва, 9 Марта 1834.

Мы глубоко тронуты милостями Государя и Императрицы и каждый день благословляемъ добрую мысль, которую вы возымѣли поѣхать въ Петербургъ; но вѣрь, что я еще больше буду благословлять день твоего возвращенія въ Москву. Всего того, что̀ ты говоришь про Катю, я не понимаю, но, что̀ я понимаю, это участіе, которое нашъ ангелоподобный Государь изволитъ принимать въ твоей сестрѣ? Богъ всему властитель, все въ Его рукахъ и если я Его о чемъ-нибудь прошу для Кати, такъ о томъ, чтобы когда-нибудь она могла быть такъ же счастлива какъ ты въ своемъ мужѣ.

Moscou, le 9 Mars 1834.

Ну, Ольга, дала же ты намъ вѣсточку! Voilà qui est fait pour couronner l'oeuvre et quel plus grand bonheur, quel honneur à mettre audessus de celui-là! Cette visite de l'Empereur nous a tourné la tête

à tous, et ce qui nous réjouit encore, c'est de voir combien vous et Дишка vous savez apprécier la chose à sa juste valeur. En vérité, il faudrait pendre par les pieds nos deux familles, si nous ne portions à l'Empereur que le simple attachemeut de sujet à souverain et que le seul serment nous préscrit. A peine votre lettre lue, je courus chez maman. Катя était là, nous avons lu ces lignes précieuses que vous m'adressez en date du 7. Vous concevez bien que nous étions émus. Sans attendre qu'on m'ait attelé le traîneau, j'ai pris vite un извозчикъ et je suis couru chez l'autre maman; elle était pimpante, rayonnante, parée, gaie et venait de l'église après la communion. Je la félicitais d'abord sur cela et puis: ну что я вамъ скажу! Elle fut saisie: чтò такое, ah! m-r B., vous m'agitez, dites plus vite; j'espère que c'est quelque chose de bon.—Sachez, p-sse, que le 7 Mars, à 5 heures après midi, notre Курочка a eu la visite de l'Empereur!... Ахъ! что это, m-r B.? Не вѣрю, c'est le gr.-duc vous voulez dire!—L'Empereur Nicolas de toutes les Russies et si vous ne croyez pas à mes paroles, croyez à la lettre d'Olga, là voici. Toute calme et peu pleurnicheuse que soit la p-sse, les larmes lui vinrent aux yeux en lisant votre lettre, et elle finit par dire dans son ravissement: Ахъ, m-r B., право, что-то какъ будто уже и *страшно*, право; я рада, что они скоро уѣдутъ оттуда. Comme elle avait déjà envoyé sa lettre pour vous, je la snppliais de tracer quelques lignes, car demain c'est Dimanche. Voici son billet. Il y avait là la Homoutoff qui se réjouit aussi beaucoup. Comme Noroff vint aussi un moment après, la nouvelle sera colportée partout, et je vous avoue que j'aime mieux que cela soit par d'autres que par nous: nous saurions garder notre joie au fond de nos coeurs. Il y a tant à dire sur cela, ma chère amie, que j'aime mieux attendre votre retour pour épancher mon coeur dans le vôtre. Tout cela est si flatteur, heureux et tellement exempt de moindre nuage que nous n'avons qu'à jouir à remercier le bon Dieu. Il y a deux considérations qui rendent ma joie complette: 1-r que Sa Majesté l'Impératrice joint sa bonté à celle de l'Empereur, 2-d que les bontés de l'Empereur sont également reportées sur vous comme sur notre cher Дишка, et les deux mots qu'il a mis au bas de votre lettre nous ont fait un bien grand plaisir. En un mot, le 10 Mars est pour nous ici ce que le 7 était pour vous à Pétersbourg. Nous avons maintenant une grande tâche tous: c'est de nous rendre dignes de tant de bonté, et il est si facile d'aimer des souverains comme les nôtres, à part leur bienveillance pour nous. Et mon Dieu, pour qui ne sont-ils pas bons? Même pour les Polonais, pour ces misérables qui leurs ont donné tant de chagrin en échange du bonheur qui leur étaient assuré.

Переводъ.

Москва, 9-е Марта 1834.

Ну, Ольга, дала же ты намъ вѣсточку! Вотъ это сдѣлано, чтобы увѣнчать дѣло, и какое бòльшее счастье, какая бòльшая честь можетъ превзойти эту? Это посѣщеніе тебя Государемъ вскружило всѣмъ намъ голову, и что̀ насъ кромѣ того радуетъ, это то, что ты и Дишка умѣете придать этому поступку настоящую цѣну. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы повѣсить за ноги обѣ наши семьи, если бы мы имѣли къ Государю простую лишь преданность подданныхъ къ монарху, налагаемую на насъ присягой. Едва прочитавъ твое письмо, я побѣжалъ къ маменькѣ. Катя была тамъ, и мы прочли драгоцѣнныя строки, которыя ты ко мнѣ пишешь отъ 7-го числа. Ты хорошо понимаешь, насколько мы были растроганы. Не дожидаясь пока мнѣ запрягутъ сани, я нанялъ скорѣй извощика и поѣхалъ къ другой маменькѣ; она была нарядная, сіяющая, веселая и только что вернулась изъ церкви послѣ причастія. Сначала я ее поздравилъ съ этимъ, а затѣмъ: ну, что̀ я вамъ скажу. Она испугалась: что̀ такое, ахъ! вы меня волнуете, говорите скорѣй, надѣюсь, что-нибудь хорошее.—Знайте, княгиня, что 7-го Марта, въ 5 часовъ пополудни, нашу Курочку посѣтилъ Государь!..—Ахъ! что это? не вѣрю, вы хотите сказать вел. князь.—Императоръ Николай всея Россіи, а если вы не вѣрите моимъ словамъ, повѣрьте письму Ольги, вотъ оно. Какъ ни покойна и какъ ни мало слезлива княгиня, на глазахъ у нея показались слезы, когда она читала твое письмо и, наконецъ, она сказала въ порывѣ восхищенія: ахъ, право, что-то какъ будто уже и *страшно*, право; я рада, что они скоро уѣдутъ оттуда. Она уже отправила свое письмо къ тебѣ, и я упрашивалъ ее написать нѣсколько строкъ, такъ какъ завтра Воскресенье. Вотъ ея записка. Тамъ была Хомутова, которая тоже очень обрадовалась. А такъ какъ вслѣдъ затѣмъ пришелъ и Норовъ, то новость будетъ разглашена повсюду и, признаюсь, я предпочитаю, чтобы это было сдѣлано другими, а не нами: мы бы сумѣли хранить свою радость въ глубинѣ нашихъ сердецъ. По поводу этого имѣю столько сказать, что лучше подожду твоего возвращенія, чтобы излить передъ тобою свою душу. Все это настолько лестно, настолько счастливо и свободно отъ малѣйшаго облачка, что намъ остается только наслаждаться благодарностью къ Богу. Есть двѣ причины, которыя дѣлаютъ мою радость полною: во 1-хъ Императрица присоединяетъ свои милости къ милостямъ Государя, во 2-хъ милости Государя одинаково относятся какъ къ тебѣ, такъ и къ нашему дорогому Дишкѣ, и тѣ два слова, которыя онъ написалъ въ концѣ твоего письма, доставили намъ большое удовольствіе. Однимъ словомъ, 10 Марта для насъ здѣсь тоже чѣмъ было 7-е число для васъ въ Петербургѣ. Теперь на всѣхъ насъ лежитъ большая обязанность: явиться достойными столькихъ милостей, а вѣдь такъ легко любить монарховъ, какъ наши, помимо ихъ благоволенія къ намъ. Боже мой, да къ кому они не добры? Даже къ Полякамъ, къ этимъ негодяямъ, доставившимъ имъ столько огорченій взамѣнъ счастья, которое имъ было обезпечено.

Moscou, le 12 Mars 1834.

Знай нашихъ! Ай да Ольга! Письмо твое отъ 7-го до сихъ поръ сюжетъ всѣхъ нашихъ разговоровъ. Вчера ты не писала ко мнѣ, но такое письмо отвѣчаетъ, право, за дюжину обыкновенныхъ, т. е. дюжинныхъ писемъ. Il fallait entendre hier maman Calme prêcher Na-

dine, умора! Avec sa gravité et ses doigts qui cherchaient une prise de tabac dans la petite boîte d'or: «Déjà, Nadine, il n'y a rien à dire, Olga, Olga est le modèle de femme, elle est gentille, tourne toutes les têtes a Pétersbourg, se conduit à ravir, plait aux vieilles et aux jeunes gens... le Souverain même, le grand Nicolas est aimable avec elle.—Mais, maman, l'Empereur est un homme comme les autres.—Non, madame, non, il n'est pas un homme comme les autres, vous autres, vous autres là-bas aux Чистые Пруды *), vous ne comprenez pas que c'est l'Oint du Seigneur. que c'est notre Земной Богъ et que quand Il nous regarde seulement, nous devons nous croire honorés et heureux. N'ôtez pas ce mérite à Olga, voyez à son âge comme elle a su captiver tous le monde.—Mais, maman, on dirait que je ne connais pas Olga; vous savez si je l'aime tendrement, mais je ne sais si c'est agréable à son mari que sa femme soit si courtisée?—Oui, madame, cela est agréable à Дишка, et votre mari certes n'aura jamais ces sortes de désagrément; car vous, vous êtes trop heureuse quand il y a un Norof pour vous faire la cour, etc. Nadine ne savait pas si elle devait rire ou pleurer, et maman continuait: Voyez, m-lle Catherine, l'exemple que votre soeur vous donne; imitez-le, это уже не Léon P., не Додо et toutes ces soi-disantes sirènes. Dodo avec son grand esprit aurait fait 100/m. sotteries à la place d'Olga». etc. Je n'ai jamais vu la p-sse si en train; elle était si gaie, reprenait souvent sur la table votre lettre du 8 que je venais de lui apporter, et en lisait des passages. A présent il n'y a pas d'autres conversations que cela. Hier chez les Pachkoff madame Krouse arrive et croyait annoncer une nouveauté en disant: on m'écrit que l'Empereur a été faire une visite à la p-sse Olga. Знаемъ, знаемъ, dit la vieille Pachkoff и, несмотря на это, я увѣрена, что Ольга прiѣдетъ сюда и все также будетъ мила и ласкова, какъ бывала прежде. Je vous assure que je n'ai remarqué à personne la moindre marque d'envie; tout le monde se réjouit de tout ce qui vous arrive d'heureux et s'il y a exception à faire, vous serez étonnée quand je vous nommerai la seule «500 палокъ et ah! mon cher... mais je suis dans la crotte.!» Quand je lui ai parlé l'autre jour de votre bonheur du 7 Mars, la tante, pour toute réponse, me dit en changeant la conversation: vous savez que l'Empereur a été au bal d'Annette Alexandroff et qu'il a dansé avec elle une française?—Je lui ai dit que S. M. vous avait fait le même honneur aussi.—Elle se décida à me dire cependant: это конечно великое счастье, но лучше быть за кулисами et ne pas être exposé aux méchantes langues. — Je ne

*) Пашковы, владѣльцы Уральскихъ заводовъ, жили въ Москвѣ на Чистыхъ Прудахъ. Имъ принадлежала обширная усадьба, нынѣ Медицинскаго вѣдомства.

suis pas de votre avis, ma chère p-sse, car alors il faudrait végéter et ne pas vivre, pas aller à la guerre pour ne pas être tué, pas manger de peur des indigestions. Ici il n'y a pas pâture pour les méchante 5 langues, car les deux seuls individus qui auraient à redire, c'est le mari de l'une et la femme de l'autre; or, l'Impératrice appelle Olga *mon coeur* et la comble des bontés aussi; quant à mon beau-fils, il sait qu'il est aussi tendrement aimé par sa femme qu'il l'aime tendrement lui-même. Hier j'ai dîné chez les Bobrinsky, et Sophie paraît s'intéresser vivement à tout ce qui vous regarde; elle désirait beaucoup lire votre lettre, mais je me bornais à lui raconter le contenu en abrégé. J'ai beaucoup ri du cancan de Pétersbourg dont vous parlez à maman, cette dame qui disait qu'on ne peut aller chez vous et qu'on risquait trop de trouver chez vous l'Empereur ou le gr.-duc. Et le grand mal donc? Est-ce que ce sont des têtes de Méduse?

Nous sommes obsédés par les concerts. M-lle Carl a le courage de donner un 3-me concert; elle me l'a annoncé hier chez Sophie B. d'un air consterné, et je l'ai attrappée on ne peut pas mieux, car voyant son air piteux, je l'ai rassurai, lui rappellant que le concert avait lieu *à la demande générale*, car elle a mis ces mots dans l'affiche. Старая штука! Этого червячка ни одна рыбка клевать не станетъ. Elle m'a envoyé avec un billet sacré 25 billets à distribuer; je lui répondis que je doute de les placer, car il y a beaucoup de concerts sur le tapis et qu'on aime mieux ceux qui arrivent que ceux qui partent, qu'elle ne peut pas douter de ma bonne volonté, car je lui ai placé dans les autres concerts 70 billets. Это не шутка! Надоѣла мнѣ эта Нѣмочка, а я люблю, что она все колетъ мнѣ глаза Карадоршею.

Переводъ.

Москва, 12 Марта 1834.

Надо было слышать, какъ вчера маменька Calme читала проповѣдь Наденькѣ *). Умора! Съ ея важностью и пальцами, ищущими щепотку табаку въ маленькой золотой табакеркѣ: „Ужъ нечего, Наденька, и говорить; Ольга, Ольга образецъ женщины, она мила, всѣмъ въ Петербургѣ кружитъ голову, ведетъ себя восхитительно, нравится и старымъ, и молодымъ.... самъ Государь, великій Николай, милостивъ къ ней.—Но, маменька, Государь такой же человѣкъ, какъ и прочіе.—Нѣтъ, сударыня, нѣтъ; онъ не такой же человѣкъ какъ другіе, какъ вы, тамъ, на Чистыхъ Прудахъ; вы не понимаете, что это Помазанникъ, что это нашъ земной Богъ и что когда онъ на насъ только взглянетъ, мы должны считать себя удостоенными и счастливыми. Не отнимайте у Ольги этой заслуги; поглядите, какъ въ ея годы она сумѣла поко-

*) Т.-е. своей дочери, Надеждѣ Сергѣевнѣ Пашковой. П. Б.

рить всѣхъ.—Но, маменька, можно подумать, что я не знаю Ольгу; вамъ извѣстно, какъ нѣжно я ее люблю; но я не знаю, пріятно ли ея мужу, что за его женой такъ ухаживаютъ.—Да, сударыня, это пріятно Дишкѣ, а у твоего мужа, конечно, никогда не будетъ такого рода непріятностей; потому что ты, ты слишкомъ счастлива, когда имѣется какой-нибудь Норовъ чтобъ ухаживать за тобой, и т. д. Наденька не знала, слѣдуетъ ли ей смѣяться или плакать, а маменька продолжала: „Посмотри, Катенька, какой примѣръ подаетъ тебѣ твоя сестра, слѣдуй ему, ужъ это не Левъ П., не Додо и всѣ эти такъ называемыя сирены; Додо, при своемъ великомъ умѣ, надѣлала бы 100 т. глупостей на Ольгиномъ мѣстѣ“ и т. д.. Я никогда не видѣлъ княгиню въ такомъ настроеніи; она была такъ весела, часто брала со стола твое письмо отъ 8 числа, которое я только что ей привезъ, и читала изъ него отрывки. Теперь нѣтъ другихъ разговоровъ кромѣ этого. Вчера, у Пашковыхъ, пріѣзжаетъ Крузе и думала объявить новость, говоря: мнѣ пишутъ, что Государь пріѣзжалъ навѣстить Ольгу. „Знаемъ, знаемъ, сказала старуха Пашкова и, не смотря на это, я увѣрена, что Ольга пріѣдетъ сюда и все также будетъ мила и ласкова, какъ бывала прежде“. Увѣряю тебя, что я ни въ комъ не замѣтилъ ни малѣйшаго признака зависти; всѣ радуются каждому счастью, выпадающему на твою долю и если приходится дѣлать исключеніе, ты будешь удивлена, когда я назову тебѣ единственную 500 палокъ и ахъ, мой милый... но вѣдь я въ грязи! Когда я ей говорилъ на дняхъ о твоемъ счастьи 7-го Марта, тетка, вмѣсто всякого отвѣта, сказала мнѣ, перемѣнивъ разговоръ: вы знаете, что Государь былъ на балу у Анеты Александровой и что онъ танцовалъ съ нею Французскую?—Я сказалъ ей, что Е. В. оказалъ туже честь и тебѣ. Она рѣшилась сказать мнѣ однакожъ: это, конечно, великое счастье, но лучше быть за кулисами и не подвергаться злословію.—Я съ вами не согласенъ, княгиня, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы прозябать, а не жить, не идти на войну, чтобы не быть убитымъ, не ѣсть изъ страха несваренія желудка. Въ данномъ случаѣ нѣтъ пищи злымъ языкамъ, такъ какъ единственныя два лица, которыя могли бы упрекать, это мужъ одной и жена другого; но Императрица называетъ Ольгу „сердце мое“ и тоже осыпаетъ ее милостями; что касается моего зятя, онъ знаетъ, что такъ же нѣжно любимъ своей женой, какъ самъ нѣжно ее любитъ. Вчера я обѣдалъ у Бобринскихъ. Софи, кажется, живо интересуется всѣмъ, что тебя касается; ей очень хотѣлось прочесть твое письмо, но я ограничился разсказомъ содержанія его вкратцѣ. Я много смѣялся сплетнѣ въ Петербургѣ, о которой ты пишешь маменькѣ, о дамѣ, говорившей, что къ тебѣ нельзя ѣздить и что слишкомъ рискуешь встрѣтить у тебя Государя или вел. князя. Да что же за бѣда? Развѣ это головы Медузы? Намъ надоѣдаютъ концерты. M-elle Карль имѣетъ храбрость давать 3-й концертъ; она сообщила мнѣ это вчера у Софи Б. печальнымъ тономъ, и я поймалъ ее какъ нельзя лучше: видя ея кислое лицо, я ее ободрялъ, напомнивъ, что концертъ назначенъ „по общей просьбѣ„, такъ какъ она помѣстила эти слова на афишѣ. Старая штука! Этого червячка ни одна рыбка клевать не станетъ. Она прислала мнѣ при почетномъ билетѣ 25 билетовъ для раздачи; я отвѣтилъ ей, что сомнѣваюсь раздать ихъ, такъ какъ предлагается много концертовъ, а пріѣзжающихъ предпочитаютъ уѣзжающимъ, и что она не можетъ сомнѣваться въ моемъ усердіи, такъ какъ я роздалъ ей на остальные концерты 70 билетовъ. Это не шутка!

ЗАПИСКА О ГЕНЕРАЛѢ-ФЕЛЬДМАРШАЛѢ КНЯЗѢ ПЕТРѢ ХРИСТІАНОВИЧѢ ВИТГЕНШТЕЙНѢ.

Составилъ П. Л. Пуцилло.

Въ 1839 г., въ бытность мою городничимъ въ г. Переяславлѣ, Полтавской губерніи, прибылъ туда повѣренный князя Льва Петровича Витгенштейна. Этому повѣренному поручено было отыскать и купить мѣсто погребенія бабки его свѣтлости, матери генералъ-фельдмаршала князя Петра Христіановича, графини Амаліи Людовики Витгенштейнъ. Повѣренный, по многимъ мѣстнымъ причинамъ, не имѣлъ успѣха. Главнѣйшимъ препятствіемъ было то, что мѣсто могилы гр. Витгенштейнъ въ точности было неизвѣстно. Повѣренный поручилъ мнѣ, отъ имени князя Петра и всей его фамиліи, принять мѣры къ отысканію могилы и къ соглашенію домохозяевъ продать мѣста, могущія оказаться нужными для устройства предполагаемаго памятника (и вокругъ него сада) надъ прахомъ усопшей.

Съ того времени, начались мои письменныя сношенія съ покойнымъ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ, который убѣдительно просилъ меня помочь ему исполнить, какъ онъ выразился, священный и послѣдній долгъ своей жизни, т. е. найти въ Переяславлѣ мѣсто погребенія его матери. Я началъ отыскивать въ мѣстныхъ архивахъ все касающееся фамиліи Витгенштейновъ, прислушивался къ народнымъ преданіямъ и, наконецъ, черезъ два года нашелъ въ землѣ подъ угломъ дома купчихи Чишехиной кирпичный склепъ. Когда съ онаго была снята земля, тогда нѣсколько обвалившихся кирпичей дали возможность увидѣть трупъ съ волосами на головѣ, зачесанными вверхъ, съ большими буклями и съ остатками женской одежды, изъ шелковой матеріи. У ногъ же усопшей, видны были останки младенца, двухъ или трехлѣтняго возраста. Сообразивъ показанія хозяевъ этого дома съ старымъ планомъ города, гдѣ значился графскій домъ, нельзя было сомнѣваться, что найденный склепъ заключалъ въ себѣ покойную графиню Витгенштейнъ. Я поспѣшилъ довести до свѣдѣнія сына о найденной могилѣ его матери.

Теперь, для полноты моихъ записокъ, нужно описать предшествовавшія сему обстоятельства. Я слишкомъ чту память фельдмаршала

*17

Витгенштейна, какъ человѣка, прославившаго доблестями своими Россію, чтобы могъ позволить себѣ, хотя однимъ словомъ, нарушить строгую истину. Все, здѣсь описанное, основано на томъ, что я дѣйствительно видѣлъ и слышалъ. Я пишу эту записку какъ умѣю и, разумѣется, ни для кого другого, какъ только для себя и своихъ дѣтей и, особенно, для того изъ нихъ, который бы душою и сердцемъ былъ способенъ оцѣнить счастіе своего отца, удостоеннаго личнымъ вниманіемъ человѣка, украсившаго свой вѣкъ.

Его свѣтлость князь П. Х. Витгенштейнъ былъ сынъ генералъ-поручика Россійской службы Христіана Людовика графа Витгенштейна, женатаго на Амаліи Людовикѣ, урожденной графинѣ Финкенштейнъ. Отъ этого брака было у нихъ три сына и одна дочь. Когда графъ, командуя пѣхотною дивизіею, квартировалъ въ г. Нѣжинѣ, въ 1768 г., родился у него второй сынъ Петръ (впослѣдствіи князь и генералъ-фельдмаршалъ). Въ этомъ же году, по распоряженію главнокомандующаго Дунайскою арміею, гр. Румянцева, дивизіонная квартира была переведена въ г. Переяславль, куда и переѣхалъ гр. Витгенштейнъ съ своимъ семействомъ. Переяславль, хотя и былъ значителенъ по населенію, но очень бѣденъ хорошими зданіями и потому гр. Хр. Витгенштейнъ, чтобъ доставить своему семейству болѣе удобствъ, купилъ небольшой домъ съ довольно обширнымъ садомъ, внутри города, возлѣ церкви Св. Николая (нынѣ не существующей) и съ того времени домъ этотъ въ народѣ получилъ названіе графскаго дома. Гр. Румянцевъ жилъ въ то время въ своемъ имѣніи, въ селѣ Ташàни, отстоящемъ отъ Переяславля на 30 верстъ. Такое сосѣдство дало возможность сближенія и послужило къ тѣсной дружбѣ. Въ 1771 году война съ Турками увлекла гр. Хр. Витгенштейна отъ семейства. Онъ уѣхалъ въ армію, оставивъ старшаго сына 12 лѣтъ, будущаго фельдмаршала 4-хъ лѣтъ, меньшаго 3-хъ и жену беременную дочерью (впослѣдствіи графинею Келлеръ). Черезъ нѣсколько времени, когда графиня Витгенштейнъ еще не оправилась послѣ родовъ, вспыхнулъ въ Переяславлѣ пожаръ, уничтожившій $^5/_6$ частей города, въ томъ числѣ церковь Св. Николая и домъ графа. Графиня, въ страшномъ испугѣ, едва могла спасти новорожденную дочь и четырехлѣтняго сына Петра. Другіе два сына были обязаны своимъ спасеніемъ карлѣ, по имени Ивану, любимцу графа Румянцева, котораго онъ оставилъ графинѣ въ пѣстуны для ея дѣтей.

Болѣзнь графини, сильный испугъ и простуда, во время Декабрьской ночи, убили ее на другой день послѣ пожара. Дѣти рыдали надъ умершей матерью. Изъ нихъ, трехлѣтній сынъ не пережилъ этой потери, и одинъ гробъ вмѣстилъ и мать, и сына. Осиротѣлыя дѣти остались на попеченіи усерднаго карлы, который, пріютивъ ихъ кое-какъ,

поѣхалъ въ Кіевъ, чтобъ о случившемся несчастіи дать знать княжнѣ Ливенъ, которая немедленно пріѣхала въ Переяславль и похоронила умершую графиню съ сыномъ въ саду сгорѣвшаго дома. (Покойная графиня была евангелическаго вѣроисповѣданія). Остальныхъ же дѣтей княжна Ливенъ взяла съ собой въ Кіевъ *). Съ того времени, въ Переяславлѣ память о фамиліи гр. Витгенштейна почти исчезла, и пепелище дома, съ останками матери и сына, было въ народѣ забыто, садъ уничтоженъ и мѣсто застроено. Въ 1812 г. славные подвиги графа Петра Христіановича пробудили въ Переяславлѣ преданіе объ этомъ семействѣ. Бросились отыскивать мѣста бывшаго жительства и погребенія матери нашего героя и едва нашли дряхлую старушку (бывшую кормилицу дочери графини Витгенштейнъ) которая указала мѣсто графскаго дома, пріобрѣтенное жителями по праву давности и уже застроенное. Въ проѣздъ графа Витгенштейна черезъ Переяславль въ 1815 г., кормилица эта еще существовала и, хотя ея показанія были довольно сбивчивы, но Переяславское дворянство, изъ признательности къ подвигамъ графа въ Отечественную войну, испросило у него позволеніе устроить на указанномъ мѣстѣ памятникъ его матери. Упрямство завладѣвшаго тѣмъ мѣстомъ обывателя и неопредѣленность мѣста самой могилы, повидимому, были причиною, что усердіе дворянъ не осуществилось. Между тѣмъ, гр. П. Х. Витгенштейнъ долгое время оставался въ томъ убѣжденіи, что священное для него мѣсто въ Переяславлѣ ознаменовано приличнымъ памятникомъ, и только въ 1834 г., проѣзжая черезъ Переяславль, онъ узналъ, что на мѣстѣ погребенія его матери нѣтъ и не было никакого памятника. Съ этого времени фельдмаршала занимала мысль (какъ онъ выражался) исполнить священнѣйшій и послѣдній свой долгъ: отыскать могилу своей матери.

Богу было угодно употребить мое усердіе для исполненія желанія фельдмаршала. Я не могу безъ слезъ читать выраженія благодарности этого старца-героя за мои посильные труды. Съ этого времени князь поручилъ мнѣ войти въ переписку съ полковникомъ Могучимъ (жившимъ въ Вильнѣ) на счетъ памятника, отлитаго въ Берлинѣ и о доставкѣ онаго въ Переяславль. Я имѣлъ честь угодить его свѣтлости покупкою мѣста, гдѣ покоится прахъ его матери и сосѣднихъ съ онымъ мѣстъ, для устройства вокругъ памятника сада, по плану отъ него ко мнѣ присланному. Когда все это было мною устроено и о томъ доведено до свѣдѣнія князя, то, осенью 1841 года я имѣлъ честь по-

*) Овдовѣвшій графъ Христіанъ Витгенштейнъ женился на вдовѣ графа Бестужева, урожденной княжнѣ Долгорукой, родственница которой была за президентомъ Военной Коллегіи графомъ Н. И. Салтыковымъ; тутъ онъ вполнѣ обрусѣлъ. П. Б.

лучить отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня о скоромъ своемъ прибытіи въ Переяславль, для установки памятника. Но вскорѣ затѣмъ, онъ вновь писалъ, что вывихъ бедра лѣвой ноги повергъ его на долгое время въ постель. Страданія заставили больного князя, весною 1842 г., отправиться за границу къ минеральнымъ водамъ. Отъѣзжая туда, онъ писалъ ко мнѣ, чтобы привезенный въ Переяславль памятникъ не вынимать изъ ящиковъ до его возвращенія, потому что, если здоровье позволитъ, онъ намѣренъ самъ пріѣхать въ Переяславль.

Получая извѣстія о худомъ успѣхѣ въ исцѣленіи его свѣтлости, я никакъ не могъ предполагать, чтобъ онъ, при такомъ разстроенномъ здоровьи и маститой старости, могъ рѣшиться на поѣздку изъ мѣстечка Каменки (постояннаго его пребыванія) за 500 верстъ въ Переяславль. Но 28 Марта 1843 г., къ крайнему моему изумленію и вмѣстѣ и удовольствію, я имѣлъ честь получить отъ князя письмо съ дороги, черезъ передового, о прибытіи его 30 того же мѣсяца въ Переяславль, для устройства памятника; словесно онъ приказалъ передовымъ своимъ просить меня о назначеніи ему квартиры у меня въ домѣ. Не смотря на всѣ затрудненія отъ недостатка средствъ въ маленькомъ городѣ, приготовлено было мною все, что только нужно было для устройства памятника. Памятникъ былъ вынутъ изъ ящиковъ, при архитекторѣ князя, пріѣхавшемъ съ передовыми, мѣсто очищено и земля для фундамента вырыта. 30 Марта, въ 5 часовъ пополудня, я имѣлъ честь встрѣтить фельдмаршала на Полтавской заставѣ города. По принятіи его свѣтлостію рапорта о благосостояніи города, первымъ его словомъ была благодарность мнѣ за принятый мною трудъ и исполненіе его порученій. Потомъ, спросивъ о прибытіи передовыхъ и архитектора, онъ просилъ меня проводить его въ квартиру. Когда подъѣхали къ моему дому и князь выходилъ изъ кареты, я, замѣтивъ его слабость, поддержалъ его подъ руку. Поблагодаря снисходительно за мою услужливость, онъ изъявилъ скорбь о своей болѣзни, словами: «Вы видите, какой я калѣка!» И, дѣйствительно, нельзя было видѣть безъ живѣйшей скорби, какого стоило труда маститому страдальцу садиться въ экипажъ или выходить изъ онаго: каждое движеніе ноги сопровождалось невольнымъ стономъ, обличавшимъ его страданія. Вошедъ въ комнаты, онъ разспрашивалъ у меня со всею подробностію о памятникѣ и скупленныхъ для онаго мѣстахъ и о предположенной на другой день церемоніи для освященія мѣста. Но какъ архитекторъ объявилъ фельдмаршалу о порчѣ средней части монумента, происшедшей отъ перевозки, то это крайне огорчило его свѣтлость, такъ что онъ рѣшилъ этотъ памятникъ отослать въ Каменку, и другой такой же отлить въ Берлинѣ. Затѣмъ, представлялся фельдмаршалу съ своими ординарцами

командиръ 4-го саперпаго баталіона, полковникъ Майдель 1-й; онъ ласково поговорилъ о причинѣ своего пріѣзда и, похваливъ ординарцевъ, отпустилъ ихъ.

Потомъ фельдмаршалъ почувствовалъ себя ослабѣвшимъ отъ дороги и потому никто уже его не безпокоилъ. Откушавъ обѣдъ изъ немногихъ простыхъ блюдъ и нѣсколько отдохнувъ, его свѣтлость призвалъ меня и своего архитектора и совѣщался на счетъ памятника. Я тотчасъ призвалъ мастеровыхъ, которые увѣряли, что къ завтрашнему утру могутъ запаять трещины такъ прочно, что нельзя будетъ замѣтить порчи. Хотя этому и можно было повѣрить, потому что памятникъ, отлитый изъ шпіалтера, удобенъ былъ къ пайкѣ, но, все еще не довѣряя ихъ искусству, я не рѣшился обнадежить его свѣтлость въ удачномъ исправленіи и почелъ за лучшее о производимой работѣ умолчать до завтрашняго утра. Но какъ памятникъ, кромѣ порчи, не могъ быть установленъ еще и потому, что нужна была сперва вокругъ онаго ограда, то фельдмаршалъ рѣшилъ на другой день осмотрѣть оный и сдѣлать на мѣстѣ обрядъ заложенія, для чего и приказалъ мнѣ распорядиться приготовленіемъ церемоніи къ 10-ти часамъ утра, окончательную же установку памятника на мѣстѣ и освященіе онаго отложилъ до слѣдующей весны и потомъ, проговоривъ со мною до 11 час. вечера, отпустилъ меня; затѣмъ, походивъ, съ палкою въ рукахъ, нѣсколько времени по комнатѣ, легъ почивать.

Я распорядился приготовить церемонію для предполагаемаго обряда и употребилъ всевозможныя усилія къ поощренію мастеровыхъ задѣлать трещины въ памятникѣ. Всю ночь нѣсколько человѣкъ работали надъ починкою. Стѣны памятника они сперва плотно стянули желѣзными штамбами и потомъ такъ искусно запаяли трещины и закрасили, что и слѣда порчи не осталось. На разсвѣтѣ памятникъ совершенно былъ готовъ и установленъ во всю высоту.

Фельдмаршалъ, переночевавъ покойно, на другой день проснулся въ 7 часу утра и укорялъ себя въ долгомъ снѣ, приписывая причину онаго камердинеру своему, не озаботившемуся ранѣе открыть окна въ домѣ. Когда князь напился чаю и одѣлся въ сюртукъ съ фельдмаршальскими эполетами (безъ всякихъ, впрочемъ орденовъ), то я имѣлъ честь рапортовать ему о благосостояніи города и, при докладѣ моемъ, что уѣздные чиновники и граждане желаютъ имѣть счастіе представиться его свѣтлости, онъ изъявилъ согласіе принять ихъ и немедленно вышелъ въ залъ, ласково всѣхъ привѣтствовалъ и, принявъ хлѣбъ-соль отъ обывателей, разсказывалъ, что отецъ его, командуя дивизіей, нѣкогда жилъ въ Переяславлѣ и, оставивъ здѣсь свою семью, отправился въ 1771 г. на войну съ Турками, имѣлъ несчастіе лишиться

жены, которая въ его отсутствіе умерла здѣсь и погребена, оставивъ его фельдмаршала сиротою на 4-мъ году и сестру его еще на рукахъ кормилицы. Нынѣ, желая ознаменовать мѣсто погребенія своей матери, онъ пріѣхалъ нарочно въ Переяславль для постановленія памятника надъ ея останками. Гражданъ онъ распрашивалъ объ ихъ промыслахъ и торговлѣ и, поговоривъ еще нѣсколько времени съ посѣтителями, отпустилъ ихъ.

Послѣ сего я поднесъ его свѣтлости на разсмотрѣніе свинцовую доску для положенія въ основаніе памятника, съ слѣдующею надписью: «1843 года Марта 31-го дня, въ благословенное царствованіе Самодержца Всероссійскаго Государя Императора Николая Павловича, воздвигнутъ памятникъ этотъ его свѣтлостію генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Петромъ Витгенштейнъ надъ прахомъ матери своей, урожденной графини Амаліи-Людовики Финкенштейнъ, скончавшейся въ г. Переяславлѣ 1771 г., на 31 году отъ рожденія. Основной камень памятника сего положенъ своеручно самимъ фельдмаршаломъ».

Его свѣтлость остался очень доволенъ надписью и приказалъ заплатить мастеру за рѣзьбу что̀ слѣдуетъ, на это и другія издержки вручилъ мнѣ 500 рубл. ассигнаціями и, потомъ, жалуясь на несчастіе, постигшее его отъ вывиха ноги, просилъ меня для поѣздки къ памятнику и къ мѣсту церемоніи найти экипажъ пониже и, когда я доложилъ, что такой экипажъ уже готовъ, то его свѣтлость, вышедъ изъ дома, сѣлъ на небольшія дрожки и, въ сопровожденіи моемъ, отправился сперва къ мѣсту храненія памятника. Осмотрѣвъ оный во всѣхъ подробностяхъ и оставшись доволенъ красотою модели и работою, крайне обрадовался прочной и искусной починкѣ, благодарилъ меня въ живѣйшихъ выраженіяхъ и тутъ же рѣшилъ, что памятникъ этотъ можетъ оставаться безъ замѣны его другимъ. Оттуда мы поѣхали къ мѣсту церемоніи, гдѣ ожидали уже прибытія князя духовенство, военные и гражданскіе чины, цеховые и народъ. Погода была пасмурная и довольно холодная; фельдмаршалъ, въ продолженіе всей церемоніи, не хотѣлъ надѣвать шинели и оставался въ одномъ сюртукѣ, а также на предложенное кресло не садился, а спросилъ только дозволенія у духовенства, по слабости своего здоровья, быть съ покрытою головою; но, при провозглашеніи имени Августѣйшаго Государя, всякій разъ обнажалъ голову и только, послѣ неоднократныхъ съ моей стороны просьбъ, согласился, къ концу церемоніи, надѣть шинель. Когда архимандритъ, отправлявшій святой обрядъ, взялъ крестъ, а я свинцовую доску, назначенную къ положенію въ основаніе, и начали спускаться въ глубину вырытой для фундамента земли, то его свѣтлость, остановившись на краю довольно глубокаго рва, сказалъ съ чувствомъ: «и я

бы желалъ опуститься, но не въ силахъ». Потомъ, снявъ съ себя шинель и поддерживаемый, сошелъ съ тяжкимъ усиліемъ, по подмосткамъ, къ основному камню, и такъ какъ свинцовая доска была довольно тяжела, то при пособіи моемъ положена была фельдмаршаломъ собственноручно въ впадину камня и прикрыта основнымъ же камнемъ. Слеза, капнувшая изъ его померкшихъ глазъ, упала мнѣ на руку и, скатившись на основной камень, посвящена была нѣжностію маститаго сына памяти своей матери. Потомъ подана ему была лопатка съ приготовленною известью, для задѣлки заложеннаго основанія, которую князь бросилъ по обряду на камень. Всѣ эти напряженія истощили его слабыя силы, и онъ, едва разогнувши поясницу, сказалъ: «я усталъ и больше не могу; продолжай за меня». Послѣ сихъ словъ, князь, съ величайшимъ трудомъ и то при пособіи другихъ, вышелъ опять на верхъ. По окончаніи водосвятія, поднесенъ былъ его свѣтлости крестъ, къ которому онъ приложился и принялъ святую воду на обнаженное свое чело. Не только нельзя описать, но даже и вообразить всей трогательности совершившагося обряда, при видя старца-героя, въ коемъ уже угасала жизнь, со слезами на глазахъ преклоняющагося у гроба матери своей. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ множества собравшагося здѣсь народа едва ли кто оставался равнодушнымъ. Дѣти поучались любить и почитать своихъ родителей, отцы и матери молились быть достойными подобной любви отъ своихъ дѣтей! По окончаніи святого обряда, когда народъ удалился, его свѣтлость пожелалъ взглянуть на останки своей матери и, грустно покачавши головою, сказалъ мнѣ: «закрой, чтобъ никто не могъ прикасаться», что̀ въ тоже мгновеніе и было исполнено.

Затѣмъ приступлено было къ планировкѣ деревянной ограды вокругъ основанія, по указанію самого фельдмаршала, и по разбитіи мѣста для сада, онъ отправился въ свою квартиру, гдѣ до самаго обѣда изволилъ распоряжаться и отдавать мнѣ разныя приказанія на счетъ устройства памятника и разведенія вокругъ него сада. Въ это же время фельдмаршалъ повѣрялъ разные счета расходовъ мною сдѣланныхъ на высланныя ко мнѣ суммы. Всѣмъ этимъ оставшись совершенно доволенъ, онъ былъ очень радъ исполненію своего обѣта. Потомъ, когда настало время обѣда, онъ сказалъ: «я бы тебя оставилъ у себя обѣдать, но я такъ мало ѣмъ, что тебѣ будетъ скучно со мною; иди къ своей семьѣ». Во время стола его свѣтлость прислалъ мнѣ съ своимъ камердинеромъ стаканъ вина, съ предложеніемъ отвѣдать произведенія виноградныхъ лозъ, разведенныхъ въ его имѣніи, въ мѣстечкѣ Каменкѣ, Подольской губерніи.

Здѣсь не могу умолчать о случаѣ, касавшемся счастія моего

семейства. Пріѣздъ кн. Витгенштейна былъ для меня какъ посѣщеніе Ангела-Хранителя! Жена моя имѣла привычку работать въ пяльцахъ, въ дѣтской комнатѣ, и преимущественно усвоила себѣ мѣсто подлѣ колыбели малолѣтней нашей дочери. Когда фельдмаршалъ поѣхалъ къ мѣсту освященія памятника, то жена моя, оставивъ пяльцы, также отправилась съ дѣтьми, чтобы быть при обрядѣ освященія. По окончаніи церемоніи, она возвратилась въ домъ, и лишь только вошла въ переднюю комнату, какъ услышала въ дѣтской ужасный стукъ; входитъ туда и видитъ, что̀ толстый слой штукатурки обрушился съ потолка съ такою силою, что пяльцы, стулъ, на которомъ жена сидѣла, и колыбель дочери, разбиты на нѣсколько частей, упавшею съ потолка штукатуркою. Первымъ дѣломъ была благодарная молитва Господу Богу за видимое спасеніе, которое Онъ послалъ намъ въ лицѣ нашего гостя: потому что, еслибы жена осталась, по обыкновенію, на этомъ мѣстѣ за работою, то несомнѣнно была бы убита.

Послѣ обѣда дорогой мой гость, по кратковременномъ отдыхѣ, потребовалъ меня къ себѣ, угощалъ чаемъ и до 12-ти ч. ночи удостоилъ меня весьма ласковымъ разговоромъ. Ростъ его казался 2 арш. 8½ в., но можно было полагать, что въ лѣта болѣе цвѣтущія онъ былъ гораздо выше; при худобѣ своего тѣла, кости имѣлъ довольно широкія, такъ что вообще казался плотнымъ, хотя отъ старости согнувшимся и въ корпусѣ нѣсколько искривленнымъ. На головѣ, совершенно почти обнаженной, оставалось нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Усы онъ носилъ подстриженные и весьма небольшіе; лицо было преисполнено умомъ и добротою; голубые глаза по временамъ отсвѣчивались еще жизнію молодости. Звукъ голоса въ обыкновенномъ разговорѣ имѣлъ тихій и нѣжный; но голосъ этотъ, возвышаясь, безъ видимаго усилія, дѣлался довольно громкимъ. Изъ всѣхъ людей, встрѣчавшихся мнѣ въ жизни и примѣчательныхъ по своимъ дѣяніямъ, фельдмаршалъ Витгенштейнъ былъ неподражаемъ выраженіемъ необычной доброты въ лицѣ и способомъ своей рѣчи. Обладая прекраснымъ выговоромъ Русскаго языка, онъ въ лѣтахъ позднихъ сохранилъ искусство передавать въ краткихъ выраженіяхъ очень много, такъ что ни одно слово въ его разсказѣ не дѣлалось пустымъ звукомъ, но заключало въ себѣ всю силу того, что̀ онъ хотѣлъ выразить. Изъ разнообразныхъ сужденій и разсказовъ его я могъ сдѣлать слѣдующій выводъ. Фельдмаршалъ ума обширнаго, соображенія быстраго; обдумавъ и рѣшившись, онъ исполняетъ предпринятое осторожно и неизмѣнно. Кромѣ того, въ немъ видно систематическое образованіе въ юности и постоянное слѣдованіе разума съ вѣкомъ и духомъ времени. О свойствахъ же его души и сердца новаго ничего не могу прибавить. Правдивая исторія, признательность отече-

ства и монарховъ Европы высказываютъ ясно объ этой могучей душѣ, а тысячи подчиненныхъ объ его прекрасномъ сердцѣ. Фельдмаршалъ былъ строгъ только къ себѣ, а къ другимъ снисходителенъ, бережливъ, но безкорыстенъ какъ Цинциннатъ. Въ прекрасномъ его характерѣ замѣчательна была черта наивной скромности и простодушія; онъ до конца своей жизни какъ будто не довѣрялъ важности своихъ заслугъ, принесеннымъ имъ на алтарь отечества. Жену и дѣтей своихъ онъ обожалъ, о внучатахъ говорилъ съ восторгомъ; съ удовольствіемъ разсказывалъ о своей Каменкѣ и требовалъ, чтобы я ее посѣтилъ, хотя бы и послѣ его смерти. Вообще замѣчено, что съ разрушеніемъ силъ физическихъ гаснутъ въ насъ способности душевныя; но въ фельдмаршалѣ встрѣтилъ я противное. Память его меня изумляла, и я долженъ признаться, что, составляя эту записку, не сознаю въ себѣ силы памяти, чтобы передать все то, что́ было передано мнѣ 75-ти лѣтнимъ старцемъ. Жизнь его слишкомъ обильна историческими событіями, въ которыхъ онъ игралъ такую блистательную роль, что слушавшій его невольно поражался удивленіемъ къ правильности, ясности и краткости разсказа. Онъ помнилъ годъ и число, имена и фамиліи лицъ и названія мѣстъ такъ правильно, что, слушая его, но не видя, можно полагать, что онъ читаетъ изъ книги, а не разсказываетъ событія, отъ которыхъ отдѣляютъ насъ десятки лѣтъ. При воспоминаніи о быломъ, я не замѣтилъ, чтобы онъ ошибся, или, забывшись, припоминалъ бы обстоятельства, входящія въ разсказъ. Въ заключеніе могу даже сказать, что фельдмаршалъ, независимо отъ блистательныхъ свойствъ разума и сердца, долженъ стоять на ряду съ величайшими людьми своего вѣка еще и потому, что онъ всталъ на высоту славы безо всякихъ вспомогательныхъ условій и случайностей.

На третій день пріѣзда фельдмаршала въ Переяславль, т.-е. 1-го Апрѣля, по приказанію его все было готово къ отъѣзду. Въ послѣдній разъ явился я съ рапортомъ къ фельдмаршалу и, Бога знаетъ, не былъ ли это послѣдній отголосокъ столь знаменитаго служебнаго поприща: черезъ мѣсяцъ, этотъ великій человѣкъ уже не существовалъ, и славное имя его сдѣлалось достояніемъ исторіи. Съ опасеніемъ видя упадокъ здоровья въ безцѣнномъ моемъ гостѣ, я долженъ былъ, на всякій случай, многое повергнуть на рѣшеніе его свѣтлости для окончательнаго устройства памятника.

Посему я спѣшилъ пользоваться немногими минутами пребыванія его въ Переяславлѣ. Всѣ мои вопросы разрѣшалъ онъ ясно и опредѣленно. Грустно было слышать это изустное завѣщаніе. Онъ, между прочимъ, говорилъ: «Я чувствую себя видимо слабѣющимъ; похоже, что я не доживу до слѣдующей весны; совѣтуютъ, чтобы я ѣхалъ за-

границу на воды, но едва ли эти воды или что-нибудь мнѣ поможетъ. Я бы еще могъ довольно прожить, если бъ не эта нога. Благодарю Бога, я счастливъ. Императоръ помнитъ мои заслуги, отечество, можетъ, тоже не забыло; не богатъ я, но, по милости Бога и Государя, съ меня довольно. Моя княгиня, слава Богу, здорова, дѣти меня любятъ, я ихъ всѣхъ тоже люблю. Кажется, почему бы не пожить, но что же дѣлать. Видно, такъ Богу угодно». Все это высказывалось съ ангельскимъ выраженіемъ лица и пріятнымъ меланхолическимъ голосомъ. Онъ еще говорилъ: «Въ случаѣ моей смерти, прошу тебя сдѣлать такъ, какъ я показалъ и разсказалъ. Въ нуждахъ относись къ моей женѣ, но, какъ она стара, то пиши князю Льву Петровичу, а болѣе всего пиши къ княгинѣ Трубецкой. Я уже разсказывалъ тебѣ, какъ она добра и какъ меня любитъ. Впрочемъ, во всѣхъ случаяхъ твоей жизни, относись къ моимъ дѣтямъ: изъ любви ко мнѣ и за любовь мою къ нимъ они должны и тебя полюбить. Ты для всѣхъ насъ сдѣлалъ столь важную услугу, что мы должны считать тебя близкимъ членомъ нашей фамиліи».

Зная, какъ пріятенъ его свѣтлости всякій предметъ, напоминающій объ его родительницѣ, я поднесъ ему планъ города Переяславля въ томъ же видѣ, въ какомъ городъ былъ до пожара 1771 г. и гдѣ значился и домъ гр. Витгенштейна. Фельдмаршалъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ этотъ планъ и, сравнивъ его съ планомъ настоящаго времени, еще болѣе убѣдился, что памятникъ основанъ дѣйствительно на томъ мѣстѣ, гдѣ были домъ его отца и могила матери. Послѣ того я предложилъ ему принять тутъ же поднесенный кирпичъ, вынутый мною для сего съ изголовья останковъ его матери. Я не ожидалъ, до какой степени это тронетъ князя. Онъ взялъ дрожащими руками этотъ кирпичъ, говоря: «этотъ камень будетъ изголовьемъ моего гроба», поцѣловалъ его и заплакалъ. Онъ обнялъ меня и, коснувшись устами моей головы, сказалъ: «Спасибо тебѣ, мой милый, за этотъ даръ, спасибо! Кто тебя научилъ такъ угодить моему сердцу?» Потомъ, когда выходилъ изъ дому и садился въ экипажъ, то своими руками вынесъ кирпичъ и положилъ его въ карету, подлѣ себя. Когда все было готово къ выѣзду, его свѣтлости угодно было видѣть мое семейство. Лишь только вошла моя жена, то онъ поцѣловалъ у нея руку и благодарилъ за спокойный и радушный пріемъ въ нашемъ домѣ. Смотря на толпу маленькихъ моихъ дѣтей, онъ спросилъ, сколько всѣхъ ихъ и на отвѣтъ, что ихъ семь человѣкъ, сказалъ: «Вы люди молодые, у васъ могутъ быть еще дѣти, но не огорчайтесь; это грѣшно. Богъ на каждаго пошлетъ. Вотъ и у моей княгини Трубецкой 9-ть дѣтей, но она такая добрая, что не тяготится числомъ имъ». За этимъ, обра-

щаясь къ женѣ моей, сказалъ: «Я говорилъ вашему мужу о многомъ, говорилъ ему и о моей дочери княгинѣ Трубецкой. Богъ дастъ, можетъ быть, вы будете жить близко, любите ее; она добра и полюбитъ васъ взаимно». Тутъ, подозвавъ старшаго сына моего Вячеслава, благословилъ его, положилъ руку на его младенческую голову и, поцѣловавъ, сказалъ: «пусть мое благословеніе и этотъ поцѣлуй принесутъ тебѣ счастіе въ жизни». Жена моя, бывъ тронута этимъ, заплакала, но, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе своихъ слезъ, начала говорить о надеждѣ своей имѣть счастіе, на слѣдующій годъ, видѣть его свѣтлость у себя, на что князь отвѣчалъ: «Если буду живъ, то непремѣнно пріѣду для освященія памятника, въ противномъ случаѣ, будутъ у васъ мои дѣти. За княгиню Трубецкую ручаюсь, что пріѣдетъ». Затѣмъ, поднявшись съ дивана, еще поблагодарилъ хозяйку дома за гостепріимство и, поцѣловавъ руку, простился. Но какъ въ 6-ти верстахъ отъ Переяславля нужно было переѣзжать черезъ Днѣпръ, то, не смотря на сдѣланныя мною предварительныя распоряженія о безопасности этой переправы, я долгомъ счелъ проводить дорогого нашего гостя и когда пріѣхали къ берегу рѣки и экипажъ былъ поставленъ на паромъ, то его свѣтлость, еще разъ повторивъ свои просьбы объ окончаніи устройства памятника, сказалъ: «Помни, буду живъ—пріѣду самъ; умру—пріѣдутъ мои дѣти. Тебя же, съ твоей семьей, никогда не забуду и, умирая, завѣщаю имъ не оставлять тебя. Въ крайнихъ случаяхъ относись о себѣ къ кн. Льву Петровичу; онъ добръ. Прощай! Спасибо тебѣ за все, пріѣзжай непремѣнно въ Каменку». Это были послѣднія слова, слышанныя мною изъ устъ фельдмаршала. Я схватилъ поданную руку и поцѣловавъ ее, горько заплакалъ, чувствуя, что это было прощаніе съ умирающимъ. Долго и грустно смотрѣлъ я на отплывающій паромъ съ фельдмаршаломъ, покуда не скрылся онъ изъ глазъ. Черезъ мѣсяцъ, этотъ герой славы, этотъ мужъ, преисполненный всѣми добродѣтелями, уже не существовалъ...

Въ томъ же году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, получивъ извѣстіе, что умершаго фельдмаршала Витгенштейна привезли изъ за границы въ имѣніе его, въ мѣстечко Каменку, я долгомъ счелъ исполнить завѣтъ покойнаго побывать въ Каменкѣ, чтобъ отдать послѣдній долгъ праху его. Не могу описать всѣхъ ласкъ, которыми я былъ осыпанъ вдовою фельдмаршала и сыновьями его, тутъ же бывшими, князьями Николаемъ и Львомъ Петровичами; скажу только, что я нашелъ тамъ всѣхъ и каждаго въ тяжкой скорби о невозвратной потери. Когда я былъ на панихидѣ, въ часовнѣ, гдѣ сохранялось тѣло умершаго, впредь до погребенія, то плачъ и рыданіе всѣхъ присутствовавшихъ были порази-

тельны. Собравшаяся толпа Жидовъ, стоя за оградой церкви, также горько плакала о потерѣ своего благодѣтеля.

Съ замираніемъ сердца я приблизился къ гробу умершаго; скорбь моя была невыразима. Въ изголовіи гроба я увидалъ поднесенный мною кирпичъ, бывшій въ изголовіи его матери и еще такъ недавно окропленный его слезами. Перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ, грустныя мысли и скорбь сердца выжимаютъ изъ глазъ слезы; и если что впослѣдствіи облегчало эту невознаградимую для меня потерю, такъ это поистинѣ рѣдкое сочувствіе членовъ семейства покойнаго фельдмаршала къ завѣту умершаго. Ея свѣтлость кн. Антуанета Станиславовна, въ тяжкую скорбь о потерѣ обожаемаго супруга, находила какъ бы услажденіе въ заботахъ объ исполненіи воли покойнаго, касательно довершенія устройства памятника въ Переяславлѣ.

Въ 1844 г. Мая 18-го памятникъ сей окончательно былъ установленъ и освященъ въ присутствіи, нарочно пріѣхавшихъ изъ Орла, дочери фельдмаршала княгини Эмиліи Петровны Трубецкой, супруга ея кн. Петра Ивановича и дочери ихъ Марьи Петровны [1]). По совершеніи обряда освященія памятника ея сіятельство кн. Эмилія Петровна, отъ лица кн. Витгенштейна и всѣхъ членовъ фамиліи умершаго фельдмаршала, съ лестнымъ письмомъ отъ ея свѣтлости, вручила мнѣ прекрасной работы кружку, съ надписью: «Господину городничему города Переяславля Павлу Лукичу Пуцилло, въ знакъ памяти отъ вдовы и дѣтей покойнаго фельдмаршала Витгенштейна».

Даръ этотъ, какъ знакъ вниманія, для меня безцѣненъ... Завѣщаю моимъ дѣтямъ, старшему и достойному изъ нихъ, сохранить съ этими знаками эту кружку и передавать изъ рода въ родъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаю, именемъ святости отеческаго благословенія, сохранять глубокое уваженіе и безпредѣльную преданность ко всему роду Витгенштейновъ и роду кн. Петра Ивановича и Эмиліи Петровны Трубецкихъ и всегда помнить имя и благоговѣть къ славѣ фельдмаршала князя Петра Христіановича Витгенштейна.

П. Пуцилло.

1844 г. Переяславль.

(*Сообщено Марьею Петровною Зиновьевой*).

---

[1]) Нынѣ вдовы Павла Васильевича Зиновьева. П. Б.

ДОНЕСЕНІЕ А. ЗИНОВЬЕВА ГРАФУ П. Б. ШЕРЕМЕТЕВУ [1]).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь Петръ Борисовичъ.

Вашему высокографскому сіятельству имѣю часть донесть: въ домѣ вашего сіятельства Миліонномъ и въ мызахъ обстоитъ все благополучно, а строеніе въ томъ домѣ по приказанію вашему производится, а что строится, о томъ вчерашняго числа писалъ Ѳедоръ Аргуновъ обстоятельно до вашего сіятельства, что̀ изволите усмотрѣть изъ того его рапорта. Только отъ вашего сіятельства ожидаемъ великія и богатыя милости, то есть денегъ тысячи ста рублевъ, обѣщанныхъ отъ васъ нашему убожеству, ибо во оныхъ деньгахъ крайнюю и немалую нужду пріемлемъ. Указъ вашего сіятельства портному объявлялъ; онъ мнѣ сказалъ, что поѣдетъ въ Москву Сентября 1 числа, а князь Андрею Николаевичу [2]) другія рѣчи объявилъ, о чемъ князь хотѣлъ самъ до вашего сіятельства писать. Рабской мой поклонъ симъ засвидѣтельствую и приношу милостивой государынѣ графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ и милостивымъ государынямъ графинямъ Аннѣ Петровнѣ, Варварѣ Петровнѣ и государю графу Николаю Петровичу. Я же съ мадамъ Вильдой [3]) съ Ижоры возвратились и ѣхали въ кибиткѣ на одной клячкѣ 8 часовъ 6 минутъ. Ой поѣздочка! Буду помнить, замучила меня; мадамъ занемогла отъ трясенія кибитки: пришла ей колика и лихорадка и простуда. Истинно, я не радъ ей былъ и напужала меня ѣздою своею; да и меня растрясло. Все шагомъ ѣхали, ввечеру домой пріѣхали. Къ тому жъ и одна лошаденка, и такъ мы ѣхали, какъ нищіе, и принужденъ былъ ей купить сѣнца полпуда у первой рогатки отъ Ижоры и постлать подъ бочекъ ей; и кто ѣдетъ знакомыя госпожи въ Москву [4]), то она личико свое схоронитъ въ сѣнцо. И попалася намъ Марья Павловна, то она и болѣе въ сѣно зарылася. Вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга Андрей Зиновьевъ.

27 Августа 1762 году. С.П.бургъ.

---

[1]) Это любопытное донесеніе свидѣтельствуетъ о путяхъ сообщенія въ окрестностяхъ Петербурга, въ первый годъ царствованія Екатерины Великой. Оно доставлено намъ графомъ С. Д. Шереметевымъ, которому мы обязаны также сообщеніемъ изъ его домоваго архива бумагъ, напечатанныхъ выше, на стр. 175 и 176. П. Б.

[2]) Князь А. Н. Щербатовъ, впослѣдствіи тесть графа Д. Н. Блудова. П. Б.

[3]) Не эта ли Вильде жила впослѣдствіи въ за̀мкѣ Ло̀де, при Зельмирѣ? П. Б.

[4]) Къ 22-му Сентября, на коронацію Екатерины II-й. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ Я. К. ГРОТУ.

С. П. Шевырева *).

I.

Милостивый государь Яковъ Карловичъ!

Примите мою душевную благодарность за ваши прекрасные филологическiе гостинцы, которые я получилъ черезъ П. И. Бартенева. Извините, что опоздалъ благодарностью. Спасибо вамъ, что вы подводите ударенiя нашего своеправнаго языка подъ законъ науки. Спасибо вамъ, что указываете намъ на примѣръ просвѣщенныхъ народовъ въ трудахъ надъ отечественнымъ языкомъ.

Поздравляя васъ съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенiя Христова, вмѣсто краснаго яичка, по Русскому обычаю, высылаю двѣ книги мои: 3-ю часть Исторiи Русской Словесности и переводъ Валленштейнова Лагеря. Кромѣ добраго слова И. И. Срезневскаго въ Академическихъ Извѣстiяхъ, я далѣе, кромѣ брани и недобросовѣстныхъ отзывовъ, ничего не читалъ.

Если бъ я нашелъ во всѣхъ критикахъ хотя одно дѣльное замѣчанiе, я поблагодарилъ бы критика, въ какой бы формѣ оно ни было сказано. Укоряютъ меня въ томъ, что я пропустилъ два слова Серапiоновы, которыя вышли, когда большая половина моей книги была отпечатана, вышли не обслѣдованныя и изданныя на скорую руку. Много другихъ подобныхъ обвиненiй! Отвѣчать на все это скучно, но придется. Да вотъ ужъ когда все выслушаю. Я послалъ свою книгу

---

*) Эти три письма С. П. Шевырева составляютъ дополненiе къ тѣмъ письмамъ, которыя были нами напечатаны въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“. Тамъ было помѣщено пять писемъ изъ времени 1844—1850 г.г. (см. т. II, стр. 896, 952, т. III, стр. 723, 746, 753), а также 14 писемъ Я. К. Грота къ С. П. Шевыреву за время 1844—1862 г.г. (т. III, стр. 776—786). Изъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ первыя два писаны еще изъ Москвы (1859), а послѣднее уже изъ Парижа, куда Шевыревъ переселился въ 1860 г. и гдѣ прожилъ до самой кончины (8 Мая 1864 г.). Отвѣтъ Я. К. Грота на это первое письмо отъ 1 Мая 1859 см. въ „Перепискѣ“, III. стр. 783. К. Г.

Государю Наслѣднику черезъ президента Академіи, но не имѣлъ удовольствія даже узнать, достигъ ли экземпляръ своего назначенія.

Съ чувствами истиннаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою С. Шевыревъ [1]).

Апрѣля 9-го 1859.
Москва. На Тверской, въ Дегтярномъ переулкѣ, въ собств. д.

II.

Передъ вами второе изданіе второй части моей Исторіи Русской Словесности. Примите ее такъ же радушно, какъ приняли первую. Я старался поставить науку въ уровень съ современнымъ ея состояніемъ и внесъ въ эти лекціи все то, что̀ вышло со времени ихъ перваго появленія. Теперь поведу трудъ свой далѣе.

Марта 9-го 1860, Москва [2]).

III.

Много обрадовали вы меня письмомъ своимъ и извѣщеніемъ, что ваше прекрасное дѣло, изданіе Сочиненій Державина, успѣшно подвигается впередъ. Вѣсточка изъ отечества отъ такого дѣятеля, какъ вы, всегда пріятна, а ужъ такая и подавно. Я не понималъ до сихъ поръ, что̀ сдѣлалось съ моимъ экземпляромъ Исторіи Русской Словесности [3]), отправленнымъ къ графу Блудову и доставленнымъ ему исправно, какъ я знаю изъ устъ того лица, черезъ которое книга была отправлена. Графъ былъ тогда очень боленъ, но онъ не забылъ о моей просьбѣ и предоставилъ рѣшеніе вопроса 2-му Отдѣленію [4]). Чего же лучше? Я немедленно отдалъ въ переплетъ экземпляръ, у меня находящійся, для поднесенія Государю; другой пошлю къ министру нар. просв., а третій въ Отдѣленіе, которымъ и вы можете пользоваться, если вамъ угодно.

У меня только и осталось три экземпляра. Книга была принята въ Италіи съ участіемъ. Международная словесность въ ходу. Объ Русской Итальянцы не имѣли почти никакого понятія. Когда экземпляръ царскій будетъ готовъ, я немедленно отправлю его черезъ наше посольство къ вамъ въ Отдѣленіе вмѣстѣ съ другимъ экземпляромъ; къ мини-

---

[1]) Далѣе обычныя начала и концы писемъ опускаемъ. П. Б.

[2]) Отвѣтъ на это письмо см. „Переписка", III, стр. 784.

[3]) Рѣчь идетъ о курсѣ исторія Русской литературы на Итальянскомъ языкѣ („Storia della litteratura russa"), читанъ Шевыревымъ во Флоренціи въ 1861 г. и изданъ въ 1862 г. при участіи Іосифа Рубини (бывшаго профессора Итальянскаго языка въ Московскомъ университетѣ).

[4]) Т. е. во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ.

стру же пошлю прямо при моемъ письмѣ. Сожалѣю очень объ участи, постигшей снимокъ съ письма Петра В. къ Республикѣ Венеціанской [1]). Увѣдомлю о томъ Рубини и надѣюсь, что онъ доставить другой. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта на свою посылку и уже отчаялся получить его.

Вы спрашиваете меня: продается ли гдѣ-нибудь въ Петербургѣ моя Storia della litteratura russa? Рѣшительно не знаю. Едва ли продается Петербургскіе книгопродавцы не имѣютъ сношеній съ Италіей. Франція и Германія отнимаютъ у насъ пути сообщенія съ другими народами.

У меня есть еще до васъ просьба. Во-1-хъ, увѣдомьте меня о здоровьѣ П. А. Плетнева [2]). Оно меня очень безпокоитъ. Я писалъ къ нему, и онъ не отвѣчаетъ; а онъ всегда примѣръ аккуратности въ отвѣтахъ, какъ вы знаете. Во-2-хъ, прошу васъ, нельзя ли мнѣ доставить сюда черезъ посольство Русскій календарь, который всегда ко мнѣ посылается, и доставлять, хотя помѣсячно, тѣмъ же путемъ, С.-Петерб. Вѣдомости? Много бы вы меня обязали, устроивъ это. Извѣстіе о Россіи я имѣю только черезъ газету Le Nord; но это довольно скудный источникъ, особливо для литературныхъ извѣстій. Если бы я могъ тѣмъ же путемъ получать Извѣстія, издаваемыя 2-мъ Отдѣленіемъ, тогда достигъ бы верха своихъ желаній. Въ-3-хъ, въ Августѣ я отправилъ на имя графа Блудова просьбу о продолженіи моего отпуска и къ ней присоединилъ свидѣтельство о болѣзни, данное мнѣ здѣсь президентомъ СПбгской Медико-хирургической Академіи П. А. Дубовицкимъ, который меня здѣсь видѣлъ. П. А. Плетневъ писалъ ко мнѣ, что просьба получена въ отсутствіи графа княземъ Давыдовымъ [3]) и что данъ ей оффиціальный обычный ходъ. Но что̀ теперь съ нею дѣлается я не знаю. Сдѣлайте милость, освѣдомьтесь, гдѣ слѣдуетъ, и напишите мнѣ объ томъ. Много меня обяжете. О продолженіи отпуска я просилъ и министра. Я страдалъ ужасною невралгіею и вытерпѣлъ ужасное лѣченіе посредствомъ белладонны. Мнѣ стало лучше, но боль все еще не прошла. А белладонна меня очень ослабила и силы отняла, и зрѣнію повредила, которое было у меня превосходно. Парижскіе врачи лѣчатъ только ядами. На нихъ бы надобно второго Моліера. Я боюсь ихъ здѣсь пуще смерти.

Дек. 7 (Ноября 25) 1862.

20 Rue de Tournon. Парижъ [4]).

---

[1]) У чиновника, который долженъ былъ передать этотъ снимокъ въ Археологическое Общество, онъ сгорѣлъ во время пожара на его квартирѣ.

[2]) Давно пошатнувшееся здоровье Плетнева тогда значительно ухудшилось и въ 1863 году онъ совсѣмъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и скончался (Дек. 1 1865).

[3]) Княземъ Сергіемъ Ивановичемъ, вицепрезидентомъ Имп. Академіи Наукъ.

[4]) Это письмо—отвѣтъ на письмо Грота отъ 15 Ноября, см. „Переписка“, III, стр.

И. С. Аксакова.

I.

Отъ всей души благодарю васъ за сообщеніе копіи съ письма Ю. Ѳ. Самарина къ Авг. Каз. Жизневскому [1]) и за выписки изъ письма послѣдняго къ вамъ. Для внутренней біографіи Самарина [2]), для нравственной оцѣнки его, эта копія и эти выписки имѣютъ большое значеніе. Никто не относился къ себѣ съ такою безпощадною строгостью, какъ Самаринъ, никто не подвергалъ себя такому самобичеванію, какъ онъ самъ, и именно потому, что природою ему былъ данъ талантъ ироніи и сарказма необычайный, которому онъ легко поддавался и за который онъ казнилъ себя самъ. Я дѣйствительно собираю матеріалы для его біографіи и намѣренъ написать всѣ свои о немъ личныя воспитанія, въ связи съ воспоминаніями о моемъ братѣ Константинѣ Сергѣевичѣ и Хомяковѣ. Составлять же полную біографію теперь еще рано; для этого необходимо стать на извѣстную перспективу времени [3]). Здѣсь, при «Православномъ Обозрѣніи» изданъ маленькій сборникъ статей и рѣчей въ память Юрія Ѳеодоровича, въ который вошла и моя рѣчь. Въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ другихъ рѣчей произнесено не было, а была прочтена небольшая статейка Н. А. Попова объ отношеніи Ю. Ѳ. къ Комитету и вообще къ Славянству. Она напечатана одновременно съ моею рѣчью, въ тѣхъ же газетахъ [4]).

Еще разъ благодарю васъ и прошу, если откроются новые матеріалы, давать мнѣ знать о нихъ, чѣмъ вы премного обяжете вамъ

785. Тамъ же помѣщенъ отвѣтъ и вмѣстѣ послѣднее письмо Я. К. къ Ш. (20 Дек. 1862), въ которомъ Ш. извѣщаетъ объ удовлетвореніи всѣхъ его запросовъ и просьбъ.

[1]) Извѣстный археологъ, основатель и организаторъ Тверского Историческаго Музея, былъ управляющимъ Казенной палатою въ Твери, ум. въ 1896 г.

[2]) Ю. Ѳ. † 20 Марта 1876 въ Берлинѣ.

[3]) И. С. Аксаковъ любилъ повторять первые стихи своего брата изъ его посланія къ Самарину:

Не душъ влеченье,
Не сердца гласъ,
Цѣпь убѣжденья
Связала насъ.

Дѣйствительно, въ отношеніи нравственномъ они вовсе не походили одинъ на другаго. Можно было не соглашаться съ К. С. Аксаковымъ, онъ слушалъ охотно возраженія; но не возможно было не любить его. Съ Самаринымъ же надо было соглашаться уже и потому, что бывали случаи, когда онъ мстилъ за несогласіе. П. Б.

[4]) Въ томъ же году былъ изданъ Спб. Славянскимъ Комитетомъ, подъ редакціей Я. К. Грота, маленькій сборникъ: „Въ память Юрія Ѳедор. Самарина. Рѣчи произнесенныя въ Петербургѣ и Москвѣ по поводу его кончины. Спб. 1876.

искренно преданнаго и всею душою васъ уважающаго Ив. Аксакова.
4 мая 76

Москва, у Арбат. воротъ, Филиппов. пер., домъ Скородумова.

Изъ письма Ю. Θ. Самарина къ А. К. Жизневскому.

Оказывается, что въ то время какъ я ѣздилъ къ вамъ, вы были у меня; а я къ вамъ ѣздилъ съ *повинною головою*. Два-три слова сказанныя вами вчера въ присутствіи, о которыхъ я послѣ долго думалъ, убѣдили меня, что я часто во зло употребляю терпѣніе и снисходительность моихъ товарищей по присутствію. Я бываю желченъ и раздражителенъ, спорю, отстаиваю свое мнѣніе и уступаю не такъ какъ бы слѣдовало. Знаю за собою этотъ грѣхъ и прошу у васъ чистосердечно извиненія. Затѣмъ, я не только даю вамъ право, но прошу васъ, въ случаѣ надобности, оборвать меня. Повѣрьте мнѣ, я за это буду вамъ отъ души благодаренъ. Предложеніе ѣхать завтра къ обѣднѣ въ тюремный замокъ принимаю съ радостью. Скажите только, въ которомъ часу нужно ѣхать и какъ вы распорядитесь: мнѣ ли за вами заѣхать или вы за мною? Готовый къ услугамъ вашимъ и отъ души васъ уважающій Юрій Самаринъ.

II.

Милостивый государь Яковъ Карловичъ.

Я къ вамъ съ просьбой. Вотъ въ чемъ дѣло. Нынче получилъ я, прямо по почтѣ, письмо отъ Герцена на имя редактора «Дня», въ которомъ онъ называетъ клеветою взведенное на Бакунина (3-мъ письмомъ Касьянова) обвиненіе въ томъ, что Бакунинъ дѣйствуетъ въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр., и въ томъ, будто бы онъ обѣщалъ Шведамъ отъ имени Россіи Финляндію, Остзейскія провинціи и пр.

Герценъ проситъ напечатать его отвѣтъ въ «Днѣ». Я готовъ напечатать, но съ опроверженіемъ. Во 1-хъ, Колоколъ (я самъ читалъ) положительно признаетъ себя солидарнымъ съ комитетомъ «Земля и Воля», слѣдовательно и Герценъ, и Бакунинъ черезъ эту солидарность солидарны со всѣми фабрикатами комитета «Земля и Воля», прокламаціями, воззваніями, и пр. Во 2-хъ, я во всѣхъ газетахъ читалъ выписки изъ Шведскихъ газетъ, что Бакунинъ на обѣдѣ говорилъ именно отъ имени Русскаго народа, что онъ уступитъ охотно Финляндію и пр.

Вы знатокъ Шведскаго языка, и вѣрно если не получаете, то знаете, гдѣ находятся въ П.-бургѣ Шведскія газеты. Откуда же заимствовали Петербургскіе журналы эти выписки изъ Шведскихъ газетъ? Не изъ Финляндскихъ ли? Нѣтъ ли ихъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ? Моя просьба къ вамъ въ томъ, чтобы вы или потру-

дились достать мнѣ тѣ нумера Шведскихъ газетъ, гдѣ находятся Бакунинскія рѣчи, или же прислали мнѣ достовѣрныя цитаты изъ этихъ №№. Князь Андр. Вас. Оболенскій говорилъ мнѣ нынче, что онъ самъ читалъ у своего зятя Потапова Французскій переводъ сдѣланный для Государя рѣчи, произнесенной Бакунинымъ за обѣдомъ. Видно, что письмо Касьянова задѣло этихъ господъ за живое; они перепугались за судьбу своего вліянія на Русское общество. Опровергнуть и обличить будетъ нетрудно, и напечатать письмо Герцена необходимо [1]).

Простите великодушно, что я такъ безцеремонно безпокою васъ моей просьбой. Если нельзя, такъ нельзя! Васъ искренно уважающій Ив. Аксаковъ

Москва,. 7 Іюня 1863

III.

Мой дружескій поклонъ вашему брату, милостивый государь Яковъ Карловичъ. Отъ всей души благодарю васъ, или лучше сказать благодаримъ и за поздравленіе, и за присылку 3-го тома вашего великолѣпнаго изданія въ двухъ экземплярахъ. Мнѣ очень дорого ваше участіе, и мнѣ весело сообщить вамъ, что я вполнѣ доволенъ той частью, которую избралъ, и молю Бога, чтобъ она не отнялась отъ меня. Мы теперь живемъ въ деревнѣ, и Анна Ѳедоровна предпочитаетъ свой сельскій домъ всѣмъ дворцамъ, по которымъ ей пришлось мыкаться дюжину лѣтъ своей жизни. Остается только желать, чтобы счастье наше было *производительно* во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ, а наипаче въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Вамъ отъ души преданный Ив. Аксаковъ.

10 Марта 1866. С. Абрамцево.

P. S. Анна еще разъ проситъ передать вамъ ея поклонъ [2]).

С. И. Барановскаго.

Степанъ Ивановичъ Барановскій (род. 1818 г.), нѣкогда профессоръ Русскаго языка и словесности въ Александровскомъ Университетѣ (въ Гельсингфорсѣ), былъ сперва младшимъ товарищемъ Я. К. Грота по этой каѳедрѣ, а потомъ и преемникомъ его (съ 1853 г.). Онъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1836 г. и былъ сперва учителемъ гимназіи въ Псковѣ, а потомъ во 2-й С.-Петерб. гимназіи. Въ Финляндіи онъ прослужилъ до 1862; потомъ служилъ по учебной части въ Западной Сибири, а

---

[1]) Оно было вскорѣ затѣмъ (въ Іюлѣ или Августѣ) напечатано въ „Днѣ“ съ объясненіемъ И. С. Аксакова.

[2]) 11 Января этого 1866 года состоялось бракосочетаніе И. С. Аксакова съ А. Ѳ. Тютчевой (въ Москвѣ, въ домовой церкви барона М. Л. Боде-Колычева, на Поварской). П. Б.

съ 70-хъ годовъ жилъ въ отставкѣ († въ 1890 г. въ Ялтѣ), занимаясь разнородными предметами и предаваясь своей съ юныхъ лѣтъ непреодолимой страсти къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ во всѣхъ возможныхъ областяхъ, начиная съ языка и письмà и кончая воздушными двигателями и воздухоплаваньемъ. Барановскій былъ человѣкъ оригинальный, несомнѣнно даровитый и чрезвычайно дѣятельный; но непостоянство въ работѣ, разбрасываемость, слишкомъ большая разносторонность и отсутствіе выдержки и характера всегда мѣшали ему сосредоточиться на чемъ-нибудь и не позволили оставить послѣ себя какой-либо крупный и прочный слѣдъ своихъ трудовъ. К. Г.

Милостивый Государь Яковъ Карловичъ!

Присутствуя на Пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ, живо вспоминаю тотъ случай, когда мнѣ довелось видѣть знаменитаго Александра Сергѣевича. Это было на одной изъ лекцій Гоголя, который недолгое время былъ профессоромъ Всеобщей Исторіи во второмъ курсѣ С.-Петербургскаго университета: назначенный на эту должность осенью 1834-го года, онъ уже весною 1835-го расхворался и въ началѣ лѣта уѣхалъ за границу, гдѣ и проживалъ довольно долго. О его профессорствѣ слышны были спорныя мнѣнія и какъ бы для того, чтобъ ихъ провѣрить, В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ рѣшили неожиданно побывать на его лекціи. Зная день и часъ, они оба вмѣстѣ пришли прослушать лекцію Н. В. Гоголя. Что ихъ посѣщеніе было совершенною неожиданностію для нашего професора, ясно выразилось въ томъ, что обоимъ знаменитымъ посѣтителямъ пришлось вмѣстѣ съ нами студентами прождать съ полчаса времени: лекціи въ то время продолжались по уставу полтора часа; Гоголь находилъ это время слишкомъ долгимъ, утомительнымъ и только на своей первой лекціи проговорилъ во все положенное время; потомъ онъ сокращалъ продолжительность своихъ лекцій, и для того, чтобъ не прерывать лекцій слишкомъ рано, онъ обыкновенно опаздывалъ приходомъ на полчаса, иногда и на три четверти часа. Такимъ образомъ Жуковскій и Пушкинъ провели нѣсколько времени въ бесѣдѣ со студентами, ожидавшими своего профессора, который тогда произнесъ одну изъ лучшихъ своихъ лекцій, художественно охарактеризовавъ Норманскихъ витязей, завоевателей Сициліи, заселителей Исландіи, грозныхъ на моряхъ и Черномъ и Каспійскомъ, на берегахъ и Франціи, и Англіи.

Въ моемъ воспоминаніи Пушкинъ и Жуковскій являются чаще всего вмѣстѣ, какъ они тогда явились на лекціи Гоголя. Какъ два современника, эти два знаменитые поэта, два друга, два генія, вмѣстѣ, согласно, не повторяя, а какъ бы дополняя другъ друга, благотворно дѣйствовали на Русскій народъ, возбуждая въ душахъ впечатлительныхъ любовь къ прекрасному, благому и святому. Извѣстны стихи Пушкина къ портрету Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость...

Время доказало положительную вѣрность этой характеристики одного поэта другимъ. Надѣюсь, что вся Россія пожелаетъ и захочетъ показать, что она тоже вѣрно, подобно Пушкину, цѣнитъ и понимаетъ своего пѣвца

безсмертія—Василія Андреевича Жуковскаго. Онъ, правда, болѣе былъ переводчикомъ, нежели оригинальнымъ поэтомъ; но чтобы такъ переводить, какъ переводилъ Жуковскій, нужно быть самому поэтомъ. Вѣдь Жуковскій является иногда выше тѣхъ оригиналовъ, съ которыхъ онъ переводилъ. Сравните для примѣра первую строфу баллады Шиллера Тогенбургъ:

Ritter, treue Schwesterliebe
Widmet dir mein Herz,
Fordre keine andre Liebe,
Denn es macht mir Schmerz.
Ruhig kann ich dich erscheinen.
Ruhig gehen sehn,
Deiner Augen stilles Weinen
Kann ich nicht verstehn.

Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовію иною
Не могу любить!
При разлукѣ, при свиданьѣ
Сердце въ тишинѣ,
И любви твоей страданье
Непонятно мнѣ.

А вотъ другое стихотвореніе, которое въ переводѣ Жуковскаго отъ начала до конца *лучше* Нѣмецкаго подлинника.

Былъ у меня товарищъ.
И прямо братъ родной!
Ударили тревогу,
И дружнымъ шагомъ въ ногу
Пошли мы въ жаркій бой.
Вотъ свиснула картеча—
Въ кого изъ насъ двоихъ?
Меня промчалась мимо,
А онъ лежитъ родимый
Въ крови у ногъ моихъ.
Онъ хочетъ сжать мнѣ руку,—
Нельзя, кладу зарядъ!
Въ томъ мірѣ мы сочтемся!
Когда мы тамъ сойдемся,
Ты будь мнѣ другъ и братъ!

Не потому ли въ этомъ стихотвореніи Жуковскій явился такимъ превосходнымъ переводчикомъ, что оно выражаетъ любимую мысль нашего поэта о вѣчной жизни, его увѣренность въ дѣйствительности того,

Что (бъ) жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой.

Если нашъ пѣвецъ безсмертія не былъ такимъ самобытнымъ выразителемъ Русскаго духа, какъ Пушкинъ, за то онъ воздѣлалъ другую сторону этого духа, именно ту, по которой она является достойнымъ членомъ всего человѣчества, сочувственно относясь къ возвышенному, истинному и прекрасному, гдѣ бы оно ни проявлялось, въ Англіи, Германіи, Франціи, Испаніи, Греціи, Индіи, у нашихъ современниковъ и въ глубокой древности.

Но не характеристику Жуковскаго намѣренъ писать я; а хотѣлось бы только привлечь общее вниманіе къ сознанію той мысли, что, воздвигнувъ достойный памятникъ Пушкину, пора теперь, и притомъ безотлагательно, заняться изготовленіемъ памятниковъ и Жуковскому и Гоголю.

Какую мысль выражаютъ собою памятники, подобные новопоставленному въ честь Пушкина и предлагаемымъ въ честь Жуковскаго и Гоголя? Они выражаютъ народную оцѣнку того, за что воздвигается памятникъ, желаніе увѣковѣчить тѣ дѣла, или мысли и чувства, за которыя народъ чтитъ того, кому воздвигаетъ памятникъ. Памятники славнымъ предкамъ возбуждаютъ въ потомкахъ желаніе уподобляться тѣмъ, кому поставлены памятники. Народъ Русскій долженъ благодарить Бога за то, что изъ его среды уже вышли дѣятели достойные памятниковъ, достойные вѣчной славы. Къ числу такихъ безспорно принадлежитъ и поэтъ Жуковскій, въ честь котораго пора, пора воздвигнуть памятникъ, его достойный, и воздвигнуть не позже, а въ одно время съ памятникомъ Гоголю, подписка на сооруженіе котораго уже предложена и начата.

9-го Іюля 1880. Москва.

Степанъ Барановскій.

Сообщено **К. Я. Гротомъ.**

БИБЛІОГРАФІЯ СОЧИНЕНІЙ А. П. ЧЕХОВА.

(Род. 17 Янв. 1860 г. † 2 Іюля 1904 г.)

Смерть Антона Павловича Чехова вызвала въ Русской литературѣ, такое множество объ немъ біографическаго матеріала, какого отъ современниковъ рѣдко выпадаетъ на долю Русскаго писателя: трудно найти какое-либо періодическое изданіе, гдѣ бы не было напечатано хотя бы нѣсколько строкъ посвященныхъ памяти этого писателя; не говоримъ уже объ отдѣльно изданныхъ книгахъ и брошюрахъ, которыми нынѣ такъ заполненъ нашъ книжный рынокъ.

Тѣмъ не менѣе, въ литературѣ о Чеховѣ все же существуетъ большой пробѣлъ. Такъ, до сихъ поръ не былъ напечатанъ списокъ его произведеній, который между тѣмъ является очень нужнымъ пособіемъ, какъ для его біографовъ, историковъ Русской литературы, такъ и для всѣхъ вообще любителей Русской словесности. Изданное фирмою А. Ф. Маркса собраніе его сочиненій не заключатъ въ себѣ всѣхъ произведеній Чехова, и такимъ образомъ большая часть нашего общества совершенно не знаетъ о многихъ произведеніяхъ этого писателя, не вошедшихъ въ изданіе Маркса и разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Мы взяли на себя трудъ, составить библіографическій указатель сочиненій А. П. Чехова. Знаемъ, что въ нашъ указатель многія юношескія произведенія его не вошли, но это потому, что въ первые годы своей литературной дѣятельности г. Чеховъ печаталъ безъ подписи своего имени, а потому опредѣлить все написанное имъ и не представляется возможности. Въ настоящій указатель вошло все, что мы нашли въ указываемыхъ нами періодическихъ изданіяхъ, какъ за полною подписью автора, такъ и за извѣстными намъ его псевдонимами и иниціалами.

Можетъ быть, найдутся и такія лица, которыя будутъ насъ обвинять за то, что мы напрасно указывали на произведенія, не имѣющія значенія въ настоящее время. Но не библіографа дѣло входить въ критическую оцѣнку: цѣль его заключается въ библіографической полнотѣ. И. М.

„Стрекоза"

1880.

Письмо Донского помѣщика Степана Владиміровича N къ ученому сосѣду д-ру Фридриху. № 10 (подпись: ....въ).—Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.? № 10 (подпись: Антоша).—За

двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. (Романъ въ одной части безъ пролога и эпилога). № 19 (подпись: Чехонте).—Каникулярныя работы институтки Наденьки N. № 23 (подпись: Чехонте).—Папаша. № 26 (подпись: Ан. Ч.).—Тысяча одна страсть или страшная ночь. (Романъ въ одной части съ эпилогомъ). (Посвящаю Виктору Гюго). № 30 (подпись: Антоша Ч.).—За яблочки. № 33 (подпись: Чехонте).—Передъ свадьбой № 41 (подпись: Антоша Чехонте).—По Американски. № 49 (подпись Антоша Ч.).

„Будильникъ".

1881.

Двадцать девятое Іюня. (Шутка). (Съ удовольствіемъ посвящается охотникамъ, плохо стрѣляющимъ и неумѣющимъ стрѣлять). № 26 (подпись: Антоша Чехонте),

1882.

Дополнительные вопросы къ личнымъ картамъ статистической переписи, предлагаемые Антошей Чехонте. № 5.—Комическія рекламы и объявленія. № 7 (подпись: Сообщилъ Антоша Чехонте).—Задачи сумасшедшаго математика. № 8 (подпись: Сообщилъ Антоша Чехонте).—Жизнь въ вопросахъ и восклицаніяхъ. № 9 (подпись: Антоша Чехонте).—Календарь „Будильника" на 1882 годъ.—Мартъ. №№ 10—12 и 14 (подпись, въ первыхъ 3-хъ №№: Завѣдующій календаремъ „Будильника"—Антоша Чехонте; въ послѣднемъ №: За завѣдующаго календаремъ „Будильника"—Г. Балдастовъ).—Корреспондентъ. №№ 20 и 21 (подпись: Антоша Чехонте).—Ненужная побѣда. №№ 24—27, 29—34 (подпись: А. Чехонте).

1883.

Кое-что. 1) Мамаша и г. Лентовскій.—2) Злодѣй и г. Егоровъ.—3) Находчивость г. Родона.—4) Г. Гулевичъ (авторъ) и утопленникъ.—5) Картофель и теноръ. №№ 19 и 24 (подпись: Братъ моего брата).—Летающіе острова. Соч. Жюля Верна. Переводъ № 19 (подпись: А. Чехонте).—Приданое*). (Исторія одной маніи). № 30 (подпись: А. Чехонте).—Осенью. № 37 (подпись: А. Чехонте).—Относительно жениховъ*[1]). № 42 (подпись: А. Чехонте).—Въ Москвѣ на Трубѣ*[2]). № 43 (подпись: А. Чехонте).—Въ Рождественскую ночь. (Посвящается М. П. Чеховой). № 50 (подпись: А. Чехонте).

1884.

Завѣщаніе стараго 1883-го года. № 1 (подпись: Братъ моего бра-

---

*) Произведенія отмѣченныя звѣздочкою вошли въ „Собраніе сочиненій", изд. А. Ф. Маркса 10 томовъ, Спб. 1899—1901 и изд. 2-е 16 томовъ, Спб. 1903 г.

[1]) Въ Собраніи сочиненій вошло въ разсказъ „Въ банѣ".

[2]) Въ Собр. сочин. напеч. подъ заглавіемъ „Въ Москвѣ на Трубной площади".

та).—75.000 № 2 (подпись: А. Чехонте).—Нечистые трагики и прокаженные драматурги. Ужасно-возмутительно-отчаянная тррагедія. Дѣйствій много, картинъ еще больше. № 4 (подпись: Братъ моего брата).—Дядюшка и собака. (По случаю выставки собакъ). № 6 (подпись: А-нъ Ч-те). —Французскій балъ. (Сонная фантазія). № 7 (подпись: А. Чехонте).—Марья Ивановна. № 13 (подпись: А. Чехонте).—Троицынъ день. (Къ рисунку К. А. Трутовскаго). № 20 (подпись: Братъ моего брата).—Идеальный экзаменъ. (Краткій отвѣтъ на всѣ длинные вопросы). № 23 (подпись: А. Чехонте).—„Кавардакъ въ Римѣ". Комическая странность въ 3-хъ дѣйствіяхъ, 5-ти картинахъ, съ прологомъ и двумя провалами. № 38 (подпись: Братъ моего брата).—Изъ дорожныхъ разговоровъ. № 40 (подпись. Антонсонъ).—Устрицы *[1]). (Набросокъ). № 48 (подпись А. Чехонте).

1885.

Масляничныя правила дисциплины. № 4 (подпись: Братъ моего брата).—Аптекарская такса, или спасите, грабятъ!! (Шутливый трактатъ на плачевную тему). № 7 (подпись: Братъ моего брата).—Правила для начинающихъ авторовъ. (Юбилейный подарокъ,—вмѣсто почтоваго ящика). № 12 (Безъ подписи).—Тостъ прозаиковъ и Женскій тостъ, произнесенные Антошей Чехонте. № 12 (въ статьѣ „Обѣдъ").—Безнадежный. (Эскизъ). № 15 (подпись: А. Чехонте).—Въ Сокольникахъ. (Сценка). № 17 (подпись: Братъ моего брата).—Женщина съ точки зрѣнія пьяницы. № 17 (подпись: Братъ моего брата).—Кое-что объ А. С. Даргомыжскомъ. № 20 (подпись: А. Ч.).—Бумажникъ. (Басня въ прозѣ). № 20 (подпись: Братъ моего брата).—Рыбье дѣло. (Густой трактатъ по жидкому вопросу). №№ 23 и 25 (подпись: Братъ моего брата).—Мои жены. (Письмо въ редакцію, Рауля Синей Бороды). № 24 (подпись: А. Чехонте).—Дачный казусъ. (Изъ воспоминаній идеалиста). № 26 (подпись: Братъ моего брата).—Реклама № 33 (подпись: Братъ моего брата).—Мнѣнія по поводу шляпной катастрофы. № 39 (подпись: Братъ моего брата).—Врачебные совѣты. № 39 (подпись: Врачъ безъ паціентовъ).—Интеллигенты-кабатчики. (Письмо въ редакцію). № 44 (подпись: Братъ моего брата).—Тапёръ. № 45 (подпись: А. Чехонте). —Бракъ черезъ 10—15 лѣтъ. № 46 (подпись: Братъ моего брата).—Правильныя дѣйствія. № 50 (подпись: —нте).

1886.

У телефона. № 3 (подпись: Братъ моего брата).—На дачѣ. № 20 (подпись: А. Чехонте).—Нытье. (Письмо издалека). № 40 (подпись: А. Чехонте).—Мой домострой. № 42 (подпись: Братъ моего брата).

1887.

Новогодняя пытка. (Очеркъ новѣйшей инквизиціи). № 1 (подпись:

---

[1]) Также перепеч. въ сборн. „Проблески", М. 1895. 8°, стр. 271—275.

А. Чехонте).—Изъ записокъ вспыльчиваго человѣка.* (Не фактъ, а истинное происшествіе). №№ 26, 27 и 31 (подпись, въ первыхъ 2-хъ №№: А. Ч.; въ послѣднемъ №: Вспыльчивый человѣкъ).—Передъ затменіемъ. (Отрывокъ изъ феерiи). № 31 (подпись: Братъ моего брата).

„Зритель"

1881.

Темпераменты. (По послѣднимъ выводамъ науки). № 5 (подпись: Антоша Ч.***).—Извлеченіе изъ путеваго журнала. № 9 (подпись: Антоша Ч.). — Салонъ де Варьете. № 11 (подпись: Антоша Ч.).—Сельскія картинки. а) Судъ. № 14 (подпись: Антоша Чехонте).—Контора объявленій Антоши Ч. для удобства гг. публикующихъ арендова въ Зрителѣ на 1881 годъ отдѣлъ для помѣщеній рекламъ и публикацій разнаго рода. №№ 15, 19 и 20.—Поэзія и проза. № 16 (подпись: Антоша Ч.).—Свадебный сезонъ. (къ рис. Н. Чехова). № 18 (подпись: Антоша Ч.).—Сара Бернаръ. № 21 — 22 (подпись: Антоша Ч.).—Опять о Сарѣ Бернаръ. № 23—24 (подпись: Антоша Ч.).—Грѣшникъ изъ Толедо. (Переводъ съ испанскаго). № 25—26 (подпись: Антоша Ч.).

1883.

Пережитое. (Психологическій этюдъ). № 1 (подпись: Антоша Чехонте).—Философскія опредѣленія жизни. № 1 (подпись: Изъ разныхъ философскихъ сочиненій повычеркнулъ Антоша Чехонте).—Мошенники по-неволѣ. (Новогодняя побрехушка). № 1 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Гадальщики и гадальщицы. (Новогоднія картинки). № 1 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Кривое зеркало. (Святочный фантастическій разсказъ). *№ 2 (подпись. А. Чехонте).—Ряженые. № 2 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Двое въ одномъ. № 3 (подпись: А. Чехонте).—Велика честь *[1]). № 3 (подпись: А Чехонте).—Исповѣдь. № 5 (подпись: А. Чехонте).—На магнитическомъ сеансѣ. № 7 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Драма въ цырульнѣ *[2]). № 10 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Современныя молитвы. № 10 (подпись: Ч. безъ с.). — Женщина безъ предразсудковъ. (Романъ). № 11 (подпись: А. Чехонте).—Ревнитель. № 12 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Ядовитый случай. № 14 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Мораль *[3]). № 16 (подпись: А. Чехонте) Дуракъ. (Разсказъ холостяка). № 18 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Филантропъ. № 19 (подпись: Чел. б. селез).—Случай изъ судебной практики. (Уголовный разсказъ). № 20 (подпись: А. Чехонте).—Америка въ

---

[1]) Въ Собр. сочин. п. з. „Радость".
[2]) Въ Собр. сочин. п. з. въ „Цирульнѣ".
[3]) Въ Собр. сочин. п. з. „Умный дворникъ".

Ростовѣ на Дону. № 21 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Зимогоры. № 22 (подпись: Ч.)

Альманахъ „Будильника“ на 1882 годъ. Москва 1882. 8⁰.

Жены артистовъ. Переводъ... съ Португальскаго. Стр. 50—56 (подпись: Антоша Чехонте).

„Мірской Толкъ“.

(Выходилъ приложеніемъ къ журналу „Свѣтъ и Тѣни“).

1882.

За подписью А. Чехонте. Онъ и она. № 26. — Живой товаръ. (Посвящается Ѳ. Ѳ. Попудогло). №№ 28—31.—Цвѣты запоздалые. (Посвящается Н. И. Коробову). №№ 37 — 39 и 41.—Два скандала. (Посвящается Ф. О. Шехтель). № 46.—Баронъ № 47.—Месть. № 50.

„Москва“

1882.

Гамлетъ на Пушкинской сценѣ. № 3 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—На волчьей садкѣ. № 5 (подпись: Антоша Ч.).—Встрѣча весны. (Разсужденіе). № 12 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Зеленая коса. (Маленькій романъ) №№ 15 и 16 (подпись: Антоша Чехонте).—Дачные разсказы. I. Свиданіе хотя и состоялось, но... № 17 (подпись: Антоша Чехонте). — Фантастическій театръ Лентовскаго. № 27 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Ярмарка. № 28 (подпись: Антоша Чехонте).—Барыня. № 29 — 31 (подпись: Антоша Чехонте).

„Осколки“

1882.

Нарвался. (Изъ Лѣтописи Лиговско-Чернорѣченскаго банка). № 47 (подпись: Антоша Чехонте).—Неудачный визитъ. № 48 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Идилія—увы и ахъ! № 51 (подпись: Антоша Чехонте)—Добрый знакомый. № 52 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).

1883.

Два романа. I. Романъ доктора.—II. Романъ репортера. № 2 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). —Мысли читателя газетъ и журналовъ. № 3 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Единственное средство. (A propos процесса Петерб. Общества Взаимнаго Кредита). № 4 (подпись: А. Чехонте). — Случаи „Mania grandiosa“. (Вниманію газеты „Врачъ“). № 4 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Темною ночью. № 4 (подпись: А. Чехонте). - Ушла. № 5 (подпись: А. Чехонте).—Злостные банкроты. № 5 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — На гвоздѣ.

№ 6 (подпись: А. Чехонте).—Романъ адвоката. (Протоколъ) № 6 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Что лучше? (Праздныя разсужденія штыкъ-юнкера Крокодилова). № 6 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки)...—Благодарный. (Психическій этюдъ). № 7 (подпись: А. Чехонте). —Совѣтъ. № 7 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Крестъ. № 7 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Баранъ и барышня. (Эпизодикъ изъ жизни „милостивыхъ государей"). № 8 (подпись: А. Чехонте). —Размазня. № 8 (подпись: А. Чехонте).—Рѣпка. (Переводъ съ дѣтскаго). № 8 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Торжество побѣдителей *[1]). № 9 (подпись А. Чехонте). — Въ нашъ практическій вѣкъ, когда и т. д. № 10 (подпись: А. Чехонте).—Разсказъ, которому трудно подобрать названіе. № 11 (подпись: А. Чехонте). — Братецъ № 11 (подпись: А. Чехонте).—Загадочная натура. *№ 12 (подпись: А. Чехонте).—Къ свѣдѣнію трутней. (Къ рис. В. И. Порфирьева). № 13 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Хитрецъ. № 13 (подпись: А. Чехонте).—Благодѣтели. № 13 (подпись: А. Чехонте).—Рыцари безъ страха и упрека. № 14 (подпись: А. Чехонте).—Верба. № 15 (подпись: А. Чехонте).—Оберъ-верхи. № 15 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Воръ. № 16 (подпись: А. Чехонте)—Листъ. (Кое-что пасхальное). № 16 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Слова, слова и слова. № 17 (подпись: А. Чехонте).—Закуска. (Пріятное воспоминаніе). № 17 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Двадцать шесть. (Выписки изъ дневника). № 17 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Теща-адвокатъ. № 18 (подпись: А. Чехонте).—Съѣздъ естествоиспытателей въ Филадельфіи. (Статья научнаго содержанія). № 18 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Ваня, мамаша, тетя и секретарь *[2]). № 19 (подпись; А. Чехонте).—Котъ. № 20 (подпись: А. Чехонте).—Бенефисъ соловья. (Рецензія). № 21 (подпись: А. Чехонте).—Моя Нана. № 21 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Депутатъ, или повѣсть о томъ, какъ у Дездемонова 25 рублей пропало. (Посвящается Л. И. Пальмину). № 22 (подпись: А. Чехонте).—Герой-барыня № 23 (подпись: А. Чехонте).—О томъ, какъ я въ законный бракъ вступилъ. (Разсказецъ). № 24 (подпись: А. Чехонте).—Весь въ дѣдушку. № 25 (подпись: А. Чехонте).—Изъ дневника помощника бухгалтера. *№ 25 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Смерть чиновника. *(Случай). № 27 (подпись: А. Чехонте).—Сущая правда. № 28 (подпись: А. Чехонте). — Скверный мальчикъ *[3]). (Разсказъ для маленькихъ дачниковъ). № 30 (подпись: А. Чехонте).—Козелъ или негодяй? № 30 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Добродѣтельный кабатчикъ. (Плачъ оскудѣвшаго). № 32 (подпись: А. Чехонте).—Дочь Альбіона. *№ 33 (подпись: А. Чехонте). Краткая анатомія человѣка. № 34

[1]) Въ Собр. сочин. п. з. „Торжество побѣдителя".
[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Случай съ классикомъ".
[3]) Въ собр. соч. п. з. „Злой мальчикъ".

(подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Протекція. № 35 (подпись: А. Чехонте).—Ошибка *[1]). № 36 (подпись: А. Чехонте).—Отставной рабъ. № 37 (подпись: А. Чехонте). — Майонезъ. № 37 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Дура, или капитанъ въ отставкѣ. (Сцена изъ несуществующаго водевиля). № 38 (подпись: А. Чехонте). — Въ ландо. № 39 (подпись: А. Чехонте). — Die russische natur. (къ рис. Н. Чехова). № 39 (подпись: А. Чехонте).—Толстый и тонкій. *№ 40 (подпись: А. Чехонте). — Признательный Нѣмецъ. № 40 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Трагикъ. *(Исторійка). № 41 (подпись: А. Чехонте)— Дочь комерціи совѣтника. (Романъ). № 42 (подпись: А. Чехонте).—Мои остроты и изреченія. № 42 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).— Списокъ экспонентовъ, удостоенныхъ чугунныхъ медалей по Русскому отдѣлу на выставкѣ въ Амстердамѣ. № 42 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Опекунъ № 43 (подпись: А. Чехонте). — Знаменіе времени. № 43 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Изъ дневника одной дѣвицы. № 44 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Юристика. № 44 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Въ почтовомъ отдѣленіи.* № 44 (подпись: А. Чехонте). — Начальникъ станціи. № 45 (подпись: А. Чехонте).—Клевета. *№ 46 (подпись: А. Чехонте).—Иронія судьбы. № 48 (подпись: А. Чехонте).—Сборникъ для дѣтей. №№ 49 и 50 (подпись: А. Чехонте).

1884.

Либералъ. (Новогодній разсказъ). № 1 (подпись: А. Чехонте).—Орденъ. *№ 2 (подпись: А. Чехонте).—Контрактъ 1884 г. съ человѣчествомъ. № 2 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Перепутанныя объявленія. № 2 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Комикъ. № 4 (подпись: А. Чехонте).—Молодой человѣкъ. № 5 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Репетиторъ. * (Сценка). № 6 (подпись: А. Чехонте).—Наивный лѣшій. (Сказка). № 7 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Прощеніе. № 7 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Пѣвчіе. * № 8 (подпись: А. Чехонте).—Два письма. I. Серьезный вопросъ,—II. Обстоятельный отвѣтъ. № 10 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Жалобная книга. (Копія). * № 10 (подпись: А. Чехонте).—Perpetuum mobile. * (Разсказъ). № 11 (подпись: А. Чехонте).— Осторожней съ огнемъ *[2]). (Разсказъ „стараго воробья“). № 12 (подпись: А. Чехонте).—Трифонъ. № 13 (подпись: А. Чехонте).—Плоды долгихъ размышленій. № 15 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).— Нѣсколько мыслей о душѣ. № 15 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Альбомъ. * № 18 (подпись: А. Чехонте).—Несообразныя мысли.

[1]) Въ Собр. соч. п. з. „Справка“, но въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что большинство произведеній г. Чехова, перепеч. въ Собр. соч.,— болѣе или менѣе измѣнены противъ первоначальной ихъ редакціи.

[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Чтеніе“.

№ 19 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Самообольщеніе. (Сказка). № 20 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Дачныя правила. № 21 (подпись: А. Чехонте).—Дачница. № 22 (подпись: А. Чехонте).—Съ женой поссорился. (Случай). № 23 (подпись: А. Чехонте).—Письмо къ репортеру. № 23 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Броженіе умовъ. (Клочокъ изъ лѣтописи Нищегладска). *[1]) № 24 (подпись: А. Чехонте).—Дачное удовольствіе. № 24 (попись: Человѣкъ безъ селезенки).—Водевиль. № 26 (подпись: А. Чехонте).—Экзаменъ на чинъ.* (Разсказъ). № 28 (подпись: А. Чехонте).—Русскій уголь. (Правдивая исторія). № 30 (подпись: А. Чехонте).—Хирургія. * (Сценка). № 32 (подпись: А. Чехонте).—Невидимыя міру слезы. (Разсказъ). № 34 подпись: А. Чехонте).—Идиллія. № 34 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Хамелонъ. *(Сценка). № 36 (подпись: А. Чехонте).—Надлежащія мѣры. * (Сценка). № 38 (подпись: А. Чехонте).—Новинка* [2]). (Вниманію гг. винтеровъ). № 39 (подпись: А. Чехонте).—Затменіе луны. (Изъ провинціальной жизни). № 39 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—На кладбищѣ. * № 40 (подпись: А. Чехонте.—Гусиный разговоръ. № 40 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Языкъ до Кіева доведетъ. № 41 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Въ пріютѣ для неизлѣчимо-больныхъ и престарѣлыхъ. № 43 (подпись: А. Чехонте).—Вывѣска. № 43. (Подпись: Сообщ. Ан. Ч.).—О драмѣ. № 44 (подпись: А. Чехонте).—И прекрасное должно имѣть предѣлы. № 44 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Господа обуватели * [3]). Мистерія въ 2-хъ дѣйствіяхъ). № 45 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Къ характеристикѣ народовъ. (Изъ записокъ одного наивнаго члена Русскаго Географическаго Общества). № 46 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Задача. № 46 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Рѣчь и ремешекъ. № 47 (подпись: А. Чехонте).—Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 46. № 47 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Картинки изъ недавняго прошлаго. № 48 (подпись: А. Чехонте).—Новѣйшій письмовникъ. № 48 (подпись: Человѣкъ безъ зелезенки).—У постели больного. № 48 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Свадьба съ генераломъ. (Разсказъ). № 50 (подпись: А. Чехонте).—Либеральный душка. № 51 (подпись: А. Чехонте).—Не въ духѣ.* (Разсказецъ). № 52 (подпись: А. Чехонте).—Предписаніе. (Изъ захолустной жизни). № 52 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).

1885.

Дѣло о 1884 годѣ. (Отъ нашего корреспондента). № 1 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки). — Капитанскій мундиръ. * № 4 (подпись:

---

[1]) Въ Собр. соч. Броженіе умовъ. (Изъ лѣтописи одного города).

[2]) Въ Сборн. „Пестрые разсказы“ и въ Собр. соч. п. з. „Винтъ“.

[3]) Очевидно опечатка; въ Собр. соч. п. з. „Господа обыватели“ (Пьеса въ двухъ дѣйствіяхъ).

А. Чехонте).—У предводительши.* (Разсказъ). № 6 (подпись: А. Чехонте).—Живая хронологія. *№ 8 (подпись: А. Чехонте).—Служебныя помѣтки. № 9 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Въ банѣ. * № 10 (подпись: А. Чехонте).—Разговоръ человѣка съ собакой. (Сценка). № 10 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—О Мартѣ. (Филологическая замѣтка). № 11 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Не тлетворныя мысли. № 11 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Мелюзга. *№ 12 (подпись: А. Чехонте).—Праздничныя. (Изъ записокъ провинціальнаго хапуги). № 12 (подпись: Человѣкъ безъ се лезенки).—Оба лучше. (Разсказъ). № 13 (подпись: А. Чехонте).—Красная горка. № 13 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Изъ копилки курьезовъ. № 13 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Объ Апрѣлѣ. (Филологическая замѣтка). № 14 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Гератъ. (Отъ нашего собственнаго корреспондента). № 16 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Канитель. * № 17 (подпись А. Чехонте).—Жизнь прекрасна! (Покушающимся на самоубійство). № 17 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—О Маѣ. (Филологическая замѣтка). № 18 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Всякъ злакъ * [1]. (Сценка). № 20 (подпись: А. Чехонте).—О томъ, о семъ... № 20 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Упразднили! * (Разсказъ). № 21 (подпись: А. Чехонте).—Угроза. № 21 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Павлинъ въ вороньихъ перьяхъ * [2]. (Разсказъ) № 22 (подпись: А. Чехонте).—Финтифлюшки. №№ 22 и 23 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки.—Нервы. * (Разсказъ). № 23 (подпись: А. Чехонте).—Обратите наконецъ вниманіе! (Ужасное происшествіе). № 24 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Вверхъ по лѣстницѣ. № 24 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—На лунѣ. (Сцена, не попавшая въ феерію Лентовскаго „Путешествіе на луну"). (Къ рис. В. П. Порфирьева). № 25 (подпись: Ан. Ч—е).—Надулъ. (Очень древній анекдотъ). № 25 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Симулянты. * (Разсказъ). № 26 (подпись: А. Чехонте).—Не судьба! № 28 (подпись: А. Чехонте).—Необходимое предисловіе. № 29 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Въ вагонѣ. (Разговорная перестрѣлка). № 30 (подпись: А. Чехонте).—Объ Іюнѣ и Іюлѣ. (Филологическая замѣтка). № 30 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Нѣчто серьезное. № 30 (подпись: А. Чехонте).—Мыслитель. * № 32 (подпись: А. Чехонте).—Дѣлецъ. № 33 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Свистуны. (Разсказъ). № 34 (подпись: А. Чехонте).—Объ Августѣ. (Филологическая замѣтка). № 34 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Женское счастье. * № 37 (подпись: А. Чехонте).—Стѣна. № 38 (подпись: А. Чехонте).—

---

[1]) Въ Собр. соч. п. з. „Въ номерахъ".

[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Ворона".

Къ свадебному сезону. (Изъ записной книжки комиссіонера). № 39 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Записка. № 39 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Два газетчика. (Неправдоподобный разсказъ). № 40 (подпись: А. Чехонте).—На чужбинѣ. *№ 41 (подпись: А. Чехонте).—Битая знаменитость, или средство отъ запоя * [1]). (Изъ актерской жизни). № 43 (подпись: А. Чехонте).—Руководство для желающихъ жениться. (Секретно). № 44 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Дорогая собака*. [2]) № 45 (подпись: А. Чехонте).—Пересолилъ*. № 46 (подпись: А. Чехонте).—Старость*. № 47 (подпись: А. Чехонте).—Ну, публика!* № 48 (подпись: А. Чехонте).—Домашнія средства. —49 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Моя бесѣда съ Эдисономъ. (Отъ нашего собственнаго корреспондента). № 49 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Шило въ мѣшкѣ*. (Разсказъ). № 50 (подпись: А. Чехонте).—Антрепренеръ подъ диваномъ. (Закулисная исторія)*. № 51 (подпись: А. Чехонте).—Восклицательный знакъ. (Святочный разсказъ)*. № 52 (подпись: А. Чехонте).

1886.

Новогодніе великомученики. № 1 (подпись: А. Чехонте).—Шампанское. (Мысли съ новогодняго похмелья). № 1 (подпись: Человѣкъ бзъ селезенки).—Визитныя карточки. № 1 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Сорвалось *[3]) № 2 (подпись: А. Чехонте).—Открытіе. № 4 (подпись: А. Чехонте).—Ночь передъ судомъ. (Случай изъ моей медицинско-шарлатанской практики). *№ 5 (подпись: А. Чехонте).—Бесѣда пьянаго съ трезвымъ чортомъ № 6 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Глупый Французъ. № 7 (подпись: А. Чехонте).—Анюта. *№ 8 (подпись: А. Чехонте).—О бренности. (Масляничная тема для проповѣди). № 8 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Персона. № 9 подпись: А. Чехонте).—Отрава. № 10 (подпись: А. Чехонте).—Мой разговоръ съ почтмейстеромъ. № 11 (подпись: А. Чехонте).—Въ Парижъ! № 12 (подпись: А. Чехонте).—Скарлатина и счастливый бракъ *[4]). (Архивное изысканіе). № 13 (подпись: А. Чехонте).—Грачъ. № 13 (подпись: Человѣкъ безъ селзенки).—Гриша.* № 14 (подпись: А. Чехонте).—Дамы.* (Разсказъ). № 16 (подпись: А. Чехонте).—О женщинахъ № 17 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Немножко боли *[5]). (Уличный случай). № 18 (подпись: А. Чехонте).—Сказка. (Посвящ. балбесу, хвастающему своимъ сотрудничествомъ въ газетахъ). № 18 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Литературная табель о рангахъ. № 19

[1]) Въ Собр. соч. п. з. „Средство отъ запоя“.

[2]) П. з. „Собака“ было перепеч. въ журн. „Сверчокъ“ 1889, № 1.

[3]) Въ Собр. соч. п. з. „Неудача“.

[4]) Въ Собр. соч. п. з. „Много бумаги“.

[5]) Въ Собр. соч. п. з. „Знакомый мужчина“.

(подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Въ пансіонѣ. № 21 (подпись: А. Чехонте).—Романъ съ контрабасомъ.* (Дачная феерія). № 23 (подпись: А. Чехонте).—Списокъ лицъ, имѣющихъ право на безплатный проѣздъ по Русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. № 23 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Аптекарша.* № 25 (подпись: А. Чехонте).—Серьезный шагъ. № 26 (подпись: А. Чехонте).—Пѣвичка. № 27 (подпись: А. Чехонте).—Словотолкователь для „барышень". № 28 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Акцизный. № 32 (подпись: А. Чехонте).—Розовый чулокъ. № 33 (подпись: А. Чехонте).—Талантъ.* № 36 (подпись: А. Чехонте).—Первый любовникъ.* № 37 (подпись: А. Чехонте).—Длинный языкъ.* № 39 (подпись: А. Чехонте).—Месть.* (Житейскій водевиль). № 41 (подпись: А. Чехонте).—Статистика. № 42 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Бука. № 43 (подпись: А. Чехонте).—Жилецъ № 31. № 43 (подпись: А. Чехонте).—Тсссс!....* № 46 (подпись: А. Чехонте).—Ораторъ.* (Разсказъ). № 48 (подпись: А. Чехонте)—Произведеніе искусства.* № 50 (подпись: А. Чехонте).—Кто виноватъ? № 51 (подпись: А. Чехонте).—То была она!* (Святочный разсказъ). № 52 (подпись: А. Чехонте).—Человѣкъ. (Немножко философіи). № 52 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).

1887.

Анекдотъ. № 4 (подпись: А. Чехонте).—Неосторожность.* № 8 (подпись: А. Чехонте).—Беззащитное существо.* № 9 (подпись: А. Чехонте).—Житейскія невзгоды.* № 13 (подпись: А. Чехонте).—Тайна.* № 15 (подпись: А. Чехонте).—Весной. (Сцена-монологъ). № 17 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Драма.* № 24 (подпись: А. Чехонте). —Беззаконіе.* № 27 (подпись: А. Чехонте).—Хорошій конецъ.* № 30 (подпись: А. Чехонте).—Злоумышленники. (Разсказъ очевидцевъ). № 32 (подпись: А. Чехонте).—Мститель.* № 37 (подпись: А. Чехонте).—Интриги.* № 43 (подпись: А. Чехонте).—Левъ и Солнце.* № 49 (подпись: А. Чехонте).

„Свѣтъ и Тѣни"

1882.

Сельскіе эскулапы. № 22 (подпись: Антоша).—Скверная исторія. Нѣчто романообразное. №№ 23 и 24 (подпись: Антоша Чехонте).

„Спутникъ."

1882.

Пропащее дѣло. (Водевильное происшествіе). № 11 (подпись: Антоша Чехонте).—Двадцать девятое іюня. (Разсказъ охотника, никогда въ цѣль не попадающаго). № 12 (подпись: Антоша Чехонте).—Который изъ трехъ? (Старая но вѣчно новая исторія). № 14 (подпись: Антоша Чехонте).

„Альманахъ „Стрекозы" на 1884 годъ.

Шведская спичка. (Уголовный разсказъ).* Стр. 144—162 (подпись: Антоша Чехонте), съ рис. Н. Чехова.

„Новости Дня"

1884.

О женщины, женщины!.. № 45 (подпись: Анче)—Драма на охотѣ. (Истинное происшествіе). *[1]) №№ 212, 213, 218, 219, 226, 233, 241, 247, 253, 254, 261, 275, 282, 289, 296, 303, 310, 317, 331, 338, 345, 353.

1885.

Драма на охотѣ. (продолженіе) №№ 26, 45, 61, 62, 75, 80, 95, 98, 102, 107 и 111 (подпись: Антоша Чехонте).

„Развлеченіе".

1884.

„Ярмарочное „итого". № 36 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Изъ огня да въ полымя.* № 37 (подпись: А. Чехонте).—Бракъ по разчету, или за человѣка страшно! (Романъ въ 2-хъ одинаковыхъ плачевныхъ частяхъ)* [2]). № 43 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Страшная ночь*. (Святочный разсказъ). Посвящается гробокопателю М. П. Ѳ...у. № 50 (подпись: А. Чехонте). — Елка. № 50 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Noli me tangere! (Изъ жизни провинціальныхъ козырей)* [3]). Юбилейный нумеръ (подпись: А. Чехонте).

1885.

Праздничная повинность № 1 (подпись: А. Чехонте).

„Русскій Сатирическій Листокъ".

1884.

Месть женщины. № 4 (подпись: Анче). — Ванька. № 5 (подпись: А. Чехонте).

---

[1]) Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности прочесть это произведеніе, но намъ кажется, что это тотъ самый романъ, объ которомъ такъ много печаталось въ періодической печати (не исключая даже и настоящей газеты), какъ объ неизданномъ произведеніи г. Чехова. См. статью К., „Неизданный романъ А. П. Чехова", „Нов. Дня" 1904, № 7595.

[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Бракъ по расчету". (Романъ въ 2-хъ частяхъ).

[3]) Въ Собр. соч. п. з. „Маска".

„Петербургская Газета".

(Все произведенія за подписью: А. Чехонте).

1885.

Послѣдняя могиканша*. № 122.—Дипломатъ. (Сценка) № 135.—Кулачье гнѣздо. № 139.—Сапоги*. (Сценка). № 149.—Стража подъ стражей. (Сценка). № 163. — Интеллигентное бревно. (Сценка). № 169. — Налимъ*. (Сценка). № 177.—Въ аптекѣ. (Сценка). № 182.—Лошадиная фамилія*. (Сценка). № 183. —Заблудшіе*. (Сценка). № 191.—Егерь*. (Сценка). № 194.—Злоумышленникъ*. (Сценка)№ 200.—Женихъ и папенька. (Нѣчто современное). (Сценка). № 207. —Гость. (Сценка). № 212.—Конь и трепетная лань. (Сценка). № 219—Утопленникъ. (Сценка). № 226. — Козлы отпущенія. (Посвящается многимъ папашамъ* [1]). № 233.—Староста. (Сценка) № 240.—Мертвое тѣло*. (Картинка). № 247.—Кухарка женится*. (Разсказъ). № 254.—Послѣ бенефиса. (Сценка). № 261.—Общее образованіе (Послѣдніе выводы зубоврачебной науки). № 268. —Кляузникъ. (Сценка)* [2]). № 273,—Психопаты. (Сценка) № 275.—Индѣйскій пѣтухъ. (Маленькое недоразумѣніе) № 282.—Сонная одурь*. (Сценка). № 289. Контрабасъ и флейта. (Сценка). № 296. Ниночка. (Романъ). № 303.—Писатель*. (Сценка). № 310. — Безъ мѣста. № 317. — Горе*. (Зимняя картинка). № 324. — Тряпка (Сценка). № 331 — Святая простота. (Разсказъ). № 338.— Циникъ. (Сценка). № 345.—Mari d'elle. № 347.—Сонъ. (Святочный разсказъ). № 354.—Зеркало*. (Сценка) № 359.

1886.

Дѣтвора*. (Сценка). № 19.—Тоска* [3]). № 26.—Переполохъ*. (Отрывокъ изъ романа). № 33.—Актерская гибель*. № 40.—О вредѣ табака. (Сцена монологъ)*. № 47.—Иванъ Матвѣичъ*. № 60.—Разсказъ безъ конца. (Сценка). № 67.—Водобоязнь [4]). (Быль). № 74. — Весной*. (Сценка). № 81.—На рѣкѣ. (Весеннія картинки). № 88.—Любовь. № 95.—Сильныя ощущенія*. (Сценка). № 107. — Счастливчикъ*. (Сценка). № 121. — День за городомъ. (Сценка). № 135.—Отъ нечего дѣлать. (Дачный романъ). № 142. — Страхи.* (Разсказъ дачника). № 162.—Лишніе люди*. № 169.—Безпокойный гость*. № 190.—Чужая бѣда. № 204. — Ты и вы. (Сценка). № 211: — Страдальцы*. № 225.— Нахлѣбники*. № 246.—Въ потемкахъ*. (Изъ лѣтнихъ воспоминаній). № 253. —Житейская мелочь*. № 267.—Недобрая ночь. (Наброски). № 302.—Калхасъ* [5]). № 309.—На мельницѣ. № 316.—Событіе*. № 323.—Бѣда*. № 330.— Заказъ. № 337.—Юбилей*. № 344.—Ванька.* № 354.

---

[1]) Въ Собр. соч. п. з. "Отецъ семейства".

[2]) Въ Собр. сочин. п. з. „Унтеръ Пришибаевъ".

[3]) Также перепеч. въ сборн. „Проблески", М. 1895. 8°, стр. 146—151.

[4]) Было перепеч. въ журн. „Русская Мысль" 1905, кн. I, п. з. „Волкъ", и подъ тѣмъ-же заглавіемъ въ журн. „Литерат. Вечера" 1905, № 2, стр. 35—41.

[5]) Въ Собр. соч. п. з. „Лебединая пѣсня".

1887.

Шампанское. (Разсказъ проходимца)*. № 4.—Морозъ*. № 11.—Нищій*. № 18.—Въ потемкахъ*. [1]). № 25.—Полинька*. № 32.—Пьяные*. № 39.—Наканунѣ поста*. № 52.—Недоброе дѣло*. № 59.—Семьдесять пять тысячъ* [2]). № 66.—Рано! № 73.—Тифъ*. № 80.— На страстной недѣлѣ*. № 87.—Казакъ. № 99.—Удавъ и кроликъ. № 106.—Критикъ. № 113.—Въ лѣсу. (Разсказъ ямщика)* [3]). № 120.—Слѣдователь*. № 127.—Обыватели. № 134.—Его первая любовь* [4]). № 147.—Ненастье*. № 154.—Одинъ изъ многихъ. № 161.—Скорая помощь*. № 168.—Непріятная исторія. № 175.—Отецъ* 196.—Въ сараѣ*. № 210.—Зиночка*. № 217.—Докторъ. № 224.—Сирена*. № 231.—Почта*. № 252.—Свадьба*. № 259.—Бѣлецъ*. № 266.—Задача*. № 287.—Старый домъ. (Разсказъ суевѣрнаго человѣка)* [5]). № 294.—Дорогіе уроки*. № 308.—Баранъ. № 336.—Мальчики*. № 350.—Зимнія слезы. (Изъ записокъ княжны N. N.)* [6]). № 354.

1888.

Спать хочется.* № 24.

„Новое Время“.

1886.

Панихида.* № 3581.—Вѣдьма.* № 3600.—Агафья.* № 3607.—Кошмаръ.* № 3621.—Святою ночью.* № 3636.—Тайный совѣтникъ.* № 3657.—Скука жизни. № 3682.—Учитель.* № 3723.—Несчастье.* № 3758.—Пассажиръ I-го класса.* № 3765.—Пустой случай.* № 3793.—Тяжелые люди.* № 3810.—Въ судѣ* [7]). № 3814.—Тина.* № 3832.—Мечты.* № 3849.—Сестра* [8]). № 3856.—На пути.* № 3889.

1887.

Враги * № 3913.—Вѣрочка.* № 3944.—Дома.* № 3958.—Встрѣча. № 3969.—Міряне.* [9]) № 3998.—Счастье*. № 4046.—Перекати поле. (Путевой набросокъ).* № 4084.—Свирѣль.* № 4130.—Холодная кровь.* №№ 4193 и 4196.—Поцѣлуй.* № 4238.—Въ ученомъ обществѣ.* [10]) № 4248.

---

[1]) Въ Собр. соч. п. з. „Темнота“.

[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Выигрышный билетъ“.

[3]) Въ Собр. соч. п. з. „Происшествіе“.

[4]) Въ сборн. „Проблески“, М. 1895. 8°, стр. 76—88 и въ Собр. соч. п. з. „Володя“.

[5]) Въ Собр. соч. „Старый домъ“ (Разсказъ домовладѣльца).

[6]) Въ сборн. „Призывъ“, М. 1897. 8°, стр. 211—218 и въ Собр. соч. п. з. „Разсказъ госпожи NN“.

[7]) Также перепеч. въ сборн. „Проблески“, М. 1895, 8-ю, стр. 201—207.

[8]) Въ Собр. соч. п. з., „Хорошіе люди.

[9]) Въ Собр. соч. п. з. „Письмо“.

[10]) Въ отд. изданіи и въ Собр. соч. п. з. „Каштанка“.

1 8 8 8.

Сказка.* [3]) № 4253.—Житейская мелочь.* [1]) №№ 4404 и 4408.—Медвѣдь. Шутка въ одномъ дѣйствіи.* [2]) № 4491 (подпись: А. П.).—Красавицы.* № 4513.

1 8 8 9.

Сказка.* [4]) № 4613.—Княгиня.* № 4696.—Предложеніе. Шутка въ 1 дѣйствіи.* [5]) № 4732 (подпись: А. П.).—Обыватели. (Посв. Н. Н. Об—му). № 4940.

1 8 9 0.

Черти.* [6]) № 5061.—Изъ Сибири. №№ 5142—5147.—По Сибири №№ 5168, 5172 и 5202.—Гусевъ.* № 5326.

1 8 9 1.

Бабы.* № 5502.—Дуэль.* №№ 5621, 5622, 5624, 5629, 5631, 5635, 5642, 5643, 5649, 5656 и 5657.

„Сверчокъ"

1 8 8 6.

Ночь на кладбищѣ. (Святочный разсказъ). № 1 (подпись: А. Чехонте).—Шуточка.* № 10 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Свѣтлая личность. (Разсказъ „идеалиста"). № 37 (подпись: А Чехонте). —Драма. № 37 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Ахъ зубы. № 39 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Предложеніе. (Разсказъ для дѣвицъ). № 41 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).—Драматургъ. № 46 (подпись: Человѣкъ безъ селезенки).

„Сѣверный Вѣстникъ"

1 8 8 8.

Степь. (Исторія одной поѣздки)* № 3, стр. 75—167. Огни. № 6, стр. 1—36.—Именины.* № 11, стр. 49—89.

1 8 8 9.

Ивановъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.* № 3, стр. 135—194.—Скучная исторія. (Изъ записокъ стараго человѣка).* № 11, стр. 73—130.

1 8 9 2.

Жена. (Повѣсть.)* № 1.

---

[1]) Въ Собр. „Помощь голодающимъ отъ неурожая" изд. газ. „Курьеръ", М. 1899, стр. 61—65 и въ Собр. соч. п. н. „Безъ заглавія".

[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Непріятность".

[3]) За полнымъ именемъ автора было перепечатано въ журн. „Артистъ", 1890, Февраль. Книга 6. Прилож., стр. 62—67.

[4]) Въ Собр. соч. п. з. „Пари".

[5]) За полнымъ именемъ автора было перепечатано въ журн. „Артистъ" 1889, Ноябрь, Книга 3, стр. 52—57.

[6]) Въ Собр. соч. п. з. „Воры".

Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сборникъ. СПб. 1889. 4°.

Припадокъ* [1]) Стр. 295—319.

„Артистъ“

1890.

Трагикъ по неволѣ. (Изъ дачной жизни). Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.* Апрѣль. Книга 7. Приложенія, стр. 30—32.

1894.

Черный монахъ.* Январь. № 33, стр. 1—16.

„Всемірная Иллюстрація“

1892.

Въ ссылкѣ.* Т. XLVII. № , стр. 354 и слѣд.

„Недѣля“.

1892.

Сосѣди.* (Разсказъ). № 7.

1899.

По дѣламъ службы.* (Разсказъ). № 1.

„Помощь голодающимъ“. Научно-литературный сборникъ. Москва. Изданіе „Русскихъ Вѣдомостей“. 1892. 8°.

Бѣглые на Сахалинѣ. Стр. 227—248.

„Русская Мысль“.

1892.

Палата № 6.* Ноябрь. Книга XI, стр. 76—123.

1893.

Разсказъ неизвѣстнаго человѣка.* [2]) Февраль. Книга II, стр. 153—186; Мартъ. Книга III, стр. 83—129.—Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ).* Октябрь. Книга X, стр. 1—33; Ноябрь. Книга XI, стр. 149—170; Декабрь. Книга XII, стр. 77—114.

1894.

Островъ Сахалинъ. (Продолженіе). Февраль. Книга II, стр. 26—60; Мартъ. Книга III, стр. 1—28; Май. Книга V, стр. 1—30; Іюнь. Книга VI, стр. 1—27; Іюль. Книга VII, стр. 1—30.—Бабье царство.* (Разсказъ). Январь. Книга I, стр. 154—189.

---

[1]) Также перепеч. въ сборн. „Проблески“, М. 1895, 8-ю, стр. 3—26.

[2]) Было перепеч. въ журн. „Читатель“ 1897, Январь, стр. 1—124.

1895.

Три года.* (Разсказъ). Январь. Книга I, стр. 1—53; Февраль. Книга II, стр. 115—156.—Убійство.* (Разсказъ). Ноябрь. Книга XI, стр. 1—27.—Аріадна.* (Разсказъ). Декабрь. Книга XII, стр. 1—26.

1896.

Домъ съ мезониномъ. (Разсказъ художника).* Апрѣль. Книга IV, стр. 1—17.—Чайка. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ.* Декабрь. Книга XII, стр. 117—161.

1897.

Мужики.* Апрѣль. Книга IV, стр. 167—194.

1898.

Человѣкъ въ футлярѣ.* Разсказъ. Іюль. Книга VII, стр. 120—131.—Крыжовникъ.* — О любви.* Августъ. Книга VIII, стр. 145—162.—Случай изъ практики.* Разсказъ. Декабрь. Книга XII, стр. 189—198.

1899.

Дама съ собачкой.* (Разсказъ). Декабрь. Книга XII, стр. 149—164.

1901.

Три сестры. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.* Февраль. Книга II, стр. 124—178.

1905.

Изъ набросковъ А. П. Чехова. I. У Зелениныхъ. — II. Калѣка. — III Волкъ [1]). Январь. Книга I, стр. 151—159.

„Сѣверъ".

1892.

Попрыгунья.* Разсказъ. № 1, столб. 19—26 и № 2, столб. 91—104.

„Путь-дорога". Научно-литературный сборникъ въ пользу общества для вспомоществованія переселенцамъ. Изд. К. М. Сибирякова. Спб. 1893, 8°.

Хористка.* Стр. 129—134.

„Русскія Вѣдомости".

1893.

Володя большой и Володя маленькій.* № 357.

1894.

Скрипка Ротшильда.* № 37.—Вечеромъ.* [2]) № 104.—Учитель словесности.* (Разсказъ). № 188.—Въ усадьбѣ.* (Разсказъ). № 237.—Разсказъ старшаго садовника.* № 356.

---

[1]) Разсказъ „Волкъ" первоначально былъ напеч. въ „Петерб. Газетѣ" 1886, № 41, п. з. „Водобоязнь".

[2]) Въ Собр. соч. п. з. „Студентъ".

1895.

Анна на шеѣ.* (Разсказъ). № 293.

1897.

Печенѣгъ.* (Разсказъ). № 303.—Въ родномъ углу.* № 317.—На подводѣ.* (Разсказъ). № 352.

1899.

Новая дача.* (Разсказъ). № 3.

„Дѣтское Чтеніе".

1895.

Бѣлолобый.* (Разсказъ). Ноябрь, стр. 1531—1538, съ 3 рис. худ. В. И Андреева.

Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1895 годъ. Москва. 1895. 8°.

Супруга.* (Разсказъ). Стр. 279—285.

Ежемѣсячныя литературныя приложенія при журналѣ „Нива".

1896.

Моя жизнь. Повѣсть.* [1] № 10, стр. 225—260; № 11, стр. 481—522 и № 12, стр. 705—742.

1898.

Іонычъ.* Разсказъ. № 9, стр. 1—24.

„Журналъ для Всѣхъ"

1898.

Жилецъ.* № 11, столб. 1283—1286.—Необыкновенный.* № 12, столб. 1419—1422.—Мужъ.* № 12, столб. 1439—1444.

1902.

Архіерей.* № 4, столб. 447—448, 451—462.

1903.

Невѣста. № 12, столб. 1413—1432.

1905.

Разстройство компенсаціи. Неоконченный разсказъ. Изъ бумагъ и набросковъ. А. П. Чехова. № 2, стр. 71—74.

1906.

Письмо. (Неоконч. разсказъ).

---

[1] Въ Собр. соч. „Моя жизнь". (Разсказъ провинціала).

„Семья"

1899.

Душечка.* Разсказъ. № 1, стр. 2—6.

„Жизнь"

1900.

Въ оврагѣ.* Томъ I. Январь, стр. 201—234.

Сборникъ товарищества „Знаніе" на 1903 годъ.

Вишневый садъ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Книга вторая, стр. 29—105.

ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Сказки Мельпомены. Шесть разсказовъ А. Чехонте. Москва. Тип. А. Левенсонъ. 1884. 16°. 96 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Онъ и она.—Трагикъ.—Баронъ.—Месть.—Два скандала.—Жены артистовъ.

Пестрые разсказы. Изд. журн. „Осколки". Спб. Тип. Р. Голике. 1886. 8°. 380 стр., 2.000 экз. Ц. 1 р.

Содержаніе: Мыслитель.—Пассажиръ 1-го класса. — Злоумышленники. — Дочь Альбіона.—На чужбинѣ. — Разъ въ годъ. — Дѣтвора.—Мертвое тѣло.—Зиночка.—Отставной рабъ.—Кухарка женится.—Шило въ мѣшкѣ.—Драма.—Произведеніе искусства.—Орденъ.—Смерть чиновника.—Канитель.—У предводительши.—Хирургія.—Винтъ.—Капитанскій мундиръ.—Живая хронологія.

— Тоже. Изд. 2-е, исправленное. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 1891. 12°. VI+346 стр., 1.000 экз. Ц. 1.

— Тоже. Изд. 3-е. Спб... 1892. 12°. VI+346 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 4-е. Спб.

— Тоже. Изд. 5-е. Спб.

— Тоже. Изд. 6-е. Спб... 1895. 12°. 338 стр., 1.000 экз. Ц 1.

— Тоже. Изд. 7-е. Спб.

— Тоже. Изд. 8-е. Спб... 1896. 12°. II+338 стр, 1.000 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 9-е. Спб... 1897. 12°. II+338 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 10-е. Спб.

— Тоже. Изд. 11-е. Спб... 1898. 12°. 338+II стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 12-е. Спб... 1898. 12°. 338+II стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1887. 12°. I нен.+278+VIII стр., 1.500 экз. Ц. 1. р.

Содержаніе: Мечты.—Пустой случай.—Недоброе дѣло. — Дома.—Вѣдьма.—Вѣрочка.—Въ судѣ.—Безпокойный гость. — Панихида. — На пути.—Несчастье.— Событіе.—Агафья.—Враги.—Кошмаръ.—Святою ночью.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб... 1888. 12°.

— Тоже. Изд. 3-е. Спб.... 1889. 12°. I+277+VIII стр., 1.030 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 4-е. Спб.... 1890. 12°. 277 стр., 1.000 экз. Ц. 1. р.
— Тоже. Изд. 5-е. Спб.... 1891. 12°. 276 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 6-е. Спб.... 1892. 12°. 276 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 7-е. Спб.... 1895. 12°.
— Тоже. Изд. 8-е. Спб.
— Тоже. Изд. 9-е. Спб.... 1896. 12°. 275 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 10-е. Спб.
— Тоже. Изд. 11-е. Спб.... 1898. 12°. 275 стр., 1.000 экз. Ц. 1.
Тоже. Изд. 12-е. Спб... 1899. 12°. 275 стр., 1000 экз. Ц. 1 р.

Невинныя рѣчи А. Чехонте (А. П. Чехова). Изд. журн. „Сверчокъ". Москва. Тип. бр. Вернеръ. 1887. 12°. 241+II стр., 2.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Содержанiе: Скорая помощь.—Битая знаменитость.—Ночь передъ судомъ.—Дорогая собака.—Житейскiя невзгоды.—Страшная ночь. — Счастливчикъ. — Беззаконiе.—Драма.—Произведенiе искусства.—То была она.—Тссс!....—Месть.—На чужбинѣ.—Одинъ изъ многихъ.—Нервы.—Злоумышленники.—Зиночка.—Въ потемкахъ.—Лишнiе люди.—Нахлѣбники.

О вредѣ табака. Сцена-монологъ въ 1 дѣйствiи А. Чехонте. Изд. театральной библiотеки С. Напойкина. Москва. Литогр. т-ва М. Кувшинова. 1887. 4°. 12 стр., 110 экз.

— Тоже. Изд. 2-е, исправленное. Москва. Литогр. театральной библiотеки Е. Разсохиной. 1899. 4°. 10 стр., 110 экз.

Ивановъ. Комедiя въ 4-хъ дѣйствiяхъ и 5 картинахъ. Москва. Литогр. театральной библiотеки Е. Разсохиной. 1888. 4°. 96 стр., 110 экз.

Разсказы. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1888. 12°. III+367 стр., 1.500 экз. Ц. 1.

Содержанiе: Счастье.—Тифъ.—Ванька.—Свирѣль.—Перекати поле.—Задача.—Степь.—Тина.—Тайный совѣтникъ.—Письмо.—Поцѣлуй.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб.... 1889. 12°. III нен. + 367 стр., 2.000 экз. Ц. 1. р.

— Тоже. Изд. 3-е. Спб.... 1889. 12°. I нен. + 367 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 4-е. Спб.... 1890. 12°. I нен. + 367. стр. 1.000 экз. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 5-е. Спб... 1891. 12°. 367 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 6-е. Спб.... 1892. 12°. 367 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 7-е. Спб.... 1892. 12°. 349 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 8-е. Спб.
— Тоже. Изд. 9-е. Спб.... 1895. 12°. 349 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 10-е. Спб.... 1896. 12°. 347 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 11-е. Спб.... 1897. 12°. 347 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 12-е. Спб.... 1898. 12°. 347. стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

Вѣрочка. Разсказъ. Львовъ (Галич.) 1889 8°. 23 стр.

Дѣтвора. Разсказы. (Дѣтвора.—Ванька.—Событiя.—Кухарка женится.—

Бѣглецъ.—Дома). Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. (Дешевая библіотека. № 76). 1889. 16°. 62+I нен. стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб.... 1890, 16°. 62 стр., 5.000 экз. Ц. 15. к.

Ивановъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Изъ „Сѣвернаго Вѣстника" III, 1889). Спб. Тип. В. Демакова. 1889. 8°. 60 стр., 100 экз.

Предложеніе. Шутка въ 1 дѣйствіи. Москва. Литогр. театральной библіотеки Е. Разсохиной. 1889. 4°. 25 стр., 110 экз.

Трагикъ поневолѣ. (Изъ дачной жизни). Шутка въ 1 дѣйствіи. Изд. театральной библіотеки В. Базарова. Спб. Тип. Дома призр. малол. бѣдныхъ. 1889. 8°. 15 стр., 600 экз.

— Тоже. Изд. 2-е, исправленное. Москва. Литогр. москов. театральной библіотеки Е. Разсохиной. 1890. 4°. 10 стр., 110 экз.

Свадьба. Сцена въ 1 дѣйствіи. Москва. Литогр. С. Разсохина. 1890. 4° 21 стр., 110 экз.

Хмурые люди. Разсказы. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1890. 12°. 292 стр., 1025 экз. Ц. 1. р.

Содержаніе: Почта.—Непріятность.—Володя.—Княгиня.—Бѣда.—Спать хочется.—Холодная кровь.—Скучная исторія.—Припадокъ.—Шампанское.

— Тоже. Изд. 2-е Спб.... 1890. 12°. 292 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 3-е. Спб.... 1891. 12°. 292 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 4-е. Спб.... 1893. 12°. 292 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 5-е. Спб.... 1894. 12°. 292 стр.. 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 6-е. Спб.... 1896. 12°. 284 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 7-е. Спб.... 1897. 12°. 284 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 8-е. Спб.... 1898. 12°. 283 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

Дуэль. Повѣсть. Изд. и тип. А. С. Суворина. Спб. 1891. 12°.
— Тоже. Изд. 2-е. Спб.... 1892. 12°. 251 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 3-е. Спб.... 1893. 12°. 251 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 4-е. Спб.
— Тоже. Изд. 5-е. Спб.
— Тоже. Изд. 6-е. Спб.... 1897. 12°. 251 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.
— Тоже. Изд. 7-е. Спб.
— Тоже. Изд. 8-е. Спб.... 1898. 12°.

Каштанка. Разсказъ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1892. 12°. 65 стр., 1.000 экз. Ц 50 к.
— Тоже. Изд. 2-е. Спб.... 1892. 12°. 65 стр., 1.000 экз. Ц. 50 к.
— Тоже. Изд. 3-е. Спб.... 1893. 12°. 65 стр., 1.000 экз. Ц. 50 к.
— Тоже. Изд. 4-е. Спб....
— Тоже. Изд. 5-е. Спб.... 1897. 12°. 65 стр., 1.000 экз. Ц. 50 к.
— Тоже. Изд, 6-е. Спб.... 1898. 12°. 65 стр., 1.000 экз. Ц. 50 к.
— Тоже. Съ 55-ю рисунками художника Д. Н. Кардовскаго. Спб. Изд. и тип. А. Ф. Маркса. 1904. 4°. 93 стр., 1.650 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Юбилей. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Москва литогр. С. Разсохина. 1892. 4°. 21 стр., 110 экз.

Жена. Разсказъ. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 1893. 8°. 56 стр. Ц. 25 к.

— Тоже. Изд. 2-е.... 1894. 8°. 56 стр. 6.000 экз. ц. 25 к.

— Тоже. М. 1899. 8°. 56 стр., 5.000 экз. Ц. 25 к.

Именины. Разсказъ. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 1893. 8°. Ц. 20 к.

— Тоже. Изд. 2-е.... 1894. 8°. 40 стр., 6.000 экз. Ц. 20 к.

— Тоже. Изд. 3-е.... 1899. 8°. 40 стр., 5.000 экз. Ц. 20 к.

Палата № 6. Разсказъ. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 1893. 8°. 64 стр. Ц. 25 к.

— Тоже. Изд. 2-е.... 1894. 8°. 64 стр., 6.000 экз. Ц. 25 к.

— Тоже. Изд. 3-е.... 1899. 8°. 64 стр., 5.000 экз. Ц. 25 к.

Палата № 6.—Бабы.—Страхъ.—Гусевъ. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1893. 12°. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб.

— Тоже. Изд. 3-е. Спб.....1894. 12°. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 4-е. Спб.

— Тоже. Изд. 5-е. Спб.

— Тоже. Изд. 6-е. Спб.... 1898. 12°. 240 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

Повѣсти и разсказы. Москва. Тип. т-ва И Д. Сытина. 1894. 8°. 285+I стр., 10.000 экз. Ц. 1 р.

Содержаніе: Бабье царство.—Попрыгунья.—Черный монахъ.—Въ ссылкѣ.—Скрипка Ротшильда.—Володя большой и Володя маленькій.—Учитель словесности.—Въ усадьбѣ.—Отецъ.—Студентъ.—Сосѣди.

— Тоже. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. М. 1898. 8° 286 стр., 5.000 экз.

Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". Москва. Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 1895. 8°. III+520 стр.

Бабье царство· Разсказъ. Москва. Изд. и тип. И. Д. Сытина. 1896. 8°. 55 стр., 3.000 экз. Ц. 20 к.

Мужики.—Моя жизнь. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1897. 12°. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб....

— Тоже. Изд. 3-е. Спб....

— Тоже. Изд. 4-е. Спб.... 1898. 12°. Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 5-е. Спб.... 1898. 12°. 254+I стр., 1.000 экз Ц. 1 р.

— Тоже. Изд. 6-е. Спб.... 1898. 12°. 254 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р.

Пьесы. Спб. Изд. и тип. А. С. Суворина. 1897. 12°. 334 стр., Ц. 2 р.

Содержаніе: Медвѣдь.—Предложеніе.—Ивановъ.—Лебединая пѣсня (Колхасъ).—Трагикъ по неволѣ. (Изъ дачной жизни).—Чайка.—Дядя Ваня.

— Тоже. Изд. 2-е А. Ф. Маркса. Спб. 1901. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Медвѣдь.—Предложеніе.—Ивановъ.—Лебединая пѣсня. (Колхасъ).—Трагикъ по неволѣ.—Чайка.—Дядя Ваня.—Свадьба.—Юбилей.—Три сестры.

Мечты. Разсказъ. Изд. Москов. Общ. Грамотности. Москва. Тип. Вильде. 1898. 8°. 16 стр., 12.000 экз. Ц. 3 к.

Святою ночью. Разсказъ Изд. Москов. Общ. Грамотности. Москва. Тип. Вильде. 1898. 8°. 16 стр., 12.000 экз. Ц. 3 к.

Моя жизнь. Повѣсть. Львовъ. (Галич.). 1900. 8°. 148 стр. („Русская Библіотека", Изд. И. Н. Палеха, Вып. IX—XII).

Мужики. Львовъ. (Галич.). 1900. 8°. (Русская Библіотека", изд. И. Н. Палеха).

Каштанка. Оповідане. Переклала М. Гвушевська. Львовъ. (Галич.). 1901. 16°. 39 стр. („Литературно-Наукова Бібліотека").

Свадьба.—Юбилей.—Три сестры. Пьесы Спб. Изд. и тип. А. Ф. Маркса. 1901. 8°.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб... 1902. 8°. 111 стр. Ц. 75 к.

Три сестры. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Изд. и тип. А. Ф. Маркса. 1901. 8°. Ц. 60 к.

Дядя Ваня. Сцены изъ деревенской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Изд. и тип. А. Ф. Маркса. 1902. 8° Ц. 50 к.

Сочиненія. 10 томовъ. Спб. Изд. и тип. А. Ф. Маркса. 1899—1901. 8°.

Томъ I. Разсказы. (1899). 8°. 384+II стр. – Тоже. Изд. 2-е. (1900). 8°. 384+II стр., 15.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Въ банѣ.—Сирена.—Толстый и тонкій.—Женское счастье.—Альбомъ.—Случай съ классикомъ.—Страшная ночь.—Чтеніе.—Въ потемкахъ.—Аптекарша.—Ораторъ.—Романъ съ контрабасомъ.—Бракъ по расчету.—Ночь передъ судомъ.—Дачники.—Броженіе умовъ.—Сонная одурь.—Тайна.—Мститель.—Заблудшіе.—Репетиторъ.—Симулянты.—Господа обыватели.—Отецъ семейства.—Неудача.—Экзаменъ на чинъ.—Счастливчикъ.—Средство отъ запоя.—Житейскіе невзгоды.—Дорогая собака.—Не въ духѣ.—Надлежащія мѣры.—Первый любовникъ.—Хорошій конецъ.—Много бумаги.—Справка.—Знакомый мужчина.—Изъ дневника помощника бухгалтера.—Злой мальчикъ.—То была она!—Интриги.—Въ почтовомъ отдѣленіи.—Мужъ.—Въ номерахъ.—Гриша.—Необыкновенный.—Левъ и солнце.—Антрепренеръ подъ диваномъ.—Жалобная книга.—Лишніе люди.—Скорая помощь.—Загадочная натура.—Изъ записокъ вспыльчиваго человѣка.—Тсссс!...—Месть.—Длинный языкъ.—Нервы.—Кривое зеркало.—На кладбищѣ.—Сапоги.—Радость.—Умный дворникъ.—Въ цырульнѣ.—Сапожникъ и нечистая сила.—Мальчики.—Иванъ Матвѣичъ.—Беззащитное существо.—Дамы.—Полинька.—Приданое.—Свадьба.—Темнота.

Томъ II. Повѣсти и разсказы. (1900) 8°. 298 стр., 28.000 экз. Ц. 1. 50 к.

Содержаніе: Мыслитель.—Дочь Альбіона.—На чужбинѣ.—Кухарка женится.—Шило въ мѣшкѣ.—Драма.—Произведеніе искусства.—Орденъ.—Смерть чиновника.—Капитель. — Хирургія.—Винтъ.—Капитанскій мундиръ.—Живая хронологія.—Восклицательный знакъ.—Ну, публика!—Пересолилъ.—Налимъ.—Хамелеонъ.—Клевета.—Шведская спичка.—Художество.

—Упразднили.—Унтеръ Пришибеевъ.—Анюта.—Въ Москвѣ на Трубной площади.—Лошадиная фамилія.—Трагикъ.—Страдальцы.—Накануиѣ поста.—Житейская мелочь.—Маска.—Переполохъ.—Шуточка.—Писатель.—На страстной недѣлѣ.—Pergetuum mobile.—Торжество побѣдителя.—Ворона.—Неосторожность.—Хористка.—Страхи.—Послѣ театра.—Ненасье.—Изъ огня да въ полымя.—Бѣглецъ.—Происшествіе.

Томъ III. Разсказы. (1901). 8°. 412+II стр., 40.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Злоумышленникъ.—Дѣтвора.—Мертвое тѣло.—Зиночка.—Нахлѣбники.—Талантъ.—Дорогіе уроки.—Въ сараѣ.—Разсказъ госпожи NN.—Выигрышный билетъ.—Морозъ.—Сильныя ощущенія.—Нищій.—Пьяные.—Красавицы.—Слѣдователь.—Старый домъ.—Весной.—Бѣлолобый.—У предводительши.—Пѣвчіе.—Послѣдняя могиканша.—Беззаконіе. Актерская гибель.—Мелюзга.—Зеркало.—Старость.—Горе.—Устрицы.—Тоска. — Егерь. —Мечты.—Пустой случай.—Не доброе дѣло.—Дома.—Вѣдьма.—Вѣрочка.—Въ судѣ.—Безпокойный гость.—Панихида.—На пути.—Несчастье.—Событіе.—Агафья.—Враги.—Кошмаръ.—Святою ночью.

Томъ IV. Разсказы. (1901). 8°. 366+I стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Счастье.—Тифъ.—Ванька.—Свирѣль.—Перекати поле.—Задача.—Степь.—Тина.—Тайный совѣтникъ.—Письмо.—Поцѣлуй.—Пассажиръ I-го класса.—Воры.—Пари.—Именины.—Безъ заглавія.—Каштанка.

Томъ V. Разсказы. (1901). 8°. 303+I стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Почта.—Непріятность.—Володя.—Княгиня.—Бѣда.—Спать хочется.—Холодная кровь.—Скучная исторія.—Припадокъ.—Шампанское.—Въ ссылкѣ.—Отецъ.—Жена.—Учитель.—Тяжелые люди.

Томъ VI. Разсказы. (1901). 8°. 348+I стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Дуэль.—Палата № 6.—Гусевъ.—Бабы.—Страхи.—Разсказъ неизвѣстнаго человѣка.—Хорошіе люди.

Томъ VII. Пьесы. (1900). 8°. 258 стр., 10.500 экз. Ц 1 р. 50 к.

Содержаніе: Медвѣдь.—Предложеніе.—Ивановъ.—Лебединая пѣсня (Калхасъ).—Трагикъ по неволѣ.—Чайка.—Дядя Ваня.

Томъ VIII. Разсказы. (1901). 8°. 366+I стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Бабье царство.—Попрыгунья.—Черный монахъ.—Скрипка Ротшильда.—Володя большой и Володя маленькій.—Учитель словесности.—Въ усадьбѣ.—Студентъ.—Сосѣди.—Три года.—Убійство.—Супруга.

Томъ IX. Разсказы (1901). 8°. 344+I стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Аріадна.—Анна на шеѣ.—Домъ съ мезониномъ.—Въ родномъ углу.—Печенѣгъ.—Новая дача.—На подводѣ.—Мужики. — Моя жизнь.—Случай изъ практики.—Душечка.—По дѣламъ службы.—Іонычъ.

Томъ X. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). (1901). 8°. 410 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій. Изд. второе, съ приложеніемъ портрета Антона Чехова. 16 томовъ. Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1903. 8°.

Томъ первый. 8°. 223+I стр.

Содержаніе: Въ банѣ. — Сирена. — Толстый и тонкій. — Женское счастье.—Альбомъ —Случай съ классикомъ.—Страшная ночь.—Чтеніе.—Въ потемкахъ.—Аптекарша.—Ораторъ.—Романъ съ контрабасомъ.—Бракъ по расчету.—Ночь передъ судомъ.—Дачники.—Броженіе умовъ.—Сонная одурь.—Тайна.—Мститель.—Заблудшіе.—Репетиторъ.—Симулянты.—Господа обыватели.—Отецъ семейства.—Неудача.—Экзаменъ на чинъ.—Счастливчикъ.—Средство отъ запоя.—Житейскія невзгоды.—Дорогая собака.—Не въ духѣ.—Надлежащія мѣры.—Первый любовникъ.—Хорошій конецъ.—Много бумаги.—Справка.—Знакомый мужчина.—Изъ дневника помощника бухгалтера.—Злой мальчикъ.—То была она!—Интриги.—Въ почтовомъ отдѣленіи.—Мужъ.—Въ номерахъ.—Гриша.—Необыкновенный.—Левъ и солнце.—Антрепренеръ подъ диваномъ.—Жалобная книга.—Лишніе люди.—Скорая помощь.—Загадочная натура.

Томъ второй. 8°. 223+I стр.

Содержаніе: Изъ записокъ вспыльчиваго человѣка. — Тссс!.. — Месть. — Длинный языкъ.—Нервы.—Кривое зеркало.—На кладбищѣ.—Сапоги.—Радость.—Умный дворникъ.—Въ цирульнѣ.—Сапожникъ и нечистая сила.—Мальчики.—Иванъ Матвѣичъ.—Беззащитное существо.—Дамы.—Полинька. — Приданое.— Свадьба.—Темнота.—Мыслитель.— Дочь Альбіона.—На чужбинѣ.—Кухарка женится.—Шило въ мѣшкѣ.—Драма.—Произведеніе искусства.—Орденъ.—Смерть чиновника.—Канитель. — Хирургія. — Винтъ.—Капитанскій мундиръ.—Живая хронологія.—Восклицательный знакъ.—Ну, публика! — Пересолилъ.—Налимъ. —Хамелеонъ.—Клевета.—Шведская спичка.—Художество.—Упразднили!

Томъ третій. 8°. 211+I стр.

Содержаніе: Унтеръ Пришибеевъ. — Анюта. — Въ Москвѣ на Трубной площади. —Лошадиная фамилія.—Трагикъ. — Страдальцы. — Наканунѣ поста.—Житейская мелочь — Маска. — Переполохъ. — Шуточка. — Писатель. — На Страстной недѣлѣ. — Perpetuum mobile.—Торжество побѣдителя.—Ворона.—Неосторожность.— Хористка.—Страхи.—Послѣ театра.—Ненастье.—Изъ огня да въ полымя.—Бѣглецъ.—Происшествіе.—Злоумышленникъ.—Дѣтвора.—Мертвое тѣло.—Шпочка.—Нахлѣбники.—Талантъ.—Дорогіе уроки.—Въ сараѣ.—Разсказъ г-жи NN.—Выигрышный билетъ.—Морозъ.—Сильныя ощущенія.—Нищій.—Пьяные.

Томъ четвертый. 8°. 223+I стр.

Содержаніе: Красавицы. — Слѣдователь. — Старый домъ. — Весной.—Бѣлолобый.—У предводительши.—Пѣвчіе.—Послѣдняя могиканша.—Беззаконіе.—Актерская гибель.—Мелюзга.— Зеркало.—Старость. — Горе.—Устрицы.—Тоска.—Егерь.—Мечты.—Пустой случай.—Не доброе дѣло.—Дома.—Вѣдьма.—Вѣрочка.—Въ судѣ. - Безпокойный гость.—Панихида.—На пути.— Несчастье.—Событіе.—Агафья.

Томъ пятый. 8°. 187+I стр.

Содержаніе: Враги. — Кошмаръ. — Святою ночью. — Счастье. — Тифъ.—Ванька.—Свирѣль.—Перекати-поле.—Задача.— Степь.

Томъ шестой. 8°. 182+I стр.

Содержаніе: Тина.—Тайный совѣтникъ.—Письмо.—Поцѣлуй.—Пассажиръ 1-го класса.—Воры.—Пари.—Именины.—Безъ заглавія.—Каштанка.—Почта.—Непріятность.

Томъ седьмой. 8°. 207+I стр.

Содержаніе: Володя.—Княгиня.—Бѣда. — Спать хочется.—Холодная кровь. — Скучная исторія.—Припадокъ.—Шампанское.—Въ ссылкѣ.—Отецъ.—Жена.

Томъ восьмой. 8°. 205+I стр.

Содержанiе: Учитель.—Тяжелые Люди.—Дуэль.—Палата № 6.—Гусевъ.—Бабы.

Томъ девятый. 8°. 210+I стр.

Содержанiе: Страхъ.—Разсказъ неизвѣстнаго человѣка. Хорошiе люди. — Бабье царство.—Попрыгунья.—Черный монахъ.—Скрипка Ротшильда.

Томъ десятый. 8°. 213+I стр.

Содержанiе: Володя большой и Володя маленькiй.—Учитель словесности.—Въ усадьбѣ.—Студентъ.—Сосѣди.—Три года.—Убiйство.—Арiадна.

Томъ одинадцатый. 8°. 208+I стр.

Содержанiе: Супруга. — Анна на шеѣ.—Домъ съ мезониномъ.—Въ родномъ углу.—Печенѣгъ.—Новая дача.—На подводѣ.—Мужики.—Моя жизнь.

Томъ двѣнадцатый. 8°. 180+I стр.

Содержанiе: Случай изъ практики.—Душечка —По дѣламъ службы.—Iонычъ.—Дама съ Собачкой.—Въ оврагѣ.—На святкахъ.—Разсказъ старшаго садовника. — Въ морѣ.—Человѣкъ въ футлярѣ.—Крыжовникъ.—О любви.—Архiерей.

Томъ тринадцатый. 8°. 167+I стр.

Содержанiе: Пьесы. Медвѣдь. Шутка въ одномъ дѣйствiи.—Предложенiе. Шутка въ одномъ дѣйствiи.—Ивановъ. Драма въ четырехъ дѣйствiяхъ.—Лебединая пѣсня (Калхасъ). Драматическiй этюдъ въ одномъ дѣйствiи. — Трагикъ по неволѣ. Шутка въ одномъ дѣйствiи.—Чайка. Комедiя въ четырехъ дѣйствiяхъ.

Томъ четырнадцатый. 8°. 146+I стр.

Содержанiе: Пьесы.— Дядя Ваня. Сцены изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствiяхъ.—Свадьба. Сцена въ одномъ дѣйствiи.—Юбилей. Шутка въ одномъ дѣйствiи.—Три сестры. Драма въ четырехъ дѣйствiяхъ.—О вредѣ табака. Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствiи.

Томъ пятнадцатый. 8°. 177 стр.

Содержанiе: Островъ Сахалинъ. - Глава I по XIII.

Томъ шестнадцатый. 8°. 176 стр.

Содержанiе: Островъ Сахалинъ. Глава XIV по XXIII.—Общее оглавленiе 16-ти томовъ сочиненiй Ант. П. Чехова.—Алфавитный указатель сочиненiй Ант. П. Чехова.

Вишневый садъ. Комедiя въ 4-хъ дѣйствiяхъ. Спб. Изд. и тип. А. Ф. Маркса. 1904. 8°. 62 стр., 5.150 экз. Ц. 40 к.

Тоже. Изд. 2-е. Спб.... 8°. 62 стр. Ц. 40 к.

И. Ф. Масановъ.

ЗАПИСКИ О ПЕРЕМѢНѢ ОБРАЗА ПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ. *)

1880.

Примѣненіе начала народнаго представительства къ нашему государственному управленію есть такое нововведеніе, къ которому можно относиться съ сочувствіемъ или недовѣріемъ, но осуществленія котораго слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, ожидать въ довольно близкой будущности.

Неизбѣжность этого преобразованія обнаруживается уже изъ того обстоятельства, что начало народнаго представительства, не смотря на всѣ поставленныя ему преграды, проникло окончательно во всѣ государства образованнаго міра, что самъ Русскій государь допускаетъ его примѣненіе, въ нѣкоторой части своихъ владѣній и что въ послѣднее время, подъ непосредственнымъ его покровительствомъ, оно было введено въ единоплеменныя намъ области, только что освобожденныя отъ Турецкаго владычества.

Трудно, послѣ этого, себѣ представить, чтобы Россія могла долго оставаться единственнымъ исключеніемъ въ семьѣ Европейскихъ государствъ и чтобы она не удостоилась отъ своего Государя того довѣрія, которое онъ оказываетъ своимъ Финляндскимъ подданнымъ, или покровительствуемымъ имъ Славянамъ.

Если же за симъ ближе всмотрѣться во внутреннюю связь всѣхъ преобразованій, ознаменовавшихъ настоящее царствованіе, то столь же трудно предположить, чтобы послѣ освобожденія крестьянъ и дарованія каждому Русскому подданному гражданской самостоятельности, гласнаго суда и участія въ мѣстномъ самоуправленіи, послѣ предоставленія печатному слову широкаго простора для обсужденія государствен-

*) Эта записка сообщена въ архивъ „Русскаго Архива“ въ 1881 году Василіемъ Александровичемъ Кокоревымъ, а ему доставлена была вѣроятно кѣмъ либо изъ служившихъ въ Министерствѣ Финансовъ. *К. Б.*

ныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій, вся эта совокупность коренныхъ реформъ не была доведена до окончательной цѣли ей логически указанной, и чтобы была поставлена непреодолимая преграда дальнѣйшему развитію нашей государственной жизни.

И на самомъ дѣлѣ, будетъ ли подобная преграда въ состояніи долго удержаться не только противъ возрастающаго напора общественнаго мнѣнія, но и противъ практической необходимости обращаться къ жизненнымъ силамъ страны, для разрѣшенія многихъ изъ стоящихъ на очереди внутреннихъ вопросовъ.

Не слѣдуетъ ли послѣ этого признать, что введеніе представительнаго начала въ нашъ государственный строй принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ явленій, которыя человѣческая воля не въ состояніи предотвратить и что предстоящая нынѣ задача заключается не въ упорномъ и безплодномъ противодѣйствіи неизбѣжному преобразованію, но въ изслѣдованіи тѣхъ условій, при которыхъ это преобразованіе могло бы совершиться съ наибольшею пользою, или по крайней мѣрѣ, съ наименьшею опасностію.

Эти условія сложны и многоразличны. Между ними едва ли не первое мѣсто занимаетъ вопросъ о пространствѣ правъ предполагаемаго народнаго представительства.

По этому предмету расходятся мнѣнія людей даже наиболѣе добросовѣстныхъ и благонадежныхъ. Нѣкоторые желаютъ, чтобы Государь передалъ будущимъ собраніямъ нѣкоторую часть своихъ верховныхъ правъ; другіе, напротивъ тото, полагаютъ, что эти собранія должны носить характеръ исключительно совѣщательный.

Приверженцы перваго предположенія, т. е. полноправности собраній, приводятъ въ пользу своего мнѣнія нѣкоторыя соображенія, по видимому весьма вѣскія, но едва ли примѣнимыя къ настоящему положенію Россіи. Они утверждаютъ, что если будутъ установлены собранія исключительно-совѣщательнаго свойства, то эти собранія, немедленно по ихъ созваніи, будутъ имѣть единственною цѣлью расширеніе своихъ правъ и пріобрѣтеніе преимуществъ западныхъ парламентовъ; что, такимъ образомъ, съ перваго приступа къ дѣлу, обнаружится борьба между правительствомъ и выборными представителями страны, борьба, которая въ скоромъ времени поведетъ къ неизбѣжному разрыву.

Съ другой стороны, при полноправномъ собраніи правительство, въ случаѣ существеннаго разногласія, сохраняетъ за собою право рас-

пустить палату, и возникшее несогласіе получаетъ правильную развязку посредствомъ новыхъ выборовъ; при собраніи же совѣщательномъ, члены онаго въ случаѣ разногласія съ правительствомъ могутъ сами разъѣхаться и поставить такимъ образомъ правительство въ затруднительное положеніе, или даже почти безвыходное.

Эти соображенія, очевидно внушенныя политическою исторіею Запада, не соотвѣтствуютъ нашимъ отечественнымъ условіямъ. Идея самодержавія столь глубоко вкоренена въ огромномъ большинствѣ Русскаго населенія, что трудно себѣ представить возможность открытой борьбы съ Государемъ для захвата его верховныхъ правъ. Во всякомъ случаѣ, если бы даже и была сдѣлана подобная попытка, то правительству на долгое еще время обезпеченъ легкій и несомнѣнный успѣхъ. На самомъ дѣлѣ этого не будетъ.

Нельзя отрицать, что въ Россіи находится немалое число людей враждебно настроенныхъ, не только къ настоящему государственному строю, но и къ власти и личности Государя, что эти люди обладаютъ особой энергіей, сильною организаціей и во многихъ случаяхъ значительнымъ талантомъ. Очень можетъ быть, что большее или меньшее число этихъ лицъ проникнетъ въ будущее собраніе и будетъ въ состояніи завлечь людей лишенныхъ самостоятельныхъ убѣжденій и легко увлекаемыхъ чужимъ краснорѣчіемъ. Но тѣмъ не менѣе эта группа, публично поставленная лицомъ къ лицу ко всей массѣ Русскаго народа и чувствуя свое численное ничтожество, не отважится на гласное заявленіе своихъ притязаній и намѣреній. Отъ вождей этой группы слѣдуетъ ожидать не безумнаго и открытаго посягательства на верховную власть Государя, но, по всей вѣроятности, продолженія тѣхъ тайныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ они и нынѣ преслѣдуютъ наше государственное и общественное разложеніе.

Въ дополненіе къ вышесказанному, слѣдуетъ замѣтить, что если даже и допустить со стороны совѣщательнаго собранія стремленіе къ захвату власти, то это опасеніе не можетъ быть устранено дарованіемъ собранію нѣкоторыхъ верховныхъ правъ.

Дѣйствительно, въ подобномъ случаѣ несогласіе можетъ еще легче произойти по поводу разграниченія этихъ правъ и стремленія ихъ къ расширенію. Сущность дѣла останется одна и таже, съ тою только разницей, что собраніе будетъ имѣть подъ собою нѣкоторую законную почву для предполагаемой борьбы, правительство же будетъ лишено части своей нравственной силы для противодѣйствія.

Если за симъ обратиться ко второму существенному аргументу противниковъ совѣщательнаго представительства, т. е. къ опасенію самовольнаго разъѣзда членовъ собранія, въ случаѣ пренебреженія ихъ совѣтами, то и этотъ доводъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, теряетъ большую часть своей силы. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что самовольный разъѣздъ членовъ совѣщательнаго собранія есть такое событіе, которое не можетъ состояться безъ предварительныхъ переговоровъ и совѣщаній, и что правительство будетъ имѣть полную возможность само заблаговременно распустить собраніе и назначить новые выборы. Есть даже нѣкоторый поводъ предполагать, что выборы назначенные по повелѣнію Государя, недовольнаго своими совѣтниками и требующаго высылки болѣе благонадежныхъ, будутъ благопріятнѣе, чѣмъ если бы дѣло шло о собраніи распущенномъ на основаніи западнаго конституціоннаго права.

Говоря вообще, должно признать, что вопросъ о совѣщательномъ или полноправномъ характерѣ собраній есть вопросъ, безъ сомнѣнія весьма важный, но вопросъ внѣшній или формальный, мало затрогивающій самую сущность дѣла. Въ томъ и другомъ случаѣ собраніе будетъ имѣть огромное значеніе и несомнѣнный вѣсъ; въ томъ и другомъ случаѣ, согласное дѣйствіе правительства и собранія будетъ важнѣйшимъ обезпеченіемъ благосостоянія государства; въ томъ и другомъ случаѣ наконецъ, разрывъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ будетъ величайшимъ несчастіемъ, не оставляющимъ другого спасительнаго исхода, кромѣ пріостановки представительныхъ учрежденій и возстановленія безграничнаго единоличнаго авторитета верховной власти. Но, при совѣщательномъ собраніи, Государь будетъ имѣть полную возможность прибѣгнуть къ этой мѣрѣ прямо и открыто, простымъ примѣненіемъ удержанныхъ имъ верховныхъ правъ, между тѣмъ какъ при конституціонномъ порядкѣ разрушеніе этого порядка, даже вслучаѣ неизбѣжной необходимости, будетъ носить характеръ дѣйствія вѣроломнаго, совершеннаго Государемъ, въ нарушеніе данныхъ имъ торжественныхъ обѣщаній.

Въ пользу совѣщательныхъ собраній слѣдуетъ еще привести нѣкоторые едва ли опровержимые доводы.

Каждому извѣстно, что огромное численное большинство Русскаго народа не понимаетъ другого источника власти, кромѣ воли самодержавнаго Государя. Оно нуждается въ Верховномъ Вождѣ, на котораго могло бы возлагать свои надежды и самодержавныя повелѣнія котораго

чтутся свято и ненарушимо. Отреченіе отъ этой власти, передача ея въ руки какого либо то ни было представительнаго учрежденія, будетъ казаться дѣйствіемъ непонятнымъ, нѣкотораго рода измѣною со стороны Государя отказывающагося отъ своего народа и отдающаго его въ руки неизвѣстныхъ лицъ, спорящихъ въ палатѣ. Созданный такимъ образомъ источникъ власти будетъ казаться огромному большинству народа чѣмъ-то неестественнымъ, или насильно навязаннымъ Государю, и на подобномъ основаніи едва-ли можно надѣяться создать прочный государственный строй.

Но рядомъ съ этимъ огромнымъ большинствомъ, составляющимъ несокрушимый, но, такъ сказать, пассивный оплотъ верховной власти, имѣется меньшинство, незначительное по сравнительному числу его членовъ, но представляющее огромное значеніе по своему нравственному вѣсу. Это меньшинство обнимаетъ всю безъ исключенія образованную часть общества, и къ нему примыкаютъ всѣ новыя силы, постоянно выдѣляющіяся, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, изъ глубины народныхъ массъ. Если принять въ соображеніе, что къ этому меньшинству принадлежатъ всѣ лица, занимающія административныя и судебныя должности, всѣ военные начальники, всѣ общественные дѣятели, выходящіе изъ предѣловъ общиннаго и мѣстнаго самоуправленія; далѣе, всѣ лица трудящіяся на поприщѣ науки, литературы, журналистики, адвокатуры: то нельзя не признать, что въ этой сравнительно малочисленной группѣ людей сосредоточивается государственная и общественная жизнь и что безъ ихъ постояннаго содѣйствія наше отечество не только потеряло бы свое мѣсто въ семьѣ образованныхъ народовъ, но лишилось бы всякаго жизненнаго организма и обратилось бы въ безсильное сочетаніе разрозненныхъ единицъ.

Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что почти исключительно въ средѣ этого меньшинства слагается общественное мнѣніе—эта таинственная и непреодолимая сила, которой въ образованномъ мірѣ подчиняются судьбы государствъ.

Стремленія всѣхъ лицъ, составляющихъ это меньшинство до крайности разнообразны; но между ними преобладаетъ одно общее чувство: это болѣзненное неудовольствіе настоящимъ и нетерпѣливое ожиданіе той минуты, когда живыя силы страны будутъ призваны къ участію въ государственномъ дѣлѣ. Это возрастающее стремленіе образованной части нашего общества есть такое явленіе, которымъ было бы безразсудно пренебрегать; но не менѣе безразсудно было бы всякое преобразованіе, идущее въ разрѣзъ простой и твердой вѣрѣ въ самодержа-

ніе, отражающейся въ остальной массѣ Русскаго народа. Необходимость соглашенія этихъ разнородныхъ условій и удовлетворенія настоятельнымъ потребностямъ времени, при соблюденіи коренныхъ отечественныхъ преданій, составляетъ едва ли не сильнѣйшій аргументъ въ пользу установленія народнаго представительства совѣщательнаго свойства т.-е. призыва по повелѣнію Самодержца выборныхъ людей, для воспользованія ихъ совѣтами, но безъ предоставленія имъ участія въ верховной власти, сосредоточенной въ лицѣ Государя.

Въ связи съ вопросомъ о пространствѣ правъ представительныхъ учрежденій находится вопросъ о той формѣ и о томъ общемъ характерѣ, который долженъ быть имъ присвоенъ.

Между приверженцами совѣщательнаго представительства распространено то мнѣніе, что, въ настоящее время слѣдовало бы ограничиться приглашеніемъ выборныхъ людей къ участію въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, при сохраненіи, въ главныхъ чертахъ, характера и круга дѣйствій этого учрежденія.

Это предположеніе могло бы имѣть въ свое время полезное примѣненіе, но нынѣ подобная мѣра была бы, по всей вѣроятности, недостаточна. Она далеко не удовлетворяла бы общимъ надеждамъ и ожиданіямъ и была бы принята лишь за полумѣру, носящую отпечатокъ робости и нерѣшимости. Съ другой стороны народное представительство, замкнутое въ столь стѣснительной рамкѣ, не могло бы оказывать главной ожидаемой отъ него заслуги, а именно: усиленія государственной власти. Эта мысль требуетъ нѣкотораго разъясненія.

При всевозможныхъ образахъ правленія, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія и упроченія гражданской самостоятельности, развивается особая сила, трудно опредѣлимая, ничѣмъ не узаконяемая, а простирающая между тѣмъ свое вліяніе на всѣ отправленія государственной и общественной жизни. Эта сила—общественное мнѣніе.

Въ Россіи, до начала настоящаго царствованія, общественное мнѣніе имѣло мало возможности проявляться и оставалось равнодушнымъ къ большей части внутреннихъ вопросовъ. Въ вступленіемъ же Государя на престолъ и по мѣрѣ приведенія въ исполненіе великихъ преобразованій имъ предначертаныхъ, общественное мнѣніе, освобожденное отъ прежнихъ стѣсненій, стало быстро развиваться и постоянно расширять кругъ своего дѣйствія.

Нынѣ наше отечество болѣе и болѣе подходитъ подъ общія усло-

вія образованныхъ государствъ, гдѣ правительственная власть поставлена въ необходимость зорко слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ, направлять его во сколько это возможно, уступать ему въ случаѣ необходимости; однимъ словомъ, идти рука объ руку съ общественнымъ мнѣніемъ, и изъ этого союза заимствовать нравственную силу, необходимую для твердаго и послѣдовательнаго веденія государственныхъ дѣлъ.

Къ сожалѣнію, для нашихъ государственныхъ людей эта задача трудно исполнима.

Наше общественное мнѣніе проявляется постоянно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ безчисленномъ множествѣ разговоровъ, сочиненій, журнальныхъ статей, въ постановленіяхъ и ходатайствахъ органовъ мѣстнаго самоуправленіяхъ. Не смотря на эту разрозненность, оно неоднократно призывалось на помощь правительству для подготовленія и приведеніе въ исполненіе предначертанныхъ преобразованій, и на самомъ дѣлѣ оно оказывало дружное содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло объ обезпеченіи личной самостоятельности, о развитіи самоуправленія, объ отмѣнѣ стѣснительныхъ привиллегій и другихъ не менѣе стѣснительныхъ порядковъ, но по вопросамъ, выходящимъ изъ круга этихъ одновременныхъ освободительныхъ реформъ и касающимся однако постоянныхъ и живѣйшихъ интересовъ государства—его безопасности, экономическаго быта, внутренняго благоустройства общественное мнѣніе вообще раздробляется на множество безсвязныхъ и разнорѣчивыхъ направленій, не могущихъ служить ни полезнымъ указаніемъ, ни дѣйствительною точкою опоры для правительства. За то всѣ эти разрозненные голоса постоянно сходятся для прямаго или косвеннаго осужденія состоявшихся мѣропріятій, для прямого или косвеннаго порицанія правительственныхъ дѣятелей.

Этотъ духъ критики и неудовольствія весьма естественъ. Совершенныя преобразованія устранили, безъ сомнѣнія, множество золъ и принесли намъ огромнѣйшія благодѣянія; но тѣмъ не менѣе они не могли излѣчить всѣхъ недуговъ тяготѣющихъ надъ нашимъ отечествомъ и составляющихъ въ большей или меньшей степени удѣлъ всякаго человѣческаго общества.

Человѣческая природа такова, что по мѣрѣ исцѣленія тяжкихъ страданій недуги болѣе легкіе и дотолѣ мало замѣтные ложатся въ свою очередь тяжелымъ бременемъ и что каждое оказанное благодѣяніе порождаетъ цѣлый рядъ новыхъ нуждъ, настоятельно требующихъ удо-

влетворенія. Сверхъ сего, не слѣдуетъ терять изъ виду, что наше поколѣніе, находясь подъ впечатлѣніемъ минувшихъ порядковъ, не успѣло разстаться съ привычкою видѣть въ органахъ правительства нѣчто враждебное, едва ли могущее внушать сочувствіе или довѣріе.

Такимъ образомъ, при всей преданности Россіи своему Государю, весь правительственный строй, составляющій необходимый проводникъ между верховною властію и народомъ, остается въ нѣкоторой мѣрѣ предметомъ общаго нерасположенія и лишенъ возможности искать въ общественномъ мнѣніи необходимаго сочувствія и содѣйствія.

Съ другой стороны опасеніе этого недоброжелательства простираетъ свое разлагающее вліянія на дѣятельность должностныхъ лицъ и порождаетъ въ самой средѣ правительственнаго организма отсутствіе единства въ направленіи, невѣрность исполненія и какое-то постоянное колебаніе между послабленіемъ и произволомъ.

Привлеченіе народнаго представительства къ участію въ государственномъ дѣлѣ является вѣрнѣйшимъ средствомъ для устраненія всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій. Присутствіе выборнаго элемента устранитъ въ значительной степени то недовѣрчивое настроеніе, отъ котораго не могло отвыкнуть наше общество; общественное же мнѣніе, вмѣсто того, чтобы проявляться въ видѣ безсвязной и непріязненной силы, будетъ олицетворяться въ правильномъ и законномъ учрежденіи, съ которымъ правительственная власть будетъ имѣть возможность входить въ соглашеніе, и нравственная поддержка котораго будетъ придавать всѣмъ мѣропріятіямъ внѣшней и внутренней политики недостающую имъ рѣшимость и единство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что водвореніе и удержаніе желаемаго согласія будетъ составлять сложную и нелегкую задачу; тѣмъ не менѣе эта задача несравненно болѣе исполнима, чѣмъ успѣшное управленіе государствомъ посредствомъ правительственнаго организма лишеннаго сочувствія, при общественномъ мнѣніи, негодномъ къ указанію содѣйствія и способномъ лишь къ порицанію и подрыву власти.

Если предшествующія соображенія примѣнить къ вопросу о формѣ народнаго представительства, наиболѣе примѣнимой къ Россіи, то нельзя не признать необходимымъ, чтобы означенное представительстто, по своему составу и организаціи, могло признаваться дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія страны, такъ какъ безъ соблюденія

этого условія ожидаемое отъ него соѣдйствіе лишилось бы большей части своего значенія.

Согласно сему, желательно, чтобы существеннымъ и живымъ органомъ народнаго представительства было собраніе, состоящее исключительно изъ выборныхъ членовъ и пользующееся положительною самостоятельностію, въ предѣлахъ предоставленныхъ ему совѣщательныхъ правъ.

Что касается до избранія членовъ означеннаго собранія, то казалось бы необходимымъ принять за основаніе тѣ самыя начала, согласно которымъ производятся нынѣ земскіе выборы, т. е. привлеченіе всѣхъ разрядовъ обывателей къ непосредственному или посредственному участію въ выборахъ.

При подобномъ составѣ избирателей можно надѣяться на созданіе народнаго представительства, выражающаго дѣйствительныя стремленія страны и въ средѣ котораго должно будетъ образоваться значительное большинство преданное Государю и способное къ полному содѣйствію правительственному дѣлу.

При всей однако несомнѣнной благонадежности коренныхъ чувствъ народнаго представительства, слѣдуетъ предвидѣть возможность и нѣкоторыхъ неблагоразумныхъ увлеченій, въ особенности въ первое время существованія собранія, когда еще не успѣетъ сложиться прочное большинство и пока умы будутъ находиться подъ вліяніемъ прежняго смутнаго и тревожнаго состоянія. Подобныя увлеченія и нынѣ нерѣдко проявляющіяся въ нашей ограниченной общественной жизни, будутъ, по всей вѣроятности, явленія случайныя и скоропреходящія, не долженствующія внушать преувеличенныхъ опасеній, тѣмъ болѣе, что имъ можетъ быть заранѣе поставлена преграда въ самой организаціи народнаго представитечьства.

Для сего необходимо, чтобы рядомъ съ собраніемъ, составляющимъ существенный органъ представительства, было другое учрежденіе предохранительнаго свойства, соотвѣтствующее верхнимъ палатамъ Западныхъ государствъ.

Это учрежденіе должно имѣть общимъ назначеніемъ пріостанавливать недостаточно обдуманное стремленіе народнаго представительства и давать такимъ образомъ возникающимъ вопросамъ время достаточно созрѣвать; въ случаѣ же увлеченій положительно вредныхъ или опасныхъ, оно должно давать имъ рѣшительный отпоръ и самостоятельнымъ

своимъ противодѣйствіемъ предупреждать непосредственныя столкновенія между представительствомъ и правительственною властію.

Для исполненія этого назначенія необходимы два условія: 1, чтобы была увѣренность въ постоянной благонадежности верхняго собранія; 2, чтобы при этомъ верхнее собраніе пользовалось возможнымъ уваженіемъ и достаточнымъ вѣсомъ въ общественномъ мнѣніи. Достиженіе этихъ условій находится въ прямой связи и зависимости отъ состава собранія.

Въ представительныхъ государствахъ составъ верхнихъ палатъ весьма разнообразенъ. Бываютъ наслѣдственные члены, члены по назначенію верховной власти и члены по выборамъ. О созданіи въ Россіи наслѣдственныхъ перовъ нѣтъ надобности распространяться: оно шло бы, безъ малѣйшей пользы, въ разрѣзъ нашему народному духу, и, созданное, такимъ образомъ, учрежденіе, не только было бы лишено всякаго нравственнаго вѣса, но возбуждало бы вражду и неуваженіе во всѣхъ безъ исключенія слояхъ нашего общества.

Правительственное назначеніе членовъ верхняго собранія удовлетворяло бы, даже съ избыткомъ, одной сторонѣ вопроса. Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство могло бы подобрать членовъ собранія такимъ образомъ, чтобы составить изъ нихъ всегда послушное себѣ орудіе; но эта самая послушность лишила бы это учрежденіе всякаго предохранительнаго значенія. Общественное мнѣніе усматривало бы въ немъ составную часть самаго правительства, и при такихъ условіяхъ всякое несогласіе, возникающее между верхнимъ и нижнимъ собраніями, принимало бы характеръ прямого столкновенія съ правительственною властію.

По всѣмъ соображеніямъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе примѣненію выборнаго начала.

Избраніе членовъ верхней палаты должно бы безъ сомнѣнія быть подчинено особымъ правиламъ. Для этой цѣли могъ бы быть установленъ ограниченный составъ избирателей, состоящій преимущественно изъ лицъ, уже облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ; этимъ избирателямъ могло бы быть предоставлено лишь право представленія кандидатовъ на утвержденіе верховной власти; но во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ верхняя Палата была произведеніемъ выборнаго начала и признавалась не правительственнымъ учрежденіемъ, а составною частью, частью наиболѣе умѣренною на-

роднаго представительства. Для бóльшаго же обезпеченія этой умѣренности желательно, чтобы было примѣнено еще одно существенное условіе, а именно, пожизненное избраніе членовъ.

Пожизненность избранія членовъ верхняго собранія, при постоянномъ ихъ соприкосновеніи съ правительствомъ, повела бы вѣрнѣйшимъ путемъ къ желаемой цѣли, т.-е. къ образованію учрежденія, неспособнаго конечно къ пассивному послушанію, но за то готоваго оказывать самостоятельное содѣйствіе всѣмъ благимъ начинаніямъ и давать столь же самостоятельный отпоръ всякимъ враждебнымъ и опаснымъ стремленіямъ.

Въ дополненіе къ предшествующимъ соображеніямъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ предположеніи весьма распространенномъ въ нашемъ обществѣ. Согласно этому предположенію народное представительство должно бы состоять изъ депутатовъ высылаемыхъ всѣми земскими губернскими собраніями государства.

Примѣненіе этой мысли имѣло бы по всей вѣроятности самыя неблагопріятныя послѣдствія.

Депутатъ выбранный не чисто-избирательнымъ съѣздомъ, а организованнымъ собраніемъ, желаніе и стремленія котораго ему извѣстны и передъ которымъ онъ долженъ предстать по окончаніи возложеннаго на него порученія, находится въ положеніи лишающемъ его необходимой самостоятельности.

Подобный депутатъ, изъ совѣтника, вызваннаго верховною властію, для обсужденія общихъ пользъ государства, обращается по неволѣ въ повѣреннаго, отвѣтственнаго непосредственно предъ выславшими его довѣрителями.

Плоды подобной системы имѣли случай вполнѣ проявиться при высылкѣ дворянскихъ депутатовъ во время освобожденія крестьянъ, и примѣненіе этого порядка къ народному представительству было бы, безъ сомнѣнія, столь же неудачно. Этимъ путемъ получилось бы собраніе не только крайне несговорчивое въ совокупности, но отдѣльные члены котораго не считали бы себя уполномоченными на ту долю уступчивости, которая составляетъ жизненное условіе всякаго представительнаго правленія и безъ которой, ни отдѣльные оттѣнки мнѣній не могутъ слиться въ одно общее большинство, ни самое большинство не имѣетъ возможности установить и удержать прочное соглашеніе съ правительствомъ. Подобная система повела бы окончательно не къ

исцѣленію настоящихъ нашихъ общественныхъ недуговъ, но къ безпредѣльному ихъ увѣковѣченію.

Мысль о предоставленіи земскимъ собраніямъ избирательныхъ правъ могла бы получить одно только безвредное примѣненіе. Земскимъ собраніямъ могло бы быть предоставлено избраніе членовъ Верхней Палаты и то, при непремѣнномъ условіи, чтобы означенные члены выбирались пожизненно и были такимъ образомъ ограждены отъ всякой зависимости препятствующей ихъ полезной дѣятельности.

Все вышесказанное по поводу состава и организаціи народнаго представительства обнимаетъ только одну сторону вопроса. Участь всего предполагаемаго преобразованія находится въ зависимости и отъ другого не меньшей важности условія: отъ будущаго направленія и образа дѣйствій правительственной власти.

Очевидно, что для власти, дѣйствующей гласно и открыто подъ непосредственнымъ контролемъ народнаго представительства, требуется степень самонаблюденія и безукоризненности мало извѣстныя при другихъ порядкахъ и что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пріобрѣтеніи добровольнаго содѣйствія, необходимо соблюденіе всѣхъ условій, могущихъ обезпечить общественное довѣріе. Эти условія, сами по себѣ, не сложны. Здѣсь требуется, прежде всего, здравый смыслъ и политическая честность, т. е. вѣрность общественной пользѣ, данному слову и справедливости.

Эти условія, до сего времени не составляли всегдашняго удѣла нашихъ государственныхъ людей, но есть нѣкоторая увѣренность, что недостающія качества сами привьются къ будущимъ правительственнымъ дѣятелямъ, коль скоро они надъ собою почувствуютъ неотразимое вліяніе дѣйствительной гласности и правильно проявляющагося общественнаго мнѣнія.

Въ заключеніе по всѣмъ предшествующимъ замѣткамъ нельзя не выразить того убѣжденія, что какія бы ни были избраны мѣры для водворенія представительнаго порядка, всему этому дѣлу должно быть предпоставлено одно коренное условіе:

Необходимо, чтобы введеніе новаго порядка истекало изъ личной воли Государя и признавалось знакомъ милости и довѣрія къ народу, а не послѣдствіемъ какихъ бы то ни было требованій или опасеній.

Необходимо, кромѣ того, чтобы благодарность всего общества восходила непосредственно до самаго престола, не останавливаясь, ни

на томъ, ни на другомъ государственномъ дѣятелѣ. Эти существенныя условія едва ли исполнимы въ настоящее время. Нерасположеніе Государя къ коренному преобразованію нашего государственнаго строя имѣло неоднократно случай проявляться и до того общеизвѣстно, что дарованіе представительныхъ учрежденій было бы принято не за самостоятельное проявленіе его Державной воли, но за неохотную уступку, выпрошенную настояніемъ ближайшихъ совѣтниковъ.

Къ тому же предполагаемое преобразованіе государственнаго строя въ Россіи есть дѣло не одного десятилѣтія и, быть можетъ, не одного царствованія. Было бы крайне нежелательно приводить въ дѣйствіе такого рода органическія реформы внезапно и не подготовивъ къ нимъ заблаговременно, какъ правительственные органы, такъ и самое общество.

На сколько возможно предусматривать обстоятельства будущаго, казалось бы, что лучшимъ временемъ для предполагаемаго преобразованія было бы начало будущаго царствованія. Въ такомъ случаѣ, въ виду нетерпѣнія уже проявляющагося въ нашемъ обществѣ, было бы полезно, чтобы отнынѣ предугадывались до нѣкоторой степени намѣренія Наслѣдника Престола, съ тѣмъ, конечно, непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ общественное сознаніе не вкралось предположеніе о томъ, будто бы эти намѣренія идутъ въ разрѣзъ съ волею Государя.

Эта надежда, при всей своей неопредѣленности, была бы достаточна для успокоенія умовъ, въ особенности, если бы въ тоже время, было приступлено къ нѣкоторымъ мѣрамъ, нисколько не противорѣчащимъ настоящему порядку, но тѣмъ не менѣе могущимъ имъ служить подготовленіемъ ожидаемой будущности.

Сюда относится преимущественно исправленіе и усовершенствованіе нишихъ внутреннихъ административныхъ порядковъ и дальнѣйшее слѣдованіе по пути и безъ того избранному въ послѣднее время нашимъ правительствомъ.

Не менѣе важно было бы заблаговременное исправленіе нашихъ финансовъ и приведеніе ихъ въ нормальное состояніе, такъ какъ финансовые вопросы наиболѣе способны возбуждать противодѣйствіе собраній, введеніе же представительнаго порядка во время остраго финансоваго кризиса было бы явленіемъ въ высшей степени неблагопріятнымъ и опаснымъ.

При соблюденіи означенныхъ условій, т. е. при постоянномъ слѣдованіи правительства по пути внутреннихъ усовершенствованій и при достаточной нравственной увѣренности, что представительный порядокъ составляетъ конечную цѣль самаго правительства, можно во все продолженіе настоящаго царствованія, съ достовѣрностію ожидать успокоенія общественнаго мнѣнія и улучшенія его направленія. Но не слѣдуетъ терять изъ виду, что это затишье будетъ нѣкотораго рода нравственнымъ кредитомъ открытымъ правительству, и что, чѣмъ продолжительнѣе и шире будетъ этотъ кредитъ, тѣмъ необходимѣе для будущаго царствованія осуществленіе окрѣпшихъ надеждъ.

Записка эта, предлагающая такъ называемю конституцію, составлена въ тѣ дни, когда „Злая мгла вершины Руси облегла", когда висѣлица обходила Русскую землю и правду до такой степени извращали, что судилась не Засуличъ, а судился Ѳ. Ѳ. Треповъ. Очевидно, что составитель записки принадлежалъ къ числу людей своей землѣ не своеземныхъ, про которыхъ князь П. А. Вяземскій писалъ:

Посмотришь, вѣкъ нашъ вѣкъ свободы
А въ сущность глубже загляни,—
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

Чтò такое конституція, мы знаемъ изъ превосходной рѣчи К. П. Побѣдоносцева, произнесенной въ зимнемъ дворцѣ 8 Марта 1881 года и нынѣ напечатанной. Еще Монтескье отдавалъ единодержавію предпочтеніе передъ всякимъ инымъ образа правленія; еще Екатерина въ „Наказѣ" говорила о томъ, что подъ охраною самодержанія страна можетъ благоденствовать. Она знала про Русскія сельскія сходки съ рѣшеніями не по большинству голосовъ, а единогласіемъ, и въ своихъ замѣткахъ на книгу Блакстона объ Англійской конституціи приводитъ пословицу: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней". П. Б.

рила старшихъ сыновей своихъ съ ихъ супругами. Великій князь Константинъ Павловичъ хорошо писалъ, какъ видно по его письмамъ къ маркизѣ-де-Кюбьеръ (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года). По своей любознательности, выписывалъ онъ себѣ на прочтеніе подлинную рукопись Записокъ своей державной бабки, давалъ ее читать состоявшему при немъ князю Александру Ѳедоровичу Голицыну (слышано отъ него самаго) и возвратилъ въ Петербургъ брату, послѣ котораго эти Записки съ грудою множества нераспечатанныхъ пакетовъ были перевезены изъ Зимняго дворца на чердакъ Аничкова, гдѣ и нашелъ ихъ графъ Д. Н. Блудовъ. Тогда только и Николай Павловичъ познакомился съ этою удивительною лѣтописью Елисаветинскаго царствованія.

Великій князь Константинъ Павловичъ былъ большой чудакъ. Для одной изъ своихъ обезьянъ составилъ онъ изъ лицъ двора своего особый дворъ: окружавшія его лица исполняли должности обезьяньихъ гофмаршала, шталмейстера, обершенка и т. д. Мы видѣли цѣлую переписку между ними по поводу болѣзни обезьяны Машки на печатныхъ листахъ, съ номерами и подписями. Эта переписка должна храниться въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета.

РАСПЕЧАТАНІЕ АЛТАРЕЙ ВЪ ХРАМАХЪ СТАРООБРЯДЧЕСКАГО РОГОЖСКАГО КЛАДБИЩА.

16 Апрѣля 1905 года. Составилъ графъ А. В. де-Шамборантъ. Изданіе графа А. В. де-Шамборанта и Д. П. Доринька. Москва (1906). 4-ка.

Тетрадь замѣчательная. Въ ней всего 16 страницъ, на которыхъ помѣщены манифестъ 17 Апрѣля 1905 года, описаніе того, какъ распечатывались алтари въ Великую Суботу того года, и умилительныя выраженія благодарности за царскую милость. Цѣнность тетради въ шести прекрасно исполненныхъ рисункахъ, на которыхъ изображены внѣшніе и внутренніе виды двухъ старообрядческихъ храмовъ (кстати сказать, выстроенныхъ художественно) и виды алтаря (не указано, котораго изъ храмовъ) послѣ снятія печатей. Извѣстно, что вражда между родными бываетъ сильнѣе, нежели между лицами посторонними другъ другу. Главная въ государствѣ улица, Невскій проспектъ, служитъ, (по замѣчанію Вигеля) нагляднымъ доказательствомъ Русской вѣротерпимости, и въ тоже время нашимъ старообрядцамъ приходилось бѣжать въ лѣсные скиты. Въ свою очередь старообрядцы относились къ Никоніанамъ съ горячею враждебностью.

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича, на Рогожскомъ кладбищѣ не позволялось даже молиться вслухъ, и графу Закревскому, при всей его власти и при всемъ желаніи сдѣлать угодное своей супругѣ (мать которой была по старой вѣрѣ и которая сама иногда крестилась двуперстіемъ) невозможно было заступиться за старообрядцевъ. Первая телеграмма къ нему отъ новаго Государя, 18 Февраля 1855 года, была о дозволеніи старообрядцамъ громко отправлять ихъ церковную службу. Но къ числу противорѣчій, которыми такъ обильно царствованіе Александра Николаевича, принадлежитъ и то, что уже 7 Іюля 1856 г. (еще до коронаціи) алтари на Рогожскомъ кладбищѣ были опечатаны... П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44 й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Перемѣняя адресъ на новый, надо высылать прежній. За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30; при перемѣнѣ же городскаго на иногородный—90 к. (по цѣнамъ Почтамта).

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р;. годы 1898—1905 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ, отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сороковъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

7.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. Біографическій очеркъ А. Михайлова. Съ приложеніемъ выраженій общественнаго къ нему сочувствія. Иллюстрированъ тремя портретами и двумя видами. СПБ. 1906. 8-ка. 4 нен. 161 и 4 нен. стр.

Это лишь бѣглое обозрѣніе жизни и подвиговъ Черняева. Но этому человѣку должна быть посвящена цѣлая книга, и не въ одномъ томѣ: такъ запечатлѣлъ онъ имя свое въ общенародной памяти, такихъ великихъ событій былъ онъ участникомъ и творцомъ. Имъ знаменуется и наше сближеніе съ Франціей: по матери Черняевъ былъ Французъ отецъ его, закаленный въ великихъ бояхъ Александровскаго времени, былъ въ 1814—1818 г. г. комендантомъ въ сѣверо-западномъ краю Франціи, въ крѣпости Валансьенъ и женился на дочери тамошняго мэра Экюйе. Изъ Франціи къ Михаилу Григорьевичу, когда онъ пріобрѣлъ общеевропейскую извѣстность присылались привѣтствія и сочувственныя телеграммы. Въ самомъ характерѣ его были лучшія черты Французскія любезность, умѣнье привлекать къ себѣ людей, ясность мысли, внимательность. Въ 1876 году случилось намъ провести нѣсколько дней въ Нанси, въ гостяхъ у Альфреда Рамбо, и слышать отъ тамошнихъ старожиловъ сочувственныя Россіи преданія о томъ, какъ Русскія войска по воцареніи Дизюитова (солдаты звали этимъ словомъ Людовика XVIII, le Dix-huit) занимали тотъ край. Обидныхъ рѣчей, мелочныхъ поборовъ, отъ которыхъ такъ терпѣли Французы въ наши дни послѣ Седана, не было вовсе. М. Г. Черняевъ могъ наслушаться отъ своихъ родителей многаго такого, что̀ пригодилось ему въ его дѣятельности. Чопорность, замкнутость, мелочность были ему всегда противны.

Въ появившемся нынѣ очеркѣ его жизни приводятся любопытные отзывы его и мнѣнія. Вспоминая свою молодость и Военную Академію, Черняевъ говорилъ.

„Въ наше время отдаленное время, почти исключительное вниманіе обращалось на развитіе тѣхъ душевныхъ качествъ, безъ которыхъ нѣтъ воина въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ бы многочисленны ни были пріобрѣтенныя имъ знанія. Самоотверженіе, сознаніе своего долга, стремленіе къ добру и правдѣ требовалось прежде знанія, потому что только эти качества одухотворяютъ всякое знаніе и ведутъ къ творчеству, безъ котораго всякое знаніе есть капиталъ мертвый“.

Михаилъ Григорьевичъ утверждалъ что въ „въ Россіи науки нѣтъ, потому что нѣтъ самостоятельной Русской мысли. То, чему учатъ у насъ въ школахъ, гимназіяхъ, университетахъ не есть наука, а познанія ни къ чему ненужныя и затемняющія разсудокъ. Стремленія наши къ самостоятельности ограничиваютея оговорками, ужимками, разведеніемъ европейщины теплой водицею. Въ Европѣ, гдѣ есть самостоятельная мысль, наука идетъ рука объ руку съ жизнью,

НИКАНОРЪ ХЕРСОНСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ ВЪ СВОИХЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАПИСКАХЪ.

Въ 1900 году протоіерей Сергій Васильевичъ Петровскій издалъ въ свѣтъ томъ «Біографическихъ матеріаловъ покойнаго Херсонскаго архіепископа Никанора Бровковича». Матеріалы эти, или въ большинствѣ воспоминанія преосвященнаго, замѣчательно тепло и живо составлены. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ талантливыхъ представителей Россійской іерархіи конца XIX столѣтія.

Преосвященный Никаноръ, въ мірѣ Александръ Ивановичъ Бровковичъ, родился въ 1826 г., учился на мѣстѣ родины, въ Могилевскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Могилевской духовной семинаріи, состоя въ тоже время почти 7 лѣтъ пѣвчимъ архіерейскаго хора при знаменитомъ Могилевскомъ архіепископѣ Смарагдѣ, о которомъ обличительная литература оставила немало своеобразныхъ сказаній. (Даже самъ осторожный въ своихъ мнѣніяхъ митрополитъ Филаретъ въ письмѣ къ синодскому оберъ-прокурору Ахматову, говоря о кончинѣ Смарагда, добавилъ «не свѣтлая то черта, что представившійся оставилъ 100.000 р.» [1]).

Въ 1842 г. Бровковичъ переведенъ въ Петербургскую семинарію, а въ 1847 г. въ Духовную Академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1851 г. Постриженный въ монашество въ 1850 г., онъ былъ въ 1856 г. архимандритомъ и ректоромъ Рижской семинаріи, 1857 г.—Саратовской, 1865 г.—Полоцкой, и въ 1868 г. ректоромъ Казанской академіи въ 1871 г. епископъ Аксайскій, въ 1876 г.—Уфимскій, въ 1883 г. архіеп. Херсонскій.

Въ своихъ автобіографическихъ матеріалахъ преосвященный Никаноръ прежде всего касается Саратовскихъ, преосвященныхъ: добродушнаго и веселаго Моисея Богданова-Платонова [2]), назначеннаго

[1]) Письма къ высоч. особамъ II. 205.

[2]) Преосвященный Моисей былъ особенно сердеченъ съ близкими къ нему подчиненными. Когда эти лица являлись къ нему по дѣламъ службы, то часто онъ офиціальную бесѣду оканчивалъ словами: „Мы покончили теперь дѣло съ преосвященнымъ Моисеемъ, не отправиться ли намъ побесѣдовать съ Матвеемъ Платоновымъ?“

потомъ экзархомъ Грузіи и умершаго въ этой благословенной странѣ зелени и солнца отъ печалей и болѣзней, и аскета Іакова Вечеркова, грозы раскольниковъ, еще при жизни считаемаго чуть ли не за святого. «Въ бѣглыхъ замѣткахъ, говоритъ преосвящ. Никаноръ, не могу перечесть, что знаю о немъ. Въ священнодѣйствіи онъ былъ іерархъ благоговѣйнѣйшій, священнолѣпный. Въ рѣчи духовной сладкоглаголивый, не ораторъ,—нѣтъ; но когда пр. Іаковъ говорилъ, примѣрно къ острожникамъ, то рѣчи изъ устъ его сладчайшія меда лилися, возбуждая въ сердцахъ умиленіе, изъ очей извлекая сладкія слезы покаянія и жалости. Всегда воздержный до скудости, до истощенія силъ и суровый по простотѣ пищи, онъ въ посты питался скуднымъ количествомъ хлѣба и овощей, напримѣръ, двумя-тремя печеными картофелинами. Къ дѣламъ духовнаго управленія онъ, безъ колеблющагося раздумья и оглядокъ, прилагалъ прямыя, ясныя, точныя, логическія требованія нравственныхъ правилъ и церковныхъ каноновъ. Такъ онъ сурово, послѣ мучительныхъ перипетій, расправился съ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Н-мъ, инспекторомъ іеромонахомъ І-мъ, инспекторомъ духовнаго училища Ар.-мъ, съ Климченковою ересью въ женскомъ монастырѣ, съ игуменьею (имя забылъ), съ казначеею монахинею В-ею, съ сестрою игуменьи монахинею Е-ою и многими другими. Все это были отдѣльныя, весьма сложныя и необыкновенно тягостныя дѣла, которыя тянулись многіе годы по консисторіи и другимъ присутственнымъ мѣстамъ, которыя въ особыхъ видахъ я изучалъ и которыя оставили во мнѣ необычайно тягостныя впечатлѣнія и воспоминанія. На мѣстный расколъ преосв. Іаковъ шелъ прямо, не сворачивая въ сторону. Онъ шелъ прямо въ самые тайные притоны раскольниковъ, напередъ тщательно, тайными и явными путями, разслѣдовавъ ихъ состояніе, въ ихъ сокровенныхъ трущобахъ, по горамъ и буеракамъ, по садамъ и лѣснымъ чащамъ. Въ какую сокровенную трущобу онъ проникъ личнымъ посѣщеніемъ и взоромъ,—тамъ по слѣдамъ его оставались разореніе притона и искорененіе (видимое по крайней мѣрѣ) раскола. Въ пламенной ревности по Богѣ онъ не особенно чинился и въ способахъ для достиженія святой цѣли. Отобраніе Иргизскихъ монастырей—это великая и трагическая эпопея. А помельче подобныхъ фактовъ разсказывалось немало. Всѣ горные буераки, которыми окруженъ Саратовъ, были переполнены тогда раскольничьими притонами; со времени же преосв. Іакова и слѣдъ ихъ затертъ, такъ что и воспоминаніе о нихъ и объ ихъ быломъ исчезаетъ. При этомъ самъ онъ изучалъ расколъ въ его развѣтвленіяхъ очень широко, изучалъ и практически, знакомясь личнымъ соприкосновеніемъ съ распаденіями раскола на секты, и въ разнообразныхъ писаніяхъ о

расколѣ. Изъ послѣднихъ онъ дѣлалъ большіе сборники, сборники правительственныхъ актовъ, которые тогда считались секретными, указовъ, записокъ о расколѣ и т. п. Эти сборники онъ завѣщалъ въ библіотеку Саратовской семинаріи. Самъ уже полнѣйшій спеціалистъ по изученію раскола, перечитавшій для своего времени все печатное и множество рукописнаго о расколѣ, я въ этихъ сборникахъ преосвященнаго Іакова нашелъ такія рѣдкія, такія секретныя вещи, которыя, не знаю, всѣ ли и теперь обнародованы, всѣ ли и теперь извѣстны даже ученымъ спеціалистамъ, каковы профессоры академій Нильскій, Субботинъ и Ивановскій».

Но однако ревность Торквемады не принесла желанныхъ плодовъ. Страданія, смерть и разореніе тысячи неповинныхъ людей и обреченныхъ на бѣдствія женъ и дѣтей оказались только грубымъ произволомъ, противнымъ христіанству. «Разсказываютъ, пишетъ преосв. Никаноръ, что произведенный преосв. Іаковомъ разгромъ раскола и присоединеніе тогда же къ церкви до 1800 Саратовскихъ раскольниковъ дали плодъ шумный, но не крѣпкій, такъ какъ, при перемѣнѣ правительственныхъ вѣяній, съ началомъ преобразовательнаго царствованія Александра II, всѣ эти 1800 человѣкъ присоединившихся вновь скоро отпали отъ церкви, причинивъ тогдашнимъ епископамъ Саратовскимъ, Іоанникію и Евѳимію, тяжкія заботы и глубокое огорченіе. Я лично узрѣлъ преосвященнаго Іакова уже архіепископомъ Нижегородскимъ въ С.-Петербургѣ, во время присутствованія его въ Св. Сvнодѣ. Это былъ самый благолѣпный ликъ подвижника-іерарха, какой я видѣлъ на своемъ вѣку: ростъ болѣе средняго, корпусъ отощалый, рука изъ однѣхъ костей, бѣлая до прозрачности, одѣяніе все черное, борода полубѣлая, большая, клиномъ, глаза не потухшіе, щеки впалыя колера блѣдно-истощеннаго, голосъ не немощный, хорошаго, трогающаго звука. Однимъ словомъ, обликъ иконный, какой имѣлъ Тверской архіепископъ Филоѳей (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій)». *)

Вспоминая слѣдующаго Саратовскаго епископа Аѳанасія, преосв. Никаноръ даетъ превосходную характеристику этого замѣчательнаго человѣка. Оберъ-прокуроръ Протасовъ посадилъ его ректоромъ С.-Петербургской академіи съ возведеніемъ въ санъ епископа, и Аѳанасій помогъ Протасову взобраться на вершину почти единодержавія въ церкви; а затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, всемогущій графъ Протасовъ, съ безсердечіемъ барина, выбросилъ совершенно измученнаго имъ

---

*) Оставившій по себѣ очень печальную память сребролюбца (Книга бытія моего, Порф. Успенскаго, т. VIII).

ректора академіи Аѳанасія, какъ выжатый лимонъ, какъ разбитый горшокъ, вонъ изъ Петербурга, и пусть бы куда-либо на видное мѣсто, какъ многократно шумѣлъ въ своихъ гаданіяхъ духовный Петербургъ, а то, недолго думая, по-грибоѣдовски, по-фамусовски:

„Въ глушь, въ Саратовъ".

Въ Саратовѣ преосвященный Аѳанасій, думая идти по слѣдамъ преосв. Іакова, впалъ въ какое-то столкновеніе съ губернаторомъ по дѣламъ раскола, при чемъ, какъ говорятъ, даже губернатора и анаѳемствовалъ въ Недѣлю Православія. Въ Петербургѣ начальство не поддержало преосвященнаго, а учрежденіе въ Саратовѣ Католической каѳедры съ капитуломъ и семинаріею совершенно уронило его духъ. Затѣмъ, когда Александръ II спросилъ и. д. оберъ-прокурора Карасевскаго: «А каковъ тамъ православный архіерей»?—«Не совсѣмъ благонадеженъ», или что-то въ этомъ родѣ отвѣтилъ его величеству г. Карасевскій объ епископѣ Аѳанасіи. Это тотъ самый Карасевскій, который 10 лѣтъ тому назадъ, когда Аѳанасій былъ въ силѣ и славѣ, и въ ходу у графа Протасова, почти только чуть не подобострастно цѣловалъ руку его преосвященства, а его преосвященство, не поднимаясь съ своего предсѣдательскаго кресла, привѣтствовалъ, бывало, входящаго, тогда еще не очень преукрашеннаго д. статскаго совѣтника Карасевскаго простымъ привѣтомъ: «Здравствуйте, Александръ Ивановичъ». Да, времена перемѣнились. Александръ Ивановичъ теперь уже около года правилъ должность оберъ-прокурора и имѣлъ надежду скоро наименоваться дѣйствительнымъ оберъ-прокуроромъ. Увы! Обманулся. На коронаціи 1856 года оберъ-прокуроромъ онъ не сдѣланъ, слегъ отъ огорченія въ постель, а скоро отправился и въ могилу. Оберъ-прокуроромъ, по указанію святителя Московскаго, наименованъ благочестивый графъ Александръ Петровичъ Толстой. Святитель Московскій взошелъ въ зенитъ земной славы; а оттолкнутое имъ, немалое же въ своемъ родѣ свѣтило, какъ комета отъ солнца, епископъ Аѳанасій закатился съ Запада на Востокъ догорать послѣдними несвѣтлыми лучами гаснущей въ темныхъ тучахъ вечерней зари, въ пламенной, песчаной, пропитанной соленою пылью Астрахани. А все пути Провидѣнія!»

«Въ Астрахани, заключаетъ преосв. Никаноръ, онъ и нашелъ покой своему много мятежному, много труждающемуся и обремененному глубочайшею внутреннею тоскою духу въ занятіяхъ наукою. Нашелъ ли, Богъ вѣсть».

«Ученость Аѳанасія была велика. Кромѣ математики и естественныхъ наукъ онъ въ совершенствѣ зналъ новые и древніе языки. Гре-

ческихъ и Латинскихъ писателей онъ изучилъ и проштудировалъ по всѣмъ изданіямъ отъ древнихъ до новѣйшихъ. Онъ изучилъ всѣ фрагменты всѣхъ антихристіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ». Повторить все то, что написалъ преосв. Никаноръ объ учености Аѳанасія, надо привести цѣлыя пять страницъ, и мы отсылаемъ къ нимъ читателей. Эти страницы написаны такъ талантливо, что ихъ слѣдуетъ прочесть. въ нихъ обрисована не только вся ученость Аѳанасія, но и состояніе его души и, по словамъ біографа, умственная болѣзнь преосвященнаго *). Въ припадкахъ этой умственной болѣзни онъ иногда постился чуть не до заморенья себя голодомъ; онъ молился порывисто и, повидимому, не разъ вопіялъ къ Богу, если не какъ Моисей на Синаѣ: *аще же ни, изглади мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси*, то какъ Илія на Хоривѣ: *довольно съ меня, возми душу мою отъ меня, Господи»*. Это я позволяю себѣ сказать о немъ, чтобъ освѣтить и оправдать подобныя мучительнѣйшія состоянія высокихъ душъ. Какъ тѣ великіе избранники Божіи для своего времени были носителями міровой обще-человѣческой скорби, такъ и этотъ въ наше время величайшій искатель мудрости, какъ Прометей, прикованный къ неподвижной скалѣ своего званія, совмѣщая въ своей груди современную обще-человѣческую болѣзнь, отъ безсилія связать въ единство антиномическіе выводы современнаго умственнаго развитія, былъ трагическимъ носителемъ міровой же, общечеловѣческой скорби».

«Богъ, въ Котораго онъ глубоко вѣровалъ, Промыслъ, Который онъ безспорно исповѣдывалъ, утверждалъ и провозглашалъ даже въ интимнѣйшей бесѣдѣ, благодать Святаго Духа, которую онъ настойчиво и порывисто призывалъ въ свою смятенную душу евангельскою молитвою: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*, поддержали его. Многолѣтняя охранительная вѣрность своему призванію имѣла для него тотъ плодъ, что къ старости лѣтъ онъ поборолъ въ себѣ припадки своей душевной болѣзни, укротилъ ужасные порывы терзающей скорби и завоевалъ себѣ сравнительный покой души. Мы сказали, вѣрность своему призванію, хотя, быть можетъ, и не безъ претккновеній. Да, онъ крайне боялся, до болѣзненности трепеталъ поводовъ подать собою какой-либо соблазнъ другимъ. Онъ жилъ въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ, безъ крайности самъ не выѣзжалъ къ другимъ и у себя не принималъ никого, развѣ только по дѣламъ. Для развлеченій — никого. Личный врагъ Аѳанасія, митрополитъ Филаретъ, въ своемъ письмѣ

*) О пр. Аѳанасіи также Чистовичъ „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи“, стр 336—353.

къ оберъ-прокурору Ахматову, выразился о немъ такъ: «Графъ Протасовъ въ архимандритѣ Аѳанасіи нашелъ нѣкоторыя любимыя идеи и понесъ его на своихъ плечахъ, потомъ разочаровался и оставилъ его. Преосвященный Аѳанасій, будучи ректоромъ Петербургской Академіи, утверждалъ, что всѣ Русскіе богословы до него были не православны, что не должно богословію учить систематически, а довольно читать Священное Писаніе и св. отцевъ; синопсисъ св. Аѳанасія, который есть родъ оглавленія каждой книги Св. Писанія, сдѣлалъ классическою книгою; при особенномъ случаѣ получивъ назначеніе произнести слово, хотя трудился для сочиненія онаго и просилъ содѣйствія нѣкоторыхъ изъ членовъ Академіи, но кончилъ тѣмъ, что сказался больнымъ. Слышалъ я, что онъ и въ епархіи поученій не говоритъ и утверждаетъ, что церковная проповѣдь въ нынѣшнее время есть анахронизмъ: избѣгая же анахронизма и держась современности, онъ, какъ говорятъ, куритъ табакъ даже при посѣтителяхъ. Дѣятельности въ управленіи ему не приписываютъ, о чемъ впрочемъ Св. Сунодъ можетъ судить, вѣрнѣе слуховъ по дѣламъ. Что начальство не обращало благоволительнаго вниманія на долгое служеніе пр. Аѳанасія въ продолженіе многихъ лѣтъ, это едва ли могло быть безъ важныхъ причинъ; кто болѣе знаетъ, тотъ вѣрнѣе можетъ сдѣлать заключеніе».

Но самыя свѣтлыя воспоминанія преосвященнаго Никанора относятся къ знаменитому въ свое время Могилевскому архіепископу Смарагду Крыжановскому, у котораго преосвященный Никаноръ былъ въ Могилевѣ пѣвчимъ. «При обозрѣніи епархіи, въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ угловъ, заѣхали мы къ какому-то Польскому пану, въ его домъ. Помнится, пана самого не было; принималъ управляющій. А нужно прибавить, что преосвященнаго архіепископа Смарагда чтили, любили и отличнѣйшимъ образомъ принимали не только Русскіе помѣщики, но и Польскіе (да тамъ въ ту пору всѣ помѣщики и были Поляки), и не только помѣщики, но и ксендзы въ своихъ кляшторахъ. Помню, насъ наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ принимали ксендзы въ своемъ кляшторѣ въ Озерянахъ. Ксендзы выходили на цвинтарь встрѣчать пр. Смарагда въ священномъ облаченіи, съ крестомъ, хоругвями и со звономъ. Въ Озерянахъ онъ даже въ мантіи входилъ въ костелъ, при звукахъ органа. Не помню, входилъ ли въ другихъ мѣстахъ. Было время, да прошло. Бездна между Русскими православными и католиками-Поляками на Руси съ тѣхъ поръ какъ будто глубже еще разрыта и стала непроходимѣе. Увы! А тогда католики и въ самомъ Могилевѣ были къ нему, Смарагду, въ высшей степени привѣтливы: принимали съ поздравленіями насъ, пѣвцовъ; одаривали насъ щедрѣе Русскихъ.

Помню въ высшей степени элегантнаго, привѣтливаго и щедраго католика Коссовскаго; помню глубоко уединеннаго старца-бискупа Камiонку. Отжила эта тогда сравнительно мирная старина. Такъ о вышереченномъ панѣ. По совершеніи литургіи, въ православной церкви, владыку въ панскомъ палацѣ принимали роскошно. А на насъ, на свиту, взглянули, повидимому, какъ на прислугу, на дворню. Владыка же, по обычаю, послѣ обѣда и двинься съ спутниками-барами прямо на насъ; а мы того и ждемъ.—«А ну, дѣти, вы какъ—а? Кормили васъ?» (Это у него было за обычай спросить, какъ насъ кормятъ. Онъ зналъ, что его-то самого вездѣ покормятъ хорошо; о свитѣ же не лишнее иногда освѣдомиться, не голодаетъ ли она. У своей духовной братіи покормятъ и свиту, а здѣсь дѣло стало на чужбинѣ, у Польскаго пана). Мы сейчасъ же и выложили владыкѣ правду налицо. Боже! Откуда что взялось. Съ панскаго палаца намъ натащили столько всякихъ яствъ, даже арбузовъ (что́ тогда въ Могилевской губерніи составляло дорогое лакомство), что мы даже всего поѣсть не могли. Помню, что тамъ у пана былъ молодой ручной медвѣдь, съ которымъ мы, мальчишки, отлично подружились. Такъ и тотъ объѣлся нашими подачками. По всей епархіи эту манеру владыки Смарагда знали отлично, и обнести насъ кусками конечно нигдѣ не смѣли. Въ тѣхъ же видахъ отеческой заботы даже о развлеченіи своихъ дѣтей-пѣвчихъ владыка Смарагдъ бралъ насъ съ собою и кататься очень часто. Въ карету съ собою никогда не сажалъ, а приказывалъ становиться на запятки, на которыхъ мы, уставъ стоять, иногда и садились. Бралъ всегда подвое. Обыкновенно, онъ выѣзжалъ съ нами, такимъ образомъ, на загородную прогулку; но изрѣдка, въ масляную, или въ каникулы, уѣзжалъ и на далекій загородный фольварокъ Барсуки. Тамъ еще больше, чѣмъ дома, озабочивался, чтобъ мы были накормлены и напоены. И все это въ намѣренно-грубоватой формѣ. Въ тонъ нѣжности онъ никогда не впадалъ. Это «охъ, коналія.» у него было совсѣмъ обычное выраженіе ласки.—«Ну, коналія, пей... Охъ, этотъ мальчишка будетъ или великій плутъ, или»... и т. п. все въ томъ же родѣ. Также, бывало, и на званыхъ вечерахъ у него, которые впрочемъ онъ дѣлалъ весьма нечасто, всѣ остатки лакомствъ намъ же попадутъ, и самъ раздастъ, и гости раздадутъ. Такой тонъ поддерживали и всѣ, какой онъ задавалъ. Всѣ на насъ глядѣли, какъ на порядочныхъ дѣтей, почти какъ на барчатъ. «Да, Смарагдъ возвысилъ епархію, возвысилъ духовенство», долго слышались о немъ такіе отзывы среди Могилевскаго духовенства. Можно сказать вообще, что всѣ избытки лакомствъ, какія въ ту пору были въ распоряженіи этого благодушнѣйшаго изъ архіереевъ, все это попадало въ наши руки, сопровождаемое самою отеческою заботливостью, одѣтою,

впрочемъ, всегда въ жестковатую кору. Вотъ уже можно сказать, жестко сталъ этотъ суровый съ виду, нѣжный сердцемъ, человѣкъ, да мягко было намъ спать при немъ. Вѣчная ему память!»

Послѣ воспоминаній преосвященнаго Никанора въ этомъ же томѣ помѣщено 8 статей, неразрывно связанныхъ съ его автобіографіею. Вспоминая С.-Петербургскаго митрополита Антонія, преосв. Никаноръ говоритъ, что это былъ старецъ-святитель рѣдкой красоты, но въ Петербургѣ быстро перемѣнился и старчески огрубѣлъ. Поставленный въ высокое положеніе первосвятителя, утѣшенный явнымъ покровительствомъ Промысла, ободренный явнымъ вниманіемъ высочайшей власти, митрополитъ Антоній на первыхъ порахъ въ Петербургѣ обнаружилъ дѣятельность, о которой говорили, которой изумлялись, хотя дѣятельность была внѣшняго качества. Онъ обозрѣлъ всѣ церкви столицы, посѣтилъ множество болѣе или менѣе подвѣдомыхъ учрежденій. Помню, мнѣ лично говорилъ объ этомъ знаменитый иподіаконъ Прохоръ Ивановичъ. Не стану распространяться объ этомъ Прохорѣ Ивановичѣ. Скажу, что онъ съ митроп. Серафимомъ выѣзжалъ на Исаакіевскую площадь въ бунтъ 14 Декабря. Самъ императоръ Николай I вспомнилъ объ этомъ въ 25-лѣтіе своего царствованія и пожаловалъ Прохора Ивановича орденомъ св. Анны 3-й степени. Первый изъ діаконовъ на всей руси Прохоръ Ивановичъ удостоился украситься орденомъ. Лѣтъ 30—40 сряду онъ былъ главнымъ церемоніймейстеромъ при столичныхъ первосвятителяхъ. За все это время при нихъ онъ велъ дневникъ, вписывая въ него каждый шагъ ихъ. Гдѣ теперь эти записки, не знаю; но безъ сомнѣнія, онѣ составляютъ драгоцѣнный матеріалъ. Такъ этотъ Прохоръ Ивановичъ, у котораго всякій скончавшійся владыка былъ прекраснѣйшій, но живой всегда оказывался прекраснѣе всѣхъ прекраснѣйшихъ отшедшихъ къ отцамъ, этотъ Прохоръ Ивановичъ, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ отзывавшійся о живомъ тогда владыкѣ Антоніѣ, самолично при какомъ-то случаѣ удостоивъ меня своей бесѣды (онъ знаетъ себѣ цѣну), сказывалъ съ умиленіемъ, что владыка Антоній, помнится, чуть-ли не большую часть дней, въ первый годъ своего служенія въ Петербургѣ, освятилъ личнымъ своимъ священнодѣйствіемъ по разнымъ церквамъ. Для этого требовалось, конечно, много силъ, особенно при другихъ занятіяхъ».

«Жилъ онъ въ С.-Петербургѣ довольно роскошно, тѣмъ болѣе, что императоръ Николай, когда ему доложили о смерти митрополита Серафима, сказалъ: «Добрый былъ старикъ, но жилъ грязно; къ нему приходишь, и засаленный лакей тебя встрѣчаетъ». Какъ первосвятитель

Россійской имперіи, Антоній захотѣлъ поставить себя магнатомъ, по стариннымъ имперскимъ статутамъ и по личнымъ его наблюденіямъ надъ вельможескою постановкою стародавнихъ архіереевъ Римско-католическихъ, въ юго-западномъ полу-Польскомъ и въ западномъ Польскомъ краю. Митрополичій домъ свой въ Александро-Невской лаврѣ онъ отдѣлалъ великолѣпно и изящно. Тамъ, гдѣ при Серафимѣ мы видѣли потускнѣвшую покраску, тамъ Антоній положилъ мраморъ съ позолотою и другіе обои съ прекрасными картинами, въ дорогихъ золоченыхъ рамахъ. Тамъ, гдѣ прежде мы видѣли или покоробившійся паркетъ, или же простую окраску половъ, тамъ онъ положилъ паркетъ-мозаику, поставилъ великолѣпную золоченую мебель, оконныя рамы изъ дуба, двери рѣзныя изъ дуба-же и. т. п., поставилъ швейцара съ булавою, котораго до тѣхъ поръ не видали. Для выѣзда выписалъ Орловскихъ рысаковъ, выѣзжать сталъ на шестерикѣ всегда, а въ торжественныхъ случаяхъ даже на осьмерикѣ, при кучерѣ и двухъ форейторахъ въ галунахъ и трехуголкахъ, по статутамъ императрицы еще Елисаветы Петровны, или же Екатерины II, съ двумя гайдуками на запяткахъ, въ ливреяхъ же и трехуголкахъ. Покровительствовавшій ему фельдмаршалъ Паскевичъ прислалъ ему въ Петербургъ своего повара, чудо поваренкаго искусства. Засаленые лакеи изъ покоевъ митрополита конечно исчезли. Старинная чумазая простота выметена».

Увы! Вся эта выставка внѣшняго блеска очень скоро родила въ Петербургѣ говоръ неблагопріятный. Говоря о причинахъ интриги противъ Антонія противъ оберъ-прокурора Св. Синода, пр. Никаноръ заключаетъ. «Графъ Протасовъ могъ считать себя благодѣтелемъ Антонія, не встрѣтившимъ признательности и взаимной поддержки, и нравственный разрывъ между ними совершился. На сколько митрополитъ участвовалъ въ этой опасной затѣѣ своимъ сочувствіемъ, неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе послѣдствія затѣи оказались для него конечно прискорбны. Графъ Протасовъ не былъ изъ характеровъ мягкихъ, и митрополитъ пораженъ былъ параличемъ, уже вторичнымъ. Первый ударъ, должно быть, не особенно сильный, имѣлъ мѣсто уже въ Варшавѣ. Получивъ и второй ударъ, Антоній нѣсколько лѣтъ могъ еще не только двигаться, но и присутствовать въ Святѣйшемъ Сунодѣ и заниматься дѣлами своей обширной епархіи, и даже священнодѣйствовать хотя и рѣдко, въ самые великіе дни. Видѣлъ я его не разъ и въ этомъ его состояніи. Конечно, онъ былъ теперь подъ постояннымъ надзоромъ врачей. Отъ леченія, діэты и недуга, онъ, прежде довольно полный, теперь похудѣлъ; лицо его отощало и приняло необыкновенно бѣлый, прозразный и трогательный, возбуждающій жалость. оттѣнокъ. Помнится, года за полтора до

смерти онъ окончательно потерялъ способность движенія и прикованъ былъ къ одру болѣзни, пока не взошелъ и на одръ смерти».

«Такъ вотъ почему голосъ митрополита Антонія былъ мало слышенъ въ вышемъ управленіи Русскою церковію: вслѣдствіе нравственнаго разрыва съ энергическимъ оберъ прокуромъ. Отсюда возникла и слабость, во первыхъ, тѣла святителя, а затѣмъ слабость и духа въ больномъ тѣлѣ, впрочемъ слабость чисто внѣшняя, только правительственная, выражавшаяся въ недостаткѣ правительственнаго авторитета Все это больше или меньше отразилось и въ словѣ, которое произнесъ надъ гробомъ митрополита Антонія знаменитый витія нашъ, Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, которое слышалъ я изъ устъ самого оратора. Отпѣвали митрополита Антонія по обычаю въ Духовской церкви Александро-Невской лавры, 10 Ноября 1848 г. Литургію совершалъ Игнатій, архіепископъ Воронежскій, На отпѣваніи предстоятельствовалъ митрополитъ Іона, членъ Св. Сѵнода, ветхій старецъ уже до того, что едва передвигалъ ноги и за отпѣваніемъ не совершалъ даже кажденія, хотя Императору и Великимъ Князьямъ погребальныя свѣчи подносилъ самъ, впрочемъ и тутъ передвигался при помощи иподіаконовъ. Кадилъ гробъ, церковь и предстоящихъ Иннокентій Херсонскій, какъ старѣйшій по митрополитѣ. Государь Императоръ Николай I и Великіе Князья, Наслѣдникъ-Цесаревичъ Александръ Николаевичъ пожаловали въ церковь, когда отпѣваніе уже началось. За прибытіемъ ихъ отпѣваніе сильно было сокращено, такъ что, помнится, прочитано было всего только два евангелія; а затѣмъ обрядъ быстро двинулся къ концу. Какъ теперь вижу величественную фигуру Николая I; онъ стоялъ, ступивъ правою ногою на первую ступеньку солеи, когда гробъ ставили въ могилу у подножія иконостасной иконы Божіей матери. Какъ теперь вижу поразившую меня картину, когда Императоръ, по окончаніи обряда, повернулся къ выходу и какъ хребты всѣхъ этихъ сотенъ звѣздоносцевъ въ одно мгновеніе склонились, какъ скошенные однимъ взмахомъ косы, а Государь, высясь колоссомъ надъ всею этою преклоненною толпою высшихъ государственныхъ величій, величественно прошелъ къ двери, стуча шпорами. Во время произнесенія Иннокентіемъ слова въ церкви изъ замѣтныхъ лицъ присутствовали только Максимиліанъ герцогъ Лейхтенбергскій, да графъ Протасовъ; а ожидалось, что послушать Всероссійскаго витію прибудутъ и высочайшія особы. Я очевидецъ всего. Я присутствовалъ въ качествѣ посошника у ректора академіи епископа Евсевія. Тогда студентъ Санктпетербургской академіи и пономарь академической церкви, видѣлъ я, какъ Иннокентій явно волновался предъ произнесеніемъ проповѣди и во время обѣдни выхо-

дилъ изъ алтаря проучить слово наизусть. Произносилъ наизусть. Я собственнымъ чувствомъ хотѣлъ провѣрить общую о немъ молву, какъ о замѣчательномъ ораторѣ не только по писанію проповѣдей (въ чемъ слава его безспорна), но и по произнесенію. Относительно послѣдняго я вынесъ полнѣйшее разочарованіе. Чтобъ не пропустить ни звука, я, одѣтый въ стихарь, пристроился за лѣвою половиною открытыхъ царскихъ дверей (открытыхъ потому, что слово произносилось послѣ двукратнаго: *Буди имя Господне*). Ораторъ стоялъ отъ меня на разстояніи никакъ не болѣе двухъ аршинъ. Мнѣ чувствовалось каждое самое малѣйшее его движеніе. Разочаровался я; даже болѣе того, я почувствовалъ какое-то раздраженіе, потому что произношеніе славнаго оратора было фальшиво-искуственное, крайне напряженное, и при утрированномъ неравенствѣ тоновъ въ сущности монотонное. Ораторъ начиналъ каждую фразу съ звуковъ едва слышимыхъ, говорилъ по слову, ударяя на удареніяхъ и скрадывая прочіе слоги, въ срединѣ фразы поднимался до рѣзкаго крика, и потомъ быстро скороговоркою спускался къ концу фразы до неслышнаго шопота, почему вторая половина фразы и проподала совсѣмъ для слушателя. Затѣмъ онъ начиналъ вторую, третью и такъ далѣе фразы тою же звуковою дугою снизу вверхъ и обратно до шопота. И все это продѣлывалъ, невыносимо гнуся голосомъ трескучимъ, нимало непѣвучимъ, немузыкальнымъ, съ напряжнѣйшею ходульностію, совсѣмъ неудобною для православно-церковной проповѣднической каѳедры. По крайней мѣрѣ для моего чувства, хотя и крѣпко предубѣжденнаго въ пользу оратора, совсѣмъ пропало доброе впечатлѣніе этого слова; а возстановилось отчасти только уже тогда, какъ увидѣлъ я это слово въ печати».

А сколько хорошихъ страницъ отдѣлилъ въ своихъ запискахъ преосв. Никаноръ безвременно умершему іеромонаху Валеріану Орлову, проповѣди котораго, напечатанныя имъ безъ подписи въ «Христіанскомъ Чтеніи», не могли отличить отъ проповѣдей знаменитаго Іоанна Смоленскаго, печатавшаго ихъ также безъ подписи въ «Христіанскомъ же Чтеніи».

«Если же не только Іоанну Смоленскому, но и Валеріану (писалъ пр. Никаноръ) суждено перейти въ исторію, то пусть же перейдутъ въ свѣтѣ дѣйствительности, какъ я могу ее припомнить. А о томъ и другомъ, по однимъ воспоминаніямъ, даже безъ документовъ подъ руками, я могъ бы составить цѣлыя біографіи, по крайней мѣрѣ о томъ періодѣ ихъ жизни, который прошелъ у меня передъ глазами. Впрочемъ, скажу только о постриженіи Валеріана и объ истинныхъ причинахъ

смерти преосв. Іоанна Смоленскаго. Само собою разумѣется, что всего сказать я не могу, что̀ знаю; а съ другой стороны и не солгу. Случится, быть можетъ, измѣнить истинѣ развѣ только тамъ, гдѣ намъ самимъ измѣнитъ наше воспоминаніе. Но главнѣйшія обстоятельства, о которыхъ хочу говорить, я вижу въ воспоминаніи, какъ свѣтъ этихъ двухъ свѣчей, которыя вотъ горятъ на столѣ предъ моими глазами и освѣщаютъ мою работу».

«Въ первый разъ въ С.-Петербургской духовной Академіи я увидѣлъ Василія Орлова, въ обществѣ іеромонаха І., теперь епископа, въ мірѣ Іосифа Дроздова: оба Тверяки-земляки. Одинъ только что кончилъ курсъ въ Академіи магистромъ и отправился на службу инспекторомъ хорошей видной семинаріи Рижской; а другой только поступалъ изъ родной имъ обоимъ Тверской семинаріи въ академію. При первомъ взглядѣ на юношу Орлова меня поразила въ немъ типически-русская красота; не женственная красота, что̀ иногда бываетъ въ недоросткахъ-юношахъ, а чисто мужская: этотъ бѣло-молочный, на щекахъ яркорумяный цвѣтъ лица, эти длинныя рѣсницы, каріе глаза, открытый вызывающій блескъ, на который весело было смотрѣть, этотъ по русски вздернутый носъ, впрочемъ правильно очерченный, намекавшій на откровенность, на нѣкоторое легкомысліе, на отвагу, даже на дерзость; эти яркія пухлыя губы, около нихъ пока еще ни уса, ни бороды; на головѣ богатѣйшая темнокаштанная растительность, длинные бѣлые пальцы на довольно большихъ, но соотвѣтственныхъ корпусу и элегантнаго очертанія рукахъ, высокій ростъ еще не вполнѣ сложившейся юности, нѣкоторая неловкость, но далеко не грубость, не деревенскій складъ манеръ, звонкій пѣвучій голосъ, щеки, съ которыхъ пока еще не совсѣмъ сбѣжала дѣтская припухлость: все это черты не часто встрѣчающіяся въ одномъ лицѣ. Ясно было, что вижу предъ собою недозрѣлаго, но полножизненнаго и привлекательнаго юношу. Онъ, помнится, поступилъ въ академію очень молодымъ, лѣтъ 18—19. Подумалось при первомъ взглядѣ: что́ за диво! что за явленіе! Въ духовныхъ академіяхъ старшіе встрѣчаютъ обыкновенно новыя личности въ родѣ новопріѣзжихъ студентовъ, съ нѣкоторою чопорностью; но тутъ было явное исключеніе, рѣдкій продуктъ природы. Разговорились тотчасъ же, не смотря на нѣкоторое неравенство лѣтъ и положеній. Впрочемъ, не смотря на первую благопріятную встрѣчу, поглощенный тогда трудами, года на два я совсѣмъ почти потерялъ Орлова изъ виду, такъ что не помню о немъ изъ этихъ двухъ лѣтъ почти ничего. Памятенъ остался только одинъ забавный случай. Разъ прихожу по долгу службы навѣстить академическую больницу и, увидѣвъ тамъ Орлова въ больничномъ халатѣ, самымъ забот-

ливымъ образомъ освѣдомляюсь у него: «что это у васъ щеки какъ распухли?» А вышло на дѣлѣ, что на академическихъ хлѣбахъ Орловъ и возмужалъ и еще больше располнѣлъ, и боленъ былъ онъ не щеками, а какою-то другою мелочью, или такъ просто пришелъ въ больницу отдохнуть. По разряднымъ спискамъ въ первые два года, въ низшемъ отдѣленіи, при двухгодичномъ курсѣ, Орловъ шелъ. помнится, выше середины, однакоже не въ числѣ первыхъ. Но съ переходомъ въ высшее отдѣленіе Орловъ загремѣлъ. Ректоръ академіи, именитѣйшій іерархъ, митрополитъ Московскій Макарій, поставилъ ему на мѣсячномъ сочиненіи высшій балъ. У многихъ другихъ наставниковъ онъ получилъ лучшіе же балы и скоро въ разныхъ спискахъ очутился первымъ. И никто не говорилъ, что это не по праву; всѣ, напротивъ, признавали въ этомъ студентѣ и трудолюбіе, и многосторонность свѣдѣній, и способность къ ученой работѣ при замѣчательныхъ дарованіяхъ, при свободномъ дарѣ слова, при живости характера, а также и представительной наружности, которая рѣдко вредитъ, а напротивъ, весьма часто помогаетъ жизненному успѣху. Поведеніе его, насколько оно было извѣстно академической инспекціи, было не только аккуратно, но и безупречно».

«На XXI курсѣ Валеріанъ не поберегся, и стряслась съ нимъ маленькая бѣда. Блаженныя памяти о. Діодоръ и бывшій о. Валерьянъ кутнули порядкомъ: это бы не бѣда, но большая бѣда въ томъ, что навеселѣ забрались они въ академическій садъ, часа въ 2—3 свѣтлой сѣверной ночи. И это пока еще небольшая бѣда. Да поскидали клобуки (а монахи тогда и въ саду гуляли не иначе, какъ въ клобукахъ), да и грянули какую-то не то разгульную, не то грустную, но всячески нецерковнаго содержанія пѣсенку. По тогдашнимъ нравамъ это было немалое нарушеніе господствующаго тона. Тамъ гдѣ-то спятъ ректоръ-архіерей, тамъ инспекторъ-архимандритъ, а тутъ въ саду академическомъ, съ боку лавры и митрополичьяго дома раздается пѣсня. И кто же поетъ?! Юные подвыпившіе монахи! Только, не больше. Шума дѣло не произвело; но пошептались, что не ладно. Конечно, ни у кого не оказалось ни малѣйшаго желанія скомпрометировать неосторожную юность, обязанную по сану быть всегда настарожѣ, въ самонаблюденіи. То были строгія времена, строгіе нравы, чопорные обычаи. А быть можетъ, они-то и помогли другимъ уберечься въ жизни. Но скоро они, эти обычаи, измѣнились, съ перемѣной начальствовавшихъ лицъ: да и духъ времени быстро измѣнился. И едва ли не эта перемѣна помогла Валерьяну быстро спуститься къ упадку и погибели. А нужно взять на вѣсы и темпераментъ Валерьяна, типичный, холе-

рико-сангвиническій. Вѣдь Валерьянъ былъ живая натура, какихъ свѣтъ мало производитъ, говорунъ, хохотунъ, острякъ, весельчакъ, пѣвецъ всяческихъ пѣсенъ и церковныхъ и мірскихъ, а въ хмелю и вздорникъ: свойства естественныя и, быть можетъ даже привлекательныя въ свѣтскомъ молодомъ человѣкѣ, но далеко неудобныя въ монашествѣ. Помню я одинъ вечеръ. Работящія мыслящія головы отдыхали въ какой-то праздничный день. Сидѣло трое почти сверстниковъ, одинъ теперь именитый человѣкъ. У него и сидѣли. Кто могъ предугадать тогда, какъ и чѣмъ кончатъ эти три человѣка? Судьбы Божіи неисповѣдимы. Испили по братски не только чаю, но и вина для одушевленія бесѣды, и дѣйствительно въ высшей степени радушно болтали. Господствовалъ въ разговорѣ, конечно, Валерьянъ, и въ этотъ только разъ я и видѣлъ его истинно увлекательнымъ (часто бесѣдовать съ нимъ не приходилось). Въ ударѣ онъ сталъ вспоминать свою раннюю юность, еще лѣтъ съ 15-ти, еще на родинѣ въ Тверской губерніи. Передать содержаніе его откровенности непозволительно, но сущность была въ томъ, что красоту и много обѣщающую увлекательность его юности другой полъ замѣтилъ очень рано, и вышло такъ, что неудобная по общественному положенію привязанность дала ему печальное самоотверженное завѣщаніе: «иди же по крайней мѣрѣ въ монахи». Послушался, пошелъ и—погибъ... Подумалось тогда же, что Немезида погонится. Я знаю не одинъ опытъ, что вступленіе въ монашество изъ-за несчастной любви или неудачнаго сватовства оканчивалось болѣе или менѣе печальнымъ исходомъ. Такъ вышло и съ Валерьяномъ. Затѣмъ мы разошлись по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Затѣмъ я слышалъ, какъ одинъ многоопытный іерархъ, Платонъ, тогда архіепископъ Рижскій, возвратившись изъ Петербурга, гдѣ видѣлъ Валерьяна, выражался о немъ съ похвалой, но какъ будто и съ печальнымъ предчувствіемъ: «Ахъ, Валерьянъ! Молодецъ, красавецъ, заглядѣнье, чисто-Русская красота, кровь съ молокомъ. Ахъ, Валерьянъ!» Случайно, въ проѣздъ чрезъ Петербургъ, я видѣлъ, какъ юный монахъ Валеріанъ проспалъ утреню во Вторникъ первой недѣли Великаго поста, что̀ въ наше недавно-прошедшее время было немыслимо. Слышалъ, будто отецъ Валерьянъ на какомъ-то публичномъ обѣдѣ имѣлъ совершенно неумѣстный споръ съ знаменитымъ для всякаго и особенно для того времени графомъ Іаковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ. Толковали объ этомъ въ Петербургѣ; а это много и почти всегда вредно, когда толкуютъ въ Петербургѣ. Толкуютъ въ Петербургѣ, значитъ бранятъ, такъ какъ хвалить что-либо, удивляться чему-либо Петербургъ не привыкъ. Слышалъ, будто Валерьянъ въ Петербургѣ сталъ дѣлать частные разъѣзды по гостямъ, гдѣ оказывался неостороженъ относительно вина.

Все это однакоже не помѣшало Валерьяну на третьемъ или четвертомъ году службы сдѣлаться инспекторомъ Кіевской Духовной Академіи, быстрота и значительность повышенія (другой примѣръ, который мы видѣли только въ знаменитомъ Макаріи, владыкѣ Московскомъ). Затѣмъ пошли уже только грустные толки. Былъ такой свѣдущій проходимецъ, который и на восточной окраинѣ Русской земли разсказывалъ всѣ подробности Кіевской академической исторіи того времени. Узнано было, что и въ громкомъ тогда *Колоколѣ* прозвонили объ этихъ настроеніяхъ и прозвонили со стороны грозной для о. инспектора, главнымъ образомъ съ той, что къ исполненію служебныхъ обязанностей онъ является грузенъ. Скоро же узнано было со всѣхъ сторонъ, что отецъ Валерьянъ посланъ въ братство одного изъ Харьковскихъ монастырей. Само собою рождался вопросъ: сниметъ санъ, или не сниметъ. Вопросы подобнаго рода тогда носились въ воздухѣ. Печальное ожиданіе не обмануло. Со стороны отца Валерьяна отвѣчено было фактомъ снятія священно-монашескаго чина. Архипастырю (Макарію, своего рода Немезида), который постригалъ его, пришлось и разстричь... Далѣе пошли уже крайне нескладные слухи о злоключеніяхъ его въ Полтавѣ, о томъ, что онъ избралъ себѣ путь жизни не только самый непочтенный для себя, но и самый вредный для многихъ другихъ, путь соблазна для малыхъ сихъ въ этой безобразной, лишенной нравственныхъ принциповъ вознѣ бывшаго инспектора академіи, теперь пьянаго разстриги-забулдыги, съ Полтавскими школьниками. Довести себя до низости, чтобы существовать писаніемъ задачекъ Полтавскимъ семинаристамъ и получать отъ нихъ подачки даже не шкаликами, а помадными банками, наполненными горе-горькимъ питьемъ... о, не приведи Богъ! Самый видъ его долженъ былъ производить на семинаристовъ двухстороннее впечатлѣніе: съ одной стороны былъ соблазнителенъ до послѣднѣйшей крайности, а съ другой поучительнѣе Эллинскаго илота, котораго, напоивъ до безобразія, сѣкли для примѣра предъ глазами благородныхъ дѣтей. Слышалъ, что и въ Полтавѣ добрыя сердца усиливались поддержать несчастнаго, будто бы даже мѣстный губернаторъ приблизилъ было его къ своему семейству въ качествѣ наставника своихъ дѣтей. Слышалъ, что и Петербургскіе товарищи, бывшіе сослуживцы и друзья, употребляли со своей стороны разнообразныя усилія поддержать его. Все напрасно. Въ винѣ онъ потопилъ свой образъ Божій и человѣческій. Слышалъ, что въ Кіевѣ онъ протягивалъ руку Христа ради. Въ толпѣ нищихъ онъ узнанъ былъ о. намѣстникомъ лавры, Варлаамомъ. «Это ты Василій!»—Я, ваше высокопреподобіе.—«Ахъ, Боже мой!»

«Христіанскій мыслитель, въ родѣ ученаго монаха, передъ неприступностію критическаго анализа или падаетъ въ изнеможеніи и, разорвавъ ярмо вѣры, закусивъ удила, неистово бѣжитъ къ гибели, какъ бы гонимый рокомъ; или, переживая страшныя, невѣдомыя другимъ, томленія духа, вѣрный завѣту крещенія и символу спасающей вѣры, вѣрный иноческому обѣту и священнической присягѣ, съ душой, иногда прискорбною даже до смерти, припадая лицомъ и духомъ долу, молится евангельскою символическою обще-человѣческою молитвой: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* и, поддерживаемый Божіею благодатію, хотя и малу имать силу, соблюдаетъ слово Христово, неотвергается имени Христова и пребываетъ вѣренъ возложенной на него борьбѣ даже до смерти».

«Вотъ что я называю міровой скорбію нашей эпохи, и вотъ почему называю ученыхъ монаховъ первыми носителями этой міровой скорби. Изъ хорошо извѣстныхъ мнѣ ученыхъ монаховъ, уже отшедшихъ отъ сего міра, выразительнѣйшими носителями этой міровой скорби, я признаю Аѳанасія архіепископа Астраханскаго, который славѣ многоученѣйшаго автора предпочелъ долгъ закрыть пожиравшее его мучительнѣйшее пламя въ своей груди, никому не пожаловавшись (а переживалъ онъ ужасныя состоянія, какія не дай Богъ переживать никому другому) и Іоанна епископа Смоленскаго, который пребылъ вѣренъ внутренней борьбѣ до смерти, но физически сломился рановременно. Думаю, что эта же скорбь грызла и Валерьяна. Но этотъ съ юношескою невыносливостью рановременнаго счастливца и быстраго неудачника поспѣшилъ залить внутреннее пламя виномъ, разрѣшивъ на многое, а затѣмъ и на вся, и кончивъ тѣмъ, чѣмъ кончилъ въ Полтавѣ... смертію отверженнаго забулдыги подъ заборомъ... Да вмѣнитъ ему безконечная милость Божія его великія страданія въ вѣчное оправданіе его падшаго духа»!

«Вотъ по моему истинный некрологъ Валерьяна Орлова. Вотъ близкая къ истинѣ, насколько вѣдомъ духъ человѣка другому человѣку, эпитафія Іоанна Смоленскаго. Да отчасти эпитафія и вымирающаго ученаго Русскаго монашества».

Обращаясь въ своихъ воспоминаніяхъ къ покойному архіепископу Іоанну Доброзракову, умершему въ 1872 г. на спокоѣ, преосв. Никаноръ всѣми силами своего талантливаго пера нападаетъ на проф. Ростислава, автора Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи до гр. Протасова. «Авторъ», пишетъ между прочимъ преосв. Никаноръ, «очевидно имѣетъ въ виду доказать, что духовныя академіи недавно прошедшаго

времени были очень плохи: не только полная біографія ихъ, но даже отрывки изъ нея, по его словамъ, способны отчасти прояснить *главнѣйшія причины того безотраднаго положенія*, въ которомъ такъ недавно находились среднія и низшія духовноучебныя заведенія, и вмѣстѣ укажутъ на то, *чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы преобразованныя академіи мало-по-малу не обратились вспять.* Въ защиту нашихъ академій мы пока не скажемъ ни слова; это не входитъ въ наши виды. Наша задача защитить только лица, которыя названы въ этой обвинительной статьѣ.

«Первую причину неудовлетворительности нашихъ академій въ данный періодъ Ростиславовъ видитъ въ томъ, что онѣ были *«ректорскими* или полнѣе—*монашески - ректорскими* учебными заведеніями». И потому, чтобы видѣть, почему такъ плоха была С.-Петербургская Духовная Академія въ данный періодъ, Ростиславовъ находитъ нужнымъ прежде всего познакомить читателей «съ личнымъ характеромъ *четырехъ командировъ»*, подъ управленіемъ которыхъ въ это время она состояла. Это были: *Іоаннъ Доброзраковъ»* (въ послѣдствіи времени епископъ Пензенскій и Нижегородскій и архіепископъ Донской), *Смарагдъ Крыжановскій* (послѣ епископъ, викарій С.-Петербургскій, епископъ и архіепископъ Полоцкій, Могилевскій, Харьковскій, Астраханскій, Орловскій и Рязанскій), *Венедиктъ Григоровичъ* (послѣ епископъ, викарій С.-Петербургскій и архіепископъ Олонецкій) и *Виталій Щепетевъ* (послѣ епископъ Костромской).

«Уже по такому приступу нужно ожидать, что плохи были эти люди, плохіе командиры академіи».

«Но Ростиславовъ и не заставляетъ читать свою мысль между строками, объясняясь прямо, безъ дальнѣйшихъ церемоній, что они обладали капитальными слабостями, изъ коихъ главнѣйшими были отсутствіе честности и корыстолюбіе. «Не смотря на то», пишетъ онъ, что эти *четыре ректора* различались между собою по характеру и взгляду на свою должность, у нихъ *была одна слабость, впрочемъ общая всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ не только академій, но и семинарій.* Каждый изъ нихъ получалъ такое жалованье, которое при тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы, при казенныхъ квартирѣ, отопленіи и экипажѣ, не могло считаться недостаточнымъ даже для семейнаго человѣка. Затѣмъ, развѣ рѣдкій изъ нихъ не былъ настоятелемъ монастыря, по большой части богатаго. Прибавьте къ этому, что всѣ отцы-ректоры были люди не семейные, *давшіе обѣтъ нищеты.* Кажется, вовсе нельзя

предполагать, чтобъ они, такъ хорошо обезпеченные, не могли защитить себя отъ слабости—усиливать свои финансовыя средства. А между тѣмъ *никто изъ нихъ*, кромѣ развѣ ничтожныхъ исключеній, *не умѣлъ побѣдить въ себѣ эту слабость. Даже ректоры Петербургской Духовной Академіи*, получавшіе всего до 10.000 руб. ассигн. жалованья и доходы отъ редакціи журнала «Христіанское Чтеніе», *были ей наравнѣ съ прочими подвержены; надобно думать, что слабость, или лучше болѣзнь эта по своей заразительности была опаснѣе чумы и холеры*». Далѣе говорится, что всѣ ректоры злоупотребляли казенными средствами завѣдуемыхъ ими заведеній, что «*и Петербургская Духовная Академія не успѣла освободиться отъ подчиненія этимъ преданіямъ старины*», этимъ *злоупотребленіямъ казною*». Обвиненія ясное, тяжкое и крайне неблаговидное.

Поставивъ себѣ такую тему для своей статьи, профессоръ приступаетъ *къ спеціальной характеристикѣ ректоровъ, начиная ее въ хронологическомъ порядкѣ съ Доброзракова*.

«Ужели же серьезно преосвященный Іоаннъ укоряется въ корыстности? Да, даже болѣе, въ злоупотребленіи казенными суммами. Даже больше, въ покровительствѣ эконому-вору. Даже больше, въ преподаваніи эконому уроковъ, какъ безнаказанно воровать казенныя деньги. Быть можетъ, мы клевещемъ на Ростиславова? Но вотъ его собственныя выраженія: Характеръ Доброзракова имѣлъ дурное вліяніе на хозяйственное управленіе академіи. Онъ не любилъ встрѣчать препятствія при удовлетвореніи своей наклонности къ самому расточительному и нерасчетливому образу жизни. Въ случаѣ такихъ препятствій, когда своихъ средствъ не доставало, онъ обращался къ эконому по пословицѣ: *вынь да положь деньги*, а тамъ самъ умѣй добывать ихъ безъ убытка себѣ. И затѣмъ разсказывается случай въ подтвержденіе этихъ укоровъ. Если представить себѣ, продолжаетъ Ростиславовъ, что эконому приходилось быть для своего начальника поставщикомъ не однихъ питій, но и всякихъ снѣдей, то рождается, естественно, вопросъ: откуда же эконому надобно было брать деньги для покрытія всѣхъ такихъ расходовъ, не входившихъ въ академическій бюджетъ? Опытные, обстрѣлянные экономы уже знали, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ и не безпокоили своего начальника неумѣстными вопросами: откуда взять деньги? Но мой знакомый экономъ сначала оказался недогадливымъ и назойливымъ. Истративши уже не одну сотню рублей на разныя разности, которыя не слѣдовало записывать въ расходную книгу, онъ рѣшился сказать своему начальнику, что у него

нѣтъ болѣе денегъ на такіе расходы. Какъ? весело возразилъ начальникъ, денегъ нѣтъ! денегъ! денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! Ну, экономъ, я думалъ, что ты парень умный; теперь вижу, что тебя надобно поучить уму-разуму. Есть ли у тебя знакомый кровельщикъ? спросилъ онъ вдругъ эконома и, получивъ положительный отвѣтъ, сказалъ: Ну, такъ вели ему прислать человѣкъ десять работниковъ съ молотками и разными инструментами. Пусть они стучатъ дней пять на кровлѣ и никому не дадутъ покоя. А потомъ и подай записку о томъ, что, по случаю внезапно открывшейся течи, ты хозяйственнымъ образомъ поспѣшилъ исправить крышу и просишь выдать деньги кровельщику за работу, а купцу за желѣзо, гвозди, проволоку и пр. Вотъ тебѣ деньги! Доброзраковъ, повторяю, къ несчастью ставилъ свои даже и прихотливыя потребности выше скромныхъ требованій студенческихъ желудковъ; а казенныхъ денегъ на всѣ потребности и *требованія* недоставало, потому пища у студентовъ была очень неудовлетворительна.

«Изумительно и, конечно, невѣроятно. Да, даже самъ Ростиславовъ не вѣритъ такой жестокой хулѣ, такому одностороннему оговору. По его собственнымъ выраженіямъ о. ректоръ не былъ человѣкомъ злымъ и *корыстолюбивымъ*, который намѣренно изнуряетъ студентовъ дурною пищею и часть денегъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе, прибираетъ къ своимъ рукамъ; *такія мысли не приходили ему въ голову*; *напротивъ*, онъ былъ даже добрый человѣкъ и при случаѣ помогалъ студентамъ, давая имъ деньги въ долгъ, какъ говорится, *безъ отдачи*. Такъ въ чемъ же дѣло? Разъ, по словамъ Ростиславова, *ректоръ требовалъ отъ эконома казенныхъ денегъ на свои прихоти и даже училъ добывать ихъ безъ убытка себѣ, т. е. воровать; а другой разъ, ректоръ не былъ человѣкомъ корыстолюбивымъ и прибирать казенныя студенческія деньги къ своимъ рукамъ—такія мысли не приходили ему даже въ голову.* Безъ вербальнаго логическаго противорѣчія у Ростиславова тутъ не обошлось. Тѣмъ не менѣе самъ онъ думаетъ видѣть здѣсь противорѣчіе только психологическое, корень котораго заключался будто бы въ веселомъ разбитномъ и безпечномъ характерѣ Доброзракова».

«Всмотримся же, что это за характеръ былъ, и вѣроятно-ли, что въ немъ совмѣщались безпечность съ корыстолюбіемъ, доброта съ вороватостью и т. п. Въ этомъ характерѣ самъ Ростиславовъ видитъ слѣдующія недюжинныя достоинства. От. Доброзраковъ имѣлъ живой, веселый, общительный характеръ; шутки его были остроумны и большею частью весьма забавны, такъ что отъ нихъ смѣялся даже и тотъ, кого

онѣ касались; былъ необыкновенно ловокъ и развязенъ въ обращеніи съ людьми; былъ хлѣбосоломъ до расточительности; словомъ, это былъ весельчакъ, Русскій *душа-человѣкъ*; и во всемъ этомъ не было ничего тривіальнаго, такъ какъ природа снабдила его умомъ гибкимъ, оборотливымъ и самъ онъ обогатилъ себя основательными и разнообразными свѣдѣніями; былъ онъ врагъ всякаго чванства и тщеславія, привѣтливъ, снисходителенъ, даже любезенъ; съ кѣмъ онъ успѣвалъ поговорить, тому трудно было на него сердиться. Намъ особенно пріятно, что, отстоя отъ преосвященнаго Іоанна по возрасту больше, чѣмъ на одно поколѣніе, мы поняли и изобразили его характеръ въ посмертномъ словѣ, тѣми же самыми чертами, чуть не слово въ слово, какъ изображаетъ и Ростиславовъ, человѣкъ, очевидно, ближе насъ знающій то время, когда преосвященный Іоаннъ былъ еще ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Быть можетъ, прибавляетъ Ростиславовъ, подъ старость онъ нѣсколько измѣнился. Да, да, подтверждаемъ мы со словъ многихъ очевидцевъ послѣднихъ годовъ и дней его жизни. —измѣнился, много измѣнился: жилъ почти отшельникомъ и сталъ къ концу жизни духовнымъ человѣкомъ».

Затѣмъ, со словъ Кіевскаго митрополита Платона, авторъ передаетъ и обстоятельства, заставившія Михаила Доброзракова принять монашество. «Былъ онъ начальникомъ Черниговскаго духовнаго училища, былъ веселый человѣкъ, не рѣшался идти въ монахи и хотѣлъ жениться. Запримѣтилъ дѣвицу, дочь протоіерея въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ и рѣшился за нее посвататься. Поѣхали свататься съ однимъ спутникомъ-сватомъ. Дѣло стало зимою, поднялась вьюга. Женихъ и сватъ сбились съ дороги. Приближаясь однакоже къ городу, въ который ѣхали, на такое разстояніе, что слышали звонъ церквей, держатъ путь на звонъ; но вдругъ звонъ оказывается съ другой стороны. Направляются туда, но къ изумленію звонъ слышится съ противоположной стороны. Блуждали, блуждали, едва не замерзли, но наконецъ коекакъ прибились къ мѣсту, куда ѣхали. Просятъ будущаго тестя показать дочь-невѣсту, но имъ отвѣчаютъ неожиданнымъ отказомъ: больна, лицо испорчено сыпью, показать нельзя. Съ тѣмъ и уѣхали. Святитель Николай не благословилъ, прибавлялъ старецъ въ объясненіе этого страннаго совпаденія; а почему именно Святителю Николаю приписывалъ старецъ эту въ своей жизни неудачу, разсказчики не помнятъ. Затѣмъ послѣдовали письма изъ Петербурга отъ ректора Академіи. Такъ, по зову Божію, Михаилъ Доброзраковъ и принялъ иночество вмѣстѣ съ именемъ Іоанна».

Послѣ этихъ воспоминаній Никаноръ снова обращается къ своему любимцу преосв. Смарагду, неоднократно страдавшему на страницахъ Колокола отъ ѣдкаго пера А. И. Герцена, напечатавшаго даже сказанную будто бы самимъ Смарагдомъ остроту: «мой дѣдъ былъ Еврей, отецъ—іерей, а я архіерей».

Вотъ какъ описывалъ Смарагда преосв. Никаноръ. «На мѣсто Гавріила Городкова прибылъ въ Могилевъ изъ Полоцка грозный архіепископъ Смарагдъ Крыжановскій. Прибылъ ночью, такъ что никакой встрѣчи не было, и представлять ему насъ повели въ архіерейскіе покои поутру. Смотримъ: роста почти выше-средняго, размѣры костей широкіе, полнота замѣтная, хотя и не поражающая грузностью, волосы черные, подернутые просѣдью; борода густая, энергически вьющаяся въ комокъ, черная какъ смоль, глаза черные, блестящіе; цвѣтъ лица смуглый, почти мѣднокрасный; носъ, скулы и прочія части лица крупныя, голосъ—рѣзкій баритонъ, переходящій въ дребезжащій теноръ; все сочетаніе отдѣльныхъ чертъ лица и частей корпуса даютъ идею атлета, человѣка какъ будто нерусской крови, личности очевидно крайне энергической,внушаетъ смутное чувство робости *). Благословились.—«О-о-о *коналіи*! было однимъ изъ первыхъ его возгласовъ, когда брали благословеніе мы, малые пѣвчіе; слово—*коналіи*, любимое присловіе, оказалось впослѣдствіи выраженіемъ ласки. «Коналіи! да, они паршивые, коростлявые... А ну»... При этомъ съ энергическимъ повелительнымъ жестомъ дѣлать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, повернувъ обѣ руки свои ладонями внизъ и разставилъ на сколько могъ свои десять пальцевъ въ разныя стороны. Мы, малые пѣвчіе, сдѣлали тоже. Лишь только взглянулъ на наши разставленные пальцы, къ нашему изумленію и испугу, владыка вдругъ замахалъ на насъ обѣими руками въ знакъ устраненія: «О.—о,—о! Прочь, прочь! Не пускать ихъ и подъ благословеніе. Паршивые! А и вши, небось, заѣдаютъ; мыть ихъ, лечить ихъ» и т. д. Переконфуженные и мы, и начальствующіе наши отстранились въ уголъ. Переблагословивъ всѣхъ, владыка съ порывистыми, рѣзкими жестами сталъ расхаживать по залѣ, разспрашивая того, другого, разсуждая самъ. Тутъ же, въ покояхъ отпѣли мы ему всенощную. А такъ какъ въ Могилевскомъ хорѣ преобладали въ то время напѣвы Кіевско-Чер-

*) Можно думать, что знаменитый Смарагдъ, катораго архіепископъ Никаноръ описываетъ съ привлекательныхъ сторонъ (между тѣмъ какъ въ иныхъ эпархіяхъ, гдѣ онъ архіерействовалъ, сохранились о немъ очень неблаговидныя преданія) былъ родомъ Литвинъ. П. Б.

ниговскіе, то владыка сейчасъ же распорядился, чтобы эти напѣвы замѣнены были только что входившими тогда во всеобщее употребленіе, напѣвами придворными. Собранное духовенство разспросилъ объ отличительныхъ мѣстныхъ пріемахъ архіерейской службы и тотчасъ же объяснилъ, какъ все переустроить по столичнымъ Петербургскимъ пріемамъ, оживился, развеселѣлъ и всѣхъ насъ отпустилъ подъ впечатлѣніемъ благодушія, противоположнымъ тому чувству съеженной робости, съ какимъ мы входили къ нему и оглядывали его первоначально».

«Скоро практическая энергія новаго владыки сказалась во всѣхъ частяхъ его вѣдомства, и сказалась, говоря по чистой совѣсти и чести, истинно-человѣчными, истинно-гуманными мѣрами, о которыхъ мы и теперь не можемъ вспомнить безъ глубочайшаго чувства признательности и уваженія, при воспоминаніи о которыхъ и теперь текутъ слезы умиленія и жалости къ этой такъ безжалостно и недостойно опозоренной памяти. Злоупотребленія исчезли, какъ туманъ по восходѣ яснаго солнца. Два авторитетнѣйшихъ дѣльца, завязшіе было въ какое-то дѣло, оставили участіе въ дѣлахъ консисторскихъ, хотя и остались на высшихъ въ епархіи мѣстахъ и даже пользовались и уваженіемъ, и благорасположенностію этого сколько правдиваго, столько же и еще больше благодушнаго архипастыря, получили при немъ даже высшія награды. Старый секретарь и подумать не смѣлъ, согласно старымъ преданіямъ, о благопріобрѣтеніи чего-либо помимо прямого вознагражденія по должности; тѣмъ не менѣе секретарствовалъ все время и при Смарагдѣ и съумѣлъ спокойно передать свою должность даже по наслѣдству въ своемъ родѣ».

«Въ Полоцкѣ одного ставленника съ обычнымъ своимъ полу-ироническимъ пріемомъ онъ взялъ на допросъ. «А ну, отецъ, скажи-ка, тебя вѣдь по Консисторіи ободрали таки порядкомъ?»—«Не безъ грѣха, ваше преосвященство», смиренно отвѣчаетъ ставленникъ.—«Ну, а сколько?» Тотъ стѣсняется.—«Говори», прикрикиваетъ владыка. Нечего дѣлать, тотъ разсказываетъ, сколько кому изъ консисторскихъ далъ.— «А сколько у тебя осталось денегъ?»—Столько-то.—«Ну, что братъ дѣлать?—Давай сюда и эти». Ставленникъ изумленъ, но владыка объясняется напрямки: «консисторскимъ давалъ, давай и архіерею». Тотъ отдаетъ послѣднія деньги. Вдругъ бѣднаго ставленника требуютъ въ Консисторію, въ которой предсѣдательствуетъ самъ архіерей. Архіерей держитъ къ присутствію Консисторіи слѣдующую рѣчь: «Отцы и братія! Вотъ, вы не всегда правильно вершите дѣла, не гнушайтесь и дарами». Присутствіе изумлено. «Вѣрно, отцы и братія; не смущайтесь.

Вотъ съ такого-то ставленника ты, отецъ, взялъ столько-то, а ты, отецъ, столько-то, а секретарь столько-то, а повытчикъ столько-то» и т. д. Не закаивайтесь, отцы и братія, а лучше покайтесь... и я самъ покажу вамъ примѣръ. Вотъ и меня бѣсъ попуталъ, и я стянулъ со ставленника малую толику... Такъ вотъ что, отцы и братія, я взялъ столько-то, возвращаю и прикладываю еще столько же. Ну и ты, отецъ, нынь-ка, да положь столько-же сколько взялъ, да приложи еще столько же... Ну и ты, отецъ»... Такъ со всѣхъ, не выключая и послѣдняго писца, обобралъ онъ въ присутствіи слѣдуемое, да тутъ же при всѣхъ и вручилъ осчастливленному ставленнику, съ придачею совѣта попроситься въ другую епархію.

Подобнымъ же образомъ и въ Могилевѣ преосвященный Смарагдъ нерѣдко самолично засѣдалъ въ Консисторіи, читая, кому слѣдовало, добрыя отеческія потаціи и направляя дѣла на правый путь. А чтобы самъ владыка съ кого-либо взялъ что-либо, объ этомъ изъ кроткихъ Могилевцевъ никому и на мысль не приходило. Въ Бѣлорусскомъ краѣ не было, какъ нѣтъ и до сихъ поръ, обычая подносить что-либо владыкѣ, даже послѣ служеній въ монастыряхъ или въ приходскихъ церквахъ, по случаю храмовыхъ праздниковъ и прочихъ торжествъ, обычая, который отъ давности пріобрѣлъ въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ Великороссійскихъ городахъ какъ-бы узаконенное существованіе. Въ Могилевѣ не было этихъ подачекъ, за то не было и нареканія; равно какъ тамъ не пало на него нареканіе и за расточеніе наградъ духовенству. Между тѣмъ, сколько по движенію своего доброжелательнаго къ людямъ сердца, столько-же и по указаніямъ правительственной справедливости и мудрости, преосвященный архіепископъ Смарагдъ осыпалъ духовенство Могилевской епархіи наградами. Онъ дѣлалъ это впослѣдствіи и въ другихъ епархіяхъ, которыми управлялъ.

Защищая духовенство отъ панскаго надменія, отъ панскихъ злоупотребленій, Смарагдъ въ тоже время не особенно снисходительно относился къ ново-возсоединенному отъ Уніи духовенству, что̀ и было причиною удаленія его изъ Могилева.

Отрицая любостяжательность и взяточничество Смарагда, преосв. Никаноръ говоритъ: «Собралъ же онъ такую значительную сумму потому, что, какъ человѣкъ наиболѣе практическій и дѣловой изъ людей, какихъ мы на своемъ вѣку встрѣчали, онъ зналъ цѣну деньгамъ, которыя съ трудомъ наживаются и могутъ быть употреблены на существенно-полезныя дѣла; и берегъ эту сумму, конечно, и на черный день,

чтобы подъ старость не быть зависимымъ нищимъ въ тягость другимъ; главное же и у него, какъ намъ достовѣрно извѣстно, была своя и забота, какъ лучше употребить богодарованныя средства, и мечта— положить ихъ на храмъ Божій въ Орлѣ, чтобы тамъ сложить и кости свои. Но Богъ не судилъ этой мечтѣ осуществиться, воззвалъ его въ Рязань, а въ Рязани воззвалъ его въ обители премірныя, вслѣдствіе чего старецъ-святитель, разочаровавшись въ одной мечтѣ, не успѣлъ выработать другую для употребленія своихъ средствъ достойнаго своей памяти... Слѣдовательно, тутъ и позволительно сказать только: Увы, расчеты человѣческіе!..»

«Немногіе епархіальные архіереи при жизни своей, писалъ по этому поводу покойный профессоръ Ростиславовъ, рѣшаются раздать или истратить на свое житье-бытье капиталы: они берегутъ ихъ *на черный день*, который никогда для нихъ не наступитъ. За то день смерти ихъ бываетъ днемъ радости для наслѣдниковъ. Такъ умеръ епископъ Дамаскинъ [1]), долго управлявшій Тульскою епархіею. Еще при жизни было извѣстно, что имъ разными искуственными, даже очень ужъ не одобрительными, способами собранъ огромный капиталъ. Но вотъ онъ умираетъ *на покоѣ*, и произведенная опись его имѣнія показала, что онъ владѣетъ капиталомъ около полумилліона рубл. Такой фактъ рѣшительно озадачилъ всѣхъ, не исключая и наслѣдника полумилліоннаго владѣльца. Особенно же, почти съ ужасомъ, съ благочестивымъ негодованіемъ и глубокою скорбію услыхалъ о томъ преемникъ его, преосвящ. Димитрій Муретовъ [2]), человѣкъ въ высшей степени честный и безкорыстный, готовый иногда отдать бѣдному едва ли не послѣднюю рубаху. Въ баснословномъ капиталѣ, оставленномъ его предшественникомъ, онъ видѣлъ униженіе архіерейскаго сана, но помочь не могъ: фактъ сдѣлался извѣстнымъ».

Впрочемъ владычные поборы не прекращаются и теперь. Болѣе практичные архіереи къ довершенію обычныхъ контрибуцій присовокупляютъ еще за церковный счетъ по всѣмъ церквамъ епархіи свои

---

[1]) Дамаскинъ Россовъ (1821—1850). Про него разсказывали, что онъ оставилъ послѣ себя несмѣтное количество самоваровъ.

[2]) Съ 1883 г. Херсонскій, за тѣмъ Ярославскій и къ концу жизни Волынскій. Покойная княгиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова разсказывала про него, что въ день своихъ имянинъ онъ обыкновенно уѣзжалъ изъ Одессы на приморскую дачу, такъ какъ ему не на что было угостить поздравляющихъ. П. Б.

проповѣди, поученія и т. п. печатную макулатуру. Сатрапы за книги съ церквей и причтовъ требуютъ деньги; отказаться нельзя, ибо духовенство достаточно хорошо знаетъ власть этихъ сатраповъ въ фіолетовыхъ рясахъ съ алыми лентами.

Но кромѣ этого за спиной владыкъ-литераторовъ стоитъ еще цѣлое полчище епархіальныхъ подголосковъ. Особенно такіе подголоски за послѣднее время отличаются въ созвѣздіи епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. Тамъ ужъ въ этихъ случаяхъ идетъ хищническій грабежъ. Пишущій эти строки былъ самъ свидѣтелемъ, какъ епархіальный наблюдатель отъ имени Училищнаго Совѣта, прикрываясь архіерейскимъ утвержденіемъ, позволилъ себѣ нагло требовать въ свою собственную пользу съ уѣздныхъ отдѣленій за составленный имъ никуда негодный въ 40 стр. отчетъ, стоимостью въ 5 коп., по 50 коп. за экземпляръ, а такихъ экземпляровъ былъ напечатанъ цѣлый заводъ. Всѣ уѣздныя отдѣленія, кажется, безропотно подчинились; но нашлось одно, которое сдѣлало попытку обуздать эту, по выраженіе Регламента, лакомую скотину, заявивъ, что отчеты прежде разсылались безденежно и что утвержденіе архипастыремъ той или другой мѣры еще не говоритъ о ея цѣлесообразности. Завязалась переписка; но чѣмъ она кончится, сказать при нашихъ духовныхъ порядкахъ очень затруднительно.

Въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ своей автобіографіи преосвященный Никаноръ говоритъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя ему пришлось испытать за время преподаванія обличительнаго богословія въ Петербургской Академіи. За разборъ сочиненія Штрауса: Жизнь Іисуса Христа онъ отъ ректора преосвящ. Макарія получилъ предостереженіе. Вдругой разъ онъ возстановилъ противъ себя того же ректора Макарія.

Послѣ лѣтней вакаціи собрался новый курсъ студентовъ. Вышло преобразованіе. Въ прежній курсъ, «Введеніе въ православное богословіе» читалось обоимъ отдѣленіямъ вмѣстѣ, высшему и низшему; теперь же совершенно раціонально перенесено преподаваніе *Введенія*, т.-е. *основнаго богословія*, въ низшее отдѣленіе. Во Введеніи преосв. Макарія, весьма естественно, впереди всей системы стоятъ доказательства *бытія Божія и безсмертія души*. Вещь школярно - слабая. Я въ Семинаріи, въ среднемъ отдѣленіи, писалъ на эту тему гораздо сильнѣе и художественнѣе. Въ академіи же мы все таки слушали философію Адама Андреевича Фишера, который, какъ Нѣмецъ, хотя и крайне осмотрительный, усиливался познакомить насъ съ критикою Канта доказательствъ бытія Божія. Обдумавъ этотъ предметъ по своему, я пошелъ въ ауди-

торію съ критикою этихъ доказательствъ бытія Божія и съ новою ихъ постановкою, согласно взглядамъ Фишера, а, главное, моимъ собственнымъ. Никакого злого умысла, конечно, не было. Я думалъ разсматривать этотъ предметъ по возможности обстоятельно, а дальше идти ощупью, слѣдуя по возможности книгѣ Макарія; думалъ дать одну, двѣ, три лекціи о бытіи Божіемъ и безсмертіи человѣческаго духа. Правда, что я и тутъ уже стѣснялся, и студенты - новички держали себя какъ-то стѣснительно, не привыкли къ довольно отважному анализу мысли, какъ бы предчувствуя бѣду. Изложеніе этихъ лекцій какъ-то естественно затянулось по широтѣ предмета. Я оборвалъ и занялся слѣдующимъ по системѣ предметомъ. Между тѣмъ тайна, не скажу беззаконіе, дѣялась. Надо знать, что тогда былъ обычай, который я попытался было ввести и въ Казанской Академіи, чтобы чередные студенты на другое послѣ лекціи утро являлись къ ректору съ журналами, въ которыхъ записывались порядокъ лекцій и содержаніе ихъ и съ словеснымъ отчетомъ по послѣднему пункту, по содержанію лекцій. Дежурнымъ по первой моей лекціи о бытіи Божіемъ оказался студентъ Грузинъ. Грузины имѣли за собой въ академіи привиллегію глупости. Когда ректоръ спросилъ, о чемъ была лекція, студентъ и отвѣтилъ: «Занымалысь опроверженіемъ доказательствъ бытыя Божыя!—«Что такое? Чѣмъ занимались?» «Занымалысь опроверженыемъ доказательствъ бытыя Божыя!—Преосв. Макарій не сталъ съ нимъ разсуждать болѣе, а позвалъ къ себѣ инспектора, архимандрита Іоанна: «допросить студентовъ, чѣмъ такимъ я занимаюсь со студентами». Надобно знать, что о. Іоаннъ инстинктивно не любилъ меня, должно быть чуялъ во мнѣ другого медвѣдя въ одной съ нимъ берлогѣ, не выносилъ возникающаго дарованія. Въ Петербургѣ, да и въ Казани, онъ не пропускалъ случая сдѣлать мнѣ какую либо... пакость, сказать много, а всегда непріятность, дававшую мнѣ понять, что онъ не принадлежитъ къ числу благопріятствующихъ мнѣ людей. Чтò онъ такое вызналъ отъ студентовъ, тайно отъ меня, чтó онъ такое доложилъ ректору Макарію, только преосв. ректоръ требуетъ меня къ себя въ одинъ воскресный день, помню, послѣ обѣдни. Сказать, что онъ съ грязью смѣшалъ меня, это мало. Онъ не растеръ меня въ порошекъ потому что это сдѣлать нельзя было; но готовъ былъ отбросить меня съ отвращеніемъ, какъ мерзкаго червя».

«Что вы тамъ такое?... Опроверженіемъ доказательствъ бытія Божія занимаетесь»?!.. Вставить тутъ слово въ свою защиту, въ свое оправданіе не представлялось ни малѣйшей возможности. Онъ былъ необычайно вспыльчивъ, блѣдный всегда, тутъ блѣднѣлъ, какъ мертвецъ; а тутъ же задѣто было и самолюбіе, т. е. онъ вообразилъ, что задѣ-

то.—«Критика Кантова»?! О таковой критикѣ онъ зналъ только по наслышкѣ.—«И вы осмѣлились поднять хульный языкъ, на кого?! На наставника, на своего ректора! Прямо мнѣ въ глаза! Да вы знаете ли?! Это безпримѣрно и не безпримѣрно: вотъ о. Іоаннъ, только что посаженный баккалавромъ, пришелъ въ классъ, принесъ записки ректора о. Евсевія, по которымъ самъ учился, раскритиковалъ ихъ и началъ свои собственныя лекціи. Такъ и вы туда же? Кротость преосвященнаго Евсевія снесла это. Что же вы такое критикуете?!.. Мое сочиненіе, которое признано всѣми, какъ образцовое, до котораго вамъ не дорасти никогда. Вѣдь это знаете, что̀ выходитъ? Моська лаетъ на слона! Тьфу»!... Навѣсился было плюнуть въ меня, но отвернулся и плюнулъ черезъ столъ на̀ полъ.—«Что-же вы такое сдѣлали и со студентами?! Они только что изъ провинціи прибыли, только что понюхали академіи: а вы разбили всѣ убѣжденія, вынесенныя ими изъ дѣтства, изъ прежней школы и, не давъ имъ ничего твердаго, основательнаго, бросили дѣло... Да знаете, заикнись я теперь хоть одно слово въ высшихъ сферахъ, я на всегда уничтожилъ бы всю вашу карьеру. Не знаю, не знаю, что̀ мнѣ съ вами сдѣлать?! Послать васъ куда либо въ семинарію?»... Я одно знаю, кланяюсь въ ноги.—«Нѣтъ, нѣтъ, о. Никаноръ, ошибся я въ васъ, ошибся, ошибся»!... Я вышелъ отъ него, не скажу, что не помня ничего нѣтъ (никогда не терялъ я сознанія) но вышелъ страшно пораженный. Это было первое и, скажу—тяжкое испытаніе въ моей жизни».

Никаноръ передаетъ, какъ черезъ него была пріобрѣтена для Академіи громадная библіотека раскольническихъ сочиненій. Когда основано было противо-раскольническое миссіонерское отдѣленіе, Св. Синодъ отпустилъ 3000 рублей на пріобрѣтеніе раскольническихъ рукописей для академіи и семинарій. А гдѣ пріобрѣтать ихъ, никто не зналъ, потому что раскольники держатъ ихъ въ великой сокровенности. Но въ ту пору около насъ, ученыхъ монаховъ, вертѣлся ловкій рабъ Божій, купецъ, или приказчикъ Иванъ Антоновичъ Москалевъ. Я обратился къ нему, а онъ обратился къ знакомому миссіонеру-раскольнику Круглому или Круглову. Сей наслѣдовалъ огромную библіотеку отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ; а два сына его были уже развратившіеся новыми модами шелопаи. Отецъ и спустилъ свою библіотеку рабу Божію Москалеву, чтобы только она не досталось распутнымъ сынкамъ. Впрочемъ, онъ воображалъ самого Ивана Антоновича благочестивымъ старовѣромъ; а Иванъ Антоновичъ спустилъ эту библіотеку черезъ мои руки намъ. Куплено такимъ образомъ раскольническихъ рукописей тысячь на пять. Самъ преосв. Макарій на свои собственныя деньги взялъ на 1500 руб.

Для меня, конечно, это трудъ былъ небольшой, но по мѣрѣ накопленія раскольническихъ рукописей вырастала забота разсмотрѣть ихъ съ ученой точки зрѣнія. Раскольническая библіографія входила въ программу миссіонерскаго отдѣленія и поручена была именно мнѣ. Въ началѣ же пятаго года моей академической службы преосв. Макарій приказалъ мнѣ теперь и заняться описаніемъ раскольническихъ рукописей. Въ этотъ пятый годъ я носилъ ему тетрадь за тетрадью моихъ лекцій по раскольнической библіографіи. Когда, около великаго поста, я принесъ ему, не знаю, какую по счету, тетрадь, онъ пришелъ, наконецъ, въ умиленіе и дѣйствительно глубоко обрадовалъ меня словами: «ну, о Никаноръ, это... это... если взять даже просто одинъ механическій трудъ, то и тутъ слѣдуетъ подивиться»... Помню ясно, что онъ былъ удивленъ и растроганъ. Тетрадь была сдана за его подписью къ литографированію, какъ и прежнія. Изъ нихъ составилось большое сочиненіе: *Описаніе раскольническихъ рукописей Александра Б.*, которое было одобрено къ печати имъ же, преосв. Харьковскимъ Макаріемъ, Св. Синодомъ, Духовно-цензурнымъ Комитетомъ, свѣтскимъ Цензурнымъ Комитетомъ и высшимъ Цензурнымъ Комитетомъ 1848 года, и которое надѣлало мнѣ тяжкихъ бѣдъ, тяжкихъ душевныхъ страданій».

Въ бытность свою ректоромъ Саратовской семинаріи, преосв. Никаноръ продолжалъ заниматься изученіемъ раскола. «Въ 1863 году, пишетъ онъ, проѣхалъ черезъ Саратовъ оберъ-прокуроръ Ахматовъ *). Когда онъ подъѣзжалъ къ Саратову, онъ сошелся на пароходѣ съ однимъ молодымъ купчикомъ изъ раскольниковъ и конечно разговорился о расколѣ. Купчикъ показался ему послѣ бесѣды очень податливымъ, хоть бы даже на присоединеніе. Ему, оберъ-прокурору Св. Синода, и вообразилось, что съ расколомъ сладить совсѣмъ легко, да не умѣютъ взяться. Онъ-то мнѣ и поручилъ составить записку, какъ бы это хорошенько взяться за расколъ. При обширномъ знакомствѣ, которое я имѣлъ съ расколомъ вообще, я взялся за расколъ собственно мѣстный, какъ онъ раскрылся, главнымъ образомъ, въ дѣлахъ Саратовской консисторіи. А быть можетъ, нѣтъ на свѣтѣ консисторіи, въ которой архивъ раскольническихъ дѣлъ былъ бы такъ богатъ, какъ въ Саратовѣ. Этимъ изученіемъ я убѣдился и своимъ сочиненіемъ хотѣлъ убѣдить, до какой степени безплодную до сихъ поръ мы толкли

*) Алексѣй Петровичъ Ахматовъ былъ человѣкъ свѣтскій, мало знакомый съ службою невоенною, но строго-православный. Когда приказано было отмѣнить такъ называемыя предбрачныя росписки, онъ не задумался выдти въ отставку. П. Б.

воду въ лужѣ и какъ безсильно, да и непослѣдовательно, было правительство въ своихъ воздѣйствіяхъ на расколъ. Часть этого писанія я представилъ было Ахматову въ С.-Петербургѣ, когда былъ на чередѣ въ 1865 г., но не удостоился ни малѣйшаго вниманія. Плодомъ этого изученія остались у меня два большихъ переплетенныхъ тома».

«Меня оторвали отъ академическаго дѣла и послали сперва въ Ригу, потомъ въ Саратовъ. Изъ Саратова я сносился относительно напечатанія записокъ о расколѣ чрезъ Илларіона Алексѣевича Чистовича съ ректорами Академіи Өеофаномъ и Нектаріемъ. Дали отзывъ, что нужно повременить, такъ какъ тогдашній митрополитъ Григорій, считая себя исключительнымъ знатокомъ раскола, крайне своенравно относился ко всему, что̀ писали по расколу другіе. Григорій скончался, его мѣсто заступилъ митроп. Исидоръ».

«Четыре большія тетради этихъ записокъ лежали у меня на кабинетномъ моемъ столѣ; тутъ ихъ случайно увидѣлъ Н. И. Костомаровъ и попросилъ къ себѣ на домъ проглядѣть. А прочитавши, пришелъ въ восторгъ: «это прелесть, это совершенно новый міръ!» Отбывъ изъ Саратова (мѣста ссылки и уничиженія) въ Петербургъ, мѣсто славы и величія, Костомаровъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе отъ имени книгопродавца Кожанчикова издать мои записки. Условія предложены мнѣ, какія я захочу предложить. Я предложилъ: мнѣ половину чистаго дохода. Кожанчиковъ попросилъ издать 3000 экземляровъ, а издалъ 6000. Но изданію предшествовала томительная цензурная процедура. Сочиненіе отдано было въ свѣтскій цензурный комитетъ. Сей не нашелъ возможнымъ разрѣшить къ печатанію это богословское сочиненіе и переслалъ въ духовный цензурный комитетъ. Сей не рѣшался разрѣшить это сочиненіе по важности его содержанія и переслалъ въ Св. Синодъ. Сей препроводилъ на разсмотрѣніе преосв. Харьковскаго Макарія. Сей къ печати одобрилъ».

«Но въ Синодѣ дѣло опять затянулось. Кожанчиковъ ходилъ кругомъ да около оберъ-прокурора графа А. П. Толстого; не помогало. Тогда обратился онъ къ митроп. Исидору, а этотъ: «Боже васъ благослови! Трудитесь во славу Божію и въ пользу св. церкви. Я вотъ поѣду въ Синодъ и скажу». Поѣхалъ въ Синодъ и сказалъ, и Синодъ разрѣшилъ. Духовно-цензурный комитетъ разрѣшилъ, высшій цензурный 1848 г. Комитетъ разрѣшилъ, свѣтскій цензурный комитетъ разрѣшилъ. И все-таки это сочиненіе причинило года 2—3 тяжкихъ страданій. Кожанчиковъ шумѣлъ въ газетахъ, прежде чѣмъ сочиненіе вы-

шло. Корректуру сочиненія по расколу, съ крайне своеобразною рѣчью и правописаніемъ, отдалъ я поэту, помнится, Щербинѣ. Мнѣ сулилъ горы, которыя самъ со временемъ и загребъ. Но издано сочиненіе. Смотрю: корректоръ не только не доглядѣлъ, а нарочно исказилъ, чтобы поддѣлать сочиненіе подъ современный видъ и складъ. Кожанчиковъ препровожденныя мною ему ерраты не напечаталъ. Добролюбовъ напечаталъ злѣйшую критику. «Съ какимъ восторгомъ мы ждали этого сочиненія, съ такимъ негодованіемъ и омерзеніемъ кинули его изъ рукъ, когда получили: это схоластическая червоточина, которою съѣдено живое, полное духа, жизни, тѣло» и т. д. Кожанчиковъ пересталъ ко мнѣ писать. Изъ Петербурга, изъ нашего міра, вѣсти крайне неблагопріятныя. Получаю безыменное предостереженіе, что Кожанчикова обыскали».

Это время было временемъ обысковъ и повсюдной тревоги. Въ безотчетномъ страхѣ я пожегъ всю свою корреспонденцію; а ни съ кѣмъ въ антиполитической перепискѣ я не состоялъ никогда. Митрополитъ Московскій Филаретъ написалъ митрополиту Исидору: «кто это у васъ тамъ пропустилъ это грубое и вредное сочиненіе?» Исидоръ обратилъ этотъ упрекъ къ Саратовскому епископу Евѳимію: «какъ это онъ не смотритъ за своимъ ректоромъ? Какъ это онъ позволилъ ему напечатать это глупое и вредное сочиненіе»? (А оно отправлено въ Петербургъ прежде прибытія преосвященнаго Евѳимія въ Саратовъ). Аскоченскій въ свое, «Домашней Бесѣдѣ», въ отдѣлѣ «Изгари» помѣстилъ злѣйшую статейку, съ разговорами двухъ раскольниковъ. «Не читалъ, братъ, сочиненіе *въ пользу раскола* Александра Букина? Купи, братецъ, и безпремѣнно прочти. Разлюбезная книга! Тамъ всѣ наши св. отцы собраны—Аввакумъ, Никита»... Вдругъ вѣсть изъ книжнаго магазина, что моего сочиненія *въ пользу раскола* (такъ окрестили его раскольники) въ продажѣ нѣтъ. Эта вѣсть, скажу, меня даже образовала. Чего я ждалъ отъ сочиненія, что его раскупять, то сбывалось Погоди, думаю себѣ. Вдругъ вѣсти съ разныхъ сторонъ заднимъ числомъ, что жандармерія донесла съ разныхъ концовъ Россіи, равно какъ и преосвященные архіереи, что сочиненіе *въ пользу раскола Александра Втораго* (Б. приняли за В. а Славянское В. значитъ *два*, или *Александра Благословеннаго* сильно раскупается раскольниками. Очень быстро оно изъ продажи совершенно исчезло, хотя, какъ мнѣ сказывали, Кожанчиковъ издалъ его въ числѣ 6000 экземпляровъ, и пустилъ его сперва по 3 р., а далѣе бралъ деньги, какія хотѣлъ. Мнѣ онъ съ трудомъ уплатилъ 1200 рублей, тогда какъ самъ выбралъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Тогда говорили, что онъ,

наказанный за роскошное изданіе Буслаева большими убытками, вознаградилъ себя на моемъ сочиненіи. Иванъ Өедоровичъ Нильскій, по приказанію ректора Академіи, напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» обидную для меня статью, мой ученикъ, слушавшій эти самыя лекціи по раскольнической библіографіи въ С. Петербурской Академіи. Наконецъ, самъ Св. Синодъ издалъ циркулярный указъ, которымъ приглашалъ всю церковь молиться отъ навожденія нечистой силы, проявившейся въ изданіи въ свѣтъ такихъ погубныхъ сочиненій, каковы мое «Описаніе», «Исторія Выговской пустыни» и т. д., и чтобы впредъ подобныя сочиненія, безъ совмѣстной православной критики, не издавались».

«Дѣло въ томъ, что Кожанчиковъ и К° сразу же, познакомившись черезъ меня съ раскольнической литературою, стали издавать книгу за книгой раскольническія сочиненія. Этимъ синодальнымъ указомъ такая пропаганда сильно, если только не совсѣмъ, ограничена. Тѣмъ не менѣе мнѣ не легче стало отъ этой мѣры, такъ какъ и я, архимандритъ Никаноръ, очутился въ числѣ чуть-ли не раскола учителей».

Описывая свою поѣздку въ Саратовъ, преосвященный остановился на Рязанской семинаріи и кстати вспоминаетъ о невѣжливости духовныхъ воспитанниковъ, какими онъ ихъ видѣлъ и въ Петербургѣ. «Вхожу, пишетъ владыка, въ зданіе Рязанской Семинаріи. Швейцара нѣтъ, и никаго въ длинномъ корридорѣ нѣтъ. Вижу невдалекѣ отъ меня черезъ корридоръ мелкость изъ дной двери въ другую противоположную какая-то фигура, мнѣ показалось (въ чемъ я и не ошибся) фигура воспитанника. Я вопію въ слѣдъ ему: «скажите, пожалуста, куда пройти къ о. ректору»? Вопль мой былъ гласомъ вопіющаго въ пустыны. Иду въ дверь, въ которую скрылся воспитанникъ: большая комната, наполненная пестро одѣтыми бурсаками. Я былъ въ очкахъ. Отъ быстраго перехода съ холода къ теплу они отпотѣли: надо было ихъ вытереть. Пока я дѣлалъ это дѣло, изъ дальней комнаты величественно подходитъ ко мнѣ особа въ распахнутомъ халатѣ, въ прочемъ исподнемъ костюмѣ, съ претензіями, съ бѣлокурыми, недурными, величественно-взбитыми волосами, становится передъ моимъ носомъ никакъ не далѣе аршина—ближе, становится полубокомъ, торжественно отставивъ одну ногу впередъ, и величественно перекинувъ свой взоръ черезъ свое плече, смотритъ мнѣ прямо въ глаза и улыбется. И я смотри на него и лыбаюсь. Молчаніе. «Ну, послушайте», говорю я наконецъ, «вы видите предъ собою монаха, священника и принимаете отношеніи ко мнѣ такую позу,—прилично-ль это?» Мой кавалеръ изволилъ прогнѣваться.

Надувшись, проворилъ онъ скороговоркою: «я не знаю, кто вы; вы не знаете, кто я; все равно» и, махнувъ рукою на разстояніи поларшина отъ моего носа, удалился. Отсюда воспитанники (были столько добры), указали мнѣ дорогу къ ректорской квартирѣ. Въ продолженіи четырехъ-пяти часоваго ожиданія, пока проснется владыка - архіепископъ, я имѣлъ достаточно времени и осмотрѣть Семинарію, и сдѣлать визитъ о. инспектору, который въ тоже время есть и каѳедральный протоіерей, и наскучить скороговоркою, болтовнею новаго Рязанскаго ректора, архимандрита Макарія, извѣстнаго сочинителя многихъ сочиненій по части церковныхъ Русскихъ древностей. Въ шесть часовъ пріѣзжаемъ мы къ архіепископу *): «спитъ». Что тутъ дѣлать? И пришлось намъ ждать въ его пріемной его пробужденія около часа времени, такъ что я отсюда уже хотѣлъ уѣхать, не дождавшись выхода его высокопреосвященства. Удержалъ меня ректоръ. За то, когда владыка, наконенъ, вышелъ, я просидѣлъ не болѣе четверти часа, извинившись тѣмъ, что я спѣшу».

Немало отведено мѣста въ вспоминаніяхъ архіепископа Никанора и Саратовскому архіерею Евфимію, личности впрочемъ очень безцвѣтной: подробно описана его кончина и погребеніе. Но это мало занимательно. Гораздо интереснѣе предпослѣдняя статья, помѣщенная въ автобіографіи: распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго. Она настолько хорошо написана, что мы, не рѣшаясь дѣлать изъ нея выдержекъ, рекомендуемъ ее прочитать въ автобіографическихъ матеріалахъ покойнаго Херсонскаго архіепископа.

Ростовъ Великій. 6 Мая 1906.

А. Титовъ.

*) Тотъ самый Смарагдъ, о которомъ рѣчь выше.

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙКОМЪ СИНОДѢ.

(Архіепископа Херсонскаго Никанора).

1887 г.

Приходится начать не съ начала, потому что относящіяся къ вызову моему въ Св. Синодъ бумаги, пущенныя изъ Одессы вмѣстѣ съ моими книгами, рукописями и другими вещами, пока еще не пришли.

Разъ какъ-то передъ Пасхою о. каѳедральный протоіерей Одесскаго собора говоритъ мнѣ полутаинственно: «позвольте мнѣ сказать вашему преосвященству, я почему-то убѣжденъ, что васъ скоро позовутъ въ Святѣйшій Синодъ; не знаю, откуда возникло, но это мое убѣжденіе».—«Знаете, говорю я, и мнѣ кажется, что это носится въ воздухѣ. Но желаете ли слышать слово искренняго, благороднаго человѣка? Меня не спросятъ, если рѣшатъ позвать. Но самъ я, независимо отъ всѣхъ и всего, рѣшительно не желалъ бы ѣхать туда. Я Херсонкій; чего мнѣ нужно?.. А возьмите вы удвоеніе работъ, остановку или задержку многаго по епархіи, тяготу переѣзда, главное—ужасную тяготу издержекъ, по меньшей мѣрѣ удвоеніе бюджета. Сколько тутъ сдѣлано, сколько не додѣлано! Придется кинуть. Вообще разореніе».

Говорилъ я, что это носится въ воздухѣ недаромъ, не безъ основанія. Когда, въ запрошлую Пасху, сдѣлали насъ троихъ архіепископами—Литовскаго, Харьковскаго и Херсонскаго, старецъ владыка, митрополитъ Кіевскій выразился тамъ у себя въ Кіевѣ: «Это вотъ будущіе наши преемники». Константинъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ, былъ явно къ намъ внимателенъ. Когда осенью прошлаго года слѣдовалъ онъ съ Кавказа назадъ въ Петербургъ чрезъ Крымъ, то отрядилъ въ Одессу сопровождавшаго его Владиміра Карловича Саблера.

Этотъ человѣкъ имѣетъ и будетъ, по всему видно, имѣть значеніе въ моей судьбѣ, и потому я посвящу ему нѣсколько штриховъ. Отовсюду я слышалъ, что это умнѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ. Ключарь Уфимскаго каѳедральнаго собора, близкій ко мнѣ человѣкъ, описывая мнѣ событіе Казанскаго собора архипастырей, имѣвшее мѣсто въ 1885 г., выразился, что руководилъ соборомъ В. К. Саблеръ, умница и великій

церковникъ. Слѣдуя изъ Крыма въ Одессу, Владиміръ Карловичъ извѣстилъ меня о семъ телеграммою. Въ тоже время я получилъ телеграмму отъ преосвященнаго Сергія, архіепископа Кишиневскаго, съ просьбой извѣстить его о днѣ прибытія и отбытія въ Кишиневъ Владиміра Карловича. Посему я уразумѣлъ, что поѣздка его имѣетъ значеніе и назначеніе или изслѣдовать что-либо, или сообщить. Въ назначенный день и часъ встрѣтили его на пристани два нашихъ секретаря Консисторіи, Яковъ Діонисіевичъ Буханцевъ и моей канцеляріи Порфирій Степановичъ Лобачевскій. Входитъ въ нашу залу-гостиную довольно высокаго роста, статный, моложавый, хоть и съ просѣдью, гибкій, видъ любезный. «Владыка, благословите именемъ Господнимъ». Я благословилъ его. По Петербургскому, не по моему обычаю, поцѣловались. Оглядывается кругомъ. «Ахъ! Да какъ у васъ уютно». Сѣли. Рѣчи медовыя изъ устъ его полились. Быстро и просто мы договорились до предложенія ему съ моей стороны нарочно уготованныхъ ему двухъ отдѣльныхъ комнатъ, не обширныхъ, но уютныхъ и говорящихъ вкусу и религіозному чувству. Изъ передней, изъ огромнаго полукруглаго окна, съ разноцвѣтными стеклами, открывается говорящій видъ, со второго этажа, въ нашу прекрасную, только что отдѣланную, крестовую церковь, идущую чрезъ два этажа, съ нижняго въ верхній. Проходимъ назадъ изъ главной залы въ другую, пріемную; она же и большая столовая. Все это увѣшано картинами, портретами, иконами, отъ потолка чуть не до полу. Оглядывается опять кругомъ. «Владыка, да скажите: отчего это у васъ такъ уютно, своеобразно, какъ ни у кого изъ вашей братіи? Вѣдь, это всюду дюжинность какая-то: диванъ, столикъ передъ нимъ, кресло справа, кресло слѣва; а у васъ какъ-то не по-человѣчески, извините, не какъ у всѣхъ».—«На томъ стоймъ», говорю я, и въ прошломъ году входитъ сюда о. протоіерей Лебедевъ, осматривается и говоритъ: «царское помѣщеніе, царское помѣщеніе!» Не помню, сразу, или не сразу, предложено было осмотрѣть нашу крестовую церковь. «Владыка, ахъ!... Иконы Византійскаго стиля... Ахъ, великолѣпно!.. Это что же они дѣлаютъ?»—«Это Тайная Вечеря, отвѣчаю я, и первый и единственный пока въ Россіи, да и въ Европѣ, образъ, по моей личной идеѣ. Обыкновенно, за тайной Вечерью Христосъ и апостолы сидятъ за обыкновеннымъ столомъ, въ разныхъ позиціяхъ. По старинному, восточно-византійскому представленію, вотъ въ Кіевѣ, Христосъ стоитъ двуликій, и въ одномъ ликѣ причащаетъ изъ чаши шесть апостоловъ, подходящихъ съ правой стороны, а въ другомъ ликѣ, обращенномъ въ противоположную сторону, причащаетъ шесть апостоловъ, подходящихъ съ лѣвой стороны. У меня не такъ, а такъ, какъ дѣло было на самомъ дѣлѣ, съ возможнымъ соблюденіемъ археологіи. Изволите видѣть: это

Христосъ и апостолы стоятъ на колѣняхъ и молятся. Христосъ съ воздѣтыми къ небу руками. Это моментъ, когда Христосъ совершилъ ветхозавѣтную пасху; вотъ и отодвинутые въ сторону остатки пасхальнаго агнца. А вотъ ветхозавѣтный пасхальный соусъ изъ фруктовъ. Вотъ хлѣбъ новозавѣтный и чаша. Христосъ молится надъ ними Отцу Небесному, Который приникаетъ съ неба. Видите: это молящійся Іоаннъ, какъ онъ хорошъ! И сколько у него искренняго горя въ лицѣ! Видите: Петръ сложилъ руки на молитву и лицо обращено къ небу, а сосѣдъ-апостолъ шепчетъ ему на ухо, кивая на Іуду, и глаза Петра устремляются грозно на того же Іуду. А Іуда смотритъ равнодушно и злобно, хотя и стоитъ на колѣняхъ. У прочихъ апостоловъ, видите, какія хорошія, умиленныя, молящіяся лица. Видите: горница убрана циновками; вотъ блюдо умывальное, кувшинъ, полотенце, подушки, на которыхъ возлежали за трапезой; низкій столъ, возвышающійся отъ полу не болѣе какъ на полъ-аршина». «Это я устроилъ такую, большихъ размѣровъ икону на горнее мѣсто, въ ближайшій алтарь, на золоченомъ фонѣ, въ великолѣпной рамѣ». Идемъ въ дальнѣйшій алтарь, главный. На горнемъ такой же образъ Воскресенія, въ такомъ же Византійскомъ стилѣ, работы того же художника, Швайкевича.—«Ахъ, и крестъ осьмиконечный, и Богородица (запрестольные)... Ахъ, и полы застланы коврами (вплоть отъ стѣны до стѣны)... Ахъ, и это, и иконостасъ съ задней стороны благолѣпенъ. А то представьте: впереди налѣпятъ золота, а сзади нелѣпая охра, пыль, грязь, и это въ святомъ святыхъ». Вышли на средину церкви. Тутъ все же опять вызывало «ахи»: и мраморный полъ, и цвѣтныя стекла въ верхнихъ окнахъ, и старостинская стойка, и (гордость нашего архитектора Тодорова) чугунныя колонны, раззолоченыя, и большихъ размѣровъ осьмиконечный крестъ, у правой стороны.

Однимъ словомъ, впечатлѣніе, вынесенное изъ нашей крестовой, Владиміръ Карловичъ выразилъ въ Кіевѣ въ слѣдующемъ, переданномъ въ Одессу, изреченіи: «У высокопреосвященнѣйшаго Никанора такая крестовая, какой нѣтъ и у высокопреосвященнѣйшаго Исидора». (У высокопр. Исидора лучшая въ Россіи крестовая). А въ Петербургѣ Владиміръ Карловичъ свое впечатлѣніе выразилъ въ слѣдующемъ наказѣ смотрителю занимаемаго нами Митрофаніевскаго подворья: «Смотрите, чтобы все у васъ было получше, почище, поаккуратнѣе. Ѣдетъ изящный архіерей». Я былъ боленъ и не могъ сопровождать Вл. Карл. въ его обзорѣ нашихъ духовныхъ учрежденій, а то случилось послѣ 1-го Октября, дня, въ который я сильно простудился. Выслушавъ чтеніе акаѳиста въ каѳедральномъ соборѣ, совершенное преосвященнымъ Іустиномъ (первымъ нашимъ викаріемъ) съ пѣніемъ всего нашего хора, Владиміръ Карловичъ, по возвращеніи изъ собора, говоритъ: «кіими

похвальными вѣнцы увяземъ?»... Хвалилъ очень чтеніе преосвящ. Іустина, какъ полное смысла и чувства. О женскомъ училищѣ отозвался: «одинъ только въ немъ недостатокъ—много роскоши», въ чемъ я оправдывался тѣмъ, что въ истекшее лѣто, по молвѣ, исходившей изъ верхнихъ сферъ, ждали въ Одессѣ высочайшаго посѣщенія и потому отдѣлали все училище начисто, во всѣхъ углахъ, а парадная лѣстница и церковь недавно устроены и великолѣпны, производя первое впечатлѣніе дѣйствительно роскошное и изящное. Переговорено нами очень многое. Вообще, знакомство съ нимъ мое личное увеличило въ моихъ глазахъ его достоинства въ высокой степени. Онъ сынъ благочестивыхъ родителей, росъ у церкви и въ церкви, подъ особенно благотворнымъ вліяніемъ старика-пономаря. Самъ звонилъ, подавалъ кадило, прислуживалъ въ алтарѣ, знаетъ отлично, до подробностей, церковный уставъ; не умѣетъ только пѣть, хотя и очень многое понимаетъ въ музыкѣ. Имѣетъ вкусъ ко всему строго-православному, старо-церковнымъ осьмиконечнымъ крестамъ, старинному пѣнію, Византійской иконописи. Не любитъ, не выноситъ въ церкви курительнаго порошка, считаетъ его «Латинской ересью». Скорбитъ о всеобщемъ упадкѣ церковнаго устава. Вообще, преоригинальная, прелюбезная личность, мнѣ пресимпатичная, потому что и самъ я церковникъ немалый и прошелъ всѣ степени церковнаго служенія: звонилъ и въ колокола, былъ и весь вѣкъ состою пѣвцомъ и чтецомъ, былъ пономаремъ четыре года въ Семинаріи и три года въ Академіи, годъ іеродіакономъ, пять лѣтъ священникомъ, одиннадцать лѣтъ священно-архимандритомъ, награжденъ былъ и набедренникомъ и наперснымъ крестомъ; уставъ и пѣніе знаю, какъ ни одинъ изъ архіереевъ; по городу Одессѣ уставъ знаю лучше всѣхъ священно и церковнослужителей.

Разспрашивать у Влад. Карл. о Петербургскихъ новостяхъ я затруднялся, считая неделикатнымъ; но если онъ начиналъ откровенный разговоръ, то продолжать его я не уклонялся. Толковалъ онъ мнѣ, что синодальные служащіе въ Петербургѣ раздѣляются на чиновниковъ и живыхъ людей. Конечно, самъ онъ принадлежалъ къ живымъ людямъ. Повидимому, и Василія Ив. Шемякина, завѣдующаго новоучрежденными церковно-приходскими школами, относитъ онъ къ живымъ же людямъ. Изъ нашей братіи служащіе чуть ли не относились къ чиновникамъ, хотя объ этомъ и умалчивалось, въ томъ числѣ и Илларіонъ А. Чистовичъ, сколько я выразумѣлъ, хотя и не разспрашивалъ. Прожилъ онъ у меня полтора сутокъ. Около полуночи выѣхалъ на желѣзно-дорожный вокзалъ, чтобы отбыть въ Кишиневъ. Уже при прощаньи возникъ очень откровенный разговоръ о преосвященномъ экзархѣ Грузіи, архіеписк. Павлѣ. Въ устахъ Влад. К. звучала нота и сочувствія, и сожалѣнія. Ѣхалъ онъ теперь съ К. П. Побѣдоносцевымъ съ Кавказа

какъ разъ послѣ несчастія, послѣ убійства ректора Семинаріи въ Тифлисѣ, Чудецкаго. Все полно было молвою, густо покрывшею весь Кавказъ, рѣзко проникшею своимъ запахомъ и въ нашу Одессу, будто преосв. экзархъ проклялъ Грузію. Влад. К. отрицалъ истину этой молвы. Тѣмъ не менѣе она стала большимъ препятствіемъ для экзарха оставаться въ Грузіи и благотворно продолжать тамъ свое служеніе: ему открыто грозили убійствомъ. Повидимому, Владиміръ Карлов. не совсѣмъ сочувствовалъ поспѣшности и огульности нѣкоторыхъ мѣръ, напр. огульному исключенію изъ Тифлисской Семинаріи цѣлыхъ 30 воспитанниковъ разомъ, чѣмъ усиливалось широко распространенное и глубоко хватавшее раздраженіе противъ экзарха. «Возсіялъ крестъ на клобукѣ; тѣмъ не менѣе... положеніе крайне трудное и даже опасное, опасность обоюдуострая и для экзарха, и для церкви въ Грузіи». Не видно было, однакоже, чтобъ уже тогда состоялось полурѣшеніе устранить его оттуда.

Послѣдствія показали, что мы произвели на этого почетнаго и вліятельнаго гостя благопріятное впечатлѣніе.

Другимъ вліятельнымъ посѣтителемъ г. Одессы вскорѣ же оказался Сергій Васильевичъ Керскій, помощникъ Владиміра К. Саблера, вицедиректоръ по управленію канцеляріей Святѣйшаго Синода. Разъ какъ-то, дверемъ кабинета притворреннымъ, я одѣвался, чтобъ идти сейчасъ же освящать новопостроенное на нашемъ дворѣ зданіе Херсонской Д. Консисторіи. Вдругъ, неожиданно совсѣмъ, докладываютъ изъ гостинной, чрезъ притворенную дверь: «Сергій Васильевичъ Керскій». Слышу, онъ самъ возглашаетъ: «Керскій». Я говорю чрезъ дверь: «Сію минуту, ваше превосходительство. Переодѣваюсь по обстоятельствамъ». Выхожу. Кланяемся. «Узнаете?» спрашиваетъ онъ.—«Какъ не узнать! Помнимъ по Уфѣ и вспоминаемъ добрóмъ благодѣтеля». Это, повидимому, его тронуло. Я въ туже минуту объясняю, что переодѣвался идти сію же минуту святить ново - воздвигнутое зданіе Консисторіи. «Это ваше ближайшее вѣдомство. Вы вѣдь непосредственный начальникъ консисторій. Просимъ: почтите нашъ праздникъ вашимъ присутствіемъ. А о вещахъ прошу распорядиться перевезти ихъ сейчасъ ко мнѣ. Надѣюсь, что вы примете пріютъ у меня». Пошли въ Консисторію. А зданіе устроено прекрасное. Обстановка, которая показалась даже роскошною, нѣсколько даже излишнею. Богослуженіе совершено благолѣпно. Отъ строителя предложенъ былъ прекрасный завтракъ или обѣдъ. О. каѳедральный протоіерей угостилъ предлиннымъ, впрочемъ не лишеннымъ смысла, тщательно обдуманнымъ, спичемъ. Однимъ словомъ, все сошло болѣе, чѣмъ прилично. Объясняю его превосходительству, что вотъ намъ, на постройку зданія Консисторіи, Святѣйшимъ Синодомъ ассигновано было болѣ 19000 рублей. Подрядчикъ съ тор-

говъ взялъ и произвелъ постройку менѣе чѣмъ за 15000. На уторгованный нами остатокъ мы просили разрѣшенія произвесть устройство мебели, совершенно необходимой для новой Консисторіи, потому что старая безобразна и никуда не годна, и получили отказъ. «Молите Бога, объясняетъ его превосходительство, и за то, что на постройку зданія деньги получили. У насъ уже на сей годъ сдѣлано по постройкамъ на 150000 руб. передержки. Многіе архіереи по многу лѣтъ добиваются ассигновокъ на постройку или перестройку консисторій, и ничего пока не получаютъ, въ томъ числѣ и Иркутскій архіепископъ, присутствующій въ Синодѣ (Веніаминъ)». Кстати замѣтить, что С. В. Керскій впослѣдствіи всетаки исхлопоталъ намъ ассигновку нужной на мебель суммы. Не дали только денегъ на оплату изящныхъ орѣховыхъ дивановъ, которые С. В. призналъ излишней роскошью. Конечно, и то слава Богу. А съ диванами мы уже справимся.

С. В. Керскій ѣхалъ собственно на Аѳонъ, якобы на богомолье. Показывалъ мнѣ и документъ, что онъ якобы уволенъ на Аѳонъ на богомолье. Явно, что онъ хотѣлъ, чтобъ я такъ думалъ или говорилъ, не думая. Для него это былъ, очевидно, оффиціальный секретъ. Я, понятно, не хотѣлъ показать и намека, что сомнѣваюсь. Мнѣ думается, что онъ имѣлъ оффиціальное порученіе на Аѳонъ, или даже въ Константинополь. Несомнѣнно, что въ Константинополѣ онъ вглядывался въ Греческіе порядки богослуженія, и по возвращеніи выразился: «Намъ у Грековъ нечему поучиться». А поглядѣвъ на наше богослуженіе въ Одесскомъ соборѣ, выражался: «Величественно! Теперь посмотримъ, такъ ли у Константинопольскаго патріарха». Онъ прожилъ у меня до отбытія въ Константинополь, около четырехъ сутокъ (такъ расположились сроки пароходства) и по возвращеніи оттуда прожилъ столько же, въ ожиданіи отъ г. оберъ-прокурора бумаги относительно ревизіи Могилевской семинаріи, гдѣ ученики взорвали инспекторскую квартиру. Переговорено было очень много и очень откровенно. Я называлъ имена архіереевъ и спрашивалъ, каково ихъ положеніе. А онъ отвѣчалъ. Вотъ замѣчательнѣйшіе отзывы. Говорятъ въ Петербургѣ: старецъ митрополитъ—это умъ. Платонъ—это сердце. Московскій-Іоанникій—это воля. У Исидора до сихъ поръ замѣчательная ясность ума, прямой взглядъ, много опытности. Скажетъ слово, и отвѣтитъ дѣло. Любитъ разсказывать. Много видѣлъ на своемъ вѣку. Все отлично помнитъ, особенно старое. Ослабленія памяти или сообразительности вовсе незамѣтно. Служитъ въ церкви прекрасно. Читаетъ прегромко и превнятно, наполняетъ своимъ говоромъ весь Исакіевскій соборъ. Служитъ, не отказывается, хотя и приберегаетъ себя, чтобъ не изнуряться. А Платонъ-благостнѣйшій. Куда ни попроси, идетъ, себя не бережетъ».—«Какъ

въ Синодѣ? Много говоритъ?»—«Нѣтъ, помалчиваетъ, иногда ослабѣваетъ, чего въ старцѣ Исидорѣ незамѣтно». — «Я однакоже думаю, что при Исидорѣ владыка Платонъ помалчиваетъ просто изъ деликатности, какъ при старѣйшемъ».—А Московскій, развѣ умѣетъ хотѣть?»—«О, да, умѣетъ. Настойчивъ». Представлены были въ доказательство случаи его настойчивости, которые забылись.—«Много говоритъ въ Синодѣ?»—«О, много. Былъ случай, что чего-то не хотѣлъ подписать. Замѣчателенъ со стороны настойчивости Иркутскій Веніаминъ. Прибылъ въ Петербургъ; рясы носитъ все такія пестрыя, цвѣтныя. Ему говорятъ: владыка, что нибудь потемнѣе бы. Онъ старше, по лѣтамъ службы, Казанскаго. А и Палладій привыкъ мыслить себя не низко. Вотъ и вышло столкновеніе. Принесли къ Палладію синодскіе журналы, тотъ и подписывается сряду послѣ митрополитовъ. Несутъ къ Иркутскому, а тотъ такъ и прорѣзалъ между митрополитами и Палладіемъ: «Веніаминъ архіепископъ Иркутскій». Тогда курьеры стали носить журналы сперва къ Иркутскому, а потомъ къ Казанскому. Вотъ въ такомъ-то собраніи Палладій и подходитъ ко мнѣ съ сокрушеннымъ видомъ: «Что жъ это, Сергій Васильевичъ, за что вы меня обижаете?».—«Какъ такъ, ваше высокопреосвященство?»—«Зачѣмъ же вы меня ставите ниже Иркутскаго? Вѣдь Казанскіе архіепископы были первыми по статуту, всегда выше Иркутскихъ. Да и теперь я, какъ глава Казанской Академіи, нахожусь въ начальственномъ положеніи относительно Иркутска.—«Помилуйте, ваше высокопреосвященство, тутъ я ни при чемъ».—А Веніаминъ говоритъ, что онъ старше Палладія и по учебному курсу на два года, и по архіерейству, и по архіепископству. Вышло такъ, что и владыка-митрополитъ, лаская Палладія, наровилъ посадить его около себя, посадить слѣва, а справа посадилъ Екатерину Александровну Побѣдоносцеву. Не тутъ-то было: слѣва около старца сѣлъ Веніаминъ Иркутскій, а около себя слѣва предоставилъ мѣсто Казанскому. Зато старецъ митрополитъ наказалъ дерзновеніе Иркутскаго: не сказалъ съ нимъ во весь обѣдъ ни единаго слова».

Къ преосвященному Павлу экзарху Сергій Васильевичъ относится, повидимому, безъ теплоты и безъ особеннаго возвышенія его достоинствъ. «По нѣкоторымъ даннымъ, говорю я, полагаю, что преосв. Павелъ первый кандидатъ на митрополію». «М-да», сказалъ, раздѣляя слоги, подумавши, мой многосвѣдующій собесѣдникъ, одинъ изъ первыхъ». «Ну, а Казанскій Палладій?»—«Что же, Казанскій? Человѣкъ пріятный, persona grata у всѣхъ и для всѣхъ, всѣмъ и хочетъ и умѣетъ угодить, все уладить, все умиротворить, и пользуется общею любовію». — Пошлютъ его въ Грузію?»—Не знаю, не знаю».—«А Леонтій?»—«Тоскуетъ себѣ тамъ, въ Варшавѣ. Вотъ не зовутъ въ Синодъ, не дѣлаютъ

митрополитомъ». О Виленскомъ аріепископѣ Алексіѣ какъ-то не пришлось спросить. «Ну, а Амвросій Харьковскій?» — «Амвросій»! Въ Амвросія К. П. просто влюбленъ. «Вѣдь, уменъ?»—«Да, уменъ.»—«Какія-то у него тамъ затрудненія?»—«Да и немалыя...» Такимъ образомъ я переспросилъ почти о всѣхъ архіереяхъ, и отзывы были совершенно откровенны, но вполнѣ благожелательны и сочувственны.

Посѣтили мы вмѣстѣ съ С. В. Одесскую Духовную Семинарію, женское училище, мужское духовное училище и образцовую школу. Особенно хорошее впечатлѣніе произвели эта школа и женское училище. За школу онъ благодарилъ о. ректора и наставниковъ; а о женскомъ училищѣ отозвался многозначительно двумя словами: «лучшее въ Россіи». Вообще, повидимому, мы и на сего почетнаго посѣтителя произвели тоже благопріятное впечатлѣніе. По возвращеніи съ Аѳона, онъ презентовалъ намъ Аѳонскую палицу съ словами: «это то самое древо, которымъ по преданію били Христа по главѣ». Когда при окончательномъ выѣздѣ его изъ Одессы, я провожалъ его до желѣзнодорожнаго вокзала, то, выходя изъ кареты и прощаясь со мною, онъ сказалъ: «прощайте, до свиданья въ Петербургѣ». Я понялъ смыслъ этихъ словъ, но сердце мое не подвиглось при этомъ ни радостью, ни печалью. Чему быть-де, того не миновать.

Вдругъ, этотъ неожиданный, какъ оказывается, вопросъ о вызовѣ моемъ въ Петербургъ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, сталъ передо мной лицомъ къ лицу, сталъ 4-го Апрѣля 1887 года, вечеромъ, въ Великую Субботу, при звонѣ къ чтенію Дѣяній Святыхъ Апостоловъ, въ письмѣ ко мнѣ, отъ 31 Марта, В. К. Саблера.

Письмо извѣщало, что Константинъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ поручилъ ему, Владиміру Карловичу «довѣрительно спросить меня, не буду ли имѣть чего либо противъ вызова меня въ Святѣйшій Синодъ и когда я желалъ бы пожаловать?» При семъ извѣщалось, что преосвященные Веніаминъ Иркутскій и Палладій Казанскій уѣзжаютъ изъ Петербурга въ концѣ Мая; что «сообразно съ моими желаніями вызовъ меня можетъ послѣдовать въ Маѣ или Октябрѣ»; что «очень опасаются за мое здоровье, не повредилъ бы мнѣ Петербургскій климатъ, и потому не осторожнѣе ли будетъ ограничиться одними лишь лѣтними мѣсяцами»; и въ ожиданіи отвѣта прошено никому не сообщать о семъ посланіи. Я такъ и поступилъ, промолчалъ, и даже брату родному ни слова не сказалъ, который былъ у меня съ дочерью Ольгой на праздникѣ Пасхи и которому не лишнее было знать, что я самъ уѣзжаю изъ Одессы. Между тѣмъ, удосужившись, именно уставивъ особаго рода сочиненную мною иллюминацію (освѣщеніе газомъ задрапированныхъ трехъ транспарантовъ Воскресшаго Христа, трехъ

Мироносицъ и Ангела на гробовомъ камнѣ, въ самую пасхальную ночь я сѣлъ и написалъ наскоро, прямо набѣло, отвѣтное письмо Вл. К. Саблеру. Въ письмѣ я писалъ, что «это почетное предложеніе застало меня врасплохъ», что «около меня носилась уже атмосфера распространеннаго ожиданія, что не сегодня-завтра позовутъ меня въ Святѣйшій Синодъ»; что «все бываетъ въ пору, по велѣнію судебъ, по указанію Провидѣнія»; что «и объ этомъ предметѣ я успѣлъ уже подумать, и подумавши отвѣчаю»; что «у меня нѣтъ банальнаго честолюбія по части честей и жизненныхъ успѣховъ»; что «мыслю себя достигшимъ бо̀льшаго, чѣмъ ожидалъ»; что «отвѣчать въ этомъ случаѣ отказомъ по болѣзни, значило бы обрекать себя на умираніе, а въ 60 лѣтъ люди еще живутъ и работать способны»; что «если вызывать, то лучше немедленно, на лѣто, такъ какъ лѣтомъ я лучше привыкну къ новому положенію, и видно будетъ, въ состояніи ль я буду пережить и зиму»; что «отъ Петербургскаго климата особенно худого для себя я не ожидаю, такъ какъ онъ для меня родной; мнѣ, напротивъ, на Югѣ всегда становилось хуже, а на Сѣверѣ я всегда себя чувствовалъ лучше; что мы архіереи даемъ присягу не отрекаться, когда насъ зовутъ въ соборъ, для засѣданія, и я не вижу необходимости въ данномъ случаѣ уклоняться отъ исполненія присяжнаго обѣта; что я поручаю судьбу свою волѣ Промысла и благоусмотрѣнію высшей власти».

Почему это такъ серьезно поставленъ вопросъ о моей болѣзни? Потому что осень и зиму 1886—1887 года я, дѣйствительно, провелъ неблагополучно по части здоровья. Именно въ Августѣ я раздражилъ, простудилъ и запустилъ ничтожный пупыришъ, который превратился въ карбункулъ и чуть было не уложилъ меня въ могилу. Когда, наконецъ, 8 Августа показалъ я свой чирей своему доктору Мочутковскому, тотъ отнесся къ этой болѣзни въ высшей степени серьезно: «простите меня, я не могу терять не только ни одного дня, но ни одного получаса». И сейчасъ же самъ поѣхалъ въ городъ искать сейчасъ же оператора. Это произвело около меня молву опасности, проникшую за Одессу. Въ день Покрова я тяжко простудился въ Покровской церкви. Наканунѣ совершилъ крестный ходъ съ Касперовскою св. иконою изъ крестовой въ соборъ, причемъ тепло одѣлся, перепотѣлъ страшно, и во время всенощной, въ подвальной комнатѣ собора, рѣшился переодѣться, снять съ себя лишнее. Меня разопрѣлаго охватила подвальная сырость. Во время обѣдни, назавтра, въ Покровской церкви всѣ три двери открыты были настежъ, по варварскому обычаю Одессы, которыя я не успѣлъ уничтожить. Это я выносилъ, но когда, послѣ малаго входа вошли въ алтарь, тутъ почувствовалась пронзительная тяга сквознаго вѣтра, справа въ царскія врата; не вдругъ

за службою разглядѣли, что въ правомъ придѣлѣ открыто настежъ огромное окно. Приказано было запереть, но лишь только поворотили мы спины къ алтарю за великимъ выходомъ, вдругъ почувствовали, что тяга возобновилась. Оказалось, что кто-то, воспользовавшись моментомъ, когда я видѣть не могъ, поспѣшилъ воровски раскрыть окно. По разслѣдованіи оказалось, будто староста прислалъ нарочно сторожа въ алтарь и велѣлъ раскрыть окно въ правомъ придѣлѣ. А мотивъ къ этому былъ тотъ, что какъ разъ къ празднику внезапно скончался протоіерей этой церкви, Соловьевъ, обще-уважаемый человѣкъ, магистръ, бывшій инспекторъ Семинаріи, предсѣдатель совѣта Одесскаго женскаго училища, благочинный, цензоръ и т. д. Мы вынесли его въ церковь, къ праздничной литургіи, но праздника ради поставили предъ иконостасомъ праваго придѣла. Вотъ староста и озабочивался, чтобы въ правомъ придѣлѣ былъ чистый воздухъ. А что пропадутъ архіереи, это старосту мало озабочивало. Священнодѣйствовали три архіерея, кромѣ меня, преосвященные викаріи Іустинъ и Мемнонъ. По совершеніи обѣдни и молебствія мы на краткое время отбыли на домашній отдыхъ. А къ тремъ часамъ собрались снова и начали торжественное отпѣваніе, въ присутствіи всей Семинаріи, всего женскаго нашего училища, безчисленной массы народа, запрудившей дворъ церковный и прилегающую улицу. Пѣли мы массою сотень голосовъ мужскихъ и женскихъ. Отпѣванье было такъ величественно, что въ Одессѣ не отпѣвали такъ никогда никого, ни одного даже архіерея. Понесли мы покойнаго на кладбище, уже смеркалось и наконецъ смерклось. Для моего здоровья результатомъ всего этого было, что я тяжко простудился и первымъ дѣломъ получилъ пораженіе горла. Въ этомъ состояніи видѣлъ меня Владиміръ Карловичъ Саблеръ. Затѣмъ, какъ я теперь соображаю, пораженіе горла перешло у меня въ странное и рѣдкое пораженіе глазъ, именно праваго, наиболѣе простуженнаго. Пораженіе это состояло въ томъ, что обычная у меня свѣтобоязнь такъ обострилась, что при искусственномъ освѣщеніи я не могъ заниматься. Въ глазахъ поднималось давленіе, въ вѣкахъ-рѣзь, около глазъ какое-то подергиванье. А ночью, лишь только вздремну, вдругъ ударъ въ правый глазъ. Я вскакиваю мгновенно, щека обливается слезами, бѣлокъ глаза къ утру наливается кровью. Этотъ ударъ всегда сопровождался возвышеніемъ пульса, шумомъ въ ушахъ, приближеніемъ общаго апоплексическаго удара. Боль вотъ какъ велика. Мнѣ одинъ неопытный врачъ выдавливалъ посредствомъ такъ называемой козьей ножки верхій коренной зубъ, совершенно крѣпкій; 8 разъ принимался, пробилъ себѣ до крови обмотанный палецъ, зубъ искрошилъ, но не выдернулъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ восьмого раза я улыбался и говорю:

«что же, будете продолжать?»—«Нѣтъ, отвѣчаетъ докторъ, «я жду новыхъ инструментовъ изъ Варшавы». Впослѣдствіи другой настоящій дантистъ сверлилъ мнѣ этотъ зубъ и другой такой же распиливалъ на части, каждую распиленную часть выколачивая; третій нижній, коренной зубъ вырвалъ щипцами, все это за одинъ разъ. Возился со мною отъ 10 час. до 1-го часа. Обливаясь кровью, я разговаривалъ, смѣялся и т. д. Докторъ и его помощникъ дивились и впослѣдствіи вспоминали мою терпѣливость. Боль отъ хряска ломаемыхъ костей какъ-то спеціально непріятна и жестока. Но эта боль болѣе выносима, чѣмъ простая боль зубовъ, какою страдалъ я года три, отъ которой у кости челюстей, образовывались фистулы съ нагноеніями. Вотъ незадолго предъ пораженіемъ глазъ два доктора рѣзали мнѣ карбункулъ. Я не допускалъ и мысли о хлороформѣ; я только отвернулся и сжалъ зубы. Конечно, ни пикнулъ. Врачи также и на этотъ разъ похвалили мою терпѣливость. Но ударъ въ глазъ невыносимѣе всѣхъ этихъ болей. Это ударъ какъ бы шиломъ въ самый зрачокъ, извнутри глаза. И какъ онъ кольнетъ такъ разъ, то другого не захочешь, о другомъ боишься и подумать. Онъ рождалъ какую-то боязнь, какъ бы не случилось повторенія. А повтореніе случалось. Случались удары до трехъ разъ въ продолженіе ночи. Никогда въ бодрственномъ состояніи; а какъ только начнешь забываться сномъ, вдругъ, «ахъ, ты Боже мой». Или иногда, забываясь сномъ, вдругъ чувствуешь особаго рода трепетаніе нерва, которое предвѣщаетъ ударъ. И какъ только оно скажется, мгновенно вскакиваешь, какъ угорѣлый. И слава Богу, если избѣжишь удара. Результатомъ этого вышло, что на лѣвомъ боку я уже лѣтъ шесть не ложусь и не сплю, потому что у меня сейчасъ начинаетъ болѣть сердце и даже останавливается его біеніе. Сплю до сихъ поръ только на правомъ боку, придавливая правый глазъ. А теперь пересталъ ложиться и на правый бокъ, боясь прилива крови и удара въ правый глазъ. Оставалось ложиться только навзничъ; но тутъ никакъ нельзя уложить голову такъ, чтобы и она не затекала кровью. Вотъ и пристраиваешься на сонъ кое-какъ, чаще въ полусидячемъ положеніи; всегда такъ, чтобы оба локтя упирались во что либо, чтобъ не затекла кровью голова и чтобъ мгновенно можно было вскочить, когда почувствуешь трепетанье глаза. Отъ этихъ нервныхъ усилій проистекала безсонница. Безсонница въ свою очередь пораждала раздраженіе нервовъ. Раздраженіе нервовъ пораждало раздраженіе мозговыхъ путей, пораждало возбужденіе пульса, приливы крови къ головѣ и къ глазамъ. Просто бѣдствіе! Я уже думалъ, что смерть пришла, именно смерть отъ приближающейся апоплексіи. 24 Октября я поѣхалъ къ духовнику, о. архимандриту Вла-димиру Терлецкому, который, самъ страдая раной внутри кишекъ, про-

живалъ въ учрежденіи княгини Гагариной, поѣхалъ исповѣдываться на смерть. Затѣмъ передалъ свою жизнь и смерть въ руцѣ Божіи. Гробъ желѣзный у меня купленъ и стоялъ въ моихъ кельяхъ въ Одессѣ. Завѣщаніе записано. Врачи, съ которыми я совѣтовался, ничего спеціально противъ моей болѣзни посовѣтовать не умѣли. Повидимому, и случаевъ подобныхъ въ своей практикѣ не встрѣчали. Говорятъ: «общее состояніе; нужно принимать мѣры противъ общаго состоянія». Полезною оказалась только прописанная мнѣ мною самимъ вода «Виши», а также полезнымъ оказалось долгое пребываніе на свѣжемъ воздухѣ, особенно же передъ сномъ. Тѣмъ не менѣе это болѣзненное состояніе, какъ я и зналъ и предсказывалъ, продолжалось до весны, пока не стала дѣйствовать кожа и выдѣлять испаренія. Мнѣ всегда во всю мою жизнь тяжело было переживать время отъ осенняго равноденствія до поворота солнечнаго въ Декабрѣ, а тамъ ближе или дальше до начала весны. Въ этомъ году я какъ-то незамѣтно для себя почувствовалъ облегченіе очень уже поздно, къ началу весны, къ Страстной, къ Пасхѣ. Сталъ спать на правомъ боку только, когда послѣ Пасхи поѣхалъ по епархіи, что̀ продолжается и до сихъ поръ. Правый глазъ иногда слегка сказывается, но особыхъ пораженій пока не чувствую. Молвы объ этомъ доходили до Петербурга, да и самъ я писалъ сюда о своей болѣзни. Въ болѣзненномъ состояніи видѣли меня и Владимиръ Карловичъ Саблеръ, и С. В. Керскій. Потому-то и поставили вопросъ о моемъ здоровьи при вызовѣ меня въ Петербургъ.

О предстоящемъ вызовѣ я и виду не показалъ въ своихъ дѣйствіяхъ и всѣ распоряженія дѣлалъ такъ, какъ будто ничего особаго не ожидалъ. Между прочимъ задолго еще до Пасхи сдѣлано было и опубликовано распоряженіе о предстоящемъ обозрѣніи мною епархіи въ семъ 1887 году, объ отъѣздѣ моемъ изъ Одессы, именно въ недѣлю Женъ Мироносицъ.

Этотъ день для меня и окружающихъ меня знаменателенъ тѣмъ, что въ недѣлю Женъ Мироносицъ мы совершили давно подготовлявшееся освященіе церкви преп. Сергія Радонежскаго на Одесскомъ подворьи Аѳонскаго Андреевскаго скита. Церковь выстроена тамъ священнолѣпная. Освященіе совершили мы священнолѣпное. Наканунѣ три архіерея совершили мы Аѳонское всенощное бдѣніе, продолжавшееся съ 6 дольше 10 часовъ. А назавтра, по особому совѣщанію, три же архіерея совершили и освященіе храма и божественную литургію. Затѣмъ, съ ранняго утра въ Понедѣльникъ я отбылъ изъ Одессы, для обозрѣнія епархіи. Этимъ торжественнымъ священнослуженіемъ, можно сказать, увѣнчалось мое рядовое служеніе Одессѣ. Къ Троицѣ я прибылъ уже только затѣмъ, чтобы проститься съ любезною моему серд-

цу Одессою. О рѣшеніи вызвать меня въ Петербургъ я узналъ во время этой самой поѣздки по обозрѣнію епархіи, именно въ Бобринцѣ. Прибывъ туда, я получилъ нѣсколько писемъ изъ Петербурга, въ коихъ сообщалось, что рѣшеніе о вызовѣ состоялось.

Изъ Петербурга получены три письма отъ К. П., оберъ-прокурора, отъ В. К. Саблера и отъ высокопреосвященнаго экзарха Павла. Первое отъ 18 Апрѣля ничего не говорило о вызовѣ, тѣмъ не менѣе говорило пріятныя для меня и памятныя вещи. «Спѣшу принести вамъ, преосвященнѣйшій владыко, искреннюю признательность за доставленіе мнѣ 4-го тома» (посланнаго на праздникъ св. Пасхи) «Бесѣдъ и поученій вашихъ. Тѣмъ пріятнѣе, что съ большею частью ихъ я уже знакомъ, постоянно слѣдя за ними по Херсонскимъ еп. вѣдомостямъ и другимъ изданіямъ. «И затѣмъ прибавляетъ: усталъ непомѣрно, а волны хлещутъ черезъ голову». Ниже разъясняется что̀ это значитъ. Владиміръ Карловичъ отъ 12 Апрѣля увѣдомлялъ, что «владыка-митрополитъ и Константинъ Петровичъ весьма радуются предстоящему свиданію со мною». Про экзарха и говорить нечего. «Вы, (т. е. я) знаете его любовь и расположенность. По всему вѣроятію вамъ будетъ уготовано синодальное подворье на углу Кабинетской и Звенигородской улицъ. Помѣщеніе новое и удобное. Церковь верхняя помѣстительна, но требуетъ ремонта. Нижняя церковь поменьше, временно, и въ ней можно служить, пока приведутъ въ должный порядокъ верхній храмъ. Вызовъ вашъ послѣдуетъ во второй половинѣ Мая. Казанскій владыка, должно быть, поѣдетъ послѣ 20 Мая. Буду постепенно сообщать вамъ всѣ до вызова относящіяся свѣдѣнія». Владыка экзархъ Павелъ отъ 16 Апрѣля высказывается съ обычною ему любезностью и глубокою добротою: «Пріятнѣйшая для меня новость вызвать васъ въ Святѣйшій Синодъ. Предполагая пробыть здѣсь все лѣто, я льщу себя надеждой частыхъ свиданій съ вами. Саблеръ, восхищенный вами, разсчитываетъ также на частыя свиданія съ вами. Другіе (Илларіонъ Ал. Чистовичъ) въ восхищеніи. Недоразумѣнія съ вами и со мною, кажется, кончились».

Результатомъ свѣдѣній, полученныхъ мною въ г. Бобринцѣ, была во 1-хъ, моя собственная увѣренность, что меня вызываютъ въ Петербургъ, а во 2-хъ, загадочная телеграмма въ Одессу къ моему родичу, священнику М. А. Юркевичу: «Передайте эконому архіерейскаго дома мое распоряженіе касательно Московской кареты». Смыслъ этой телеграммы заключался въ томъ, что задолго до Пасхи заказали для архіерейскаго дома карету въ Москвѣ. Карету обѣщали сдѣлать къ Троицѣ, и теперь приближался срокъ высылки ея въ Одессу. Дабы понять о. Михаилу, что меня могутъ вызвать въ Петербургъ, я предъ выѣздомъ по епархіи поручилъ отцу Михаилу передать мою волю эконому, что-

бы, по моей телеграммѣ, заказанная карета была задержана въ Москвѣ впредъ до особаго распоряженія. Имѣлось въ виду вытребовать ее не въ Одессу, а въ Петербургъ. Эта моя телеграмма утвердила Одесситовъ въ увѣренности, что вызовъ въ Петербургъ послѣдовалъ. А молвы объ этомъ были распространены и попали даже въ газеты, въ категорическомъ видѣ, что архіепископъ Никаноръ вызывается-де въ Святѣйшій Синодъ. Между тѣмъ самъ я отправился въ дальнѣйшій путь, для обозрѣнія епархіи, по намѣченному маршруту. Обозрѣніе производилось серьезно и внимательно, какъ будто ничего особаго въ моемъ положеніи и не произошло. Только уже на послѣдней недѣлѣ передъ Троицею мы нѣсколько ускорили путь, выкинувъ изъ маршрута тричетыре церкви, чтобы не дѣлать круговъ и по прямой линіи спустились въ Бизюковъ монастырь, гдѣ и священнодѣйствовали Мая 12 всенощную, и Мая 13 литургію, въ день отданія Пасхи, въ тотъ же день всенощную, а на завтра литургію, въ день Вознесенія Господня; въ этотъ же день, послѣ литургіи совершили по чину и закладку большой Кресто-Воздвиженской церкви. На завтра, Мая 15, совершали тамъ же литургію и уставное молебствіе, въ день священнаго коронованія ихъ величествъ, Александра III-го и супруги его, Маріи Өеодоровны-Дагмары. Мая 16, поутру отбыли въ Херсонъ, гдѣ и слушали всенощную въ Крестовой церкви; назавтра священнодѣйствовали литургію въ Херсонскомъ соборѣ, въ недѣлю святыхъ отецъ Никейскихъ», а Мая 18, въ Понедѣльникъ, передъ Троицею отбыли въ Одессу.

Въ Херсонѣ получили мы увѣрительныя телеграммы и письма, конечно, отъ того же любезнѣйшаго Владиміра Карловича. Телеграммой отъ Мая 14 онъ сообщаетъ, что докладъ о моемъ вызовѣ утвержденъ Государемъ и что желательно прибытіе къ 3-му Іюня. Въ письмѣ отъ того же 14 Мая онъ объяснялъ, почему мой пріѣздъ желателенъ именно къ 3-му Іюня:. потому, что Казанскій владыка могъ пробыть въ Петербургѣ приблизительно до 1-го Іюня. Извѣщалось, что Казанскій владыка имѣетъ въ виду просить меня выслать эконома для обозрѣнія помѣщенія, что квартира помѣстительна, комнатъ довольно; что у преосв. Палладія имѣлось 3 іеромонаха, 3 діакона, 14 пѣвчихъ, секретарь, два келейника и одинъ псаломщикъ. Къ сему присовокуплялось, что «мой первенецъ Святославъ можетъ состоять при васъ жезлоносцемъ, а я (В. К. Саблеръ) довольно плохимъ, вторымъ басомъ на лѣвомъ клиросѣ». Изъ Херсона я отвѣтилъ телеграммой съ выраженіемъ признательности, извѣщая, что постараюсь явиться къ 3-му Іюня. Я самъ себѣ толковалъ, что хотятъ меня имѣть въ Петербургѣ къ синодскому засѣданію 3-го Іюня, такъ какъ это число падало именно на Среду, единственный день въ недѣлѣ, на который лѣтомъ падаютъ за-

сѣданія Святѣйшаго Синода, въ чемъ и не ошибся, какъ послѣдствія показали. На мою телеграмму Влад. Карл. отвѣчалъ новою, которую мой секретарь переписалъ въ Одессѣ и прислалъ въ Херсонъ, а здѣсь эта телеграмма переписана была слѣпымъ карандашемъ. Получена и прочитана мною вечеромъ, безъ свѣчки, прочитана и понята такъ, что къ 3-му Іюня быть необходимо. Хотя въ подлинной телеграммѣ стояло, что «нѣтъ необходимости . . . торопиться къ 3-му Іюня»; но это узналъ я чрезъ нѣсколько сутокъ, случайно увидѣвъ у себя въ Одессѣ на столѣ самый подлинникъ. Между тѣмъ въ своихъ распоряженіяхъ относительно сборовъ къ отъѣзду я руководился уже мыслью, что къ 3-му Іюня быть въ Петербургѣ необходимо.

Отцу намѣстнику Бизюкова монастыря я заявилъ, что въ Петербургѣ надо прожить не роскошно, но благолѣпно. Признано мною необходимымъ имѣть 3 іеромонаховъ, 3 діаконовъ, 2 иродіаконовъ, секретаря, 12 пѣвцовъ большихъ (безъ маленькихъ), 2 мальчиковъ (чиновщика и посошника) и 2 келейниковъ. Послѣ немалыхъ переговоровъ и соображеній, составленъ и предъявленъ списокъ лицъ, которыхъ я предполагаю взять съ собой. Заявленъ реестръ вещей, ризъ, утварей, книгъ, которыя желалось взять съ собою. Оказались массы; а все-таки послѣдствія показали, что всего необходимаго не захватили. Дѣйствовали ощупью, во тьмѣ, безъ знанія дѣла, по однимъ предположеніямъ. Мая 21 имѣлъ глубокое утѣшеніе заложить церковь въ честь и память человѣка Божія Алексія, пророка Иліи и Александра Невскаго, церковь трехпрестольную, созидаемую на богатыя средства (до 40000 руб.), пожертвованныя полковникомъ Ѳедоровскимъ, церковь въ Одессѣ, на мѣстѣ, на которомъ я же призналъ крайнюю нужду церкви около большого желѣзнодорожнаго вокзала. Наканунѣ Троицы отслужили въ соборѣ послѣднюю торжественную всенощную и назавтра обѣдню. Въ Понедѣльникъ отслужили храмовую литургію на Греческомъ языкѣ, въ Греческой церкви. Обѣдъ отклонили по тѣснотѣ времени. Между тѣмъ указа изъ Святѣйшаго Синода не получалось. За то въ самый день Троицы получено формальное отношеніе г. оберъ - прокурора о томъ, что Государь Императоръ утвердилъ докладъ о моемъ вызовѣ, о чемъ и предложено Святѣйшему Синоду. По этому поводу я разсудилъ, что не даромъ же г. оберъ-прокуроръ прислалъ мнѣ эту бумагу. Вѣроятно, они хотѣли все-таки, чтобъ я явился въ Петербургъ именно къ 3-му Іюня; что указъ, вѣроятно, послѣдуетъ еще не скоро, подобно тому какъ о пожалованіи меня въ санъ архіепископа отношеніе г. оберъ-прокурора получено было въ Одессѣ къ первому дню Св. Пасхи, а указъ Святѣйшаго Синода полученъ, когда я былъ уже въ отъѣздѣ изъ Одессы для обозрѣнія епархіи, въ прошломъ 1886 году. На основаніи

такого разсужденія я рѣшилъ, какъ заблаговременно и предположено было, выѣхать 26 Мая, на третій день Троицы. Въ этомъ обнадеживало меня и то, что я предварительно получилъ телеграммы отъ присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ высокопреосвященныхъ архіепископовъ Палладія Казанскаго и Веніамина Иркутскаго. Первый, поздравляя меня съ вызовомъ въ Свят. Синодъ, выражалъ желаніе, чтобы я выслалъ въ Петербургъ эконома для принятія помѣщенія; а второй, извѣщая, что выѣзжаетъ изъ Петербурга 1-го Іюня, спрашивалъ, можетъ ли, согласно своему желанію, встрѣтить меня въ Кіевѣ. Владыкѣ Казанскому, выразивъ признательность, я телеграфировалъ, что эконома-монаха у насъ нѣтъ, а сами пріѣдемъ, увидимъ и устроимся. Второму владыкѣ, я телеграфировалъ, что очень радъ, выѣзжаю на третій день Троицы. У меня въ памяти какъ-то смѣшались эти дни вслѣдствіе многихъ думъ и заботъ, и почему-то вообразилось, что третій день Троицы будетъ 1-го Іюня, тогда какъ было на самомъ дѣлѣ 26 Мая. Въ тоже время я телеграфировалъ и В. К. Саблеру, что указа о вызовѣ нѣтъ, но по извѣщенію г. оберъ-прокурора выѣзжаю 26 Мая, какъ предполагалъ и обѣщалъ.

Разъ принято окончательное рѣшеніе, то и распоряженія послѣдовали рѣшительныя и окончательныя относительно отъѣзда, отправки вещей, отбытія необходимѣйшей и удобнѣйшей свиты. Рѣшено въ этотъ первый разъ ѣхать со мною: секретарю, одному келейнику (другой келейникъ не захотѣлъ разстаться съ Одессой и за недѣлю объявилъ, что пріискалъ себѣ мѣсто и изъ Одессы не поѣдетъ), двумъ діаконамъ-вдовцамъ, одному иподіакону (Колпакову) безъ жены, двумъ мальчикамъ (чиновнику и посошнику), четыремъ пѣвцамъ и двумъ іеромонахамъ (оба изъ Бизюкова монастыря). Итого, со мною отбыло въ первый разъ 14 человѣкъ. Да замѣтить, что и старшій келейникъ Петръ наканунѣ дня отъѣзда выкинулъ, было, возмутительный капризъ—вдругъ. безъ всякаго мотива съ моей стороны, уже предъ наступленіемъ ночи. объявилъ, что онъ не поѣдетъ, что онъ боленъ, что докторъ ему не совѣтуетъ, что боится Петербургскаго климата. Тогда я заговорилъ, что не сержусь на Кузьму (другого келейника), который заявилъ за недѣлю о нежеланіи ѣхать, но заявленіе Петра теперь не принимаю въ резонъ: онъ закупоривалъ вещи, все мое имѣніе; пусть довезетъ его до Петербурга и тамъ сдастъ мнѣ съ рукъ на руки; я держать его не стану и дамъ способы на обратный проѣздъ. А благо въ эту минуту у меня случился Одесскій полиціймейстеръ Яковъ Ив. Бунинъ, я прямо обратился къ нему съ жалобой. Г. полиціймейстеръ пошумѣлъ на капризнаго лакея и погрозилъ ему арестомъ, на основаніи закона, что онъ обязанъ былъ о своемъ желаніи оставить хозяина заявить впередъ

за столько-то дней, а теперь не имѣетъ права уходить. Келейникъ присмирѣлъ.

Въ день отъѣзда я имѣлъ два или три крупныя утѣшенія. Первое: произведенная мною закладка новой церкви на Молдованкѣ. Это осуществленіе моей мысли и моихъ настояній. Молитвой началъ я свое пребываніе въ Одессѣ, Января 25 въ 1884 году, молитвой же и кончилъ Мая 26 въ 1887 году, проживъ въ Одессѣ ровно день въ день три года и четыре мѣсяца. Вторымъ утѣшеніемъ былъ прощальный обѣдъ, данный намъ въ этотъ же день старшимъ Одесскимъ духовенствомъ въ залѣ Одесской Духовной Семинаріи. По обычаю своему я отклонялъ этотъ обычай, при предварительномъ переговорѣ. Тѣмъ не менѣе, принявъ твердое намѣреніе, ко мнѣ явились отъ духовенства три почтеннѣйшихъ депутата, каѳедральный протоіерей, о. Арсеній Лебединцевъ, ректоръ Семинаріи о. Мартирій Чемена и градской благочинный, протоіерей о. Алексѣй Тихомировъ. Я сказалъ имъ: «когда вы являетесь ко мнѣ съ формальнымъ приглашеніемъ, какъ же я могу отказать?» Оставалось принять этотъ обѣдъ въ самый день отъѣзда, 26 Мая. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Отецъ протоіерей каѳедральный говорилъ обдуманный спичъ. О. профессоръ университета, протоіерей Кудрявцевъ, сказалъ просто, что я оставлю по себѣ слѣдъ въ Одессѣ и доброе воспоминаніе; что «съ кѣмъ теперь ни заговоришь въ Одессѣ, отъ всякаго услышишь, что безъ преосвященнаго Никанора будетъ скучно. Да, скучно, потому что около васъ сосредоточивалась кипучая дѣятельность; что «всякое ваше дѣло и слово возбуждало около себя толки. Да, заключилъ ораторъ, скучно будетъ безъ васъ; заснимъ мы скоро опять, и бѣдныхъ некому будетъ насъ будить. Но надѣемся, что разстаемся съ вами не навсегда и даже не надолго». О. ключарь сказалъ еще проще, что я прожилъ въ Одессѣ недолго, но сдѣлалъ много и оставилъ по себѣ пріятное воспоминаніе. Епархіальный архитекторъ Аркадій Дмитріевичъ Тодоровъ, умный и благородный человѣкъ, сказалъ еще и еще проще: «жаль разставаться съ вами, потому что пріятно, ей Богу, имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ». А третьимъ немалымъ, даже великимъ утѣшеніемъ было то, что провожать меня на желѣзнодорожный вокзалъ явилось множество людей знакомыхъ и не совсѣмъ знакомыхъ, такъ что не только вся громадная вокзальная зала была полна народа, но и весь подъѣздъ былъ занятъ народомъ. Полиціймейстеръ Я. И. Бунинъ все твердилъ: «Смотрите, смотрите, видите, какъ васъ Одесса любитъ. Видите, сколько явилось народа». Ближайшія ко мнѣ лица провожали меня въ пути до станціи «Раздѣльной». Преосвященный епископъ Мемнонъ, Даніилъ Семеновичъ Захаревичъ, его дочь, благочестивая Александра Даниловна, Георгій Александровичъ Десли,

полиціймейстеръ, Аполлонъ Гавриловичъ Григорьевъ, блюститель нашего училища дѣвицъ (этотъ провожалъ до Кіева), секретарь Консисторіи Я. Д. Буханцевъ, смотритель-пѣвецъ Николай Яковлевичъ Лисицкій (этотъ со слезами на глазахъ просилъ освободить его отъ управленія хоромъ, а я упрашивалъ его остаться при этомъ дѣлѣ), свои старѣйшіе духовные: о. каѳедральный, о. ректоръ, о. ключарь, о. протоіерей Кедровъ. Спаси ихъ Христосъ! Жаль мнѣ было глядѣть на ихъ группу, какъ они стояли на дебаркадерѣ станціи Раздѣльной въ полночь, когда поѣздъ нашъ тихо двинулся впередъ. Скажу, что я оставлялъ Одессу не только не безъ грусти, но со слезами и молитвами: я молился, прощаясь съ каждымъ крестомъ исчезавшей изъ моихъ глазъ Одесской церкви. «Помоги, Боже, защити, Боже, спаси, Боже, сохрани, Боже, любезную Одессу на многіе и многіе вѣки, до вѣка». И тамъ въ Одессѣ я повторялъ и здѣсь приводилось повторять, что въ моемъ прощаньи были признаки, что я какъ будто не ворочусь въ Одессу. Вотъ какъ въ Уфѣ работалъ, работалъ, спѣшилъ дѣлать, додѣлать, и настлали паркетные полы, какъ разъ какъ въ Уфѣ; а ходить по нимъ не пришлось». Стоялъ Уфимскій, стоялъ Одесскій архіерейскій домъ десятки лѣтъ; никому на мысль не пришло устроить паркетные полы; я надумалъ и сдѣлалъ, а только походить по нимъ не пришлось ни въ Уфѣ, ни въ Одессѣ. Въ Одессѣ именно настлали уже послѣ Пасхи, когда я былъ въ отъѣздѣ по обозрѣнію епархіи. Походилъ по нимъ только въ эти дни разставанья съ Одессой; а въ Уфѣ и того не пришлось, сдѣланы всѣ распоряженія, и деньги собраны, а настилать стали, когда я уже отбылъ. Это совпаденіе Одессы съ Уфой какъ-то для меня, для моего собственнаго сердца, сказалось какъ дурной признакъ. Грустно мнѣ было разстаться со всѣми этими преукрашенными мною комнатами дома, съ видомъ на балконъ, на море, съ видомъ съ балкона въ крестовую церковь, съ транспарантными, мною только что устроенными, картинами Воскресенія, съ нашей превосходной парадной лѣстницей, съ нашей художественно-изящной церковью (крестовою). Увы! Транзитъ глоріа мунди. А пусть тамъ витаетъ тѣнь моя, положившая тамъ столько думъ, хлопотъ, вкуса и даже молитвъ въ этой прекрасной крестовой. Чрезъ эту крестовую я и вышелъ, оставляя Одесскій архіерейскій домъ. Дай, Боже, увидѣть. Дай, Боже, возвратиться. Обаче не моя воля, но Твоя да будетъ».

Кстати сказать, въ Одессѣ я осуществилъ свою давнюю мечту имѣть гробъ. Купилъ себѣ гробъ желѣзный, двойной, за 270 рублей. Купилъ скорѣе изъ видовъ экономическихъ, чѣмъ моральныхъ, боясь, какъ бы у меня, при извѣстной моей расточительности, не оказалось денежной скудости даже на гробъ и погребеніе. Отъ этого я ку-

пилъ гробъ, который и держалъ открыто, въ моленной, гдѣ и чай пилъ и кушалъ по буднямъ. Гробъ не смущалъ меня нимало. По ночамъ, гуляя взадъ и впередъ по комнатамъ, наискось отъ зимняго кабинета до лѣтняго, я часто присаживался на своемъ будущемъ другѣ, на гробѣ, съ которымъ придется вмѣстѣ жить и тлѣть въ нѣдрахъ земли. Въ тѣхъ же видахъ я приготовилъ и завѣщаніе, которое и оставилъ на сохраненіе въ несгараемомъ шкафѣ, въ кабинетѣ Одесскаго архіерейскаго дома. Въ той же мысли я и на прощальномъ обѣдѣ держалъ рѣчь о томъ, чтобы по смерти моей меня положили въ каѳедральномъ соборѣ, въ правомъ придѣлѣ, у праваго клироса. Сперва хотѣлъ было у лѣваго клироса, въ лѣвомъ придѣлѣ, но тамъ оказалось препятствіе: подвалъ подъ поломъ. А можно, по словамъ о. ключаря Селецкаго, положить въ томъ же придѣлѣ глубже, ближе къ задней стѣнѣ. «Вы только умрите, заключилъ ключарь, а ужъ мѣсто для погребенія найдемъ». Такъ этотъ гробъ я хотѣлъ взять въ Петербургъ, и даже говорилъ объ этомъ и дѣлалъ распоряженіе объ укупоркѣ гроба для дороги; но въ самый послѣдній день отъѣзда раздумалъ и объявилъ, что въ Петербургѣ увидятъ въ этомъ чудачество или интересничанье, желаніе возбудить о себѣ говоръ и станутъ потѣшаться объ этомъ, для меня же тутъ расчетъ только въ 300 рублей. На похороны я скопилъ и оставилъ въ казнохранилищѣ архіерейскаго дома 2000 руб., каковые велѣлъ и вписать въ приходорасходныя домовыя книги.

Аполлонъ Г. Григорьевъ былъ такъ добръ, что не только исхлопоталъ, но заставилъ меня, вопреки моимъ склонностямъ, принять особый министерскій, такъ сказать, вагонъ. (Онъ состоитъ какимъ-то военнымъ интендантомъ по юго-зап. жел. дорогамъ). Этотъ вагонъ долженъ былъ идти со мной чрезъ Кіевъ до Москвы. Пользуясь такимъ удобнымъ помѣщеніемъ, по разлукѣ съ провожавшими меня своими, я скоро заснулъ и проспалъ грозившую намъ роковую катастрофу. Заснулъ я за-полночь и при своемъ чуткомъ снѣ сообразилъ, что мы стоимъ какъ будто не у станціи, какъ будто гдѣ-то въ полѣ. Поутру выяснилось, что мы простояли больше двухъ часовъ и придемъ въ Кіевъ не въ полдень, какъ слѣдовало, а позже 2-хъ часовъ пополудни. Впослѣдствіи я прочиталъ въ газетахъ, что намъ грозила катастрофа отъ какой-то неисправности въ котлѣ, вообще въ паровозѣ. Къ счастію машинистъ во-время усмотрѣлъ и спасъ насъ, быть можетъ, отъ гибели. Эта незамѣченная нами опасность не имѣла на мое состояніе духа никакого вліянія. Напротивъ, когда мы проснулись и вглядѣлись въ окружающую мѣстность, то почувствовали, что какъ бы изъ пёкла попали въ рай Божій. Дѣйствительно, Одесса и Херсонская мѣстность—это пекло. Объѣхавъ въ эту весну уже значительную часть Херсонской губерніи,

мы видѣли своими очами, что туда, къ Днѣпру, уже все, всякая зелень выгорѣла отъ засухи. Видѣли, что рожь и пшеница, выросши на полъ-аршина, уже выколосились безъ зерна и поспѣли, такъ что и солома на кормъ скоту не будетъ годна. Видѣли, что яровые хлѣба или всходятъ жалко и тутъ же желтѣютъ, или даже совсѣмъ не всходятъ. Видѣли, что тощій скотъ бродитъ по черной безъ зелени степи и жуетъ черную землю. А здѣсь, въ Каменецъ-Подольской губерніи, увидѣли рай Божій. Утро прелестнѣйшее. Цѣлыя полосы, цѣлыя станціи, покрытыя густымъ чернолѣсьемъ. На листьяхъ, на травѣ обильная роса или остатки дождя. Въ углубленіяхъ, около замѣтной дороги, цѣлыя озёра воды. Зеленые, покрытые цвѣтами, луга. По лугамъ тучный скотъ болѣе отдыхаетъ, чѣмъ жуетъ. По лѣсамъ перекликаются соловьи и прочія пѣвчія пташки. Однимъ словомъ, отрадное впечатлѣніе, которое напомнило мнѣ отраднѣйшія впечатлѣнія дѣтства, какія получалъ я въ лѣсистыхъ приднѣпровскихъ странахъ моей родины, въ Могилевской губерніи, о какихъ въ опаленныхъ солнцемъ степяхъ Новороссійскаго края можно совсѣмъ забыть.

Когда прибыли мы въ Кіевъ, то поражены были обиліемъ и роскошнымъ богатствомъ зелени. Никогда Кіевъ не казался мнѣ такъ красивъ, какъ показался въ этотъ разъ. Тысячи прекрасныхъ зданій потонули въ зеленой чащѣ тополей, которые красовались обильнѣйшей листвой. Никогда нигдѣ не видалъ я такихъ высокихъ, стройныхъ, тучныхъ тополей, какъ теперь въ Кіевѣ. Проѣхавъ теперь отъ Одессы до Петербурга, я сдѣлалъ такое наблюденіе, что самая роскошная растительность группируется къ Кіеву. Тощаетъ зелень больше и больше къ нашей Одессѣ. Къ Петербургу зелень густая, но въ родахъ растительности есть своя постепенность. Отъ границы Каменецъ-Подольской губерніи до сѣверной границы Курской идетъ чернолѣсье. Къ Сѣверу Курской губерніи тополи исчезаютъ и замѣняются преобладаніемъ ясеней. Появляется береза. Въ Орловской губерніи начинаетъ показываться и хвойная растительность. Около Серпуховскаго женскаго монастыря. (бывшаго царства игуменіи Митрофаніи) стоитъ густѣйшая роща сосенъ. Не помню, видѣли ли мы ель до Москвы. За Москвой до Петербурга преобладаютъ береза, сосна и ель. Обиліе цвѣтовъ видѣли около Кіева до края Курской губерніи, а все не такое, какое видалъ я собственными очами въ Уфимской губерніи. Уфимская красота несравнима ни съ чѣмъ. Но самая скудная, некрасивая природа, это въ степяхъ Донскихъ и нашихъ Новороссійскихъ. Берега Днѣстра красивы и у насъ, но берега Днѣпра уже оголены. Что же касается степей между Днѣстромъ и Днѣпромъ, то онѣ наводятъ уныніе. Даже сѣверная Петербургская природа для моихъ очей, для моего чувства далеко привлекательнѣе.

Въ Кіевѣ насъ встрѣтили благосклонно и радушно; радушнѣе, чѣмъ я ожидалъ. На станціи встрѣтилъ духовникъ ея высочества, великой княгини Александры Петровны, мой совоспитанникъ по Петербургской Д. Семинаріи, протоіерей Василій Іоанновичъ Лебедевъ, съ маленькимъ Ильюшей, воспитанникомъ великой княгини. У подъѣзда стояла четверка съ собственной каретой его высокопреосвященства, митрополита. Отецъ-намѣстникъ Ювеналій впослѣдствіи объяснилъ: «съ великою любовью встрѣтилъ васъ; велѣлъ послать собственную карету, собственныхъ лошадей; распорядился было, чтобы въ Лаврѣ встрѣтили васъ колокольнымъ звономъ, да вы опоздали; а далѣе былъ уже неизвѣстенъ часъ вашего прибытія». По пути отъ желѣзнодорожной станціи я заѣзжалъ въ новостроющійся Владимирскій соборъ. Лѣса внутри сняты, за престоломъ, въ алтарѣ пишется какая-то картина. Но вообще соборъ внутри заставленъ колоннами, хорами, сжатъ и не представляетъ простора и величія. Совсѣмъ не то, что̀ храмъ Спасителя въ Москвѣ. То краше. Въ Кіево-Печерской лаврѣ помѣщеніе мнѣ назначено было въ кельяхъ отца-намѣстника, внизу. Пріодѣвшись, я сейчасъ отправился къ владыкѣ-митрополиту. Нашелъ старца въ залѣ, на балконѣ. Первый взглядъ на старца далъ впечатлѣніе дряхлости. Ослабѣлъ старецъ даже сравнительно съ 1884 годомъ, со времени Кіевскаго собора. Лицо стало блѣдно-пепельнаго колорита, станъ согнулся, голова повисла. Старецъ встрѣтилъ съ любовію и умиленіемъ. Видъ его и выраженіе лица тронули меня. «Ну-ну, здравствуйте!» Но послѣ старецъ разговорился, пріободрился, повеселѣлъ и сталъ похожъ на стараго Платона. «Пожалуйте, пожалуйте до хлѣба-соли. Пора». Было около трехъ часовъ. Свои кельи владыка-митрополитъ перестроилъ. Зала, гостиная остались тѣже, но внутреннѣйшіе аппартаменты приняли другой видъ. Устроена довольно обширная, благообразная столовая. Тутъ и былъ накрытъ столъ на три куверта. Третьимъ былъ о. намѣстникъ Ювеналій, который имѣлъ теперь значеніе и врача. Владыка митрополитъ былъ боленъ, простудился на пути изъ Новочеркасска. Съ первыхъ словъ занялись разъясненіемъ вопроса, сколько прожить мнѣ въ Кіевѣ. «Одни сутки». — «Кто живетъ въ Кіевѣ одни сутки? Нѣтъ! Завтра вотъ поѣдемъ къ ея высочеству на обѣдъ, послѣ завтра съѣздимъ на экзаменъ въ Академію, да кстати же тамъ и пообѣдаемъ. Въ Воскресенье вы у насъ отслужите. А то одни сутки» и т. д. Я ждалъ возможности вставить свое слово и, улучивъ минуту, говорю: «Ваше высокопреосвященство, я радъ исполнить вашу волю. Я исполню все, что̀ вамъ будетъ угодно; но позвольте мнѣ сказать свое слово, да и то не свое, а чужое. Мнѣ выражено желаніе изъ Петербурга, чтобы я туда поспѣлъ именно къ третьему». — «Да вы и

поспѣете», и начинаетъ дѣлать выкладки по пальцамъ. Я слушаю, вникаю и даюсь диву, такъ какъ по выкладкамъ старца, нѣсколько разъ повтореннымъ, все же выходило, что я въ Москвѣ съ Курскаго вокзала долженъ переѣхать прямо на Петербургскій, не останавливаясь въ Москвѣ. По обычаю старецъ и повторяется, а выходитъ тоже самое, что на Москву полагается одинъ часъ, но никакъ не одинъ день. Наконецъ, опять улучивъ минуту, я вставляю свое слово: «А владыка митрополитъ Московскій?»—«Да, Московскій». И опять старецъ начинаетъ свою выкладку. «Вотъ вы уѣдете отъ насъ 31 вечеромъ; 1 и 2-е будете въ пути къ Москвѣ; въ Москвѣ вы будете 2-го въ полдень. Тамъ отъ Москвы до Петербурга поѣздовъ ходитъ много; вы сядете на любой и 3-го какъ разъ будете въ Петербургѣ». — «А владыка митрополитъ Московскій?» осмѣливаюсь повторить я, «вѣдь прямое начальство. Вѣдь узнаетъ же онъ, что я проѣзжалъ чрезъ Москву. Да и его преподобію Сергію Радонежскому я разсчитываю представиться и поклониться лично. Хоть я ему лично кланялся въ жизни не разъ, а все же, думается, нелишне поклониться и помолиться и теперь». Стали на томъ, что завтра снѣмы обѣдъ у ея высочества, завтра же и отслужимъ на пещерахъ, 29-го посѣтимъ Академію; а тамъ и увидимъ, что̀ дальше. Разговоръ перемѣнился. Къ здоровью возвращались нѣсколько разъ. Старецъ, дѣйствительно, не только былъ старъ, но на этотъ разъ и боленъ. Разсказано не разъ, что «вотъ, я простудился, ѣдучи изъ Новочеркасска. Просыпаюсь вотъ поутру и смотрю, что это я такъ иззябъ. Осмотрѣлся. И что же? Я спалъ при открытомъ окнѣ. Кто его открылъ, не знаю. А окно надуло мнѣ въ ногу. Нога и до сихъ поръ у меня болитъ въ колѣнѣ; да и горло захватило. У меня совсѣмъ голосу не было. Это вотъ я со вчерашняго дня говорю, а то я шепталъ. Вотъ онъ (намѣстникъ) и лѣчитъ меня. А что̀, г. врачъ, этого мнѣ можно? Выпить маленько винца?»—«Можно, ради гостя, только немножко».—«Ну, а балычка кусочекъ-другой съѣсть?»—«Можно и балычка, только немножко». И все въ этомъ родѣ, по части здоровья. Старецъ, впрочемъ, кушалъ обычно, выпивалъ и винца, только немного. Выпили и Шампанскаго, при чемъ я отъ всего сердца пожелалъ старцу долгоденствія и благоденствія, здравія и спасенія. «Вы тамъ будете, конечно, представляться Ихъ Величествамъ. Конечно съ благословенія оберъ-прокурора». Себя самого онъ разумѣлъ. Въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ въ Кіевъ, онъ испросилъ себѣ прощальную аудіенцію Ихъ Величествъ чрезъ какую-то высокую даму. Ему назначенъ былъ день и часъ представленія отъ двора, помимо оберъ-прокурора. Обстоятельно и намѣренно онъ распространялся о мотивахъ и обстоятельствахъ своей послѣдней поѣздки на Донъ, для

встрѣчи Ихъ Величествъ. «Тамъ, у васъ конечно, гадаютъ: Платонъ-де любитъ разъѣзжать. А между тѣмъ по этой части Платонъ ученъ болѣе всякаго другаго. Представьте: за мою поѣздку въ Крымъ на освященіе церкви у меня спрашивали объясненія. Кто же спрашивалъ? Да своя же братія. Такъ гдѣ же мнѣ самому пробраться было на Донъ для встрѣчи? Получено письмо отъ его высокопревосходительства Константина Петровича: «желательно-де, чтобъ вы съѣздили на Донъ и совершили тамъ предлежащую требу». Радъ всегда служить Ихъ Величествамъ, за счастье счелъ бы представиться на мѣстѣ, гдѣ я встрѣчалъ ихъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Да и чтобъ-де я самъ написалъ объ этомъ преосвященному Донскому Митрофану. Но (объясняю я) въ виду того тяжкаго впечатлѣнія, какое должно произвесть мое предложеніе на Донского старца, я никакъ не дерзну сдѣлать ему таковое; ибо я ставлю себя на его мѣсто, какое впечатлѣніе подобное предложеніе должно бы произвести на меня. Нѣтъ, никакъ не могу, и безъ приглашенія со стороны преосв. Митрофана ни за что не поѣду. Таковое и послѣдовало.—Предложеніе или приглашеніе?—Да, приглашеніе со стороны преосв. Митрофана.—Какъ же это такъ вышло?...—Оберъ-прокуроръ написалъ ему, а онъ мнѣ.—Чѣмъ же это мотивировано? — Робокъ, не смѣлъ. Вотъ пріѣзжаю я въ Новочеркасскъ. Говорю: давайте условимся. Скажите вы одно привѣтствіе, я скажу другое. Нѣтъ (говоритъ) вы говорите, что̀ хотите. Да вы же мѣстный (говорю ему) нехорошо: осудятъ васъ, и меня. — Нѣтъ, не могу. Скажите первое привѣтствіе, маленькое, короткое; къ вамъ же Ихъ Величества ѣдутъ, а не ко мнѣ; а я скажу вторую рѣчь въ казацкомъ кругу.—Нѣтъ, никакъ не могу; робость одолѣваетъ». Такъ и не спѣлись. И я самъ говорилъ двѣ рѣчи. И вы видите, что первая очень проста. А вторую въ печати переврали. А все-таки Донской получаетъ Александра».—«Получаетъ?»—«Да, по моему представленію. Не дать ему и теперь ничего было бы неблаговидно. Ихъ Величества къ нашей старости были рады. Вы насъ, говорятъ, и тогда встрѣчали»... Дѣлалъ старецъ отзывы и о послѣднемъ составѣ Св. Синода: «Исидоръ, да... здравомысленъ, толкъ ясный... Московскій, тотъ упрямъ; много говоритъ, любитъ поставить на своемъ. Иркутскій Веніаминъ — тоже упрямъ и много говоритъ. Павелъ упрямъ же. Германъ много говоритъ, много споритъ». О Казанскомъ отзыва не помню. Немало разсказывалъ старецъ о скверномъ духѣ, заводящемся въ духовенствѣ, особенно же молодомъ. Разсказывалъ одинъ истинно-поразительный фактъ. Къ сожалѣнію, подробности этого обстоятельства я точно не повторю. Кончившій курсъ Кіевской или Волынской семинаріи проситъ мѣста. Проситъ еще митрополита Филоѳея. Вышло, не помню, какое-то

затрудненіе. Въ письмѣ сей пишетъ: «Какой-либо митрополитишко»... Это о Филоѳеѣ. И письмо попадаетъ въ мои руки. Повидимому, послѣдовало какое-то наказаніе, чуть ли не лишеніе мѣста. Жена его кинулась жаловаться въ Петербургъ. А въ эту пору и я тамъ былъ... Разносится молва, что мужъ померъ. Жена прибѣгаетъ ко мнѣ узнать. Говорю, что и я слышалъ, но навѣрное не знаю; не получалъ донесенія. Она кинулась на родину. Оказалось вѣрно. Тогда что̀ вы бы думали, что̀ она сдѣлала? Привела троихъ своихъ дѣтокъ въ присутствіе Консисторіи и тутъ ихъ бросила. А протоіерею Л—ву послала письмо. «Извергъ, злодѣй, убійца моего мужа. Я привела и кинула тебѣ моихъ дѣтей, потому что кормить ихъ мнѣ нечѣмъ. Если же и ты ихъ не пристроишь, то клянусь тебѣ Богомъ живымъ, я убью тебя, какъ собаку, днемъ, среди улицы»... «Каковъ душокъ?»... — Что же сдѣлали съ дѣтьми?—«Разсовали кое-какъ». А съ нею? Она плюнула въ лицо; наши утерлись. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но каковъ душокъ?!.. «Скверный духъ», заключилъ старецъ-митрополитъ.

(1887 г. Августа 11. С.-Петрб.). Все это время былъ задавленъ работою, такъ что даже возобновилась, хотя только пока и отчасти, пытка безсонницею. Между прочимъ поручена была спѣшная и тяжелая работа разсмотрѣнія отпечатанной, но пока задержанной въ типографіи, книги: «Де-Роберти: Прошедшее философіи». Надъ ней-то я и работалъ, натягивая мозги и слѣпя свои глаза около мѣсяца времени. Изъ Одессы прислали также массу бумагъ, съ которою справился только сегодня, пока очистилъ свой столъ; но сегодня же вечеромъ опять изъ Одессы прибыла пачка бумагъ, журналовъ и протоколовъ.

Послѣ обѣда у владыки-митрополита Кіевскаго, того же 27 Мая (въ Среду на Троицкой недѣлѣ) я слушалъ вечерню въ великой лаврской церкви. Чернаго народа богомольцевъ, по обычаю, было много. Въ толпѣ усмотрѣна та особенность, что нищихъ число замѣтно уменьшилось; а въ отправленіи богослуженія та особенность, что вмѣсто канонарховъ-мальчиковъ дѣйствовали канонархи возрастные. Этотъ простой вопросъ о канонархахъ возбудилъ было въ лаврѣ бурю и протестъ со̀ стороны лаврской старожитной братіи къ митрополиту, священно-архимандриту. По нѣкоторымъ тонкимъ и мудрымъ соображеніямъ старецъ-владыка рѣшилъ изгнать изъ лавры мальчишекъ. Между тѣмъ братія, во главѣ ея екклесіархъ-архимандритъ Валентинъ, возражали, что съ самаго основанія лавры канонаршили въ ней отроки, отчего имѣются и св. мощи канонарховъ-отроковъ. Защищеніе святой старины дало братіи такую смѣлость, что она въ совѣтѣ отважилась на протестъ. Но протестъ остался протестомъ, а дѣло стало дѣломъ: отроки изгнаны, а канонаршутъ послушники-юноши, чему я сочувствую, на-

ходя эту мѣру сколько разумною, столько же и согласною съ старыми обычаями; такъ какъ въ Александроневской и Сергіевой лаврахъ издавна канонаршутъ послушники-юноши, а не мальчики. Въ общемъ строѣ лаврскаго богослуженія кинулось мнѣ въ глаза, по сравненію впечатлѣній настоящихъ съ впечатлѣніями прежнихъ годовъ, что пѣніе лаврское стало какъ-то тусклѣе, небрежнѣе и малоголоснѣе. По крайней мѣрѣ теперь это пѣніе не произвело на меня такого поражающаго впечатлѣнія, какое вынесъ я въ 1870 году, когда услышалъ его въ первый разъ; да и голоса стали слабѣе. Въ 1870 году былъ еще живъ старый старецъ Моисей, управлявшій лаврскимъ клиросомъ болѣе 50 лѣтъ. Тогда пѣлъ какой-то пожилой, но сильный голосъ, покрывавшій весь хоръ, голосъ разбитый, дребезжащій, но внушительный, трагическій, въ которомъ слышались слезы... Назавтра я служилъ литургію и молебствіе всѣмъ святымъ Печерскимъ, въ церкви преподобнаго Ѳеодосія. Молился усердно. Но пѣніе также содѣйствовало этому мало. Пѣлъ на правомъ клиросѣ какой-то хорикъ, подъ управленіемъ какого-то монашка-горбуна (оказалось, лучшій, да и единственный пѣвческій лаврскій хоръ), а на лѣвомъ пѣли кое-кто изъ братіи; оба лика вкупѣ пѣли довольно убого. Тѣмъ не менѣе по мѣсту и мотиву службы я вынесъ умилительное настроеніе. Просилъ Бога и святыхъ угодниковъ Его Печерскихъ спасти меня отъ всякаго злоключенія на предстоящемъ новомъ, высокомъ, но и скользкомъ поприщѣ.

Въ этотъ же день владыка-митрополитъ представлялъ меня великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, у которой и обѣдали. Великая княгиня приняла насъ необычайно ласково, необычайно только для меня, сама же въ себѣ она ко всѣмъ необычайно ласкова и добродушна. Лицо ея дышитъ и здоровьемъ, и благодушіемъ. На обѣдѣ, кромѣ насъ, еще присутствовали преосвященный епископъ Сильвестръ, ректоръ Академіи, да каѳедральный протоіерей Лебединцевъ и нѣсколько свѣтскихъ. Выяснилось, что великая княгиня желаетъ вести своего крестника Ильюшу по духовной части, т. е. отдать въ духовную школу и затѣмъ въ духовное званіе, на что, какъ я слышалъ уже въ Петербургѣ изъ хорошаго источника, Ильюша якобы совсѣмъ не согласенъ (выражаясь, что «я принцъ крови»). Мнѣ показалось, что о. протоіерея Лебединцева (дѣйствительно, въ Кіевѣ теперь силу) ласкаютъ. Во время обѣда владыка-митрополитъ говорилъ почти исключительно со мною, тоже какъ съ силою въ данную минуту (вообще оказываетъ мнѣ явную благосклонность; говорилъ, что хочетъ говорить со мною о нѣкоторомъ предметѣ особенно, при удобной обстановкѣ. Послѣ обѣда, по обычаю, зашли къ ея высочеству. Она настойчиво просила выслать ей мою карточку и въ замѣнъ дала свою. На дѣлѣ она лучше, моложавѣе, граціознѣе,

чѣмъ на карточкѣ. Она еще не потеряла тѣней молодости на лицѣ. Лицо такое свѣжее, цвѣтущее, ласковое. Когда настала минута прощанья, великая княгиня говоритъ: «прошу васъ передать ихъ величествамъ, Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, что я повергаю себя къ ихъ стопамъ», и кланяется на постели, пригибая голову къ самымъ колѣнамъ, повторяя: «повергаю себя къ ихъ стопамъ», и слезы навернулись на ея глазахъ.

Въ тотъ же день къ вечеру и вечеромъ я посѣтилъ Исидоровскую женскую общину, преосвященнаго (не засталъ дома). Іеронимъ, впослѣдствіи архіепископъ Воронежскій изъ протоіереевъ, такой бойкій и живой; преосвященнаго Сильвестра, ректора Академіи, архимандрита Иринея, ректора Семинаріи и начальницу Института Лидію Карловну Ернстъ, умнѣйшую изъ женщинъ, какихъ я зналъ на свѣтѣ. Въ общинѣ, основанной митрополитомъ Исидоромъ, кинулось въ глаза, что это совсѣмъ новое учрежденіе, обстроенное прекрасными каменными зданіями, имѣетъ отличную изящную церковь и обзавелось красавицами-послушницами. Игуменья такая толковая и бывалая. Я говорю: «откуда это вы понабрали такихъ представительныхъ послушницъ? Подумаешь, настоящія «чистокровныя», съ бѣлыми малыми руками, длинными пальчиками. Это выраженіе: «чистокровныя» вызвало улыбки, если не смѣхъ. «Настоящія чистокровныя, чистокровныя», повторяла игуменья.—«Отчего это вы оградили клиросъ иконами?»—«Да вотъ видите, приходятъ богомольцы и преклоняютъ свои головы къ клиросамъ, а тутъ-то и стоятъ «чистокровныя». Такъ, оно, знаете и нелишнее поставить святую преграду изъ святыхъ иконъ, пусть Богу молятся на святыя иконы, а не на... «чистокровныхъ». Показалось мнѣ, что игуменья вообще умница: знаетъ чѣмъ и привлечь, какъ и оградить святую свою обитель и преградить не святыя поползновенія. Умница, бывалая. Ректоръ Семинаріи, архимандритъ Ириней (Орда) умный же человѣкъ. У него толковали о проповѣдничествѣ, въ частности объ особенностяхъ моихъ проповѣдей, объ ихъ критикѣ Пѣвницкимъ, о предполагавшемся тогда съѣздѣ народныхъ учителей въ Кіевѣ для совмѣстнаго обученія ихъ въ церковномъ пѣніи и уставѣ.

Назавтра, 29 Мая, въ Пятницу на Троицкой недѣлѣ, ѣздили со владыкой-митрополитомъ въ Академію, на экзаменъ. Посидѣли часа два, не болѣе; не помню на какихъ предметахъ. Студенты отвѣчали многословно. Ни одинъ отвѣтъ не кинулся мнѣ въ глаза особой дѣльностью. Но владыка-старецъ хвалилъ все безпредѣльно, тогда какъ отвѣчающіе студенты держали себя съ рѣзкою вольностью, не зная, какъ поставить ноги, куда дѣвать руки; напр., складывали руки на животѣ, то за спиной, то за бортомъ сюртука, то въ заднемъ карманѣ и т. д. И это все

безъ исключенія отвѣчавшіе студенты. И никому до этого не было ни малѣйшаго дѣла. Владыка же нѣсколько разъ начиналъ держать къ студентамъ рѣчь, все приглашая ихъ «вести себя, какъ можно лучше», что, молъ, кто «ведетъ себя хорошо, тому и въ жизни бываетъ хорошо; а кто дурно, тому всегда будетъ дурно». И это рекомендовалось, какъ выводъ долгаго старческаго опыта. Мнѣ какъ-то чудилось, что къ этимъ юнымъ заносчивымъ, своевольнымъ, отрицающимъ житейское приличіе и почтительность къ такому достоинству, какова сановитость благостнѣйшаго старца-митрополита, конечно было бы подержать рѣчь въ иныхъ выраженіяхъ и въ иномъ тонѣ, чтобы рѣчь сильна была повліять хоть сколько либо на ихъ умъ и обращеніе. А то: «совѣтую вамъ вести себя какъ можно лучше». Юноши, чего добраго станутъ потѣшаться. «Совѣтую, молъ, тебѣ, скажетъ одинъ пьяный студентъ другому такому же, вести себя какъ можно лучше», «развѣ ты не слышишь?»... Тутъ же въ Академіи мы и пообѣдали среди всей корпораціи академическихъ профессоровъ, между которыми имѣется три звѣздоносца. На пути изъ Академіи въ Лавру владыка-митрополитъ говоритъ мнѣ: «Вотъ я спрашивалъ преосвященнаго ректора Академіи Сильвестра, не желаетъ ли онъ получить самостоятельную каѳедру. Онъ отвѣчалъ, что пока я здѣсь, онъ не желаетъ оставлять каѳедру. У меня и ректоръ Семинаріи, Ириней дѣльный. Надо было бы его въ викаріи, но замѣнить въ Семинаріи некѣмъ. Да хотѣлось и того (забылъ имя) изъ протоіереевъ не потерять. Ириней еще возьметъ свое».

Около вечерень 29 Мая я пошелъ откланяться ко владыкѣ-митрополиту и услышалъ, о чемъ такомъ онъ намѣренъ поговорить со мною конфиденціально. Оказалось, что новаго отъ него ничего я не услышалъ. Услышалъ старое, что̀ нѣсколько разъ отъ него слышалъ и въ 1884 г. на Кіевскомъ соборѣ, да и прежде въ Новочеркасскѣ, да и прежде въ С.-Петербургѣ, въ 1864—1865 годахъ, да и прежде въ Ригѣ. «Вотъ, говоритъ, я все думаю, что̀ такое бы нужно было для нашей церкви, какія преобразованія. Кое-что надумалъ. Да подумайте и вы и сообщите мнѣ; а я могу провести выше и прямымъ путемъ черезъ Синодъ и оберъ-прокура, а не то, такъ и болѣе прямымъ путемъ, чрезъ высшую инстанцію. Вотъ, напр., образованіе митрополичьихъ округовъ полезно было бы; а то мы теперь бредемъ всѣ врозсыпь. Такъ подумайте и сообщите мнѣ. Я отвѣтилъ неопредѣленно, что «вотъ дастъ Богъ, скоро увидимся. Можно будетъ потолковать обстоятельнѣе. Вотъ изволите пожаловать въ Петербургъ. Выѣдемъ встрѣчать васъ». Отпустилъ насъ любезно.

На станцію жел. дороги въ Кіевѣ провожали насъ о. Ювеналій, намѣстникъ лаврскій, очень почтенный человѣкъ. При выѣздѣ изъ Кіева

я только и дѣлалъ, что всматривался въ роскошную листву окрестныхъ садовъ, величественные размахи Днѣпра около моста, въ рѣдкое по грандіозности зрѣлище этого безконечнаго моста. Подобнымъ же дѣломъ занимались мы до самой Москвы, т.-е. вглядываясь въ окрестности, въ характеръ мѣстности, въ разность флоры, измѣняющейся отъ Юга на Сѣверъ. Нашли, что Херсонская губернія представляетъ опаленную солнцемъ пустыню; самая роскошная черноземная полоса, самая роскошная растительность, съ преобладаніемъ тополей, идутъ чрезъ Подольскую, чрезъ Кіевскую и до Сѣвера Курской губерніи; тутъ на Сѣверѣ появляются язени; въ Орловской губерніи появляются суглинокъ, супесокъ и березы; все скуднѣетъ до Серпухова, до Москвы появляются сосновыя рощи. Ели же начинаютъ преобладать за Москвою до Петербурга. Роскошною на взглядъ начинаетъ становиться природа отъ Москвы до Петербурга, бросаясь въ глаза богатствомъ и разнообразіемъ воды, живописностью пейзажей, роскошью зелени. Для меня, для моихъ ума и сердца Сѣверная природа, даже Петербургская, милѣе, чѣмъ обнаженная, сожженная печальная Херсонская. Курскъ, Орелъ, Тулу видѣли только изъ оконъ вагона. Въ Москву прибыли около 31 Мая, въ Воскресенье. На вокзалѣ встрѣтилъ насъ прелюбезный о. архимандритъ Аѳанасій Плавскій, у котораго мы и остановились въ Златоустовскомъ монастырѣ.

Лилъ дождь, когда мы въѣзжали въ Москву, да и все время нашего пребыванія въ Москвѣ было дождливое и холодное. Недолго размышляя что дѣлать, я сейчасъ отправился въ Кремль, въ Успенскій соборъ и въ Чудовъ монастырь кланяться святымъ святителямъ Петру, Алексію, Іонѣ и Филиппу. Успенскій соборъ показался мнѣ блестящимъ: не успѣлъ еще потускнѣть послѣ священнодѣйствія коронаціи. Отсюда поѣхали въ соборъ Спасителя. Лилъ дождь, когда мы въ него входили. Пришли какъ разъ къ вечернѣ. При взглядѣ на внутренность храма подумалось, что хорошо молиться и священнодѣйствовать въ такомъ храмѣ. Такъ онъ, повидимому, простъ въ своемъ цѣломъ и такъ прелестенъ въ каждой подробности. Все блеститъ съ купола до помоста. А тутъ кстати выглянуло и солнце и кинуло прещедро цѣлыя массы свѣта. Было Воскресенье. Вечернѣ слѣдовало бы, по утвержденному постановленію Казанскаго собора, быть торжественною, но этой торжественности мы не замѣтили. Стеченія народа ни малѣйшаго. Во всемъ соборѣ можно было насчитать человѣкъ 20. На клиросахъ сего огромнаго храма стояло человѣкъ по пяти. Священнодѣйствовали одинъ священникъ и одинъ діаконъ. На клиросѣ дьячокъ читалъ девятый часъ басомъ-буффо, впрочемъ отчетливо. Діаконъ служилъ чуть не октавою, въ ля; рукй съ ораремъ не поднималъ, крестился небрежно, но голосъ

солидный. Пѣвчіе на клиросахъ пѣли прекрасными голосами, но въ самомъ непраздничномъ настроеніи, спѣшно и спустя рукава. Священникъ служилъ какой-то совсѣмъ юный, и такъ негласно, что неслышно было ни одного слова изъ его служенія. Послѣ вечерни пошли мы осматривать соборъ. Алтарь прекрасный, запрестольный образъ Тайныя Вечери поразителенъ; но портитъ впечатлѣніе Мономахова шапка надъ престоломъ, портитъ однакоже тѣмъ, что покрываетъ престолъ мракомъ и сильно стѣсняетъ пространство около самаго престола. Осматривали мы соборъ однакоже недолго. Я говорилъ, что въ немъ надобно провести цѣлые часы въ обзорѣ всякой самомалѣйшей подробности. Общее прекрасное впечатлѣніе получено, а намъ надо было спѣшить.

Мы знали, что митрополита въ Москвѣ не было (отбылъ въ Ростовъ на богомолье), и потому мы поѣхали съ визитами къ викаріямъ. Пріѣзжаемъ къ преосвященному епископу Александру, говорятъ: «Спитъ; коли хотите, разбудимъ». Я говорю: «неприлично». Поѣхали къ протоіерею Петру Алексѣевичу Преображенскому, редактору «Православнаго Обозрѣнія». Живетъ на дачѣ, а въ городскомъ его помѣщеніи ни души; некому, оказалось, карточку отдать. Поѣхали къ преосвящ. епископу Мисаилу; говорятъ: отбылъ въ Ростовъ съ владыкой-митрополитомъ, а когда воротится, неизвѣстно. Воротившись въ Златоустовъ монастырь, мы рѣшили въ тотъ же день, въ Воскресенье вечеромъ, отбыть въ Сергіеву лавру. Поѣхали съ тѣмъ поѣздомъ, который имѣетъ придти въ Сергіевъ посадъ около 11 часовъ. Рѣшено было переночевать въ лаврской гостиницѣ. Прибыли. Льетъ дождь. Сѣли въ коляску. Подъѣзжаемъ къ гостиницѣ. А замѣтить нужно, что мы телеграфировали изъ Москвы іеромонаху, завѣдующему лаврской гостиницей, что прибудемъ (Божіею милостію мы, смиренный архіепископъ Херсонскій и Одесскій) около 11 часовъ и просимъ приготовить намъ приличное помѣщеніе. Умыселъ другой тутъ былъ: думалось, что о. гостиникъ починнится насъ принять въ гостиницѣ и доложитъ о. намѣстнику, а тотъ пригласитъ насъ въ лавру, несмотря на позднее, ночное время. Подъѣзжаемъ къ гостиницѣ. Увы! Встрѣчать насъ никто и не думалъ. Поднимаемся по грязноватой лѣстницѣ во второй этажъ. Стоятъ какіе-то людишки, не то кельнеры, не то постояльцы. «Мы просили приготовить намъ номеръ».—«А, пожалуйте», отвѣчаетъ кто-то, въ родѣ послушника и, вынимая ключъ изъ кармана, отпираетъ первый ближайшій номеръ, конечно, не освѣщенный. Хлопоты, чтобы зажечь что-то въ родѣ лампы. Номеръ въ одну комнату. Раздѣваемся. Должно быть, проводникъ замѣтилъ звѣзды. «Ахъ, позвольте, вамъ нуженъ номеръ получше», и исчезъ. Мы раздѣлись и располагаемся на ночлегъ, мы, т. е. я и мой спутникъ, секретарь Н. С. Степановичъ - Лобачевскій.

Вбѣгаетъ гостинникъ опять. «Пожалуйте, вотъ номеръ получше».— «Убирайтесь вы пожалуйста», прицикнулъ я. Видитъ, что гость упрямый и побѣжалъ за постельнымъ бѣльемъ. Бѣлье, принесенное якобы получше и почище, оказалось сильно мятымъ. Но разбирать не приходилось: съ волками жить, по волчьи выть. Я прилегъ на диванѣ, попросивъ только гостинника, чтобы онъ разбудилъ завтра въ два съ половиной часа утра, къ звону на утреню. Правду сказать, что, не смотря на новость и неловкость положенія, я все-таки заснулъ. Въ два съ половиной часа кто-то толкнулъ въ дверь, и мы стали собираться къ утрени. Это насталъ Понедѣльникъ, 2-ое Іюня. Въ лавру пошли мы пѣшкомъ, несмотря, что всю ночь лилъ дождь и вездѣ была грязь. Кое-какъ по камушкамъ добрались до лавры, подъ звуки лаврскаго утренняго колокола. Входимъ въ Троице-Сергіевъ соборъ. Сія великая по имени, воспоминаніямъ и значенію, но малая по вмѣстимости церковь пока еще пуста. Я становлюсь у задней стѣны за колоннами, на возвышеніи, въ простѣнныхъ стойкахъ, а палку свою ставлю за спиной, за стойку. Проходитъ монашекъ и проситъ пожаловать въ алтарь: «Здѣсь-де будетъ утѣсненіе отъ народа». Я не послушался, желая поглядѣть на весь строй лаврскаго богослуженія. Смотрю, сталъ набѣгать народъ; началась Божія служба, по обычаю, полунощницею. Началось и пѣніе. Слушаю. На правомъ клиросѣ поютъ ровно два голоса, оба басы; на лѣвомъ два же, пока къ нимъ не присталъ чтецъ. И такъ продолжалось чтеніе до «Богъ - Господь». Къ этому времени клиросы наполнились, однакоже настолько, что на правомъ клиросѣ всю утреню пѣли человѣкъ десять, и на лѣвомъ столько же, кажется, не больше. Пѣли безъ всякаго напряженія, безъ всякой собственно-лаврской выправки, такъ себѣ, совершенно попросту и даже небрежно. Что̀ это, думаю, червякъ ихъ всѣхъ какой-то укусилъ, и здѣсь, и въ Кіевѣ. Куда дѣвалась эта старая лаврская внушительность, которая поразила меня въ Троице-Сергіевой лаврѣ въ 1864 году, а въ Кіевѣ въ 1870 году? Какъ много значитъ время. Какъ много значитъ одинъ человѣкъ. Какъ много значило въ Кіевѣ время Филарета Кіевскаго и намѣстника Антонія. Сошли со свѣтильниковъ Филаретъ Кіевскій и Филаретъ Московскій, эти свѣтила земли Россійской, и распространяются мракъ и холодъ тамъ, гдѣ они свѣтили и грѣли; пока не вымеръ ихъ духъ, которымъ они живали, до тѣхъ поръ и по смерти ихъ лавры ихъ дышали какою-то ощутительною святынею. А прошли десятки лѣтъ, и старой святыни даже послѣднія тѣни улетѣли за ними въ предѣлы вѣчности. Грустно стало. Особенно въ Сергіевой лаврѣ, въ пѣніи, въ чтеніи, въ служеніи водворяется какая-то заурядная казенная простота. Читаютъ-бубнятъ спѣшно; поютъ незатѣйливо, по казенному, придворному

напѣву. Ни на одномъ напѣвѣ не остановилось ухо, ни одинъ не настроилъ сердце на умилительный ладъ. Послѣ утрени, я здѣсь же, у раки преподобнаго Сергія, служилъ молебствіе, прося у преподобнаго благословенія и святыхъ его молитвъ на предстоящій мнѣ путь. Затѣмъ поклонялся гробамъ всѣхъ святыхъ, преподобнаго Максима-Грека, святителей митрополитовъ Филарета и Иннокентія, намѣстника архимандрита Антонія, а надъ гробомъ нашего воспитателя митрополита Макарія слушалъ панихиду. Послѣ сего отстоялъ раннюю обѣдню въ одной изъ малыхъ церквей. Утрудился таки достаточно и отъ стоянія, и отъ многихъ земныхъ поклоненій, и отъ молитвы. Забылъ сказать, что еще въ началѣ утрени въ Троицкомъ великомъ соборѣ случилось со мною приключеніе. Народу въ самомъ началѣ утрени быстро набралось столько, что меня не только безцеремонно стѣснили, но и притиснули въ стойкѣ къ самой стѣнѣ. Я какъ-то неосторожно толкнулъ свою палку, и она полетѣла за цѣльный нераздѣльный рядъ пристѣнныхъ стоекъ. Что̀ тутъ дѣлать. Туда-сюда; но я понялъ, что собственными усиліями тутъ ничего не подѣлаешь. Оставалось послать Порфирія Степановича въ алтарь попросить, чтобъ подали намъ помощь оттуда. Оттуда вышелъ монахъ съ длинными желѣзными щипцами и только симъ орудіемъ вытащилъ нашу палицу. Послѣ сего я уже перебрался въ алтарь, гдѣ и простоялъ конецъ утрени. Отсюда я заключилъ, что усердіе Россійскаго народа къ лаврской святынѣ пока еще не остываетъ. Вѣдь, никакого праздника не было, время самое глухое, начало Петрова поста, день будній, Понедѣльникъ, и все-таки церковь и ея притворы биткомъ набиты богомольцами. Надо бы и намъ не остужать эту народную теплоту.

Въ алтарѣ разобрали, наконецъ, что я—архіерей, Херсонскій архіепископъ, ѣдущій для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ, и стали ласковѣе и предупредительнѣе. Тутъ я узналъ, что намѣстника, о. архимандрита Леонида, въ Лаврѣ не обрѣтается; что онъ отбылъ лѣчиться морскимъ купаньемъ на морскомъ берегу въ Гапсалѣ. Узналъ, что о. намѣстникѣ не очень-то пользуется благосклонностью владыки-митрополита Іоанникія. Узналъ неожиданно, что получена сію минуту телеграмма отъ владыки о предстоящемъ его прибытіи изъ Ростова въ Лавру, къ 8 час. утра. Но пока мы молились, послѣдовало измѣненіе: владыка прибылъ, но не въ Лавру, а поѣхалъ въ Геѳсиманскій скитъ. Сказано, что ему доложено о моемъ прибытіи, и отъ него велѣно сказать мнѣ, чтобъ я пожаловалъ къ нему не ранѣе 10 часовъ, такъ какъ онъ всю ночь не спалъ, а теперь приляжетъ отдохнуть. Ну, и слава Богу, что онъ прибылъ. А то я уже мнилъ, что не придется представиться ему, что̀ во всякомъ случаѣ было бы неблагопріятнымъ признакомъ для

дальнѣйшихъ нашихъ сношеній. Этимъ промежуткомъ времени я и воспользовался, чтобы сдѣлать нѣкоторые визиты и хоть немного отдохнуть. Визиты я впрочемъ сдѣлалъ только преосв. ректору Академіи, только что рукоположенному епископу Христофору, о. инспектору Академіи и правящему должность намѣстника Лавры. Первый визитъ оставилъ во мнѣ нѣсколько странное и даже тяжелое впечатлѣніе. Входимъ съ секретаремъ Порфиріемъ Степановичемъ. Докладываютъ. Выходитъ преосвященный хозяинъ, новорукоположенный епископъ Христофоръ, въ новенькой, свѣтлой, пурпурной рясѣ, въ панагіи и клобукѣ. А я въ черной рясѣ и панагіи только. Глядитъ угрюмымъ бирюкомъ. Я кланяюсь, называю себя, представляю моего секретаря, надворнаго совѣтника такого-то; хозяинъ глядитъ въ его сторону угрюмо и не сажаетъ. Я сѣлъ, самъ пригласилъ сѣсть и Порфирія Степановича. Разговоръ не клеится, даже не завязывается. Хозяинъ слышалъ о нашемъ ночномъ приключеніи и не воздержался впасть въ искушеніе, которому легко подпадаютъ столичные, особенно Москвичи, въ отношеніи къ провинціаламъ: прочитать послѣднимъ ноту. «Это вы, не зная, поступили», внушаетъ нашему смиренію его преосвященство, «не по нашему, не по нашимъ обычаямъ».—«Обычаи я знаю, оправдываюсь я; знаю, что лавра въ 10 часовъ вечера запирается, а мы имѣли пріѣхать въ 11 часовъ, и мнѣ не хотѣлось нарушать лаврскіе обычаи, не хотѣлось безпокоить».—«Вы должны были напередъ извѣстить, внушаетъ его преосвященство, тутъ есть особое помѣщеніе для посѣтителей. Васъ приняли бы туда, а въ гостиницахъ останавливаться не принято».—«Гостиница лаврская, оправдываюсь я, смотритель ея—монахъ; мы телеграфировали заблаговременно. Правду сказать, я и разсчитывалъ, что о. гостинникъ доложитъ монастырскому начальству, послѣднее распорядится по своему усмотрѣнію и правиламъ, въ гостиницѣ ли насъ принять или же пустить на ночлегъ въ лавру. Это была деликатность съ нашей стороны».—«Нѣтъ, стоялъ на своемъ его преосвященство, вы должны были обратиться прямо къ намѣстнику или къ эконому, а не въ гостиницу. Всѣ всегда останавливаются въ лаврѣ». Я перемѣнилъ разговоръ, подумавъ, что онъ или туповато-упрямъ, или свѣту не видалъ, въ чемъ и не ошибся. Когда я разспрашивалъ впослѣдствіи, что онъ за человѣкъ. Повидимому, странный человѣкъ, мнѣ отвѣчали: «однимъ словомъ—бирюкъ: ни онъ къ людямъ, ни люди къ нему, бирюкъ какой-то». Перемѣнивъ разговоръ, я поспѣшилъ поблагодарить его преосвященство за недавнее возведеніе меня въ званіе почетнаго члена Московской Д. Академіи. Дипломъ на это званіе, подписанный о. Христофоромъ, ректоромъ, тогда еще архимандритомъ, я только что получилъ предъ отъѣздомъ, только что

успѣлъ вдѣлать въ раму и даже не успѣлъ повѣсить на стѣну, такъ и отбылъ, а дипломъ въ рамѣ гдѣ - то тамъ поставили у стѣнки. Потомъ перешелъ разговоръ на портреты, которые украшали залъ ректорской квартиры. «Вотъ, говорю, тутъ на стѣнѣ, въ старые годы, висѣли портреты ректоровъ Академіи, юныхъ архимандритовъ, Кирилла, впослѣдствіи архіепископа Подольскаго, и Поликарпа, скончавшагося въ санѣ архимандрита, настоятеля какого-то изъ Московскихъ монастырей, кончившаго курсъ жизни несчастно». Преосвященный ректоръ Академіи говоритъ: «Не знаю, куда дѣвались эти портреты; должно быть, въ академической залѣ; здѣсь я не засталъ». Удивило же меня однако это незнаніе, когда я подошелъ къ одному портрету и, вглядываясь, спрашиваю: «это же чей бы портретъ?»—«Это, говорятъ (отвѣчаетъ преосвященный ректоръ)—Исидора Санктпетербургскаго». Вглядываясь, я говорю: «Никакъ не Исидора! Во-первыхъ, немного сходства; во-вторыхъ, изволите видѣть: одна Андреевская звѣзда. Исидоръ никогда такъ не носилъ и никогда не изображается; Владимира 1-ой степени онъ получилъ прежде Андрея, и всегда изображается и съ Владимирскою. А это, изволите видѣть, Серафимъ, митрополитъ Московскій, впослѣдствіи Петербургскій». Меня удивило и то, что ректоръ Академіи, хозяинъ ректорской квартиры, не умѣетъ отличить Исидора отъ Серафима, о Серафимѣ совсѣмъ забылъ; а еще болѣе удивило это «говорятъ»; въ Академіи говорятъ.—Кто? Корпорація академическая ректору Академіи. И забыла Серафима, умершаго въ 1843 году, и забыла, съ чего, съ невѣдѣнія, или презорства? Странно для Академіи!... Инспекторъ-архимандритъ (святое имя его забылъ) показался мнѣ очень юнымъ, очень малымъ и робкимъ. Я между пальцами старался процѣдить ему, какъ важно и нужно ему въ его положеніи пріобрѣсти осанку и важность, какъ сановиты были, какъ прямо держали здѣсь свою спину его предмѣстники, примѣрно о. Михаилъ, впослѣдствіи скончавшійся епископомъ Курскимъ...

Въ 10 часовъ утра я отбылъ на лаврскомъ экипажѣ въ Геѳсиманскій скитъ, къ владыкѣ - митрополиту Іоанникію. Вхожу въ скитское помѣщеніе. Тоже, что было при Филаретѣ, что̀ я видѣлъ въ 1864 году, но, конечно, состарѣлось, легла на всемъ печать времени, какой - то пыльный колоритъ. Митрополитъ Іоанникій тотъ же, что̀ былъ въ 1871 году, какимъ я видѣлъ его, проѣзжая черезъ Саратовъ, новорукоположеннымъ епископомъ, только пополнѣлъ и раздобрѣлъ. Лицо такое благодушное, обращеніе ласковое. Поговорили о томъ, о другомъ, пока незамѣчательномъ. Сидѣли въ пріемной на лавкахъ или скамьяхъ. Потомъ владыка, приглашая на обѣдъ около 1 часа, говоритъ: «вы теперь поѣздите по окрестностямъ, посмотрите,

какъ мы живемъ. Неугодно ли въ Виѳанію, въ наши пещеры?» Неосновательная затѣя эти пещеры. Въ Кіевѣ, тамъ пещеры создала природа, вырыла исторія, тамъ и грунтъ къ этому приспособленъ, сухой, песчаноизвестковый, и мѣсто возвышенное надъ Днѣпромъ (хотя пещеры и глубоки); а здѣсь грунтъ сырой, вода на одномъ уровнѣ съ пещерами и даже выше, грунтъ не держится и расползается, нужно выкладывать стѣны кирпичемъ, такъ зачѣмъ же въ землѣ? Земля промерзаетъ, зимой холодно и сыро, люди болѣютъ, нужно класть печи, зачѣмъ же опять въ землѣ? И жить никто не желаетъ. Несчастная затѣя; такъ, жалкое подражаніе... «А къ часу пріѣзжайте, пообѣдаемъ, потолкуемъ». Я первымъ дѣломъ пошелъ въ пещеры. Глазами здѣсь увидѣлъ тоже, что̀ сейчасъ слышалъ ушами, вынесши изъ обозрѣнія какое-то тусклое неблагопріятное впечатлѣніе. Время стояло холодное и дождливое. Тутъ же у входа въ пещеры стоятъ цѣлыя озера воды. Въ пещерахъ всюду кладка то печей, то стѣнъ. Вездѣ сырость и нечистота. Мѣста здѣсь прелестныя; все покрыто рощами, озерами, но на всемъ лежитъ тусклый колоритъ весенняго ненастья. Въ Виѳаніи посѣтили только семинарію, въ сущности только квартиры о. ректора, архимандрита, представительнаго человѣка, и о. инспектора, юнаго іеромонаха, которому я сквозь пальцы пропускалъ нравоученіе, что въ монашеской жизни очень важно прожить молодость. Когда подъѣзжали къ Виѳаніи, резиденціи и мѣсту упокоенія знаменитаго митрополита Платона, меня встрѣтили колокольнымъ звономъ. Кланялся святынѣ, гробу знаменитѣйшаго изъ Русскихъ святителей, второй разъ въ жизни осматривалъ его кельи, въ которыхъ все сохраняется въ томъ видѣ, въ какомъ застала ихъ смерть святителя. Бросилось въ глаза, что Павелъ Петровичъ, какъ дитя и юноша, былъ красивъ, и напрасно онъ гнѣвался на своего законоучителя Платона, что тотъ въ одномъ письмѣ похвалилъ его красоту, а Павелъ отвѣчалъ ему рѣзкостью въ письмѣ, которое только что на-дняхъ я прочиталъ въ какомъ-то историческомъ сборникѣ. Нѣтъ, Платонъ не польстилъ Павлу. Павла обезобразила впослѣдствіи жизнь, а отъ рожденія Богъ далъ ему лицо женственное со вздернутымъ носикомъ, нѣжное и граціозное. Да и не въ кого было ему родиться дурнышкой. Мать его сама была обворожительная женщина, а въ людяхъ толкъ она знала, и выбирать было изъ кого, выборъ былъ обширный.

Обѣдъ былъ замѣчательный какъ самъ по себѣ, потому что былъ отличный, такъ и по сановности дающаго лица, такъ по бесѣдѣ, лившейся изъ устъ сановнаго хозяина. Прежде всего о нашемъ собственномъ лицѣ. «Какъ же это вы ѣдете?» «Только вотъ что (предостерегаетъ владыка-митрополитъ), какъ бы у васъ не вышла не-

желательная встрѣча съ Палладіемъ Казанскимъ. Вѣдь, вамъ какое подворье назначено?»—«То, что̀ на Звенигородской улицѣ, Митрофаніевское».—«Ну, такъ вѣдь тамъ Палладій живетъ. А онъ пока еще не проѣхалъ (а онъ долженъ ѣхать въ Москву), и я жду отъ него телеграммы. Такъ и выйдетъ повтореніе Тверской исторіи». Я струсилъ. «Видимо, продолжаетъ владыка-митрополитъ, Палладій Казанскій ура̀нилъ, а Тверскому Саввѣ не хотѣлось скоро уѣзжать изъ Петербурга. Не собрался. А Палладію назначено было то подворье, которое занималъ Савва Тверской, ваше, Митрофаніевское подворье. Палладій прибылъ, а Савва не выбылъ, свое мѣсто не уступаетъ. Казанская свита прибыла, а Тверская не выбыла. И вышло пренеловко. Кое-какъ Палладія устроили въ лаврѣ, пока уладилось дѣло». Я струсилъ еще больше, потому что и ѣхалъ въ Петербургъ безъ синодскаго указа. Думаю: попалъ въ пренепріятую исторію. Но все равно, она огласится; такъ лучше сознаюсь во всемъ. И я сталъ разсказывать митрополиту все досконально.... Я рѣшился на 3-й день Св. Троицы подняться въ Петербургъ, хотя указа изъ Святѣйшаго Синода я и не получилъ». Владыка-митрополитъ на это замѣтилъ: «Ну, это все равно, указъ ли вы получили, или отношеніе отъ оберъ-прокурора. Назначеніе несомнѣнно состоялось; но странно, что Палладій не ѣдетъ; а ѣхать онъ долженъ чрезъ Москву, и я жду отъ него телеграммы». Это меня успокоило, хотя и не совсѣмъ. Меня тревожила мысль, куда и какъ пристроится моя свита; столкнется она тамъ съ Казанцами; да и мнѣ самому куда голову приклонить въ Петербургѣ? Скажутъ: ишь какъ торопится человѣкъ, обрадовался счастью сидѣть въ Синодѣ, безъ указа прикатилъ. Но будь, что̀ будетъ.

Вторымъ и главнымъ предметомъ собесѣдованія были Грузія и экзархъ Павелъ. Этотъ предметъ владыкѣ Іоанникію близокъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ предмѣстникомъ высокопреосвященнаго Павла и положеніе вещей знаетъ отлично. По его словамъ положеніе Павла тамъ отчаянное. Возвращаться ему въ Грузію нельзя. Да и сидѣть въ Синодѣ долго нельзя. Тамъ много епархій и архіереевъ, но консисторій нѣтъ. Имѣется одна только синодальная контора, чрезъ которую текутъ всѣ дѣла. Экзархъ надъ конторою не имѣетъ правъ епархіальнаго архіерея надъ консисторіею. Экзархъ не болѣе, какъ предсѣдатель; онъ обязанъ засѣдать въ конторѣ и совѣщаться съ другими лицами. А изъ Петербурга рѣшать дѣла ему нельзя, неприлично. Онъ не можетъ издали писать свои резолюціи. Съ другой стороны, и дѣла остановиться не могутъ. А Павлу воротиться въ Грузію никакъ нельзя. У Грузинъ уже засѣла въ головахъ мысль, что онъ проклялъ Грузію, что его надо убить. И убьютъ. Вѣдь, они не разсуждаютъ; они тупы, но что̀ засѣло имъ

въ голову, не выколотить». Владыка-митрополитъ разсказалъ нѣсколько случаевъ, что, посѣщая его, Грузины выражали къ Павлу крайнюю непріязнь: «проклялъ-де Грузію. А что это за народъ, можете судить по слѣдующему. Какъ у насъ на Руси чтится св. Николай, такъ въ Грузіи св. Георгій. Георгію они празднуютъ нѣсколько разъ въ году. И св. Георгій въ одинъ изъ этихъ праздниковъ въ каждой церкви посылаетъ имъ быка, съ золотыми рожками, котораго они рѣжутъ и тутъ же съѣдаютъ, какъ святыню, какъ причастіе какое либо, странно сказать. И вотъ заѣзжаетъ ко мнѣ князь такой-то, полковникъ, извѣстной фамиліи. Князей тамъ множество, но этотъ князь человѣкъ особый, серьезный, серьезнаго общественнаго положенія. И разсказываетъ, что вотъ у нихъ въ праздникъ Георгія ограду церковную опечатали, народъ всю ночь сторожилъ около церкви, и все таки св. Георгій послалъ быка съ золотыми рожками. Такъ и по всей Грузіи народъ окружаетъ церковь, ограду опечатываютъ, и за ночь въ каждую церковь св. Георгій посылаетъ по быку съ золотыми рожками. Чтò мнѣ было еще сказать? Говорю, что сила Божія велика, хотя о подобномъ чудѣ нигдѣ ни въ Евангеліи, ни въ другихъ священныхъ книгахъ не говорится. Нѣтъ, говоритъ мой князь-полковникъ, такъ по всей Грузіи, каждый годъ, въ день Георгія каждую церковь на ночь опечатываютъ, народъ сторожитъ вокругъ ограды, и за ночь св. Георгій въ каждую церковь посылаетъ по быку съ золотыми рожками. И рѣжутъ, и ѣдятъ, какъ святыню. Подите же, толкуйте съ ними. Толкуйте, что Павелъ не проклиналъ Грузіи: они все будутъ твердить, свое—проклялъ Грузію, ихъ благословенную Грузію. И убьютъ. Имъ убить человѣка ни по чемъ. Родство они считаютъ до 14 степени; но пырнуть кинжаломъ даже брата родного, даже отца родного ни по чемъ. И бѣшеный же народъ! При малѣйшей вспышкѣ не помнитъ себя, и сейчасъ хватается за кинжалъ. Бывало, какъ только у иного просителя Грузина запрыгаютъ глазенки, я сейчасъ же ухожу, чтобъ не толковать съ нимъ. Пускай его успокоится и уйдетъ. Вѣдь, къ Павлу тамъ приставляли охрану. Ну, красиво ль это? Пастыря охранять отъ овецъ... А церковное, да и бытовое, устройство тамъ какое? Самое первобытное. Тамъ церкви едва выглядываютъ изъ земли, ничѣмъ не отличны отъ простой сакли. Одинъ разъ, обозрѣвая епархію, я проѣхалъ мимо и не замѣтилъ церкви; только слышу звонокъ, звонокъ такъ немногимъ больше столоваго или почтоваго. Спрашиваю, чтò такое это за звонокъ? Говорятъ, что мы проѣхали мимо церкви. Стой, конечно. Церковь-землянка простая; нужно наклониться, чтобы вползти въ нее кое-какъ». Вообще о Грузіи владыка-митрополитъ очень много распространялся. Напротивъ, о дѣлахъ Св. Синода распространялся мало, не по тому, что опасался,

а такъ не пришлось какъ-то. Вообще же, говорилъ онъ очень откровенно. О синодскихъ дѣлахъ только замѣтилъ, что-де года черезъ три-четыре мы банкроты. Синодъ обанкротится...

Отъ владыки-митрополита я отбылъ часовъ около четырехъ. А какъ слѣдующій поѣздъ въ Москву отходилъ около семи, то въ Москву прибыли мы обратно уже ночью, часовъ въ 10. И какова же была моя радость, когда въ Москвѣ о. Аѳанасій повѣдалъ, что ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитомъ Палладій, архіепископъ Казанскій.

Назавтра, во Вторникъ, 2-го Іюня, часовъ около 8 утра, я нарочно поспѣшилъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ остановился архіепископъ Казанскій, чтобы застать его, но уже не засталъ: онъ со своей стороны поспѣшилъ въ Сергіеву лавру, чтобы застать тамъ митрополита. Вмѣсто визита архіепископу Казанскому я пошелъ поклониться старѣйшему святителю Московскому Алексію, предъ мощами котораго заказалъ и выслушалъ молебенъ. А затѣмъ поплелся съ такимъ же поклономъ къ святителямъ Петру, Іонѣ и Филиппу Московскимъ въ Успенскій соборъ, гдѣ отстоялъ литургію; а затѣмъ заказалъ и выслушалъ молебенъ Пречистой Дѣвѣ, предъ чудотворною иконою, и святителямъ Московскимъ. Затѣмъ по Москвѣ сдѣлано все и очень удачно, согласно видамъ моего сердца, которое на всемъ этомъ и успокоилось. Оставалось сдѣлать только послѣдній переѣздъ до Петербурга. Тутъ случайность. На обѣднѣ въ Успенскомъ соборѣ я стоялъ въ проскомидійномъ отдѣленіи, у жертвенника. Но когда священнодѣйствующіе прошли малымъ выходомъ, я захотѣлъ подвинуться къ престолу. Во время этого передвиженія, вижу: идетъ мнѣ навстрѣчу, въ верхней рясѣ, въ очкахъ, сѣдой монахъ, смотритъ на меня пристально; лицо знакомое, но не узнаю. Подходитъ и говоритъ: «узнайте хоть по очкамъ».—«По очкамъ (говорю) не узнаю, но знаю по говору. Вы—преосвященный Владиміръ Ставропольскій».—«Онъ самый и есть».—«Увы, стариками стали!» Перемолвились нѣсколькими словами. Онъ также спѣшилъ въ Сергіеву лавру и ушелъ, не дождавшись конца обѣдни; а я дождался, помолился, святымъ поклонился и ушелъ успокоенный и ободренный духомъ. Въ кельѣ, у о. Аѳанасія Плавскаго потрапезовали. Принимали посѣщеніе преосвященнаго Мисаила, викарія (живой, нѣсколько вертлявый, одѣтъ былъ блистательно). А затѣмъ двинулись и въ путь, на Петербургскій желѣзнодорожный вокзалъ. Всѣ послѣдніе часы и минуты посвящены собесѣдованію о судьбѣ сего о. архимандрита. Я его помню, какъ студента С.-Пб. Д. Академіи нашего времени. Было крѣпкое дарованіе, но какъ-то очень своеобыченъ. Былъ здоровый, краснощекій, но пошелъ въ монашество. Въ жизни я встрѣтилъ его ректоромъ Семинаріи въ Симбирскѣ. Тамъ онъ былъ боленъ ду-

шевно и тѣлесно; похудалъ такъ, что походилъ на мертвеца. Уволился и попалъ въ Москву, въ настоятели одного монастыря изъ убогихъ, Златоустова. Но при помощи добрыхъ людей, добрыхъ барынь отдѣлалъ въ монастырѣ многое заново. Какая-то барыня пожертвовала не болѣе, не менѣе, какъ 40000 р.; другія барыни жертвовали по мелочамъ. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ замѣтна была спеціальная цѣль подкупить въ извѣстныхъ видахъ, какъ сказывалъ мнѣ архимандритъ. Значитъ, практикуется прекраснымъ поломъ и такой методъ уловленія въ свои сѣти. О. женщины—порожденіе крокодилово! Впрочемъ, зачѣмъ? Поди же, и жить хотятъ, цвѣсти хотятъ. А что̀ такое цвѣтеніе, объ этомъ можно прочитать въ фотофизіологіи. А не красавецъ-человѣкъ; такъ, довольно высокій ростъ, сутуловатъ, теперь крѣпкій, склоненъ къ дородности; носъ нѣсколько кривъ, но горбатъ; лицо вообще характерное, умное, магистръ. Положеніе его въ Москвѣ можно охарактеризовать такъ: самъ много говоритъ о томъ, что его въ Москвѣ любятъ, считаютъ умнымъ и ученымъ и приглашаютъ на самыя замѣтныя, особенно же ученыя, торжества. Посадили его въ Консисторію; «не хочу», отказался. Дали ему разсматривать денежные отчеты по церквамъ и монастырямъ; «не хочу», отказался. «Давайте свои отчеты по своему монастырю, «не хочу, я управляю честно, безкорыстно, для монастыря; видите, много пріобрѣтаю», и не представляетъ отчетовъ цѣлые года. Владыка-митрополитъ перевелъ его въ другой монастырь, самъ говоритъ, лучшій, «не хочу, не здоровъ», отказался. Чрезъ нѣсколько времени самъ надумался просить другого монастыря; митрополитъ спрашиваетъ: «Зачѣмъ вамъ?»—«Тотъ, Златоустовъ, говоритъ, бѣденъ, а этотъ побогаче». Митрополитъ говоритъ: «не годится монаху гоняться за пріобрѣтеніями». Тотъ говоритъ: «у меня родные, нужно помогать». Конечно, этимъ домогательствомъ показалъ только свою непослѣдовательность. А прекраснѣйшій, любезнѣйшій человѣкъ. «Ну, слушайте, говорю ему на прощаньѣ, уже садясь въ вагонъ, ваше состояніе можно охарактеризовать словами апостола: «свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинуетесь»—«Да, мнѣ, говоритъ, ничего въ жизни не нужно, кромѣ спокойствія»—«А все-таки жаль!» И вотъ, въ предпослѣднее засѣданіе въ Святѣйшемъ Синодѣ поставленъ былъ вопросъ о кандидатахъ на викаріатство въ Каменецъ-Подольскѣ. Пр. Павелъ-экзархъ между прочими назвалъ и о. Аѳанасія Плавскаго. Митрополитъ, вслушавшись, о комъ рѣчь, только махнулъ рукой со смѣхомъ: «объ этомъ Аѳанасіи поднимается рѣчь всякій разъ, какъ заговариваютъ о кандидатахъ на архіерейство. И митр. Московскій всегда молчитъ, когда рѣчь идетъ объ Аѳанасіи». Тѣмъ дѣло и кончилось.

ИЗЪ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мнѣ случилось ѣхать, по служебнымъ дѣламъ, изъ г. Лукоянова въ Нижній Новгородъ. Погода была лѣтняя, теплая, прекрасная. Ямщикъ попался мнѣ молодой крестьянинъ, этакъ лѣтъ подъ 30-ть, который, ради развлеченія себя въ дорогѣ, запасся орѣхами. И вотъ срѣдка, полегоньку, похлыстывая кнутомъ своихъ лошадей, въ тоже время онъ забавлялся и орѣшками, погрызывалъ ихъ, и при этомъ частенько оборачивался ко мнѣ, съ видимымъ намѣреніемъ вступить въ разговоръ. Однако долго не рѣшался онъ приступить къ этому, отъ боязни ли обезпокоить меня или же не придумалъ еще, съ чего начать свой разговоръ; я же съ своей стороны окончательно былъ погруженъ разными мыслями самъ въ себя. Вѣдь извѣстно, что всякій человѣкъ, коль скоро онъ находится наединѣ и не занятъ никакимъ дѣломъ, то въ головѣ его скопляются разныя думы, или о прожитомъ времени и испытанныхъ въ немъ удовольствіи и неудовольствіи, счастіи и несчастіи, или же наконецъ просто развиваются въ головѣ разныя фантазіи и устраиваются воздушные замки. На этотъ разъ я, во время ѣзды, будучи сильно увлеченъ красотою природы, гдѣ все росло, цвѣло и зеленѣло, съ безпрестанно перемѣняющимися передъ глазами ландшафтами, думалъ: Господи Боже мой, если бы у меня были хорошія денежныя средства, то я не сталъ бы скитаться только по одной своей губерніи, но побывалъ бы въ разныхъ мѣстахъ не только Россіи, но даже и за границею. Эти мои думы прервалъ мой ямщикъ тѣмъ, что, захвативши у себя карманѣ цѣлую горсть орѣховъ, предложилъ мнѣ, не желаю ли и я позабавиться отъ нечего дѣлать; «вчера, говоритъ, ребятишки наши ходили въ лѣсъ и много ихъ набрали; нонѣ, слава Богу, ихъ уродилось много». Орѣхи я принялъ, что̀ и подало поводъ моему ямщику вступить со мною въ разговоръ. Онъ оказался весьма словоохотливымъ и въ продолженіе всего пути до слѣдующей станціи (отъ Лукоянова верстахъ въ 25-ти) разсказывалъ мнѣ весьма многое и серьезнаго и смѣшнаго, что̀ я одинаково слушалъ. Да, такъ онъ началъ свой разговоръ, объ этомъ давно писали, но только не знали, что

къ чему это говорилось и когда именно исполнится; а вотъ какъ теперь освободили отъ помѣщиковъ крестьянъ-то, то и сдѣлалось ясно, что это говорилось про нихъ. Есть книга Златоустъ, гдѣ написано такъ: «Посмѣются рабы надъ господами». Вотъ, значитъ, теперь рабы го и смѣются надъ господами; дескать, теперь съ нами ничего не подѣлаете, мы стали вольными. Да и натерпѣлись же мы отъ своихъ господъ! Ухъ, сколько горя испытали! И работой-то насъ донимали, бывало, и праздникъ не въ праздникъ, особливо лѣтомъ,—знай до устали работай, и деньгами-то обирали, а примѣромъ сказать, хоть эти орѣхи, наша барыня приказывала кажинной бабѣ и дѣвкѣ съ 15-ти лѣтъ доставлять ей лѣтомъ по маленкѣ щелученыхъ орѣховъ; гдѣ хошь добывай, а давай; если въ своемъ лѣсу нѣтъ, то ищи гдѣ знаешь; которые потомъ она и отдавала выбивать изъ нихъ масло. А строгости-то, строгости-то какія были, просто бѣда! За всякую пустяшную провинность—смотришь порка, или же прямо въ солдатчину запрячутъ безъ всякой очереди. Да чего! Нашъ баринъ одного мальчишку, лѣтъ 8-ми, на смерть собаками затравилъ, а за что? За то, что тотъ по ребяческой глупости бросилъ въ барскую собаку камнемъ; собака завизжала, а баринъ въ это время былъ у окна, значитъ и увидалъ. И Боже мой, какъ озлобился онъ на мальчишку! Всю дворню поднялъ на ноги и всю свою свору собакъ велѣлъ выпустить и затравить ими мальчика. Кажись, лучше бы было, если бы этого мальчика приказалъ прямо убить, а не мучить такъ долго. Прежде травили мальчика въ рубахѣ, собаки его не брали; тогда баринъ закричалъ: «Раздѣть его догола», и голаго собаки не брали; а потомъ снова со злостію закричалъ ловчему: «Ударить мальчишку сильнѣе арапникомъ». И вотъ уже, когда отъ сильнаго удара арапникомъ выступила на мальчикѣ кровь, тогда всѣ собаки бросились на него и мигомъ разорвали на части».

А ты самъ-то грамотный? спросилъ я. «Нѣтъ, я самъ не грамотный, но у меня мальчишка-сынишка почитываетъ, а я оченно люблю слушать. Да я и самъ-было учился грамотѣ: всю азбуку зубъ-зубомъ прошелъ; прошелъ склады двойные, склады тройные, склады небесные и склады земляные, все зубъ зубомъ прошелъ; но какъ дошелъ до оксія и саварія, такъ и захлеснуло, и послѣ этого, въ сердцахъ, и азбуку бросилъ подъ столъ; такъ значитъ и остался неграмотнымъ. А училъ было меня нашъ пономарь Кузмичъ, давно ужъ покойникъ, царство ему небесное! Такой строгій былъ, и сильно ужъ онъ меня трепалъ и за волосы, и за уши, а все-таки грамотѣ-то меня не выучилъ».—Да ты бы гражданскую азбуку взялъ, тамъ и буквъ-то меньше и никакихъ оксіевъ и саваріевъ нѣтъ, сказалъ я ему. «Да развѣ есть еще другая азбука?» удивленно онъ спросилъ меня. «А вѣдь Кузмичъ-то все меня

училъ по той азбукѣ, и насчетъ другой азбуки мнѣ ничего не говорилъ».

Ясно, чему могли научить такіе учителя, которые и сами-то были вовсе полуграмотны и могли читать, какъ уже свыкшіеся при церковномъ богослуженіи, одну только Славянскую печать и каракулями подписывать полууставомъ свое имя. Организованныя же школы для крестьянскихъ мальчиковъ тогда существовали только въ нѣкоторыхъ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ; поэтому тѣ крестьяне другихъ селеній, которые желали обучать грамотѣ дѣтей своихъ, по необходимости должны были отдавать или церковнымъ причетникамъ, пономарямъ и дьячкамъ, или вдовымъ попадьямъ, или наконецъ какимъ-либо богомолкамъ, старымъ дѣвамъ, тоже изъ духовнаго званія. Обученіе же производилось тогда въ высшей степени безтолково, безъ всякой тактики и умѣнья возбудить въ мальчикѣ охоту къ ученію, а особенно къ пониманію Славянскихъ названій. Самое же названіе буквъ азбуки такими именами: «азъ, буки, вѣди и т. д.», совершенно не подходитъ къ составленію слоговъ, а потомъ и обученіе складамъ, съ такимъ именно произношеніемъ: «буки азба - ба, вѣди азва - ва, потомъ покой арцы иже ри - при, вѣди арцы и жери - ври», что̀ и назывались складами двойными и тройными. Подъ конецъ слѣдовали склады небесные и склады земляные; это именно тѣ, которые въ азбукѣ были изложены въ алфавитномъ порядкѣ такъ: на букву А - Ангелъ - ангельскій, Архангелъ - архангельскій, на букву Б - Богъ, божество, Богородица, но букву З - земля, змѣя и т. д. На всѣ буквы подведенныя названія, разумѣется, непремѣнно обязывалось выучить на память. А какъ все клонилось къ изученію чтенія по Славянской печати, то ставилось въ непремѣнную обязанность учениковъ изучить тоже на память и всѣ знаки, употребляемые въ этой печати, каковы суть: оксія, саварія, камора, з-вательцо,—титло, слово титло, срокъ и еще различныя названія. Вотъ при изученіи всѣхъ этихъ названій и захлеснуло моего ямщика, и затѣмъ окончательно отбило у него къ ученію охоту. Нѣкоторые изъ болѣе смышленыхъ учителей не заставляли своихъ учениковъ вбивать всю эту мудрость въ голову, а переходили, послѣ изученія складовъ, прямо къ чтенію Псалтыря, съ такою методою, что прежде начиналась по складамъ и долбилась такимъ образомъ одна каѳизма нѣсколько времени и именно до тѣхъ поръ, покуда ученикъ не изучитъ ея читать безъ складовъ, тогда уже начиналась вторая каѳизма, а затѣмъ и другія по прежней же методѣ и съ непремѣннымъ, чрезъ извѣстное время, повтореніемъ задовъ, т. е. прочитываніемъ прежнихъ каѳизмъ. И такимъ образомъ прочтеніе всего Псалтыря затягивалось не менѣе, какъ на годъ, чѣмъ уже и заканчивалось все

образованіе ученика. Да и такое-то обученіе, какъ извѣстно, получалось, можно сказать, однимъ изъ тысячи человѣкъ, а затѣмъ все остальное наше крестьянство окончательно оставалось совсѣмъ безграмотнымъ.

Въ свою очередь много распространяли въ народѣ разныя нелѣпости тогдашніе отставные солдаты, прослужившіе 25 лѣтъ, которые, преимущественно, всегда расказывали, что они въ продолженіе своей службы побывали чуть ли не на краю свѣта, исходили, дескать, всю землю изъ конца въ конецъ: были у Турка, у Австріяка и у Нѣмца; все это, по ихъ разсказамъ, народъ дрянной и трусливый, а про себя и вообще про Русскихъ отзывались, разумѣется, съ большою похвалою. Кромѣ того въ ихъ разсказахъ всегда были безсмыслицы и нелѣпости, какъ напримѣръ относительно существованія Кіевскихъ вѣдьмъ, вылетающихъ въ трубу и производящихъ на Лысой горѣ безумныя пляски, а также и о разныхъ оборотняхъ.

Вотъ что разсказывалъ моему ямщику отставной солдатъ, его родственникъ. Всего хуже, говорилъ онъ ему, если кого мать проклянетъ, то ужъ весь вѣкъ будетъ не человѣкъ, а какой нибудь оборотень. У ихняго ротнаго командира горничную прокляла мать, и что же, вѣдь въ птичку обратилась, и она кажинный день къ окну ротнаго прилетала, гдѣ ее всѣ знали и давали ей клевать сѣмечка и попить водички. Долго она къ нему летала, но потомъ ротнаго этого изъ ихъ полка перевели въ другой полкъ, и летала ли къ нему тамъ эта птичка, уже стало неизвѣстнымъ. А вотъ еще двоихъ солдатиковъ ихняго полка матери прокляли, такъ одинъ изъ нихъ обратился въ волка, а другой въ лошадь. Волкъ же кажинный день, какъ начинало смеркаться, ходилъ къ нимъ въ казармы, и они прямо называли его по солдатской фамиліи Назаровымъ; кто кинетъ ему косточку, а кто и кусочекъ хлѣбца дастъ, и онъ поѣвши уходилъ до слѣдующаго вечера. Долго онъ къ нимъ ходилъ въ казармы, но наконецъ вышелъ такой несчастный случай. На часахъ у казармъ стоялъ новобранецъ, и онъ не былъ предупрежденъ относительно волка, и вотъ когда волкъ вечеромъ, по обыкновенію, подходилъ къ казармамъ, новобранецъ прицѣлился и бацъ въ него изъ ружья, и волкъ передъ смертью успѣлъ лишь только сказать человѣческимъ голосомъ: «что ты сдѣлалъ, вѣдь ты сгубилъ христіанскую душу». А съ лошадью-то, въ которую обратился солдатикъ-то, былъ такой случай. Хозяинъ ея былъ на базарѣ, отъ своего села верстъ за 10-ть, и вѣстимо, что съ базара всегда ужъ возвращаются домой выпивши, и вотъ, ѣхавши домой, онъ въ телѣгѣ заснулъ, а въ просонкахъ слышитъ, что телѣга его то двинется немного, то опять остановится. Думаетъ, что за оказія такая! А глядь лошади-то и нѣтъ, а въ оглобляхъ стоитъ солдатъ и говоритъ ему:

«что, хозяинъ, удивляешься, вѣдь до прежде меня мать прокляла, я и былъ твоей лошадью, а теперь мать сжалилась и проклятіе съ меня сняла, и я опять сталъ солдатомъ. Такъ неужели ты и теперь меня будешь мучить и на мнѣ работать, вѣдь сила-то у меня теперь не лошадиная, а человѣчья, и мнѣ ужъ будетъ не вмоготу тебѣ работать». Жаль мнѣ тебя, сказалъ мужичекъ, была ты хорошая, работящая лошадь; но теперь нечего дѣлать, уходи съ Богомъ. Однакоже мужичку нельзя было оставаться безъ лошади, и онъ въ слѣдующій же базаръ долженъ былъ опять быть тамъ для того, чтобы купить для себя другую лошадь. И великое же для него было удивленіе, когда онъ встрѣтилъ на базарѣ продающуюся точь въ точь его бывшую лошадь, и масть та, и грива на туже сторону, и на лбу бѣлая звѣздочка; да и сама лошадь-то узнала его, протянувши къ нему свою морду, словно поцѣлуемъ съ нимъ поздороваться захотѣла. Мужичокъ сильно обрадовался, что это его прежняя лошадь, и тихонько сказалъ ей на ухо: «или тебя опять мать-то прокляла?», а затѣмъ, вовсе не торговавшись въ цѣнѣ, пріобрѣлъ для себя эту лошадь, которая потомъ была уже у него до самаго конца, отъ старости издохла. Послѣ этого разсказа мой ямщикъ еще далъ мнѣ гость орѣховъ, и потомъ снова продолжалъ слышанный отъ своего родственника-солдата разсказъ.

«А вотъ все, что̀ говорятъ про вѣдьмъ, это сущая правда. Солдатъ-то нашъ самъ чуть было не попалъ къ одной въ ея зубы, такимъ манеромъ. Будучи въ Кіевѣ, онъ въ праздникъ отпросился у ротнаго погулять по городу. Былъ на Подолѣ, былъ у памятника Князя Владиміра, былъ и въ монастырѣ у святыхъ угодниковъ, а потомъ попалъ на самый выходъ изъ города. Смотрю, говоритъ, въ отдаленіи стоитъ такая невзрачная хибарка, и подумалъ, дай пійду въ нее закурить трубочку, потому что по уходѣ изъ казармъ, онъ второпяхъ позабылъ захватить съ собою огниву и трутъ. Входитъ въ избушку, въ ней никого нѣтъ, но все въ порядкѣ, даже и печка истоплена и горячіе угли загреблены въ горнушку на шесткѣ; взялъ одинъ уголекъ и закурилъ трубку, и видитъ на полкѣ возлѣ печи бутылочку съ какимъ-то составомъ, взялъ ее, чтобы ототкнуть и понюхать чѣмъ пахнетъ, но въ это время нечаянно изъ бутылочки плеснулъ на ухватъ,— смотритъ ухватъ шмыгъ въ трубу. Что̀ за оказія подумалъ онъ? Плеснулъ еще на кочергу и сковородникъ, и они улетѣли въ трубу; потомъ плеснулъ на пустой горшокъ, и онъ туда же, но только ударившись объ кирпичи разбился и черепки попадали обратно на шестокъ. Хотѣлъ было и себя спрыснуть этимъ составомъ, чтобы узнать куда улетѣлъ весь этотъ печной инструментъ, но поопасался, чтобы не застрять въ трубѣ, потому что солдатъ-то былъ очень большого роста.

По возвращеніи въ казармы, онъ обо всемъ этомъ разсказалъ своимъ солдатикамъ. Ну, сказали они ему: Богъ теба спасъ; ты, дескать, попалъ къ самой-то злющей вѣдьмѣ, которая, если бы тебя застала, не быть бы тебѣ въ живыхъ, на смерть зубами бы загрызла.

Да, это было время, когда крестьянство наше, по своей неразвитости, давало вѣру всякой нелѣпости, отъ чего даже и до сихъ поръ существуетъ множество разсказовъ о домовыхъ, о лѣшихъ и другихъ подобныхъ нелѣпостяхъ. Въ тоже давнее время крестьяне наши сильно были запуганы какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны различныхъ властей. Всякаго, не изъ своей среды, они если и не сознавали своимъ начальникомъ, то по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ собою, считали его совершенно сверхъестественнымъ человѣкомъ. Напримѣръ, мужичокъ, прибывъ въ городъ, и по улицѣ-то шелъ робко не смѣло, зная то, что въ городѣ-то и находится все его начальство, которое за всякій маловажный проступокъ можетъ причинить ему большую непріятность; поэтому почти каждому встрѣчному онъ дѣлалъ поклонъ, а съ заговорившимъ съ нимъ тотчасъ же снималъ съ себя и шапку, оставаясь въ такомъ положеніи до самаго окончанія разговора. И Боже мой, что же только съ этимъ народомъ не дѣлало начальство, просто ужасъ! И безпощадно его тиранили, и безжалостно обирали. Если по какому либо случаю пріѣзжало начальство въ селеніе, то это было для крестьянъ не лучше, чѣмъ отъ пожара, налета саранчи, или же какой либо эпизоотіи. Напримѣръ, если на поляхъ извѣстнаго селенія обнаружено мертвое тѣло, тогда, для вскрытія его и для производства слѣдствія, наѣзжала изъ города цѣлая армія начальства, а именно: исправникъ, уѣздный судья, дворянскіе засѣдатели, становой приставъ, докторъ, фельдшеръ, секретари и письмоводители, разные депутаты, наконецъ даже и поваръ, такъ какъ слѣдствіе иногда затягивалось сутокъ до трехъ, поэтому вся эта знать не могла довольствоваться крестьянскимъ кушаньемъ, и слѣдовательно необходимъ былъ поваръ; припасы же, разумѣется, всѣ шли на счетъ крестьянскаго общества, и такимъ образомъ уничтожались въ громадномъ количествѣ куры, яйца, масло, бараны и водка; а чего для кулинарнаго дѣла еще не хватало въ селѣ, тогда тотчасъ же посылался нарочный въ городъ, хотя бы онъ находился отъ селенія и на большомъ разстояніи. Точно также поступалось и въ томъ случаѣ, если у кого изъ господъ недоставало, напримѣръ, табаку, или же что либо было позабыто дома при отъѣздѣ на слѣдствіе. Вся эта чиновная армія не много занималась дѣломъ, для котораго прибыла въ селеніе, а преимущественно, употребляла время на ѣду и выпивку. У нихъ вовсе не было заботы о томъ, что въ лѣтнее жаркое время находившееся въ полѣ мертвое тѣло разлагается

и своими міазмами заражаетъ воздухъ, и многіе крестьяне отвлекаются отъ полевыхъ работъ. Они съ самаго ранняго утра, какъ только просыпались и лежа еще на постели, составляли уже общій совѣтъ относительно того, что̀ въ нынѣшній день нужно покушать. Одинъ сказалъ то, другой—другое, а все выходило не ладно; наконецъ однимъ было предложено, что хорошо бы было устроить изъ бараньихъ языковъ холодное со сметаною и хрѣномъ; знаете, говорилъ онъ, при выпивкѣ-то хрѣнъ-то очень пріятенъ. Прекрасно! Прекрасно! всѣ закричали въ одинъ голосъ. Значитъ, сказано и сдѣлано. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, бывшій при этомъ слѣдствіи въ качествѣ депутата, разсказывалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ означеннаго совѣта, онъ вышелъ подъ навѣсъ и видитъ тамъ множество заколотыхъ куръ и десятка два барановъ. Съ удивленіемъ спрашиваю повара, что неужели такая прорва барановъ все это для насъ? И онъ, съ усмѣшкою, отвѣтилъ: «что такъ точно, потому что приказано изготовить, между прочимъ, холодное изъ бараньихъ языковъ съ хрѣномъ, а всѣхъ-то господъ человѣкъ 15-ть, поэтому и сосчитайте, сколько нужно зарѣзать барановъ, чтобы досталось каждому хотя по одному языку; а вѣдь Ник. Григ. Тр—ну, пожалуй, и одному мало десятка». Этотъ Николай Григорьичъ былъ становой приставъ весьма большого роста и чрезвычайно толстый, вѣсившій пудовъ 12-ть. Про него разсказывали, что онъ въ одинъ присѣстъ съѣдалъ цѣлаго барана и выпивалъ четверть ведра водки. Губернатору Бутурлину какимъ-то путемъ попался въ руки счетъ, въ которомъ значилось, что этотъ становой приставъ, будучи въ одномъ селѣ на слѣдствіи, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съѣлъ неимовѣрное количество куръ и барановъ и выпилъ множество водки. Губернаторъ, никогда еще не видавшій Тр—на, удивился и сказалъ: не можетъ быть, чтобы одинъ человѣкъ, въ продолженіе, сравнительно, не очень многихъ дней, могъ уничтожить такое количество припасовъ. Можно предположить, что въ счетѣ сдѣлано нѣкоторое преувеличеніе, съ корыстною цѣлію составителя счета, потому что извѣстно, что и псы ѣдятъ отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы господей своихъ; но во всякомъ случаѣ, противъ дѣйствительности, не вдвое же увеличенъ счетъ; поэтому губернаторъ, для собственнаго убѣжденія, приказалъ вызвать этого становового пристава, подъ предлогомъ объясненій по дѣламъ службы. Получивъ такой приказъ, приставъ сильно струсилъ; дескать, не дошли ли до губернатора слухи о его сильныхъ истязаніяхъ и непомѣрныхъ взяткахъ; однакоже, при самомъ представленіи, объ этомъ ему не было сказано ни слова, а только, какъ онъ предсталъ предъ губернаторомъ, тотъ прежде всего окинулъ его съ головы до ногъ своимъ взоромъ, а потомъ обошелъ кругомъ, взглянулъ на него также и сзади, и затѣмъ ска-

залъ: «ну теперь вѣрю, ступайте». Такой пріемъ губернатора окончательно поставилъ въ тупикъ становаго пристава, и онъ самъ себя спрашивалъ: по какимъ же служебнымъ дѣламъ и для кихъ объясненій онъ, губернаторъ, вызывалъ его? Всю же сущность дѣла ему уже пришлось узнать послѣ отъ правителя канцеляріи губернатора. Этотъ становой приставъ считался грозою въ своемъ станѣ, его боялись больше чѣмъ исправника, или даже самого губернатора, потому во 1-хъ, что если онъ своею медвѣжьею лапою кого ударитъ по скулѣ (до чего онъ былъ охотникъ), то знай, что во рту не досчитаешься послѣ многихъ зубовъ; а во 2-хъ онъ былъ страшный взяточникъ и съ этою цѣлію ко всякой мелочи сильно придирался. Вотъ, напримѣръ, былъ одинъ такой случай, что въ одномъ селѣ ему какъ-то не удалось къ чему придраться; но по выѣздѣ изъ него онъ замѣтилъ, что у самой околицы росло дерево, и онъ приказалъ это дерево непремѣнно срубить, что оно, дескать, можетъ мѣшать проѣзду. По отъѣздѣ его крестьяне собрали сходъ и начали судить и такъ и сякъ, и въ концѣ концовъ порѣшили, что дерево никакой помѣхи для проѣзда сдѣлать не можетъ, а напротивъ, своею зеленью проѣзжающимъ даже доставляетъ красоту, и поэтому порѣшили дерево не срубать. Такое рѣшеніе и нужно было становому, потому что дало ему поводъ, въ слѣдующій пріѣздъ въ это село, прежде сильно накричать и застращать крестьянъ и острогомъ и Сибирью, а потомъ, разумѣется, получить откупъ деньгами.

Этотъ становой приставъ, хотя въ своемъ станѣ и считался великимъ страшилищемъ, но когда ему приводилось быть на слѣдствіи вмѣстѣ съ другими чиновниками, то всѣ надъ нимъ, за его неуклюжесть и обжорство, сильно подтрунивали. Случилось однажды, что изъ его мундира и штановъ они устроили чучелу, которую и поставили у двери той комнаты, въ которую, по пріѣздѣ, онъ долженъ былъ входить. Разсказывали, что, при устройствѣ этой чучелы, потребовалось всыпать въ его штаны гороху не менѣе одной осьмины.

Случайно попался мнѣ въ руки въ архивѣ Губернскаго Правленія рапортъ становаго пристава Горбатовскаго уѣзда С., который можно представить какъ за образецъ витейства и краснорѣчія тогдашняго времени. Губернскому Правленію рапортовалось такъ: «Открыто мертвое тѣло, неизвѣстно кому принадлежащее; голова пробита дубиною осиноваго свойства, лежащею поперекъ тѣла». По всему вѣроятію это витійство есть продуктъ письмоводителя, а становой приставъ, находясь въ сильномъ чаду отъ сельской атмосферы, подписалъ рапортъ смаху, его не читавши.

В. И. Глоріантовъ.

Нижній Новгородъ.

МАСОНСКАЯ ТАЙНОПИСЬ.

Въ Масонской перепискѣ и даже въ Масонскихъ сочиненіяхъ иногда употреблялась тайнопись. Шифромъ бывали писаны иногда отдѣльныя слова. Какъ на историческій курьёзъ, укажу на то, что имѣется цѣлый сборникъ Масонскихъ пѣсенъ, писанныхъ шифромъ.

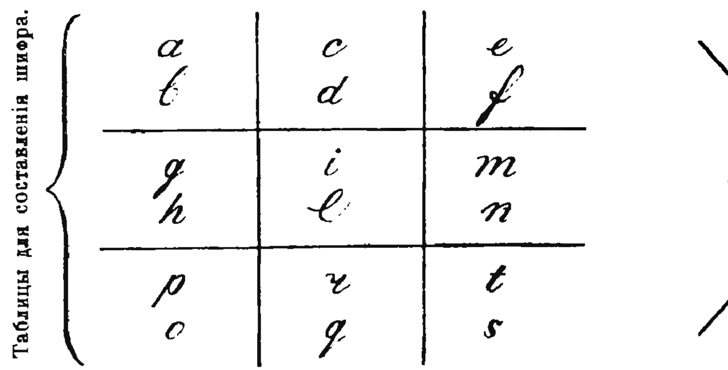
Во время преслѣдованія Масоновъ и перлюстраціи ихъ писемъ, подобный шрифтъ, конечно, привлекалъ на себя вниманіе властей.

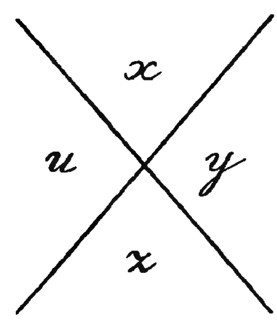
Шрифтъ Масоновъ былъ двоякаго рода. Иногда они извѣстнымъ, самымъ обыденнымъ словамъ пріурочивали переносныя значенія. Такъ, князь Прозоровскій, главнокомандующій въ Москвѣ, доноситъ, между прочимъ, Екатеринѣ II: «и теперь переписка продолжается; въ нѣкоторыхъ есть экивоки, но разумѣть ихъ невозможно, для чего велѣлъ я ихъ на почтѣ копировать, и, сообразя все, можно будетъ нѣчто и понять». Далѣе Прозоровскій сообщаетъ, что въ одномъ письмѣ въ Берлинѣ къ Масону Кутузову писали о заболѣваніи его жены подагрою и передавали отъ нея поклонъ; между тѣмъ, у Кутузова не было вовсе жены, подъ которой подразумѣвалось здѣсь очевидно что нибудь другое. Чтеніе писемъ, писанныхъ шифромъ такого рода, почти немыслимо. Къ этому еще нужно добавить, что нѣкоторыя статьи имѣли свои особенныя Масонскія имена, которыя до сихъ поръ еще не всѣ разгаданы.

Другого рода шифтъ состоялъ изъ извѣстныхъ знаковъ для буквъ. Онъ былъ особенный для каждой степени и получался изъ-за границы. Такъ при допросѣ Московскихъ Мартинистовъ, они всѣ единогласно показали, что тайный шифтъ полученъ ими изъ за границы. При моихъ архивныхъ изысканіяхъ мнѣ тоже удалось видѣть ключъ этого шифра въ рукописяхъ иностранныхъ. Но встрѣчается онъ далеко не часто, что и понятно, такъ какъ сообщеніе шифра производилось съ большою осмотрительностью.

Шифровая азбука отличалась иногда большою вычурностью, особенно въ высшихъ степеняхъ. Алфавитъ состоялъ изъ буквъ обыкновенной Латинской и Еврейской азбукъ, алхимическихъ знаковъ, схематическихъ рисунковъ и пр. Приводить его было бы весьма затруднительно. Здѣсь же я привожу шифръ простѣйшій; притомъ онъ даетъ понятіе о способѣ, по которому образовывалась шифровая азбука.

Таблицы для составленія шифра.





Азбука шифра.

a ┘; b ┘·; c ⊔; d ⊔·; e └; f └·;
g ⊐; h ⊐·; i □; l ⊡; m ⊏; n ⊏·;
o ┐; p ┐·; q ⊓; r ⊓·; s ┌; t ┌·;
u >; x ∨; y <; z ∧.

Варіантъ же этого шрифта заимствую изъ другого источника.

a ┘; b ┘·; c ⊔; d ⊔·; e └; f └·;
g ⊐; h ⊐·; i □; k ⊡; l ⊏; m ⊏·;
n ┐; o ┐·; p ⊓; q ⊓·; r ┌; s ┌·;
t ∨; u ∨·; v >; w; <; x ∧; y ∧·; z ∇.

Тира Соколовская.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

1834.

Moscou, le 13 Mars 1834.

Nous avons eu hier beaucoup de monde à dîner. La Carl a chanté, et assez mal même... Ей такъ наговорили, что Карадори брала любезностью, что и эта туда же; а Нѣмочка, которая любезничаетъ, дѣлается еще смѣшнѣе. Бартенева Pauline заткнула ее за поясъ. Elle disait à Marie B. [2]): votre soeur a une très belle voix, elle devrait imiter ma méthode? A quoi la fine maman lui répondit: c'est dommage que votre méthode ne soit pas un morceau de sucre que vous puissiez partager entre toutes vos connaissances d'ici. Nous nous sommes beaucoup amusés de la бунтовщица; maman Calme nous a fait remarquer qu'elle était à table entre m-lle Carl et m-lle Turni: voyez, m-r B., voyez l'horrible position de Любовь Антоновна. Aussi elle est rouge, elle est toute de feu, elle a la couleur *mordorée* de sa robe. Каково же положеніе? Одна говоритъ ей по-нѣмецки, а другая по-французски, а она не понимаетъ ни одну, ни другую. Я подошелъ къ бунтовщицѣ и сказалъ ей на ухо: ежели бы вы не были *дура*, вы бы имъ отвѣчали по-польски. Elle se fâcha et dit: я ни *Карадаровъ* вашихъ, ни *Карловъ* знать не хочу.

Переводъ.

Москва, 13 Марта 1834.

Вчера у насъ было много народу за обѣдомъ. M-elle Карль пѣла, и даже довольно плохо. Она говорила Мари Б.: у вашей сестры очень хорошій голосъ, ей бы слѣдовало подражать моей методѣ. На что̀ хитрая маменька ей отвѣтила: жаль, что ваша метода не кусокъ сахара, который вы могли бы раздѣлить между всѣми вашими здѣшними знакомыми. Мы много потѣшались надъ бунтовщицей: маменька Calme обратила наше вниманіе на

---

[1]) См. выше, стр. 223.

[2]) Марья Арсеньевна Бартенева, позднѣе супруга Дмитрія Ивановича Нарышкина.

то, что за столомъ она сидѣла между m-elle Карль и m-elle Тюрни: посмотрите, Ал. Яков., посмотрите въ какомъ ужасномъ положеніи Любовь Антоновна. Потому-то она красна, вся огненная, она того же темнокраснаго цвѣта, какъ ея платье. Каково же положеніе? Одна говоритъ ей по-нѣмецки, а другая по-французски, а она не понимаетъ ни одну, ни другую. Я подошелъ къ бунтовщицѣ и сказалъ ей на ухо: ежели бы вы не были „дура", вы бы имъ отвѣчали попольски. Она разсердилась и сказала: я ни „Карадаровъ" вашихъ, ни „Карловъ" знать не хочу.

Москва, 15 Марта 1834.

Вчера явился къ намъ le marquis de Chasseloup съ письмами отъ гр. Бенкендорфа и Вяземскаго. Кажется, порядочный малый. Вяз. меня насмѣшилъ, пишетъ: отряди къ нему Норова ежели не въ генералы, то хотя въ флигель-адъютанты. Норовъ вчера все возился съ письмомъ Вяземскаго къ нему, также и всѣмъ его давалъ читать. Catherine a été hier soir chez les Pachkoff. Le jeune Bakhmétieff y est venu. Il a chanté vos louanges, a raconté comment l'Empereur et le gr.-duc vous donnaient le bras à la mascarade. Mais de quoi donc, demandait Olga Pachkoff, parlaient-ils? Ma foi, madame, je ne pouvais pas m'approcher d'eux, répondit Bakhmétieff, pour écouter ce qu'ils se disaient; mais on voyait que la conversation était animée et que S. M. y trouvait du plaisir. Il y a un certain Tolstoy arrivé de Pétersbourg, jeune, pas mal et riche, qui s'avisa d'être amoureux de m-lle Alexandrine P., et figurez vous qu'elle n'en veut pas, et m-me Хвостовъ, qui doit fourrer son nez partout sans qu'on la prie, tripote pour que ce m-r T. épouse votre soeur. Я ей дамъ знать, когда увижу и спрошу, кто далъ ей коммисію заниматься жребіемъ моихъ дѣтей. J'ai dîné hier au clob et quand j'en partais, Alexis Galitzin qui jouait avec Karabyine aux палки à 50 rbles, perdait 18/m. rbles. On parle beaucoup de fortes sommes gagnées et perdues au jeu; on prétend qu'André R. y est pour 80/m., en ville on dit pour 800/m. et que c'est Serge Pachkoff qui les a gagnés, mais ce sont des fables, je ne puis le vérifier ne sachant pas où ils jouent comme cela; mais toutes ces histoires auront une triste fin. On paraît content du nouveau m-r Zinsky; il est très poli avec tout le monde, chose qu'on ne pouvait pas reprocher à Moukhanoff. Les fabricants d'Akouloff se sont révoltés, et le gouverneur est allé là-bas pour les mettre à la raison. Que Dieu préserve Gorbovo de ce malheur!

Переводъ.

Москва, 15-е Марта 1834.

Катя вчера вечеромъ была у Пашковыхъ. Молодой Бахметевъ пришелъ туда. Онъ превозносилъ тебя, разсказывалъ, какъ Государь и вел. князь вели

тебя подъ руку въ маскарадѣ.—Но, о чемъ же они разговаривали? спросила Ольга Пашкова—Право, сударыня, отвѣтилъ Бахметевъ, я не могъ подойти къ нимъ, чтобы слушать, что̀ они другъ другу говорили; но видно было, что разговоръ шелъ оживленный и что Е. В. находилъ въ немъ удовольствіе. Есть нѣкій Толстой, пріѣхавшій изъ Петербурга, молодой, не дуренъ собой и богатый, который вздумалъ влюбиться въ Александру П. и, представь себѣ, она его не хочетъ, а Хвостова, которой нужно совать непрошенно свой носъ всюду, стряпаетъ, чтобы этотъ Т. женился на твоей сестрѣ. Я ей дамъ знать, когда увижу и спрошу, кто далъ ей комиссію заниматься жребіемъ моихъ дѣтей. Я обѣдалъ вчера въ клубѣ, а когда я убѣжалъ оттуда, Алексѣй Голицынъ, игравшій съ Коробьинымъ въ палки по 50 рублей, проигралъ 18 тыс. руб. Много говорятъ о большихъ суммахъ выигранныхъ и проигранныхъ въ карточной игрѣ; увѣряютъ будто Андрей Р. поплатился 80 тыс. а въ городѣ говорятъ—800 т. и будто Сергѣй Пашковъ ихъ выигралъ; но это басни, не могу ихъ провѣрить, такъ какъ не знаю, гдѣ они играютъ такимъ образомъ, но всѣ эти исторіи будутъ имѣть печальный конецъ. Видимо, довольны новымъ г. Цинскимъ, онъ очень вѣжливъ со всѣми, въ чемъ нельзя было упрекнуть Муханова. Фабриканты въ Акуловѣ взбунтовались, губернаторъ поѣхалъ туда, чтобы заставить ихъ повиноваться. Да избавитъ Богъ Горбово отъ этого несчастія!

Moscou, le 16 Mars 1834.

Je n'ai pas eu de lettre de vous hier, ma chère Olga, mais vous avez écrit à l'excellente princesse, et c'est tout comme, car sa *движимое имѣніе*, qu'on appelle vos lettres, se trouve chez nous въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи. Nous vous attendons les bras ouverts, cela s'entend; mais il faut voir l'impatience des autres! Je nomme cela simple curiosité, fort indiscrète. Il est bon de nous entretenir sur ce chapitre sérieusement. Pas de doutes que ce voyage que vous venez de faire fait époque. Le public s'en occupe singulièrement, les commérages vont leur train, les détails étant indignes de la peine de les transcrire, nous causerons en temps et lieu. Chacun fait ses observations, et il y en a d'assez bêtes pour dire: ну ужъ теперь Д-кіе носъ поднимутъ, не станутъ и кланяться никому. Hier, au concert de Chalk, la fameuse Липочка [1]) me disait: ну разсказывайте, что̀ Государь говорилъ княгинѣ Ольгѣ. Je lui ai répondu: какія вы нетерпѣливыя, погодите немножко, все это будетъ напечатано въ Суботнихъ Московскихъ газетахъ. Elle était sur le point de le croire. Quant à Lisbette Narichkine [2]), qui, à la même question à peu près, reçut de moi la même réponse, elle se fâcha presque et se tut. Je voudrai fâcher comme cela une demi-douzaine de bavardes, car alors les autres prendraient le parti le plus sage: celui de se taire. Mon avis serait que vous, en arrivant ici, vous évitiez de prononcer le nom de L. L. M. M. en ayant l'air de ne pas avoir quitté Moscou et pour ceux

[1]) Княгиня Лобанова-Ростовская, ур. Бородина.

[2]) Елисавета Александровна, впослѣдствіи Козлова.

qui commenceraient eux-mêmes ce chapitre, votre réponse devrait être: les personnes qui s'intéressent à nous et nous aiment véritablement ont dû apprendre tout cela de nos mamans et de papa, auxquelles nous écrivions tous les jours régulièrement; pourquoi répéter ce qu'elles doivent déjà savoir? Et puis parler d'autre chose. Il vaut beaucoup mieux qu'on se fâche de votre réticense et discrétion qu'on dise: ну ужъ Д-кie, объ иномъ не говорятъ, какъ о царской фамилiи, et on vous prêtera des choses que vous n'avez jamais songé à dire, et il n'y a pas de mal qu'en écrivant à Pétersbourg on se plaigne de votre discrétion. Je sais combien vous êtes sages tous deux, votre conduite à Pétersbourg ne l'a que trop prouvé, et c'est un témoignage que mon frère rend souvent à vous et à Дишка. Dans sa lettre d'hier mon frère fait un tel éloge de vous deux qu'en vérité le coeur m'en a sauté de joie. Il me dit: нельзя Д. не быть въ восхищенiи отъ ихъ поѣздки сюда и отъ всѣхъ милостей, коими подлинно были осыпаны; но надобно правду говорить, они, право, оба истинно того заслуживаютъ. Богъ Ольгу наградилъ за доброе дѣло: она не только взялась охотно, но умненько сладила дѣло Зубкова, говорила вел. князю, который обѣщалъ свое покровительство, etc. C'est vraiment une bonne action que vous avez faite, donner une existence à ce malheureux enfant, doué de tant de capacités!

Переводъ.

Москва, 16-е Марта 1834.

Дорогая Ольга, вчера не было письма отъ тебя ко мнѣ, но ты написала достойнѣйшей княгинѣ, а это все равно, что̀ мнѣ, ибо ея „движимое имѣнiе", какъ называютъ твои письма, находятся у насъ въ общемъ нераздѣльномъ владѣнiи. Ждемъ тебя съ распростертыми объятiями, это само собою разумѣется; но нужно видѣть нетерпѣнiе прочихъ! Я называю это просто нескромнымъ любопытствомъ. Слѣдуетъ намъ поговорить объ этомъ серьезно. Несомнѣнно, что ваша поѣздка составляетъ эпоху. Публика особенно занята ею, сплетни идутъ своимъ порядкомъ; но такъ какъ подробности не стоютъ чтобы трудиться описывать ихъ, мы потолкуемъ объ этомъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Каждый дѣлаетъ свои замѣчанiя, и находятся настолько глупые люди, чтобы говорить: ну, ужъ теперь Д-кie носъ поднимутъ, не станутъ и кланяться никому. Вчера, въ концертѣ Шалькъ, знаменитая Липочка сказала мнѣ: ну разсказывайте, что̀ Государь говорилъ княгинѣ Ольгѣ. Я ей отвѣтилъ: какiя вы нетерпѣливыя, погодите немножко, все это будетъ напечатано въ Суботнихъ Московскихъ газетахъ. Она была готова повѣрить этому; а Лизочка Нарышкина, получивъ отъ меня на свой почти тождественный вопросъ тотъ же отвѣтъ, чуть не разсердилась и замолчала. Мнѣ хотѣлось бы вотъ этакъ разсердить съ полдюжины болтушекъ, потому что тогда остальныя избрали бы самое мудрое рѣшенiе: молчать. Мое мнѣнiе, что, по прiѣздѣ сюда, вы должны избѣгать произносить имена Ихъ Величествъ, имѣя видъ точно не уѣзжали изъ Москвы, а для тѣхъ, которые бы сами начали говорить объ этомъ, вашъ отвѣтъ долженъ быть таковъ: кто нами интересуется и дѣйствительно насъ любитъ, долженъ былъ

узнать обо всемъ отъ нашихъ маменекъ и папеньки, которымъ мы аккуратно писали ежедневно; зачѣмъ же повторять тò, что имъ уже извѣстно? А затѣмъ заговорить о другомъ. Гораздо лучше, чтобы сердились за ваше умолчаніе и скромность, чѣмъ если станутъ говорить: ну, ужъ эти Д-кіе, объ иномъ не говорятъ, какъ о царской фамиліи, и будутъ приписывать вамъ то, чего вы никогда не думали говорить, и не бѣда, если въ письмахъ въ Петербургъ будутъ жаловаться на вашу скромность. Я знаю, насколько вы оба благоразумны, ваше поведеніе въ Петербургѣ слишкомъ хорошо это доказало, и братъ мой часто преклоняется за это передъ тобой и Дишкой. Въ своемъ вчерашнемъ письмѣ мой братъ такъ расхваливаетъ васъ обоихъ, что, право, у меня сердце прыгнуло отъ радости. Онъ говоритъ: дѣйствительно доброе дѣло ты сдѣлала, устроивъ положеніе этому несчастному столь богато одаренному ребенку!

Moscou, le 10 Mai 1834.

Il y a des détails touchants sur la mort de Mörder; la dernière parole qu'il a pronocé en mourant c'était: Alexandre! Alexandre! L'Empereur a écrit une lettre touchante à la veuve à Rome, il s'est montré grand comme Empereur et bon comme père, il a donné à m-me Mörder: 1-r, une arende de 20/m. rbles; 2-d, une pension de 15/m. rbles; 3-me, comme il y a six enfants, S. M. a accordé à chacun d'eux par 2/m. rbles leur vie durant. On a amené l'Héritier à Czarskoe Sélo pour lui annoncer la nouvelle fatale. On craint pour sa santé, car il est si sensible. Il y a dans les приказы des congés de 4 mois pour 4 officiers de gardes à cheval, ceci me fait craindre que Svistounoff n'obtiendra pas de semestre cette année.

Переводъ.

Москва, 10-е Мая 1834.

Имѣются трогательныя подробности о смерти Мёрдера; послѣднія слова, которыя онъ произнесъ умирая, были: Александръ! Александръ! Государь написалъ трогательное письмо вдовѣ въ Римъ, онъ показалъ себя великимъ какъ Государь и добрымъ какъ отецъ; онъ назначилъ г-жѣ Мёрдеръ: во 1-хъ, аренду въ 20 т. руб.; во 2-хъ, 15 т. пенсіи; въ 3-хъ, такъ какъ осталось шесть человѣкъ дѣтей, Е. В. пожаловалъ каждому изъ нихъ 2 т. пожизненно. Наслѣдника привезли въ Царское Село, чтобы объявить ему роковое извѣстіе. Боятъся за его здоровье, ужъ очень онъ чувствительный. Въ приказахъ есть четырехмѣсячные отпуски для четырехъ офицеровъ конной гвардіи, это заставляетъ меня опасаться, что Свистуновъ не получитъ въ этомъ году шестимѣсячнаго отпуска.

Moscou, le 17 Mai 1834.

Nous avons eu un concert magnifique chez les Bobrinsky; la Clemenza di Tito a été très bien exécutée, et (chose étrange) c'est la Barténeff qui a chanté le moins bien. Sophie a très bien rempli son rôle, ainsi que m-lle Akouloff qui sait beaucoup le véritable chant Ita-

lien et a très bien dit un récitatif en prononçant: come si deve. C'était une fête de grand seigneur, belle maison, l'éclairage tenait de l'incendie, glaces, fruits, bonbons, souper, livrées, tout cela était magnifique, l'escalier orné de tapis et de pôts de roses sans nombre, Sophie faisant les honneurs avec grâce et dignité. C'est dommage que pour une réunion comme cela il n'y eut que 60 personnes à peu près, c'eût était une occasion de montrer à la ville cette belle maison*). Après souper on a dansé. Nous sommes partis à 3 h. avec maman, et Catherine y resta avec les Abreskoff jusqu'à 5. Il y avait le prince et la princesse Dmitry, les Skariatine, m-lle Wolkoff, m-me Rachmanoff, m-me Lounine, Ricci: la c-sse Potemkine со свитою, Krouse, Homoutoff et tout ce qui s'en suit; le Sublime avec la sienne. La p-sse Tatiana m'a demandé de vos nouvelles. Voici donc la nouvelle principale de Moscou. De Pétersbourg que vous dire? Il y a eu le 10 la grande parade qui était magnifique. Voilà ce que mon frère me dit encore du Il: «Скажи Ольгѣ милой, что вчера у меня былъ съ ея письмомъ кн. Голицынъ, я съ нимъ когда-то былъ знакомъ, а теперь готовъ короче познакомиться. Она его хвалитъ, это для меня лучшая рекомендація, за то онъ мнѣ съ перваго взгляда и полюбился. Не могъ съ нимъ много говорить, ибо въ то время я былъ въ Совѣтѣ и могъ только на нѣсколько минутъ къ нему выйти». Votre frère Костя est aux arrêts, au moins ce n'est que pour un manque de discipline, et je l'apprends par lui-même et pas des autres. Нелегкая дернула его идти въ Лѣтній садъ, тамъ гулялъ онъ съ Вяземскимъ; подошли офицеры гвардіи, и Костя по обыкновенной своей вѣтренности и фанфаронству ходилъ съ нимъ рядомъ, какъ съ своимъ братомъ. Надобно, какъ всегда это бываетъ, чтобы вел. князь увидѣлъ, велѣлъ сказать Костѣ, чтобы шелъ домой, куда пришедши, нашелъ уже приказаніе ареста. И ништо ему: видно, школа еще не надоѣла.

Пишу тебѣ все отрывками; три Александра одинъ послѣ другого мнѣ мѣшали, сперва А. Башиловъ, тамъ А. Суворовъ и наконецъ А. Кочубей, пріѣхавшій изъ Петербурга и который очень тебѣ кланяться велѣлъ, сожалѣя, что тебя нѣтъ въ городѣ. Il va à Toula où sa belle-soeur, la femme d'Arcadie, est à la dernière extrémité malade. J'ai reçu une très aimable lettre du gr.-duc Michel qui me dit des choses fort drôles sur Bachiloff qu'il appelle вертопрахъ, фанфаронъ, волокита, коего е. в. не могъ совратить съ пути разврата et autres plaisanteries pareilles. Chez les Kindiakoff grand brouhaha, la Poltoratzky est déjà

---

*) Бобринскіе, графъ Алексѣй Алексѣевичъ и графиня Софья Александровна (урож. гр. Самойлова) жили противъ Страстнаго монастыря, па углу Малой Дмитровки.

arrivée avec toute la famille, et m-me Lise P. *) est attendue demain. M-r Nicolas va reprendre son rôle de chevalier servant.

Dimanche il y a grande cérémonie dans la salle des marchands. Le corps fera au p-ce Dmitry l'offrande de son buste sur un superbe piedéstal en malachyte en mémoire de la reconnaissance de la ville de Moscou pour ses soins pendant le cholèra. J'irai voir, les marchands ayant eu l'hônnéteté de m'envoyer la carte d'invitation par un de leur député choisi dans leur corps, le conseiller de commerce Petroff.

Переводъ.

Москва, 17-е Мая 1834.

Былъ великолѣпный концертъ у Бобринскихъ, Клеменца ди Тито была прекрасно исполнена и (странное дѣло) Бартенева пѣла хуже другихъ. Софи очень хорошо исполнила свою роль точно также какъ m-lle Акулова, которая хорошо знаетъ настоящее Итальянское пѣніе и отлично сказала речитативъ, произнося какъ должно быть; это былъ вельможный праздникъ, красивый домъ, освѣщеніе походило на пожаръ, было мороженое, фрукты, конфеты, ужинъ, ливреи, все это было превосходно, лѣстница была устлана ковромъ и убрана безчисленнымъ количествомъ горшковъ розъ; Софи принимала гостей съ граціей и достоинствомъ. Жаль, что на подобномъ собраніи было, приблизительно человѣкъ 60, а то былъ бы случай показать городу этотъ чудесный домъ. Послѣ ужина танцовали. Мы съ маменькой уѣхали въ 3 часа, а Катя осталась съ Обрѣзковыми до 5-ти часовъ. Были тамъ князь Дмитрій съ женой, Скарятины, m-lle Волкова, Рахманова, Лунина, Риччи; графиня Потемкина со свитою, Крузе, Хомутовъ и всѣ прочіе; величественный со своею. Княгиня Татіана спрашивала меня про тебя. Вотъ главная Московская новость; что тебѣ сказать о Петербургѣ, 10-го былъ большой парадъ, который былъ великолѣпенъ. Вотъ, что сообщаетъ мнѣ еще братъ отъ 11 числа: твой братъ Костя подъ арестомъ, по крайней мѣрѣ это только за недостатокъ дисциплины, и узналъ я объ этомъ отъ него самого, а не отъ постороннихъ.

Онъ ѣдетъ въ Тулу, гдѣ его невѣстка, жена Аркадія, смертельно больна. Я получилъ очень милостивое письмо отъ в. к. Михаила, который разсказываетъ забавныя вещи про Башилова, называетъ его вертопрахъ, фанфаронъ, колокита, коего е. в. не могъ совратить съ пути разврата и другія подобныя шутки. У Киндяковыхъ очень шумно, Полтарацкая уже пріѣхала со всей семьей, а Лизу П. ждутъ завтра. Николай снова вступитъ въ роль услужливаго кавалера.

Въ Воскресенье будетъ большая церемонія въ купеческой залѣ. Купеческое сословіе поднесетъ князю Дмитрію въ даръ его бюстъ на чудесномъ піедесталѣ изъ малахита, въ знакъ благодарности города Москвы за его заботы во время холеры. Поѣду посмотрѣть, купечество было такъ учтиво, что прислало мнѣ пригласительный билетъ черезъ избраннаго изъ ихъ сословія депутата, комерціи совѣтника Петрова.

---

*) Полторацкая, урожд. Киндякова, супруга Сергѣя Дмитріевича.

Moscou, le 21 Mai 1834.

Сейчасъ былъ у меня Полторацкій, отъ васъ пріѣхавшій и привезъ мнѣ письмо отъ принцессы Кальмы, за которое цѣлую у нея ручки, а приложенное къ ея возлюбленному отправляю сегодня же въ Люблино. J'ai beaucoup ri. Сегодня на вѣстяхъ у меня новый почтальонъ, большая скотина, хотя ростомъ съ остроумнаго Фирса *). Полторацкій хочетъ ко мнѣ войти; онъ его не пускаетъ, позвольте доложить.—Ну доложи, что пріѣхала живая грамота.—Да имя ваше, фамилія какъ?—Я тебѣ говорю: живая грамота.—Le voilà qui entre et me dit: в. п. пріѣхалъ господинъ по фамиліи живая грамота.—Je ne concevai rien lorsque je vois entrer Poltoratzky. J'ai remis à Катя le paquet; elle mérite bien que vous pensiez à elle, elle qui ne vous a pas encore donné signe de vie. Hier soir nous avons éte chez m-me Nadine avec votre soeur. Il y eut une grande dissertation sur la coquetterie, l'amour, l'amitié, et autres brinborions de ce genre. M-lle Dériabine s'est distinguée. Quand les danses commencèrent (m-me Nadine n'est pas sorti de son boudoir), je me suis éclipsé laissant là votre soeur.

Вчера была торжественная и трогательная церемонія въ домѣ купеческаго сословія, обѣдъ славнѣйшій на 360 человѣкъ, вино славное, фруктовъ, персиковъ, ананасовъ, сливъ, абрикосовъ, винограду бездна, какъ бы среди лѣта. Князь такъ сидѣлъ, что всѣхъ могъ видѣть, и всѣ его также; пили 1-е здоровье Императора и Императрицы, князь и всѣ встали, запѣли «Боже Царя храни», тоже повторилось послѣ для Наслѣдника и царскаго дома, потомъ градской голова всталъ съ мѣста и читалъ прилагаемую здѣсь рѣчь князю, предложилъ здоровье князя, далъ сигналъ, и вдругъ капишонъ изъ зеленой тафты съ короною княжескою на верху, накрывавшій монументъ, стоявшій на другомъ концѣ залы, исчезъ и показался бюстъ князя Д. В. на пребогатомъ пьедесталѣ изъ малахита и серебра литаго съ различными надписями и эмблемами; начали пить, хлопать руками и кричать ура; на хорахъ запѣли куплеты князю, коихъ музыка сочинена была Верстовскимъ, опять кричали, хлопали и требовали повторенія. Князь видимо былъ тронутъ сими нелицемѣрными изъявленіями любви. Онъ всталъ съ мѣста своего, вынулъ бумагу и началъ читать благодарственную рѣчь; всѣ встали съ мѣстъ своихъ, подбѣжали къ нему ближе, чтобы слышать голосъ его, ужасная сдѣлалась тишина, когда князь сказалъ: милостивые государи! Князь началъ (я тутъ невольно вспомнилъ Наслѣдника) твердымъ голосомъ, но послѣ былъ такъ тронутъ, что два раза отъ слезъ останавливался и закрывалъ себѣ лицо бумагою, всѣ также были тронуты, я не

*) Т. е. князя Сергѣя Григорьевича Голицына.

говорю уже о Новосильцевѣ, Степановѣ, Данзасѣ и другихъ приближенныхъ князю и имъ облагодѣтельствованныхъ, кои плакали, какъ дѣти, но у всѣхъ почти слезы навертывались, кричали опять ура, хлопали и требовали повторенія куплетовъ въ честь его.

Рѣчь головы могла бы быть лучше; жаль, что князева отвѣта еще не имѣю, онъ очень хорошъ. Монументъ очень хорошъ, пьедесталъ изъ малахита съ украшеніями изъ литаго серебра, а на верху бюстъ мраморный князя.

Явился чудакъ Ал. Тургеневъ и болѣе двухъ часовъ съ нами проболталъ, онъ только что пріѣхалъ изъ Вѣны, все тотъ же. Увидя Катю, бросился у нея руку цѣловать и спросилъ: здоровы ли *дѣти ваши?* и насилу одумался, видно принялъ сестру за тебя, а можетъ быть и за Наташу, а потомъ, чтобы поправить ошибку сказалъ: ah! c'est vrai, votre soeur Dolgorouky *est blonde*. Какъ это я васъ принялъ за нее? Уморительный человѣкъ!

Переводъ.

Moscou, 21-е Мая 1834.

Я много смѣялся. Вотъ онъ входитъ и говоритъ мнѣ: в. п., пріѣхалъ господинъ по фамиліи живая грамота.—Я ничего не понималъ, какъ вдругъ вижу, входитъ Полторацкій. Я передалъ Катѣ пакетъ; стоитъ ли она того, чтобы ты о ней думала, когда она еще не дала тебѣ признаковъ жизни? Вчера мы съ твоей сестрой были у Надиньки. Тамъ велась длинная диссертація о кокетствѣ, о любви, дружбѣ и другихъ мелочахъ въ этомъ родѣ. M-lle Дерябина отличалась. Когда начались танцы, (Надинька не вышла изъ своего будуара) я исчезъ, оставивъ тамъ твою сестру.

Ахъ, правда, ваша сестра Долгорукая „блондинка".

Moscou, le 24 Mai 1834.

J'étais dans mon cabinet à ecrire, votre soeur lisait le Petit Courrier des dames, je ne pensais pas plus à Tourguéneff, que je savais a Vienne qu'à Lomonossoff, qui est à Londres, la porte s'ouvre, paraît T., je cours à lui. Sa première question, son premier mot fut: «ахъ! скажи, братъ, гдѣ живетъ m-me Бравура? et puis: «здравствуй!» comme s'il m'avait vu la veille et puis: «помилуй братъ, ты совсѣмъ не старѣешься». Il ne s'apperçut que bien tard que votre soeur était là, подбѣжалъ къ рукѣ et lui dit: comment se portent vos... enfants? Votre soeur de rougir et moi riant aux éclats. J'ai cru qu'il avait pris Cath. pour votre mère, mais il me tira de cette erreur en disant avec un grand coup sur le front: «ахъ! j'ai cru que vous étiez la Dolgorouky, au reste и это не знаю почему, car votre soeur est *très blonde*. Не правда ли, что меня одолжили! Сестру сдѣлали маменькою въ дѣвкахъ, а тебя пожаловали въ бѣлоку-

рыя. Il a été comme cela une heure à radoter, dansait sur un pied, parlait à la fois de Vienne et de Rome, de m-me Tatitcheff et du Pape, du passé et de l'avenir, состарѣлся, обрюзгъ и посѣдѣлъ, mais *fashionable* au suprême degré et avec cela touché.

Переводъ.

Москва, 34-е Мая 1834.

Я писалъ въ своемъ кабинетѣ, а твоя сестра читала „Маленькій Дамскій Вѣстникъ; я и не помышлялъ о Тургеневѣ, который, какъ мнѣ извѣстно, въ Вѣнѣ, точно такъ же, какъ не думалъ о Ломоносовѣ, который въ Лондонѣ; вдругъ дверь отворяется, является Т., я бѣгу къ нему. Первый его вопросъ былъ: ахъ! скажи братъ, гдѣ живетъ м-мъ Бравура? а затѣмъ: здравствуй! какъ будто онъ видѣлъ меня наканунѣ, а потомъ: помилуй, братъ, ты совсѣмъ не старѣешься. Много времени спустя только, онъ замѣтилъ, что тутъ была твоя сестра, подбѣжалъ къ рукѣ и сказалъ ей: какъ здоровье вашихъ..... дѣтей? Сестра твоя покраснѣла, а я расхохотался. Я думалъ, что онъ принялъ Катю за твою маменьку, но онъ вывелъ меня изъ заблужденія, хлопнувъ себя по лбу и сказавъ: ахъ! я принялъ васъ за Долгорукую, впрочемъ и это не знаю почему, такъ какъ твоя сестра совсѣмъ бѣлокурая. Цѣлый часъ онъ несъ такую чепуху, танцуя на одной ногѣ, говоря въ одно и тоже время о Вѣнѣ и о Римѣ, о м-мъ Татищевой и о Папѣ, о прошломъ и о будущемъ; состарѣлся, обрюзгъ и посѣдѣлъ, но fashionable въ высшей степени и при этомъ растроганъ.

Moscou, le 27 Mai 1834.

Le comte Golowkine est arrivé ce matin, la p-sse Saltikoff est dans la joie et n'est pas allée à cause de cela dîner chez Ан. Дм. à Petrofskoé. Une nouvelle débarquée encore, c'est la p-sse Véra Wiasemsky, qui ne cesse de parler de la cour: l'Empereur a fait cela, l'Impératrice *m'a* dit ceci, le gr.-duc m'accoste, comme il le fait toujours etc. etc.; elle m'a demandé si vous étiez consolée d'avoir quitter Pétersbourg? J'ai dit que tout en regrettant ce séjour, vous étiez bien heureuse de vous retrouver avec nous et avec vos enfants. Elle dit: mais quand on a été à Pétersbourg d'une manière aussi agréable que votre fille, on ne s'en console pas, ses enfants sont si petits encore (belle raison!). Mais moi, princesse, je suis grand garçon, et puis la maman et même deux, et puis sa soeur, et puis être deux mois, trois ou quatre à Pétersbourg n'est ce pas la même chose, cela ne finirait jamais. Много было бы повторять тебѣ все, что̀ та говорила, все такая же болтушка et sachant tout en détail et mieux que les autres. Sa fille Marie *) a embelli, et elle est gentille, mais la cadette, Pauline, est toute pâle et malade. On va lui faire prendre les eaux d'ici. Il y a foule toujours, c'est une lanterne magique. Je suis parti au moment où le Sublime arrivait. Tourguéneff était là et dormait dans un fauteuil.

*) Позднѣе Валуева († 1837).

Le jour de sa fête mon frère a eu une foule de monde, 68 personnes à dîner; le p-ce Pierre W. y est venu aussi dîner et retourna le soir encore. Костя a été libéré ce jour-la de son arrêt et a passé la journée chez son oncle. Чтò еще сказать? Въ Парижѣ умеръ Lafayette à 79 ans; cela fait peu d'effet cependant, et il n'y a pas eu de grabuge comme on l'avait craint à son enterrement, qui s'est fait très paisiblement dans un petit cimetière. La femme de Kotchoubey Arcadie, née Wiasemsky, est morte à Toula, Alexandre Kotchoubey me l'écrit. Ici est morte la p-sse Galìtzine, femme de celui qu'on nomme le Jésuite; figurez vous, qu'étant malade pas gravement elle dit: хочу попа скорѣе, я умру. Le prêtre vient, elle remplit tous ses devoirs chrétiens, et en effet son pouls commence à faiblir toujours plus, les médecins annoncent sa fin, elle mourut; quand on l'eu lavée pour la mettre sur la table, la voilà qui reprend ses sens, se lève, ressuscitée, parle, sans reconnaître les siens, ni son mari, s'adressant toujours à Dieu ou à un tiers dont (on ne pouvait pas deviner le nom), et puis après, avoir vécu encore quatre heures, elle meurt tout de bon. On l'a enterrée hier. M-me Barténeff a une telle peur qu'elle veut qu'on ne l'enterre *qu'un mois* après sa mort; а прежде просила, чтобы ее щипали раскаленными щипцами.

Переводъ.

Москва, 27-е Мая 1834.

Графъ Головкинъ пріѣхалъ сегодня утромъ, княгиня Салтыкова внѣ себя отъ радости и поэтому не поѣхала обѣдать къ Ан. Дм. въ Петровское. Еще одна новопріѣзжая, это княгиня Вѣра Вяземская, которая не переставая говоритъ о дворѣ: Государь сдѣлалъ то-то, Императрица сказала мнѣ то-то, в. кн. пристаетъ ко мнѣ, какъ онъ это всегда дѣлаетъ и т. д. и т. д.; она спрашивала меня утѣшилась ли ты, что уѣхала изъ Петербурга? Я сказалъ, что, несмотря на сожалѣніе объ этомъ пребываніи, ты очень счастлива быть опять съ нами и съ твоими дѣтьми. Она сказала: но, послѣ такого пріятнаго пребыванія въ Петербургѣ, какимъ оно было для вашей дочери, нельзя утѣшиться, ея дѣти еще малы (хороша причина!). Княгиня, но вѣдь я большой мальчикъ, а потомъ маменька и даже двѣ, потомъ ея сестры, кромѣ того пробыть въ Петербургѣ два мѣсяца, три или четыре—не все ли это равно, этому конца бы никогда не было. Много было бы повторять тебѣ все, чтò та говорила, все такая же болтушка знающая все подробно и лучше другихъ. Ея дочь Мари похорошѣла и мила, а младшая, Полина, совсѣмъ блѣдная и больная. Она начнетъ скоро пить здѣшнія воды. Тамъ всегда пропасть народу, это волшебный фонарь. Я уѣхалъ въ ту минуту какъ входилъ „величественный". Тургеневъ былъ тамъ и спалъ въ креслѣ.

У брата въ день его именинъ было пропасть народу, 68 человѣкъ за обѣдомъ, кн. Петръ В. тоже пріѣхалъ къ обѣду и еще разъ вернулся вечеромъ. Костя былъ въ этотъ день освобожденъ изъ подъ ареста и провелъ день у своего дяди. Чтò еще сказать? Въ Парижѣ умеръ Лафайетъ 79 лѣтъ, тѣмъ не менѣе это производитъ мало впечатлѣнія, не было на его похоронахъ

раздоровъ, какъ того опасались, похороны прошли мирно на маленькомъ кладбищѣ. Жена Аркадія Кочубея, рожденная Вяземская, умерла въ Тулѣ. Александръ Кочубей пишетъ мнѣ объ этомъ. А здѣсь умерла княгиня Голицына жена того, котораго называютъ Іезуитомъ. Представь себѣ, будучи не серьезно больна, она сказала: хочу попа скорѣй, я умру. Приходитъ священникъ, она исполняетъ свой долгъ христіанки и, дѣйствительно, пульсъ ея начинаетъ все болѣе слабѣть, доктора объявляютъ ея кончину, она умерла; когда ее обмыли, чтобы положить тѣло на столъ, она вдругъ очнулась, встаетъ воскресшая, говоритъ, не узнавая своихъ, ни мужа, обращаясь все время къ Богу или къ третьему лицу, имени котораго никакъ не могли угадать, и затѣмъ, проживъ еще четыре часа, умираетъ взаправду. Ее похоронили вчера. Бартенева до того боится, что хочетъ, чтобъ ее похоронили только „черезъ мѣсяцъ“ послѣ ея смерти, а прежде просила, чтобы ее щипали раскаленными щипцами.

Moscou, le 31 Mai 1834.

Avant tout je vous demande pardon de mon étourderie, ma chère Olga. On m'apporte un billet, en disant: отъ графа Головкина, et comme je lui avais écrit peu avant deux mots en lui envoyant les journaux, j'avais pensé que c'était une réponse, je décachette et suis fort étonné de voir le comte me comparer à la rose et à la violette; or, cette rose, cette violette c'était vous, ma chère. Je vous renvoye donc ce qui est à vous; au reste cette méprise m'a fait lire un fort joli billet et dont nos jeunes gens d'àprésent seraient incapables. Il a passé hier la soirée chez nous, il y avait la Barténeff aussi; votre soeur s'est avisée d'être aimable, elle a beaucoup chanté, et le c-te G. est décidement fou de Дружба, qui a été répétée 3 ou 4 fois. Il est au désespoir que vous ne fussiez pas ici, car nous lui avons dit que c'est avec vous qu'il faut entendre votre soeur chanter cela. Il a fait un temps délicieux, nous avons soupé dans la chambre Turque, les fenêtres ouvertes, après souper toute la bande joyeuse a été reconduire chez elle à pied la p-sse Saltikoff, de là nous sommes allés marcher sur le boulevard de la poste? Tout cela a duré jusqu'àprès 3 heures du matin, et cependant me voilà levé à 7. Maman est allée donner le baptême à un Juif, chose que j'aurais été curieux de voir, да некогда. Il y a dîner chez A. Д. Нарышкина pour le c-te Golowkine à Petrofskoé. Il faudra y aller, а не хочется. Je trouve que c'est trop souvent voir la charmante famille.

Vous ai-je dit que maman vient de baptiser un Жиденокъ de 13 ans? Dîtes à s. e. m-me la p-se Calmissime que Philarète vient d'arriver; mais hélas, c'est pour nous faire ses adieux, car il sera à Pétersbourg, а сюда не знаю еще кого. Tourguéneff m'a dit cela, il venait de chez sa sainteté.

Переводъ.

Москва, 31 Мая 1834.

Прежде всего, дорогая моя Ольга, прошу у тебя прощенія за свою разсѣянность. Приносятъ мнѣ записку и говорятъ: отъ графа Головкина, а такъ какъ я не задолго передъ тѣмъ писалъ къ нему два слова, посылая ему газеты, я подумалъ, что это былъ отвѣтъ; распечатываю и очень удивленъ тѣмъ, что графъ сравниваетъ меня съ розой и фіалкой; но эта роза, эта фіалка была ты, моя дорогая. Отсылаю же тебѣ то, что̀ принадлежитъ тебѣ; впрочемъ, эта ошибка дала мнѣ случай прочесть прелестную записку, какой наши теперешніе молодые люди не способны написать. Вчера онъ провелъ вечеръ у насъ, была также Бартенева; твоя сестра рѣшилась быть любезной, она много пѣла, и графъ Г. положительно безъ ума отъ „Дружбы", которая была повторена 3 или 4 раза. Онъ въ отчаяніи, что тебя здѣсь нѣтъ, такъ какъ мы говорили ему, что нужно послушать, какъ твоя сестра это поетъ съ тобою. Погода была чудесная, мы ужинали въ Турецкой комнатѣ, при открытыхъ окнахъ, послѣ ужина вся веселая компанія пошла пѣшкомъ провожать княгиню Салтыкову, оттуда мы пошли походить по почтовому бульвару? Все это продолжалось почти до 3-хъ часовъ утра, а между тѣмъ вотъ я всталъ въ 7 часовъ. Маменька пошла крестить Еврея, что̀ мнѣ было бы любопытно посмотрѣть, да некогда. У А. Д. Нарышкиной, въ Петровскомъ, обѣдъ для гр. Головкина. Придется ѣхать, а не хочется. Я нахожу, что слишкомъ ужъ часто приходится видѣть милѣйшую семью.

Говорилъ ли я тебѣ, что маменька только что окрестила 13 лѣтняго Жиденка? Скажи ея сіятельству княгинѣ Кальмиссимъ, что Филаретъ только что пріѣхалъ, но увы, для того чтобы съ нами распроститься, такъ какъ онъ будетъ въ Петербургѣ; а сюда не знаю еще кого. Тургеневъ мнѣ это сказалъ, онъ пришелъ отъ его святѣйшества.

Moscou, le 4 Juin 1834.

Dans la ville il n'est question que d'une seule chose dans ce moment, de la mort subite et inattendue du prince Kotchoubey: tout le monde en est frappé. Samedi aux Francais je vois le jeune p-ce Basile [1]), lui demande quand son père arrive?—Papa vient d'arriver il y a une demi-heure.—Comment va sa santé?—Très bien, un peu fatigué du voyage seulement. Le soir je rentre du spectacle à la maison, je me couche, la nuit on me reveille. Что̀ такое?—Бумага нужная отъ об.-полицій-мейстера.Je me lève un peu inquiet; c'était un paquet à expédier par estafette à Kotchoubey Alex. et Arcadie à Orel. Je demande ce que cela pouvait être. L'officier me dit que c'est sûrement pour annoncer la mort du p-ce Викт. Павл. Vous pouvez vous imaginer mon étonnement. Je n'ai pas pû me rendormir. J'ai été à dix heures dans la maison Goudovitch [2]) où le p-ce Kotchoubey s'était arrêté, pour remettre au

---

[1]) Князь Василій Викторовичъ, нумизматъ, женившійся потомъ на вдовѣ князя Эспера Александровича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. П. Б.

[2]) На Тверской близъ генералъ-губернаторскаго дома, нынѣ Евреи Полякова.

secrétaire le paquet que la poste avait apporté pour lui; je lui trouve une figure tournée, et toute la maison en rumeur. Voilà ce que m-r Renne m'apprit. Le prince était fort gai, fort content d'être arrivé à Moscou. Le secrétaire le quitta à 11 heures et demie, le p-ce lui dit: à demain, mon cher, tâchons de bien dormir. En se déshabillant, le p-ce se sentit l'envie de vomir, mais tous ses efforts furent inutiles. On envoya chercher le médecin de la maison, qui l'a accompagné ici, il n'arriva plus à temps, le p-ce mourut en répétant: тошно! Il n'eut le temps ni de communier, ni de faire aucune disposition verbale. Les médecins disent que c'est l'ossification de la veine du coeur, mais il faut croire que c'est tout bonnement la goutte remontée qui l'a étouffé. On ne sait encore pas ce qu'on fera du corps et où il sera enterré. Le p-ce, en partant, a fait un testament, mais il est à Pétersbourg; je suppose qu'on l'a envoyé chercher; car il y a eu déjà trois estafettes de parties dans la journée d'hier. Il est mort à une heure après minuit. Vous pouvez vous imaginer l'état de la princesse K., celui du p-ce Basile est encore pire: il a des évanouissements continuels, et il est tourmenté par l'idée d'avoir été au théâtre tandis qu'il aurait pu passer la dernière soirée avec son père; mais qui pouvait prévoir que le p-ce mourrait comme cela, subitement? Voilà le dernier grand seigneur de Catherine qui s'en va; il sera bien difficile de remplacer le défunt; c'est une perte pour l'état, la cour, la societé et pour sa famille. On dit que dans le testament le partage entre les enfants est spécifié en détail, car le défunt prévoyait sa fin prochaine. Personne ne devine qui pourra être son successeur.

Переводъ.

Москва, 4 Іюня 1834.

Въ настоящее время въ городѣ рѣчь идетъ только объ одномъ, о внезапной и неожиданной смерти князя Кочубея: всѣ поражены этой смертью. Въ Суботу, у Французовъ, вижу молодого князя Василія, спрашиваю, когда его отецъ пріѣзжаетъ? Папа только что пріѣхалъ полчаса тому назадъ. Какъ его здоровье? Очень хорошо, только немного усталъ съ дороги. Вечеромъ возвращаюсь изъ театра домой, ложусь спать; ночью меня будятъ. Что̀ такое? Бумага нужная отъ об.-полиціймейстера. Встаю съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, оказался пакетъ для отправки эстафетой Алекс. и Аркадію Кочубеямъ въ Орелъ. Спрашиваю, что̀ бы это могло быть. Чиновникъ говоритъ мнѣ, что по всей вѣроятности это извѣщеніе о смерти кн. Викт. Павл. Можешь себѣ представить мое удивленіе. Я не могъ больше заснуть. Въ 10 часовъ я былъ въ домѣ Гудовича, гдѣ остановился кн. Кочубей, чтобы передать секретарю пакетъ, прибывшій съ почтой для него; вижу, лицо у него печальное, весь домъ въ тревогѣ. Вотъ что мнѣ сообщилъ Реннъ. Князь былъ очень веселъ, очень доволенъ, что пріѣхалъ въ Москву. Секретарь ушелъ отъ него въ $11^1/_2$ часовъ, князь сказалъ ему: до завтра, любезный,

постараемся хорошо спать. Раздѣваясь, князь почувствовалъ позывъ къ рвотѣ, но всѣ его усилія выплюнуть оказались тщетными. Послали за домашнимъ докторомъ, который сопровождалъ его сюда; онъ пріѣхалъ уже поздно, князь умеръ повторяя: тошно! Онъ не успѣлъ ни причаститься, ни сдѣлать какое либо устное распоряженіе. Доктора говорятъ, что это окостенѣніе сердечной вены; но нужно предполагать, что попросту то поднявшаяся подагра, которая его задушила. Пока неизвѣстно, чтó будутъ дѣлать съ тѣломъ и гдѣ похоронятъ. Уѣзжая, князь сдѣлалъ духовное завѣщаніе, но оно въ Петербургѣ; предполагаю, что за нимъ послали, такъ какъ было уже три эстафеты для отправки вчерашній день. Онъ умеръ въ 1 ч. ночи. Можешь себѣ представить душевное состояніе княгини К.; состояніе кн. Василія еще хуже: съ нимъ дѣлаются безпрестанные обмороки, его мучаетъ мысль, что онъ былъ въ театрѣ, тогда какъ могъ бы провести послѣдній вечеръ съ отцомъ; но кто могъ предвидѣть, что князь умретъ такъ внезапно! Вотъ и послѣдній Екатерининскій вельможа сошелъ; будетъ весьма трудно замѣстить покойнаго, это утрата для страны, для двора, для общества и для семьи. Говорятъ, въ завѣщаніи раздѣлъ имущества между дѣтьми означенъ подробно, такъ какъ покойникъ предвидѣлъ свою скорую кончину. Никто не угадываетъ, кто бы могъ быть его преемникомъ *).

Moscou, le 7 Juin 1834.

Toute la ville n'est occupée que d'une chose: la mort du p-ce Kotchoubey, qui a extrêmement frappé tout le monde. Le p-ce Dmitri est inconsolable; ayant appris son arrivée à Moscou au théâtre français, il n'alla pas sur-le-champ chez lui, voulant un peu rire au Sandau, qui était la troisième pièce; le théâtre finit tard, et quand il alla chez le p-ce K., il trouva Тат. Вас., qui en descendait et lui conseilla de remettre sa visite au lendemain. «Мы насилу его уговорили спать лечь, заболтались; а ты его опять разгуляешь». Le p-ce Dmitri rentra donc chez lui, et deux heures après le p-ce K. était mort. J'ai été hier au выносъ, il y avait foule dans la rue, même du monde sur *les toits*, et je ne comprends pas pourquoi? Нечего было смотрѣть, никого не звали, но много было, и всѣ въ мундирахъ и лентахъ. Филаретъ служилъ и пѣшкомъ сопровождалъ тѣло до церкви. La p-ce K. n'a pas paru; elle est, dit-on, abimée de douleur; le pauvre p-ce Basile y était, il est méconnaissable, vieux, maîgre, pâle, je n'ai jamais vu un changement aussi subit dans 24 heures. Регаліи несли все чиновные, А. С. Талызинъ несъ портретъ и такъ далѣе. Le corps est déjà horriblement gâté, et le visage si défiguré qu'on l'a caché pendant la cérémonie. Le p-ce Dmitri est très impatient et me demandait: quand aurons nous la réponse de Pétersbourg?—Mais j'espère, Vendredi, si notre estafette n'est pas retenue et est reexpédiée sur-le-champ. Comment garder ce corps jusqu'à Vendredi, voilà une chose bien difficile à arranger.—Lais-

*) Преемникомъ былъ графъ Н. Н. Новосильцовъ. П. Б.

sons un évènement qui intéresse tout le monde et parlons de ce qui nous intéresse beaucoup plus, vous, ma chère Olga, et moi, c'est à dire le petit Nikel. Vos alarmes sur son compte ne sont pas fondées, et Ostrogorsky est tout-à-fait de mon avis. La maladie Anglaise aurait pu avoir lieu si toutes les ordures, qui lui sont sorties par la peau, étaient rentrées dans le corps. Le bénéfice de la nature l'a, au contraire, tout-à-fait purifié, et il ne faut pas arrêter ces humeurs qui se font jour, mais les provoquer d'avantage; qu'importe qu'il soit laid tout le temps du séjour à la campagne, qu'il transpire beaucoup, mais qu'on ne le refroidisse pas. Cette soif qu'il a ne doit pas vous inquiéter: c'est l'effet des humeurs (слизи) qu'il a encore dans le corps. Ал. Петр. dit que si vous n'aimez pas les *feuilles des groseilles noires*, qui est au reste une boisson saine, donnez lui à boire de la череда, qui est encore mieux; les enfants d'Ostrog. ne se nourrissent presque que de cela. Давайте маленькому чаще магнезіи и ревеню для очищенія, ванны очень полезны для него, купайте его всякій день, теперь же труха отъ прекраснаго свѣжаго сѣна, что̀ очень полезно для него будетъ; вотъ тебѣ слова Ал. Петр., къ коему я посылалъ и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ. Онъ тебѣ ручается головою, что болѣзни Анг. у Никочки нѣтъ и быть не можетъ. Не удивляйся, что не растетъ; на это опредѣленнаго времени нѣтъ, иной складывается скорѣе, другой позже. А за всѣми сими *резонтами* прошу тебя быть покойною и наблюдать, что̀ выше сказано.

La p-sse Ocropir a passé ici avant-hier, elle m'a envoyé demander un postillon pour l'accompagner jusqu'à Kostroma. Je n'ai pas pu lui refuser, vu que la pauvre царевна voyage seule avec son enfant. J'ai même passé chez elle moi-même, mais elle venait de partir.

Je suis tourmenté par les dames. Voilà encore deux qui me demandent des postillons: m-me Schrëder, née Poltoratzky, la soeur de Серг. Дмит., et m-me Timiriaseff qui va rejoindre son mari dans votre Astrakan *). On ne m'a pas laissé continuer tantôt, et maintenant j'ai peu de temps à vous donner. Je vous annonce une bonne nouvelle: la c-sse Émilie est heureusement accouchée d'un fils Alexis. J'avais été chez eux un peu avant l'heureux évènement, mais son mari me dit de sa part qu'elle ne me recevait pas par coquetterie, ayant l'air d'un crapaud, et puis je reçois un billet de Володя que sa femme a accouché, apparemment qu'elle était déjà dans les douleurs alors. J'ai envoyé aujourd'hui savoir des nouvelles de l'accouchée, et voici le billet du mari. Ne viendrez-vous pas lui porter votre ducat et vos félicitations?

---

*) Въ Астрахани у князя А. С. Долгорукаго были рыбныя ловли.

Переводъ.

Москва, 7-е Іюня 1834.

Весь городъ занятъ только однимъ: смертью князя Кочубея, крайне поразившею всѣхъ. Кн. Дмитрій неутѣшенъ; узнавъ объ его пріѣздѣ въ Москву во Французскомъ театрѣ, онъ не поѣхалъ тотчасъ, желая посмѣяться немного въ Sandau, поставленной третьей пьесою; театръ кончился поздно и когда онъ поѣхалъ къ кн. К., онъ встрѣтилъ спускавшуюся Тат. Вас. [1]), которая совѣтовала ему отложить посѣщеніе до завтра. Мы насилу его уговорили спать лечь, заболтались, а ты его опять разгуляешь. Такимъ образомъ кн. Дмитрій вернулся къ себѣ, а два часа спустя кн. К. былъ мертвъ. Я былъ вчера на выносѣ; на улицѣ пропасть народу, даже на крышахъ были люди, не понимаю отчего? Княгиня К. не показалась; она, говорятъ, поглощена своимъ горемъ; бѣдный князь Василій былъ тамъ, онъ неузнаваемъ, старый, худой, блѣдный, я никогда не видѣлъ столь быстрой перемѣны въ 24 часа. Тѣло уже страшно испортилось, а лицо такъ обезображено, что его закрыли во время службы. Кн. Дмитрій очень нетерпѣливъ и спрашивалъ меня: когда получимъ мы отвѣтъ изъ Петербурга?—Да я надѣюсь, что въ Пятницу, если наша эстафета не задержана и отправлена назадъ тотчасъ. Какъ оставлять это тѣло до Пятницы, это мудрено устроить. Оставимъ событіе, интересующее всѣхъ и поговоримъ о томъ, что гораздо болѣе интересуетъ тебя, моя дорогая Ольга, и меня, т. е. о Никочкѣ. Твоя тревога на его счетъ не основательна, и Острогорскій совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе. Англійская болѣзнь могла бы быть въ томъ случаѣ, если бы вся дрянь, появившаяся у него на кожѣ, вошла снова внутрь. Силою природы, наоборотъ, очистило его, и не слѣдуетъ останавливать показывающуюся сыпь, но вызывать ее еще больше Что за бѣда, что онъ будетъ некрасивъ все время своего пребыванія въ деревнѣ; пусть много потѣетъ, но чтобы его не простудили. Его жажда не должна тебя безпокоить, это дѣйствіе слизи, которая у него еще находится въ тѣлѣ. Ал. Петр. говоритъ, что если ты не любишь листьевъ черной смородины, что впрочемъ здоровое питье, то давай ему пить череду: это еще лучше; дѣти Острог. почти питаются этимъ. Княжна Окропиръ проѣзжала здѣсь третьяго дня: она присылала ко мнѣ просить почтальона, чтобы проводить ее до Костромы. Я не могъ ей отказать, въ виду того, что бѣдная царевна путешествуетъ одна съ своимъ ребенкомъ. Я даже самъ къ ней поѣхалъ, но она только что уѣхала. Меня терзаютъ дамы. Вотъ еще двѣ просятъ почтальоновъ: Шрёдеръ, рожд. Полторацкая, сестра Серг. Дмитр., и Тимирязева, которая ѣдетъ къ мужу въ вашу Астрахань. Мнѣ давеча не дали продолжать, а теперь у меня мало времени для тебя. Сообщаю тебѣ хорошую вѣсть: княгиня Эмилія благополучно родила сына Алексѣя. Я былъ у нихъ незадолго передъ счастливымъ событіемъ: но мужъ ея сказалъ мнѣ отъ ея имени, что она не принимаетъ меня изъ кокетства, имѣя видъ жабы, а затѣмъ получаю записку отъ Володи [2]) о томъ, что жена его родила; вѣроятно уже тогда у нея начались боли. Я посылалъ сегодня узнать о здоровьѣ родильницы, и вотъ записка мужа. Не пріѣдете ли поднести ей вашъ червонецъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ?

---

[1]) Т. е. супругу свою; говорится о князѣ Д. В. Голицынѣ.

[2]) Т. е. отъ графа Владимира Алексѣевича Мусина-Пушкина, мужа родильницы, Эмиліи Карловны. ур. Шернваль.

Moscou, le 11 Juin 1834.

Je n'ai pas pu m'empêcher de rire de l'intérêt que vous portez au successeur du p-ce Kotchoubey au Conseil, tandis qu'il y a des sénateurs qui s'en lavent les mains. Puisque la chose est ainsi, je vous dirai que c'est le p-ce Alexandre Galitzine qui remplit le poste, mais provisoirement, et qu'il est décidé à décliner cette nomination, si elle devait se faire. Qui sera? Dieu sait! En tous cas, comme cela doit être un des membres du Conseil Suprême, le choix peut donc tomber sur un militaire aussi. La lettre de Ф. Орловъ [1]), que je vous envoye avec reconnaissance, nous a fait grand plaisir; j'aime les beaux sentiments qui remplissent son jeune coeur, ce sera un bon et fidèle serviteur de son souverain et un bon défenseur de la patrie. Vous savez que ce jeune homme est aimé de toute notre famille, et sa lettre nous a donc fait grand plaisir. Je désire que mon Костя le prenne pour exemple. C'est avec joie aussi que j'ai lu dans sa lettre les souvenirs de mon gracieux Maître. Sont-ils bons? Et comment ne les aimerions nous pas? У насъ на дворѣ къ стѣнѣ, гдѣ большая лѣстница, пристраиваютъ двѣ большія комнаты для денежной экспедиціи; то я тутъ дѣлалъ закладку, соверша молебствіе на мѣстѣ прежде. Vous voyez que notre poste s'agrandit petit à petit. Hier est venu chez nous Володя Пушкинъ, il dit que l'accouchée et le petit Alexis vont très bien; il veut transporter, aussitôt que cela se pourra, sa femme à la campagne où elle se remettra plus tôt, car ils se dépêchent d'aller en Finlande pour la noce de m-lle Aurore [2]).

Вчера отъ бури никто не могъ ѣхать въ Петровское, гдѣ имѣлъ быть спущенъ шаръ большой во Французской ресторацiи, также и долженъ былъ штукарь представить что-то. La pluie a tout dérangé. J'ai su tard que *Мишенька* Wolynsky était malade; j'ai été l'autre jour le voir, mais il *изволилъ дрыхнуть*. Il va mieux, dit-on. J'ai fait à Ванюшка votre commission et je lui ai dit de vous envoyer tout aujourd'hui, si faire se peut.

L'enterrement occupe tout le monde, s'entend celui de Kotchoubey, qui a lieu Mercredi d'après le cérémonial envoyé de Pétersbourg. Le p-ce Dmitri m'écrit pour me demander pour le cortège 12 postillons à cheval avec un officier. Nous figurerons donc aussi. La mort du p-ce K. a fait un grand remue-ménage à Pétersbourg. L'Empereur et l'Impératrice sont venus exprès de Peterhoff faire une visite de condoléance à

---

[1]) Это графъ Ѳедоръ Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, двоюродный братъ князя „Дишки".

[2]) Аврора Карловна Шернваль выходила за Павла Николаевича Демидова.

m-me Zagriagsky, qui loge à côté de mon frère, s'entend à la дача. Certes voici une grande bonté et une attention bien délicate; aussi elle a porté fruit, et la vieille parle plus de cette visite que de la mort de Kotchoubey. Hier j'ai transcris à la p-sse, venue ici, une lettre de l'Impératrice. Voilà comme ces anges versent partout des consolations. Une nouvelle qui m'a fait de la peine, c'est l'avis qu'on a reçu de Rome que la pauvre c-sse Vielhorsky était très malade d'une dyssenterie obstinée; cela avait passé à Naples, elle partit pour Rome, et là le mal lui est revenu. Le mal n'est pas à sa derniére période, puisqu'elle n'a pas la fièvre, mais elle est faible, exténuée, demande à voir son mari. Michel W. a obtenu la permission de l'Empereur, et à l'heure qu'il est il doit déjà être parti pour l'Italie; il doit être absent quatre mois sauf les obstacles imprévus, s'il trouve sa femme mieux et, si elle est sauvée, ce charmant séjour à Rome ne sera pas une chose si bête! Mon frère est triste de perdre tant de ses habitués: Vielhorsky, Grégoire Wolkonsky, Schrëder, Medème, tout cela part ou est parti.

Je ne vous annonce que des nouvelles fâcheuses aujourd'hui, car la ville est en rumeur de deux morts subites, arrivées ici Samedi. D'abord le jeune p-ce Massalsky *), le boiteux, qui mourut en quelques instants; il montait l'escalier chez lui, se sent une forte douleur à l'estomac comme une diarrhée, veut aller, fait des efforts et meurt; qui aurait cru que son père, cette vieille momie, lui survivrait? L'autre c'est le jeune Pouchkine, frère de m-me Zoubkoff et Panine, marié à une Бобрыкина, je crois une petite. fille de Губинъ; il avala le matin un verre d'eau glacée en se réveillant, sortit immédiatement après, fut saisi d'une crampe à la quelle succéda probablement une inflammation subite, qui l'enleva dans peu de minutes. D'autres disent que c'est toujours cette ***бѣлая рожа*** qui a enlevé aussi Кикинъ. Enfin le pourquoi est indifférent, mais ils sont morts.

Переводъ.

Москва, 11 Іюня 1834.

Я не могъ удержаться отъ смѣха надъ участіемъ, которое ты принимаешь въ преемникѣ кн. Кочубея въ Г. Совѣтѣ, тогда какъ есть сенаторы, которые относительно этого умываютъ себѣ руки. Разъ это такъ, скажу тебѣ, что кн. Александръ Голицынъ занимаетъ этотъ постъ, но временно, и рѣшилъ отклонить это назначеніе, если бъ оно должно было состояться. Кто будетъ? Богъ знаетъ! Во всякомъ случаѣ, такъ какъ долженъ быть одинъ изъ членовъ Государ. Совѣта, то выборъ можетъ пасть также и на военнаго. Письмо Ф. Орлова, которое возвращаю тебѣ съ благодарностью, доставило

---

*) Это князь Александръ, сынъ оберъ-гофмейстера, котораго Николай Павловичъ бралъ съ собою кататься по Москвѣ и расспрашивалъ его о Московской старинѣ.

намъ большое удовольствіе; мнѣ нравятся прекрасныя чувства, которыми полно его молодое сердце, это будетъ хорошій и вѣрный слуга своего Государя и храбрый защитникъ своей родины. Ты знаешь, что этотъ юноша любимъ всей нашей семьей, т. ч. его письмо доставило намъ большое удовольствіе. Я желалъ бы, чтобъ Костя бралъ съ него примѣръ. Съ удовольствіемъ также я прочелъ въ его письмѣ память о насъ моего милостиваго Повелителя. Какъ они добры! И какъ намъ ихъ не любить?... Видишь, наша почта мало-по-малу увеличивается. Вчера пришелъ къ намъ Володя Пушкинъ; онъ говоритъ, что родильница и маленькій Алексѣй совсѣмъ здоровы; онъ хочетъ, какъ только будетъ возможно, перевезти жену въ деревню, гдѣ она скорѣе поправится, такъ какъ они спѣшатъ ѣхать въ Финляндію на свадьбу m-elle Авроры.

Дождь все разстроилъ. Я узналъ поздно, что „Мишенька" Волынскій боленъ, я поѣхалъ къ нему на дняхъ, но онъ „изволилъ дрыхнуть". Говорятъ: ему лучше. Я передалъ Ванюшкѣ твое порученіе и сказалъ ему отправить тебѣ все сегодня, если это возможно.

Всѣхъ занимаютъ похороны, разумѣется, похороны Кочубея, которые будутъ въ Среду согласно церемоніалу, присланному изъ Петербурга. Кн. Дмитрій пишетъ ко мнѣ, чтобы просить для кортежа 12 почтальоновъ съ чиновникомъ, верхами. Итакъ, мы тоже будемъ играть роль. Смерть кн. Кочубея произвела большую суматотицу въ Петербургѣ. Государь и Императрица нарочно пріѣзжали изъ Петергофа, чтобъ выразить соболѣзнованіе Загряжской, которая живетъ рядомъ съ моимъ братомъ, разумѣется, на дачѣ. Конечно, это великая милость и очень тонкое вниманіе; за то оно и принесло плоды: старуха больше говоритъ объ этомъ посѣщеніи, чѣмъ о смерти Кочубея. Вчера я переписалъ для княгини, пріѣхавшей сюда, письмо отъ Императрицы. Вотъ какъ эти ангелы всюду вносятъ утѣшеніе. Что̀ меня опечалило, это извѣстіе, полученное изъ Рима о томъ, что графиня Вьельгорская очень больна упорной дизентеріей, которая въ Неаполѣ, было, прошла, и графиня поѣхала въ Римъ, а тамъ болѣзнь возобновилась. Болѣзнь не въ послѣднемъ періодѣ, такъ какъ у нея нѣтъ лихорадки; но она слаба, изнурена, проситъ видѣть мужа. Михаилъ В. получилъ разрѣшеніе отъ Государя и въ настоящее время, должно быть, уже уѣхалъ въ Италію; ему нужно отсутствовать четыре мѣсяца, исключая непредвидѣнныхъ препятствій; если онъ найдетъ жену лучше, если она спасена, это прелестное пребываніе въ Римѣ будетъ недурное дѣло! Моему брату грустно терять стольнихъ изъ его постоянныхъ посѣтителей: Вьельгорскій, Григорій Волконскій, Шрёдеръ, Медемъ, все это уходитъ либо ушло.

Сегодня сообщаю тебѣ все прискорбныя новости, т. к. городъ въ волненіи по поводу двухъ внезапныхъ смертей, случившихся въ эту Суботу. Сперва молодой кн. Масальскій, хромой, скончался въ нѣсколько минутъ; онъ поднимался по лѣстницѣ у себя, чувствуетъ сильную боль въ желудкѣ, точно какъ при поносѣ, хочетъ сходить, дѣлаетъ усилія и умираетъ; кто бы подумалъ, что его отецъ, эта старая мумія, переживетъ его? А еще молодой Пушкинъ, братъ Зубковой и Паниной, женатый на какой-то Боборыкиной, кажется, внучкѣ Губина, проснувшись утромъ, выпилъ стаканъ ледяной воды, тотчасъ затѣмъ вышелъ; его схватила судорога, за которой послѣдовало, вѣроятно, внезапное воспаленіе, оно и похитило его въ нѣсколько минутъ. Другіе говорятъ, что это все таже „бѣлая рожа", отъ которой умеръ также и Кикинъ. Однимъ словомъ, безразлично отчего, но они умерли.

Moscou, le 14 Juin 1834.

Depuis la mort de Kotchoubey on n'entend parler que de mort. Grégoire Orloff est mort dans l'étranger, et le frère Sublime [1]) ne paraît nullepart. Il y a encore une p-sse Galitzine du Pont de Pierre, княжна Анна Васильевна, qui vient de mourir et dont l'héritage va, dit-on, être disputé par trois prétendants; il y a aussi Beauvais l'architecte qui se meurt d'une fièvre chaude bilieuse; tout cela n'est pas gai, aussi j'aime mieux parler d'autre chose.

Переводъ.

Москва, 14 Іюня 1834.

Со смерти Кочубея только и слышишь разговоры о смертяхъ. Григорій Орловъ умеръ за границей, и братъ Величественный нигдѣ не показывается. Есть еще нѣкая княгиня Голицына, отъ Каменнаго моста, Анна Васильевна, которая только что умерла и наслѣдство которой, говорятъ, будетъ оспариваться тремя претендентами; еще архитекторъ Бовэ умираетъ отъ желчной горячки; все это не весело, и я предпочитаю говорить о другомъ.

Mercredie, avant de me coucher.

J'avais eu une journée bien pénible, bien triste. Hélas, ma chère amie, notre pauvre Obreskoff [2]) n'est plus. Il est mort cette nuit d'un coup d'apoplexie. Hier, malgré sa parole d'honneur, donnée à Popandopoulo, il a soupé; il n'y avait que Pauline, Catherine et son frère Paul; il était assez gai, ne se plaignant d'aucune maladie. Après souper il se mit à écrire des lettres, il venait de cacheter une troisième pour Boutourline, le gouverneur des имѣній. Полно тебѣ писать, В. А., lui dit sa femme; ты еще слабъ, пора тебѣ спать лечь, почти три часа.—Дай кончить, dit-il: это нужныя письма, давно собираюсь написать, теперь лягу спокоенъ. Il bénit Катенька et alla se coucher dans son cabinet. Une demi-heure après il appelle le petit garçon Николаша et lui dit: мнѣ дурно, lui prit la main et l'appliqua sur le coeur qui battait avec une violence inouïe. Позови Евгенію Ѳедоровну. Le garçon courut en haut (elle dort exactement au-dessus de son lit). Comme cela arrivait souvent, elle ne fut pas alarmée. Basile se fit donner une poudre qui lui calmait toujours ses palpitations et en prit deux au lieu d'une; se sentant plus mal, il fit chercher Popandopoulo; resté seul (votre tante et votre cousine s'habillaient), il frappa la muraille de la main pour faire descendre plus vite E. Ѳ., elle accourut. Basile l'empoigna en répétant: мочи нѣтъ, тошно... скорѣе піявокъ. E. Ѳ. fut effrayée et eut

---

[1]) Михаилъ Ѳедоровичъ.

[2]) Василій Александровичъ Обрѣзковъ, женатый на княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Хованской, сестра которой—супруга А. Я. Булгакова. Единственная дочь ихъ, Екатерина Васильевна, за Вас. Вас. Обуховымъ.

de la peine à se dégager de lui, il répétait: куда ты, я умираю, піявокъ скорѣе.—Я иду, dit-elle, послать за Попандопуло, et courut chez Pauline. Quand elles revinrent, elles trouvérent Basile déjà mort. Il avait pris l'image de St. Nicolas de la table et la tenait sur sa poitrine; il avait plié ses doigts pour faire le signe de la croix, et sa main se roidit ainsi, la bouche était de travers, les yeux étaient ouverts, Pauline les ferma, c'était fini. P. arriva presque avec eux; c'était trop tard, mais il a déclaré qu'on n'aurait pas pu le sauver: c'était une apoplexie, et le sang lui jallit du nez, de la bouche et des oreilles. Enfin il a voulu se tuer et'il est parvenu. Vous pouvez vous imaginer l'état de la veuve et de votre cousine que nous avons emportées sans connaissance tantôt à la première панихида. On m'a réveillé la nuit, je l'ai passé blanche, je suis aussi venu trop tard, et puis il a fallu aller à l'enterrement du p-ce K., qui était d'une pompe extraordinaire. Lundi les dépenses montaient déjà à 37/m. rbles. Pauline s'obstine à garder le corps dans la maison, et c'est une infection; votre soeur y a gagné un mal de tête horrible.

Переводъ.

Среда, прежде чѣмъ лечь спать.

У меня былъ день трудный, крайне печальный. Увы, дорогой мой другъ, нашего бѣднаго Обрѣзкова не стало. Онъ умеръ въ эту ночь отъ удара. Вчера, несмотря на данное имъ Попандопулѣ слово, онъ ужиналъ; были только Полина, Катя и ея братъ Павелъ. Онъ былъ довольно веселъ, не жалуясь ни на какую болѣзнь; послѣ ужина онъ сѣлъ писать письма и только что запечаталъ третье письмо къ Бутурлину, начальнику края, гдѣ его имѣнья. Полно тебѣ писать, В. А., говоритъ ему его жена, ты еще слабъ, пора тебѣ спать лечь, почти три часа.—Дай кончить, говоритъ онъ, это нужныя письма, давно собираюсь написать, теперь лягу спокоенъ; онъ благословилъ Катеньку и пошелъ спать къ себѣ въ кабинетъ. Черезъ полчаса онъ зоветъ мальчишку Николашу и говоритъ ему: мнѣ дурно, взялъ его руку и приложилъ къ своему сердцу, которое билось съ небывалой силой. Мальчикъ побѣжалъ наверхъ... она спитъ какъ разъ надъ его кроватью. Такъ какъ это случалось часто, она не испугалась. Василій велѣлъ себѣ подать порошокъ, который всегда успокоивалъ его сердцебіенія и принялъ ихъ два вмѣсто одного; почувствовавъ себя хуже, онъ послалъ за Попандопуло; оставшись одинъ, (твоя тетя и кузина одѣвались), онъ постучалъ въ стѣну, чтобы скорѣй сошла внизъ Е. Ѳ., она прибѣжала. Василій обнялъ ее повторяя: мочи нѣтъ, тошно..... скорѣй піявокъ. Е. Ѳ. испугалась и съ трудомъ высвободилась отъ него, онъ повторялъ: куда ты, я умираю, піявокъ скорѣе.—Я иду, сказала она, послать за Попандопуло и побѣжала къ Полинѣ. Когда онѣ вернулись, то нашли Василія уже мертвымъ. Онъ взялъ со стола образъ Николая Чудотворца и держалъ его на груди, сложилъ пальцы, чтобъ перекреститься, и рука его такъ и застыла, ротъ былъ скривленъ, глаза открыты, Полина ихъ закрыла, кончено было. Попандоп. вошелъ почти вмѣстѣ съ ними; было слишкомъ поздно, но онъ объявилъ, что нельзя было бы спасти его: это былъ ударъ, и кровь брызнула изъ носа, изо рта и ушей. Словомъ,

онъ хотѣлъ себя уморить и достигъ этого. Можешь себѣ представить состояніе вдовы и твоей кузины, которую мы увели безъ чувствъ давеча на первой панихидѣ. Меня разбудили ночью; я всю ночь не спалъ, я тоже пріѣхалъ слишкомъ поздно, а потомъ нужно было ѣхать на похороны кн. К., которые были необыкновенно торжественны. Въ Понедѣльникъ расходы уже дошли до 37 т. руб. Полина упорствуетъ, чтобы держать тѣло въ домѣ, а это зараза; твоя сестра заполучила тамъ страшную головную боль.

Moscou, le 21 Juin 1834.

Ce sont les pécheurs de Moscou, qui vont demander à St. Serge des grâces et des faveurs, qui sont cause de l'incendie de Троица. On aura chanté «окаянные изыдите», et Bachiloff, n'ayant pas bougé, cela aura fâché le Saint; mais au moins Dieu dans Sa miséricorde vous a envoyé Кокошкинъ, sans quoi la ville ou bien la soi-disante ville pouvait brûler toute entière. Cela me rappelle l'incendie, où Дишка et puis je ne sais encore qui, firent le grand-maître de police. Баш., гр. Потемкинъ, Загоскинъ и, кажется, Бартеневъ поѣхали къ Троицѣ en partie carrée. Слава Богу, что вы, хоть по пескамъ, но доѣхали благополучно до Шеметова. Je conçois que pour une pr. Calme et une jolie Курноска, comme vous, il fallait illuminer spontanément un endroit par lequel vous passiez, mais cette fois-ci la réjouissance était un peu trop forte. Nous avons été hier soir à Petrofsky avec votre soeur; j'y suis arrivé pas comme un adorateur, mais comme un trésorier, car j'y ai porté 14/m. rbles pour la vieille, 13/m. pour m-lle Alexandrine et 9/m. pour m-r Georges, que j'ai remis à sa chère moitié. Glinka est enchanté de la voix de votre soeur, il dit ce que j'ai dit toujours, c'est qu'en s'appliquant, qu'en s'exerçant, cela ferait une chanteuse distinguée, et sa voix pourrait gagner beaucoup d'étendue... mais... vous connaissez la tenta dura de m-lle la demoiselle d'honneur. Le ямщикъ est venu me dire que vous étiez arrivée heureusement à Тарасовка, aussi je lui ai donné un pourboire magnifique.

Nous ne sommes pas encore déménagés à Сокольники: il fait toujours froid. Rien de nouveau en ville; on parle beaucoup de m-me Твороговъ qui comparaîtra ce matin en Депутатское Собраніе pour y être jugée d'après l'ordre de l'Empereur par le maréchal de la noblesse de Moscou. Cette histoire vous est sûrement connue; c'est cette mère dénaturée qui relégua une de ses filles de deux ans au скотный дворъ et qui ensuite l'a voulu faire entrer par force dans un couvent. Il faut que ses autres enfants l'aiment beaucoup; car hier son fils, chevalier-garde, était aux Français. A propos de cela, il y avait aussi le jeune Solovoy qui vient d'épouser récemment la p-sse Gagarine; elle est fort jolie, avait un charmant bonnet, c'est le portrait de sa mère en beau. La p-sse Woldemar est arrivée, je vous assure plus fraîche, moins sour-

de et moins aveugle que l'année passée; elle m'a fait beaucoup de caresse. Quand je suis arrivé, elle jouait; elle mit ses cartes sur la table pour me parler et pour faire l'éloge des deux frères B. J'avais en vérité honte. Voyez comme les vieilles me traitent bien et m'aiment; ce n'est pas comme dame Nadine à laquelle je tâche inutilement de plaire par toutes les attentions possibles. Je viens de lui envoyer un exprès et lui écris: vous m'avez tant parlé hier de votre impatience d'avoir votre lettre de Pétersbourg que j'ai envoyé dans la nuit trois estafettes pour presser l'arrivée de la poste, il n'est que 10 heures de matin, et la voilà, voilà votre épître. Admirez votre toutepuissance et ce que fait un mot de votre bouche etc. etc. Мы часто пишемъ подобныя тандресы вашей сестричкѣ. Il paraît que sa santé va assez bien. Voilà, ma chère, tout pour le moment; j'attendrai la lettre de Над. Сер. pour la maman et quand elle arrivera, je при-pisserai (nouveau mot, créé dans le moment et dédié à s. e. m-r le prince Дишка Dolgorouky, gentilhomme de la chambre de S. M. I. etc. etc.), je при-pisserai что̀ случится.

Переводъ.

Москва, 21-е Іюня 1834.

Это Московскіе грѣховодники, ѣздящіе просить милости и покровительства у Св. Сергія, виновны въ пожарѣ у Троицы. Вѣроятно, когда пѣли „окаянные изыдите", Башиловъ не тронулся съ мѣста, и это прогнѣвило Св. Сергія; по крайней мѣрѣ Господь, по милосердію Своему, послалъ вамъ Кокошкина, а иначе городъ или такъ называемый городъ, могъ бы сгорѣть до тла. Это напоминаетъ мнѣ пожаръ, на которомъ Дишка и не помню кто еще, были за оберъ-полицеймейстера. Баш., гр. Потемкинъ, Загоскинъ и, кажется, Бартеневъ, поѣхали къ Троицѣ въ двѣ пары. Слава Богу, что вы, хоть по пескамъ, но доѣхали благополучно до Шеметова. Я понимаю, что для кн-и Кальмы и для такой хорошенькой Курноски, какъ ты, нужно было добровольно иллюминовать мѣсто, по которому вы проѣзжали, но на этотъ разъ радость была ужъ слишкомъ велика. Вчера вечеромъ мы были съ твоей сестрой въ Петровскомъ; я пріѣхалъ туда не въ качествѣ поклонника, а казначея, такъ какъ повезъ туда 14 т. руб. старухѣ, 13 т. m-elle Александринъ и 9 т. Жоржу, передавъ ихъ его дражайшей половинѣ. Глинка въ восхищеніи отъ голоса твоей сестры; онъ говоритъ то, что̀ я всегда говорилъ, т. е. что при стараніи и занятіи, изъ нея вышла бы знаменитая пѣвица и что голосъ ея могъ бы сдѣлаться очень большимъ но... тебѣ извѣстна la tenta dura нашей г-жи фрейлины. Ямщикъ пришелъ мнѣ сказать, что вы благополучно прибыли въ Тарасовку, за то и далъ я ему прекрасный начай.

Мы до сихъ поръ не перебрались въ Сокольники: все еще холодно. Въ городѣ ничего новаго; много говорятъ о г-жѣ Твороговой, которая сегодня утромъ явится въ Депутатское Собраніе, чтобы по приказанію Государя быть судимой Московскимъ предводителемъ дворянства. Вѣроятно тебѣ извѣстна эта исторія; это жестокосердая мать, сославшая свою двухлѣтнюю

дочь на скотный дворъ, а впослѣдствіи хотѣвшая насильно заставить ее пойти въ монастырь. Должно быть остальныя дѣти ее очень любятъ, такъ какъ вчера ея сынъ, кавалергардъ, былъ во Французскомъ театрѣ. Кстати, былъ тамъ также молодой Соловой, который недавно женился на княжнѣ Гагариной; она очень красива, на ней былъ прелестный чепчикъ, это живой портретъ матери въ лучшемъ видѣ. Княгиня Вольдемаръ пріѣхала, увѣряю тебя, свѣжѣе и менѣе глухая чѣмъ въ прошломъ году; она меня очень обласкала. Когда я пріѣхалъ, она играла; она положила свои карты на столъ чтобы поговорить со мной и похвалить обоихъ братьевъ Б. Мнѣ, право, было совѣстно. Смотри, ка̀къ старухи хорошо со мной обходятся и любятъ меня, не то что̀ Наденька, которой я тщетно стараюсь нравиться всевозможнымъ вниманіемъ къ ней. Только что отправилъ къ ней нарочнаго и пишу ей: вы вчера такъ много говорили мнѣ о своемъ нетерпѣніи получить письмо изъ Петербурга,что я въ ночь послалъ три эстафеты, чтобы поторопить прибытіе почты; теперь только 10 часовъ утра, а вотъ вамъ уже ваше посланіе. Дивитесь своему всемогуществу и тому что̀ дѣлаетъ одно слово изъ устъ вашихъ и т. д. и т. д. Мы часто пишемъ подобныя тандресы вашей сестричкѣ. Кажется, здоровье ея порядочно. Вотъ и все пока, дорогая моя буду ждать письмо Над. Сер. къ маменькѣ, а когда оно придетъ, я припишу что̀ случится.

Le 29 Juin 1834.

Ты помнишь несчастные роды Смирновой-Россети. Говорили, что если она еще забрюхатѣетъ, то это уже къ смерти неминуемой. Бывъ брюхата въ Италіи, она ѣхала въ Россію съ тѣмъ, чтобы до̀ма по крайней мѣрѣ умереть; но въ Берлинѣ доктора, изслѣдовавъ ее, рѣшили, что все въ порядкѣ и что она благополучно родитъ. Она родила дочь очень хорошо, но очень испугалась, видя, что брюхо не опадаетъ; ей сказали, что есть другой ребенокъ; ceci l'effraya beaucoup, elle accoucha d'une seconde fille avec peine. La chose finie, sa joie fut si grande, et elle pleura tant de joie et de saisissement qu'elle tomba dans un évanouissement, qui dura deux heures. On la crut morte, car elle ne revint à elle qu'après qu'on l'eût mise dans un bain de substances les plus fortes; d'après la dernière nouvelle, elle était très bien. Вотъ какъ наши доктора врутъ. Пойди, вѣрь имъ!

Je ne peux vous dire combien il me coûte de m'éloigner de Сокольники; c'est un petit paradis. Quel air, quelle solitude, quel bois, quel parfum, quelles promenades, прелесть! Мы всѣ ожили; въ городѣ несносно. Въ домѣ, на почтѣ все ломаютъ, чинятъ.

Переводъ.

Москва, 29-е Іюня 1834.

Это сильно ее испугало, она родила вторую дочь съ трудомъ. Когда все окончилось, радость ея была такъ велика и она столько плакала отъ радости и отъ испуга, что съ ней сдѣлался обморокъ, который продолжался два часа. Думали, что она умерла, такъ какъ она пришла въ себя

только послѣ того какъ ее положили въ ванну изъ самыхъ сильныхъ снадобій; судя по послѣднимъ извѣстіямъ, она совсѣмъ здорова. Вотъ какъ наши доктора врутъ. Пойди, вѣрь имъ!

Не могу тебѣ сказать, чего мнѣ стоитъ отлучаться изъ Сокольниковъ; это маленькій рай. Какой воздухъ, какое уединеніе, какой лѣсъ, какой ароматъ, какія прогулки, прелесть! Мы всѣ ожили; въ городѣ несносно. Въ домѣ на почтѣ все ломаютъ, чинятъ.

Moscou, le 12 Juillet 1834.

Nous voici heureusement arrivés à Moscou, et au moment où je vous écris d'ici, c'est à dire à huit heures du matin, vous, какъ говорится, еще глазки не продрали въ Шеметовѣ: изволите почивать, что̀ любо. C'est Faste *) qui a fait les frais de la conversation cette fois-ci, et il n'a pas cessé de turlupiner Rossini en lui répétant fort poliment: да вѣдь мы тебя, *образину*, не для того взяли съ собою, чтобы ты спалъ; ну говори же, разсказывай что-нибудь.—Да что мнѣ говорить?—Ну, называй намъ всѣхъ, у кого ты настраивалъ фортепіано. Vous pouvez vous imaginer si c'était intéressant d'écouter, surtout après Weitbrecht, dont Poltoratzky nous répétait sans cesse les phrases. Le chemin était magnifique, tellement qu'à Талицы nous avons découvert notre calèche tout-à-fait et pendant cette opération nous avons pris du thé въ стаканахъ. Nous avons bien gaiement passé notre temps à Шеметово et nous avons tous envié le sort de Weitbrecht. Je ne peux pas mettre de suite dans ce que j'écris, car je suis interrompu sans cesse tantôt par l'un, tantôt par l'autre. J'ai tout de suite envoyé votre lettre à la p-ce Émilie et j'ai mieux aimé faire moi-même la commission que *les jolis yeux noirs* avaient donné à Poltoratzky, je viens donc d'écrire à Poutiata pour avoir des nouvelles du petit Voldemar; что̀ получу, сообщу, car je dis à Ив. Вас. que j'ai une occasion à Schémétovo. Ici j'apprends du vice-exécuteur au moment du rapport journalier qu'il y a eu hier un incendie, qui a consumé plus de 200 maisons; загорѣлось у Семеновской заставы и все опрокидывало сперва въ Петровское, потомъ на Введенскія горы; съ трудомъ отстояли большой военный госпиталь, откуда кинуло въ Лефортово; къ счастію, ужасный вѣтеръ утихъ, и тутъ все кончилось, а то досталось бы всей Мѣщанской слободѣ, гдѣ много деревяннаго строенія; всѣ трубы Москвы, пожарныя команды были тутъ. C'est une époque fatale pour les incendies, on n'entend que cela. Hier a passé ici pas le grand-duc Michel, mais l'aide-de-camp, g-l Храповицкій qui va à Toula pour vérifier sur les lieux les dégâts.

Какой я вѣтренный молодой человѣкъ, забылъ совсѣмъ сказать тебѣ: jugez que Tanéef m'a donné des *vers* qu'il a composés pour

---

*) Другъ братьевъ Булгаковыхъ, Фавстъ Петровичъ Макеровскій.

votre fête d'hier et je les ai eu toujours dans ma poche sans vous les remettre. Voici ce chef d'oeuvre qu'il n'est jamais trop tard de lire et d'admirer. Je n'ai pas encore vu maman, mais je sais qu'elle se porte bien. Zakrefsky doit venir me prendre, et nous allons dîner à Сокольники ensemble; но до того мнѣ надобно пропасть передѣлать дѣлъ. Безотвязная Волконская здѣсь и бомбардируетъ записками и просьбами; ужо ѣдетъ обратно въ Суханово *). Вотъ и княгиня и Екатерина Алексѣевна, но не та, которую мы всѣ такъ любимъ. A propos, вотъ этой-то, нами всѣми любимой, скажи Ольга, что я не забылъ нашъ канапель (бери, бери, бери, бери нашъ канапель, бери, бери, бери, бери! comme chantait une des vieilles Bohémiennes dans l'air «въ темномъ лѣсѣ»); ну-съ, такъ скажи, что я не забылъ Коноплина и брату написалъ.

Переводъ.

Москва, 12-е Іюля 1834.

Ну, вотъ, мы и пріѣхали благополучно въ Москву и въ то время какъ я тебѣ пишу отсюда, то-есть въ восемь часовъ утра, вы, какъ говорится, еще глазки не продрали въ Шеметовѣ: изволите почивать, что любо. Въ этотъ разъ Фастъ способствовалъ разговору и не переставалъ трунить надъ Россини, вѣжливо повторяя ему: Ты можешь себѣ представить, было ли интересно это слушать, особенно послѣ Вейтбрехта, фразы котораго безпрестанно повторялъ намъ Полторацкій. Дорога была превосходная, до такой степени, что въ Талицахъ мы совсѣмъ спустили верхъ коляски, а во время этой процедуры пили чай въ стаканахъ. Очень мы весело провели время въ Шеметовѣ, и всѣ мы завидовали участи Вейтбрехта. Не могу быть послѣдовательнымъ въ своемъ писаніи, такъ какъ безпрестанно меня прерываютъ то тотъ, то другой. Я тотчасъ отправилъ твое письмо къ графинѣ Эмиліи, и предпочелъ самъ исполнить порученіе, данное „красивыми черными глазками" Полторацкому; и такъ я только что написалъ Путятѣ, чтобы получить извѣстіе о маленькомъ Вольдемарѣ; что получу, сообщу, такъ какъ я пишу Ив. Вас., что у меня есть оказія въ Шеметово. Узнаю здѣсь во время ежедневнаго донесенія отъ помощника экзекутора, что вчера былъ пожаръ, истребившій болѣе 200 домовъ. Это роковое время для пожаровъ, только объ этомъ и слышишь. Вчера проѣхалъ здѣсь в. к. Михаилъ, а адъютантъ, генералъ Храповицкій, который ѣдетъ въ Тулу, чтобы на мѣстѣ провѣрить поврежденія.

Вообрази: Танѣевъ далъ мнѣ стихи, сочиненные имъ для вчерашняго дня твоихъ именинъ, я все время имѣлъ ихъ у себя въ карманѣ и не передалъ тебѣ. Вотъ это образцовое произведеніе, которое никогда не поздно прочитать и имъ восхищаться. Я еще не видѣлъ маменьки, но знаю, что она здорова. Закревскій долженъ заѣхать за мной, и мы вмѣстѣ ѣдемъ обѣдать въ Сокольники. Кстати, вотъ этой-то нами всѣми любимой, скажи, Ольга, что я не забылъ нашъ канапель (бери, бери бери, бери нашъ канапель, бери бери, бери, бери! какъ пѣла одна изъ старыхъ цыганокъ въ аріи „въ темномъ лѣсѣ"); ну-съ, такъ скажи, что я не забылъ Коноплина и брату написалъ.

---

*) Княгиня Волконская, тетка министра двора, урожд. Мельгунова и другая княгиня—Долгорукая, мать „Дишки".

Lundi, 6 heures au matin.

Ну, мои милыя, была же мнѣ работа въ эту ночь: половина дачи Шипова, смежной съ нами, сгорѣла, кухня и два флигеля; ужасная была тревога, уже три дерева нашего саду, т. е. три сосны загорались, и ежели бы не подоспѣли трубы и не заливали ими, да пошло бы далѣе въ лѣсъ, при вѣтрѣ, весь Лосинный островъ могъ бы выгорѣть, но Богъ помиловалъ насъ; чтобы все тебѣ разсказать, надобно бы сутки говорить. Я былъ довольно счастливъ вытащить почти изъ пламени бѣднаго мальчика; его забыли тамъ, и онъ бы неминуемо сгорѣлъ. Всѣ, которые были безъ крова, а иные безъ платья, нашли убѣжище въ нашемъ домѣ, entre autres une p-sse Tcherkasky, femme de 70 ans, qui a manqué brûler vive, et une autre m-me Kologriwoff encore plus âgée et que Ванюшка, aidé de moi, emporta sur ses épaules, nous l'avons déposée sur l'herbe, et transportée chez nous, elle a eu le bras paralisé de frayeur, mais la vie lui fut sauvée. Il vint tant de pompes de Moscou qu'à trois heures du matin tout fut fini.

Переводъ.

Понедѣльникъ, 6 ч. утра.

Между прочимъ нѣкая княгиня Черкаская, женщина 70 лѣтъ, которая чуть было зàживо не сгорѣла; а другая, г-жа Кологривова, еще старше и которую Ванюшка съ моею помощью вынесъ на своихъ плечахъ; мы положили ее на траву и перенесли къ намъ; отъ испуга ей парализовало руку, но жизнь ея была спасена. Изъ Москвы пріѣхало столько пожарныхъ трубъ, что въ три часа утра все было кончено.

Sokolniki, le 19 Juillet 1834.

Je vous avoue que je n'avais guère envie de me trimbaler en ville, mais pour ne pas déchoir dans l'opinion de la comtesse Broglio *), il a bien fallu aller à son spectacle qui cependant n'eut pas lieu dans le jardin, car ils trouvèrent aux répétitions que c'était fatigant, et puis le bruit dans la rue, le roulement des voitures empêchaient les acteurs de parler et les spectateurs d'écouter. Je dis à la c-sse qu'elle avait oublié encore une petite circonstance: c'est que s'il survenait une bourrasque ou une ondée, comme on n'allait pas jouer le dernier acte du Barbier de Séville (che tempo indiavolato), досталось бы всѣмъ. Jugez, dit-elle, que personne de nous n'avait pensé à cela, c'est le beau temps qui nous a gâté à ce point. Or donc, le spectacle eut lieu comme sempre dans la petite chambre qu'on appelle *la grande salle*. On a donné le Roman d'une Heure et puis Simple Histoire. M-lle Alexandrine a été vraiment bien dans la première pièce, l'amoureux était joué par un m-r Titof, un ci-devant jeune homme, fraîchement débarqué de Paris où il

*) Домъ графини Броліо на Кудринской Садовой, нынѣ Н. К. Капканщикова.

a séjourné pendant 14 ans et joué la comédie chez m-me de Villette etc. La soubrette fut jouée, par... par... devinez, par m-lle Dériabine pas mal, mais pas avec assez de feu et de malice; elle prétend qu'elle aurait dû jouer le rôle de m-lle A. et celle-ci le sien. Comme elle m'a dit hier (elle est venue nous faire une visite à Сокольники), qu'elle ferait une relation détaillée de ce spectacle à Катенька, je n'entrerai pas dans de plus grands détails. Dans Simple Histoire Titof, qui fesait le chevalier de Malte, était mauvais à mon avis, mais le petit Saltikoff, qui remplissait le rôle de N. N., devenu fât depuis son voyage en France, était très bien, et il joue joliment. Un m-r Gaxe, grand farceur, acteur à charge et qui fesait le docteur Sandfort, nous a beaucoup amusé; car il a chanté tout un couplet de vaudeville dans un ton, pendant que l'orchestre le jouait dans un autre; si les musiciens avaient eu du sens commun, ils eussent changé le ton tout d'un coup. J'aime beaucoup le grave m-r Dimitrieff*) qui me disait: мнѣ кажется, что онъ сфальшивилъ?—Нѣтъ-съ, онъ пѣлъ вѣрно, но только совсѣмъ въ другомъ тонѣ, нежели музыка играла.

La c-sse B. me prit la parole de ne pas partir tout de suite, ayant, dit-elle, quelque chose de charmant à me montrer. Savez vous ce que c'était? Ce cercle pour envelopper un pot de fleur, qui est de votre ouvrage ou de celui de la p-ce Calme, que la c-sse a déposé sur une table avec de belles fleurs dessus, et autour il y avait pêches, abricots, cerises, oranges et tous les fruits possibles, и она всякому порознь толковала, что это сдѣлано любезными ручками вашихъ сіятельствъ, прибавляя: mais voyez quelle attention! Quel aimable souvenir! On va bâtir, c'est à dire ajouter à la salle, et on la rendra 4 fois plus grande; la-c sse veut que 150 personnes puissent y tenir. Была тутъ Е. А. Нарышкина, le mari et la poulette Lisette, les Ничко, qui m'ont demandé des nouvelles de la maman Calme, les Wielgorsky, la Wiasemsky avec sa fille Marie, qui a très embéllie; l'autre est mal, les médecins exigent qu'on la mène à l'Italie pour deux ans, et la p-sse part Dimanche et s'embarque à Kronstadt pour Lubeck

Tout-à-coup le bruit se répandit que le prince Pierre W. était arrivé à Суханово. Je rencontre Ив. Ив. Нарышкинъ. Comme toujours: quelle nouvelle, m-r B.?—Aucune que je sache.—Eh bien, je vous dirai, le p-ce W. est arrivé... Пустяки (je venais justement de recevoir un billet de la Soukhanov, qui m'envoyait une lettre pour son neveu à Pétersbourg), а вы вѣрите.—Какъ пустяки? Mais je vous dis, il est

---

*) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, жившій неподалеку въ своемъ домѣ на Спиридоновкѣ (нынѣ наслѣдниковъ С. Т. Морозова).

à Суханово.—Il est à Pétersbourg... J'aime ça, mais dans le moment le p ce Chetwertinsky vient de partir pour Суханово et j'ai dit à кн. Ал. Мих. Урусовъ qui va aussi partir pour Soukhanowo.—Mais parce que ces messieurs vont à Суханово, cela ne prouve pas que le p-ce Pierre y soit. Долго у насъ продолжался споръ. Ну пари, давайте, бьюсь о 5 рубляхъ. Охота вамъ, disait Malzoff, спорить съ Б., который долженъ лучше васъ знать это.—Да какой лучше? Онъ ничѣмъ не доказываетъ, а только споритъ и вѣрно шутитъ. Alors j'ai pris dans ma poche 5 rbles que je me mis à ployer avec grâce pour les présenter avec encore plus de grâce au vieux Cupidon; le voilà qui se met à rire et à répéter: ну вотъ видишь, вышло по моему, онъ проказничалъ, вотъ и деньги платить хочетъ. Vous avez voulu des preuves, m-r N., eh bien. Quand est arrivé le p-ce W.—?Hier soir.—C'est bien. Eh bien, il n'y a pas une heure que j'ai reçu un billet de la p-sse K. A, qui me prie d'envoyer à son adresse une lettre qu'elle écrit à son neveu à Pétersbourg. Cela dit, je remis mon papier bleu en poche, laissant m-r N. encore plus bête que Dieu ne l'a créé. Стало быть, что здѣсь время есть свободное и нечего писать, что такимъ вздоромъ тебя занимаю. C'est charmant ici depuis la pluie abondante que nous avons eu hier. J'ai pris un terrain qui a près de 4000 sagènes carrées d'étendue, et l'année prochaine je bâtirai. En ville rien de nouveau. J'embrasse Catherine et lui envoye deux paires de souliers qu'elle a demandé; mais s'ils ne lui vont pas, qu'elle les renvoye sans cérémonie avec un soulier pour modèle.

Переводъ.

Сокольники, 19-е Іюля 1834.

Признаюсь, мнѣ вовсе не хотѣлось тащиться въ городъ, но дабы не упасть во мнѣніи графини Броліо, пришлось таки ѣхать на ея спектакль, который тѣмъ не менѣе не состоялся въ саду, такъ какъ на репетиціяхъ они нашли, что это утомительно, а потомъ шумъ на улицѣ, ѣзда экипажей, мѣшали актерамъ говорить, а зрителямъ слушать. Я говорилъ графинѣ, что она забыла еще одно маленькое обстоятельство: случись сильный вихрь или ливень, и такъ какъ они собираются играть послѣдній актъ изъ Севильскаго Цирюльника (che tempo indiavolato), досталось бы всѣмъ. Вообразите, сказала она, что никто изъ насъ не подумалъ объ этомъ, это насъ хорошая погода до такой степени избаловала. И такъ спектакль былъ, какъ всегда, въ маленькой комнатѣ, называемой „большая зала". Давали „Романъ одного часа" и потомъ „Простая Исторія". Александринъ была дѣйствительно хороша въ первой пьесѣ; влюбленнаго игралъ нѣкій Титовъ, бывшій когда-то молодымъ человѣкомъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, гдѣ онъ провелъ 14 лѣтъ и разыгрывалъ комедію у г-жи де-Вилльетъ и т. д. Субретку играла... угадай кто? M-elle Дерябина, не дурно, но съ недостаточнымъ огнемъ и насмѣшливостью; она утверждаетъ, будто ей слѣдовало играть роль m-elle A., а той ея роль. Такъ какъ она сказала мнѣ вчера (она пріѣзжала къ намъ въ Сокольники), что пошлетъ подробное описаніе этого спектакля

Катенькѣ, я не стану входить въ большiя подробности. Въ „Простой исторiи“ Титовъ, изображавшiй Мальтiйскаго рыцаря былъ, по моему, плохъ; но маленькiй Салтыковъ, исполнявшiй роль Н. Н., сдѣлавшагося фатомъ со времени своего путешествiя во Францiю, былъ очень хорошъ и играетъ онъ порядочно. Нѣкiй Гаксъ, большой шутникъ, актеръ по профессiи и игравшiй доктора Санфора, очень насъ забавилъ, такъ какъ спѣлъ цѣлый куплетъ изъ водевиля въ одномъ тонѣ въ то время какъ оркестръ игралъ въ другомъ тонѣ; будь у музыкантовъ здравый смыслъ, они бы сразу перемѣнили тонъ. Мнѣ нравится, что важный Дмитрiевъ сказалъ мнѣ: мнѣ кажется, что онъ сфальшивилъ.—Нѣтъ-съ, онъ пѣлъ вѣрно, но только совсѣмъ въ другомъ тонѣ, нежели музыка играла.

Графиня Б. взяла съ меня слово, что я не уѣду тотчасъ, имѣя, сказала она, мнѣ показать что-то прелестное. Знаешь что̀ это было? Этотъ кругъ для завертыванiя цвѣточнаго горшка, работы твоей или княгини Кальмы, который графиня поставила на столъ съ чудными цвѣтами сверху, а вокругъ были персики, абрикосы, вишни, апельсины и всевозможные фрукты, и она всякому порознь толковала, что это сдѣлано любезными ручками вашихъ сiятельствъ, прибавляя: но, посмотрите, какое вниманiе! Какая любезная память! Будутъ строить, то-есть дѣлать пристройку къ залѣ и сдѣлаютъ ее въ 4 раза больше; графиня хочетъ чтобы 150 человѣкъ могли въ ней помѣститься. Была тутъ Е. А. Нарышкина, мужъ и молодка, Лизанька, „Ничко“, спрашивавшiе у меня про маменьку Кальму, Вiельгорскiе, Вяземская съ дочерью Марьею, которая очень похорошѣла; другая плоха, доктора требуютъ чтобъ ее везли на два года въ Италiю, княгиня уѣзжаетъ въ Воскресенье и поѣдетъ моремъ на Кронштадтъ въ Любекъ.

Вдругъ прошелъ слухъ, будто кн. Петръ В. прiѣхалъ въ Суханово. Встрѣчаю Ив. Ив. Нарышкина. Какъ всегда, какiя новости, Б.?—Ни одной, которую я бы зналъ.—Ну, такъ я вамъ скажу, кн. В. прiѣхалъ... Пустяки (я именно только что получилъ записку отъ Сухановой, которая присылала мнѣ письмо къ своему племяннику въ Петербургъ), а вы вѣрите?—Какъ пустяки? Да говорю же вамъ, онъ въ Сухановѣ.—Онъ въ Петербургѣ... Мнѣ это прiятно, но кн. Четвертинскiй сейчасъ только уѣхалъ въ Суханово, и я сказалъ князю Ал. Мих. Урусову, который тоже поѣдетъ въ Суханово.— Но, изъ того что эти господа ѣдутъ въ Суханово, не слѣдуетъ, чтобы кн. Петръ тамъ былъ. Долго у насъ продолжался споръ. Ну пари, давайте, бьюсь о 5 рубляхъ. Охота вамъ, сказалъ Мальцовъ, спорить съ Б., который долженъ лучше васъ знать это.—Да какой лучше? Онъ ничѣмъ не доказываетъ, а только споритъ и вѣрно шутитъ. Тогда я вынулъ изъ кармана 5 рублей, которые принялся грацiозно складывать, чтобы съ еще большей грацiей подать ихъ старому Купидону, который начинаетъ смѣяться, повторяя: ну вотъ видишь, вышло по моему, онъ проказничалъ, вотъ и деньги платить хочетъ.—Вы желали доказательствъ, Н., ну, когда же прiѣхалъ кн. В,?—Вчера вечеромъ.—Хорошо; ну, такъ нѣтъ и часу какъ я получилъ записку отъ княгини К. А., которая проситъ меня отправить на его имя письмо, которое она пишетъ племяннику въ Петербургъ. Сказавъ это, я снова положилъ свою синюю бумажку въ карманъ, оставляя Н. еще глупѣе, чѣмъ его Богъ создалъ. Здѣсь стало прекрасно послѣ обильнаго дождя, бывшаго у насъ вчера. Я нанялъ землю, около 4.000 квадратныхъ сажень и на будущiй годъ буду строить. Въ городѣ нѣтъ ничего новаго. Цѣлую Катю и посылаю ей двѣ пары башмаковъ, которые она просила; но если они ей не годятся, пусть безъ церемонiи присылаетъ ихъ обратно съ башмакомъ на образецъ.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ

по разсказамъ Василія Александровича Сухово-Кобылина.

Очень немногія личности возбудили столько толковъ какъ графъ Аракчеевъ. Вотъ разсказы о немъ его современника, который уполномочилъ меня огласить ихъ въ печати.

Графъ Аракчеевъ оставилъ по себѣ ненавистную память, но по свидѣтельству Сухово-Кобылина потомство оказалось слишкомъ строго въ своемъ приговорѣ. „Неоспорно“, говоритъ онъ, „что Аракчеева было бы странно назвать человѣкомъ добрымъ; неоспорно и то, что онъ былъ неумолимъ къ инымъ проступкамъ, какъ, напримѣръ, къ взяточничеству или нерадѣнію по службѣ. Тому кто пробовалъ его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), онъ никогда не прощалъ; мало того: онъ вѣчно преслѣдовалъ виновнаго, но и оказывалъ снисхожденіе къ ошибкамъ, въ которыхъ ему признавались откровенно, и былъ человѣкомъ безукоризненно-справедливымъ: въ безполезной жестокости его никто не въ правѣ упрекнуть. Правда и то, что онъ оказался безпощаднымъ, когда производилъ слѣдствіе послѣ убіенія Настасьи; но мудрено судить человѣка, когда онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Къ этой женщинѣ онъ былъ сильно привязанъ, и ея смерть взволновала всѣ страсти его крутой природы“.

В. А. Сухово-Кобылинъ *) былъ записанъ 19-ти лѣтъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ, въ чинѣ подпоручика, и пожелалъ въ 1803 году поступить въ полевую артиллерію, куда и былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ и получилъ приказаніе ѣхать немедленно въ Москву, чтобъ поступить въ 8-ый артиллерійскій полкъ, гдѣ назначенъ былъ командиромъ роты Отецъ его, прощаясь съ нимъ, приказалъ ему заѣхать въ Грузино, чтобъ представиться Аракчееву, инспектору артиллеріи.

Тогда ему пришлось въ первый разъ видѣть Александровскаго любимца. Аракчеевъ былъ высокъ и худощавъ. Онъ остался вѣренъ Павловскимъ модамъ, носилъ камзолъ стараго покроя, и волосы его были подо-

---

*) Родной племянникъ того князя Яшвиля, который участвовалъ въ событіи 11 Марта 1801 года. Яшвили—Грузины; отъ этого южный блескъ въ глазахъ дочери Василія Александровича Сухово-Кобылина, графини Е. В. Сальясъ-де-Турнемиръ и ея брата. П. Б.

браны въ небольшой пучокъ на затылкѣ. Холодный, проницательный его взглядъ и строгое выраженіе лица не смягчались сардонической улыбкой, которая появлялась часто у него на губахъ. Онъ говорилъ медленно, немного въ носъ, и казался постоянно озабоченъ.

23-хъ-лѣтній А. В. Сухово-Кобылинъ испыталъ понятную робость въ присутствіи человѣка, о которомъ всѣ привыкли думать съ невольнымъ чувствомъ страха; но Аракчеевъ поразилъ его изысканной учтивостью и привѣтливостью, съ которой встрѣчалъ обыкновенно своихъ посѣтителей.

„Надѣюсь, что вы здѣсь отдохнете, сказалъ онъ; взгляни́те на Гру́зино; не стѣсняйтесь ни въ чемъ, требуйте все, что̀ вамъ вздумается. Васъ сейчасъ отведутъ въ вашу комнату".

Сухово-Кобылинъ раскланялся, обрадованный, что бесѣда такъ скоро кончилась, и послѣдовалъ за оффиціантомъ, который провелъ его длиннымъ рядомъ великолѣпныхъ комнатъ, походящихъ на музей: тутъ были статуи, картины, разныя изваянія, серебряные и золотые кубки и вазы, словомъ, всѣ прихоти роскоши; но Богъ знаетъ, на сколько удовлетворили бы они тонкому чутью художника.

Оффиціантъ привелъ гостя въ назначенную для него комнату и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній и гдѣ угодно кушать, въ общей залѣ или у себя и прибавилъ: „Какъ кому угодно; господъ посѣтителей немало" [1]).

Нашъ путешественникъ отвѣчалъ, что будетъ обѣдать въ своей комнатѣ. Въ эту минуту раздался въ коридорѣ женскій голосъ: „Кто это тамъ?" спросилъ Сухово-Кобылинъ.

„Настасья Ѳедоровна", отвѣчалъ оффиціантъ, предполагая, совершенно основательно, что всѣ знаютъ, кто такое Настасья Ѳедоровна.

Молодому человѣку захотѣлось на нее взглянуть. Онъ быстро отворилъ двери и встрѣтился съ ней лицомъ къ лицу. Глаза ея горѣли какъ угли, но смуглыя черты рано утратили свою красоту. На ней было шелковое платье и жемчужное ожерелье, чепецъ прикрывалъ ея черные съ просѣдью волосы.

Она привѣтствовала незнакомца легкимъ наклоненіемъ головы.

„Милости просимъ, батюшка", сказала она свободнымъ тономъ хозяйки дома. „Что̀ будетъ угодно, прикажи́те. Все ли въ порядкѣ въ вашей комнатѣ?"

Онъ поблагодарилъ, а она пошла дальше, отдавая приказанія слѣдовавшей за ней прислугѣ.

Настасья жила въ отдѣльномъ домѣ, и многіе изъ посѣтителей Гру́зина вмѣняли себѣ долгомъ являться къ ней съ изъявленіемъ почтенія [2]).

Разсказывали, что она мучила Аракчеева своей ревностью, и что жутко приходилось отъ нея молодымъ ея прислужницамъ. Разъ, одна изъ нихъ

---

[1]) Въ каждой комнатѣ висѣлъ на стѣнѣ подъ стекломъ чертежъ расположенія мебели, и если гостю случалось передвинуть что либо для своего удобства, то за общимъ столомъ его обносили блюдомъ. П. Б.

[2]) Въ Грузинѣ, императоръ Александръ Павловичъ, подходя къ домохозяйкѣ, цѣловалъ у нея руку. П. Б.

припекая ей волосы, обожгла ее въ високъ. Настасья вырвала у нея изъ рукъ горячіе щипцы и ухватила ими губу бѣдной дѣвушки. Но эти подробности Сухово-Кобылинъ узналъ не въ Грузинѣ. Тамъ, какъ въ заколдованномъ за̀мкѣ, всѣ молчали о его сіятельствѣ и о Настасьѣ Ѳедоровнѣ, или произносили ихъ имена не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Не было никакой возможности узнать отъ приближенныхъ хозяина дома, или отъ безчисленной его прислуги, малѣйшую о немъ подробность. Сухово-Кобылинъ былъ долго зна̀комъ съ однимъ адъютантомъ графа Аракчеевъ и никогда не слыхалъ отъ него ни слова о знаменитомъ временщикѣ, который требовалъ прежде всего отъ окружавшихъ его лицъ совершеннаго на его счетъ безмолвія.

За то хозяинъ зналъ все что̀ относилось къ людямъ у него служившимъ и даже къ простымъ его знакомымъ. Грузино походило на дворецъ и принимало своихъ посѣтителей съ царской роскошью и гостепріимствомъ; но каждый изъ нихъ долженъ былъ мириться съ мыслью, что ловкіе графскіе шпіоны вывѣда̀ютъ о немъ все возможное.

Аракчеевъ былъ дѣятельности неутомимой. Даже во время похода, лишь только армія занимала дневныя квартиры, его канцелярію разбирали, и всѣ садились немедленно за дѣло. Отъ его зоркаго глаза не ускользали самыя мелочныя подробности ввѣреннаго ему министерства. На лѣто онъ ѣздилъ для отдыха въ Грузино и врядъ ли въ продолженіе цѣлаго дня удѣлялъ на отдыхъ болѣе двухъ-трехъ часовъ. Онъ вставалъ очень рано и принимался за бумаги. Нѣсколько чиновниковъ, адъютантовъ и фельдъегерей являлось къ нему ежедневно съ рапортами изъ разныхъ мѣстъ. Посѣтители не переводились въ Грузинѣ. Иные являлись для того только, чтобъ полюбоваться его великолѣпіемъ и могли тутъ оставаться сколько душѣ угодно; другіе, знакомые съ графомъ хоть на столько, чтобъ имѣть право обмѣниться съ нимъ, при встрѣчѣ, поклономъ, выжидали назначеннаго часа, чтобъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и поблагодарить его, при отъѣздѣ, за гостепріимство. Тѣ, наконецъ, которыхъ онъ зналъ короче собирались къ нему въ свободные его часы, и обѣдали съ нимъ по его приглашенію. Врядъ ли кто завидовалъ имъ *). Несмотря на пышность Грузина и на полную свободу предоставленную его посѣтителямъ, казалось, что въ самомъ воздухѣ присутствуетъ какой-то стѣснительный элементъ, и становилось особенно неловко при мысли о возможности встрѣтиться съ владѣльцемъ этого волшебнаго дворца. Ничто не нарушало заведеннаго разъ навсегда машиннаго порядка. Часы обѣда, чая и ужина были неизмѣнны. На дорогѣ и даже по деревенскимъ богатымъ улицамъ Аракчеевскихъ селъ крестьяне заметали слѣды оставленные колесами каждаго проѣзжаго экипажа. Но посѣтители были

---

*) Покойная княгиня Е. А. Долгорукая, еще отроковицею, гащивала въ Грузинѣ съ отцомъ своимъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ и была тамъ отмѣнно ласкаема. Она передавала намъ, что, за обѣдомъ у Аракчеева, каждаго блюда клали сначала на тарелку для комнатной собачки, и тогда только обносили его обѣдавшимъ, когда собачка поѣстъ. П. Б.

вольны распоряжаться временемъ какъ желали. Молодежь отправлялась, кто на прогулку верхомъ, кто на охоту, кто на катанье по Волхову, гдѣ красовался богато-убранный катеръ присланный Аракчееву императоромъ Александромъ. Иные гуляли въ великолѣпныхъ садахъ, осматривали красивыя окрестности, богатство самаго дома или соборъ, въ которомъ Грузинскій владѣлецъ приготовилъ себѣ заранѣе могилу у подножія изображенія перваго своего царственнаго покровителя, императора Павла.

Современники Аракчеева разсказывали, что своему сближенію съ Павломъ онъ былъ обязанъ слѣдующему обстоятельству. Павелъ, бывъ еще наслѣдникомъ, обратился къ одному изъ Екатерининскихъ фаворитовъ съ просьбой доставить ему нѣсколько пушекъ въ Гатчину. Съ этими пушками былъ присланъ къ великому князю неизвѣстный артиллерійскій офицеръ Алексѣй Аракчеевъ, который и полюбился будущему императору. Не задолго передъ тѣмъ толковали въ Петербургскомъ обществѣ о покушеніи въ артиллерійскомъ Кадетскомъ корпусѣ на жизнь преподавателя математическихъ наукъ, Аракчеева. Избалованные нерадѣніемъ своихъ наставниковъ, не привыкшіе къ серьезнымъ занятіямъ, кадеты ненавидѣли этого человѣка, который первый потребовалъ отъ нихъ добросовѣстнаго труда и оказывался немилосерднымъ къ лѣни и праздности. Они рѣшились избавиться отъ него во что бы ни стало. Всѣ средства казались имъ законными, и убійство ихъ не пугало. Классная комната была на верху, и къ ней вела довольно узкая лѣстница, которая примыкала къ площадкѣ обнесенной рѣшеткой. Ученики придумали бросить съ высоты площадки тяжелый камень на голову Аракчееву въ ту минуту какъ неумолимый педагогъ встанетъ на лѣстницу. Насталъ роковой часъ. Собравшіеся въ кучку заговорщики ожидали на неосвященной площадкѣ появленія жертвы. Вотъ показался Аракчеевъ. Онъ перешагнулъ пять-шесть ступеней, и камень упалъ съ громомъ на лѣстницу. Все было вѣрно разочтено, но въ ту минуту какъ онъ отдѣлялся отъ площадки, Аракчеевъ сдѣлалъ шагъ назадъ, чтобъ поднять платокъ, который уронилъ вынимая изъ кармана, и остался невредимъ.

Сухово-Кобылинъ, пробывши три дня въ Грузинѣ, пожелалъ передъ отъѣздомъ проститься съ графомъ, который принялъ его съ своей обычной любезностью и прочелъ ему короткое наставленіе о его новыхъ обязанностяхъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ обѣщаніемъ исполнять ихъ добросовѣстно *) и сѣлъ въ свою дорожную коляску, которая была вычищена и приведена въ блестящее состояніе немало его удивившее; но ему объяснили, что Грузинскіе слесаря и работники обязаны заботиться объ экипажахъ пріѣзжихъ.

Добравшись до Москвы, онъ принялъ команду надъ своей ротой и съ этой минуты имѣлъ случай видѣть иногда Аракчеева съ его подчиненными и слѣдить за возраставшимъ порядкомъ, введеннымъ имъ въ Русскую армію.

*) Подъ Аустерлицемъ А. В. Сухово-Кобылинъ получилъ рану въ глазъ. За то другимъ глазомъ онъ былъ зорокъ и въ глубокой старости проводилъ цѣлые часы за чтеніемъ. П. Б.

„Когда я былъ записанъ на службу“, говорилъ Сухово-Кобылинъ, „воровство и безурядица были доведены въ нашемъ войскѣ до невѣроятныхъ границъ: начальники брали деньги съ солдатъ, чтобъ распускать ихъ по селамъ. Въ запасныхъ магазинахъ принимались счетомъ кули съ мукой, и оказывалось зачастую, что часть кулей наполнена пескомъ“. Разъ, во время первой компаніи противъ Французовъ, Сухову-Кобылину и его сослуживцамъ слѣдовало получить муку для своихъ ротъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что въ запасахъ лежатъ кули съ пескомъ и числится въ отчетахъ много провіанта, котораго не оказывается въ магазинахъ. Провіантскій комиссіонеръ, понимая, что будетъ обличенъ, зажегъ магазинъ. Былъ отданъ подъ судъ командиръ роты конной артиллеріи. Онъ стоялъ въ Крыму и, разсчитывая, вѣроятно, на отдаленіе отъ центра дѣятельности Аракчеева, позволялъ себѣ разныя злоупотребленія. Между прочимъ онъ получалъ деньги на содержаніе нѣсколькихъ сотъ лошадей, а когда дошло до справокъ, ихъ оказалось едва ли треть комплекта. Такіе примѣры встрѣчались не рѣдко. Провіантскій чиновникъ Ш...цъ раздавалъ деньги на продовольствіе войска и требовалъ обыкновенно десять процентовъ, говоря, что онъ самъ платитъ болѣе пяти своимъ начальникамъ. Тотъ изъ командировъ, который не соглашался на его требованія, былъ принуждаемъ принимать натурою провіантъ самаго иногда неудовлетворительнаго качества. Когда эти продѣлки дошли до свѣдѣнія Аракчеева, онъ отнялъ у всѣхъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, на нѣсколько лѣтъ, право носить мундиръ, и испросилъ высочайшее повелѣніе, по которому не принималась отъ нихъ просьба объ увольненіи отъ службы. Но за исключеніемъ этого примѣра, гдѣ обязанность оставаться на службѣ сдѣлалась карательной мѣрою, онъ устранялъ по возможности всѣхъ негодяевъ и лѣнивцевъ. Сухово-Кобылинъ зналъ, между прочимъ, артиллериста К....ва, которому пришлось выходить въ отставку. Онъ былъ человѣкъ честный, но не заботился о службѣ и давалъ своимъ подчиненнымъ полную волю наживаться на счетъ казны; самъ же онъ былъ исключительно занятъ женскими рукодѣліями: вышивалъ по канвѣ, распускалъ для выжиги серебряные галуны, шилъ даже чепцы, и его издѣлія дошли наконецъ до совершенства.

Въ 1801 г. Аракчеевъ сформировалъ около ста ротъ артиллеріи. Раза по два въ недѣлю чиновники его и фельдъегери объѣзжали командировъ, и каждый долженъ былъ вручить имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Аракчеевъ самъ осматривалъ часто роты и, когда былъ въ духѣ, шутилъ съ своими подчиненными, подтрунивалъ надъ ними и даже передразнивалъ иныхъ. Онъ оставлялъ обыкновенно свой экипажъ при первой ротѣ или бригадѣ, которую осматривалъ, а чтобъ переѣхать на осмотръ другой, стоявшей въ сосѣдствѣ, бралъ экипажъ командира и самого командира съ собой, такъ что на осмотрѣ послѣдней находились всѣ командиры. Разъ ему пришлось воспользоваться дрожками одного Ив....а, который управлялъ дѣловымъ дворомъ и по патріархальной простотѣ занималъ рабочихъ фабрикаціей экипажей. Незатѣйливость доморащеннаго изобрѣтенія не могла ускользнуть отъ Аракчеева.

„Какія отличныя дрожки у Ив. . . . а, господа!, замѣтилъ онъ молодымъ командирамъ, доѣхавшимъ съ нимъ до мѣста новаго осмотра. „Какъ покойны! Вѣрно въ Петербургѣ купилъ; хоть бы мнѣ узнать, у какого мастера: и я бы заказалъ“.

Ив. . . . ъ, чуя бѣду, стоялъ близъ него ни живъ ни мертвъ. И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ чиновникъ Аракчеева производилъ уже слѣдствіе, по которому узналъ, что командиръ заставляетъ круглый годъ своихъ подчиненныхъ на него работать, и Ив. . . . ъ былъ отставленъ.

Между полковниками батарейныхъ работъ былъ старикъ Белингсгаузенъ, родомъ изъ Лифляндіи. Аракчеевъ его недолюбливалъ за независимый складъ его характера и довольно смѣлыя его рѣчи, но дорожилъ имъ какъ человѣкомъ дѣльнымъ, всегда исправнымъ въ службѣ и безукоризненной честности, и не смотря на непріязненное къ нему чувство, обращался съ нимъ всегда съ уваженіемъ. „Пусть онъ меня не любитъ“, говорилъ Белингсгаузенъ, „а все же онъ знаетъ, что я передъ нимъ всегда буду правъ“.

Белингсгаузенъ пользовался привязанностью и уваженіемъ не только своихъ подчиненныхъ, но и всѣхъ молодыхъ командировъ, съ которыми былъ знакомъ. Они его выбрали своимъ совѣтчикомъ, называли его „маткой“, собирались у него часто, чтобы потолковать о дѣлѣ или для дружеской бесѣды, и когда имъ приходилось являться къ графу по долгу службы, они выбирали время, когда „матка“ являлся также къ нему по дѣлу. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Аракчеевъ не только уважалъ, но какъ будто и побаивался этого человѣка и часто смягчалъ свои выговоры и даже приговоры въ его присутствіи.

„Если у тебя что неисправно“, говаривалъ всегда Белингсгаузенъ своей молодежи, „кайся ему скорѣе, а на обманъ не ходи: его не проведешь“.

И точно, случилось разъ, что при осмотрѣ роты Сухово-Кобылина Аракчеевъ спросилъ, запасся ли онъ всѣмъ нужнымъ для предстоящаго похода.

„Не успѣлъ еще“, отвѣчалъ командиръ „деньги поистратились“.

„Вы не играете въ карты?

„Никогда, ваше сіятельство“.

Графъ разспросилъ, куда были употреблены суммы на продовольствіе, и ограничился замѣчаніемъ, что надо ими распоряжаться какъ можно разсчетливѣе, а вскорѣ Сухово-Кобылинъ узналъ, что на его счетъ были наведены справки.

Но не всѣ рѣшались дѣйствовать съ такой откровенностью. Несмотря на совѣты „матки“, командиръ батарейной роты Л . . . . ъ вздумалъ подняться на обманъ. Ждали Аракчеева, а у Л . . . . а не было полнаго комплекта лошадей, и ему пришло въ голову попросить на время лошадей у знакомыхъ ему купцовъ сосѣдняго города. Пріѣзжаетъ Аракчеевъ въ сопровожденіи командировъ осмотрѣнныхъ имъ уже ротъ. Рота Л. . . . . а была послѣдняя. Великолѣпныя лошади бросились въ глаза графу.

„Ну господа“, сказалъ онъ, „я всѣми вами доволенъ, а такими лошадьми никто изъ васъ похвастаться не можетъ. Что правда, то правда“.

Когда осмотръ кончился, онъ похвалилъ еще разъ командира и отдалъ, уѣзжая, приказъ о заявленіи ему въ печати особенной благодарности.

„Слава Богу"! говорилъ обрадованный Л....ъ, „сошло съ рукъ!"

„Либо сошло, либо нѣтъ", отозвался Белингсгаузенъ; ты воображаешь, что его обманулъ, а ну какъ онъ тебя? Таковскій онъ, чтобы не догадаться! Откуда ротному командиру взять такихъ лошадей? Вѣдь иная рублей въ триста. Да и хвалилъ-то онъ не спроста". „Матка" былъ правъ: недѣли черезъ двѣ Аракчеевъ назначилъ еще смотръ, и Л.... прибѣгнулъ опять къ необходимости попользоваться тѣми же чужими лошадьми. Осмотрѣвъ роту, графъ приказалъ адъютанту наложить на нихъ казенное клеймо. Бѣдному Л.... у пришлось разсчитываться, какъ онъ зналъ, съ хозяевами лошадей, и кромѣ того онъ былъ вскорѣ смѣненъ.

При Аракчеевѣ находился постоянно въ услуженіи одинъ изъ его крѣпостныхъ, котораго онъ звалъ, неизвѣстно почему, Синицей, и подъ другимъ именемъ никто его не зналъ. Синица всегда стоялъ или сидѣлъ въ дверяхъ пріемной и пользовался особенной довѣренностью своего барина, который любилъ его и былъ очень снисходителенъ къ его слабостямъ. Разъ, въ Шкловѣ, куда была созвана часть нашей арміи, Синица обошелъ артиллеристовъ, *праздравляя* господъ съ своими собственными имянинами и потчуя ихъ кренделями и яблоками, за которыя получалъ, разумѣется, отъ кого пять, отъ кого десять рублей, и забравши свои сокровища, напился мертвецки пьянъ. На другой день командиры явились къ Аракчееву и увидали съ удивленіемъ вывѣшанный на двери листъ бумаги, на которомъ было записано, сколько каждый изъ нихъ далъ наканунѣ имянинику. Принявъ рапорты, Аракчеевъ сказалъ имъ смѣясь: „Прошу васъ, господа, быть въ другой разъ не такъ щедрыми къ Синицѣ. Ему было, разумѣется, очень весело вчера; но мнѣ-то пришлось ужъ очень жутко; хотѣлъ поручить ему дѣло, а онъ лыка не вяжетъ. Когда онъ отрезвился, я велѣлъ ему записать, много ли онъ получилъ отъ каждаго изъ васъ: мнѣ захотѣлось знать, на сколько я кому обязана удовольствіемъ, которымъ мы оба наслаждались вчера".

Т. Толычова.

*

Случилось Аракчееву заболѣть, и онъ не могъ поѣхать на Каменный островъ съ докладомъ къ Государю, а послалъ бумаги съ Клейнмихелемъ. А что же Алексѣй Андреевичъ? спросилъ Александръ Павловичъ.—Графъ сегодня не можетъ.—Ахъ, какъ же быть? Что съ нимъ? Былъ ли докторъ? тревожно повторялъ Государь.—Успокойтесь, Ваше Величество: графъ слегка простудился.—Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеевъ, замѣтилъ Государь. Все что дѣлается дурнаго, онъ беретъ на себя; все хорошее приписываетъ мнѣ.

Сила Аракчеева была такъ велика, что даже императрица Марія Θеодоровна собиралась къ нему въ Грузино, и великіе князья боялись его взысканій. П. Б.

О ВЫСЕЛЕНІИ ТАТАРЪ ИЗЪ КРЫМА.

1874.

Всеподданнѣйшее донесеніе генералъ-адьютанта князя С. М. Воронцова *).

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ изслѣдовать на мѣстѣ о причинахъ, вызвавшихъ стремленіе Крымскихъ Татаръ къ выселенію изъ предѣловъ Россіи; собрать свѣдѣнія о томъ, въ чьи руки, на какихъ условіяхъ и за какія цѣны продаютъ Татары принадлежащія имъ земли, и составить предположеніе о тѣхъ способахъ, коими было бы всего удобнѣе, не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, остановить означенное стремленіе и удержать необходимое для края населеніе.

Во исполненіе такого высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, посѣтивъ населенные Татарами Симферопольскій, Ѳеодосійскій, Ялтинскій и Евпаторійскій уѣзды Таврической губерніи, имѣю счастіе всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что волненія между Татарскимъ населеніемъ произошли главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе изданія новаго закона, подчиняющаго Татаръ отбыванію воинской повинности, отъ которой до сего времени они были свободны. Къ этой новой повинности Татары отнеслись тѣмъ болѣе несочувственно, что у нихъ составилось убѣжденіе въ чрезмѣрной ея обременительности; такъ, напримѣръ, Татары полагали, что всѣ 20-ти лѣтніе будутъ ежегодно поголовно забираемы въ солдаты, что, кромѣ того, все мужское населеніе до 40-ка лѣтняго возраста будетъ обязано нести службу и т. п. Причина такого ложнаго пониманія устава о воинской повинности заключалась въ томъ, что уставъ, написанный на чуждомъ для нихъ языкѣ, не былъ своевременно растолкованъ имъ

*) Списокъ съ этого донесенія сообщенъ мнѣ лично княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ. П. Б.

надлежащимъ образомъ административными властями *), вслѣдствіе чего толкованіе устава попало въ руки полуграмотныхъ писарей и разныхъ мелкихъ ходатаевъ, видѣвшихъ въ этомъ случаѣ возможность наживы и дѣйствительно извлекшихъ изъ населенія болѣе 10000 рублей за написаніе просьбъ о выселеніи. Съ другой стороны, необъясненіе Татарамъ, вмѣстѣ съ обнародованіемъ устава о воинской повинности, предположенной относительно ихъ мѣры, состоящей въ томъ, что они будутъ назначаемы въ отдѣльныя части, поселило у Татаръ мысль, что призванные изъ нихъ на службу будутъ разсѣяны по разнымъ полкамъ и лишатся возможности совершать свои религіозные обряды.

Такимъ образомъ, возникшее между Татарами стремленіе къ выселенію было, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ совокупности изложенныхъ причинъ, неблагопріятно подѣйствовавшихъ на умы населенія. Какихъ-либо внѣшнихъ подстрекательствъ къ выселенію мною не замѣчено.

Но, независимо этой главной причины, существуютъ еще издавна нѣкоторыя побочныя, которыя въ значительной степени поддерживали у Татаръ разъ возникшее намѣреніе оставить предѣлы Россіи.

Все Татарское населеніе можно раздѣлить на три группы: на степныхъ Татаръ, населяющихъ сѣверные уѣзды губерніи, горныхъ Судакскихъ и южнобережскихъ. Степные Татары въ значительномъ большинствѣ не имѣютъ собственныхъ земель; они живутъ десятинщиками на земляхъ помѣщичьихъ и казенныхъ, отдаваемыхъ въ аренду, и терпятъ большія притѣсненія въ особенности отъ арендаторовъ казенныхъ земель. Экономическое положеніе этихъ Татаръ крайне дурно, а пятилѣтній неурожай и падежъ скота привели ихъ въ самое бѣдственное положеніе, такъ что выселеніе изъ предѣловъ Россіи представлялось ихъ воображенію дѣломъ могущимъ только улучшить ихъ положеніе. Горные Татары, проживающіе въ окрестностяхъ Судака, болѣе обезпечены въ средствахъ къ жизни; но, населяя горныя ущелія и не имѣя, по отсутствію путей сообщенія, сношеній съ другими народностями, они представляются народомъ совершенно невѣжественнымъ и полудикимъ, въ которомъ сильно развитъ религіозный фанатизмъ. Намѣреніе выселиться они объясняютъ внушеніемъ ниспосланнымъ имъ свыше и никакихъ другихъ мотивовъ не высказываютъ. Что касается до Татаръ южнобережскихъ, то они пользуются большимъ

*) Таврическимъ губернаторомъ тогда былъ Кавелинъ, сынъ того ген.-адъютанта Кавелина, который нѣкогда состоялъ попечителемъ цесаревича Александра Николаевича. П. Б.

благосостояніемъ, гораздо развитѣе остальныхъ Татаръ, почти всѣ знаютъ Русскій языкъ, и между ними были волости, какъ напр. Байдарская, изъ которыхъ ни одинъ Татаринъ не подавалъ прошенія о дозволеніи выселиться.

До моего пріѣзда въ Крымъ прошеній о выселеніи было подано губернатору около 2000, и во всѣхъ почти прошеніяхъ употреблялась стереотипная фраза «если со стороны закона нѣтъ къ этому препятствія», при чемъ указывалось на дозволеніе, данное въ 1861 году Татарамъ выселяться изъ предѣловъ Россіи. Если бы, съ самаго начала, прошенія были возвращаемы съ отказомъ въ выдачѣ паспортовъ (какъ это неоднократно совѣтывалъ Таврическій муфтій), то это значительно ослабило бы начавшееся волненіе. Невозвращеніе же прошеній поселило у Татаръ убѣжденіе въ законности просьбъ и надежду на удовлетвореніе оныхъ, что̀ вынуждало и другихъ просить о томъ же, дабы не отстать отъ своихъ единовѣрцевъ. Хотя губернаторъ передъ моимъ пріѣздомъ предложилъ циркулярно полицейскимъ управленіямъ объявить по городамъ и волостямъ, что прошенія о выселеніи будутъ оставлены безъ послѣдствій, но Татары этого не поняли, объясняя, что если прошенія не возвращены, то значитъ надежда на полученіе паспортовъ не потеряна.

Съ моимъ пріѣздомъ въ Крымъ по высочайшему Вашего Величества повелѣнію (о чемъ Татары, къ сожалѣнію, узнали частнымъ путемъ) дальнѣйшая подача прошеній о выселеніи хотя прекратилась, но тѣмъ не менѣе я вездѣ встрѣчалъ въ населеніи безпокойство, недоумѣніе, страхъ и рѣшимость настойчиво продолжать домогательства о дозволеніи выселяться за границу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Татары полагали даже, что правительство само желаетъ ухода ихъ наподобіе 1861 года.

Переданный мною по высочайшему Вашего Величества повелѣнію привѣтъ Татарскому населенію и увѣреніе въ неизмѣнной къ нему благосклонности Вашей наравнѣ съ остальными подданными Вашего Величества, а также всемилостивѣйше дарованныя Вами облегченія Татарамъ по отбыванію воинской повинности, гарантирующія свободу ихъ религіозныхъ вѣрованій, видимо обрадовали и успокоили народъ, вездѣ возносившій теплыя молитвы о здравіи и долгоденствіи Вашего Величества.

Сдѣланныя мною затѣмъ разъясненія сущности новаго устава о воинской повинности и необременительности ея для населенія, а также

указанія на обязанности всѣхъ вѣрноподданныхъ по отношенію къ престолу и отечеству и на всѣ невыгодныя для Татаръ послѣдствія отъ выселенія, окончательно разсѣяли безпокоившія ихъ опасенія и примирили Татаръ (исключая населяющихъ Ѳеодосійскій уѣздъ) съ необходимостію отбыванія воинской повинности.

Смѣю думать, что такое примиреніе совершенно искренно и чистосердечно, такъ какъ желаніе подчиниться новой воинской повинности почти вездѣ, а особенно въ городахъ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ (главныхъ центрахъ волненія) было изъявлено населеніемъ добровольно, послѣ долгихъ размышленій и колебаній и безъ малѣйшаго съ моей стороны давленія.

Составленные обществами благодарственные приговоры имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Поданныя Татарами просьбы о дозволеніи выселиться, по моему распоряженію, возвращены просителямъ на руки, и каждый получившій обратно свою просьбу, видимо, былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла. Вездѣ Татарское населеніе принялось за обыкновенныя свои занятія и обработку полей, садовъ и виноградниковъ, такъ что волненіе между Татарами можно считать оконченнымъ и населеніе успокоившимся.

Чтó касается Татаръ, населяющихъ Ѳеодосійскій уѣздъ и нѣкоторыя смежныя съ нимъ горныя деревни, принадлежащія къ Алуштинской волости и Ялтинскаго уѣзда, какъ-то: Туакъ, Искутъ и другія, то хотя они остались при прежнемъ своемъ намѣреніи домогаться выселенія, но едва ли они думаютъ теперь объ этомъ серіозно. Съ одной стороны примѣръ остальнаго Татарскаго населенія, особенно городовъ Бахчисарая и Карасубазара, произвелъ уже на нихъ, какъ я убѣдился, довольно сильное впечатлѣніе, а съ другой стороны, возвращеніе прошеній о выселеніи показало имъ безполезность ихъ домогательства. Подобно прочимъ Татарамъ они принялись за свои обыкновенныя занятія, и нѣтъ сомнѣнія, что волненіе между ними само-собою утихнетъ, если они будутъ оставлены въ покоѣ и дѣло объ ихъ стремленіи къ выселенію будетъ предано забвенію.

Зная довольно близко Татарское населеніе, его характеръ и привычки, смѣю выразить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мою увѣренность, что служба въ кавалеріи и притомъ въ отдѣльномъ эскадронѣ весьма полюбится Татарамъ, и они съ удовольствіемъ будутъ поступать въ войска, въ особенности когда на практикѣ убѣдятся въ

необременительности этой повинности. Въ настоящемъ случаѣ важны тѣ способы, какими будетъ вводиться между Татарами новая повинность. Чѣмъ гуманнѣе и примѣнительнѣе къ ихъ правамъ и обычаямъ будутъ эти способы, тѣмъ прочнѣе и скорѣе привьется къ Татарамъ любовь къ военной службѣ. Сообразно дарованнымъ Татарамъ облегченіямъ казалось бы необходимымъ при сформированіи отдѣльнаго эскадрона изъ Татаръ составить для Татарскаго населенія Крыма особые отъ прочаго народонаселенія призывные списки. Командованіе будущимъ эскадрономъ было бы полезно поручить Русскому офицеру, не изъ Татарскихъ мурзъ, о чемъ всѣ безъ исключенія волости и города просили меня ходатайствовать предъ Вашимъ Величествомъ, какъ объ особой для нихъ милости.

Слухи о томъ что Татары распродаютъ свои земли оказались неосновательными: никто изъ Татаръ продажъ не совершалъ.

Для вящшаго успокоенія Татарскаго населенія Крыма и для того, чтобы привязать его болѣе прочными узами къ своей родинѣ и предотвратить въ будущемъ возможность волненій подобныхъ настоящему, считаю долгомъ повергнуть на всемилостивѣйшее Вашего Величества воззрѣніе нижеслѣдующія предположенія.

1) Степнымъ Татарамъ отвести изъ казенныхъ земель надѣлы, если не даромъ, то за умѣренную плату, съ разсрочкою платежей на продолжительное время. Въ случаѣ неимѣнія въ достаточномъ количествѣ казенныхъ земель для полевыхъ надѣловъ, дать имъ по крайней мѣрѣ землю для ихъ усадебной осѣдлости.

2) Горныя поселенія возлѣ Судака соединить шоссейными дорогами съ Алуштою, Ѳеодосіею и Карасубазаромъ. Означенная мѣстность, изобилующая самыми давними въ краѣ виноградниками, производитъ большое количество вина, и удобныя пути сообщенія, поднявъ ея благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать смягченію нравовъ горныхъ жителей посредствомъ сближенія ихъ съ другими, болѣе цивилизованными народностями. Устройство указанныхъ путей было предположено и частію началось приводиться въ исполненіе еще бывшимъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Воронцовымъ, но за выбытіемъ его изъ края дальнѣйшія работы оставлены, а произведенныя заброшены.

3) Ускорить окончаніемъ спорныхъ дѣлъ о лѣсныхъ дачахъ, отобранныхъ казною отъ южно-бережскихъ Татаръ въ 1838 году съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, противу каковаго завладѣнія казною энергически протестовалъ бывшій генералъ-губернаторъ, князь Воронцовъ.

4) Подвергнуть справедливому разсмотрѣнію жалобы Татаръ на завладѣніе казною принадлежащими имъ землями и домами, а также удовлетворить (если не встрѣтится особыхъ препятствій) ходатайства нѣкоторыхъ обществъ о разрѣшеніи выкупить у казны отдаваемыя въ аренду земли, для устраненія разныхъ притѣсненій, испытываемыхъ Татарами отъ арендаторовъ. По этому предмету мнѣ подано нѣсколько просьбъ, которыхъ я не счелъ себя въ правѣ не принять при настоящихъ обстоятельствахъ.

и 5) Отмѣнить существующія стѣсненія въ выдачѣ Татарамъ паспортовъ для путешествія въ Мекку и подчинить Татарское населеніе въ отношеніи полученія разнаго рода паспортовъ общимъ законамъ, наравнѣ со всѣми Русскими подданными.

Кромѣ сего, во многихъ мѣстностяхъ Крыма Татары заявили мнѣ словесныя жалобы по поводу возбужденнаго бывшимъ губернаторомъ генераломъ Жуковскимъ вопроса о вакуфахъ, который сильно тревожитъ и волнуетъ какъ населеніе, такъ и Магометанское духовенство. Вакуфныя земли и капиталы составились въ теченіе многихъ лѣтъ изъ пожертвованій по завѣщаніямъ на содержаніе мечетей и духовенства. Населеніе проситъ объ оставленіи этихъ имуществъ и распоряженіи оными попрежнему въ вѣдѣніи обществъ. Удовлетвореніе такого ходатайства, въ существѣ своемъ справедливаго, оказало бы благотворное вліяніе на настроеніе умовъ Татарскаго населенія.

Въ заключеніе считаю долгомъ упомянуть, что во всѣхъ посѣщенныхъ мною уѣздахъ Таврической губерніи были распространены слухи о томъ, что на праздникъ Воскресенія Христова Татары собираются рѣзать христіанъ. При всей очевидной нелѣпости такихъ слуховъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и истекавшихъ изъ сомнительныхъ источниковъ, мѣстное начальство, къ сожалѣнію, принимало по этому поводу нѣкоторыя мѣры и заводило переписку, что̀ крайне обидѣло и огорчило Татарское населеніе. Оно горячо просило меня снять съ него незаслуженное пятно и оправдать его предъ лицомъ Вашего Императорскаго Величества. Я обѣщалъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлился отъ августѣйшаго Вашего имени высказать Татарамъ, что Вы первый Государь Россіи, ежегодно осчастливящій Крымъ своимъ присутствіемъ, что Вамъ извѣстна преданность Татарскаго народа и что, зная честныя убѣжденія и правила Татаръ, Ваше Величество ни на минуту не повѣрите подобной взведенной на нихъ клеветѣ.

14 Апрѣля 1874 года
С.-Петербургъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ 8-го МАРТА 1881 ГОДА *).

Императоръ Александръ III-й, вслѣдствіе настойчивыхъ совѣтовъ графа Лорисъ-Меликова, рѣшился, послѣ долгихъ колебаній, собрать 8-го Марта 1881 г. министровъ для обсужденія предложеній графа, утвержденныхъ покойнымъ императоромъ: о созывѣ комитета или редакціонной комиссіи изъ выборныхъ представителей землевладѣльцевъ, городовъ и дворянства для обсужденія государственныхъ вопросовъ.

Засѣданіе началось чтеніемъ трехъ документовъ: 1) Предложенія графа Лорисъ-Меликова о созывѣ редакціонной комиссіи, на которомъ покойный императоръ подписалъ: «Я согласенъ»; 2) Указа Правительствующему Сенату, подписаннаго покойнымъ императоромъ 1-го Марта въ $11\frac{1}{2}$ часовъ утра; 3) Новаго указа, приготовленнаго для подписи молодого Императора. По прочтеніи этихъ документовъ (на что потребовалось болѣе часа времени) Его Величество просилъ присутствующихъ высказать свои мнѣнія относительно предложенія.

Первымъ говорилъ Побѣдоносцевъ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, обширнаго образованія, строгихъ религіозныхъ убѣжденій и, благодаря давнимъ сношеніямъ, какъ говорятъ, имѣющій большое вліяніе на нынѣшняго Императора. Онъ полагаетъ, что осуществленіе подобнаго предложенія должно быть отложено. По его мнѣнію, указъ, заключающій въ себѣ такъ много новаго для народныхъ умовъ въ смыслѣ новыхъ отношеній къ правительству, дастъ въ результатѣ не успокоеніе, а возбудитъ еще больше волненій. Уже немало было броженія въ обществѣ; необходимо на первыхъ порахъ остановить его. Нація ожидаетъ твердаго и авторитетнаго дѣйствія, способнаго возстановить внутреннюю, потрясенную администрацію; и не слѣдуетъ приступать къ такимъ мѣрамъ, которыя уменьшаютъ авторитетъ власти, дозволивъ обществу разсуждать о такихъ вопросахъ, о которыхъ до настоящаго времени оно не имѣло права говорить. Только духовенство, продолжаетъ ораторъ, мо-

*) Современная запись со словъ одного изъ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи, доставленная въ „Русскій Архивъ“. П. Б.

жетъ вести народъ по истинному пути. Свѣтскій школьный учитель пропитанъ нигилизмомъ, какъ и всѣ лица, приходящія въ столкновеніе съ крестьянами, относительно вопросовъ, касающихся ихъ быта. Только духовенство учитъ народъ быть вѣрнымъ Богу, Царю и родинѣ. Если духовенство увидитъ, что Царь существуетъ лишь съ туманными и непонятными функціями, оно перестанетъ говорить народу о Царѣ, и народъ забудетъ послѣдняго.

Другой министръ, Маковъ, просилъ у Его Величества дозволенія воздержаться отъ обсужденія предложеній реформы. Не прошло недѣли, прибавилъ онъ, какъ я клялся быть вѣрнымъ, Государю-Самодержцу. Въ предлагаемомъ проектѣ самодержавіе повергнуто въ прахъ. Я не желаю этимъ набросить тѣнь на составителя проекта, но считалъ бы себя клятвопреступникомъ, принявъ участіе въ обсужденіи вопроса, касающагося ограниченія самодержавной власти.

Графъ Лорисъ-Меликовъ энергически возражалъ противъ такого незаслуженнаго обвиненія. Проектъ реформы одобренъ покойнымъ императоромъ и внесенъ для дальнѣйшаго обсужденія царствующимъ Государемъ. Оба были и остаются самодержцами. Проектъ не заключаетъ въ себѣ чего либо клонящагося къ ограниченію самодержавной власти. Графъ, который обыкновенно бываетъ очень спокоенъ, такъ хорошо владѣетъ собою, скорѣе дипломатъ и «ловкачъ» въ своихъ дѣйствіяхъ, на этотъ разъ, казалось, говорилъ подъ вліяніемъ скорѣе сильнаго волненія, чѣмъ строгой логики. Его негодованіе было болѣе плодомъ честныхъ движеній сердца, чѣмъ холоднаго разума, когда онъ заявилъ: «Я не воспитывался въ канцеляріяхъ. Если бы я замѣтилъ въ комъ либо стремленіе къ ограниченію самодержавной власти, я бы убилъ его, а если бы не могъ этого сдѣлать, то убилъ бы самого себя». Съ болѣе убѣдительной и неотразимой логикой графъ продолжалъ: «Всѣ вопросы, которые предложено передать на обсужденіе редакціонной комиссіи, до настоящаго времени обсуждались не путемъ земскихъ и дворянскихъ собраній, а разрѣшались въ департаментахъ. Дайте же возможность имъ выйти на свѣтъ Божій и быть разрѣшенными не наемными чиновниками, а представителями націи». Министръ, котораго перебилъ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ оправданіе своего мнѣнія, указалъ на разнузданность печати, которая понимала назначеніе редакціонной комиссіи, какъ требованіе конституціи, и вмѣстѣ съ нигилистами желала ниспроверженія государственнаго строя. Графъ Лорисъ-Меликовъ возразилъ противъ нападковъ на разнузданность печати. Онъ заявилъ, что въ послѣднее время, благодаря печати, возникли сенаторскія ревизіи, что она обна-

ружила растрату государственныхъ имуществъ, указала множество злоупотребленій, была лучшимъ оплотомъ закона и безпощадно преслѣдовала нарушителей его.

Другой новый министръ, Абаза, обладающій большой административной опытностью, хорошо знакомый съ нуждами Имперіи, а также обладающій свѣдѣніями относительно экономическаго и политическаго положенія другихъ странъ, произнесъ блестящую рѣчь. Рядомъ историческихъ фактовъ, взятыхъ изъ двухъ послѣднихъ столѣтій, онъ доказывалъ, что покойный императоръ продолжилъ дѣло, начатое Петромъ І-мъ, Екатериною ІІ-й и Александромъ І-мъ. Исчисливъ реформы покойнаго императора, онъ замѣтилъ, что учрежденіе редакціонной комиссіи или, другими словами, комиссіи приготовительной, составляетъ наименьшую изъ прежнихъ реформъ: всѣ онѣ были гораздо обширнѣе. Во всѣхъ нихъ замѣчается революціонное начало, какъ напримѣръ освобожденіе крестьянъ, которое, такъ сказать, только закончило давно начатое дѣло. Министръ добавилъ: «Я только что слышалъ весьма странное обвиненіе; было сказано, что настоящій проекъ расшатываетъ идею монархіи; я сожалѣю о такомъ мнѣніи, хотя оно меня не удивляетъ. Есть много людей, которые хорошо знакомы съ нашими реформами, но лишены способности понимать ихъ внутренній смыслъ. Мы подавлены бюрократизмомъ, мы вскормлены имъ и такъ къ нему привыкли, что насъ поражаетъ каждое живое свѣжее слово, произнесенное лицами избранными народомъ. Я также слышалъ мнѣніе о томъ, что теперь не время обсуждать такіе вопросы. Когда же придетъ время? Не знаю, не слишкомъ ли поздно собрались мы для обсужденія идеи новой реформы. Если бы покойный императоръ 19-го Февраля обнародовалъ прочитанный намъ указъ, онъ прожилъ бы послѣднюю недѣлю среди ликованій, и конечно ужасное событіе 1-го Марта не осуществилось бы. Начать новое царствованіе провозглашеніемъ лежащаго предъ нами проекта реформы значитъ укрѣпить идею монархіи на многія столѣтія, призвать на главу государства благословеніе милліоновъ людей, говорящихъ на многихъ языкахъ и возбудить любовь такой имперіи, въ границахъ которой солнце не заходитъ.

Въ томъ же духѣ высказался Несторъ Русскихъ государственныхъ людей, Милютинъ, личный другъ покойнаго императора. Онъ заявилъ, что покойный императоръ часто говорилъ о необходимости подобной реформы и всегда считалъ ее истинной гарантіею спокойствія государства. Никогда не было и рѣчи о томъ, что она потрясаетъ значеніе монархіи. «Только въ настоящее время услыхалъ я подобное мнѣніе и

искренно сожалѣю о немъ». Онъ выразилъ мнѣніе, что идея власти нигдѣ не поставлена на такую высоту, какъ въ войскахъ; тѣмъ не менѣе онъ разсматриваетъ предлагаемую реформу, какъ продолженіе той, которая подъ шапкой солдата сравняла 20-ти лѣтнихъ юношей всѣхъ сословій. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Я съ грустью вспоминаю, что три года тому назадъ Русская армія штыками, скованными въ странѣ абсолютизма, очистила мѣсто для конституціи Болгаріи и Румыніи; а теперь мы покоряемъ Текинцевъ лишь съ цѣлью замѣнить ихъ сердарей нашими доморощенными чиновниками».

Весьма опытный сановникъ графъ Валуевъ обратилъ вниманіе на значеніе предполагаемой реформы для Западной Европы. По его мнѣнію Россія не имѣетъ права называть себя Европейскимъ государствомъ, и недовѣріе къ ней Европы совершенно понятно. «Тѣ учрежденія, безъ которыхъ Европа существовать не можетъ, для Россіи не чужды [1]). Россія не можетъ идти назадъ и должна идти путемъ, указаннымъ для всѣхъ націй въ исторіи человѣчества. Но если мы стремимся водворить у себя цивилизацію Европы, то должны взять за образецъ не деспотизмъ восточныхъ странъ, а Европейскія учрежденія. Говорятъ, что Русское общество и Русская нація не созрѣли еще для самоуправленія; я спрашиваю: стояла ли Англійская нація по развитію выше Россіи, когда, 500 лѣтъ тому назадъ, она воспользовалась уже свободными учрежденіями?».

За проектъ высказались: графъ Адлербергъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, графъ Милютинъ, Валуевъ, Абаза, Гирсъ, Набоковъ, Сабуровъ и Сольскій. Противъ проекта высказались: князь Ливенъ, Посьетъ, Побѣдоносцевъ, Маковъ и графъ Строгановъ [2]).

Императоръ, благодаря собраніе, сказалъ: «Итакъ, господа, большинство высказалось въ пользу созванія избирательнаго комитета для обсужденія государственныхъ вопросовъ. Я согласенъ съ большинствомъ и желаю, чтобы указъ о реформѣ былъ обнародованъ въ честь моего отца, такъ какъ идея реформы принадлежитъ ему». Затѣмъ Государь крѣпко пожалъ руку Лорисъ-Меликову, горячо его благодарилъ и, обратясь къ присутствующимъ, выразилъ надежду, что всѣ они, конечно, пожертвуютъ личными отношеніями ради блага Россіи.

*

---

[1]) Но самъ-то онъ былъ чуждъ Россіи. П. Б.

[2]) За годъ до своей кончины. Говорятъ, что въ этомъ засѣданіи онъ стучалъ о полъ своею палкою и, крикнувъ на одного изъ министровъ, обозвал его мальчишкою. П. Б.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ БОГОЛѢПОВЪ [1]).

Попечителемъ Московскаго учебнаго округа [2]).

Въ 1895 году, когда Н. П. Боголѣповъ предсѣдательствовалъ въ Кіевѣ въ экзаменаціонной комиссіи, попечителю Московскаго учебнаго округа, графу Капнисту было предложено мѣсто сенатора. Одновременно въ Москвѣ распространился слухъ, что на его мѣсто будетъ назначенъ Николай Павловичъ. Онъ съ большою тревогою отнесся къ этому слуху. Когда же 9-го Мая означеннаго года онъ получилъ въ Кіевѣ письмо отъ управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора Истомина съ предложеніемъ занять мѣсто графа Капниста, онъ долго колебался и медлилъ отвѣтомъ. Онъ считалъ служебныя обязанности попечителя учебнаго округа крайне тяжелыми и отвѣтственными. Со времени своего послѣдняго ректорства онъ сомнѣвался въ возможности, при наличныхъ условіяхъ, улучшить положеніе университета; даже средняя школа при протестующемъ настроеніи большинства общества внушала ему опасенія. Съ тѣхъ поръ его болѣе, чѣмъ когда-либо влекло къ мирнымъ занятіямъ наукою. Въ болѣе молодые годы, когда въ немъ было еще много надеждъ, и тогда въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, разбирая хорошія и дурныя стороны частной и общественной жизни, онъ писалъ: «Если я сумѣю выработать въ себѣ способность спокойно и стойко проводить въ своей дѣятельности справедливое и доброе, то на закатѣ дней душа моя будетъ полнѣе удовлетворена, чѣмъ въ частной жизни». Теперь же, когда ему предлагали широкую общественную дѣятельность, онъ охотно отказался бы отъ нея. Не то, чтобъ онъ сомнѣвался въ своихъ уже испытанныхъ спокойствіи и стойкости, но онъ уже меньше разсчитывалъ на нихъ. Съ другой стороны ему казалось, что онъ не имѣетъ прàва отступать передъ борьбой, и онъ считалъ даже неблаговиднымъ отказываться изъ-за личныхъ соображеній отъ общественныхъ дѣлъ, веденіе которыхъ самъ онъ не разъ порицалъ. Между тѣмъ какъ Ник. Павл.

[1]) Считаю долгомъ упомянуть здѣсь съ искреннею благодарностью, что многія свѣдѣнія и указанія для описываемаго періода даны мнѣ П. А. Некрасовымъ, который былъ ближайшимъ помощникомъ Николая Павловича въ управленіи университетомъ. Е. Б.

[2]) См. въ первой книгѣ „Русскаго Архива" сего года, стр. 625.

колебался и мучительно обсуждалъ рѣшеніе своей участи, его друзья-профессора писали ему письмо за письмомъ съ просьбой принять предложенную должность. Деканъ юридическаго факультета В. А. Легонинъ, профессора Н., А., С., Т., З., М. и гр. К., какъ бы сговорившись, писали ему въ Кіевъ, уговаривая его не отказываться отъ отвѣтственныхъ обязанностей въ виду пользы, которую онъ можетъ принести дорогому имъ университету. Старикъ Легонинъ писалъ ему слѣдующее: «Я думаю, что нѣтъ достаточно основательныхъ причинъ отказываться и наоборотъ немало весьма причинъ, по которымъ слѣдуетъ принять предложеніе. Для меня лично выходъ вашъ изъ факультета большая потеря: я лишаюсь самой крупной опоры, не только въ смыслѣ единомыслія и дружескихъ отношеній, но и какъ болѣе активнаго дѣятеля факультета. Но все это должно замолкнуть въ виду крупныхъ общественныхъ интересовъ. Отъ вашего рѣшенія будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть успѣхъ нашего общаго университетскаго дѣла. Серьезность задачи, нравственный долгъ и увѣренность въ возможности достигнуть цѣли, все это въ совокупности достойныя причины для того, чтобъ не отказываться отъ предложенія». Проф. Слуцкій писалъ: «Для весьма желательной, разумѣется, мягкости поворота къ лучшему въ нашемъ университетѣ требуется очень искусный представитель власти, и съ этой точки зрѣнія ваша кандидатура представляется мнѣ въ высшей степени привлекательной. Я слышалъ, что вы колеблетесь и вижу ясно тому причину. Никто не обязанъ, конечно, приносить жертвы непосильныя. Но если требуемая отъ васъ жертва несовсѣмъ, какъ мнѣ кажется, для васъ непосильна и если просьба человѣка, искренно вамъ преданнаго можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ склонить васъ къ этой жертвѣ, то позвольте со сказанной просьбой къ вамъ обратиться».

Остальные профессора писали почти тоже, выражая Боголѣпову свою преданность и готовность его поддержать. Бывшій попечитель графъ Капнистъ также написалъ Николаю Павловичу письмо, въ которомъ сообщалъ свой разговоръ съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Деляновымъ. «Оказалось, писалъ онъ, что мои тайныя мечты совпали съ видами великаго князя, Московскаго генералъ-губернатора, голосъ котораго въ данномъ случаѣ имѣетъ самое важное значеніе. Графъ Иванъ Давыдовичъ сообщилъ мнѣ объ этомъ и снялъ мнѣ камень съ сердца. Графъ Деляновъ горячо ухватился за предложеніе великаго князя. Цѣль моего обращенія къ вамъ просить, умолять васъ не отказываться отъ дѣлаемаго вамъ предложенія. Я предвижу и понимаю возраженія, которыя вы можете представить, но я прошу васъ взвѣсить и другую сторону дѣла, которое имѣетъ большое значеніе: интересъ дѣла и пользу, которую принесетъ ваше назначеніе. Что касается окружного управленія

и подвѣдомственныхъ ему одиннадцати губерній, то вы будете желаннымъ попечителемъ. Вы извѣстны въ округѣ гораздо больше и лучше, чѣмъ, быть можетъ, вы думаете. Московскій университетъ связанъ тысячью нитей съ громадной полосой Россіи, и ваше имя, какъ виднаго дѣятеля по университету, хорошо знакомо во всей полосѣ. Васъ знаютъ, какъ человѣка образованнаго, умнаго, справедливаго и твердаго какъ человѣка, который не сдѣлаетъ легкомысленнаго шага, ничего не станетъ ломать, не сознавая необходимости, и который съ честью поведетъ дѣло просвѣщенія».

Въ то время, какъ мужъ получалъ приведенныя письма, лица, желавшія видѣть его попечителемъ Московскаго учебн. округа старались даже черезъ меня подѣйствовать на его рѣшеніе. Всѣ знали, что я съ большимъ огорченіемъ встрѣчала выборъ мужа въ ректоры (при устввѣ 1863 г). и позднѣе назначеніе его на эту должность отъ правительства. П. А. Некрасовъ, Н. А. Звѣревъ и А. С. Алексѣевъ, опасаясь, что я и въ этотъ разъ буду противодѣйствовать ихъ уговорамъ, пріѣхали ко мнѣ на дачу съ тѣмъ, чтобы просить меня этого не дѣлать. Я обѣщалась не противодѣйствовать имъ, но отказалась уговаривать мужа въ томъ смыслѣ, какъ они этого желали. Вслѣдъ за этимъ, по порученію великаго князя Сергѣя Александровича, ко мнѣ пріѣхалъ графъ Капнистъ и сталъ просить меня о томъ же. Я повторила ему сказанное профессорамъ. Между тѣмъ Н. П. основательно обсуждалъ съ братомъ моимъ Никитой вопросъ о своемъ назначеніи, и въ концѣ-концовъ онъ рѣшился принять предлагаемую ему должность. Въ отвѣтѣ своемъ управляющему канцелярій генералъ-губернатора Истомину онъ прежде всего выразилъ свою глубокую признательность его высочеству великому князю за оказанное ему высокое довѣріе, тронувшее его до глубины души. Затѣмъ онъ ставилъ три условія для своего поступленія въ должность попечителя, а именно просилъ прежде всего необходимой для себя правительственной поддержки, затѣмъ содержаніе, которое вознаградило бы его за то, что онъ терялъ въ университетѣ и, наконецъ, пенсію. Въ этомъ письмѣ, такъ же, какъ и въ отвѣтѣ его графу Капнисту, видно, какъ ясно онъ представлялъ себѣ положеніе университета, настроеніе молодежи и общества. Онъ писалъ, что предвидитъ борьбу не только съ дурными, безпорядочными привычками въ университетѣ, но и съ образовавшимися тайными союзами, стоящими въ связи съ революціонными кругами.

Отъ нихъ онъ даже ожидалъ личной опасности, но готовъ былъ по чувству долга передъ царемъ и отечествомъ принести въ жертву не только здоровье, но и жизнь. Изъ его отвѣта графу Капнисту видно, какъ онъ мало надѣялся на скорое улучшеніе дѣлъ въ университетѣ,

хотя считалъ борьбу необходимою: «Если мои условія будутъ приняты, пишетъ онъ, я пойду на дѣло, въ которомъ мнѣ вѣроятно не придется видѣть благополучнаго исхода. Мнѣ кажется, что вѣчное броженіе въ университетѣ питается революціонными теченіями. Съ ними должно бороться между прочимъ и путемъ укрѣпленія нормальной жизни въ университетѣ. Борьба эта кончится благополучно только послѣ того, какъ пострадаютъ многіе изъ начальства, изъ гражданства и изъ молодежи. Я думаю, что и я пойду на страданье, отъ возможности котораго не хочу отступать только по чувству гражданскаго долга». Вскорѣ по полученіи писемъ отъ Истомина и графа Капниста, Н. П. получилъ слѣдующую телеграмму отъ министра народн. просвѣщ. графа Делянова: «Прошу согласиться на поступленіе въ должность, о которой писалъ вамъ графъ Капнистъ». Въ отвѣтъ на эту телеграмму Боголѣповъ просилъ разрѣшенія у министра пріѣхать въ Петербургъ для личнаго объясненія. Послѣ этого послѣдовало свиданіе съ великимъ княземъ и графомъ Деляновымъ. Его высочество обѣщалъ выхлопотать исполненіе всѣхъ условій, поставленныхъ Николаемъ Павл., но гр. Деляновъ не призналъ возможность обезпеченія пенсіей. Лѣтомъ, 29-го Іюня, Боголѣповъ былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Въ Іюлѣ онъ представлялся Государю, который обѣщалъ ему свою полную поддержку.

Это было послѣднее вполнѣ спокойное лѣто, проведенное Николаемъ Павловичемъ; тѣмъ не менѣе онъ чаще прежняго казался задумчивымъ и озабоченнымъ. Приведу отрывокъ изъ записокъ Алфёрова, который свидѣтельствуетъ о такомъ настроеніи Н. Павлович. передъ попечительствомъ: «Помню я свое свиданіе съ Боголѣповымъ въ то время, когда уже стало извѣстно, что онъ назначенъ попечителемъ. Онъ жилъ тогда на дачѣ въ Черкизовѣ. Я засталъ его сидящимъ съ книгой на террасѣ ихъ скромной дачи. Когда онъ поднялся съ кресла, чтобъ поздороваться со мною, я невольно удивился его нездоровому цвѣту лица и худобѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что усталъ и измучился, но не можетъ отказаться отъ предлагаемаго ему поста, при чемъ его пугала мысль, что онъ будетъ теперь оторванъ отъ любимаго дѣла преподаванія и отъ научныхъ занятій. Онъ смотрѣлъ на предстоящую обязанность какъ на тяжелый крестъ и мужественно взялъ его на себя».

Боголѣповъ не только ясно предвидѣлъ тяжесть предстоящаго ему креста, но даже предчувствовалъ свою гибель отъ ожидаемой борьбы. Какъ сказано было выше, онъ не отказался отъ нея, потому что считалъ своей обязанности воспользоваться предлагаемою попечительскою властью, чтобы исправить тѣ недостатки, которые онъ дотолѣ не разъ порицалъ. Задачъ у него было много; заботы его направились къ упорядоченію университета, къ уничтоженію различныхъ злоупотребленій,

которымъ славился Моск. учебн. округъ, къ устройству намѣченныхъ уже ранѣе студенческихъ общежитій и къ улучшенію постановки преподаванія въ университетѣ и отчасти въ средней школѣ (собранная имъ комиссія для реформы 8-го класса женскихъ гимназій). Кратковременность его попечительства не дала ему возможности, однако, сдѣлать что-нибудь существенное въ это послѣдней области.

Прежде всего Н. П. приступилъ къ упорядоченію университета. Онъ уничтожилъ многія неправильности въ отношеніяхъ между академической и административной властями, насколько это зависѣло отъ попечительскихъ полномочій. Такъ, инспекція до него, по уставу 1884-го года, занимала такое положеніе, что не только профессора, но и деканы и ректоръ фактически должны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступать инспектору, находившемуся подъ покровительствомъ попечительской власти. Николай Павловичъ положилъ этому конецъ. Отнынѣ инспекторъ долженъ былъ подчиняться университетской власти, при чемъ къ должности инспектора былъ привлеченъ В. Ѳ. Давыдовскій, человѣкъ безупречно справедливый, пользовавшійся уваженіемъ еще по службѣ своей въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ. Инспекція призвана была лишь къ исполненію прямой ея обязанности поддерживать внѣшній порядокъ, столь необходимый для успѣшнаго хода занятій профессоровъ и студентовъ. Веденіе академическаго строя жизни новый попечитель предоставилъ ректору, деканамъ, правленію, совѣту и профессорамъ. Уже въ ректорство Боголѣпова ясно обнаружилось, что̀ онъ считалъ необходимымъ для правильнаго хода университетской жизни, а именно изученіе и преподаваніе основательныхъ научныхъ знаній безъ примѣси политиканства.

Одни профессора сочувствовали ему въ стремленіи установить эти условія; другіе, вмѣстѣ съ большинствомъ студентовъ, попрежнему противодѣйствовали ему. Тутъ-то и потребовалась опять борьба. Николаю Павловичу приходилось прибѣгать къ словеснымъ увѣщаніямъ профессоровъ, къ напоминаніямъ ихъ обязанностей и къ тяжкимъ для него служебнымъ упрекамъ. На первыхъ же порахъ своей попечительской дѣятельности онъ встрѣтился съ подобной непріятностью, которую всячески старался избѣжать, а именно съ необходимостью вмѣшаться въ дѣло одного профессора, намѣченнаго къ увольненію еще во время исторіи съ петиціей. Надо сказать, что кромѣ упомянутыхъ выше условій, поставленныхъ Николаемъ Павловичемъ министру, находилось еще требованіе оставить его въ сторонѣ при удаленіи главарей - петиціонеровъ. Министръ обѣщалъ, но обѣщанія своего не держалъ. Полтора мѣсяца спустя, по вступленіи Н. П. въ должность, къ нему явился профессоръ Я. и разсказалъ ему, что онъ былъ у министра и спра-

шивалъ его, почему тотъ не утверждаетъ профессора Ч. на пятилѣтіе (по выслугѣ 25 лѣтъ). Гр. Деляновъ отвѣтилъ уклончиво, но впрочемъ сказалъ, что наводитъ справки у Истомина. Тогда Я. отправился къ директору департамента Аничкову, который, узнавъ, что министръ коечто открылъ Я—у, показалъ ему и самый запросъ къ Истомину. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, онъ посовѣтовалъ Я—у попросить декана Легонина, чтобъ онъ въ свою очередь уговорилъ попечителя съѣздить къ Истомину. Когдаже Я. спросилъ его. что́ попечитель долженъ сказать Истомину, Аничковъ отвѣтилъ: «Онъ самъ знаетъ». На этотъ разсказъ Я-а, Н. П. замѣтилъ, что ему совершенно ясно, чего желаетъ Аничковъ: онъ хочетъ свалить на него и на Истомина возможные упреки за неоставленіе Ч. профессоромъ. «О нѣтъ, возразилъ Я-ъ, я и Ч. и тѣ немногіе, которымъ я сообщилъ мой разговоръ, полагаютъ, что судьба Ч. въ вашихъ рукахъ». Это разсердило Н. П., и онъ сначала объявилъ ему, что просилъ министра не вмѣшивать его въ дѣло увольненія профессоровъ за ихъ прежнія дѣла и что къ Истомину онъ не поѣдетъ. Затѣмъ, подумавъ, что такое возраженіе все равно не избавитъ его отъ упрековъ друзей профессора Ч. *), Боголѣповъ высказалъ мысль, что если бы дѣло было предоставлено его рѣшенію, онъ оставилъ бы Ч. профессоромъ университета, взявъ съ него предварительно слово на будущее время, ни прямо, ни косвенно не возбуждать въ молодыхъ людяхъ недовольства существующимъ порядкомъ и неприязни къ правительству.

На слѣдующій день послѣ этого разговора самъ Ч. явился къ Николаю Павл. Съ нимъ Боголѣповъ велъ продолжительную бесѣду, въ которой сказалъ ему, что считаетъ его цѣннымъ для университета преподавателемъ и готовъ хлопотать за него, если онъ дастъ ему слово честнаго человѣка въ своихъ сношеніяхъ со студентами, на лекціяхъ и въ частной жизни, не возбуждать въ нихъ протестантскаго настроенія и тѣмъ болѣе желанія дѣйствовать насиліемъ. При этомъ Н. П. прибавилъ: «Легко понять, что можно совершенно неуловимо вливать въ душу юноши это протестантское направленіе». Чтобы пояснить свою мысль, Боголѣповъ привелъ ему въ примѣръ «Русскія Вѣдомости», которыя въ своихъ статьяхъ и корреспонденціяхъ подсказываютъ, какъ надо низвергать существующій строй, и учатъ соціалистическимъ и

*) Позднѣе, послѣ трагической кончины Николая Павловича, въ Петербургѣ и Москвѣ ходили слухи, что другой уволенный профессоръ-петиціонеръ былъ такъ же увѣренъ, что Боголѣповъ содѣйствовалъ удаленію его изъ университета. Уѣхавъ на жительство въ Швейцарію, этотъ профессоръ состоялъ тамъ членомъ одного Русскаго революціоннаго кружка, который между прочими задачами поставилъ себѣ цѣлью убить реакціонера Боголѣпова.

другимъ крайнимъ воззрѣніямъ. Ч. на это отвѣтилъ, что ему нѣтъ нужды давать слово, потому что и раньше никогда не дѣлалъ того, чего Н. П. опасается и по принципу былъ всегда противъ пропаганды студентамъ крайнихъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ онъ сказалъ: «Я не отрицаю, что мои убѣжденія либеральны, что я часто ходатайствовалъ за молодыхъ людей, попадавшихся въ политическихъ дѣлахъ. Отъ того и другого я не могу отказаться и впредъ, но я даю вамъ слово, что какъ прежде, такъ и впредъ я не буду возбуждать въ студентахъ того направленія, о которомъ вы говорите».

Заручившись такимъ обѣщаніемъ, Н. П. принялся хлопотать объ оставленіи Ч. въ должности профессора. Это ему удалось послѣ немалыхъ хлопотъ, потому что высшее начальство относилось съ недовѣріемъ къ Ч. Тѣмъ не менѣе между студентами и профессорами, враждебно настроенными къ Боголѣпову, распространился слухъ, что онъ желалъ отставки Ч. и содѣйствовалъ увольненію другого профессора Э.

Вслѣдъ за описаннымъ эпизодомъ послѣдовало много другихъ случаевъ, при которыхъ Николаю Павловичу приходилось прибѣгать къ усовѣщеванію профессоровъ и обуздыванію студентовъ. Несмотря на то, что въ это время Союзный Студенческій Совѣтъ пользовался меньшей силой [1]), вспышки студенческихъ волненій попрежнему нарушали мирный ходъ научныхъ занятій въ университетѣ. Революціонные кружки продолжали подстрекать студентовъ къ возстаніямъ, а профессора извѣстнаго направленія не переставали на словахъ и дѣйствіяхъ сочувственно къ нимъ относиться, но надлежащими и вб-время принятыми мѣрами Боголѣпову почти всегда удавалось довольно быстро полагать имъ конецъ. При немъ не бывало массовыхъ возстаній въ родѣ тѣхъ, которыя мы переживали съ 1901 года. Мѣры, принимаемыя имъ, обсуждались сообща съ ректоромъ, его помощникомъ и инспекторомъ студентовъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ Ник. Павл. имѣлъ могущественную помощь Великаго Князя, который заодно съ нимъ предвидѣлъ наступавшую грозу и былъ воодушевленъ желаніемъ спасти погибающее дѣло Русскаго просвѣщенія. По выраженію П. А. Некрасова [2]) «Великій Князь и Николай Павловичъ были два мученика долга, которые при

---

[1]) Еще предшественникъ Николая П-ча графъ Капнистъ, покровительствовавшій землячествамъ, передъ уходомъ своимъ понялъ ихъ революціонную закваску и нанесъ Союзному Совѣту землячествъ рѣшительные удары, выславъ главныхъ его членовъ. Съ тѣхъ поръ Союзный Совѣтъ держался въ скрытомъ видѣ, не выказывая открыто власти надъ профессорами и студентами. Николаю Павловичу также случалось удалять изъ Москвы главныхъ руководителей уже скрывавшагося Союзнаго Совѣта.

[2]) Бывшаго въ то время ректоромъ университета.

исполненіи своихъ обязанностей забывали себя, имѣя въ виду только пользу дѣла».

Въ началѣ Ноября 1895 года разыгралась въ университетѣ такъ называемая Захарьинская исторія. Студенты 4-го курса медицинскаго факультета собрались на сходку, на которой рѣшили не ходить на лекціи профессора Захарьина: они хотѣли наказать его за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, за дурное веденіе клиники, за содѣйствіе путемъ вліянія неправильному назначенію профессоровъ и т. д. До исполненія своего приговора студенты послали къ Захарьину депутацію, которая извѣстила его о принятомъ ими рѣшеніи. Захарьинъ смутился и не нашелся, что̀ имъ отвѣтить. Изъ профессорской среды Ник. Павл. узналъ, что два профессора-медика открыто, въ присутствіи студентовъ, рѣзко отзывались о Захарьинѣ и порицали въ немъ именно тѣ недостатки, въ которыхъ обвиняли его студенты. Боголѣповъ совѣщался по этому поводу съ ректоромъ Некрасовымъ и его помощникомъ Звѣревымъ. По соглашенію съ ними онъ посовѣтовалъ Захарьину читать въ назначенные дни лекціи и при появленіи депутатовъ рѣшительно объявить имъ, что онъ не намѣренъ вступать съ ними въ объясненія, потому что профессора и студенты находятся въ университетѣ только для одного дѣла—одни, чтобъ учить, другіе, чтобъ учиться. Захарьинъ такъ и отвѣтилъ. Студенты не ожидали такого отвѣта и ушли отъ него сконфуженные. Вслѣдъ за этимъ Боголѣповъ съ согласія министра народнаго просвѣщенія вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ университетское начальство извѣщало студентовъ 4-го курса, что полугодіе имъ не будетъ зачтено, если они не будутъ посѣщать лекціи Захарьина: имъ придется остаться на второй годъ на томъ же курсѣ, а за переходомъ съ 3-го курса на 4-ый они должны будутъ выйти изъ университета. Объявленіе оказало желанное дѣйствіе: Ник. Павл. былъ извѣщенъ, что вожаки рѣшили отряжать на лекціи Захарьина извѣстныя группы. Во всякомъ случаѣ слушателей у Захарьина было съ тѣхъ поръ отъ 80—100. Одновременно съ этой мѣрою, Боголѣповъ рѣшился вызвать къ себѣ двухъ профессоровъ, которые основательно подозрѣвались въ содѣйствіи студентамъ. Одному изъ нихъ Ник. Павл. сказалъ, что его протестантскій образъ дѣйствій замѣченъ и что это можетъ отразиться на его службѣ. Профессоръ возразилъ, что всегда держался законности и порядка; но впослѣдствіи Ник. Павл. убѣдился, что эта манера говорить о законности и порядкѣ съ видомъ искренности была усвоена не только профессорами, но и студентами, наиболѣе замѣшанными въ подстрекательствѣ. Другому подозрѣваемому профессору Боголѣповъ сказалъ, что его судьба висѣла на волоскѣ и что онъ былъ бы уволенъ, если бы волненіе не улеглось. На вопросъ профессора, въ

чемъ его обвиняютъ, Ник. Павл. указалъ на то, что онъ открыто и въ присутствіи студентовъ рѣзко говорилъ о Захарьинѣ, порицалъ манеру его чтенія и его дурныя отношенія къ больнымъ. Этотъ профессоръ также увѣрялъ, что именно въ нынѣшнемъ году онъ держался очень сдержанно. Исторія закончилась безъ волненій; но стало извѣстно, что на слѣдующее полугодіе студенты 4-го курса рѣшили записываться у Павлинова, а не у Захарьина. На это ихъ толкали профессора, въ особенности тѣ, которые защищались съ видомъ искренности. Когда студенты заявили имъ о намѣреніи не посѣщать лекцій Захарьина, одинъ изъ профессоровъ сказалъ: «За это васъ могутъ сослать, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Теперь ходите къ Захарьину, а на слѣдующее полугодіе никто вамъ не помѣшаетъ записаться у Павлинова*). На слѣдующій 1896-ый годъ дѣла Захарьина не улучшились. Онъ очень волновался тѣмъ, что 3-й курсъ медиковъ совсѣмъ не подписался на лекціи къ профессору Голубеву, его ставленнику. Слѣдовательно, исчезала надежда, что третьекурсники, ставъ четверокурсниками, запишутся на лекціи Захарьина. Послѣдній сталъ бѣгать къ Николаю Павловичу, доказывая, что Павлиновъ читаетъ незаконно курсъ факультетской клиники. По уставу Екатерининской больницы факультетская клиника должна служить госпитальной клиникой для университета. Павлинову было разрѣшено читать курсъ факультетской клиники лишь временно впредь до перевода госпитальной клиники на Дѣвичье поле, а это совершилось уже давно. Ник. Павл. сталъ уговаривать Захарьина не добиваться, чтобы запретили Павлинову читать курсъ факультетской клиники. «Скажутъ, говорилъ онъ Захарьину, что вы побиваете своего противника не перевѣсомъ достоинства, а буквой закона». «Да что мнѣ обращать вниманіе на то, что̀ скажутъ! А сами мои противники что̀ дѣлаютъ? Они прикрываются законовъ о свободѣ выбора преподавателя, а на самомъ дѣлѣ возбуждаютъ студентовъ противъ меня, что̀ совсѣмъ нельзя назвать законнымъ, а власть присутствуетъ и ничего не дѣлаетъ».

Ник. Павл. въ своихъ запискахъ объяснилъ, почему онъ не запрещалъ курса Павлинова. «Я не сталъ, пишетъ онъ, много спорить съ Захарьинымъ, такъ какъ признавалъ справедливымъ, что законность должна отражаться на всѣхъ, хотя чувствовалъ, что запрещеніе лекцій Павлинова подольётъ масла во вражду и едва ли улучшитъ положеніе Захарьина. Между тѣмъ это можетъ послужить недурнымъ урокомъ Захарьину, такъ какъ, кажется, онъ дѣйствительно ведетъ дѣло въ своей

*) По закону студенты имѣли право выбирать себѣ преподавателя.

клиникѣ небрежно: съ больными не занимается, а ординаторовъ выбираетъ изъ людей способныхъ унижаться и выносить его капризы».

Такимъ образомъ при столкновеніи профессоровъ со студентами Ник. Павл. былъ готовъ при всякой представившейся возможности уладить дѣло мирнымъ путемъ, уступая одной сторонѣ и склоняя другую къ благоразумію. По природѣ миролюбивый и спокойный, онъ, какъ уже извѣстно, съ тяжелымъ чувствомъ по необходимости приступалъ къ репрессивнымъ мѣрамъ. Одно мѣсто изъ его записокъ краснорѣчиво рисуетъ настроеніе его души въ трудный моментъ тяжелой для него борьбы. По поводу сказанныхъ мною однажды непонятыхъ имъ словъ онъ пишетъ: «Въ то время, когда мы съ ректоромъ и его помощникомъ обдумывали мѣры противъ студентовъ и профессоровъ, виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, меня смутила моя жена, не только смутила, но взволновала до глубины души. Она стала уговаривать меня не идти противъ теченія: «правительство тебя не поддерживаетъ, общество все противъ твоихъ мѣръ, бороться при такихъ условіяхъ, значитъ донкихотствовать [1]). Это говорилъ человѣкъ любящій, не съ цѣлью уколоть, не изъ партійныхъ предупрежденій, а оттого это меня взволновало до глубины души. Она понимаетъ очень хорошо, что, если дѣло право, то должно идти противъ всѣхъ, а если она совѣтуетъ теперь отступить, то потому, что общее нерасположеніе въ ея глазахъ служитъ доказательствомъ неправильности моихъ мѣръ. Вотъ тутъ для меня и вопросъ. Если бы я увѣрился, что я не правъ, я бы конечно не сталъ бороться, потому что идти противъ теченія не сладко. Но до сихъ поръ я не могу убѣдиться, что я ошибаюсь. Мнѣ хочется дать себѣ отчетъ, въ чемъ существо моихъ мѣръ и дѣйствительно ли онѣ представляютъ такое большое стѣсненіе.

Чтобы удостовѣриться, правильно ли онъ поступаетъ, Николай Павловичъ принимается опять за чтеніе многочисленныхъ документовъ студенческихъ съѣздовъ и кружковъ и подвергаетъ ихъ тщательному разбору. Всѣ разбираемые документы взяты изъ «Дознанія о Союзномъ Совѣтѣ землячествъ въ Москвѣ». Познакомившись съ вопросами, рѣшавшимися на Харьковскомъ съѣздѣ [2]) студентовъ, Боголѣповъ пишетъ:

---

[1]) Я уговаривала его прекратить борьбу, потому что опасалась за его жизнь: меня пугали злоба и ненависть, которыя вызывали его репрессивныя мѣры. Въ справедливости ихъ я не сомнѣвалась, потому что знала хорошо, что онъ прибѣгалъ къ нимъ изъ желанія спасти молодежь отъ пагубнаго на нее вліянія революціонныхъ вожаковъ, т.-е. что онъ хотѣлъ быстрымъ прекращеніемъ меньшаго зла предотвратить большее.

[2]) На Харьковскомъ съѣздѣ студентами было заявлено о поднятіи духа Харьковскихъ студентовъ въ послѣднемъ году, выразившемся въ стремленіяхъ къ объединенію студен-

«Здѣсь говорится про объединеніе и сплоченіе студентовъ. Зачѣмъ? Въ общихъ фразахъ нѣтъ недостатка: духовный подъёмъ, матеріальная помощь, но на практикѣ выходитъ иное. Факты, приводимые студентами, доказываютъ, что среди студентовъ пробудилось стремленіе къ объединенію, съ цѣлью внутренняго, духовнаго поднятія (?!) и *для болѣе успѣшной защиты собственной независимости*». Далѣе, разбирая документы соединённыхъ землячествъ разныхъ университетскихъ городовъ, Николай Павловичъ приходитъ къ заключенію, что нравственныя и умственныя задачи студентовъ сводятся большею частью къ разрѣшенію широкихъ вопросовъ преобразованія общественнаго строя, то-есть къ задачамъ совершенно нелегальнымъ для студентовъ *).

товъ-техниковъ и ветеринаровъ въ формѣ кружковъ саморазвитія, въ энергичномъ разоблаченіи студентами-ветеринарами злоупотребленій *инспекціи* ихъ института, въ *оппозиціи* Харьковскихъ техниковъ попыткамъ ихъ начальства стѣснить студентовъ.

*) Приведу самые характерные изъ документовъ. Отчетъ 1891—1892 г. опредѣляетъ вои задачи такъ: „Вамъ извѣстно, какое жалкое зрѣлище представляетъ изъ себя большинство оканчивающихъ теперь гимназію. Это люди съ извращенными нравственными онятіями, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ знаній; это будущіе общественные дѣятели, проникнутые до такой степени противообщественными стремленіями, что представляютъ изъ себя какое-то совсѣмъ некультурное общество. Тѣ, у кого гимназическій режимъ не совсѣмъ еще задавилъ стремленіе къ просвѣщенію, начинаютъ въ университетѣ сознавать эсь ужасъ своего положенія; возникаетъ стремленіе выйти изъ него, но какъ? Искать руководителей среди профессоровъ нельзя: всякій студентъ очень скоро убѣждается, что наши профессора въ большинствѣ случаевъ болѣе чиновники, нежели наставники и руководители молодежи. Надѣяться на помощь общества въ наше печальное время также нѣтъ основанія. Работать въ одиночку, благодаря слишкомъ плохой подготовкѣ, нѣтъ возможности. Остается одно: обратиться къ средѣ своихъ же товарищей и постараться общими усиліями выработать тѣ нравственныя основанія и тѣ знанія, которыя могутъ изъ человѣка сдѣлать сознательнаго общественнаго дѣятеля“. Землячество занимается тоже народнымъ образованіемъ: такъ Московскій Союзный Совѣтъ въ „очеркѣ“ отъ 1892 г. говоритъ, что землячества завязали сношенія съ народными учителями, посылали имъ книжки для народа и основывали склады такихъ книгъ. На второмъ Московскомъ съѣздѣ обсуждался вопросъ объ отношенія студентовъ къ правительству и обществу. Первый вопросъ рѣшался съ той точки зрѣнія, что и студенты и общество *угнетаемы* правительствомъ; университетскіе порядки составляютъ необходимую часть всей государственной системы, направленной на подавленіе свободы и самостоятельности среди Россійскихъ обывателей. Поэтому для Союзнаго Совѣта не можетъ быть сомнѣнія какъ стать къ правительству: студенчество должно стоять въ оппозиціи къ правительству. Въ своемъ опозиціонномъ движеніи оно должно сообразоваться съ общихъ ходомъ оппозиціоннаго движенія въ Россія; оно можетъ сыграть даже активную общественную роль, своимъ движеніемъ дать толчокъ къ движенію всего общества, т. е. другими словами дать толчекъ политическому перевороту. Опредѣляя отношенія свои къ обществу, Союзный Совѣтъ, по выраженію Боголѣпова, принимаетъ совершенно тонъ правительства. Союзный Совѣтъ высказываетъ желаніе, чтобы съ одной стороны студенчество вступило въ связь съ людьми сложившимися, закончившими выработку своего міросозерцанія и уж

Разобравъ такимъ образомъ многочисленные студенческіе документы, Николай Павловичъ въ сотый разъ убѣждается въ необходимости рѣшительно противодѣйствовать грозно надвигающемуся разрушенію мирныхъ научныхъ занятій въ университетѣ, готовому также погубить дѣло просвѣщенія въ средней и народной школѣ. При возникновеніи новыхъ волненій онъ опять старается энергичными мѣрами скорѣе прекратить безпорядки, чтобы меньшее число молодежи было въ нихъ вовлечено, и тѣмъ спасти массу невинныхъ жертвъ, увлекаемыхъ сознательными и преступными подстрекателями.

Послѣ Захарьинской въ 1897 г. возникла такъ называемая Ходынская исторія. Въ началѣ Ноября означеннаго года, стали ходить слухи, что въ подпольныхъ сферахъ ищутъ поводовъ для возбужденія студентовъ къ волненіямъ, но никакъ не находятъ удачныхъ мотивовъ. Наконецъ нашли: ознаменовать полугодовщину Ходынской катастрофы торжественнымъ шествіемъ на Ваганьково, чтобы служить панихиду. Дѣйствительно, 18 числа, около 400 студентовъ были остановлены полиціей (уже знавшей объ этомъ намѣреніи) недалеко отъ заставы. Толпа повернула назадъ и вмѣсто того, чтобы разойтись, по чьему-то указанію, рѣшила идти къ университету. Для чего, толпа конечно не знала, но вожаки знали; такъ дѣлалось всегда, чтобы усилить скандалъ среди города и вызвать изъ аудиторій тѣхъ студентовъ, которые иначе остались бы безучастными. Предвидя это, оберъ-полицмейстеръ Д. Ѳ. Треповъ приказалъ толпу отвести въ манежъ, при чемъ предварительно приглашали студентовъ разойтись. Въ манежѣ ихъ переписали и большею частью отпустили, въ томъ числѣ какихъ-то женщинъ, обычныхъ, спутницъ такого рода демонстрацій. Нѣкоторыхъ студентовъ, замѣченныхъ полиціей и особенно дерзкихъ, задержали. Въ слѣдующіе дни начались сходки въ старомъ университетѣ. Набиралось по нѣскольку сотъ

нѣсколько провѣрившихъ его на практикѣ; съ другой стороны студенчество должно основательно проявить себя по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Кончающіе тамъ будущіе члены нашихъ организацій и мы непосредственно заинтересованы въ томъ, насколько они умственно и нравственно развиты. Итакъ, работа, имѣющая цѣлью развитіе моральное и общественное не менѣе, а можетъ быть даже болѣе необходима среди воспитанниковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ среди студентовъ. Тамъ натура гораздо мягче, податливѣе, доступнѣе всякимъ вліяніямъ. Желательно, чтобы въ этомъ-то періодѣ на нихъ дѣйствовали лучшія вліянія. Тотъ же второй Московскій съѣздъ по вопросу объ изданіи періодическаго органа высказался такимъ образомъ, что онъ считаетъ чрезвычайно полезнымъ органъ со строго-выдержаннымъ направленіемъ, систематически проводящимъ и развивающимъ извѣстный циклъ идей, извѣстное стройное и заключенное міровоззрѣніе, при которомъ мельчайшій фактъ освящается съ извѣстной точки зрѣнія и получаетъ общее, а не частное значеніе".

человѣкъ. Первый день многіе пришли съ узелочками, видимо заранѣе приготовившись къ аресту; нѣкоторые захватили съ собою водки и тутъ же напились пьяными. Видимо было, что эти участники сходокъ получили приказъ идти и требовать, чтобы выпустили ихъ товарищей, или чтобы ихъ арестовали, потому что они солидарны. Ихъ и арестовали. Съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось. Въ общемъ набралось человѣкъ 700. Они были препровождены въ пересыльный замокъ.

Пока Треповъ и полиція допрашивали арестованныхъ, университетская администрація имѣла непрерывное дѣло со сходками и депутаціями, которыя являлись къ ней съ различными требованіями, а иногда и дерзостями. Одна такая депутація явилась къ Николаю Павловичу. «Зная по опыту, пишетъ онъ, что съ толпой говорить безполезно, я принималъ членовъ депутаціи отдѣльно. Хотя студенты были возбуждены, но дерзостей они мнѣ не говорили; нѣкоторые были даже добродушны и сами смѣялись, когда приходилось указывать на нелѣпость нѣкоторыхъ требованій».

Сходки долгое время не прекращались; приходившіе на нихъ студенты выражали желаніе быть арестованными. Союзный Совѣтъ отлично понималъ, что большое количество арестованныхъ создастъ затрудненія правительству. Изъ разныхъ его документовъ видно, что онъ добивался закрытія всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, разсчитывая, что это будетъ крупнымъ скандаломъ на всю Европу. «Хотя я лично, пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ, о Европѣ не безпокоился, но закрытія университетовъ не желалъ; потому что это дало бы нашимъ революціонерамъ выигрышъ тѣмъ, что пріучило бы молодежь къ жизни скандальной, шумной и бездѣльной».

Между тѣмъ надо было принимать мѣры противъ сходокъ. Въ пересыльной тюрьмѣ уже мѣста оставалось мало. Мѣры для прекращенія безпорядковъ обсуждались на совѣщаніяхъ попечителя съ ректоромъ, его помощникомъ и инспекторомъ студентовъ, Давидовскимъ. Названныя лица не разъ собирались и у Великаго Князя. Всѣ они были противъ закрытія университета, а изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія писали, что университетъ закрытъ не будетъ.

На одномъ изъ совѣщаній у Великаго Князя рѣшено просить министра народнаго просвѣщенія разрѣшенія развѣсить въ университетѣ объявленія, гласящія, что участники сходокъ будутъ впредъ увольняемы изъ университета и высылаемы на родину къ родителямъ. Допускать сходки, по мнѣнію Николая Павловича, было невозможно. «Всѣ понимали, пишетъ онъ, что нельзя вдругъ повернуть политику и предоставить желающимъ устраивать сходки, не говоря уже о томъ, что мы, старые профессора и администраторы, были увѣрены на основаніи

опыта прежнихъ лѣтъ (особенно Тихонравовскихъ временъ), что такое дозволеніе было бы началомъ болѣе крупныхъ безпорядковъ, которые вынудили бы закрыть университетъ». Въ отвѣтъ на посланныя министрамъ телеграммы пришло отъ нихъ полное согласіе на увольненіе и высылку участниковъ сходокъ. Заявленія о желаніи быть арестованными прекратились.

Одновременно съ этими безпорядками волновались студенты-медики, слушатели профессора Попова (это ставленникъ Захарьина). Тутъ повторилось почти тоже, что въ Захарьинской исторіи. Быстро принятыя рѣшительныя мѣры и на этотъ разъ довольно скоро успокоили волненія. Конечно такія мѣры могли только сдерживать на время глухо-клокотавшую бурю, готовую ежеминутно перейти въ открытое возстаніе.

Николай Павловичъ отлично понималъ, что для умиротворенія университета требуются болѣе существенныя мѣры, хотя вообще на близкую помощь онъ не разсчитывалъ. Это видно изъ письма его къ графу Капнисту; но надежда принести хотя бы малую пользу или по крайней мѣрѣ заложить для будущаго сѣмена лучшихъ началъ всегда вызывала въ немъ рѣшимость дѣйствовать. Еще во время исторіи съ петиціей, въ попечительство графа Капниста, онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ мысли П. А. Некрасова основать студенческія общежитія, которыя, въ замѣнъ землячествъ, должны были удовлетворять матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ студентовъ. Тогда Николай Павловичъ участвовалъ въ предположеніяхъ объ устройствѣ общежитія. Ректоръ Некрасовъ представилъ это предположеніе на разсмотрѣніе графа Капниста, но сей послѣдній несочувственно отнесся къ общежитіямъ, считая узаконеніе землячествъ болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для умиротворенія университета. Теперь Николай Павловичъ, ставъ попечителемъ, приступилъ къ осуществленію нѣкогда составленнаго имъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ предположенія. По его ходатайству Государь Императоръ повелѣлъ отпустить изъ государственнаго казначейства на устройство ихъ 300.000 р. Этому дѣлу много способствовалъ Великій Князь Сергій Александровичъ, всегда относившійся съ горячимъ участіемъ къ нуждамъ студентовъ, какъ и ко всѣмъ университетскимъ дѣламъ. По просьбѣ Николая Павловича онъ не разъ выхлопатывалъ казенныя суммы на возведеніе клиническихъ и университетскихъ зданій.

Желая установить болѣе тѣсную духовную связь общежитій съ университетомъ, Боголѣповъ и Некрасовъ предлагали поставить во главѣ этихъ общежитій образованныхъ людей, приватъ-доцентовъ, читавшихъ раньше лекціи и руководившихъ занятіями студентовъ.

Притомъ Боголѣповъ разсчитывалъ, что и другіе профессора будутъ принимать болѣе близкое участіе въ жизни общежитія, что на первыхъ порахъ и осуществилось съ большимъ успѣхомъ. Профессора до настоящаго времени устраивали со студентами чтенія; между прочимъ профессоръ Духовской велъ судебныя пренія. Профессоръ Кирпичниковъ преподавалъ въ общежитіи Французскій и Нѣмецкій языки. Преображенскій читалъ о лучахъ Гертца. Для развлеченій устраивались музыкальные вечера, послѣ которыхъ бывали танцы. При общежитіи имѣется библіотека, составившаяся изъ пожертвованныхъ книгъ вдовой профессора Легонина (судебная медицина), изъ библіотеки С. А. Муромцева (по Римскому праву и другимъ юридическимъ наукамъ), изъ книгъ Каленова (по философіи и филологіи); изъ 114 томовъ, пожертвованныхъ вдовою доктора Малыгина (по медицинѣ), библіотеки Московскаго университета (32 названія журналовъ и 98 томовъ дубликатовъ). 58 редакцій Московскихъ, Петербургскихъ и многихъ провинціальныхъ газетъ присылали въ библіотеку свои ежемѣсячныя книжки и ежедневные номера.

Первое общежитіе было основано въ 1897 году и названо «Общежитіемъ Императора Николая Второго».

Кромѣ выданныхъ Государемъ Императоромъ 300.000 руб. при ближайшемъ содѣйствіи Николая Павловича были собраны еще 132.000 руб., пожертвованныхъ частными лицами; между прочимъ профессоромъ Новацкимъ 50.000 руб. и Нечаевымъ-Мальцевымъ 20.000 руб. Эти суммы и часть денегъ отпущенныхъ по повелѣнію Государя составили неприкосновенный капиталъ для устройства другихъ общежитій. Позднѣе основано было еще два общежитія, одно близъ перваго (также въ Грузинахъ), другое на Дѣвичьемъ полѣ, имени Великаго Князя Сергія Александровича. Завѣдующимъ общежитіемъ былъ приглашенъ приватъ-доцентъ П. В. Преображенскій, который своей участливостью къ студентамъ, справедливостью и добротою вызвалъ ихъ любовь и довѣріе. Студентовъ въ общежитіе принимаютъ за удешевленную плату—260 р. въ годъ за комнату съ полнымъ содержаніемъ и 225 р. за комнату на двоихъ. Болѣе бѣдныхъ студентовъ принимаютъ за половинную плату, а совсѣмъ бѣдныхъ даромъ (конечно ограниченное число). Число студентовъ, принимаемыхъ въ общежитіе, 150. Помѣщенія въ общежитіи просторны, высоки, съ прекрасною вентиляціей; пища у нихъ сытная, вкусно приготовленная изъ свѣжей провизіи. Насколько нравственно и матеріально студентамъ хорошо живется въ общежитіи, можно судить по описанію П. Иванова въ его книгѣ «Студенты въ Москвѣ». «Въ общежитіи живутъ и круглые бѣдняки, и состоятельные люди; но общій тонъ здѣсь таковъ, что трудно подмѣтить разницу между бѣдными и

послѣдними. Общія права и одинаковыя условія жизни сглаживаютъ разницу между богатыми и бѣдными. Всѣ сыты и всѣ довольны. Нѣтъ здѣсь и поводовъ къ озлобленію противъ общества».

Такому благому начинанію Боголѣпова не дано было разрастись до тѣхъ размѣровъ, о которыхъ онъ мечталъ. Николай Павловичъ разсчитывалъ на участіе общества, т.-е. на благотворительные капиталы, которыя должны были придти въ помощь казнѣ, чтобы основать общежитія въ большомъ количествѣ въ столицахъ и университетскихъ городахъ.

Новыя ожиданія и надежды отвлекли вниманіе общества отъ общежитій. Хотя неудержимая революціонная волна, грозящая всеобщимъ разрушеніемъ, еще не вполнѣ смыла ихъ, но она уничтожила ихъ значеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ наука въ глазахъ большинства молодежи потеряла свое значеніе, и политика властно заняла ея мѣсто.

Николай Павловичъ не ограничился устройствомъ общежитія для студентовъ. Онъ считалъ необходимымъ занять ихъ серьезными научными вопросами и указать способы и пріемы научной работы для большей ея плодотворности. Увѣренный, что успѣшный ходъ научныхъ занятій разовьетъ и бо́льшій интересъ къ нимъ, Боголѣповъ съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности направилъ вниманіе и заботы къ улучшенію постановки преподаванія въ университетѣ. Уже тогда онъ считалъ необходимымъ внести въ одностороннюю систему лекцій больше оживленія. Съ этою цѣлью онъ ввелъ на юридическомъ факультетѣ практическія занятія, на которыхъ студенты научались самостоятельно работать. Въ рѣчи сказанной имъ, вскорѣ по вступленіи имъ въ первый разъ въ должность ректора, онъ знакомитъ студентовъ съ ихъ обязанностями и съ необходимыми пріемами для упомянутой самостоятельной работы. Это умѣніе работать Николай Павловичъ называетъ формальнымъ образованіемъ. «Но умѣніемъ пріобрѣтать знанія, говорилъ онъ, формальное образованіе не ограничивается. Можно усвоить себѣ всѣ пріемы научныхъ изслѣдованій, но не обладать достаточною смѣлостью ума, чтобы успѣшно примѣнять эти пріемы. Человѣкъ научно образованный, но не имѣющій смѣлости приступить къ рѣшенію всякаго вопроса, который представляется ему въ его спеціальной области, никуда не годится со всѣмъ своимъ образованіемъ. Этой умственною робостью страдаютъ многіе изъ Русскихъ людей. Отъ этого наша чисто-рабская зависимость отъ западныхъ народовъ, какъ въ теоретическихъ, такъ и въ практическихъ вопросахъ. Вслѣдствіе этого мы иногда пересаживаемъ къ себѣ съ Запада учрежденія, созданныя въ чуждыхъ намъ условіяхъ, даже не имѣя смѣлости измѣнить ихъ

что нибудь сообразно нашей жизни. Для образованнаго человѣка умственная трусость такъ же позорна, какъ для военнаго физическая. Поэтому вы должны развивать въ себѣ мужество ума. Конечно, нѣкоторымъ эти свойства даются отъ природы, но они могутъ быть въ значительной степени развиты воспитаніемъ и въ особенности самовоспитаніемъ». Понятно, что Боголѣповъ не признавалъ возможнымъ всѣмъ учащимся достигать самостоятельнаго изслѣдованія научныхъ данныхъ. Въ приведенной рѣчи, какъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ друзьями и профессорами, онъ не разъ высказывалъ мысль, что люди съ небольшимъ запасомъ умственныхъ силъ не должны тянуться въ университетъ, а должны искать болѣе подходящихъ къ ихъ способностямъ занятій.

Ставъ попечителемъ учебнаго округа, Боголѣповъ снова принялся за подробную разработку новаго метода университетскаго преподаванія. Въ запискѣ, написанной имъ въ 1897 году, онъ подробно разбираетъ желательныя въ немъ преобразованія, при чемъ подробно развиваетъ нѣкоторыя уже высказанныя имъ въ ректорской рѣчи мысли. По мнѣнію Николая Павловича, лекціи, въ которыхъ профессоръ даетъ студентамъ то, что̀ можетъ дать учебникъ, безполезны. Занятія съ профессоромъ должны снабжать слушателей тѣми знаніями, которыя имъ трудно пріобрѣсти самостоятельно, помимо профессора. Притомъ число обязательныхъ предметовъ не должно быть слишкомъ многочисленно: если бы студенты стали изучать ихъ всѣ, какъ слѣдуетъ, они изнемогли бы отъ умственнаго напряженія; къ тому же слишкомъ большое количество свѣдѣній, полученныхъ въ короткое время, пріобрѣтается поверхностно и плохо запоминается. Цѣль преподаванія должна состоять не въ одномъ загроможденіи памяти большимъ количествомъ научныхъ свѣдѣній, а въ умѣніи изслѣдовать научныя данныя, создавать новыя точки зрѣнія и новые пріемы для разработки изучаемаго матерьяла. Въ этой статьѣ, какъ и въ ректорской рѣчи, онъ настаиваетъ на развитіи въ учащихся смѣлости ума: «Всякая школа, пишетъ онъ, и въ особенности высшая, должна развивать умственныя силы ученика. Усвоивая результаты работы своихъ предшественниковъ, учащійся ужъ до нѣкоторой степени развиваетъ свои умственныя силы; но профессоръ долженъ ставить себѣ въ особенную обязанность внушать студентамъ смѣлость и рѣшимость ставить новыя задачи, искать новыхъ пріемовъ. Безъ этого университетъ будетъ выпускать резонёровъ-ремесленниковъ». Для пріученія студентовъ къ самостоятельной работѣ Боголѣповъ рекомендуетъ практическія занятія, на которыхъ они пріобрѣтаютъ умѣніе доказывать подлинность изучаемыхъ документовъ, достовѣрность передаваемыхъ сими послѣдними фактовъ и свѣдѣній,

научаются классифицировать и сравнивать ихъ и давать имъ надлежащую оцѣнку.

Настаивая на введеніи практическихъ занятій, Николай Павловичъ однако отнюдь не хотѣлъ устранить лекціи. Нѣкоторые профессора обвиняли его въ желаніи уничтожить благотворное дѣйствіе живого слова, но Николай Павловичъ въ своей запискѣ отвергаетъ это обвиненіе: «Я думаю, пишетъ онъ, что именно при руководствѣ занятіями студентовъ, слово профессора и дѣлается живымъ, потому что оно вызывается обмѣномъ мыслей между учителемъ и ученикомъ. Учитель начинаетъ говорить тогда, когда видитъ, что ученикъ нуждается въ объясненіи и притомъ говоритъ, примѣняясь къ знакомымъ людямъ, а не къ безличной массѣ, каковой является въ настоящее время юридическая аудиторія. Затѣмъ лекція можетъ понадобиться и въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ признаетъ полезнымъ послѣ совмѣстной со студентами разработки деталей свести ихъ къ единству, къ обобщенію».

При такомъ способѣ преподаванія Римское право является еще болѣе желательнымъ для изученія. Мнѣ приходилось не разъ слышать вопросъ, зачѣмъ Николай Павловичъ выбралъ предметомъ своего изученія и преподаванія Римское право, столь чуждое Русскимъ условіямъ, нравамъ и характеру. Дѣло въ томъ, что онъ признавалъ за этимъ правомъ великое воспитательное значеніе. Самъ онъ съ большимъ интересомъ изучалъ строго-обоснованные и глубоко продуманные пріемы Римской юриспруденціи и любилъ логичность ея выводовъ и точность ея опредѣленій. По его мнѣнію, люди, научившіеся самостоятельно мыслить и работать, пользуясь высокими образцами Римскихъ классическихъ учителей, могутъ безъ рабскаго подражанія, примѣняясь къ условіямъ и характеру своей родины, создавать для нея новыя формы и новыя основанія правовыхъ отношеній. Хотя Римское право въ Россіи и не было заимствовано, какъ одно цѣлое, по примѣру западныхъ странъ, все же оно искони имѣло вліяніе на начала Русскаго семейнаго и наслѣдственнаго права. Сверхъ того преподаваніе Римскаго права нашло себѣ широкій пріютъ въ Русскихъ университетахъ со дня ихъ учрежденія. Оно поэтому стало существенною частію Русской науки права вообще.

Н. П. Боголѣпову не дано было достигнуть своихъ цѣлей, и въ наше тяжкое время его предначертанья и начинанья кажутся нѣкоторымъ неисполнимыми и даже нежелательными.... Но въ грозу и бурю, при скопившихся черныхъ тучахъ и спустившемся туманѣ, трудно видѣть даль. Такъ и въ наше бурное время, когда всѣ понятія перепутались, труднѣе обыкновеннаго представить себѣ будущее и увѣренно сказать, какія мысли и понятія останутся побѣдителями. Всеобщая раз-

нузданность, отсутствіе идеаловъ, презрѣніе къ вѣрѣ и просвѣщенію могутъ привести къ одичанію нравовъ и полному невѣжеству. Измученные и утомленные люди будутъ жаждать покоя. Надо надѣяться, что послѣ тяжкихъ испытаній спокойствіе водворится въ Россіи. Общество, можетъ быть, проученное горькимъ опытомъ, убѣдится, что молодежь налагаетъ себѣ бремена неудобоносимыя, занимаясь рѣшеніемъ государственныхъ и другихъ вопросовъ во вредъ себѣ и другимъ. Тогда, можетъ случиться, съ радостью вспомнятъ учрежденія, въ которыхъ дѣтямъ каждаго бѣднаго и богатаго дается возможность, при благопріятныхъ матерьяльныхъ условіяхъ, мирно идти по пути своего усовершенствованія. Можетъ быть, и предложенный Николаемъ Павловичемъ методъ преподаванія найдетъ тогда цѣнителей, которые согласятся съ нимъ, что его пріемы преподаванія могутъ способствовать развитію самостоятельныхъ мыслителей не ищущихъ чужихъ авторитетовъ и дѣятелей не подражающихъ чужимъ образцамъ.

Принципъ самодѣятельности въ пріобрѣтеніи знаній Николай Павловичъ считалъ нужнымъ вводить не въ одну высшую школу, но и въ среднюю и въ низшую Оказать свое вліяніе въ этомъ смыслѣ во всѣхъ названныхъ школахъ онъ не успѣлъ въ короткое время своего попечительства (2½ года). Къ тому же университетскія волненія отвлекали его вниманіе и лишали спокойствія духа, столь необходимаго для сложнаго дѣла — преобразовать преподаваніе въ многочисленныхъ школахъ разнаго типа.

Сверхъ того въ качествѣ попечителя онъ могъ только представлять свои проекты на разсмотрѣніе министра, который могъ ихъ и не утвердить.

Прежде всего его вниманіе обратила плохая обстановка преподаванія въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій. По порученію Боголѣпова инспекторъ Сыроѣчковскій ревизовалъ женскія гимназіи Московскаго округа и представилъ Николаю Павловичу докладъ о состояніи преподаванія въ 8-мъ классѣ этихъ гимназій. Оказалось, что въ нихъ не существовало опредѣленной для всѣхъ гимназій программы для спеціальныхъ предметовъ (исторіи, географіи и языковъ): каждая гимназія имѣла свою собственную программу, при чемъ учителя могли учить какъ имъ хотѣлось. Такое преподаваніе гораздо легче, потому что каждый учитель преподаетъ то, что̀ ему знакомо и интересно, а не то, что̀ необходимо для учащихся. Случалось, что нѣкоторые учителя произвольно расширяли извѣстную часть курса, заставляя своихъ ученицъ изучать ее до мельчайшихъ подробностей и тѣмъ внушали имъ отвращеніе къ изучаемому предмету. Напримѣръ, одинъ учитель буквально душилъ своихъ ученицъ юсами. Съ цѣлью преобразовать такую неже-

лательную постановку дѣла, Николай Павловичъ разослалъ циркуляры во всѣ женскія гимназіи, приглашавшіе преподавателей выработать програму по каждому отдѣльному предмету. Эти программы разбирались въ созванныхъ Боголѣповымъ комиссіяхъ. Въ комиссіи, которая разрабатывала программу для курса исторіи, предсѣдательствалъ самъ Николай Павловичъ. Эти комиссіи установили одинаковыя требованія для 8-го класса женскихъ гимназій по каждому предмету, какъ обязательному, такъ и спеціальному *). Въ нѣкоторыхъ программахъ замѣтно опять стремленіе развить самостоятельность учащихся: на ряду съ теоретическими занятіями вводились и практическія. Напримѣръ, по программѣ исторіи, разработанной подъ предсѣдательствомъ Боголѣпова, ученицы обязаны подавать не только письменныя работы, но и готовиться къ устнымъ рефератамъ, которые обсуждаются въ классѣ. Практическія занятія были введены и въ педагогическій курсъ.

Едва комиссія кончила свои труды, Николай Павловичъ былъ назначенъ министромъ Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ онъ самъ утвердилъ программы, разработанныя во время его попечительства. Преподаванія по нимъ до сихъ поръ ведется въ однѣхъ гимназіяхъ Московскаго округа. Только недавно подобныя же программы стали вводиться въ Петербургскихъ гимназіяхъ. Въ послѣднее время и изъ другихъ округовъ приходятъ запросы о способахъ преподаванія въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій Московскаго округа. По отзывамъ директора Дервизовской женской гимназіи, Сыроѣчковскаго, труды комиссій, созванныхъ Боголѣповымъ, увѣнчались успѣхомъ. Благодаря занимаемой имъ должности, Сыроѣчковскій имѣетъ случай непосредственно наблюдать результаты введеннаго преподаванія: оно стало оживленнѣе и вызываетъ болѣе самостоятельное отношеніе ученицъ къ занятіямъ, вслѣдствіе чего онѣ выходятъ изъ гимназій съ болѣе основательными знаніями.

Что касается высшаго женскаго образованія, Николай Павловичъ не былъ его горячимъ сторонникомъ, какъ большинство общества въ настоящее время, и считалъ его желательнымъ только въ томъ случаѣ, когда женщина обладаетъ достаточнымъ запасомъ умственныхъ и физическихъ силъ, чтобы съ успѣхомъ пріобрѣтать научныя знанія и тѣмъ приносить пользу другимъ. Доказательствомъ того, что Боголѣповъ не былъ безусловнымъ противникомъ высшаго женскаго образованія, служитъ то, что въ годы своего министерства онъ разрѣшилъ открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ и обѣщалъ свое согласіе

*) „Учебный планъ и программы учебныхъ предметовъ для 8-го дополнительнаго класса женскихъ гимназій Московскаго учебнаго округа“. Москва. 1899.

на предполагавшееся открытіе медицинскихъ женскихъ курсовъ. Боголѣповъ не одобрялъ только тѣ случаи, когда стремленіе къ высшему образованію, особенно ради моды, являлось ущербомъ для исполненія основного назначенія женщинъ, т.-е. обязанностей матери или дочери. Въ рѣчи, сказанной имъ воспитанницамъ Ермоло-Маріинскаго института въ день празднованія его 35-лѣтняго юбилея (1886 г.), ясно высказался его взглядъ на обязанности женщинъ. «Женственность внѣшняя желательна только тогда, когда она служитъ выраженіемъ внутренняго настроенія. Это прекрасное свойство, которое способно смягчить много страданій въ жизни. Истинная женственность состоитъ въ томъ, что женщина оказывается чуткою ко всему доброму и прекрасному». Въ другомъ мѣстѣ: «Въ душѣ дѣвушки долженъ горѣть тотъ святой огонь любви, преданности и долга, которымъ проникнуто ученіе Христа».

Трудамъ и заботамъ по преобразованію преподаванія Николай Павловичъ отдавался съ любовію, такъ какъ съ молодости былъ горячо преданъ этому дѣлу; но тяжелымъ бременемъ ложилась на него необходимость постоянно бороться, обязанность карать и противодѣйствовать кознямъ и проискамъ людей, враждебно относившихся къ его благимъ намѣреніямъ. Въ болѣе ранніе годы, въ запискахъ, написанныхъ имъ по сложеніи ректорскихъ обязанностей, онъ пишетъ, что «общественная и государственная дѣятельность заставляетъ человѣка становиться лицомъ къ лицу съ массой пошлости и подлости: ихъ нельзя избѣгать какъ въ частной жизни; имъ часто нужно идти навстрѣчу, чтобы бороться съ ними или управлять ими». И вотъ эта необходимость была ему крайне тяжела. Онъ говорилъ, что нужна большая сила, чтобы сохранить въ такой борьбѣ высокій душевный тонъ, не ожесточиться и не изнемочь. Почти на первыхъ порахъ его попечительской дѣятельности, ему пришлось столкнуться съ нѣкоторыми злоупотребленіями, которыя, къ сожалѣнію, встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы въ нашемъ отечествѣ. Николай Павловичъ и прежде о нихъ слышалъ, но онъ плохо вѣрилъ этимъ слухамъ, пока ему самому не пришлось убѣдиться въ вѣрности слышанныхъ имъ обвиненій. Боголѣпову было трудно искоренять зло, которое можетъ быть уничтожено только улучшеніемъ общественныхъ нравовъ. Едва ли бы ему удалось и при болѣе продолжительной попечительной дѣятельности многое сдѣлать въ этомъ отношеніи. Онъ могъ только уменьшить до нѣкоторой степени злоупотребленія, отстраняя лицъ, которыя были извѣстны своими неблаговидными поступками. Однажды ему пришлось даже столкнуться съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по поводу довольно крупныхъ погрѣшностей одного провинціальнаго директора гимназіи,

при чемъ это столкновенiе едва не привело самого Николая Павловича къ отставкѣ.

Какъ-то разъ ему пришлось ревизовать О—ую гимназiю. До этого О. губернаторъ и многiя частныя лица, прiѣзжавшiя изъ О., передавали ему, что о директорѣ гимназiи ходятъ разные дурные слухи. На мѣстѣ Николай Павловичъ убѣдился самъ въ его безчестности. Во-первыхъ, этотъ директоръ ставилъ дрова въ гимназiи (мужскую и женскую) изъ своихъ рощъ черезъ подставныхъ поставщиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ гимназическимъ служителемъ, при чемъ цѣны на дрова не соотвѣтствовали ихъ качеству; во-вторыхъ, онъ пользовался гимназическими служителями для обработки своего огорода и отдалъ поставку овощей въ гимназическiй пансiонъ тому огороднику, который арендовалъ директорскiй огородъ; въ-третьихъ, онъ не велъ отчетности; въ-четвертыхъ, директоръ облагалъ учениковъ гимназiи поборомъ отъ 15—50 коп. за порчу казенной мебели и стѣнъ, распространяя иногда эти поборы на цѣлые классы и не ведя отчетности по расходованiи собранныхъ денегъ. Наконецъ, въ пятыхъ, онъ изобрѣлъ любопытный способъ обирать родителей учениковъ: онъ часто бился съ ними объ закладъ, при чемъ родители проигрывали ему условленную сумму, если ученикъ выдерживалъ экзаменъ. Первыя четыре обвиненiя подтверждались случаями, которые не могъ оспаривать самъ директоръ, а пятое Боголѣповъ могъ подтвердить только показанiями госпожи Лопухиной, которая передавала ему случай, бывшiй съ ней самой и съ ея знакомыми. Николай Павловичъ донесъ министру о неблаговидныхъ дѣлахъ директора О. гимназiи. Министръ офицiальнымъ письмомъ предложилъ Николаю Павловичу потребовать отъ директора объясненiя; а затѣмъ, если они окажутся неудовлетворительными, то предложить ему подать въ отставку. Такъ Николай Павловичъ и сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе утвержденiе отставки долго не приходило. Несмотря на явныя улики противъ директора, въ Министерствѣ нашлись друзья его (изъ крупныхъ чиновниковъ), которые тоже влiяли на безхарактернаго министра. За это время много непрiятности пришлось перенести Николаю Павловичу отъ доброжелателей директора; дѣло доходило до того, что въ Министерствѣ отвергали одно представленiе Боголѣпова за другимъ. Наконецъ Николай Павловичъ заявилъ министру, что если директоръ О. гимназiи не будетъ уволенъ, то онъ сочтетъ неудобнымъ оставаться на службѣ. Вскорѣ послѣ этого заявленiя пришла телеграмма отъ директора департамента, въ которой было сказано: «Директоръ О. гимназiи увольняется въ отставку; представьте своего кандидата». Вслѣдъ за этимъ Николай Павловичъ узналъ, что О—й директоръ переведенъ на туже должность въ Б.

Описанное столкновеніе имѣло свою хорошую сторону, потому что познакомило кого слѣдуетъ съ опредѣленнымъ образомъ дѣйствій Боголѣпова. Сверху и снизу сдѣлались осторожны: всѣ поняли, что впредъ вкушеніе запрещеннаго плода будетъ встрѣчать упорное противодѣйствіе. Кромѣ того, Николай Павл. старался назначать на служебныя должности неподкупныхъ лицъ. Можетъ быть, это не всегда ему удавалось, но для вѣрнаго познаванія людей требуется особенный даръ.

Боголѣпова часто упрекали въ неумѣніи выбирать людей, хотя такое обвиненіе не вполнѣ справедливо, такъ какъ нѣкоторыя его назначенія были очень удачны и поставленныя имъ должностныя лица оказались на высотѣ своего положенія. Всего чаще ошибался онъ въ нравственныхъ свойствахъ людей. Это онъ сознавалъ и самъ. При его склонности къ пессимистическому взгляду на жизнь такое довѣріе къ людямъ кажется удивительнымъ. Даже при болѣе близкомъ знакомствѣ съ людьми онъ часто отказывался не только видѣть, но и предполагать что нибудь низкое или неблаговидное. Извѣстно, что большею частью довѣрчивость происходитъ отъ большой душевной чистоты. Такъ было и съ Боголѣповымъ. Человѣку, которому трудно было произнести невинную ложь, было ещё труднѣе убѣдиться, что другой съ легкимъ сердцемъ обманываетъ, притворяется и даже пользуется чужимъ добромъ. Я помню, какъ дразнилъ его одинъ докторъ, когда во время одной опасной моей болѣзни, при очень высокой температурѣ, онъ могъ безъ краски на лицѣ скрывать отъ меня количество градусовъ.

Всего болѣе страдалъ самъ Боголѣповъ отъ своего довѣрія къ людямъ. Бывали случаи, когда разочарованіе въ нихъ очень болѣзненно отзывалось на его впечатлительной душѣ. Такъ, напр. глубоко огорчила его измѣна его любимаго ученика Доробца, къ которому онъ относился долгіе годы совершенно отечески. Десять лѣтъ продолжались дружескія, почти родственныя отношенія между учителемъ и ученикомъ. Надо сказать, что онъ ко всѣмъ своимъ ученикамъ относился съ рѣдкой участливостью. Всегда для нихъ доступный, онъ съ большимъ вниманіемъ руководилъ ихъ занятіями и облегчалъ имъ всѣ пути и средства къ достиженію научныхъ знаній; но его отношенія къ Доробцу отличались особенной теплотой и заботливостью, при чемъ онъ нерѣдко входилъ въ семейные интересы молодого человѣка. Съ своей стороны Доробецъ съ необыкновенною горячностью, казавшейся и постороннимъ вполнѣ искреннею, выражалъ своему учителю любовь и преданность. Боголѣпова привлекалъ въ Доробцѣ его живой интересъ къ Римскому праву и даже его увлеченіе имъ. Первоначальныя успѣшныя занятія Доробца подавали также надежду учителю, что ученикъ его будетъ усовершенствоваться въ своихъ научныхъ знаніяхъ и ста-

нетъ плодотворнымъ ученымъ и полезнымъ преподавателемъ, при чемъ Николаю Павловичу казалось, что Доробецъ сумѣетъ замѣнить со временемъ и улучшитъ столь желанный имъ методъ преподаванія. Командированный за границу Доробецъ писалъ цѣлые тома Николаю Павловичу, въ которыхъ касался не только научныхъ вопросовъ, но откровенно, какъ близкому родственнику, повѣрялъ свои личныя дѣла и даже тайны, словомъ, изливалъ ему всю душу, присоединяя къ этому самыя горячія увѣренія въ любви и преданности. По возвращеніи Доробца изъ-за границы Боголѣповъ началъ замѣчать нѣкоторое измѣненіе въ его духовномъ строѣ: молодой человѣкъ держалъ себя странно и работалъ вяло, при чемъ замѣтно было пониженіе его умственныхъ способностей. Такое состояніе, казалось, стояло въ связи съ его здоровьемъ, такъ какъ въ это время онъ хворалъ нервною болѣзнію. Боголѣпова особенно поразила диссертація этого его любимца, поданная ему на разсмотрѣніе. Она была написана водянисто, неосновательно и страдала отсутствіемъ тщательнаго изслѣдованія источниковъ. Ник. Павл. нашелъ невозможнымъ пропустить ученую работу Доробца и съ болью въ сердцѣ возвратилъ ему ее, указавъ на ея недостатки. Доробецъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ взялъ свою диссертацію назадъ и долго не могъ съ ней справиться, влѣдствіе чего не подалъ ея вторично Между тѣмъ другой ученикъ Боголѣпова, Хвостовъ, окончившій магистерскій экзаменъ позже Доробца, подалъ свою диссертацію Къ этому времени Боголѣповъ былъ назначенъ попечителемъ, вслѣдствіе чего опонентами на Хвостовскомъ диспутѣ должны были выступить Доробецъ и проф. Z., враждебно относившійся къ Николаю Павловичу. Диссертація Хвостова, опередившая диссертацію Доробца, вызвала зависть послѣдняго. Подстрекаемый двумя недругами Боголѣпова, профессоромъ Z. и приватъ-доцентомъ У., читавшимъ одинъ изъ отдѣловъ Римскаго права, Доробецъ задался мыслью не пропустить диссертацію Хвостова. Втроемъ они стали распространять самые лживые слухи о ней между непосвященными профессорами и студентами, въ надеждѣ, что послѣдніе сорвутъ диспутъ. Профессоръ Z. написалъ даже въ «Русской Мысли» статью полную клеветъ на диссертацію Хвостова. Между тѣмъ Боголѣповъ, тщательно изучивъ эту диссертацію, нашелъ, что она представляетъ основательную ученую работу и что всѣ слухи распространенные о ней лживы. Тоже мнѣніе о ней высказалъ профессоръ Павловъ, которому юридическій факультетъ предоставилъ судъ надъ борющимися сторонами и который изучилъ отзывъ опонентовъ столь же тщательно, какъ и диссертацію Хвостова. На засѣданіи юридическаго факультета, гдѣ читались отзывы опонентовъ, профессоръ Павловъ доказалъ невѣрность ихъ доводовъ. Тутъ же былъ назначенъ и день диспута, а также

и запасные опоненты въ случаѣ умышленной неявки на диспутъ Доробца и профессора Во все описанное время Доробецъ держалъ себя очень странно: переносилъ отъ профессора къ профессору сочиненныя имъ сплетни и небылицы съ цѣлью ихъ разссорить, при чемъ самъ впадалъ въ противорѣчія, затѣмъ письменно объяснялся въ любви Николаю Павловичу, выражая готовность пролить за него кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ за глаза клеветалъ на него. Все это вмѣстѣ взятое заставило Боголѣпова и другихъ профессоровъ предположить въ Доробцѣ психическое разстройство.

Наглость и низость его дошли до того, что онъ отправился въ Петербургъ, чтобы помѣшать Хвостовскому диспуту состояться. Ему удалось убѣдить министра въ необходимости отложить диспутъ на неопредѣленное время во избѣжаніи безпорядковъ со стороны студентовъ, хорошо освѣдомленныхъ о негодности диссертаціи Хвостова. Этой наглой ложью Доробецъ не удовольствовался и, желая очернить Николая Павловича въ глазахъ министра, наклеветалъ на него и въ добавокъ показалъ министру полученное имъ за границей письмо отъ Боголѣпова. Въ этомъ письмѣ Николай Павловичъ по поводу неблаговиднаго поведенія одного должностного лица въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, выразился: «Въ министерствѣ изолгались». Несмотря на всѣ происки Доробца, диспутъ состоялся. Послѣ долгихъ переговоровъ министра съ Николаемъ Павловичемъ по телеграфу, послѣднему удалось настоять на допущеніи диспута, который вопреки всѣмъ проискамъ Доробца прошелъ совершенно благополучно. Нѣсколько времени спустя, графъ Деляновъ пріѣхалъ въ Москву и, показавъ Николаю Павловичу упомянутое письмо, пересказалъ ему всѣ жалобы на него Доробца. Возмущенный всѣми этими сплетнями Николай Павловичъ просилъ графа дозволить ему устраниться отъ разъясненій ему дѣйствительнаго хода событій, такъ какъ онъ можетъ заподозрить его въ пристрастности. Вслѣдъ за этимъ нѣсколько профессоровъ съ ректоромъ и деканомъ во главѣ упросили министра уволить Доробца изъ приватъ-доцентовъ Московскаго университета. Одновременно несчастный молодой человѣкъ былъ уволенъ изъ Лицея Цесаревича Николая, гдѣ онъ состоялъ преподавателемъ. Николай Павловичъ этому не противился, но не изъ мести. Чувство мести никогда не руководило его дѣйствіями; это онъ доказалъ въ ректорскіе и въ профессорскіе годы, когда, въ самый разгаръ борьбы, всегда забывалъ свою обиду, имѣя въ виду только дѣло.

Если бы Доробецъ погрѣшилъ только противъ Николая Павловича, то сей послѣдній сталъ бы навѣрное хлопотать о его помилованіи; но Боголѣповъ убѣдился, что, во-первыхъ, Доребецъ не способенъ болѣе къ ученой и преподавательской дѣятельности; во-вторыхъ, что онъ

будетъ оказывать дурное вліяніе на молодежь и вносить раздоръ въ товарищескую среду. Поэтому онъ предоставилъ своего нѣкогда любимаго ученика его карающей судьбѣ.

Поведеніе Доробца, неблагонадежность должностныхъ лицъ и неблаговидные поступки нѣкоторыхъ университетскихъ людей все болѣе и болѣе убѣждали Николая Павловича, что большинство Русскихъ людей даже образованныхъ страдаетъ отсутствіемъ воспитанія. Родители настойчиво добиваются высшаго образованія для своихъ дѣтей и весьма мало заботятся о развитіи въ нихъ высокихъ нравственныхъ качествъ и столь необходимой для каждаго человѣка порядочности. Даже ремесленники и люди совершенно необразованные, по примѣру высшихъ классовъ, стремятся прежде всего тянуть своихъ дѣтей въ среднюю и высшую школу, пренебрегая развивать въ нихъ первыя правила нравственности. Николай Павловичъ всегда удивлялся легкомысленному, чтобъ не сказать равнодушному, отношенію родителей и воспитателей къ проявленіямъ лжи въ ребенкѣ. Главнымъ образомъ въ Русскомъ воспитаніи не замѣтно ни руководящихъ правилъ, ни послѣдовательно преслѣдуемыхъ цѣлей. Лаской и сердечностью Русскіе люди думаютъ привить лучшія свойства дѣтямъ, главнымъ образомъ гуманность и просвѣщеніе. Между тѣмъ Боголѣповъ считалъ необходимымъ болѣе тщательное и заботливое воспитаніе. Съ раннихъ лѣтъ, почти съ колыбели, по его мнѣнію надо неуклонно и послѣдовательно развивать желаемыя качества въ дѣтяхъ, т. е. прежде всего правдивость и послушаніе. Собственнымъ примѣромъ и отвращеніемъ ко лжи надо прививать первое. Съ помощью послѣдняго надо воспитывать волю въ ребенкѣ и развивать строгое исполненіе обязанностей, т.-е. настойчивость въ работѣ, порядокъ, вѣжливость и, главное, заботливое отношеніе къ другимъ людямъ. Лучшимъ средствомъ для развитія и вмѣстѣ обузданія воли Боголѣповъ считалъ безусловное послушаніе. Послушаніе не только прививаетъ ребенку хорошія качества, но одновременно научаетъ его владѣть собою, т. е. сгибать свою волю передъ неизбѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражнять ее въ борьбѣ со своими недостатками. При уклоненіи ребенка отъ исполненія своихъ обязанностей Николай Павловичъ конечно предпочиталъ дѣйствовать на него, если возможно, лаской и уговоромъ; но при упорствѣ ребенка и при испорченности его, онъ считалъ наказаніе необходимымъ, хотя въ правильномъ воспитаніи къ наказанію приходится прибѣгать рѣдко.

Боязнь и отвращеніе многихъ Русскихъ родителей къ наказанію ихъ дѣтей казались Боголѣпову болѣзненнымъ явленіемъ. Между тѣмъ какъ Англичане и Нѣмцы учатъ своихъ дѣтей мужественно выносить заслуженное наказаніе, наши родители разнѣживаютъ ихъ соболѣзнова-

ніями и подрываютъ власть наставниковъ, порицая ихъ передъ воспитанниками. Главнымъ вдохновителемъ лучшихъ чувствъ и стремленій въ ребенкѣ и юношѣ Николай Павловичъ считалъ ученіе Христа и потому горячо рекомендовалъ введеніе высокихъ христіанскихъ началъ въ дѣло воспитанія.

Въ пріемахъ воспитанія Боголѣповъ былъ такимъ же горячимъ сторонникомъ развитія самостоятельности и самодѣятельности, какъ и въ способахъ обученія. Онъ считалъ нужнымъ прививать то и другое дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ. По его мнѣнію надо предоставлять ребенка самому себѣ вездѣ, гдѣ это не представляетъ опасности для его жизни и здоровья: пусть онъ, насколько возможно, путемъ опыта дойдетъ до того, что̀ можно и чего нельзя; пусть разъ или два слегка обожжется, безвредно ушибется, пусть слегка испугается, и въ немъ разовьется разумное чувство самосохраненія, вмѣстѣ съ сообразительностью и находчивостью въ затруднительномъ положеніи. Ник. Павл. находилъ даже нужнымъ пускать дѣтей 5—6 лѣтъ однихъ по улицѣ на короткое разстояніе, и при этомъ издали за ними слѣдить. При такомъ воспитаніи исчезнутъ безпомощность и нерѣшительность, встрѣчающіяся такъ часто въ дѣвицахъ и юношахъ. Случалось Николаю Павловичу очень удачно примѣнять рекомендованный имъ пріемъ воспитанія къ своимъ дѣтямъ. Въ каникулярное время, когда онъ отдавался своей семьѣ, ему приходилось не разъ посылать свою шестилѣтнюю дочь въ аптеку, находившуюся въ недалекомъ разстояніи отъ дома, откуда онъ могъ за нею слѣдить. Сначала дѣвочка должна была отнести рецептъ, не дожидаясь лѣкарства, но довольно скоро она стала и платить за него отсчитанныя ей отцомъ деньги. Боголѣповъ любилъ также разсказывать своимъ маленькимъ дѣтямъ повѣсти собственнаго сочиненія, гдѣ потерявшіяся дѣти, благодаря находчивости, храбрости и сообразительности, избѣгали опасностей и находили дорогу домой *).

---

*) Такіе разсказы сильно подѣйствовали на его младшую дочь. Подъ ихъ вліяніемъ живой предпріимчивой дѣвочкѣ однажды сильно захотѣлось предпринять какое-нибудь путешествіе совершенно одной. Мы были въ Швейцаріи, когда она, соскучившись по единственнымъ бывшимъ у насъ тамъ Русскимъ знакомымъ, стала проситься къ нимъ. Никому изъ старшихъ нельзя было идти съ нею, и вотъ она, не сказавъ никому ни слова, направилась одна по мало извѣстному и довольно далекому пути къ нашимъ Русскимъ знакомымъ. Предполагая, что она, какъ описанныя ей отцомъ дѣти, можетъ заблудиться, дѣвочка захватила съ собою кусокъ хлѣба. Къ счастію, ея предположеніе не осуществилось: она прекрасно запомнила дорогу и благополучно добѣжала до знакомыхъ, которые разсказали намъ, что проголодавшаяся дѣвочка только что вбѣжала къ нимъ, тотчасъ усѣлась и стала ѣсть захваченный кусокъ хлѣба, исполняя программу заблудившихся дѣтей. Названіе мѣста, дома и свою фамилію дѣвочка твердо знала.

Въ школьномъ возрастѣ Николай Павловичъ совѣтовалъ давать воспитанникамъ еще бо̀льшую самостоятельность. Пріучивъ ихъ съ дѣтства къ безусловному послушанію, можно вполнѣ ихъ предоставлять самимъ себѣ, указавъ предварительно, какого поведенія они должны держаться. Уклоненія отъ предписанныхъ правилъ должны влечь за собой, какъ и съ младшими дѣтьми, выговоры, усовѣщеванія или наказанія, смотря по характеру. Такимъ образомъ воспитанники отвѣчаютъ за свое поведеніе, послѣдствія котораго и несутъ.

Наравнѣ съ этими требованіями отъ воспитанниковъ Николай Павловичъ предъявлялъ ихъ и къ воспитателямъ. Съ большою твердостью они должны соединять доброжелательное и участливое отношеніе къ воспитанникамъ. Выговоръ или наказаніе должны быть послѣдствіемъ дѣйствительной вины ученика, а не раздраженія воспитателя. Человѣкъ раздражительный, не умѣющій себѣ сдерживать, не можетъ и не долженъ воспитывать. Воспитателемъ можетъ быть только тотъ, кто любитъ дѣтей и молодежь, понимаетъ ихъ, не тяготится своими обязанностями, а напротивъ того съ интересомъ и преданностью отдается своему дѣлу. Чтобы хорошо понимать свои задачи и обязанности, людямъ, готовящимся къ педагогической дѣятельности, по мнѣнію Николая Павловича, полезно знакомиться съ психологіей и физіологіей въ тѣхъ размѣрахъ, которые требуются для пониманія дѣтской и юношеской души. Вообще воспитатель долженъ быть самъ хорошо воспитанъ и по возможности долженъ быть человѣкомъ образованнымъ. Хорошій воспитатель владѣетъ дѣтской и юношеской душой. Какъ часто Николай Павловичь сожалѣлъ, что большая часть воспитателей берутся за педагогическую дѣятельность изъ-за куска хлѣба, а не по призванію. По его мнѣнію такіе педагоги приносятъ только вредъ, въ особенности, если у нихъ несдержанный, раздражительный характеръ.

Самъ Боголѣповъ понималъ и любилъ дѣтей. При видѣ ихъ на лицѣ его появлялась добродушная шутливая улыбка; онъ умѣлъ подойти къ дѣтямъ и вызвать въ нихъ довѣріе и любовь къ себѣ *).

Такую любовь вызывалъ онъ не въ однихъ дѣтяхъ: всѣ близко знавшіе его душевную чистоту и рѣдкія нравственныя качества, не только любили его, но и высоко цѣнили. Знакомые и родные постоянно обращались къ нему за совѣтомъ или просили его высказать имъ его мнѣніе про ихъ образъ дѣйствій. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда отвѣчалъ

---

*) Намъ разсказывали, что однажды вечеромъ Боголѣповъ зашелъ въ пансіонъ 1-й Московской гимназіи, гдѣ въ тотъ часъ находился посторонній посѣтитель. Сей послѣдній, наслышавшійся о строгости Боголѣпова, не могъ надивиться, съ какою искреннѣйшею нѣжностью относился онъ къ воспитанникамъ. Н. Б.

откровенно, безъ обиняковъ, какъ бы сурово ни показалась правда, но при этомъ тонъ его былъ такой благожелательный, что его правда не оскорбляла. Точно также въ замѣчаніяхъ, которыя онъ дѣлалъ близкимъ, никогда не слышалось раздраженія или желанія уколоть, напротивъ того они обнаруживали только искреннее желаніе придти на помощь или предостеречь человѣка отъ дурного или неосторожнаго поступка. Я не разъ слышала отъ возмужалыхъ людей, какое большое нравственное воздѣйствіе Николай Павловичъ на нихъ оказывалъ. Дмитрій Павловичъ Кишенскій, профессоръ Одесскаго университета, говорилъ мнѣ, что во многихъ случаяхъ его жизни, не зная на что рѣшиться, онъ старается представить себѣ, какъ поступилъ бы Николай Павловичъ или что̀ посовѣтывалъ бы онъ ему сдѣлать. Директоръ Сѣдлецкой гимназіи С. . . . писалъ мнѣ, что Николай Павловичъ всегда служилъ ему путеводной звѣздой во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ его жизни.

Екатерина Боголѣпова.

ПРИЛОЖЕНІЕ ЗАМѢТКИ Н. П. БОГОЛѢПОВА *).

Задачи преподаванія.

1. Эти задачи желательно опредѣлить не только съ точки зрѣнія субъективныхъ идеаловъ, но и по тому, что̀ требуетъ отъ юридическихъ факультетовъ дѣйствительная жизнь. А она требуетъ двухъ родовъ спеціалистовъ: дѣятелей судебныхъ и административныхъ; ихъ долженъ готовить юридическій факультетъ. Скажутъ: университетъ не можетъ готовить практиковъ; я это признаю̀, но утверждаю, что университетъ не долженъ готовить только теоретиковъ.

Какъ цѣлое, онъ не имѣетъ своей задачей двигать науку, хотя *отдѣльные* профессора его не могутъ хорошо исполнять своихъ обязанностей, не будучи учеными изслѣдователями. Задача университета научить тѣмъ знаніямъ и пріемамъ, съ помощью которыхъ студентъ можетъ впослѣдствіи сдѣлаться ученымъ, судьей, адвокатомъ, администраторомъ и такъ далѣе, и развить умственныя свои силы; т. е. такъ вести преподаваніе, чтобъ ученикъ не боялся *самостоятельно* работать умомъ (смѣлость мысли).

2. Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующія требованія.

а) Сообщать необходимыя свѣдѣнія, т. е. *факты* въ системѣ. Для ученика нужны только факты *достовѣрные*, а не спорные. Спорные мо-

*) Съ черновыхъ подлинниковъ.

гутъ быть сообщены только въ томъ случаѣ, если они изложены съ доказательствами, что̀ даетъ иллюстрацію пріемамъ ученаго изслѣдованія.

б) Научить *пріемамъ* работы, методамъ: толкованіе законовъ при догматической обработкѣ пра̀ва и при исторической, требованія политики (для администратора и законодателя) и т. д.

в) Развить *умственныя силы*, развязать умъ ученика. Всякая школа должна стремиться къ этому, а тѣмъ болѣе высшая. Предыдущія задачи (а. б.) даютъ ученику то, что̀ сдѣлано его предшественниками; усвоивая результаты ихъ работъ, онъ уже до нѣкоторой степени развиваетъ свои умственныя силы. Но профессоръ долженъ ставить себѣ, какъ особую задачу, внушать студентамъ *смѣлость* мысли, т. е. рѣшимость ставить новыя задачи, искать новыхъ пріемовъ. Безъ этого университеты будутъ выпускать рутинёровъ-ремесленниковъ, которые будутъ способны повторять только то, что̀ дѣлали и до нихъ. Ни практика, ни наука отъ такихъ учениковъ не выиграетъ ничего.

Реформы.

1. *Лекціи*. Прежде всего слѣдуетъ бросить чтеніе съ каѳедры учебниковъ. Лучше совсѣмъ не читать такихъ лекцій, потому что ученикъ ежедневно сбережетъ 3 — 4 часа. Чѣмъ же замѣнить ихъ? Я не думаю отрицать необходимости живого руководства для студентовъ; но это руководство должно быть на дѣлѣ существенно - необходимымъ для нихъ, такимъ, безъ котораго они одни, самостоятельно, не могутъ пріобрѣсти знаній или умѣній. Лекціи профессора, или лучше занятія съ профессоромъ, будутъ интересны для студентовъ тогда, когда послѣдніе ниоткуда больше не могутъ пріобрѣсти свѣдѣній такъ же удобно, какъ отъ профессора. Этого нельзя сказать про теперешнія лекціи. Что̀ же именно долженъ студентъ искать у профессора и что̀ можетъ сдѣлать одинъ? Это зависитъ отъ свойствъ преподаваемой науки, такъ что нельзя дать одного отвѣта; но такъ какъ большинство юридическихъ наукъ имѣютъ въ виду положительное право, то вообще можно сказать, что у профессора студентъ долженъ искать руководства въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

а) Умѣнье *обрабатывать источники* пра̀ва и его исторію. У нашихъ студентовъ нѣтъ этого умѣнія. А между тѣмъ, не странно ли это? Если бы кто нибудь предложилъ такъ устроить медицинскій факультетъ, чтобы студенты изучали болѣзни только теоретически, а не на больныхъ, чтобы они знакомились съ аппаратами по книжкамъ, а не самымъ употребленіемъ ихъ и т. д., то всѣ конечно признали бы негодность такого устройства. А именно въ такомъ родѣ устроено препода-

ваніе на нашихъ юридическихъ факультетахъ. Поэтому прежде всего необходимо научить студентовъ-юристовъ обращаться съ источниками, они должны умѣть отыскать подходящія статьи законовъ, примѣнить къ нимъ всѣ выработанныя наукой правила толкованія; если изучается исторія пра̀ва, то ихъ надо познакомить хотя съ главными источниками ея, научить критикѣ этихъ источниковъ. NB. Когда студентъ исполнитъ эту первую работу подъ руководствомъ профессора, можно перейти къ болѣе тонкимъ пріемамъ обработки, опять имѣя въ виду самодѣятельность учениковъ, научить ихъ систематизаціи добытаго матеріала, юридическимъ конструкціямъ и другимъ догматическимъ пріемамъ; а если изучается исторія какого-нибудь пра̀ва, то построенію историческихъ гипотезъ, установленію исторической перспективы въ добытыхъ свѣдѣніяхъ, раздѣленію на періоды и т. д. Могутъ спросить: въ какомъ порядкѣ будетъ профессоръ обучать всѣмъ этимъ пріемамъ; будетъ ли онъ сначала подвергать весь матеріалъ извѣстной науки толкованію или критикѣ, а потомъ начнетъ систематизировать его и распредѣлять по періодамъ и пр.; или же онъ долженъ дать студентамъ выучиться всѣмъ пріемамъ на отдѣльныхъ, только нѣкоторыхъ институтахъ? Это вопросъ второстепенный, который каждымъ преподавателемъ будетъ разрѣшаться, смотря по отведенному ему времени, количеству учениковъ, размѣрамъ преподаваемой науки и т. п. Замѣтимъ только, что, согласно цѣли научнаго преподаванія (дать не только свѣдѣнія, но и развить духовныя силы), нѣтъ нужды обрабатывать съ учениками всѣ отдѣлы науки вышеуказаннымъ порядкомъ. Нужно продолжать это до тѣхъ поръ, пока средній студентъ усвоитъ себѣ всѣ главные пріемы обработки пра̀ва. Если по опыту для этого окажется достаточнымъ нѣсколькихъ отдѣловъ или институтовъ, то прочіе могутъ быть изучены студентомъ по учебнику.

б. Умѣнье прилагать нормы пра̀ва къ отдѣльнымъ случаямъ пра̀ва требуется не для эстетическихъ цѣлей, а для практическихъ, для примѣненія въ жизни. Поэтому нельзя считать совершеннымъ юристомъ того, кто ограничился теоретическимъ изученіемъ системы пра̀ва. Параллель съ медицинскими науками и въ этомъ случаѣ можетъ быть поучительна. Могутъ сказать, что рѣшенію отдѣльныхъ казусовъ студентъ можетъ научиться по окончаніи теоретическаго образованія, какъ это и бываетъ въ настоящее время. Конечно можетъ, также какъ онъ и теоретическое образованіе можетъ получить по книжкамъ; но если онъ будетъ это дѣлать безъ образованнаго и опытнаго руководителя, то потратитъ гораздо больше времени и своими опытами причинитъ много вреда тѣмъ, чьи дѣла будетъ вести. Если же онъ будетъ учиться подъ руководствомъ, то это именно то, чего мы желаемъ, съ тою только

разницею, что мы находимъ возможнымъ это практическое образованіе перенести въ университетъ. Оно здѣсь выигрываетъ въ научности. Если ученикъ учится примѣненію пра̀ва въ дѣйствительной практической жизни, то онъ имѣетъ въ виду выигрывать чье-нибудь дѣло; для этого часто ему нужно узнать не наилучшій способъ примѣненія закона, а общепринятый, т. е., другими словами, ему нужно узнать протоpенные пути, *рутину*, отчего студенты, по выходѣ изъ университета, большею частью и обращаются въ рутинёровъ. Иногда даже не нужно знать и общепринятаго примѣненія, а нужно узнать, какъ обойти законъ. Профессоръ, обучающій практическому примѣненію пра̀ва, не имѣетъ интереса вести студентовъ этими путями; онъ можетъ указать на нихъ студентамъ, но его задача—научить студентовъ наиболѣе справедливому примѣненію пра̀ва. Какъ извѣстно, это есть также и очень хорошее средство уяснить и теоретическую сторону дѣла. Для этого конечно самъ профессоръ долженъ имѣть и теоретическую и практическую подготовку, что̀ въ настоящее время у насъ не считается обязательнымъ.

Если сказанное справедливо, то мы должны признать, что вторымъ, недоступнымъ для самообразованія предметомъ преподаванія въ университетѣ, будетъ практическое примѣненіе пра̀ва.

3. Можно было бы указать и еще на одну сторону обученія, трудно доступную для самообразованія студента: *созданіе новаго права*. Это отдѣлъ столь мало разработанный для преподаванія, что я бы не рѣшился рекомендовать ввести преподаваніе въ настоящее время, но думаю, что въ болѣе отдаленномъ будущемъ онъ долженъ быть введенъ, а потому скажу о немъ нѣсколько словъ.

Въ ученіи объ источникахъ права обыкновенно указывается, какъ издается законъ, какъ вырабатывается юридическій обычай; но дѣлается это кратко или указываются только формальный порядокъ, соблюдаемый при законодательствѣ и формальные признаки, по которымъ можно опредѣлить существованіе юридическаго обычая. Между тѣмъ людямъ посвящающимъ себя судебной и административной дѣятельности приходится иногда участвовать въ созданіи законовъ, или по крайней мѣрѣ въ сочиненіи проектовъ законовъ. Никто не станетъ отрицать пользы правилъ, которыя бы указывали, какъ нужно приступать къ этому важному дѣлу. Могутъ сказать: тутъ существуетъ только одно правило-добросовѣстно изучить ту область, для которой создается законъ. Это вѣрно, но такъ неопредѣленно, что такое правило не можетъ служить руководствомъ. Важно указать, какія, кромѣ главной, должны быть изучены смежныя отношенія, въ какой мѣрѣ должно быть уважаемо дѣйствующее право, иными словами, какъ далеко можно идти

въ уничтоженіи стараго и введеніи новаго, насколько допустимы заимствованія, какъ формулировать законы, въ какой мѣрѣ доступно вторженіе въ нравственную, частно-хозяйственную область и мног. др.

Важность такихъ правилъ едва ли кто будетъ оспаривать. Но вѣрно то, что въ настоящее время, при невыработанности этого предмета, преподаваніе его можетъ обратиться въ пустословіе. А потому я бы рекомендовалъ большую осторожность. Можно давать студентамъ задачи (подобно техническимъ, построить заводъ, машину и т. д.), сочиненіе закона при точно опредѣленныхъ условіяхъ, т. е. указать, откуда они могутъ взять матерьялъ для рѣшенія, или предложить провѣрить изданный законъ мотивами.

Во всякомъ случаѣ, если предметъ этотъ будетъ допущенъ въ преподаваніи, то студенты могутъ изучать его только подъ руководствомъ профессора.

4. Одновременно съ обученіемъ вышеуказаннымъ, научнымъ пріемамъ, многихъ студентовъ необходимо обучать и чтенію *научныхъ сочиненій*. Можно съ увѣренностью сказать, что огромное большинство студентовъ не умѣетъ читать ученыя книги. Конечно обученіе тремъ указаннымъ пріемамъ для способнаго студента будетъ достаточнымъ указаніемъ и для чтенія ученыхъ книгъ; но среднему студенту необходимо болѣе близкое руководство профессора: надо пріучить его прежде всего отыскивать главныя и второстепенныя мысли автора. Мой собственный преподавательскій опытъ показалъ мнѣ, что средній студентъ не умѣетъ дѣлать этого. Затѣмъ уже слѣдуетъ научить его провѣрить доказательства. Обыкновенно студентъ склоненъ принимать на вѣру всякое положеніе ученаго автора, или же голословно отвергать его, какъ *несимпатичное* ему, именно въ томъ случаѣ, если онъ увлеченъ какимъ нибудь ученіемъ философскимъ, экономическимъ или политическимъ. Такъ наз. нижній этажъ въ ученыхъ книгахъ, т. е. ссылки на источники, большею частью оставляются имъ безъ вниманія. Ему и въ голову не приходитъ провѣрить, правильно ли разсужденіе автора съ логической стороны. Правила логики ему даже большею частью и неизвѣстны.

Подобно тому, какъ при рѣшеніи казусовъ и при руководствѣ чтеніемъ ученыхъ сочиненій профессоръ будетъ имѣть случай пояснять ученику тѣже самые пріемы обработки права и догматической и исторической стороны, которые онъ ему показывалъ при непосредствомъ изученіи источиковъ. Такимъ образомъ и чтеніе ученыхъ сочиненій можетъ происходить съ бо́льшимъ успѣхомъ подъ руководствомъ профессора. Экономисты и философы укажутъ вѣроятно и другія стороны обученія, гдѣ студентъ не можетъ обойтись безъ помощи профессора при изученіи экономическихъ наукъ и философіи права.

Могутъ сказать, что такое преподаваніе совершенно устраняетъ благотворное дѣйствіе живого слова. Но мнѣ кажется, что уже изъ предыдущаго видно, какую роль играетъ живое слово при руководствѣ занятіями студентовъ. Я думаю даже, что именно при этомъ руководствѣ слово профессора и дѣлается живымъ, потому что оно вызывается обмѣномъ мыслей между учителемъ и ученикомъ: учитель начинаетъ говорить тогда, когда видитъ, что ученикъ нуждается въ объясненіи, и притомъ говоритъ приноровляясь къ знакомымъ уже людямъ, а не къ безличной массѣ, каковой является въ настоящее время юридическая аудиторія.

Затѣмъ, лекція можетъ понадобиться и въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ признаетъ полезнымъ, послѣ совмѣстной со студентами разработки деталей, свести ихъ къ единству, обобщить. И здѣсь во многихъ случаяхъ лучше бываетъ дать это объединеніе письменно, чтобы студентъ могъ лучше продумать и провѣрить его.

Но это бываетъ не всегда возможно по недостатку времени или по инымъ причинамъ. При лекціяхъ профессору необходимо всегда помнить, что онъ на каѳедрѣ, а не на сценѣ: красота его изложенія должна быть разсчитана на умъ, а не на чувство; она должна быть не цѣлью, а средствомъ, какъ можно ясно передать свѣдѣнія и вызвать умъ учениковъ къ самодѣятельности.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что въ многолюдныхъ университетахъ такія реформы преподаванія возможны только въ такомъ случаѣ, если будетъ увеличено число преподавателей.

Пока этого нельзя сдѣлать, можно рекомендовать полумѣру: дѣлить студентовъ на группы, которыя занимались бы указаннымъ способомъ лишь по одному или двумъ предметамъ въ годъ. Или же радикальная мѣра: сократить число обязательныхъ предметовъ (разныя отдѣленія).

Учебники.

Для занятій по выше описанной системѣ необходимо, чтобы студенты были къ нимъ подготовлены, т.-е. предварительно изучили дома учебникъ, въ которомъ должны быть даны всѣ тѣ свѣдѣнія по данной наукѣ, которыя взрослый ученикъ можетъ усвоить и безъ содѣйствія учителя. Въ большинствѣ случаевъ эти свѣдѣнія могутъ быть даны въ систематической формѣ, какъ обыкновенно излагаются учебники. Конечно вмѣсто учебника можетъ быть прочитанъ въ аудиторіи и элементарный курсъ, какъ это дѣлается въ настоящее время; но едва ли найдется много студентовъ, которые, имѣя выборъ между учебникомъ и лекціями, предпочтутъ послѣднія, на которыхъ они все-таки должны будутъ сидѣть съ перомъ, чтобы впослѣдствіи составить записки для

повторенія. Нечего и говорить, что учебникъ долженъ быть составленъ въ расчетѣ на способности и подготовку *средняго* студента, слѣдовательно просто, безъ загроможденія его учеными терминами и понятіями, но съ важнѣйшими цитатами источниковъ или ссылкой на нихъ. Въ учебникѣ должны излагаться свѣдѣнія по возможности только *достовѣрныя*. Недостовѣрныя могутъ быть допущены только въ такомъ случаѣ, если при ихъ изложеніи могутъ быть хорошо иллюстрированы пріемы построенія гипотезъ или научной критики.

Прежде, чѣмъ допускать студента въ семинаріи и къ практическимъ занятіямъ необходимо подвергнуть его испытанію въ томъ, насколько онъ усвоилъ себѣ элементарный курсъ или учебникъ. Чтобы вести преподаваніе выше описаннымъ образомъ, необходимы два условія: 1) достаточное количество преподавателей сообразно съ числомъ слушателей и 2) посильное количество работы для студентовъ.

1. Такъ какъ мы ставимъ непремѣннымъ условіемъ успѣха университетскаго преподаванія не только усердное слушаніе лекцій студентами, но и активное участіе въ работахъ, подъ руководствомъ преподавателей, то каждому преподавателю должно быть ввѣрено лишь столько студентовъ, сколько онъ можетъ дѣйствительно руководить. Нормальное число можно опредѣлить въ 30 человѣкъ. Этой нормѣ едва ли удовлетворяетъ какой нибудь Русскій университетъ; да въ этомъ пока и не было нужды при существующемъ способѣ преподаванія. Но если бы мы вмѣсто 30-ти возложили на каждаго преподавателя обязанность заниматься съ 50—60 студентами, то и тогда новый порядокъ преподаванія былъ бы неосуществимъ въ многолюдныхъ университетахъ при теперешнемъ числѣ преподавателей, такъ какъ въ этихъ университетахъ (Московскомъ, Петербургскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ) даже на старшихъ курсахъ число студентовъ считается сотнями, не говоря уже про младшіе курсы, а преподаватель по каждому предмету почти всегда одинъ, рѣдко два, почти никогда больше, если считать и приватъ-доцентовъ. Чтобы помочь этой бѣдѣ, не прибѣгая къ слишкомъ большому увеличенію числа профессоровъ (что очевидно невозможно по многимъ причинамъ), слѣдовало бы практическія занятія со студентами, кромѣ профессоровъ, поручать болѣе молодымъ преподавателямъ, достаточно подготовленнымъ, чтобы вести эти занятія со студентами подъ общимъ надзоромъ профессора. Таковыми могли бы быть приватъ-доценты, оставленные при университетѣ и уже выдержавшіе магистерскій экзаменъ, и другія лица, которыхъ факультетъ призналъ бы достаточно подготовленными, хотя бы они не были при университетѣ. Для *лекцій*, въ теперешнемъ смыслѣ слова, всѣ группы студентовъ одного

курса могли бы соединяться, чтобы слушать одного профессора, какъ это дѣлается и теперь.

Вознагражденіе такимъ лицамъ, смотря по ихъ подготовленности, по количеству ихъ работы, по городу, гдѣ находится университетъ и т. д., могло бы быть назначаемо отъ 600 р. до 1500 р.

Пока нельзя увеличить число руководителей практическими занятіями, можно рекомендовать полумѣру: обязать каждаго студента вести вышеописанныя практическія занятія по крайней мѣрѣ по одному предмету въ теченіе каждаго года. При равномѣрномъ распредѣленіи студентовъ между всѣми профессорами одного и того же курса, на долю каждаго профессора придется уже только извѣстная часть студентовъ, которая въ нѣкоторыхъ университетахъ можетъ оказаться посильною и для одного профессора.

Если въ многолюдныхъ университетахъ и придется добавлять помощниковъ профессорамъ, то все-таки эта добавка будетъ незначительна и слѣдовательно не потребуетъ большихъ денегъ. Недостатокъ этой полумѣры настолько очевиденъ, что о немъ нечего распространяться; но достоинство ея, заставляющее предпочесть ее теперешнимъ порядкамъ, заключается въ томъ, что *каждый* студентъ можетъ (или долженъ) по крайней мѣрѣ на одномъ предметѣ въ году, слѣдовательно на четырехъ въ теченіе всего университетскаго курса, познакомиться съ пріемами научной работы, продѣлать все то, что̀ по нашему мнѣнію необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ считаться образованнымъ юристомъ. Тогда и остальные предметы (по которымъ онъ будетъ готовиться, какъ и теперь, только къ экзамену), будутъ усвоены имъ съ бо̀льшимъ смысломъ, потому что на тѣхъ четырехъ предметахъ онъ научится относиться и къ прочимъ курсамъ съ научными требованіями: будетъ искать доказательствъ теорій и гипотезъ, подмѣтитъ пріемы толкованія источниковъ и т. д. Можно надѣяться, что научный интересъ, возбужденный основательнымъ изученіемъ одного предмета, побудитъ многихъ къ добровольному посѣщенію лекцій по другимъ предметамъ или по крайней мѣрѣ вызоветъ желаніе изучить курсы прочихъ профессоровъ болѣе основательно, слѣдовательно подготовку къ экзаменамъ начать раньше, чѣмъ это дѣлается теперь.

У читателя можетъ возникнуть вопросъ: предлагаю ли я сдѣлать занятія въ году обязательными для студентовъ или предоставить имъ полную свободу учиться какъ и сколько хотятъ? Вопросъ этотъ не стоитъ въ связи съ предлагаемой реформой преподаванія. Если новый порядокъ занятій будетъ примѣняться только къ желающимъ, а остальные студенты могутъ только числиться въ университетѣ, то очевидно на экзаменѣ, организованномъ также по новому, будутъ имѣть надежду

на успѣхъ только первые. Если же занятія будутъ признаны обязательными, то и на экзаменѣ будетъ выдерживать значительное большинство. Принудительность или свобода занятій студентовъ имѣетъ значеніе въ вопросѣ о реформѣ преподаванія только въ слѣдующемъ отношеніи: при свободѣ ученья работающихъ правильно въ теченіе всего года будетъ немного, а потому забота о преподавательскомъ персоналѣ на первое время упрощается; даже въ многолюдныхъ университетахъ, гдѣ на одномъ курсѣ бываетъ 400 — 500 человѣкъ, охотниковъ заниматься правильно въ теченіе всего года будетъ менѣе половины. При обязательныхъ занятіяхъ это увеличеніе необходимо съ самаго начала.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако заключать, что я склоняюсь въ пользу свободы ученія. Этотъ вопросъ имѣетъ разныя стороны. Подробно разсматривать ихъ здѣсь неумѣстно. Я скажу о нихъ только нѣсколько словъ ви избѣжаніе недоразумѣній.

Система свободнаго ученія хороша не потому, что при ней на первыхъ порахъ потребовалось бы меньше преподавателей, а потому, что добровольное ученье всегда неизмѣримо - плодотворнѣе подневольнаго. Но не надо упускать изъ виду, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ большинство посылаетъ своихъ дѣтей въ школу не столько для знаній, сколько для «правъ», система свободы непремѣнно окажется болѣе суровою, скажу даже болѣе жестокою, чѣмъ система принужденія. Большинство студентовъ, не имѣя внутренняго побужденія къ правильному усвоенію знаній, не будетъ работать въ году, слѣдовательно экзамена не выдержитъ. Было бы наивно думать, что одинъ такой урокъ отрезвитъ не только провалившихся, но и всѣ послѣдующія поколѣнія. Эти массовые провалы будутъ повторяться много лѣтъ подъ рядъ и конечно вызовутъ отчаяніе и ропотъ родителей на школу, которая, такъ сказать, заманиваетъ юношей въ свои стѣны и затѣмъ оставляетъ ихъ шататься безъ всякаго призору. Если, несмотря на эти жалобы, профессора и начальство будутъ стойко воздерживать систему, т. е. воздерживаться отъ принужденій, но за то и не ослаблять основательности экзаменныхъ требованій, то черезъ 20 — 30 лѣтъ жалобы родителей прекратятся; въ университетахъ образуется убѣжденіе, что туда стоитъ идти только тому, кто намѣренъ работать. Всякій согласится, что этотъ благой результатъ будетъ достигнутъ дорогой цѣной, такъ какъ огромное число молодыхъ людей потеряетъ напрасно по нѣскольку лучшихъ лѣтъ жизни. Однако, зная Русскихъ людей, можно сказать, что исходъ будетъ скорѣе другой: испуганные массовыми провалами и тронутые жалобами родителей и самихъ провалившихся, профессора ослабятъ экзаменныя требованія настолько, чтобы большинство экзаменующихся

могло пройти благополучно. Тогда мы придемъ опять къ тому положенію, въ которомъ находимся теперь.

Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить опытъ, сдѣланный при введеніи Университетскаго устава 1884 года. Студентамъ была представлена свобода ученія въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Въ 1889 г., когда въ первый разъ они должны были дать отчетъ въ своихъ работахъ, многіе совсѣмъ не приступили къ экзаменамъ, многіе провалились, не смотря на пониженныя требованія. Извѣстно, что это пониженіе сохраняется и до сихъ поръ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что по Русскимъ нравамъ будетъ благоразумнѣе установить за занятіями студентовъ контроль. Свобода занятій должна быть допущена только въ томъ отношеніи, что студентъ не принуждается къ нимъ; но онъ будетъ знать, что если не будетъ правильно работать въ году, то или не будетъ допущенъ до экзамена или будетъ обязанъ явиться къ нему.

Экзамены.

1. Задача экзаменовъ: или педагогическая (выяснить, достаточно ли усвоилъ студентъ предыдущее, чтобы могъ идти далѣе) или правительственная (выяснить, можно ли дать извѣстныя права). Послѣдняя задача можетъ быть чрезвычайно разнообразна, смотря потому, для какой цѣли устанавливается экзаменъ (выяснить просто, кто образованный юристъ или кто получилъ практическую подготовку). Для насъ важно разсмотрѣть экзамены перваго рода.

2. Въ настоящемъ времени экзаменамъ не указана ясная задача. Всякій экзаменаторъ опредѣляетъ ее самъ, какъ умѣетъ; но вообще въ экзаменахъ можно отмѣтить двѣ общія черты: они производятся поверхностно въ многолюдныхъ университетахъ; экзаминаторъ ограничивается требованіемъ, чтобы студенты осмысленно знали извѣстные факты, теоріи, гипотезы. Даже очень добросовѣстный экзаменаторъ не можетъ идти дальше этого тамъ, гдѣ ему приходится экзаменовать каждаго студента не болѣе 10—20 минутъ. А между тѣмъ можно ли считать такую задачу экзаменовъ достаточной? Вѣдь экзаменъ долженъ соотвѣтствовать задачамъ самаго преподаванія, а эти задачи, по нашему опредѣленію, должны заключаться не только въ усвоеніи извѣстныхъ знаній, но и пріемовъ научной работы, и вообще въ развитіи умственныхъ силъ. Если экзаменъ стоитъ въ связи съ преподаваніемъ, то его задача опредѣляется совершенно ясно: онъ долженъ быть провѣркой того достигли ли студенты обѣихъ цѣлей, поставленныхъ для преподаванія.

Руководясь этимъ основнымъ правиломъ, мы можемъ съ увѣрен-

ностью рѣшать вопросъ о томъ, какъ практически наилучше устроить экзамены.

Прежде всего для серьезной провѣрки необходимо достаточное время. Такъ какъ трудно увеличить въ скоромъ времени количество экзаменаторовъ, то возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли растянуть экзамены на весь учебный годъ подобно тому, какъ это существуетъ на медицинскомъ факультетѣ для докторантовъ и фармацевтовъ и другихъ врачебныхъ званій.

Въ пользу одного срока, именно Майскаго, говоритъ то, что профессора могутъ остальное время употребить болѣе производительно на преподаванiе и свои ученыя работы. Если судить по теперешнимъ экзаменамъ, то это соображенiе справедливо, потому что экзамены бываютъ въ высшей степени поверхностны. Они почти ничего не выясняютъ профессору относительно солидныхъ знанiй и умственнаго развитiя студента, а студенту внушаютъ увѣренность, что при наглости можно и безъ серьезной работы прiобрѣтать огромныя права и улучшить свое общественное положенiе. Поэтому справедливо, что чѣмъ меньше времени употребляется на безплодное и даже вредное занятiе, тѣмъ лучше.

Тамъ, гдѣ число учащихся незначительно, гдѣ слѣдовательно экзаменъ и при новой постановкѣ можетъ быть произведенъ основательно, тамъ можно остаться при одномъ срокѣ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ экзаменъ является мало полезнымъ по другой причинѣ: профессора, имѣя возможность работать со студентами въ теченiе года, могутъ въ это время узнать степень подготовленности. Но тамъ, гдѣ количество экзаменующихся велико, а число экзаменаторовъ ограничено, одного срока въ году недостаточно, и желательно нѣсколько сроковъ. Чтобы при этомъ сдѣлать такiе частые экзамены менѣе обременительными для профессоровъ, необходимо допускать въ каждый срокъ умѣренное число экзаменующихся, такъ чтобы экзаменаторъ могъ дѣлать свое дѣло спокойно. Ничто такъ не изнуряетъ при экзаменахъ, какъ умственный спѣхъ, какъ сознанiе, что надо дорожить буквально каждою минутой, страхъ, что остается еще огромное число экзаменующихся, съ которыми надо покончить въ теченiе дня.

Если такое состоянiе длится дней 10 въ Маѣ мѣсяцѣ, его еще можно вынести; но если оно будетъ повторяться каждую недѣлю въ теченiе всего учебнаго года, оно сдѣлается невыносимымъ. Не могу скрыть, что въ такихъ многолюдныхъ университетахъ, какъ Московскiй и Петербургскiй, даже при нѣсколькихъ срокахъ въ году едва ли возможно будетъ вести экзаменъ спокойно, пока не будетъ увеличено

количество экзаменаторовъ. Въ ожиданіи же этого увеличенія можно рекомендовать только нѣкоторыя полумѣры,

Изъ нихъ я бы могъ указать такую: совсѣмъ не экзаменовать студента по тѣмъ предметамъ, по которымъ онъ въ теченіе года работалъ подъ руководствомъ профессора. Если только эта работа будетъ поставлена серьезно, то профессоръ можетъ очень хорошо и безъ экзамена опредѣлить степень знанія и развитія студента. Въ такомъ случаѣ экзаменъ могъ бы быть назначаемъ только тѣмъ, кто недоволенъ профессорской оцѣнкой. А затѣмъ студентъ подвергался бы экзамену лишь по предметамъ, по которымъ онъ только *слушалъ* лекціи. Такъ какъ по каждому предмету число такихъ простыхъ слушателей уменьшилось бы, значительно, то экзаменъ имъ выигралъ бы въ серьезности. Если теперь на каждаго профессоръ можетъ употребить 8—10 минутъ, то тогда онъ могъ посвящать ему 15—20 минутъ.

Конечно противъ этой полумѣры можно выставить серьезное возраженіе (отъ того она и есть полумѣра): университетскій экзаменъ не только служитъ для провѣрки знаній и развитія ученика, но онъ рѣшаетъ вопросъ, давать ли ему важныя права по службѣ, а иногда даже и права состоянія. Поэтому нельзя рѣшеніе предоставить одному профессору. Невозможно устранить это возраженіе вполнѣ. Но если взять дѣйствительное положеніе, то и теперь въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣшаетъ только одинъ профессоръ и лишь въ случаѣ недовольства экзаменующагося вступаются другіе члены комиссіи, часто отсутствующіе или занятые также экзаменомъ (въ подспорье главному экзаменатору). Тоже самое я предлагаю сдѣлать и на будущее время: если студентъ недоволенъ годовой отмѣткой, онъ можетъ требовать формальнаго экзамена.

Въ старомъ и новомъ порядкѣ остается безъ гарантіи интересъ общественный: если экзаменаторъ слабъ, то конечно студентъ не будетъ на него жаловаться, а другого контроля нѣтъ.

Трудно разсчитывать при Русскомъ благодушіи, или вѣрнѣе слабодушіи, чтобы противъ слабости главнаго экзаменатора стали протестовать другіе члены экзаменаціонной комиссіи, которые къ тому же большею частью и не участвуютъ въ экзаменѣ. Больше надежды можно возложить на то, что профессоръ при новомъ порядкѣ самъ собою сдѣлается требовательнѣе, такъ какъ съ одной стороны онъ будетъ имѣть больше времени для испытанія учениковъ, а съ другой стороны, если экзаменныхъ сроковъ въ году будетъ нѣсколько, ему легче будетъ сказать студенту: «придите въ другой срокъ».

Чего требовать на экзаменѣ?

Это чрезвычайно важный вопросъ, въ связи съ которымъ должны рѣшаться всѣ прочіе вопросы, относящіеся до экзамена. А во главѣ всѣхъ требованій слѣдуетъ поставить то, чтобы *экзаменъ соотвѣтствовалъ требованіямъ университетскаго преподаванія*, потому что педагогическій экзаменъ есть не что иное, какъ провѣрка успѣховъ, сдѣланныхъ ученикомъ при прохожденіи университетскихъ курсовъ. Это требованіе не только является необходимымъ слѣдствіемъ самаго понятія экзамена, но вызывается еще и практическимъ соображеніемъ. Если на экзаменѣ будутъ требовать того, чему учатъ въ теченіе года, то студентъ будетъ дорожить руководствомъ профессора и даже искать его, онъ будетъ посѣщать университетъ аккуратно. Въ настоящее время этого соотвѣтствія нѣтъ на юридическихъ факультетахъ: на экзаменѣ спрашиваютъ только то, чтò студентъ найдетъ въ учебникѣ печатномъ или литографированномъ, вслѣдствіе чего для студента-юриста университетъ не имѣетъ цѣны, какъ мѣсто ученія. Если же на экзаменѣ отъ него потребуютъ, кромѣ учебника, такихъ знаній и умѣній, которыя онъ можетъ добыть только въ университетѣ, то онъ будетъ ходить туда прежде всего съ цѣлью учиться серьезно, практиковаться, развивать свои умственныя силы. Съ другой стороны, въ этомъ же обстоятельствѣ будетъ заключаться и сдержка для тѣхъ преподавателей, которые наполняютъ лекціи фразёрствомъ посвящаютъ ихъ постороннимъ вопросамъ или не даютъ слушателямъ полнаго курса, за который взялись.

Отсюда вытекаетъ второе требованіе. Такъ какъ преподаваніе преслѣдуетъ двоякую цѣль—сообщить уже извѣстныя научныя истины и научить пріемамъ добыванія новыхъ истинъ; то и на экзаменѣ должны быть поставлены *двоякія* требованія, фактическія и методологическія, т. е. студенту должо быть предложено исполнить такія задачи, на которыхъ онъ могъ бы обнаружить свою методологическую подготовленность.

Само собой разумѣется, что кромѣ этого должно требовать и извѣстной степени общаго умственнаго развитія, необходимой для правильнаго усвоенія обѣихъ половинъ знанія. Едва ли это можно назвать особымъ требованіемъ, такъ какъ нельзя назвать научно-образованнымъ человѣкомъ того, кто запомнитъ большое количество фактовъ, не понявши ихъ, и можетъ описать пріемы научной работы, но въ дѣйствительности не умѣетъ примѣнять ихъ. Тѣмъ не менѣе необходимо выставить рѣшительно это требованіе общаго развитія. Въ настоящее время экзаменаторы нерѣдко бываютъ въ затрудненіи, какъ оцѣнивать

знанія, называемыя на школьномъ языкѣ «зубреніемъ», т. е. знанія безъ достаточнаго умственнаго развитія. Если студентъ отбарабанитъ безъ запинки содержаніе доставшихся ему вопросовъ, экзаменаторъ, скрѣпя сердце, ставитъ ему удовлетворительную, а иногда и очень хорошую отмѣтку, хотя и видитъ, что ученикъ мало понимаетъ то, что̀ говоритъ. Едва ли есть надобность доказывать, что съ педагогической точки зрѣнія это ошибка. Никто конечно не станетъ утверждать, что знаніе безъ полнаго пониманія дѣлаетъ всетаки человѣка образованнымъ; но могутъ сказать, что экзаменаторъ, ставя удовлетворительный балъ, оцѣниваетъ трудолюбіе, которое иногда важнѣе знанія. Послѣднее соображеніе само по себѣ справедливо; но дипломъ *высшаго* учебнаго заведенія, особенно университетскій, долженъ даваться во свидѣтельство научной образованности, а не трудолюбія. Дипломъ объ успѣшномъ изученіи юридическихъ наукъ даетъ право на такіе виды общественной дѣятельности, въ которыхъ одно трудолюбіе не имѣетъ значенія. Могутъ еще возразить, что эти соображенія слишкомъ отвлеченны, что если мы будемъ такъ взыскательны на экзамены, то у насъ не будетъ достаточнаго числа дипломированныхъ юристовъ для занятія многочисленныхъ должностей, требующихъ юридической подготовки. Но можно ли считать юридически подготовленнымъ человѣка, который плохо понимаетъ то, что̀ онъ заучилъ? Зачѣмъ такой самообманъ? Несмотря на дипломъ, такой человѣкъ все-таки будетъ плохо исполнять свою обязанность, гораздо хуже того, кто, не имѣя спеціальныхъ юридическихъ знаній, обладаетъ высокимъ общимъ умственнымъ развитіемъ, пріобрѣтеннымъ въ средней или иной высшей школѣ. Если уже становиться на точку зрѣнія практическихъ потребностей въ образованныхъ юристахъ, то можно говорить о сокращеніи числа предметовъ, входящихъ въ составъ экзамена, дабы облегчить людямъ среднихъ способностей пріобрѣтеніе юридическаго образованія. Какъ уже было говорено выше, это вполнѣ возможно и желательно; но ни въ какомъ случаѣ нельзя отказываться отъ требованія извѣстной, довольно высокой, степени умственнаго развитія, безъ которой немыслимо и самое понятіе высшаго юридическаго образованія.

Говоря объ «умственномъ развитіи», объ «общемъ умственномъ развитіи», я конечно разумѣю не то «развитіе», которое состоитъ въ исповѣданіи модныхъ взглядовъ, такъ называемыхъ послѣднихъ словъ науки, а ту зрѣлость и гибкость ума, которая при нѣкоторой природной одаренности пріобрѣтается продолжительнымъ и правильнымъ упражненіемъ, и представляетъ способность правильно наблюдать и анализировать факты, критически относиться къ ученымъ теоріямъ и прилагать выработанные методы къ новымъ явленіямъ.

Въ виду вышеуказанныхъ педагогическихъ цѣлей экзамена, необходимо ограничить его только *существенными* вопросами. Если экзаменъ долженъ выяснить научную подготовленность студента въ области юридическихъ наукъ, то нѣтъ нужды требовать отъ него знанія второстепенныхъ и третьестепенныхъ фактовъ, ибо они свидѣтельствуютъ не о научномъ развитіи, а о хорошей памяти. Къ тому же всѣмъ извѣстно, что подробности всегда легко исчезаютъ изъ памяти даже и при твердомъ заучиваніи ихъ. Иное дѣло экзамены съ практическими цѣлями. Тамъ знаніе подробностей бываетъ необходимо, напримѣръ, при экзаменѣ на званіе нотаріуса или старшаго кандидата на судебныя должности. Что̀ признать за существенное и что̀ за подробность, это чисто-ученый вопросъ, который лучше всего рѣшать въ ученыхъ коллегіяхъ. При этомъ необходима одна оговорка: всякій ученый спеціалистъ склоненъ въ своей спеціальности считать за существенное то, что̀ съ точки зрѣнія другой спеціальности является третьестепенною подробностью. До сихъ поръ помню, какъ одинъ (нынѣ уже умершій) профессоръ, экзаменуя первокурсниковъ по энциклопедіи права, почти всякому изъ нихъ предлагалъ вопросъ: что̀ такое «левиратъ? и незнаніе его считалъ существеннымъ пробѣломъ.

Поэтому и слѣдовало бы при установленіи того, что̀ считать за существенное, провѣрять заключенія отдѣльныхъ ученыхъ въ ученыхъ коллегіяхъ, которыя въ этомъ случаѣ должны принять активное участіе, а не формальное только. Университетскіе профессора, какъ соединяющіе въ себѣ ученость съ преподавательскимъ опытомъ, являются наиболѣе компетентными судьями въ этомъ вопросѣ.

Если преподаваніе будетъ поставлено согласно вышеуказаннымъ принципамъ и на экзаменѣ будутъ спрашивать только существенное, то для студентовъ университета *нѣтъ нужды* назначать особое время *для подготовки*. Если студентъ работаетъ подъ руководствомъ профессора въ теченіе всего курса правильно, то эта работа и есть наилучшая подготовка къ экзамену. Правильною работой мы называемъ такую, которая даетъ трудолюбивому студенту возможность усвоить извѣстныя знанія и умѣнья на долгое время, иногда даже на всю жизнь. Если скажутъ, что въ теченіе курса студентъ усвоиваетъ себѣ отдѣльныя части предмета, а приготовляясь къ экзамену онъ охватываетъ его въ цѣломъ, то на это слѣдуетъ возразить, что обзоръ цѣлаго предмета обязательно долженъ составлять часть преподаванія, которое очевидно было бы неполно, если бы давало студенту возможность усвоить только отдѣльныя части предмета, а установленіе связи между ними представлялось бы исключительно самодѣятельности учениковъ и при-

томъ въ такое тревожное для нихъ время, какъ предъ экзаменами. Самодѣятельность учениковъ весьма желательна какъ въ усвоеніи частей, такъ и цѣлаго, но ею долженъ руководить учитель и при томъ въ такое время, которое назначено для ученія, а не для экзаменовъ, которые суть только провѣрка того, что̀ сдѣлано въ учебное время.

Конечно многіе студенты, по выслушаніи курса и окончаніи работъ у профессора, все-таки будутъ недостаточно тверды въ знаніи предмета и потому будутъ нуждаться въ повтореніи и упражненіяхъ; но и то и другое должно разсматривать, какъ естественное продолженіе преподаванія, а не начало экзамена. Это не есть игра словами. Теоретически это различіе, я полагаю, не подлежитъ сомнѣнію, а практически оно выражается именно въ томъ, что для экзамена не назначается особыхъ подготовительныхъ дней. Это практическое послѣдствіе желательно провести какъ можно рѣшительнѣе еще по одному соображенію. По человѣческой слабости, студентъ, въ надеждѣ на подготовительные дни передъ экзаменомъ, будетъ въ теченіе учебнаго времени кое-что не додѣлывать. Постепенно это недодѣланное будетъ увеличиваться у большинства студентовъ, и экзаменаторы, въ виду этого большинства, вынуждены будутъ увеличивать число дней для подготовки. Кончится это неизбѣжно тѣмъ, что̀ мы наблюдаемъ въ настоящее время: громадное большинство студентовъ не будетъ ничего дѣлать въ теченіе года въ расчетѣ на большіе промежутки между экзаменами, и такимъ образомъ тратить время безъ пользы для образованія и со вредомъ для здоровья.

Если признать, что на экзаменѣ надо требовать знаній только существенныхъ и научнаго развитія, то лучше всего экзаменъ каждому студенту производить сразу по всѣмъ предметамъ вообще или по всѣмъ предметамъ извѣстной группы, такъ какъ при курсовомъ экзаменѣ по всей группѣ предметовъ, преподаваемыхъ на курсѣ, а при экзаменѣ въ правительственныхъ комиссіяхъ сразу по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ испытанія. Едва ли нужно подробно доказывать эту мысль. Во-первыхъ, присутствіе въ испытательной комиссіи лицъ разныхъ спеціальностей лучше всего будетъ сдерживать отдѣльныхъ экзаменаторовъ отъ увлеченія детальными вопросами его спеціальности. Во-вторыхъ, вопросы по разнымъ предметамъ лучше обнаружатъ, въ какой степени студентъ усвоилъ себѣ связь между этими предметами, а слѣдовательно и его общее научное развитіе. Въ-третьихъ, неудачный отвѣтъ по одному предмету при удачныхъ отвѣтахъ по другихъ не будетъ служить для комиссіи затрудненіемъ при рѣшеніи окончательнаго вопроса о томъ, признать ли студента выдержавшимъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ. Въ-четвертыхъ, экзаменаторы, руководясь

своимъ впечатлѣніемъ тотчасъ послѣ отвѣта, легче могутъ обмѣняться своими сужденіями при оцѣнкѣ подготовленности студента, вслѣдствіе чего пристрастное или ошибочное отношеніе одного скорѣе можетъ встрѣтить ограниченіе въ оцѣнкѣ другихъ экзаменаторовъ. Въ настоящее время тоже существуютъ комиссіи при экзаменахъ; но всѣмъ извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ они существуютъ только на бумагѣ. Въ дѣйствительности экзаменуетъ одинъ, прочіе же члены комиссіи или отсутствуютъ или не слушаютъ отвѣтовъ или же помогаютъ экзаменатору экзаменовать по одному и тому же предмету. При экзаменѣ по всѣмъ предметамъ всякій слушаетъ внимательно, потому что онъ долженъ дать оцѣнку по своей спеціальности. Такимъ образомъ всѣ члены комиссіи дѣйствуютъ. Едва ли можно придумать болѣе совершенную организацію для правильной оцѣнки на экзаменѣ *).

Однако экзаменъ одновременно по всѣмъ предметамъ представляетъ большія затрудненія во многолюдныхъ университетахъ. Каждому преподавателю придется посвящать экзаменамъ гораздо больше времени, чѣмъ при теперешнихъ порядкахъ. Напримѣръ, если экзаменующихся 400 человѣкъ, то на отдѣльный предметъ достаточно назначить 6—8 дней, смотря по размѣрамъ и важности предмета, и полагая, что въ день будетъ экзаменоваться отъ 65 до 50 человѣкъ и что экзаменаторы будутъ ежедневно употреблять часовъ 8, т. е. 8—10 минутъ на спросъ каждаго студента. Экзаменъ при этомъ можетъ происходить сразу по двумъ предметамъ, отдѣльно каждый (одна половина студентовъ по одному, другая по другому предмету). Если полный экзаменъ состоитъ изъ 5-ти предметовъ, то онъ можетъ быть оконченъ примѣрно въ 20 дней. При экзаменѣ по всѣмъ 5-ти предметамъ сразу на спросъ каждаго экзаменующагося надо положить среднимъ числомъ уже не 8—10 минутъ, а минимумъ 25—30 минутъ, слѣдовательно въ день можетъ быть проэкзаменовано 16—20 человѣкъ. Такимъ образомъ для 400 человѣкъ потребуется 20—25 дней, т. е. почти столько же, какъ и въ первомъ случаѣ. Но разница будетъ огромная для каждаго отдѣльнаго экзаменатора: въ первомъ случаѣ онъ сидѣлъ бы, какъ экзаменаторъ, 8 дней, и какъ ассистентъ, дней 5, слѣдовательно самое большее дней 13—14, а во второмъ случаѣ онъ долженъ сидѣть всѣ 20—25 дней. Это затрудненіе при наличномъ составѣ преподавателей неустранимо. Пока существуетъ система гонорара и пока экзаменаторамъ является тотъ самый преподаватель, у котораго экзаменующіе-

---

*) Напомнимъ, что въ Германіи и Австріи именно такимъ образомъ организованы экзамены на доктора и выпускные экзамены гимназистовъ.

ся слушали лекціи, экзаменаторы и не могутъ жаловаться на увеличеніе экзаменаціоннаго труда, потому что вмѣстѣ съ этимъ связано и увеличеніе гонорара. Если гонорарная система будетъ отмѣнена, то необходимо будетъ или увеличить число экзаменаторовъ, что не всегда возможно, по недостатку ихъ, или увеличить вознагражденіе за экзамены, что и возможно и справедливо.

Послѣдній вопросъ, котораго слѣдуетъ коснуться, состоитъ въ томъ: какія экзаменаціонныя комиссіи предпочтительнѣе, университетскія или правительственныя?

Здѣсь нужно еще разъ оговориться, что мы толкуемъ объ экзаменахъ педагогическихъ, т. е. служащихъ для провѣрки научной подготовленности. Относительно экзаменовъ практическихъ, служащихъ для провѣрки подготовленности къ извѣстнымъ практическимъ профессіямъ, напримѣръ, къ судебной или административной, нотаріальной дѣятельности, то безспорно комиссіи должны составляться изъ членовъ, назначаемыхъ правительствомъ, и руководиться программами, установленными тѣмъ вѣдомствомъ, которому принадлежитъ контроль за профессіей.

Что же касается экзаменовъ педагогическихъ, то поставленный вопросъ мнѣ кажется несущественнымъ: для этихъ экзаменовъ не имѣетъ значенія, состоитъ ли комиссія изъ университетскихъ профессоровъ, у которыхъ учились экзаменующіеся, или изъ какихъ нибудь другихъ лицъ, назначенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что и первая комиссія есть также правительственная, потому что профессора назначаются правительствомъ и комиссія составляется и утверждается также правительственными лицами. Существенно только то, чтобы частныя комиссіи были способны придать экзамену характеръ согласный съ вышеуказанными требованіями. Для этого необходимо, чтобы они были одновременно ученые и педагоги. Таковыми у насъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ только преподаватели университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Если членами комиссіи будутъ тѣ самые преподаватели, у которыхъ экзаменующіеся прежде учились, другими словами, если экзаменъ будетъ чисто университетскій, каковыми были прежніе курсовые, а теперь являются полукурсовые экзамены, то такой составъ будетъ имѣть то преимущество передъ такъ называемыми (неправильно) правительственными комиссіями, что экзаменаторы уже раньше знали экзаменующихся, слѣдовательно вѣрнѣе могутъ оцѣнить степень ихъ подготовленности. Недостатокъ же такого состава заключается въ томъ, что центральному правительству труднѣе усмотрѣть, не было ли въ преподаваніи профессоровъ какихъ нибудь неправильностей, упущеній и даже злоупот-

ребленій. Такъ, напримѣръ, одно изъ большихъ и частыхъ упущеній заключается въ томъ, что профессоръ не дочитываетъ своего курса, иногда даже въ очень значительной части. При составѣ, въ которомъ участвуютъ только свои товарищи, это упущеніе можетъ тянуться десятки лѣтъ, а при постороннихъ экзаменаторахъ оно можетъ вскрыться очень скоро. Преимущества и недостатки комиссій изъ постороннихъ лицъ будутъ въ обратномъ смыслѣ. Посторонніе не будутъ придавать такого крупнаго значенія личнымъ взглядамъ мѣстныхъ университетскихъ преподавателей, какъ естественно склонны дѣлать эти послѣдніе, и въ тоже время не въ правѣ будутъ выдвигать впередъ свои личные взгляды. Такимъ образомъ они по необходимости будутъ направлять свои вопросы на существенныя и общепризнанныя знанія. Впрочемъ таже цѣль достигается, какъ уже выше было замѣчено, одновременнымъ экзаменомъ по всѣмъ предметамъ. Съ другой стороны посторонніе экзаменаторы могутъ судить о подготовленности экзаменующихся только на основаніи экзамена, который на многихъ дѣйствуетъ удручающимъ образомъ, слѣдовательно лишаетъ часто возможности показать свои знанія. По этой причинѣ оцѣнка такихъ экзаменаторовъ допускаетъ больше ошибокъ. Но и этотъ недостатокъ второстепенный: хорошо подготовленный студентъ даже и при волненіи все-таки обнаружитъ свои знанія, особенно если въ экзаменаторы будутъ назначаться опытные педагоги.

Если бы я долженъ былъ выбрать тотъ или иной составъ комиссіи, я высказался бы за мѣстныхъ преподавателей, потому что они за учебный годъ узнаютъ своихъ учениковъ основательно. А чтобы устранить вышеуказанный недостатокъ такого состава, можно командировать изъ министерства постороннее лицо или для предсѣдательства въ комиссіи, какъ это дѣлается теперь, или ревизора, который свободно переѣзжаетъ изъ одного университета въ другой въ разныя времена учебнаго года. Послѣднее важно въ томъ случаѣ, если экзамены будутъ повторяться нѣсколько разъ въ году.

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Написавшій нижеслѣдующія строки, Левъ Евгеніевичъ Баратынскій, прислалъ ихъ намъ въ Мартѣ нынѣшняго года, выражая желаніе, чтобы они появились въ печати. Хотя не относятся они прямо къ „Русскому Архиву", но мы помѣщаемъ ихъ, въ его дорогую для насъ память. Это старшій сынъ поэта и Настасьи Львовны (ур. Энгельгардъ) и братъ Николая Евгеніевича, достопамятнаго Казанскаго дѣятеля, о которомъ читатели наши знаютъ по статьѣ въ „Русскомъ Архивѣ" 1905 года (I, 524). Оба они сознательнотвердо несли знамя отца своего, вѣрные завѣтамъ умственной самостоятельности, здраваго просвѣщенія, своеобразнаго изящества и горячей любви къ родинѣ. Левъ Евгеніевичъ скончался холостякомъ 16 Мая нынѣшняго года въ городѣ Свіяжскѣ, слишкомъ 70-ти лѣтъ отъ роду. П. Б.

Грамотность, безспорно: ключъ къ образованію. Для поднятія умственнаго, духовнаго уровня въ народѣ, несомнѣнно, полезно: распространеніе дешевыхъ, общеобразовательныхъ изданій, съ нравственнымъ направленіемъ; но главный источникъ нравственнаго просвѣщенія есть церковь. По этому желательно было бы, чтобы преподаваніе Закона Божія, ввѣреннаго пастырямъ церкви, соотвѣтствовало истинному Христіанскому духу и не вращалось, исключительно въ ученіи: «о крещеніяхъ, возложеніи рукъ» (Евр. 6, 2), о продолжительныхъ молитвословіяхъ, земныхъ поклонахъ, отстаиваньи чтеній длинныхъ акаѳистовъ и т. п., а проникновеніемъ Богодухновеннымъ содержаніемъ Евангельскаго ученія, Апостольскихъ посланій и псалмовъ, въ утвержденіи къ исполненію заповѣдей, въ уваженіи къ родителямъ, въ семейномъ согласіи, столь необходимомъ и драгоцѣнномъ, въ особенности въ бѣдныхъ слояхъ народонаселенія; избѣгая долбленія и заучиванья сухаго и хитросплетеннаго изложенія догматовъ, тождественнаго съ той философіей, отъ увлеченія которой предостерегаетъ свою паству ап. Павелъ (Колос. 2, 8).

Развитію эстетическаго чувства въ народѣ и дабы проникнуся высокимъ и глубокимъ смысломъ Богослуженія, много можетъ содѣйствовать: распространеніе стройнаго, церковнаго, хороваго пѣнія. Желательно было бы устранить въ сельскомъ народонаселеніи: расположеніе гнушаться деревенской обстановкой и пренебреженіе къ сельскимъ занятіямъ, влеченіе къ городской жизни и расположеніе: промѣнять плугъ на конторскія занятія, что влечетъ за собой: расположеніе нищенства и умственнаго пролетаріата. Что же касается до улучшенія сельскаго хозяйства и усовершенствованныхъ способовъ обработки земли; всего лучше кажется, слѣдовать примѣру крупныхъ землевладѣльцевъ располагающихъ большими средствами для испытанія этихъ новшествъ и ежели они окажутся пригодными и удобоисполнимыми, то, не навязывая этихъ пріемовъ, они вѣроятно, сами собой, найдутъ подражателей, между крестьянами.

Л. Б.

помогаетъ идти послѣдней своимъ путемъ. У насъ наука идетъ во всемъ наперекоръ жизни. Русскій ученый самый вредный человѣкъ для своихъ соотечественниковъ. Самые полезные общественные дѣятели были изъ людей не прошедшихъ умственную муштру".

„Рѣшеніе назрѣвающаго мірового вопроса онъ видѣлъ въ вооруженномъ столкновеніи Германскаго міра съ Россіей, великой Славянской державой. Въ этой міровой трагедіи, которая должна разыграться на берегахъ Вислы и Одера съ одной стороны и Рейна съ другой, естественными нашими союзниками являются Франція и Славянскія племена, освобожденныя нами и ждущія отъ насъ окончательнаго освобожденія. Теперь они всѣ почти въ лагерѣ нашихъ противниковъ по нашей собственной винѣ. Отъ нашего умѣнья, искусства и ловкости зависитъ возвратить ихъ въ нашъ станъ. Но для этого необходимо имѣть съ ними непосредственныя сношенія, избѣгая всякаго посредничества".

Вопросъ экономическаго благосостоянія крестьянъ по мнѣнію Черняева далеко не былъ разрѣшенъ земельнымъ надѣломъ, что вполнѣ подтвердили періодическія голодовки и настоящее печальное положеніе нашего крестьянства. Не раздѣлялъ онъ также всеобщаго въ то время увлеченія судебной реформой, нынѣ тоже оправдавшееся. Онъ приводилъ изреченіе митрополита Филарета, который, указывая на икону Спасителя, сказалъ: „и Его тоже судили гласнымъ судомъ" *).

Черняевъ преклонялся передъ величавой личностью Государя, Николая Павловича, передъ геніемъ Пушкина, передъ вдохновенными бытописателями Русской жизни Достоевскимъ и Толстымъ, считая Тургенева поэтомъ нашего безвольнаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, эпохи, стремившейся талантъ пригнуть къ посредственности, къ среднему человѣку.

Черняевъ принадлежитъ къ числу историческихъ лицъ, изнемогшихъ въ борьбѣ съ канцелярщиною военнаго вѣдомства. Но какъ „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ", то удивительно даже, какъ много удалось совершить ему.

Любопытно было бы Черняева, какъ писателя-воина, сравнить съ Драгомировымъ. П. Б.

*) Намъ передавали этотъ отзывъ Филарета въ нѣсколько иномъ видѣ: „Пилатъ и Римское правительство готовы были оправдать его, а судъ народной совѣсти возложилъ на него терновый вѣнецъ.

ПОПРАВКА.

(Къ стр. 448-й).

Запись о государственномъ засѣданіи 8-го Марта 1881 года, посылали мы на прочтеніе одному изъ здравствующихъ участниковъ этого засѣданія. Онъ почтилъ насъ увѣдомленіемъ, что оно закончилось словами Императора Александра Александровича: „Лучше подождать обсужденіемъ проэкта". П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Перемѣняя адресъ на новый, надо высылать прежній. За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30; при перемѣнѣ же городскаго на иногородный—90 к. (по цѣнамъ Почтамта).

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р;. годы 1898—1905 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ, отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

8.

Внутри сорочки: объ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича. „Русскіе Портреты“ (выпускъ второй 2-й II-го тома).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты. 2-й выпускъ втораго тома. На Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Въ этомъ выпускѣ монументальнаго изданія, за которое Его Императорскому Высочеству вполнѣ обезпечена признательность нашей исторіографіи и всѣхъ Русскихъ кому дорогà родная старина, помѣщены превосходно исполненные портреты и тщательно составленныя жизнеописанія кн. С. Б. Куракина, гр. З. Г. Чернышева, кн. П. В. Лопухина и обѣихъ его супругъ, В. С. Попова, Б. В. Умскаго, Дидерота, княг. Н. Ю. Салтыковой-Головкиной, князя М. М. Щербатова, княг. А. П. Голицыной (это другъ гр. Ростопчина), гр. А. Н. Самойлова, гр. В. Н. Завадовской, М. Г. Висленевой, гр. И. С. Лаваля и его супруги, кн. С. П. Трубецкаго, Лебцельтерна, С. И. Шешковскаго, С. Г. Зорича, принца Нассау-Зигена, кн. И. Ѳ. Голицына и его супруги, княгинь С. Г. и З. А. Волконскихъ и супруговъ ихъ, И. Л. Талызина, М. С. Перекусихиной, дюка Серра-Капріола и его супруги, гр. П. С. Салтыкова, Ç. Ѳ. Апраксина, гр. П. И. Панина, кн. Н. И. Салтыкова, его супруги и двоихъ сыновей ихъ, княг. Е. В. Салтыковой, пятерыхъ Талызиныхъ, В. И. Майкова, М. М. Хераскова, А. С. Грибоѣдова, гр. Е. В. Ростопчиной, С. Н. Марина, И. И. Байкова, В. А. Злобина, П. Ѳ. Карабанова, И. Л. Голенищева - Кутузова: пестрая толпа людей, изъ которыхъ иные творили Русскую жизнь, а другіе оставили болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ историческихъ преданіяхъ Русской жизни и Русской мысли. Въ среду ихъ помѣщены два иноземца, не состоявшіе въ Русской службѣ: Дедиротъ, портретъ котораго писанъ знаменитымъ Левицкимъ, и Лебцельтернъ (какъ утверждаютъ, Еврей происхожденіемъ и орудіе Меттерниха, который конечно захотѣлъ воспользоваться трехнедѣльнымъ въ Россіи междуцарствіемъ для цѣлей своихъ и пресловутаго Священнаго Союза).

Выборъ изображенныхъ лицъ повидимому случайный или обусловленный внѣшними причинами; но отъ всего изданія вѣетъ отраднымъ для Русскаго сердца духомъ государственнаго здоровья, этимъ наслѣдіемъ царствованія женщины, которая влюблена была въ Русскій народъ.

Многія жизнеописанія въ настоящемъ выпускѣ содержатъ въ себѣ показанія мало извѣстныя или доселѣ вовсе неизвѣстныя. Въ особенности удачно составлены біографіи принца Нассау-Зигена (этого Донъ - Жуана XVIII вѣка), княгини С. Г. Волконской, Злобина, М. С. Перекусихиной, княгини Зинаиды Волконской, С. И. Шешковскаго.

Марія Саввишна (на десять лѣтъ моложе Екатерины) была вполнѣ Русская женщина, твердаго, непоказнàго ума. Она схожа съ тою нашею полонянкою у Хивинскаго хана, о которой писалъ Мельниковъ-Печерскій, или съ Русскою нянею герцогини Морни, которой побаивался первый вельможа Наполеона III-го. Княгиня С. А. Трубецкая (мать княгини М. В. Воронцовой) слышала отъ Перекусихиной, что Екатерина Великая страдала особаго рода болѣзнію, и для избавленія отъ нея подвергалась не разъ операціямъ.

Напрасны упреки Екатеринѣ, высказанные въ біографіи Шешковскаго. Она выполняла свой тяжкій царственный долгъ, именно то, о чемъ

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙКОМЪ СИНОДѢ *).

(Архіепископа Херсонскаго Никанора).

1887 г.

Отбылъ я изъ Москвы въ прекраснѣйшемъ вагонѣ почтоваго поѣзда съ тѣмъ, чтобы въ 8 часовъ вечера сойти въ Твери и увидѣться съ преосв. Саввою, а въ полночь чтобы сѣсть на курьерскій поѣздъ, и къ утру 3-го Іюня прибыть въ Петербургъ. Такъ и сбылось.

Въ Тверь, конечно, я телеграфировалъ, что буду въ 8 часамъ вечера и пробуду до 11 часовъ ночи. На станціи въ Твери ожидалъ меня экипажъ. Трехсвятское, архіерейскій домъ, находится на въѣздѣ въ Тверь, между желѣзной дорогою и городомъ, такъ что городъ мы видѣли только вдали. Само же Трехсвятское, окруженное огромнымъ паркомъ, имѣетъ сколько изящный, столько же и внушительный видъ. Владыка - архіепископъ Савва тотъ же, какимъ я зналъ его въ Витебскѣ, гдѣ два года служилъ подъ его архипастырствомъ, будучи ректоромъ Семинаріи (откуда въ 1868 году отбылъ на должность ректора Казанской Д. Академіи), владыка важный, радушный, гостепріимный, хозяйственный. Все это по своему дому онъ поперестроилъ, поперeставилъ. Все у него такъ прилично и нарядно. Бесѣда прошла въ нѣкоторомъ воспоминаніи о прошломъ, въ разсказахъ о настоящемъ. Изъ рѣчей его о Петербургѣ я узналъ, что онъ держалъ при себѣ хоръ значительный; что многое изъ провизіи онъ получалъ изъ Твери; что изъ братской кружки на Митрофаньевскомъ подворьѣ свою третью часть онъ употреблялъ на содержаніе своей свиты. Его радушіе предложило нашему смиренію цѣлый ужинъ съ Шампанскимъ и проч. Конечно, я не ѣлъ и не пилъ по обычаю, по условіямъ своего здоровья. Около 11 часовъ я отбылъ на желѣзно-дорожный вокзалъ, въ свою пору, около полуночи, сѣлъ на курьерскій поѣздъ, который и помчалъ насъ въ Петербургъ. Тутъ обошлось не безъ приключенія. На желѣзно-

---

*) См. выше, стр. 355.

дорожный вокзалъ провожалъ меня экономъ Тверского архіерейскаго дома. Я прошу его: «Объясните имъ, чинамъ желѣзно-дорожнымъ, нашъ чинъ, чтобъ они посадили насъ прилично, такъ какъ на курьерскомъ поѣздѣ всегда бываетъ большое стѣсненіе».—«Хорошо, говоритъ, скажу». Я и былъ благонадеженъ. Только, какъ пришлось садиться въ вагонъ, ввели меня въ вагонъ, правда, довольно пустой, но самаго допотопнаго устройства, гдѣ нѣтъ ни купе отдѣльныхъ, ни дивановъ, а просто натисканы складныя кресла. «Ну, раздвиньте хоть кресла», говорю я вводящему кондуктору. Тотъ раздвинулъ, но небрежно, такъ что ни сѣсть, ни лечь съ удобствомъ никакъ было нельзя. Оглядываюсь кругомъ на публику: одинъ мужчина раздѣлся чуть не до-нага и, растянувшись въ креслѣ, храпитъ, какъ . . . не знаю, кто, какъ мужикъ... Въ глубинѣ вагона «расположились двѣ женщины-простухи, повидимому, изъ прислуги, которыя везли какого-то юродиваго юношу и за нимъ ухаживали, какъ за больнымъ. Я подумалъ, что посадили меня, все же архіепископа (о чемъ знали) въ вагонъ для прислуги, такъ какъ въ курьерскомъ поѣздѣ 3-й классъ не полагается. При такихъ удобствахъ, при богатырскомъ храпѣ раздѣтаго сосѣда, я и провертѣлся кое-какъ всю ночь, то полулежа, то полусидя, не сомкнувъ глазъ. Подъѣзжаемъ къ Любани (гдѣ меня желѣзнодорожное начальство въ 1871 году тяжко оскорбило). Настало уже сѣверное утро. Яркое солнце золотило яркую зелень. Я захотѣлъ хоть выглянуть за окно на свѣтъ Божій и впустить струю свѣжаго воздуха. Сталъ я хлопотать около окна, чтобъ отворить его. А окна-то двойныя. Сколько я ни натуживался, перепортилъ себѣ пальцы, а отворить окна нельзя. Зло меня забрало, тѣмъ болѣе, что какъ разъ напротивъ моего окна стоятъ оберъ-кондукторъ съ кондукторомъ, бесѣдуютъ преспокойно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои хлопоты около окна. А и дверь заперта. Тогда я принялся стучать въ окно, чтобы позвать кого либо изъ кондукторовъ. Явился простой кондукторъ, котораго я и спрашиваю: «Это оберъ-кондукторъ»?—«Да».—«Я желаю видѣть оберъ-кондуктора. Видите (говорю), не могу даже окно отворить, чтобы впустить сюда свѣжаго воздуха. Вамъ было говорено, кто я, куда и зачѣмъ я ѣду; а вы нарочно посадили меня въ самый безпокойный вагонъ, повидимому, съ лакеями и горничными», говорю ему тихо, нарочно, чтобъ сосѣди не услышали. А тотъ нарочно начинаетъ кричать съ мужицкою безцеремонностью: «Какъ съ лакеями и горничными? Никакъ нѣтъ-съ, не съ лакеями и горничными, а настоящій перво-классный вагонъ... Впрочемъ, если вамъ угодно, не угодно ли, я вамъ дамъ другое мѣсто? Теперь есть».—«Если бы вы дали мѣсто получше изъ Твери, это было бы хорошо, особенно въ виду надвигавшейся

ночи, а теперь, когда я ночь кое-какъ промучился, зачѣмъ бы я сталъ передвигаться?» Оберъ-кондукторъ сбѣгалъ развѣдать и, воротившись, опять говоритъ: «Пожалуйте, готово! Теперь есть свободныя мѣста».— «Они и въ Твери были, никто нигдѣ не сходилъ, но тогда вамъ было не угодно дать порядочное мѣсто духовному лицу; а теперь я не хочу. Меня только отчасти затрудняетъ мое жалкое помѣщеніе, потому что въ Петербургѣ меня будутъ встрѣчать». Мы двинулись, и я наконецъ, чрезъ открытое окно любовался окрестностями Любани, прелестными пейзажами сѣверной природы, облитыми утреннимъ солнцемъ лужайками, обиліемъ воды, сосновыми и еловыми перелѣсками; любовался, да такъ непримѣтно для себя и забылся. Думаю, вотъ надо поглядѣть на дорогу въ Новгородъ, на Колпино. Вмѣсто того открываю глаза... «Что̀ такое», невольно вырывается у меня громкое, но ни къ кому не обращаемое, восклицаніе, «никакъ мы уже въ Петербургѣ»?!—«Да, въ Петербургѣ», отвѣчаетъ мой храпѣвшій сосѣдъ, теперь одѣтый и приличный, только простой, пожилой человѣкъ, вѣрнѣе всего, изъ прислуги. «Вѣдь, это Волково кладбище?»—«Да, Волково». Я принялся креститься на знакомые храмы, на Волковскіе, на Введенскій соборъ, на Лавру... Грустно-умилительныя чувства меня охватили. Сколько воспоминаній минувшаго, почти дѣтства, минувшей юности, минувшей молодости! Не скажу, что тутъ прошла лучшая часть моей жизни, но лучшая пора; прошла въ трудахъ, въ предначертаніяхъ жизни, окрашенныхъ меланхолическимъ характеромъ сперва твердо принятаго намѣренія принять монашество, а затѣмъ и принятаго монашества. Не свѣтла была эта юность, не радостна, скорѣе хмура была эта молодость, хотя я и не жалѣю о прожитой жизни... Вотъ эта Московская желѣзная дорога строилась на моихъ глазахъ. Существовала тогда только вотъ эта Царско-сельская. Вотъ эти казачьи казармы строились на нашихъ глазахъ; а прежде на ихъ мѣстѣ предъ нашими глазами были гряды, и на нихъ росла капуста. Сколько чувствъ, сколько молитвъ вылилось въ этой лаврѣ, въ этомъ лаврскомъ соборѣ! Въ немъ же пришлось, много лѣтъ спустя, принять и хиротонію архіерейства. Въ немъ же, въ 1871 году, принесъ я Богу послѣдній поклонъ предъ ракою моего тезоименника, Александра Невскаго, уѣзжая въ санѣ архіерея въ Донскую землю. Теперь вотъ Богъ привелъ опять креститься на эти кресты, на эти святыя главы, купола... Не сложить бы тутъ и кости свои, какъ сложили на моихъ глазахъ Игнатій Воронежскій, Іаковъ Нижегородскій...

Между тѣмъ забренчали колеса вагоновъ по сотнямъ подъѣздныхъ путей къ Московскому вокзалу. Вотъ и подъѣзжаемъ. И вотъ мелькнули мимо моихъ оконъ фигуры преосв. епископа Германа, моего това-

рища и благодѣтеля, В. К. Саблера и иподіакона Колпакова. Стали. Преосв. Германъ и В. К. Саблеръ вошли въ вагонъ. Привѣтствія. Выползаемъ изъ вагона. Крещусь въ свободное пространство на Петербургъ: «кланяемся-молъ, здравствуйте-молъ, старыя, знакомыя мѣста, какъ-молъ поживаете, какъ Богъ носитъ?»—«Ѣдете сейчасъ ко владыкѣ-митрополиту?» спрашиваютъ.—«Какъ же это сдѣлать можно? Всю ночь не спалъ; умыться, пріодѣться нужно».—«А, жаль, говорятъ, до засѣданія не поспѣете; сегодня синодское засѣданіе». Это и было 3 Іюня, на которое меня приглашали, на которое я и спѣшилъ и поспѣлъ.—«Э, говорю, Пететербургъ до меня стоялъ вѣка; надѣюсь и еще нѣсколько дней не провалится». «Въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ В. К. Саблеръ, вамъ надо отдохнуть». Разстались. Они уѣхали къ себѣ, а я себѣ, на свое подворье, въ наемномъ экипажѣ.

На площади крестился на Знаменскую церковь, на старую знакомую. Тутъ на площади Петербургъ значительно похорошѣлъ. На Невскомъ проспектѣ къ этому концу также похорошѣлъ. Въ поворотѣ налѣво отъ Невскаго сильно похорошѣлъ. Настроено много массивныхъ и изящныхъ зданій, настоящихъ дворцовъ. На Митрофаніевскомъ подворьѣ встрѣтилъ насъ смотритель дома. Ведутъ.—«Куда это? Въ ваше помѣщеніе, въ комнаты».—«Я хочу въ церковь».—«По этой лѣстницѣ нѣтъ, говорятъ, хода въ церковь. Верхняя церковь, въ которую ходъ изъ вашей квартиры, та теперь передѣлывается; а въ нижнюю можно пройти только чрезъ швейцарскую».—«Ну, и пойдемъ чрезъ швейцарскую». Правду сказать, провели насъ чрезъ помѣщенія узкія и довольно гнусныя и во внутренній дворъ. Тѣмъ не менѣе я настоялъ на своемъ намѣреніи войти сперва въ церковь и помолиться Богу. Пѣли наши пѣвцы, служилъ нашъ іеромонахъ, шла обѣдня, приближаясь къ херувимской. Тутъ я и остался. Церковь просторна, но низка, загромождена колоннами, заставлена иконами, вообще тяжела и глуха. Поднимаясь послѣ обѣдни въ свои кельи, во второй этажъ, я прошелъ чрезъ верхнюю церковь. Она была въ полномъ неустройствѣ, такъ какъ обновлялась. Тѣмъ не менѣе контуры и размѣры ея прекрасны. Длинная, высокая базилика, съ большими окнами. Думалось, что будетъ и очень голосиста; оказалось, нѣтъ: глуховата какъ-то, оттого что потолокъ сводится стѣнами подъ прямымъ угломъ, и ничего въ церкви не имѣется дуговиднаго, ни свода, ни полусвода, а острота угловъ не отражаетъ звука. Кельи, оказалось, вполнѣ удобны. Шесть комнатъ подъ рядъ, седьмая выходила во внутренній дворъ (самая удобная для кабинета, для занятій, такъ какъ она одна обращена не на солнечную сторону; а въ другихъ шести, на улицу, слишкомъ много свѣта), особая ванная, одна складочная, двѣ келейницкія, съ выходомъ на задній дворъ,

и парадная прихожая съ выходомъ на парадную лѣстницу, совсѣмъ приличную. Совершенно довольно и удобно. Тотчасъ же поплелся я и наверхъ оглядѣть помѣщеніе свиты; и тамъ все удобно, даже просторно, хотя было и грязно. Казанскіе экономъ и секретарь пока еще не выбыли и просили меня не вытѣснять ихъ. Я, наоборотъ, попросилъ ихъ нимало не стѣсняться и жить, сколько имъ угодно, тѣмъ болѣе что и свита наша прибыла пока еще не вся: пріѣхали пока только секретарь да келейники со мною, да впереди меня діаконъ (Димитрій), иподіаконъ (Колпаковъ), 2 мальчика (книгоносецъ и посошникъ), 3 крестовые пѣвца, да два іеромонаха (изъ Бизюкова, Иринархъ и Иннокентій); итого, 11 душъ, кромѣ архіерея. Ѣхалъ еще діаконъ, Поликарпъ Кульчицкій, юный вдовецъ, да остался въ Москвѣ погостить у матери, состоящей тамъ въ замужествѣ во второмъ бракѣ. Сія свита выѣхала изъ Одессы въ одинъ день со мною, только на другомъ поѣздѣ, нѣсколькими часами позже; а изъ Кіева выѣхали, упредивъ меня на сутки, и такимъ образомъ они упредили меня прибытіемъ въ Петербургъ. И такъ какъ Казанская свита выбыла (кромѣ эконома и секретаря, которые оставались для укупорки и сдачи багажа), то для помѣщенія моей не оказалось затрудненій. Не оказалось непреодолимыхъ затрудненій и въ ея продовольствіи, такъ какъ діаконъ Димитрій, нареченный экономъ свиты, снаженъ былъ отъ меня достаточными, и средствами, и полномочіями. Оказалось, что̀ мы и предполагали, хотя твердо и не знали, что вызываемому для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ провинціальному архіерею приходится обзаводиться въ Петербургѣ всѣмъ. Легче перечислить, чѣмъ ему не приходится обзаводиться. Ждетъ его готовое помѣщеніе съ швейцаромъ и отопленіемъ, также съ мебелью, но не сполна. Затѣмъ нужно обзавестись, на основаніи извѣданныхъ другими преданій и указаній собственнаго опыта: поваромъ, его помощникомъ, двумя сторожами, служителями, вторымъ келейникомъ, кучеромъ съ лошадьми и экипажами, по дому—стаканами, чашками, рюмками, графинами, тарелками, кадками, кострюлями, самоварами, подносами и всѣмъ, матрацами для свиты, подушками, даже кроватями, одѣялами, мисками, блюдами, тазами, корзинками, всяческими метлами и щетками, лампами и подсвѣчниками. Назовите, что̀ хотите по хозяйству, всѣмъ этимъ приходится обзаводиться. Не говорю уже о съѣстныхъ припасахъ, о хлѣбѣ, говядинѣ, зелени, крупѣ, мукѣ, квасѣ, капустѣ, о горохѣ. Вода готовая, но вонючая. Въ добавокъ же въ Одессѣ архіерейскій хоръ при архіерейскомъ домѣ не содержится. Въ добавокъ наша свита была одѣта въ Одессѣ и прибыла въ Петербургъ на-легкѣ, по-одесски: мальчуганы прибыли въ самолегчайшихъ блузкахъ, въ рваныхъ сапогахъ, во всемъ заношенномъ и изношенномъ. При-

шлось во всѣхъ отношеніяхъ стать на ноги солидно, чтобы люди пальцами не указывали; да и свиты, особенно мальчишекъ, жаль. Пришлось строить для нихъ все, начиная съ рубахъ: простыни, наволочки, одѣяла, сапоги, пиджаки (вмѣсто сюртуковъ), а тамъ и сюртуки, брюки, фуражки и т. д. Чтобы не распространяться о семъ хозяйственномъ вопросѣ, скажу, что мы здѣсь, въ Петербургѣ записали въ расходъ болѣе 3500 руб. за Іюнь мѣсяцъ, т. е. за проѣздъ отъ Одессы до Петербурга, за обзаведеніе въ Петербургѣ всѣмъ необходимымъ и за содержаніе. Да по дому издержано въ Одессѣ на пересылку вещей, укупорку и прочее около 1000 руб. Такъ вотъ чего стоитъ архіереямъ вызовъ для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ! А на подъемъ и прогоны я получилъ около 1000 рублей. Жалованья мнѣ даютъ 93 руб. въ мѣсяцъ. Это, говорятъ, жалованье сенаторское, по учрежденію своему современное чуть не Петру I-му и учрежденію Синода и Сената. Чтò тогда составляло крупную цифру, то теперь годно лишь на подачки курьерамъ и подобныя мелкія нужды, относимыя обыкновенно на карманныя деньги.

Чтобы кончить о свитѣ, скажу, что, какъ только сталъ я прислушиваться къ Петербургскому говору, то со всѣхъ сторонъ раздались возгласы: «Ахъ, свита необходима! Ахъ! Это лучшее подворье. Тутъ двѣ церкви, верхняя и нижняя, и церкви обширныя и прекрасныя. Тутъ центральное мѣсто. Тутъ будетъ ходить въ церковь масса народа, если только хоръ мало-мальски будетъ удовлетворителенъ. Это составляетъ вѣдь и немаловажную доходную статью подворья. Устроено такъ, что здѣсь при церквахъ имѣется особый староста, богатый купецъ. Съ нимъ хозяйственное управленіе вступило въ договоръ, по которому онъ уплачиваетъ, кажется, 2500 руб. въ годъ въ синодальную казну, за то всю выручку беретъ въ свою пользу. Такъ ему большой расчетъ, чтобы пѣвчіе пѣли хорошо, чтобы хоръ былъ большой и стройный, чтобы привлекался народъ; что зимою станутъ ѣздить и бояре, смотря по тому, какъ будетъ поставлено пѣніе и богослуженіе. На этомъ подворьѣ всегда ставились преосвященные съ достаточными средствами, съ большими свитами, съ хорошими хорами. Тверской и Казанскій были хорошіе хоры, имѣли человѣкъ по 12—15 пѣвчихъ, большихъ и малыхъ. Имѣлись для нихъ и доходы хорошіе. Тутъ все, чтò выслуживается за поминовеніе, панихиды, молебны, все поступаетъ въ братскую кружку, для свиты. Пѣвчихъ приглашаютъ и свадьбы вѣнчать.»—«Я думаю, говорю я, обойтись только большими голосами, басами да тенорами».—«Какъ можно, возражаютъ всѣ, нѣтъ: мальчики необходимы»! «Мальчики необходимы», внушаетъ Владиміръ Карловичъ. «Мальчики необходимы», внушаетъ самъ Константинъ Петровичъ. Не-

чего дѣлать, пускай будетъ и такъ, пусть мальчики и необходимы. Я и учинилъ распоряженіе, чтобы изъ Одессы ѣхала дополнительная свита, такъ чтобы здѣсь было всего при мнѣ: одинъ секретарь, одинъ келейникъ (другого наняли здѣсь), одинъ посошникъ, одинъ книгодержецъ, (они же и пѣвцы), протодіаконъ (съ женою и ребенкомъ, другой скоро появится), иподіаконовъ два (одинъ съ женой, двумя дѣтьми и тещей), два діакона-вдовца, 12 пѣвцовъ большихъ, 5 малыхъ пѣвчихъ. Итакъ вотъ сколько у насъ хлѣбоѣдовъ: кромѣ архіерея 32 нашихъ хлѣбоѣда, если не ошибаюсь, коли не больше. Кромѣ сего, по установившемуся преданію, отъ нашей же кухни кормятся: поваръ и его помощникъ, два служителя-дворника, одинъ швейцаръ и одинъ кучеръ, итого шесть чужихъ хлѣбоѣдовъ. А всего съ архіереемъ 39 ртовъ. Довольно! Думаю все выписать еще одного мальчика-дисканта: пусть будетъ уже ровно 40 ртовъ. Да,-еще прибудетъ нѣкто Иванъ Покровскій, изъ Уфы-Казани, для меня чтецъ, писецъ, онъ же и пѣвецъ-басъ или альтъ. Еще оказывается, что у повара и у его помощника имѣются подруги, которыя питаются отъ нашего же стола. Еще оказалось, что поваръ состоялъ въ стачкѣ со всѣми лавочниками, поставщиками рыбы, мяса, хлѣба и всякихъ продуктовъ. Берутся цѣлыя массы всего, благодаря постоянной платѣ. Берутъ и записываютъ больше. Дробятъ по мелочамъ для того, чтобы на мелочахъ записывать большія цифры стоимости и т. д. Все это дознано съ поличнымъ. О. Димитрій-діаконъ былъ ротозѣй и неопытенъ, хотя и усерденъ и на первыхъ порахъ трудился много. Поставили о. Басанскаго, чтобы доглядывали онъ, да жена его, да теща. У этихъ музыка пошла не та: глаза у всѣхъ опытные, хозяйственные и зоркіе. Стали поваровъ уличать. Чуть было старшаго повара совсѣмъ не спустили. Его помощника уволили, да и прочіе страхъ имутъ. Все стали ежедневно и ежечасно повѣрять. Пресмѣшной нашъ протодіаконъ. О. Басанскому, въ награду за трудъ по экономіи, мы разрѣшили выписать тещу, для призора за дѣтьми, чтобы сколько либо развязать руки женѣ, чтобъ и она могла принять участіе въ дозорѣ за хозяйствомъ, и обѣщали тещу кормить даромъ. Вотъ и протодіаконъ пришелъ: «позвольте мнѣ, говоритъ, позвольте взять прислугу». «Извольте».—«Женѣ, говоритъ, необходима нянька».—«Знаю, говорю, что необходима. У васъ, говорятъ, предвидится скорое увеличеніе семейства?»—«Да, говоритъ, предвидится».—«Слушаю, говорю, платите за содержаніе прислуги».—«Помилуйте, говоритъ, Басанскому вы же позволяете даромъ кормить тещу».—«Позволяю, говорю, за особые труды по экономіи».—«Мнѣ, говоритъ, тяжело платить. Помилуйте, говоритъ, нянька будетъ стоить 180 руб.; все, что я выработаю, придется на нее отдавать».—«Ну, не держите няньки».—«Мы будемъ ее сами кормить».

«Не согласенъ, говорю, вы будете кормить ее казенными же хлѣбами». Недовольный мною онъ ушелъ; одну няньку взяли было и послѣ сего разговора спустили; подождавъ дня два-три, взяли другую, и толкуютъ тамъ, на верху, что будутъ кормить сами, чтобъ не платить. Узнавъ о семъ, я посылаю приказъ, чтобъ няньку или удалили, или платили за ея содержаніе по 15 руб. въ мѣсяцъ. Нечего дѣлать: къ стѣнкѣ прижимаютъ. Согласія онъ не давалъ; да оно и не требуется: обойдутся и безъ онаго.

4-го Іюня, въ Четвергъ, съ 9 часовъ утра, отправился я въ Александро-Невскую лавру. Въ этомъ своемъ концѣ Невскій проспектъ сильно измѣнился къ лучшему. Настроены цѣлые дворцы, и между ними трогательно было видѣть приземистыя, убогія, облупленныя зданьица, къ которымъ мой глазъ привыкъ было съ дѣтства. Немного ихъ осталось, но кой-гдѣ остались. Отъ Знаменья до Лавры и далѣе за Лавру проведена паровая желѣзная дорога. Грандіозно зданіе Исидоровскаго училища. Но у самой Лавры и въ Лаврѣ почти все тоже. Въѣзжая, или лучше сказать входя въ нее, я крестился и молился на стародавнія, привычныя для глаза и сердца святыни, привѣтствуя ихъ въ душѣ. Въ насельникахъ Лавры кинулось въ глаза, что всѣ до единаго послушники ходятъ въ шляпахъ и съ короткими волосами. Народу на лаврскомъ дворѣ какъ-то замѣтно менѣе, но службъ и денегъ стало болѣе. Говорятъ, будто теперь простой іеромонахъ получаетъ въ годъ до 1500 руб. на всемъ готовомъ содержаніи. Это хорошія, даже большія, деньги. Кладбища лаврскія разрослись; но сзади такъ же нечисты, какъ и въ прежніе годы. Мужское монашество какъ-то неспособно поддерживать благородное изящество въ своихъ учрежденіяхъ. На кладбищахъ появились двѣ новыя церкви. Первымъ дѣломъ я пошелъ въ лаврскій соборъ помолиться предъ мощами Св. Угодника. Соборъ внутри ремонтируется и заставленъ подъ куполомъ лѣсами. По незаставленнымъ бокамъ онъ тотъ же, что̀ былъ и прежде, только конечно отъ времени сильно потускнѣлъ. Замѣчательно, что рамы на высоко-художественныхъ картинахъ остались въ томъ же видѣ, въ какомъ я засталъ ихъ въ 1842 году, когда, на 16-мъ г. жизни, впервыя прибылъ въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ онѣ, кажется, ни разу не чинены, да и тогда казались уже стары, а теперь совсѣмъ поблекли. Поклонившись небесному патрону Лавры, св. благовѣрному князю Александру Невскому, моему собственному патрону, я тотчасъ же пошелъ кланяться патрону лавры земному, старцу-митрополиту Исидору. Я былъ предваренъ, что старецъ «молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ», а только тугъ на ухо: нужно говорить ему къ самому уху и покрикивать, отчеканивая каждое слово отдѣльно. По докладѣ, принятъ сейчасъ же, при чемъ пришлось прой-

ти чрезъ залъ въ гостиную. Митрополитъ вышелъ въ клобукѣ, сѣлъ на диванъ, меня посадилъ на креслѣ, поближе къ своему правому уху. Я передалъ его высокопреосвященству глубокіе поклоны митрополита Кіевскаго Платона, преосвященныхъ викаріевъ Херсонскихъ Іустина и Мемнона. Бесѣда была краткая. Старецъ-владыка говоритъ: «вотъ, жаль, что вы вчера не прибыли. А то вотъ подписывали бы теперь». Я теперь все вотъ острю, на основаніи этого владычнаго изреченія: «подписывали бы теперь». Главное, молъ, назначеніе присутствующихъ въ Св. Синодѣ—это подписывать. Синодальныхъ протоколовъ и журналовъ приносятъ по домамъ множество, и всѣ ихъ приходится подписывать; согласенъ ли ты съ ихъ содержаніемъ или не согласенъ, объ этомъ никому не нужно знать, а все таки требуется: «подписать».— «Ну, что, какъ ваши викаріи?» спрашиваетъ старецъ.—«Отличные», выкриваю я и еще что-то сказалъ очень сильное, такъ что старецъ и на меня посмотрѣлъ совсѣмъ благосклонно. Еще говоритъ: «а были вы у Константина Петровича?» Я выкриваю: «Владимиръ Карловичъ Саблеръ говоритъ, что Константина Петровича не нужно сегодня безпокоить: онъ занятъ».—«Нѣтъ, наставляетъ старецъ, а вы все таки сдѣлайте деликатность, поѣзжайте».

Такъ какъ къ г. оберъ-прокурору ѣхать было еще рано, то я обѣжалъ квартиры всѣхъ лаврскихъ авторитетовъ и старыхъ знакомыхъ. О.-намѣстника Лавры не засталъ дома. Перваго викарія, преосвященнаго Сергія, не засталъ дома. Третьяго викарія, преосвященнаго епископа Владимира, только что рукоположеннаго, не засталъ дома, но встрѣтилъ; онъ шелъ пѣшкомъ между лаврскими кладбищами. Тутъ мы здравствовались. Еще молодой, изъ женатыхъ, пять человѣкъ дѣтей, красивый, строго-приличный, нѣсколько даже напряженный. Иду въ Академію. Смотрю навстрѣчу мнѣ ѣдетъ въ одноконномъ фаэтончикѣ, повидимому, монахъ; я гляжу на него, онъ на меня. Онъ выскакиваетъ изъ экипажа и говоритъ: «преосвященный Никаноръ!». Я вижу на груди его панагію; лицо совсѣмъ юное.—«Ужели преосвященный Антоній?»— «Да, вашъ ученикъ».—«Скажите, вѣдь, не узналъ! Вы какъ-то перемѣнились, почернѣли, посмуглѣли. У васъ въ старые годы были бѣлокурые, вьющіеся волосы, а теперь стали черные, борода выросла черная».—«Вообразите, какъ это ни странно, всѣ замѣчаютъ тоже, да и я самъ замѣчаю». Пошли къ нему на квартиру. Квартира для ректора Академіи нынѣ устроена въ особомъ грандіозномъ зданіи, выстроенномъ въ саду, гдѣ помѣщаются библіотека и нѣсколько квартиръ. Эта часть сада совсѣмъ измѣнилась сравнительно съ нашимъ временемъ. Большія деревья нашего времени стали старыми, нѣкоторыя грандіозными, другія пропали. Разбиты новые цвѣтники, насажены кустарники тамъ, гдѣ

была садовая чаща. Измѣняется лицо земли. Квартира ректора раздѣлена на двѣ половины. Въ одной живетъ самъ ректоръ, преосвященный Антоній, а въ другой преосв. экзархъ Грузіи, архіепископъ Павелъ. Владыка Павелъ такой же привѣтливый, любезный, какимъ я знаю его изстари. Фигура почти исполинская, но сильно пополнѣлъ. Изъ бесѣды съ нимъ я сейчасъ же узналъ, что онъ не располагаетъ ѣхать въ Грузію обратно: «Зачѣмъ же, все равно зарѣжутъ. Что же изъ этого выйдетъ хорошаго для Россіи, для церкви, не говоря уже лично обо мнѣ? Вѣдь этого не подозрѣваютъ, что Грузія стремится къ сепаратизму. Тамъ найдутся милліоны, которые или за меня или не противъ меня. Но есть тамъ нигилистическая сепаратистическая клика, и нельзя сказать, что малочисленная, которая будетъ горы ворочать, чтобы меня истребить. Они подкупятъ какого либо негодяя. А тамъ, въ Грузіи, убить человѣка ничего не стоитъ. Я самъ знаю, что мнѣ нельзя возвращаться въ Грузію. Пускай дѣваютъ, куда хотятъ, хоть на покой».—«Ну, на покой, чѣмъ же вы жить будете»?—«Чѣмъ? У меня теперь есть пенсія на Александровскій орденъ; да дадутъ же что либо и отъ Синода».—«Да вы нужны для церкви».—«Богъ ихъ знаетъ. Повидимому, они во мнѣ разочаровались».—«Полноте, ваше высокопреосвященство. Владиміръ Карловичъ предо мною выразился, что вы самая свѣтлая голова, самый дѣятельный передовой архіерей».—«Ну, ужъ самая свѣтлая голова!» Возражаетъ экзархъ. Такъ какъ мы возвращались къ этому разговору не разъ, то и я къ нему еще возвращусь.

Изъ Академіи отправился я на Литейную въ особый домъ оберъ-прокурора Св. Синода. Кажется, третій домъ отъ Невскаго на Литейной; выкрашенъ такою же мѣдною краскою, какою выкрасилъ я свой домъ въ Одессѣ; размѣрами не великъ и не высокъ, но такой приличный, барскаго вида. Сверхъ ожиданія принятъ былъ сейчасъ же внизу, въ большомъ кабинетѣ. Поздоровались, по здѣшнему облобызались. Сѣли. Передалъ поклонъ владыки митрополита Кіевскаго, глубокій поклонъ Я. И. Бунина, Одесскаго полиціймейстера, родного племянника Константина Петровича, по родной его сестрѣ. Разговоръ естественно коснулся N. N. «Этотъ N. N., разсуждаетъ Константинъ Петровичъ, принадлежитъ къ тому сорту людей, которые воображаютъ, что ихъ недостаточно уважаютъ. Только лишь вы увидѣлись съ нимъ, еще не познакомились, еще парой словъ не успѣли перекинуться, а уже воображаетъ, что вы его не уважаете... Съ ними нужна осторожность. А этотъ Яковъ Ивановичъ не умѣетъ вò время помолчать, до поры до времени выждать. Ну, что? Какъ у васъ въ семинаріи?» Я кое что хвалю, благонастроенность, смирное поведеніе, кое о чемъ отзываюсь такъ себѣ, разумѣя

нѣкоторый упадокъ умственнаго развитія. «Представьте, разсуждаетъ К. П., это общее явленіе. Всюду замѣчается пониженіе умственнаго уровня. Чѣмъ это объяснить, не знаю. Конечно, вліяніемъ прежняго устава, произведенною ломкою добраго стараго»... Я говорю: «Этимъ несчастнымъ требованіемъ устава, чтобы ученикъ по каждому предмету получилъ непремѣнно балъ 3; вотъ ученикъ и погруженъ въ изученіе уроковъ по каждому предмету. Отъ этого совсѣмъ упало саморазвитіе, ученики почти ничего не читаютъ, мало работаютъ головой самостоятельно. Да и то вредно, что сила наказаній совсѣмъ ослаблена. А между тѣмъ вредный духъ изъ нашихъ школъ не истребленъ и опять поднимаетъ свою голову. Вотъ въ Академіи, въ здѣшней и т. д. Глядя на страшно-изморенное лицо К. П., я позволяю себѣ вставить слово: «много изволите заниматься, сильно изнуряете себя, нуженъ бы отдыхъ».—«Ахъ, гдѣ тутъ отдыхъ! Когда въ Севастополѣ борцы стояли на бастіонахъ, валялись въ казематахъ, развѣ кто озабочивался тѣмъ, что они себя изнуряютъ, что они не высыпаются? А мнѣ часто приходится въ два часа ночи только еще садиться за работу срочную, неотложную». Тутъ докладываютъ: «N. N.» (извѣстный тузъ, Жидъ, за которымъ изъ Москвы посланъ тотъ министерскій вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ отъ Одессы до Москвы). Нужно было видѣть, какое гадливое презрѣніе выразилось при этомъ на лицѣ моего собесѣдника. «Ну, пускай.. тамъ... обождетъ», быстро проговорилъ онъ какимъ-то гадливымъ звукомъ, указавъ быстрымъ ломанымъ жестомъ на прихожую. Отпустить меня онъ вовсе не торопился, пока совсѣмъ не наговорился.

Оттуда я отбылъ въ домъ на Литейной, старый нашъ знакомый, гдѣ канцелярія Св. Синода и резиденція высшихъ синодскихъ чиновниковъ. Товарища оберъ-прокурора, Николая Павловича Смирнова, контролера Терсинскаго, директора хозяйственнаго управленія А. Г. Ильинскаго не засталъ дома, отдалъ карточки. Иларіона Алексѣевича *), моего стараго товарища, сослуживца по Академіи, друга и благодѣтеля, засталъ въ директорской канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. Принялъ онъ меня радостно и съ сильными выраженіями: «Вотъ нѣкогда принимали здѣсь Херсонскаго Иннокентія, теперь принимаемъ васъ, Херсонскаго Никанора» и т. д. «Скажите, спрашиваю, какое значеніе имѣетъ Константинъ Петровичъ въ государственной машинѣ?»—«Какое? онъ отвѣчаетъ. Онъ тащитъ государственную колесницу, и всѣ прочіе за нимъ тащутся. Графъ Толстой, сила великая же, упирается; но и тотъ волею-неволею тащится вслѣдъ». Въ другой разъ онъ показывалъ мнѣ самые пакеты, которые К. П. постоянно посылаетъ его величеству. Одну черту характерную К. П. онъ обрисовалъ словами: «К. П. гля-

*) Чистовича. П. Б.

дить на человѣка ушами». Перецѣживая ходячее теперь раздѣленіе служащихъ въ Синодѣ на «чиновниковъ и живыхъ людей», онъ меланхолически переворачивалъ въ умѣ и на языкѣ—«живые люди»... «Какъ бы это вамъ сказать—живые люди... Ловкіе люди» . Вообще онъ, повидимому, болѣзненно чутокъ къ нѣкоторой неловкости своего положенія. Онъ теперь правитъ канцеляріей за тяжкою болѣзнью директора П. А. Ненарокомова.

Въ тотъ же день я сдѣлалъ визитъ г. министру народнаго просвѣщенія, Ивану Давыдовичу Делянову, котораго, однакоже, не засталъ дома. День представленій и визитовъ кончился. Впрочемъ, только день, а не вечеръ. Вечеромъ того же 4-го Іюня поѣхалъ я на Васильевскій островъ, на Благовѣщенское подворье, съ визитомъ къ С. В. Керскому, который живетъ внизу, и къ преосв. епископу Герману, который живетъ наверху, на этомъ подворьѣ. У С. Вас. просидѣлъ часъ, у пр. Германа весь вечеръ, часовъ до 10. Изъ бесѣды его замѣчателенъ и назидателенъ былъ разсказъ о томъ, какъ пр. Веніаминъ Иркутскій поставилъ было себя въ Петербургѣ сразу же рѣзко, особенно въ отношеніи къ Училищному Совѣту, который онъ сталъ было критиковать· «Сама-де себя раба высѣкла. Оттого и удерживать его въ Петербургѣ не стали и спустили ровно ни съ чѣмъ». Впрочемъ только вчера (19 Августа) я узналъ, что пр. Веніамину Иркутскому посланъ крестъ на клобукъ, особенно по ходатайству графа Игнатьева, впрочемъ и какъ главѣ Сибирскихъ миссіонеровъ. Человѣкъ-то, всѣ говорятъ, онъ хорошій; о спускѣ самого пр. Германа скажу ниже, по порядку.

На завтра-послѣзавтра визиты отданы были всѣми моими должниками. Товарищъ об.-прокуроръ Н. П. Смирновъ даже росписался въ книгѣ. Быть можетъ, и еще кто росписывался, но я въ книгу не посмотрѣлъ и не смотрю. Самъ К. П. дома меня не засталъ и оставилъ карточку, а черезъ день, черезъ два, опять-таки пріѣзжалъ и просидѣлъ у меня долго, бесѣдуя очень откровенно, выражаясь даже рѣзко. Три продолжительныя бесѣды, которыя я имѣлъ честь вести съ нимъ, у меня какъ-то сливаются въ общія черты, и потому я не могу быть увѣренъ, что пріурочиваю тѣ или другіе штрихи его бесѣдъ именно къ той изъ трехъ бесѣдъ, куда они принадлежатъ. На этотъ разъ, помнится, досталось именно Александроневской лаврѣ и Кіевской Консисторіи, частнѣе, о. протоіерею Л. «Помилуйте, въ этой несчастной лаврѣ все рухнуло. Этотъ намѣстникъ—жалчайшее существо. Видъ его соотвѣтствуетъ малости и скудости его духа. Ни ума, ни характера, ни вниманія, ни прилежанія къ дѣлу. Мірской человѣкъ, совсѣмъ мірской. Все у дочери своей кофеи распиваетъ. А лавра, глядя на него, также расползается. Помилуйте, по театрамъ бродятъ. Старецъ-владыка уже

не доглядываетъ; да и привыкъ ко всѣмъ этимъ порядкамъ, т. е. безпорядкамъ. Казначей тамъ Ф. изъ ума выжилъ. Ризничій М. пьянъ безъ просыпу. Послушники шляпы понадѣвали, косы посрѣзали. А богатства какія! Въ роскоши валяются. Простой іеромонахъ на всемъ готовомъ получаетъ до 1500 р. въ годъ. Какъ тутъ не бѣсноваться?» Въ основѣ такой жестокости отзывовъ лежала тайная исторія, случившаяся уже въ мою бытность здѣсь; но я ея пока не зналъ; впервыя по секрету узналъ отъ пр. Германа, потомъ отъ экзарха Павла въ подробностяхъ, а об.-прокурору она была уже извѣстна досконально. Вообще лавра не скудна даже трагедіями. Исторія посѣщенія лавры ихъ величествами въ великій постъ имѣла болѣе трагическій конецъ, чѣмъ у насъ въ Одессѣ разсказывалось. Отчасти въ лаврѣ и извѣстно было, что Государь будетъ. Но почему-то ждали его въ Суботу и готовились. По крайней мѣрѣ въ Пятницу поломойки мыли въ соборѣ полъ. А Государь съ Императрицею тутъ-то и пріѣхали. Ихъ встрѣтили поломойки. Потребовали іеромонаха отслужить молебенъ, но чередного іеромонаха не разыскали. Государь съ Императрицей уѣхали и сейчасъ же дали знать оберъ-прокурору. Тотъ послалъ въ лавру В. К. Саблера. «Представьте же, говорилъ мнѣ В. К., каково ротозѣйство? Вѣдь въ лаврѣ до 9 часовъ вечера никто не зналъ, что Государь былъ». Рѣшено было повиннаго іеромонаха какъ-то удалить, но не удалось. Представьте, онъ пырнулъ себя ножемъ въ животъ». Смерть-то ужасная и по замыслу, и по способу выполненія. Злѣ изверже свою окаянную душу. Помилуй его Господи, по велицѣй Своей милости. Да, когда В. К. докладывалъ митрополиту, какъ Государь посѣтилъ лавру и засталъ въ соборѣ поломоекъ, старецъ по обычаю философски сострилъ»: «вольно же Государю пріѣхать, когда его не ждали: его ждали въ Суботу, а онъ прибылъ въ Пятницу. Нельзя же и безъ поломоекъ. Для него вѣдь и мыли.» Чтò подѣлаешь, когда говорятъ съ такимъ философскимъ равнодушіемъ? А когда ему же митрополиту Исидору кто-то докладывалъ, что «вотъ ваши-де монахи ходятъ въ театры, переодѣвшись въ цивильное платье», митрополитъ опять возражаетъ: «А развѣ лучше было бы, если бы монахи ходили въ театръ въ монашескомъ платьѣ?» Ему ставятъ на видъ, что вотъ «его ризничій пьетъ безъ просыпу», а старецъ возражаетъ: «А чтò съ нимъ подѣлаешь? Вотъ онъ говоритъ, что коли съ нимъ сотворятъ худо, то онъ на первомъ деревѣ передъ окнами митрополита повѣсится». Сколько тутъ анекдотическаго, сколько истиннаго, разобрать трудно; но все это я слышалъ отъ хорошихъ людей. Развѣ моя собственная память измѣняетъ, а говорили объ этомъ много и многіе.

Больною струною звучитъ у нихъ и положеніе дѣлъ въ Кіевѣ

«Этотъ несчастный Кіевъ, разсуждаетъ К. П., хорошо управлялся только въ первые, сравнительно молодые годы митрополита Арсенія. Теперешній старецъ-митрополитъ говоритъ: еще не родился на свѣтъ тотъ человѣкъ, который бы водилъ меня за носъ!» А того старецъ и не довѣдалъ, что его водитъ не кто иной, какъ протоіерей Л-въ. Викаріямъ своимъ онъ не довѣряетъ, а между тѣмъ тамъ движетъ всѣмъ Л-въ. И пусть бы хорошо управлялъ; а то всюду у него родство и непотизмъ. Тамъ, примѣрно, въ самыхъ центрахъ штунды, гдѣ нужны бы самые лучшіе священники, тамъ у него сидитъ какой либо непутящій племянникъ, и ничего подѣлать съ этимъ нельзя».

Третій разъ былъ у меня К. П. по случаю закладки на нашемъ подворьѣ громаднаго зданія Синодальной типографіи. Тутъ однакоже замѣчательной бесѣды не было. Замѣчательна только его деликатность, совершенно не въ Рооповскомъ духѣ. Роопъ публично шумитъ: «Онъ (архіерей) обязанъ пріѣзжать прежде, на всякія торжества, гдѣ предполагается архіерейское священнодѣйствіе и высокое генералъ-губернаторское присутствіе». К. П-чъ поступилъ какъ разъ наоборотъ: за четверть часа до назначеннаго срока онъ очутился въ моей квартирѣ. Я поспѣшилъ одѣться, и оба вмѣстѣ мы спустились къ мѣсту закладки, гдѣ онъ еще подождалъ, пока мы облачились, и затѣмъ началось священнодѣйствіе водосвятія.

Явившись ко мнѣ, В. К. С. объяснилъ механизмъ синодскаго дѣлопроизводства. Одни, молъ, дѣла разсылаются членамъ Синода для предварительнаго прочтенія и потомъ докладываются; другія докладываются и потомъ разсылаются для подписи. Третьи, и такихъ большая часть, этакія обыденныя, ходячія, въ родѣ расторженія браковъ, выдачи пособій и т. п., просто подписываются членами Синода. Потому-то я говорилъ, что главное назначеніе членовъ Синода, особенно же временно-присутствующихъ, это подписывать. «Вотъ, если бы вы прибыли къ намъ вчера, говорилъ владыка-митрополитъ, то теперь подписывали бы». А бываетъ, повидимому и то, что члены Синода и не подписываютъ. По крайней мѣрѣ такъ было съ синодскимъ распоряженіемъ относительно усиленнаго обученія церковному пѣнію. Озабоченный этимъ предметомъ церковнаго пѣнія, В. К. толкуетъ мнѣ: «На дняхъ мы употребимъ одну сильную мѣру. Мнѣ лишь бы вы были согласны. Вѣдь, вы сочувствуете?» Смотрите, черезъ день, черезъ два лежитъ у меня на столѣ приготовленный синодскій протоколъ, что вотъ-де Донской архіепископъ, по представленію правленія Донской Д. Семинаріи, находитъ, что успѣхи по церковному пѣнію совсѣмъ упали. Это отъ того, что по распоряженіямъ высшей власти, хотя обученіе церковному пѣнію и обязательно, но балъ по пѣнію не имѣетъ значенія. Приказали: принять такія-то

мѣры къ усиленію... Я прочиталъ и вижу, что написано и безъ того сильно. Однакоже на особомъ почтовомъ листѣ прибавилъ: «если же кто изъ учениковъ, по упорству или небреженію, не окажетъ успѣховъ по церковному пѣнію, таковыхъ не переводить въ высшіе классы». А на словахъ прибавилъ В—у К—чу, когда доставилъ ему этотъ протоколъ въ ближайшее синодское засѣданіе, что мою приписку можно прибавить, а можно и не прибавлять, такъ какъ и безъ того сказано довольно сильно. Но чрезъ нѣсколько дней читаю въ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ циркулярный по этому вопросу указъ Свят. Синода со включеніемъ и моей приписки. Но этотъ протоколъ не былъ ни доложенъ въ Св. Синодѣ, ни даже подписанъ. Средактировали въ канцеляріи и послали напечатать въ видѣ указа, и это, конечно, не даромъ, а потому что онъ не прошелъ бы въ Синодѣ, такъ какъ противъ него навѣрное стали бы возражать и владыка-митрополитъ, и преосвященный экзархъ Павелъ, и пр. Германъ, которые для пѣнія сами не имѣютъ никакихъ свѣдѣній, ни навыка, ни наконецъ, голосовъ. Прощаясь со мною, В. К. говоритъ: «Вотъ, надо попросить К. П—ча, чтобъ онъ испросилъ вамъ разрѣшеніе представиться Государю Императору».

И. Д. Деляновъ также, на второй, на третій день отдалъ визитъ, сидѣлъ весьма не коротко и бесѣдовалъ охотно, много и откровенно. Бесѣда коснулась послѣдняго злосчастнаго покушенія и заговора на жизнь Государя Императора. Замѣчательно, что взгляды членовъ высшаго правительства на счетъ этихъ заговоровъ и заговорщиковъ не проникнуты оптимизмомъ; напротивъ, они глядятъ впередъ съ грустью и печальными предчувствіями, несмотря на усиленныя мѣры наблюденія за всякими проявленіями этой злокачественности. Имѣется въ виду правительства до 2000 молодыхъ людей, которые замѣшаны въ ея сѣти и замѣшаны по своей волѣ, по собственному упорству. Иванъ Давидовичъ сдѣлалъ мнѣ честь недѣли черезъ двѣ послѣ перваго визита просидѣть у меня цѣлый вечеръ. Явился самъ, безъ приглашенія, часовъ около 8 и просидѣлъ до 10, не менѣе. Пили чай и бесѣдовали. Бесѣда касалась очень многихъ предметовъ, по преимуществу предметовъ и лицъ ученыхъ и учебныхъ. И напрасно воображаютъ его просто-душевнымъ добрымъ старикомъ. Онъ поразилъ меня огромною памятью и преразнообразными свѣдѣніями; напр., онъ знаетъ часто не только по фамиліи, но по имени и отчеству профессоровъ Одесскаго университета, предметы ихъ занятій, ученые труды; знаетъ начальницу института по имени и отечеству (Чекуанову), начальницъ гимназій, знаетъ профессоровъ Казанской Духовной Академіи, предметы ихъ занятій и ученые труды; не только читалъ мои проповѣди, но знаетъ и ихъ содержаніе. Какъ угодно, для такого сановнаго старца это довольно,

это очень много. Сейчасъ я услышалъ отъ Василія Ив. Шемякина, что Деляновъ другъ Конст. П-ча, и они другъ друга поддерживаютъ. Что же касается другихъ столповъ Министерства Н. Просвѣщенія, каковы товарищъ министра князь Волконскій, директоръ департамента Аничковъ, то это враги, враги нашихъ церковно-приходскихъ школъ и ретивѣйшіе защитники своего вѣдомства, не желающіе поступиться ни одною школою. А графъ Д. А. Толстой также врагъ ретивый почти всѣхъ мѣропріятій К—а П—ча: вѣдь, онъ разрушилъ церковно-приходскія школы, онъ сократилъ приходы, а теперь все это возстановляется. Онъ говоритъ: «Попы обманываютъ, будто у нихъ имѣются тамъ какія либо школы. Я на ихъ школы 15 копѣекъ не дамъ». Именно это его любимое выраженіе: «15 коп. не дамъ». Это и я замѣтилъ, что Иванъ Дав. особенно близокъ къ Конст. П—чу, потому что снабженъ отъ послѣдняго такими свѣдѣніями по нашему вѣдомству, какія немногимъ у насъ свѣдомы. Въ день, когда Иванъ Давыдовичъ сидѣлъ у меня вечеромъ, я замѣтилъ нѣкоего христолюбца, причесаннаго по-русски, въ скобку, по купечески. Именно въ этотъ разъ случилось мнѣ зайти въ ближайшія къ церкви квартиры издавна знакомыхъ мнѣ синодскихъ чиновниковъ, уже генераловъ, И. И. Лаппе и Гавріила Григорьевича Смирнова, съ визитомъ. Сидѣлъ я у нихъ не коротко; только вдругъ подаютъ мнѣ карточку «Тертій Ивановичъ Филипповъ, товарищъ министра государственныхъ имуществъ». Я пошелъ домой. И оказалось, что оный, замѣченный мною въ церкви христолюбецъ и есть самъ Тертій Ивановичъ Филипповъ. Я имѣлъ о немъ свѣдѣнія, такъ какъ онъ близокъ къ оберъ-прокурору Синода, графу А. П. Толстому, писалъ много по Болгарскому вопросу, причемъ защищалъ Грековъ и Константинопольскую церковь; кромѣ того былъ горячимъ хвалителемъ моего проповѣданія. Теперь же онъ свое знакомство со мною началъ съ того, что похвалилъ наше пѣніе, отчетливое священнослуженіе, благоговѣйное Богу предстояніе: «такъ все благоговѣйно... пришелъ познакомиться и представить свои печатныя сочиненія». Свой визитъ отдалъ я ему не скоро; тѣмъ не менѣе скоро онъ пожаловалъ затѣмъ ко мнѣ вечеромъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Бесѣда его была занимательна, потому что для церкви онъ дѣлалъ немало: работалъ по расколу, повліялъ на обращеніе о. Павла Прусскаго. Лучшимъ изъ оберъ-прокуроровъ считаетъ своего родича графа Толстого, съ чѣмъ я несогласенъ, однакоже не возражалъ.... Послѣ этого вечера я встрѣтился съ Тертіемъ Ив. 22 Іюля въ залѣ Смольнаго монастыря, гдѣ онъ сіялъ въ златошвейномъ мундирѣ, лента черезъ плечо; со мной обошелся опять же ласково.

Отъ 10 Іюня К. П—чъ частнымъ письмомъ увѣдомилъ меня, что «Государь Императоръ изволитъ принять меня послѣ завтра, въ Пят-

пицу, 12 числа, въ 12 часу дня, въ Петергофѣ. Итакъ, наставляетъ К-нъ П-чъ, вамъ нужно будетъ отправиться съ поѣздомъ, отходящимъ въ 10 часовъ утра до станціи Новый Петергофъ, гдѣ васъ будетъ ждать экипажъ. Затѣмъ я предупредилъ состоящаго при Ея Величествѣ гофмейстера князя Ив. Мих. Голицына, что за тѣмъ вы представитесь Императрицѣ, которая въ тоже утро принимаетъ. Обратный поѣздъ изъ Петергофа въ 2 часа». Своего друга, И. А. Чистовича я спросилъ, во что и какъ должно одѣться для представленія Ихъ Величествамъ. И получилъ 11 Іюня отвѣтъ: «Говорилъ сейчасъ съ В. К. Саблеромъ. Находитъ, что для представленія Государю Императору приличнѣе надѣть рясу хорошую, но не слишкомъ яркихъ цвѣтовъ», прибавляя въ постъ-скриптѣ, что завтра будетъ въ Петергофѣ и К-нъ П-чъ, на урокѣ Цесаревичу. Сверхъ того о подробностяхъ представленія во дворцѣ я разспросилъ на дняхъ только что представлявшагося преосвященнаго Антонія, ректора Духовной Академіи. Онъ разъяснилъ мнѣ собственно-финансовую сторону дѣла, гдѣ, сколько онъ давалъ придворной челяди. Кромѣ того мнѣ пришлось прочитать письмо пр. Веніамина, архіепископа Иркутскаго, къ брату своему, пр. Діонисію, епископу Уфимскому по тому же предмету, какъ онъ представлялся Ихъ Величествамъ въ Гатчинѣ. Такимъ образомъ, я начиненъ былъ нужными свѣдѣніями весьма достаточно и, положивъ въ свой портмонэ достаточное количество красненькихъ и синенькихъ, отправился 12 Іюня въ добромъ и бодромъ расположеніи духа. Вышло, что на желѣзнодорожный вокзалъ я отправился въ исходѣ 9 часа утра, чтобъ не опоздать. Оказалось, когда я прибылъ на вокзалъ, что не отошелъ еще 9 часовой поѣздъ. Сперва я сѣлъ было въ сторону, въ намѣреніи дожидаться 10 часового поѣзда. А потомъ думаю себѣ: дай, уѣду теперь; все къ мѣсту будетъ ближе, а то какъ бы еще не случилось какого препятствія. Думаю: лучше тамъ, въ Новомъ Петергофѣ, пережду на вокзалѣ. На пути слышу переговоры кондукторовъ, что ѣдетъ министръ. Почему-то даже сообразилъ, что это долженъ быть Вышнеградскій. Подъѣзжая къ станціи «Новаго Петергофа», вижу, что тутъ, подъ навѣсомъ стоитъ множество камеръ-лакеевъ, а за вокзаломъ множество придворныхъ маленькихъ каретокъ. Думаю, что это пока не для меня. Но лишь только я показался изъ вагона, какъ окликаетъ меня придворный лакей, во фракѣ съ позументами: «вы, преосвященный Никаноръ»?—«Я».—«Пожалуйте». Выхватываетъ у меня узелокъ съ зеленою бархатною рясою и быстро уходитъ впередъ. Я за нимъ.—«Пожалуйте». У крыльца стоитъ придворная карета. Сажусь. И меня быстро повезла пара придворныхъ коней. Гляжу: ѣдемъ мимо подъѣзда знакомаго мнѣ стараго Петергофскаго дворца, блестящаго, раззолоченнаго, съ Самсономъ внизу и другими статуями,

также ярко раззолоченными. Завезли и сдали во флигель. Я тутъ же сунулъ въ руки камеръ-лакею и кучеру по красненькой и, сотворивъ себѣ други отъ мамоны неправедной, сталъ подниматься во второй этажъ. Тутъ принялъ меня другой камеръ-лакей, чистокровный красавецъ, и ввелъ въ пріемное отдѣленіе, состоящее изъ двухъ просторныхъ, отлично меблированныхъ комнатъ съ кроватью, туалетомъ и т. д. «Не угодно ли чего?»—«Благодарю васъ, не желаю».—«Не угодно ли кофе?» —«Никогда не пью: мнѣ вредно. А мнѣ угодно пройтись по парку поглядѣть на старо-знакомыя мѣста».—«Да вы имѣете почти часъ свободнаго времени: Императрица принимаетъ въ половинѣ 12-го». Я пошелъ мимо фронтона главнаго дворца. Вдругъ слышу сзади себя крикъ: «Господи, кого это вижу!» Оглядываюсь назадъ. Вдругъ, предъ самымъ фронтономъ дворца, кидаются мнѣ въ ноги два старца, мужъ и жена, Михаилъ Мироновичъ Гирбиловъ съ супружницей, бывшій при мнѣ староста Уфимскаго каѳедральнаго собора, сдѣлавшій мнѣ въ Уфѣ столько зла... не зла, а грубыхъ непріятностей. Радъ былъ ихъ видѣть. Облобызались со старикомъ.—«Господи, кого это мы видимъ?... Гляжу на походку; онъ, говорю старухѣ, нашъ преосвященнѣйшій Никаноръ. Господи, какъ мы рады! Вотъ гдѣ Богъ привелъ увидѣться».—«Скажите же, какъ, что̀ вы тутъ дѣлаете»?—«Царю, матушкѣ царицѣ представлялись; икону подносили. Вѣдь, мы теперь весь свѣтъ объѣхали. Въ Кіевѣ были, въ Архангельскъ, въ Соловки ѣдемъ. Что̀ намъ на старости лѣтъ дѣлать?»... Дѣствительно, вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться. По взаимномъ доброжелательствѣ и умиленіи разстались. Я пошелъ внизъ, къ фонтанамъ, вдоль канала. Видѣлъ я эти мѣста только разъ въ жизни, лѣтомъ въ 1865 году, при трогательныхъ обстоятельствахъ. Слезы хлынули у меня изъ глазъ, при дорогихъ сердцу воспоминаніяхъ. Ушла жизнь, уплыли тѣни жизни, уплылъ Александръ II, и всѣ, и всѣ, и все уплыло. Прощайте, тѣни, повторялъ я сотни разъ, и слезы лились у меня изъ глазъ, пока я обошелъ кругомъ, до самаго моря весь этотъ каналъ и обратно. А утро было прелестнѣйшее. Всѣ царственныя прелести этого царственнаго чудеснаго парка облиты были яркимъ лѣтнимъ солнцемъ съ безоблачнаго неба. На Югѣ, тамъ солнце досадно, непріятно и даже некрасиво, потому что оно немилосердо жжетъ голую выгорѣвшую степь, на которой бродятъ тощіе волы и апатично гложутъ чорную землю. Противнѣйшая, жалчайшая изъ картинъ, отъ которой отворотился бы, да отворотить то очи, жаль, некуда: куда ни повернись, все тоже на необозримое пространство. Тутъ же на Сѣверѣ, тутъ въ Петербургѣ все прелесть, все очарованіе, все роскошь, вездѣ кругомъ жизнь. Тамъ ослѣпительно блестящій куполъ дворца, тутъ ослѣпительно блестящія статуи, тамъ радуги въ брызгахъ

Самсонова фонтана, неисчислимыя купы то исполинскихъ, то малорослыхъ деревьевъ, тамъ озёрца, тамъ цѣлое море, съ Кронштадтомъ въ туманѣ, его фортами, сотнями кораблей, тысячами мачтъ. Единственная въ мірѣ картина. А все таки «уплыла жизнь, исчезли тѣни жизни, тѣнью уплылъ Александръ II и всѣ, и всѣ исчезли, какъ тѣни. Прощайте жъ, тѣни, увижу ль васъ еще когда либо, еще гдѣ либо...

Воротился я домой. При помощи красавца-камеръ-лакея встряхнулъ и одѣлъ темно-зеленую бархатную рясу, натянулъ регаліи и, сѣвъ въ туже карету, помчался въ Александрійскій дворецъ, гдѣ собственно пребывало императорское семейство. Везли не коротко, по Петергофскому парку. Затѣмъ вступили въ тщательно огороженный, Александрійскій паркъ, мимо многихъ зданій роскошныхъ, царственныхъ, хотя и не грандіозныхъ очертаній. Долго еще ѣдемъ по парку. Тутъ охрана усиленнѣе. На одномъ изъ пунктовъ мой камеръ-лакей отдалъ полицейскому бумагу, должно быть, пропускной билетъ. Подъѣзжаемъ наконецъ къ настоящему дворцу, скорѣе граціозному, чѣмъ грандіозному зданію. У большаго подъѣзда нѣсколько Черкесовъ, много камеръ-лакеевъ, экипажей, верховыхъ коней. При входѣ въ сѣни сейчасъ просятъ направо. Комната въ одно окно, темноватая, съ картинами, двумя-тремя креслами; но никто не сидитъ, всѣ стоятъ. Кто же тутъ? Различаю и узнаю министра финансовъ Вышнеградскаго и военнаго Ванновскаго. Оба берутъ мое благословеніе. Военный министръ привѣтствуетъ: «здравствуйте, отецъ Никаноръ», въ качествѣ знакомаго. Кому обязанъ я этимъ лестнымъ знакомствомъ? Не Роопу-ли? Вышнеградскій, довольно большой, крѣпкій, нѣсколько полнѣющій мущина, еще весьма не старый, съ умнымъ, крупнымъ, энергическимъ лицомъ, широкоплечій. И онъ перекинулся со мной нѣсколькими словами; какими, не помню. Ванновскій же, наоборотъ, совсѣмъ маленькій, вертлявенькій, но бойкій человѣчекъ; все шпагу свою, съ себя ростомъ, носитъ передъ собою. Этотъ въ полной генеральской формѣ, съ лентой черезъ плечо. Вышнеградскій былъ въ вицъ-мундирѣ, съ лентой Бѣлаго орла по жилету. Онъ одинъ въ вицъ-мундирѣ; всѣ же остальные, какъ свѣтскіе, такъ и военные, были всѣ въ мундирахъ и орденахъ. Изъ обращеній Ванновскаго къ фл.-адъютанту я уразумѣлъ, что онъ пріѣхалъ откланяться Ихъ Величествамъ: онъ ѣдетъ на Кавказъ. «Чтожъ вы меня не записали? жучилъ онъ флигель-адъютанта, впрочемъ не сурово; «нѣтъ, вы меня запишите, запишите, я представляюсь и Императрицѣ, вѣдь я ѣду на Кавказъ». Такой юркій и, кажется, веселый. Около половины 12-го князь Голицынъ перевелъ насъ, представляющихся Государю, черезъ комнату, которая оказалась столовою, въ слѣдующую, тоже небольшую, должно быть, пріемную и поставилъ насъ шеренгою, указавъ мнѣ пер-

вое мѣсто, и тутъ же, указывая кресло, говоритъ: «прошу садиться». Принявъ это за приказаніе церемоніймейстера, я сѣлъ; но не прошло минуты, какъ меня подняли и позвали къ Императрицѣ, въ сосѣднюю также небольшую, густо уставленную мебелью комнату, вѣроятно, гостинную. Среди комнаты стоитъ изящная фигура Ея Величества. Я поклонился; поцѣловали другъ другу десницы. Я говорю что-то въ родѣ: «имѣю честь и счастье представиться Вашему Императорскому Величеству, Херсонскій и Одесскій архіепископъ Никаноръ».—«Мы съ Вами знакомы».—«Имѣлъ честь встрѣчать Ваше Величество въ г. Николаевѣ». —«Помню. Какъ все прелестно было! Какъ удачно! Одесса»... Я подсказываю: «Одесса ежегодно мечтаетъ о счастьѣ видѣть Ваше Величество».—«Что дѣлать? задумчиво продолжаетъ Государыня: Харьковская и Херсонская губерніи на самомъ дурномъ счету, тамъ всего болѣе безпорядочныхъ элементовъ».—«Что̀ дѣлать? въ свою очередь прибавляю я, несчастье Россіи! Милліоны преданны, а единицы злодѣйски злоумышляютъ. Долгомъ считаю еще исполнить волю Ея Императорскаго Высочества, великой княгини Александры Петровны».—«А! Вы видѣли ее въ Кіевѣ?»—«Ея Высочество повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; говоритъ: «повергаю себя къ стопамъ Ея Императорскаго Величества», и такъ низко поклонилась, какъ только могла, сидя въ постели». Бесѣда мгновенно замялась. Я низко наклонился; теперь уже своею лѣвою рукою взялъ правую, загорѣлую, маленькую и пухленькую ручку Государыни, поцѣловалъ, еще разъ поклонился и вышелъ.

Прошелъ я прямо въ переднюю комнату. Но мнѣ надоѣло тамъ стоять одному. Въ этотъ премежутокъ времени министръ Ванновскій успѣлъ побывать у Государя и прошелъ въ пріемную Императрицы. Къ Государю потребовали министра Вышнеградскаго. Этотъ пошелъ къ Государю съ портфелемъ и пробылъ тамъ по моимъ разсчетамъ минутъ 40, такъ что Государь сталъ принимать прочихъ, начиная съ меня, около $^1/_4$ перваго. Надоѣло мнѣ стоять въ малой прихожей одному и, видя, что всѣ прочіе теперь уже довольно свободно располагаются въ сосѣдней столовой и дальнѣйшей пріемной Государыни, разговаривая уже довольно громко, и только не садясь, я перешелъ въ столовую и сталъ разглядывать детали убранства, особенно же картины. Комнаты положительно крошечныя; мебель солидная, но положительно старая, поблеклая. Вышли мы на террасу, съ которой открывается прекрасный видъ на Кронштадтъ и море. Весь дворецъ чуть не крохотный. Императрица живетъ внизу, Государь наверху, почти въ мезонинѣ. Столовая, въ которой мы находились, раздѣляется на два помѣщенія поблеклою занавѣсью, которую при насъ же задернули, начавъ накрывать

на столъ, вѣроятно, для завтрака царственной семьи. Содержанія картинъ не помню; кажется, батальныя. Остановилось вниманіе только на вывѣшенныхъ на стѣнѣ фарфоровыхъ тарелкахъ, на которыхъ выжжены портреты на коняхъ Николая I-го, Михаила Павловича, юнаго наслѣдника Александра Николаевича, другихъ юношей я не разобралъ. Портреты Николая и Михаила Павловичей детально похожи, но выраженіе лицъ какое-то грустное, унылое, бабье. Въ этомъ дворцѣ любила проживать Императрица Александра Ѳеодоровна; должно быть, все убранство комнаты осталось, какое было при ней.

Наконецъ, Вышнеградскій спустился, и меня позвали къ Государю. Въ прихожей, въ которой идетъ наверхъ круглая лѣстница, поставленъ огромныхъ размѣровъ Михайла Ивановичъ (медвѣдь), который, держа шляпу въ лапѣ наотмашъ, раскланивается со входящими. Конечно, чучело, но сдѣлано, конечно, прекрасно. Прекомичная милая фигура; шляпа сдѣлана нарочно по росту Михайлы Ивановича. Поднявшись на крутую и узкую лѣстницу, черезъ комнату вродѣ пріемной, я очутился, очевидно, въ мезонинѣ, въ кабинетѣ Государевомъ, прямо предъ лицомъ Его Величества. Впечатлѣніе всей фигуры и лица величественное, простое и благостное. Низкій поклонъ. Поцѣловали другъ у друга десницы. У него рука фамильная, большая, довольно загорѣлая.—«Прошу садиться».—Не садясь, я докладываю: «долгомъ считаю исполнить порученіе Ея Императорскаго Высочества, великой княгини Александры Петровны; она повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества».—«Вы ее видѣли? Въ Кіевѣ?—«Видѣлъ».—«Жаль ее бѣдную», сказалъ Государь совершенно искренне, такъ мнѣ показалось. «Садитесь», и самъ отодвинулъ стулъ. Сѣли.—«Мы видѣлись съ вами въ Николаевѣ».—«Имѣлъ счастье привѣтствовать Васъ въ прошломъ году». Тутъ же разговоръ и замялся. Я поднялся и глубоко поклонился. Поцѣловали другъ другу руки. «Счастливъ представиться Вашему Императорскому Величеству», съ этими словами опять глубоко поклонился и вышелъ.

Сейчасъ же сѣлъ въ карету. Но когда уже садился, провожавшій меня камердинеръ, всовывая голову, говоритъ: «Извините, я не успѣлъ взять ваше благословеніе. Благословите, ваше--ство». Я благословилъ его только и хотя понималъ смыслъ этого опозданія (преосвященный ректоръ Академіи А. объяснилъ мнѣ, что онъ поставленъ былъ въ нужду дать сему камердинеру подачку), но я не навѣсился и уѣхалъ. Пріѣзжаю въ свою резиденцію радостный. —«Не угодно ли позавтракать?» Зная, что это обрядъ, я согласился. Думалось, что будетъ придворная скудость; но оказалось, что завракъ подали прекрасный, щеголевато сервированный. Вина въ графинахъ. Ничего я не пилъ, соле-

ныхъ вещей не ѣлъ. Но подали якобы уху въ Петровъ постъ; въ сущности подали превосходнѣйшій овсяный отваръ на курицѣ; я съѣлъ его съ величайшимъ аппетитомъ. И когда камеръ-лакей вошелъ опять, неся какой-то соусъ изъ рыбы съ отлично замаскированною сметаною, я со смѣхомъ говорю: «славно было бы поститься на вашемъ постѣ, на овсянкѣ, на куричьемъ бульонѣ». Онъ, улыбаясь, говоритъ: «не наше дѣло, дѣло повара». Было четыре или пять блюдъ, одно другаго лучше, но всего лучше овсянка. Я даю камердинеру четыре пятирублевки съ словами: «одна на васъ, одна на коридорнаго камердинера, одна на повара и одна на того камердинера, который провожалъ меня въ императорскихъ покояхъ до кареты, отдадите».—«Отдамъ, конечно; вы очень щедры». Онъ опять предлагалъ мнѣ кофе, предлагалъ ликеры, но я отказался, сѣлъ въ карету сейчасъ же, а только попросилъ провезти меня по парку, что̀ еще по утру предлагали мнѣ мой кучеръ и камеръ-лакей. Они промчали меня по всему морскому берегу и доставили на желѣзнодорожный вокзалъ.

Тамъ я сразу же столкнулся лицомъ къ лицу съ товарищемъ оберъ-прокурора Н. П. С-мъ. Оказалось, что онъ, проживая здѣсь на дачѣ, выѣхалъ проститься съ К. П., который сейчасъ сюда же будетъ предъ отъѣздомъ его въ Смоленскъ. А К. П. тутъ и ночевалъ. Дѣйствительно и К-нъ П-чъ сейчасъ же подошелъ къ кассѣ брать билетъ. Кланяясь, я говорю ему: «приношу благодарность вашему высокопревосходительству, осіянный величіемъ». Началась бесѣда. Но тутъ К-нъ П-чъ замѣтилъ какую-то сановную даму, которая, скромно одѣтая, скромно сидѣла на диванчикѣ у колонны. К-нъ П-чъ проговорилъ съ нею до звонка. А когда раздался сигналъ садиться, онъ быстро подходитъ ко мнѣ со словами: «пойдемъ, сядемъ вмѣстѣ!» и побѣжалъ впередъ съ такою быстротою, что я, среди толпы, едва поспѣвалъ за нимъ. Сѣли въ отдѣльное купэ только мы двое. Всю дорогу онъ говорилъ безъ умолку. Бесѣда эта была высоко замѣчательна. Жаль, что я тогда же не записалъ ея, а теперь ея выпуклости въ моемъ мозгу сгладились. Выражался онъ съ открытою рѣзкостью. «Ну, разсказывайте, какъ вы представлялись».—Говорю, что «вотъ говорю Ея Величеству: исполняю порученіе Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Петровны; она повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Государю тоже».—«Ну, какъ же не повергать себя къ стопамъ, когда Государь даетъ ей по 12 тысячъ въ мѣсяцъ? Ну, и что же? Она благополучно пребываетъ въ Кіевѣ... Странная мысль пришла ей прочить Ильюшу въ духовное званіе. А тотъ мальчишка себѣ на умѣ... Это духовенство Петербургское, ахъ! Вѣдь они утопаютъ въ благахъ міра сего. Посмотрите, вѣдь у нихъ,

у священниковъ по 15 комнатъ, большія залы, паркетные полы. А эти церковныя суммы—просто дойныя коровы. Никто за ними не смотритъ. Живутъ теперь по дачамъ, а служатъ за нихъ наемные викаріи...» Вообще, онъ весьма невысокаго разумѣнія о духовенствѣ вообще. Помню, что я что-то такое даже оспаривалъ, но уже забылъ, что̀ именно, за множествомъ впечатлѣній и этого дня и всѣхъ этихъ дней.

Эще нѣсколько словъ объ одномъ визитѣ. Въ мою пору проживала въ Уфѣ нѣкто Надежда Николаевна Маслова, старушка съ дочерью. Она была замужемъ за главно-управляющимъ имѣньями Базилевскаго, впрочемъ чиновнымъ человѣкомъ. Мужъ умеръ, и тогда она отбыла изъ Уфы на жительство въ Петербургъ. Это одна изъ благочестивѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю на своемъ вѣку. Она была первая изъ женъ-мироносицъ, о которыхъ я упоминалъ въ своемъ прощальномъ словѣ съ Уфимской паствой. Начну съ того, что она каждый день выстаивала въ церкви всѣ службы Божіи. Она-то преукрашивала цвѣтами и зеленью плащаницу на Страстной недѣлѣ такъ, что такихъ украшеній я нигдѣ прежде не видѣлъ и вѣроятно уже не увижу. Тутъ въ Петербургѣ она занимается тѣмъ же, ходитъ изъ церкви въ церковь. По старымъ связямъ съ домомъ Базилевскихъ она и теперь привитаетъ около старицы, вдовы Базилевской, у которой часто бываетъ владыка-митрополитъ Исидоръ. Обѣ эти старицы очень хлопотали о моей репутаціи, когда я оканчивалъ послѣдніе мои дни въ Уфѣ. Н. Н. Маслова сейчасъ же появилась у меня, лишь только я прибылъ въ Петербургъ. Нужно было сдѣлать визитъ Варварѣ Петровнѣ Базилевской. Я и поѣхалъ, не засталъ дома. Сановная старица навѣсилась сама отдать мнѣ визитъ. Пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ Н. Н. Масловой. Разсказываютъ обѣ вмѣстѣ, что вотъ владыка-митрополитъ Исидоръ заѣзжаетъ къ Варварѣ Петровнѣ, по обычаю, пообѣдать. За обѣдомъ подаютъ Шампанское. Владыка шутитъ: «ну, вотъ поздравляю васъ, что вы получили вашего Никанора». А тѣ говорятъ: «за здоровье преосвященнаго Никанора». А старецъ и шутитъ: «Ну нѣтъ. Вы скажите ему, пусть самъ сдѣлаетъ обѣдъ; такъ тамъ мы и выпьемъ за его здоровье». — «Такъ, вы смотрите же сдѣлайте обѣдъ», внушаютъ мнѣ заботливо обѣ старицы. Чрезъ нѣсколько дней Н. Н. Маслова забѣгаетъ ко мнѣ послѣ обѣдни въ какой-то изъ праздничныхъ дней и напоминаетъ тоже: «не забудьте же обѣдецъ устроить». Я говорю: «поводъ нуженъ, у насъ не дѣлается это просто». Дѣлаю второй визитъ Варварѣ Петровнѣ, застаю дома, и та опять повторяетъ: «не забудьте же сдѣлать обѣдецъ». Хорошо. Дѣло поставлено такъ, что обѣдъ-то дѣлать приходится.

ЗАПИСКА О ТУРЕЦКИХЪ ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, при уничтоженіи Запорожской Сѣчи, бывшей при рѣкѣ Днѣпрѣ, значительная часть войска подъ разными предлогами ушла лодками къ Туркамъ, увезя и церковную утварь съ собою, гдѣ и существовала въ такомъ же положеніи какъ и въ Россіи, и поселеніе имѣло по берегамъ рѣки Дуная, а впослѣдствіи времени при устьѣ Георгіевскаго рукава (Дуная же) и въ случаѣ войны Порты съ какою-либо державою обязано было давать назначенное число войска. Оно состояло изъ 40 куреней; каждый курень управлялся атаманомъ, а всѣмъ войскомъ управлялъ кошевой; при немъ для помощи избирался одинъ казакъ въ полковники. Сіи сановники избирались погодично въ день Покрова 1-го Октября; войсковой писарь и переводчикъ были безсмѣнные; прочіе же чины, по небольшому количеству войска, не существовали, какъ до того времени существовали въ Россіи. Въ 1827-мъ году 1-го Октября кошевымъ избранъ Осипъ Михайловичъ Гладкій, что̀ нынѣ генералъ-маіоръ и наказный атаманъ Азовскаго войска. По вступленіи въ должность онъ началъ распоряжаться и снискивать средства для возврата съ войскомъ въ Россію, а какъ дѣла Россіи съ Портой клонились къ войнѣ, то правительство Порты назначило Запорожскому войску дать полкъ въ крѣпость Силистрію. Гладкій, симъ случаемъ пользуясь, нарядилъ въ тотъ полкъ казаковъ всѣхъ таковыхъ, кои не могли быть преклонны къ возврату въ Россію, и тотъ полкъ въ послѣднихъ числахъ Апрѣля самъ отвелъ въ Силистрію и сдалъ окружному. Послѣ, въ первыхъ числахъ Маія, какъ въ то время Россійскія войска показались въ окрестности Исачки (по лѣвую сторону рѣки Дуная) въ мѣстечкѣ Каралашахъ, окружный паша Ахметъ собралъ своихъ чиновниковъ и составилъ совѣтъ объ оборонѣ, въ который былъ приглашенъ и кошевой Гладкій. Въ совѣтѣ было разсуждаемо о томъ, что во̀йска въ крѣпости не достаточно и то состоитъ изъ новобранцевъ съ околичныхъ мѣстъ, числомъ до 3,000, да казаковъ Запорожскихъ 660 душъ; орудій на бастіонахъ

годныхъ къ дѣйствію 5, а прочіе съ разстрѣлами и безъ лафетовъ; боевыхъ снарядовъ не достаточно и на мѣсяцъ, продовольствія также нѣтъ. Винили султана за распоряженіе, что заблаговременно не увѣдомилъ и не снабдилъ крѣпости нужными потребностями. Совѣтъ кончился на семъ.

По окончаніи переговоровъ Силистрійскій паша сказалъ кошевому: «Дамъ я тебѣ сто душъ конницы Турокъ вооруженныхъ, поѣзжай въ Сѣчь, собери своихъ семейныхъ казаковъ, забери церковную утварь и отправь въ крѣпость Шумлу: ибо Русскіе по Дунаю всѣ мѣста займутъ, но Шумлы не возмутъ, тамъ будетъ безопасно казакамъ, способныхъ же къ дѣйствію доставить въ Силистрію». Кошевой отвѣчалъ послѣ, что изъ Силистріи команду посылать до Сѣчи, по дальнему разстоянію, промедлится много времени, а между тѣмъ Русскія войска могутъ прежде успѣть занять Сѣчь (Сѣчь отъ Силистріи разстояніемъ болѣе 200 верстъ) и просилъ пашу дать повелѣніе Тульчинскому пашѣ, какъ Тульчана на 50 верстномъ разстояніи отъ Сѣчи гораздо ближе, то Тульчинскій паша далъ бы отрядъ для упомянутой надобности. Силистрійскій паша на то согласился: далъ въ руки кошевому бумагу для доставленія Тульчинскому пашѣ, съ тѣмъ, чтобы кошевой поспѣшно ѣхалъ въ Тульчу для выполненія порученія. Но кошевой вмѣсто поѣздки въ Тульчу поспѣшилъ въ Сѣчь и прибылъ 8-го Мая; заразъ же собравъ казаковъ, уговорилъ ихъ отправиться въ Россію на покорность; и 9-го Мая, оставя на мѣстѣ свои пожитки и скотоводство, сколько могло подняться на 42 лодкахъ, отправились Чернымъ моремъ въ Килійскій рукавъ Дуная и тѣмъ рукавомъ къ крѣпости Измаилу, гдѣ поступили въ карантинъ для выдержанія обсерваціи, а черезъ два дня Императоръ Николай, изъ княжества Молдавіи отъ крѣпости Браилова, соизволилъ прибыть въ Измаилъ, гдѣ представилось Запорожское войско съ испрошеніемъ прощенія въ винахъ.

Государемъ казаки были прощены, а кошевой Гладкій награжденъ золотой медалью на Андреевской лентѣ съ надписью: «За усердную службу», и въ званіи полковника; казакъ Туманевичъ награжденъ серебряною медалью на Аннинской лентѣ для ношенія на шеѣ, и поручено войско въ распоряженіе генералу отъ инфантеріи Инзову и приведено къ присягѣ на подданство Россіи.

Тульчинскій паша, по сосѣдству жительства узнавши объ отправкѣ войска въ Россію, послалъ на другой день, т. е. 10-го Мая, отрядъ Турокъ въ погоню, но по неимѣнію лодокъ не могли догнать и довольствовались разграбленіемъ жилищъ и убійствомъ оставшихся въ Сѣчи

казаковъ 10 человѣкъ, кои проспали время отправки лодокъ и спали до другого дня, пока Турки наѣхали; другіе же казаки не могли подняться по малому числу лодокъ и, бывъ трезвы, бѣжали въ лѣса и камыши; Турки, хотя и разыскивали въ сихъ мѣстахъ, ни одного не нашли.

А какъ главная Россійская армія назначена переправиться чрезъ рѣку Дунай въ предѣлы Турціи, Бессарабской области при Болгарской колоніи Сатуновѣ, гдѣ устраивалась переправа чрезъ обширныя болота плотинами и чрезъ рѣку Дунай понтоннымъ мостомъ подъ Турецкую крѣпость Исакчу, въ томъ мѣстѣ и пристани материкъ земли и проходъ очень узокъ натурою, укрѣпленъ къ защитѣ такъ, что въ рядъ можетъ только 4 человѣка идти; по обѣ стороны сего прохода возвышенности, на оныхъ устроены Турками значительныя батареи. Защищали переправу 15 т. Турокъ, подъ командою Гасанъ-паши. Все Турками было устроено такъ, что казалось переправа значительной потери войскъ будетъ стоить или и вовсе не удастся.

Когда уже все было къ переправѣ готово, то 25-го Мая кошевой съ 42 лодками прибылъ къ пункту переправы, и наступило время переправы ночью 27-го противъ 28-го числа Мая. Кошевой на своихъ лодкахъ ниже переправы въ 3-хъ верстахъ перевезъ, по извѣстности мѣстоположенія, чрезъ Дунай часть войскъ и провелъ плавнями на материкъ въ тылъ Турецкимъ войскамъ такими мѣстами, кои для прохода Туркамъ казались невозможными и о томъ донесъ корпусному командиру генералу отъ инфантеріи Рудзевичу. Тогда гребная флотилія подошла съ низу рѣки Дуная подъ самыя батареи, и за часъ до разсвѣта открылся огонь съ обѣихъ сторонъ. А какъ заря показалась, то войска наши шли матерою землею, со штыками въ тылъ Турецкимъ войскамъ къ батареямъ. Турки, увидя Русскихъ, шедшихъ со штыками, пришли въ безпорядокъ: оставили батареи съ орудіями, палатками, трубки съ чубуками и кофе въ чашкахъ налитый, бѣжали къ крѣпости Исакчѣ. Но командовавшій крѣпостью Гидъ-паша не пустилъ въ крѣпость войскъ по той причинѣ, чтобы не произошелъ грабежъ по обычаю Турокъ, а пустилъ командира ихъ Гасанъ-пашу со свитою, и отрядъ войскъ бѣжалъ въ лѣса. Крѣпость же Исакча, по недостаточному вооруженію и по отдаленности отъ пункта переправы, не могла имѣть вліянія на защиту переправы. Тогда уже переправа Россійскихъ войскъ сдѣлалась свободною, и часть войскъ пошла для занятія батарей; но неизвѣстно было, что отъ батарей проведены мины и къ лафетамъ орудій прикованы Молдаване, жители околичныхъ селеній, для того,

чтобы, какъ Русскіе пойдутъ, къ батареямъ, то Молдаване подожгли бы мины, что̀ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ; Русскихъ солдатъ при взрывѣ мины пришибло 25 человѣкъ и одинъ лишился жизни.

Таковымъ способомъ состоялась самая затруднительная переправа, стоившая потери одного рядового. Государь соизволилъ кошевого Гладкаго пожаловать чиномъ полковника и орденомъ Св. Георгія 4-й степени, нѣкоторыхъ же казаковъ знаками отличія военнаго ордена Св. Георгія и каждому по два Голандскихъ червонца; войско наименовано Дунайскимъ и всемилостивѣйше пожаловано за храбрость знамя. Потомъ Гладкій перевозилъ чрезъ Дунай и къ судамъ флота Государя Императора. 29-го числа того жъ Мая командиръ крѣпости Исакчи Гидъ-паша, съ защищавшимъ переправу Гасанъ-пашею, поднесли Государю ключи крѣпости Исакчи, и имъ дозволено отправиться въ Турцію. Изъ вновь наименованнаго войска отправлена сотня съ назначенными въ званіи офицеровъ на военно-плѣнныхъ Турецкихъ іолахъ *) со орудіями для совмѣстнаго дѣйствія съ Дунайскою флотиліею, которая была при покореніи крѣпости Силистріи. Въ началѣ 1830-го года отправился къ Дунайской флотиліи полкъ комплектный съ офицерами, наименованный Дунайскимъ, занимавшій посты по разнымъ переправамъ чрезъ Дунай.

Силистрійскій паша, извѣстясь о покорности Запорожцевъ Россіи, находившійся въ Силистріи полкъ казаковъ велѣлъ заковать въ желѣзо по два человѣка вмѣстѣ и отправилъ въ Константинополь къ султану, гдѣ они были посажены въ казармы и содержаны подъ карауломъ до Святой недѣли 1829 года. А въ день Пасхи съ полуночи нѣсколько казаковъ выбрались на крышу казармъ посредствомъ просторныхъ трубъ и спустились на землю. Такъ какъ Турки съ начала ночи караулятъ строго, а съ полуночи до свѣта спятъ, то симъ случаемъ спустившіеся казаки воспользовались: отперли въ казармѣ двери и всѣ вышли, и шли однимъ путемъ совмѣстно по городу на дорогу Адріанопольскую съ тѣмъ, чтобы пробиться чрезъ Турецкій постъ и потомъ, скрывшись въ лѣса, пройти къ Россійскимъ войскамъ. Но какъ уже сдѣлалось свѣтло, то Турецкое правительство узнало объ этомъ, и безъ всякаго шуму

---

*) Іолы—мелкія Турецкія военныя суда. Въ рукописи П. А. Кулишемъ приписано: „Отъ теперь и ясно, що таке значыть у писняхъ, изданныхъ М. Максимовичемъ:

Да ходимо на *ялы*
Козаченькивъ ратовать“.

выѣхалъ на встрѣчу начальникъ города Омеръ-паша, остановилъ казаковъ и спросилъ, какъ они вышли изъ казармъ. Казаки объявили выходъ и причину, побудившую ихъ къ тому, что день Пасхи, но имъ не дано ни священника, ни пасхи. Омеръ-паша предложилъ имъ возвратиться въ казармы съ обѣщаніемъ, что все будетъ доставлено и что подъ карауломъ содержаны не будутъ, почему и возвратились въ казармы. И чрезъ нѣсколько часовъ явились священники православнаго исповѣданія, пасхи и другіе продукты для полнаго довольствія, и таковое содержаніе продолжалось всю недѣлю Пасхи. А послѣ султанъ повелѣлъ ходить на работу въ гавань для построенія судовъ, положивъ плату наравнѣ съ вольно-наемными рабочими, что̀ было довольно для содержанія ихъ; и казаки, бывъ свободны отъ присмотра, прибыли нѣсколько обратно въ войско и были въ дѣйствіи противу Турокъ (какъ еще въ то время военныя дѣйствія продолжались), а нѣкоторые остались въ Константинополѣ на жительство.

Рукопись была сообщена П. А. Кулишемъ О. М. Бодянскому съ своеручной приписью: «А се, колы хочети знаты, доставивъ отоманъ Гладкый иже вывивъ козакивъ-Запорозцивъ изъ Турещыни *)».

(Сообщилъ А. Титовъ).

*) О Гладкомъ см. „Русскую Старину“ 1881 г.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

1834.

Moscou, le 19 Août 1834.

C'est avec bien du plaisir que j'ai reçu Дмит. Павл. Татищевъ. J'ai été hier presque toute la journée avec lui; nous avons passé en revue les temps passés; il m'a dit du bien de Дишка, qu'il a connu à l'étranger et se réjouit qu'il ait épousé une de mes filles. Samedi je fêterai mon bon et ancien chef par un dîner à Sokolniki, je ferai peut-être venir les Bohémiennes; demain nous dînons ensemble chez кн. Серг. Мих., et Lundi il compte aller à Троица et de là à Rostoff saluer la tombe de sa mère; il se dépèche de retourner à Pétersbourg. Je l'ai trouvé peu changé. Il m'a dit que le maréchal Maison doit arriver aujourd'hui ou demain, que Fiquelmont viendra ici pour le temps où l'Empereur sera ici, c'est-à-dire vers le 3 ou 5 de Septembre; arrivent aussi la p-ce Bélosselsky et les Soukhosanète. Dans le moment sort de chez moi un beau Saxon, le baron de Seybach [2]), grand, bien fait, bien élévé, il m'est recommandé beaucoup par mon frère et Schöder. Je le ménerai ce soir chez les Kindiakoff; on y prépare [3]) grande-et j'espère que les trois montagnes n'accoucheront pas d'une souris au moins.

Переводъ.

Москва, 19 Августа 1834.

Большое удовольствіе доставило мнѣ посѣщеніе Дмит. Павл. Татищева. Вчера я провелъ съ нимъ почти весь день; мы перебирали прошлое, онъ хвалилъ Дишку, котораго зналъ въ чужихъ краяхъ и радуется тому, что онъ женился на одной изъ моихъ дочерей. Въ Суботу я сдѣлаю въ Сокольникахъ обѣдъ въ честь добрѣйшаго бывшаго моего начальника, можетъ быть позову Цыганокъ; завтра мы вмѣстѣ обѣдаемъ у кн. Серг. Мих., въ Понедѣльникъ онъ разсчитываетъ уѣхать къ Троицѣ, а оттуда въ Ростовъ поклониться могилѣ матери; онъ спѣшитъ вернуться въ Петербургѣ. Я нашелъ,

---

[1]) См. выше, стр. 405.

[2]) Женившійся позднѣе на дочери графа К. В. Нессельроде.

[3]) Слово не разобрано, П. Б.

что онъ мало измѣнился. Онъ сказалъ мнѣ, что маршалъ Мезонъ долженъ пріѣхать сегодня или завтра, что Фикельмонъ пріѣдетъ сюда на то время, пока Государь будетъ здѣсь, то-есть около 3—5 Сентября; пріѣзжаютъ также княгиня Бѣлосельская и Сухозанетъ. Сію минуту ушелъ отъ меня красивый Саксонецъ, баронъ Зеебахъ, высокій, хорошо сложенный, очень воспитанный; его очень хвалилъ мнѣ мой братъ. Я повезу его сегодня вечеромъ къ Киндяковымъ, тамъ готовятъ... и я надѣюсь, что по крайней мѣрѣ отъ трехъ горъ не родится мышь.

Moscou, Vendredi, à 3 heures du matin.

Je rentre dans le moment du bal des Kindiakoff, qui a été charmant. Il n'y a eu que danses, c'était animé, quantité de cavaliers, 3 aides-de-camp de l'Empereur, Protassoff, Baratinsky et Dolgorouky, la Prusse, des Autrichiens, des Saxons etc. La p-sse Youssoupoff pleurait presque que vous n'y étiez pas. Le prince Dmitry s'approche de moi et me dit: écoutez, mon cher, la p-sse Y. vous attaquera et moi je vous attaque déjà; de grâce faites venir la p-sse Olga et sa soeur. Il se mit à plaisanter, en disant: si vous faites l'avard, je payerai l'estafette et puis: ne faites pas trop le fier, car sans cela j'enverrai un ordre fulminant à votre beau-fils d'arriver tout de suite pour des affaires très importantes de la chancellerie et qui demandent également la présence de sa femme et de sa belle-soeur.

Dimanche la p-sse Youssoupoff arrange une fête à Архангельское et qui se prolongera jusqu'au soir; on dansera, et elle vous prie en grâce de lui faire le plaisir de venir, n'admettant aucune excuse. J'ai donné à elle et au p-ce Dm. la parole de vous expédier une estafette et d'user de tout mon crédit pour vous engager, et réellement vous ferez un grand plaisir et à elle et au p-ce Dmitry, qui s'est chargé de lui amener m-me Kiréeff*). Le prince part pour Pétersbourg Lundi, et Дишка, en venant aussi, montrera pour lui de la déférence et un désir de l'obliger; ainsi donc arrivez, et je donne l'ordre de vous tenir prêts des chevaux aux stations. Vous pourrez Lundi ou Mardi repartir et vous verrez la maison Solovoy à la Лубянка, qui est à louer avec meubles; la maison est bien et grande. Faites cela.

Переводъ.

Москва, Пятница, 3 часа утра.

Только что вернулся съ бала у Киндяковыхъ, который былъ прекрасенъ, были исключительно танцы, было оживлено, множество кавалеровъ, 3 адъютанта Государя, Протасовъ, Барятинскій и Долгорукій, Пруссія, Ав-

*) Александра Васильевна Кирѣева, ур. Алябьева, находившаяся тогда въ полномъ блескѣ красоты своей.

стрійцы, Саксонцы и т. д. Княгиня Юсупова чуть не плакала, что тебя не было. Кн. Дмитрій подходитъ ко мнѣ и говоритъ: послушай, любезный, княгиня Ю. будетъ нападать на тебя, а я тебя уже атакую; сдѣлай милость, выпиши княгиню Ольгу и ея сестру. Онъ началъ шутить, говоря: если ты скупишься, я заплачу за эстафету, а потомъ: ты не слишкомъ хитри, иначе я отправлю твоему зятю грозный приказъ немедленно явиться по очень важнымъ дѣламъ по канцеляріи, требующимъ также присутствія его жены и невѣстки. Въ Воскресенье княг. Юсупова устраиваетъ въ Архангельскомъ празднество, которое продолжится до вечера; будутъ танцовать, и она проситъ васъ, какъ о милости, сдѣлать ей удовольствіе и пріѣхать; никакихъ отговорокъ она не принимаетъ. Я далъ слово ей и кн. Дм., что пошлю къ вамъ эстафету и что употреблю все свое вліяніе, чтобы склонить васъ; и въ самомъ дѣлѣ, вы доставите большое удовольствіе, и ей, и кн. Дмитрію, который взялся привезти къ ней Кирѣеву; князь уѣзжаетъ въ Петербургъ въ Понедѣльникъ. И Дишка тоже пріѣдетъ и выразитъ этимъ свое уваженіе и желаніе сдѣлать ему пріятное. Такъ пріѣзжайте же, я отдамъ приказаніе держать для васъ наготовѣ лошадей на станціяхъ. Вы можете уѣхать обратно въ Понедѣльникъ или во Вторникъ и увидите домъ Соловыхъ на Лубянкѣ, который сдается съ мебелью; домъ хорошій, большой. Сдѣлайте это.

Sokolniky, le 16 Août 1834.

J'ai reçu de Костя une lettre qui m'a fait grand plaisir. Ils sont donc aux manoeuvres, l'Empereur les commanda, et l'ennemi c'était Сухозанетъ. L'Empereur prévient de prendre garde, car l'ennemi voulait les surprendre. Voilà Костя campé comme vedette avancée et de confiance dans un bois près de la grande route; la nuit était toute sombre, on n'y voyait goutte, le pauvre garçon, le fusil sur l'épaule, attendait ou le soleil ou l'annonce; quelque chose remue, il prête l'oreille, c'est un homme, un homme à cheval, il crie le «qui vive!» et demande la parole, le mot d'ordre. Jugez de son étonnement quand il reconnait l'Empereur qui apparemment voulait trouver le jeune militaire en défaut. S. M. I. demanda: какъ тебя зовутъ?—Булгаковъ. Ah! répliqua S. M., это *знаменитый* Булгаковъ. Костя fit le rapport comme il devait, et l'Empereur fut content du cher enfant. J'ai la chair de poule, quand je pense du malheur si S. M. avait trouvé Костя endormi ou même en défaut; outre les arrêts, il eût été perdu dans l'esprit du Souverain. L'Empereur les a engagé tous à dîner chez lui et a été très content des manoeuvres et des progrés des élèves.

Переводъ.

Сокольники, 16 Августа 1834.

Я получилъ отъ Кости письмо, доставившее мнѣ большое удовольствіе. Итакъ, они на манёврахъ. Государь командовалъ ими, а непріятелемъ былъ Сухозанетъ. Государь предупреждаетъ быть осторожными, такъ какъ непріятель хочетъ напасть на нихъ врасплохъ. Всюду разставляютъ развѣдчиковъ; вотъ Костя стоитъ передовой надежной стражей въ лѣсу около большой до-

роги, ночь была совершенно темная, ни зги не было видно, бѣдный мальчикъ, съ ружьемъ на плечѣ, ждалъ солнца или смѣны; что-то двигается, онъ прислушивается. Человѣкъ верхомъ; онъ кричитъ, кто тамъ? и требуетъ пароля. Суди, каково его удивленіе, когда онъ узнаётъ Государя, который, видимо, хотѣлъ поймать молодого военнаго въ проступкѣ. Его В-ство спросилъ: какъ тебя зовутъ?—Булгаковъ.—А, возразилъ Е. В., это *знаменитый* Булгаковъ. Костя отрапортовалъ, какъ слѣдовало, и Государь остался доволенъ милымъ ребенкомъ. У меня морозъ по кожѣ подираетъ, какъ подумаю, какое несчастіе было бы, если бы Е. В. нашелъ Костю спящимъ или даже оплошавшимъ; помимо ареста онъ потерялъ бы расположеніе Монарха. Государь пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ обѣдать и остался очень доволенъ манёврами и успѣхами воспитанниковъ.

Sokolniky, le 20 Août 1834.

L'Empereur, à la demande du gr.-duc Michel, a fait établir une commission de tutelle pour les affaires de la Barténeff, avec plusieurs avantages qui arrangeront la fortune; elle racontait hier cela en ajoutant: но я всетаки имѣю право подавать голосъ и совѣты, когда захочу, à quoi la c-sse Sologoub [1]) répondit avec beaucoup de sang-froid: это хорошо очень; ты моя милая, давай совѣты, лишь бы не слушали ихъ только.

Въ городѣ ничего не слышно новаго и, кажется, поутихъ страхъ всеобщій; встрѣтя вчера об.-полиціймейстера, я его поздравлять началъ. Съ чѣмъ, в. п.?—Съ тѣмъ, что вчера и сегодня не было пожаровъ, et en vérité nous commençons à croire qu'il fallait tous les jours un incendie comme une digestion.

Переводъ.

Сокольники, 20 Августа 1834.

По просьбѣ вел. князя Государь велѣлъ учредить для дѣлъ Бартеневой опекунскую комиссію съ нѣкоторыми преимуществами; которыя поправятъ состояніе; она разсказывала это вчера, прибавивъ: но я все-таки имѣю право подавать голосъ и совѣты, когда захочу, на что графиня Сологубъ замѣтила съ большимъ хладнокровіемъ; это хорошо очень; ты, моя милая, давай совѣты, лишь бы не слушали ихъ только. ..... И правда, мы начинаемъ думать, что для насъ, подобно пищеваренію, необходимъ ежедневно пожаръ.

Moscou, le 29 Août 1834.

On parle beaucoup à Pétersbourg du mariage ridicule de m-lle Doubensky [2]) avec Lagréné. Tout ce qu'on a fait pour la dissuader a été inutile, elle a déjà quitté le service et attend à chaque instant son pro-

[1]) Графиня Софья Ивановна, ур. Архарова.

[2]) Фрейлина Варвара Ивановна Дубянская, дочь управлявшаго крестьянами вѣдомства государственныхъ имуществъ, тетка Н. К. Шильдера.

mis, qui vient pour l'enlever et l'amener à Cassel où il vient d'être nommé ministre par le roi Philippe. La belle Bariatinsky *) va épouser le p-ce Wittgenstein, le veuf.

Переводъ.

Москва, 29 Августа 1834.

Въ Петербургѣ много говорятъ о странной свадьбѣ m-elle Дубенской съ Лагрене́. Все что̀ сдѣлали, чтобы ее отговорить, было напрасно; она уже оставила службу и съ минуты на минуту ждетъ своего жениха, который ѣдетъ, чтобы похитить ее и увезти въ Кассель, куда король Филиппъ только что назначилъ его посланникомъ. Красавица Барятинская выходитъ замужъ за князя Витгенштейна, вдовца.

Сокольники, le 30 Août 1834.

Il y avait beaucoup de monde chez les Pachkoff, un nouveau personnage a paru sur l'horizon: c'est Bobrinsky Alexis. Le ministre des finances lui a accordé un semestre, il va voir ses raffineries, et vous savez que quelque part qu'on aille, Moscou est toujours sur votre chemin surtout quand.... Je l'ai trouvé hier à son poste à côté de m-me Lise et sur sa réponse à ma demande s'il restait longtemps avec nous, qu'il partait un de ces jours, je lui dis en plaisantant: vous avez quitté les finances pour l'amour et vous allez quitter l'amour pour le sucre. Oui, dit-il, ce sucre est amer. Le fameux Nicolas n'a pas paru. On parlait d'aller chez lui prendre des glaces, mais moi je me suis retiré de bonne heure.

Переводъ.

Сокольники, 30 Августа 1834.

У Пашковыхъ было много народу, новая личность появилась на горизонтѣ: Алексѣй Бобринскій. Министръ финансовъ далъ ему шестимѣсячный отпускъ, онъ ѣдетъ осмотрѣть свой сахарный заводъ, а ты знаешь, куда бы кто ни ѣхалъ, а Москва всегда на пути, особенно когда..... Вчера я засталъ его на его посту у Лизы и когда на мой вопросъ, долго ли онъ остается съ нами, онъ отвѣтилъ, что уѣзжаетъ на дняхъ, я шутя сказалъ ему: вы покинули финансы ради любви, а теперь покинете любовь ради сахара. Да сказалъ онъ, этотъ сахаръ горекъ. Знаменитый Николай не появился Говорили о томъ, чтобы ѣхать къ нему ѣсть мороженое, но я уѣхалъ рано

Moscou, le 3 Septembre.

Je suis toujours en correspondance continuelle avec le p-ce Dmitry et le gouverneur. Cette fois-ci au moins nous savons d'avance l'époque

*) До нынѣ здравствующая въ Швейцаріи сестра фельдмаршала князя Барятинскаго, княгиня Леонила Ивановна Витгенштейнъ-Сайнъ.

du passage de l'Empereur et dans quel endroit se trouvera à telle et telle époque S. M. I. Avant cela on ne fesait jamais comme cela. Voici l'itinéraire de l'empereur:

Отъ	7	до	15	Сентября	въ Москвѣ
«	16	»	17	»	» Ярославлѣ
«	18	»	19	»	» Костромѣ
«	21 22, 23			»	» Нижнемъ
«	24, 25, 26, 27			»	» Казани
«	28	»	29	»	» Симбирскѣ
«	30	»	1	Октября	» Пензѣ
«	2	»	3	»	» Тамбовѣ
«	4, 5, 6, 7, 8, 9			»	» Орлѣ
«	10	и	11	»	» Калугѣ
«	12	»	13	»	» Москвѣ
«	15			Октября	въ Петербургъ обратно.

Переводъ.

Москва, 3 Сентября.

Я все еще въ постоянной перепискѣ съ кн. Дмитріемъ и губернаторомъ. На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, мы заранѣе знаемъ о проѣздѣ Государя и гдѣ въ то или другое время находится Его В-ство, прежде это никогда такъ не дѣлалось. Вотъ маршрутъ Государя.

Moscou, le 24 Septembre 1834.

J'ai reçu aujourd'hui une lettre du c-te Benkendorf, il me dit que l'Empereur est arrivé heureusement à Orel le 19 au soir, que S. M. y restera jusqu'au 26, que le 23 il m'enverra une estafette pour me dire ce qui aura été décidé pour le voyage ultérieur. Me voilà donc tranquil.

Imaginez vous que tout d'un coup arrive Te-te-te du thèatre (il dit qu'il part après demain à Шеметово) avec la grande nouvelle que l'Empereur venait d'arriver; grande rumeur, tout le monde se jette sur moi. Je dis: пустяки!—Какъ пустяки? мнѣ сказывалъ Брянчаниновъ полиціймейстеръ.—Пустяки.—Загоскинъ велѣлъ освѣтить театръ.—Это не доказываетъ, что Государь пріѣхалъ, а доказываетъ только, что Загоскинъ велѣлъ освѣтить театръ; да развѣ театръ—соборъ, куда Государь всегда изволитъ ѣхать по прибытіи въ Москву?—Да, пріѣхалъ, точно пріѣхалъ. J'avais beau parlé de ma lettre d'Orel. Le baron Bode ne voit pas le moment de finir sa contredanse avec m-me Pomme-Pachkoff, part comme un éclair pour aller mettre son uniforme. Moi, sans mot dire,

j'envoye un homme à cheval au Kreml, car ce qui n'est pas probable n'est pas cependant impossible. L'homme revient. Je vais à m-me Barténeff et lui dit: точно пріѣхалъ! La voilà qui court à la vielle Pachkoff et crie: Государь пріѣхалъ! la nouvelle se répend; on vient à moi, et je déclare que j'ai mistifié m-me Barténeff, que tout est tranquille au Kreml et pas plus d'Empereur de Russie que de roi d'Angleterre à Moscou. Cela a beaucoup amusé la société, et Te-te-te était tout capot. Imaginez vous que la Barténeff ne laisse pas aller sa fille Pauline chez la c-sse Sologoub, s'imaginant que la c-sse S. est chargée de s'emparer de Pauline et de l'emmener à Pétersbourg au château impérial. Je ne l'aurais pas cru, si la c-sse Sologoub ne m'eût conté cela elle-même. Экая сумасшедшая! Bobrinsky fait le desésрoir de Nicolas P. et de Sologoub, car il courtise tantôt Pomme, tantôt *Quelle-idée*, mais je ne sais ce qui lui arrive, car il a maigri et a l'air de dépérir. Demain dînent chez moi Над. Сер., m-lle Alexandrine, les Barténeff, Te-te-te, Tourgéneff qui fait ce soir le garçon de noce chez Martchenko, qui épouse m-lle Mouratoff.

Переводъ.

Москва, 24 Сентября 1834.

Я получилъ сегодня письмо отъ графа Бенкендорфа; онъ пишетъ, что Государь благополучно прибылъ въ Орелъ 19-го вечеромъ, что Е. В. останется тамъ до 26-го, что 23-го онъ пришлетъ ко мнѣ эстафету, чтобы извѣстить о томъ, какъ будетъ рѣшено относительно дальнѣйшаго путешествія. Итакъ, я спокоенъ. Представь себѣ, пріѣзжаетъ вдругъ Тё-тё-тё изъ театра (онъ говоритъ, что послѣ завтра ѣдетъ въ Шеметово) съ важнымъ извѣстіемъ, что Государь только что пріѣхалъ; большой переполохъ, всѣ кидаются на меня. Я говорю: пустяки! Какъ пустяки?... Чтò я ни говорилъ о письмѣ ко мнѣ изъ Орла, все равно! Баронъ Боде не знаетъ какъ дождаться конца своей кадрили съ Яблокомъ-Пашковой, какъ молнія летитъ домой надѣть мундиръ; а я, не говоря ни слова, посылаю верхового въ Кремль, такъ какъ невѣроятное не есть невозможное. Человѣкъ возвращается. Я иду къ Бартеневой и говорю ей: точно, пріѣхалъ! и вотъ она бѣжитъ къ старухѣ Пашковой и кричитъ: Государь пріѣхалъ! Новость пронеслась въ обществѣ: идутъ ко мнѣ, а я объявляю, что мистифицировалъ Бартеневу, что въ Кремлѣ все спокойно и что нѣтъ въ Москвѣ Русскаго Императора, точно такъ же какъ нѣтъ въ ней и Англійскаго короля. Это очень забавило общество, а Тё-тё-тё былъ очень сконфуженъ. Представь, Бартенева не пускаетъ свою дочь Полину къ графинѣ Сологубъ, вообразивъ, что графинѣ С. поручено захватить Полину и увезти ее въ Петербургъ во дворецъ. Я бы не повѣрилъ, если бы графиня Сологубъ сама не разсказала мнѣ это. Экая сумасшедшая! Бобринскій приводитъ въ отчаяніе Николая П. и Сологуба, такъ какъ ухаживаетъ то за Яблокомъ, то за *Quelle Idée*. Не знаю чтò съ нимъ, но онъ похудѣлъ и точно погибаетъ. Завтра у меня обѣдаютъ Над. Серг., m-elle Александринъ, Бартеневы, Тё-тё-тё, Тургеневъ; онъ сегодня шаферомъ у Марченко, который женится на Муратовой.

Lundi

Il paraît d'après tout que l'Empereur va revenir ici, il n'ira pas à Tamboff. J'ai eu un moment bien agréable tantôt. Vous vous rappellez de cette lettre dont l'Empereur m'a chargé pour l'Impératrice aussitôt arrivé ici. Le postillon Даценко a été comme le vent, ayant fait presque 1200 verstes en 55 heures; si le p-ce Wolkonsky avait confié la réponse de l'Impératrice à Даценко et qu'il l'ait réexpédiée ici, l'Empereur aurait reçu la réponse ici même et en moins de 5 jours, ce qui est en vérité fabuleux. J'ai écrit et expliqué tout cela à Benkendorf, qui a mis ma lettre sous les yeux de l'Empereur. S. M. a ordonné Даценкѣ объявить высочайшее благоволеніе и выдать ему 300 р. Cet homme était comme fou de joie; d'abord un благоволеніе de Sa Majesté est une chose bien flatteuse à recevoir même dans un rang, non seulement pour un postillon, et ensuite 300 r. c'est une petite fortune pour un postillon. Cela a fait rumeur à la poste, car mes sous-ordres voyent que je les défend et protège comme je peux. Прислали все такія новенькія, хорошенькія бумажки; видно, что изъ царскаго портфеля. Je suis en vérité presque plus content que Даценко lui-même.

Переводъ.

Понедѣльникъ.

По всему видно, что Государь скоро вернется сюда; онъ не поѣдетъ въ Тамбовъ. Недавно мнѣ было очень пріятно. Помнишь то письмо, которое Государь, тотчасъ по пріѣздѣ сюда, поручилъ мнѣ доставить Императрицѣ. Почтальонъ Даценко слеталъ какъ вѣтеръ, сдѣлавъ 1200 верстъ въ 55 часовъ; если бы кн. Волконскій поручилъ отвѣтъ Императрицы Даценко и отправилъ бы его обратно сюда, Государь получилъ бы отвѣтъ здѣсь еще и не позднѣе 5 дней, чтò въ самомъ дѣлѣ баснословно; я написалъ и объяснилъ все это Бенкендорфу, который доложилъ мое письмо Государю. Е. В. приказалъ объявить Даценкѣ высочайшее благоволеніе и выдать ему 300 р. Человѣкъ этотъ отъ радости точно съ ума сошелъ; во-первыхъ, получить благоволеніе отъ Е. В-ства весьма лестно даже человѣку въ чинѣ, а не то что почтальону, а затѣмъ 300 р. вѣдь маленькое состояніе для почтальона. Это произвело большое впечатлѣніе въ Почтамтѣ, такъ какъ мои подчиненные видятъ, что я за нихъ заступаюсь и покровительствую имъ какъ могу....... Я, право, почти болѣе радъ, чѣмъ самъ Даценко.

Moscou, le 26 Septembre 1834.

J'ai reçu une estafette du quartier-général d'Orel avec des lettres du c-te Benkendorf et de Kisseleff. Le premier m'annonce que l'Empereur part aujourd'hui, le 26, pour Moscou directement et que je prépare les chevaux (ce qui était fait déjà d'avance); que quant au voyage de Yaroslaf et plus loin, la chose serait décidée par S. M. I. ici à Moscou. Le second m'écrit une lettre fort aimable; je suis fâché qu'il ne vienne ici

que par le premier traînage; à présent il va en Ukraïne et à Kieff. Il me dit aussi que l'Empereur a reçu une lettre de l'Impératrice, qui lui dit entre autre qu'entrée à peine en Prusse il tomba une neige si forte que les Prussiens ne se rappellent pas d'en avoir vu une pareille dans cette saison. Voilà, dit-il, une souveraine du Nord qui s'annonce à l'étranger d'une manière convenable; ils en ont été frappés, et l'Impératrice en a été toute joyeuse. Je trouve cela tout à-fait symbolique, mais si pareille chose devenait un usage de rigueur, il y a des souverains dont on craindrait l'approche: car le sultan arriverait avec des tremblements de terre et le roi de Naples avec un fleuve de lave et une éruption du Vésuve. Mon idée avait été ma chère Olga, de vous envoyer un exprès, mais il se trouve que Démidoff part pour Шеметово, а такъ какъ тля-тля не очень живъ и его живою грамотою слѣдовательно назвать нельзя, то и предпочитаю я тебѣ писать: c'est plus sûr. Arrivez donc, mes chères amies, car nous ne savons pas combien de temps l'Empereur restera ici. Ne prendrez-vous pas avec vous la filleule impériale? [1]) Elle vous consolera de l'absence de maman Calme et de *l'héritier présomptif* [2]). Kisseleff me dit aussi qu'Orel est Moscou en petit pour les transports de joie que l'Empereur y a fait éclater; on y a témoigné un grand enthousiasme pour sa personne chérie. S. M. est très satisfaite de tout et a été très contente des troupes. Kisseleff n'est arrivé que quelques heures avant l'Empereur, il a été bien servi aux postes, mais se plaint des boues; or, les boues ne sont pas du ressort du directeur des postes, votre papa. Pour faire une chose agréable à vous, j'ai été deux fois chez la p-sse Youssoupoff, qui est en vérité charmante, et deux fois chez la c-sse Emilie; mais celle-ci est toujours invisible. Aussi ce matin ayant perdu une heure très précieuse pour moi à courir chez elle, je me suis dit: не скоро же ты меня опять увидишь, моя любезнѣйшая! A peine arrivé à la maison, j'ai trouvé un billet du mari et un autre d'elle-même très sucré; on voit qu'elle cherche à s'excuser tant qu'elle peut. Je vous envoye ces deux documents historiques, ainsi qu'une lettre d'elle pour vous. Nous n'avons rien de nouveau ici. Hier chez les Kindiakoff m-me Nadine [3]) était ravissante; ce soir (ибо пишу тебѣ съ вечера) nous avons été chez m-r Serge, dont c'est la fête, au reste, tous ces petits détails vous les aurez par Tlia-tlia que vous pourrez questionner. Nous allons sortir de notre apathie à l'arrivée du Souverain

---

[1]) Маленькую княжну Александру Александровну, нынѣ вдову Н. Н. Львова.

[2]) Князя Николая Александровича Долгорукова.

[3]) Надежда Сергѣевна, супруга Сергѣя Ивановича Пашкова, сестра „Дишки".

adoré. J'écris à Benkendorf: les chevaux sur la route sont préparés, nos bras sont tendus et même nous avons poussé l'attraction jusqu'à préparer pour l'Empereur un temps magnifique; il a fait si beau aujourd'hui qu'on pouvait se promener en frac.

Переводъ.

Москва, 26 Сентября 1834.

Я получилъ эстафету изъ главной квартиры въ Орлѣ съ письмами отъ гр. Бенкендорфа и отъ Киселева; первый изъ нихъ сообщаетъ мнѣ, что Государь выѣзжаетъ сегодня 26-го, прямо въ Москву, и чтобы я приготовилъ лошадей (что̀ было уже сдѣлано заранѣе); что̀ касается поѣздки въ Ярославль и дальше, дѣло будетъ рѣшено Е. В. здѣсь, въ Москвѣ. Второй пишетъ мнѣ очень любезное письмо; жалѣю, что онъ пріѣдетъ сюда только по первому санному пути; теперь онъ ѣдетъ въ Украйну и въ Кіевъ. Киселевъ пишетъ мнѣ еще, что Государь получилъ письмо отъ Императрицы, которая между прочимъ говоритъ, что едва она въѣхала въ Пруссію, пошелъ такой сильный снѣгъ, что Прусаки не запомнятъ такого въ это время года. Вотъ, сказалъ онъ, Монархиня съ Сѣвера, заявляющая о себѣ въ чужихъ краяхъ достойнымъ образомъ; они были этимъ озадачены, а Императрица была этому очень рада. Я нахожу это очень знаменательнымъ, но если бы подобное сдѣлалось необходимымъ обычаемъ, то имѣются монархи, приближеніе которыхъ страшило бы, такъ какъ султанъ пріѣзжалъ бы сопровождаемой землетрясеніями, король Неаполитанскій съ потокомъ лавы и изверженіемъ Везувія. Дорогая моя Ольга, у меня была мысль послать къ тебѣ нарочнаго; но оказывается, что Демидовъ ѣдетъ въ Шѐметово, а такъ какъ Тля-тля не очень живъ и его живою грамотою слѣдовательно назвать нельзя, то и предпочитаю я тебѣ писать: это вѣрнѣе. Пріѣзжайте же, дорогіе мои друзья, такъ какъ мы не знаемъ, сколько времени Государь здѣсь пробудетъ. Не возьмете ли вы съ собой крестницу Государя? Она утѣшитъ васъ въ отсутствіи маменьки-Кальмъ и *вашего наслѣдника*. Киселевъ пишетъ мнѣ еще, что Орелъ въ маломъ видѣ Москва въ отношеніи радостнымъ восторговъ, вызванныхъ Государемъ; тамъ выказали большой энтузіазмъ къ дорогой его особѣ. Е. В. очень доволенъ всѣмъ и войсками очень доволенъ. Киселевъ пріѣхалъ только нѣсколькими часами раньше Государя. Его хорошо обслуживали на станціяхъ, но онъ жалуется на грязь; но вѣдь до грязи нѣтъ дѣла директору почтъ, твоему папенькѣ. Чтобы сдѣлать тебѣ пріятное, я былъ два раза у княгини Юсуповой, которая, по правдѣ, прелестная, и два раза у графини Эмиліи; но эта все незрима, поэтому сегодня утромъ, потерявъ очень дорого̀й для меня часъ времени, чтобы съѣздить къ ней, я сказалъ себѣ: не скоро же ты меня опять увидишь, моя любезнѣйшая! Только что я вернулся домой, нахожу записку отъ мужа и другую отъ нея самой, очень слащавую; видно, что она старается извиниться, насколько можетъ. Посылаю тебѣ эти два историческіе документа, а также письмо отъ нея къ тебѣ. У насъ здѣсь нѣтъ ничего новаго. Вчера у Киндяковыхъ Наденька была восхитительна, сегодня вечеромъ (ибо пишу тебѣ съ вечера) мы были у кн. Сергѣя, котораго былъ день рожденія; впрочемъ всѣ эти маленькія подробности ты узнаешь отъ Тля-тля, котораго можешь разспрашивать. Мы выйдемъ изъ своей апатіи по пріѣздѣ обожаемаго Монарха. Я пишу Бенкендорфу: лошади по дорогѣ приготовлены, наши объятія распростерты, и мы довели силу притяженія даже до того, что приготовили для Государя пре-

красную погоду: сегодня было такъ хорошо, что можно было гулять въ одномъ фракѣ.

Moscou, le 27 Septembre 1834.

Je suis abîmé de travail. Je viens d'expédier à l'Empereur une estafette, ayant reçu de mon p-ce Galitzine de Pétersbourg deux lettres pour S. M. I. очень нужныя et qu'il m'ordonne de lui faire parvenir sur-e-champ. Nous attendons l'Empereur pour ce soir, car il n'a quitté Orel qu'hier très tard.

Переводъ.

Москва, 27 Сентября 1834.

Я поглощенъ работой. Только что отправилъ Государю эстафету, получивъ отъ своего князя Голицына изъ Петербурга два письма для Е. В., очень нужныя и которыя онъ велитъ мнѣ доставить Государю тотчасъ. Мы ожидаемъ Государя сегодня вечеромъ, такъ какъ онъ выѣхалъ изъ Орла только вчера очень поздно.

Moscou, le 27 Septembre 1834.

Dodo et m-r André *) viennent de débarquer, lui aussi *aimable* que jadis, se grattant toujours la tête et soutenant que le suprême bonheur dans ce monde c'est dormir, et elle a perdu sa vivacité et même son jargon, il paraît qu'elle s'est abrutie ayant vécu dans la société d'un garras de chevaux et de son cher époux, elle a engraissé et ne fait plus ses grimaces et ses minauderies; Над. Сер. prétend qu'elle se met en train de ressembler à sa tante Сушковъ.

Только что сѣлъ ужинать, за мною прислали. J'ai trouvé ici un feldjäger auquel le c-te Benkendorf a donné l'ordre de me prévenir que l'Empereur arrivait dans deux ou trois heures et qu'il est probable que S. M. I. irait Dimanche à Троица. Voilà une nouvelle pour maman Calme, et j'espère même pour vous, mais cela ne doit pas vous empêcher de venir aussi à Moscou ensuite.

Переводъ.

Москва, 27 Сентября 1834.

Додо и Андрей только что пріѣхали; онъ такъ же *любезенъ* какъ прежде, попрежнему почесываетъ голову и утверждаетъ, что высшее счастье на этомъ свѣтѣ сонъ, а она потеряла свою живость и даже свой говоръ; кажется, она

---

*) Растопчины, возвратившіеся изъ Воронежской губерніи, изъ села Анны, гдѣ графинею Евдокіею Петровною написаны многія стихотворенія и куда писала ей А. О. Смирнова (см. „Русскій Архивъ" 1905).

поглупѣла, живя въ обществѣ лошадника и своего супруга, она пополнѣла и не дѣлаетъ больше гримасъ и жеманства; Над. Серг. увѣряетъ, будто она начинаетъ походить на свою тетку Сушкову. Только что сѣлъ ужинать, за мною прислали. Я засталъ здѣсь фельдъегеря, которому графъ Бенкендорфъ отдалъ приказаніе предупредить меня о томъ, что Государь пріѣдетъ черезъ два или три часа и что возможно, что Е. В. въ Воскресенье поѣдетъ къ Троицѣ. Вотъ новость для маменьки-Кальмъ и, надѣюсь, даже для тебя; но это не должно помѣшать вамъ пріѣхать потомъ и въ Москву.

Vendredi.

Tout s'arrange très bien. L'Empereur est arrivé à 6 heures du matin. Le c-te Benkendorf m'envoya tout de suite chercher. Bonjour, B., asseyez vous, causons du passé, du présent et de l'avenir, dit-il. D'abord l'Empereur est très content, il a été trés bien servi aux postes, mais les chemins sont déjà affreux, et il se sent fatigué. Maintenant (я тебѣ повторяю слова Ал. Христ.) il s'agit de voir ce que nous ferons. Le projet de l'Empereur est toujours d'aller à Yaroslaf et Kostroma, il veut savoir comment sont ces routes; envoyez y sur-le-champ un homme alerte voir cela et recueillir des notions comment sont les routes plus loin vers Нижній, que votre exprès revienne sur-le-champ, car l'Empereur voudrait partir *Mardi.* Ну потомъ спросилъ о тебѣ; я, вздохнувъ, разсказалъ твои бѣды и что ты пуще болѣла отъ досады, что не можешь здѣсь быть. Qu'elle se tranquillise, dit-il: si nous partons Mardi, ce sera une absence d'une semaine, pendant laquelle la p-sse aura le temps de se remettre tout-à-fait; ces sortes de maladies passent vite, mais elle devrait toujours se faire transporter à Moscou. Вотъ что имѣю тебѣ сказать, мой милый другъ. Все, кажется, устраивается къ лучшему для насъ, а Богъ видимо мнѣ покровительствуетъ; можно ли было ожидать, что все будетъ такъ исправно?

Переводъ.

Пятница.

Все устраивается отлично. Государь пріѣхалъ въ 6 часовъ утра. Графъ Бенкендорфъ тотчасъ послалъ за мной. Здравствуйте Б., садитесь, поговоримъ о прошломъ, настоящемъ и о будущемъ, сказалъ онъ; во-первыхъ, Государь очень доволенъ, ему отлично служили на почтовыхъ станціяхъ, но дороги ужасны, и Государь чувствуетъ себя усталымъ, теперь (я тебѣ повторяю слова Ал. Христ.) надлежитъ посмотрѣть, что̀ мы будемъ дѣлать. Намѣреніе Государя все тоже, поѣхать въ Ярославль и Кострому; онъ хочетъ знать, каковы эти дороги, пошлите туда тотчасъ расторопнаго человѣка посмотрѣть дороги и собрать свѣдѣнія о состояніи дорогъ дальше, на Нижній. Пусть вашъ гонецъ тотчасъ возвращается, такъ какъ Государь желалъ бы уѣхать во *Вторникъ.* Ну, потомъ спросилъ о тебѣ; я вздохнулъ, разсказалъ твои бѣды и что ты пуще болѣла отъ досады, что не можешь здѣсь быть. Пусть успокоится, сказалъ онъ; если мы уѣдемъ во Вторникъ, то на недѣлю, въ теченіе которой княгиня успѣетъ совсѣмъ оправиться; этого рода болѣзни быстро проходятъ, но ей все-таки нужно было бы переѣхать въ Москву.

Moscou, le 30 Septembre 1834.

Je viens dans le moment de chez le c-te Benkendorf et je m'empresse de vous informer de tout ce que j'ai appris de lui, ma chère Olga. D'abord l'Empereur ne part que Jeudi; Mercredi il y a bal chez le p-ce Dmitry, et il faut que vous en soyez, ne perdez pas de temps à arriver, car même si vous n'allez pas mieux, il est bon que vous consultiez Ал. Петров. Arrivez donc, ma chère amie. Цурукинъ n'est pas encore de retour, je n'ai pas de notion sur la route de Yaroslaf, par conséquent rien n'est même décidé à l'égard du voyage de l'Empereur; si S. M. va à Yaroslaf et Kostroma et même plus loin, vous aurez du temps devant vous; mais si non, qui sait si l'Empereur ne partira pas bientôt pour Pétersbourg, et alors vous ne le verrez pas du tout. Hier l'Empereur a été aux Français, c'était plein. Il était très gai, a beaucoup ri et applaudi à Hiwert dans le rôle de m-r Pique-assiette, et ce matin Benkendorf lui a envoyé de la part de S. M. une bague en diamant. Mardi l'Empereur ira voir Robert-le-Diable. Benkendorf me disait ce matin: да балъ будетъ не балъ, ежели не будетъ вашей княгини Долгорукой. J'ai été chez lui plus d'une heure à causer, il n'y avait que le gros Basile Dolgorouky arrivé depuis deux jours, et le Dieu sait de quoi il n'a pas été question. Il reçut devant moi une lettre du p-ce Pierre W. [1]) de Berlin en date du 23, c'est diablement frais, aussi le feldjäger a eu une boîte en cadeau. L'Impératrice est portée aux nues au Berlin et s'y amuse, se plait.

On dit que K. [2]) doit avoir une entrevue avec sa femme dont il veut se séparer en forme pour pouvoir se remarier.

Abram Norof a dîné chez moi hier, toujours le même et se chamaillant avec *мамзель* Catherine; il part demain pour Jérusalem.

Переводъ.

Москва, 30 Сентября 1834.

Только что вернулся отъ графа Бенкендорфа и спѣшу сообщить тебѣ все, что узналъ отъ него, дорогая моя Ольга. Во-первыхъ, Государь уѣзжаетъ только въ Четвергъ, въ Среду балъ у кн. Дмитрія, и нужно, чтобы ты тамъ была; не откладывай пріѣзда, такъ какъ даже если тебѣ не лучше, хорошо бы тебѣ посовѣтоваться съ Ал. Петр.; пріѣзжай же, дорогой мой другъ. Цурукинъ еще не вернулся, и я не имѣю свѣдѣній объ Ярославской дорогѣ, вслѣдствіе этого ничего еще даже не рѣшено относительно поѣздки Государя; если

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій ѣхалъ тогда въ Италію съ больною старшею дочерью своей княжной Прасковьей Петровной.

[2]) Киселевъ. Супруга его, графиня Потоцкая.

Е. В. поѣдетъ въ Ярославль, Кострому и даже дальше, у тебя будетъ время впереди, а если нѣтъ, кто знаетъ, не уѣдетъ ли Государь въ скоромъ времени въ Петербургъ, и тогда ты его совсѣмъ не увидишь. Вчера Государь былъ во Французскомъ театрѣ, было полно. Онъ былъ очень веселъ, много смѣялся и аплодировалъ Гиверту въ роли г-на Pique-assiette, а сегодня утромъ Бенкендорфъ послалъ ему отъ имени Е. В. брилліантовый перстень. Во Вторникъ Государь поѣдетъ слушать Роберта-Дьявола. Бенкендорфъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ: да балъ будетъ не балъ, ежели не будетъ вашей княгини Долгорукой. Я провелъ у него больше часа въ бесѣдѣ, былъ одинъ только толстякъ Василій Долгорукій, пріѣхавшій два дня тому назадъ, и Богъ знаетъ о чемъ только не было рѣчи. Онъ при мнѣ получилъ письмо отъ кн. Петра В. изъ Берлина отъ 23-го числа; это чертовски быстро, за то и получилъ фельдъегерь шкатулку въ подарокъ. Императрицу превозносятъ до небесъ въ Берлинѣ, она веселится, ей тамъ нравится. Говорятъ, что К. долженъ имѣть свиданіе съ женой, съ которой хочетъ развестись формально, чтобы вторично жениться. Абрамъ Норовъ обѣдалъ у меня вчера, все тотъ же, ссорится съ Катенькой; онъ уѣзжаетъ завтра въ Іерусалимъ.

Moscou, le 1 Octobre 1834.

On m'a dérangé, Цурукинъ est revenu; j'ai écrit au c-te Benkendorf для доклада Государю comment sont les routes, plutôt bonnes que mauvaises. Demain de grand matin j'irai au château savoir ce qui aura été décidé et vous l'écrirai par la poste. Цурукинъ a trouvé Benkendorf déjà couché, dormant, il faut donc attendre jusqu'à demain.

Je vous dirai en deux mots qu'hier je me suis trouvé самъ 4 pendant une heure et demie avec qui en conversation? Avec l'Empereur. Иной и фельдмаршалъ, принцъ крови, того не удостоится! Къ моему счастію ѣхалъ я вчера да не доѣхалъ, какъ говорится, къ княгинѣ Юсуповой; сегодня пришла почта иностранная, получены модные журналы, дай повезу ихъ къ княгинѣ и покалякую у нея, и для того поѣхалъ, прежде нежели ѣхать съ Катею къ Пашковымъ (это пишу тебѣ съ вечера Воскресенья); j'arrive, le suisse me dit: Государь здѣсь. Такъ что за бѣда, me suis-je dit. Je monte, je trouve dans l'antichambre pas les officiers de maison, pas les laquais, mais la дворня entière. L'un me dit: Государь у княгини.—Знаю.—Прикажете объ васъ доложить?—На что? et je vais en avant. Je trouve la p-sse assise et l'Empereur assis vis-à-vis d'elle et me tournant le dos. J'entre. Aha! dit Sa Majesté, voilà B. qui arrive, il me semble avec des paquets. Та увидала журналы въ шляпѣ и говоритъ: non, Sire, ce sont les journaux de modes qu'il a la complaisance de me fournir régulièrement.—Спасибо тебѣ, что ты больную *мою* тѣшишь; est-il exact, p-sse?—Oh! très exact, Sire. L'Empereur se leva pour regarder les gravures, похвалилъ очень капотъ въ le Petit Courrier и прибавилъ: что̀ хорошо, то хорошо, а ужъ мнѣ эти mitaines черныя, терпѣть не могу, et puis, s'adressant à moi: je me rap-

pelle qu'un jour au spectacle la p-sse Olga avait de ces mitaines non seulement aux bras (засмѣявшись), mais même au cou. Je répondis à l'Empereur: cela ne sera plus à l'avenir, Sire, car quand la volonté du Souverain est d'accord avec celle du père... Государь не далъ договорить и прибавилъ: а и ты тоже не любишь эти митенки? Очень радъ: это старушечій нарядъ, да и не краситъ руки. Qui a fui d'ici, quand je suis entré chez vous, p-sse?—Ma mère était avec moi, Sire.—Pourquoi vous a-t-elle quittée, engagez la, je vous prie à revenir. Alors la p-sse me pria de faire chercher sa mère. Я пошелъ приказать. Скоро явилась моя старинная пассія très embarrassée. L'Empereur se leva, la salua et lui dit d'un ton très grave: Отчего вы ушли? Развѣ я такъ страшенъ?... Мнѣ очень пріятно быть съ княгинею, но еще пріятнѣе быть съ вами *обѣими* и не лишать княгиню вашего присутствія. J'ai trouvé ces paroles très significatives. Вар. Ник. сконфузилась очень, покраснѣла. —Сядьте пожалуйста. Она все стояла и не садилась; тогда Государь сказалъ: Такъ вы хотите, чтобы я также не садился? Она сѣла наконецъ, и Государь также, обернувшись ко мнѣ, сказалъ: садись, Булгаковъ. Я отвѣчалъ: Государь, я такъ молодъ, что надѣюсь выросты, позвольте мнѣ постоять. L'Empereur se mit à rire et répondit: vous me donnez une si bonne raison que je n'ai rien à redire. Начался разговоръ о разныхъ предметахъ, опишу тебѣ это все въ другой разъ. Онъ былъ очень веселъ, любезенъ, часто обращался ко мнѣ, и я бралъ смѣлости вмѣшиваться въ разговоръ, когда находилъ что̀ кстати сказать. Спрашивалъ о тебѣ, очень жалѣлъ, что ты больна; я сказалъ, что ты намѣрена какъ нибудь доѣхать до Троицы, чтобы видѣть его хотя издали. O! c'est une chose affreuse que ces dents; mais elle devrait venir ici, car je suppose qu'il n'y a pas de dentiste à la campagne où elle est. Поговоря часа полтора, Государь всталъ, поцѣловалъ руку у княгини, потомъ, держа ее въ своей, жалъ нѣсколько разъ по англински, говоря: je vous prie de vous ménager, de suivre les ordres des médécins. Adieu! Обращаясь къ Вар. Ник.: А васъ прошу впредъ не бѣгать отъ меня и оставаться съ княгинею, а меня не бояться. Потомъ, обратясь ко мнѣ: прощай, Булгаковъ. Il m'a tendu avec bonté la main et l'a serrée dans la sienne. Quand l'Empereur fut parti, c'est singulier que tous les trois, comme si nous nous étions donnés le mot, nous nous écriâmes: ah! Dieu, comme il est bon cet Empereur, c'est un ange! въ одно слово. Однакоже глаза слипаются. Пора спать.

Je viens dans le moment de chez Benkendorf. Voilà ce qui est décidé: l'Empereur part Jeudi à 4 heures du matin pour Kostroma. S. M. s'arrêtera à Троица tout au plus une heure et demie. J'ai lu votre

phrase à Benkendorf, il y a éte sensible; avant il a dit: да какъ же видѣться, мы только лошадей перемѣнимъ; mais ensuite il ajouta que l'Empereur ira sûrement baiser les reliques, je serai charmé de voir la p-sse Olga et si je le manque,. baisez lui la main de ma part pour son aimable souvenir. L'Empereur restera deux jours à Yaroslaf et autant à Kostroma, peut-être ira-t-il à Нижній, mais pour Kazan, il n'en est plus question. Ce soir Robert-le-Diable, demain et pas Mardi la soirée du p-ce Dmitry, et si c'est vrai que cela ne sera qu'une soirée musicale ce sera à s'avaler la langue, mais je suppose qu'on dansera.

Il y a un changement: au lieu de 4 c'est le 5 matin que l'Empereur part pour vos contrées. Engagez Дишка à venir au moins seul: la décence l'exige.

Переводъ.

Сію минуту вернулся отъ Бенкендорфа. Вотъ что̀ рѣшено: Государь ѣдетъ въ Четвергъ, въ 4 часа утра, въ Кострому. Его В-ство остановится у Троицы самое большое на полтора часа. Я прочелъ твою фразу Бенкендорфу, онъ былъ ею тронутъ; сначала онъ сказалъ: „Да какъ же видѣться, мы только лошадей перемѣнимъ", но потомъ прибавилъ, что Государь вѣроятно пойдетъ приложиться къ мощамъ; „я буду очень радъ видѣть княгиню Ольгу, а если это мнѣ не удастся, поцѣлуйте за меня ей ручку за ея любезную память обо мнѣ". Государь пробудетъ два дня въ Ярославлѣ, и столько же въ Костромѣ, можетъ быть онъ поѣдетъ въ Нижній; а относительно Казани рѣчи больше нѣтъ. Сегодня вечеромъ—Робертъ-Дьяволъ, завтра, а не въ Среду, вечеръ у князя Дмитрія и если правда, что будетъ лишь музыкальный вечеръ, то будетъ смертельная скука; но я предполагаю, что будутъ танцовать. Есть перемѣна: вмѣсто 4-го Государь ѣдетъ въ ваши края 5-го утромъ. Посовѣтуй Дишкѣ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть онъ пріѣхалъ, приличіе того требуетъ.

Moscou, le 3 Octobre au soir, avant d'aller au bal, 1834.

Je ne puis vous dire, ma chère amie, le chagrin que j'ai eu de voir Дишка arriver sans vous. Je vous conjure, mon ange, de quitter la campagne; d'abord il en est temps et puis ici votre rétablissement sera l'affaire de quelques jours et vous risquez à la campagne de vous пропачкаться, comme on dit, un mois, cela ne finira jamais et recomencera sans cesse. Дишка живая грамота, il vous dira tout ce que peut vous intéresser, je lui ai raconté en détail tout ce qui s'est passé et dit chez la p-sse Youssoupoff; ce jour heureux du 30 Septembre 1834 ne sortira jamais de ma tête. Nous avons un temps superbe, profitez en pour revenir ici et vous bien remettre pour le retour de notre Ange. Voici maman toute parée, toute belle, elle va avec Catherine et moi avec Дишка.

Переводъ.

1834 г. 3-е Октября вечеромъ, передъ отъѣздомъ на балъ.

Не могу сказать тебѣ, дорогой мой другъ, какимъ горемъ было для меня увидѣть Дишку, пріѣхавшимъ безъ тебя. Ангелъ мой, умоляю тебя уѣхать изъ деревни; во-первыхъ уже пора, а потомъ здѣсь твое выздоровленіе будетъ дѣломъ нѣсколькихъ дней, а въ деревнѣ ты рискуешь пропачкаться, какъ говорится, цѣлый мѣсяцъ; это никогда не кончится и постоянно будетъ повторяться. Дишка живая грамота, онъ разскажетъ тебѣ все, что̀ можетъ тебя интересовать; я разсказалъ ему подробно обо всемъ, что̀ произошло и говорилось у княгини Юсуповой; этотъ счастливый день, 30-го Сентября 1834, никогда не выйдетъ у меня изъ головы. Погода у насъ чудесная, воспользуйся ею, чтобы вернуться сюда и хорошенько здѣсь поправиться къ возвращенію нашего Ангела. Вотъ и маменька разодѣтая, нарядная, она ѣдетъ съ Катенькой, а я съ Дишкой.

Moscou, le 8 Octobre 1834.

Je vous ai mandé, je crois, que le grand-duc Héritier arrive ici le 14 et l'Empereur le 14 ou 15. Quelle joie ce sera pour Moscou de voir le Souverain et l'Héritier, le père et le fils, qu'ils seront beaux à voir tous les deux et ensemble! Le postillon, qui est venu avec la poste de Kazan, m'a dit qu'il a vu Wladimir (pas Wl. Galitzin, mais la ville du gouvernement) en flammes; les boutiques avaient brûlées et une quantité de maisons, l'incendie continuait à son départ. Voilà une triste nouvelle, et je pense que cela va faire changer la marcheroute de l'Empereur. S. M. partira d'ici le 20 avec son fils pour retourner à Pétersbourg. Le troisième séjour ne sera donc pas aussi long que nous l'avions espéré. Il y a beaucoup de bals, préparez vos robes et vos pieds; d'abord un petit et un grand bal chez le p-ce Serge Gagarine l'aveugle, un bal à l'assemblée; on dit que S. M. donnera aussi un bal à la ville, ce sera la clôture. Nous avons eu ce matin la visite d'Adlerberg qui sort déjà, mais en surtout, le bras en écharpe, ce qui lui donne un air intéressant au dire de m-lle Catherine. Savez vous qui est arrivé et dîne demain chez nous? Манычаръ. Il part pour Wiatka avec une commission du c-te de Toll. Le c-te Paul Koutaïssoff a écrit une lettre très aimable au p-ce Ouroussoff pour demander pour son fils la main de la p-sse Nathalie, mais c'est la mère qui est étonnante, car elle dit: puisque mon fils a commencé la chose sans me consulter, il n'a pas besoin de ma bénédiction. Pourquoi gâter la joie de tout le monde? C'est une singulière idée et qui met tout le monde dans une gêne, sans empêcher que la chose se fasse. Dites à maman Calme que son cher усачъ,

Serge Firce [1]) a été enfin passé aux gardes et qu'il reste au service au lieu de le quitter; il va à Odessa pour le mariage de son frère et passe par Moscou; quand nous serons ensemble, je vous conterai du drôle des caquets et des commerages de Moscou.

Дишка peut vous raconter tout ce qui s'est passé au bal du p-ce Dmitry. Je vous dirai les détails quand nous nous verrons, comme auss de tout ce qui eût lieu et fut dit à la soirée de la p-sse Youssoupoff, où je me suis trouvé avec l'Empereur pendant plus d'une heure, я и это разсказывалъ Дишкѣ, старайся изъ него выдавить что нибудь; какой онъ, право, чудакъ: хочетъ, чтобы я тебѣ разсказалъ, что̀ Государь съ нимъ говорилъ, когда сѣлъ возлѣ него къ концу ужина. Да кому это лучше его самого знать? Онъ милостивъ былъ ко всѣмъ намъ, а маменькѣ сказалъ, чтобы она поѣхала и тебя сюда привезла. Maman me dit que T. Orloff épouse Nadine Czernycheff [2]). Je vous annonce *bien en secret* que j'en serai fâché; je connai Orloff, candide et franchement dévoué à l'Empereur; la famille où il entrerait a d'autres sentiments, le papa a besoin de se remettre bien à cour et le fils de faire des progrès, et Dieu sait si ce serait le moyen; mais laissons cela et revenons à nos moutons. Vous croyez avoir deux semaines devant vous, pas du tout: d'abord l'Empereur a déclaré qu'il serait à Pétersbourg pour le 24 pour y chanter la панихида pour feue sa mère, c'est l'anniversaire de sa mort, il est possible que S. M. soit ici le 14 et même le 13. Vous n'avez donc pas de temps à perdre. Je viens d'être interrompu par un billet de la p-sse Bariatinsky, qui est arrivée et repart demain; elle va à Koursk y célébrer la noce de sa fille avec Witgenstein.

Переводъ.

Москва, 8-е Октября 1831.

Я, кажется, сообщалъ тебѣ о томъ, что Наслѣдникъ пріѣзжаетъ сюда 14-го а Государь 14-го или 15-го. Какая будетъ радость для Москвы видѣть монарха и наслѣдника, отца и сына, какъ хороши они будутъ оба и вмѣстѣ! Почтальонъ, пріѣхавшій съ почтой изъ Казани, сказалъ мнѣ, что видѣлъ Владимиръ (не Влад. Голицына, а губернскій городъ) въ пламени, лавки сгорѣли и множество домовъ, пожаръ продолжался по его отъѣздѣ. Вотъ печальное извѣстіе, и я думаю, что это заставитъ измѣнить маршрутъ Государя. Его В-ство уѣдетъ отсюда 20-го числа съ сыномъ, чтобы вернуться въ Петербургъ. И такъ третье пребываніе не будетъ такъ продолжительно, какъ мы надѣялись, будетъ много баловъ, готовь свои платья и ноги; вопервыхъ малень-

---

[1]) Князь Сергій Григорьевичъ Голицынъ.

[2]) Бракъ не состоялся: графиня Надежда Григорьевна вышла за князя Григорія Алексѣевича Долгорукаго.

кій и большой балъ у слѣпого князя Сергѣя Гагарина, балъ въ собраніи, говорятъ Его В-ство тоже дастъ балъ городу, это будетъ заключеніемъ. Сегодня у насъ былъ Адлербергъ, который уже выѣзжаетъ, но въ сюртукѣ, съ рукой на привязи, что̀ по словамъ Катеньки, придаетъ ему интересный видъ. Знаешь кто пріѣхалъ и будетъ завтра у насъ обѣдать? Манычаръ. Онъ ѣдетъ въ Вятку съ порученіемъ отъ графа Толя. Графъ Павелъ Кутайсовъ написалъ очень любезное письмо князю Урусову, чтобы за сына просить руки княжны Натальи, а вотъ мать удивительна; она говоритъ: такъ какъ мой сынъ затѣялъ это не посовѣтовавшись со мною, мое благословеніе ему не нужно. Зачѣмъ портить общую радость? Скажи маменькѣ Кальмъ, что ея дорогой усачъ, Сергѣй Фиргъ, переведенъ, наконецъ, въ гвардію и что онъ остается на службѣ вмѣсто того, чтобы покинуть ее; онъ ѣдетъ въ Одессу на свадьбу брата и проѣдетъ черезъ Москву; когда мы съ тобой увидимся, я разскажу тебѣ забавныя вещи о пересудахъ и сплетняхъ Московскихъ. Дишка можетъ тебѣ передать обо всемъ, что̀ происходило на балѣ у кн. Дмитрія. Когда мы увидимся, я разскажу тебѣ подробно объ этомъ, какъ и о томъ что̀ было и что̀ говорено на вечерѣ у княгини Юсуповой, гдѣ я очутился съ Государемъ въ продолженіе болѣе часа..... Маменька говоритъ мнѣ, что Ѳ. Орловъ женится на Наденькѣ Чернышевой. Сообщаю тебѣ *очень по секрету*, что я объ этомъ жалѣю; я знаю Орлова, онъ чистосердечный малый и искренно преданъ Государю. Семья же, въ которую онъ войдетъ, питаетъ другія чувства; папашѣ нужно опять хорошенько устроиться при дворѣ, а сыну преуспѣвать; Богъ знаетъ, послужитъ ли женитьба средствомъ къ тому; но оставимъ это и вернемся къ прежнему разговору. Ты думаешь, что имѣешь двѣ недѣли впереди, вовсе нѣтъ: вопервыхъ, Государь объявилъ, что будетъ въ Петербургѣ къ 24-му, чтобы отслужить тамъ панихиду по покойной своей матери, это день годовщины ея смерти; возможно, что Е. В-ство будетъ здѣсь 14-го и даже 13-го. И такъ тебѣ нечего времени терять. Меня только что прервали запиской отъ княгини Барятинской, которая пріѣхала и завтра же уѣзжаетъ: она ѣдетъ въ Курскъ вѣнчать свою дочь съ Витгенштейномъ.

Москва, 14 Октября 1834, половина одиннадцатаго.

Me voilà de nouveau dans les inquiétudes. L'Empereur est arrivé ce matin à 6 heures, je reviens de chez le g-l Benkendorf dans le moment; il m'a dit vous avoir vu à Троица, la joue arrangée avec beaucoup d'élégance. — Est-elle déjà ici?—Mais non, je vais lui envoyer une estafette. — Faites cela, car nous ne resterons pas longtemps, l'Héritier arrive demain. Tout a été bien en route. Malgré les chemins un peu gâtés, l'Empereur est venu de Wladimir en 13 heures. Полторацкій сдѣланъ генер.-лейтенантомъ и военнымъ губернаторомъ въ Ярославлѣ. Je suis très préssé et n'ai pas le temps de vous dire autre chose qu'arrivez, *arrivez donc*! Государь, слава Богу, здоровъ, приказалъ было разбудить себя въ 9 часовъ, но потомъ сказалъ; дайте мнѣ еще поспать.

Переводъ.

Москва, 14 Октября 1834, половина одиннадцатаго.

Ну вотъ, снова у меня безпокойства. Государь пріѣхалъ сегодня въ 6 ч. утра, я только что вернулся отъ г-ла Бенкендорфа; онъ говорилъ мнѣ, что

видѣлъ тебя у Троицы и что щека у тебя была завязана съ большимъ изяществомъ.—Она уже здѣсь?—Да нѣтъ, я пошлю къ ней эстафету.—Сдѣлайте это, потому что мы долго здѣсь не останемся, Наслѣдникъ пріѣзжаетъ завтра. Въ пути все было хорошо. Несмотря на немного попортившіяся дороги, Государь прибылъ изъ Владимира черезъ 13 часовъ. Полторацкій сдѣланъ генер.-лейтенантомъ и военнымъ губернаторомъ въ Ярославлѣ. Я очень тороплюсь и не имѣю времени сказать тебѣ, что либо другое кромѣ: *пріѣзжай же.*

Moscou, le 25 Octobre 1834.

Ils sont partis, et avec eux ce temps heureux qui était rempli de tant de charme pour nous.

J'ai déjà des nouvelles de la route par Цурукинъ, qui vient d'arriver. L'Empereur avait commandé un déjeuner à Завидово, mais, arrivés là bas, le Papa et le Fils dormaient d'un sommeil si doux, que personne n'a osé prendre sur soi de les réveiller. L'Empereur devait chanter un Te-Deum à Novgorod, et à une heure S. M. devait être à Царское Село. Novossilzow *) sort de chez moi tout heureux: au moment du départ il a reçu la croix de S-te Anne au cou, ce qui, dans les circonstance critiques où il se trouvait à la veille de quitter le p-ce Dmitri, a ranimé son courage et son zèle, et il reste à son poste.—D'après ma promesse j'ai été chez la p-ce Youssoupoff qui a été charmée de me voir. Je lui ai dit: je n'ai pas de commission de la part de l'Empereur ni de l'Impératrice à remplir; c'est tout bonnement Olga qui m'a chargé de vous baiser la main, et je le fis. Je lui ai demandé si elle avait reçu par son frère une orange de votre part? Oui! et une poire de Catherine? Quelle poire? Dans ce moment entre Дишка. Voyons, m-r, avez vous rempli la commission de Catherine?—Quelle commission?—Et la poire?—Ah! la poire.... oui... je vous prie de dire à m-elle Catherine, ajouta-t-il avec un front d'airain, que ma soeur a trouvé son attention très délicate, et moi j'ai trouvé la poire excellente!.... Comment, Дишка, tu as mangé ma poire? Protassoff, qui était là, ajoute: comment! oser manger une poire magnifique qui était l'image frappante du Roi Philippe? C'est une honneur.—Каковъ молодецъ! Il y avait là encore Ladomirsky et Gervais, et j'ai passé deux heures fort agréablement; la malade va beaucoup mieux à présent, elle était fort gaie, et je lui dis qu'il avait été beaucoup question d'elle au dernier bal.—De là j'ai été rejoindre Катя chez les Pachkoff. On y jouait au secrétaire, qui n'était qu'un prétexte pour se glisser des billets, de demander et répondre. C'est trop long à raconter, mais je vous assure que Sologoub, le franc, est tout

*) Петръ Петровичъ Новосильцовъ, впослѣдствіи Рязанскій губернаторъ.

bonnement fin, car votre soeur lui ayant demandé je ne sais quoi, il marmota: подлецъ, мерзавецъ! Кто, qu'avez vous, c-te Sologoub?—Какъ кто? Сер. Ив. Пашковъ!—Mais prenez garde, il est là auprès de vous. —Какое мнѣ дѣло, я хочу, чтобы онъ это зналъ и, ежели бы не жена его, я бы его дурака.... Catherine s'enfuit, le laissant seul avec sa colère. Il part cette nuit pour Simbirsk, et l'autre frère a ordre de l'Empereur de partir pour son régiment dans 24 heures, l'ayant vu au bal, tandis qu'il se reporte faisant une cure. Je ne suis pas fâché que les fratelli partent, car il y aurait des histoire infailliblement; vous connaissez ce Pachkoff, et ils viennent d'être renforcés par la Хвостова, arrivée ce matin.

Je vous envoye la boussole Impériale pour Шушка. Какъ ни старались уложить, боюсь, чтобы не разбилась дорогою, c'est très fragile.

Filarète a eu la galanterie de m'envoyer trois exemplaires de son dernier discours à l'Empereur et à l'Héritier; je vous en envoye un pour la princesse.

Москва, 25 Октября, 1834.

Они уѣхали, а съ ними и то счастливое время, которое было полно очарованій для насъ. Я уже имѣю извѣстія съ пути черезъ Цурукина, только что пріѣхавшаго. Государь заказалъ завтракъ въ Завидовѣ; но, по пріѣздѣ туда, Батюшка и Сынокъ спали такимъ сладкимъ сномъ, что никто не посмѣлъ взять на себя разбудить ихъ. Государь долженъ былъ отслужить панихиду въ Новгородѣ, а въ 1 ч. Е. В. долженъ былъ быть въ Ц. Селѣ. Новосильцевъ вышелъ сейчасъ отъ меня, пресчастливъ: въ минуту отъѣзда онъ получилъ крестъ св. Анны на шею, что̀ въ критическомъ положеніи, въ которомъ онъ находился наканунѣ оставленія имъ князя Дмитрія, ободрило его мужество и рвеніе, и онъ остается на своемъ посту.—Согласно своему обѣщанію я былъ у княгини Юсуповой, которая была очень рада меня видѣть. Я сказалъ ей: я не имѣю порученія ни отъ Государя, ни отъ Императрицы, а просто напросто Ольга поручила мнѣ поцѣловать вамъ ручку, и я такъ и сдѣлалъ. Я спросилъ ее, получила ли она черезъ своего брата апельсинъ отъ тебя?—Да и грушу отъ Катеньки.—Какую грушу? Въ это время входитъ Дишка. Ну, сударь, исполнили вы порученіе Катеньки? Какое порученіе?—А груша?—А! груша.... да.... прошу васъ сказать Екат. Александровнѣ, прибавилъ онъ съ крайнимъ безстыдствомъ, что сестра моя нашла ея вниманіе очень тонкимъ, а я нашелъ, что груша была отличная!.. —Какъ, Дишка, ты съѣлъ мою грушу? Протасовъ, бывшій тамъ, прибавляетъ: какъ осмѣлиться съѣсть превосходную грушу, которая была поразительнымъ изображеніемъ короля Людовика-Филиппа? Это большая честь. Каковъ молодецъ! Были еще Ладомирскій и Жервэ, и я провелъ тамъ очень пріятно два часа; больная чувствуетъ себя теперь гораздо лучше, она была очень весела, и я сказалъ ей, что на послѣднемъ балѣ много о ней говорилось. Оттуда я поѣхалъ нагнать Катеньку у Пашковыхъ. Тамъ играли въ секретаря, что̀ было лишь предлогомъ для передачи другъ другу записокъ, чтобы спрашивать и отвѣчать. Долго разсказывать, но увѣряю тебя, что чистосердечный Сологубъ попросту лукавъ, потому что, когда твоя сестра спросила его, не знаю что̀, онъ пробормоталъ: подлецъ, мерзавецъ! Кто? Что

съ вами, графъ?—Какъ кто? Сер. Ив. Пашковъ!—Но, будьте осторожны, онъ тутъ, возлѣ васъ.—Какое мнѣ дѣло? Я хочу, чтобы онъ это зналъ и, ежели бы не жена его, я бы его дурака.... Катенька убѣжала, оставляя его одного съ его злобой. Онъ ѣдетъ въ эту ночь въ Симбирскъ, а другой братъ имѣетъ приказъ отъ Государя въ 24 часа отправляться въ полкъ, такъ какъ Государь видѣлъ его на балѣ, между тѣмъ какъ онъ числится проходящимъ курсъ лѣченія. Я не огорченъ тѣмъ, что fratelli (братья) уѣзжаютъ, такъ какъ неминуемы были бы исторіи: ты знаешь этихъ Пашковыхъ, у нихъ явилась еще поддержка въ лицѣ Хвостовой, пріѣхавшей сегодня утромъ.

Посылаю тебѣ Императорскій компасъ для Шушки; какъ ни старались уложить, боюсь, чтобы не разбился дорогою, это очень хрупкая вещь.

Филаретъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ три оттиска своей послѣдней рѣчи къ Государю и къ Наслѣднику; посылаю изъ нихъ одинъ тебѣ для княгини.

Moscou, le 27 Octobre 1834.

Nous avons dansé Jeudi chez les Kindiakoff, et il y avait pour orchestre les mineurs tyroliens; ils chantent bien, mais c'est monotone et triste, c'est comme un hoquet interompu, et ils ont l'air eux-mêmes de condamnés à mort; ils chantent assis tout d'une pièce, les yeux fixés sur le plancher (pas sur le plafond, comme le fait mad. Ricci quand elle chante), ouvrant à peine la bouche et ayant dans le chant quelque chose des moines de Simonoff; ce qu'ils jouent en perfection, ce sont les valses. Мы восхищались съ Катенькой, les Français sont joués médiocrement par eux. Только что было расплясались, вдругъ раздался хоръ Цыгановъ, c'était une galanterie de Nicolas P. que tout le monde envoyait au diable; car cela fit cesser de la soirée la danse. Il y avait beaucoup de monde, cela avait l'air fête, et on voulait encore faire passer dans la salle de danse. Comme toujours, il a fallu se rendre aux désirs de votre soeur et rester à souper: за то была она жестоко наказана. Je regarde et je lui vois une figure toute indignée Что такое? Сидятъ Pomme, Nicolas P., D. Narichkine, Pauline B., votre soeur et puis... et puis le fameux Démon, le Satan de Чистый прудъ, enfin Raewsky. Il est assez étonnant que ce m-r, ne connaissant pas votre soeur, se soit campé, sans y être forcé-à côté d'elle. C. lui tournait presque le dos, mais cela ne le démonta pas et avec son front d'airain il commença par les mots: où est votre soeur? (j'aime cette manière, il pouvait dire la p-sse D. ou la p-sse votre soeur) C. répondit très sèchement: à la campagne, m-r.—Belle saison vraiment, beau temps pour se promener, elle doit s'occuper... C. se tut et s'adressa à Pauline. Il revient encore une fois à la charge, mais voyant le dégoût qu'il inspirait à votre soeur, tout différent de l'enthousiasme de m-elle Alexandrine et autres pour lui, il la laisse tranquille et s'expliquait à m-elle A., à laquelle votre soeur dit clairement qu'elle

était fort étonnée de la fantaisie qu'avait eu m-r R. de se mettre à côté d'elle. Papa, dit elle, n'est pas connu avec lui, et moi je ne me soucie pas du tout d'avoir la moindre relation avec lui, et vous m'obligerez de le lui dire. J'ai très approuvé votre soeur, surtout depuis que m-r R. a déclaré qu'il ne serait tranquille que quand il aurait ramené à lui vous, Catherine et Nadine. Celle-là a eu aussi le courage de déclarer à m-elle A. que sa porte serait éternellement fermée pour m-r R. et qu'elle la priait nommément de le lui dire.—Les histoires avec la Caniche-Catiche ont recommencé; elle est arrivée hier avec Serge P. sans sa soeur, et le vampir c'est déjà emparé d'elle, tâche de la laver et de noircir Путята, auquel il a reproché par sa soeur d'avoir montré la lettre de Catiche et de lui avoir écrit. Peu m'importe, votre amour, votre humeur changeant, je veux que vous m'épousiez, et voilà tout; enfin ce sont des clabaudages à ne pas finir, et pensez à ce que je vous dis, tout cela finira mal. Catiche, elle sera perdue tout-à-fait et réduite à la nécessité d'épouser R.; c'est à quoi il vise, je crois, jusqu'à présent. Tout ce qu'il fait pour parvenir jusqu'à l'oncle П. В., ne réussit pas, l'autre est en garde. Mais c'est trop de parler sur un sujet si peu intéressant pour vous.

L' Empereur est arrivé à Novgorod en 30 heures, y a chanté une messe de mort pour sa mère, c'était l'aniversaire de sa mort. Il alla le même jour (le 24) dîner à Царское Село avec les enfants. Tout s'est bien passé en route grâce au Ciel; demain j'aurai des nouvelles de l'arrivée de S. M. à Pétersbourg.

Москва, 27 Октября 1834.

Въ Четвергъ мы танцовали у Киндяковыхъ, вмѣсто оркестра были Тирольцы; поютъ они хорошо, но пѣніе ихъ монотонное и грустное, это нѣчто въ родѣ икоты съ перерывами, и сами они имѣютъ видъ приговоренныхъ къ смерти; поютъ они сидя, все цѣликомъ, глаза устремлены въ полъ (не въ потолокъ, какъ дѣлаетъ Риччи, когда поетъ), едва открываютъ ротъ, и въ пѣніи ихъ есть что-то похожее на монаховъ Симонова монастыря; что они играютъ въ совершенствѣ, это вальсы. Мы восхищались съ Катенькою. Французскую музыку они играютъ посредственно. Только что было расплясались, вдругъ раздался хоръ Цыгановъ, это была любезность Николая П., которую всѣ проклинали, такъ какъ это на весь вечеръ прекратило танцы. Было много народу, вечеръ имѣлъ видъ торжества, хотѣли еще перейти въ танцовальный залъ. Какъ всегда, пришлось подчиниться желаніямъ твоей сестры и остаться ужинать. Зато была она жестоко наказана. Смотрю и вижу, что у нея лицо совсѣмъ возмущенное. Чтò такое, сидятъ Николай П., Д. Нарышкинъ, Полина Б., твоя сестра и затѣмъ.... и затѣмъ знаменитый Демонъ, Сатана съ Чистыхъ Прудовъ, словомъ, Раевскій. Довольно странно, что этотъ господинъ, не будучи знакомъ съ твоей сестрой, усѣлся безъ приглашенія возлѣ нея. К. чуть не поворачивала къ нему спину, но это его не осадило и, со свойственнымъ ему безстыдствомъ, онъ началъ со словъ: гдѣ ваша сестра? (мнѣ нравится эта ма-

нера, онъ могъ сказать княгиня Д. или княгиня, ваша сестра). К. очень сухо отвѣтила: въ деревнѣ, сударь.—Хорошее, правда, время года, прекрасная погода для прогулокъ, она должно быть занята... К. помолчала и обратилась къ Полинѣ. Онъ еще разъ возобновилъ попытку, но видя отвращеніе, которое онъ возбуждалъ въ твоей сестрѣ, совершенно противоположное энтузіазму m-elle Alexandrine и другихъ, онъ оставилъ ее въ покоѣ и занялся m-elle Александриной, которой твоя сестра ясно сказала, что очень удивляется фантазіи пришедшей г-ну Р. сѣсть возлѣ нея; папенька, сказала она, съ нимъ не знакомъ, и я нисколько не забочусь имѣть какое либо отношеніе до него; вы сдѣлаете мнѣ одолженіе, передавъ ему это. Я очень одобрилъ твою сестру, особенно съ тѣхъ поръ какъ Р. объявилъ, что онъ успокоится только тогда, когда вернетъ къ себѣ тебя, Катеньку и Наденьку; эта тоже имѣла мужество объявить m-elle А, что дверь ея будетъ навѣки закрыта для Р. и что она проситъ ее сказать это ему. Исторіи съ Канишъ-Катишъ возобновились, она пріѣхала вчера съ Серг. П. безъ сестры, и вампиръ уже завладѣлъ ею, старается ей очернить Путяту, котораго упрекалъ черезъ сестру за то, что тотъ показалъ письмо Катиши и что написалъ ей. Какое мнѣ дѣло до вашей любви, до вашего перемѣнчиваго настроенія, хочу, чтобы вы за меня вышли замужъ, вотъ и все; однимъ словомъ, это нескончаемый шумъ, и припомни, что я тебѣ говорю, все это кончится плохо. Катишъ, совсѣмъ пропадетъ и будетъ доведена до необходимости выйти за Р, на это онъ и мѣтитъ, кажется; до сихъ поръ, все что онъ дѣлаетъ, чтобы попасть къ дядѣ II. В., не удается, тотъ на сторожѣ. Но слишкомъ много говорить о такъ мало для тебя интересномъ предметѣ.

Государь доѣхалъ въ Новгородъ черезъ 30 часовъ, тамъ онъ отслужилъ заупокойную обѣдню по своей матери, въ этотъ день была годовщина ея смерти; въ тотъ же день (24-го) онъ поѣхалъ въ Царское Село обѣдать съ дѣтьми. Слава Богу, въ дорогѣ все обошлось хорошо, завтра получу извѣстіе о пріѣздѣ Е. В. въ Петербургъ.

Moscou, le 29 Octobre 1834.

L'Empereur a fait le voyage en 44 heures, on croit que S. M. a voulu ménager son jeune Adonis. Dieu soit loué, ce grand voyage de l'Empereur s'est terminé heureusement. Ici rien de nouveau; nous avons été hier soir chez les Pachkoff, beaucoup de monde, mais très peu de cavaliers. Над. Сер. n'a dansé, ou plutôt marché, qu'une française avec moi; m-r Serge a exigé qu'à minuit elle se retire, la danse lui est interdite pour deux mois. Алек. Васил. Пашковъ a eu hier une très longue et vive conversation avec m-elle Alexandrine; je ne sais de quoi il a été question, mais Otello se tenait à la porte, tout pâle, et sa soeur, en sortant, lui dit: vous n'avez que ce que vous méritez. Ал. Вас. prit son chapeau et partit aussitôt.

Москва, 29 Октября 1834.

Государь совершилъ переѣздъ въ 44 часа; полагаютъ, что Его В. хотѣлъ пощадить своего юнаго Адониса. Слава Богу, это большое путешествіе Государя окончилось благополучно. Здѣсь нѣтъ ничего новаго; вчера вечеромъ мы были у Пашковыхъ, много было народу, но очень мало кавалеровъ. Над. Сер. протанцовала или вѣрнѣе прошлась со мной только одну Французскую. Сергѣй потребовалъ, чтобы въ 12 ч. она удалилась, ей запре-

щены танцы на два мѣсяца. Алек. Вас. Пашковъ имѣла вчера длинный и оживленный разговоръ съ m-elle Александринъ; не знаю, о чемъ шла рѣчь; но Отелло стоялъ у двери, блѣдный, а сестра его, выходя, сказала ему: ты получилъ лишь то, чего заслуживаешь, Ал. Вас. взялъ шляпу и тотчасъ уѣхалъ.

Moscou, le 1 Novembre 1834.

Nous avons eu hier un grand dîner chez Wolynsky; il y avait le p-ce Dmitri, beaucoup de sénateurs, la p-ce Wolkonsky Ек. Ал., la p-ce Saltykoff, la Хвостова, Dolgorouky et son frère, Novossilzeff etc. etc. Je vous dirai que le dîner, à mon étonnement, était mauvais (c'est-à-dire pour un dîner chez un Wolynsky), le vin mauvais, et il fallait batailler pour avoir une bouteille de vin devant soi; конфекты лавочныя, фрукты измятые, enfin ce n'est que cela. Ce ne sont pas les dîners de Дишка; mais des milliers de bougies, mais les Tyroliens pendant le dîner на хорахъ, et les Bohemiens après dîner. Il va donner cet hiver des bals chaque semaine et fixe pour cela 10 m. r. par mois.

Москва, 1 Ноября 1834.

Вчера мы были на большомъ обѣдѣ у Волынскаго; былъ тамъ кн. Дмитрій, много сенаторовъ, княгиня Волконская, Ек. Ал., княгиня Салтыкова, Хвостова, Долгорукій и его братъ, Новосильцевъ и т д. и т. д. Скажу тебѣ, что, къ моему удивленію, обѣдъ былъ плохой (т. е. для обѣда у Волынскаго), вино плохое, и нужно было сражаться, чтобы получить бутылку вина къ прибору, конфекты лавочныя, фрукты измятые, словомъ, только все подобное. Это не Дишкины обѣды; но тысячи свѣчей, Тирольцы на хорахъ во время обѣда и Цыгане послѣ обѣда. Онъ будетъ давать этой зимой балы каждую недѣлю и опредѣляетъ на это 10 т. руб. ежемѣсячно.

Moscou, le 8 Novembre 1834.

On ne parle que de maladie et de mort. On dit que Rachmanoff, marié à la Wolkoff, est mort à Vienne; mais l'aventure de Bibikoff, Дм Гав., est plus tragique. Mon frère me dit seulement qu'il est très mal; ici on raconte que sa femme vit en songe sa belle-mère, qui lui demandait pourquoi elle ne portait pas une robe noire? Elle répondit qu'il y avait une année qu'elle était morte, à quoi la belle-mère dit: ce n'est pas vrai, il n'y a pas une année que j'ai quitté la terre et puisque c'est ainsi, vous allez mettre le deuil pour mon fils que j'appelle à moi. Effrayée, elle raconte le rêve à son mari et comme il venait de voir aussi sa mère en rêve lui fesant le même reproche, il en fut si frappé, qu'il gagna une fièvre. Voilà une histoire bien tragique. Анна Дм. Нарышкина est dans des transes horibles et a fait des croix sur tous les murs de sa chambre; car la nuit, quand son mari et son fils rentrent à la maison, ils voyent toujours une énorme femme en blanc campée près de l'escalier et quand on veut l'approcher ou lui parler, elle disparait tout

d'un coup sans qu'on puisse la retrouver. Cela est arrivé déjà trois fois, je le tiens d'eux-même et jugez qu'ils n'ont ni approfondi la chose, ni appelé la police. Вотъ какія у насъ проказы безъ васъ.

Москва, 8-е Ноября 1834.

Только и говорятъ, что про болѣзни да смерти. Говорятъ, Рахмановъ, женатый на Волковой, умеръ въ Вѣнѣ; а случай съ Бибиковымъ, Дм. Гав. еще трагичнѣе. Мой братъ сообщаетъ мнѣ только, что онъ очень плохъ; здѣсь же разсказываютъ, будто жена его видѣла во снѣ свою свекровь, которая спрашивала ее, почему она не носитъ чернаго платья? Она отвѣтила, что годъ прошелъ со дня ея смерти, на что свекровь сказала: это не правда, нѣтъ года какъ я покинула землю, а за это вы надѣнете трауръ по моемъ сынѣ, котораго я зову къ себѣ. Испуганная, она разсказала сонъ своему мужу и такъ какъ онъ тоже только что видѣлъ во снѣ свою мать, дѣлающую ему тотъ же упрекъ, онъ былъ до того пораженъ этимъ, что схватилъ лихорадку, перешедшую въ горячку... Вотъ довольно трагическая исторія. Анна Дм. Нарышкина въ ужасномъ страхѣ и надѣлала крестовъ на всѣхъ стѣнахъ своей комнаты, такъ какъ ночью, когда ея мужъ и сынъ возвращаются домой, они всегда видятъ огромную женщину въ бѣломъ, стоящую у лѣстницы, а когда хотятъ къ ней подойти или заговорить съ нею, она вдругъ исчезаетъ, и нельзя ее найти. Это случилось уже три раза, я слышалъ объ этомъ отъ нихъ самихъ и представь, они этого дѣла не изслѣдовали и полицію не позвали. Вотъ какія у насъ проказы безъ васъ.

Moscou, le 12 Novembre 1834.

Grande nouvelle! Voyons, devinez de quoi il s'agit, ma chère Olga, vous, qui avez tant de pénétration, vous ne devinerez jamais. Il faudrait faire ma lettre dans le genre de celle de madame Sévigné, quand elle annonce à mad. de Crignan le mariage de Mademoiselle avec m-r de Lauzun; car il s'agit d'un mariage aussi; il n'est pas extraordinaire comme celui là, au contraire, je le trouve très bien assorti. Les deux époux m'intéressent si peu, que je n'irai pas broder quatre pages sur ce sujet.... Enfin, préparez-un ducat, car dans neuf mois-naîtra peut-être l'Antichrist, comme l'a dit votre maman très plaisamment. Je parie que vous l'avez déjà deviné... eh bien, c'est cela même. Hier a été célébré le mariage de m-elle Kindiakoff avec Satan Raewsky! Comment trouvez vous cela? La chose a été bien vite bâclée. Cette nouvelle m'a été communiquée par Serge et Nicolas Pachkoff au théâtre français. Je ne croyais pas que la chose se fasse si tôt. Le soir vous pouvez vous imaginer quelle rumeur chez les Pachkoff, il n'était question que de cela dans tous les coins. Quand m-elle Хомутова entra, la vieille A. H. se mit à applaudir en lui disant: ай-да Анна Гр., славно сработала, мастерица!—Неужели вы такихъ мыслей обо мнѣ?—Да я тò думаю, чтò есть. L'autre ne savait que devenir, et elle eu bien des humiliations à avaler, tellement, qu'elle fut obligée de partir bientôt. Au reste, pourquoi lui tomber sur le corps? Comme si sans m-elle X. la

chose ne pourait pas s'arranger? Si elle doit éprouver de l'embarras, c'est devant Poutiata, dont elle fesait passer les billets à l'intéressante et trop senisble Catiche-Caniche... Jugez de l'attachement de la petite pour sa mère et tous ses parents: à peine fut elle mariée, qu'elle partit seule, avec son cher époux, pour la campagne, d'où elle ne revient que pour le 24. Скоро же она привыкла къ муженьку своему и къ новому порядку вещей. Je ne vois pas le pourquoi de ce départ. En général tout cela est si sale, abominable, qu'on n'y conçoit rien. Ce qu'ils pouraient faire de mieux, c'est d'aller s'établir quelque-part sur les frontières de la Chine... Cependant, s'il faut juger sans partialité, que pouvait-il arriver à Caniche de plus heureux que de trouver un manteau qui puisse couvrir sa conduite scandaleuse et quel autre manteau aurait voulu se prêter à ce beau rôle! Il y a un proverbe qui est fait pour eux: ce qui se ressemble se rassemble. Nicolas P. a cherché à me tirer les vers du nez; il me parla de ce mariage pendant un quart d'heure; je lui répondis: Seigneur, je pense, que personne n'est en droit d'approuver ou de noircir; cela regarde les proches parents, au bout du comte c'est à m-elle K. à vivre avec m-r R. et à m-r R. de partager le sort de m-elle K., sur quoi il me répondit: vous avez parfaitement raison, et me laissa tranquille. Mais basta de cela.

La p-ce Yousoupoff part après demain pour Pétersbourg, j'irai ce soir lui faire mes adieux.

Nous sommes dans la joie. Костя a reçu des mains du gr.-duc Michel la dragonne d'argent и звѣздочку на погоны, il a déjà commandé son взводъ de soldats. Le voilà le pied dans l'étrier et officier à la première occasion, mais cette occassion se fera encore attendre près de 6 ou 8 mois.

Je vous envoye une lettre de votre frère et de Catherine. Le pauvre Orloff va très mal, son père est arrivé avant-hier, il a fait une consultation, mais à quoi cela peut-il mener? Il est devenu, dit on, méconnaissable, pauvre garçon! Mourir si jeune! Bibikoff a été malade à la mort, mais va mieux cependant; il a un semestre d'une année et ira probablement dans l'étranger, c'est Wiasemsky qui le remplacerait, s'il était ici; je ne sais qui on nommera provisoirement. Vous ai-je dit que l'Empereur, parti de Pétersbg le 27 Oct, le 1 Novembr était déjà à Berlin? L'Impératrice ne s'est pas possédée de joie, et, c'étaient deux au lieu d'une, et si inattendu. Je viens de recevoir votre lettre du 9, ma chère amie. Le Lovelace de Simbirsk, dont parle Wiasemsky, c'est Tourguéneff, que nous attendons tous les jours. Pour faire aujourd'hui même votre commission, j'ai été sur-le-champ chez Beckers, il n'y a rien qui vaille pour le moment; je vous envoye les deux gravures qui sont encore le

mieux. A propos, j'ai à vous annoncer la mort subite d'un homme qui ne vous était pas indifférent du tout; s'il vous donnait de l'ouvrage, vous lui donniez aussi de la tablature, en cela vous faisiez assaut avec maman Calme et, comme c'est un ourseau qui ne bouge pas de chez lui, vous alliez le trouver toutes deux et séparément; ce qu'il y a de drôle, c'est que Дишка n'en prenait pas ombrage, enfin c'est ce pauvre Kapff qu'on a enterré hier et qui est mort tout d'un coup.—Нѣтъ, каковъ? Il me semble toujours que la noce fameuse s'est faite ainsi: un matin Satan dit à Caniche: qui diable voudra de vous après l'histoire de Poutiata?... Et qui, diable, répond Caniche, voudra de vous après votre infâme histoire d'Odessa, votre exil, votre réputation? Et bref et spontanément, ils s'écrient en même temps: marions nous, le proverbe ne dit-il pas: ce qui se ressemble, se rassemble! Or, les proverbes ont toujours raison. Экіе сахары!

12-е Ноября 1834.

Великая новость! Ну, дорогая моя Ольга, угадай въ чемъ дѣло, ты та-такая проницательная, никогда не отгадаешь. Слѣдовало бы составить мое письмо въ родѣ письма m-me Севиньэ, когда сообщаетъ m-me de Grignan о свадьбѣ наслѣдной принцессы съ Лозёнъ, такъ какъ и теперь дѣло тоже идетъ о бракосочетаніи; оно не столь необыкновенно какъ то; наоборотъ, я нахожу, что супруги составляютъ прекрасную пару. Оба супруга такъ мало меня интересуютъ, что я не стану много расписывать объ этомъ.... однимъ словомъ, готовь червонецъ, такъ какъ черезъ девять мѣсяцевъ, можетъ быть, родится Антихристъ, какъ презабавно сказала твоя маменька. Готовъ спорить, что ты уже отгадала. Ну, такъ, это именно такъ и есть. Вчера было совершено бракосочетаніе m-elle Киндяковой съ Сатаною Р... Какъ ты это находишь? Дѣло быстро оборудовано. Эта новость была мнѣ сообщена Сергѣемъ и Николаемъ Пашковыми во Французскомъ театрѣ. Я не думалъ, что это произойдетъ такъ скоро. Ты можешь себѣ представить, какое волненіе было вечеромъ у Пашковыхъ, во всѣхъ углахъ только объ этомъ и шла рѣчь. Когда вошла m-elle Хомутова, старуха А. Н. начала хлопать въ ладоши, говоря ей: ай да Анна Гр., славно сработала, мастерица!—Неужели вы такихъ мыслей обо мнѣ?—Да, я тò думаю, чтò есть. Та не знала какъ быть, ей пришлось вынести немало оскорбленій, до того, что она была принуждена вскорѣ уѣхать. Въ сущности, почему на нее нападаютъ? Какъ будто дѣло безъ Хомутовой не могло устроиться? Если она должна чувствовать неловкость, то передъ Путятой, записки котораго она передавала интересной и слишкомъ чувствительной Катишъ-Канишъ. Суди о привязанности женки къ ея матери и ко всѣмъ роднымъ: только что она обвѣнчалась, какъ уѣхала одна со своимъ дорогимъ супругомъ въ деревню, откуда вернется только къ 24-му. Скоро же она привыкла къ муженьку своему и къ новому порядку вещей. Я не вижу причины этого отъѣзда; вообще все это такъ грязно, отвратительно, что ничего въ этомъ не поймешь. Самое лучшее, чтò бы они могли сдѣлать, это уѣхать, поселиться гдѣ нибудь на границѣ Китая... Впрочемъ, если судить безпристрастно, чтó могло случиться съ Канишъ болѣе счастливаго, чѣмъ находка плаща, который бы могъ прикрыть скандальное поведеніе ея, и какой другой плащъ захотѣлъ бы предложить себя для такой прекрасной роли? Есть пословица, подходящая къ нимъ: по-

добный подобнаго ищетъ. Николай П. пытался вывѣдать у меня тайну; онъ говорилъ мнѣ объ этомъ бракѣ четверть часа; я отвѣтилъ ему: Боже, я думаю, что никто не въ правѣ одобрять или порицать, это касается близкихъ родныхъ; да наконецъ вѣдь m-elle К-ой придется жить съ Р., а Р. раздѣлять судьбу Киндяковой, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: вы совершенно правы и оставилъ меня въ покоѣ. Но полно объ этомъ.

Княгиня Юсупова уѣзжаетъ послѣ завтра въ Петербургъ, поѣду сегодня вечеромъ проститься съ нею.

У насъ радость: Костя получилъ изъ рукъ вел. кн. Михаила серебряный темлякъ и звѣздочку на погоны, онъ уже командовалъ своимъ взводомъ солдатъ. Вотъ онъ уже вышелъ на дорогу и будетъ офицеромъ при первомъ случаѣ, но случай этотъ заставитъ себя ждать около 6 или 8 мѣсяцевъ.

Посылаю тебѣ письмо отъ твоего брата и отъ Катеньки. Бѣдный Орловъ очень плохъ, отецъ его пріѣхалъ третьяго дня; онъ устроилъ консультацію, но къ чему это можетъ привести? Говорятъ, онъ сдѣлался неузнаваемъ. Бѣдный малый! Умереть такимъ молодымъ! Бибиковъ былъ боленъ при смерти, теперь ему лучше, между тѣмъ у него годовой отпускъ, и вѣроятно онъ поѣдетъ за границу; будь Вяземскій здѣсь, онъ замѣнилъ бы его; не знаю, кого временно назначатъ. Писалъ ли я тебѣ, что Государь, выѣхавъ изъ Петербурга 27-го Октября, 1-го Ноября былъ уже въ Берлинѣ? Императрица была внѣ себя отъ радости, которая была двойною и столь неожиданною. Только что получилъ твое письмо отъ 9-го, дорогой мой другъ. Симбирскій Ловеласъ, о которомъ говоритъ Вяземскій, это Тургеневъ, ожидаемый нами ежедневно. Чтобы сегодня же исполнить твое порученіе, я тотчасъ съѣздилъ къ Бекерсу, у него ничего въ данное время нѣтъ, ничего что годилось бы; посылаю тебѣ двѣ картины, которыя еще лучшія. Кстати долженъ сообщить тебѣ о внезапной смерти человѣка, который былъ для тебя совсѣмъ не безразличенъ; если онъ давалъ тебѣ работу, то и ты тоже дѣлала ему хлопотъ; въ этомъ вы съ маменькой Кальмъ дѣлали приступы, и такъ какъ онъ медвѣжонокъ, который не шевелится изъ дому, вы отправлялись къ нему обѣ вмѣстѣ или порознь; что въ этомъ забавно, это то, что въ Дишкѣ это не вызывало подозрѣній; однимъ словомъ, это бѣдняга Карфъ, котораго хоронили вчера и который умеръ вдругъ.—Нѣтъ, каковъ? Мнѣ все кажется, что знаменитая свадьба устроилась такъ: однажды утромъ Сатана сказалъ Канишѣ: кому, чортъ возьми, вы нужны послѣ исторіи съ Путятой?.... А кому, чортъ возьми, отвѣчаетъ Канишъ, вы нужны послѣ вашей гнусной Одесской исторіи, вашей ссылки, вашей славы? И вдругъ добровольно они въ одно и тоже время вскрикиваютъ: женимтесь, развѣ не говоритъ пословица: подобный подобнаго любитъ! Но пословицы всегда справедливы. Экіе сахары!

Moscou, le 15 Novembre 1834.

L'Impératrice revient à Pétersbourg le 25 et l'Empereur le 27. L. M. I. prennent des routes différentes. On assure que l'Empereur passera par Varsowie; je ne le crois pas: ces cochons de Polonais ne le méritent pas. Cela ne ramènerait pas les anarchistes enragés; quant à la multitude, elle voit clairement que cette sotte révolution est l'ouvrage des ennemis du pays et pas des patriotes et qu'il n'y a qu'un salut: le repentir et la fidélité pour l'avenir. Je suis charmé que la gravure ait été de votre goût, j'ai commandé ce que vous vouliez pour le portrait transposé du

p-ce Dmitri, mais je l'ai coupé des deux côtés, car la forme n'avait pas de grâce.—J'ai vu hier au théâtre la c-sse Emilie de loin.—Il y a un Juif baptisé qui vient d'arriver et qui représente bien Joko, le singe de Brésil, il a fait hier des sauts et des tours admirables.

Le schah de Perse est mort après un règne de 44 ans. On craint de ce côté-là.

Москва, 15 Ноября 1834.

Императрица вернется въ Петербургъ 25-го, а Государь 27-го. Ихъ Вел. ѣдутъ различными путями. Увѣряютъ, будто Государь проѣдетъ черезъ Варшаву; я этого не думаю: свиньи, Поляки не заслуживаютъ этого. Это не образумило бы бѣшенныхъ анархистовъ; что̀ касается народа, онъ ясно видитъ, что эта дурацкая революція есть дѣло враговъ страны, а не патріотовъ и существуетъ только одно спасеніе: раскаяніе и вѣрность въ будущемъ. Очень радъ, что картина оказалась въ твоемъ вкусѣ; я заказалъ то, что̀ ты хотѣла для переведеннаго портрета князя Дмитрія, но я обрѣзалъ его съ двухъ сторонъ, такъ какъ размѣръ былъ не красивъ. Вчера я видѣлъ въ театрѣ графиню Эмилію издали. Только что пріѣхалъ крещеный Еврей, который хорошо представляетъ Жоко, Бразильскую обезьяну; вчера онъ дѣлалъ удивительные прыжки и фокусы.

Умеръ шахъ Персидскій послѣ 44 лѣтъ царствованія. Опасаются съ этой стороны.

Moscou, le 19 Nov. 1834.

C'est toujours le fameux mariage qui occupe les oisifs, а мнѣ стало это уже гадко. Voici un quatrain que Néelof a composé:

Демону.

Ужъ подлинно собаку съѣлъ
И адски поступилъ.
Путяту онъ поддѣлъ,
Катишку подцѣпилъ!

Москва, 19 Ноября 1834.

Эта знаменитая свадьба все еще занимаетъ праздныхъ людей, а мнѣ стало это уже гадко. Вотъ четверостишіе, сочиненное Нѣловымъ.

МАСОНСКІЯ ПѢСНИ.

1810—1813.

Аристотель и Платонъ видѣли въ музыкѣ средство воспитывать молодое поколѣніе. Звуками можно возбудить и добрыя чувства, и низменныя страсти, пробудить «дремлющую божественную натуру и спящаго звѣря», какъ выражались Русскіе масоны. И братья-масоны Русскихъ ложъ, видѣвшіе въ музыкѣ и пѣніи великую силу, ни одно собраніе свое не совершали безъ пѣнія подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ. У нихъ были особыя пѣснопѣнія, которыя надлежало пѣть при совершеніи различнѣйшихъ обрядовъ. Напѣвы отличались большою торжественностью, а часто и грустью: пѣсни должны были наполнить души братьевъ великимъ экстазомъ великой любви ко всему человѣчеству, великою скорбью о злобѣ людской или мистическимъ восторгомъ. Нѣкоторыя пѣснопѣнія впрочемъ, воспѣвавшія «сладость явствъ и женщинъ красоту», возбуждали желаніе наслаждаться земными благами, но пѣсень такихъ было совсѣмъ мало. По рукамъ братьевъ-масоновъ ходили списки многихъ десятковъ пѣсень; были и печатные сборники, изданные на средства щедрыхъ братьевъ. Различныя ложи имѣли различные сборники, заключавшіе въ себѣ избранныя пѣсни для употребленія во время масонскихъ собраній. Содержаніе пѣсень такихъ сборниковъ служило вѣрнѣйшей характеристикой членовъ какой либо ложи; такъ въ знаменитой ложѣ Соединенныхъ Друзей любимыми пѣснями были тѣ, въ которыхъ братья приглашались къ служенію двумъ великимъ божествамъ древней Греціи, Вакху и Эроту, хотя братья этой веселой ложи горестно и восклицали подчасъ:

Вотще мнимъ хладной крови
Умножить жаръ виномъ!

Въ нижеслѣдующихъ пѣсняхъ, пѣтыхъ въ ложѣ Нептуна, въ годы возрожденія масонства при императорѣ Александрѣ I-мъ, нѣтъ и помину о винѣ и любви къ женщинамъ; въ нихъ, наоборотъ, призывъ ко всепрощающей любви ко всему человѣчеству, ко всѣмъ страждущимъ и обездоленнымъ, къ презрѣнію земныхъ благъ, къ любви смерти, какъ переходу въ лучшее духовное состояніе. Изъ пятнадцати пѣсенъ рукописнаго сборника ложи Нептуна привожу три наиболѣе характерныя; четвертая, посвященная императору Александру Павловичу, воспѣваетъ любвеобильнаго, кроткаго правителя, отца всѣхъ нуждающихся, восхваляетъ мудрость его и призываетъ его на лоно масонства.

Тира Соколовская.

I.

Пой пѣснь согласно
Дружбы соборъ!
Лучъ солнца ясно
Видитъ нашъ взоръ.

* * *

Братья, гоните
Мрачность и страхъ,
Свѣта ищите
Въ вашихъ сердцахъ.

* * *

Боги земные
Пусть къ намъ придутъ,
Узы святыя
Миръ намъ дадутъ.

* * *

Помня законы
Всѣмъ помогать,
Слезы и стоны
Тщитесь прервать.

* * *

Пусть человѣки
Чтутъ васъ за злыхъ;
Благости рѣки
Лейте на нихъ.

* * *

Скорбьми, бѣдами
Міръ васъ гнететъ.
Сѣйте слезами,
Радость васъ ждетъ.

* * *

Пусть злость жестоко
Громомъ грозитъ,
Солнце съ Востока
Братьевъ живитъ.

* * *

Отче небесный,
Дай силы намъ
Прейти путь тлѣнный.
Веди насъ Ты самъ.

* * *

Лучъ милосердый
Насъ просвѣщай;
Ты-жъ камень твердый
Въ вѣкъ насъ питай.

* * *

Какъ домъ тѣлесный
Въ гнилость падетъ,
Мастеръ небесный
Въ гробъ нашъ сойдетъ.

* * *

Смертну природу
Адъ сокрушитъ,
Жизнь и свободу
Намъ возвратитъ.

* * *

Взвейтесь сердцами
Выше всѣхъ звѣздъ,
Блещетъ предъ вами
Розовый крестъ.

* * *

Онъ васъ наставитъ,
Онъ озаритъ,
Тѣло прославитъ,
Духъ оживитъ.

II.

Пусть громко міръ ругаетъ насъ,
Злословитъ и клевещетъ,
Не вреденъ намъ завистныхъ гласъ,
Коль свѣтъ съ Востока блещетъ.
Не станемъ мы сей міръ бранить,
Хотя бы сталъ намъ зло творить;
Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить.

* * *

Вся тайна истинно въ любви,
Но міръ сего не знаетъ;
Питая тщетно желчь въ крови,
Онъ много самъ теряетъ.
А если бъ могъ здѣсь съ нами быть,
То могъ бы сладость тужъ вкусить:
Узналъ бы, узналъ бы, какъ любить.

* * *

Пусть міръ противу насъ жестокъ,
Зла творитъ намъ много;
Мы тайно слезный льемъ потокъ,
Но міръ не судимъ строго.
Во вѣкъ не думали мы мстить,
Старались мы въ сердцахъ твердить:
Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить.

* * *

Прельщенный въ мірѣ суетой,
Оставь твои забавы:
Приди сюда, найдешь покой
Прямой достигнешь славы.
Коль хочешь жизнь перемѣнить,
Награду можешь получить.
Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить.

* * *

Любовь превыше всѣхъ отрадъ
Вмѣщаетъ всѣ блаженства,
Она любезнѣй всѣхъ наградъ
Источникъ совершенства.
О чемъ же больше намъ тужить?
Чтобъ въ полной радости прожить:
Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить

III.

Все въ мірѣ побѣждаетъ
Небесная любовь;
Изъ мертвыхъ воскрешаетъ
И насъ рождаетъ вновь.
Въ любви всѣхъ выше сладость,
Въ любви чистѣйша радость,
Блаженства верхъ въ любви;
Одною ей живи.

* * *

Чего жъ ты хочешь болѣ,
Коль знаешь, какъ любить?
Какъ можешь быть въ неволѣ,
Коль можешь цѣпь носить?
Въ одной любви свобода,
Ей дышитъ вся природа;
Оковы разорви
И будь всегда въ любви.

* * *

Ничто противу силы
Любви не устоитъ.
И даже мракъ могилы
Любовь намъ освѣтитъ.
Любовь глаза закроетъ,
Утѣшитъ, успокоитъ,
И дастъ намъ чувство вновь,
Что приметъ насъ любовь.

IV.

Царь Россовъ, кроткій ангелъ міра,
Отецъ, покровъ вдовы и сира,
Владѣлецъ Россовъ и сердецъ!
Владѣй на много лѣтъ ты нами,
И да блистаетъ надъ царями,
Какъ солнце въ небѣ твой вѣнецъ.
Господь любви, міровъ строитель,
Твой вѣчно будетъ покровитель.

* * *

Не любишь лить ты кровь ручьями.
Ты стелешь Россовъ путь цвѣтами,
Даришь имъ счастье и покой.
Ты тѣмъ прямой достигнулъ славы,
Что далъ имъ мудрые уставы,
Ліющи блага къ нимъ рѣкой,
Господь любви и пр.

* * *

Бронею правды облеченный
Щитомъ же вѣры украшенный,
Въ рукахъ имущь духовный мечъ;
Коль врагъ противъ тебя возстанетъ,

Господь, Богъ силъ перуномъ грянетъ,
Чтобъ всѣхъ враговъ твоихъ пожечь.
Господь любви и пр.

* * *

Разгонишь ты невѣжества мраки,
Исчезнутъ вредные призраки
Ученій ложныхъ и суетъ.
Алтарь ты истинѣ поставишь,
Научишь Россовъ и прославишь,
Прольешь на нихъ любовь и свѣтъ.
Господь любви и проч.

* * *

Любовь небесная святая,
Тебя рукою провождая,
Введетъ тебя въ небесный храмъ.
Гдѣ съ царствомъ съединишь священство,
Обрящешь новое блаженство,
Возжегши чистый ѳиміамъ.
Господь любви и пр.

* * *

Тамъ вкусишь сладости небесны,
Познаешь таинства чудесны;
Тамъ узришь ты Царя Царей,
И черпля тамъ животну воду,
Прольешь подвластному народу
Дары любви рукой своей.
Господь любви и пр.

ПРОШЕНІЕ НИКИФОРА ПУШКИНА къ В. С. ПОПОВУ.

(1801).

Въ 1796 году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и высочайшимъ указомъ опредѣленъ къ строенію Михайловскаго замка съ производженіемъ прежде получаемымъ жалованья изъ Кабинета по 1200 рублей въ годъ. Находясь при ономъ строеніи болѣе двухъ лѣтъ, при усердномъ раченіи моемъ, дворецъ и при ономъ экзерциргаузъ, конюшенный корпусъ и два противу дворца флигеля отстроены вчернѣ и покрыты. О производствѣ сихъ строеніевъ покойному Государю отчеты представлены, на которые послѣдовало вновь повелѣніе, за своеручнымъ Его Величества подписаніемъ, объ отпускѣ добавочныхъ суммъ и бытіи въ экспедиціи присутствующимъ. Во все время бытности моей при строеніи, заготовленіе матеріаловъ, наемъ рабочихъ дешевле смѣтныхъ цѣнъ были отыскиваемы и безъ превышенія противъ протчихъ въ казенныхъ мѣстахъ строеніевъ, и ни въ чемъ не было остановокъ. А въ 1799 году начальствующій графъ Тизенгаузенъ, желая опредѣлить родственника своего Вангерсгейма, объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобъ мнѣ въ экспедиціи онаго строенія не присутствовать; и черезъ два дни своего родню на мѣсто мое помѣстилъ, который съ протчими чиновниками, при въѣздѣ Государя въ замокъ, награжденія получили, а я, не сдѣлавъ никакого проступка, а единственно по нерасположенію графа Тизенгаузена, лишенъ сей милости, и если бы соблаговолено было сдѣлать разсмотрѣніе въ цѣнахъ у сего производства строенія, то послѣ бытности моей гораздо превышало въ цѣнахъ у всѣхъ работъ и въ покупкѣ матеріаловъ, что сіе доказалось бы по дѣламъ оной экспедиціи.

И сверхъ употребленія меня указомъ же въ 1796 году Декабря 16-го опредѣленъ членомъ въ бывшую контору строенія, что́ нынѣ именуется гофъ-интендантской, въ которой, съ опредѣленія по сіе время, продолжаю служеніе, и по оной въ 1800-мъ году Генваря 3-го дня, по представленію означеннаго графа Тизенгаузена, съ протчими по линіи

пожалованъ въ статскіе совѣтники, а жалованье производилось по сіе время изъ Кабинета по 1200 рублей въ годъ, которое я получалъ при опредѣленіи въ Царскосельскую контору, будучи артиллеріи капитаномъ. И 1800 года въ Ноябрѣ мѣсяцѣ высочайшимъ же указомъ повелѣно быть въ комиссіи построенія Казанской церкви, по которой также никакого жалованья не опредѣлено, и нынѣ служеніе имѣю по двумъ командамъ, а жалованье получаю опредѣленное, по бытности въ чинѣ артиллеріи капитана.

А потому всеподданѣйше прошу вашего превосходительства о великодушномъ неоставленіи предстательствомъ исходательствованія отъ Монаршаго престола воздаянія за службу, въ сравненіи получившихъ награжденіе за строеніе Михайловскаго замка, который вчернѣ при мнѣ былъ отстроенъ, а сверхъ сего при началѣ я имѣлъ честь покойному Государю при закладкѣ подносить и лопату; а въ бытность Царскосельской конторы имѣлъ счастіе отъ Ея Величества покойной Государыни быть опредѣленнымъ къ особливому просмотру строющагося дворца Его Императорскому Высочеству, при чемъ и до окончанія отстройки находился, и милость сдѣлать опредѣлить жалованье по чину статскаго совѣтника противу протчихъ присутственныхъ мѣстъ штатнаго положенія, по 1875-ти рублей въ годъ.

Вашего превосходительства, милостиваго государя, съ преданнѣйшимъ высокопочтеніемъ есмь покорнѣйшій слуга Никифоръ Пушкинъ.

Маія 9-го дня 1801-го года.

КАѲЕДРА ТЕХНОЛОГІИ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ХИМІИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СЪ 1855 ГОДА [1]).

По Уставу Университетовъ 1884 г., дѣйствующему нынѣ (въ 1903 г.), полагается на физическо-математическомъ факультетѣ каѳедра технологіи и технической химіи. Технологіей называютъ науку, изучающую способы переработки продуктовъ природы въ предметы человѣческаго употребленія; а техническую химію можно разсматривать какъ часть технологіи, вѣдающую способы приготовленія и очищенія веществъ въ большомъ (заводскомъ) видѣ (все равно, будутъ ли эти вещества непосредственно употребляться человѣкомъ, или послужатъ матеріалами для полученія разныхъ издѣлій).

Технологія представляетъ собою сравнительно молодую науку, которая возникла лишь въ второй половинѣ XVIII вѣка, слѣдовательно значительно позже близкихъ съ нею механики, физики и химіи. Названіе «технологія» было дано этой наукѣ Гетингенскимъ профессоромъ Іоганомъ Бекминомъ въ 1772 г. [2]). Первый учебникъ технологіи, Anleitung zur Technologie, написанный Бекманомъ, изданъ въ Гетингенѣ въ 1777 г. Такимъ образомъ наука эта возникла уже послѣ основанія Московскаго Университета. Техническія знанія собирались и изучались конечно и раньше, но до Бекмана они не излагались въ видѣ одной системы, отдѣльной отъ другихъ системъ знаній.

Каѳедра технологіи въ Московскомъ Университетѣ возникла въ началѣ XIX столѣтія. Въ Исторіи Московскаго Университета Шевырева, Технологія появляется въ 1804 г. Въ уставѣ Московскаго Университета 1804 г. значится, что въ «отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ» преподаются «технологія и науки относящіяся къ тор-

---

[1]) Предлагаемая статья написана мною по порученію факультета для юбилейнаго сборника, изданіе котораго Московскимъ Университетомъ предполагалось въ 1905 г., но не состоялось вслѣдствіе отмѣны празднованія юбилея. Н. Л.

[2]) Karmarch, Geschichte der Technologie, München 1872, p. 864. Названіе *„технологія“* повидимому употреблялось и раньше; потому что Шевыревъ въ своей Исторіи Московскаго Университета (стр. 165) упоминаетъ, что на актѣ 30 Іюня 1869 г. студентъ Сибирской читалъ разсужденіе (по-латыни) „Опытъ минералогической технологіи: о тѣлахъ сгораемыхъ, искусствомъ произведенныхъ, выкапываемыхъ изъ земли“.

говлѣ и фабрикамъ». Въ отчетѣ попечителя Московскаго округа за тотъ же годъ упоминается, что «кандидатъ Озеровъ перевелъ Функову Технологію». Въ 1805 г. былъ отправленъ заграницу, по распоряженію попечителя округа Муравьева, Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ «для усовершенствованія въ наукахъ» и въ особенности по технологіи.

Преподаваніе технологіи въ Московскомъ Университетѣ началъ Иванъ Алекѣевичъ Двигубскій въ 1806 г., какъ это видно изъ обзора преподаванія въ Московскомъ Университетѣ, приводимаго Шевыревымъ*). По Шевыреву «Двигубскій. . . . началъ преподаваніе технологіи по Бекману». Но и при самомъ возникновеніи каѳедра технологіи такъ же, какъ и теперь, не пользовалась симпатіей лицъ ее занимавшихъ; потому что, по сообщенію Шевырева, Двигубскій просилъ попечителя ввѣрить ему каѳедру минералогіи. Тѣмъ не менѣе Двигубскій продолжалъ читать технологію до 1813 г., когда былъ перемѣщенъ на каѳедру физики. Въ обозрѣніяхъ преподаванія 1807—1810 г.г. упоминается, что Двигубскій читалъ технологію по своей книгѣ (Шевыревъ, 392—393). Чеботаревъ по возвращеніи въ Россію читалъ (въ 1807—1808 г.) лекціи фабрикантамъ по нѣкоторымъ производствамъ и по технологіи вообще. Онъ состоялъ тогда «адъюнктомъ химіи и технологіи» и преподавалъ «химическія основанія политехнологическихъ наукъ» до 1811 г., когда выбылъ изъ Московскаго Университета.

Съ переходомъ Двигубскаго на физику преподаваніе технологіи въ Московскомъ Университетѣ на одинъ годъ прекратилось. Съ 1814—1815 г. вновь началъ преподавать технологію Ѳедоръ Алексѣевичъ Денисовъ, не имѣвшій еще тогда званія профессора. Въ 1818 г. онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ технологіи, а вскорѣ затѣмъ профессоромъ, въ каковой должности оставался до своей смерти въ 1830 г. Въ Исторіи Шевырева упоминается, что подъ вѣдѣніемъ профессора Денисова былъ технологическій кабинетъ, въ которомъ «всѣхъ веществъ» считалось 220. Технологію онъ преподавалъ частію по своей книгѣ.

Преемникомъ Денисова по каѳедрѣ технологіи былъ Петръ Иларіоновичъ Страховъ. Послѣ кончины Денисова въ 1830 г. былъ объявленъ конкурсъ на замѣщеніе его каѳедры. Не смотря на троекратный вызовъ, никто не заявилъ желанія занять эту каѳедру, такъ что технологія съ 1830 по 1833 годъ не преподавалась. Въ 1833 году заявилъ желаніе занять каѳедру технологіи Страховъ, бывшій однако докторомъ медицины и адъюнктомъ на медицинскомъ факультетѣ. Совѣтъ Университета выбралъ Страхова въ профессора технологіи; но ему пришлось преподавать этотъ предметъ очень не долго, потому что въ 1835 г.

*) Вѣроятно это было вмѣстѣ съ тѣмъ начало преподаванія вообще науки этой въ Россіи.

былъ изданъ новый Уставъ Университетовъ, которымъ отдѣльная каѳедра технологіи уничтожалась, а вмѣсто нея вводилась каѳедра «Технологіи, Сельскаго Хозяйства, Лѣсоводства и Архитектуры». Вслѣдствіе этого Страховъ былъ переведенъ на каѳедру ветеринарной медицины, гдѣ оставался до 1846 г., когда вышелъ въ отставку. О Страховѣ необходимо здѣсь прибавить, что при составленіи Біографическаго Словаря профессоровъ Московскаго Университета, изданнаго въ 1855 г., онъ былъ живъ и самъ написалъ свою біографію, помѣщенную въ Словарѣ. Скончался онъ въ 1856 г. (Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. LXII, 305, 754; 1888).

Со Страховымъ прекратился на довольно долгое время рядъ профессоровъ технологіи въ Московскомъ Университетѣ. Въ Исторіи Шевырева, въ обзорѣ преподаванія съ 1836 по 1854 годъ, никто не упоминается какъ преподаватель технологіи и ничего не говорится о преподаваніи этого предмета въ Московскомъ Университетѣ. Несмотря на отсутствіе оффиціальнаго представителя, интересъ къ техно-химическимъ знаніямъ не изсякалъ въ Московскомъ Университетѣ. Начиная съ того же 1836 г., въ теченіи 18 лѣтъ, если не читались лекціи технологіи студентамъ, то читались лекціи «технологической химіи» Московскимъ фабрикантамъ. Чтеніе этихъ лекцій было поручено попечителемъ Московскаго округа графомъ Строгановымъ профессору химіи въ Московскомъ Университетѣ Родіону Григорьевичу Гейману. Графъ вѣроятно усмотрѣлъ пробѣлъ въ нашемъ высшемъ образованіи, происшедшій отъ уничтоженія самостоятельной каѳедры технологіи въ университетахъ. Вступительная лекція курса технической химіи для Московскихъ фабрикантовъ была прочитана Гейманомъ 16 Ноября 1836 г. и была потомъ напечатана. Этотъ курсъ состоялъ изъ 2 частей: въ 1-ой части излагались свѣдѣнія изъ общей химіи, а во 2-ой свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ производствамъ. Гейманъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ (Біогр. Слов. проф. М. У., I, 181) сообщаетъ, что читанныя имъ публичныя лекціи технической химіи съ каждымъ годомъ пріобрѣтали все больше слушателей. Число послѣднихъ съ 50 (въ 1836 г.) дошло потомъ почти до 500. Часть этихъ лекцій была издана. Профессоръ Гейманъ былъ уволенъ въ отставку въ 1854 г., за выслугой лѣтъ и скончался въ 1865 г. *).

Хотя по Уставу 1835 г. не было отдѣльной каѳедры технологіи, но полагался въ числѣ учебныхъ пособій «Технологическій кабинетъ и собраніе машинъ и моделей для прикладной математики».

Въ отчетахъ о состояніи Московскаго Университета за 1854—

---

*) О дѣятельности проф. Геймана въ Московскомъ Университетѣ см. Ломоносовскій Сборникъ, М. 1901, статья проф. Марковникова, стр. 61.

1856 г.г. говорится, что технологія не преподавалась за неимѣніемъ преподавателей. Равно не упоминается о нихъ въ перечнѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій техническаго кабинета или технической лабораторіи.

Возобновляется преподаваніе технологіи въ Московскомъ Университетѣ въ 1857 г., когда былъ приглашенъ изъ Казанскаго Университета Модестъ Яковлевичъ Киттары. Въ отчетѣ Моск. Унив. за 1857 г. говорится: «Его высокопревосходительство господинъ министръ народнаго просвѣщенія *), въ видахъ распространенія въ Москвѣ, какъ центрѣ нашей промышленности, техническихъ свѣдѣній, разрѣшилъ отдѣлить преподаваніе технологіи въ Московскомъ Университетѣ отъ каѳедры сельскаго хозяйства и лѣсоводства, съ которою технологія была соединена, и для преподаванія оной имѣть въ физико-математическомъ факультетѣ, по отдѣлу естественныхъ наукъ, особую каѳедру». Это распоряженіе, сдѣланное на слѣдующій годъ по окончаніи Крымской войны, весьма знаменательно. Можно думать, что важное значеніе техники для обороны современнаго государства, обнаружившееся въ этой войнѣ съ полною очевидностію, заставило наше учебное вѣдомство отказаться отъ пренебрежительнаго отношенія къ технологіи и возобновить ея преподаваніе въ университетахъ. Должно замѣтить однако, что починъ этой перемѣны исходилъ отъ Московскаго купечества, которое ходатайствовало объ учрежденіи каѳедры технологіи въ Московскомъ Университетѣ.

Въ дѣлахъ Совѣта М. Унив. за 1857 г. имѣется подлинное заявленіе Московскихъ фабрикантовъ по этому поводу. Въ своемъ «объясненіи», поданномъ «Московскому градскому главѣ» А. И. Колесову, фабриканты указываютъ, что они чувствуютъ необходимость «въ пріобрѣтеніи познаній по технологіи», что они просили о переводѣ въ Москву для преподаванія сего предмета профессора «Китара» изъ Казанскаго Университета. Но повидимому министръ народнаго просвѣщенія, одобряя вообще ходатайство фабрикантовъ, указалъ на отсутствіе въ министерствѣ денежныхъ средствъ. Вспомнимъ, что это было на слѣдующій годъ по окончаніи Восточной войны, сильно истощившей наши финансы. Вслѣдствіе этого Московскіе фабриканты заявляютъ слѣдующее. «Если министръ финансовъ, для возобновленія столь необходимаго пособія къ развитію нашихъ промышленныхъ силъ, не имѣетъ въ его распоряженіи прописанныхъ въ бумагѣ суммъ; то мы, съ своей стороны, чувствуя сколь полезно, для развитія отечественной промышленности, возобновленіе въ Москвѣ означенной выше каѳедры, охотно изъявляемъ согласіе на пожертвованіе....» Такимъ образомъ Московскіе

*) А. С. Норовъ. П. Б.

фабриканты соглашаются ежегодно жертвовать по 1572 р. 50 коп. на возобновленіе при Московскомъ Университетѣ преподаванія технологіи и единовременно 3000 руб. на устройство въ Университетѣ технологической лабораторіи. Подъ «объясненіемъ» имѣется 14 подписей различныхъ Московскихъ фирмъ. Я могъ разобрать слѣдующія: Александръ Шиповъ, Дмитрій Шиповъ, Семенъ Алексѣевъ, Лепешкина сыновья, Христіанъ Дырсенъ, Козма Кокушкинъ, Константинъ и Яковъ Прилуковы, Ефимъ и Иванъ Гучковы, Дмитрій Скуратовъ, Эмиль Цындель, Иванъ Четвериковъ, Евграфъ Молчановъ.

По общему уставу Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ 1863 г. учреждена во всѣхъ Русскихъ университетахъ на физико-математическомъ факультетѣ каѳедра «технической химіи» (§ 14 Устава) и положены по штату «техническій кабинетъ и лабораторія» съ ассигнованіемъ 1000 руб. въ годъ на ихъ содержаніе. Не смотря на это постановленіе, не во всѣхъ университетахъ стали преподавать техническую химію. Такъ въ Петербургскомъ университетѣ она читалась только годъ (1866—67) профессоромъ Менделѣевымъ, и во весь годъ онъ прочелъ намъ только о топливѣ; затѣмъ преподаваніе технической химіи прекратилось до 1885 года, когда я объявилъ тамъ курсъ ея, какъ приватъ-доцентъ. Для характеристики отношенія нашихъ учебныхъ сферъ къ технической химіи считаю полезнымъ привести, что когда я заявилъ о своемъ намѣреніи читать лекціи технической химіи въ Петербургскомъ университетѣ, одинъ изъ вліятельныхъ въ факультетѣ профессоровъ сказалъ мнѣ, что считаетъ такой курсъ безполезнымъ. Новый предметъ вѣдѣнія завоевываетъ себѣ мѣсто въ умахъ людей такъ же трудно, какъ произведенія новой фабрики на рынкахъ, переполненныхъ товарами.

Перейдя осенью 1857 года въ Московскій университетъ, Киттары вошелъ въ физико-математическій факультетъ съ ходатайствомъ сдѣлать слушаніе технологіи необязательнымъ для студентовъ естественнаго отдѣленія; но для тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы получить свидѣтельство о слушаніи ими технологіи назначать экзаменъ изъ этого предмета по окончаніи академическаго года. Это въ сущности тотъ же порядокъ, который практикуется въ нашихъ университетахъ и въ настоящее время (1903 г.) по отношенію къ преподаванію технологіи. Профессоръ Киттары находилъ, что одногодичный курсъ технологіи недостаточенъ, и полагалъ читать его два года, на III и IV курсахъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ указывалъ на необходимость имѣть для преподаванія, кромѣ технологическаго кабинета (тогда уже существовавшаго въ Московскомъ университетѣ) техническую лабораторію. Эти ходатайства профессора Киттары отъ 18 Декабря 1857 г. факультетъ

одобрилъ (Дѣло Совѣта 1857, № 881) и внёсъ въ Совѣтъ, который тоже съ ними согласился.

Въ слѣдующемъ (1858) году проф. Киттары занялся устройствомъ университетской технической лабораторіи. Въ отчетахъ Московскаго университета за 1858 г. и слѣд. до 1869 г. не упоминается въ числѣ учебно-вспомогательныхъ заведеній ни технической лабораторіи, ни техническаго кабинета, и только въ отчетѣ за 1869 г. появляется «Музей Промышленности», при чемъ упоминается «Техническій Кабинетъ», какъ существовавшій до того. Несмотря на это умолчаніе отчетовъ, техническая лабораторія тогда существовала, и въ ней происходили занятія. Лаборантомъ съ 1859 г. былъ все время при профессорѣ Киттары Александръ Михайловичъ Семеновъ, о чемъ упоминается и въ университетскихъ отчетахъ. Семеновъ оставался въ этой должности до своей кончины въ 1872 г.

Приступая къ преподаванію технологіи въ Московскомъ университетѣ, Киттары вѣроятно нашелъ технологическій кабинетъ недостаточно снабженнымъ образцами, потому что возбудилъ ходатайство чрезъ министра народнаго просвѣщенія о доставкѣ въ Московскій университетъ съ казенныхъ заводовъ коллекцій рудъ, металловъ, образцовъ различныхъ производствъ и моделей машинъ. Изъ дѣла Совѣта 1859 г. № 86 видно, что министръ народнаго просвѣщенія снесся по этому вопросу съ министромъ финансовъ Княжевичемъ и со статсъ-секретаремъ Гофманомъ, и министръ Княжевичъ сдѣлалъ свои распоряженія по этому ходатайству. Вѣроятно послѣдствіемъ ихъ была присылка въ началѣ 1861 г. въ Московскій университетъ образцовъ рудъ, плавней и разныхъ продуктовъ съ Нижнеисетскаго завода на Уралѣ (Дѣло Совѣта 1861, № 64).

Въ 1859 г. физико-математическому факультету былъ сдѣланъ запросъ отъ ректора, какихъ молодыхъ людей рекомендуютъ профессора, какъ могущихъ въ случаѣ надобности преподавать по ихъ предметамъ. По каѳедрѣ технологіи проф. Киттары рекомендовалъ вышеупомянутаго лаборанта Семенова и кандидата Казанскаго университета Григорія Ѳедченко, состоявшаго тогда лаборантомъ Московскаго Ремесленнаго Учебнаго Заведенія, нынѣ Техническаго Училища (донесеніе физ.-мат. фак. Совѣту 20 Ноября 1859). Въ 1862 г. въ отвѣтъ на запросъ ректора о молодыхъ людяхъ, готовящихся занять профессорскія должности, физико-математическій факультетъ донесъ Совѣту (29 Марта), что по каѳедрѣ технологіи имѣется въ виду магистрантъ Архиповъ, потомъ и занявшій эту каѳедру въ Московскомъ университетѣ.

Въ 1-ой половинѣ 60-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, много Русскихъ молодыхъ людей было послано заграницу для усовершенствованія въ наукахъ; въ числѣ ихъ былъ и лаборантъ тех-

нологической лабораторіи Семеновъ, пробывшій заграницей съ лѣта 1862 г. по февраль 1866. Въ его отсутствіе обязанности лаборанта технологической лабораторіи съ 1863 по 1866 г. исполнялъ кандидатъ Игнатьевъ съ вознагражденіемъ изъ сбора за слушаніе лекцій. Въ 1865 г. Киттары вошелъ въ Совѣтъ съ ходатайствомъ о дозволеніи ему пригласить помощника лаборанта по найму (за 25 р. въ мѣсяцъ) на счетъ суммы, отпускаемой на технологическую лабораторію. Это ходатайство было уважено, и на должность помощника лаборанта былъ приглашенъ кандидатъ Московскаго университета Болеславъ Новицкій, который занималъ эту должность съ 1 Января 1866 г. по 1 Октября 1867 г. Послѣ Новицкаго помощникомъ лаборанта былъ Медвѣдевъ, состоявшій въ этой должности съ 1868 до конца 1871 г.

Въ концѣ 1867 г. Киттары сталъ затрудняться преподаваніемъ всего курса технологіи, вслѣдствіе того что ему часто приходилось отлучаться изъ Москвы по дѣламъ службы въ военномъ вѣдомствѣ, и потому просилъ факультетъ поручить лаборанту Семенову, имѣвшему въ то время степень магистра химіи, преподаваніе техническаго анализа матеріаловъ и продуктовъ для студентовъ III и IV курсовъ. Семеновъ согласился читать эти лекціи безвозмездно. Совѣтъ въ засѣданіи 19 Декабря 1867 г. разрѣшилъ ходатайство профессора Киттары.

Въ 1866 г. Киттары вошелъ въ факультетъ съ просьбой соединить подъ его завѣдываніемъ кабинеты технологическій и практической механики; это соединеніе было разрѣшено Совѣтомъ въ Декабрѣ 1866 г. Въ слѣдующемъ году эти два кабинета были соединены съ сельско-хозяйственнымъ кабинетомъ въ одно учрежденіе, получившее названіе Промышленнаго Музея. Это учрежденіе, вчинателемъ котораго по всей вѣроятности былъ профессоръ Киттары, имѣло туже цѣль, которая осуществлена была позже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ Политехническомъ Музеѣ, находящемся на Лубянской площади. Это ясно видно изъ предложенія профессоровъ Киттары и Калиновскаго, внесеннаго въ Совѣтъ (19 Дек. 1867 г. , и послѣдующаго донесенія Правленія Совѣту. Въ предложеніи высказано слѣдующее.

«Въ Московскомъ обществѣ давно уже идетъ рѣчь объ учрежденіи въ Москвѣ промышленнаго музея; объ этомъ хлопотало и Московское Общество Сельскаго Хозяйства *), а также Департаментъ Сельскаго Хозяйства предполагалъ для этой цѣли перенести С.-Петербургскій Сельско-Хозяйственный Музей Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Москву; но до сихъ поръ эта общеполезная идея не могла осуществиться по разнымъ причинамъ. Такъ какъ Московскій универ-

*) Киттары былъ членомъ этого Общества.

ситетъ, имѣя механическій, технологическій и сельскохозяйственный кабинеты, можетъ отчасти удовлетворить этому требованію, то ординарные профессора Киттары и Калиновскій ходатайствуютъ предъ Совѣтомъ о помѣщеніи упомянутыхъ трехъ кабинетовъ въ нынѣшнюю технологическую аудиторію и о сліяніи штатныхъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на потребности этихъ кабинетовъ. Устроенный такимъ образомъ Промышленный Музей можетъ, подобно зоологическому и другимъ кабинетамъ, быть открытъ по воскреснымъ днямъ для публики и принесетъ несомнѣнную пользу. Во первыхъ, наглядно знакомилъ бы публику съ разнообразными научными пособіями технической и сельской промышленности, а во вторыхъ, при соединеніи агрономической лабораторіи съ технологической дастъ возможность учащимся заняться также и химическимъ разложеніемъ почвъ, сельскохозяйственныхъ продуктовъ и проч.»

Совѣтъ одобрилъ это предложеніе. Въ засѣданіи Совѣта 16 Марта 1868 г. Правленіе сообщило, что помѣщеніе для Промышленнаго Музея нашлось въ старомъ зданіи университета, куда и перенесены коллекціи трехъ вышеназванныхъ кабинетовъ*). Совѣтъ постановилъ объявить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объ открытіи Промышленнаго Музея для публики по праздничнымъ днямъ. Въ этомъ Музеѣ читались публичныя лекціи. Это видно изъ просьбы профессора Киттары предъ факультетомъ отъ 5 Окт. 1868 г. о разрѣшеніи израсходовать 450 руб. для потребностей публичныхъ лекцій технологіи, читаемыхъ имъ въ Промышленномъ Музеѣ, изъ суммы, имѣющейся на этотъ предметъ въ распоряженіи университета. На эти деньги были пріобрѣтены большіе десятичные вѣсы (за 53 р.), чувствительные вѣсы (отъ Гедвилло за 222 р.), аппаратъ Карре для приготовленія льда (за 175 р.). Въ отчетѣ университета за 1868 г. говорится, что профессоръ Киттары прочелъ безплатно 12 публичныхъ лекцій въ Музеѣ Промышленности университета: о серебреніи зеркалъ, о пивѣ, объ аміакѣ, объ искусственномъ приготовленіи льда, о строеніи злачнаго зерна, о пробѣ муки, о шерсти, о цинкѣ и цинковой посудѣ, о газовыхъ горѣлкахъ Бренера. Въ отчетѣ университета за 1869—70 акад. годъ упоминается, что въ Промышленномъ Музеѣ читалъ публичныя лекціи проф. Калиновскій «о Сельскомъ Хозяйствѣ».

По университетскому отчету за 1869 г. значится въ Музеѣ Промышленности 3811 предметовъ, въ томъ числѣ агрономическихъ 2863, техническихъ 836 и практической механики 112. При музеѣ была биб-

---

*) По сообщенію Алексѣя Николаевича Сабанина автору этого очерка, Промышленный Музей находился въ 3-мъ этажѣ угловаго флигеля стараго зданія, выходившаго на Никитскую и Моховую улицы, тамъ гдѣ послѣ помѣщалась университетская библіотека.

ліотека, содержавшая въ томъ же году около 600 названій книгъ. Въ 1869 г. на средства Музея пріобрѣтено 68 предметовъ и 117 книгъ (названій). Кромѣ того поступили пожертвованія: отъ Кастильона перчаточная и швейная машины, отъ инженеръ-технолога Свана модель перегоннаго винокуреннаго аппарата Коффея*), отъ Бреннера газовый числитель и фотометръ и отъ Леонтьева коллекція цинковой молочной посуды. Въ отчетѣ за 1871 г. упоминается, что въ этомъ году поступило въ Музей Промышленности 36 названій книгъ, въ 82 томахъ, 2 дубовыхъ стола, солнечный микроскопъ для демонстраціи на публичныхъ лекціяхъ и до 60 сельскохозяйственныхъ предметовъ. Изъ дѣлъ Правленія видно, что въ этомъ году было уплочено 23 рубля за рисунки, сдѣланные Цвиленевымъ для Промышленнаго Музея. Въ слѣдующемъ году въ отчетѣ не упоминается Музей Промышленности, а говорится о числѣ предметовъ въ технической лабораторіи. Но въ отчетѣ унив. за 1873 г. значится, что избранъ и утвержденъ въ должности «сверхштатнаго помощника лаборанта при Промышленномъ Музеѣ и агрономической лабораторіи кандидатъ Сабанинъ», котораго я слышалъ, что хотя онъ названъ былъ помощникомъ лаборанта, но самаго лаборанта Промышленнаго Музея тогда не было. О Музеѣ Промышленности въ позднѣйшихъ отчетахъ больше не упоминается.

М. Я. Киттары занималъ каѳедру технологіи въ Московскомъ университетѣ до 1869 года, въ которомъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію. Въ томъ же году былъ утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ технической химіи преподаватель химической технологіи въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ Иванъ Павловичъ Архиповъ, исправлявшій въ Училищѣ должность профессора. Въ 1875 г., по полученіи степени доктора технологіи, Архиповъ былъ утвержденъ въ званіи профессора технологіи въ университетѣ. При немъ прекратилъ существованіе Музей Промышленности, но зато въ университетскихъ отчетахъ появилась техническая лабораторія. Лаборантомъ этой лабораторіи при Архиповѣ былъ сперва Семеновъ; послѣ смерти Семенова былъ опредѣленъ въ 1872 г. лаборантъ Техническаго Училища Михаилъ Антоновичъ Поржезинскій. При технической лабораторіи Поржезинскій состоялъ до 1884 г., въ которомъ онъ былъ перемѣщенъ на должность лаборанта при фармацевтической лабораторіи. Въ отчетахъ университета за 1878, 1879, 1880 и 1881 года значится, что проф. Архиповъ преподавалъ техническую химію по 3 часа въ недѣлю для студентовъ III и IV курсовъ, и кромѣ того имѣлъ практическія занятія по тому же предмету. Въ то время въ Московскомъ университетѣ слушаніе и экза-

---

*) Аппаратъ Коффея, весьма употребительный въ Англіи въ разныхъ производствахъ, былъ первымъ по времени перегоннымъ аппаратомъ непрерывнаго дѣйствія.

менъ технической химіи были обязательны для всѣхъ студентовъ Естественнаго Отдѣленія. Въ 1882 г. Архиповъ выбылъ изъ числа профессоровъ Московскаго университета, вслѣдствіе перехода на службу въ Петербургъ по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Весною 1884 г. былъ выбранъ доцентомъ технической химіи въ Московскомъ унирситетѣ лаборантъ технической лабораторіи Казанскаго университета Иннокентій Ивановичъ Канонниковъ. Въ томъ же году былъ введенъ новый университетскій уставъ, по которому каѳедра технической химіи переименована въ каѳедру «технологіи и технической химіи». Въ концѣ 1884 г. Канонниковъ, по защитѣ диссертаціи на степень доктора химіи, былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора этой каѳедры; но въ Мартѣ 1886 г. онъ перешелъ въ Казанскій университетъ на должность ординарнаго профессора технологіи и технической химіи. Во время пребыванія Канонникова въ Московскомъ университетѣ техническая химія читалась на III и IV курсахъ студентамъ поступившимъ при уставѣ 1863 года; и потому она была по прежнему обязательна всѣмъ студентамъ Естественнаго Отдѣленія. Изъ литографированныхъ лекцій Канонникова видно, что онъ преподавалъ въ Московскомъ университетѣ подъ именемъ технической химіи техническій анализъ съ очень краткими очерками техническихъ производствъ. Экземпляръ лекцій, читанныхъ въ 1885—86 г., сохранившійся въ библіотекѣ при технической лабораторіи, представляетъ 25 листовъ по 8 стр. in quarto и содержитъ слѣдующія статьи: декстринъ, виноградный сахаръ, пиво, вино, спиртъ, крахмалъ, пшеницу, рожь, печеный хлѣбъ, тростниковый сахаръ. Въ началѣ каждой статьи помѣщено краткое изложеніе техническаго производства, иногда въ нѣсколькихъ строкахъ и не больше страницы; но анализъ изложенъ подробно, въ особенности анализъ вина. Такимъ образомъ эти лекціи представляли курсъ анализа питательныхъ веществъ, притомъ далеко не полный. Не отрицая полезности такого курса въ университетѣ, нельзя не замѣтить, что онъ долженъ быть лишь дополненіемъ къ курсу технической химіи, излагающему заводскія добыванія главнѣйшихъ веществъ. Канонниковъ слѣдовательно читалъ только часть технической химіи, да еще такую, которая гораздо больше изучается въ лабораторіи, чѣмъ на лекціяхъ.

Въ 1884 г. послѣ перехода Поржезинскаго въ фармацевтическую лабораторію опредѣленъ исправляющимъ должность лаборанта технической лабораторіи Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ, нынѣ профессоръ химіи въ Кіевскомъ Политехническомъ Институтѣ. Въ 1885 г. Коновалова въ должности лаборанта замѣнилъ Петръ Павловичъ Орловъ *).

---

*) Въ 1904 г. П. П. Орловъ переведенъ профессоромъ химіи въ Томскій Универ-

Въ 1885 г. утвержденъ въ званіи привать-доцента технологіи въ Московскомъ Университетѣ инженеръ-технологъ Николай Ѳедоровичъ Ярцевъ. Онъ читалъ по двѣ лекціи въ недѣлю спеціальные курсы по нѣкоторымъ отдѣламъ технологіи для желающихъ студентовъ Естественнаго Отдѣленія и оставался въ званіи приватъ-доцента до своей смерти въ 1893 г. Въ осеннемъ полугодіи 1886 и весеннемъ 1887 г. Ярцевъ объявилъ курсъ технологіи животныхъ продуктовъ; въ слѣдующіе года онъ объявлялъ курсъ техническаго анализа, по преимуществу выбирая анализъ питательныхъ веществъ.

Осенью 1886 г., послѣ перехода Канонникова въ Казань, сталъ преподавать техническую химію въ Московскомъ Университетѣ Николай Николаевичъ Любавинъ, сперва въ званіи приватъ-доцента, а съ 1890 г. въ званіи профессора, и продолжаетъ это преподаваніе до настоящаго времени (1903). Съ введеніемъ Устава 1884 г. техническая химія перестала быть обязательнымъ предметомъ для всѣхъ студентовъ Естественнаго Отдѣленія, а слушается лишь тѣми, которые выбираютъ техническую химію и агрономію для дополнительнаго испытанія въ Испытательной Комиссіи. По «Нормальному учебному плану по отдѣленію естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета», техническая химія преподается два семестральныхъ курса по четыре часа въ недѣлю. Преподаваніе шло такъ, что въ весеннемъ полугодіи читалась 1-я половина предмета студентамъ III курса, а въ осеннемъ полугодіи 2-я половина студентамъ IV курса. Въ весеннемъ семестрѣ прочитывалась техническая химія металоидовъ и части металовъ, а въ осеннемъ остальные металы и органическія вещества. Одновременно съ этимъ студенты III и IV курсовъ, избравшіе техническую спеціальность, работали въ технической лабораторіи. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимались въ технической лабораторіи и тѣ студенты, которые спеціализировались по агрономіи; точно такъ же, какъ и студенты, спеціализировавшіеся по технической химіи, работали и въ агрономической лабораторіи. Но потомъ, съ увеличеніемъ числа студентовъ на Естественномъ Отдѣленіи, не доставало уже мѣстъ для всѣхъ желающихъ работать въ этихъ лабораторіяхъ. Тогда, съ разрѣшенія высшаго начальства, предоставлено было студентамъ, избирающимъ для дополнительнаго испытанія технич. химію и агрономію, работать въ одной изъ поименованныхъ лабораторій, по ихъ выбору. Студенты, спеціализировавшіеся по технической химіи, представляли зачетное сочиненіе на тему по этому предмету; тоже со-

ситетъ, должность же лаборанта технической лабораторіи Московскаго Университета занялъ Алексѣй Митрофановичъ Ушаковъ. (Позднѣйшее примѣчаніе автора).

чиненіе, часто съ передѣлкою, представлялось въ Испытательную Комиссію. На государственномъ экзаменѣ эти студенты, кромѣ устнаго экзамена, которому они подвергались вмѣстѣ со специалистами по агрономіи, писали отвѣты на темы по технической химіи.

Число студентовъ, представлявшихъ сочиненія по технической химіи въ Испытательныя Комиссіи, было по годамъ слѣдующее:

Въ 1889 г. *)	1	Въ 1896 г.	5
„ 1890	3	„ 1897	1
„ 1891	3	„ 1898	8
„ 1892	5	„ 1899	3
„ 1893	3	„ 1900	11
„ 1894	6	„ 1901	9
„ 1895	6	„ 1902	7

Программа технической химіи, по которой экзаменуются студенты въ Испытательной Комиссіи, напечатана въ собраніи программъ испытаній въ Комиссіи Физико-Математической по Отдѣленію Естественныхъ Наукъ, утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1890 г. Эта программа заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы. I. Горючіе матеріалы. II. Обработка минеральныхъ соединеній: соединенія тяжелыхъ металовъ; силикаты и цементы; соли, щелочи и кислоты. III. Обработка органическихъ соединеній: питательныя вещества и броженіе; жиры, масла и смолы; волокнистыя вещества; обработка животныхъ отбросовъ.

По каѳедрѣ технической химіи былъ оставленъ при университетѣ Иванъ Васильевичъ Егоровъ; въ 1893 г., послѣ 3-хъ лѣтъ пребыванія въ этомъ званіи, онъ сдалъ экзаменъ на магистра технологіи. Сдалъ экзаменъ на ту же степень и защитилъ диссертацію 14 дек. 1901 г. Александръ Михайловичъ Настюковъ.

Одновременно съ профессоромъ Любавинымъ читали лекціи по технологіи въ разное время приватъ-доценты Ярцевъ, Яковкинъ, Рудневъ, Егоровъ и Настюковъ. Александръ Александровичъ Яковкинъ, утвержденный приватъ-доцентомъ по химіи въ 1892 г., читалъ потомъ лекціи по технологіи, выбравъ для чтенія описаніе органическихъ красокъ. Въ 1896 г. онъ перешелъ на должность профессора химіи въ Технологическій Институтъ Императора Николая I въ Петербургѣ. Владиміръ Матвѣевичъ Рудневъ, будучи профессоромъ Московскаго Техническаго Училища, заявилъ въ 1896 г. желаніе читать лекціи технической химіи въ Московскомъ Университетѣ въ качествѣ приватъ-до-

*) Въ 1889 г. былъ впервые произведенъ экзаменъ въ Государственныхъ Комиссіяхъ по Уставу 1884 г.

цента. Онъ состоялъ въ этомъ званіи съ 1896 г. до осени 1898 г. когда скончался. Читалъ онъ въ Университетѣ технологію питательныхъ веществъ (производства свеклосахарное, пивоваренное и др.) и дѣлалъ экскурсіи со студентами на заводы. Ив. Вас. Егоровъ утвержденъ въ званіи приватъ-доцента по технологіи въ 1900 г., состоитъ въ этомъ званіи и по сіе время. Онъ читалъ по двѣ лекціи въ недѣлю 1) по электрохиміи и 2) по обозрѣнію химическихъ производствъ съ экскурсіями на заводы. Ал. Мих. Настюковъ утвержденъ приватъ-доцентомъ по технологіи въ 1902 г. Онъ объявилъ курсъ (два часа въ недѣлю) по сельскохозяйственной технологіи и тоже сопровождалъ свои лекціи экскурсіями по заводамъ.

Заканчивая историческій обзоръ каѳедры технологіи и технической химіи и бросая взглядъ на вышеизложенное, мы видимъ, что въ прежнее время университетская технологія пользовалась сочувствіемъ Московскаго купечества и сама поддерживала связь съ Московскимъ обществомъ. Такъ еще въ началѣ XIX столѣтія Чеботаревъ, служа въ Университетѣ, читаетъ лекціи технологіи Московскимъ купцамъ. Когда въ 1885 г. была уничтожена каѳедра технологіи въ Университетѣ, проф. Гейманъ много лѣтъ читаетъ публичныя лекціи технической химіи. Затѣмъ, по ходатайству Московскихъ фабрикантовъ и при ихъ пожертвованіи, открывается каѳедра технологіи въ Московскомъ Университетѣ и основывается техническая лабораторія. Проф. Киттары устраиваетъ Музей Промышленности, доступный для публики и гдѣ читаются публичныя лекціи.

Потомъ эти отношенія измѣнились, и связь между университетскими технологами и публикой сдѣлалась менѣе замѣтною. Произошло это частію отъ возникновенія въ Москвѣ новыхъ техническихъ учрежденій, частію отъ личныхъ особенностей учебнаго персонала по технической химіи въ Университетѣ. Во второй половинѣ XIX столѣтія бывшее Ремесленное Учебное заведеніе для питомцевъ Воспитательнаго Дома превратилось въ Императорское Техническое Училище; вмѣсто скромнаго университетскаго Музея Промышленности появился обширный Политехническій Музей; возникла лабораторія Общества для содѣйствія мануфактурной промышленности, учрежденная тоже на пожертвованія Московскихъ фабрикантовъ, какъ нѣкогда была основана университетская техническая лабораторія.

Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ высказывается иногда мысль о ненужности самой каѳедры технологіи въ Университетѣ. Но такое заключеніе ошибочно, ибо въ Университетѣ и Техническомъ Училищѣ технологія разработывается съ разныхъ точекъ зрѣнія: въ Техническомъ Училищѣ на первомъ планѣ практическая сто-

рона, а въ Университетѣ теоретическая. Практическая сторона въ жизни преобладаетъ, составляя ежедневную работу множества лицъ, и потому ею заслоняется сторона теоретическая; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что послѣдняя не нужна: для успѣха цѣлаго одинаково необходимы какъ практическая, такъ и теоретическая разработка технологіи.

Выше я упоминалъ, что въ нашихъ учебныхъ сферахъ довольно пренебрежительно относились къ технологіи. Представители старшихъ наукъ, математики, физики, химики, смотрятъ обыкновенно свысока на эту младшую науку. Но вспомнимъ, чѣмъ была напримѣръ химія въ XVIII столѣтіи, когда Кантъ въ своихъ Метафизическихъ Началахъ Естествознанія писалъ о ней: «Основанія или принципы... въ химіи въ концѣ концовъ только эмпиричны... и химія должна бы поэтому называться скорѣе систематическимъ искусствомъ, чѣмъ наукой». Дѣло технологіи, этого ученія о человѣческихъ работахъ, въ будущемъ.

*

Біографическіе очерки профессоровъ, занимавшихъ каѳедру технологіи и технической химіи въ Московскомъ Университетѣ послѣ 1855 года.

Киттары Модестъ Яковлевичъ, профессоръ технологіи, родился въ 1824 г. въ Оренбургской губ. *). Профессоръ Киттары былъ очень разностороннимъ дѣятелемъ, широкою и талантливою натурою. Отецъ Модеста Яковлевича былъ Польскій дворянинъ, сосланный въ Оренбургскую губернію, вѣроятно за политическія дѣла, а мать его была Русская, дочь исправника; самъ Модестъ Яковлевичъ былъ православный. Когда его отецъ былъ прощенъ, то сдѣлался землемѣромъ въ Оренбургской губ. Среднее образованіе Мод. Як. получилъ въ гимназіи, которую кончилъ съ золотою медалью. Въ годъ окончанія гимназическаго курса его отецъ умеръ, оставивъ жену, сына и двухъ дочерей безъ всякихъ средствъ. Передъ смертью отецъ Модеста Яковлевича оставилъ письмо своему земляку и другу Петру Ивановичу Вагнеру, прося его позаботиться о семьѣ его, Киттары. Вагнеръ былъ родомъ изъ Вильны и тоже сосланный въ восточныя губерніи; но ко времени смер-

*) Источниками для біографическаго очерка проф. Киттары служили составителю: формулярные списки проф. Киттары, находящіеся въ дѣлахъ Совѣта Москов. Унив. 1857 г. № 888 и 1869 г. № 225; Ломоносовскій Сборникъ, М. 1901 (химическая лабораторія Казанскаго Университета, с. 60); воспоминанія Виталія Касперовича Цетнерскаго, бывшаго студентомъ Москов. Унив. въ 1858 г., близко знавшаго профессора Киттары съ того года и до его кончины и сообщившаго свои воспоминанія автору настоящаго очерка; отчеты и нѣкоторыя архивныя дѣла Московскаго Университета.

ти Якова Киттары Вагнеръ былъ прощенъ. За труды Вагнера по изученію Сибирской флоры Казанскій университетъ ходатайствовалъ о прощеніи его и сдѣлалъ его потомъ своимъ профессоромъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, П. И. Вагнеръ былъ уже деканомъ Физико-Математическаго Факультета. Получивъ письмо Якова Киттары, Вагнеръ отправился въ Оренбургъ, привезъ все семейство Киттары въ Казань и помѣстилъ всѣхъ у себя. Въ тотъ же годъ (1840) Модестъ Яковлевичъ поступилъ въ Казанскій университетъ, во 2-ое Отдѣленіе Философскаго Факультета (нынѣ Физико - Математическій Факультетъ), по разряду Естественныхъ Наукъ. Онъ окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ 30 Мая 1844 г., при чемъ былъ награжденъ золотою медалью за сочиненіе «О сѣропіанистыхъ соединеніяхъ». Хотя въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ лаборантомъ химической и технологической лабораторій и оставался въ этой должности до 1848 г., но занялся спеціально зоологіей. Сдавши экзаменъ и защитивъ дисертацію «О родѣ осетра вообще и о скелетѣ рыбъ, къ нему принадлежащихъ», въ Ноябрѣ 1845 г., былъ утвержденъ въ степени магистра зоологіи. Въ 1846 г. Мод. Як. былъ прикомандированъ къ профессору Вагнеру во время ученаго путешествія послѣдняго по Каспійскому морю и Киргизской степи. Въ томъ же году Мод. Як. сталъ читать, въ качествѣ приватъ - доцента, по порученію факультета, лекціи физики и физической географіи медикамъ и естественникамъ. Для этого онъ долженъ былъ защитить десертацію, pro venia legendi, «Органы пищеваренія рыбъ, къ роду осетра принадлежащихъ». Эти лекціи онъ читалъ одинъ годъ. Въ слѣдующемъ году (1847) Киттары назначенъ былъ преподавателемъ естественной исторіи въ Казанскомъ Родіоновскомъ Институтѣ для дѣвицъ; эти уроки онъ давалъ безвоздмездно до 1853 г., когда оставилъ преподаваніе въ Институтѣ. Въ благодарность за это безвозмездное преподаваніе и за пожертвованіе большой естественноисторической колекціи Институту Модестъ Яковлевичъ былъ награжденъ пожалованіемъ перстня отъ ея величества Императрицы. Въ томъ же 1847 г. Киттары защитилъ диссертацію на доктора естественныхъ наукъ подъ заглавіемъ «Анатомическое изслѣдованіе обыкновенной и колючей сольпуги». Но въ томъ же 1847 г. Киттары начинаетъ ближе заниматься технологіей, потому что ему поручаютъ преподаваніе технологіи въ Казанскомъ университетѣ вмѣсто Зинина, перешедшаго тогда въ Петербургъ. По избраніи Совѣтомъ Мод. Як. былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта естественныхъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ.

Тѣмъ временемъ продолжались занятія Модеста Яковлевича другими спеціальностями. Такъ въ 1849 г. онъ преподавалъ сельское хозяйство въ Казанской Духовной Семинаріи, но въ слѣдующемъ году

это преподаваніе прекратилъ. Въ Университетѣ, кромѣ технологіи, онъ преподавалъ на физико-математическомъ факультетѣ аналитическую химію (въ 1848 г.). Въ 1850 г. ему выдано было единовременное вознагражденіе за чтеніе лекцій технологіи камералистамъ.

По представленіи сочиненія «О мыловаренномъ производствѣ въ заводахъ Казанской губерніи», въ 1850 г. Киттары былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ технологіи; 15 Іюля 1853 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ; въ этой должности оставался до 1857 года, когда былъ переведенъ въ Московскій университетъ. Въ этотъ періодъ времени, кромѣ чтенія лекцій технологіи въ Казанскомъ университетѣ, Киттары заявлялъ себя и другими дѣлами, частію связанными съ технологіей, частію не имѣющими съ нею ничего общаго. Въ 1851 г. Киттары былъ командированъ на Лондонскую всемірную выставку, откуда привезъ множество образцовъ, которые послужили началомъ для устройства технологическаго кабинета въ Казанскомъ университетѣ. За устройство этого кабинета ему была изъявлена благодарность попечителя Казанскаго учебнаго округа въ 1854 г. Въ 1852 г. Киттары былъ командированъ въ Москву на выставку сельскихъ и промышленныхъ произведеній; въ томъ же году былъ секретаремъ и распорядителемъ на выставкѣ сельскихъ произведеній въ Казани; въ 1854 г. былъ депутатомъ на сельскохозяйственной выставкѣ въ Виткѣ; въ 1854—55 г. читалъ публичныя лекціи по технологіи въ Казани. По сообщенію В. К. Цетнерскаго, Киттары во время профессорствованія въ Казани пріобрѣлъ извѣстность по всему Поволжью своими стараніями вводить раціональные методы на заводахъ. Альбицкій (въ Ломоносовскомъ Сборникѣ) тоже сообщаетъ, что, благодаря Киттары, значительно улучшались мѣстныя производства и возникали новыя. Тогда же Модесту Яковлевичу приходилось бывать на Московскихъ фабрикахъ, и онъ былъ хорошо извѣстенъ Московскимъ фабрикантамъ, какъ это видно изъ ходатайства ихъ о переводѣ профессора Киттары въ Московскій университетъ. Въ Казани Киттары основалъ общество молодыхъ технологовъ и вмѣстѣ съ Казанскимъ Экономическимъ Обществомъ издавалъ журналъ для распространенія техническихъ свѣдѣній (сообщеніе В. К. Цетнерскаго).

Занимая должность профессора технологіи въ Казанскомъ университетѣ, Киттары исполнялъ еще слѣдующія порученія, не связанныя съ технологіей. До 1853 года продолжалось преподаваніе естественной исторіи въ Родіоновскомъ Институтѣ для дѣвицъ. Съ 1850 г., въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Киттары преподавалъ минералогію на медицинскомъ факультетѣ (за что получалъ особое вознагражденіе); въ

1853 г. на томъ же факультетѣ преподавалъ «химію органическихъ тѣлъ». Въ 1855 г. Киттары исполнялъ должность декана юридическаго факультета.

Въ годъ перехода въ Москву Киттары произнесъ въ Казанскомъ университетѣ актовую рѣчь (9 Іюня 1857 г.) «Очеркъ современнаго положенія и нуждъ Русской мануфактурной промышленности». Въ ней, послѣ краткаго историческаго введенія и краткой характеристики современнаго направленія, Киттары разсматриваетъ послѣдовательно положеніе въ Россіи кустарной крестьянской промышленности, ремесленнаго дѣла въ городахъ и фабричной промышленности. Онъ находитъ, какъ главную черту во всѣхъ этихъ сферахъ Русской промышленной дѣятельности, недостатокъ знаній. И потому Киттары считаетъ единственнымъ средствомъ къ поднятію Русской промышленности ученье, въ особенности спеціально-техническое, которое одинаково необходимо хозяевамъ фабрикъ, ихъ мастерамъ, ремесленникамъ и крестьянамъ. Это требованіе Мод. Як. не было простою фразой, общимъ мѣстомъ, но глубокимъ убѣжденіемъ, что доказывается публичными лекціями по технологіи, которыя онъ читалъ и въ Казани, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и многочисленными статьями его по техническимъ вопросамъ въ общихъ литературныхъ журналахъ. О пользѣ безплатныхъ лекцій по химіи, механикѣ и технологіи Киттары говоритъ и въ актовой рѣчи. Въ 1857 г. Киттары доказывалъ (въ той же рѣчи) мысль, которую приходится доказывать и въ наше время *), а именно, что Россія не можетъ существовать производствомъ одного сырья, что фабрики въ Россіи необходимы, и не только для удовлетворенія нуждъ въ заводскихъ продуктахъ независимо отъ заграничнаго привоза, но и въ особенности для увеличенія заработка крестьянскаго населенія, ничѣмъ незанятаго зимою. Киттары находитъ, что «заводско-фабричная промышленность имѣетъ болѣе благодѣтельное вліяніе на народное благосостояніе, чѣмъ сельско-ремесленная». Послѣдняя (т. е. кустарная и ремесленная промышленность), по его мнѣнію, можетъ быть плодотворна лишь при спеціальныхъ условіяхъ, которыя не легко осуществляются.

По свидѣтельству А. Альбицкаго (Ломоносовскій Сборникъ, стр. 62) Киттары пользовался большою популярностью среди студентовъ Казанскаго университета. Въ 1853 г. каѳедра технологіи была переведена съ физико-математическаго факультета въ камеральное отдѣленіе юридическаго факультета, и имя Киттары привлекало большое число

*) См. газету Д. И. Иловайскаго „Кремль“ отъ 12 Декабря 1902 г., гдѣ издатель доказываетъ тоже самое.

слушателей на камеральное отдѣленіе, гдѣ технологія была главнымъ предметомъ. Технологія читалась тогда шесть часовъ въ недѣлю, и сверхъ того имѣлись практическія занятія по ней. При уходѣ проф. Киттары въ Москву студенты помѣстили его портретъ въ технической лабораторіи Казанскаго университета. Изъ учениковъ профессора Киттары былъ Андрей Кириловичъ Чугуновъ, поступившій въ 1849 г. студентомъ на камеральное отдѣленіе, впослѣдствіи профессоръ технологіи и преемникъ профессора Киттары въ Казанскомъ университетѣ.

Перейдя въ Москву, Киттары и здѣсь не ограничился университетскимъ преподаваніемъ, но занялся и другими дѣлами.

Въ годъ перехода въ Москву Мод. Як. былъ награжденъ большою золотою медалью отъ Вольнаго Экономическаго Общества (въ Петербургѣ) за рѣшеніе задачи, предложенной этимъ Обществомъ, о сушеніи свѣжихъ и квашеныхъ овощей въ прокъ.

Въ томъ же году (1 Дек. 1857 г.) Киттары былъ утвержденъ преподавателемъ аналитической химіи и химической технологіи въ Ремесленномъ Учебномъ Заведеніи, и (24 Дек. 1857 г.) инспекторомъ Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ. Въ 1870 г. педагогическій совѣтъ Импер. Московскаго Техническаго Училища выбралъ М. Я. Киттары въ свои почетные члены. Въ Практической Академіи Киттары устроилъ химическую лабораторію, которою сталъ завѣдывать преподаватель Гофманъ *); отдалъ свою (инспекторскую) квартиру подъ кабинетъ для чтенія воспитанниковъ, устраивалъ для воспитанниковъ вечера, а по окончаніи ими курса многимъ изъ нихъ доставлялъ мѣста. Въ должности инспектора Практической Академіи оставался до 22 Іюня 1864 г., когда уволенъ согласно прошенію.

На годичномъ актѣ Практической Академіи, 17 Дек. 1858, Киттары произнесъ рѣчь «О воспитаніи въ Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ». Изъ этой рѣчи видно, что Киттары былъ избранъ на должность инспектора Академіи Обществомъ любителей коммерческихъ знаній. Такъ какъ въ Академіи директора не полагалось, то Киттары былъ непосредственнымъ начальникомъ ея. Въ началѣ рѣчи онъ излагаетъ главные принципы воспитанія въ Практической Академіи. Онъ указываетъ, что задача Академіи не въ одномъ умственномъ образованіи и что «на ея долгѣ лежатъ еще двѣ статьи воспитанія—физическое и нравственное. Послѣднее составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанія—сознательно развить два святыя чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу, лю-

*) Въ библіотекѣ М. Университета есть Гофмана В. „Руководство къ изученію качественнаго химическаго анализа, М. 1858“.

бовь къ ближнему. Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіи восьми лѣтъ преподается имъ законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно служатся всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемыя пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ». Изъ этихъ словъ инспектора Практической Академіи видно, что въ 1858 г. иначе смотрѣли на среднее образованіе, чѣмъ теперь, когда преимущественно заботятся о знаніяхъ и умственной гимнастикѣ; однако не замѣтно чтобы отъ этого воспитанники современныхъ среднихъ учебныхъ заведеній выходили умнѣе своихъ предшественниковъ.

Въ 1861 г. Киттары былъ утвержденъ помощникомъ непремѣннаго секретаря Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Еще раньше, во время службы въ Казани (въ 1849 г.), Мод. Як. былъ выбранъ членомъ Московскаго Общества Испытателей Природы, въ изданіяхъ котораго онъ помѣщалъ свои зоологическія работы; въ Апрѣлѣ 1857 г. онъ былъ избранъ членомъ Комитета акклиматизаціи растеній, состоявшаго при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Въ Іюнѣ 1862 г. Киттары былъ назначенъ членомъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта.

Во время службы въ Московскомъ университетѣ Киттары произнесъ актовую рѣчь 12 Янв. 1860 г. «Нѣсколько словъ о Московскихъ цехахъ». Въ томъ же періодѣ времени Киттары читалъ много публичныхъ лекцій. Имъ было прочитано въ 1860 и 1862 гг. по 10 лекцій товаровѣдѣнія (часть ихъ была напечатана); по приглашенію Министерства Финансовъ былъ прочитанъ въ 1862 г. курсъ винокуренія въ 22 лекціи. Въ 1863 г. имъ были прочитаны 4 лекціи «о послѣдней Лондонской выставкѣ» въ пользу Зоологическаго сада и 2 лекціи «о Русской печкѣ и способахъ охлажденія» въ пользу бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей. В. К. Цетнерскій сообщаетъ, что Киттары читалъ по порученію Военнаго Министерства въ 1864 г. курсъ товаровѣдѣнія и технологіи интендантскимъ чиновникамъ; но въ отчетѣ Университета за 1864 г. и въ формулярномъ спискѣ профессора Киттары я не нашелъ на это указанія. Въ 1867 г. Киттары прочиталъ публичную лекцію «о женскомъ трудѣ при машинной работѣ» въ пользу этнографической выставки въ Москвѣ. Въ 1868 г. проф. Киттары прочиталъ 12 безплатныхъ публичныхъ лекцій въ Промышленномъ Музеѣ при Университетѣ. Въ 1859 г., по приглашенію торговаго дома Струговщикова, Похитонова, Водова и Комп., Киттары прочиталъ двѣ публичныя лекціи «Русская

печь какъ средство къ приготовленію консервовъ» въ Петербургѣ (въ Пассажѣ); эти двѣ лекціи были потомъ изданы. По воспоминаніямъ современниковъ, лекціи Киттары читалъ блестяще, но нѣкоторые находили ихъ поверхностными.

Въ 1860 г. Киттары редактировалъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ (издававшемся въ Петербургѣ) отдѣлъ коммерческихъ наукъ и отдѣлъ камеральныхъ наукъ. Профессоромъ Киттары написано было много статей по техническимъ вопросамъ въ различныхъ общихъ журналахъ. По Альбицкому, техническія статьи Киттары были въ «Запискахъ Казанскаго Экономическаго Общества», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». По словамъ В. К. Цетнерскаго, Киттары участвовалъ въ журналѣ Краевскаго «Отечественныя Записки», въ Сельско-Хозяйственномъ Журналѣ, издававшемся въ Москвѣ (Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства); вмѣстѣ съ Анненковымъ онъ основалъ газету «Промышленный листокъ». По отчету Университ. за 1860 г. Киттары помѣщалъ статьи въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Инвалидѣ»; по отчету за 1867 г. Киттары напечаталъ въ «Военномъ Сборникѣ» «Письма изъ Берлина объ интендантскихъ учрежденіяхъ Русской арміи и объ устройствѣ лазаретныхъ повозокъ и походныхъ госпиталей», въ календарѣ Овсянникова напечаталъ статью «О всемірной выставкѣ 1867 года».

Въ 1867 г. проф. Киттары приступилъ, вмѣстѣ съ профессоромъ агрономической химіи Калиновскимъ, къ переводу съ Нѣмецкаго языка на Русскій сочиненія Муспрата «Химія въ приложеніи къ промышленности», сопровождая переводъ своими примѣчаніямм и дополненіями, относящимися до Россіи. Это объемистое изданіе, въ которомъ нужно было еще помѣстить много рисунковъ, превышало матеріальные ресурсы двухъ профессоровъ, и потому они ходатайствовали объ отпускѣ изъ казны средствъ на изданіе. По ходатайству министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, Государь Императоръ разрѣшилъ отпустить на изданіе 3500 р. Въ 1868 г. вышелъ 1-ый выпускъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Теоретическая, практическая и аналитическая химія въ приложеніи къ искуствамъ и промышенности, переводъ со 2-го Нѣмецкаго изданія проф. Калиновскаго, редакція и дополненія проф. Киттары». Въ этомъ выпускѣ помѣщено предисловіе, подписанное обоими издателями; въ немъ сообщается, что все изданіе будетъ состоять изъ 4 томовъ, по 80 листовъ каждый, цѣною по 7 р. за томъ. Книга напечатана in 4° въ 2 столбца, при чемъ дополненія напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Къ сожалѣнію, это полезное изданіе далеко не было кончено. По сообщенію Н. А. Бунге, до 1870 г. вышло только 14 выпусковъ

I-го тома, послѣ чего изданіе пріостановилось на 7 лѣтъ; въ 1877 г. вышелъ 15-ый выпускъ I-го тома, переведенный уже съ 3-го Нѣмецкаго изданія. Этимъ былъ законченъ I-й томъ; въ 1878 г. началъ выходить II-й т., котораго вышло 13 выпусковъ, послѣдній въ 1881 г. На этомъ изданіе и прекратилось, при чемъ II-й т. остался неконченнымъ *). Въ Нѣмецкомъ оригиналѣ 3-е изданіе химіи Муспрата представляетъ 7 томовъ.

По ходатайству профессоровъ М. Я. Киттары и Якова Калиновскаго учрежденъ при Московскомъ университетѣ въ 1868 г. Промышленный Музей, доступный для публики. Онъ просуществовалъ немного лѣтъ, но закрылся уже послѣ оставленія службы профессоромъ Киттары въ Московскомъ университетѣ. Во время профессорствованія въ Москвѣ Киттары, какъ и въ Казанскомъ періодѣ своей дѣятельности, принималъ участіе въ разныхъ промышленныхъ выставкахъ. Въ 1860 г. онъ представилъ на выставку Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества новые продукты обработки хвои, новый способъ обработки поташа и новое приложеніе растительныхъ маселъ. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ на Лондонскую всемірную выставку; въ 1864 г. былъ назначенъ депутатомъ-экспертомъ отъ университета на Всероссійскую выставку сельскихъ произведеній, бывшую въ Москвѣ въ 1864 г.

Во время службы въ Московскомъ университетѣ профессору Киттары были даны два важныя порученія отъ другихъ вѣдомствъ: Министерствомъ Финансовъ и Военнымъ Министерствомъ. На службу въ послѣднее онъ и перешелъ, когда оставилъ Университетъ. Выше упоминалось, что Киттары въ 1862 г. читалъ лекціи по винокуренію по порученію Министерства Финансовъ. Эти лекціи были вызваны замѣною откупной продажи водки и спирта акцизною системою, вслѣдствіе чего явилась потребность въ большомъ числѣ лицъ, знакомыхъ съ винокуреніемъ, которыя могли бы служить по акцизному надзору. По сообщенію В. К. Цетнерскаго, чиновники акцизнаго вѣдомства даже опредѣлялись по рекомендаціи проф. Киттары. Около того же времени профессору Киттары было поручено составленіе новаго положенія о питейномъ сборѣ. За эту работу Киттары получилъ единовременно 1500 р. (Отч. Унив. за 1864 г.).

Къ Военному Министерству, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, Киттары былъ причисленъ въ 1864 г. (9 Августа) и въ томъ же году былъ награжденъ бриліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ высочайшаго имени за введеніе техническихъ усовершенствованій по комисаріатской и провіантской частямъ (19 Апрѣля

*) Бунге, Ж. Хим. Об. 1880, (2), 77, и 1883, (2), 50.

1864 г.). Въ слѣдующемъ году (1865) онъ былъ командированъ за границу съ 1 Марта по 1 Августа для ознакомленія съ существующими въ Западной Европѣ способами пріемки въ войска кожевеннаго товара, полушубковъ, металическихъ и амуничныхъ вещей, при чемъ получилъ на поѣздку 500 р. По сообщенію В. К. Цетнерскаго Киттары въ эту поѣздку пробылъ нѣсколько недѣль въ Лондонѣ, гдѣ изучалъ заготовку обуви для арміи, преимущественно подошвъ. Въ 1867 году Киттары вновь былъ командированъ за границу на лѣтнее вакаціонное время, послѣ чего срокъ пребыванія заграницей отсроченъ до 1 Ноября того же года. Въ эту поѣздку онъ изучалъ интендантскіе порядки въ Пруссіи и посѣтилъ Парижскую всемірную выставку. Въ томъ же 1867 г. (28 Апрѣля) Киттары былъ назначенъ (съ сохраненіемъ должности профессора) предсѣдателемъ Техническаго Комитета при Главномъ Интендантскомъ Управленіи Военнаго Министерства, вслѣдствіе чего ему пришлось часто ѣздить въ Петербургъ. Это заставило его просить факультетъ о передачѣ части курса технологіи лаборанту Семенову. По сообщенію В. К. Цетнерскаго, Киттары игралъ важную роль при устройствѣ интендантства въ Россіи; имъ, между прочимъ, были составлены правила для пріемки разныхъ предметовъ въ военное вѣдомство, особенно сукна и кожи. По сообщенію того же лица, впослѣдствіи Киттары, въ награду за заслуги по интендантству, былъ произведенъ Государемъ Императоромъ изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ генералъ-маіоры. Потомъ онъ былъ вновь переименованъ въ гражданскій чинъ, по крайней мѣрѣ въ отчетѣ Московскаго Техническаго училища за 1880—81 г. значится, что умеръ тайный совѣтникъ Киттары.

Въ 1869 г. М. Я. Киттары выслужилъ 25-лѣтіе службы по учебному вѣмству и, не желая продолжать ее, подалъ прошеніе объ увольненіи; уволенъ отъ службы въ Московскомъ университетѣ 6 Іюня 1869 г., со званіемъ заслуженнаго профессора. Въ томъ же году онъ былъ выбранъ Совѣтомъ въ почетные члены Московскаго университета.

По оставленіи Московскаго университета Киттары жилъ частію въ Петербургѣ, частію въ Москвѣ и продолжалъ занимать должность предсѣдателя Техническаго Комитета Главнаго Интендантскаго Управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ изданіе Химіи Муспрата. Въ Московской губ., близъ станціи Крюково Киттары пріобрѣлъ имѣніе, въ которомъ устроилъ сельскохозяйственную ферму. Киттары былъ однимъ изъ главныхъ устроителей Политехнической выставки въ Москвѣ, бывшей въ 1872 г. Онъ же, по поводу этой выставки, устроилъ первыя желѣзоконныя дороги въ Москвѣ, съ цѣлью дать возможность публикѣ ѣздить по дешевой цѣнѣ на выставку. М. Я. Киттары скончался ско-

ропостижно въ Петербургѣ 28 Марта 1880 г., слѣдовательно въ возрастѣ 56 лѣтъ.

М. Я. Киттары былъ женатъ два раза, но дѣтей не имѣлъ. Первый бракъ его съ Евгеніей Петровной Вагнеръ, дочерью того профессора Вагнера, о которомъ говорилось въ началѣ этого очерка, былъ несчастливъ. Второй бракъ былъ съ г-жею Нероновой.

Лица, знавшія Модеста Яковлевича Киттары, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ энергическомъ, дѣятельномъ, разностороннемъ, что вполнѣ подтверждается обзоромъ его дѣятельности. В. К. Цетнерскій говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ добромъ, отзывчивомъ, снисходительномъ; онъ обладалъ прекрасною памятью и крѣпкимъ здоровьемъ; былъ очень трудолюбивъ и въ состояніи былъ работать по 2—3 сутокъ подъ рядъ безъ сна. Студенты его любили; онъ былъ къ нимъ не требователенъ, но въ тоже время всегда былъ готовъ содѣйствовать въ ихъ занятіяхъ и трудахъ, а также охотно доставлялъ имъ мѣстà и работу. Онъ пользовался расположеніемъ студентовъ, какъ въ Казани, такъ и въ Москвѣ. По сообщенію А. Альбицкаго, въ 50-хъ годахъ въ Казанскихъ студенческихъ кружкахъ часто пѣли шуточную пѣсню, въ которой были задѣты всѣ профессора, за исключеніемъ Киттары. Къ нему относилось слѣдующее мѣсто:

Модесту Киттары
Славу мы поемъ.
Да хранятъ же Лары
Его кровъ и домъ!

Учениками Киттары и преемниками по каѳедрѣ были Чугуновъ въ Казани и Архиповъ въ Москвѣ.

Киттары былъ широкая натура, но на ряду съ достоинствами широкихъ натуръ имѣлъ и ихъ недостатки. Такъ во время службы въ Москвѣ случалось, что онъ на нѣсколько дней пропадалъ изъ дома. Въ эти дни онъ не читалъ лекцій ни въ Университетѣ, ни въ Ремесленномъ заведеніи, и въ Практическую Академію тоже не являлся. Какъ широкая натура, онъ денегъ своихъ не считалъ и раздавалъ ихъ направо и налѣво; но вслѣдствіе этого постоянно нуждался въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ набиралъ много должностей и занятій. Это въ свою очередь отражалось на качествѣ его занятій; напр. о лекціяхъ его въ Университетѣ говорятъ какъ о малосодержательныхъ, да и самыми лекціями онъ часто манкировалъ. Наукой Киттары мало занимался; вслѣдствіе этого, по словамъ В. К. Цетнерскаго, въ колегіи профессоровъ онъ не пользовался большимъ уваженіемъ, и профессора смотрѣли на него какъ на что-то въ родѣ афериста. Однако этому противорѣчитъ то, что Киттары былъ выбранъ, по окончаніи службы,

почетнымъ членомъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы: Университета и Техническаго училища. Недостатки, конечно, есть у всѣхъ насъ, и недостатки Киттары не заслоняютъ его достоинствъ. Онъ не оставилъ имени въ наукѣ, но за то почти всю свою жизнь ревностно распространялъ техническія знанія въ Русскомъ обществѣ, которое столь нуждается въ нихъ. Затѣмъ Киттары былъ другомъ учащейся молодежи; вѣроятно многіе изъ нея стали на ноги, благодаря его содѣйствію. И наконецъ въ практическомъ примѣненіи техники для общей пользы Киттары сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо изъ насъ, остальныхъ представителей каѳедры технологіи въ Московскомъ Университетѣ.

Изъ печатныхъ трудовъ М. Я. Киттары мнѣ извѣстны заглавія слѣдующихъ. 1) Анатомическое изслѣдованіе обыкновенной (Galeodor araneoides) и колючей (G. dorsalis) сольпуги. Казань 1848. 2) Публичныя лекціи технологіи, читанныя въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ 1851—52 гг., вып. 1-й, салотопенное производство, Каз. 1852. 3) Очеркъ современнаго положенія и нуждъ Русской мануфактурной промышленности (актовая рѣчь), Каз. 1857. 4) Русская печь какъ средство къ приготовленію консервовъ, 2) публичныя лекціи читанныя въ Пассажѣ (въ Петербургѣ), Москва 1859. 5) Публичный курсъ товаровѣдѣнія (изъ Вѣстника Промышленностя 1860), Москва, вып. 1 и 3. 6) Публичный курсъ винокуренія, Спб. 1866. 7) Солдатскій сапожный товаръ, Спб. 1867. 8) Лекціи о кожевенномъ производствѣ, 1875. 9) Карта кожевеннаго производства въ Россіи, Спб. 1875. 10) Переводъ Химіи Муспрата, упомянутый выше, томъ I-й и неоконченный II-й.

По Альбицкому (Ломонос. Сборн.) во время пребыванія въ Казани, кромѣ трехъ приведенныхъ мною сочиненій, Киттары напечаталъ слѣдующее. Въ бюлетеняхъ Московскаго Общества Испытателей Природы помѣщены: Anatomische Untersuchungen der gemeinen und furchlosen Solpuga; Recherches Anatomiques sur les poissons du genre Accipenser; observations sur les Orthoptères des déserts des Kirgises. Въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета помѣщены статьи: «Салотопенное производство», «Отчетъ о путешествіи въ Лондонъ на всемірную выставку», «О сушкѣ овощей въ Русской печи», «О свѣчносальномъ производствѣ». Особою брошюрой была издана «Вятская очередная выставка сельскихъ произведеній». Въ Dingler's politechnisches Journal, томъ 223 (с. 270—273), 1877 г., перепечатана изъ заграничнаго журнала Gerber 1876 г. замѣтка: Kittary, Das weiche russische Leder (Juchten). Въ формулярномъ спискѣ Киттары упоминается, что Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ въ 1867 г. пожаловалъ профессору Киттары бриллiантовый перстень

за поднесеніе коллекціи грудныхъ народныхъ крестовъ, употребляемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и ихъ описаніе.

*

Архиповъ Иванъ Павловичъ, профессоръ технической химіи, родился въ 1839 г. [1]). Во всѣхъ отчетахъ Московскаго университета начиная съ 1875 г., Архиповъ значится уроженцемъ Пензенской губерніи, потомственнымъ дворяниномъ [2]). По окончаніи ученія въ одной изъ Московскихъ гимназій Ив. Павл. поступилъ въ Московскій университетъ и въ 1860 г. окончилъ курсъ по Естественному Отдѣленію со степенью кандидата. Когда въ 1862 г. ректоръ Московскаго университета сдѣлалъ запросъ Физ.-Матем. факультету о молодыхъ людяхъ, готовящихся занять профессорскія каѳедры, то по технологіи факультетъ, въ своемъ донесеніи 29 Марта 1862 г., указалъ на магистранта Архипова (Дѣло Сов. М. У. 1862 г., № 37). Изъ этого должно заключить, что Архиповъ былъ ученикомъ профессора Киттары, занимавшаго тогда каѳедру технологіи въ Моск. университетѣ. Въ томъ же году (1862) Архиповъ поступилъ преподавателемъ химіи въ Ремесленное Учебное Заведеніе. Въ этихъ двухъ учебныхъ заведеніяхъ Архиповъ прослужилъ 20 лѣтъ, до перехода своего въ Петербургъ. Послѣ смерти профессора Ремесленнаго Учебнаго Заведенія Г. П. Ѳедченко въ 1867 г. Архиповъ былъ переведенъ на его мѣсто и назначенъ исполняющимъ должность профессора химической технологіи. Въ 1868 г. былъ утвержденъ уставъ Московскаго Техническаго Училища, и Архиповъ былъ назначенъ исполняющимъ должность профессора химической технологіи Училища. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ устава Училища и въ организаціи преподаванія въ немъ. Въ это же время производилъ онъ экспериментальную работу въ лабораторіи училища надъ Дербентскою мареною, которая вошла въ его диссертацію.

Въ концѣ 1869 г. Архиповъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра технологіи, подъ заглавіемъ «О красящихъ веществахъ Дербентской марены». Въ ней представленъ историческій очеркъ изслѣдованій надъ красящими веществами марены;

---

[1]) Настоящій біографическій очеркъ составленъ главнымъ образомъ по некрологу, напечатанному П. П. Петровымъ и Я. Я. Никитинскимъ въ Бюллетеняхъ Политехнич. Общества 1898 г. № 2 и по выпискѣ изъ формулярнаго списка И. П. Архипова, составленнаго въ Имп. Московскомъ Техническомъ Училищѣ. Этими матеріалами я обязанъ любезности профессора П. П. Петрова, которому и приношу мою благодарность.

[2]) Въ некрологѣ гг. Петрова и Никитинскаго Архиповъ показанъ происходящимъ изъ дворянъ Московской губ.

сообщаются опыты автора надъ анализомъ Дербентской марены по способу Коппа, при чемъ оказалось, что этотъ способъ для нея непримѣнимъ. Авторъ выработалъ тогда свой способъ, выдѣлилъ въ чистомъ видѣ и анализировалъ ализаринъ и какое-то желтое вещество, способное окрашивать шелкъ и шерсть по протравамъ. Начавъ работать въ лабораторіи Техническаго Училища, Архиповъ перенесъ свою работу на химическій и гарансинный заводъ П. Малютина и К°, такъ какъ понадобилось извлекать большое количество матеріала. Въ заключеніе авторъ описываетъ, какъ обрабатывается марена («морится») на Кавказѣ, и объяснилъ различіе ея съ Эльзасскою. Къ диссертаціи присоединено 5 положеній, изъ которыхъ любопытно отмѣтить 4-е: «Искусственный ализаринъ можетъ быть только суррогатомъ марены при крашеніи тканей». Подъ «искусственнымъ» здѣсь подразумѣвается синтетическій ализаринъ, открытый въ томъ же году Берлинскими химиками Гребэ и Либерманномъ. Случилось прямо противоположное предсказанію: «искусственный ализаринъ» совершенно вытѣснилъ марену изъ крашенія на фабрикахъ. Но не будемъ очень строги къ автору: предвидѣть успѣхъ въ техникѣ открытія, только что сдѣланнаго, въ высшей степени трудно. Доказательство этому аналогичное предсказаніе профессора технической химіи Лунге (въ Цюрихѣ), пользующагося всемірною извѣстностію: когда появился аміачный способъ добыванія соды Сольвея, Лунге предсказывалъ его неудачу, и тѣмъ не менѣе этотъ способъ вытѣснилъ въ значительной степени Леблановъ способъ, господствовавшій раньше.

По полученіи степени магистра Архиповъ былъ выбранъ въ Московскомъ университетѣ, въ Декабрѣ 1869 г., въ доценты по каѳедрѣ технологіи, сперва въ факультетѣ (единогласно), затѣмъ въ Совѣтѣ. Въ Совѣтѣ онъ получилъ 35 избирательныхъ шаровъ и 1 неизбирательный (дѣло Сов. 1869 г., № 695). Въ 1870 г. онъ началъ преподаваніе технической химіи въ Университетѣ. Вступительную лекцію Архиповъ долженъ былъ прочесть въ одной изъ аудиторій новаго зданія Университета 24 Янв. 1870 г., о чемъ Университетъ извѣщалъ попечителя. Въ томъ же году Архиповъ утвержденъ въ должности профессора химической технологіи въ Техническомъ Училищѣ.

Въ 1872 г. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи устроило въ Москвѣ Политехническую выставку. Въ организаціи ея принималъ дѣятельное участіе Архиповъ, вмѣстѣ съ директоромъ Техническаго Училища В. К. Делла-Восомъ и профессоромъ училища А. С. Владимирскимъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, какъ покровитель выставки, выразилъ названнымъ тремъ лицамъ свою благодарность въ рескриптѣ за ихъ труды по устройству вы-

ставки, а Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи внесло капиталъ въ Техническое Училище для учрежденія преміи имени тѣхъ же трехъ лицъ за сочиненія по механикѣ, химической технологіи и физикѣ. Послѣдствіемъ Политехнической выставки былъ Политехническій Музей, открытый въ Ноябрѣ 1872 г. Технологическій отдѣлъ Музея былъ устроенъ главнымъ образомъ Архиповымъ, который былъ директоромъ отдѣла до своей смерти. За эту дѣятельность по Музею Общество Любит. Естеств., Антр. и Этногр. наградило его золотою медалью и выбрало потомъ въ свои почетные члены.

На актѣ Московскаго Техническаго Училища въ 1873 г. Архиповъ произнесъ рѣчь «Изъ исторіи и практики городского освѣщенія». Около того же времени онъ занимался въ лабораторіи анализами и опытами для своей докторской диссертаціи: «Ультрамаринъ, опытъ изслѣдованія его состава». Эта диссертація была защищена въ Московскомъ университетѣ въ 1874 г. Въ ней авторъ представилъ рефераты всѣхъ работъ надъ химической натурой и образованіемъ ультрамарина, собралъ анализы ультрамарина, сдѣланные разными химиками и прибавилъ свои собственные. Своими опытами Архиповъ пытался доказать, что ультрамаринъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, содержитъ окисленныя соединенія сѣры; именно онъ принимаетъ, что въ ультрамаринѣ находятся въ химическомъ соединеніи пятисѣрнистый натрій и пентатіоново-кислый натръ, соединенные съ силикатомъ. Архиповъ приготовилъ селенистый ультрамаринъ (краснаго цвѣта) и теллуристый ультрамаринъ (зеленаго цвѣта). По полученіи степени доктора технологіи Архиповъ былъ утвержденъ, въ Февралѣ 1875 г., экстраординарнымъ профессоромъ технической химіи въ Университетѣ.

Въ 1876 г. Архиповъ занимался въ технической лабораторіи Университета опытами надъ добываніемъ церезина изъ Кавказскаго горнаго воска, и сдѣлалъ объ этомъ сообщеніе въ Обществѣ Акклиматизаціи. Въ слѣдующемъ году онъ занялся переводомъ на Русскій языкъ учебника химической технологіи Поста (Post, Grundriss der chemischen Technologie 1877—1878); но эту работу не продолжалъ. Въ 1880 и 1881 гг. вышли 2 выпуска перевода Карцева этого учебника; имѣлъ ли какое-нибудь отношеніе къ этому переводу Архиповъ, не знаю. И этотъ переводъ остался неконченнымъ. Во время Русско-турецкой войны явилось большое требованіе на гигроскопическую вату, которая привозилась тогда изъ заграницы. Архиповъ заинтересовался этимъ дѣломъ и поручилъ одному изъ своихъ учениковъ разработать въ лабораторіи Техническаго Училища приготовленіе гигроскопической ваты. Послѣ того добываніе ея было организовано въ большомъ видѣ въ Александровѣ купцомъ Семеновымъ.

При Техническомъ Училищѣ въ 1877 г. было устроено Политехническое Общество. Въ первомъ же засѣданіи Архиповъ былъ выбранъ вице-президентомъ его; затѣмъ онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ инженерно-технологическаго отдѣла Общества. Архиповъ принималъ очень дѣятельное участіе въ этомъ Обществѣ. По его иниціативѣ и при его денежномъ пожертвованіи оно стало издавать журналъ «Бюллетени Политехническаго Общества». Неоднократно Архиповъ дѣлалъ сообщенія въ засѣданіяхъ Общества; такими были: о комнатной печи безъ трубы Муссерона, о калориметрѣ Лорана, результаты испытаній аппарата для нефтяного освѣщенія Врадія, о марганцевой рудѣ въ Донецкомъ краѣ, о целюлезѣ и бумагѣ изъ нея. Въ 1880 г. Архиповъ участвовалъ въ комиссіи по изслѣдованію керосиновъ, учрежденной при Политехническомъ Обществѣ.

Когда В. К. Делла-Восъ оставилъ въ 1880 г. должность директора въ Техническомъ Училищѣ, Архиповъ былъ назначенъ исправляющимъ эту должность съ сохраненіемъ профессуры въ Московскомъ университетѣ; но въ Техническомъ Училищѣ онъ тогда прекратилъ преподаваніе, и каѳедра химической технологіи была объявлена вакантною. Одновременно съ этимъ онъ сдѣлался президентомъ Политехническаго Общества. Государь Императоръ утвердилъ Архипова въ должности директора Училища 12 Дек. 1881 г. Но онъ занималъ ее не долго, такъ какъ 3 Января 1883 г. былъ назначенъ членомъ Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ этимъ прекратилась и служба въ Московскомъ университетѣ, гдѣ до конца онъ оставался въ званіи экстраординарнаго профессора. Переходя въ Петербургъ, Архиповъ пожертвовалъ часть своихъ книгъ въ библіотеку Московскаго Техническаго Училища.

По отзыву профессоровъ П. П. Петрова и Я. Я. Никитинскаго, Архиповъ «пользовался высокимъ уваженіемъ учащихся. Онъ весьма внимательно и добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ руководителя техниковъ въ подготовкѣ ихъ къ практической дѣятельности; съ особенною любовью руководилъ онъ практическими занятіями въ химико-технической лабораторіи училища по систематической, выработанной имъ программѣ, и затрачивалъ на это дѣло весьма много времени». Нельзя сказать того же о преподавательской дѣятельности Архипова въ Университетѣ, такъ какъ въ университетской технической лабораторіи, насколько я имѣю свѣдѣнія, студенты тогда не занимались. Изъ некролога, составленнаго профессорами Петровымъ и Никитинскимъ, и изъ печатныхъ отчетовъ Техническаго Училища видно, что Архиповъ принималъ очень дѣятельное участіе въ дѣлахъ этого учеб-

наго заведенія. А потому вѣроятно для Университета оставалось сравнительно немного свободныхъ силъ.

Во время службы Архипова въ Москвѣ ему неоднократно приходилось составлять привѣтственные адресы и участвовать въ депутаціяхъ при чествованіи юбилеевъ разныхъ лицъ, какъ это видно изъ отчетовъ Техническаго Училища. Онъ былъ членомъ комиссіи, подносившей адресъ отъ Техническаго Училища Московскому генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову въ 1879 г. по поводу 50-лѣтняго юбилея его службы. При празднованіи 50-лѣтняго юбилея профессора Щуровскаго въ 1879 г. Политехническое Общество поручило Архипову составить адресъ. Въ 1880 г. Архиповъ подносилъ адресъ отъ имени Техническаго Училища принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, по случаю его 50-лѣтняго юбилея. Въ 1881 г. Архиповъ участвовалъ (отъ Училища) въ празднованіи 50-лѣтняго юбилея профессора Баршева. Въ матеріалахъ къ біографіи профессора Киттары (предшественника Архипова по каѳедрѣ) мнѣ не приходилось встрѣчать указанія на участіе Киттары въ празднованіи такихъ юбилеевъ; какъ видно, въ 60-хъ годахъ еще не занимались этимъ дѣломъ.

По переходѣ въ Петербургъ въ качествѣ члена Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ, Архиповъ былъ назначенъ въ 1884 г. также членомъ отдѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію. Въ 1887 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ; эту должность занималъ до конца своей жизни, которую окончилъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Отъ покойнаго профессора Николая Евстафьевича Лясковскаго я слышалъ, что Архипову было предложено представить его на должность товарища Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, но онъ уклонился отъ этого предложенія. Можетъ быть, онъ поступилъ такъ отчасти подъ вліяніемъ своего друга, Н. Е. Лясковскаго, который не совѣтовалъ брать предлагаемое мѣсто.

Во время службы Архипова въ Петербургѣ его стараніями была устроена шелководственная станція въ Тифлисѣ. Она была назначена для приготовленія здоровой шелковичной грены и для производства различныхъ изслѣдованій по шелководству. Онъ интересовался много Русскимъ винодѣліемъ, для чего посѣтилъ винодѣльческую область на Югѣ Россіи и въ 1885 г. ѣздилъ заграницу для изученія тамъ борьбы съ фальсификаціей винъ. Плодомъ этого изученія была его книга «О фальсификаціи винъ», изданная въ 1887 г. При участіи Архипова изучался вопросъ о нефтопроводѣ изъ Баку въ Батумъ, оставшійся впрочемъ неосуществленнымъ. Подъ руководствомъ Архипова были

приняты мѣры противъ фальсификацiи коровьяго масла. Въ 1889 и 1890 г. г. подъ его же руководствомъ вырабатывались учебные планы, програмы и смѣты среднихъ и низшихъ химико-техническихъ училищъ.

Въ спискахъ профессоровъ, печатавшихся при отчетахъ Московскаго университета, при имени Архипова вездѣ стоитъ, до 1881 г. включительно, отмѣтка «семейства не имѣетъ». Какъ кажется, И. П. Архиповъ и умеръ холостякомъ.

И. П. Архиповъ скончался скоропостижно 7 Декабря 1897 г., отъ разрыва сердца, имѣя 58 лѣтъ. Порокъ сердца былъ у него уже давно, и ему это было извѣстно. Зная, что волненiя ему вредны, Архиповъ тѣмъ не менѣе продолжалъ до конца жизни свою служебную дѣятельность, представлявшую безъ сомнѣнiя немало случаевъ для раздраженiя. Лица, знавшiя И. П. Архипова, говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ добромъ, всегда готовомъ на всякую помощь. Но доброта эта не мѣшала ему имѣть свои убѣжденiя, которыя онъ не уступалъ и которымъ оставался до конца жизни. Это были убѣжденiя Русскаго человѣка. Печатные труды И. П. Архипова имѣются слѣдующiе: 1) О красящихъ веществахъ Дербентской марены, М. 1869. 2) Изъ исторiи и практики городского освѣщенiя, рѣчь произнесенная въ торжественномъ собранiи Императорскаго Техническаго Училища въ 1873 г. 3) Ультрамаринъ, опытъ изслѣдованiя его состава, М. 1874 [1]). 4) О фальсификацiи винъ, Спб. 1887.

*

Канонниковъ Инокентiй Ивановичъ, профессоръ технической химiи, родился въ 1854 г. въ Иркутской губернiи [2]). По отчету Москов. унив. за 1885 г. И. И. Канонниковъ значится происходящимъ изъ мѣщанъ. Среднее образованiе онъ получилъ во 2-й Казанской гимназiи, по окончанiи которой поступилъ въ Казанскiй университетъ. Въ 1875 г. получилъ степень кандидата и награжденъ золотою медалью за сочиненiе «Изслѣдованiе примѣнимости синтеза вторичныхъ алкоголей изъ муравейнаго эѳира къ приготовленiю такихъ же алкоголей со смѣшанными одноатомными радикалами предѣльныхъ и непредѣльныхъ соединенiй». Экспериментальная часть этой работы была выполнена въ химической лабораторiи проф. М. Зайцева.

Съ 3 Окт. 1875 по 24 Сент. 1877 г. и съ 1 Iюня 1878 г. по 28 Мая 1882 г. Канонниковъ состоялъ лаборантомъ въ физiологохимической лабораторiи Казанскаго университета. Въ Декабрѣ 1880 г. онъ защитилъ тамъ же диссертацiю на степень магистра химiи подъ заглавiемъ: «Матерiалы по вопросу о влiянiи строенiя на свѣтопреломляю-

---

[1]) Помѣщено тоже въ отчетѣ Технич. Учил. за 1873—74 г.

[2]) Настоящiй бiографическiй очеркъ составленъ главнымъ образомъ по статьѣ г. Альбицкаго въ Ломоносовскомъ Сборникѣ (М. 1901).

щую способность органическихъ соединеній». Въ Февралѣ 1881 г. онъ былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ въ Казанскомъ университетѣ, причемъ ему было поручено преподаваніе физической химіи; временно онъ читалъ физику на медицинскомъ факультетѣ. Въ Маѣ 1882 г. Каноонниковъ былъ выбранъ лаборантомъ технической лабораторіи Казанскаго университета, и ему же были поручены практическія занятія по количественному анализу.

Въ Московскомъ университетѣ Канонниковъ выбранъ былъ доцентомъ по каѳедрѣ технической химіи 18 Мая 1884 г. Въ томъ же году (22 Дек.), по защитѣ въ Петербургѣ диссертаціи на степень доктора химіи «О свѣтопреломляющей способности химическихъ соединеній», утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по той же каѳедрѣ. Въ очеркѣ исторіи технической лабораторіи Московскаго университета упомянуто, что Канонниковъ завѣдывалъ технической лабораторіей одновременно съ Марковниковымъ. Тѣмъ не менѣе Канонниковъ руководилъ въ ней частію практическихъ занятій, и подъ его руководствомъ была сдѣлана работа студентомъ Зубовымъ «Изслѣдованіе Крымскихъ винъ», напечатанная въ Журналѣ Р. Физ.-Химич. Общества.

Въ Московскомъ университетѣ Канонниковъ пробылъ недолго, только два года. Въ 1886 г. онъ перешелъ обратно въ Казанскій университетъ на должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ технологіи и технической химіи, которую и занималъ до своей кончины. Опредѣленіе Канонникова въ Казанскій университетъ состоялось 24 Марта 1886 г. Такъ какъ по уставу 1884 г. техническая химія необязательна для всѣхъ натуралистовъ, то при малочисленности студентовъ въ Казанскомъ университетѣ, за все время преподаванія Канонниковымъ нашелся только одинъ желающій подвергнуться въ Испытательной Коммиссіи экзамену изъ двухъ дополнительныхъ предметовъ, технической химіи и агрономіи. Тѣмъ не менѣе лекціи технической химіи Канонникова слушались почти всѣми спеціалистами по химіи, и они же занимались подъ его руководствомъ техническимъ анализомъ. Впрочемъ въ технической лабораторіи Казанскаго университета занимались студенты и по органической химіи.

По отмѣткѣ въ отчетѣ Московскаго университета за 1885 г. Канонниковъ имѣлъ семейство. Онъ скончался 3 Марта 1902 г. въ Казани отъ крупознаго воспаленія легкихъ, имѣя 48 лѣтъ.

Печатные труды И. И. Канонникова слѣдующіе. Въ химическомъ отдѣлѣ Журнала Русск. Физико-Химическаго Общества имъ напечатаны: 1) Замѣтка о приготовленіи хлоралгидридовъ жирныхъ кислотъ (1874 г.). 2) Къ вопросу о вліяніи строенія на свѣтопреломляющую способность органическихъ соединеній (1881 г.). 3) О свѣтопреломляющей способности органическихъ соединеній въ растворѣ (1883). 4) О соотношеніяхъ между свѣтопреломляющею способностію и составомъ химическихъ соединеній (1883 и 1884). 5) По поводу замѣчаній Флавицкаго на предъидущую статью (1884). 6) Объ азосоединеніяхъ со смѣшанными радикалами и ихъ производныхъ (1885). 7) О соотношеніяхъ между вращательною и свѣтопреломляющею способностью хими-

ческихъ соединеній (1888, 1890). 8) Объ удѣльномъ вращеніи виннокаменной кислоты и ея солей (1890). 9) Объ удѣльномъ вращеніи сахаристыхъ веществъ (1891). 10) О свѣтопреломляющей способности химическихъ соединеній (1898). 11) О соотношеніи свѣтопреломляющихъ способностей даннаго тѣла въ жидкомъ и газообразномъ состояніяхъ (1898). 12) Отвѣтъ профессору Хвольсону по поводу предъидущей статьи (1899). 13) Объ истинной плотности химическихъ соединеній и ея отношеніи къ ихъ составу и строенію (1899, 1900, 1901, 1902). Отдѣльными книгами напечатаны: 14) Матеріалы по вопросу о вліяніи строенія на свѣтопреломляющую способность органическихъ соединеній, Каз. 1880 (магист. дисерт.). 15) О соотношеніяхъ между составомъ и свѣтопреломляющею способностію химическихъ соединеній; часть I, органическія соединенія, Каз. 1883; и къ этой брошюрѣ «Дополненія» на 5 стр. 16). О свѣтопреломляющей способности химическихъ соединеній, Каз. 1884 (докт. диссерт.). 17) По поводу замѣчаній проф. Колли на мою работу о свѣтопреломляющей способности, Каз. 1884. 18) Руководство къ химическому изслѣдованію питательныхъ и вкусовыхъ веществъ, Спб. 1891.

Кромѣ того были напечатаны въ журналѣ Русск. Физ.-Химич. Общ. работы Канонникова, общія съ другими лицами: 1) Канонниковъ и А. М. Зайцевъ. Новый синтезъ вторичнаго бутиловаго спирта (1874). 2) Они же, попытка приготовленія вторичнаго спирта съ радикалами этиломъ и аллиломъ (1875). 3) Канонниковъ и М. М. Зайцевъ, о приготовленіи іодистаго аллила и уксуснаго ангидрида (1876, 1877). 4) Они же о дѣйствіи смѣси іодистаго аллила и іодистаго этила въ присутствіи цинка на муравьиный эфиръ (1876).

Изъ списка самостоятельныхъ печатныхъ трудовъ Канонникова видно, что въ теченіи болѣе 20 лѣтъ главнымъ научнымъ вопросомъ, интересовавшимъ его, была свѣтопреломляющая способность веществъ. Послѣднія научныя работы его «объ истинной плотности химическихъ соединеній» относятся сюда же, потому что плотность Канонниковъ вычислялъ изъ показателей преломленія.

Въ 1898 г. Канонниковъ взялъ привилегію въ Россіи на изобрѣтенный имъ способъ приготовленія сѣрнокислой окиси желѣза, назначаемой для очищенія грязныхъ стоковъ (фабричныхъ и другихъ). Сущность его способа состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время получаются въ большомъ количествѣ два малоцѣнныхъ отброса, между прочимъ и въ Россіи. На химическихъ заводахъ при добываніи сѣрной кислоты получаются пиритные огарки (остатки отъ обжиганія колчедана), состоящіе главнымъ образомъ изъ окиси желѣза; а на пороховыхъ заводахъ при добываніи азотной кислоты получаются «водочные» или «кислотные огарки», состоящіе изъ кислаго сѣрнокислаго натра. Канонниковъ предложилъ нагрѣвать въ печахъ смѣсь этихъ двухъ отбросовъ: тогда получаются сѣрнокислая окись желѣза и средній сѣрнокислый натръ. Ихъ раздѣляютъ кристаллизаціей изъ воды.

Профессоръ Н. Н. Любавинъ.

РѢЧЬ ВНОВЬ ВСТУПИВШИМЪ СТУДЕНТАМЪ

Ректора Московскаго Университета Н. П. Боголѣпова *).

(25 Августа 1886 года)

Когда я вспоминаю мои студенческіе годы, проведенные въ этомъ Университетѣ, я очень сожалѣю, что въ это время не было у меня человѣка, который бы ясно указалъ мнѣ, какую цѣль я долженъ преслѣдовать въ тѣ университетскіе курсы, который бы съ отеческой твердостью и благоволеніемъ сказалъ мнѣ: вотъ путь, по которому ты долженъ идти, и вотъ чего ты долженъ избѣгать. Вслѣдствіе этого много силъ было потрачено напрасно, много сдѣлано ошибокъ, которыя пришлось поправлять позже съ большими усиліями.

Всѣ вы находитесь въ такомъ же положеніи, въ какомъ нѣкогда находился я и мои товарищи. Какъ ректоръ, я считаю моимъ долгомъ не оставить васъ безъ указанія тѣхъ задачъ, которыя предстоитъ вамъ исполнить въ тѣ университетскіе курсы.

По разнымъ историческимъ причинамъ Русскимъ университетамъ приходится не только давать студентамъ знанія и развивать ихъ умъ, но оказывать и воспитательное вліяніе. Поэтому, какъ наша, такъ и ваша задача двоякая: умственнаго и нравственнаго свойства.

Собственно умственную задачу опредѣлить не трудно. Въ короткихъ словахъ она состоитъ въ томъ, чтобы 1) пріобрѣсти извѣстную сумму спеціальныхъ знаній и 2) пріучить умъ къ правильной научной, самостоятельной работѣ. Понятно, что изъ Университета вы должны вынести существенныя научныя свѣдѣнія по тѣмъ предметамъ, которые вы избрали своей спеціальностью. Это вы получите въ лекціяхъ профессоровъ. Но вы должны заранѣе знать, что въ 4 года или въ 5 лѣтъ вы можете пріобрѣсть только элементарныя знанія. Нѣтъ и необходимости стремиться пріобрѣсти очень много фактическихъ знаній, ибо это пойдетъ въ ущербъ основательности; лучше изучать немного, но осно-

*) Печатается съ черноваго наброска, за сообщеніе котораго мы обязаны благодарностью Е. А. Боголѣповой. Н. Б.

вательно. Въ такое короткое время нѣтъ возможности усвоить себѣ цѣлый рядъ наукъ въ полномъ ихъ объемѣ. Никакая школа, преслѣдующая цѣль высшаго образованія, не можетъ ставить себѣ такой задачи. Пополнять свои научныя познанія вы должны будете сами по окончаніи курса. Работы конечно хватитъ на всю вашу жизнь.

Но для того, чтобы вы могли самостоятельно продолжать ваше научное образованіе, Университетъ долженъ вамъ дать, а вы должны постараться усвоить, еще нѣчто, кромѣ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, а именно умѣнье работать самостоятельно и научно. Эта вторая сторона университетскаго образованія, такъ сказать формальная, также важна, какъ и пріобрѣтеніе знаній. Выучить основательно даже значительное количество учебниковъ по разнымъ наукамъ дѣло сравнительно не трудное; при усердіи для этого достаточно и половины того времени, которое назначается для университетскаго образованія. Но кто ограничится только такой работой, тотъ будетъ похожъ на ремесленника, который выучился дѣлать извѣстныя вещи по извѣстному образцу, и больше этого вы ничего отъ него требовать не можете; есть напр. столяры, которые выучились дѣлать стулья извѣстнаго фасона и дѣлаютъ ихъ хорошо; но если вы ему закажете стулъ съ какими-нибудь новыми приспособленіями, онъ не сдѣлаетъ его, потому что его этому не учили.

Теперь вы ремесленниковъ встрѣтите много. Кто ограничиваетъ свое образованіе пріобрѣтеніемъ извѣстныхъ знаній, хотя бы по очень хорошимъ книгамъ или курсамъ, тотъ есть не больше, какъ ремесленникъ. Къ сожалѣнію и такихъ ремесленниковъ очень много; но ихъ нельзя назвать людьми образованными научно. Какъ я уже сказалъ, научное образованіе должно дать уму особую формальную отдѣлку. Это формальное образованіе состоитъ въ слѣдующемъ: если вамъ задается какой-нибудь теоретическій или практическій вопросъ для разрѣшенія, вы должны знать во 1-хъ, какъ приняться за обработку матеріяла, съ помощью котораго этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ. Напримѣръ, если вы хотите возстановить древнѣйшую исторію Римскаго народа, вамъ необходимо совершить довольно сложную формальную работу: прежде всего вы должны умѣть *провѣрить подлинность тѣхъ документовъ*, изъ которыхъ вы будете черпать свѣдѣнія по древнѣйшей исторіи; затѣмъ, если вы удостовѣритесь, что они подлинны, вы должны умѣть *критически провѣрить, достовѣрны ли тѣ свѣдѣнія*, которыя они сообщаютъ; такъ вы, напримѣръ, можете быть увѣрены, что списки, въ которыхъ до насъ дошло сочиненіе Т. Ливія, дѣйствительно

представляютъ его сочиненія; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что достовѣрно то, что́ онъ разсказываетъ про древнѣйшихъ Римлянъ; пока ученые не знали пріемовъ исторической критики, они принимали за достовѣрные факты все то, что́ Ливій или Діонисій разсказываютъ о Римскихъ царяхъ; между тѣмъ болѣе совершенная историческая критика приводитъ къ убѣжденію, что большая часть этихъ разсказовъ ничего достовѣрнаго не представляетъ. Далѣе: когда вы наберете достовѣрные факты, ихъ нужно еще *классифицировать*. Умѣнье классифицировать есть также формальное знаніе, но безъ него вашъ достовѣрный матеріалъ будетъ грудой камней, а не стройнымъ зданіемъ; изъ безпорядочной массы фактовъ вы не сдѣлаете никакихъ *заключеній*, необходимыхъ вамъ для возстановленія исторіи Римскаго народа. Если бы вы захотѣли пойти еще далѣе—опредѣлить какое значеніе имѣетъ исторія Римскаго народа въ исторіи человѣчества, вамъ необходимо знать еще новый пріемъ: умѣнье сравнивать факты изъ жизни одного народа съ фактами изъ жизни другаго, т. е. знакомство съ тѣмъ, что̀ называется *сравнительной методой*. Вотъ вамъ образчикъ формальнаго образованія въ наукахъ историческихъ: умѣнье критиковать документы, критиковать достовѣрность свѣдѣній, классификація, навыкъ дѣлать выводы изъ классификацированныхъ достовѣрныхъ фактовъ, сравнительная метода и навыкъ пользоваться ею для выводовъ. Сравните человѣка, который кромѣ историческихъ знаній обладаетъ этимъ формальнымъ образованіемъ, съ человѣкомъ, который выучилъ только массу хорошихъ историческихъ сочиненій и больше ничего, и вы поймете, кто можетъ называться образованнымъ историкомъ.

Вы, можетъ быть, скажете, что формальное образованіе необходимо только для тѣхъ, кто посвящаетъ себя ученой карьерѣ, а для обращающихся къ чисто-практической дѣятельности достаточно пріобрѣсти знанія, добытыя другими. Но это ошибочное мнѣніе. Чистому практику, если онъ не желаетъ быть только ремесленникомъ, также необходимо усвоить научные пріемы изслѣдованія.

Возмемъ для примѣра совершенно практическую область—лѣченье людей отъ болѣзней. На первый взглядъ можетъ казаться, что практическому врачу достаточно изучить описаніе признаковъ болѣзней, видѣть ихъ въ больницѣ и познакомиться съ тѣмъ, какъ лѣчатъ эти болѣзни. Къ сожалѣнію среди студентовъ медиковъ этотъ взглядъ очень распространенъ. Но представьте себѣ, что такой врачъ встрѣтится съ какою нибудь новой болѣзнью, которой еще никто никогда не видалъ, о которой въ книжкахъ не написано и для лѣченія которой средства

неизвѣстны, напр. съ Ветлянской чумой. Если онъ умѣетъ по даннымъ признакамъ восходить къ причинамъ болѣзней, если онъ умѣетъ изслѣдовать свойства органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, если онъ умѣетъ изслѣдовать дѣйствіе ихъ на организмъ, то у него есть надежда рано или поздно опредѣлить эту новую болѣзнь и отыскать противъ нея средства. Но если онъ умѣетъ распознавать и лѣчить только тѣ болѣзни, которымъ его научили, а не обладаетъ формальнымъ медицинскимъ образованіемъ, то онъ будетъ безпомощенъ, т. е. окажется несостоятельнымъ въ своемъ медицинскомъ призваніи.

Надѣюсь, что вамъ теперь достаточна ясна та мысль, что для научнаго образованія необходимо не только усвоить тѣ знанія, которыя уже добыты наукой, но и обладать формальною способностью или иначе развить всѣ умственныя силы для *открытія новыхъ знаній*. Но этимъ формальное образованіе еще не оканчивается. Человѣкъ можетъ усвоить себѣ всѣ пріемы научнаго изслѣдованія, но не обладать достаточною *смѣтливостью ума*, чтобы успѣшно примѣнять эти пріемы. Военный человѣкъ можетъ быть отличнымъ стрѣлкомъ, отлично владѣть шашкой, обладать большой физической силой, но онъ можетъ быть трусомъ: тогда его военное искусство ни къ чему не послужитъ. Человѣкъ научно образованный, но не имѣющій смѣлости приступить къ рѣшенію всякаго вопроса, который представляется ему въ его спеціальной области, никуда не годится со всѣмъ своимъ образованіемъ. Этой умственной робостью страдаютъ многіе изъ Русскихъ образованныхъ людей. Отъ этого зависитъ наша, чисто-рабская, зависимость, отъ западныхъ народовъ; но какъ въ теоретическихъ, такъ и въ практическихъ вопросахъ, когда передъ нами становится истой необходимостью такой вопросъ, мы сейчасъ оглядываемся на Западъ, тамъ ищемъ помощи, вмѣсто того, чтобы смѣло взяться за изученіе матеріала и самостоятельное разрѣшеніе вопроса. Вслѣдствіе этого мы иногда пересаживаемъ къ себѣ съ Запада учрежденія, созданныя въ чуждыхъ намъ условіяхъ, даже не имѣя смѣлости измѣнить въ нихъ что нибудь сообразно особенностямъ нашей жизни. Всѣмъ извѣстно, сколько зла отсюда проистекаетъ. Для образованнаго человѣка умственная трусость такъ же постыдна, какъ для военнаго физическая трусость. Поэтому, приготовляясь въ Университетѣ къ своей житейской карьерѣ, вы должны развивать въ себѣ *мужество ума*. Конечно нѣкоторымъ это свойство дается отъ природы, но оно можетъ быть въ значительной степени развито воспитаніемъ и въ особенности само-воспитаніемъ, такъ же какъ и физическое мужество. При этомъ не надо смѣшивать дерзость или самонадѣянность ума съ мужествомъ ума.

Итакъ, пріобрѣтеніе существенныхъ научныхъ знаній, развитіе умственныхъ силъ и умственнаго мужества—вотъ цѣли, къ которымъ вы должны стремиться въ Университетѣ. Каждый изъ васъ можетъ достигнуть этихъ цѣлей въ различной степени, смотря по степени природныхъ способностей. Мимоходомъ замѣчу, что указанныя мною задачи высшаго образованія настолько велики, что человѣку съ очень малыми природными способностями ихъ не разрѣшить. Такимъ людямъ я совѣтую не добиваться университетскаго образованія. Если они будутъ лѣнивы, то пребываніе въ Университетѣ будетъ напрасно потраченнымъ временемъ: они не получатъ диплома; если они будутъ трудолюбивы, то выйдетъ еще хуже: диплома въ большинствѣ случаевъ они не получатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ или надломятъ здоровье или будутъ разбиты нравственно отъ постоянныхъ неудачъ, которымъ они неизбѣжно будутъ подвергаться. А между тѣмъ жизнь представляетъ и помимо Университета много карьеръ, не требующихъ высшаго образованія, но представляющихъ большія матеріальныя выгоды, а иногда и почетъ. Конечная цѣль всякаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы быть счастливымъ; если другія занятія обѣщаютъ счастіе, а университетскія нѣтъ, зачѣмъ же идти къ ней и тѣмъ причинять себѣ страданія? Но я говорю только о людяхъ малоспособныхъ отъ природы. Для людей съ высшими и средними способностями высшее образованіе вполнѣ доступно.

Однако даже и высокоодаренныя натуры могутъ сдѣлаться дѣйствительно научно-образованными людьми, т.-е. достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя я только что очертилъ предъ вами, лишь при одномъ условіи, о которомъ я теперь и хочу говорить: высшее образованіе пріобрѣтается только *правильнымъ и настойчивымъ трудомъ*. Впрочемъ тоже должно сказать и о всякомъ солидномъ знаніи. Я желалъ бы обратить ваше особенное вниманіе на эту необходимость правильнаго и настойчиваго труда, потому что недостатокъ устойчивости есть коренной недостатокъ Русскаго человѣка. Русскіе по справедливости считаются очень даровитымъ народомъ: но всѣ ихъ таланты пропадаютъ напрасно вслѣдствіе того, что они не обладаютъ самымъ главнымъ талантомъ—способностью къ правильной и настойчивой дѣятельности. Мы до тѣхъ поръ не сдѣлаемъ свою жизнь сносною и никогда не внесемъ ничего великаго въ общечеловѣческую цивилизацію, если мы не выработаемъ въ себѣ этой настойчивости.

Возмите любую область дѣятельности теоретической или практической, вы вездѣ увидите одно и тоже: Русскій человѣкъ берется за

дѣло страстно, работаетъ безостановочно, но затѣмъ черезъ короткое время дѣло ему надоѣдаетъ, самъ онъ утомляется и бросаетъ работу. Иногда онъ къ ней больше не возвращается, иногда же снова принимается съ тѣмъ же пыломъ, чтобы снова бросить ее. И такъ все время дѣло идетъ скачками. Такая дѣятельность имѣетъ два невыгодныхъ послѣдствія: 1-е. Очень часто разъ брошенное дѣло приходится не продолжать, а начинать снова, напр.: вы беретесь за ученіе иностраннаго языка, выучиваете много словъ и формъ, и затѣмъ бросаете; въ періодѣ бездѣятельности, который къ тому же почти всегда бываетъ гораздо продолжительнѣе, чѣмъ дѣятельный періодъ, вы забываете много или все наученное; слѣдовательно, принимаясь второй разъ, вы не идете впередъ, а повторяете только прежнюю работу. Такимъ образомъ работа скачками почти всегда бываетъ безплодна. 2-е. Работа порывами скоро изнуряетъ человѣка: если вы неумѣренно напрягаете свои мускулы или мозгъ, рано или поздно вы поплатитесь за это тѣмъ, что они откажутся работать. Такъ обыкновенно и бываетъ: за умственной порывистой дѣятельностью наступаетъ апатія.

Я сказалъ, что неустойчивость въ дѣятельности есть коренной Русскій недостатокъ, который проявляется рѣшительно во всѣхъ классахъ общества, во всѣхъ сферахъ дѣятельности и который убиваетъ Русскую жизнь. Если мы не исправимся въ этомъ отношеніи, рано или поздно мы погибнемъ: насъ покорятъ безъ войны, народы, которые умѣютъ работать правильно и упорно; они мирныхъ путемъ, путемъ труда, отберутъ у насъ землю и заставятъ насъ работать на нихъ, а въ концѣ концовъ сотрутъ насъ съ лица земли.

Симптомы этого вы можете наблюдать и теперь уже: Нѣмцы, Евреи, Армяне и т. д. разселяются на Русской землѣ и вездѣ становятся господами, а не слугами нашими. Но этотъ процессъ нашего закабаленія не можетъ совершаться безболѣзненно; не имѣя силъ работать такъ же правильно и упорно, какъ другія національности, мы должны будемъ довольствоваться худшими кусками, ограничивать удовлетвореніе своихъ потребностей, терпѣть лишенія, слѣдовательно страдать.

Итакъ, если вы хотите быть солидными врачами, юристами, математиками и т. д., если вы не хотите уступать мѣста другимъ, то вы должны работать такъ же, какъ и они, т.-е. правильно и настойчиво. До сихъ поръ даже образованный классъ Русскаго народа не проникся сознаніемъ этой необходимости. Между прочимъ и студенты университетовъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не работаютъ ровно въ теченія всего

года. За короткое время до экзаменовъ начинается обыкновенно работа, работа безумная и изнурительная—день и ночь. Къ концу экзаменовъ студентъ ходитъ какъ высосанный, съ разстроенными нервами. Черезъ мѣсяцъ послѣ экзаменовъ знанія пріобрѣтенныя наскоро всѣ вылетаютъ изъ головы. Къ концу университетскаго курса получается слѣдующій результатъ: въ головѣ обрывки знаній, умѣнья научно работать никакого, разстроенные нервы и апатія къ умственному труду. Съ этими результатами молодой человѣкъ выступаетъ въ жизнь и, смотря по своему матеріальному и общественному положенію, или предается свѣтскому ничегонедѣланью, или, вступая въ службу, дѣлается неисправимымъ рутинёромъ: самостоятельно мыслить и работать онъ не можетъ, а потому онъ охотно пристаетъ къ той рутинѣ, которую находитъ въ мѣстѣ своей службы.

Ни забота о личномъ счастьѣ, ни долгъ предъ своимъ народомъ не дозволяютъ продолжать такую дѣятельность. Вы не должны забывать, что университетскій дипломъ вводитъ васъ формально въ ряды образованныхъ Русскихъ людей, которые, въ силу своего образованія, по необходимости дѣлаются руководителями остальныхъ классовъ народа.

Какъ руководители, вы обязаны научить народъ единственному средству, съ помощью котораго онъ можетъ создать себѣ сносную жизнь и выдержать борьбу за существованіе съ другими народами. Но учить устойчивости въ трудѣ можетъ только тотъ, кто самъ устойчивъ. Вы должны начать съ себя, и Университетъ долженъ быть школой, гдѣ вы должны завершить свое воспитаніе въ этомъ отношеніи. Работайте круглый годъ, а не тогда только, когда ждете экзаменовъ. Тогда ваши знанія улягутся прочно въ головѣ. Лучше начинайте не очень пылко, но за то аккуратно. Каждый день исполняйте какую нибудь работу, которая входитъ въ планъ вашихъ занятій. Къ концу перваго года вы уже увидите, какіе богатые результаты дастъ такой способъ работы.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. ТОМЪ ВТОРОЙ. С.-ПБ. 1905.

Къ академическому изданію сочиненій Пушкина критика не можетъ не отнестись со строгостью: къ этому обязываетъ и самая важность такого предмета, какъ изданіе произведеній величайшаго Русскаго поэта, и имя высшаго ученаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ. Академія можетъ сдѣлать въ данномъ случаѣ больше, чѣмъ всякій частный издатель: никакой денежной выгоды она не ищетъ, работаетъ медленно, не торопясь (второй томъ вышелъ черезъ семь лѣтъ послѣ перваго), въ матеріальныхъ средствахъ на изданіе далеко не стѣснена. При столь благопріятныхъ, прямо рѣдкихъ условіяхъ, которыми удается обставить не всякую ученую работу, Академія сдѣлала меньше, чѣмъ могла и должна была сдѣлать, и читатель захлопываетъ тяжелый и объемистый второй томъ сочиненій Пушкина, не чувствуя себя удовлетвореннымъ. Ожидалось, что изданіе Академіи, особливо если судить по первому его тому, редактированному покойнымъ Л. Н. Майковымъ, будетъ образцовымъ по строгой научности и изяществу пріемовъ. Къ сожалѣнію, эти качества отсутствуютъ въ работѣ редактора второго тома, В. Е. Якушкина.

Къ достоинствамъ изданія нужно отнести его полноту и точную передачу Пушкинскаго текста; но эта бочка меду испорчена ложкою дегтю— двумя грубыми принципами, положенными въ основу дѣла и безпощадно проводимыми редакторомъ. Въ погонѣ за „полностью" текста г. Якушкинъ занимается ненужною передачею варіантовъ и мелкихъ черновиковъ изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ Пушкина, которыя, какъ извѣстно всѣмъ изучавшимъ ихъ, подчасъ читаются очень трудно. Даются такіе варіанты:

плѣнительной
тропой твоей
Въ (на *нерзб*).
другова
(въ страну) инова свѣта
(въ) въ *нерзб.*
(мнѣ) мнѣ дерзаю.

Въ этихъ нѣсколькихъ строчкахъ два слова вовсе неразобраны *(нерзб.)*, а въ скобки поставлены зачеркнутыя Пушкинымъ слова, возстановляемыя

редакторомъ. Нѣсколько сотъ страницъ загромождены этими разобранными, зачеркнутыми, вовсе не разобранными и, по признанію г. Якушкина, „предположительно", т. е. наавось разобранными словами, причемъ въ исправности передачи приходится вѣрить г. Якушкину на слово, такъ какъ только рабски-точное, факсимильное воспроизведеніе рукописей даетъ возможность провѣрить текстъ черновиковъ, сообщаемый г. Якушкинымъ. Совершенная имъ въ этомъ отношеніи работа читающей публикѣ вовсе не нужна, а ученые филологи будутъ заниматься первоисточниками, т. е. самими рукописями, а не станутъ полагаться на г. Якушкина. Извѣстно, какъ различно перечитывали текстъ Пушкинскихъ черновиковъ разные изслѣдователи.

Что касается до правописанія, то во второмъ томѣ воспроизведенъ по автографамъ текстъ тѣхъ произведеній Пушкина, которыя дошли до насъ въ подлинникахъ; что же до тѣхъ, подлинники которыхъ намъ неизвѣстны, то они переданы въ такомъ видѣ, въ какомъ напечатаны впервыя, безъ обновленія правописанія. Благодаря этому ненужному и опасному правилу, которое невѣсть для чего предписалъ себѣ г. Якушкинъ, онъ, изъ уваженія къ Пушкину, благоговѣйно сохраняетъ и увѣковѣчиваетъ въ академическомъ изданіи ошибки разныхъ издателей и кореткоровъ временъ минувшихъ. Было бы „научнѣе" и разумнѣе въ послѣднемъ случаѣ допустить „модернизацію" правописанія.

Примѣчанія, составляющія „гвоздь" комментированнаго изданія, производятъ очень неблагопріятное впечатлѣніе. Ни исторической иллюстраціи, которая была бы очень умѣстна, напримѣръ, по поводу Пушкинскихъ эпиграммъ 1819—1820 г.г., ни сколько-нибудь удовлетворительныхъ біографическихъ свѣдѣній, хотя бы очень сжатыхъ, о лицахъ, имена которыхъ встрѣчаетъ читатель въ произведеніяхъ Пушкина, и (что̀ самое главное) полное отсутствіе литературно-критическаго анализа. (Уже о вліяніи Байрона на Пушкина можно было бы сказать что-нибудь въ примѣчаніяхъ къ пьесамъ 1820 года). Примѣчанія носятъ характеръ случайный; по всему видно, что составитель не держался какого-либо опредѣленнаго метода, а давалъ что̀ попало и какъ попало, а багажъ его знаній очень невеликъ. Ошибокъ довольно много, и онѣ указаны въ болѣе подробныхъ рецензіяхъ. Ограничимся указаніемъ на главнѣйшія.

Ода „Вольность" написана не въ 1817 г., а въ 1819 г. Такъ называемые „отрывки автобіографіи"—наброски статьи (1826 г.) о Н. М. Карамзинѣ, о которой Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому 9 Ноября 1826 г. Плоская и грубая эпиграмма на Н. И. Гнѣдича такъ плоха, что приписывать ее Пушкину значитъ только доказывать свое безвкусіе. „Русалка" („Надъ озеромъ въ глухихъ дубровахъ...") и „Монахъ" совсѣмъ не одно и тоже:—„Монахъ", неизвѣстный намъ, былъ уничтоженъ кн. А. М. Горчаковымъ, лицейскимъ товарищемъ Пушкина, какъ развратное произведеніе; это была поэма въ нѣсколькихъ пѣсняхъ (см. ст. В. П. Гаевскаго „Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія" въ Современникѣ" 1863 г.,

№ 7, стр. 155; „Русс. Архивъ“ 1883 г., III, 206; Я. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, СПБ., 1899, стр. 268). Эпиграмма „Холопъ вѣнчаннаго солдата“ написана не на Аракчеева, а на А. С. Стурдзу, котораго поэтъ сравниваетъ съ родственнымъ ему по направленію Нѣмецкимъ писателемъ А. Коцебу. Принадлежность Пушкину напечатанныхъ во второмъ томѣ эпиграммъ на Карамзина ничѣмъ не доказывается. Есть еще хронологическія погрѣшности; есть ненужныя предположенія, догадки и натяжки.

Не мѣшаетъ также указать, что напечатанная въ первомъ томѣ академическаго изданія „Надпись на мой портретъ“ принадлежитъ бар. А. А. Дельвигу (см. Историч. Вѣстн.“ 1905 г., Іюнь, 1068—1069; Августъ, 623—624; „Новое Время“ 1905 г., № 10527), а эпиграмма на Е. Н. Пучкову: „Зачѣмъ объ инвалидной долѣ...“ написана А. Д. Илличевскимъ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1905 г., Октябрь, 228,247).

Н. Л.

ВЕЛИКОРУССКІЯ ФАМИЛІИ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИХЪ.

Вопросъ о происхожденіи Великорусскихъ фамилій до сихъ поръ еще не былъ затронутъ никѣмъ изъ нашихъ изслѣдователей.

Фамилія, какъ показываетъ и самое значеніе этого слова (familia—семейство, родъ) есть не что иное, какъ прозвище цѣлаго рода, передающееся отъ родоначальника къ его потомкамъ. Мы не можемъ съ точностію опредѣлить, когда именно появился на Руси обычай называть человѣка кромѣ его личнаго имени или прозвища еще родовымъ прозвищемъ или фамиліей. Во всякомъ случаѣ въ XII вѣкѣ обычая этого, повидимому, еще не было. Лѣтописи, упоминая о различныхъ Русскихъ князьяхъ, называютъ ихъ только по имени и отчеству, для отличія же ихъ одного отъ другого упоминаютъ нерѣдко объ имени дѣда князя или о мѣстѣ его княженія. «Въ лѣто 6693 Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца Априля въ 23 день», читаемъ въ лѣтописномъ сказаніи о «полку Игоревѣ».

Обычай присоединять къ личному имени или прозвищу родовое прозвище человѣка, кажется, стоитъ въ тѣсной связи съ существовавшимъ на Руси обычаемъ именовать лицо двумя именами, языческимъ и христіанскимъ вмѣстѣ. Въ древней Руси обычай этотъ почти не встрѣчается: народное или языческое имя стоитъ постоянно отдѣльно («Замѣтки о собств. именахъ въ Великорусскихъ былинахъ» А. И. Соболевскаго, «Живая Старина» 1890 г., вып. 11, стр. 99). Съ XV в. князья и бояре начинаютъ именоваться двумя именами, христіанскимъ и языческимъ вмѣстѣ; эти языческія имена и переходятъ затѣмъ въ фамиліи (Даніилъ Щеня—Щенятевъ и т. д.). Съ XVI в. употребленіе фамилій между высшими классами общества уже распространено. Мы говоримъ «между высшими», такъ какъ низшіе классы и даже средніе до самыхъ позднѣйшихъ временъ никогда не употребляли фамилій, а если и употребляли, то очень рѣдко, называясь въ дѣловыхъ бумагахъ только по имени, рѣдко по имени и отчеству. Обычай называть лица низшихъ сословій въ дѣловыхъ бумагахъ только однимъ именемъ исчезаетъ уже во второй половинѣ XVIII в., какъ это видно изъ пис-

цовыхъ книгъ и т. п. бумагъ этого времени. Даже и въ настоящее время среди крестьянъ нерѣдко можно встрѣтить не имѣющихъ фамилій, а подписывающихся въ дѣловыхъ бумагахъ и письменныхъ сношеніяхъ только именемъ и отчествомъ. Послѣднее нерѣдко переходитъ затѣмъ въ фамилію: Павелъ Ивановъ, Петръ Михайловъ. Въ средѣ духовенства до половины XIX столѣтія было въ обычаѣ писаться однимъ только именемъ безъ отчества, напримѣръ «попъ Михаилъ», «іерей Василій», «старецъ Ефремъ», а до второй половины XVII в. иногда и уменьшительнымъ: «пономарь Матвѣйко», «попъ Иванко» и т. д. (преимущественно въ челобитныхъ и т. п. просительныхъ бумагахъ). Обычай этотъ исчезаетъ во второй половинѣ XVII в.

Неимѣніе духовенствомъ фамилій и послужило поводомъ къ обычаю давать каждому мальчику, поступающему въ духовное училище или семинарію, вновь фамилію, обычаю, существовавшему до половины XIX столѣтія и въ настоящее время искоренившемуся вполнѣ, вслѣдствіе законодательныхъ распоряженій: все Великорусское духовенство въ послѣднее время имѣетъ свои фамиліи, переходящія, затѣмъ, согласно закону, въ родъ отъ отца къ сыну.

Фамиліи среди служилаго сословія, точно такъ же, какъ и фамиліи среди «высшихъ классовъ», т.-е. бояръ, дворянъ и именитыхъ купцовъ встрѣчаются еще въ XVII в.: Андрей Челинъ, Иванъ Пѣнкинъ, дьякъ Анисимъ Невѣжинъ, подъячій Александръ Ершовъ, читаемъ мы въ скрѣпахъ офиціальныхъ бумагъ XVII столѣтія.

Въ послѣднее время, благодаря развитію грамотности въ народѣ, всесословной воинской повинности и умноженію въ народѣ письменныхъ дѣловыхъ сношеній, число «безфамильныхъ» даже и среди крестьянъ уменьшается. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и лица, не имѣющія фамиліи, будутъ рѣдкостью.

Такова въ общихъ чертахъ исторія Великорусскихъ фамилій, какъ прозвищъ.

Относительно происхожденія этихъ фамилій можно принять слѣдующія соображенія.

1. Нѣкоторыя Великорусскія фамиліи происходятъ отъ мѣста жительства родоначальника. Дѣдъ пишущаго эти строки по мѣсту своего рожденія селу Семеновскому, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, носилъ прежде фамилію Семеновскій. Одинъ діаконъ Пошехонскаго уѣзда, не имѣвшій ранѣе фамиліи, принялъ фамилію Георгіевскій по мѣсту

своего рожденія (село Егорій въ Яловцѣ). Такъ образовались фамиліи: Шуйскій, Ростовскій, Бѣлосельскій, Черкасскій, Поздняковъ, Давыдовскій, Патробаловъ (село Патробалъ), Туношенскій (с. Туношна) и др.

Нѣкоторыя изъ такихъ фамилій представляютъ собою видоизмѣненное названіе городовъ, селъ и деревень, служившихъ мѣстомъ рожденія родоначальниковъ означенныхъ фамилій или мѣстомъ ихъ жительства, таковы, напр., фамиліи, упомянутыя нами выше. Другія фамиліи произошли отъ наименованія различныхъ областей, земель и т. д., откуда вышли родоначальники этихъ фамилій, таковы напримѣръ, фамиліи Волынскихъ, Ухтомскихъ, Ордынскихъ и т. д. Къ слову нелишнимъ считаемъ замѣтить, что не всегда подобнаго рода фамиліи указываютъ на мѣсто рожденія или жительства родоначальника фамиліи: нерѣдко они указываютъ только на то, что родоначальникъ этотъ *владѣлъ* извѣстнымъ селомъ, городомъ, деревней.

2. Множество фамилій произошло отъ отчества, имени или прозвища одного изъ родоначальниковъ. Таковы общераспростаненныя фамиліи Андреевыхъ, Андроновыхъ, Антоновыхъ, Арсеньевыхъ, Аѳанасьевыхъ, Александровыхъ, Борисовыхъ, Максимовыхъ, Николаевыхъ и т. п. Этотъ классъ фамилій, повидимому, самый распространенный. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Петербургскимъ адреснымъ столомъ оказывается, что въ С.-Петербургѣ живетъ Ивановыхъ 64000 человѣкъ, изъ нихъ 35000 мужчинъ и 29000 женщинъ, Васильевыхъ — 35000 человѣкъ, Петровыхъ 29000, Михайловыхъ 22000 чел., Ѳедоровыхъ 23500, Семеновыхъ 17000 чел., Андреевыхъ 18000, Степановыхъ 16500; затѣмъ идетъ по десятку тысячъ Алексѣевыхъ, Григорьевыхъ, Николаевыхъ, Павловыхъ, Егоровыхъ, Александровыхъ, Дмитріевыхъ и т. п.

Превращеніе отчества родоначальника въ фамилію рода намъ приходилось наблюдать и въ недавнее время нѣсколько разъ среди нашего купечества, духовенства, а также среди крестьянъ и мѣщанъ. Въ селѣ Давыдовскомъ, въ Яловцѣ, Пошехонскаго у., Ярославской г., намъ извѣстенъ безфамильный крестьянинъ, принявшій на себя по своему отчеству фамилію Евгеньевъ; дѣти и внуки этого крестьянина носятъ въ настоящее время уже фамилію Евгеньевыхъ. Въ г. Пошехоньѣ купецъ Григорій Ѳедоровичъ положилъ начало фамиліи Ѳедоровыхъ; крестьянинъ дер. Ежова, Давыдовской волости, положилъ начало фамиліи Васильевыхъ.

Такъ какъ въ общежитіи встрѣчались лица съ одинаковымъ именемъ, то для отличія ихъ другъ отъ друга въ житейскихъ и офиціаль-

ныхъ окументахъ, стало необходимо упоминать имя отца или даже дѣда. «Михайло Губа Микулинъ сынъ, Иванъ Жижа Власовъ сынъ, Гурей Малюта Ѳоминъ сынъ, Кошкинъ Шарапъ Васильевъ сынъ». читаемъ мы въ Актахъ Ѳедотова-Чижовскаго (I, 70 и д.).

У крестьянъ отчество и по сей часъ употребляется какъ прозвище рода: Вавилычами—называютъ дѣтей Вавилы. Жена называется по имени мужа: Степаниха, Вавилиха (жена Степана, Вавилы) или же по его фамиліи: Громиха, Шалаиха (жена Громова, Шалаева).

Такъ какъ въ XVI—XVII в. было въ обычаѣ у высшихъ классовъ писать свое отчество на «вичъ», то неудивительно и происхожденіе Великорусскихъ фамилій съ подобнымъ окончаніемъ. Такія фамиліи въ Великоруссіи встрѣчаются, впрочемъ, не часто; за то въ Юго-западной Россіи они обычное явленіе. Таковы, напр. фамилія Мамонычей и мн. др. При этомъ съ своей стороны мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что съ теченіемъ времени въ нашемъ дѣлопроизводствѣ оффиціальномъ прежнее прибавленіе къ имени лица «сынъ такой-то» стало относиться уже не къ отчеству этого лица, а къ его фамиліи. «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ», «Петръ Ѳедоровъ, сынъ Масловъ», «Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ».

Очень многія изъ Великорусскихъ фамилій произошли и отъ языческихъ некалендарныхъ именъ, носимыхъ въ старину родоначальниками этихъ фамилій или же отъ прозвищъ этихъ родоначальниковъ.

Въ первое время послѣ принятія христіанства языческія имена вполнѣ замѣняли собою христіанскія, отодвигая послѣднія на задній планъ. Такъ намъ извѣстенъ Чеголъ (щеголъ)—писецъ словъ Григорія Богослова въ XI в., Воронъ—писецъ житія Саввы Освященнаго въ XIII—XIV в. Документы XV—XVII в., особенно Московскіе, имѣютъ подобныя имена въ большомъ количествѣ. Въ нихъ упоминаются Баранъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ, Заяцъ Захарьинъ, Овца Владиміровъ. Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ. XVI и XVII в. в. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ. Въ это время языческія имена стали употребляться наряду съ христіанскими и принимать нерѣдко характеръ прозвищъ. Въ прошломъ вѣкѣ нехристіанскія имена встрѣчаются уже довольно рѣдко, хотя въ текущемъ столѣтіи встрѣчались и встрѣчаются среди нашего народа имена языческія (укажемъ, напримѣръ, на такія имена, какъ Любимъ, Гордѣй, Маргарита).

Съ полнѣйшею вѣроятностію можно предположить, что значительная часть языческихъ, некалендарныхъ именъ въ XV—XVI в. давалась

какъ прозвище ребенку при самомъ его рожденіи. Такъ какъ обстоятельства при рожденіи ребенка бываютъ довольно ординарны, то и языческія имена этого разряда наиболѣе употребительныя имена. Таковы Баженъ (желанный), Жданъ (жданный), Нежданъ (нежданный), Нечай (нечаянный), Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, Пятый, Шестой (очевидно который ребенокъ въ семьѣ), Меньшой, Субота и т. п. Сопровождалось ли нареченіе этого имени-прозвища ребенку какими нибудь обрядами или же нѣтъ, не можемъ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

Нѣкоторыя нехристіанскія имена могли даваться ребенку уже послѣ его рожденія, а иногда и взрослому человѣку. Имена эти обозначаютъ характеръ или занятіе человѣка или тому подобныя обстоятельства. Таковы имена: Безсонъ, Молчанъ, Утѣшъ, Быкъ и др. въ этомъ родѣ. Всѣ эти имена-прозвища, если были мѣтки, не только удерживались за человѣкомъ, но даже и совершенно замѣняли его христіанское имя. Въ нашихъ деревняхъ и глухихъ уѣздныхъ городахъ встрѣчаются и нынѣ лица, извѣстныя подъ именемъ напр. Мокрицы, Кипариса, Моржухи, Махалы, и т. п. Иногда бываетъ, что весь уѣздный городъ знаетъ какого нибудь Махалу, но христіанское его имя знаютъ въ городѣ не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ. Точно тоже самое, конечно, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, могло быть и въ прежнее время. Такія прозвища въ то время попадались даже и въ официальныхъ документахъ: формы стариннаго дѣлопроизводства по строгости и точности не соотвѣтствовали нынѣшнимъ. Въ старинныхъ писцовыхъ книгамъ можно встрѣтить иногда сполна имя, отчество и прозвище лица, иногда только прозвище, а иногда, наконецъ, только имя лица́.

Очень можетъ быть, что многія некалендарныя имена могли даваться къ XVII—XVIII в. вмѣсто христіанскихъ именъ самими священниками по невѣжеству этихъ священниковъ. Припомнимъ, что даже въ первой половинѣ XIX столѣтія понадобились неоднократные указы Св. Синода о томъ, чтобы приходскіе священники давали имена дѣтямъ только тѣ, какія находятся въ святцахъ. Между тѣмъ доселѣ довольно распространено имя Маргариты, некалендарное, несуществующее въ церковныхъ святцахъ. Очевидно, что нареченіе священниками языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ въ прежнее время было довольно обычно.

Неудивительно, что многія изъ такихъ некалендарныхъ именъ, носимыхъ родоначальниками фимилій, дали затѣмъ начало этимъ фамиліямъ. Можно съ увѣренностію сказать, что половина извѣстныхъ намъ

некалендарныхъ именъ XVI — XVII в. легли въ основу различныхъ Великорусскихъ фамилій.

Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя языческія имена XVI в., давшія начало различнымъ Великорусскимъ фамиліямъ:

Адашъ—Адашевы.
Алмазъ—Алмазовы.
Асанъ—Асановы.
Баженъ—Баженовы.
Барсукъ—Барсуковы.
Басманъ—Басмановы.
Бахтіаръ—Бахтіаровы.
Безобразъ—Безобразовы.
Безсонъ—Безсоновы.
Бѣляй—Бѣляевы.
Багоръ—Багровы.
Богатырь—Богатыревы.
Булатъ—Булатовы.
Булгакъ—Булгаковы.
Бурнашъ—Бурнашевы.
Бухара—Бухаринъ.
Бестужъ—Бестужевы.
Большой—Большовъ.
Будилъ—Будиловичъ.
Быкъ—Быковъ.
Веригъ—Веригинъ.
Вешнякъ—Вешняковъ.
Ворошило—Ворошилинъ.
Воинъ—Воиновъ.
Верещагъ—Верещагинъ.
Внукъ—Внуковъ.
Волынецъ—Волынцевъ.
Гвоздь—Гвоздевъ.
Голова—Головинъ.
Горбатый—Горбатовъ.
Горяинъ—Горяиновъ.
Гридя—Гридинъ.
Губа—Губинъ.
Гуляй—Гуляевъ.
Гордій—Гордѣевъ.
Грязной—Грязновъ.
Добрыня—Добрынинъ.
Дорохъ—Дороховъ.
Дроздъ—Дроздовъ.
Дружина—Дружининъ.
Дунай—Дунаевъ.
Душа—Душинъ.
Дѣй—Дѣевъ.
Ежъ—Ежовъ.
Ждавъ—Ждановъ.
Жукъ—Жуковъ.
Замятня—Замятинъ.
Заяцъ—Зайцевъ.
Злоба—Злобинъ.
Зоря—Зоринъ.
Истома—Истоминъ.
Коблукъ—Коблуковъ.
Казаринъ—Казариновъ.
Калина—Калининъ.
Капуста—Капустинъ.
Квашня—Квашнинъ.
Китай—Китаевъ.
Кокорь—Кокоревъ.
Колобъ—Колобовъ.
Курба—Курбатовъ.
Лизунъ—Лизуновъ.
Лопата—Лопатинъ.
Любимъ—Любимовъ.
Ляпунъ—Ляпуновъ.
Меньшикъ—Меньшиковъ.
Молчанъ—Молчановъ.
Мамонъ—Мамоновъ.
Мансуръ—Мансуровъ.
Масло—Масловъ.
Мизинъ—Мизиновъ.
Мордвинъ—Мордвиновъ.
Мосолъ—Мосоловы.
Надѣинъ—Надѣинскій.
Невзоръ—Невзоровъ.
Нежданъ—Неждановъ.
Нечай—Нечаевъ.
Некрасъ—Некрасовъ.
Немиръ—Немировъ.
Обида—Обидинъ.
Ощера—Ощеринъ.
Образецъ—Образцовъ.
Олтухъ Алтуховъ.
Онциферъ—Анцыферовъ.
Первой—Первовъ.
Первуша—Первушинъ.
Постникъ—Постниковъ.
Пѣшки—Пѣшкинъ.
Ротай—Ратаевъ.
Рудакъ—Рудаковъ.
Русинъ—Русиновъ.
Рычко—Рычковъ.
Ратмиръ—Ратмировъ.

Рюма—Рюминъ.
Саблукъ—Саблуковъ.
Салтанъ—Салтановъ.
Смага—Смагинъ.
Смирной—Смирновъ.
Страхъ—Страховъ.
Субота—Суботинъ.
Севринъ—Севриновъ.
Суворъ—Суворовъ.
Сужинъ—Сужиновъ.
Сапунъ—Сапуновъ.
Смола—Смолинъ.
Суморокъ—Сумароковъ.
Сурьянинъ—Сурьяниновъ.
Томило—Томилинъ.
Третьякъ—Третьяковъ.
Тучко—Тучковъ.
Тихомиръ—Тихомировъ.
Тишина—Тишининъ.
Торопъ—Тороповъ.
Уланъ—Улановъ.
Урусъ—Урусовъ.
Ушакъ—Ушаковъ.
Тугаринъ—Тугариновъ.
Фуникъ—Фуниковъ.
Худякъ—Худяковъ.
Черняй—Черняевъ.
Чижъ—Чижовъ.
Шарапъ—Шараповъ.
Шестакъ—Шестаковъ.
Ширяй—Ширяевъ.
Шемяка—Шемякинъ.
Шишко—Шишкинъ.
Юда—Юдинъ.
Ярецъ—Ярцевъ.
Якушъ—Якушкинъ.

Для образца мы привели здѣсь только незначительную часть некалендарныхъ именъ, давшихъ начало различнымъ Великорусскимъ фамиліямъ. Проф. А. И. Соболевскій въ статьѣ «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ» (Живая Старина 1890 г. в. II) указываетъ множество Великорусскихъ фамилій, происшедшихъ исключительно только отъ былинныхъ именъ, употреблявшихся въ прежнее время вмѣсто христіанскихъ или на ряду съ христіанскими именами. Таковы напр. фамиліи Чуриловыхъ, Дюковыхъ, Буслаевыхъ и т. д.

Подобнымъ же образомъ нѣкоторыя Великорусскія фамиліи произошли отъ личныхъ прозвищъ; иногда эти прозвища соединялись съ фамиліею двойною. Такъ напримѣръ извѣстно, что одинъ изъ предковъ Кутузовыхъ носилъ прозвище Голенище; потомки этого Голенища впослѣдствіи и стали носить фамилію Голенищевыхъ-Кутузовыхъ.

Какимъ образомъ давались прозвища въ старину, объ этомъ по аналогіи можно заключить что они давались также, какъ даются эти прозвища и нынѣ. Производя по этому поводу наблюденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, мы пришли къ тому выводу, что прозвища, даваемыя крестьянами другъ другу, указываютъ: а) на происхожденіе лица изъ извѣстной мѣстности, какъ напр. Рязанки, Московки. б) на занятія лица: Кузнецъ, Скорнячиха, в) на наружность, характеръ и нѣкоторыя личныя качества даннаго лица, напр. Бѣлоусъ, Махала и т. п. 2) на любимыя поговорки извѣстнаго лица. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ употреблявшій часто въ разговорѣ поговорку «малина въ ротъ» получаетъ прозвище «Малина»; другой, имѣвшій обыкновеніе къ дѣлу и не къ дѣлу употреблять поговорку «ёлки-палки», получаетъ

прозвище «Елки-палки» и т. д. Иногда прозвище дается вслѣдствіе извѣстныхъ происшествій съ даннымъ лицомъ; такъ напримѣръ, одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій попытку на базарѣ украсть сазана и уличенный на мѣстѣ преступленія въ кражѣ, получилъ въ округѣ кличку «Сазанъ», которая и осталась за нимъ до самой его смерти. Другой, извѣстный намъ крестьянинъ получилъ кличку: «клеенка».

Многія изъ такихъ прозвищъ перешли въ фамиліи же на нашихъ глазахъ. Напримѣръ, изъ прозвища Бѣлоусъ образовалась фамилія Бѣлоусовыхъ и т. д. Съ полнѣйшею вѣроятностію мы можемъ заключить по аналогіи, что и въ прежнее время очень многія прозвища дали начало различнымъ Великорусскимъ фамиліямъ. Это, какъ мы видѣли выше, находитъ себѣ подтвержденіе и въ историческихъ данныхъ.

3. Въ числѣ Великорусскихъ фамилій встрѣчается, наконецъ, множество фамилій, происшедшихъ отъ иностранныхъ словъ; это фамиліи, по преимуществу, Великорусскаго духовенства. Представители этихъ фамилій, оставляя иногда духовное сословіе и переходя въ другія сословія, положили начало дворянскимъ, купеческимъ и мѣщанскимъ фамиліямъ съ иностраннымъ корнемъ.

Выше мы уже говорили, что въ прежнее время наше духовенство даже въ дѣловыхъ бумагахъ никогда не писалось по имени и фамиліи, а всегда только по имени. Неудивительно, что у большинства нашего сельскаго духовенства даже въ началѣ XIX столѣтія не было фамилій. Вслѣдствіе-то этого и возникло въ Великорусскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ обыкновеніе каждому вновь поступающему мальчику давать фамилію. Фамилію давалъ мальчикамъ смотритель училища или ректоръ, и фамилія эта оставалась за мальчикомъ на всю его жизнь. Такъ какъ обычай этотъ существовалъ среди духовенства до послѣдняго времени, то и въ настоящее время въ средѣ духовенства можно встрѣтить братьевъ носящихъ различныя фамиліи или фамилію отличную отъ фамиліи отца. Такъ пишущій эти строки носитъ фамилію Баловъ, тогда какъ дѣдъ его носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время, въ Пошехонскомъ у. Ярославской губ., намъ извѣстны два родные брата священники: одинъ изъ нихъ Меценатовъ, другой—Минервинъ.

Давая вновь поступающимъ мальчикамъ фамиліи, смотрители и ректоры духовноучебныхъ заведеній обращали свое вниманіе на то село, откуда происходитъ мальчикъ или на рѣку, при которой село стоитъ; отсюда многочисленные Бѣлосельскіе, Красносельскіе, Великосельскіе, Лахостскіе, Обнорскіе и т. д. Рѣже обращалось вниманіе на наружныя или внутреннія качества ученика: Красавинъ, Бѣловзоровъ и т. д.

Иногда давались фамиліи по двунадесятымъ праздникамъ (Рождественскіе, Срѣтенскіе, Благовѣщенскіе, Успенскіе, Воздвиженскіе, Введенскіе, Покровскіе и т. д.), по днямъ недѣли (Пятницкіе, Субботины). Существуетъ анекдотъ, что одинъ смотритель училища назвалъ семерыхъ, вновь поступившихъ учениковъ послѣдовательно по днямъ недѣли: Понедѣльниковъ, Вторниковъ и т. д. Чаще же всего при назначеніи фамилій пользовались Латинскимъ и Греческимъ языкомъ. Изъ Латинскихъ фамилій мы встрѣчаемъ множество фамилій происшедшихъ отъ именъ существительныхъ: Агриколянскій, Гоноринъ, Вестинъ, Фортунатовъ, Минервинъ, Кустодіевъ; отъ именъ прилагательныхъ: Пріоровъ, Меліоранскій, Мизеровъ и т. п., отъ глаголовъ: Беневоленскій, Сперанскій, Флоровскій и т. п. Изъ фамилій происшедшихъ отъ Греческой основы мы можемъ указать на фамиліи: Сферинъ, Неофитовъ, Неокесарійскій, Митропольскій, Миропольскій, Кратировъ, Каллистовъ, Исполлатовъ, Аристовъ и т. п.

Иногда фамиліи заимствовались изъ церковно-славянскаго языка (Езерскій), гораздо рѣже они заимствовались изъ новыхъ языковъ; новыя языки изучались въ духовноучебныхъ заведеніяхъ довольно плохо. Среди такихъ фамилій можно встрѣтить фамиліи въ родѣ напр. Грандвильяжскій, объяснить происхожденіе которыхъ не легко и спеціалисту-филологу.

Не слѣдуетъ забывать и того, что нѣкоторыя изъ Великорусскихъ фамилій представляютъ собою въ основѣ своей чисто-иностранныя фамиліи, подвергшіяся измѣненію согласно требованіямъ Русскаго языка. Такія измѣненія дѣлаютъ иногда иностранную фамилію вполнѣ неузнаваемою. Припомнимъ, какъ изъ фамиліи Монсъ сдѣлали Монцъ и даже Монцовъ. Такимъ же образомъ, какъ намъ извѣстно, изъ Еврейской фамиліи Мовшевичъ получилась Великорусская фамилія Макшеевъ, изъ Польской Дзявульскій—Зѣвульскій, изъ нѣмецкой Бустельманъ—Басульманъ. Такимъ же образомъ можно объяснить и существованіе среди Великоруссовъ фамилій несомнѣнно Малорусскаго происхожденія: путемъ ассимиляціи фамиліи эти, оканчивающіяся обыкновенно на *о*, пріобрѣтали затѣмъ Великорусское окончаніе *овъ*, принимая вполнѣ характеръ Великорусскихъ фамилій. Такимъ образомъ изъ фамилій Хоменко, Кинниченко получились фамиліи Хоменковъ, Кинниченковъ.

Что касается до формы Великорусскихъ фамилій, то большая часть этихъ фамилій оканчивается на *овъ* и *евъ*: Карповъ, Карцевъ, гораздо рѣже встрѣчаются окончанія *іевъ* и *инъ* и еще рѣже *ой*, *ій*, *ичъ*, *ый*.

По формѣ своей большинство фамилій—прилагательныя относительныя, указывающія на принадлежность сына отцу. Такъ какъ отъ многихъ личныхъ прозвищъ невозможно произвести именъ прилагательныхъ съ окончаніями на *овъ* и *евъ*, то вмѣсто такихъ прилагательныхъ стали употреблять род. пад. отъ прозвищъ. Такъ получились фамиліи Мертваго, т. е. сынъ Мертваго, Долгого, Попихъ (старушки-«попихи», воспитанникъ ихъ). Такого рода фамиліи очень распространены, какъ извѣстно, въ Сибири.

Двойныя фамиліи среди Великорусскихъ фамилій (Мусинъ-Пушкинъ) встрѣчаются чаще всего среди дворянскихъ фамилій.

Въ Ярославской губ. мы встрѣчали нѣсколько лицъ, имѣющихъ въ одно и тоже время сразу двѣ фамиліи: одну, такъ сказать, офиціальную въ дѣловыхъ сношеніяхъ, другую житейскую, подъ которой извѣстны эти лица въ обществѣ. Такъ, напр., Семеновъ и Шибневъ, Золотовъ и Копотиловъ, Сѣдельниковъ и Штыкинъ. Большинство лицъ имѣющихъ по двѣ фамиліи принадлежитъ къ купеческому или мѣщанскому сословіямъ. Одна изъ такихъ фамилій, т. е. двойныхъ, представляетъ собою обыкновенно прозвище, обратившееся затѣмъ въ фамилію.

А. Баловъ.

ПРАВИЛА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДЛЯ ЛИЦЪ, ПРІѢЗЖАЮЩИХЪ ВЪ ПЕТЕРГОФСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Въ Мюнхенской королевской библіотекѣ хранится въ витринѣ автографовъ подъ № 1005 слѣдующій автографъ Петра Великаго съ отмѣткою: «Geschenk des Staatsrath's C. V. Meyer. 1857».

Пункты въ Петергофѣ.

1. Никто не имѣет ѣхать въ компаніи ни пѡслѣ кому нумеръ постѣли недапъ будетъ развѣ стакимъ дѣлом которое времяни нетерпитъ.

2. Людей своих, которые впяти класах, болѣе не долженъ взять какъ одногѡ, а которые ниже никакого служителя.

3. Кому дана будетъ карта снѹмером постѣли тот тутъ спать имѣетъ не перенося постѣли ниже другому дать или от другой постѣли что взять.

4. Неразувся ссапогами или башмаками не ложитца на постѣли.
5. Равнымъ же ѡбразомъ посему ись яхтоѹ поступать во всемъ.

Петръ.

(Сообщено С. В. Арсеньевымъ).

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА.

I.

Коллективное ходатайство офицеровъ за своего полкового командира [1]).

(Военно-ученый архивъ, I, 415).

Ваше императорское высочество [2]).

Служащіе штабъ и оберъ-офицеры въ драгунскомъ принца Виртембергскаго полку желали бъ, повергшись къ освященнымъ стопамъ монаршимъ, всеподданѣйше просить о бывшемъ нашемъ командирѣ генералъ-маіорѣ Сакенѣ 3, по всевысочайшей волѣ его императорскаго величества за неудержаніе рядовыхъ отъ неумѣренныхъ побѣговъ выключеннаго изъ службы, по причинѣ угнетаемой его крайней бѣдности и нынѣшняго несчастнаго положенія съ его семействомъ, о неоставленіи его безъ пропитанія. Не дерзая воспріять смѣлость утруждать симъ монарха, къ вашему императорскому высочеству прибѣгаемъ.

Ваше императорское высочество, всемилостивѣйшій государь! Какъ къ освященнымъ стопамъ твоимъ, дерзаемъ всеподданнѣйше просить въ возмездіе долговременной службы, проведенной имъ токмо въ штабъ-офицерскомъ званіи 29 лѣтъ, возрѣть на него, несчастнаго, обремененнаго старостью, угнетеннаго подъ игомъ бѣдности и не имѣющаго нынѣ пропитанія съ его семействомъ и, по сродному милосердію вашего императорскаго высочества, испросить у нашего монарха о неоставленіи его безъ пропитанія.

Съ совершеннѣйшимъ повиновеніемъ дерзаемъ именоваться вашего императорскаго высочества всеподданнѣйшими (слѣдуютъ подписи 34 офицеровъ).

Августа 1 дня 1809 г.
Вильна.

---

[1]) Изъ справочной книжки Императорской главной квартиры (драгунскіе полки), видно, что нынѣшній 4-ый лейбъ-драгунскій Псковскій ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны полкъ съ 25 Сентября 1798 г. именовался драгунскимъ генералъ-маіора барона фонъ-деръ Остенъ-Сакена полкомъ, а съ 11 Марта 1799 г. драгунскимъ гренералъ-маіора принца Евгенія Виртембергскаго.

[2]) Т. е. великій князь Константинъ Павловичъ.

II.

Мѣропріятіе къ уменьшенію въ войскахъ пьянства.

Приказъ по гвардейскому корпусу Іюля 31 дня 1818 года № 191.

Въ С.-Петербургѣ.

Его императорское величество, обращая особенное вниманіе на войска гвардейскаго корпуса, къ неудовольствію замѣтить изволилъ, что нижніе чины для питья напитковъ ходятъ въ кабаки и питейные дома, и въ непристойномъ видѣ встрѣчаются на улицахъ и забираются полиціею.

Такіе поступки, противные вообще порядку службы и подающіе поводъ къ непріятнымъ происшествіямъ, унижаютъ солдатъ въ собственномъ ихъ и товарищей мнѣніи и тѣмъ болѣе неизвинительны, что они, имѣя счастіе находиться предъ лицемъ Государя Императора и будучи отборнымъ войскомъ, должны службою и поведеніемъ своимъ быть примѣромъ для прочихъ войскъ. Для удаленія впредь всякаго повода къ подобнымъ происшествіямъ, и чтобы солдаты не ходили въ питейные домы, а могли бъ въ случаѣ надобности получать вино въ ротахъ и употреблять оное тамъ же, предписывается избрать заслуживающихъ довѣріе солдатъ, коимъ выданы будутъ билеты на покупку вина и раздачу онаго находящимся въ однихъ съ ними ротахъ нижнимъ чинамъ. Вмѣстѣ съ симъ строжайше запрещается имъ ходить въ кабаки и питейные домы, куда они безъ билетовъ и впускаемы не будутъ; замѣченные же въ семъ или встрѣтившіеся на улицахъ въ непристойномъ видѣ подпадутъ наказанію.

Г.г. полковые командиры сдѣлаютъ нужныя распоряженія для приведенія сей высочайшей воли въ должное исполненіе, и будутъ имѣть особенной надзоръ за точнымъ онаго соблюденіемъ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ.

Сообщилъ М. К. Соколовскій.

БАСНОПИСЕЦЪ А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ.

Литейной части въ съѣзжій домъ отъ коллежскаго совѣтника и кавалера Александра Ефимова сына Измайлова

Объясненіе.

По случаю поданной къ его сіятельству г. Санктпетербургскому военному генералъ-губернатору графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу жалобы отъ титулярной совѣтницы Анны Телызинской на живущихъ въ одномъ со мною домѣ титулярнаго совѣтника Сабельникова и подканцеляриста Прейса въ причиненной якобы отъ нихъ ей и дочерямъ ея обидѣ 23 числа минувшаго мѣсяца Іюля, какъ очевидный свидѣтель сего непріятнаго и вмѣстѣ забавнаго происшествія, имѣю честь по всей справедливости объяснить слѣдующее.

Живу я въ домѣ наслѣдниковъ Моденовыхъ почти уже восемь лѣтъ. Все было тихо и смирно, пока не переѣхала въ оный упомянутая титулярная совѣтница Телызинская съ дочерьми своими (дѣвицами или нѣтъ, того уже навѣрное не знаю, впрочемъ и сама она въ прошеніи своемъ дѣвицами ихъ не называетъ). Днемъ сидѣли онѣ (т. - е. дочери, а не мать) на окнахъ и дѣлали прохожимъ и проѣзжимъ глазки, ручки, всякія непозволительныя ласки и самыя неблагопристойныя штучки, а ночью принимали гостей, разумѣется однихъ только мужчинъ, или безпрестанно выбѣгали сами со двора и не давали покою не только дворнику и хозяйкѣ, но и никому изъ живущихъ въ домѣ.

Въ достопамятную для всѣхъ насъ ночь съ 23-го на 24-е число минувшаго Іюля приходитъ ко мнѣ хозяйка (когда уже я лежалъ въ постелѣ), и слезно проситъ меня защиты противъ пришедшихъ къ Телызинскимъ гостей, которые прибили дворника и, ворвавшись силою въ покои къ нижнимъ жильцамъ, надѣлали тамъ множество разныхъ дерзостей. Выхожу съ моими людьми на дворъ. Непріятель уже удалился, а между тѣмъ явился буточникъ или городовой унтеръ-офицеръ. По прибытіи его раненый дворникъ заперъ ворота, что чрезвычайно ободрило безоружный нашъ гарнизонъ, состоявшій изъ старухъ, ребятъ и небольшого числа взрослыхъ людей. Спрашиваю, и всѣ единогласно утверждаютъ, что неизвѣстные непріятели приходили въ нашъ домъ отыскивать своихъ пріятельницъ Телызинскихъ, у которыхъ ожидали ихъ общіе пріятели. Составили совѣтъ, послали за г. квартальнымъ надзирателемъ. Городовой унтеръ-офицеръ или буточникъ пошелъ неустрашимо наверхъ въ квартиру Телызинскихъ. За нимъ для сикурса отправился я, а за мною мальчикъ со свѣчкою, титулярный совѣтникъ

Сабельниковъ безъ сабли и всякаго оружія и подканцеляристъ Прейсъ безъ пера и безъ чернилъ. Подошли къ дверямъ. Городовой постучался, не отпираютъ; постучались еще слегка, отнюдь не ломая двери и соблюдая чрезъ то хозяйской интересъ. Отперли. Первый вошелъ городовой, а за нимъ я; титулярный же совѣтникъ Сабельниковъ и подканцеляристъ Прейсъ остались у дверей для охраненія входа и выхода.

Мгновенно открылась сильная перепалка на словахъ. Титулярная совѣтница Телызинская съ двумя своими дочерями и какимъ-то бывшимъ у нихъ гостемъ громогласно защищали свою честь, невинность и непорочность; а титулярный совѣтникъ Сабельниковъ и подканцеляристъ Прейсъ, въ почтительномъ отъ нихъ разстояніи, сквозь двери обвиняли ихъ и имѣли полное право обвинять въ безпокойствахъ, причиненныхъ ими всему дому, но неблагопристойными же словами ихъ не ругали и бить не угрожали; напротивъ того, титулярная совѣтница Телызинская и дочери ея наговорили имъ тысячу грубостей, съ городовымъ же и со мною обошлись не только учтиво, но даже ласково. Обѣ дочери схватили меня за руки, одна за одну, другая за другую, и убѣдительно просили войти во внутреннія ихъ комнаты для удостовѣренія, что тамъ у нихъ нѣтъ мужчинъ; однакоже, какъ ни тащили, сдвинуть меня съ мѣста не могли, потому я плотенъ и толстъ; но когда схватила меня за руку и мать ихъ, не уступающая мнѣ въ толщинѣ и мужествѣ, то я прибѣгнулъ къ помощи городового, который освободилъ меня изъ рукъ ихъ, и мы всѣ удалились.

Вскорѣ послѣ того прибылъ г. квартальный надзиратель Лефёбръ и вывелъ отъ Телызинскихъ столь долго засидѣвшаго у нихъ гостя. Сей послѣдній назвался сперва родственникомъ Телызинскихъ, потомъ пріятелемъ, напослѣдокъ просто знакомымъ. Услышавъ, какъ мы съ г. надзирателемъ начали говорить между собою по-французски, назвалъ онъ насъ обоихъ воспитанными людьми и, приложивъ руку къ сердцу, далъ намъ честное слово не посѣщать впредь не только Телызинскихъ дѣвицъ, но даже и прочихъ подобныхъ имъ мастерицъ. Старшая дочь Телызинской Амалія, о которой въ прошеніи сказано, будто отъ испуга тогда занемогла, скоро опомнилась и черезъ часъ послѣ того, по показанію дворника, выбѣгала въ неглижѣ со двора, вѣроятно къ какому-нибудь лѣкарю. Въ слѣдующія двѣ ночи непріятели дѣлали паки покушенія, но какъ дворникъ усугубилъ свою бдительность и ворота были заперты, то и не могли причинить никакого вреда. Наконецъ, къ неизъяснимой радости хозяйки и всѣхъ вообще жильцовъ, 2-го числа сего Августа, по настоянію г. квартальнаго надзирателя Лефёвра, онѣ выѣхали изъ дома Моденовыхъ, и теперь въономъ попрежнему все тихо и спокойно. **А. Измайловъ.**

Москва. 1837.

АЛЕКСѢЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ.

На снѣжномъ подножьи Кавказскихъ вершинъ
Угрюмъ одинокій стоитъ Исполинъ.
Онъ буркой косматой картинно одѣтъ.
Вокругъ его блещетъ румяной разсвѣтъ;
На шашкѣ булатной покоится длань.
Могущъ онъ и грозенъ, какъ смертная брань.
Свинцовая дума въ морщины чела
Всей тяжестью грозно-глубоко легла....
Какъ громомъ убита, окрестность молчитъ;
Отъ ужаса мерзнетъ, отъ страха дрожитъ
Грабитель-Чеченецъ, сынъ вольный долинъ,
Черкесъ-ураганъ Закубанскихъ стремнинъ;
Эльбрусъ и Бештау, Казбекъ, Араратъ
Надъ вами скользилъ Исполина булатъ.
Надъ вами онъ молніей неба сверкалъ,
На васъ онъ карающимъ громомъ упалъ!...
И дланью желѣзной сдавилъ онъ Востокъ,
И мѣдною грудью на Льва онъ налегъ!..
Склонись до земли передъ нами главой...
Вотъ слава Россіи, Кавказа герой!...

П. Воейковъ

ВЕЧЕРЪ СЪ А. П. ЕРМОЛОВЫМЪ.

23 Генваря (1847 года) въ домѣ одного изъ образованнѣйшихъ Московскихъ жителей, почетнымъ гостемъ вечерней бесѣды былъ А. П. Ермоловъ. Онъ мало говорилъ и, кажется, расположенъ былъ только слушагь другихъ; но какъ-то вышло на оборотъ: всѣ хотѣли слушать и слушали его. Разговоръ, прежде лѣнивый, становился живѣе по мѣрѣ какъ *свитокъ давно минувшихъ лѣтъ* развертывался самъ собою. Отъ перваго штурма Праги, отъ Суворова, Ферзена и Костюшки, доходили до людей и событій 1812 года, богатырскими шагами Русской славы; разговоръ переносился отъ Бородина до Сены и на гребни Кавказской Чечни. За ужиномъ, отличавшимся и чудовищно огромною рыбою, и другими отборными блюдами, хозяинъ поднялъ кубокъ въ честь Ермо-

лова, а одинъ изъ гостей произнесъ четыре стиха, къ которымъ въ слѣдъ за тѣмъ прибавились еще четыре четверостишія.

Заздравный кубокъ А. П. Ермолову.

1.

Умомъ затмилъ онъ блескъ алмаза,
Въ бояхъ былъ славный онъ боецъ.
Да здравствуетъ герой Кавказа!
Да здравствуетъ герой сердецъ!...

2.

Подъ буркою надъ Русскимъ станомъ,
Съ морщиной умной на челѣ,
Не разъ стоялъ онъ великаномъ,
Монументально на скалѣ.

3.

А шашка между тѣмъ Чеченцевъ,
Вела съ штыкомъ треграннымъ споръ,
И именемъ его младенцевъ
Пугали жены дикихъ горъ...

4.

И вотъ еще изъ за тумана,
Которымъ ликъ его прикрытъ,
Глядитъ героемъ Осіяна
Онъ на мельчающій нашъ бытъ!..

5.

И подъ мастистой сѣдиною,
Хоть взоръ орлиной и пригасъ,
Все баснословной стариною
И славой обдаетъ онъ насъ!...

Ѳ. Н. Глинка стихи свои послалъ по городской почтѣ къ М. А. Димитріеву, какъ поэту имъ уважаемому и бывшему гостю на той же вечерней бесѣдѣ, гдѣ прочитано привѣтствіе Ермолову. Это сдѣлано 24 утромъ. Тогоже дня вечеромъ Глинка получилъ отъ Дмитріева слѣдующіе куплеты:

Ты бывалъ и самъ средь боевъ,
Видѣлъ близко славы слѣдъ!

Не изъ нынѣшнихъ героевъ,
Ты не нынѣшній поэтъ!..

* * *

Отъ того какъ блескъ алмаза
Блещетъ твой граненый стихъ,
И въ тебя герой Кавказа
Всшламенилъ восторга мигъ.

* * *

Не видавъ войны кровавой,
Я смиренно созерцалъ
Мужа избраннаго славой.
Пѣть не смѣлъ я—и, молчалъ!..

* * *

Я дивился исполину.
Исполинской былъ и вѣкъ!
Вотъ, какъ Эльбруса вершину
И его вѣнчаетъ снѣгъ!..

* * *

Но какъ тотъ горитъ и блещетъ
Въ искрахъ солнечныхъ огней,
Мнѣ казалось, что трепещетъ
И надъ нимъ вѣнецъ лучей.

А. П. ЕРМОЛОВЪ ВЪ СВОЕЙ ПОДМОСКОВНОЙ.

Въ 1846 году, старшій братъ мой, поручикъ артиллеріи Иванъ Михаиловичъ Свѣшниковъ, служившій на Кавказѣ, убилъ чиновника князя Воронцова Алпатова. Началось слѣдствіе и, судя по ходу дѣла, брата моего ожидала каторжная работа съ лишеніемъ всѣхъ правъ званія и состоянія. Мы были въ то время въ деревнѣ (Смоленской губерніи Юхновскаго уѣзда) и не знали ничего о случившемся несчастіи. Въ началѣ Мая, отецъ мой получилъ отъ брата письмо, въ которомъ онъ подробно и откровенно разсказывалъ о своемъ дѣлѣ.

Братъ мой, вспыльчивый и ревнивый отъ природы, давно любилъ женщину, благосклонности которой Алпатовъ явно добивался. На балѣ въ Тифлисѣ, это ухаживанье до того взбѣсило моего брата, что въ продолженіи вечера между обоими молодыми людьми нѣсколько разъ завязывались ссоры; но ихъ унимали и разлучали товарищи. Послѣ бала, дамы разъѣхались, а мущины сѣли ужинать. За столомъ ссора возобновилась. Оба противника, разгоряченные вдобавокъ виномъ, уже не слушали товарищей. Слово за слово, они наговорили другъ другу много непріятнаго. Наконецъ Алпатовъ назвалъ моего брата подлецомъ.... Шашка, къ несчастію, была подъ рукою, и Алпатовъ убитъ наповалъ.

«Клянусь вамъ честію», писалъ братъ отцу, «я не имѣлъ обдуманнаго намѣренія убить Алпатова, хотя давно ненавидѣлъ этого человѣка. Въ этотъ же несчастный вечеръ онъ довелъ меня до изступленія; мнѣ хотѣлось задушить его, во мнѣ все кипѣло.... Но, какъ будто предчувствуя бѣду, я долго сдерживалъ свое бѣшенство и на всѣ его дерзости отвѣчалъ сколько могъ умѣреннѣе. Вдругъ онъ при всѣхъ называетъ меня подлецомъ и негодяемъ... У меня все помутилось въ головѣ, я окончательно потерялъ сознаніе... Какъ я схватилъ шашку, какъ бросился на Алпатова, какъ убилъ его, самъ не помню... Помню только, что, очнувшись, я стоялъ съ окровавленною шашкою въ рукѣ, Алпатовъ плавалъ въ крови, вокругъ насъ всѣ столпились... «Убилъ! убилъ!» слышалось со всѣхъ сторонъ... Алпатовъ продышалъ 8 минутъ и умеръ. Я отдалъ кому-то свою шашку и просилъ отвести меня подъ арестъ.

«Теперь дѣло мое близко къ концу. Говорятъ, что я буду лишенъ всѣхъ правъ званія и состоянія и приговоренъ къ каторжной работѣ. Но въ каторжную работу я не пойду, а застрѣлюсь. Это короче: нѣтъ расчета умирать каждый день, гораздо проще умереть одинъ разъ. Скройте мое несчастіе отъ матери, оно убьетъ ее. Но вы, отецъ, вы мущина и христіанинъ, вы его перенесете. Я оставлю матери писемъ на два года впередъ, отдавайте ихъ ей одно послѣ другаго: пусть она будетъ покойна и счастлива, пусть ждетъ меня, хотя и не дождется. Когда истощится запасъ писемъ, скажите ей, что умеръ, но правды не говорите никогда. Приговоръ мой еще не состоялся; но и состоявшись, онъ еще должно-быть конфирмованъ княземъ-намѣстникомъ до приведенія въ исполненіе. Если вы, въ продолженіи этого времени, найдете какую-нибудь возможность ходатайствовать о смягченіи моей участи, то сдѣлайте это, и я не посягну на самоубійство: я сознаю свое преступленіе и готовъ его искупить честно, хотя бы цѣною собственной жизни; но на каторгу я не пойду. Это вѣрно, и если моя участь измѣниться не можетъ, то вы молитесь за меня и простите мнѣ мою смерть. Поцѣлуйте за меня сестеръ и братьевъ; пусть и они помолятся за меня, когда меня не будетъ».

Мать моя была дѣйствительно такъ болѣзненна и слаба въ то время, что сказать ей о несчастіи любимаго сына было все равно, что убить ее. Отецъ скрылъ отъ нея, но мнѣ и сестрамъ сообщилъ содержаніе полученнаго письма. Наше горе, наше отчаяніе были невыразимы. Но мало было плакать и молиться; надо было искать средствъ къ спасенію брата. У насъ не было никого знакомыхъ на Кавказѣ, и обратиться было не къ кому. Долго обдумывая разные планы, я наконецъ остановилась на одномъ: написать къ княгинѣ Елисаветѣ Ксаверіевнѣ Воронцовой, а потомъ искать личности, которая могла бы съ успѣхомъ ходатайствовать за моего брата у князя-намѣстника. Мнѣ казалось, что княгиня Воронцова, какъ женщина, и на сколько я о ней слыхала, женщина весьма добрая, не останется равнодушною къ моей просьбѣ и приметъ участіе въ судьбѣ брата. Я посовѣтовалась съ отцомъ и написала къ супругѣ намѣстника (отъ 16 Іюля) искреннее письмо, въ которомъ просила ее заступиться за моего брата передъ княземъ-намѣстникомъ. Отправивъ письмо, я нѣсколько успокоилась, и стала распрашивать всѣхъ и каждаго о князѣ Воронцовѣ, чтобы узнать, кто можетъ обратить его вниманіе на дѣло брата. Мнѣ посчастливилось: я встрѣтила одного господина, который сказалъ мнѣ, что А. П. Ермоловъ очень уважаемъ намѣстникомъ Кавказа и что его представительство было бы всесильно и въ настоящемъ случаѣ.

Съ Алексѣемъ Петровичемъ я знакома не была, а знала его по-

тому только, что вращаться въ то время въ Московскомъ обществѣ и не знать Ермолова было невозможно: его личность внушала такое всеобщее уваженіе, такое глубокое сочувствіе, что вездѣ, гдѣ только появлялся Ермоловъ, знакомые и незнакомые, мущины и дамы, спѣшили взглянуть на него, поклониться ему Говорили о немъ вообще, какъ о человѣкѣ необыкновенно умномъ и добромъ, и я рѣшилась, во что бы то ни стало, дойти до него и просить его заступиться за моего брата. Отецъ раздѣлялъ мои надежды, но въ исполненіи моего плана находилъ много затруднительнаго. Самъ онъ страдалъ въ то время сильною глазною болью, и ѣхать ему въ Москву было невозможно; отпустить же меня, какъ я его просила, онъ не рѣшался. Какъ отпустить одну, за 300 верстъ, молодую дѣвушку въ Москву, гдѣ она не знаетъ даже и дома Алексѣя Петровича! Какъ найдетъ она его? Что̀ будетъ дѣлать въ Москвѣ? Эти и подобные вопросы были въ то время гораздо затруднительнѣе, чѣмъ теперь, когда пути сообщенія такъ удобны, найти въ Москвѣ каждаго такъ легко, и когда наконецъ взглядъ на приличное и дозволенное для молоденькихъ дѣвушекъ такъ много и, надо сознаться, такъ разумно измѣнился.

Мнѣ удалось представить моему отцу такіе убѣдительные доводы, что поѣздка моя наконецъ устроилась: меня отпустили съ нашею старою нянею, увѣривъ мать, что я ѣду по обѣщанію на богомолье въ Троицкую Лавру. 13-го Августа я была уже въ Москвѣ и остановилась на Плющихѣ, въ домѣ моего отца. Пріѣхала я поутру и тотчасъ отправилась въ часовню Иверской Богоматери. Помолившись усердно передъ иконою, я вышла на крыльцо часовни и крѣпко задумалась: какъ найти мнѣ Ермолова? Извощикъ мой, увидавъ меня, подъѣхалъ къ самой часовнѣ, но я его не замѣчала и стояла въ раздумьѣ. «Поѣдете еще куда, барышня?» спросилъ онъ меня наконецъ. Я машинально стала садиться въ пролетку. Вдругъ мнѣ пришла въ голову простая и удачная мысль. Я спросила у своего извощика, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ? При этомъ имени извощикъ почтительно приподнялъ шляпу и отвѣчалъ; «Какъ не знать, сударыня, Алексѣя Петровича Ермолова? Они изволятъ проживать въ собственномъ домѣ на Пречистенскомъ бульварѣ». Вези меня къ нему.

Домъ Алексѣя Петровича былъ запертъ; я съ трудомъ отыскала какую-то старуху, которая объяснила мнѣ, что Алексѣй Петровичъ въ своей подмосковной на все лѣто; что деревня Ермолова прозывается Осоргино, находится въ 23 верстахъ отъ Москвы, а ѣхать надо въ Дорогомиловскую заставу. Собравъ эти свѣдѣнія, я заказала на завтра карету и пригласила съ собою свою знакомую, пожилую дѣвушку Елену Михаиловну Ельчанинову. На другой день (14 Августа 1846 года)

въ 8 часовъ утра мы отправились, и часовъ въ 11-ть остановились у воротъ деревенскаго дома Ермолова. Посылаю своего человѣка доложить обо мнѣ и спросить, угодно ли будетъ Алексѣю Петровичу меня принять? Сердце у меня сильно забилось; не спуская глазъ съ двери, въ которую скрылся мой посланный, я напряженно ждала его возвращенія. Очень скоро на крыльцо вышелъ старичекъ небольшаго роста, худенькій и въ рыжеватомъ парикѣ; онъ подошелъ прямо къ моей каретѣ, поклонился мнѣ очень учтиво и сказалъ, что Алексѣй Петровичъ, къ сожалѣнію, не можетъ меня принять въ настоящую минуту; что онъ нездоровъ, не въ силахъ подняться съ постели и одѣться; но что если я имѣю какую нибудь просьбу, то не угодно ли будетъ мнѣ передать ему (т. е. говорившему со мною старичку), содержаніе моей просьбы, и оно будетъ въ точности сообщено Ермолову, который съ удовольствіемъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее.

Слезы душили меня, голосъ дрожалъ и порывался; но я отвѣчала весьма твердо, что пріѣхала просить Алексѣя Петровича о дѣлѣ, котораго никому другому довѣрить не могу; что я убѣдительно прошу его принять меня и выслушать; что я обезпокою его не болѣе, какъ на пять минутъ; что мнѣ наконецъ все равно, въ постелѣ онъ, или въ гостиной, но я пріѣхала одна, за 300 верстъ, просить Ермолова о своемъ дѣлѣ, и не отъѣду отъ его воротъ до тѣхъ поръ, пока онъ не позволитъ мнѣ съ нимъ переговорить.

Старичокъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и явнымъ участіемъ. —Вы пріѣхали за 300 верстъ? И у васъ есть отецъ и мать?—Да, меня отпустилъ отецъ.—Такъ ваше дѣло очень важное?—Для нашей семьи слишкомъ важное, и помочь намъ можетъ одинъ Алексѣй Петровичъ.

Старичокъ протянулъ мнѣ руку и пожалъ мою.—Успокойтесь, не волнуйтесь такъ; я сейчасъ же передамъ ваши слова Алексѣю Петровичу.

Старичекъ ушелъ, но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ опять стоялъ на крыльцѣ и махалъ рукою моему кучеру. Мы подъѣхали къ дому. Тотъ же старичокъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ, очень привѣтливо пригласилъ въ гостиную, сѣлъ возлѣ меня и спросилъ съ участіемъ: что̀ привело меня къ Алексѣю Петровичу!—Я не желала бы говорить о томъ никому кромѣ самого Ермолова.—Но я и не спрашиваю о сущности вашего дѣла, а хотѣлъ бы только знать, чего именно вы ожидаете отъ Алексѣя Петровича.—Мнѣ нужно его ходатайство у намѣстника Кавказскаго края, князя Воронцова.—Въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть вамъ полезенъ, и вы хорошо сдѣлали, что къ нему обратились. Но я тоже имѣю знакомыхъ, даже родныхъ, на Кавказѣ и былъ бы искренно радъ вамъ служить. Тамъ теперь зять мой Коцебу, да и многіе другіе, которые могли бы имѣть вліяніе на ваше

дѣло.—Благодарю васъ, и если встрѣтится надобность, то воспользуюсь вашимъ предложеніемъ.—Дайте мнѣ вашъ адресъ и возьмите мой. Вѣдь очень можетъ случиться, что вы пожелаете узнать что нибудь поскорѣе. Алексѣй Петровичъ лѣнивъ писать, а я отвѣчу вамъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Онъ записалъ мой адресъ; потомъ на отдѣльномъ листкѣ написалъ и подалъ мнѣ свой: отставной генералъ-маіоръ Романъ Ивановичъ Ховенъ, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Ермолова.—Я старый товарищъ и сослуживецъ Алексѣя Петровича, и мы живемъ вмѣстѣ, пояснилъ онъ мнѣ, пока я читала адресъ.

Въ это время дверь въ гостинную отворилась и вошелъ Ермоловъ. Онъ былъ одѣтъ такъ форменно и такъ тщательно, какъ нельзя было и ожидать отъ больного старика, поднявшагося съ постели, чтобы выслушать незнакомую ему просительницу. Трудно передать привѣтливость и простоту его поклона.

— Честь имѣю представиться — Ермоловъ. Я оробѣла и молча ему поклонилась. Онъ подалъ мнѣ руку.—Милости прошу садиться.

Ховенъ вышелъ. Ермоловъ занялъ его мѣсто возлѣ меня.—Чѣмъ могу служить? спросилъ онъ необыкновенно добродушно.

А я робѣла все болѣе и болѣе. Смѣло ѣхала я къ Алексѣю Петровичу, и мнѣ казалось, что буду также смѣло говорить съ нимъ о братѣ. Пріемъ его долженъ бы ободрить меня, но вышло напротивъ. Очутясь лицомъ къ лицу съ этимъ громаднымъ человѣкомъ, взглянувъ на его суровое лицо, на эту львиную голову, нависшія брови, я оробѣла, сама не зная отчего; у меня явилась страшная мысль: какъ посмотритъ Ермоловъ на дѣло моего брата? У него такая суровая наружность.... что̀ если онъ не знаетъ жалости, если онъ ничего не захочетъ сдѣлать для преступника, для убійцы.... если у него нѣтъ помилованія, а есть одинъ неизмѣняемый, безпощадный законъ!...

Я молчала. Ермоловъ повторилъ свой вопросъ.

— Я.... я.... дочь отставнаго моряка.... меня зовутъ Варвара Михайловна Свѣшникова.... я пріѣхала изъ Смоленской губерніи... просить... о братѣ.

— Прежде всего позвольте предупредить васъ Варвара Михайловна, что вліяніе мое вообще весьма незначительно: я имѣлъ несчастіе впасть въ немилость Государя Императора, а это такое несчастіе, отъ котораго сторонятся всѣ сильные міра. Ко мнѣ пріѣзжали вдовы и сироты любимыхъ товарищей, людей заслуженныхъ, просили хлопотать за нихъ о пенсіи, о помѣщеніи дѣтей, и я никогда, ничего не могъ для нихъ сдѣлать.

— Не о пенсіи, не о помѣщеніи пріѣхала я просить васъ, Алексѣй Петровичъ. Мы не нуждаемся въ матеріальномъ пособіи; напротивъ, мы сами готовы бы все отдать за спасеніе брата, но оно деньгами куплено быть не можетъ.

— Гдѣ же вашъ братъ, и что съ нимъ случилось?—Онъ на Кавказѣ.—Такъ говорите смѣло. На Кавказѣ я дѣйствительно имѣю нѣкоторое вліяніе. Въ чемъ же состоитъ ваша просьба?

Наступила рѣшительная минута. Какъ и что̀ именно я говорила, не помню; помню только, что я взглянула среди разсказа на Ермолова, и вся моя робость мгновенно изчезла: я перестала его бояться, я вдругъ поняла, какая добрая душа подъ этою суровою, хмурою наружностію. Облокотясь на столъ и подпирая голову рукою, Ермоловъ пристально смотрѣлъ на меня. Въ его глазахъ, во всемъ выраженіи лица было столько жалости, такое теплое, человѣческое участіе! Двѣ крупныя, крупныя слезы медленно катились по его щекамъ; онъ ихъ, казалось, не чувствовалъ. Довѣріе и надежда переполнили мою душу. Я замолчала. Ермоловъ тихо взялъ меня за руку, крѣпко, задушевно пожалъ ее и сказалъ мнѣ голосомъ, котораго я никогда не забуду:—Какъ я радъ, дитя мое, что вы просите меня именно о томъ. что̀ я могу для васъ сдѣлать. Посидите здѣсь и позвольте мнѣ отлучиться на нѣсколько минутъ. Я сейчасъ напишу къ князю Воронцову, а вы успокойтесь, утрите глазки и не плачьте: вашъ братъ не погибнетъ, за это я вамъ ручаюсь.

Мнѣ стало такъ радостно, такъ свѣтло на душѣ! У дверей Ермоловъ оглянулся и увидалъ, что я, въ порывѣ благодарности къ Богу, взглянула на образъ и осѣнила себя полнымъ знаменіемъ Креста Онъ улыбнулся, онъ самъ казался вполнѣ счастливымъ въ эту минуту.

Ховенъ, которому Алексѣй Петровичъ вѣроятно успѣлъ сообщить о сущности моей просьбы, вернулся ко мнѣ, заговорилъ о дѣлѣ брата и подтвердилъ, что заступничество Ермолова будетъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на его судьбу.

Алексѣй Петровичъ принесъ мнѣ написанное, но не запечатанное письмо свое къ князю, прочелъ мнѣ его вслухъ, и лицо его все сіяло радостію и добротою. Не могу передать слово въ слово это письмо, но хорошо помню его содержаніе. Тонъ письма былъ самый дружескій, товарищескій, но скорѣе какъ отъ старшаго къ младшему; въ немъ не было ничего просительскаго. Алексѣй Петровичъ объяснялъ, что узналъ о дѣлѣ подпоручика Свѣшникова отъ его сестры, молодой дѣвушки, нарочно пріѣхавшей къ нему въ Москву просить его ходатайства передъ княземъ-намѣстникомъ; что дѣло само по себѣ, конечно преступное, вызываетъ всю строгость закона: но, вникнувъ въ по-

бужденія, такія естественныя въ юношѣ, принимая въ соображеніе молодость, ревность, вспыльчивость преступника и публично нанесенное ему оскорбленіе, нельзя не признать Свѣшникова достойнымъ, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго снисхожденія. «Я не прошу совершенной безнаказанности преступнику и ходатайствую только о смягченіи его участи. Онъ пролилъ кровь и долженъ ее искупить; дай ему возможность собственною кровію омыть свое преступленіе; но не губи юношу безвозвратно, не включай его въ число отве рженниковъ общества». Эти слова остались, какъ мнѣ кажется, очень вѣрно въ моей памяти.

Получивъ запечатанный и подписанный конвертъ, я встала и хотѣла уѣхать.

— Что вы? Ѣхать! Нѣтъ, ужъ это извините, Варвара Михайловна? весело сказалъ мнѣ Ермоловъ. Заѣхали въ хату къ старому солдату, такъ ужъ и солдатскихъ щей милости просимъ съ нами откушать. Обѣдаемъ мы здѣсь рано, по деревенски, столъ уже готовъ, и экипажемъ вашимъ я давно распорядился: лошади отпряжены, и люди ваши обѣдаютъ. Волею-неволею, вамъ придется посидѣть съ нами, стариками

Я осталась, пробыла до вечера, и никогда, ни прежде, ни послѣ того, я уже не проводила такого пріятнаго дня, какъ въ обществѣ этихъ двухъ стариковъ. Бесѣда Ермолова была увлекательна, оживлена, разнообразна. Въ Ховенѣ все дышало добродушіемъ, прямотою, задушевностью. Алексѣй Петровичъ много разсказывалъ о 1812 годѣ, объ императорѣ Александрѣ I-мъ, о Кавказѣ. Объ императорѣ Николаѣ I-мъ онъ говорилъ мало; видно было, что ему тяжело вспоминать о немилости къ нему монарха. Но съ особеннымъ чувствомъ и особенно много говорилъ онъ о государѣ цесаревичѣ Александрѣ II-мъ. Замѣтно было горячее чувство преданности и признательности къ наслѣднику престола. Много поднято было общественныхъ вопросовъ, много смѣялся, шутилъ и острилъ Алексѣй Петровичъ; но все, что говорилъ онъ, было просто, искренно, безъ малѣйшаго притязанія на тонъ авторитета; напротивъ, онъ повидимому, любилъ возраженія, внительно выслушивалъ мои доводы и опроверженія, во многомъ соглашался съ моими взглядами, если находилъ ихъ правильными, хотя и противорѣчившими высказанному имъ самимъ мнѣнію. Словомъ, разговоръ его со мною не имѣлъ вовсе характера превосходства, но былъ простою, задушевною бесѣдою съ человѣкомъ, молодость и полъ котораго не давали ему права относиться небрежно или внушительно къ убѣжденіямъ собесѣдника. Погода была пасмурная и дождливая, мы весь день просидѣли въ комнатахъ; но я не замѣтила, какъ прошелъ этотъ ненастный, но памятный мнѣ день, и только въ 7 часовъ ве-

чера я уѣхала изъ Осоргина. Ермоловъ и Ховенъ проводили меня до крыльца.

Прощаясь со мною, Алексѣй Петровичъ опять подалъ мнѣ руку, и дружески пожимая мою, сказалъ мнѣ самымъ искреннимъ и добродушнымъ голосомъ:—Прощайте, Варвара Михайловна! Надѣюсь, что судьба будетъ къ вамъ справедлива, и вы будете счастливы въ жизни; но если когданибудь вамъ понадобится человѣкъ, искренно готовый вамъ помочь, то вспомните обо мнѣ, а я васъ никогда не забуду. Обращайтесь прямо ко мнѣ въ тяжелыя минуты и будьте увѣрены, что старикъ Ермоловъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Письмо Ермолова было на другой же день отправлено на почту, и я привезла семьѣ утѣшеніе и надежду. Отецъ писалъ къ Алексѣю Петровичу и благодарилъ его за участіе въ нашемъ горѣ.

Около 15-го Сентября я получила отвѣтъ княгини Воронцовой на мое письмо. Она сочувственно отнеслась къ нашему несчастію и обѣщала сдѣлать все возможное для смягченія приговора надъ братомъ. Братъ также писалъ къ намъ и съ недоумѣніемъ разсказывалъ, что княгиня распрашивала о немъ и, узнавъ, что онъ боленъ, прислала къ нему своего медика, освѣдомлялась о его здоровьѣ, присылала даже книгъ для чтенія. «Вообще — писалъ онъ — жизнь моя подъ арестомъ много улучшилась; я чувствую надъ собою чье-то сильное и благотворное вліяніе, но не знаю, кому и чему приписать такое счастіе.

Дѣло его между тѣмъ шло такъ медленно, что въ Октябрѣ я рѣшилась письмомъ спросить Ховена, нѣтъ ли извѣстій съ Кавказа. Романъ Ивановичъ отвѣчалъ мнѣ отъ 22 Октября. Извѣстій съ Кавказа еще не было, что̀ Ховенъ приписывалъ долговременному путешествію намѣстника по Закавказскому краю.

Ходатайство Ермолова не осталось безплоднымъ. Князь Воронцовъ обратилъ особенное вниманіе на дѣло моего брата, разсмотрѣлъ его, и братъ былъ только разжалованъ въ рядовые до выслуги, безъ лишенія правъ званія и состоянія.

Продолжая служить на Кавказѣ уже простымъ солдатомъ, братъ мой постоянно участвовалъ волонтеромъ въ самыхъ опасныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ: въ характерѣ его вообще было много отваги, а теперь ему еще хотѣлось заслужить опять офицерскій чинъ, доказать Алексѣю Петровичу, что онъ былъ достоинъ его заступничества и искупить собственною кровью свое преступленіе. Желаніе его исполнилось. Будучи уже унтеръ-офицеромъ и удостоенный солдатскаго ордена Св. Георгія за храбрость, онъ отправился опять въ экспедицію, возвратясь съ которой былъ бы представленъ къ производству въ офицеры. Не знаю, что̀ было у него на душѣ; но, передъ походомъ, онъ

исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ, простился съ своею прислугою, оставилъ товарищу письмо къ отцу и просилъ переслать ихъ, если его убьютъ. Къ отцу онъ писалъ прощальное письмо и, прилагая множество писемъ къ матери, помѣченныхъ числами впередъ, просилъ отпустить на волю людей бывшихъ у него въ услуженіи и передать всѣмъ намъ его прощальный поцѣлуй. Меня онъ горячо благодарилъ за спасеніе его отъ самоубійства и всѣхъ просилъ молиться о немъ, когда его не станетъ.

Отрядъ вернулся по окончаніи экспедиціи, но брата не было. Слуга его, выпросившій у начальства дозволеніе, и нѣсколько солдатъ, пошли искать его тѣло въ ущелье, гдѣ происходило сраженіе. Нашли его мертвымъ, съ шашкою въ окоченѣвшей рукѣ; около него нѣсколько убитыхъ горцевъ, самъ онъ былъ раненъ двумя пулями, одною въ грудь на вылетъ, другою въ високъ. Тѣло его принесли и погребли по обряду Русскому. Слуги вернулись къ отцу; онъ исполнилъ завѣщаніе покойника, выдалъ имъ отпускную и наградилъ ихъ.

Алексѣй Петровичъ, узнавъ всѣ эти подробности, перекрестился и сказалъ отъ души: «Царство ему небесное! Молодецъ стоилъ участія честныхъ людей, съумѣлъ искупить вину свою и умереть по-солдатски!»

Знакомство мое съ Ермоловымъ продолжалось до его кончины. Я бывала у него, хотя очень рѣдко, и всегда пользовалась самымъ радушнымъ пріемомъ. Два раза въ жизни пришлось мнѣ опять просить его ходатайства. Въ первый разъ онъ избавилъ меня отъ разоренія своимъ вмѣшательствомъ въ мое дѣло, во второй не могъ сдѣлать ничего: исполненіе моей просьбы было выше его вліянія.

Въ годъ кончины Алексѣя Петровича, пріѣзжаю, по обыкновенію, въ началѣ осени въ Москву. До меня доходитъ слухъ о его смерти. Бросаюсь къ его дому (что̀ на Пречистенкѣ), спѣшу поклониться хотя его трупу. У подъѣзда черный катафалкъ, двери отворены. Выбѣжали слуги въ траурномъ платьѣ. На мой вопросъ отвѣчаютъ, что часа два тому назадъ тѣло Алексѣя Петровича повезли для погребенія въ его родовое имѣніе Орловской губерніи *).

Варвара Щепотьева.

---

*) Въ самый Орелъ. П. Б.

ПИСЬМО М. А. МАКСИМОВИЧА КЪ Г. Е. ЩУРОВСКОМУ.

28 Ноября 1871 г., Михайлова Гора.

Около двухъ мѣсяцевъ уже пребывающій и коснѣющій здѣсь, въ видѣнной вами безъ меня Михайлогорской хаткѣ моей, только сегодня, въ день двухъ Григоріевъ, собрался я отозваться къ вамъ, мой единственный Григорій Ефимовичъ. Много усладился я лицезрѣніемъ и слышаніемъ васъ въ Кіевѣ, во время съѣзда естествоиспытателей; величайшую радость доставило мнѣ ваше дружеское благосклонное письмо, усладившее всѣхъ на моемъ юбилейномъ обѣдѣ. За него благодарность моя особливымъ писаніемъ не выражена вамъ, ибо она невыразима, какъ и за всю вашу цѣлымъ полстолѣтіемъ явленную и оправданную дружбу. А вотъ и вновь я насладился печатною бесѣдою вашею Московскою о нашемъ знаменитомъ и заслуженномъ подвижникѣ и труженикѣ естествознанія, Григорьѣ Ивановичѣ *Фишерѣ*. Я любовался вашимъ воспоминаніемъ и сказаніемъ о немъ, истинно превосходнымъ, и только пожалѣлъ, что не зналъ о днѣ юбилейнаго о немъ воспоминанія, также, какъ не зналъ ничего и о юбилейномъ днѣ моего возлюбленнаго историка *Погодина*: не преминулъ бы я почтить и давняго учителя, и стараго товарища своимъ привѣтнымъ, благодарнымъ писаньицемъ... Вотъ невыгода отшельничества моего и разобщенія съ современною жизнію, которая впрочемъ немного теряетъ отъ того, что вдалекѣ отъ нея остается уже запоздалый и обветшалый Михайлогорецъ. За то, все доходящее отъ нея къ его свѣдѣнію, хотя отрывочно, пріемлется и отзывается съ полнымъ сочувствіемъ.

Меня особенно радуетъ ваша неутомимая, неистощимая, широкая дѣятельность, дорогой другъ Григорій Ефимовичъ. Да благословитъ ее Господь полнымъ успѣхомъ!.. Подвизайтесь и возмогайте о Господѣ, во славу Святорусской земли и ея просвѣщенія.

У меня уже положено на сердцѣ, если бы я и пробылъ здѣсь подобно зимоспящему какому-нибудь теплокровному животному, съ наступленіемъ будущей весны, къ исходу Мая, всенепремѣнно быть въ Москву, къ началу этой исполинской политехнической выставки, о которой столь много печалуется многодумная душа моего многоумнаго Московскаго

друга-товарища... Недоумѣваю, какимъ бы вкладомъ означить и мое въ ней, хотя молекулярное, участьице...

Пришло на мысль подарить ея главному поднижнику, тебѣ, милый друже-товарище мой Московскій, *мой украинскій рушникъ*, по старо-украинскимъ узорамъ вышитый мнѣ меньшою сестрой жены моей давненько: да въ часы многотрудной истомы своей отъ попеченій общественныхъ отираешь имъ потъ съ твоего прекраснаго, свѣтлаго, доблестнаго чела... Гляжу на него въ оставленномъ мнѣ на память отображеніи Кіевскаго фотографа и, съ любовью лобызая его, повторяю отъ всего сердца: да благословитъ Господь полнымъ успѣхомъ всѣ твои замышленія и предпріятія!

*

P. S. С. А. Маслову и А. Г. Фишеру прошу передать мой поклонъ, при свиданіи съ ними. Книгу Г. И. *Демидовскій Музей* я подарилъ еще въ 1834 г. Александру Рихтеру, вмѣстѣ съ экземпляромъ *Германской Флоры* Гофмана, ему самому принадлежавшимъ; а его брошюру о *Ямандагѣ* подарилъ я въ Кіевѣ О. М. Новицкому.

Неизмѣнно преданный тебѣ, многолюбящій и глубокоуважающій, старый товарищъ и другъ М. Максимовичъ. *Приписка супруги М. А. Максимовича, Марьи Васильевны:* Кланяюсь и я вамъ. Марья Максимовичъ.

Б. В. УМСКІЙ.

Въ 3-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" 1905 года, на стр. 534 помѣщена наша замѣтка о происхожденіи Умскаго отъ неоглашеннаго брака императрицы Елисаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ Разумовскимъ. Прямой потомокъ Умскаго, поэтъ Я П. Полонскій называлъ намъ его то Умскимъ, то Умовскимъ. Насъ заманило семейное преданіе Полонскихъ, а также и сходство Умскаго въ чертахъ лица съ одною изъ правнучекъ гетмана Кирила Григорьевича Разумовскаго. Замѣтка наша повела къ генеалогическому пререканію. Господинъ К. Г-въ въ „Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ" (выпускъ 1-й) отвергаетъ вѣрность нашей замѣтки. Мы отвѣчали ему (на обложкѣ 6-го выпуска „Русскаго Архива" 1905 года). Константинъ Аркадіевичъ Губастовъ прислалъ намъ по этому поводу нижеслѣдующія строки:

Прочиталъ ваши возраженія на замѣтку К. Г-ва. Нашелъ ихъ интересными, но неубѣдительными.

1) Авторъ „Семейства Разумовскихъ“ [1]) прекрасно зналъ о бракѣ Елисаветы и приводитъ депешу Саксонскаго резидента Пецольда, съ указаніемъ даты и мѣста вѣнчанія въ Перовѣ, осенью 1742 г. (стр. 19).

2) Отчего Умскаго, если онъ былъ сынъ Разумовскаго, назвали Васильевичемъ, а не Алексѣевичемъ?

3) Будучи сыномъ Разумовскаго, онъ долженъ былъ бы называться Умовскимъ, а не Умскимъ. Хотя вы называете Богдана Васильевича безразлично Умовскимъ *или* Умскимъ, но это далеко не одно и тоже, и смѣшивать эти прозванія мы не имѣемъ права.

4) Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 г. I, 72, говорится о побочной *дочери* гр. Алексѣя Григорьевича, Александрѣ Богдановнѣ *Умской*, а вы ее теперь производите въ его *внучку*.

5) У этой Александры Богдановны Умской была (должно полагать) сестра Марія Богдановна *Умская*, первая жена князя Петра Александров. Волконскаго (№ 352 къ Родословной князей Волконскихъ). Въ семействѣ Волконскихъ не сохранилось однако преданія о высокомъ происхожденіи этой княгини.

6) По замѣткѣ Найденова (Р. Арх. 1905, VII) выплываетъ на сцену еще новый Иванъ Васильевичъ Умскій, тоже опекунъ Воспитательнаго дома (уже 2-й сынъ Разумовскаго отъ Елисаветы!)

7) Я не могу допустить, чтобы Васильчиковъ, посвятившій много лѣтъ на занятіе „Семействомъ Разумовскихъ“, не стѣснявшійся опубликовать всѣ добытыя имъ свѣдѣнія о многочисленныхъ побочныхъ дѣтяхъ Разумовскихъ, не зналъ бы или умолчалъ о дѣтяхъ главнѣйшаго представителя рода.

Я совершенно съ вами согласенъ, что почтенный и скромный Яковъ Петровичъ [2]) вовсе не желалъ хвастать своимъ происхожденіемъ; но мать его могла имѣть хвастливую жилку, а сынъ принялъ на вѣру недоказанное и неосновательное преданіе“.

*

Съ позволенія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Михаиловича приводимъ здѣсь изъ его изданія „Русскіе Портреты“ біографію Умскаго, составленную по вновь открытымъ показаніямъ. П. Б.

Богданъ (Иванъ) Васильевичъ Умскій, 17—1780, по довольно распространенному, но хронологически совершенно-неправдоподобному преданію, считается побочнымъ сыномъ Разумовскаго (и императрицы Елисаветы). Ни года его рожденія, ни какихъ либо свѣдѣній о его дѣтствѣ намъ неизвѣстно. Только 15 Февраля 1738 г. Умскій подалъ въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ писалъ: „Отецъ мой былъ природою Польской націи, гор. Хвастова шляхтичъ, и умре въ давнихъ годахъ, а послѣ его остался я въ малыхъ лѣтѣхъ и обучился грамотѣ и писать при родственникахъ моихъ, а нынѣ я обрѣ-

---

[1]) А. А. Васильчиковъ.

[2]) Полонскій.

таюсь празденъ и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣленъ. И желаю быть въ Сенатѣ копіистомъ, а о состояніи моемъ свѣдомъ фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкаго секретарь М. И. Воейковъ". Послѣ этого онъ былъ опредѣленъ писаремъ къ князю Трубецкому (отцу И. И. Бецкаго). Позднѣе Умскій перешелъ въ военную службу и въ 1749 г. былъ поручикомъ Ингерманландскаго пѣх. полка; 14 Декабря 1753 г. произведенъ въ капитаны въ Эстляндскомъ полку, а въ 1754 г. переведенъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ. Въ 1763 г. онъ былъ надворнымъ совѣтникомъ и 23 Октября этого года, при назначеніи опекуномъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ (открытый 21 Апрѣля 1764 г.), произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ Москвѣ онъ жилъ въ своемъ домѣ, въ приходѣ церкви Ильи Пророка, на Воронцовомъ полѣ. Умскій прослужилъ опекуномъ до 2 Апрѣля 1775 г. когда оставилъ службу, къ великому огорченію Бецкаго, съ которымъ былъ въ дружбѣ и въ постоянной перепискѣ. При этомъ Умскій имѣлъ полное право сказать про свои „старанія и труды" по Воспитательному дому, что „въ томъ его усердіе и горячность чрезъ десятилѣтнее время не погасли". Въ то время, какъ другіе опекуны уѣзжали въ отпускъ и не являлись въ засѣданія, Умскій неустанно работалъ, привлекая жертвователей. Чрезъ него дѣвица Марѳа Дмитріевна Кашкадамова пожертвовала деньги, а въ 1771 г. домъ; благодаря ему, былъ „пріобрѣтенъ извѣстный благотворитель" Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, который былъ близкимъ пріятелемъ Умскаго и заѣзжалъ къ нему въ Декабрѣ 1772 г. поздравить съ рожденіемъ дочери. Демидовъ жертвовалъ не только деньгами, но постоянно что-нибудь строилъ или ремонтировалъ, самъ ходилъ по работамъ, и Умскій любовался, „что работа у него течетъ, какъ вода". Демидовъ пожертвовалъ Воспитательному дому „кабинетъ курьезныхъ вещей", а Умскій старался поскорѣе открыть его для публики, чтобы кабинетъ приносилъ доходъ и чтобы „не огорчить" Демидова; въ тоже время онъ хлопоталъ о портретѣ щедраго жертвователя: „Пр. Ак. Демидова патретъ имѣть въ Совѣтѣ должны; какъ то сдѣлать не знаемъ, да къ тому жъ и писать некому. Рокотовъ одинъ, за славою сталъ спѣсивъ и важенъ. Ежели бы изволили (т. е. Бецкій) прислать, многіе могли бы свое удовольствіе имѣть, да и тотъ могъ быть авантаженъ". Умскій усердно заботился о порученыхъ ему питомцахъ, старался улучшить помѣщенія ихъ и содержаніе, указывалъ на „великую духоту" отъ нечистоты въ зданіи и любовался воспитанниками, замѣчая, что „безъ пристрастія имѣемъ такихъ дѣтей въ ихъ поступкахъ, ласкѣ и во всѣхъ обхожденіяхъ завидныхъ и прилежныхъ, а при томъ изъ себя видныхъ, что и желать больше не можно". Онъ трудился не за отличія, которыхъ не получалъ, а изъ любви къ дѣлу. „Писать изволите" говоритъ онъ въ письмѣ съ Бецкому, „опекунамъ жалованье будетъ, то остается въ соизволеніи, и только ежели изъ суммы Воспитательнаго дома, о другихъ не знаю, а о себѣ отвѣчаю, что оное получать изъ сироцкой суммы неприлично".

Умскій скончался 11 Сентября 1780 г.; онъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Плавильщиковой (†до 1762 г.), богатой Рязанской помѣщицѣ, отъ которой онъ имѣлъ 2 сыновей: Николая

и Ивана (†до 1781 г.) и 4 дочерей: Авдотью (за прапорщикомъ Ив. Вас. Шокуровымъ), Александру (за надв. сов. Я. О. Кафтыревымъ, бабка поэта Полонскаго), Екатерину (дѣвицу) и Анну (за М. М. Тургеневымъ). Николай Богдановичъ, премьеръ-маіоръ (†14 Марта 1809 г.), похороненъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ; рядомъ съ нимъ погребена его сестра надворная совѣтница Анна Богдановна Тургенева (р. 10 Апрѣля 1759 г., въ замужествѣ съ 20 Сентября 1775 г., †8 Ноября 1798 г.). Вторая жена Умскаго, Марья Ивановна, (фамилія неизвѣстна), овдовѣвъ, вышла за надв. сов. Вас. Андр. Евреинова. Отъ Умскаго у нея было 4 дочери: Марія (въ 1796 г. за ст. сов. кн. П. А. Волконскимъ), Елисавета (съ 1787 г. за тит. сов. Дм. Вл. Дружининымъ), Софья и Варвара.

На портретѣ Умскаго, на рамѣ, надпись: P. Levicki anno 1770", а на оборотѣ написано: „1770 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, писанъ въ С.-Петербургѣ". Портретъ находится въ Воспитательномъ домѣ въ Москвѣ.

ОПИСКИ ПУШКИНА.

Въ I-мъ выпускѣ „Русск. Архива" настоящаго года (стр. 328) В. Я. Брюсовъ указалъ и объяснилъ одну описку Пушкина, относящуюся къ 1832 г. Съ легкой руки г. Брюсова я могу указать еще нѣсколько описокъ сдѣланныхъ Пушкинымъ. На нихъ нужно обратить вниманіе для того, чтобы онѣ не вводили въ заблужденіе издателей и біографовъ поэта. Къ тому же ихъ совсѣмъ немного: Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, очень точенъ и внимателенъ, и слѣды lapsus calami въ его бумагахъ попадаются сравнительно рѣдко.

21-мъ *Ноября* помѣчено и къ 1826 г. относится письмо Пушкина изъ Москвы къ Н. М. Языкову. Дата мѣсяца представляется мнѣ невѣрною по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ началѣ Ноября Пушкинъ поѣхалъ въ Михайловское; по дорогѣ, 3 Ноября, онъ писалъ изъ Торжка княгинѣ В. Ѳ. Вяземской [1]). Въ Михайловскомъ онъ окончилъ 15 Ноября написанную по высочайшему повелѣнію „Записку о народномъ воспитаніи". 19 Ноября княгиня В. Ѳ. и князь П. А. Вяземскіе писали ему изъ Москвы [2]). 22 Ноября А. Х. Бенкендорфъ просилъ Псковскаго губернатора Б. А. фонъ-Адеркаса доставить поэту („отправившемуся изъ Москвы въ ввѣренную вамъ губернію") письмо шефа жандармовъ отъ того же дня [3]). 29 Ноября Пушкинъ писалъ

---

[1]) Письмо это будетъ вскорѣ опубликовано въ I томѣ редактируемаго В. А. Сайтовымъ академическаго изданія переписки Пушкина.

[2]) Письмо княгини будетъ вскорѣ опубликовано въ I томѣ редактируемаго В. И. Саитовымъ академическаго изданія переписки Пушкина, а сдѣланная княземъ приписка къ этому письму напечатана уже давно („Рус. Арх." 1879 г., II, 479, № 9).

[3]) „Дѣла III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ", СПБ., 1906, стр. 18.

М. П. Погодину и А. Х. Бенкердорфу изъ Пскова. 9 Ноября онъ даетъ знать князю П. А. Вяземскому: „буду у васъ къ 1-му“, а 1 Декабря пишетъ ему же: „ѣду къ вамъ и не доѣду“ и упоминаетъ о своемъ пребываніи въ деревнѣ и въ Псковѣ. Тогда же, 1 Декабря, онъ писалъ изъ Пскова В. П. Зубкову: „il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village“; такимъ образомъ, онъ выѣхалъ изъ деревни 25 или 26 Ноября. Ясно, что быть *21 Ноября* въ *Москвѣ* онъ никакъ не могъ. Въ Псковѣ Пушкинъ получилъ письмо Н. М. Языкова, не дошедшее до насъ, и отвѣчалъ Языкову, какъ видно изъ извѣстнаго намъ отвѣта, лишь по возвращеніи въ Москву („пишу изъ Москвы“, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ). Это-то письмо и носитъ помѣтку: „21 *Ноября*“. Нельзя сомнѣваться, что въ этомъ случаѣ поэтъ ошибся и вмѣсто *Декабря* поставилъ Ноябрь. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Брюсовъ [1]), „люди пишущіе много писемъ привыкаютъ въ теченіе мѣсяца писать одно и тоже названіе и забываютъ съ 1 числа замѣнить его другимъ. Письмо къ Языкову писано, конечно, 21 *Декабря*. Пушкинъ пишетъ Языкову, что пріѣхалъ въ Москву „вчера,“ значитъ, 20 Декабря. Правильность этой даты подтверждается еще однимъ указаніемъ,. находящимся въ извѣстномъ изслѣдованіи Н. П. Барсукова о Погодинѣ [2]) Мнѣ уже приходилось отмѣчать эту ошибку, но вскользь и безъ подробной мотивировки [3]).

По словамъ В. Е. Якушкина, изучавшаго хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ рукописи Пушкина съ большимъ вниманіемъ, подъ относящимся къ 1827 году черновымъ наброскомъ: „Земли достигнувъ наконецъ.“ находится Пушкинская помѣта: „31 Іюня“ [4]). Такъ оно помѣчено и въ новомъ изданіи П. О. Морозова, выпускаемомъ книгоиздательствомъ „Просвѣщеніе“ [5]). Въ Іюнѣ всего 30 дней, слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ дѣло либо съ ошибкою г. Якушкина, не разобравшаго одной буквы, либо съ опискою самого поэта, и стихотвореніе нужно отнести къ 31 Іюля. Описка Пушкина исправлена въ изданіи Литературнаго фонда [6]) и въ новомъ изданіи П. А. Ефремова, выпущенномъ А. С. Суворинымъ [7]). На эту описку уже было сдѣлано указаніе въ моей работѣ „Труды и дни Пушкина“ [8]).

Въ черновой рукописи „Путешествія въ Арзрумъ“, хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ, находится замѣтка поэта: „18 Іюня. Арзрумъ; Карантинъ; обѣдъ у гр. Паскевича...“ Такъ напечатано и въ сдѣланномъ г. Якуш-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) „Жизнь и труды М. П. Погодина“, II, 67.
[3]) „Новое изданіе Пушкина“ („Историч. Вѣстн.“ 1905 г. Іюнь, 957).
[4]) „Русс. Старина“ 1884 г., Іюнь, 536.
[5]) Т. II, стр. 64.
[6]) Т. II, стр. 26; т. VII, стр. IX.
[7]) Т. II, стр. 122.
[8]) М., 1903. стр. 58.

никомъ описаніи Румянцевскихъ рукописей поэта [1]), и во всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ произведеній Пушкина. Если это не ошибка изслѣдователей (трудно, конечно предположить опечатку во всѣхъ изданіяхъ), то и здѣсь мы встрѣчаемся съ опискою самаго Пушкина. Арзрумъ былъ занятъ Русскими войсками 27 Іюня, а 18 Іюня Пушкинъ находился при войскахъ, подвигавшихся съ позиціи при рѣкѣ Инжа-су къ рѣкѣ Хункеръ-су [2]). Дата же: 18 Іюля вполнѣ соотвѣтствуетъ всему ходу событій жизни Пушкина въ разсматриваемый періодъ.

27 Февраля 1834 г. Пушкинъ обратился къ графу А. Х. Бенкендорфу съ письмомъ, въ которомъ просилъ его дать знать М. М. Сперанскому о высочайшемъ соизволеніи, чтобы „Исторія Пугачевскаго бунта“ была напечатана въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему казенныхъ типографій [3]); Царь велѣлъ отпечатать „Исторію“ въ типографіи II Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. 4 Марта Л. В. Дуббельтъ, по порученію Бенкендорфа, сообщилъ Пушкину, въ отвѣтъ на его письмо къ шефу жандармовъ, что Сперанскому дано знать о высочайшей волѣ касательно печатанія „Исторіи“ [4]). Извѣщая Дуббельта, что его письмо получено, Пушкинъ помѣтилъ свое письмо къ нему 5-го Февраля [5]). Очевидно, и здѣсь Пушкинъ сдѣлалъ описку, поставивъ 5 Февраля вмѣсто 5 Марта.

Н. Лернеръ.

---

[1]) „Русс. Старина“ 1884 г., Ноябрь, 347.

[2]) „Сочин. Пушкина“, изд. Литер. фонда, т. IV, стр. 438; „Русс. Старина“ 1884 г. Ноябрь, 373; „Кавказская поминка о Пушкинѣ“, Тифлисъ, 1899 г., стр. 63.

[3]) „Сочин. Пушкина“, изд. А. С. Суворина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VII, № 439; „Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ“, Спб., 1906, стр. 247. Копію этого письма, отъ 26 Февраля, см. въ книгѣ Н. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб., 1903, стр. 92).

[4]) „Письма Пушкина и къ Пушкину“, подъ ред. В. Брюсова, М., 1903, стр. 75—76; „Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ“, Спб., 1906, стр. 251.

[5]) „Сочин. Пушкина“, изд. А. С. Суворина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VII, № 441; „Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ“, Спб., 1906, стр. 252.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1906 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

321. Никаноръ, архіепископъ Херсонскій въ своихъ автобіографическихъ запискахъ Статья **А. А. Титова.**

353 и 495. Записки **архіепископа Херсонскаго Никанора Бровковича** о Святѣйшемъ Синодѣ. 1887.

81. Изъ Записокъ **Леонида** архіепископа Ярославскаго. 1857.

563. Каѳедра технологіи и технической химіи въ Московскомъ Университетѣ, съ біографіями М. Я. Киттары, И. П. Архипова и И. И. Канонникова. Статья **Н. Н. Любавина.**

91 и 449. Николай Павловичъ Боголѣповъ. Съ портретомъ. Статьи **Е. А. Боголѣповой.**

579. Рѣчь **Н. П. Боголѣпова** студентамъ Московскаго Университета.

307. Записка о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи. (А. А. Абазы?) 1881.

445. Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 года.

496. Поправка о засѣданіи 8 Марта 1881 года.

126. Письмо **Л. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому. 1823.

636. Описки Пушкина. Замѣтка **Н. О. Лернера.**

272. Письма къ Я. К. Гроту: **И. С. Аксакова, С. И. Барановскаго,** и **С. П. Шевырева** съ приложеніемъ письма **Ю. Ѳ. Самарина** къ **А. К. Жизневскому.**

632. Письмо **М. А. Максимовича** къ Г. Е. Щуровскаму.

127. Изъ неизданныхъ стихотвореній **Н. О. Щербины** (Сообщено **Н. О. Лернеромъ**).

496. О народномъ образованіи въ деревнѣ. **Л. Е. Баратынскаго.**

602. О второмъ томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина.

281. Библіографія сочиненій А. П. Чехова. Составлена **И. Ф. Масановымъ.**

605. Великорусскія фамиліи, происхожденіе ихъ. **А. Балова.**

Внутри сорочекъ: о Сборникѣ документовъ Музея графа М. Н. Муравьева-Виленскаго.—По поводу біографіи княгини Ловичъ.—О распечатаніи старообрядческихъ алтарей.—О М. Г. Черняевѣ.—Объ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича "Русскіе портреты".

два раза въ году (въ дни памяти и вступленія на престолъ нашихъ государей) колѣнопреклоненно молитъ Бога Русскій народъ: „Сотвори его злодѣямъ страшна", и при неизбѣжной строгости въ пріемахъ власти достигла она того, что ея кончину оплакивали даже въ отдаленной Уфѣ (свидѣтельство С. Т. Аксакова), и мы знали людей, которые, произнося ея имя, подымались съ мѣста.

Пристрастно изображенъ и графъ А. Н. Самойловъ, написавшій біографію своего дяди кн. Потемкина (при бракосочетаніи котораго съ Екатериною читалъ онъ Апостолъ, о чемъ вспоминалъ на старости лѣтъ, перебирая, въ присутствіи графа В. П. Орлова-Давыдова, свои бриллiанты и остановившись на пряжкахъ, подаренныхъ ему въ память этого событія). О Зоричѣ не сказано, что Екатерина восхитилась его отвагою,когда онъ находился у Турецкаго султана въ плѣну, а также о томъ, что, принимая у себя въ Шкловѣ Государыню, онъ устроилъ для нея спальню точно такую же, какъ въ Зимнемъ дворцѣ.— Къ біографіи лейбъ-кучера Ильи Байкова надо прибавить черту, переданную намъ Севастопольцемъ Дмитріемъ Васильевичемъ Ильинскимъ. Байковъ былъ изъ крѣпостныхъ его дѣда, извѣстнаго силача Лукина, у котораго дѣла разстроились, и Байковъ платилъ свои деньги за воспитаніе въ Петербургѣ дѣтей бывшаго своего барина, Орловскаго помѣщика.

При такой многосложной работѣ, какъ изданіе Русскихъ Портретовъ, почти неизбѣжны нѣкоторые промахи. Такъ на портретѣ первой жены князя Лопухина означенъ 1801 годъ, тогда какъ она скончалась еще въ предъидущемъ столѣтіи. Лопухинъ получилъ княжество не въ коронацію Павла Петровича, а послѣ того какъ, во второй свой пріѣздъ въ Москву, Государь, какъ рыцарь, выбралъ себѣ дамою сердца дочь Лопухина, которая, посвидѣтельству Александра Павловича (см. въ „Архивѣ Князя Воронцова", письмо кн. В. П. Кочубея) и оставалась только дамою сердца. Про В. С. Попова сказано, что онъ пожалованъ въ тайные совѣтники 22 Іюня 1807 года послѣ Тильзита, тогда какъ Тильзитскій миръ заключенъ 27 Іюня (въ день Полтавской баталіи, что было не безъ умысла со стороны Наполеона и о чемъ наши уполномоченные не догадались). Сомнителенъ для насъ портретъ Грибоѣдова. Не таковъ онъ былъ по характернымъ стихамъ знавшаго его лично Баратынскаго: „Взгляни на ликъ холодный сей".

„Изданіе Русскихъ портретовъ" имѣетъ значеніе и для физіологіи: иногда основныя, иногда мелкія черты лица повторяются въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Конечно тутъ сходство зыбкое; но напр. покойная С. Н. Батюшкова походила на гр. З. Г. Чернышева, который былъ братомъ ея прадѣда. Княгиню А. Н. Голицыну (ур. княжну Мещерскую) напоминаетъ портретъ ея прапрадѣда графа П. И. Панина. Этотъ такъ называемый атавизмъ дѣло бѣдовое и дающее возможность приходить къ одностороннимъ выводамъ. Держась его, можно обращать родословія въ штутенбухи. И не однѣ черты лица, а добродѣтели и пороки бываютъ наслѣдственны.

Посильно трудясь надъ подобнаго рода разысканіями, уже слишкомъ полвѣка, долженъ и я покаяться, что не всегда оставался вѣренъ завѣту, преподанному мнѣ незабвеннымъ Т. Н. Грановскимъ (который въ концѣ жизни занимался новѣйшею Русскою исторіею): „къ отшедшимъ дѣятелямъ надо относиться съ тѣмъ же чувствомъ, которое испытываетъ порядочный человѣкъ при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ". П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкою и доставкою, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Перемѣняя адресъ на новый, надо высылать прежній. За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30; при перемѣнѣ же городскаго на иногородный—90 к. (по цѣнамъ Почтамта).

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р;. годы 1898—1905 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.